

Н.С.ХРУЩЕВ
ВОСПОМИНАНИЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Н.С.ХРУЩЕВ

**ВРЕМЯ
ЛЮДИ
ВЛАСТЬ**

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ

1999 г.

УДК 882 (08)
ББК 66.3 (2 Рос) 8
X 95

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Хрущев Н.С.

X 95 **Время. Люди. Власть.** (Воспоминания в 4-х кн.).

М.: Информационно-издательская компания «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»,
1999. — 728 с.: илл.

ISBN 5-900036-07-3(кн.4)

ISBN 5-900036-04-9

Воспоминания принадлежат видному политическому деятелю СССР, занимавшему в течение десятилетий ведущие партийные и государственные посты в Москве, на Украине и в СССР. Период с 1953 по 1964 г. в истории СССР связан непосредственно с личностью первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева. Много лет работавший со Сталиным, хорошо знавший его, он первым решительно пошел на вскрытие тоталитаризма, разоблачение культа личности Сталина и его последствий, стремясь обновить коммунизм как идею. Н.С.Хрущев стал очевидцем и участником ряда крупных исторических событий, встречался со многими президентами и другими видными деятелями США, Китая, Великобритании, Франции, Германии, Индии, Египта, Польши, Венгрии, Болгарии и др., о чем интересно рассказывает в своих воспоминаниях.

ББК 66.3 (2 Рос) 8

В книге использованы фотографии из РГА кинофотодокументов,
Московского государственного архива документов
на специальных носителях,
фотохроники ИТАР-ТАСС, архива семьи Хрущевых,
фотоархива П.М. Кримермана и ряда зарубежных агентств.

ISBN 5-900036-07-3(кн.4)
ISBN 5-900036-04-9
ББК 66.3 (2 Рос) 8

© ИИК «Московские новости», 1999 г.
© Н.С.Хрущев, текст, 1999 г.
© Р.Аджубей, В.Евреинов, С.Хрущев
(правообладатели), 1999 г.
© Составление, документы,
примечания, комментарий.
© Г.Максименков, оформление.

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге Н.С. Хрущев много внимания уделяет целине, своему детищу. Поколение целинников помнит первую борозду и первый целинный урожай, совершенно неустроенный быт и возлагавшиеся надежды на целину, которая все решит: будет у людей не только хлеб, но и мясо, молоко и масло.

В развитие сельского хозяйства, и особенно в целину, глава государства вкладывал много энергии и души. Он «мотался» по всей стране и не один раз оказывался среди целинников. Он вникал в технологию обработки земли и севооборотов, привлекал внимание ученых и целых институтов к проблеме освоения новых земель.

Н.С. Хрущев проводил пленумы ЦК и совещания, выступал с докладами в Алма-Ате и Ташкенте, в Киеве, Целинограде и Ленинграде, проносил зажигательные речи. В своей личной деятельности, в работе государственных и партийных органов он видел главное: усиление агрономической и зоотехнической помощи селу, улучшение работы МТС и других сельскохозяйственных органов и, как следствие, повышение урожайности, дальнейшее развитие животноводства, а значит, улучшение жизни людей. Эти же цели преследовала и его идея освоения залежных земель в Казахстане и Сибири.

Вспоминая свою целинную молодость, Н.С.Хрущев рассказывает о самых невероятных хозяйственных ситуациях, анализирует события и факты тех лет и приходит к печальному заключению: прилавки магазинов все же оставались пустыми. Он называет многие причины, перечисляет упущенные возможности и выгоды, упоминает и факторы международной политики, которые отвлекали силы и средства на оборону и на безвозмездную помощь другим государствам. Автор воспоминаний касается и того, что в верхних эшелонах власти по проблемам целины не было полного единодушия.

Конечно, как явствуют многие вновь открытые архивные документы, не было и глубоко продуманной стратегии и точно просчитанной, выверенной тактики как у самого правительства, так и у тех хозяйственных органов, которые должны были осуществить прекрасный, на первый взгляд, замысел лидера страны. Не надо при этом забывать, что став у руля государственной власти, Н.С. Хрущев получил в наследство десять миллионов заключенных в тюрьмах и лагерях и более чем пяти-миллионную армию.

Об обороне страны и проблемах армии Н.С. Хрущев рассказывает в

VIII — последней части своих воспоминаний. Он подробно останавливается на том, как СССР удалось тогда при обессилившей после войны экономике первым в мире создать такую баллистическую ракету, которая вывела на околоземную орбиту космический спутник. Благодаря конструктору ракет С.П. Королеву первым оказался в космосе и военный летчик Юрий Гагарин. Прошло немного времени — и приоритет в космических исследованиях все больше и больше становился привилегией США. Экономика СССР не выдерживала такой бешеной нагрузки.

Касаясь самых разных военных вопросов, рассказывая о значении для армии танков и пушек, самолетов и ракет, современных военнотранспортных средств, Н.С. Хрущев, имевший богатый личный опыт второй мировой войны, понимал, что будущее — за ракетами. И им отдавал много сил и энергии.

Ему пришлось немало поспорить с военными моряками, учеными и конструкторами, прежде чем решился вопрос: что должно стать олицетворением будущей армии — мощные атомные подводные лодки или крейсеры? После смерти Сталина Н.С. Хрущев восстановил в должности опального адмирала Кузнецова. Но когда тот пошел против подводного флота, он, хотя и с болью, но расстался с ним.

Страницы воспоминаний, повествуют о многих ученых, которые работали в первую очередь на армию, таких как Курчатов, Королев, Сахаров, Туполев, Капица, Келдыш. С ними у главы государства были дружески-деловые отношения.

Созданию боевой техники, вооружению и разоружению в воспоминаниях уделено серьезное внимание, что совсем не случайно. От поведения двух сверхдержав, СССР и США, двух противоборствующих политических систем зависело общее благополучие на Земле. Власть и военные, как видно из воспоминаний, находились на близком расстоянии, и глава государства был посвящен в самые глубокие военные тайны.

До самых последних дней Н.С. Хрущеву не давало покоя то, что маршал «Жуков, отстраненный им же от всех дел, томился в одиночестве». В конце своих воспоминаний, в главе «Несколько слов о власти, о Жукове, Малиновском и других», он во второй раз обращается к этой теме. Наверное, ему хотелось быть понятым чисто по-человечески, и он откровенно рассказывает, как к нему приходили военные и плохо отзывались о Жукове, говорили о его «бонапартистских» замашках, стремлении подмять под себя кого угодно, пугали, что он «движется в направлении военного переворота...»

В приложении к 3-й книге воспоминаний в разделе «Документы» публикуется письмо Г.К. Жукова в ЦК КПСС, хранящееся в Российском государственном военном архиве и датированное мартом 1965 г., в котором он пишет, что Н.С. Хрущев перед отпуском в октябре 1964 года звонил ему и после непродолжительного разговора сказал: «Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха — встретимся и по-дружески поговорим».

Из отпуска он возвращался не по своей воле. Намеченная встреча Хрущева и Жукова, как известно, не состоялась.

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VII

КАК СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ

СТРОИТЬ БОЛЬШЕ И КАЧЕСТВЕННО

Никакими строительными делами в свои ранние годы я не занимался. Вообще у квалифицированных рабочих-металлистов России отношение к строительству было несколько высокомерное. Оно возникло, видимо, вследствие примитивного уровня строительной техники в дореволюционное время. Известь, глина, кирпич, лопата, топор — вот главные материалы и инструменты строительного дела той поры. Металлисты по уровню их техники были более передовыми. Строительные работы — удел деревенских людей. Выходцы из деревни становились каменщиками — кладчиками стен, плотниками, столярами. Работа столяра считалась у строителей более квалифицированной, а те, которые строили дома: клали стены из кирпича и выполняли плотницкие работы, по-прежнему считались «деревней». Классовое самосознание у них было тоже не на высоком уровне. Они нередко подвергались насмешкам со стороны квалифицированных рабочих, редко участвовали или почти не участвовали в забастовках и не понимали, зачем они нужны. Когда все-таки рабочие-строители начали бастовать, появился такой анекдот: пришли они к хозяину и говорят: «Барин, мы бастовать будем». — «Зачем?» — «Затем, что не станем работать». — «А чего же вы хотите?» — «Требуем, чтобы или рабочего дня прибавить, или жалованье убавить». То есть они слышали, что квалифицированные рабочие борются по поводу рабочего дня и заработной платы, но говорят по своей темноте наоборот. Хозяин отвечает: «Ребята, дня я прибавить не могу, это от Бога зависит, он установил день и ночь. А вот жалованье убавить могу». «Спасибо, барин!»

Такой анекдот рассказывали о деревенских людях, которые приходили в город на заработки. Как правило, то были сезонные рабочие, да и строительные работы велись посезонно. А вот другой анекдот, тоже гулявший в свое время. Один строитель наверху кла-

дет кирпичи, второй подает их снизу. Верхний кричит: «Ванька, давай материал!» — «Какой еще материал?» — «Ведро с водой». — «Нету его, корова пришла и выпила». В пролетарской среде, где прошла моя юность, большим авторитетом пользовались профессии металлистов — слесарей, токарей, металлургов. Я избрал профессию слесаря. К строительному делу в какой-то степени приобщился только после гражданской войны, когда работал секретарем райкома и потом заведовал орготделом окружного комитета партии. В Советской России начались восстановительные работы. В глубь этого дела я не вникал, считая его примитивным. Техника и материалы оставались теми же. Культура и технический уровень строительства нарастали медленно.

Учась в Промышленной академии, я поступил на факультет черной металлургии. Потом создали строительно-промышленный факультет, ректором которого стал старый большевик Каминский. Недавно позвонила его жена и поздравила меня с днем рождения, а заодно напоявила о тех годах, которые я провел в Промышленной академии. Каминского, по сравнению с нами, мы тогда уже считали стариком. Впоследствии он разделил судьбу многих старых большевиков, был уничтожен. Его супруга отсидела ни за что много лет как жена «врага народа». Я относился к ее мужу с большим уважением, а когда меня избрали секретарем партийной организации Промакадемии, мне приходилось часто с ним встречаться по нашим академическим делам. Касалось это и специализации, потому что после организации строительно-промышленного факультета ЦК партии принял решение о переводе туда студентов с других факультетов — индустриального, металлургического и текстильного. Сначала обратились с вопросом: «Кто добровольно желает?» Я не помню, чтобы на нашем факультете оказались желающие, равно как и на других факультетах. Пришлось переводить людей по партийной линии и объявить дополнительный набор.

Вот как тогда относились к строительному делу, в том числе и я: фактически по-прежнему. Тут я проявлял непонимание его важности. И только когда я в 1932 году стал работать вторым секретарем Московского городского партийного комитета, то с того времени и далее, вплоть до конца своей партийной и государственной деятельности, волею судьбы приобщился к строительному делу. Возведение жилищ и предприятий, налаживание коммунального хозяйства, прокладка дорог, строительство московского метрополитена — все это оказалось в нашей жизни настолько острым, что меня оно засосало и увлекло. Но увлекало не строительное дело само по себе, а новый вид деятельности. Ведь сооружение новых

предприятий и организация службы быта — это конкретное выражение ленинских идей строительства социализма. Оно заключается не только в изучении теории. Социализм привлекателен тем, что должен давать материальные блага трудящимся. Социализм — общественный строй, ставящий на первый план интересы трудящихся. Без материальных вещей нет и социализма. Поэтому-то рабочий класс и является главным двигателем борьбы со старым обществом за новый, социалистический строй. Мое конкретное приобщение к строительству выражалось тогда в решении оргвопросов при создании заводов, фабрик, жилищ, бытовых учреждений, школ, больниц — всего того, в чём нуждается каждый человек.

Этот вид моей деятельности усложнялся по мере того, как я последовательно становился вторым секретарем Московского горкома ВКП(б); вторым секретарем Московского обкома; первым секретарем горкома и обкома партии. На XVII съезде ВКП(б) меня избрали членом ее ЦК. Для меня участие в индустриализации страны стало увлекательной, причем конкретной работой, я ее полюбил и отдавался ей без остатка. У меня не было никакой другой жизни, кроме партийной работы. Я занимался формированием парторганизаций, нацеливал их на решение задач строительства социализма. А строительство все еще опиралось на достаточно примитивную технику. Если сейчас действуют башенные краны, то тогда мы пользовались «козой», это такое приспособление: оно набрасывалось на плечи, а на доску, которая располагалась на спине, клали стройматериал. Получалась тяжелая ноша. Человек, согнувшись и держа за ручки «козу», брел по сходням, как на корабле, с этажа на этаж, транспортируя кирпич, известковый или цементный раствор. Таковы были наши подъемные средства. Потом мы стали устраивать простейшие подъемники: поднимали груз на верхние этажи элементарными механическими средствами вроде лебедки.

Однако, независимо от этого, работа сама по себе была увлекательна тем, что ты сразу видел: построили новый дом и предоставляем людям квартиры. Правда, они тотчас переполнялись жильцами, так как жилья строилось мало. Деньги направлялись в основном на возведение промышленных предприятий. Без этого строй, рожденный Октябрем, не смог бы укрепиться в капиталистическом окружении. В Москве стали строить огромный автозавод там, где прежде стояли мастерские; завод шарикоподшипников, «Нефтегаз», «Фрезер», авиационный завод, ЦАГИ. Даже не могу перечислить все то, что тогда возводилось. Люди жили в примитивных условиях, но с энтузиазмом принимали участие в строительстве. Потом началось строительство метрополитена. Оно меня всего ув-

лекло. Я уходил домой с работы через шахты метро и на работу приходил через метро — мне было поручено курировать это строительство.

Фактически я превратился в организационно-политического руководителя «Метростроя» без официальной должности в нем. После окончания первой очереди метро в 1935 году я был награжден первым в моей жизни орденом Ленина за № 110, в ту пору самой высокой наградой. Этот орден учредили в 1930 году и за истекшие пять лет выдали ранее только сто девять его знаков. Вот как скупо награждались тогда этим орденом люди. Тем почетнее считалась награда. Потом орденом Ленина стали награждать чаще и больше, что принизило его значение. Принизило — не значит обесценило. Нет, он высоко ценится и сейчас, но когда существует больше возможностей получения, он сияет уже не тем блеском и для окружающих, и для награжденных.

Помню, как мы приступили к строительству хлебозаводов в Москве. В столице действовали мелкие пекарни, как правило, в нижних грязных этажах домов с тараканами и прочими «прелестями». Тесто месили вручную, получалась антисанитария и еще Бог знает что... Если бы люди видели, как готовится хлеб, то потеряли бы аппетит. Мы увлеклись тогда большими, индустриальными хлебозаводами и купили для Москвы несколько таких комплектов в Англии. Потом инженер Марсаков сконструировал такой же завод¹. Он прежде работал на Красной Пресне, где готовилось оборудование для хлебозаводов. По его проекту создали оборудование для хлебозавода № 5. Кажется, он функционирует доныне². Потом ему присвоили мое имя, и он носил его до тех пор, пока мы не приняли решения о том, чтобы перестать присваивать имена руководителей страны и других общественно-политических деятелей при их жизни городам, предприятиям, колхозам и т. д. Это было моим предложением.

Мы все тогда увлеклись тем, что увидели на хлебозаводе № 5. Там все процессы выполнялись автоматами: дозировались мука, вода и соль, потом размешивались, тесто разогревалось, делилось, формовались изделия. Посадка в печь, извлечение буханок, их транспортировка на склад тоже были механизированы. По тому времени мы достигли высокого уровня механизации, превосходившего уровень хлебозаводов, закупленных нами в Англии. Незадолго до того А.М. Горький окончательно вернулся из Италии в Советский Союз. Он знакомился со строительством в Москве. Мы с Кагановичем сопровождали его, вместе ездили по стройплощадкам, заводам, фабрикам. Горький как бывший пекарь посещал и пекар-

ные предприятия. На хлебозаводе № 5 он долго наблюдал, как автомат «выстреливал» из себя готовые булки. У него слезы текли из глаз, слезы радости, при воспоминании о том, что он видел некогда, и как теперь изменились условия труда.

Те хорошие времена оставались у нас тяжелыми по материальному обеспечению людей, которые жили впроголодь, зато работали с остервенением. Не совсем благозвучное выражение, но в то время оно понималось по-хорошему: трудились с самозабвением, пренебрегая личным благополучием, стремились строить, строить и строить для общества, не обращая внимания на материальное обеспечение участников строительства. Все во имя социализма, для рабочего класса, для будущего! А пока что — спартанский образ жизни.

Не хочу противопоставлять условия жизни рабочих после революции и до нее. Я не нуждался в сравнении, хотя знал, что был обеспечен лучше в дореволюционное время, работая простым слесарем: зарабатывал 45 рублей при ценах на черный хлеб в 2 копейки, на белый — 4 копейки, фунт сала — 22 копейки, яйцо стоило копейку, ботинки, самые лучшие «Скороходовские», — до 7 рублей. Чего уж тут сравнивать? Когда я вел партрabотy в Москве, то и половины этого не имел, хотя занимал довольно высокое место в общественно-политической сфере. Другие люди были обеспечены еще хуже, чем я. Но мы смотрели в будущее, и наша фантазия в этом отношении не имела границ, она вдохновляла нас, звала вперед, на борьбу за переустройство жизни. То были благородные порывы, которым мы с увлечением отдавались целиком, почти не имея личной жизни.

Постепенно я глубже вникал в строительное дело и признавался строителями уже «своим», потому что довольно серьезно изучил их профессию. Кое-что даже сам вносил нового, вследствие смекалки и владения более совершенными навыками слесарного дела. Я подружился с инженерами, архитекторами, конструкторами, бригадирами. Особенно увлекся строительством мостов³. По завершению наведения мостов через Москву-реку в столице мы решили транспортную проблему на желательном уровне. И сейчас, когда я проезжаю по этим мостам, вспоминаю, что и капелька моих усилий вложена в них. Хорошо помню заседания пленумов ЦК ВКП(б), касавшиеся реконструкции Москвы. Я стал одним из участников реализации их решений. Тогда были намечены строительство метрополитена и обеспечение Москвы водой. Ее не хватало. Требовалось превратить реку Москву, которая протекает через город, в транспортную артерию и очистить ее русло. Букваль-

но всё сбрасывалось в Москву-реку, все городские нечистоты. Мы с председателем Моссовета Булганиным, чтобы осмотреть реку, взяли милицейский катер и проехали по городской части ее течения. После этого наши сорочки пришлось отдать в стирку, настолько они были изгажены испарениями от отходов, которые плыли по поверхности воды. Новиков-Прибой в своей книге о русско-японской войне описал гибель броненосца в Порт-Артуре. На нем погиб прославленный адмирал Макаров, но спасся представитель царя великий князь Кирилл. Матросы по этому случаю злословили: что золото тонет, а дерьмо плавает. Именно оно заполняло русло реки.

Приступили к строительству первого подмосковного водохранилища — Истринского. По тому времени это считалось индустриальным строительством, а велось грабарами. Приходили туда, главным образом, белорусские крестьяне с лошадьми, лопатами-грабарками и грабарской тележкой в виде корзины, оплетенной лозой. Она наполнялась землей. Вот и все приспособление для перемещения грунта. В современных условиях это делает ленточный транспортер или шагающий экскаватор, а тогда использовались ручные носилки или грабарка. Потом приступили к строительству канала Москва — Волга, грандиозному по тому времени. Использовались в основном те же примитивные средства, а строителями были главным образом заключенные. Если они являлись уголовниками, то к ним отношение было в какой-то мере даже гуманным. Им сочувствовали, что они попали в такое положение и стали заключенными в социалистическом государстве. На них смотрели как на продукт капиталистического общества, и считалось, что к ним надо относиться, как к умственно отсталым или тяжелобольным, которым нужен в качестве лечения труд. Труд применялся ради их исправления, перевоспитания, перековки. На канале я познакомился с замечательным инженером Холидом. Его давно нет в живых, он был значительно старше меня. Холид уже применял некоторые элементы индустриализации в строительном деле, что мне очень нравилось. Он ввел метод гидротранспорта. Потом его использовали довольно широко, да и сейчас его применяют там, где он целесообразен и рентабелен.

Тогда главным архитектором Москвы был Чернышев⁴, добрый, умный, мягкий и образованный человек. Может быть, даже слишком мягкий, как воск. Помню также архитекторов Алабяна, Мордвинова, Щусева и Жолтовского. Мордвинова я весьма уважал как хорошего работника и хорошего товарища. Он вступил в ряды партии по идейным соображениям, а не гоняясь за получением какой-то материальной выгоды или ради тщеславного поста. Силь-

ное впечатление на меня производили Щусев и Жолтовский — два кита нашей архитектуры. Некоторые отдавали предпочтение Жолтовскому. Я же, высоко ценя талант Жолтовского, предпочитал Алексея Викторовича Щусева, с которым у меня сложились близкие отношения. Он впоследствии не раз приезжал по моему приглашению в Киев, и мы вели полезные беседы о реконструкции столицы Украины. Это был человек очень остроумный, с чувством юмора. Когда в Москве мы рассматривали архитектурно-художественные проекты оформления первых станций метрополитена, то он был свободен в своей критике их, так как не участвовал в конкурсе. Авторитет его был очень высок. Жолтовский тоже привлекался как консультант, он тоже не участвовал в разработке проектов первой очереди метро.

Помню, обсуждался проект знаменитого Фомина⁵, маститого архитектора и ученого из Ленинграда. Тут столкнулись два светила — Фомин и Щусев. Щусев подошел к стенду, где были выставлены полотна Фомина, и начал выдавать замечания в таких примерно выражениях: «Что можно сказать об этом проекте? Он сделан большим мастером, но производит впечатление говядины». Фомина как будто кипятком ошпарили, он сразу встрепенулся и полез в спор. Сейчас каждый человек, пользующийся московским метрополитеном, знает, что станция «Красные ворота» отделана мрамором грязновато-красного оттенка, цвета не очень свежей говядины. Проектировал ее Фомин и выбрал мрамор сорта «Шрош», он добывался в месторождении Шроша. Другие станции отделывались мрамором приятного серого цвета с месторождения Уфолей или белого с желтоватым оттенком. Поступал и иной мрамор из разных районов страны. Материал этот казался нам прекрасным, особенно по тому времени. Весь он добывался вручную, что стоило дорого, но ведь метрополитен представлял для нас как бы историческую ценность. Отделка его вообще была богатой.

Вспоминаю, как уже после войны я пригласил в Киев архитекторов для участия в конкурсе по реконструкции разрушенной немцами центральной киевской улицы Крещатик. Консультантом позвал Щусева. Тогда ни один проект не был взят за основу, что послужило толчком к выбору нового варианта решения реконструкции улицы. Крещатик — улица историческая, парадная и нарядная. Она расположена по яру, который некогда называли Крещатый Яр: по нему древнерусский князь Владимир когда-то гнал дубинками жителей Киева к Днепру, чтобы окрестить их. Поэтому улица и называется Крещатик. После совещания, уже в узком кругу, московские и киевские архитекторы расспрашивали Щусева о Киеве. Алексей

Викторович рассказал тогда много интересного. Его рассказ был записан на магнитофон, но сейчас я утерю ленту, о чем очень сожалею. Щусев был буквально влюблен в Киев, и рассказ его явился как бы поэтическим отображением его пристрастия. Киев того заслуживает, он располагает к себе людей мягким климатом, цветущими каштанами, белыми акациями, новыми нарядными зданиями и «преданьями старины глубокой». Я еще остановлюсь на возрождении Крещатика.

Когда Алексей Викторович приезжал в Киев, то всегда заходил ко мне в ЦК. «Вот, — говорит бывало, — приехал поговорить, отдохнуть; походил по Крещатику, сходил на Сенной базар, пирожков купил. Пирожки вку-у-сные. Откушал, потом пошел на Днепр, перебрался на Труханов остров, разделся, на горячем песочке полежал, — замечательно отдохнул». Мне было приятно слушать его. Потом я обычно расспрашивал о различных проектах. Он высказывался так: «Никита Сергеевич, это все дело времени. Любым новым проектом возмущаются, критикуют его. Когда строилось здание киевской Оперы, сколько недоброго было написано, сколько испорчено бумаги и чернил, а сейчас к зданию другое отношение. Оно приятное, не имеет никаких отталкивающих свойств. Время проходит, люди привыкают, проект вырастает в сознание зрителей». Я с ним был согласен.

То же самое могу сказать о здании Совнаркома СССР на Охотном ряду, напротив гостиницы «Москва». Проект готовил архитектор Лангман. Он работал в Наркомате внутренних дел СССР у Ягоды⁶. Когда проект был закончен, позвонил мне Молотов как будущий хозяин здания и попросил приехать в Кремль, сказав, что Лангман будет докладывать о строительстве в Охотном ряду. Молотов хотел, чтобы я принял участие в обсуждении, так как у меня уже накопился некоторый опыт в этом деле. Я узнал также, что он пригласил туда и Жолтовского. Свое участие как «специалиста» я считал лишним, но поехал с удовольствием. В зале были выставлены огромные рамы с основным проектом и его деталями. Молотов попросил сначала высказаться Жолтовского. Тот осмотрел проект (лицо у него всегда было постное, бесстрастное, морщинистое, мы его за глаза называли «папой римским»), и сказал, что проект приемлем, но не выразителен. Тут же продемонстрировал, что понимает он под этим словом: поднял раму с проектом и поставил вверх ногами: «Можно это здание построить вот так? Можно, оно ничего не утратит, и даже никто ничего не заметит. Следовательно, проект не имеет своего лица, лишен архитектурной выразительности».

Можно себе представить, как взволновался автор, как он «окры-

сил» и стал защищаться, однако против Жолтовского выступать было нелегко. Если Жолтовский или Щусев кого-нибудь критиковали, то такому автору приходилось трудно. Тогда рассмотрение проекта на этом закончилось. Жолтовский и Лангман уехали, мы с Молотовым остались. Вячеслав Михайлович сказал: «Думаю, что этот проект все-таки надо принять». Я не возражал. Действительно, Жолтовский был прав в своем высказывании, но ведь каждый проект соответствует конкретному назначению. Допустим, на данном доме поставят какую-нибудь скульптуру, украсят фасад завитушкой или еще какие-нибудь штуки придумают. И что? Здание возвели по начальному проекту, и это не вызвало никаких дурных эмоций у прохожих. Наоборот, многим нравилось.

Хорошо помню архитекторов братьев Весниных⁷. Они проектировали торговые, культурные и промышленные здания. Из Ленинграда был вновь приглашен Фомин для создания Речного вокзала в Химках⁸. Руководствовались тем, что ленинградцы привнесут в Москву что-то новое. Нынешний Речной вокзал имеет отдаленное сходство с ленинградским Адмиралтейством. После окончания этого строительства архитекторы, инженеры и рабочие целую ночь пировали в помещении «вокзала пяти морей». Я высоко ценил архитектора Александра Васильевича Власова, который называл себя учеником Жолтовского, а заканчивал свое образование уже в наше время без отрыва от производства. Под конец Великой Отечественной войны я пригласил его главным архитектором в Киев⁹. Как-то мы с ним познакомились с заповедным историческим местом в городе Умань — дендропарком «Софиевка». Этот парк был очень оригинально сделан в былые времена руками крепостных. Владелец «Софиевки» являлся граф Потоцкий. Власов влюбился в этот парк, набросал там ряд эскизов, а потом написал по ним картину и подарил ее мне. Картина служит мне памятью о прошлом и лично о Власове. Конечно, я не смогу припомнить здесь имена всех архитекторов и градостроительных инженеров, с которыми мне приходилось работать и учиться у них строительному делу.

Когда я занял пост первого секретаря ЦК КП(б)У, Сталин меня предупредил: «Я знаю о вашей слабости к строительному делу и городскому хозяйству. Это полезно и хорошо в условиях города Москвы. Но хочу дать вам правильное направление на будущее. Сами вы из Донбасса, увлекаетесь углем, металлургией, химией, будете больше уделять внимания именно этим отраслям хозяйства. Это важно, но сейчас для Советского Союза главное дело — сельское хозяйство Украины. Вы поступите своими привычками и больше уделите внимания организации колхозов и совхозов, с тем

чтобы получить хлеб, молоко и мясо, тем более что население Украины любит это занятие. Конечно, вы должны уделять внимание и промышленным отраслям. Украина представляет собой большой промышленный комплекс, но главным для вас там будет сельское хозяйство. Уголь, металлургия, химия — уже организованные производства, в них есть сложившиеся инженерные и руководящие кадры, которые подчиняются централизованному руководству, а сельское хозяйство достаточно раздроблено, и ему надо уделять больше внимания».

Я по существу был согласен со Сталиным и принял его указание как должное. Авторитет Сталина тогда для меня был всем! Поэтому на Украине я меньше занимался вопросами строительства и меньше общался с архитектурно-строительным миром ее городов. Да и строительство в Киеве было в то время небольшим. Москва получала львиную долю капиталовложений. Имелось государственное решение о генеральной реконструкции Москвы, и она получала необходимые материальные ресурсы не через Российскую Федерацию, а напрямую. Госплан выделял их отдельной строкой. Союзная столица! Для нее урывалось как можно больше из тогдашних скудных средств, которыми мы располагали, выделяя основное на создание крупной индустрии. Развивали в первую очередь то, что укрепляло мощь СССР, а бытовые потребности слабо учитывались, чем и создавались невероятно тяжелые жилищные условия даже в Москве. Не говоря уже о других городах страны.

Потом разразилась война. Как ее наследие мы получили руины городов и промышленных центров. В Киеве больше всего разрушений оказалось на Крещатике. Лучшие здания, стоявшие там с незапамятных времен, были разрушены, хотя некоторые довоенные постройки уцелели (дом Совета Министров УССР). Правда, до войны это здание предполагалось для размещения Наркомата внутренних дел, поэтому строило его это же учреждение, а проектировал упоминавшийся мною Фомин¹⁰. В последний год своей государственной деятельности я, будучи в Ленинграде, встречался с архитектором Фоминым и спросил его: «Вы не имеете отношение к более старшему архитектору Фомину?» — «Да, это мой отец». — «Очень приятно познакомиться с сыном такого достойного и известного отца, я с ним был хорошо знаком»¹¹. До войны было построено также новое здание для командования войсками Киевского Особого военного округа. Потом там размещался ЦК Коммунистической партии Украины. Эти дома, среди немногих, сохранились целыми, только на некоторых этажах в них выгорел паркет.

Во время подготовки операции по освобождению Киева от нем-

цев я предложил создать отряды, которым поручалось бы сразу, как только войска ворвутся в город, обыскивать здания. Саперы должны были предотвратить взрывы и тушить пожары. Когда я приехал в Киев, то объехал наиболее интересующие меня районы. Мне было приятно видеть, что мы достигли своей цели: большинство зданий сохранилось. Мы их быстро привели в порядок. Но сохранилось не все. На Крещатике и на площади Богдана Хмельницкого бушевал пожар. Горели дома, взорванные и подожженные немцами, горел Киевский университет имени Шевченко. Особенно я жалел здание университета, там сгорела богатейшая университетская библиотека. Крещатик был разрушен раньше, вскоре после прихода немцев в 1941 году. Я так и не смог разобраться, кто там взрывал дома. Немцы объясняли населению, что взорвали партизаны. Я знаю, что таких заданий партизанам не было, но кто его знает? Трудно сказать. Я думаю, что это все-таки была проделка гестаповцев. Их не интересовали ни город, ни, тем более, судьбы людей, которые обрекались на тяжелые условия. Они направляли гнев людей против партизан с тем, чтобы склонить некоторых из них к сотрудничеству.

Крещатик, сердце Киева, был особенно близок мне. И я каждый день, проезжая, смотрел на его руины. Они привлекли мою энергию опять к строительным делам. Надо было, восстановив Киев, подать пример и другим городам Украины, которые также имели большие разрушения, особенно в Донбассе.

О восстановлении металлургии и угольной промышленности заботились министерства, каждое в своей отрасли. Вопросы коммунального хозяйства ложились на плечи местных руководителей, чему приходилось уделять больше внимания, чем перед войной. Капитальные работы мы тогда вести не имели никакой возможности. Все усилия были направлены на то, чтобы создать элементарные человеческие жилищные условия в городах и поселках. Мы искали пути строить экономно, популяризировали более рациональные способы кладки стен с меньшим расходом кирпича. У нас не было ни цемента, ни извести, поэтому я специально познакомился с советами тех инженеров, которые рекомендовали для строительства материалы с заполнителями, возведение не сплошных стен, а с пустотами. Мы взялись за изыскания возможностей построить больше жилой площади при меньшем использовании кирпича. Такое строительство могло вестись не выше четырех этажей, а чаще — двух, и притом на окраине города. Крещатик мы готовились восстанавливать солидно. Тут суррогаты в кладке стен не оправдались бы исторически, поэтому мы откладывали са-

мое главное на будущее, когда разбогатеет и появятся материальные возможности капитально вести восстановление.

Когда главным архитектором Киева стал Власов, то к дорожному строительству я привлек энергичного организатора дела Страментова, видного инженера дорожных работ, который ещё в 30-е годы во время создания набережных в Москве был директором треста. Он предложил провести вдоль Крещатика канал, выложенный кирпичом, в котором можно будет прокладывать различные коммунальные трубы, чтобы не разрывать улицу при очередной неполадке. В Москве нам надоели разрытые улицы: один строит, другой разрывает, вскрывая подземное хозяйство, потом опять закрывает. Это всегда производило на людей плохое впечатление. Население критиковало власти и правильно делало. И вот мы взялись за работу. Думаю, что Киев был единственным городом, где основное уличное городское хозяйство проложено в коллекторе. На Крещатике трудились по воскресеньям местные жители, потом мы привлекли к делу пленных немцев. Много потрудились там войска противовоздушной обороны, главным образом девушки. Они, неся службу, одновременно наводили порядок на Крещатике, разбирали завалы взорванных зданий. Крещатик расширили в сравнении с тем, каким он был до войны.

Невозможно было и дальше мириться с условиями, в которых жили люди. Эти условия и до войны были тяжелыми, а война принесла свои разрушения, и образ жизни стал невыносимым. Меня волновали вопросы механизации работ и сооружения перекрытий. Сначала нам было не до настоящего архитектурного оформления. Если во время реконструкции Москвы мы делали деревянные перекрытия, то в киевских условиях, получая сырой лес, мы не имели и такой возможности. Негде и некогда было сушить бревна. Перекрытия поражались грибком, поэтому спустя несколько лет приходилось их менять. Опять возникали адские условия жизни населения. Требовалось найти такое решение, чтобы перекрытия были и фундаментальными, и долговечными. В Польше уже тогда делали балки из керамических блоков с металлической арматурой. Балкоблоки принимали на себя большую нагрузку и были практически вечными. Их изготовление — сложная кустарная работа, но мы стали применять ее, так как другого выхода не было. Впервые данный способ у нас нашел применение в Киеве, Москва его еще не знала.

В Киеве жил замечательный инженер Абрамович. Где он сейчас? Он инженер-механик, увлекшийся керамикой. Он и работал на керамическом заводе¹². Абрамович показал мне, какие краси-

вые вещи можно изготавливать из керамики. Мы тогда, как говорится, нашли друг друга. Я увлекся и не раз ездил на его предприятие. Он демонстрировал мне невиданные возможности: изготовление плит, покрытых глазурью для отделки ванных комнат и туалетов, панелей для украшения домовых фасадов. У нас родилась новая идея. Глина — материал очень пластичный, и я спросил его: «Нельзя ли, сделав матрицы, отпрессовать плитки, чтобы получить нужный архитектурный рисунок, а потом плитками облицовывать здания?» Он ответил: «Конечно, можно». Изготовили матрицы, построили завод для их обжига. При этом использовали соответствующий опыт Чехословакии и ГДР, после чего и начали восстанавливать Крещатик. Главным в этом деле оставался Власов¹³. Всегда, когда я потом ездил в Киев, то ходил по Крещатику и любовался им, испытывал чувство удовлетворения от того, что туда вложена частица и моего труда.

Занимая высокий пост, я многое тогда определял. Ведь от распорядителя зависит немало. Проектов имелось много, надо было остановиться на каком-то одном, который бы больше других отвечал духу времени и своему назначению. Мне было радостно, потому что, по-моему, получались хорошие здания. Некоторые не знают, что я тоже принимал в этом деле какое-то участие. Бывают в Киеве и говорят: «Какое хорошее оформление Крещатика». Но я слышал и критику. Иные критиковали, утверждая, что архитекторы мельчат, нет строгости решения, это ухудшает художественный облик домов. Однако припоминая слова Щусева, когда он утверждал, что признание современников найти трудно: каковы внутреннее содержание и вкус человека, таково и его мнение.

Расширяя Крещатик, мы сделали проезжую часть более свободной, раздвинули тротуары, особенно тот, который идет от Днепра на запад, левее проезжей части. Там соорудили дорожки, поставили скамейки, завели цветники, а потом посадили каштаны и немного рябины. Рябина — чудесное дерево, оно может стать отличным украшением, если подобрать подходящие экземпляры. Осенью, когда листья опадут, висящие гроздья рябины рдеют, создают впечатление нарядности.

Мы столкнулись с большими трудностями при восстановлении угольных шахт Донбасса, железорудных рудников, шахтных выработок. Не хватало крепежного леса и транспорта для его перевозки. Леса на Украине хватало, но он расположен далеко. Люди, которые имеют понятие о креплении шахтных выработок, знают, как быстро гниет лес в шахтах. Непросушенный, сырой лес уничтожается грибом буквально на глазах. Тут я вспомнил о моем старом московском

знакомом, профессоре Михайлове, о его идеях улучшения железобетонных изделий¹⁴. Он работал тогда над созданием напряженного армирования бетона металлом. Пригласив его в Киев, я высказал ему свои соображения о том, как бы изготовить из железобетона стойки для подпорки и закрепления выработок в угольных шахтах. Михайлов подтвердил, что это вполне возможно. Почему именно его я спрашивал? Потому что еще до войны он работал по напряженному железобетону. Сложность заключалась в том, чтобы железобетонные опоры оставались не очень тяжелыми, с весом которых могли бы справиться один-два человека, работающие на креплении. Никаких механизмов у нас тогда не было, и следовало рассчитывать только на человеческую подъемную силу.

Михайлов начал работать в этом направлении и добился успеха. Мы стали экспериментировать с новыми креплениями в Донбассе. Начальником соответствующего управления был Засядько¹⁵, но не он решал вопрос. Я обратился с личным письмом к Сталину с просьбой дать указание Госплану запланировать такие работы. Сопротивление в Москве оказалось большим: многие считали, что металл лучше бетона. Не отрицаю, металл был бы более удобен, потому что опоры и перекрытия можно делать с более тонкими стенками. Но беда заключалась в том, что металла остро не хватало. Это значило обречь новую идею на провал, потому что металла нам не давали. Я сумел доказать это Сталину, он меня поддержал, и мы начали применять при креплении шахт армированный бетон. Потом, когда шахтеры перешли на широкие лавы при подвижном креплении, они стали применять в лавах именно металл, так как короткие стойки должны быть легкими; их много раз используют, поэтому удобнее применять металл. А в описываемое время в главных штреках и в других выработках применялся железобетон. Я не раз спускался в шахты, они стали выглядеть иначе, вроде туннеля метрополитена.

Затем мы внедряли другую новинку. Кто-то из инженеров высказал идею перехода с деревянных железнодорожных шпал на железобетонные¹⁶. Я ее подхватил. В метро первой очереди мы делали бетонные основания и сначала даже рельсы клали на бетон. Цельная сварка проводилась на всем протяжении, без стыков. Потом консерваторы доказали необходимость стыков. Мы разобрали прежние рельсы и сделали со стыками, то есть с толчками, которые разрушают подвижной состав. И вот ряд лет спустя я опять выслушивал знакомые рассуждения о том, что следует экономичнее эксплуатировать подвижной железнодорожный состав, сваривая более длинные рельсовые плети: состав будет разрушаться не так быстро, как при

старой системе укладки рельсов. Итак, вновь железобетон! Сколько новых врагов возникло, сколько потребовалось доказательств... Но мы все-таки пробили решение об укладке на пристанционных путях, где не бывает больших скоростей. Нам доказывали, что на железнодорожных путях вообще невозможно укладывать железобетонные шпалы, они не позволяют получить нужную амортизацию подвижного состава, — это приведет к авариям.

К моему приятному удивлению, спустя несколько лет я узнал, что в Чехословакии делали именно такие шпалы, причем значительно лучше, чем мы. Сейчас в киноочерках люди часто могут видеть укладку путей железобетонными шпалами. Мною эта идея выдвигалась сразу же после войны. Говорю это для того, чтобы показать, что меня весьма интересовало строительство. Я искал новые, прогрессивные его способы, более экономичные. Раньше мы укладывали в транспортные пути лес, пути быстро изнашивались, железобетон — совершенно другое. И я убеждал: «Если нужна амортизация, пусть будут прокладки. На амортизирующие прокладки станем класть рельсы, а несущая часть будет железобетонной. Это увеличит срок службы, сократит расходы на эксплуатацию путей и избавит нас от бесплодного уничтожения леса, который нужен для других надобностей, где без него невозможно обойтись». У меня возникло множество противников, но в конце концов линия применения железобетонных шпал пробила к жизни и у нас.

В Москве мне пришлось выдержать трудную борьбу во время создания последующих очередей метрополитена. Тогда перешли на строительство линий метро щитами с креплением чугунными тюбингами, скопированными у англичан. Они хорошо поддаются механизации и укладке, но это все же металл, дорогой и к тому же под землю не столь долговечный. Его разъедает коррозия, спустя какое-то время приходится все перекаладывать. И тут железобетон завоевал свое законное место. Я, веря в него, предложил делать тюбинги для метро из железобетона. Поднялся несусветный гвалт. Рабочие и инженеры привыкли к старому методу крепления. Все для него было приспособлено: и литейные мастерские, и токарная обработка, и соединение тюбингов, и сверление дыр, и прочее. В конце концов я добился того, что стали изготавливать железобетонные тюбинги. Железобетон поддается формованию, как и чугун, это тоже литье. Потом бетон научились армировать и прессовать. Получили сравнительно изящные, удобные и более долговечные тюбинги. Добились огромной экономии чугуна. Механизация работ и скорость остались теми же, потому что железобетонные тюбинги той же формы, что и чугунные...

В конце 1949 года Сталин вызвал меня к себе из Львова, где я проводил митинг студентов Лесотехнического института после убийства украинского публициста Ярослава Галана¹⁷. Он много хорошего сделал для Советской Украины в борьбе против бандеровцев и униатской церкви. За это его и убили. Наводчиками стали националисты и местные попы. Убийцей оказался студент названного института. Он признался, кто толкнул его на это. Тогда движение Организации украинских националистов (ОУН) было в Западной Украине сильным, а особенно во Львове среди студенчества. Собирали митинг, и я пошел туда, хотя меня предупреждали, что могут быть всяческие неожиданности, вплоть до террора. Оуновцы не останавливались и перед самоуничтожением во имя достижения своих целей. Но надо было идти! Мы вели борьбу с врагами не только арестами и судами, а и разъяснением пагубности такого пути. В то время Карпатские горы для нас были практически недоступны. За каждой скалой, за каждым кустом можно было ожидать террористов.

Во время моего выступления на митинге мне передали записку, что Сталин срочно просит меня позвонить. Закончив речь, я поехал на временную квартиру во Львове и оттуда связался с Москвой. Сталин спросил: «Когда вы можете приехать сюда?» «Если нужно срочно, то могу завтра». Разговор состоялся очень короткий, и это меня обеспокоило. Пора для меня была тяжелой. После неурожая 1946 года на Украине я оказался в опале у Сталина. И вот такой звонок... Черт его знает, в чем дело. Правда, новый звонок, от Маленкова, был для меня ободряющим. Он сказал: «Ты не беспокойся, тебя вызывают из хороших побуждений, а подробности узнаешь, когда приедешь, так что не волнуйся». Прибыл я в Кремль. Сталин предложил мне перебраться в Москву, сказав, что в Ленинграде обнаружилась измена, ведется следствие, готовится суд, в Москве тоже неблагополучно. Поэтому он хотел, чтобы я возглавил московскую парторганизацию, вновь стал секретарем Московского областного и городского партийных комитетов и заодно секретарем ЦК. До войны, занимая те же посты, я не был, однако, секретарем ЦК. Сталин спросил, как я отношусь к этому предложению и добавил: «Довольно вам работать на Украине, а то вы совсем превратились там в украинского агронома». Я поблагодарил его и ответил, что с удовольствием перееду. Уже давно я работаю на Украине, пора возвращаться в столицу, в Москву.

Так я опять очутился в Москве, сменил Попова, в свое время выдвинутого Маленковым. Секретарь Московского парткома Александр Иванович Угаров, хороший и умный человек, которого я

крепко уважал, сменивший меня в 1938 году, был репрессирован. Его как бывшего ленинградца в свое время выдвигал Жданов. После ареста Угарова Сталин срочно вызвал меня и временно сделал уполномоченным ЦК партии по Москве. Затем был проведен первым секретарем Московского парткомитета Щербаков, который оказался крайне непорядочным человеком. На Щербакова давно имелись порочащие его показания, и Сталин дал мне и Маленкову поручение: «Вы подберите вторым секретарем такого человека, который следил бы за Щербаковым и в случае чего доложил бы нам». Как раз этим вторым секретарем и был выдвинут Попов, ранее заместитель у Маленкова в отделе кадров ЦК. Потом Щербаков, которому Сталин вначале не доверял, так повернул дела, что, будучи подхалимом и цепным псом, стал «грызть» людей и буквально на спинах своих жертв выдвигался, завоевывая себе авторитет у Сталина. Это гнусный человек, если разобраться в его деятельности того времени. А Сталин, считая его хорошим строителем Красной Армии, назначил руководителем Главпура РККА. Подстраиваясь под Сталина, Щербаков «псевдоруководил» Главпуrom, спился и вскоре после войны умер. Остался один Попов — неумный человек и грубый администратор. Он настроил против себя многих людей, но за это Сталин его не прогнал бы. Однако на него пришла анонимка, в которой Попов изображался заговорщиком. Конечно, никаким заговорщиком он не был.

Я принял московские дела, заняв три упомянутых поста. Выборы меня секретарем ЦК были, мягко говоря, оригинальными. Просто меня назначил Сталин, а состоялось ли хоть какое-то голосование членов ЦК, не знаю. Впрочем, где они могли проголосовать, если ни съезды партии, ни пленумы ЦК уже очень давно не собирались. В ЦК давно была уничтожена всякая партийная демократия. Что касается председателя Моссовета, то занимающий ныне этот пост Промыслов¹⁸ тогда был начальником управления строительства столицы, а еще раньше — помощником у Попова.

Итак, я опять вовлекся в строительство. Москва после войны нуждалась в нем еще больше, чем прежде, существовала страшная квартирная теснота. Отлично помню последний год работы Попова и тогдашнее руководство Промысловым столичными стройками. К концу года было сдано жилой площади четыреста тысяч квадратных метров. В то время это считалось большой цифрой потому, что все делалось вручную. Строительство продвигалось медленно, выработка была низкой. Возводили пятиэтажные дома, но много было и одноэтажных барачного типа, все из кирпича и сырого леса. Поехав на стройки, я увидел, что перекрытия изготовлялись накатным

порядком из дерева, лишь иногда из другого материала, а опоры и балки (как их в деревне называют — матицы) были металлическими. Меня это удивило: металла остро не доставало, к тому же металл в жилищном строительстве, когда меняется температура и вползает сырость, легко поддается коррозии. В Киеве уже широко применялись железобетонные опоры и балки, на которые и делались накаты. Применялись также перекрытия из армированной керамики. Этот метод мы позаимствовали во Львове. Там оставалось какое-то разрушенное здание технического назначения. Когда я увидел его в разрезе и таким способом ознакомился с технологией подобного строительства, то привлек к делу группу специалистов, и мы стали строить таким же образом в Киеве.

Для строительства в Москве имелись большие возможности, в Госплане легче было вырвать необходимое. И, чтобы вытеснить металл из домовых сооружений, мы перешли на железобетон. Для ускорения нововведений пригласил из Киева инженера Садовского, очень квалифицированного инженера, прекрасно разбиравшегося в деле, любившего новые материалы, следившего за иностранной литературой и тесно связанного с учеными, работавшими по железобетону. Единственный его недостаток: как администратор он был мешковат. Однако он компенсировал это глубоким знанием своей отрасли и пониманием ее задач. Сейчас иной раз он звонит мне, уведомляет о себе, а мне приносит радость возможностью услышать его голос и перекинуться фразами о былом времени, когда мы вместе трудились в Москве, восстанавливали разрушенный войною Киев.

И еще одного знающего инженера я пригласил в свое время из Москвы в Киев — Проскурякова, тоже специалиста по строительным материалам. Правда, вскоре его послали руководить восстановительными работами в Севастополь. Там он объединил под своим началом всех строителей, независимо от их ведомственного подчинения.

Эта идея родилась и у Сталина. Отдыхая в Ялте, он однажды поехал в Севастополь. Он увидел разрушения Севастополя, и у него родилась идея создать единую организацию для восстановления города-героя. Когда я вернулся в Москву, то туда спустя какое-то время из Севастополя возвратился Проскуряков. Он выполнил основную часть работы. Я с радостью встретил его, человека думающего и любящего новинки. Он постоянно проявлял инициативу в применении разных стройматериалов для жилищного строительства. Сейчас и он порою тоже позванивает по телефону, а я получаю от его звонков некий эликсир бодрости.

Инициатором перехода на сборный железобетон был Садовский. Задумав внедрить его, мы решили собирать дом так, как собирают автомобили. До войны нечто подобное мы с Булганиным уже пытались сделать в Москве, попробовали собрать этим способом строившуюся в Замоскворечье школу. То был первый опыт блочного строительства. Изготовили большие блоки вместо кирпича и из них постарались собрать здание. Но с тогдашней культурой строительной техники мы с этим делом не справились. Казалось бы, несложная проблема? Но, когда школу собирали, увидели в стенах щели. Я сильно возмущался, что люди не справились с простой задачей, не сумев верно рассчитать размеры блоков. В те щели собака могла проскочить. Пришлось все заделывать. А такой сборки, как на машиностроительном или часовом заводе, не получалось.

Теперь я стал консультироваться с инженерами относительно применения сборного железобетона, чтобы выйти на большую строительную дорогу не только жилья, но и заводских сооружений, и встретил активное сопротивление этой идее, прежде всего со стороны Госстроя. Возглавлял его тоже хороший специалист Соколов¹⁹. Сейчас он на пенсии, и я познакомился с его сыном²⁰, который дважды приплывал ко мне по реке со своей женой на лодке. Они с отцом живут на даче вверх по течению Москвы-реки. Младший Соколов, тоже архитектор, но увлекается живописью и вместе с космонавтом Леоновым написал ряд фантастических картин на космические темы²¹. Я съездил на выставку этих картин, и он любезно подарил мне альбомное их издание. А с Соколовым-старшим я познакомился во время строительства метрополитена. Тогда он увлекался созданием насоса для подачи бетонного раствора и со своим напарником Соколовским сконструировал его²². Потом такой насос внедрили в жилищное строительство. С тех пор у меня сохранился контакт с Соколовым и Соколовским. Вернувшись в Москву, я встретил Соколова маститым инженером, приобретшим большой опыт и авторитет. Шефствовал над Госстроем Берия. Это усложняло ситуацию. Руководители госстроевских учреждений не особенно считались с представителями других ведомств, единственным авторитетом для них был Берия. Они неукоснительно следовали ему в кильватере. Заручившись его поддержкой, они чувствовали себя свободно, твердо стояли на своем.

Встречаясь с Соколовым, я доказывал ему свое, был убежден, что он поймет и поддержит меня, но внезапно встретил сопротивление. Как ни старался я повлиять на него, он демонстрировал свою

неприступность в этом вопросе. Тут я понял, что он спросил Берия, который высказался против. Берия всегда выступал против, если любой из членов Политбюро выдвигал какое-либо новое интересное дело: возражал, а спустя какое-то время сам вносил это же предложение Сталину и наживал на чужом моральный капитал. Соколов же приводил те доводы, что это сложно, нерационально, непрогрессивно. Он, только что вернувшись из США, нигде не видел там сборного железобетона, а только монолитный. Не соглашаясь с ним, я возобновил контакт с отцом будущего президента АН СССР Келдышем, крупнейшим ученым по железобетону²³. Но и он не поддержал нас. Моей опорой оставался только Садовский, а все крупные светила строительства и видные администраторы выступали против.

Тогда я попросил Садовского написать докладную на мое имя с полными инженерными расчетами, опровергавшими стародавние методы. Записка была составлена убедительно и производила серьезное впечатление. Теперь я решил поговорить со Сталиным, но сначала хорошенько подковаться. Я знал, что сейчас же подключится Берия, потом спросят мнение Соколова, Келдыша, и провалят мое предложение. Потому-то я и считал необходимым, чтобы написал такую докладную именно инженер с указанием всех процессов изготовления строительных деталей, сборки, затрат материалов, выгод во времени и прочего. Добавив записку от себя лично, я отправил все к Сталину. Там содержались расчеты экспериментального строительства двух заводов сборного железобетона производительностью от восьмидесяти до ста двадцати тысяч кубометров (по тем временам — баснословный объем). Один завод предлагалось построить на Красной Пресне в Москве, близ Москвы-реки, другой — в Люберцах²⁴.

Сталина раздражало, когда оппоненты возражали против каких-то новинок, доказывая, что вот за границей такого нет. Я знал эту черту Сталина и решил ее использовать, сделав упор на то, в чем главным образом возражает Госстрой. Инженеры всегда говорили: «Дать новому путевку в жизнь или же завалить, Госстрою ничего не стоит». И я написал, что в Госстрое ссылаются на то, что за границей сборного железобетона нет, а поэтому и нам совать сюда свой нос не следует. Госстрой стоял за старый метод — с монолитным железобетоном, который применялся и применяется и у нас, и за границей; а следовательно, он считает, что так останется и в будущем. Спустя какое-то время при встрече со Сталиным я его спросил: «Товарищ Сталин, я вам послал записку», — и рассказал о сути дела. Он ответил: «Я вашу записку читал». — «А приложение к ней, докладную Садовского прочли?» — «Я ее полностью просмотрел».

— «Каково ваше мнение?» — «Очень интересная записка, расчеты я считаю правильными и вас поддерживаю».

Мне этого было достаточно, после такой поддержки все препятствия отпали. Вскоре моя записка была направлена Сталиным в Госплан. Там рассчитали, какие материалы нужны для названных заводов, и мы приступили к строительству крупнейших предприятий сборного железобетона. Единого строительного управления тогда не было, вопросами строительства занимался заместитель председателя Моссовета. Существовало много отдельных строительных управлений и трестов, включая Управление по строительным организациям, которые не подчинялись Моссовету. Это строительные конторы крупных заводов или министерств. Моссовет проводил линию привлечения крупных средств на жилищное строительство, поэтому любая инициатива, которая проявлялась министерствами по строительству жилья для своих служащих, приветствовалась. Другой возможности утолить жилищный голод на те времена и не было. Проблема жилья не решена и сейчас, многие граждане ютятся в подвальных помещениях или в уплотненных до невозможности квартирах.

Главная цель состояла в организации жилищного строительства на потоке. На какие элементы будут разбиваться детали жилья? Мы сами этого не знали, не было конструктивного решения. Опять начались поиски. Заграничные примеры у нас отсутствовали. Ни в Америке, ни в Европе такого метода еще не применяли, надо было думать самим, к чему большинство инженеров-строителей не были подготовлены. Я решил привлечь к делу инженеров-механиков, у которых уже был накоплен огромный опыт конструирования машин, требующих большой точности. При сборном железобетоне требовалась именно большая точность. Я обратился к инженерам завода «Красный пролетарий». Они с энтузиазмом взялись за реализацию предложения, и я почувствовал твердую опору под ногами. Вероятно, думал я, новая конструкция будет далека от совершенства и поначалу окажется похожей на первую «паровую машину». Но постепенно она усовершенствуется, подвергнется изменениям. Всякое новое дело так начинается. Я не боялся этого. Надо приступить к делу изготовления деталей, и сразу появятся новые, лучшие решения. Так всегда происходит в инженерной практике.

Помню свою первую беседу с конструкторами-краснопролетарцами. Раньше они ничем подобным не занимались. Им надо было охарактеризовать идею и объяснить, чего мы хотим от них в смысле ее инженерного оформления. Никто прежде не занимался производством деталей сборного дома. Все привыкли к

кладке кирпичом, блоками, шлакоблоками, но о крупных деталях понятия не имели, так же как не было армированного железобетона. Я себе представлял конструкцию такого дома в виде каркаса с заполнением: простенки и наружные стены из плит железобетона или блоков. То есть речь шла о переходном этапе от старого метода к сборному железобетону. Потом мы пришли к выводу, что надо делать большие панели размером в комнату. На каркас навешивали панели, получался дом полной сборки. Инженерам с «Красного пролетария» требовалось разработать опорные колонны, чтобы далее на каркас можно было навешивать железобетонные плиты с оконными и дверными проемами и замонолитить их, заделать швы так, чтобы они не продувались и не пропускали влагу. Это очень важно.

Тут появились трудности не конструктивного порядка, а исполнения: швы заделывались недобросовестно. Поступали жалобы, что квартиры промерзают, их продувает. Жилец не обязан входить в анализ того, почему продувает или протекает. Пришлось установить более серьезный контроль при приемке зданий. Наконец, «Красный пролетарий» изготовил станок-автомат, делающий металлический каркас, который потом заполнялся раствором бетона и шел в «пропарку». Теперь опоры для каркаса могли готовить уже сборными, раньше их вязали проволокой, а позже сваривали толстые элементы. Новый автомат проволоку подавал сам, она выравнивалась — и тут же сваривалась. Каркас для колонны или других элементов сборного жилища вращали при сварке тоже автоматизированно. Готовое изделие сразу шло на склад, а потом на строительную площадку.

В процессе создания станков для изготовления металлических каркасов под заполнение их бетоном нужное решение нашел строитель Лагутенко, недавно скончавшийся. Узнав о том из газеты, я вспомнил, как много времени провел с этим замечательным новатором, который умело способствовал механизации производства сборного железобетона. Я всегда искал таких людей, как он. Лагутенко предложил делать бескаркасный дом с железобетонными несущими стенами, что при сборке окажется проще. Стены будут и защищать от внешних воздействий, и воспринимать нагрузку. У меня к каркасу было больше доверия: не разрушилось бы здание! Навесные железобетонные стены на каркасе требовали меньше металла и являлись только защитными. Они могли изготавливаться из легкого бетона либо пенобетона с легким заполнителем. Но в идее Лагутенко привлекала простота сборки: получалось настоящее панельное строительство. Решили проверить на практике и

потом определить, какому направлению дадим путевку в жизнь: каркасному или панельному.

Между прочим, Лагутенко сыграл роль первой ласточки, прилетевшей к нам после холодной зимы, так как первым из инженеров-практиков пришел к нам со своими идеями. Я был доволен, рассчитывая, что последуют второй, третий, четвертый и т. д. Они принесли свои дополнения, улучшения, изменения, в конце концов выработается технология сборного железобетона. Начинать всегда трудно. У нас далеко не все получалось. За нашими неудачами зорко следили ретрограды, сторонники кирпичной кладки и монолитного железобетона. Любой просчет подвергался осмеянию, но мы верили в начатое дело.

Для строительства сборного железобетонного дома нужны приспособления и формы. Чтобы панель стала прочной, требовались вибраторы, которые бы без огрехов заполнили форму. Следующий шаг — подача заполненной бетоном формы в пропарочную камеру. Там ее обрабатывали горячим паром, а затем — стадия созревания бетона. Это длительный процесс... Нужна была камера с определенной температурой и влажностью. Подачу бетона тоже надо было механизировать. Мы применили роликовый транспортер. Раньше при изготовлении балок из досок сколачивали опалубку-корыто, туда закладывали каркас, заполняли его бетоном, начиналось естественное его созревание. Потом доски расшивали. Масса ценного дерева погибала. В поточном производстве мы перешли на металлические сборно-разборные формы. Чтобы при твердении бетон не прихватил их, разработали смазочные материалы. Далее добивались такого монолита, чтобы работали вместе металл и бетон, принимая напряжение на себя, а при изменении температуры чтобы шло равномерное расширение. Если металл будет расширяться на одну величину, а бетон на другую, то произойдет отслоение и не получится монолита, каждый материал будет работать в отдельности, что приведет к разрушению конструкции. Технологию отработывали на практике, в процессе изготовления деталей.

Для изготовления стен, когда думали делать их навесными на каркас, мы привлекли к конструированию станка по изготовлению арматуры научно-исследовательский институт. Я много раз ездил туда или вызывал специалистов к себе, в горком партии. Потом они уже сами стали приходить и рассказывать о трудностях и успехах. Эти люди прежде никогда не работали в области жилищного строительства. Создание каркаса для стены дома их озадачило. Когда станок был готов, меня пригласили на «Красный пролетарий».

«Изюминка» заключалась в том, что работа машины напоминала изготовление тканей. Проволоку довольно толстого сечения натягивали через ролики на расставленные шпильки и в определенном месте приваривали, сохраняя заданное напряжение металла в конструкции. Идея напряженного железобетона была известна и ранее. Из него обычно изготавливали балки для перекрытий. Но технология отдавала кустарщиной, а нам требовалось организовать поточное производство тысяч и тысяч таких строительных деталей. Конвейер должен был подчиняться строгому ритму. Одно из остроумных решений при организации потока — машина, которая накручивала на каркас проволоку. Выходил каркас нужного напряжения и точных размеров.

Все это снималось на кинопленку, где-то в архивах пленки сохранились. Партийной организацией и Моссоветом прилагались усилия, чтобы поскорее получить материалы с заводов, которые нам расписал Госплан, главным образом, металл определенного сечения и качества, цемент нужных марок. К тому времени у нас было искажено настоящее или истинное представление: понятие о цементе. Каганович как министр стройматериалов, чтобы блеснуть перед Сталиным, добивался количественных результатов. Он был неплохим организатором, но еще больше имел нахальства, и, чтобы показать, что под его руководством превзошли все ожидания по выработке цемента, он завел много его марок. Был создан кладочный цемент, который в общей сумме выпускаемой продукции тоже засчитывался, но пригоден был только для кладки кирпичных стен. Известковый раствор, который достался нам в наследство от прадедов, был значительно лучше. Нам же требовался иной цемент, чтобы получить заданную расчетом прочность изделий. Мы следили, чтобы поставляли цемент качественный, с определенных заводов и определенной марки. А получая его, сразу проводили испытания: делали кубики и разбивали их, чтобы увидеть, какое давление они выдерживают.

Шло строительство железобетонных заводов, разрабатывались конструкции по изготовлению деталей, отрабатывались детали домов. Активно подключился к изготовлению железобетонных деталей профессор Михайлов. Он поставил задачу создать железобетонную плиту, тонкую и легкую, с большими ячейками квадратного сечения, способную перекрыть целую комнату. Его идея заключалась в изготовлении таких плит на вибростанках. Михайлов отдавался делу сполна. К тому времени в Москве уже организовали производство армированных железобетонных плит для потолочных перекрытий метровой ширины с горизонтальными отвер-

ствиями. Станок получили из Германии. Когда мы оккупировали часть Германии, то узнали там технологию изготовления бетонных плит для перекрытий зданий. Они хороши тем, что имеют внутри пустоты.

Технология производства их была отработана немцами, и мы сразу начали ее внедрять. Михайлов работал над собственной плитой, а мы стали изготавливать в широком масштабе пустотные железобетонные плиты для перекрытий. Их производство организовал товарищ Гинзбург²⁵. Это давний и очень опытный строитель, с которым я много раз имел дело, и мне всегда было приятно встречаться с ним и слушать его высказывания по вопросам строительства. Гинзбург являлся непререкаемым авторитетом и как организатор, и как инженер. Именно он, перенея новинку у немцев, внедрил ее, и эти плиты долгое время служили нам, оказавшись удачной конструкцией.

Еще работая после войны в Киеве, я как-то, приехав в Москву, попал на строительную выставку. Мне хотелось посмотреть направление мысли инженеров-строителей. Там я наткнулся на оригинальные перегородки между комнатами. Они были для нас камнем преткновения. Мы умели быстро класть кирпичные стены. Но когда потом ставили перегородки, в основном дощатые, то их требовалось обмазать, оштукатурить известковым или цементным раствором и высушить. Голод на жилища испытывался огромный, и люди, не дожидаясь, когда здание высохнет, въезжали в него. А тут строители оказывались не на высоте. Сырое здание сохнет, растрескивается, полы рассыпаются, все требует переделки. Появилось ходячее выражение, что первый ремонт нужно производить в новом здании, потому что все делалось из некачественных материалов.

И вдруг однажды я увидел плиту-перегородку на полную стену комнаты. Она служила межкомнатной преградой. Межквартирной перегородкой являлась капитальная кирпичная стена. В смысле звукопроводности: нет капитальных стен, которые не проводили бы звука. Даже в тюремных крепостях заключенные перестукивались через толстые стены, но все-таки то был приглушенный стук. Конструктором новой стены являлся инженер Козлов, безвременно умерший в возрасте 60 лет. Я ходил около его стены, поглаживал ее и любовался конструкцией, которая решала все. Можно было готовить такие плиты, пропаривать их, чтобы получить быстрое схватывание, потом просушить, оклеить (если только аккуратно ставить, чтобы не повредить обои) и ставить готовую стену. Я постарался встретиться с Козловым, высказав ему много приятно-

го, вроде того, что он нашел «жемчужину» для строительства. Но тут же изложил свои пожелания: надо, чтобы перегородочные плиты имели бы каркас не деревянный, как у него, а из легкого железобетона. Он-то сделал стену на гипсовом растворе. Гипс быстро схватывается, но недостаток его состоит в том, что такая конструкция будет служить только внутрикомнатной перегородкой и только в доме, в котором поддерживается определенная температура. Если же гипсовая плита почувствует влажный воздух, то стена станет сырой. Я попросил учесть это и изготовить железобетонный каркас на цементной основе соответствующей толщины с расчетом стандарта звукопроводности.

Козлов выслушал меня и ответил: «Убежден, что найду такое решение». Это был плодовитый конструктор, и вскоре я узнал, что он создал нужную перегородку. Я отправился к нему на завод и любовался его плитами. Произошло большое событие в строительном деле. Кое-кто скажет: «Опять Хрущев увлекся мелочью». Ну, нет, тут не мелочи, а решающий вопрос жилищного строительства. Только строители знают, сколько на плиты уходило времени. Штукатурной, неквалифицированной работой занимались в основном люди, прибывшие на стройку из деревни. Известна притча о Колумбе: его современники ломали голову, как поставить яйцо тупым концом на гладком столе, Колумб надломил конец и поставил. Вот вроде бы столь же простую вещь создал Козлов, изготовив плиту, которая готовилась индустриально, потом привозилась в контейнере, и (когда у нас появились краны), ее ставили краном на свое место. То есть никаких штукатуров и одни отделочные работы — шпаклевочные и обойные.

Потом я высказал новые пожелания Козлову: «Подумайте, не сможете ли вы сделать наружную стену на цементной основе? Желательно, чтобы она была полегче и ребристой, межреберье же будет заполняться чем-то для утепления». Мы искали способ утепления плит с применением шлаковаты при определенных связывающих материалах. Козлов опять взялся за дело. А у Михайлова пока что не получалось, изготовить плиту с нужной глубиной и тонкими ребрами трудно. Железобетон с щебеночным или гранитным заполнителем — это вам не металл и не глина, он слишком непластичен. Козлов же сделал цементный раствор с заполнителем-песком. Чтобы схватывание было прочным, его промывали. Получилась плита с ячейками и заданными пустотами. Я был готов расцеловать Козлова. Он изобрел конвейер! Конвейер железобетонного проката с автоматизацией и вибрационной утрамбовкой! Пластичная бетонная масса предварительно уплотнялась вибраторами

и, двигаясь дальше, попадала под резиновый ковер. Под его защитой конструкция проходила под прижимными металлическими вальцами, как в металлургическом прокатном стане, получая легкое добавочное уплотнение. Готовая деталь по роликам направлялась в пропарочную камеру. Образовался непрерывный поток. С другого конца камеры ритмично выползали плиты. Кранами их подавали на склад.

У меня вырвался вздох облегчения: получилась продуманная технология, позволяющая строить неограниченно. Не надо возни на стройплощадке с растворами, есть готовые детали для перекрытия, для стены и каркас здания. В сборке домов уже накапливался опыт. Основным звеном стали краны. Успешно решалось создание мостовых и башенных кранов. Особенное распространение получили башенные, как более мобильные. Заимев башенные краны, мы были на седьмом небе. Тут встал вопрос и об архитектуре. Какой облик придать домам конвейерного производства? Скрестились копыта ремесленников и промышленников.

Архитекторы отражали в основном точку зрения мастера-ремесленника, потому что она допускает широкие возможности выбора материала, формы, обогащавших каждую деталь. Я уже не говорю о целом доме. Появляется и реализуется цель художественно оформить здание. Это очень ценно, и я выступаю в принципе за это. Но все-таки не до бесконечности, надо уметь и сдерживать себя. Чтобы получить дом, который украшал бы улицу и город, приходится тратить много сил. А всякое поточное производство остается поточным. На нем можно получить разные профили с различным орнаментом даже в бетоне, однако те художественные детали, к которым привыкли наши маститые архитекторы вроде Жолтовского, любившего капители и греческие колонны, изготовить невозможно. Эти «старорежимные», как мы в шутку говорили, архитекторы строили некогда не для народа, а для господ.

Да, сами архитекторы могут мне возразить, что я забыл, дескать, о зодчестве, которым славится Древняя Русь. О такой индивидуальной красоте, какая отличает храмы в Кижях. О художественных работах наших плотников, которые без единого гвоздя, одними топором, стамеской и рубанком делали не только добротные, а и очень красивые сооружения. Все это я знаю. Помню и о Кижях, и об узорных наличниках на крестьянских домах, и о прочих резных украшениях. Я ведь с детства видел многое в своей Курской губернии, включая родную деревню Калиновку. Она была типичной деревней с саманными домами, в оконные проемы вставлялись четырехугольные рамы, все оконца расписаны. Вокруг окон и дверей

вместо наличников шла роспись синькой с вырисованными узорами. В других местах России встречалось иное убранство домов. Но разве можно сохранить индивидуальность на потоке?

Архитекторы встретили железобетон неприветливо. Всякий штамп ограничивает индивидуальность. Да простят меня архитекторы. Я много работал с ними, много их слушал, многому у них научился, часто их поддерживал. Но из песни слова не выкинешь, что было, то было. Большинство архитекторов встретило поточное производство деталей и сборку домов в стыки. Раньше чуть ли не каждый дом имел своего архитектора и не был обезличен. Архитектор рассматривал здание как памятник своего времени, вкладывал всяческие особенности и в оформление окон и дверных проемов, и в капители, и в облик фасада — во все, чем богата архитектура. Я же в те годы доказывал: «Поймите, перед нами стоит проблема дать людям побыстрее жилье. Быстро и дешево дома можно получить только на потоке. Приходится унифицировать производство деталей, это позволит наладить конвейерный их выпуск, а точность изготовления и квалифицированные сборщики обеспечат безупречную сборку».

Примером может служить автомобильное и тракторное производство. Разрабатывая какую-то модель автомашины и запуская ее в производство, мы потом такими моделями заполняем улицы всех городов страны. Несмотря на однообразие, вследствие неплохого оформления эти машины воспринимаются хорошо. «Так давайте же по примеру машиностроителей, — говорил я, — которые добились подобного результата, строить дома тоже с помощью конвейера и пользоваться квартирами по доступным ценам». Если стоимость автомобиля, производимого на конвейере, высока, то это не значит, что высока его себестоимость. Продажная цена устанавливается государством и не всегда основывается на затратах. Она определяется не только затратами, а иными экономическими соображениями. Это уже другой вопрос. Однако если каждую машину делать вручную, то она будет доступна только королям. Тем более нельзя удорожать строительство жилищ для миллионов рядовых граждан.

Мне было больно входить в конфликт с архитекторами, которых я ценил и уважал. Часть из них вскоре прониклась сознанием необходимости идти путем массового жилищного строительства. Потом был создан институт типового проектирования с мастерской, разрабатывавшей типы фасадов и как бы создававшей лицо улиц. Мы попытались найти такие архитектурные формы, чтобы как-то разнообразить дома и чтобы улицы не были скучны. Хотели

выделить каждый квартал, но достичь этого было очень трудно. Изобретательные архитекторы кое-что все же делали. Потом возникло много острот по поводу того, как человек, возвращаясь слегка «под мухой», не может поздним вечером найти свой квартал, свой дом. Да ведь нетрезвый может и в трех соснах заблудиться. На этот счет бытует не одна народная поговорка. Зато мы в короткий срок давали исстрадавшимся людям жилье, и они покидали прежние подвалы и чердаки.

Я не раз выступал на митингах перед москвичами с докладами о жилищном строительстве, говорил там с азартом и жаром, заявляя, что станем собирать дома, как собирают автомашины на заводе имени Лихачева. Некоторые улыбались, считая мои слова фантазерством. Разве можно собирать дома? Помню время, когда я впервые услышал, что на конвейере собирают тракторы. Для меня это тоже было новостью, которая не укладывалась в голову, хотя я давно знал, как собирали машины на заводе, где я работал слесарем. Но там каждая машина отрабатывалась в чертежах, потом изготавливались отдельные детали. Когда же гениальные инженеры предложили массовое производство однотипных машин, это стало переворотом в машиностроении.

Вот мы и подходили к перевороту в жилищном строительстве, и мне сейчас приятно об этом вспоминать. Мы прокладывали тут дорогу, по которой потом пошли все страны мира. Когда мы искали новые архитектурные приемы застройки, я предложил изготавливать детали для украшения окон и дверей. Ведь мы могли штамповать любые узоры из бетона и железобетона, а потом их окрашивать. Конфигурацию дома трудно изменить, здесь диктовало свои законы конвейерное производство. Жилье должно быть рациональным. Характер человека, его благородство, воспитанность — это его внутреннее содержание, а внешний облик — его одежда. Но иной раз довольно красивое лицо и яркая одежда прикрывают скверное внутреннее содержание. Так же и с жильем. Я часто встречал жилье, отлично внешне оформленное, а внутренняя планировка создавала невероятно тяжелые условия для хозяйки. Разместить с толком мебель и создать бытовые удобства в таком доме сложно.

Архитекторы часто пренебрегают внутренним расположением комнат, зато охотно проектируют эркеры или всяческие завитушки. Попробуйте у овальной стены расположить типовую мебель. При замене углов овалами квартира становится нерациональной и не может быть использована во всем своем метраже, а жильцы оплачивают пустые метры. Государство тоже терпит издержки, создавая такие дома, но многие архитекторы игнорировали этот факт.

Мне возразят, что я пристрастен. Извините, дорогие художники и архитекторы, мое уважение к вам сохранилось, мы вместе сделали очень много полезного, но возникали у нас и горькие минуты. Я приносил вам огорчения, но и вы не всегда доставляли мне радость. В спорах рождалась истина, которая не всегда могла удовлетворить всех. Если спор ведется на разумной основе, дело выигрывает. Полагаю, что в том споре, который я вел с архитекторами, выиграло именно дело. Мы перешли тогда на массовое строительство жилья, а сейчас то, что до конвейерного производства деталей домов казалось мечтой, изготавливается легко. При честном отношении к работе сборщиков и отделочников люди получают хорошую и удобную квартиру.

В результате перехода на железобетон напряженного армирования уменьшился расход металла на один кубометр бетона. Получилось не только удешевление строительства, но и экономия металла, пошедшего потом на возведение дополнительных жилищ. Стоимость квадратного метра имеет большое значение, и экономия позволяет расширить строительство для трудящихся. Металл в те времена был особенно лимитирован. При его нехватке ни при каких условиях не получалось увеличение жилищного строительства. Сначала до войны в Москве мы строили ежегодно не больше ста тысяч квадратных метров жилья. Это мизер, но нужно принимать во внимание, что все делалось вручную, а главным строительным материалом были кирпич, известковый раствор и древесина. Древесины не хватало, и первыми ее получали промышленные предприятия, а жилье оставалось на втором плане. Пятиэтажный дом клался из кирпичей примерно за два года. Причем и жилищное, и промышленное строительство осуществлялось посезонно, чаще всего зимой все замирало. Считалось, что зимой кладка из кирпичей невозможна, потому что на морозе раствор схватывается и не происходит его отверждение. Были случаи, когда дома разваливались. А в наше время мы изыскивали возможность строить дома круглый год.

Прежде редкостью являлись дома выше пяти этажей. Очень много строилось бараков. Рабочие-строители, пришедшие из деревни, размещались в барачных общежитиях с нарами и с приложением к ним в виде бытовых неудобств, которые донимали тружеников после изнурительного рабочего дня. Ко времени моего возвращения с Украины в Москву в столице за 1949 год было построено до четырехсот тысяч квадратных метров. За строительство отвечал Промыслов, который наблюдал и содействовал. Непосредственно строительство вели сотни всевозможных строительных

контор, ведомств, министерств, заводов и фабрик. Строительство было разбросанным, распыленным, осуществлялось медленно. Масса старых зданий пришла в ветхость, даже дома кирпичной кладки, построенные уже после революции. Перекрытия из невыдержанной, непросушенной древесины почти все были поражены грибом. Во время Великой Отечественной войны Москва плохо отапливалась, и сырость еще больше разрушила жилье. На него возник невероятный голод. Сейчас он стал меньше, хотя еще чувствителен. Выросли потребности людей, а от этого ощущение голода острее.

Мы стали набирать темпы строительства примерно с 1950 года, но очень медленно. Нам не хватало рабочей силы, и ее негде было разместить. Недоставало строительных материалов. После войны все средства были направлены на восстановление и дальнейшее развитие промышленности, чтобы нарастить экономический потенциал и обеспечить потребности вооруженных сил. Началась холодная война. Была опасность, что империализм навяжет нам новую горячую войну. Львиную долю народных средств стала потреблять оборона. Жилье опять отходило на второй план. Первейшие потребности человека — питание, жилье, одежда, культурные запросы — слабо удовлетворялись. После смерти Сталина раскрепощенный народ начал резче высказывать свои требования. Граждане почувствовали себя вольготнее, получив возможность выражать свои мысли и свое недовольство. Это неотъемлемое право людей.

Особенно возмущали всех невыносимые жилищные условия. Однажды Молотов на заседании Президиума ЦК КПСС заговорил об этом, и у него почувствовалась паническая нотка. Я смотрел тогда на него, как на новорожденного. Он что же — только теперь узнал, что нет жилья и что люди живут в домах-клоповниках? Что в коммунальных квартирах происходят бесконечные скандалы на бытовой почве? Председателем Моссовета стал тогда Яснов²⁶. Я общался с ним в Москве до войны. Он тогда работал инженером-строителем, потом участвовал в создании набережных на Москве-реке, превратился в признанного администратора, хорошо понимавшего строительное дело. Считаю, что строительство Москвы находилось в хороших руках. У каждого человека есть недостатки, не был лишен их и Яснов. До нас доходили сведения о его резкости и грубости, но в одном ему нельзя было отказать: он имел твердую административную руку властного человека и хорошо знал строительство.

В 1953 году у меня созрела мысль осуществить в руководстве строительством централизацию. В Москве жилища, построенные

ведомствами, и распределялись по ведомствам, причем далеко не всегда так, как хотел бы Моссовет. Совсем не принимались во внимание инвалиды и пенсионеры. Государство в Москве представлял Моссовет, а он напрямую получал мало средств и мало строил жилья. Возникла пробка, которая не давала никакого выхода. Я и предложил ликвидировать карликовые заводы стройматериалов и строительные конторы, создав два ведомства: одно ведало бы организацией строительства, другое — производством строительных материалов и деталей. То было очень бурное заседание. Молотов буквально вскипал: «Как можно делать это при таком жилищном голоде? Разве одно управление лучше справится со строительством, чем уже существующие?» Сначала казалось, что правда на его стороне. Когда же высказались все желающие, меня поддержало большинство, а затем и сам Молотов, который снял свои возражения. Было принято решение централизовать строительство.

К тому времени уже имелись в столице два завода сборного железобетона. Кроме них Москва располагала массой других стройпредприятий. Когда их объединили, то начали перестраивать их работу, специализируя заводы на производство определенных деталей. Пришла возможность перехода на поточное специализированное производство. Это сразу увеличило выход продукции. Затем мы наметили строительство других заводов по изготовлению деталей для домов, перевели на поток производство дверей, оконных рам, паркета, линолеума. Там, где поточного производства не возникло, специализация тоже получила признание вследствие резкого роста выработки. Повисилось качество изготовления там, где руководство завода добросовестно отнеслось к своим обязанностям.

К делу были привлечены многие крупные специалисты и организаторы. Если в них не всегда совмещались эти два качества, то все равно где-то нашли себя и организатор, и новатор-ученый. Первые привлекались на административную работу, люди со стружкой ученого заняли место в экспериментальных мастерских и научно-исследовательских организациях. Тем не менее строительство жилищ из сборного железобетона не сразу пошло гладко. Столкнулись с проблемой крепления деталей: варить их или свинчивать? Особенно много трудностей возникло с замоноличиванием, чтобы создать необходимую прочность и долговечность строительства. Часто слышались нарекания на недобросовестную работу строителей, допускавших щели и прочее, так что после отделки дома на нем были видны следы лап горе-отделочников. Плохой рабочий

оставлял свой фамильный знак, по которому жильцы узнавали, что тут трудился недобросовестный неряха.

Вспоминаю крестьянский рассказ об умении делать хорошую вещь. Крестьяне в Калиновке сеяли рожь, помещики — пшеницу. Как ни охранялись помещичьи посеы, но крестьянам удавалось порой уворовать что-то для себя. Один крестьянин уворовал пшеницу, размолот ее, просит жену испечь хлеб (а его семья голодала, не имея и ржаной муки) и говорит: «Если ты испечешь из белой, пшеничной муки, дети выскочат на улицу, и сразу все село узнает, что я украл пшеницу у помещика». Она успокаивает: «Я так испеку, что не будет заметно, из какой муки». Была «мастерицей».

Так — в любом деле, включая жилищное строительство. Из одинаковых материалов один сделает игрушку, а другой смастерит так, что противно смотреть. Критика же идет в адрес правительства. И правильно, а кого же критиковать? Правительство должно контролировать ход дела, заботиться, следить, повышать квалификацию работников, добиваться, чтобы все, что делается для народа, было бы добротным и долговечным. И не только долговечным, но красивым и удобным, чтобы жилище или предмет, которым пользуются жильцы дома, не огорчали живущего в этом доме, в этой квартире, а приносили ему радость. Но ничего не сделаешь, жизнь такова, одного доброго желания и одного слова не хватает. Никакое решение, никакие угрозы и наказания не помогут сразу достигнуть желаемого. Требуется общая культура, надо, чтобы человек осознал необходимость и научился строить хорошо. Он должен освоить свою профессию. Народные жалобы оборачивались против Моссовета и инициаторов нового дела. Мои кости перемывались тогда основательно. Но если тебя выдвинули на такой пост и ты обслуживаешь страну, то надо терпеть. Не всегда получаешь пышки, порою и шишки. Нередко шишек получаешь больше, чем пышек.

Из-за невероятной нужды в жилье мы вынуждены были, рассматривая проекты, ужимать все лишнее, чтобы поскорее удовлетворить большее число нуждающихся. Прежде всего возник вопрос этажности и высоты комнаты в ущерб некоторым удобствам. Размеры квартир, туалета, ванной комнаты, кухни — все подвергалось анализу инженеров-строителей. Возводились экспериментальные дома, которые мы потом осматривали, предлагая людям занять эти жилища и учитывая их замечания. Мы ограничили себя задачей создать минимально приемлемые условия для жизни людей. Мы пошли на это сознательно. Если бы мы пошли по максимуму, на широкую ногу, то почти для сорока процентов нуждающихся ото-

двинулись бы на годы сроки получения ими жилья. Не возникла бы масса новых семей, упала бы деторождаемость.

Я женился молодым человеком, в 1914 году мне было двадцать лет. Как только женился, получил квартиру. Следовательно, при капиталистических условиях, когда я работал рядовым слесарем, хозяин удовлетворял квартирами. И мне было больно, что я, бывший рабочий, при капитализме имел лучшие жилищные условия, чем сейчас мои братья. У меня тогда были спальня и кухня-столовая, помещение приличное, с деревянным полом и коридором, под ним погреб, куда складывались продукты. Каждая хозяйка занималась соленьями на зиму. В Донбассе существовал более богатый овощной ассортимент, чем тот, которым пользовались в пятидесятые годы в Москве. Кроме того, рядом с домом стоял сарайчик для угля и дров. Рабочие при желании могли держать в сараях корову, свинью, кур, и многие их имели. А теперь?

Мы не могли молодоженов удовлетворить не только отдельной квартирой, а и местами в общежитии. Куда же дальше? Люди добиваются свободы, чтобы лучше жить и удовлетворять свои потребности. И граждане говорили: «Что вы нам обещаете загробную счастливую жизнь? Дайте нам хоть немного земного счастья». Пришлось поторопиться, чтобы удовлетворить элементарные человеческие пожелания. Мы специально изучили иностранную практику строительства зданий. Прежде у нас высота комнаты достигала три с половиной метра. За границей многие люди, строя себе жилье на собственные средства, делали высоту в два метра семьдесят сантиметров. Если подходить с медицинской точки зрения, то необходимо создавать условия воздухообмена. Чем больше кубатура, тем лучше условия, нет спора. В Финляндии мне показали строительство дома, владелец которого, инженер, сам давал объяснения. Я спросил его о высоте потолка. Услышал: «Два с половиной метра». «Как низко», — удивился я. Он возразил: «Предпочитаю, чтобы кубатура была увеличена не за счет высоты, а за счет площади. Это расширяет возможности размещения семьи и создания удобств».

Если перед какой-то хозяйкой поставить вопрос, что лучше — высота или большая площадь, то многие выскажутся за последнее, потому что можно будет удобнее разместить мебель и расположить семью. Другая проблема — лифты. Решили обойтись в малоэтажных зданиях без них. Разве мы не понимали того, что на лифте подниматься легче, особенно престарелым? Да, трудно жить без лифта, но еще труднее без квартиры. Если спросить холостяка или молодоженов, согласились бы они получить поско-

рее квартиру на четвертом этаже без лифта, зато с удобствами, то услышишь согласие. Мы хотели строить одно- или двухкомнатные квартиры коридорной системы для молодоженов и для одиноких. При разумном распределении жилплощади давать ее пожилым людям на первом или втором этаже, тем, кто помоложе, — на третьем — пятом. Экономили на всем. На первых порах не все квартиры, к сожалению, оборудовались ванной, в некоторых имелся лишь душ. Конечно, многие оставались недовольны. Но разве лучше было обещать райскую жизнь за гробом? Некоторые верили в это, шли на муки и страдания, но сейчас уже таких «глупцов» становится все меньше и меньше. В наших условиях рано обещать, что наступит такое время, и люди будут пользоваться благами по потребности, а работать по возможности. Это хорошо и заманчиво, и мы в это верим, что когда-то это время наступит. Но это время коммунизма. Когда оно наступит, сейчас трудно сказать. Надо сегодня дать теплую светлую квартиру, чтобы это был не улей, в котором живут тысячи пчел. Другой раз однокомнатная квартира превращается в такой улей.

Поэтому при рассмотрении проектов мы порою пренебрегали некоторыми частными удобствами, помня о том, что масса народа в городах не знает, что такое теплый туалет. Крестьянство вообще пользуется холодным туалетом. На рудниках в старое время не знали, что такое домашняя уборная. Вспоминаю такой случай. В 1920 году мы, разгромив деникинскую армию, вышли к Новороссийску. Наш 74-й полк 9-й стрелковой дивизии занял Тамань. В мае меня и моего друга Петра Кабинета послали на курсы при политотделе 9-й армии в Краснодар. Мы, люди с рудников и из деревень, не имели понятия, что туалет может быть в квартире. В деревне это считалось неприличным, надо было ходить под сарай или за сарай. На рудниках был построен ряд нужников. Конечно, холодных, на улице. В иной из них можно было без риска зайти только на ходулях. В Краснодаре нас разместили в Доме благородных девиц с парком, прекрасными залами, спальными комнатами, тумбочками у каждой кровати. Это здание заняли боевые, но не столь благородные бойцы. Уже через два дня в туалет войти было невозможно, потому что люди не умели им пользоваться. Сначала его загадили, а потом принялись за парк. Через месяц и по парку ходить стало небезопасно. Такой была тогда наша культура. Но почему в середине двадцатого века нужно терпеть отсутствие приличного туалета?

Страдала из-за экономии и планировка. Претензии, которые мы предъявляли архитекторам и строителям, затем нам предъявляли жильцы. Встроенная мебель, чтобы не таскаться со шкафами и не

загромождать маленькие квартиры, внедрялась медленно и недостаточно. А за границей она широко применялась. Заходя для обследования в квартиру, подготовленную к заселению, я не раз возмущался пятнами на обоях, плохим качеством стен. Следователям уголовного розыска не составило бы труда найти по отпечаткам пятерни человека, который произвел такую грязную работу. Однажды мы с Микояном зашли в дом, где к отделке предъявлялись повышенные требования. Там работал армянин, приехавший из Франции. Он облицовывал стену мелкими мозаичными плитками. Это был художник своего дела. К сожалению, у нас таких были единицы. Если пол укладывался ковровой мозаикой, то цемент прикипал так, что потом его невозможно было отодрать; пол оставался с цементными пятнами.

Я думаю, такие «украшения», следы «культуры» нашего строительства, к сожалению, можно найти в каждом доме. В отделке мы очень небрежны. Нередко очень хорошее здание после отделки выглядело скверно и отравляло настроение человека, получившего ордер на квартиру. До получения ордера он соглашается на все, потому что выбора нет, а берет то, что дают. Потом начинает огорчаться и брюзжать, выражает свое недовольство довольно громко. И это законное недовольство. С этим надо считаться. Предоставляя квартиры, не надо людям отравлять настроение.

Не столь давно я по телевизору видел передачу «Наши соседи»: жильцы въехали в новую квартиру, а строители вымогали у них взятки. Преступление со стороны тех, кто вымогал, и тех, кто поощрял это вымогательство. Но я больше виню тех, которые вымогают, и меньше тех, которые дают. Может быть, четверть своей жизни человек прожил в общежитии, он уже исстрадался, находясь в таких условиях, хочет поскорее устроиться, поэтому, другой раз, идет на преступление. Увы, это характерная черта нашей эпохи, связанная с тем, что квартиры сдаются в уродливых условиях. Утешался я тем, что к 1964 г. в Москве, в результате перехода на сборное железобетонное строительство, ежегодно строили уже 3,8 миллиона квадратных метров жилья. Это по прежним временам головокружительная цифра. Дореволюционная Москва построила одиннадцать миллионов квадратных метров жилья за восемьсот лет своей истории. Мы такую же жилплощадь дали людям за несколько лет. К тому же не богачам, а трудящимся, и не общежития, а отдельные квартиры.

К примеру, даже в тридцатые годы рабочие Трехгорной мануфактуры жили в казармах и общежитиях. Спальные места были в два-три яруса. Можно себе представить атмосферу, в которой жил человек. Мне-то лично это знакомо.

Как-то, работая на заводе Боссе, я поехал монтировать горное оборудование — элеваторы и транспортеры — и зашел в двухъярусное общежитие. Никогда не забуду увиденного: некоторые рабочие правили малую нужду прямо со второго яруса вниз. С тех пор я возненавидел общежития.

Москва до начала крупного строительства в 1931 году не знала общедоступных канализации и водопровода. Устраивались разборные колонки. Мостовые, даже булыжные, были не всюду, даже в центре города. А другие элементарные условия жизни? На руднике можно сбежать в туалет, а в городе куда побежишь? В новой Москве планировались целые кварталы, прокладывали коммуникации городского хозяйства с телефоном, освещением, канализацией, водопроводом, мостовой, тротуаром и озеленением. Это строительство было значительно благоустроеннее, чем в дореволюционное время.

Теперь мы поставили задачу вывести людей из бараков, ликвидировать, срыть их, чтобы память о них осталась только в художественной литературе. Но, к сожалению, это не такое простое дело. Когда Моссовет и райсоветы стали распределять жилье, то начали поступать сведения, что получают его в первую очередь не те, которые живут в бараках или в клоповниках, а те, кто уже имеет отдельную квартиру. Они просто улучшали жилищные условия. Распределение квартир — вопрос политики, и здесь я встретился с большими трудностями. Мы наказывали людей, которые допускали это, потом предложили профсоюзам распределять квартиры, заранее выдавая ордера рабочим, чтобы они сами наблюдали за сроками и качеством строительства. Несмотря на это, мало что получалось. В условиях социалистического государства люди, улучшающие жилье, более влиятельны и имели возможность оказывать давление, находить себе каких-то ходатаев и защитников, а те, кто ютился в общежитиях, удовлетворялись в третью очередь. Где же выход? Строить больше и скорее. Это наилучший способ удовлетворения потребностей в жилье.

По метражу нового строительства мы тогда ошеломили мир. Ни одна страна не возводила столько жилья, сколько мы. Это признание было сделано мировой печатью. Я этим гордился и горжусь сейчас. Во время недавних выборов в Моссовет по телевизору транслировали предвыборное собрание. Выступал Промыслов с докладом по жилищному строительству и сказал: «Теперь мы, товарищи, будем строить только высотные здания. Пятиэтажки мы строили по указанию «сверху», а теперь станем строить высотные». Мне было горько слушать эту болтовню ответственного человека,

которого я в свое время продвигал и считал разумным. Что значит «сверху»? Он же был председателем Моссовета! Имелось ли у него какое-то другое мнение? Я такого мнения от него никогда не слышал. К тому же, в 1949 году он до меня возглавлял строительное дело в Москве. Пусть он вспомнит, какой этажности он возводил дома и с какими коммунальными условиями? Если же под словом «сверху» он имел в виду Хрущева, то я с гордостью беру на себя ответственность и убежден, что разумные люди оценят сделанное объективно.

Однажды некий архиерей объезжал свои приходы. В одном селе он не услышал колокольного звона и прочитал нотацию священнику: «Ты нарушаешь церемонию». Тот стал объяснять: «У меня на это одиннадцать причин», и начал с первой. Одиннадцатая же заключалась в том, что не было колоколов. Архиерей ему: «Чего же ты мне голову морочишь? Сразу начал бы с одиннадцатой». То же самое я сказал беспринципным политикам, которые рассуждают без учета конкретной действительности. Не было у нас возможностей строить быстро и с большим комфортом. Не имелось колоколов. Если бы мы строили со всеми удобствами, за которые всегда я ратую, то значительно сократили бы объемы строительства и продлили бы страдания людей, вообще не имевших жилья. Приходилось выбирать из двух зол меньшее. Считаю, что оправданно. Жилищный кризис вынуждал нас изыскивать любые возможности быстрейшего удовлетворения потребностей народа в жилье. Этому было подчинено все. Ради этого в целях экономии средств мы даже отказались от продолжения уже начатого строительства метрополитена в Баку и Тбилиси, зажали ассигнования на продолжение строительства метрополитена в Киеве, лишь бы поддержать возведение жилищ первой очереди. Правильно это было сделано или неправильно? Абсолютно правильно. В некоторых городах строительство метрополитена не является первой необходимостью. Я признаю, что это самый удобный и безопасный вид транспорта. А если возникнет новая война, он станет местом убежища, как московский метрополитен в годы Великой Отечественной войны. Но надо иметь в виду, что метро является очень дорогим удовольствием. Там, где есть возможность, надо пользоваться колесным наземным транспортом, трамваем, который еще не изжил себя, когда мы ведем обширное жилищное строительство. Москва и Ленинград в мое время не могли жить без метрополитена, поэтому им и отпускались средства на его строительство.

Баку растянулся на большое пространство, но это не концентрированный город по расположению жилья. Лучше бы

средства, которые в нем ассигновались на метрополитен, обратить на жилье. Такое же положение в Тбилиси. К тому же там это было временное решение. То, что сегодня дорого и невозможно, завтра станет возможным. Сейчас, читая газеты, я встречаю всяческие прожекты. Вот такой-то город тоже решил построить метрополитен. Это хорошо, но можно и обжечь руки. Израсходуют средства, необходимые для жилищного строительства, хотя можно было бы при разумном планировании пользоваться и наземным транспортом, более дешевым. Да и с точки зрения посадки пассажиров он удобнее. Трамвай, если сделать его быстроходным и бесшумным, вполне приемлемый вид городского транспорта. Я большой сторонник и троллейбусного сообщения. В пригородах полезно пускать электропоезда большой скорости на опорах, как это делают во Франции.

Некоторые архитекторы и инженеры предлагают поднять городское транспортное движение на уровень крыши пятиэтажных домов. Они доказывают, что шум от движения можно устранить, он не передается в здания. Не знаю, насколько это возможно. Могут создаться большие неудобства для жильцов. Но это далекая перспектива, и я ее не стану затрагивать. Новые идеи возникают и будут возникать постоянно. Проблемы транспорта все больше упираются в перспективу быстрого роста городов. Уже сейчас в Нью-Йорке пешеход в час «пик» может скорее преодолеть путь, чем на автомобиле. Я всегда был сторонником разумного регулирования размеров городов. Нельзя допускать перенаселенности, надо научно обосновывать рост города.

Противник я и того, чтобы допускать чрезмерное увеличение количества учебных заведений в столицах и других крупных городах. Среднетехнические и высшие учебные заведения должны быть рассредоточены по разным городам. Это благотворно воздействовало бы и на рост культуры населения. Любой вуз обогащает город. А такие учебные заведения, как медицинские, педагогические, пищевой промышленности и бытового обслуживания, обязательно следует рассредоточивать.

Я не знаю, сколько сейчас тысяч студентов в Москве? Обосновано ли это какими-то деловыми соображениями? Трудно доказать. Я считал, и тогда все мы придерживались линии, что не надо расширять высшие учебные заведения в столице, а надо строить их в других городах, ближе к тому виду производства, для которого они создаются. Будущие специалисты по мере необходимости на месте проходили бы практику и вообще изучали бы предмет не только в теории.

В те годы нашу политику в области строительства общественных зданий я бы назвал аскетической. Все ресурсы шли на строительство жилых пятиэтажек. Мы зажали даже строительство таких необходимых учреждений для воспитания нашей молодежи, как спортивные сооружения и клубы. Постепенно мы открывали шлюзы для этого вида строительства, но осторожно, иначе могла произойти большая перекачка денежных и материальных средств из фонда жилищного строительства. В нынешнее время именно это и происходит — строительство жилья топчется на месте, а средства вкладываются в здания отнюдь не первой необходимости. Недавно я прочитал заметку в газете о том, что в Минске создается проект закрытого футбольного поля. Плохо это или хорошо? Очень даже хорошо, но сколько это будет стоить? Надо как можно больше строить более дешевых и открытых стадионов, чтобы большее количество желающих имело возможность заниматься спортом и наблюдать соревнования. В постановлениях Совмина СССР об излишествах конкретно и резко не говорится. Такая стыдливость вредна для дела, потому что отвлекаются средства, необходимые для возведения жилья. Можно ли найти разумное оправдание тому, что в Киеве построено нечто вроде копии московского Дворца съездов? Говорят, по отделке он его превосходит. Сколько миллионов стоит это сооружение? Я боюсь сказать. Это при том, что Киев имеет незагруженные театры и дома культуры. В Киеве есть общественное сооружение (я сам был участником проводимого в нем совещания), вмещающее около пяти тысяч человек. Промышленная кооперация затем построила аналогичное сооружение вместимостью в три тысячи человек. Одним словом, для Киева такого количества помещений для концертов, собраний и митингов вполне достаточно. Нет, построили Дворец съездов! То здесь, то там отвлекаются ресурсы на строительство сооружений, в которых нет острой нужды. Я говорю: «острая нужда»... Ее всегда можно обосновать, как говорится, можно притянуть за уши. Но надо из всех нужд выбрать самые острые, а это — жилье. Сегодня — это все еще жилье. Правда, мы сбили остроту. Сотни тысяч людей получают миллионы метров жилой площади, но еще нельзя сказать, что проблема решена. Над ней придется много и долго работать.

Меня как-то один киевлянин спросил: «Верно ли, что вы были против строительства подземного ресторана на площади Калинина? Шелест, выступая на городском активе, говорил, что Хрущев был против, и тут же сказал: «А ведь сооружение очень красивое»²⁷. Если дать деньги, то архитекторы могут соорудить и не такие красивые здания, а даже похлестче. Но зачем Киеву подзем-

ный ресторан? Он обходится стоимостью в пять наземных. Нельзя же во имя красоты демонстрировать глупость. Вопрос в том, что рационально. Если подсчитать, какие средства были затрачены на этот ресторан и что можно было бы на них сделать для жителей города, то неизбежно задумаешься.

Скажу и о высотном строительстве. Какая высота наиболее рациональна? Здесь тоже много субъективного. Можно теорию притянуть к нуждам практики, можно и наоборот, во имя оправдания того или другого шага. В мое время прежде всего ставилась цель: при меньших денежных и материальных затратах построить побольше жилищ. Такова была наша политика в этом вопросе. Вторая причина возведения пятиэтажек — военного характера. Должен признаться, что на меня война оказала в этой связи немалое влияние. Я видел страдания людей и многочисленные разрушения и до сих пор не освободился от картины разрушенных городов. Чем выше здания, тем при бомбежке больше разрушений и жертв.

После войны Англия под ее воздействием приняла решение не строить здания выше пяти этажей. К тому же это самое рациональное строительство, с наименьшими затратами. Если опять разразится военная катастрофа, то взрывная волна, которая распространяется веерообразной воронкой снизу вверх, сокрушит меньше. Могут сказать, что при водородных бомбах это не имеет значения. Не согласен. Они производят разрушения много больших масштабов, но подчиняются тем же законам физики.

Полагаю, что пока твердый мир не обеспечен на земном шаре, данный довод сбрасывать со счетов нельзя. А зачем вообще нам строиться вверх? Мы же не Япония или Голландия, где люди вынуждены отвоевывать территорию у моря. У нас такой необходимости нет. Для жильцов чем выше, тем не лучше, а хуже, да и дороже. Если рассуждать несколько утрированно, то во сколько обходится жильцам 25-го этажа пользование туалетом? Сколько стоит подача туда воды? Скажут, а как же в Америке? Но и там небоскребы составляют меньшинство домов. К тому же в капиталистических условиях высотные здания оправданы тем, что земельная площадь под застройку стоит очень дорого, поэтому застройка и ползет вверх. Экономически это оправдывается, интересы же живущих игнорируются. Еще когда в середине тридцатых годов мы принимали решения о реконструкции Москвы, специалисты разъясняли, почему надо ориентироваться на пяти- или семизэтажные здания, и критиковали высотные дома, критиковали разумно. В США богачи в высотных домах не живут. Они строят их для коммерческих пред-

приятый. Хочешь располагаться в центре — плати. Такой подход экономически оправдан.

У нас подходы иные и экономическая целесообразность иная. По крайней мере пока. Что будет, когда резко возрастет население городов СССР, не знаю. Все решат экономические расчеты.

После войны в Москве построили несколько высотных зданий: Московский университет, здание на Смоленской площади под Министерство иностранных дел, жилой дом на Котельнической набережной и другие. Когда их построили и доложили Сталину, какова должна быть квартплата, чтобы строительство экономически себя оправдало, то выяснилось, что большинство москвичей не смогут позволить себе оплачивать такие квартиры. Сталин предложил дать эти квартиры людям, имеющим высокие заработки, — народным артистам, видным ученым, известным литераторам. Одним словом, верхушке общества. Но даже для них квартплату пришлось снизить, и она не восполняла затраты на сооружение домов. Никакой капиталист не стал бы строить такие здания на таких условиях. Но если капиталисту это не выгодно, то почему нам подобное строительство кажется привлекательным?

Помню, как у Сталина возникла идея построить высотные здания. Мы закончили войну Победой, нас признали победителями, к нам, говорил он, станут ездить иностранцы, ходить по Москве, а в ней нет высотных зданий. Они будут сравнивать Москву с капиталистическими столицами. Мы потерпим моральный ущерб. В основе его мотивировки лежало желание произвести впечатление. Но ведь эти дома — не храмы. Когда возводили церковь, то хотели как бы подавить человека, подчинив его помыслы Богу.

Конечно, я вовсе не придерживаюсь той точки зрения, что высотные здания совсем не нужны. Это было бы глупо. Просто я высказываюсь за рациональность во всяком деле. В подтверждение своей позиции привожу здание СЭВ, которое расположено у Кутузовского моста. В строительстве этого сооружения участвовали все страны, которые входят в экономическое объединение социалистических стран, а правительство утверждало проект. Сейчас, проезжая по этому мосту, я люблюсь этим зданием: в нем найдены хорошие пропорции. Такое высотное здание оправдано, так как экономически выгодно и красиво.

Другой пример. Если бы я имел какое-то влияние на принятие решения о строительстве высотного здания Московского университета, я был бы против. В нем огромное количество студентов и аудиторий, поэтому надо избегать лишней вертикальной транспортировки. Очень разумно в Ленинграде сделан в три этажа быв-

ший Смольный институт. Очень целесообразно размещались люди в этом здании, а архитекторы оставили после себя хорошую память. Я не говорю, что все должно быть в три этажа. Должна быть рациональность с учетом назначения сооружения. Высота здания для Московского университета, которое строили в чистом поле, экономически ничем не оправдана. Это было своеволие Сталина. Я хотел бы закончить свои рассуждения о высотном строительстве зданий следующими словами: многоэтажность — это вопрос вкуса, вопрос времени и, прежде всего, экономической целесообразности. Всякое создаваемое сооружение должно отвечать своему назначению. Мерилом в жилищном строительстве должны быть удобства для людей и стоимость квадратного метра жилья.

Сбивая невероятный голод на жилье, мы тогда удобства подчинили стоимости. Нужно было бы строить хорошие отдельные ванны и уборные. И ванную комнату не так делать, как делали мы, не душ или сидячую ванну, а хорошую, полноразмерную ванну, с тем чтобы можно было бы во весь рост вытянуться и понежиться в теплой водичке. Но, к сожалению, тогда этого мы сделать не могли. У нас не было возможности. Мы могли бы вместо того построить какое-то количество роскошных квартир, но именно за счет количества, что обернулось бы против нуждающихся в жилье. Одним дали бы роскошные жилища, а других оставили в подвалах и на чердаках. Это обернулось бы жестокостью.

К концу моей политической и государственной деятельности правительство СССР готовилось к строительству жилищ с большими удобствами²⁸. Когда мы беседовали об этом с главным архитектором Москвы Посохиным, он представлял проекты, которые вполне соответствовали такому назначению. Я обратился к нему с просьбой спроектировать здания в девять, четырнадцать и шестнадцать этажей. К товарищу Козлову я обратился с просьбой спроектировать детали для таких жилых зданий на своих вибропрокатных прессах.

Я попросил товарища Посохина предусмотреть в новом здании иные нормы по площади жилья, особенно прихожей, кухни, туалета и ванной комнаты. Обязательно отдельные туалет и ванная комната и встроенная мебель. Посохин тогда мне напомнил, что это выйдет за пределы установленных правительством норм.

Я ответил, что этот жилой дом — следующая ступень, на которую мы уже должны подняться; строить с большими удобствами. Конечно, здесь должны быть лифты с бесшумными муфтами, чтобы при пользовании лифтами и закрывании дверей здание не со-

дрогалось бы. Лифты должны быть бесшумными, такими, какие умеют их делать финны.

Построили первое девятиэтажное здание. Я выезжал и осматривал его. Потом начали следующий этап — строительство 16-этажного дома из тех же деталей. Мы активно готовились к новому этапу в жилищном строительстве. Становилось невыгодно строить четырех- и пятиэтажные дома. Экономически обоснованная высота жилищного строительства смещалась к девяти — двенадцати этажам. К этому мы и готовились. В стоимость квадратного метра входят не только собственные затраты сооружения жилого дома, но и другие: прокладка дорог, прокладка тротуаров, прокладка коммуникаций: газа, телефона, электричества и всего, что сопряжено с созданием жилого квартала. При строительстве высотой в четыре-пять этажей пространства занимает больше, чем при строительстве девяти-двенадцатиэтажных домов. При увеличении объемов строительства центр тяжести расходов все больше смещался с самих домов на подготовку территории. В соответствии с этим мы меняли свои подходы. Теперь получалось: чем выше здание, тем оно дешевле, но не буквально: есть какой-то предел. Выше этого предела повышение этажности вновь ляжет накладными расходами на стоимость квадратного метра жилой площади. Такова диалектика строительства, и важно уловить момент, когда следует изменить устаревающую стратегию. На первом этапе жилищного строительства мы опирались на пятиэтажки, теперь стал разумен переход к зданиям в девять — двенадцать этажей при той же стоимости одного квадратного метра площади. В пятиэтажках стоимость квадратного метра достигала 110 рублей. В Нью-Йорке высотное здание экономически оправдывается иначе. Там застройщики скупают целый квартал, сносят все прежнее малоэтажное жилье и строят высотные здания. Им так выгоднее. В социалистических условиях должен быть другой подход. Надо не сносить пятиэтажки, а сохранять их, капитально ремонтируя, внутренне переустраивая и улучшая. Если мы придадим старым домам новый облик, встроим лифты и улучшим в них условия проживания, то не всегда человек захочет переехать оттуда в высотку²⁹. Повышение этажности можно рассматривать как естественную эволюцию в строительстве. После смерти Сталина на периферии жилье строилось в один-два этажа. Спрашивается: «Почему?» Здесь никакой политики не было. Москвичи же увлеклись небоскребами. И то, и другое невыгодно, это крайности. Расчистка и всякие коммунальные услуги при одноэтажном строительстве стоят невероятно дорого. О высотках я уже говорил. На том этапе строительство трех-,

четырёх - и пятиэтажных домов оказалось значительно дешевле, так же, как и обслуживание живущих в таком городке заводского типа. Теперь наиболее разумная высотность здания девять — шестнадцать этажей. Что будет завтра? Не знаю.

Подводя итог своим записям о строительстве, я радуюсь и горжусь, что мы освоили строительство жилья в таких грандиозных масштабах. Все это благодаря сборному железобетону. Мы первыми в мире проявили инициативу в этой области. Однако скажу, пока мы спорили, осваивали и внедряли сборное железобетонное строительство, Запад успел взяться за ум и шагнул семимильными шагами в этой сфере. Теперь нам нужно самим шагать дальше, не забывая о достигнутом. Когда в Югославии был разрушен землетрясением город Скопле, а я вскоре после него, побывав в Югославии, увидел все разрушения, то мы в порядке братской помощи послали туда саперов. Они произвели разборку зданий, которые могли быть восстановлены, и расчистку города. Мы подарили Югославии завод сборного железобетона для жилищного строительства. Думаю, что он сыграл свою роль в восстановлении города. Такой же завод мы передали правительству Афганистана. Можно сказать, что сборный железобетон завоевал себе международное признание.

¹ МАРСАКОВ Г.П. изобрел жесткие кольцевые конвейеры.

² Находится на Ходынской ул., сейчас носит имя В.П. Зотова.

³ Крымский, Москворецкий, Устьинский и Краснохолмский мосты.

⁴ ЧЕРНЫШЕВ С.Е. (1881 — 1963) — в 1931 — 1935 гг. один из участников разработки плана реконструкции Москвы.

⁵ ФОМИН И.А. (1872 — 1936) — выдвинул программу «реконструкции классики» (сочетание традиций русской классической архитектуры с современными методами строительства).

⁶ ЛАНГМАН А.Я. готовил также проект нового здания НКВД.

⁷ ВЕСНИНЫ А.А. и Л.А. — возглавляли направление конструктивизма в советской архитектуре.

⁸ Был принят проект А.М. Рухлядева и В.Ф. Кринского.

⁹ Работал он там в этом качестве в 1944 — 1950 гг.

¹⁰ При участии П.В. Абросимова.

¹¹ ФОМИН И.И. — советский архитектор. С 1971г. народный архитектор СССР, с 1979г. член-корреспондент АХ СССР.

¹² АБРАМОВИЧ М.Д. — работал на Киевском заводе керамических блоков.

¹³ Ему помогали А.В. Добровольский, В.Д. Елизаров, Б.И. Приймак, А.И. Малиновский.

¹⁴ МИХАЙЛОВ К.В., в 1965 — 1988 гг. — директор Московского научно-исследовательского института бетона и железобетона, доктор технических наук.

¹⁵ ЗАСЯДЬКО А.Ф. в то время являлся зам. наркома угольной промышленности СССР и потом зам. министра строительства топливных предприятий.

¹⁶ Впервые железобетонные шпалы появились еще в 1896 г. в Австрии. В 1920 — 1930-е годы за рубежом стали применять составные шпалы из пары железобетонных блоков. В СССР после войны нашли распространение железобетонные шпалы длиной до 270 см.

¹⁷ 24 октября 1949 г.

¹⁸ ПРОМЫСЛОВ В.Ф. (1908 — 1993) — начал заниматься строительством в 1933 г., в 1949 — 1951 и 1953-1954 гг. был зам. председателя Мосгорисполкома, далее — секретарь Московского горкома КПСС, первый заместитель председателя Мосгорисполкома и начальник Главмостроя, председатель Госкомитета Совмина РСФСР по делам строительства, министр строительства РСФСР и с 1963 г. председатель Мосгорисполкома.

¹⁹ СОКОЛОВ К.М. (1903 — 1983), начальник Госстроя СССР в 1949 — 1958 гг.

²⁰ СОКОЛОВ А.К. Они с Леоновым познакомились в 1965 г., ранее выставлЯли свои картины порознь.

²¹ ЛЕОНОВ А.А. (род. в 1934 г.), генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, начал писать такие картины в 60-е годы, впервые выставил их в 1958 г. в Выставочном зале Союза художников СССР в Москве, на ул. Горького (ныне ул. Тверская), в 1967 г. первую совместную выставку Леонова и Соколова посетил Хрущев и, согласно свидетельству очевидцев, оставил им на память сосуд с березовым соком из деревьев своей дачи.

²² СОКОЛОВСКИЙ Д.И.

²³ КЕЛДЫШ В.М. (1878-1965) — генерал-майор инженерно-технической службы, заслуженный деятель науки и техники РСФСР с 1944 г., участник строительства канала Москва — Волга, Московского метрополитена и др.

²⁴ Ныне — Люберецкий комбинат строительных материалов и конструкций. Краснопресненский завод железобетонных конструкций (Домостроительный комбинат №1).

²⁵ ГИНЗБУРГ С.З. (род. в 1897 г.) — нарком СССР по строительству с 1939 г., министр строительства военных и военно-морских предприятий, потом министр промышленности стройматериалов, далее заместитель ряда отраслевых министров и председателя Госстроя СССР.

²⁶ ЯСНОВ М.А. был председателем Моссовета в 1950 — 1956 гг. К тому же периоду относится Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 августа 1955 г. «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства», в котором говорилось о развитии производства сборных железобетонных конструкций и деталей. 31 июля 1957 г. было принято соответствующее постановление «О развитии жилищного строительства в СССР».

²⁷ Речь идет о времени, когда П.Е. Шелест был (до 1972 г.) первым секретарем ЦК Компартии Украины.

²⁸ В 1963 году.

²⁹ Эти мысли нашли отражение в Постановлении Совета Министров СССР от 21 августа 1963 г. «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов».

ДЕЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

Часто и знакомые, и незнакомые, даже случайно встретившиеся со мной люди задают мне вопросы о моих взглядах на развитие сельского хозяйства¹. О сегодняшнем дне мне трудно говорить, ибо прошло уже пять с половиною лет, как я питаюсь лишь газетными статьями и сообщениями радио. Могу поэтому рассказать о прошлом, а о настоящем высказать лишь некоторые суждения.

Несколько слов о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство в нашей стране после революции всегда было делом трудным: из-за малости хозяйств, мелкотоварности трудно поддавалось управлению. Не было техники, только соха, правда, она встречалась уже редко, и плужок. Одноконный плужок был рассчитан на слабую крестьянскую лошадь. Плуг, позволяющий пахать глубоко, крестьянская лошадь не потянула бы. Как правило, крестьянин пахал землю плужком в упряжке одной лошадей, в одну лошадиную силу. Минеральных удобрений совсем не было, даже понятия о них не имели.

На моей родине главным образом производились пшеница на продажу и овес для соседнего конного завода. Там был прекрасный конный завод. Хозяйство велось на очень высоком уровне, хотя тракторов у помещиков в то время не было. Пахали глубоко, навоза вносили много. Видимо, у них был селекционный семенной материал, хороший, отборный, поэтому урожай получали по тому времени для крестьянина совершенно немыслимый: от тридцати до тридцати пяти центнеров пшеницы и по триста тридцать центнеров с лишним сахарной свеклы. Я мальчишкой слышал, как крестьяне вздыхали от зависти: они получают сорок — сорок пять пудов, а помещики убирают такие хлеба! В пять раз больше! Когда я работал председателем Совета Министров, то посылал к бывшему приказчику помещика своего помощника, узнать какие же тогда собирали урожаи.

В детстве я какое-то время жил в деревне и полюбил крестьянский быт. Но в основном детские годы я провел на рудниках с отцом, который работал на угольных копях. Особенно в моей памяти сохранилась его работа на шахте Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки. Сам я трудился в юности на машиностроительном заводе, потом на руднике, потом служил в Красной Армии. В этих районах Украины, в Донбассе, до самой революции рабочие были хорошо обеспечены продуктами питания. Если в Петербурге, Москве и других городах были очереди, то у нас таких очередей не было. Донбасс обеспечивался хлебом с Кубани, с Дона. Очереди у

нас стали появляться после Октябрьской революции, когда начался саботаж и бегство торговых людей, когда началась гражданская война. На Дону восстали казаки, Каледин. Кубанский хлеб стал нам недоступен. Таким образом, создались трудности не в результате отсутствия продуктов, а из-за дезорганизации, из-за гражданской войны.

Надо сказать, что до революции потребление с внутреннего рынка было небольшим. Во-первых, рабочего класса и служащих было немного, основное население страны было крестьянским, которое питалось не с рынка, а из собственного хозяйства. Крестьянство России питалось очень примитивно, не все крестьяне обеспечивали себя даже хлебом, а о мясе и говорить нечего. Не было у них и денег. В Донбассе на базаре можно было купить дешево что угодно, но это не было изобилием всей страны. Изобилие сложилось в определенном рабочем районе, где платили соответствующие заработки, которые давали возможность потреблять мясо и постное масло. Основная часть населения была лишена этих возможностей. Порой продавалось последнее, с тем чтобы купить керосин. Некоторые деревни в то время пользовались еще не керосином, а лучиной. Это была примитивная жизнь бедняков. Сельское хозяйство не удовлетворяло запросов страны. Средства производства оставались те же самые: тот же плуг, та же соха и та же обессилевшая лошадь.

В начале 1922 года я из армии вернулся в Донбасс и по партийной мобилизации выезжал в село на проведение посевной кампании. Я ездил в Марьинские села. Раньше там жили богато, а в голод после 1921 года люди умирали, были даже случаи людоедства. Вся наша работа заключалась в том, что мы собирали крестьян и призывали их сеять хорошо и вовремя, а еще лучше провести сверхранний сев. То, что мы говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно примитивной, как и речь других товарищей. Я никогда по-настоящему не занимался сельским хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у своего дедушки в Курской губернии. Сельское хозяйство в Донбассе очень многим отличается от средней полосы. Здесь оно было на высоком уровне, а крестьяне были более обеспечены. На Украине пахали, главным образом, парой коней, а другой раз, кто побогаче, даже запрягали в плуг пару волов. А самые богатые — две пары волов. Так же поступали и помещики в Курской губернии.

Я пошел учиться на рабфак в том же двадцать втором году, учился три года. Секретарем уездного комитета у нас был Завенягин. Когда я окончил рабфак, то секретарем окружкома (тогда уже перешли от уездов к округам) стал Моисеенко.

После окончания рабфака в 1925 году мне не дали возможности поступить в высшее учебное заведение. Хотел учиться, получить специальность. Я имел склонность к инженерным вопросам и мечтал поступить на факультет машиностроения. Как слесарь я любил свою профессию, любил машины, но мне сказали:

— Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное. Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Марьинском уезде, смешанном по профилю производства. Это выражалось в том, что собственно Марьинский уезд был сельскохозяйственным, а угольные копи назывались Петровскими рудниками (бывшие Карповские), в честь Григория Ивановича Петровского, который, еще будучи депутатом IV Государственной думы, как-то приезжал туда. Я не могу сказать, выступал ли он, но к выступлению готовился. Меня пригласили на это собрание рабочих, которое созывалось нелегально. Потом его отменили. Подробностей я не знаю, поскольку не входил в число организаторов. Мне просто сказали, что полиция «пронюхала» о месте собрания, и Григорий Иванович сообщил, что, раз так, то оно не состоится. Я уже шел к месту сбора, а там специально выставленные люди предупреждали, что собрания не будет. Приехал туда Петровский потому, что был избран в Думу от Екатеринославской губернии, в состав которой входили рудники. Там по работе я и столкнулся с сельским хозяйством, когда, как говорится, нужда заставила.

Когда я принял дела первого секретаря укома партии, мне пришлось заниматься всем, включая сельское хозяйство. Уком располагался в поселке на шахте № 5 Трудовская. Она и сейчас действует. Тогда это была маленькая шахта с поселком, расположенным в степи, рядом с большим и богатым селом Марьинка. Неподалеку находилось село Григорьевка, а еще ближе к рудникам — большое село Кременная. Назвался груздем — полезай в кузов! Раз избрали секретарем укома, я должен был давать универсальные руководящие указания. Так я стал человеком, облеченным ответственностью и за состояние сельского хозяйства в уезде, и за добычу угля рудниками, и за деятельность Красногоровского завода керамических изделий. В Донбассе это был тогда единственный завод, вырабатывавший огнеупорный кирпич для облицовки доменных и мартеновских печей. Мои функции заключались не в обеспечении производства сельскохозяйственных продуктов, а в выколачивании этих продуктов из крестьянских дворов.

В 1926 году на партийной окружной конференции меня избрали заведующим орготделом окружного партийного комитета. Орга-

низационная структура была такой: заведующий орготделом являлся заместителем первого секретаря. Единственным секретарем в окружке был тогда Моисеенко. Позже мы с ним разошлись, не сработались. Он трагически кончил свою жизнь, будучи расстрелянным в результате произвола 30-х годов. Я убежден, что он был честным человеком. В окружке мы тоже занимались сельским хозяйством. Оно тогда поднималось, как на дрожжах. Стимулятором послужила ленинская политика нэпа, ставшая двигателем частной инициативы. В результате сельское хозяйство быстро восстановилось до дореволюционного уровня, а кое в чем его превзошло. Продуктов в 1925 году у нас было сколько угодно и по дешевке. После двадцать второго года с голодом и людоедством теперь настало изобилие продуктов. Это было просто чудо! В селе Марьинка в начале весенней кампании 1922 года я проводил собрания и видел, в каком состоянии были тогда крестьяне. Они буквально шатались от ветра, не приходили, а приползали на собрания. Когда же я приехал туда секретарем райкома, их было трудно узнать. Просто чудо, как поднялись люди.

Зажиточным людям дали возможность применять наемную рабочую силу. Кулаки этим воспользовались, они получили в аренду сельскохозяйственные предприятия, мельницы. Одним словом, была предоставлена довольно большая свобода для инициативы экономического порядка, и сельское хозяйство очень быстро восстановилось. Оно полностью обеспечивало все потребности рынка. Главная наша задача теперь заключалась в соревновании с частником. Надо было обеспечить Марьинский кооператив продуктами и добиться, чтобы он лучше обслуживал население, больше продавал.

В то время председателем рабочего кооператива был Косинский Ваня, замечательный товарищ. Мы его называли «партизан». Я всегда его теребил. Как только приходил к нему, он встречал меня словами:

— Опять пришел ругаться?

Я шел к нему через базар и видел, как частник торгует мясом и чем торгуют на наших лотках. Частник нас всегда прижимал. Он торговал лучше: лучше разделявал мясо, более привлекательно, а цена была единая, пятнадцать копеек за фунт. Та же, которая в этом районе была до войны. Частник другой раз маневрировал, продавал по четырнадцать или четырнадцать с половиной копеек.

При нэпе появилось и много соблазнов. Нэп оказывал разлагающее влияние на партийных и хозяйственных работников. Соприкасаясь с нэпманами, некоторые руководители опускались, несмотря на то, что тогда были большие строгости.

Потом, когда я работал на следующих партийных должностях в Харькове и Киеве, мы занимались сельским хозяйством сугубо директивно, тонкостей его не понимали. Как бывший рабочий, я знал свое слесарное дело, немного разбирался в металлургии, особенно в производстве кокса. Но мы обязаны были вникать в сельское хозяйство, чтобы кормить города и армию. Помещичьи хозяйства к тому времени в основном растащили, скот порезали, а помещения или разобрали по кирпичику, или использовали под детские дома для беспризорных детей, кое-где разместились коммуны. Помещичью землю делили между крестьянами. Я считаю правильным, что Ленин использовал программу эсеров, вырвал у них главный козырь, который притягивал крестьян к эсеровской партии — раздел земли.

Сельскохозяйственное производство шло само по себе, стимулятором оставался нэп. Колхозов тогда не было, существовали тозы, а также коммуны, но единицами. В Петровско-Марьинском уезде, кажется, имелась всего одна коммуна в большом селе Максимилиановке. Коммуна была хорошей. Председателем ее был Колосс. И действительно человек огромного роста, по профессии портной. Очень уважаемый человек. Заместителем у него был человек по фамилии Гомля, очень интересный, умный крестьянин-хлебопашец. Коммуна была хорошая, работали дружно, но на тех же примитивных средствах производства, которые тогда господствовали в сельском хозяйстве. Не знаю, какова была производственная направленность этой коммуны, но жили они подачками от государства. Туда собралась беднота, многие были безлошадными, и производственный уровень оставался невысоким.

Коммуна и себя не обеспечивала продуктами.

В годы нэпа мы даже экспортировали пшеницу. Помню, в 29-м году, когда я работал в Киеве, рынок обеспечивался сполна без всяких трудностей и хлебом, и мясом, и овощами, и другими продуктами.

Из Киева я выпросился у первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Косиора на учебу в Москву, в Промышленную академию. Для этого я вынужден был ехать в Харьков на личную встречу с товарищем Косиором. Центральный Комитет удовлетворил мою просьбу. В 1929-м, в начале учебного года, я получил путевку, прибыл в Москву. Промышленная академия тогда размещалась на Ново-Басманной улице, а общежитие — у Покровских ворот, в доме номер 40. Весь мой краткий послужной список говорит о том, что к сельскому хозяйству я имел очень малое отношение, главным образом как потребитель. После проведения

сплошной коллективизации и «сталинской победы» в колхозном строительстве, то есть сплошного извращения ленинских положений, в стране наступило полуголодное, а в некоторых местах буквально голодное существование. Продуктов не было. Даже Москву мы не могли обеспечить. Что же случилось? Насильственная, палочная организация колхозов, проведенная Сталиным, провалилась. Через какой-то период времени он понял, что получилось, и выступил с письмом «Головокружение от успехов». Успехов, конечно, никаких не было, а был полный провал политики кооперирования крестьян сталинскими методами. Ленин понимал, что производственная кооперация — это единственный путь для крестьянина. Надо было делать так, как предлагал Ленин, а это забыли, хотя он выразился достаточно образно и доходчиво. Он сказал: если бы мы имели сто тысяч тракторов и кадры, умеющие управлять этими машинами, то крестьянин сказал бы, что он за коммунию.

Ленин разработал кооперативный план, но он считал возможным взяться за его проведение в жизнь только после того, как государство создаст материальную и организационную базу. Сталин — не ленинец, хотя называл себя ленинцем. К Ленину он относился очень и очень критически. Это я знаю. В последние годы жизни, когда Сталин утратил всякие сдерживающие центры, он в узком кругу допускал недозволенные выражения в адрес Ленина. Такой неразумный сталинский подход к мужикам, к деревне и привел к наступлению голода. Нельзя было достать ни картошки, ни овощей. А рабочие помнили старые царские времена, когда картошка и капуста (особенно для меня, рабочего Донбасса) были самыми дешевыми и доступными. И вдруг после революции эти продукты стали чем-то таким особым, что их нельзя было достать. Конечно, в Москву и другие крупные города их завозили, но тоже недостаточно. В государственных магазинах их не было. Крестьяне же не могли привозить собственные продукты, потому что ликвидировали частную торговлю. Рабочих и служащих, особенно таких крупнейших городов, как Москва и Ленинград, обрекли на жалкое существование.

Советское государство вынуждено было перейти на распределение, то есть ввести карточки. Фактически вернулись к старому военному времени, когда царила продразверстка. Собственно говоря, продналог продолжал существовать, но он стал понятием условным. Потребности государства в сельскохозяйственной продукции: хлебе, молоке, мясе и овощах — превышали возможности колхозов. Вводилась система так называемого перевыполнения плана. Что это такое? В колхоз приезжал секретарь районного

партийного комитета и определял, сколько граммов выдавать на трудодень колхознику, а все остальное — сдать. Не всегда руководители придерживались и этого принципа. Вводилась разверстка по районам и областям, обязывающая прежде всего выполнить план сдачи продукции государству. Это означало — сдать все, что произвели, а на трудодни не оставалось ничего. Крестьянин за свою работу ничего не получал, и он утрачивал всякий интерес к работе в колхозе, переходил на самообеспечение. Все, чем он мог распоряжаться, было то, что крестьянин вырастил и произвел на своем приусадебном участке.

В колхозе крестьянин на работу не выходил, не работал. А если и выходил, то на трудодни он ничего не получал. Коллективизация привела к столь печальным результатам не потому, что кулаки сопротивлялись организации колхозов. Главное, крестьянин не понимал массового перехода на иной метод хозяйствования — и середняк, и даже бедняк. Не было проведено соответствующей политической, материальной и технической подготовки. Правда, тогда мы все говорили, что если сложить вместе средства производства сельского хозяйства и объединиться в артель или колхоз, то будет выгода. Это правильно, но на одном этом далеко не уедешь. Дело не в том, чтобы сложить в кучу грабли, плужки и собрать в один двор лошадей. Надо было прежде всего подготовить организаторов колхозного производства: председателей колхозов, бригадиров, звеньевых. Я уж не говорю об агрономах, их тогда у нас было очень мало, а в колхозах их совсем не было. Сельское хозяйство пришло в упадок, и мы остались без хлеба, остались без сахара. Об этом в печати не писали, лишь при встрече со знакомыми я узнал, что на Украине армейские части выгоняются на прополку сахарной свеклы. Кто хоть немножко знаком с производством сахарной свеклы, знает, что после обработки солдатами посевов свеклы, сахара не будет. Эта культура требует очень большого внимания, знания и умения. В конце концов, с большими шишками, набитыми в результате палочного метода организации колхозов, который использовал Сталин, что-то построили. Если взять нашу печать тех лет, то желающие найдут достаточно объективных материалов и сделают правильный вывод: колхозы создавались по принуждению. От этого страдали и расплачивались прежде всего крестьянин и потребитель. Не было никакой необходимости форсировать это дело. От этого мы только бы выиграли экономически, политически и в военном отношении.

Можно сравнить политику, которую проводил в сельском хозяйстве Сталин, и политику, которую проводил Ленин. Кончилась гражданская война, выбросили интервентов и перешли к восста-

новлению хозяйства, разрушенного первой мировой и гражданской войнами. Ленин видел, что разграбленное сельское хозяйство, мелкое хозяйство, которое велось с помощью примитивных технических средств, поднять трудно. В результате неурожая 1921 — 1922 годов в стране наступил голод, в Поволжье — страшный голод, это стало известно всему миру. Ленин согласился принять помощь со стороны западных государств. Возглавлял международный комитет помощи голодающим Нансен. Я не знаю, что и из каких государств мы получали, но из Америки мы получали муку. Донбасс получал муку, смешанную с кукурузой. Качество неважное, но в те времена вопрос стоял не о качестве, а о возможности выжить. После этого Ленин пошел на такое, казалось бы, рискованное мероприятие, как нэп, то есть решил дать возможность частнику развивать инициативу, а капиталистическим кулацким элементам — пользоваться наемной рабочей силой. Была разрешена аренда: по нашим понятиям того времени, это было отступление. Ленин тогда подвергался большой критике, главным образом со стороны партийных лидеров, которые не понимали необходимости нэпа. Чудо произошло за какие-нибудь два — три года. Мы полностью стали удовлетворять свои потребности. Я знаю, что тогда было с селом в Донбассе и что сделал Ленин в результате своей разумной политики. К двадцать пятому году я окончил рабфак, и меня послали секретарем Петрово-Марьинского уездного партийного комитета. Я видел эти села в двадцать втором году, в начале посевной кампании и потом, осенью двадцать пятого. Это было чудо. Наступило полное изобилие и не только хлеба, но и овощей, мяса, птицы. Перед партийными органами встала другая проблема: как одолеть частника, как вести торговлю главным образом через кооперацию. Окружным партийным комитетам мы отчитывались в том, сколько продается мяса, сала и птицы на рынке через кооперацию и сколько — частными торговцами. Но частника не трогали. Было полное административное невмешательство. Шла борьба, но экономическая. Был выдвинут лозунг: «Учиться торговать!», то есть научиться у частника обеспечить всю цепочку: от производителя до потребителя. Мы хотели торговлю захватить в государственные руки, главным образом, с помощью кооперации.

На склоне лет я считаю, что идея колхозного производства, создания производственных сельскохозяйственных кооперативов, то есть то, что предложил Ленин, исключительно интересна и очень правильна, но проведение ее в жизнь осуществлялось варварскими руками. Поэтому много наломали дров, много погибло совершенно невинных людей, которые пошли бы за парти-

ей, пошли бы в колхозы и были бы хорошими колхозниками. Из-за особого склада характера, которым наделен Сталин, допущены извращения, в результате которых погибли сотни тысяч, а может быть, даже миллионы. Я затрудняюсь назвать цифру, потому что никакого настоящего учета не велось, а люди гибли тогда в очень большом количестве. И сейчас наши некоторые теоретики и литераторы занимают просталинскую позицию, рассматривали и сейчас, видимо, продолжают рассматривать этот процесс глазами Сталина. По их мнению, это был исторический перелом от мелкого частного капиталистического производства в деревне к крупному кооперативному, то есть социалистическому хозяйствованию. Такая ломка якобы неизбежно вызывает жертвы, которые были принесены на алтарь строительства социализма в деревне, и исторически себя оправдывают. Это оправдание убийцы и извращение ленинской политики в деревне. К сожалению, так зафиксировано в нашей исторической и художественной литературе. Авторы продолжают освещать прошлый путь с тех же позиций.

Пожалуй, я слишком отклонился и могу завязнуть в истории колхозного движения. Это очень интересная тема, видимо, экономисты когда-нибудь объективно исследуют, как развивались события...

Когда в 1931 г. я стал секретарем Бауманского, потом Краснопресненского райкомов партии в Москве, а с тридцать второго года вторым секретарем Московского горкома ВКП(б), то тоже занимался промышленностью и городским хозяйством, а не сельским. В тридцать пятом году меня избрали первым секретарем Мосгоркома и обкома партии. Вот здесь-то на мои плечи и свалилась ответственность за сельское хозяйство в Московской области.

Наша область имела небольшой удельный вес в производстве сельскохозяйственных продуктов. Уровень сельского хозяйства главным образом определялся тогда через производство зерна. Московская область производила зерна мало, как и сейчас производит его мизерное количество. Посевные площади в ней небольшие, урожаи тоже очень низкие. Правда, она давала много картофеля и овощей — капусты, свеклы, моркови, но и этими видами сельхозпродуктов потребности столицы удовлетворялись не полностью. Обеспечение овощами зависело исключительно от инициативы местных властей: председателей горисполкомов, секретарей городских партийных комитетов. В зависимости от их организаторских способностей, от их инициативы, города были обеспечены овощами или же жили впроголодь. Это я знаю по собственному опыту работы в Москве. В то время, к сожалению, уже морковка

считалась деликатесом. Тремя видами овощей: капустой, картошкой, свеклой — измерялся уровень обеспеченности овощами городов и промышленных районов.

Этот ассортимент, я считаю, связан с уровнем культуры производителя. Я вспоминаю времена, когда у нас работала потребительская кооперация. Я был тогда вторым секретарем Московского городского партийного комитета. Первым был Каганович. Бадаев — председателем кооперации рабочей Москвы. Овощами и картофелем у нас занимался он. Его заместителем работал замечательный человек, товарищ Лукашов, очень достойный человек, очень энергичный человек, хороший организатор. Возможностей тогда имелось меньше, чем в послевоенные годы, но город без овощей не оставался. Сейчас у нас более организованное колхозное хозяйство. Имеются большие возможности и по производству овощей в закрытом грунте: в капитальных теплицах, под стеклом или в теплицах, утепленных с искусственным подогревом, паром или биотопливом. Одним словом, возможности сейчас большие, как материальные, так и организационные.

Тогда мы ничего этого не имели. Овощи выращивали только в открытом грунте. Имели очень ограниченное количество парников на биотопливе.

В результате целенаправленной работы, проводимой товарищем Лукашовым, Москва очень хорошо обеспечивалась овощами и особенно картофелем. Картофель привозили из Белоруссии, из Рязани, Орла и Брянска (Брянск тогда входил в состав Орловской области), картофель там был очень хороший. Лукашов приезжал и на Украину, где целые районы выращивали овощи по его заказу. Полтава выращивала морковь; соленые огурцы мы заказывали в Нежине и так далее. Овощи, даже в то время, мы получали нужного качества и нужного ассортимента, подчеркиваю, по заказу Московской кооперации. К сожалению, мы постоянно жили за счет «компании», затрат больших усилий. Это говорит о том, что систематической организованной работы в производстве овощей и их хранении, как это делается на Западе, у нас не было. Да и сейчас, по сведениям, которыми я располагаю, из бесед с людьми, мы не имеем самого необходимого.

Когда в начале тридцать восьмого я был откомандирован на работу на Украину, то там мне пришлось уделять гораздо больше внимания сельскому хозяйству. Сталин меня специально предупредил, чтобы я придерживал свою слабость и не столь тянулся к рудникам и заводам, а побольше занялся сельским хозяйством.

Украина в этом смысле находилась на особом положении как

житница, дававшая стране зерно и сахар. Ее удельный вес в обеспечении страны продуктами питания был очень большим. Все земли на Украине давно освоены. Люди, приезжавшие из России, увидев, в каких условиях живут украинцы, где многие села не имеют выпасов для скота и крестьяне выпасают собственных коров на веревке и по межам, очень удивлялись. В РСФСР имелись большие луга, леса и широкие возможности для содержания личного скота.

В 1938 году коллективизация осталась в прошлом, но практически требовалось внимание к сельскому хозяйству не меньше, а больше, чем во времена, когда колхозов еще не было. К началу Великой Отечественной войны сельское хозяйство окрепло, деревня стала получать в большем количестве трактора и другую технику, хотя и не в тех размерах, которые требовались для правильной организации сельскохозяйственного производства. Украина по-прежнему поставляла стране пшеницу и другие продукты питания: мясо, молоко, сахар. Производила она также овощи и технические культуры — лен и коноплю. Когда для авиации потребовалось касторовое масло, — стали выращивать касторник, то есть клещевину. На Украине я впервые встретился со словом «рицин» и познакомился со способом выращивания ричинки, как называют украинцы клещевину.

Хлеба мы тогда производили больше, чем потребляли. Помню частые звонки из Москвы от наркома финансов Зверева² в связи с тем, что пополнение денежного сундука страны зависело и от продажи хлебных продуктов, особенно сдобы. Она продавалась по повышенным ценам, а это определяло поступление денежных средств. Зверев требовал от нас расширить изготовление сдобных хлебобулочных изделий.

Многое зависело от погоды. Резервов у нас почти не имелось. Мы не могли их создавать из-за большой потребности страны в валюте. Если накапливалось какое-то количество хлеба, его сейчас же выбрасывали на европейский рынок, а потом валюту тратили на закупку промышленного оборудования. Проводился курс на индустриализацию, а мы далеко не все могли выпускать сами. Поэтому всячески изыскивали, что можно продать за границей, чтобы получить взамен валюту. Продавали главным образом сельскохозяйственные продукты, так как наши промышленные изделия были невысокого качества и не интересовали капиталистический рынок, что вполне понятно: мы только еще учились настоящему делу и «выезжали» на продаже сельскохозяйственных продуктов за счет «втягивания животов» и «подтягивания ремней». Вплоть до тридцать пятого года это и не скрывалось, а иной раз руковод-

ство даже с некоторой гордостью заявляло, что мы ведем скромную жизнь во имя светлого будущего и ради победы социализма сознательно идем на жертвы.

Надвинулась война. Наш народ не забыл голод, который он пережил во время войны и после нее. На Украине, только что освободившейся от оккупации, были развалены и промышленность, и сельское хозяйство. Республика понесла огромные людские потери, лишившись самых трудоспособных кадров, имевших знания и опыт. Все приходилось воссоздавать заново. Это было необычайно тяжелое время: нищета, карточки, голод, запредельные цены.

Трудно себе представить, как наш народ выжил. Но выжил! Да еще и работал с энтузиазмом.

Катастрофически тяжелым сложился 1947 год. Сорок шестой год выдался на Украине крайне засушливым, особенно на юге. Не было дождей, а хозяйство разорено войной, колхозники были лишены и техники, и живой тягловой силы. Немцы разрушили машинно-тракторные станции, а лошадей забрала война. До войны лошадей было не так много; к тому времени хозяйство уже базировалось на механической тяге. Если бы была тяга, то и при неблагоприятных климатических условиях все-таки можно было бы получить сносный урожай. А так... План дали непосильный. Несмотря на мою борьбу и старания доказать это Сталину, он в грубой форме потребовал выполнения. Этому имеются доказательства. Я писал специальную записку, в которой объяснял сложившиеся условия и невозможность выполнить план. Сталин потребовал сделать все, чтобы план был выполнен. Предприняли все — план выполнили. Выполнить его было невозможно, но хлеб забрали, забрали весь, как говорилось в «первой заповеди» «отца и благодетеля народа».

В зиму с сорок шестого по сорок седьмой год в отдельных районах, в том числе даже в Киевской области, имелись случаи людоедства. Я уж не говорю о южных областях, Одесской и Херсонской, где создались тяжелейшие условия. Когда наступила весна и надо было проводить посевную, у нас никаких семян не было. Тогда их только начали завозить. Завозили пшеницу из тех районов, где она имелась. Никаких паспортов, никакого районирования. Научно обоснованного подхода не было и быть не могло. Приходилось принимать экстренные меры для спасения людей. Занимался этим и я как первый секретарь ЦК КП(б)У.

На местах, в республиках парторганизации чувствовали себя чуть посвободнее, чем в Москве и Ленинграде, если принимать во внимание те «антинормы» партийной жизни, которые установил Сталин. У нас собирались областные партконференции и

съезды КП(б)У, регулярно проводились выборы в парторганизациях, более или менее соблюдался партийный устав. В Москве не только пленумы ЦК, но даже заседания Политбюро заменили так называемые обеды у Сталина, во время которых решались все вопросы.

Однако в начале сорок седьмого года Сталин объявил о созыве пленума ЦК ВКП(б) на тему «О подъеме сельского хозяйства» и предложил мне сделать заглавный доклад³. «Доклад поручим Хрущеву», — сказал он, когда члены Политбюро собрались обедать у него на ближней даче. Я буквально взмолился, прося не поручать мне доклад. Сталин возмутился отказом: «Товарищ Сталин, поймите меня, — убеждал я, — не могу я сделать такого доклада, я знаю более или менее сельское хозяйство Украины, но совершенно не знаю сельского хозяйства Российской Федерации, Белоруссии и Закавказья, не говоря уже об азиатских республиках. Какой же я докладчик? Я стану пересказывать то, что в мой доклад сунут чиновники. Говорить о вещах, которые я не прочувствовал, не могу. Перед залом появится чтец-декламатор, а не докладчик по актуальным вопросам, о которых нужно доложить с умом, заострить внимание на главном, для чего надо понимать это главное. Прошу освободить меня от доклада». «Ну, что же, — буркнул он, — можно поручить доклад Маленкову (он тогда в составе ЦК занимался вопросами сельского хозяйства), но ведь он толком даже сельскохозяйственных терминов не знает», — размышлял вслух Сталин. Так при всех и сказал, Маленков потом долго переживал это. Но Сталин правильно сказал: Маленков, действительно, в сельском хозяйстве не разбирался. «Давайте поручим доклад Андрею Андреевичу Андрееву», — решил Сталин.

Я считал, что Андреев как прежний нарком земледелия, конечно, может сделать такой доклад. Еще на XVI съезде партии в тридцатом году он блеснул знанием деревенских дел, и с того времени о нем сложилось соответствующее мнение.

Доклад всегда можно сделать, только какой? Привлекли Министерство сельского хозяйства, научно-исследовательские институты, Сельскохозяйственную академию, сельхозотдел ЦК. Они подготовили материалы. Одним словом, надергали цифры, факты — и доклад был написан.

Пленум созвали в феврале. Андреев делал доклад как член Политбюро. Я сидел в Президиуме рядом со Сталиным и внимательно слушал докладчика. Андреев и его помощники, не поднимая новых проблем, хорошо обработали официальный материал, и он последовательно и логично изложил его пленуму (заседание проходило в Малом Кремлевском (Свердловском) зале). В перерыве

Сталин обратился ко мне: «Какое ваше мнение о докладе?» — спросил он, как всегда, резко.

Я ответил: «Хорошее». «Я вас толком спрашиваю, какого вы мнения о докладе?» — начал он сердиться. Я опять ответил формально. «Но вы же совершенно не реагировали на него, я следил за вами», — давил на меня Сталин. Пришлось расширить ответ: «В докладе все сказано правильно, только ничего нового. Поставленные в нем вопросы известны». Я больше не мог уходить от честного ответа. Сталин отреагировал нервно. Видимо, и сам пришел к такому же мнению. Андреев, больной, полуглухой, отставал от активной жизни, хотя оставался, в принципе, подготовленным к работе и умным человеком. Да и вряд ли в тех условиях Андрей Андреевич мог сделать хороший доклад.

Я считаю, что Андрей Андреевич из всех руководителей знал сельское хозяйство лучше других. Я отдавал ему должное, хотя и не во всем с ним соглашался. Например, по организационным колхозным вопросам. Он тогда стоял за звено, даже в зерновом хозяйстве. Работа звена отрицала технику, она базировалась на граблях, плуге, то есть на примитивных средствах производства. Это был уже пройденный этап. Вопрос был острый, вызывал большие споры. Сталин и Молотов колебались, кого поддержать: Андреева или меня.

— Для Украины, видимо, лучше бригада... А для мелких хозяйств таких, как мы имеем в Московской области, Белоруссии и других, звено предпочтительнее, — помню, сказал мне Сталин.

— Да, видимо, так, — согласился я с ним. — Только пусть нас не «поджаривает» печать за то, что мы делаем ставку на бригаду в зерновом хозяйстве, а звено оставляем только — в пропашных культурах.

Сахарная культура и другие пропашные как более трудоемкие культуры обрабатывались вручную. Поэтому там себя звенья оправдывали. Разница заключалась в количестве людей. Звено состояло из пяти — семи человек, а бригады насчитывали, в зависимости от размеров колхоза, от полутора до трех десятков человек. Бригада имела в своем распоряжении более современные орудия сельскохозяйственного производства.

Несмотря на опалу, в которую я попал перед пленумом сорок седьмого года, где докладывал Андреев, за свое обращение к Сталину с просьбой оставить Украине часть урожая, не обрекать людей на голодную смерть, меня включили в комиссию по подготовке решения пленума. Я там настаивал на том, чтобы в решении было записано, что в первую голову надо засыпать семена, то есть создавать семенное хозяйство в каждом колхозе. Я не мог прямо

предложить отменить «первую заповедь», но пытался убедить — параллельно со сдачей государству засчитывать семена в план.

Мое предложение встретило большое негодование; не сопротивление, а именно негодование Сталина. Председателем комиссии был Маленков. У меня с ним сложились очень хорошие отношения. Я уехал на Украину, когда еще не закончилось редактирование резолюции, но в основном она была обсуждена. Маленков позвонил мне в Киев.

— Докладывать товарищу Сталину о том, что ты настаиваешь на отмене «первой заповеди», — спросил он, — или ты согласишься со всей комиссией?

— Прошу доложить товарищу Сталину мое мнение, — попросил я, хотя знал, что он против. Мое мнение было доложено, но резолюцию приняли в сталинском духе. Когда я приехал в Москву, Сталин выразил большое недовольство моей позицией, но я повторил свои доводы.

Это была борьба за элементарные условия, обеспечивающие возможность ведения сельского хозяйства, прежде всего за районированные, местные семена. Местные не всегда бывают лучшими, я это понимаю, но если люди меняют местные семена на семена из других районов, они это делают только убедившись, что те лучше. Действительно, наука требует, а практика подтверждает, что в условиях развитого семенного хозяйства надо производить обмен семян, тем самым будем подниматься все выше и выше по ступенькам в создании хорошего селекционного семенного материала. Это все известно, но ни районирования, ни семенного хозяйства тогда не было, оно находилось в зачаточном состоянии. Бюрократ сразу же сможет найти факты, которыми начнет опровергать доводы Хрущева. Докажет, что даже в те времена имелось какое-то семенное хозяйство, были такие-то семена...

Это все верно, но все пребывало в зачаточном состоянии. Настоящей системы выращивания семян не было, и сейчас такая система, к сожалению, не создана.

После пленума мы ощущали тот же недостаток в сельскохозяйственных продуктах, хотя промышленность восстанавливалась бурными темпами. Народ работал с исключительным прилежанием, но что можно было поделывать в деревне, где не хватало ни техники, ни рабочих рук? Да и средства вкладывались преимущественно в развитие индустрии. Максимальное количество зерна, заготавливаемое в то время у нас в стране, составляло 2,2 миллиарда, обычно же собирали 1,8 миллиарда пудов. Сталин придерживался старого порядка, исчисляя заготовки зерна не в тоннах, а в дорево-

люционных пудах. Мы все привыкли к этому исчислению, конкретнее представляли себе величины и легче сравнивали полученное с прошлыми годами. Расходовали мы, в том числе и на прокорм, — столько же, миллиард восемьсот — два миллиарда пудов. Хотя хлебом мы себя постепенно обеспечили, но резервов по-прежнему не оставалось. А без них жить нельзя. Сельскохозяйственное производство — капризная отрасль. Природа каждый год вносит свои поправки, то позволяя чуть-чуть поднакопить зерна, то создавая такие трудности, что приходится нормировать хлеб. Вертелись, как белка в колесе.

Почему, имея столь необъятные просторы, Советский Союз ощущал недостаток в сельскохозяйственных продуктах? У нас имелось мало машин и совсем мало минеральных удобрений, к тому же последние были невысокого качества, с бедным содержанием полезных веществ. Порой они содержали лишь десять процентов необходимого, а остальное являлось балластом. В тоннах их производится много, а пользы от них — на грош. И даже то минимальное количество минеральных удобрений, которое завозилось на железнодорожные станции для колхозов и совхозов, сгружалось под открытым небом, под откосами железнодорожных путей. Нередко удобрения лежали там по два-три года, часть их погибала. Мальчишки зимой катались по ним на санках, как с горок. Удобрения затвердевали и превращались в камень. Даже если бы их захотели использовать, то потребовалось бы приступить в этих кучах к их разработке заново. Полезные же вещества вообще вымылись из них дождями. Такое отношение к удобрениям свидетельствует о тогдашней низкой культуре земледелия. И колхозники, и руководители больше ценили навоз и не хотели тратить усилия на завоз минеральных удобрений. Только отдельные передовые колхозы и совхозы умели пользоваться и завозили их себе больше, чем положено. Там получались хорошие урожаи. Иное отношение к минеральным удобрениям в колхозах, которые занимались производством технического сырья — льна, конопли, хлопка. Там крестьяне не только ценили минеральные удобрения, но и боролись за их поставки.

К тысяча девятьсот пятьдесят третьему году Украина производила товарного зерна для государства примерно пятьсот миллионов пудов. Черниговская область, граничащая с Белоруссией и Россией, заготавливала примерно девятнадцать миллионов пудов, а вся Белоруссия, имея в несколько раз большую площадь под зерновыми, заготавливала пятнадцать миллионов пудов зерна. В це-

лом же у нас оставались очень низкие урожаи по сравнению с западноевропейскими. Издавна в стране существовала возможность расширения посевных площадей за счет распашки целинных земель, но этого не делалось, не знаю, почему. Сталин был категорически против, запрещая производить дополнительную распашку земель и вводить их в севооборот. Возможно, он хотел сосредоточить внимание на культуре земледелия, получив увеличение производства зерна за счет роста урожайности, более интенсивного ведения хозяйства. Это правильный путь, но сложный, трудоемкий, а по времени — длительный. Необходимых знаний должны набраться и агрономы, и зоотехники, и крестьяне, научившись применять передовые методы на практике. С другой стороны, требуются иная техника и много минеральных удобрений. Одними же речами, приказами и постановлениями нельзя добиться повышения урожайности. Если нет материальной базы и необходимых знаний, то ждать повышения урожайности придется очень долго. Но Сталин не понимал и не хотел понять, что для перехода от экстенсивной формы ведения сельского хозяйства на интенсивную одного желания мало.

Он считал, что достаточно создать дефицит земли, и крестьяне начнут искать выход, создадут условия, при которых с той же земли будут получать больше сельскохозяйственных продуктов.

Умер в пятьдесят третьем году Сталин. Новое руководство страны перераспределило внутри себя обязанности. Мне поручили заниматься сельскохозяйственным производством. К тому времени я уже пользовался соответствующим признанием, поскольку на Украине работа колхозов и совхозов была организована лучше, чем в других местах. Хочу оговориться. Я вовсе не приписываю это моему руководству, многое объясняется историческими причинами. На Украине культура земледелия выше, чем в других районах страны, и там было легче руководить, потому что народ уже накопил знания и опыт. Кроме того, Украина обладает хорошими климатическими условиями и черноземом. Правда, недостаток осадков порой наносил большой ущерб. Все мы зависели от дождя. Если судить по урожаям, то на юге в какой-то один год можно прослыть гением, а на следующий год оказаться круглым дураком. При дождях там получали по тридцать центнеров пшеницы с гектара, что тогда считалось у нас высоким показателем. Если осенью или в апреле озимые подсушит, будет по пять — десять центнеров. Так мы были зависимы от климатических условий. Только если очень хорошо обрабатывать землю, можно добиться меньших колебаний в урожайности.

Промышленность работала более организованно, чем сельское хозяйство. Ее руководство и рабочие были лучше подготовлены, а заводские машины отвечали требованиям времени. Но сельское хозяйство очень хромало. Мы вынуждены были мобилизовать любые возможности для повышения производства зерна, мяса, молока, шерсти, сахарной свеклы. С техническими культурами, правда, дела обстояли не столь трагически. Хотя наша урожайность сахарной свеклы (по сто пятьдесят центнеров с гектара) была низка по сравнению с чешской и польской: в Чехословакии до трехсот пятидесяти, а в Польше не меньше двухсот пятидесяти центнеров с гектара. Продуктивность молочного скота оставалась у нас сверхнизкой. Я уже не говорю о жирности молока, которая в среднем достигала лишь трех процентов, а удои — по тысяче сто литров на корову. Несопоставимая цифра по сравнению с голландскими или датскими показателями.

Урожаи картофеля мы тоже получали плохие. Эта культура хорошо реагирует на обработку почвы и правильную постановку семенного дела. В Московской области имели в среднем по 60 центнеров с гектара: немыслимо низкий урожай для картофеля! Это говорит и о запущенности хозяйства, и о плохой организации производства. В дореволюционное время крестьяне Курской, Орловской и Черниговской губерний получали гораздо более высокие урожаи, а картофель там был отличным по вкусовым качествам и по размеру клубней. Подобное положение с картофелем объяснялось также падением трудовой дисциплины в связи с отсутствием крестьянской заинтересованности, особенно низкими ценами на него. Сталин приказал платить колхозам 3 копейки за каждый сданный государству килограмм. Стоимость подвоза на заготовительные пункты и то обходилась дороже. Затраты труда на картофель не оправдывались, пропадала всякая заинтересованность, когда колхозник на трудодень получал копейку. Тогда в деревне говорили: «Работаю за палочку». Палочку поставят в ведомости, то есть отработал трудодень, получи копейку. Некоторые колхозы, а таких было немало, вообще ничего на трудодни не давали. И крестьяне старались избежать работы в колхозе, живя за счет произведенного на приусадебных участках или добывая средства жалкого существования какими-то другими способами.

Пришлось пересмотреть цены и изменить систему заготовок. В совхозах рабочие еще имели какие-то гарантированные ставки, а в колхозах распределение велось по трудодням. Правда, у нас тогда имелись ограниченные возможности, мы были бедны. Но главное

заключалось в том, что Сталин приучил нас смотреть на крестьян без уважения, как на быдло, не ценя крестьян и их труд. Он знал только одно средство работы с деревней — нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов. Цены на них устанавливались ниже их себестоимости. Очень мало было тогда колхозов, которые в результате более высокой культуры ведения сельского хозяйства могли как-то себя обеспечить. Абсолютное их большинство влачило убогое существование.

Картофель — трудоемкий продукт. До того, как мы ввели квадратно-гнездовой способ его посева и обработки полей трактором в двух направлениях, он требовал много ручного труда. С нововведениями производство картофеля увеличилось, затраты труда сократились, но цена, по которой он заготавливался, продолжала оставаться 3 копейки за килограмм. После смерти Сталина мы пересмотрели закупочные цены на картофель и овощи. Правда, даже новые цены тоже не очень-то стимулировали производство. Но они хотя бы улучшили экономическое положение тех колхозов, которые вели производство на более приличном уровне. Толковые руководители, знающие дело, могли теперь получать более высокие доходы.

¹ Воспоминания записывались в 1969 году.

² ЗВЕРЕВ А.Г. (1900 — 1969) был наркомом (министром) финансов СССР в 1938 — 1960 гг. (в 1948 г. — зам. министра).

³ Состоялся в Москве 21 — 26 февраля 1947 г. Принято постановление «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период».

О ЦЕЛИНЕ

Я хотел бы вспомнить о большой работе, проведенной в то время, когда я находился в составе руководства страной. Это целинные земли. Целинные земли — целая эпопея. Мне всегда радостно о ней вспоминать. Приезжая на целинные земли, я объезжал Казахстан, оренбургские и алтайские степи, хозяйства в Красноярском крае. Целинные земли Казахстана производили потрясающее впечатление. Это горы пшеницы, и, нужно сказать, хорошей пшеницы.

Начну сначала. Встал вопрос об увеличении производства зерна.

Без этого мы не могли двигаться дальше, мы не обеспечивали себя зерном. Вот тогда и возник вопрос о целинных землях. Я об этом задумался еще в пятьдесят третьем году, после смерти Сталина, когда новое руководство приняло на свои плечи все заботы о стране. При Сталине мы с трудом сводили концы с концами, хлеба не хватало, надо было искать выход. Я не знаю, почему, но Сталин запрещал распахать новые земли. Я уже останавливался на этом. После войны, в сравнении с довоенным периодом, у нас сократились посевные площади за счет земель, выпавших из севооборота в результате военных действий. Люди ушли на войну, не хватало работников, не было инвентаря, тракторов, лошадей. Выпали довольно большие площади, особенно в областях Ленинградской, Калининской, Московской и в Белоруссии. Они заросли кустарником, и их уже было трудно распахать. Мы стали искать новые возможности увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна¹. Наметился единственный выход — ввод дополнительных площадей в севооборот через поднятие целинных и залежных земель. Таких земель у нас обнаружилось очень много, да и сейчас они еще остались. Правда, теперь остались в основном земли, заросшие кустарником или заболоченные, которые могут быть введены в севооборот только после мелиорации.

Президиум Центрального Комитета поручил мне наблюдать за сельским хозяйством. На первом же пленуме ЦК КПСС после смерти Сталина товарищи предложили мне сделать доклад по сельскому хозяйству. Особенно на меня нажимал Маленков. Но я пока был не подготовлен к тому и отказался: ответил, что не хочу выступать без конкретных предложений, которые нужно подкрепить убедительными доводами. Просто неприлично выступать перед собравшимися по такому важному вопросу, каким является производство сельскохозяйственных продуктов, без серьезной подготовки. Тогда условились, что в сентябре этого же года я выступлю с докладом на специальном пленуме², посвященном сельскохозяйственным вопросам. Этот сентябрьский пленум долгое время считали у нас поворотным пунктом в развитии сельскохозяйственного производства³. К тому времени мы уже отменили «первую заповедь», и теперь каждое хозяйство могло заготавливать семена для себя.

Тогда же решили вопрос о приусадебных участках, освободив от налога колхозников, имевших фруктовые деревья. Сталин придумал закон, по которому каждое фруктовое дерево на приусадебном участке облагалось налогом. Я рассказывал Сталину, как посетив свою деревню, заехал к двоюродной сестре в село Дубовицы. Она сказала, что осенью вырубит свои яблони. Перед ее окном сто-

яли очень хорошие яблони. «Замечательные деревья», — пожалел я. «Да, — ответила она, — но я плачу высокий налог, а мальчишки все равно срывают яблоки. Осенью все срублю». Сталин носился с идеей обязать каждого колхозника посадить какое-то количество фруктовых деревьев. А тут даже плодоносящие деревья собираются вырубать. Он на меня очень зло посмотрел, но ничего не ответил. Конечно, и налог не отменил. Сталин рассматривал и колхозы, и приусадебные участки как место, где можно с крестьян стричь шерсть, как с баранов. Мол, новая отрастет. Мы, отменив этот налог, как бы открыли шлюз. Затем вообще сняли все налоги с приусадебных участков и отменили с них обязательные поставки продукции⁴. Раньше владельцы приусадебных участков поставляли государству молоко, яйца, мясо и прочее.

Однажды, когда мы с Маленковым отдыхали в Крыму, я предложил ему поехать в крымские колхозы, но не в виноградные Южного морского берега, а в степные, где и зерно производят, и сады выращивают. Он согласился. Мы приехали в какой-то колхоз, побеседовали. Один колхозник стал хвалить упомянутые решения пленума ЦК, но потом сказал так: «Запоздали вы со своим решением, вот если бы вы его пораньше приняли». «А в чем дело?» — не понял я. «Да перед самым пленумом я вырубил все свои фруктовые деревья на приусадебном участке. Тогда нас налог душил. Теперь налог сняли, был бы мне доход. Ладно, посажу новые». Он говорил о персиковых деревьях, очень выгодных.

После пленума я принимал секретарей местных партийных комитетов. Поговорил и с казаками, с секретарями обкомов. От них я узнал, что в республике имеются большие резервы по распашке земель. Земли хорошие. В некоторые удачные в климатическом отношении годы они получали по двадцать, а то и тридцать центнеров пшеницы с гектара. И таких земель у них было очень много. Конкретно они назвать не могли, потому что эти земли не обмеряны. Тогда я поговорил с секретарем Центрального Комитета компартии Казахстана Шаяхметовым⁵. В ЦК он пришел из органов внутренних дел. Сам казах, он, безусловно, знал свой родной край. Я допытывался: какое количество земель находится в распашке? Какие площади пригодны под распашку, но не распахиваются? Какие там снимают урожаи? Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или даже совсем нет: все уже распаханно, перспективы отсутствуют. Какие-то площади распахать можно, но не столько, сколько стране нужно.

Не помню, на какой цифре он остановился: что-то в пределах трех миллионов гектаров. Конечно, это тоже большая площадь, но не та, которая нам требовалась. Однако я и ей был рад. Если ее засеять пшеницей и получить по пять центнеров с гектара, то это полтора десятка миллионов тонн товарного хлеба. Если даже один миллиард соберем, это составит примерно шестьдесят миллионов пудов. По тем временам довольно ощутимая прибавка в закрома. Конечно, без учета прокорма людей, занятых возделыванием новых полей.

Я больше полагался на мнение секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению. Не потому, что я знал, что Шаяхметов по существу не прав. Нам позарез требовалось расширить пахотные земли, и я искал к тому возможности. А секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали. Я больше полагался на них; они детальнее знали состояние дел и убедили меня в том, что такая возможность в Казахстане имеется. Конечно, существовал определенный риск. Урожай в Казахстане особенно зависит от метеорологических условий, как от зимних осадков в виде снега, так и от летних в виде дождя. В большей же степени он зависит там от летних осадков. Но риск этот оправдан, потери от засухи компенсируются зерном, получаемым в благоприятные годы.

Затем работники Министерства сельского хозяйства и Госплана представили сведения о наших возможностях в других районах страны. На Алтае, в Оренбургской области, иных регионах имелись большие площади, занятые под пастбища, которые никогда не распахивались. Был подготовлен цифровой материал, который подавал надежды. На сентябрьском пленуме встал вопрос не только о целинных землях. Тогда же решали проблемы заготовок, цен, другие актуальные для села вопросы. После смерти Сталина люди получили возможность свободнее высказывать свои мнения, стало легче изыскивать возможности экономического стимулирования производства. И мы договорились об увеличении оплаты труда в сельском хозяйстве, чтобы материально заинтересовать людей.

Вскоре после этого пленума приняли решение о первом этапе освоения целинных земель, сначала до восьми миллионов гектаров. Эту цифру мы изыскивали с помощью секретарей обкомов партии, хотя Шаяхметов продолжал отстаивать меньшую цифру. Я потом проанализировал его позицию и понял, что он знал о всех возможностях Казахстана. Почему же секретари обкомов заняли другую позицию? У меня сложилось впечатление, что здесь имели место политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать их

казахи сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал и никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане. Секретари же обкомов, как коммунисты, смотрели на этот вопрос с более правильных позиций, не отрывая интересов казахского народа от интересов всех советских людей.

Когда началось освоение целины, пришлось Шаяхметова заменить. Пленум ЦК Компартии Казахстана выдвинул на его место в 1954 году Пономаренко⁶, который имел большой опыт государственно-партийной работы в Белоруссии и в масштабе всей страны. Пономаренко не только хорошо знал сельское хозяйство, но и имел также широкий политический кругозор. Вторым секретарем ЦК КП Казахстана выдвинули Брежнева⁷, раньше работавшего секретарем ЦК Коммунистической партии Молдавии. Так мы укрепили руководство Казахстана, исходя из того, что там предстоит большая работа. Нужно было выдвинуть людей, обладавших соответствующими размахом и подготовкой. Ведь Казахстан — очень большая республика. Впрочем, его возможности и сейчас далеко не исчерпаны.

Встал вопрос, каким способом привлечь людей на целинные земли? Имелся опыт столыпинского правительства при царе. Оно тоже занималось заселением свободных сибирских и казахских земель. Переселенцы получали льготы по налогам, а переезжали за свой счет. В наше время об этом не было даже речи, людей поднимать с семьями невозможно, тем более за свой счет. Земля давно потеряла ценность в глазах крестьян. Собственность на нее отменили, земля превратилась в национальное достояние. Естественно, люди за свой счет не поедут ни на какие земли. Сняться с обжиготого, оставить погосты и уехать неизвестно куда? Мы таких надежд на крестьян не питали, считая, что это нереально. Переселение за счет средств государства было единственной возможностью.

Следующий вопрос: какие хозяйства организовывать на целине? Колхозы или совхозы? На первых порах мы хотели и того, и другого. Позже остановились на совхозах как более прогрессивной системе, чем колхозы, поддающейся большему влиянию государства. Да и производство зерна там в несколько раз дешевле, чем в колхозах. Но об этом мы в деталях подумали позже, а тогда только приступали к освоению целинных земель. На первом плане пока стояли колхозы, мы стали организовывать новые и расширять

те, которые уже имелись там, пополняя их состав за счет приезжих работников. Однако самый основной вопрос заключался в том, через сколько лет освоенные земли дадут желанный результат. Ответ на него означал: призывать ли туда людей немедленно, с 1954 года, или же начинать освоение земель с постройки жилья и прочего. Конечно, сначала следовало бы создать нормальные условия жизни, а потом приступить к переселению людей, создав им все необходимое. Но кто будет строить? Там же никого нет. Значит, надо мобилизовать строительных рабочих. А зерно нужно немедленно. Мы попали в заколдованный круг.

«Товарищи, давайте обратимся с призывом к советской молодежи, к комсомолу, — предложил я. — Пусть возьмется за освоение новых земель⁸. Попросим их сознательно отнестись к потребностям страны. Я убежден, что мы встретим горячий отклик и поднимем сотни тысяч людей. Вспомним былые времена, когда люди вынуждены были жить не только в палатках, а и в окопах, жертвуя своей жизнью. Несмотря на тяжелые условия, в которые попала наша страна в первые годы войны, народ мобилизовался и сумел преодолеть все трудности. А освоение целинных земель — это труд, который будет оплачен, получат к тому же люди моральное удовлетворение от того, что они, осваивая новые земли, приумножают богатство страны. Я убежден, что найдутся энтузиасты». В Президиуме ЦК партии вокруг целины разгорелись споры, появились сомнения, особенно у таких консервативных людей, как Молотов. Он совершенно не понимал сельскохозяйственного производства. Я не помню других, возможно, кто-то ему подпевал. Всегда так бывает, находятся подпевалы. На первых порах Молотов не возражал против освоения целины, но уже «пускал пузыри»: без конца выдвигал те или другие вопросы, которые ему казались непонятными и требовали разъяснений. И все они сводились к одному: берется слишком большой размах, дело еще не созрело, а может быть, и вообще ошибочно, затраты себя не оправдают. Один из аргументов против освоения целинных земель был: «Куда мы лезем? Зачем? У нас огромные распаханнные территории и лучше заняться увеличением урожайности, то есть взять другое направление».

Доводы, которые приводил Молотов, основывались больше на призывах повышать интенсивность сельского хозяйства. Осваивая целинные земли, мы обрекали себя на экстенсивное хозяйствование, брать то, что дает природа. Наши оппоненты стояли за интенсивное хозяйствование, оно требует вложения больших денег, увеличения выпуска минеральных удобрений и прочих материальных средств, необходимых для более продуктивного ведения сельско-

го хозяйства. Что можно сказать? Это абсолютная истина, она каждому понятна, и мне в том числе. Конечно, лучше вести интенсивное хозяйство, то есть с одного гектара получать больше. Мы же выбрали путь расширения посевных площадей для получения того же количества продуктов. Первый путь не нами выдуман, он на Западе уже широко применяется.

Почему же мы отказались от такого пути? Да потому, что у нас не было возможности. Выбор, каким способом, интенсивным или экстенсивным, вести хозяйство, зависит от материальных возможностей, от культуры руководства и, прежде всего, отдельных работников. Повторяю: ведение хозяйства на интенсивной основе требует не только большой культуры, но и больших материальных затрат. Что такое интенсивное хозяйство? В моем понимании — это умение брать с пахотных земель максимально возможное. Если, к примеру, мы получали восемь — десять центнеров урожая в среднем с гектара, то при интенсивном ведении земледелия получали бы до тридцати пяти центнеров. Для этого нужны минеральные удобрения, сортовые семена, гербициды и другие средства обработки полей и сохранения урожая. Может быть, где-то нужно провести летние работы: известкование или же гипсование почвы, если она засолена. Чтобы привести почву в более плодородное состояние и получать максимально возможное на данном этапе развития сельскохозяйственной науки, нужно провести работы, требующие огромных затрат, но мы ничего этого тогда не имели. Нельзя же сразу перепрыгнуть через целый период, только из-за одного желания изменить экстенсивную форму сельского хозяйства на интенсивную. Этот переход довольно медленный, он происходит путем накопления материальных средств, знаний и опыта.

Какое-то представление о ведении интенсивного хозяйства у нас было, но конкретно мы не представляли всей суммы необходимых материальных затрат, из чего складывается ведение сельского хозяйства на интенсивной основе. К тому времени отдельные бригады и звенья в колхозах и совхозах получали по сорок центнеров, но это нельзя принять за отправную точку и считать, что мы перешли к ведению хозяйства на интенсивной основе.

Это не то, что имеется на Западе. Например, англичане, французы, немцы, голландцы, шведы и норвежцы в среднем получают урожай по тридцать — тридцать пять центнеров зерновых с гектара. Если бы мы даже решили выделить для перехода на интенсивные формы несколько миллиардов, то получился бы пустой звук. Волевого решения и простого вкладывания денежных средств недостаточно. Надо суметь эти средства разумно израсходовать. Не-

обходимо время, чтобы построить заводы для производства минеральных удобрений, азота, калия, фосфора и других необходимых растениям веществ.

Для строительства крупного завода требуется минимум два-три года. Кроме того, надо еще подготовить кадры, как агрономические, так и животноводческие. Колхозной массе надо привить понятие о ведении сельского хозяйства на интенсивной основе, а это довольно медленный процесс. Поэтому разговор о том, что мы расширяли площади и тем самым якобы пошли не тем путем, который проложен в западных странах, абстрактно верен, но это разговор пустой. Он свидетельствует о том, что человек судит, но понятия не имеет, что такое интенсивное хозяйство. Это не просто слова. Это материальная и духовная подготовка страны. Необходимо изменить весь уклад ведения хозяйства, а это за один год и даже десятилетие не осилить.

Взять, к примеру, Смоленскую область. Исконно русские земли, так же как Московская, Тульская, Орловская, Курская, Рязанская, Калининская. Там пахотных земель очень мало. Если даже поднять их урожайность, все равно этого добавочного количества зерна не хватило бы на удовлетворение потребностей страны. К тому же понадобились бы не только затраты, но и время. Надо корчевать неудобины, проводить мелиорацию, строить химические заводы и самое трудное — надо обучить людей пользоваться минеральными удобрениями. Должна повыситься культура ведения сельского хозяйства, а это впитывается с молоком матери. Нам же еще и «матерей» предстоит воспитать и обучить. На все нужно время.

Я понимаю, что все это можно ускорить: организовать курсы, лекции. Все это можно сделать, но все равно человек должен ощутить потребность вести хозяйство на научной основе.

Собственно, выбора способа ведения хозяйства у нас не было. Хлеб нам был нужен не завтра, а буквально сегодня. Расширение посевных площадей давало возможность быстрого увеличения сбора зерна, уже осенью можно было получить урожай. Эта проблема стояла перед нами, и ее требовалось конкретно решать⁹. Надо было использовать без особых затрат все земли, пригодные для распашки. Как в старое время говорили: вспахать, посеять, а там, что Бог даст. Одним словом, у нас оставалась единственная возможность — расширение посевных площадей, следовательно, экстенсивный способ ведения хозяйства, какой существовал испокон века. А возможности у нас были большие... Я считаю, что путь был выбран абсолютно правильно. В результате мы решили проблему хлеба, хотя и встретились с засухой. Но она — часть нашего бытия.

Вот и в этом году я не знаю, как сложится урожай. Пока весна тяжелая, нет осадков в Заволжье и даже в Московской области стоит сушь. Как огородник, я уже страдаю от недостатка осадков. Я шучу, но для страны засуха — не шутка. Я горжусь тем, что, занимая высокий пост в партии и правительстве, мне пришлось проводить эту политику. На то время она была единственно приемлемой. Шутка ли, какие возможности открыла целина. Надо просто знать о состоянии зернового хозяйства в те годы, о нашей нехватке зерна.

Сейчас все видят, что целина окупилась за считанные годы. Но тогда мы далеко не были убеждены в этом. Проблема ставилась довольно робко, поскольку мы понимали, что надо что-то делать. Однако решение осваивать целинные земли приняли только в последний момент, на пленуме ЦК¹⁰. Там Молотов вместе со всеми проголосовали «за».

Мы поговорили с руководителями ВЛКСМ, рассказали им о цели освоения целинных земель и посоветовались о методе привлечения туда молодежи. Комсомол, как всегда, горячо отозвался на призыв. Сначала вызвались разведчики, которые поехали наметить участки под пахоту. И провести подготовительные работы. Были мобилизованы руководители, инженеры и агрономы для организации новых совхозов и колхозов. Начали агитировать опытных трактористов, составили списки лиц, изъявивших желание поехать на целину. Думаю, сохранится добрая память о том времени и тех людях, которые отказались от удобств на обжитых местах и поехали в неизвестные края жить по-походному и терпеть все невзгоды, которые приносит неблагоустроенное место. Они пошли туда во имя блага народа, это было действительно самопожертвование. Эти люди ехали на целину по личному убеждению, стремясь сделать все, чтобы обеспечить народ сельскохозяйственными продуктами.

Перед молодыми добровольцами, собравшимися в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета, я выступил с коротким призывом и объяснил предстоящие задачи¹¹. Сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Затем собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело. Протекало оно интересно, ребята выступали с энтузиазмом. До сих пор в моей зрительной и слуховой памяти сохранились некоторые лица и речи. Молодые люди буквально светились, их глаза горели. Я глубоко верил в молодежь, она более подвижна и способна на подвиг. Так оно и оказалось.

Возник вопрос о технике. Откуда взять технику? Ведь не могли же мы сразу увеличить производство тракторов и других сельско-

хозяйственных машин? Это немыслимо, для этого требовались новые заводы. Надо было искать какие-то другие возможности. И тогда мы решили на два-три года задержать выделение тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного инвентаря в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан. Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я думаю, что это была единственная возможность. В обжитых районах имелись кадры. Поэтому на старом тракторе при обеспечении запасными частями, при квалифицированных трактористах и умелом руководстве машинно-тракторными станциями какой-то год, а может быть, даже два можно поработать. За это время мы постараемся увеличить количество выпускаемых тракторов, чтобы удовлетворять запросы как старых колхозов и совхозов, так и новых на целинных землях. Так мы и сделали. Бросили новую технику в Казахстан, двинули отряды. Военные пошли нам навстречу, поделились палатками. Мы старались создать сносные условия жизни для молодых людей. Дело пошло.

Первые добровольцы прибыли на целину, когда в степях еще лежал снег. Трактора тянули сани с первоочередными припасами и материалами, а люди шли рядом. Потом пришла весна и развернулась великая эпопея освоения новых земель. Вот и пахота. Люди по-прежнему жили в палатках.

Меня очень тянуло взглянуть на те земли, взглянуть на людей, не в Кремле, а в тех условиях, в которых они жили. Там были самые примитивные полевые условия, почти такие, как в военное время. Разница лишь в том, что не рвались снаряды и не трескали пулеметы, а шумели трактора. Да еще хорошо пригревало казахстанское солнце. К тому же, являясь инициатором дела, я конкретно не представлял себе степных условий Казахстана в деталях. Хотелось на все посмотреть самому. Президиум ЦК одобрил мою поездку, и я вылетел в Казахстан. Это было мое первое пребывание в нем. Раньше лишь по литературе и по рассказам я знал о жизни восточнее Урала. А тут я сам попал в эти края и получил возможность как бы осязать происходившее. Я прилетел в Казахстан, уж не помню в какой район. Впечатление было просто невероятное. Я радовался и, как говорится, моя душа пела. Я увидел хорошие земли, правда, влаги не хватало. По опыту работы на Украине я представлял возможности этих черноземов. Но... при условии, если выпадут осадки. Без зимних и весенних осадков эти земли очень жестоки и дают мизерные урожаи. Когда я своими глазами увидел бескрайние степи, то только тогда окончательно осознал, какие таятся здесь возможности расширения пахотных земель, а следовательно, увеличения сбора зерна.

Мне было приятно смотреть в глаза новоселам. Там собрались не только мужественные, но и личностно интересные люди. Казахские просторы огромны, из одного района в другой я перелетал на самолете. Вначале видел сверху чистое поле, потом вдруг белели палатки. Подлетаешь, смотришь, а борозды уже проложены. Неотрывно хотелось смотреть, как движется по степи трактор: казалось, этому полю нет конца и края. У целинников ходила поговорка: на одном конце поля тракторист завтракает, на другом обедает, а вернувшись, ужинает. Хотя переселенцам трудно было привыкать к сравнительно изолированной жизни, но они шли на нее с гордостью и достоинством, сыпали шутками-прибаутками, всегда сопровождающими палаточное существование. Как-то я, приехав в одну бригаду, увидел там единственную девушку, остальные были молодыми задорными парнями. Один из них, балагур, говорит: «Товарищ Хрущев, скучно тут жить, только одна девушка среди нас. Мы все за ней ухаживаем, а она от нас отворачивается. Просим, пришлите сюда девушек». Посмеялись. Но его слова отражали реальность. Когда я вернулся в Москву, я рассказал о своих впечатлениях и посоветовал комсомолу призвать на целину девушек, для них найдутся и работа, и женихи. Это очень хорошо, что на новых землях сложатся семьи, появятся дома и дети, заведется местное оседлое население и затем окажутся старожилами. ВЛКСМ обратился с призывом к девушкам, и немало их уехало на целину.

Правда, для некоторых семей это была трагедия, особенно для матерей. Как отпустить девочек, своих дочерей, из-под своего крылышка в неведомый край? Всякое в жизни может случиться... Что встретится девушке? Сможет ли она обзавестись семьей? Все эти вопросы важные, мы это понимали, но у нас другого выхода не было. Потом оказалось, большинство из девчат хорошо устроились, создали свои семейные очаги.

Вторично я побывал в Казахстане во время уборки. Меня жгуче интересовало, что там вырастили и какова будущность новых пашен? Целина содержала много питательных веществ. Там сеяли яровую пшеницу. Первые годы получали хорошие урожаи, получали и по двадцать центнеров с гектара, хотя все зависело от конкретных обстоятельств: почвы, наличия дождей, работоспособности переселенцев. На первых порах встречалось много неизвестного, пока не наладился какой-то трудовой ритм и научились определять лучшие условия для пшеницы. Местных ее сортов не хватало, а районированных вообще не имелось, их следовало создавать. Семена завозили из других районов, но чужие сорта не всегда приживались. Столкнулись с трудностями и при уборке¹². Потребова-

лось дополнительно послать людей. Пришлось обращаться с призывом к комбайнерам Украины и РСФСР, главным образом Ростовской области и краев Северного Кавказа. Свой урожай там убирают довольно рано, и если умело организовать работу, то после окончания тамошней уборки можно успеть погрузить комбайны с людьми на транспорт, чтобы до созревания пшеницы в Казахстане они успели туда прибыть. Так мы и поступили. Туда же занарядили и все вновь произведенные комбайны. Но и этого оказалось недостаточно, пришлось перебрасывать дополнительные комбайны из других обжитых районов страны.

Почти каждый год я приезжал во время уборки на целинные земли. Мне было радостно: едешь по полю – и видишь уже не палатки, как прежде, а белые опрятные домики. Рядом росли первые молодые деревца. Люди стали обживать эти земли, создавать для себя уют и начальный комфорт. Казахстанская степь оживляла во мне картины моего детства. Еще малышом родители увезли меня в рудничный поселок Донбасса; мы жили там в казармах. Шахта Успенская, на которой работал мой отец, занимала тогда самое западное место из освоенных в Донбассе земель, где добывался уголь. Выскочишь из квартиры, кругом тянется бескрайняя украинская степь. Не видно ни построек, ни деревьев, если смотреть на юг, а повернешь голову на север — сплошные трубы. В Казахстане же просторы еще шире, степь еще бескрайнее. Даже сейчас, вспоминая то время, я переживаю радостное волнение. Пахотные земли продолжали расширяться, стали осваиваться сибирские, оренбургские, приволжские степи. Вокруг целины поднялся всенародный шум, все искали залежь или целину. Секретари райкомов и обкомов партии объезжали свои регионы, местные жители им подсказывали, где прячутся еще не распаханное угодыя.

При освоении новых земель, естественно, далеко не все шло гладко. Туда попадали и такие люди, которые приехали за «длинным рублем». Иные хотели просто переменить обстановку, потому что плохо зарекомендовали себя в старом коллективе. Попадались работники с плохими характерами, неуживчивые. И в Казахстане они не уживались: сбегали оттуда. Ну и что же? Разные люди есть и будут везде и всегда. В основном там собрались замечательные советские граждане, которые хотели хорошо работать. Возникло много различных вопросов с транспортом: о железной дороге, о шоссе. Ничего такого там пока не было. Объезжая целинные поля, я видел много такого, чего не хотел бы видеть. Когда убирали хлеб, то ссыпали зерно прямо на землю; при перевозке происходили большие потери. Токов не было, складов не было, не хватало вов-

се простого брезента. Пшеницу на земле прикрывали кое-как, а чаще всего, к сожалению, вовсе не прикрывали. Рабочей силы на хватало и поэтому потери были колоссальные.

Люди стали бить тревогу, писать письма и в ЦК партии, и в газеты. Они правильно делали. Мне было очень тяжело читать на первых порах письма: люди проявляли государственную заботу о сохранении зерна, а мы сделать еще почти ничего не могли, только слали призывы насчет бережного к нему отношения. Мешков недоставало, пшеницу в кузова автомашин сыпали навалом, не закрывая брезентом. Зерно на всех поворотах и колдобинах разлеталось, дороги были устланы пшеничной лентой. Птицам было блаженство, они жирели на глазах. Но, несмотря на все утраты, целинное производство оказалось выгодным.

Главной проблемой стало строительство жилья. Государство завезло туда лес, целинники строили сами, конечно, примитивно, но все-таки создавали для себя какой-то уют. На рудниках рабочие возводили обычно подсобные помещения около квартир, сарайчики. В таких сараях обитали тогда многие целинники. Потом мы столкнулись и с другими проблемами. О многом подсказывали сами труженики. Во время очередной поездки на целину я беседовал с агрономом местной МТС Савченко, опытным и умным работником, попавшим сюда еще до освоения новых земель. Там чередовались и старые, и новые совхозы и колхозы, которые МТС обслуживала. «Товарищ Хрущев, — сказал он, — наша МТС обслуживает главным образом колхозы. Хочу спросить: «За что мы отдаем колхозникам зерно, собранное на целинных землях?». Я удивился: «Как за что? За то, что они трудятся». Он улыбнулся: «Ну, нет, колхозы на целинных землях — сплошная фикция. Государство завезло сюда тракторы и другие машины, МТС пашет, сеет, а если надо, то дает и минеральные удобрения, хотя их тут мало. Потом посевы созревают, мы их убираем и затем ищем колхозников, чтобы развезти им по домам зерно в оплату за трудодни».

То была не схема, а реальная действительность. В колхозах обычно возделывались полевые культуры с вложением большого количества ручного труда, там для работы нужны люди. Чисто зерновое хозяйство на целинных землях почти полностью механизировано, на полях трудятся рабочие машинно-тракторных станций, а не колхозники. А что делали там колхозники? Если говорить о новых землях, то почти ничего. Агроном открыл мне очевидную истину. Мы-то мыслили по схеме, подходя к оценке деятельности колхозников, как в средней полосе России, и схему эту переносили на целину. Я согласился с Савченко, что целинные колхозы следует

преобразовать в совхозы. Государство выплачивает рабочим совхозов их долю, а само получает больше зерна. Агроном оказался наделенным государственным умом.

Вернувшись в Москву, я поделился очередными впечатлениями о поездке, и руководство СССР вместе с общесоюзными и местными казахстанскими начальниками пришло к заключению, что в Казахстане нужны именно совхозы. К тому же колхозы создавать труднее, чем совхозы. Последним что нужно? Земля, постройки, техника и люди. Людей нам хватало, теперь на целину охотно ехали. Следовало подобрать только трактористов, комбайнеров и мастеровых по ремонту техники. Трудиться стало проще, потому что к работе приступает не колхозник без квалификации, а специалист. Стоимость совхозной пшеницы тоже была значительно ниже, чем колхозной.

Целинные земли породили много вопросов, на которые мы не знали ответа. Возник вопрос: когда, в какие сроки сеять? Сеять ли ранней весной, как мы привыкли в Европейской части, или же несколько выждать? Старожилы подсказывали нам, когда наступил наиболее благоприятный период для сева. Мы и верили им и боялись ошибиться. Почему так важны сроки? На целине дожди выпадают скупой, в определенный период времени. Надо подгадать под самые благоприятные условия для посева. Попадешь под дождь — будут всходы, ошибешься... Я сейчас точно не могу припомнить все аргументы, которые приводили знатоки местного земледелия. Затем возник новый вопрос: как пахать и как сеять? В Казахстане нередко пыльные бури.

Когда мы уже распахали большое количество гектаров целины, случились страшные пыльные бури. Поднимались в воздух тучи земли, почва выветривалась. Однажды они привели к уничтожению значительной части посевов. Давно известны средства борьбы с эрозией, апробированные на практике, в том числе посадка защитных полос из древесных насаждений: трудное и дорогое, но оправдывающее себя дело. Есть и определенные агроприемы. Людям приходится считаться с природными процессами и приспосабливаться к ним, противопоставляя свою выдумку дикой природе. В аналогичных условиях работают канадцы, которые свою засушливую зону называют районами рискованного земледелия.

Чтобы разобраться с особенностями обработки почвы, мы посылали специальные делегации в Канаду. Наши агрономы, инженеры, конструкторы сельскохозяйственных машин только по литературе были знакомы с сельхозорудиями Канады. Там применялись плоскорезы, которые не переворачивали пахотный слой, а

подрезали его и обрабатывали дисковыми бородами. Мы таких методов обработки почвы не знали. До начала подъема целинных земель этой спецификой не интересовались ни специалисты, ни руководящие работники. К тому же они приехали на целину в основном из обжитых районов: с Украины, Белоруссии, Северного Кавказа. Они привыкли к своему порядку ведения сельского хозяйства, к своим климатическим и почвенным условиям и, естественно, переносили свой опыт в Казахстан, только постепенно приспосабливаясь к новым условиям. Такое не сразу дается, необходимо накопить опыт. Тут книжного знания недостаточно. В Казахстане раньше в основном пасли овец, лошадей и верблюдов. А теперь предстояло заниматься земледелием, распахивать земли, выращивать зерно. Этого опыта за плечами у руководства не было ни писанного, ни накопленного.

На целине имелись опытные, образованные местные специалисты, в том числе и селекционеры зерновых. Там я встретился с одним опытным ученым-селекционером, который был когда-то выслан из Ленинграда, Бараевым*.

Он там прижился, ему понравились казахские степи, он увлекся работой и работал с большой пользой. Я его очень уважал. Его знания плюс опыт, приобретенный в ссылке, оказались очень полезны. Приезжая в Казахстан, я каждый раз встречался с ним, прислушивался к его советам. Тогда уже сняли все запреты, и он мог вернуться в Ленинград или в любой другой город по своему желанию, но он отказался: «Я уже привык, обжил эти места, накопил опыт и приспособился в своей научной работе к этой зоне. Поэтому я отсюда не уеду». Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Сталин, так сказать, оказал нам «услугу» в освоении целинных земель, выслал невинного ученого, который привык к местным условиям, а его знания оказались очень полезными при освоении целинных земель.

Но, что бы там ни случилось и несмотря на все трудности, целинный хлеб оставался самым дешевым. Это объясняется еще и тем, что там можно было использовать мощные машины. Былой ДТ-54, необходимость выпуска которого я отстаивал перед Сталиным, давно устарел, сейчас заводы выпускают ДТ-75. Но и этого недостаточно. Нужен набор тракторов различных мощностей, а для целины с ее просторами — самых мощных.

* Бараев А.И. (1908-1985) агроном, академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, автор трудов по почвозащитным системам земледелия в зонах ветровой эрозии почв.

К концу моей деятельности Кировский завод в Ленинграде создал трактор марки К-700. С его внедрением резко возрастет производительность труда, станет выше и оплата за вложенный труд. В зерновом хозяйстве чем мощнее машины, тем они производительнее, а чем они производительнее, тем дешевле продукция. Конечно, хозяйствам с небольшими площадями К-700 невыгоден. А для технических культур вообще нужна другая техника.

Освоение целинных земель — славная страница в истории советского государства. Целинные земли много лет влекли царское правительство. Оно тоже хотело заселить их и использовать. Тем самым преследовалась цель расселения людей из малоземельных районов. А это вопрос не только экономический, но и политический. В 1905 году Хомутовский район и сама Калиновка участвовали в восстании. Были разгромлены имения. Наше село громило имение генерала Шоутиса. Оно примыкало к нашему селу. Другое имение Васильченко располагалось подальше за лесом. Его тоже разгромили. Около шестидесяти человек за это посадили в тюрьму. Так происходило повсеместно.

Вот, правительство и решило разрядить политическую обстановку, предложив крестьянам уехать в необжитые районы, таким образом создать оставшимся большую землеобеспеченность. Уезжая, крестьяне продавали землю, беднота их не могла купить, хотя и нуждалась в земле. Покупали кулаки и середняки.

Мои родственники из соседней с Калиновкой деревни выехали в Сибирь в 1908 году. Она имела двойное название: народное — Сучкино, а по писанному — Клевень. Клевень — большое село. Там жила моя тетя, старшая сестра моей матери. Она тоже выехала со своим обширным семейством в Кокчетавскую область, или, по-старому, губернию.

Я помню, как семья моей тети уезжала в чужие края. В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика, а не плугаря. Работали рядом с этим Сучкино.

В тот момент в сельскохозяйственных работах наступил перерыв, и мы занимались чисткой леса: вырубали орешник и другой кустарник. Мне, подростку, досталось стаскивать ветки в кучу. Работа не тяжелая, даже приятная. Вдруг мы заметили, что в Клевене пожар. Все побежали туда, и я тоже. Горело все село, в том числе и домик моей тетки. Потом говорили, что этот пожар устро-

или сами отъезжающие в Казахстан крестьяне (тогда не знали Казахстана, говорили — в Сибирь). В тот день, когда они должны были выезжать, выгорела половина села. Переселение шло болезненно. Выбирали ходоков, среди них был и муж сестры моей матери. Они заранее ездили и смотрели земли и условия, в которых предстояло жить переселенцам. Им понравилось — земли столько, сколько глаз видит, можешь брать сколько хочешь, сколько осилишь. Поехало много крестьян-переселенцев и из других деревень Курской губернии.

В царское время крестьянину, с его сохой или плугом, приходилось трудно. Не все там приживались, не все смогли освоиться, потому что для этого требовались большие физические силы и средства, а выезжала главным образом беднота.

Хотя царь поощрял переселение, но из этого получилось очень мало толку. Нужной помощи царским правительством оказано не было. Некоторые, переехав, обзаводились хозяйством, выбивались в кулаки, другие разорялись и превращались в батраков. Многие возвращались, но не в свои деревни, потому что землю продали, дома продали, хозяйство ликвидировали. Обратно вернуться в свою деревню никаких возможностей не было. Крестьяне становились батраками или шли на заводы, бросали крестьянствовать.

В советское время положение совершенно изменилось. Изменились и технические возможности, позволявшие ускоренно осваивать целинные земли. Государство выделило десятки тысяч машин, помогло добровольцам осесть на новом месте и стало снабжать их необходимым. Поэтому и результаты оказались другими. Но аппетит приходит во время еды. В ходе освоения целины у партийных и советских руководителей разгорелся аппетит. К 1960 году заново освоенных земель набралось свыше шестидесяти миллионов гектаров. Повысился общесоюзный сбор зерна. Но это потребовало больших капиталовложений на жилищное строительство, на строительство машинно-тракторных станций, на создание совхозов. Деньги окупались с лихвой даже с учетом того, что там урожайные, малоурожайные и неурожайные годы чередуются. Однако даже в неурожайные годы целинный хлеб был не дороже того, который выращивался в обжитых районах. В целом проведенное в жизнь грандиозное мероприятие оказалось экономически выгодным.

Мы понимали, что сразу сделать всего нельзя. И люди понимали, что едут не к теще на блины, а им придется трудиться и трудиться, пока благоустроятся и создадут человеческие условия. Такое ускоренное освоение земель, возведение поселков буквально

кружило голову; приятно смотреть, но не так просто и легко это давалось. Главное — не было дорог. Откуда было взяться дорогам, если там не было людей. Кочевое животноводство не требовало дорог, наоборот, дороги только лишь отнимали пастбища.

Зерновым хозяйством занимается оседлое население. Для общения между людьми, а главное, для хозяйственных нужд, требуется устройство дорог. Это важный момент. Мы начали с грунтовых дорог. Потом развернули строительство железных и шоссейных дорог, элеваторов для приемки хлеба, его хранения и переработки; технологические операции старались механизировать.

Все больше и больше осваивалось земель; наравне с получением больших возможностей сбора зерна увеличивались и затраты на освоение новых земель. Руководство обжитых районов республик, областей и краев начали проявлять не то что недовольство освоением земель; жаловались на ущемление их запросов, в первую очередь в получении техники. Большинство поддерживало меня, тем более что в результате освоения целины мы посчитали возможным уменьшить поставки из других регионов. Мы тогда подходили к урожаю старой меркой. Когда стали получать далеко за два с половиной миллиарда пудов товарного хлеба, то есть того зерна, что мы засыпали в элеваторы, нам показалось, что это очень много. При Сталине, я уже говорил, засыпали миллиард 800 млн. Теперь мы дошли до трех миллиардов и думали, что можем удовлетворить все свои запросы. Мы исходили не из реальности, из тех условий, в которых жили раньше. Жизнь показала, что это неверно.

Нам казалось, что теперь можно уменьшить заготовки в старых обжитых районах. Сократились поставки хлеба из многих республик. Даже Украине, которая занимала в то время очень большой удельный вес в создании запасов зерна, мы несколько уменьшили планы заготовок. Белоруссию почти совсем освободили от поставок зерна.

В скором времени мы почувствовали, что поспешили. Хлеба не стало хватать. Почему? Потому что с развитием общества, с развитием промышленности, с развитием культуры возрастают и потребности у народа. Это надо учитывать. Народ начал роптать. После смерти Сталина у людей сняли замки с языков, они получили возможность, не оглядываясь, что их посадят, высказывать критические замечания. Я бы сказал: впервые появилась возможность более свободно говорить о своих потребностях. Я говорю — более свободно, — потому что настоящим голосом еще не заговорили. Еще над всеми висело сталинское прошлое, угроза: скажешь — посадят; вопрос задашь — посадят; а не посадят, так подвергнут ка-

ким-то ущемлениям или унижениям по службе. Такие-то ущемления случались. Другой раз и в тюрьму сажали. К сожалению, это было. А наверху создавалось впечатление, что тишь и гладь — божья благодать; народ живет и благоденствует.

Одним словом, мы стали снова ощущать недостаток в зерне. Появились дополнительные требования со стороны социалистических стран. В первую очередь со стороны Польской Народной республики, а ГДР и Чехословацкую республику пришлось полностью взять на себя в удовлетворении их потребностей в зерне. Мы продолжали оказывать значительную помощь Венгерской республике и Болгарии. Все эти заботы мы взвалили на свои плечи, хотя чувствовали, что нам это не под силу, но не могли отказать. Это объяснялось политическими соображениями, желанием укрепить дружеские отношения. Кроме того, всякий раз, когда нас вынуждали решать этот вопрос, мы надеялись, что в следующем году освоим новые земли, получим больший урожай и, наконец, сможем удовлетворить свои потребности сполна.

Потребности в хлебе, если говорить о хлебе, как о пище людей, мы удовлетворяли.

Но хлеб потребляется не только на столе: это и фуражное зерно. Это мясо. Это яйца. Фуражного зерна нам очень не хватало.

Помощь друзьям истощала наши резервы. Без резервов продукции сельского хозяйства, а особенно зерна, жить нельзя. Я считал, надо иметь годовой резерв, а может быть, даже и больше. Сельское хозяйство и раньше, и сейчас, и в будущем будет зависеть от природных колебаний. Конечно, урожай зависит и от техники, и от культуры обработки почвы, и от умения создавать более продуктивные сорта, и от многого другого. Но все-таки дождик есть дождик. Поэтому крестьянин всегда оглядывался на попу и шел к нему с поклоном, с просьбой вынести икону и отслужить молебен.

Мы понимали, что нам молебен не поможет, но также зависели от погоды, от того, благоприятно или нет сложатся климатические условия того или другого года, того или другого района. У нас огромная страна, где-то обязательно зальет, где-то засушит. Мы так и не смогли создать хороших резервов: для этого требовалось отказать соцстранам в помощи.

Я хочу, чтобы меня поняли. Иной раз неправильно понимает нашу помощь. Вроде мы подаем нищему. Нет, мы поставляли им хлеб, а оплата шла не валютой, не золотом, а учитывалась в общем товарообороте. Они нам продавали в оплату за полученное от нас зерно те товары, которые не могли сбыть на западных рынках. От

этого мы терпели какой-то ущерб, хотя товары поставляли нам хорошие, доброкачественные. В этих товарах мы нуждались, но могли бы обойтись и без них; мы больше нуждались в создании зерновых запасов. А самое главное, у нас самих росли потребности, рос фонд заработной платы, увеличивался спрос.

Почему у нас стали расти потребности? Мы изыскивали возможность для увеличения пенсий. Нельзя было дальше терпеть, когда пенсионеров, вдов и прочих людей, которые лишились трудоспособности или кормильцев, погибших на войне, держали на мизерном пайке, мизерной пенсии. А таких было много. Помню, когда я после повышения пенсий приезжал в Ростов и проходил по улице, то старые, пожилые люди пенсионного возраста буквально выкрикивали слова благодарности. У нас любят организовывать приятные начальству выкрики, этим занимаются «подписочные крикуны». Тут же люди искренне говорили: «Товарищ Хрущев, спасибо за пенсии, спасибо за пенсии!» Врачи и учителя, которым мы прибавили заработную плату, тоже благодарили.

Раз люди стали больше получать, они больше и расходовали, главным образом на самое необходимое — на питание. Увеличилось потребление хлеба, хлебобулочных изделий, как выражаются на бюрократическом языке, и других необходимых продуктов: жиров, говядины, масла. Я уж не говорю об овощах.

Однажды у нас возникли даже трудности такого порядка: увеличилась заготовка мяса, но не было холодильников, негде было его хранить.

В ответ я грустно шутил, однажды даже публично.

— У нас есть огромные нереализованные возможности по хранению мяса, — говорил я, — это человеческие желудки. Так что опасность затоваривания нам не угрожает, достаточно увеличить заработную плату, как сейчас же увеличиваются желудки.

Потребление мяса у нас держалось на очень низком уровне, и я считаю, что и сегодня оно почти на нуле. Даже среди социалистических стран мы занимали едва ли не последнее место, ниже нас потребление мяса было лишь в Болгарии и Румынии. Все другие социалистические страны потребляли на душу населения мяса больше, чем мы. Я думаю, что положение и сейчас такое же, хотя в печати нет информации. Мы ее никогда не давали, это держалось под спудом. Открытая информация мешала хвастовству о наших достижениях.

Конечно, мы добились невероятных успехов после Октябрьской революции. Это каждому глупцу очевидно. Даже враг не может этого отрицать. Но нам самим надо трезво смотреть на вещи. У

нас имеются огромные недостатки в целом ряде производств, отсутствуют самые необходимые предметы потребления и продукты питания. Мы отставали. И сейчас имеем отставание от Запада. Пусть в меньшей степени, но оно не ликвидировано. Отставание объяснялось низкими урожаями, и сейчас, в сравнении с Западом, наши урожаи низки.

Самое главное, у нас не было средств. После смерти Сталина мы все еще боялись нападения капиталистических стран. Америка вела наглую политику, все время демонстрировала свое превосходство, обложила социалистические страны военными базами и даже позволяла себе полеты самолетов над территориями социалистических стран. Мы вынуждены были выделять большие средства на оборону, с тем чтобы избежать повторения мировой войны. Требовались огромные средства для вложения в науку и непосредственно в производство средств обороны. Это прежде всего ракеты, самолеты, атомные заряды, подводный флот и прочие средства ведения войны. Они обходились нам довольно-таки накладно, истощали наш бюджет. Все это снижало наши возможности.

Я возвращаюсь к главной теме — освоение целинных земель. Считаю, что их освоение послужило для нас спасением, было хозяйственной необходимостью. В то время это оказался единственный быстрый путь увеличения сбора зерна в Советском Союзе. Но не все годы приносили радость, осваивая эти земли, мы знали, что урожайные годы здесь чередуются с неурожайными. Приходилось идти на риск. Самый низкий урожай на целине получили в 1963 году. Тогда очень плохой урожай выдался не только на целине, но и по всему Союзу.

Наступило трудное время: ведь у нас не было резервов. Мы даже были вынуждены закупить зерно за границей: в Канаде, в Австралии и в США. Соединенные Штаты хотели нас прижать, но капиталистическая алчность не знает преград, и они все-таки продали нам хлеб. Им нужен был покупатель, а мы были вынуждены обратиться к Америке. Переговоров на правительственном уровне не велось, все решалось на коммерческой основе. Но и в неурожайном шестьдесят третьем году мы все-таки получили на целине хлеб по себестоимости, окупавшей затраты на его обработку. А если бы мы не распахивали земли и не получили прибавку посевных зерновых площадей, в каком положении мы оказались бы тогда? Произошла бы просто катастрофа! Целина в тот год нас очень выручила. Кажется, около четырехсот миллионов пудов мы заготовили на целинных землях.

Я любил выезжать на целину во время уборки урожая. Едешь на автомашине и, насколько хватает глаз, видишь бесконечные поля пшеницы. Когда она выбросит колос, засеянные просторы схожи с морской водой, особенно когда гуляют ветровые волны и возникает рябь. То там, то тут островками торчат машины с людьми. 1964 год оказался из всех лет освоения целинных земель самым благоприятным и самым урожайным. После «голодного» года я просто рвался на целину. Беру «голодный» в кавычки, никакого голода у нас не было, потому что мы собрали достаточное количество зерна, чтобы прокормиться, а чего недоставало, купили за границей. У нас даже осталось зерно на следующий год. Я говорю «голодный», потому что мы не получили того, на что рассчитывали и это, конечно, заставило нас экономить, расходовать хлеб так, чтобы меньше затратить валюты на покупку зерна.

В 1964 году предварительная информация об урожае была очень благоприятной. С нетерпением ждал начала уборки. Я сказал в Президиуме ЦК, что хочу поехать на целину, посмотреть, как идут дела. Никто не только не возражал, а, по-моему, с одобрением встретили мое пожелание. И я полетел в Казахстан.

Приземлившись, я сразу поехал по полям на машине. Не знаю большего удовольствия, чем объезд сельскохозяйственных угодий. Я никогда не получал столько эмоций, как в тот, мой прощальный год. Последний в моей многолетней деятельности в качестве партийного работника и государственного деятеля. Пшеница стояла стеной, густой щетиной. Замечательный урожай! Я говорю замечательный, многообещающий, учитывая специфические условия Казахстана.

Я ехал в открытой машине и глядел по верху стоящей пшеницы. Когда ветерок дунет, волны переливаются, колышутся стебли. Это действительно волнуется пшеничное море. Мне рассказывали, что если на пшенице при таком ветерке разостлать простыню, то она поплывет по верхушкам колосьев, как по волнам. И сейчас, когда я возвращаюсь к прошлому, меня радуют и волнуют приятные воспоминания того времени. Затем я пересел в поезд, с тем чтобы передвигаться на короткие дистанции по железной дороге. Мне хотелось осмотреть разные районы, самому убедиться, побеседовать с людьми, с работниками совхозов. Колхозы в это время там стали очень редким явлением, а созданные в начале освоения земель мы преобразовали в совхозы.

Повсюду хлеб, хлеб, хлеб. Куда ни приедешь, работают комбайны, люди в поту, с приятной усталостью, с улыбкой. Люди сознава-

ли, что они работают для своего государства, но главным образом предвкушали хороший заработок.

Там я пережил вершину личного счастья. Я проехал большие расстояния на автомобиле, передвигался поездом, опять пересекался на машину и все ездил, и ездил по полям. Видел прекрасный урожай, самый высокий за все годы освоения при мне целинных земель.

К тому времени в степи выросли поселки. Рядами стояли не дома, а домики вдоль улиц. В палисадниках — цветы, посадочки фруктовых деревьев попадались редко. Там было много украинцев. А украинцы, куда бы их ни забросила судьба, обязательно посадят яблоню, грушу, а перед окном — мальвы. Без этого они не могут. Уже появились детишки. Одним словом, земля обживалась. Распахивались степи, складывались семьи, уже появилось потомство, люди начали как бы вращаться в эту землю. Мне было очень приятно. Я много ездил, много беседовал с людьми. Потом в Целинограде¹³ состоялось большое собрание, куда съехались представители всех областей.

В каком-то районе мне сказали, что со мною хочет встретиться господин Томпсон, известный английский издатель, владелец ста двадцати газет. Я охотно с ним встретился. Для меня эта встреча была приятна и выгодна. Такой «объективный и беспристрастный» издатель буржуазных газет, как Томпсон, увидел наши успехи на целине своими глазами. За границей много говорили о целинных землях и не всегда говорили правду, много врал. К сожалению, в этом сущность классовых отношений, буржуазная печать на все, что делается и делается в Советском Союзе, смотрит через темные очки.

Я пригласил Томпсона и мы вместе на поезде объехали несколько районов. Он присутствовал на совещаниях: двери не закрыты, пожалуйста, можешь слушать. То, что он говорил, мне было приятно слышать, он и не мог сказать другого. То, что он увидел, было очевидным для каждого человека. Я не знаю, что он написал, потому что это произошло в последний год моей деятельности, и это была моя прощальная поездка. В скором времени я стал пенсионером.

Естественно, я следил за заготовками. Я объехал районы, спрашивал специалистов, агрономов, директоров совхозов и партийных работников.

Мы тогда произвели рекордные заготовки зерна для страны. И в каждом совхозе я интересовался урожайностью. Мелькали цифры: от 12 до 16 центнеров с гектара. Для районов рискованного

земледелия на всем их протяжении — отличный показатель¹⁴. Подсчитано, что при высоком уровне механизации обработки полей пять центнеров с гектара обеспечивали прибыльность. Новые земли оказались для нас просто кладом.

Был образован в Казахстане Целинный край с центром в Целинограде. Мы ему выделили все, что могли, для наилучшего обеспечения материальными средствами и капиталовложениями. На первых порах, когда нельзя было распылять средства, иначе не получалось. Союзное правительство непосредственно финансировало освоение целины. Если бы финансирование шло через республику, то ущемлялись бы интересы Целинного края в пользу других областей. Мы же старались оградить целину не только от республиканского, но и от союзного Госплана, чтобы выделяемые средства не отвлекались на другие нужды. В госпланах всегда возникает соблазн удовлетворить нужду за счет соседа. Мы преграждали этот путь растаскивания средств, целевым назначением выделяя их для целины.

А как шло дело в прочих местах? В Оренбуржье, Сибири, Поволжье тоже реализовывались планы расширения посевов. Правда, не все новые земли оказались под них пригодными. Кое-где распахали участки с неглубоким полезным слоем, которые вообще не следовало включать в оборот, так что налицо — и промахи. Приходилось такие участки исклывать из реестра пахотных земель, ища взамен более богатые. Пришлось нам также изыскивать новые способы обработки земель.

Наши ученые, агрономы и техники создавали новые конструкции почвообрабатывающих орудий, приспособленных к условиям целинных земель. Требовались особые комбайны, более сложные, широкозахватные агрегаты. Потом поняли, что уборку следует производить раздельным способом, а не так, как делали на первых порах, когда проводили комбайнирование созревших полей и гило много хлеба.

С древних времен крестьянин приспособился к ведению зернового хозяйства: он жал серпом или косил пшеницу, вязал колосья, копнил, убранный хлеб проветривал, потом складывал его в скирды. Из скирд молотили даже зимой, получая сухое зерно. Часто пользовались овинами, в которых сушили еще не обмолоченные снопы. Мы применили этот опыт на целине. Когда там начали косить, а уж затем подбирать скошенные ряды и обмолачивать их комбайном, резко изменилось качество зерна. Оно стало сухим, облегчилась борьба с долгоносиком, проклятым бичом зернового хозяйства. Зерно обмолачивалось после просушки, когда оно некоторое

время лежало скошенным в рядах, и долгоносик исчезал сам по себе. К конструкторам почвообрабатывающих и зерноуборочных машин предъявлялись более серьезные требования. Перед агрономами и селекционерами остро встала проблема новых сортов пшеницы. Селекционеры блестяще с ней справились, создав сорта, приспособленные к местным условиям и дававшие лучшие урожаи, по сравнению с семенами, завозившимися из других районов.

Существенный недостаток земледелия, и не только на целине, а и во всей Сибири — трудности с яровыми посевами. Если бы там можно было сеять осенью озимые, то появились бы иные условия уборки. К сожалению, таких сортов полевых культур, которые выдерживали бы морозы и не вымерзали, у нас не имелось. Озимые созревают раньше яровых, поэтому при одновременной уборке нагрузка на технику распределяется равномернее. Так что же делать? Лишь будущее покажет. Яровые пшеницы в наших условиях везде по урожайности уступали озимым. К 1964 году на целине мы приобрели опыт выращивания разных культур. Казахи с давних времен умели сеять просо и получали высокие урожаи. На целине просо тоже производили при мне, но на небольших площадях. Там научились сеять горох, гречиху, сахарную свеклу и получали неплохие урожаи. Я уж не говорю о ячмене и овсе. Вообще же на целине предпочитали сеять пшеницу и горох как самые ценные в тех условиях культуры, к тому же горох имеет короткий период созревания и, как все бобовые, удобряет почву: в своей корневой системе — клубеньках, накапливая азотистые вещества. Научились опыта посева льна-кудряша, который идет не на волокно: из его семян получают масло. Провели опыты посева кукурузы на силос, что открывало возможность широкого развития молочного и мясного животноводства. Наступало время вести земледелие на целине широким фронтом, не ограничиваясь монокультурой и повышая доходность сельского хозяйства. Перспектива представлялась мне хорошей, она подтверждала надежды, которые мы питали, приступая к освоению целины. Ее районы обещали стать со временем обжитыми и экономически выгодными.

После того как в Казахстане были освоены большие земельные площади, он приобрел для СССР новое значение. До освоения целины Белоруссия по количеству населения занимала третье место, теперь Казахстан оттеснил ее. Теперь он занял второе место в стране и по производству товарного зерна, РСФСР оставалась на первом месте, но она ведь не в счет, потому что вообще: большому кораблю — большое плавание.

Некогда на Украине мы заготавливали около шестисот миллионов пудов зерна. Казахстан стал заготавливать до семисот миллионов пудов и подходил к миллиарду. Это было нашей очередной мечтой. Не знаю, что показал учет за 1964 год, его проводили уже без меня, я находился на пенсии. Знаю только, что к октябрю того года заготовили около девятисот миллионов пудов и приближались к желанному миллиарду. Это сказочная цифра, особенно для людей, которые знают, какие трудности возникают при заготовках хлеба. Тот хлеб был самым дешевым. Казахстан как поставщик хлеба оттеснил Украину на третье место. Я тогда прикинул: у нас есть возможность заготовить по стране около пяти миллиардов пудов хлеба.

И снова на ум приходит мой последний приезд на целинные земли во время уборки шестьдесят четвертого года. Мой прощальный приезд. Как я радовался успеху, радовался труду, вложенному нашими людьми. Невольно вспоминалось замечательное стихотворение Некрасова, в котором он выразил свои мысли о человеческом труде:

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Землю да волю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро...
Так постепенно в полвека (я подчеркиваю, в полвека. — Н.С.Х.)
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!..

Некрасов радовался успеху русских людей, сосланных в Сибирь, которые трудились там уже полвека. Чтобы он сказал, наблюдая штурм целинных земель в Казахстане и в других местах Советского Союза? За какие-нибудь три, четыре, пять лет выросли невиданные «посады», освоены огромные площади. И не только в «кузнице молот стучал», — трескали машины, трактора, комбайны, были построены целые поселки, школы, больницы. Такое могли осуществить только советские люди, сознательно пошедшие на этот штурм. Потом им на помощь поехали студенты для летнего строительства поселков и уборки урожая. И сей-

час они каждый год ездят туда. Так что освоение целинных и залежных земель продолжается. Длится то доброе дело, за которое мы взялись в начале 50-х годов.

От целины будет получена еще большая отдача. До освоения эти земли не распахивались, но тоже служили человеку. Там пасли огромные отары овец, другого скота; и это приносило определенную пользу. Когда человек начинает активно работать: пахать, сеять, наступает более интенсивная форма эксплуатации земель. Во много раз вырастают богатства, получаемые от этой земли.

Я считаю, нынешний период — только начало. С ростом культуры земледелия, с ростом культуры людей, прибывших туда и осевших там, целинные земли в будущем скажут свое главное слово. Я не раз проводил совещания в Целинограде, посвященные итогам за прошедший год или по подготовке к весенним полевым работам. Слушал выступления казахов, русских, украинцев, представителей многих народов, участвовавших в освоении целины. Встречался также с казаками-табунщиками и вспоминаю приятные минуты общения с ними. Радовали мой глаз и растущие целинные поселения.

На первых порах строились самые примитивные дома, глинобитные, саманные. Потом пошли домики сборно-щитовой конструкции, так называемые финские. В 1964 году я заезжал в поселки, которые выглядели куда более нарядно и приветливо. Спланированы они были неплохо, в палисадниках росли деревца, создавалось хорошее впечатление и вызывалось чувство уюта.

Я даже видел плодоносящие сады. Так что целинная земля начала все громче и громче заявлять о себе.

Целина стала другой. Другая, более совершенная техника, другие кадры, другие условия жизни, и я радуюсь этому. Выросла культура людей и культура обслуживания, появились больницы и детские учреждения. Построили колхозные и совхозные клубы. А тогда мы экономили, даже не экономили, а просто зажимали средства. Некоторые могут сказать, что Хрущев недооценивал быт. Нет. Я думал об этом, но прежде требовалось накормить людей, а потом уже изыскивать средства на строительство учреждений, необходимых для культурной жизни человека. Клубы, народные дома и другие учреждения — необходимы. Там человек проводит свободное время с пользой для советского социалистического общества.

К сожалению, оставалось, да и сейчас еще много есть домов, которые выглядели, как старые деревенские крестьянские избы, но, конечно, более комфортные, по сравнению с той избой с земляным полом, в котором я родился и провел детство в Курской губер-

нии. У нас в избе был и загон для скота, и курная печь. Когда горел огонь и варилась пища, в доме нельзя было находиться, дым выходил через дверь. В нынешних поселках создаются иные условия, хотя им еще далеко до того, чем пользуются люди в городе.

Если сравнить строительство на целине и в Голодной степи Узбекистана, то это опять день и ночь¹⁵. В Голодной степи мы строили производственные и бытовые сооружения на более высоком промышленном уровне, с применением техники и использованием французского опыта полива земель по железобетонным лоткам. Во время моего пребывания во Франции, де Голль посоветовал в одном из районов посмотреть новое сельскохозяйственное приспособление. Мы прилетели в этот район. Нам показали насосную станцию и оригинальный способ полива, правда, на сравнительно небольшой площади. Вода шла по железобетонным лоткам. У нас в Средней Азии для полива хлопковых полей применяются арыки и большие распределительные каналы. Французское приспособление мне очень понравилось, просто, но мудро. На нивелировку почвы требуется меньше затрат, меньше засоряется земля, лучше сохраняется вода, идущая непосредственно на полив растений. Одним словом, колоссальные выгоды. Нивелировка у них осуществляется через высоту опор, тогда как, прокладывая канал на почве, ее делать трудно. Требуется собрать землю, поднять ее на определенную высоту, чтобы воду пускать самотеком. Не знаю, кому принадлежала идея лотков, но я воздаю должное де Голлю, — система оказалась очень эффективной. Вернувшись домой, я предложил и нам перейти на лотковую систему. Думаю, что она и сейчас работает.

Руководители Узбекистана сначала тоже пошли по старому пути. Как и на целинных землях, стали создавать колхозы, переселяя узбеков с гор. Потом и они перешли на совхозы. К тому же жители гор не имели опыта выращивания хлопка, что усугубляло положение. Я несколько раз побывал в Голодной степи. Посещение ее всегда сопровождалось чувством радости от прекрасной земли, показывающей чудеса. Там добились высоких урожаев хлопка, насадили сады и стали выращивать персики, яблоки и другие фрукты.

Я предложил строить поселки городского типа из домов в три-четыре этажа со всеми удобствами: водопроводом, канализацией, газом, радио, телефоном, благоустроенными дорогами и тротуарами. Там стали возводить пекарни, рестораны, детские сады и ясли, сразу закладывая бытовые учреждения, необходимые для обслуживания человека. Люди, приходя в совхоз, обретали комму-

нальные удобства, нужные современному человеку: школу, больницу, клуб, кино и прочее. На целинных землях сделать это нам не удавалось, но не потому, что мы этого не понимали, а оттого, что нас лимитировали скромные материальные ресурсы. В Голодной степи уже имелось больше возможностей выделять средства на строительство. Кроме того, отдача от вложенных капиталов там оказалась невероятной. Статистики докладывали, что при урожае в тридцать центнеров хлопка с гектара капиталовложения, затраченные на совхоз, окупаются сбором двух, от силы трех урожаев. Конечно, я говорю не о стоимости хлопка-сырца, за который платили совхозам, а о всей выгоде, которую получало государство при реализации готовой продукции. Сильное впечатление производили на меня поездки и в Туркмению, и в Таджикистан, и в Киргизию, где организовывались подобные хозяйства.

Я еще хотел бы сказать пару слов о хлопке. Одно время мы считали, что химическое волокно заменит хлопок, но потом все-таки вынуждены были признать свою ошибку. Химия не может заменить хлопок. Качество синтетического волокна не может конкурировать с ним. Правда, мне еще тогда докладывали, что японские ученые создали искусственное волокно, которое по своим качествам не отличается от хлопка. Ткани из этого волокна я не видел. Видимо, когда-то ученые создадут такую ткань, потому что химия имеет неограниченные возможности. Наши ученые буквально, как чародеи, создают для человека нужные материалы нужного качества. Я раньше никогда хлопком не только не занимался, но и не видел, как он растет. В первый раз, когда я приехал в Узбекистан, республикой руководил Юсупов. Сам из рабочих, умнейший человек, но с характером и не свободный от ошибочных взглядов. У него имелась своя точка зрения на возделывание хлопка.

У Юсупова в характере осталось очень много от прошлого, он как мусульманин смотрел на женщину, как на рабыню, хлопкоуборочные машины не признавал. Там господствовал кетмень. Конечно, высев был механизирован, но обработка велась кетменем, сбор — в фартук или в мешок, который висел на шее у женщины. Это был исключительно женский труд. Труд тяжелый. Кетмень очень тяжел. Мне потом говорили, что работа кетменем отражается на здоровье женщин; влияет на деторождение. Возник вопрос о полной механизации возделывания хлопка. Высевать его решили квадратно-гнездовым способом, чтобы облегчить обработку и уборку. Хлопок начали сеять квадратом, кажется, 45х45. С обработкой поначалу возникли трудности. Тем не менее получили высокий урожай. Мы пропагандировали этот способ, но жизнь

показала, что можно и без квадрата механизировать обработку хлопка. Одним словом, мы тогда поставили себе цель: вырвать из женских рук кетмень и выбросить его, добиться, чтобы всю работу делала машина. И добились. Потом резко поставили вопрос о хлопкоуборочных машинах. Наши конструкторы сначала создали двухрядные, а потом четырехрядные хлопкоуборочные комбайны. Я несколько раз выезжал в Узбекистан, знакомился с научными учреждениями, с конструкторами, побывал на полях при опробовании машин. Девушки Узбекистана сели за руль трактора и хлопкоуборочного комбайна. Это была борьба не только за хлопок, но и за культуру труда, за облегчение труда женщины на хлопковых полях.

¹ В основном новые возможности были отражены в Постановлении пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР».

² Он состоялся в Москве 3 — 7 сентября 1953 года.

³ Государственные заготовительные цены были повышены на скот и птицу более чем в 5 раз, на картофель — в 2,5 раза, на молоко и масло — в 2 раза, на овощи — до 40%. Подняли закупочные цены на продукты, сдававшиеся сверх обязательных поставок. Колхозам стали выплачивать денежные авансы, чтобы потом ввести гарантированную оплату труда. Затем 6 марта 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесечном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах».

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 июля 1957 г. «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих».

⁵ ШАЯХМЕТОВ Ж. — в то время первый секретарь ЦК КП Казахстана.

⁶ ПОНОМАРЕНКО П.К. (1902 — 1984) был перед этим с 1948 г. секретарем ЦК ВКП(б) и с 1952 г. — заместителем Председателя Совмина СССР.

⁷ БРЕЖНЕВ Л.И. — был первым секретарем ЦК КП Молдавии в 1950 — 1952 гг., в 1952 — 1953 гг. — секретарем ЦК КПСС, а в 1953 г. — заместителем начальника ГлавПУСА и ВМФ.

⁸ Постановление об освоении новых земель было принято на пленуме ЦК КПСС 2 марта 1954 г.: «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

⁹ В 1953 г. в СССР было заготовлено 31 млн. тонн зерна, а израсходовано свыше 32 млн.

¹⁰ Этот пленум ЦК КПСС состоялся 23 февраля — 2 марта 1954 года.

¹¹ 22 февраля 1954 г. в Большом Кремлевском дворце (Москва) представители молодежи от столицы и ее области собрались на проводы первой группы комсомольцев-целинников.

¹² За 1954 — 1956 гг. на целине было распахано под посевы около 36 млн. га. Из них около 20 млн. в Казахстане и около 15 млн. в РСФСР.

¹³ До 1961 г. — Акмолинск. Оставался административным центром края до 1965 г., потом опять стал областным центром. В настоящее время — Астана, столица Казахстана.

¹⁴ По официальным данным 1960 года, Казахстан собрал 18,7 млн. тонн зерна, сдав в счет государственных закупок 10,5 млн. тонн (694 млн. пудов).

¹⁵ Речь идет о равнине на левобережье Сырдарьи по выходе из Ферганской долины. Там в 60-е годы возникло 30 новых совхозов.

ЖЕЛАЕМОГО ИЗОБИЛИЯ МЫ НЕ ДОСТИГЛИ...

Свводом в оборот целинных земель мы создали большие возможности по заготовке товарного хлеба и все-таки желанного изобилия не достигли. Имею в виду не только удовлетворение потребностей советских людей, но и запросы наших друзей из других социалистических стран. Не получился у нас и выход на международный рынок, с тем чтобы продавать хлеб на Запад и приобретать необходимую валюту. Выход на международный рынок стал бы свидетельством особого роста нашего сельскохозяйственного производства. Но, к сожалению, еще на слишком низком уровне велось и ведется наше сельское хозяйство. Мы получаем только третью долю того, что может давать наша земля. Это касается и старых, давно освоенных земель. Целина вела к отдаче с большим коэффициентом, но и этого оказалось мало. Недоставало опыта, техники, минеральных удобрений, средств борьбы с вредителями, правильной селекционной работы. Тогда мы только-только приступали к разведению на целине крупного рогатого скота мясного и молочного направления. Там паслись большие стада овец для получения шерсти и баранины, бродили табуны лошадей, которые давали конину. Но это мясо в нашей стране далеко не общепотребительно. В Туркмении и Казахстане остаются неиспользуемые резервы разведения верблюдов. Корабль пустыни как-то выпал из поля партийного зрения. Я раз обратил внимание на одном из совещаний местных руководителей на это упущение. Они меня горячо поддержали, решив побыстрее восстановить верблюжье стадо. Верблюд, питаясь колючками, дает прекрасную шерсть, хорошее мясо и молоко, может удаляться от водопоя на большое расстояние. Что получилось потом из обещаний? Не знаю.

В 1964 году я подсчитал, что по всей стране мы можем зало-

жить на государственные склады до пяти миллиардов пудов товарного хлеба. Только Казахстан к середине осени приблизился к миллиарду пудов.

Сейчас я на пенсии и не могу знать, сколько теперь заготавливается хлеба. Иной раз публикуют цифры по районам и областям, по республикам и я упражняюсь в арифметике, складываю цифры. Получается, что за шесть лет моего пребывания на пенсии Советский Союз ни разу не заготавливал столько зерна, сколько в шестьдесят четвертом году. Это, видимо, был самый высокий урожай и самые высокие заготовки, но тут надо иметь в виду некоторую специфическую терминологию. Выращенный урожай, урожай собранный и урожай, заготовленный государством, — это три разных понятия. После смерти Сталина, ликвидации машинно-тракторных станций и прочих упрощений в руководстве сельским хозяйством на пленуме Центрального Комитета мы приняли решение оценивать урожай не по колоскам, которые подсчитывали инспекторы на полях, а по заготовкам, по тому, что заложено в государственные зернохранилища. Это зерно было не просто товарным, но товарным в чистом виде, потому что, кроме зерна, заготовленного государством, еще оставалось товарное зерно в колхозах, которое тоже поступало на рынок. Я же говорил о зерне, которым располагало правительство. Да, нелегко дается зерно, обильным потом поливается урожай.

Наши потребности исчислялись тогда двумя миллиардами пудов. Появлялась возможность создать полугодовые резервы. Этот прогноз основывался не на биологической урожайности, а по заготовкам, которые осенью шестьдесят четвертого года уже завершались. Недавно увидел свет статистический сборник, из которого я попытался узнать, сколько же зерна было заготовлено тогда. Нет этого! Все исчисляется за пятилетку, без разбивки по годам. Данные 1964 г. «спрятаны». Основываясь на состоянии торговой сети, прихожу к умозаключению, что производство зерна сегодня далеко не удовлетворяет наших потребностей. Недостает также мяса, мясопродуктов, яиц, молочных изделий. За ними стоят очереди. Люди ищут лазейки как-то достать нужные им продукты: из провинции приезжают за ними в Москву. Даже Киев, всегда служивший зеркалом, отражающим состояние сельского хозяйства, показывает сегодняшнюю действительность в непривлекательном виде.

Когда читаешь газеты с сообщениями о работе сельскохозяйственных органов, то отмечаешь успехи: выросло производство и зерна, и других сельскохозяйственных продуктов. А рынок этого не подтверждает.

Значит, производство зерна у нас отстает от потребностей. Меня такой факт несколько удивляет. Я не могу понять несоответствия. В правительственном статистическом отчете одна цифра привлекла особое внимание. Там указывалось, что за четыре или за пять прошедших лет урожайность зерна по стране выросла на пять центнеров и в 1970 году достигла 15,4 центнера с гектара.

Это очень хорошая урожайность. Она должна радовать каждого советского человека. Но я не понимаю этой цифры. Объявленная урожайность не соответствует рыночному положению. Я знаю, что десять лет назад Соединенные Штаты Америки получали урожайность в среднем 16 центнеров пшеницы с гектара. Правда, кукурузы они намолачивали, кажется, сорок восемь, поэтому в среднем они получали выше, чем шестнадцать. Я думаю, если бы мы действительно имели 15,4 центнера, то сложилось бы совершенно другое положение на рынке с мясом, мясными продуктами и яйцом. Я стал думать об этом, подсчитал полученный прирост. Умножив пять центнеров на имеющееся у нас количество миллионов гектаров, которые засеваются зерном, я получил большую цифру. Очень большое количество зерна мы собираем, это прекрасная добавка к тому товарному хлебу, который раньше производился страной. Должна появиться возможность удовлетворить запросы не только по зерну, то есть по хлебопекарным изделиям, но и по продуктам животноводства.

Я не подготовился сейчас назвать точную цифру. Кажется, мы засевали зерном 130 миллионов гектаров или больше. Наверное, больше. Можете себе представить, какое огромное количество хлеба мы получили бы дополнительно к тому, который получали раньше. Это астрономическая цифра прибавки урожая. Я бы даже сказал катастрофическая цифра, потому что у нас нет складских помещений для хранения такого количества зерна. При такой урожайности и при наших площадях мы полностью удовлетворили бы свои потребности и в хлебе, и в продуктах животноводства, и в молоке, и в яйцах. У нас должны появиться большие излишки. Мы должны получить возможность не только удовлетворить свои запросы, но и выйти на международный рынок, то есть предложить за границей продукты зернового и другого сельскохозяйственного производства! Рынок не подтверждает такой урожайности.

Я выражаю сомнение в этой цифре! В чем же дело? Помню, как Сталин проделывал такие фокусы: определялась урожайность, а потом урожайность произвольно завышали. Тогда оплата труда МТС зависела от урожайности, и государство было заинтересовано в завышении. Колхоз, наоборот, был заинтересован в заниже-

нии урожайности: чем она ниже, тем меньше он уплатит за работу МТС. Метод государственного определения урожайности был гибким: что захотел, то и получил. Применялись метровки: считали, сколько на одном квадратном метре поля выросло стеблей, какое на них количество колосков, сколько зерен в каждом колоске, потом эти три исходных элемента принимались во внимание при расчете урожайности. Тут всегда возможны злоупотребления. Можно подсчитывать только колосья больших размеров, в них окажется больше зерен. Все зависело от желания того, кто считал. Потом все это суммировалось и получалась общая урожайность по республике и стране в целом.

Окончательно урожайность устанавливалась в Москве Сталиным. Был такой Савельев, сейчас он уже, наверное, глубокий старик. Он работал в Комитете по определению урожайности. Мы все буквально молились на Савельева, от него зависело, сколько придется сдать зерна государству от республики. Он докладывал Сталину, что урожайность, например, по Украине, такая-то. Следовательно, Украина должна поставить хлеба столько-то. Налог не зависел от урожайности, а за работу машинно-тракторных станций платили тем больше, чем выше была урожайность. Когда урожайность не соответствовала желаниям Сталина, точнее, он хотел, чтобы Украина сдала зерна больше, то Сталин смотрел на Савельева, как удав на кролика.

— Что вы, такие-сякие, потворствуете колхозам, — гаркал Сталин, — занижаете цифры. Там «такие черноземы»... Выругается и по животу себя ладонью проведет. Затем Сталин устанавливал свою урожайность, — называл цифру. Она совершенно не соответствовала действительной урожайности, но отвечала желанию Сталина. Это была «липа», поэтому другой раз забирали все без остатка. Говорили: урожайность такая-то, а ее и близко не было.

Поэтому я не только скептически относился, но просто не верил в такой метод определения урожайности. Он не соответствовал действительности и вводил правительство в заблуждение. Из него нельзя исходить, строить на нем какие-то экономические прогнозы. Даже если считать добросовестно, то это лишь биологическая урожайность, а не товарный хлеб. Такой метод годится для предварительного определения. Урожай еще надо собрать, потом привести хлеб на государственные склады, только тогда он становится товарным. От определения биологической урожайности до коммерческого хлеба лежит «дистанция огромного размера». Примешивается и политическая заинтересованность: если кому-то хочется блеснуть урожайностью, то — пожалуйста! Вот и «блещут» сей-

час наши руководители всяческими цифрами, а на магазинных полках — пустота.

Поэтому я думаю, что цифра 15,4 — бюрократическая, угодническая; статистики хотели угодить высшему начальству. Она для бюрократа, как смазочное масло для машины.

Каждый видит то, что ему приятнее. За рост урожайности хвалят. Это приятнее, чем когда критикуют за то, что топчутся на месте или сползают вниз по урожайности. Я с недоверием отношусь к опубликованной цифре. Она не соответствует положению дел в торговой сети. Если бы такая цифра реально, а не бюрократически обеспечивалась, то это отразилось бы на нашем потреблении, наступило бы буквально изобилие.

Вот мое мнение. Оно сложилось на основе моего большого жизненного опыта. Я видел, как жульничали.

Знаю, что за последние годы значительно выросло производство минеральных удобрений. В свое время мы поставили задачу производить концентрированные минеральные удобрения, чтобы в них было побольше полезных веществ и поменьше балласта. Требовались гранулы. Сейчас для своего дачного огорода я пользуюсь гранулированной нитрофоской, которая содержит азот, фосфор и калий. И в соседнем колхозе, внося удобрения под посевы пшеницы, тоже пользуются нитрофоской. Следовательно, по выпуску минеральных удобрений мы выросли и по количеству, и по качеству. Но должной отдачи не чувствуется. Значит, минеральные удобрения плохо используются. Центнер удобрений при грамотном их вложении и хороших семенах даст прибавку к урожаю с гектара в пять центнеров. При толковом использовании удобрений мы получили бы в целом по стране миллионы центнеров добавочной продукции. Однако ее нет. Проблема упирается в культуру их применения и в организацию дела, которые на сегодня примитивны во многих колхозах и совхозах.

В столичных магазинах достаточно только хлеба. Но ведь не хлебом единым жив человек, и не только в духовном смысле. Сухая ложка рот дерет. Хлеб без приварка превращается в насмешку, когда нет нужного ассортимента продуктов.

Иногда я встречаюсь с людьми, и они выражают свою тревогу, рассказывают грустные анекдоты.

Вот такой, к примеру.

— Как вы считаете, может ли верблюд из Москвы дойти до Владивостока? — задал мне вопрос один из моих случайных собеседников.

Услышав такой вопрос, я почувствовал, что здесь кроется подвох.

— Я думаю, что если будут соответствующие условия и уход за верблюдом, то он может, конечно, дойти. Сил у него хватит, — ответил я.

— Нет, — засмеялся он, — не дойдет.

— Почему? — спросил я.

— Он дойдет максимум до Свердловска.

— Почему? — теперь я уже ничего не понимал.

— Съедят, — откровенно смеялся мой собеседник, удивляясь моей наивности. Этот анекдот отражает неприятное положение: наши города и поселки сидят без продуктов. Я встречаюсь с рязанскими, калужскими, калининскими, брянскими жителями. С ними говорить очень трудно. Все они громким голосом повторяют, что у них нет мяса, нет яиц, нет других продуктов и достать их нельзя. Поэтому из городов, расположенных близко к Москве, многие выезжают специально, выкраивая какой-то день, с тем чтобы купить продукты в Москве.

Целинные земли освоены, будет повышаться культура земледелия, будут повышаться урожаи, будут внедряться другие виды сельскохозяйственного производства. Одним словом, человеку послужат десятки миллионов гектаров хороших земель. Множество людей расселилось на этих землях. Эти земли из пустыни превратились в обжитой край. Я думаю, что теперь там цветут сады и звучат песни. А уж звуки работающих моторов давно переполнили целинные земли.

А дальше что? Целинные земли освоены, а родился анекдот, в котором верблюд не может дойти до Владивостока. Мясо — это продукт первой необходимости, без него жить нельзя. Одежду можно сделать поуже, покороче. И даже очень коротко, как теперь носят женщины. Потребление мяса и хлеба «укоротить» нельзя, наступит голод. Надо думать, какими путями нам идти дальше, как действительно создать полное изобилие продуктов питания для наших советских людей. При обширных пространствах нашей страны нельзя этого не иметь.

Когда я работал, то думал над этим вопросом. Не думать было нельзя. Эта проблема должна неотступно преследовать руководство страны. Я все время ломал голову: как нам поскорее выйти на широкую дорогу производства необходимых продуктов? У нас остались неосвоенными необъятные просторы заболоченных, заросших кустарником земель. Конечно, я не говорю о лесе, лес изводить нельзя, эксплуатацию его богатств следует вести на разум-

ной основе, чтобы вырубки постоянно восстанавливались, а в некоторых районах восстановление леса должно идти с опережением. Речь я веду сейчас о другом: много земель требуется приводить в порядок, мелиорировать и тоже вводить их в севообороты. Масса участков покрыта слоем торфа, остается кислой. Без известкования и дополнительных усилий на них ничего не вырастет. Здесь все упирается в капиталовложения и технику. Еще когда я работал, то высказывал такие соображения, но не широко. Тогда главной задачей стало освоение целинных земель, нельзя было распылять средства. Ныне, закончив одно, пора браться за другое.

У нас имеются также большие площади, которым необходима ирригация. Окупаемость поливных земель очень высока. Кроме того, полив создает устойчивость при получении сельскохозяйственных продуктов. Урожай перестает зависеть от погоды, командует сам человек. У нас имеются для полива достаточные средства: электростанции, и гидравлические, и тепловые, с водохранилищами разбросаны повсюду; машиностроение способно обеспечить насосами для подачи воды; опыт устройства ирригационных систем для правильного распределения воды у нас большой. По засушливым районам текут реки: Волга, Днепр, Южный Буг.

В последний год моей деятельности в своих выступлениях по сельскому хозяйству я высказывал соображения об ирригации. К тому времени мы уже проводили ирригационные работы на Северном Кавказе, в Волгоградской области и других местах. Начали строить Северо-Крымский канал и разрабатывали вопрос об ирригационных работах на Дунае. Хотели Придунайскую низменность напоить дунайской водой, чтобы не зависеть от Господа Бога, и обеспечить постоянные урожаи. Появлялась возможность использовать воду Дуная, Днестра, Когула. Строится Саяно-Шушенская гидростанция. Она предназначается главным образом для решения энергетических проблем, но ее сооружение даст возможность использовать воды Енисея и для полива близлежащих земель. Я там никогда не был, но от специалистов слышал, что летом там очень много тепла и благоприятные условия для выращивания сельскохозяйственных культур. Там даже арбузы растут. Я уж не говорю о будущем, когда мы научимся опреснять морскую воду в крупных объемах, чтобы использовать ее и для хозяйственных надобностей. Тут возникают заманчивые перспективы.

Все это мы тогда откладывали на будущее. Только сейчас правительство приступило к следующему шагу для увеличения сбора сельскохозяйственных продуктов. Начался переход от расши-

рения пахотных земель к увеличению урожайности. Это и есть путь интенсификации сельского хозяйства. Конечно, у нас использованы еще не все возможности по более рациональному землепользованию.

Сегодня в нашем сельском хозяйстве основная задача состоит в повышении продуктивности старопахотных земель, которые давно освоены. Урожаи там всегда были очень низкие, не больше десяти центнеров зерна с гектара. При современных культуре и сельхозтехнике, при современных биологической, агрономической, химической и бактериологической науках этого мало. Поэтому старопахотные земли, в частности для повышения культуры ведения земледелия, являются своего рода целинными землями. Это наши резервы.

То, что было нецелесообразно из-за нашей отсталости в области производства удобрений в 1954 году в начале освоения целины, сейчас выходит на первый план. Такова диалектика.

В Западной Европе получают пшеницы от тридцати до сорока центнеров с гектара. Вот еще одна наша мечта.

Можем ли мы поднять урожайность до такого уровня? Безусловно, можем. Если будем умело вести хозяйство. Наши климатические условия позволяют это сделать. Что нужно для этого? Во-первых, высокая квалификация, хорошая техника, минеральные удобрения и необходимое количество хороших продуктивных семян. Мы можем сказать, что тоже имеем районы с такой урожайностью, но правильнее их называть микрорайонами. Даже если бы мы подняли среднюю урожайность до двадцати центнеров, то создали бы изобилие. Появились бы только трудности сбыта и хранения такого количества зерна, но с изобилием легче справиться, чем с голодом. Такое количество зерна мы уже не сможем использовать, и встанет вопрос вывода из пахоты менее продуктивных земель. Мы начнем уходить из зоны рискованного земледелия. Тогда можно внести коррекцию и в использование целинных земель. Там окупаются затраты, но порой недостаточная получается прибыль. Эта земля вернется под пастбища, пойдет под сады.

Я уверен, что мы к этому придем. Когда только? Не знаю.

Теперь во-вторых. Что же нужно для того, чтобы обеспечить подъем урожайности на освоенных старопахотных землях? Для этого нужна техника, знания и правильная организация. Обладает ли мы этим? Во всяком случае мы находимся на таком этапе, когда можем удовлетворить все требования, и организационные, и материальные, и духовные, и научные. Надо правильно оценить и со всей серьезностью подойти к решению проблемы резкого

повышения продуктивности сельского хозяйства на старопашотных землях. Необходимо совершить скачок и внедрить интенсивные методы ведения хозяйства. Пока мы находимся на низком уровне.

Нужны, конечно, материальные средства. Располагает ли такими возможностями наша страна? Безусловно, располагает. Мы можем все сделать, если будут изысканы средства. Я говорю «изысканы», потому что желания отраслевых министерств и других ведомств в «вырывании» капиталовложений неограничены. Здесь от правительства требуется твердость в выборе цели, мужество и упорство, чтобы сосредоточиться на главном, отсесть второстепенное. Ему придется действовать, как хирургу, вырезающему опухоль и тем самым освобождающему организм человека от болезнетворных тканей, чтобы дать ему возможность нормально развиваться. В целях подъема сельского хозяйства требуется хирургическое вмешательство в финансы, дабы получить средства для подъема деревни.

На такую хирургическую операцию необходимо идти. Вопрос материального обеспечения жизни нашего народа — это одновременно и вопрос подъема культуры нашего народа, и увеличения политического престижа нашей страны, престижа нашей политической системы. После Октябрьской революции минуло пятьдесят лет. Наш народ прошел славный путь и многого достиг, но еще есть проблемы, без решения которых не может развиваться социалистическое общество, не может стать привлекательным. Кто решится брать с нас пример, если мы не можем удовлетворить даже первейших потребностей наших людей? Чтобы верблюд мог целым и невредимым дойти от Москвы до Владивостока, необходима решимость на государственном уровне перестроить всю нашу сельскохозяйственную политику.

В который раз я возвращаюсь к минеральным удобрениям. Их надо много и высокого качества, с высоким коэффициентом содержания полезных веществ, без балласта, чтобы удобрения целиком растворялись и всасывались растениями. Это идеал. Я не знаю, насколько это вообще возможно, но я беру стандарты таких высокоразвитых капиталистических стран, как Соединенные Штаты Америки, Голландия, Западная Германия, Англия. Если бы мы обеспечивали внесение удобрений по их нормам, уверен, что мы бы имели те же урожаи, ту же продуктивность, что и они. Необходимы стимуляторы роста и продуктивности животноводства и птицеводства. Главным условием является развитие химической промышленности. Здесь ничего ни выдумывать, ни изобретать не

нужно. Все это было известно на Западе еще в период моей деятельности.

Я не закрываю глаза, понимаю, что перед нами не только задача производства минеральных удобрений; не меньшее значение имеет умение использовать их. Как, под какую культуру, в каком количестве вносить? Какие минеральные удобрения полезные, а какие могут и навредить? Это большой вопрос. Здесь у нас дел непочатый край. Наряду с высоким уровнем культуры, уровнем техники, с полетами в космос, мы еще не освободились от варварских взглядов на химические удобрения. Даже те удобрения, которые мы имеем, очень часто используем нерационально, а другой раз просто губим. Поэтому необходимо обучать людей, занимающихся сельскохозяйственным производством, с тем чтобы они овладели знаниями и научились пользоваться благами ума и рук людей, создающих минеральные удобрения. Без этого материальные ресурсы останутся мертвыми.

В последние годы моей деятельности дважды официально ставились вопросы о развитии химии в Советском Союзе, о развитии производства минеральных удобрений. И не только о них. Шла речь о полиэтилене и других предметах химического производства. Но для этого требуется время, много времени, потому что мы очень отстали. Те минеральные удобрения, которые мы вырабатывали и распределяли между колхозами и совхозами, по два-три года и более лежали на складах. На каких складах? Просто в отвалах у железной дороги. Хозяйства их не вывозили. Под дождем и снегом они выщелачивались и теряли свои свойства. Оставался один доломит. Его скапливалось целые горы.

Это говорит о том, что и колхозное, и совхозное руководство недостаточно ценили и понимали пользу удобрений. Свалка минеральных удобрений затвердевала, и ее потом просто невозможно было вывезти. Приходилось буквально вести разработку отбойными молотками. Мы не имели оборудования для их размельчения. Мы отставали от Запада, там уже в те времена вырабатывались гранулированные удобрения, содержащие два-три вида полезных веществ, так называемые сложные удобрения. Мы их производили с содержанием только одного химического компонента. Теперь мы все это имеем, и что же?

Возможно ли нам добиться перелома? Безусловно, не боги горшки обжигают. Надо проявить упорство и овладеть знаниями. Овладеть не только теорией, но и научиться применять ее на практике. Молодых, да и пожилых людей следует посадить за парты и обучить этим премудростям. Дело сложное, тут надо не учиться, а

переучиваться, а всякое переучивание наталкивается на внутреннее сопротивление. У земледельцев накопился опыт использования органического удобрения, и они смотрят в будущее глазами прошлого. Порой, разговаривая с людьми, я натываюсь на полное непонимание.

— Вот коровяк... Это, да!

Так цепко держит нас старое мышление. Это дедовский взгляд. Я сейчас не хочу противопоставлять навоз удобрениям, но американцы используют минеральные удобрения. Я основываюсь на своих беседах с Гарстом. Гарст, американский фермер, умеющий работать и знающий сельское хозяйство, использует все новое. Для меня Гарст — эталон. Если уж Гарст что-то делает, то это выгодно, а если он чего-то не делает, то, следовательно, надо призадуматься. Он ведет капиталистическое хозяйство, а там прибыль — это вопрос жизни и смерти. Если не идти в ногу со временем, то такой фермер в капиталистическом мире обречен на гибель.

— Господин Хрущев, я навоз на поля уже не вывожу, — сказал Гарст мне при встрече во время моего визита в США в 1959 году. — Я пользуюсь минеральными удобрениями. Навоз я сжигаю, не выгодно, дорого возить его на поля, разбрасывать и запахивать.

Я не могу утверждать, что господин Гарст абсолютно прав в своих рассуждениях. Навоз еще послужит, принесет пользу, например, улучшая структуру почвы. Это вопрос к ученым, и это вопрос практики. Я только могу сказать одно: если Гарст так поступает, это дает прибыль в ведении хозяйства и позволяет выжить при конкуренции. А если что-то выгодно для капиталистического хозяйства, то, следовательно, должно быть выгодно и для социалистического. Тут дело не в системе, не в том, кому принадлежат средства производства.

Американцы ограничивают посевы и пшеницы, и кукурузы, чтобы не затоваривать рынок, чтобы не падали цены, чтобы не разорялись фермеры. Они платят премию тем фермерам, которые сокращают посевы зерновых культур. У них запасов зерна более, чем на год.

Правда, географически Америка для произрастания растений более выгодно расположена, чем Советский Союз. Но мы тоже имеем все, чтобы не только не уступать Америке, но и превзойти по тем культурам, которые у нас произрастают лучше.

Наша химическая промышленность может дать все химические вещества, необходимые для ведения сельскохозяйственного производства на высоком уровне. Мы тоже, как и Запад, можем производить их в достаточном количестве. У нас достаточно образован-

ных людей, получивших высшее и среднее образование по сельскохозяйственному производству. Мы постоянно увеличиваем число специалистов, как в институтах, так и в техникумах по растениеводству, животноводству и птицеводству.

Если мы все имеем, что же тормозит нас? Что же не позволяет нам подняться на тот уровень, который сейчас достигнут Западной Европой. Я не имею в виду Америку. Америка по урожайности зерновых культур занимает далеко не первое место. В мое время, когда я занимался общественно-политической и государственной деятельностью, Америка получала пшеницы 16 центнеров с гектара. Это половина того, что получают западные капиталистические страны в Европе.

Снова и снова ставлю перед собою вопрос: почему же мы отстаем от западных капиталистических стран в производстве сельскохозяйственных продуктов? Причина кроется в скверной организации дела. Еще в период моей деятельности я увидел в этом главный недостаток и пытался отыскать нужные организационные формы ведения хозяйства. Наши сельскохозяйственные органы часто работали вхолостую. Союзное министерство всем диктует, что сеять, когда сеять. Бюрократическая отчетность поглощает массу труда. Между тем за все почти 13 лет, что я работал на Украине, у меня ни разу не появилось потребности обратиться в союзное министерство за консультацией. Однако министерские указания мы получали регулярно, хотя они порой противоречили здравому смыслу. Республики и области сами обладают достаточным потенциалом для ведения дел и в детализированных указаниях из центра не нуждаются, а аппарат просто должен как-то оправдать свое существование: стучать на машинках, писать, звонить, телеграфировать, посылать уполномоченных. Плодить бумаги.

Микоян как заместитель Председателя Совета Министров шефствовал над сахарной промышленностью. Украина была главным производителем сахара. В Министерстве пищевой промышленности сидел в качестве уполномоченного агроном Сторожук, знающий специалист по сахарной свекле. Он приезжал к нам по этому вопросу, когда ему вздумается. Я убежден, что телеграммы на Украину, которые подписывал Микоян насчет свеклы, составлял Сторожук. Вот получаем длинную телеграмму с указаниями, какие нужно проводить работы, а мы их уже закончили. Директивы были правильными, но о чем в них говорилось? Не пей сырой воды! Однако на каждую директиву следовало ответить. Когда же приезжал Сторожук, то его надо было принимать и с ним надо было беседо-

вать. Он наставительно излагал свои взгляды. Потом уезжал. По стране ездили миллионы «сторожуков», им государство платило миллиарды рублей.

Я повторяю: Сторожук был знающим, умным человеком. Спрашивается, зачем он приехал? Для чего тратятся деньги? Зачем вообще учрежден его пост? Неизвестно. А главное, чем менее значительна должность, тем больше ее обладатель проявляет активности. Она вызывает к жизни другие должности, которые должны с ним вести переписку. Так развивается бюрократическая машина, которая вертится, но ничего не дает.

Анастаса Ивановича я сейчас не критикую. Он очень дельный, умный человек. Он стал жертвой системы, которую мы все создали. Я попытался принять какие-то меры, полагая, что союзное Министерство сельского хозяйства в существующем виде никакой пользы не приносит, а лишь проедает народные средства. В министерство по делу обращались с мест лишь ради обеспечения тракторами, автомашинами, плугами, минеральными удобрениями и прочим. Но это не имеет никакого отношения к сельскохозяйственному производству, только к техническим средствам его обеспечения. Настоящее министерство должно иметь небольшой аппарат, который будет намечать главную линию, следить за заграничными новинками и давать заказы на производство требуемого для сельского хозяйства.

ЗЕМЛЯ И НАША НАУКА

Во многих нововведениях нуждается селекционная наука. Но даже в тех условиях в зерновом хозяйстве у нас выросли неплохие селекционеры. Собственно, и сейчас на них держится сельское хозяйство. Еще до революции имелись хорошие сорта пшеницы. Например, «Украинка» славилась не только на Украине, но и в Канаде.

У этого сорта отличные хлебопекарные качества. Василий Федорович Старченко, прекрасный агроном и человек, мне рассказывал, что до революции помещики так пропагандировали сорт «Украинка»: «Хочешь маты гладку жинку, сей пшеницу «Украинку». Много отличных сортов вывели после революции, особенно в последние годы. Лукьяненко из Краснодара дал стране пшеницу «Бе-

зостая-1» с отменными хлебопекарными качествами и урожайностью. Хорошие сорта пшеницы получил селекционер Ремесло, работавший на Мироновской опытной станции¹.

В «Правде» или в «Известиях» я недавно прочитал статью по поводу юбилея товарища Лукьяненко. Подписали ее Келдыш, Мацкевич и Лобанов. С удовольствием прочел перечисление известных мне достоинств этого замечательного селекционера. Некоторые работы он сделал после моего ухода, когда я был уже на пенсии. В своей научной деятельности он неутомим и очень плодovit. Я присоединяюсь ко всем честным людям, которые приветствуют такого замечательного ученого, такого замечательного селекционера товарища Лукьяненко. Я желаю ему здоровья и успехов.

Не хочу принижать его роль, но советская земля богата хорошими учеными, селекционерами, давшими для своих зон замечательные сорта. «Безостая-1» имела очень избирательное применение. Краснодарский край — основной район, где можно было ее сеять. Она не зимостойкая. Уже в Ростовской области она не давала эффекта. Из газетной статьи видно, что Лукьяненко создал новый сорт, который позволяет расширить посевную зону выведенной им пшеницы. Он использовал сорт, созданный селекционером Ремесло, скрестил его с «Безостой-1» и получил новый, более зимостойкий сорт. Не хочу на этом задерживаться, сведения, которые дает статья, невелики.

С каждым годом моя память ослабевает. К сожалению, я уже не могу вспомнить фамилии некоторых людей, с которыми не раз встречался... Естественный процесс. Помню только их внешность. Зрительно представляю себе женщину-селекционера из Саратовской области. Стоят перед моими глазами и селекционеры целины. Я там бывал в научно-исследовательском институте, беседовал с ними. Замечательные люди. И сколько их!

О кукурузе. Кукуруза у нас высевалась на больших площадях. Ею занимались в Одесском селекционном институте имени Лысенко. Не знаю, как он теперь называется. Вел ее селекционер Мусийко. Он вывел хорошие сорта. Особенно в памяти сохранилась «Одесская-10». Почему? Когда я познакомился с американским фермером Гарстом, он мне доказывал преимущества кукурузы. Он умный человек, хорошо знавший свое дело. Я ему порекомендовал поехать в Одессу и посмотреть наши сорта. После этого хотел с ним еще раз встретиться и послушать, что он скажет. Гарст поехал в Одессу и посмотрел эти сорта. Мне потом рассказывали, что, когда ему дали початок сорта «Одесская-10» Гарст поцеловал его и сказал: «Отличный початок».

— Господин Хрущев, — обратился ко мне Гарст при очередной

встрече, — я видел сорта вашей кукурузы и считаю, что сейчас вы не нуждаетесь в покупке семян в Америке. У вас имеются свои высокопродуктивные сорта.

Хорошие сорта кукурузы были выведены и на Воронежской селекционной станции. В Днепропетровске тоже имелись отличные сорта. Я знал их автора Соколова и с большим уважением к нему относился.

Одним словом, у нас имелись специалисты, но не было системы. Отсутствовали хозяйства, в нужном количестве выращивавшие, сортирующие, калибрующие и хранящие семена. О калибровании кукурузы я впервые услышал в середине пятидесятых годов от Гарста. Как у металлста, у меня с этим словом связано определенное понятие. Это значит обтачивать, калибровать до определенного размера. Калибровка семян кукурузы — это сортировка их по размерам. Мы купили в Америке несколько калибровочных заводов, а потом сами начали их строить, главным образом на Украине и Северном Кавказе. Раньше семеноводство у нас «хромало», каждый «лапотник плел лапоть на свою ногу». А в Америке уже были специализированные хозяйства, обеспечивавшие фермеров высококачественным гибридным семенным материалом. Без этого нельзя вести кукурузное хозяйство на высоком уровне. Мы переняли опыт американцев, сразу получили хорошие результаты и организовали свое гибридное семеноводческое хозяйство.

Встречаясь с Гарстом, я не краснел за селекционеров Советского Союза, ни по зерну, ни по техническим культурам — это замечательный селекционер Кириченко из Одесского селекционного института, он дал новый сорт твердой озимой пшеницы; это Пустовойт, который создал лучший в мире подсолнечник; это селекционеры по льноводству, по хлопку и по другим культурам. Замечательным овощеводом слыл профессор Эдельштейн. Я называю только тех, с кем лично встречался.

Наши ученые добились больших успехов в области садоводства, виноградарства. Я тогда следил за этим, и сейчас из печати видно, что мы по-прежнему занимаем неплохое место. От Запада, и особенно от Америки, мы отстаем в области селекции животноводства, птицеводства и свиноводства. Американцы в этих областях добились исключительных результатов. На откорм свиньи мы затрачиваем кормовых единиц, наверное, в два раза, если не два с половиной больше, чем капиталистические хозяйства Соединенных Штатов Америки. То, что я увидел в Америке и что мне докладывали об уровне селекционной работы по птице в Англии, — это для нас в те времена казалось непостижимым.

Я помню выставку птицеводства и птицепродуктов Англии на сельскохозяйственной выставке в Москве и увидел просто удивительные вещи. Американцы вывели породу кур, которая на два с половиной килограмма корма дает килограмм привеса. Это изумительный результат. Представитель фирмы, с которым я вел беседу в свое время, рассказывал, что они продвинулись дальше и уже получили: 1200 граммов расхода корма на 1000 граммов куриного мяса. Сейчас они хотят получить один к одному: на единицу затрат кормов — единицу привеса мяса. Мы купили в Соединенных Штатах технологию производства куриного мяса. Построили фабрику в Крыму. Я бывал в этом совхозе. Там мы потерпели поражение. Где американцы затрачивают два с половиной килограмма кормов на килограмм привеса, мы затрачивали пять. Почему? Не умеем, к нашему сожалению, даже перенести к себе то, что имеется в капиталистических хозяйствах. Есть в мире прекрасные результаты и по яйценоскости кур. Когда я был в 1964 году в Венгрии, то Янош Кадар мне рассказывал, что куры, выведенные из яиц, закупленных в Западной Германии, дают 262 яйца в год. В опубликованном статистическом отчете за 1969 год я вычитал, что у наших кур в среднем получается, кажется, 130 яиц. Мне говорили, что в Америке вывели кур, которые дают около трехсот яиц в год. Это невероятно.

Это невероятно. Почти каждый день курица откладывает яйцо. Почему же наша социалистическая курица уступает капиталистической? Что, она стоит на позициях капитализма против социализма? Нет! Нет! У нас очень много хвастают, что в научно-исследовательских институтах все новое. Сколько у нас этих «куриных профессоров», кандидатов и докторов, а наша курица значительно уступает капиталистической курице. В этом вопрос. Вопрос в науке, но не в ней одной. На этом я останавлиюсь позже. Меня поразила кинофильм, присланный мне в свое время немецким фермером об утиной ферме. Он добился в выращивании утиного мяса затрат кормов 2,5 или 3 килограмма на килограмм привеса. Мы считаем, что содержание уток без воды невозможно, а он на утиной ферме содержал птиц в клетках. Воду им давали только для питья. Это сразу меняет положение: дает большие выгоды в привесах, в организации содержания этой птицы. Украинцы послали к нему своих специалистов. Они там все изучили. Немец добросовестно дал все рекомендации. Я не знаю, сколько это стоило, но украинцы создали свою утиную ферму. Она, видимо, и сейчас существует на озере Супой в Яготине под Киевом. На одном из совещаний по животноводству украинцы хвастались, что Яготинская ути-

ная ферма дает столько-то мяса и затрачивают они пять килограммов кормов на килограмм привеса. Все аплодировали. В сравнении с нашими стандартами это большой прогресс.

— Позвольте, — говорю я, вы ездили в Западную Германию и купили там эту утиную ферму. Фирма вас консультирует и оказывает помощь. Сколько она затрачивает на килограмм привеса?

Смутился оратор и говорит:

— 3 килограмма.

Я говорю:

— Позвольте, как же так, они — три килограмма, а вы — пять. Вы работаете почти в два раза хуже!

Все это вопрос науки, вопрос культуры производства и вопрос приготовления кормов, подбора необходимых элементов, которые дают больший привес. Это вопрос откормочного материала и в селекции свиней. Гибридизация показала отличные результаты, как в растениеводстве, так и в животноводстве и в птицеводстве. Мы в этих вопросах отстаем, невероятно отстаем.

Если бы мы, если бы наша наука поднялась до уровня, которого достигла Германия или Соединенные Штаты Америки, то, я думаю, что на таком количестве кормов, которое мы сейчас затрачиваем, можно удвоить производство продуктов животноводства: мяса, яиц, говядины, птицы и прочее.

Молочный скот в Голландии и Дании (я особо выделяю эти страны) дает самые высокие удои, и главное, молоко с высоким содержанием жира, в среднем пять процентов, при нашем едва достигавшем 2,5 — 3-х процентов. На каждый их литр молока нам надо надаивать два!

Еще один пример. Приезжали как-то к нам голландские фермеры, и в Курской области посетили мою родную Калиновку. Они расспрашивали, как колхозники выращивают картофель. Калиновцы, по сравнению с окружающими, находились на довольно приличном уровне, получая около двухсот, а другой раз и более центнеров картофеля с гектара. «А какое количество картофеля вы высеваете?» — поинтересовались фермеры. «По две — две с половиной тонны семян на гектар», — отвечают. Те изумились. Голландским фермерам это показалось невероятным, и они рассказали, что высевает только пятьсот килограммов семян картофеля на гектар. Урожай же получают в триста и более центнеров. Когда я узнал об этом, то просто заболел от зависти. Вот это наука! Вот это действительно система! Оказывается, как высоко в капиталистической стране поставлено семеноводство.

Во время моего визита в Египет президент Насер говорил, что они покупают семена картофеля в Нидерландах, потом выращива-

ют ранний картофель и продают его в Западную Германию и другие страны, потому что там его охотно покупают.

Да, в Нидерландах семеноводство картофеля отлично поставлено. Специальные хозяйства занимаются им и обеспечивают остальных голландских фермеров стандартными клубнями определенного сорта и размера. Потому и получается высокий урожай при крупных клубнях. У нас тоже имеются хорошие сорта картофеля, особенно «Лорх» и «Майская роза», с хорошими вкусовыми качествами. В этой связи я бы хотел вспомнить добрым словом профессора Лорха. Я с ним много раз встречался. Лорх вывел сорт картофеля, распространившегося по всей стране. Ленинградцы вырастили ракоустойчивый картофель. К сожалению, сейчас картофель, который я покупаю в магазине, поражен фитофторой, черной гнилью и другими болезнями. Видимо, недостаточно мы поработали над созданием сортов, устойчивых против болезней.

Мы располагаем большими хозяйствами по выращиванию спиртового картофеля с высоким содержанием крахмала, пригодного только для переработки на винокуренных заводах. Все это не поставлено на должном уровне так, как на Западе. Достаточно напомнить, что в Московской области получают урожай картофеля до семидесяти центнеров с гектара. В нашей стране нет общей системы выращивания семян. И семена не ценятся колхозами и совхозами. Если же они используют специальный семенной материал, то он годами не меняется. Лишь отдельные хозяйства обновляют семена в нужные сроки, как рекомендует наука.

Когда я вернулся с Украины в Москву, то решил посетить Научно-исследовательский институт картофеля в Раменском районе. Научные сотрудники докладывали мне с большим пафосом о своих успехах. Я задал вопрос: «А какой урожай вы собираете в вашем хозяйстве?» Женщина, отвечавшая за картофель, сказала: «Шестьдесят центнеров с гектара». Эта цифра меня просто убила. «Слушайте, товарищи, как же можно дальше терпеть работу такого института, — не сдержался я, — который на своих полях получает урожай в среднем по шестьдесят центнеров, а соседние колхозы — до ста двадцати центнеров? Кто же станет брать пример с такого института? Он подает ужасный пример!» Женщина, бедняга, не ожидала моей реплики и растерялась, потом заплакала: «Мы вас ждали, радовались приезду, а Вы нам говорите такие слова!» — «А что же мне говорить? Я не могу грешить против своей совести. Такой урожай — бич для сельского хозяйства страны, особенно в Московской области, которая держит огромные площади под посевами картофеля». Это происходило в 1950 году.

Несмотря на все последующие усилия со стороны партии и правительственных органов, урожайность картофеля недалеко ушла от позорной цифры — семьдесят центнеров с гектара. Конечно, имелись и рекордсмены. Еще в 1938 году в Киевской области одна колхозница получила пятьсот центнеров картофеля и за это была награждена орденом Ленина. Но каких же трудов ей это стоило! Несмотря ни на какие награды, таких примеров имелось очень мало, они являлись исключением и получались в результате необычайно тяжелого труда и большого вложения навоза в почву. Или рекорд достигался на крохотном участке. Вот колхозница Уткина из Новосибирской области получила около тысячи центнеров картофеля с гектара, но на малой площади. Порою, я знаю, за подобными рекордами стояло надувательство: говорили об урожае, собранном с грядки, и потом его пересчитывали на гектар.

Почему же мы так отстаем от Запада? У нас скверно поставлено дело. Научно-исследовательские институты содержатся на государственном обеспечении и потому работают плохо, раз бюджетом обеспечены, независимо от успехов дела. Противники социализма делают вывод, что условия преобразования жизни на социалистических началах приводят к безответственности, снижают эффективность труда. Поэтому Советский Союз и не может выбраться из трясины, в которой находится. Мой помощник Шевченко как-то беседовал с крупнейшим селекционером Юрьевым, возглавлявшим научно-исследовательскую станцию близ Харькова². Когда Шевченко зашел к нему в кабинет, тот сидел, задумавшись. «Видимо, размышляете над какой-то проблемой?» — спросил Шевченко. Юрьев с грустью ответил: «У меня работает доктор сельскохозяйственных наук, но абсолютный бездельник, вот я и думаю, как от него избавиться, но ничего не могу придумать, потому что закон защищает его». Наши законы предусматривают защиту человека от плохих администраторов. Недобросовестные люди оборачивают эти законы против нашей системы. Работа в научно-исследовательских институтах служит нередко кормушкой для трутней. Такие элементы «облепляют» институты, пожирается огромное количество государственных средств, а отдачи нет. Всегда найдутся ура-патриоты, которые, вместо того чтобы искать истинную причину возникновения такой ситуации, расчищать пути для глубокой научной работы, освобождаться от балласта и выдвигать на первые позиции действительно ученых, а не прилипал, продолжают доказывать недоказуемое, кричат о нашем превосходстве. Так нельзя!

Я думаю, разумный человек правильно меня поймет. Говоря

об этих недостатках, против которых я всегда боролся, и сейчас вспоминаю о них с большим огорчением и даже раздражением. Я преклоняюсь перед селекционерами и учеными Советского Союза, такими, как Пустовойт, Ремесло и другие. Их можно насчитать не один десяток, их, может быть, даже сотни. Гордился и горжусь трудом этих замечательных ученых, которые с большой продуктивностью работали для подъема сельского хозяйства и сейчас работают.

¹ РЕМЕСЛО В.Н. (1907 — 1983) являлся автором 17 новых сортов озимой пшеницы. Ф.Г. Кириченко (1904 -1988) создал твердую озимую пшеницу для степей, А.С. Мусийко (1903 — 1980) вывел специфические сорта кукурузы для разных регионов. Б.П. Соколов (1897 — 1984) первым использовал в селекции кукурузы гетерозиготность ее гибридов. В.С.Пустовойт (1886 — 1972) разработал высокомасличные сорта подсолнечника.

² ЮРЬЕВ В.Я. (1879 — 1962) — академик АН УССР с 1945 г., дважды Герой Социалистического Труда, с 1956 г. директор Украинского научно-исследовательского института растениеводства, селекции и генетики, автор многих сортов озимых и яровых пшеницы, ржи, ячменя, овса, проса и кукурузы.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРАВПОЛЬНОЙ ТЕОРИИ ВИЛЬЯМСА

Я очень уважал этого человека, преклонялся перед ним. Сколько я произнес в его адрес хвалебных речей... Я и лично был с ним знаком. Из академиков он, наверное, одним из первых стал коммунистом. Для меня он был не только близким человеком, но он был НАШ, наш советский ученый. К сожалению, теория его оказалась несостоятельной. Я сейчас не хочу выступать судьей. Это специальный предмет, и он требует более глубокого анализа. Видимо, теорию Вильямса можно применять, но не во всех зонах нашего огромного Советского Союза. А у нас как? Если один крикнул «Ура!», то другие тоже горланят. Вот мы и горланили: «Теория Вильямса! Травпольная система!» Ее ввели во многих районах, краях, областях и республиках, а она не дала должного эффекта. Мы имели большие потери.

Хочу вспомнить историю этого вопроса. Как до революции, так и сразу после нее, мы не имели возможности вести сельское хозяйство на должном уровне. Мы не имели машин, семян, минеральных удобрений и прочих необходимых компонентов, а опирались на то, что давала природа. У нас был самый примитивный, экстенсивный способ ведения хозяйства — трехполка.

Затем вместо трехполки стали вводить многопольную систему. Многопольная система мало что давала из-за отсутствия минеральных удобрений. Плохо мы знали эту систему. Началась дискуссия о наилучших способах ведения сельского хозяйства. Вильямс выдвинул теорию травопольной системы. Академик Прянишников доказывал необходимость использования минеральных удобрений. Эти «великаны» жили в одно время. Прянишников убеждал, что пора строить заводы, производящие минеральные удобрения. Он не отрицал посевов клевера и других трав, улучшающих структуру почвы, но главное место в его теории занимали минеральные удобрения. Он считал, что только с их помощью можно поднять сельское хозяйство на должный уровень. Теория Вильямса подкупала тем, что почти не требовала капиталовложений. Она основывалась на травопольном обороте, чем обеспечивалось снятие высоких урожаев. А эти высокие урожаи через травополье закладывали еще более высокие урожаи на будущее. Ну, что может быть увлекательнее, особенно в то время, когда страна не располагала капиталами, не имела ни химической, ни вообще развитой промышленности.

Он предлагал так построить севообороты, чтобы два или три поля были бы заняты под травами, а остальные — под культурами. Таким образом, посевы трав (клевера или люцерны, в зависимости от района, где какая трава лучше произрастает) накапливают азот в своих корнях, создают и улучшают структуру почвы: она не пыляется, а становится комковатой. Улучшается проникновение воздуха в почву, что создает лучшие условия для роста культурных растений. Можно было решать задачу увеличения урожайности без большого количества минеральных удобрений, о которых говорил академик Прянишников.

Победил Вильямс. Все мы тогда были за него. Партия навалилась всем своим авторитетом на внедрение травопольной системы. На Украине травопольная система была внедрена наиболее последовательно. И несмотря на это, мы имели низкие урожаи и зависели от погоды. На юге Украины вообще ничего не получалось. Поля, засеянные люцерной, не давали должного хозяйственного эффекта; там получали плохой урожай. А плохой урожай люцерны — это и мало азотных удобрений в почве, и мало кормов.

К предупреждениям академика Прянишникова, который более трезво смотрел на вещи, не прислушались. Он упорно стоял на своем, требовал производства удобрений и создания почвообрабатывающих машин, не разрушающих структуру почвы: мелких плугов, борон, того, чего нам так не хватало на целине.

Вильямс отрицал полезность бороны при обработке почвы. Бороны, по теории Вильямса, «вредительское» орудие производства. Им в принципе отрицалась мелкая пахота, а это неправильно. В зависимости от условий нужно пахать глубоко или пользоваться орудиями мелкой пахоты. На Украине, в засушливых районах в степи применялся так называемый буккер. Это многокорпусный плуг, но мелкий. Один известный профессор Саратовского института упорно отстаивал применение буккера. По-моему, он за это был арестован, осужден и расстрелян как вредитель. И не только он один.

Теория Вильямса господствовала довольно долго. Было принято даже специальное правительственное решение, и все стали за Вильямса. Прянишникова, к счастью, в сталинские грозные времена не репрессировали, после войны он скончался сам. Его теория так и не была признана при его жизни, хотя она подсказывала реальный путь подъема сельского хозяйства. Имелись ли хозяйства с большой отдачей, работавшие по методу Вильямса? В некоторых районах, в специальных условиях, получали высокие урожаи, но в массе его система не давала эффекта. В результате большой вред (я бы употребил даже такое слово) сельскому хозяйству был нанесен принятием травопольной системы академика Вильямса. Несмотря на то, что я долго восхвалял его теорию, я же и взял на себя ответственность за отказ от нее. Жизнь требовала пересмотреть ошибочные решения. Я должен оговориться, для некоторых районов травопольная система, может быть, и подходит.

Мы подвергли критике травопольную теорию Вильямса и сориентировались на Прянишникова.

Из архивов мы извлекли документы умершего к тому времени академика Прянишникова, замечательного человека. Он предлагал более реальные, конкретные методы увеличения урожая. Тут и навоз, и трава, и люцерна, и клевер, но в основе всего лежали минеральные удобрения. Особенно минеральные удобрения. Без них дальше двигаться оказалось просто невозможно. Что такое навоз? Навоз — это те же минеральные удобрения. Растение питается не навозом, а содержащимися в нем веществами, доступными для корневой системы. Химия может дать эти вещества в чистом виде. Может быть, на первых порах не самого лучшего качества. Но не все это понимают.

Нет так давно я встречался с отдыхающими из соседнего дома

отдыха. Я услышал от них такую обывательскую точку зрения: «Минеральные удобрения хуже навоза. От них в овощах появляются какие-то запахи». Эта точка зрения никуда не годится. Что такое навоз? Это дерьмо человеческое или дерьмо животных. Но когда вы кушаете редиску или капусту, едите щи, вы же не ощущаете запаха, знакомого нам от рождения.

ПОЛЕ — КАК ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Хочу вернуться к методу квадратно-гнездового сева. Такая мысль впервые возникла в конце 40-х годов у одного приехавшего на Украину проверяющего. Он поделился идеей со мной. Я привлек агрономов, инженеров и стали приспособливать сеялки, так, чтобы высевать семена строго по квадрату в специальные гнезда. Это позволяло их потом обрабатывать не только в продольном, но и поперечном направлении. Поле начинало походить на шахматную доску с растениями в углах квадратов. Побудила нас к этому плохая и несвоевременная обработка пропашных культур, а от этого зависел урожай.

Все это происходило в конце моей деятельности на Украине. Когда я перешел на работу в Москву, то через какое-то время и здесь возобновили эту работу. Мне подыскали двух инженеров на заводе в Люберцах, и они начали конструировать сеялку. Если на Украине мы занимались кукурузой и картофелем, то здесь основным стал картофель. Потери урожая картофеля под Москвой — большая проблема. Основная причина потерь — несвоевременная обработка, а порой картофель вообще не обрабатывали, не окучивали. Картофель любит двукратное окучивание за сезон. Это минимум. Иначе не получить хорошего урожая. Я видел решение проблемы только в механизации процесса. И надо сказать, трудоемкого процесса. Окучивание трактором обычно делали только в одном направлении, вдоль рядка. Инженеры приспособили имевшуюся машину к нашим требованиям. Потом мы узнали, что такая машина уже создана в Америке, там ею пользовались при обработке кукурузы. Она давала квадратно-гнездовой сев. Наша машина тоже работала хорошо. Эксперименты проводились в одном колхозе Раменского района. Там председатель колхоза оказался

очень понимающим человеком. Подобрал двух хороших звеньевых: тогда для выращивания пропашных культур создавались звенья. Один звеньевой был уже немолодым человеком, членом партии с 1917 года. Он мне нравился своей рассудительностью, умом. Провели посев картофеля, получили всходы, они показали идеальный квадрат. Я пригласил министра земледелия товарища Бенедиктова выехать в поле. С нами поехал и Козлов, заведующий отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Я в колхозе стал уже своим человеком. Не знаю, сколько раз я выезжал в этот колхоз. Приехавших я спросил:

— Как вы думаете, в каком направлении проводились посевы картофеля? И был очень доволен тем, что они не смогли определить. И в продольном, и в поперечном направлении поле было одинаково ровным, как будто разграфлено линейкой.

На этих полях тогда получили удвоенный урожай. Он сразу открыл сторонников нового метода. Стали приспособлять машины для кукурузы. Картофель и кукуруза высеваются по-разному, но размер квадрата один и тот же — 70 x 70 сантиметров между растениями. Кукуруза отлично росла при таком размере квадрата. Она хорошо освещалась и хорошо проветривалась. Высокостебельное растение, кукуруза не терпит загущенного посева. В том же Раменском районе получили прекрасный урожай силосной массы. Поле привлекало внимание не только специалистов сельского хозяйства, но и просто проезжающих по дороге людей. Они останавливались около кукурузы и рассматривали это диво. Кукуруза в то время в таких масштабах в Московской области не сеялась. Правда, на огородах она встречалась давно.

Теперь конструкторы сельскохозяйственных машин всерьез взялись за работу. Они копировали американские машины. Там эту конструкцию давно отработали. Печать стала пропагандировать посев квадратно-гнездовым способом кукурузы и картофеля. Потом, в порядке эксперимента, мы решили испытать квадратно-гнездовой метод на посеве хлопка. Этим способом пробовали сеять даже сахарную свеклу. Там, где был хорошо проведен сев, проведена обработка в двух направлениях, получали урожай больше обычного, правда, густота стояния растений резко сократилась. При обычном способе ширина междурядья у свеклы 44,5 сантиметра, а в рядке расстояние между растениями — 15 — 20 сантиметров. Хорошим считалось то хозяйство, где убиралось до ста тысяч корней, а очень хорошим — где собирали 110 тысяч корней с гектара.

При квадратно-гнездовом способе мы не могли получить столько корнеплодов, иначе трактор не смог бы пройти в поперечном направлении посева. Получали 50 — 55 тысяч корней. Однако в результате своевременной обработки корнеплоды получались более тяжеловесными, и в сумме их вес не только не уступал, но даже превосходил урожай, получаемый традиционными методами. Квадратно-гнездовой способ превзошел все ожидания. Но дальше экспериментов мы не пошли. Американцы шли таким же путем. Они перешли на квадратно-гнездовой способ возделывания кукурузы и хлопка, а потом отказались от него. При выращивании хлопка американцы делали междурядья шириной около метра, с тем чтобы легко проходила машина. Отказавшись от квадратно-гнездового способа, они перешли на борьбу с сорняками с помощью гербицидов. У нас о гербицидах тогда совсем не знали, поэтому нам приходилось бороться с сорняками только прополкой и окучиванием. Американцы окучивание проводили в продольном направлении, а в рядке уничтожали сорняки гербицидами. Кроме того, если поля не засорены, не требовалось поперечной обработки трактором. Хорошие хозяйства получали высокие урожаи и без квадратно-гнездового способа обработки.

Постепенно на общем фоне подъема культуры обработки пропашных культур у нас стал ослабевать интерес к квадрату. При двух или трех пропашках только в продольном направлении тоже получали хороший урожай. Хозяйства стали отказываться от квадрата, от лишнего хлопота. Сейчас в газетах я не встречаю ничего интересного с точки зрения новых методов обработки полей. Одна голая пропаганда.

НЕМНОГО ОБ МТС И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

По предложению Молотова, Сталин создал Министерство машинно-тракторных станций (МТС), но это было неразумное предложение. Создав такое министерство, мы лишили сельское хозяйство машин. Люди, отвечавшие за выращивание сельскохозяйственных продуктов, не располагали техникой. Это «нововведение» ликвидировали еще при жизни Сталина. Потом, уже пос-

ле смерти Сталина, мы передали машинно-тракторные станции колхозам. Молотов тогда с ума сходил, утверждая, что мы совершаем антимарксистский шаг, ликвидируем социалистические завоевания. Глупо, конечно. Нигде, ни в каких программах, ни в каких теоретических рассуждениях не говорится, о том, что машинно-тракторная станция является основой или каким-то необходимым элементом социалистического хозяйства.

В свое время МТС создали по предложению агронома из одного колхоза в Одесской области. Об этой затее на союзном (или украинском) съезде докладывал товарищ Шлихтер. Потом опыт был перенесен на всю страну. По тем временам это было прогрессивное явление. Выросли кадры и пришло время подниматься на следующую ступень в ведении сельского хозяйства. Техника оказалась оторванной от земли, от тех, кто ее обрабатывает. Такой разрыв наносил большой ущерб. Мы ликвидировали МТС. Я думаю, сейчас не найдется ни одного здравомыслящего человека, разбирающегося в экономике сельского хозяйства, который считает, что это было сделано неправильно. Это было сделано в интересах подъема сельского хозяйства, но этого оказалось недостаточно.

Сейчас, на данном этапе развития нашего государства, главное — экономика. Считаю, да и раньше считал (и это не досужие размышления пенсионера), что в сельском хозяйстве должна быть введена специализация. Я подступался к этому вопросу еще во времена Сталина и после него, но никак не мог найти рычаг, позволяющий сдвинуть дело, углубить специализацию, привлечь к руководству квалифицированных людей. Я поставил вопрос в Центральном Комитете о переходе на специализированное партийное и государственное руководство. Центральный Комитет разослал проект постановления по всем обкомам и райкомам партии на обсуждение. Главная идея документа в том, что необходима специализация как в промышленном производстве, так и в производстве сельскохозяйственной продукции, а те, кто приходит к руководству, должны обладать глубокими знаниями. Я считал, что для этого нужно организовать производственные управления. Само название определяет направление: производственные управления, а в партии — крайкомы и обкомы сельскохозяйственного и промышленного производства. Это нисколько не противоречит марксизму, если отталкиваться от деловых соображений.

Я абсолютно уверен, что будущее за подобными структурами. Нельзя, чтобы партийная власть руководила сельским хозяйством

без знания предмета. Раньше у нас было так, и сейчас вернулись к тому же. Чаще всего секретарями обкомов и крайкомов выдвигаются городские кадры, а не сельские. Я знаю фамилии людей, которые выдвинулись еще в мое время и постепенно приобрели знания и умение руководить сельским хозяйством. Но в своей массе секретари вышли из сферы промышленности. Эти люди хорошо знают машину, экономику, но плохо знают сельское хозяйство. А сельское хозяйство сейчас требует конкретного руководства.

Порой такой руководитель не знает дела, а изображает из себя специалиста, дает указания, и притом конкретные. А конкретные указания без знаний добра не принесут. Поэтому я считаю, что надо было разделить партийные организации по производственному принципу, а не по географическому, как у нас сейчас устроено. Тогда легче подбирать специалистов и привлекать их на партийную и государственную работу.

Скажут, что раньше мы имели административное деление без учета производственного принципа. Это правильно. Но раньше — было раньше. Вопрос политики, вопрос победы советской власти — уже решен. Сейчас необходимо укреплять советскую власть, укреплять советскую государственность, укреплять социалистические элементы — здесь все решает подъем экономики, подъем жизненного уровня, подъем культуры, подъем образования и прочее. Нужно человека обеспечить всем, в чем он нуждается, и не только, чтобы он жил, а чтобы он жил и наслаждался жизнью. Для этого надо создать комфорт и изобилие. Вот то зеркало, посмотрев в которое, можно отличить социалистическое государство от капиталистического. Сейчас, к сожалению, наши люди гонятся за каждой мелочью, которая приходит из-за границы. За нее переплачивают, ею любуются, а это говорит не в нашу пользу. Мы должны преодолеть эти явления, создать социалистическое производство на более высоком уровне, чем капиталистическое. Вещи, которые мы делаем, как для промышленности, так и бытовые товары, должны отличаться высоким качеством, технологичностью, удобством и удовлетворять эстетическим чувствам потребителя.

В последние годы мы вернулись к старому, перешли на общее административное деление и управление. Снова появилось обезличенное руководство как промышленностью, так и сельским хозяйством. От этого страдает прежде всего потребитель. Страна недополучает и по количеству, и по качеству те продукты, которые нужны. Страдает не только сельское хозяйство, но и

промышленность. Промышленность тоже нуждается в специализированном партийном руководстве. Если партийный руководитель является специалистом сельского хозяйства, а Козьма Прутков говорил, что «нельзя объять необъятное», то он не может знать в совершенстве промышленность. Могут возразить: на предприятиях есть директора. Это верно, но у нас так заведено, что партийная организация диктует свои условия, а при отсутствии квалификации такой диктат может привести к нежелательным результатам. Поэтому надо не только выдвигать достойных людей, исключать возможность проникновения в руководство самодуров, но и находить людей, глубоко разбирающихся в деле.

Конечно, сельское хозяйство и промышленность делятся еще на тысячу специальностей, все их трудно изучить одному человеку. Во всяком случае лучше, если сельским хозяйством руководит человек, получивший специальное образование. Я думаю, что сейчас перешли на старую систему хозяйствования по другим, недовым, соображениям.

Когда-то зиновьевская оппозиция провозгласила: «Всем безлошадным — по лошади!» Явно глупый лозунг. Лошадей, кроме тех, которыми располагало крестьянство, не было. А безлошадных набиралось ого сколько! Откуда же взять лошадей. Порой провозглашаются заманчивые лозунги по политическим соображениям, а то, что они несостоятельны, выясняется много позже.

Сталин, в противовес Зиновьеву, предложил перейти на 7-часовой рабочий день. Наша экономика не была подготовлена к такому переходу и понесла заметный ущерб. Потом он перевел страну назад, на 8- часовую рабочий день. Правда, когда оппозиция была уже устранена. К сожалению, были и такие примеры в истории нашей партии и государства.

Надо руководствоваться интересами народа, стоять на ленинских позициях, выбирать, что выгодно для укрепления и развития государства, что обеспечивает лучшую организацию производства в условиях социализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Я уверен, пройдет время и мы вернемся к перестройке управления народным хозяйством. Организационные формы управления смогут стать другими. Может быть, найдут более правильное решение, отвечающее интересам и сельского хозяйства, и промышленности. Я в этом убежден, жизнь требует и она неизбежно ломает мешающие ее развитию бюрократические надстройки. К сожалению, должно пройти время. А от потери времени страдает дело.

МЫ СТРАДАЕМ ИЗ-ЗА НЕСОВЕРШЕНСТВА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Мы должны брать пример с капиталистического хозяйства в части оценки продуктивности вложенного труда. Там на первом плане — выработка на одного рабочего и себестоимость продукции. Это главное, а у нас об этом — ни звука. Ленин в свое время внедрял в сознание советского народа, что у капиталистов надо учиться торговать, учиться организации производства, что надо использовать все лучшее, накопленное в капиталистическом мире. Я считаю, что эти ленинские рекомендации и сейчас не устарели. Социализм, конечно, имеет свои преимущества, он показал эти преимущества, но, к сожалению, выработка на работающего у нас ниже, чем в капиталистических странах. Считается, и правильно считается, что капиталисты «выжимают соки» из рабочего человека, чем и добиваются высокой выработки. В социалистических условиях «выжимать соки» не надо, но нельзя допускать простоев ни человека, ни машины. Лучше по мере увеличения выработки идти по линии сокращения продолжительности рабочего дня. Если пришел работать, то надо, чтобы машина не стояла, время не тратилось зря, особенно в сельском хозяйстве.

К сожалению, сейчас по радио довольно примитивно ведется пропаганда передового опыта сельскохозяйственного производства. Пример — вчерашняя передача. По «Маяку» передавали о том, что в Белоруссии, в Гомельской области, создается крупный совхоз на осушенных землях. Сообщили, что там строятся дома, больницы, клуб, одним словом, создаются условия, которые радуют. Но главного я не услышал. Главное — это количество, качество и себестоимость продукции, которую собираются получать в том совхозе. В сельском хозяйстве у нас занято очень много народа, выработка очень низкая, особенно в сравнении с западными капиталистическими странами и с Соединенными Штатами. Но мы не должны им уступать. Сейчас мы имеем все: технические средства, машины; если чего и не имеем, так можем сделать или купить образцы и скопировать.

Главное условие победы социализма — увеличение производительности труда. Победить можно не силой, а только большей производительностью труда, большей выработкой на одного работающего. Чтобы жить лучше, чем живут люди в капиталистических условиях, надо вырабатывать на работающего не меньше, а больше. Та страна, которая больше вырабатывает, получает возможность больше давать. Нельзя дать больше, чем вырабатывается. Чтобы создать лучшие условия жизни, более высокий уровень

удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, надо обеспечить лучшее использование машин, техники, науки. Только так мы сможем обеспечить продвижение вперед. Капитализм накопил огромный производственный опыт. Используя его, всегда можно отыскать рациональное зерно, конечно, с учетом социалистических особенностей. Я когда-то беседовал с президентом американской фирмы, у которой мы купили птицефабрику. Потом ее установили в Крыму. Эта фирма гарантировала производство куриного мяса на таких условиях: на килограмм куриного мяса затрачивается два с половиной килограмма корма. Я уже упоминал об этом, когда говорил о селекционерах. Так говорит наука. Здесь требуются сбалансированные по всем элементам корма. Только так обеспечивается нормальное развитие и максимальный привес цыплят. Наука требует строгой дисциплины. Мы купили эту фабрику. Купили оборудование и лицензию на технологию производства куриного мяса. И стали затрачивать 5 килограммов кормов на килограмм привеса, в то время когда американцы затрачивали два с половиной. Тут уже дело не в селекции, а в организации.

Какое же может быть соревнование, если, не изобретая, не открывая нового, мы не можем освоить способы научного ведения хозяйства по производству мяса птицы. Мне было просто стыдно потом разговаривать с президентом этой фирмы. Я его спросил, почему у нас такие результаты? Он ответил: «Вы же не пустили наших специалистов для монтажа. Заявили, что это секретный район. Туда иностранцы не допускаются».

Никакой запретной зоны и никаких секретов на территории Крыма нет, за исключением стоянок подводных лодок. Да и этих подводных лодок кот наплакал. В нашей стратегической концепции Черному морю не отводилось заметной роли. Военные его пренебрежительно называли лужей. Оно простреливается ракетами, пересекается самолетами во всех направлениях, поэтому кораблям в нем выжить почти невозможно. Отказ пустить монтажников — результат бюрократического отношения к делу, «отрыжка» сталинских времен. В результате оборудование на птицефабрике смонтировали неправильно и даже не все использовали по назначению. Люди, как говорится, в глаза его раньше не видели, понятия о нем не имели. После беседы я попросил президента фирмы прислать своих специалистов. Они приехали в совхоз и поразились. Комбикорма давали цыплятам несбалансированные, низкого качества и это приводило к их перерасходу. Минеральные прибавки и другие необходимые элементы тоже сыпали на глазок. А это тоже вело к перерасходу кормов. Необходима спе-

циализация, и глубокая специализация. Без нее нам не поднять производство, особенно животноводство и птицеводство. Сейчас мне просто стыдно и больно слушать, что Франция, по территории маленькая страна, экспортирует в нашу страну кур. Голландия, еще меньше, и тоже экспортирует кур. Об этом я узнал, находясь в больнице. Врачи и медицинский персонал бегали в буфет, где куры продавались. Они покупали голландских кур, а на следующий день крутили носом, эти куры имели очень сильный запах рыбы. Ясное дело, голландцы ловят рыбу, превращают мелочь и отходы в рыбную муку и дают курам в виде добавки к корму. Отсюда и запах рыбы.

Вот вам образец промышленного производства, основанного на специализации, использующего научные данные при ведении хозяйства. У нас сейчас ничего подобного нет. У нас есть комбикормовые заводы, но они примитивны. Это не заводы, а не знаю что... Для перемалывания и приготовления кормов идет подгнившее, подмоченное зерно и какие-то остатки, не пригодные для хлебопечения. Другой раз прибавки дают такие, которые не повышают качества и не обеспечивают должного привеса при минимальной затрате кормов, а просто увеличивают объем комбикормов. Не всякий комбикорм соответствует потребностям организма птицы, не всегда дает должный привес.

Президент американской фирмы мне рассказывал о перспективах. Они работали над тем, чтобы вывести породы птиц, которые бы давали привес один к одному, то есть на килограмм корма получали бы килограмм куриного мяса. Это просто сказка! Не знаю, не могу сказать, как это можно сделать, но он говорил, что в научных институтах они уже получали при затрате на 1,2 килограмма корма килограмм привеса. Мой поклон всем, кто создает такие возможности для экономного специализированного производства такого отличного продукта, как куриное мясо.

Если бы мы смогли поставить с головы на ноги приготовление кормов, то появилась бы возможность на тридцать — сорок процентов увеличить производство птичьего мяса и яиц. Вот вам и источник увеличения выработки на одного работающего, вот вам и производительность, вот вам и снижение расходов, снижение издержек, а следовательно, и снижение цен, которым мы бы могли обрадовать потребителя. Но для этого требуется строгая специализация, подготовка людей и производство, полностью организованное на научной основе.

К сожалению, у нас этого не было и нет. Научные учреждения в этой области отстают и не хотят, видимо, учиться. В результате мы

терпим большие издержки. Тот же президент фирмы, на которого я уже ссылался, тогда предлагал нам организовать и специализированное производство бекона. Он предлагал продать хозяйство на двести пятьдесят тысяч голов свиней, обслуживаемых 125 рабочими в одну смену. Он гарантировал, что расходы кормов будут в три с половиной килограмма на килограмм привеса.

— У себя мы расходует три килограмма, а вам на первых порах гарантируем три с половиной, а потом перейдете на три и даже ниже, — объяснял он мне. К производству бекона он подходил так же, как к курам, давал нам скидку на неумение вести хозяйство. У нас сейчас расходуются семь килограммов на единицу привеса свиного мяса. В лучших, идеальных хозяйствах — пять. Вот вам и соотношение: семь килограммов и три с половиной килограмма. Почти при тех же кормах можно в два раза увеличить производство свинины, на сорок процентов увеличить производство птичьего мяса. Это все дает специализация.

В свое время я докладывал на Президиуме Центрального Комитета и предлагал купить лицензию, и не только лицензию, но оборудование и технологию производства мяса. Конечно, это все окупилось бы. Мы теряем огромные деньги на перерасходе кормов, из-за отсутствия специализации, низкой производительности труда. При такой организации производство свиного и птичьего мяса, яиц у нас совершенно нерентабельно. Я считаю, что было бы выгоднее и экономически эффективнее, ощутимее для населения, купить оборудование и лицензию на промышленный откорм скота и птицы, а не на производство автомобиля «Фиат». «Фиат» купят тысячи людей, а, купив лицензию и организовав откорм скота на промышленной основе, мы накормим миллионы. Здесь эффект не только экономический, но и политический. Ни для кого не секрет, что после пятидесяти лет существования советской власти мы ощущаем недостаток в самых простых вещах, даже в мясе и яйцах. Это было бы разумнее, но, к сожалению, руководство решило иначе. Видимо, они по-другому оценивают продовольственное положение в стране, а может быть, и не знают истинного положения дел. Конечно, покупка лицензии не решит всех вопросов. Лицензия — это покупка продукта деятельности чужого человеческого ума и накопленного опыта, а надо самим умом наживать. Соревнуясь с капитализмом, мы не можем отставать в производстве продуктов питания. Наше отставание в какой-то степени является подтверждением преимуществ капиталистического способа производства над социалистическим. Это дает противникам социализма возможность бросать камешки в

наш огород. Да, они имеют к тому основания, мы действительно отстаем.

Далеко за примерами ходить не надо. Из-за этого, собственно, и произошло восстание в Гданьске и других прибалтийских городах Польши. В результате недостатка продуктов и других предметов потребления произошел конфликт, вернее, восстание. Толчком к нему послужило повышение цен.

Замаскированное, скрытое повышение цен фактически производится и у нас. Конечно, оно вызывает недовольство. При встречах люди обращаются ко мне с вопросами, на которые трудно ответить. Почему водка стала дороже? Старые марки, говорят, остались в прежней цене, но их не выпускают. Фактически замаскированное повышение цен. Правда, некоторые объясняют это борьбой с пьянством. Я тоже в свое время стоял на таких же позициях. В мое время тоже повысили цены на водку, но потребление водки от этого не уменьшилось, только бюджет пьющих стал более точным, а семьи стали располагать меньшими средствами на покупку предметов первой необходимости.

Польский вопрос не столько экономический, сколько политический. Там руководители оторвались от масс и потеряли связь с народом, потеряли чувство меры. Повышая так резко цены, следовало ожидать тех событий, которые произошли. О людях, которые тогда стояли у руководства, я ничего плохого сказать не могу, а тех, которые пришли сейчас, я вообще знаю мало. Я очень уважал и уважаю Герека, считаю его хорошим коммунистом и честнейшим человеком. Также и товарища Лукашевича. Но и Гомулка тоже был не менее предан идеям коммунизма, как и другие: Лога-Совиньский, Спыхальский, — да вся их группа, потерпевшая крах. Они — не случайные люди. Эти люди прошли закалку, прошли отбор в борьбе с гитлеровским нашествием на Польшу. И они такое допустили! Но это другой вопрос.

Главное, от чего мы страдаем, — несовершенное руководство сельским хозяйством. Мы по-прежнему находимся здесь в состоянии агитации: сплошные призывы в газетах, по радио и телевидению, на собраниях и в докладах. Это тоже нужно. Но откликаются на призывы только передовые люди. Чтобы труд занятых в сельском хозяйстве стал продуктивным, надо, чтобы оно велось на должном научном уровне, имело техническое обеспечение и четкую организацию дела. У нас этого нет. Наши партийные и сельскохозяйственные органы только планируют и призывают. Недавно по радио я слушал передачу об итогах совещания по сельскому хозяйству в Московской области. Выступал с докладом Конотоп¹. Я

его давно знаю как умного человека. Помню его с тех пор, когда он работал на Коломенском заводе инженером, потом стал там секретарем заводской парторганизации, секретарем Коломенского райкома партии и так продвигался далее. Как политический деятель он соответствовал своим постам. Но, слушая его доклад, убедился еще раз, что наша номенклатурная организационная структура прочна. Ведь Конотоп — инженер. Можно ли себе представить, что о развитии угольной промышленности поручат докладывать секретарю парткома, не имеющему отраслевой подготовки? Как он расскажет о ведении горных работ? Только овладев знаниями, можно вести хозяйство на должном уровне, добиться успеха. Не может секретарь партийной организации конструкторского бюро, даже имеющий инженерный диплом, докладывать о развитии ракетной техники. Нет! Он работает секретарем, но не занимает ведущего положения в науке. Тут требуются глубокие знания. Таким был Сергей Павлович Королев, Янгель и другие специалисты, которые глубоким знанием своего дела прославляют нашу Родину.

Сельское хозяйство, как и любая другая отрасль, требует профессиональных знаний. Поэтому я предложил создать производственные территориальные сельскохозяйственные управления, которыми будут руководить крупные специалисты, отвечающие не за общий уровень сельского хозяйства, а конкретно за каждый колхоз и совхоз: как там применяют технику, используют аграрные познания, вносят минеральные и органические удобрения, применяют средства защиты растений. К сельскохозяйственному производству надо относиться так же, как к промышленному производству. Я, выезжая на периферию, всегда интересовался сельским хозяйством. Куда бы я ни приезжал, всегда мне докладывал о нем партийный руководитель, а председатель облисполкома или райисполкома находились в тени. Непосредственные специалисты по отраслям тоже оставались в тени, к ним обращались только за справкой. Да, в нашей системе партия занимает руководящее положение. Но тут политическое руководство, а делом должны командовать специалисты.

Бывало меня атаковывали журналисты Запада, особенно американские:

— Какая у вас выработка на одного человека? — пытали они меня. — Сколько у вас занято людей в сельском хозяйстве? Какой процент населения обеспечивает потребности страны в сельскохозяйственных продуктах?

Конечно, все эти соотношения были не в нашу пользу. Американский фермер имел более высокую производительность и выработку. Это объяснялось не только лучшей подготовкой. Я считаю, и

сегодня он лучше подготовлен. Но он и лучше вооружен. По сельскохозяйственной технике мы были, может быть, на том же уровне, только несколько ниже, но нам явно недоставало умения. К технике необходимо приложить умелые руки.

Еще одна сторона проблемы заключается в том, что у нас выдающиеся достижения отдельных умельцев не становятся общим достоянием: о них пошумят и забудут. Вот пример. Как-то американец, фермер Гарст, которого я уважал за глубокое знание сельскохозяйственного дела, предложил мне.

— Господин Хрущев, — сказал Гарст, — пришлите ко мне, на мою ферму, двух ваших трактористов. Я их обучу обрабатывать по сто гектаров посевов кукурузы без применения ручного труда. К господину Гарсту я сохраняю большое уважение за его ум, за его практичность и, я бы сказал, за его честность. Могут сказать, что Хрущев на склоне своих лет восхваляет капиталиста. Я не восхваляю, но восхищаюсь человеком, который умело вел хозяйство и не замыкался в себе, а искренне хотел нам помочь, передать весь свой опыт. Нам такая производительность труда казалась невероятной. Мы послали товарища Гиталова и еще одного специалиста. Они проработали у Гарста сезон. Вернувшись, Гиталов обрабатывал один на тракторе, кажется, сто двадцать или сто сорок гектаров. «Надо равняться на товарища Гиталова, — начали мы агитировать, когда Гиталов показал большие успехи как тракторист. — Надо всем работать по-гиталовски!» Выступая на одном из собраний, Гиталов сам употребил такую же фразу. Думаю, он сделал это по молодости лет, слишком саморекламно. Ну и что же вы думаете? Что, все трактористы, возделывавшие кукурузу, стали работать с его производительностью? Ничего подобного. Призыв остался призывом.

Органом, повседневно занимающимся внедрением нового, как раз и должно быть сельскохозяйственное управление. Однако оно обязано не агитировать (пусть партия агитирует), а заинтересовать людей материальным поощрением за хороший труд. Вот другой пример. В мое время на страницах наших газет часто мелькала фамилия тракториста Светличного, работавшего близ Краснодар². Я на месте познакомился с его работой. Он с напарником на полях сахарной свеклы достиг невероятных результатов, первым в СССР показав, что сахарную свеклу тоже можно возделывать без применения ручного труда. Светличный изучил технологию посева, обработки, уборки сахарной свеклы и применил механизацию. Он получал с гектара около четырехсот тридцати центнеров: сеял тракторной сеялкой, потом обрабатывал трактором

без прорывки. На первых порах приходилось вручную производить разборку букетов, прореживать всходы. Сплошную строчку взошедшей свеклы он прорезал в поперечном направлении трактором, а оставшиеся кустики выпалывали вручную, оставляя необходимое количество растений. Потом ученые получили одnorостковые семена, и ему удалось окончательно уйти от ручного труда. Он высевал одnorостковые семена, затем на тракторе обрабатывал посе­вы в двух направлениях. Даже в неблагоприятные годы урожай у него не опускался ниже двухсот пятидесяти центнеров. При этом резко снизилась себестоимость свеклы; он зат­рачивал какие-то копейки.

Если бы мы повсюду сахарную свеклу возделывали по методу товарища Светличного, то получали бы миллиарды рублей дополнительной прибыли на производстве сахара. Я много раз, выступая, хвалил его и призывал пользоваться его методом. Организовали курсы для обучения людей. И что же? Были какие-то последователи, но получил такие же результаты только один из них. Если Светличный достиг таких урожаев, следовательно, при тех же условиях, на тех же машинах, может их достигнуть каждый. Это зависит только от подбора и обучения людей. Тут и нужен орган, который бы подбирал и обучал людей не общими призывами, а конкретно; вооружил бы их соответствующей техникой, знаниями об этой культуре и соответствующими семенами, чтобы они вели хозяйство не ниже того уровня, который уже достигнут передовиками. А такого органа у нас нет!

Подобных примеров можно назвать много. Вспоминаю товарища Кавуна, председателя колхоза из Винницкой области³. Он назывался «Имени XXII съезда», а раньше носил имя Сталина. Прогремел на всю страну товарищ Кавун, добившись невероятного для нас урожая гречихи. Он очень ровно вел хозяйство и получал хорошие урожаи из года в год. За гречихой у нас укрепилась дурная слава: считали, что эта культура плохо поддается агрономическим приемам. С давних времен она засеивалась крестьянами в два-три срока: они гадали, какой срок больше подойдет в эту весну, чтобы получить сносный урожай. А у Кавуна из года в год выходило по двадцать три центнера с гектара. Гречиха — наш северный рис, к тому же медонос. Здесь одно дополняет другое: пасечники получают мед с цветущей гречихи, а пчелы обогащают урожай гречихи, надежно обеспечивая опыление, что и повышает урожай. Одним словом, эта культура должна широко входить в продовольственные ресурсы страны. К сожалению, несмотря на повышение заготовительных цен мы не могли и сейчас не можем

добиться приличных урожаев. А Кавун их получал и получает. Я предлагал изучить метод Кавуна, внедрить его в хозяйствах, сходных с Винницкой областью по климатическим условиям. Гречишные районы известны: это северные районы Украины, Курская, Орловская, Московская область и далее до Ленинграда. На юге гречиха себя зарекомендовала меньше, но и там, в южных районах Российской Федерации, некоторые колхозы получали высокие урожаи. В Курской области один колхоз получал хороший урожай и даже соревновался с товарищем Кавуном.

Одна из причин такого плачевного положения — грабительская оплата не по истинному труду. Как только мы перешли в деревне на колхозы и совхозы, у нас почти вывелся горох. Его трудно убирать. Он не поддается механизированной уборке, требуется косить вручную. У Кавуна люди косили горох по старинке, но охотно, потому что им выдавалось соответствующее поощрение. Горох надо сеять шире. Эта культура имеет очень большие достоинства, к тому же она удобряет землю, так как ее корневые клубеньки накапливают азот из воздуха. Одним словом, эта культура очень выгодна и полезна, как продовольствие и как улучшающая и очищающая поля от сорняков, но мы ее не умели убирать. Сложилось понятие, что горох можно косить только вручную, только косой. Его нельзя косить, как стебельные культуры: овес, ячмень, пшеницу, рожь. Кавун изобрел свой принцип уборки, и наши конструкторы создали уборочные машины для гороха. Машины оказались несложными. Скошенный горох закатывали в валки. Я выезжал и любовался работой этих косилок, простой, но оригинальной выдумкой.

В любой отрасли хозяйства, в том числе и в сельском, сверкают брильянты народной инициативы, но они быстро тускнеют. Кто будет заниматься распространением передового опыта? Пустить на самотек? Опубликовать, поместить портрет в газетах и наградить — этого мало, потому что одни люди последуют этому примеру, а других надо подталкивать, требовать. Нужно активно распространять лучшие технологии, организовывать людей, материально, и не только материально, поощрять их, выделять лучших. А главное — требовать, особенно требовать с организаторов, с директоров совхозов, с председателей колхозов, с правлений колхозов, с бригадиров. Кто должен этим заниматься? Производственное управление. И здесь предполагается не только административные воздействия, но и другие его виды: материальная заинтересованность, общественное поощрение и прочее. Ни митинг, ни собрание, ни совещание, ни печать не помогут. Все это

нужно, но без специализированного административного управленческого органа, который бы занимался конкретным вопросом, давал задание и проверял бы исполнение, дело сдвинуться не сможет.

¹ КОНОТОП В.И., в то время первый секретарь Московского обкома КПСС.

² В.А. Светличный — заслуженный механизатор РСФСР, Герой Социалистического Труда, звеньевой Кубанского НИИ по испытанию тракторов и сельскохозяйственных машин.

³ КАВУН В.М. — Герой Социалистического Труда, в 1958 — 1970 гг. — председатель колхоза имени XXII съезда КПСС, далее советский и партийный работник.

БОЛЬШОЕ ВНИМАНИЕ Я УДЕЛЯЛ КУКУРУЗЕ

Откорм скота и обеспечение мясными продуктами невозможны без производства кормов. Здесь очень важно выбрать основную культуру. Я считаю, в свое время в Америке абсолютно правильно была выбрана кукуруза. Это могучая культура, созданная природой. Надо только овладеть знаниями по ее выращиванию. К сожалению, наши климатические условия значительно отличаются от условий Соединенных Штатов Америки. Они меньше подходят к возделыванию кукурузы. Но наше открытие (я не стесняюсь этого слова) — выращивание кукурузы на силос. Многие зоны в средней полосе оказались подходящими для выращивания кукурузы: одни незасушливые, а другие бывают даже и увлажненные, но с достаточным количеством тепла. Я был инициатором расширения зоны посевов кукурузы, да и сейчас являюсь ее сторонником. В беседах порой встречал непонимание и возражения по этому вопросу. Я это отношу за счет того, что эти люди ведут спор без знания дела. Выращивание кукурузы возможно во всех зонах Советского Союза, за исключением северных районов. В некоторых областях Центрального района России почвенные условия тоже не позволяют эффективно выращивать эту культуру.

Приведу «зарисовку с натуры». Когда я сегодня встречаюсь с людьми и мы беседуем по текущим вопросам, то часто меня спрашивают, чем я занимаюсь? Отвечаю, что летом заполняю вакуум, в

котором сейчас нахожусь после бурной политической жизни, работой на огороде. «И что Вы сеете?» — спрашивают. «Патиссоны». «А что это такое?» Поясняю. Начинается аханье. Люди не слышали о тарельчатых тыквах. «Да разве они у нас растут?»

— Растут и очень хорошо, — поясняю я. Правда, выяснил я это недавно и сам только в третий раз буду их сеять, а прежде и сам не знал, что они могут произрастать в Московской области. Вот уже два года выращиваю их и имею прекрасный деликатес к столу. В подмосковных условиях они удаются лучше огурцов. В Московской области их не выращивают. Колхозы и совхозы не заинтересованы в них, поэтому приобрести патиссоны невозможно.

Помню, когда я лежал в больнице, врачи бежали в свою столовую, где им продавали какие-то продукты. И вот завезли болгарские патиссоны. Кто банку, кто две, кто три, кто пять банок брал. Я слышал, некоторые роптали, что кто-то пять банок купил, а кому-то ни одной не досталось.

Другой вопрос, который мне задают: «А что еще Вы сеете?» — «Кукурузу». Тут реагируют по-разному, улыбаются, знают, что я заядлый кукурузник. «Да, и она растет в Московской области, но не у всех, у умного растет, у дурака — нет; она не терпит глупого обращения с собой. А тех, кто со знанием дела берется за нее, она обогащает», — заостряю я тему. Единственный бич, с которым мне приходится бороться, — грачи. Эти разбойники полюбили кукурузу, выклевают зерна, клювами выдергивая всходы, а росток отламывают и бросают.

Как я поверил в кукурузу? У себя на даче под Москвой я давно посадил кукурузу американского сорта «Стерлинг». Она выросла и дала очень хорошие початки. Тогда я пригласил министра Бенедиктова и Козлова, заведующего сельхозотделом ЦК. Он деятельный человек, я его уважал и ценил, но не во всем был с ним согласен. Мы вышли на огород посмотреть кукурузу, он поднял голову к небу, такая она была высокая, и я увидел, как это зрелище его тронуло.

— Это же силос! Это же замечательный силос! — проговорил он. Сам зоотехник, он тут же подсчитал, сколько можно получить с гектара говядины, молока или же сливочного масла. Восторг Козлова послужил для меня толчком, и я поставил в правительстве вопрос о посеве кукурузы, правда, пока нешироко. Я предложил в качестве эксперимента посеять кукурузу в Усово, в колхозе, рядом с моей дачей. Колхоз был слабенький, бедный, разнесчастный. На трудодни ничего не давал, держался на честном слове. Я посеял в колхозе буквально грядки кукурузы. Кукуруза выросла, и выросла замечательной. На следующий год я попросил правление колхоза

посеять кукурузу на поле около животноводческой фермы у дороги. Наверно, полтора или два гектара. Кукуруза снова выросла отменной. Я помню, мы туда приехали с членами Президиума ЦК во время какого-то пленума. Председатель колхоза эффектно продемонстрировал рост этой кукурузы. Он въехал в кукурузное поле верхом на коне, и мы его вновь увидели, только когда он выехал на дорогу. Вот такая была кукуруза! На ней этот колхоз стал передовым. Он избавился от кредитов, стал рентабельным, работники получали высокую оплату. Люди стали возвращаться из города. Как-то я зашел на ферму и увидел новенькую. Я спросил старшую доярку Сидорову:

— Что это за новенькая у вас?

— Она, — отвечает, — вернулась с фабрики и теперь работает дояркой. Зарабатывает значительно больше, чем на фабрике.

Вот что сделала кукуруза. Я стал рекомендовать и другим хозяйствам заняться этой культурой.

Что может быть доказательнее, чем практика? А практика показала, что кукуруза давала высокие урожаи в Эстонии, в Сибири, в Чувашии, в Московской и Ленинградской областях. Правда, в Московской области кое-где урожаи были очень плохими. Но это говорит не о том, что кукуруза не растет, а о том, что ею плохо занимались.

В разных зонах Московской области получали силосной массы до тысячи центнеров с гектара и больше, а средний урожай был от пятисот до восьмисот центнеров. Я помню молочный совхоз «Горки-II» получал из года в год урожай по семьсот — восьмьсот центнеров. Хорошо, пусть будет меньше, пятьсот. Спрашивается, какая культура в Московской области может дать больше кормовых единиц на гектар, чем кукуруза. Она не созревает на зерно, но доходит до восковой спелости. Зерно нам не нужно. Нужна кукуруза не для приготовления муки, а для приготовления силоса. Я за силосную кукурузу, потому что не видел более экономичной кормовой культуры для скота. В первую очередь для молочного скота. Кукуруза — это молоко, это говядина, это шкуры.

Уже, находясь на пенсии, я три года подряд наблюдал, как за Москвой-рекой совхоз «Горки-II» сеял кукурузу сорта «Стерлинг». Я даже поехал и сфотографировался у этой кукурузы. Она стояла, как лес. И мне было приятно, что новый директор совхоза продолжает дело. Мне говорили, что бывший директор Семенов умер. Он был сторонником кукурузы, и совхоз показывал хороший пример в приготовлении из нее силоса. Последние три года я не вижу этой кукурузы, она исчезла. Они перенесли поле чуть подальше, к мос-

ту через Москву-реку, что неподалеку от Ильинского. Не знаю, будут ли они сеять за рекой в этом году. В прошлом году там посадили картошку. Я не ездил на поле, не смотрел, так как для этого надо сделать большой крюк. Оно находится на другой стороне реки. Я же пользуюсь биноклем и вижу, как пригоняют туда солдат, учащихся старших классов или студентов на уборку картошки.

Спрашивается, что же экономически выгоднее: сеять кукурузу для получения продуктов животноводства или картошку? Совхоз сам не может справиться с уборкой. Если приглашает людей, которые не заинтересованы в результатах своего труда. В бинокль видно одного нагнувшегося, а десяток — языками чешут. Это вполне понятно. Ни учащаяся молодежь, ни солдаты — не работники.

Кукуруза вся убиралась силосным комбайном, своевременно и без особых затрат.

Летом 1966 года я ездил под Смоленск за грибами. От скуки. Нечего делать, и волком завоешь. Вот, чтобы «не быть волком», я и поехал собирать грибы. До своего пенсионного положения я никогда грибами не увлекался. По дороге, а она была длинной, я видел отдельные участки хорошей кукурузы, а рядом — посевы подсолнечника на силос. Чахлый, низкорослый, изреженный. Значит, в силосе потребность есть, и хозяйства ищут соответствующую культуру. Но какой разумный животновод, знающий достоинства кукурузы, будет готовить силосную массу из подсолнуха? В справочниках есть сравнительные данные. Подсолнечник — бросовая культура. Сколько председатель соберет, — никто его особенно не контролирует. Главное — посеять и убрать вовремя, а какой экономический ущерб он получает с каждого гектара, никого не интересует. Для районного руководства и председателей колхозов главным стал внешний показатель — сроки. По нему идет оценка. Каков же экономический эффект? Почему корма? Сколько кормовых единиц дает? Это не учитывается. Поэтому люди так недобросовестно, непорядочно относятся к работе, наносят ущерб нашей социалистической системе, не только экономический, но и политический. Если бы я был директором совхоза или председателем колхоза, я предпочел бы кукурузу такому подсолнечнику. А уж если бы взялся за подсолнечник, так я его хотя бы вырастил. В Московской области он прекрасно растет, но его кормовые достоинства низки.

Почему колхозы и совхозы выращивают то, что не всегда отвечает экономической целесообразности? Потому что руководство сельским хозяйством пущено на самотек. Мне могут возразить, что это демократия. Было бы прекрасно, если бы местное руко-

водство правильно понимало свои задачи, исходя из экономико-географической целесообразности. Например, в Подмоскovie, и особенно в поймах рек, выгодно выращивать овощные культуры, требующие полива, а там сеют ячмень или пшеницу. Ничего нельзя сказать, на поливных землях получается хорошая пшеница. Очень хорошая. В пригородах Москвы сеять пшеницу экономически невыгодно. Это ни в какие ворота не лезет. Почему делают это? Меньше забот. Посеял пшеницу, убрал. Затраты невелики. Если же посадить помидоры, кабачки или патиссоны, то они требуют ухода, их собирать приходится через день или два. Но население нуждается именно в овощных культурах. Без них хороший обед не приготовить. В магазинах они отсутствуют, а если их завозят, то за ними стоит очередь.

То же самое происходит и с кукурузой. В целом по стране сейчас принижают достоинства кукурузы, как кормовой культуры, и перестают ее сеять на силос в районах, где она не дает спелого зерна*. На огородах в Курской губернии кукуруза росла с давних времен. Бабушка кормила меня пареной кукурузой, которая считалась лакомством. В Московской области после войны на огородах тоже росла и вызревала скороспелая кукуруза. Я поставил вопрос о том, чтобы сделать кукурузу основной силосной культурой. Нет равной ей по количеству кормовых единиц для наших зон. Селекционеры со временем сумеют вывести такие сорта, которые смогут вызревать и на зерно. Те сорта кукурузы, которые сейчас находятся на вооружении сельского хозяйства, не подходят большинству районов СССР: они вызревают, но не высушают. Нужны сушильные заводы для доводки кукурузы до кондиции, позволяющей хранить зерно. Но зачем нам это? Для того чтобы обеспечить скотину кормами, достаточно получать шестьсот центнеров силосной массы и научиться ее силосовать с добавками. Кукурузная масса тоже имеет свои недостатки. В ней мало белка. Если примешивать к ней другие культуры, вносить минеральные добавки и вместе силосовать, то при кормлении скота расход силосной массы окажется меньше. Вот могучий рычаг подъема мясного животноводства.

Я никогда не скрывал, что остаюсь большим патриотом этой культуры. За ней будущее. Прочитал в газетах, что и сейчас в Сибири, на Дальнем Востоке сеется кукуруза и получают высокие урожаи.

Таких примеров можно найти очень много. Люба Ли, знаменитая и замечательная женщина из Узбекистана, вырастила кукурузу с силосной массой что-то около двух тысяч центнеров с гектара. Я был в

* Воспоминания записывались в 1970 году.

этом колхозе и любовался посевами. Это буквально кладовая драгоценностей, потому что силосная кукуруза — это говядина, это молоко, это сливочное масло. Ее пример достоин подражания.

К сожалению, стираются из памяти фамилии лучших людей, работавших и работающих в колхозах. Помню, в Орловской области мне показали кукурузу, выращенную молодым парнем, только что вернувшимся из армии. Он получал около тысячи центнеров зеленой массы кукурузы с гектара с початками молочно-восковой спелости. Я видел в этих высоких урожаях предпосылки получения в изобилии молока, говядины, сливочного масла. По-моему, в Кабардино-Балкарии или Осетии я ездил в один колхоз, любовался кукурузой на поливных землях. Некоторые умники скажут: «А-а-а, на поливных землях...» Да, на поливных. Но и на поливных, если руки неумелые, можно не использовать их возможностей. Тот колхоз, по-моему, тоже получал урожай силосной массы кукурузы до тысячи девятисот центнеров с гектара, что было близко к рекордам Любы Ли.

Когда-то я летал на юг Украины, в Херсонскую область. Там тоже возделывали на поливных землях кукурузу на силос. Я говорю на силос, потому что это наиболее эффективное использование этой культуры в любых климатических зонах. Получали там и зерно, помнится, восемьдесят центнеров с гектара. Это же невероятное количество зерна! Если бы мы получали половину такого урожая со всех посевов кукурузы, то вопрос с животноводством стоял бы совсем по-другому.

Что такое кукуруза? Это основа животноводства. Дать ирригационные площади под посев кукурузы — это создать мясную фабрику. Я был и сейчас остаюсь сторонником выращивания этой культуры там, где выгоднее. Решающими факторами должны стать карандаш, логарифмическая линейка, счетная машина. В свое время зоотехники мне пересчитывали урожай в молочную продукцию — это огромное количество молока, мяса и сливочного масла. Нужно иметь в виду, что при урожае в тысячу двести — тысячу пятьсот центнеров силосной массы дополнительно получают в початках восковой спелости зерна минимум пятьдесят центнеров. Если все переработать, засилосовать, то это же деликатес для скота!

При условии обустроенности поливных земель и организации на них выращивания кукурузы необходимо сразу вблизи строить мясокомбинат для переработки мясной продукции. Тогда верблюд из анекдота мог бы свободно гулять по Советскому Союзу.

Эту культуру можно использовать на корм для жвачных животных, прежде всего крупного рогатого скота. Она может дать боль-

шой хозяйственно-экономический эффект. Для этого нужны знания и организация, которая занималась бы обучением людей и их внедрением. Я против самотека. Самотек — самое легкое. Всегда можно что-то написать; хочешь — читай, не хочешь — не читай, хочешь — внедряй, не хочешь — не внедряй. Дело твое. В наших советских социалистических условиях такой метод ведет к провалу в экономике. Почему? Когда хозяйство ведется на частно-собственнической основе, рычаг, стимулирующий фермера, крестьянина, — прибыль. Если он услышит, что сосед делает что-то новое, он поедет попросит семена, поинтересуется, как он получает большие урожаи и, следовательно, извлечет большие доходы, начав внедрять у себя. У нас такого стимула нет. У нас все определяет трудодень. Он — натуральный заработок при распределении оставшейся от сдачи государству части урожая. Отработал свое — получи, кроме денежной оплаты, которая еще больше снижает заинтересованность производителя в эффективности труда. Конечно, есть правление колхоза, но оно имеет свой узкий интерес.

— Не принижаете ли вы значение сознательности людей? — могут спросить какие-нибудь умники. Я не в таком возрасте, чтобы поддаваться пустым иллюзиям. Надо мыслить конкретно. Другой раз хозяйством заправляют умные люди, но направленность их действий не соответствует экономическому положению этого региона, и в результате снижается доходность колхозов. Почему? Хотя бы потому, что правление, председатель и агроном получают определенную ставку, значит, заработок им обеспечен. Правда, он может быть повышен в результате более продуктивного ведения хозяйства, но разница выходит небольшой. И они взвешивают, стоит ли овчинка выделки? Лучше жить поспокойнее. По принципу «посеял, убрал, отчитался». Экономический эффект у нас не подвергается анализу, отсутствует сравнение, и получается, что все кошки серы. Выделяются же те, кто лучше справился с полевыми работами на бумаге.

Один из примеров такого отношения к делу не забуду до гробовой доски. Вернувшись на работу в Москву, я как-то поехал в колхоз Егорьевского района. Секретарем райкома там была бывшая учительница. Я попросил ее отвезти меня в самый бедный колхоз. Приехали. Председателем правления выдвинули там человека из городских, но без специального образования. Одним словом, выдвигенец. «Какая культура наиболее выгодна для посева в вашем колхозе?» — спросил я его. «Овес», — отвечает. А по дороге туда я отметил, что у них песчаные земли, для овса малоприспособные. «Разве овес дает высокие урожаи в вашем районе?» — допытывался я.

«Нет, товарищ Хрущев, у нас урожаи очень низкие, но овес легко убирать». Такой цинизм! Отвечал коммунист, которого выдвинули ради подъема колхозного хозяйства. К сожалению, это у нас не исключение, а правило, довольно распространенное явление.

А как способствует делу советское государство? Сплошь и рядом, мешает. Однажды с секретарем крайкома партии мы поехали в Сибири в хороший животноводческий совхоз. Подъезжая к нему, я обратил внимание на скошенные поля. Приехав, получил записочку от рабочих о том, что перед моим приездом там скосили рожь. Она уже налилась зерном, а ее скосили на силос, зерна теперь не будет, да и силос негодный, рожь-то уже переросшая. «Зачем Вы скосили рожь?» — спросил я директора. «Мне нужна силосная масса. У меня животноводческий совхоз». — «Но если бы вы скосили раньше, то была бы силосная масса. К тому же рожь — не лучшая культура для силосования». Все безрезультатно. Захожу с другой стороны: «Какую культуру Вы считаете наиболее выгодной для посевов на силос в ваших условиях?» — «Могар». — «Почему? Могар — бобовая кормовая культура. Неплохая, но отчего она выгоднее других?» — «Вовсе не выгоднее, но, если мы поседем другие культуры, к примеру, рожь, государство заберет урожай себе, а траву-могар государство не отбирает, все останется совхозу». Следовательно, наше государство воздействует на деревню не с позиций экономической выгоды, а как вымогатель. «Это свойственно социалистическому хозяйству, потому что оно не заинтересовано в прибылях», — возразят мне некоторые. Но тогда у нас ничего толкового и не получится. Следовательно, мы должны компенсировать этот недостаток.

Социализм — это учет, говорил Ленин. Можно добавить: и контроль. Он должен производиться государством, его органами. Об этом твердил нам великий Ленин. Сейчас контроля фактически нет. У нас есть Госконтроль. Но это наказывающий орган. А органом, который сможет управлять производством и контролировать хозяйство, должно стать сельскохозяйственное управление. К сожалению, их ликвидировали. Сейчас вернулись к старой бюрократической безответственной системе — Министерству сельского хозяйства. Могут сказать, что каждый должен сознательно выполнять свой гражданский долг. Это верно. Однако в условиях социалистического государства есть и воры, и жулики, и убийцы, и люди, которые недобросовестно относятся к своим обязанностям. Поэтому необходим контроль и ответственность за исполнение, не только экономическая, но и административная, вплоть до судебной.

Возвращаясь к кукурузе. Она выводит нас к высоким урожаям молока. До применения кукурузного силоса мы имели в среднем по

стране надой молока на корову до тысячи ста литров в год. Когда перешли на силос кукурузы в смеси с другими культурами, то в хороших хозяйствах стали получать до четырех тысяч литров! Такие удои просто потрясали сознание людей, имевших какое-то отношение к сельскому хозяйству. Они были нашей мечтой. Мы с завистью слушали и читали о подобных удоях в Голландии, Дании и других западных государствах. Все валили на бедную нашу коровушку, которая считалась по своей породе малоудойной, не способной дать такого количества молока. Это верно, порода имеет значение. Однако и наша коровка, как ее ласково называют колхозницы и особенно женщины, имеющие собственную корову, тоже способна на чудеса. Надо ее только правильно кормить. У крестьянина прежде корова содержалась впроголодь. Весной, чтобы она не подохла, раскрывали крыши сараев и скармливали ей гнилую солому. Откуда же было взяться молоку, если к весне оставался скелет, обтянутый кожей?

Повторюсь, жвачные животные, прежде всего крупный рогатый скот, являются главным потребителем силоса. Если бы мы как следует ни взялись за силосные культуры, то не имели бы мяса. Я говорю «как следует» потому, что силосом занимались и раньше. Но силос силосу рознь. Когда едешь по полям и видишь, как они засорены, становится ясно, что силоса будет мало.

В частности, я как-то ехал по Николаевской области. Секретарем обкома там был Кириленко. Когда он меня встретил, я его спросил:

— Почему у вас так засорены посевы кукурузы?

— Это, — отвечает он, — товарищ Хрущев, кукуруза на силос.

Сложилось понятие, что на силос может пойти все. Действительно, на силос могут пойти и сорняки, но без тщательной обработки посевов кукурузы нельзя получить высоких урожаев. Этого мы тогда как следует не понимали. И не только Кириленко, но и агрономы. Много позже кукурузу на силос стали обрабатывать так же, как зерновую.

Силос играет огромную роль в животноводстве, но, к сожалению, кукуруза, недавняя «королева полей», не занимает должного места. Решить проблему животноводства, не решив вопрос кормов, невозможно. И здесь, я считаю, нет эффективнее культуры, чем кукуруза. Не надо уходить от нее. В тех районах, где она, как говорится, не пошла, не дает урожаев по каким-то причинам, людей надо обучать, буквально натаскивать. Я знаю, в одном и том же районе у одного колхоза кукуруза дает высокие урожаи, а у другого — нет. Почему? Потому, что он не понимает этой культуры и не делает всего необходимого, чтобы она давала хороший урожай. Надо подготовить почву, удобрить ее, подобрать семена, своевре-

менно посеять, не загущать. Загущенный посев не дает эффекта. Надо вовремя обработать, окучить. А теперь ее можно обрабатывать механизированным способом, как говорится, забросив тяпку за бор. Через кукурузу — самый короткий путь к изобилию продуктов животноводства: говядины и молока.

Думая, что когда-нибудь и потребители, и руководители правильно оценят достоинства этой культуры, не отрицаю и других кормовых культур, в том числе овес, вику, горох, который особенно необходим в качестве белковых добавок. Некоторые люди сейчас кричат, что я смотрел на животноводство и на кормовые культуры только сквозь кукурузные очки. Вовсе нет, я стал большим сторонником кукурузы потому, что не было лучшей культуры, и присягнул той из них, которая дает наибольший эффект от затраченного труда. Отдавая предпочтение кукурузе, тем не менее и тогда, и сейчас говорил и говорю, что надо с карандашом в руках решать, какие культуры где сеять, для каких хозяйственных надобностей, и какая культура дает наибольший экономический эффект. Это должно решаться в зависимости от специализации хозяйства и от подбора, наиболее эффективных в экономическом отношении культурных растений.

В некоторых районах, там, где тепло и много влаги, конкуренцию кукурузе может составить соя. Это очень хороший питательный, белковый продукт, но он требует большого количества тепла и влаги. Еще при жизни Сталина мы пробовали сеять сою на Украине, но она дала очень низкие урожаи. Эта теплая, но засушливая зона. Сеяли сою и в Бессарабии. Когда еще до войны мы освободили Бессарабию и включили ее в состав Советского Союза, то обнаружили там большие площади, засеянные соей. Оказывается, на аренде или контрактах бессарабские крестьяне сеяли сою по договорам с немцами.

Бессарабия — район для сои не самый благоприятный. Мы все искали ей место. Лучше всего она росла в Краснодарском крае, хорошо росла на Дальнем Востоке, особенно в районе Хабаровска. И здесь требовались знания, которых не было, требовалось приведение в надлежащий порядок земель. Их там много, но они неудобные: чтобы сделать их пригодными для пахоты, надо было провести мелиорацию.

Вот еще пример. Некоторые районы Краснодарского края очень быстро продвигаются вперед по урожайности зерновых. Там пшеница приносит пятьдесят центнеров зерна с гектара. Урожай кукурузы — в основном двадцать пять центнеров. Можно, конечно, получить и пятьдесят, и семьдесят центнеров. Получали такие уро-

жаи на Украине. Тем не менее, будучи директором совхоза или председателем колхоза, я предпочел бы пшеницу. Обработки меньше, меньше забот, меньше хлопот, а получишь по весу такой же урожай, но с более высокими хлебопекарными и мукомольными качествами. При избытке у государства зерна и его можно пускать на комбикорм, поэтому и тут пшеница выигрывает. Все должно быть в меру, как говорится, к месту и ко времени.

Вспоминаю такой факт. Однажды маршал Гречко рассказал мне, что встречался со своим братом, работавшим под Харьковом директором совхоза. Брат жаловался: местные руководители перегружают совхоз посевами кукурузы. Экономически более оправданно уменьшить посевы кукурузы и увеличить посевы пшеницы, которая у них дает урожай не меньше, а даже больше.

— Негодование вашего брата — справедливо, — возмутился я. — На его месте я поступал бы так, как подсказывает экономика, а не как рекомендуют бюрократы.

Тогда секретарем Харьковского обкома был Николай Викторович Подгорный.

— Товарищ Подгорный, брат маршала Гречко, директор совхоза, жаловался, что область перегружает его посевами кукурузы, — сказал я ему при встрече (я попросил справку, чтобы убедиться в его правоте). Такое количество кукурузы невозможно хорошо обработать, в результате снижаются урожаи. Зачем вы это делаете? Почему не предоставите возможность колхозам и совхозам самим по своим расчетам высевать культуры, которые более оправданы для экономики хозяйства?

— Ну, а чем же мы будем скот кормить? — ответил Подгорный. — Нам же нужен силос.

— Верно. Вы меня не агитируете за кукурузу, — возразил я, — но директор совхоза говорит другое. Надо прислушаться к его голосу. Видимо, его заставляют сеять больше, чем ему требуется, превращая доброе дело в злое.

Другой пример — моя Калиновка. Над ней я в какой-то степени шефствовал. Там сеяли много клевера, коноплю, получали по тридцать центнеров пшеницы. Кукурузу сеяли на зерно и имели до пятидесяти центнеров, а на силос — до семисот центнеров с гектара. На ней поднялось молочное животноводство. Значит, все решает климатическая зона и умение выбрать экономически целесообразную культуру.

К сожалению, успех нам сопутствовал далеко не везде. Типичный пример: Московская область. В одних хозяйствах кукуруза удалась на славу, о других — неприятно вспоминать. Проезжая по

дорогам Московской области, я с возмущением смотрел из окна машины на хилые посевы кукурузы, заросшей сорняками. А кукуруза не терпит засоренных полей. Отсюда и слабый результат. В таких случаях выгоднее сеять вико-овсяную смесь. В тех хозяйствах, где не умеют возделывать кукурузу, вико-овсяную смесь себя оправдала бы экономически. Но нет, всем навязывали одно и то же, убивая на корню местную инициативу. Я критиковал товарища Конотопа. Он добросовестный человек, но увлекся площадями посевов, чтобы продемонстрировать свою приверженность к этой культуре.

— Лучше сократите посевы, — много раз я говорил товарищу Конотопу. В некоторых колхозах и совхозах плохой урожай кукурузы ее только дискредитирует. Могут сказать, что я признаю: кукуруза — культура не для Московской области. Ничего подобного. К сожалению, в советских условиях рекомендации человека, занимающего высокий пост, порой приводят к обратным результатам. В том числе и в Московской области. Часто кукурузу сеяли бездумно. В угоду начальству. В печати и по радио призывали больше сеять эту культуру на силос, и тот, кто не умел ее выращивать, тоже сеял, чем и отчитывался. Этим они дискредитировали кукурузу и, прежде всего, меня, как человека, который искренне ее рекомендовал и верил в нее. Тем самым он вроде бы соответствовал запросам времени, а за урожай с него никто не спрашивал. Если было бы производственное управление, которое следило за размещением культур по зонам и хозяйственному экономическому эффекту, то сразу бы увидели, что этот человек плохо возделывает определенную культуру. Его надо или научить, или же убедиться, что эта культура для данного региона не подходит, и надо перейти на другую, более экономичную, более выгодную. К сожалению, этого нет. Верховодила отчетность: такая-то республика закончила сев; такая-то область закончила уборку; убрано столько-то гектаров; выработка на комбайн — такая-то.

Однако гектар гектару рознь! Убрать комбайном урожай в десять центнеров и в пятьдесят — совсем не одно и то же. Мы по-прежнему находимся на низком уровне организации сельского хозяйства и не освободились от взгляда, что им может управлять каждый. Между тем сельское хозяйство — самое сложное производство, сложнее промышленности, ибо слишком многоотраслевое. Человек имеет дело с живыми организмами и находится в большой зависимости от природы и погоды. Такое хозяйство требует особого умения.

В США есть орган, который внедряет новые научные и производственные достижения в сельское хозяйство. Там сидят крупные

специалисты, которые следят за появлением всего нового и продвигают его. В капиталистическом производстве никто не может ничего навязывать фермеру, они только рекомендуют, информируют. Фермер сам обращается в эту или иную организацию с просьбой прислать специалиста, который помог бы внедрить новшества, и платит за консультацию.

У нас порой слушаешь обозревателя по радио, ученого агронома (не буду называть фамилии), а он такую «жвачку жует», проповедует избитые истины. Такая безответственная болтовня не оправдывает затрат времени на слушание радио. Конечно, хочешь — слушай, хочешь — нет. Это и называется самотек. Я категорически, всем своим существом, возражаю против подобного ведения хозяйства. От самотека страдает прежде всего наш потребитель.

Нам надо создать органы по управлению сельским хозяйством, где бы работали знающие люди, которые могут вовремя подсказать, помочь крестьянину добиться большего экономического эффекта.

НАШИ МАГАЗИНЫ ПУСТЫ...

Вчера, 28 мая 1970 года, я встречался с отдыхающими из соседнего дома отдыха. Один отдыхающий рассказывал, что в Рязани очень трудно, нет мяса. Никакой комментатор не расскажет о причинах отсутствия мяса, о виновниках этого безобразия и о том, как преодолеть эти трудности. Тут мало сказать по радио и по телевидению, необходимо предпринимать решительные действия, нужны корма, нужно выращивать скот и всем этим необходимо заниматься, управлять, а нужного государственного органа у нас, к сожалению, нет. Есть статистическое управление, которое подводит итог. Статистическое управление — это организация «что дышло, куда повернет, туда и вышло». Там сидят такие «мастера», которые могут из «говна пулю отлить», так запутать суть в отчете, что все выглядит более или менее прилично. К сожалению, статистическое управление работает на политику. Только когда совершенно невозможно скрыть правду, происходят какие-то бедствия в сельском хозяйстве, то об этом сообщают. Наша советская статистика отражает действительность, как кривое зеркало. Магазины и желудки людей лучше статистического управления свидетельству-

ют об истинном положении дел. Когда продуктов недостает и они плохого качества, в настроении хозяйки отражается действительное положение вещей. Отдыхающие из соседнего дома отдыха, которые собирались возвратиться домой, вздыхали, что в доме отдыха замечательно — обильно и вкусно кормили, а приедем домой — и опять надо мотаться по пустым магазинам».

Многие из тех, с кем я встречаюсь, завязывают со мной разговоры на бытовые темы. Я не ухожу ни от какого вопроса.

Однажды спросили:

— Зачем нужно было проводить изменение денежного номинала? Правительство сделало это для того, чтобы повысить цены?

Я возмутился:

— Слушайте, как вы можете так говорить? Правительство и в мыслях этих целей не имело.

— А кто это предложил? — допытывались у меня.

— Какое имеет значение, кто предложил? Инициативу проявил министр финансов, теперь покойный, Зверев. К этому имел прямое отношение Косыгин, мой заместитель в ведении которого находилось Министерство финансов и Госбанк. Он шефствовал над этими ведомствами. Мы исходили из того, что хозяйство выросло и приходится оперировать астрономическими цифрами, — начал я объяснять. — Это усложняло труд счетных работников. Мы решили изменить рубль, повысить его стоимость в 10 раз. Таким образом, то, что стоило 10 копеек, стало стоить копейку, что стоило рубль — стало стоить 10 копеек. Прейскуранты в магазинах вывели, поэтому в результате этой денежной реформы никакой товар в ценах не повысился. Это какое-то недоразумение...

— Нет, что вы, все цены возросли, — не согласились мои собеседники.

— Позвольте, спички стоили 10 копеек, теперь стоят копейку, — стоял я на своем.

Они приводили примеры товаров с новой ценой.

— Позвольте, этот товар, наверное, начал выпускаться уже после денежной реформы, — пытался я разобраться. — На него просто установили новую цену. В мое время мы на этом многих ловили, особенно местную промышленность. Сменяют окраску или делают какое-то незначительное изменение — и поднимают цены. Они стремились увеличить накопления в местные бюджеты. За это мы наказывали руководителей. Это злоупотребление, это дискредитация советской власти. Случается порой, и прямое жульничество в магазинах. Жулики, воры и убийцы нашему социалистическому обществу достались в наследство от капиталистического. К

сожалению, они стойко держатся. Советской власти уже больше пятидесяти лет, а мы имеем и пьяниц, и жуликов, и хулиганов, и людей, которые нарушают дисциплину. Повышение цен не связано с деноминацией рубля, ваши рассуждения неправильны.

— Пойдите в магазин: морковь и петрушку вы не купите, — не соглашались со мной. — Придется идти на рынок, а там сидит старушка и говорит: «Я не понимаю вашей реформы. Была петрушка по 10 копеек, хочешь — бери и теперь за 10 копеек». В магазине ее нет, и покупатель вынужден опять платить 10 копеек, старый рубль.

— К сожалению, это возможно, — согласился я, — но это другой вопрос, он ничего общего с денежной реформой не имеет. Опять же я хочу связать его с отсутствием организации. Государство не обеспечивает горожан зеленью в достаточном количестве и хорошего качества. Поэтому покупатели вынуждены идти к мелкому производителю и платить уже не втридорога, а в 10 раз дороже, чем в магазинах. И что же делать? Насколько сложно наполнить наши магазины эти мелочами в нужном количестве и нужного качества? Не сложно. Это мелкий вопрос, но, к сожалению, столько лет не решен!

Я помню в детстве и юности в Донбассе, на руднике не было проблемы с овощами. Там этим занимались арендаторы-овощеводы, огородники-болгары. Я считаю болгар лучшими огородниками в мире. Бывало, рано утром едет болгарин по рудничному поселку и созывает хозяек. Женщины окружали его арбу и покупали редис, укроп, сельдерей, морковку по копейке, по две копейки, по три копейки... Не было денег, он давал в кредит, потому что знал своих покупателей в лицо. Он имел хороший заработок, и люди были довольны, потому что получали товар нужного качества.

Разве сейчас мы не можем хорошо выращивать морковку, укроп, сельдерей, петрушку? Укроп был просто бросовой культурой. Ее крестьянин, я помню с детства, сеял по картошке. Во время прополки сорняки уничтожали, а укроп оставляли. А теперь люди, которые хотят купить укроп, не могут этого сделать. Если в магазинах он и есть, так это не укроп, а веник. Его еще для соленья можно использовать, и то с трудом, а для сдабривания пищи нужен зеленый свежий укроп. Такой только у частника. Частник, конечно, «стрижет» потребителя, знает, у государства в магазине его товар не купишь.

Все это мелочь, но никто за эти мелочи не отвечает. Никто за ними не следит и, следовательно, все отдано во власть стихии. Этими мелочами мы отравляем настроение прежде всего хозяйке, да

и всем. Я считаю, что этот организационный недостаток имеет политические последствия.

Кукуруза молочно-восковой спелости — тоже замечательный продукт. Потребителей на нее очень много, особенно украинцы, молдаване и русские, живущие на юге. Я не говорю о грузинах и армянах, где кукуруза является неотъемлемым видом питания. Вареную кукурузу молочно-восковой спелости можно назвать деликатесом. А ее нет! Другой раз для своей семьи мы покупаем кукурузу, которую завозят спекулянты, но это кормовая кукуруза, она грубая, ею откармливают свиней.

Наши агрономы знают, что существуют пищевые сорта. Они сладкие, нежные и вкусные. Их надо своевременно снимать, когда кукуруза достигает молочно-восковой спелости. Такая кукуруза растет и под Москвой сколько угодно. Для себя я выращиваю какое-то количество, и если попадет добрый человек к обеду, то он получает удовольствие, отведав местную подмосковную кукурузу.

К сожалению, в магазине ее нет, а москвичи бы ее съедали тысячами тонн. Вот вам и способ насыщения рынка, улучшения ассортимента пищевых продуктов. Это товар, который был бы противопоставлен массе пустых денежных знаков, находящихся на руках и давящих на государство. Вместо этого проводится открытое повышение цен. Об этом люди, с которыми я встречаюсь, все время задают вопросы. Этикетка изменилась, и цена изменилась. Продукт тот же, но цена другая, потому что название изменилось, как говорят, артикул другой. Почему такое происходит? За «артикул» люди деньги платят неохотно. Видимо, не хватает товаров. Вот и изыскивают «возможности».

Осенью в газетах хвастовства невпроворот, пишут, сколько мы заготовили картофеля. Полностью удовлетворяем потребности. Хвастовство. Тот, который пишет, видимо, сам не понимает, что пишет, а если понимает, то говорит заведомую ложь. Надо же знать, что государственная картошка из-за плохого хранения продается низкого качества, и даже пенсионеры, которые получают мизерную пенсию, стараются купить ее на рынке, где она стоит в два-три раза дороже, чем в магазине. Огромное количество людей с низкой зарплатой тем не менее вынуждены покупать ее на рынке.

— Где вы картошку покупаете? — спрашиваю я знакомых пенсионеров.

— Хожу на базар, — отвечают, — теперь там установили новые правила: торговать по цене, не более чем в 2 раза превышающей государственную. Выгоднее купить у частника, потому что у него картошка хорошая, чистая, а в магазине возьмешь в два раза де-

шевле, но в три раза больше выбросишь. В свое время я потребовал, чтобы в магазинах торговали мытым картофелем и хозяйки получали бы его в чистом виде, как за границей. Какое-то время это решение выполнялось, потом все заглохло. Казалось бы, простая истина: надо у колхозов покупать картошку отборную и платить за нее дороже. Я считаю, что разницу в стоимости должно взять на свои плечи государство, с тем чтобы не повышать цены. Тогда и картошка будет хорошей, и потребитель останется доволен, и сельское хозяйство в накладе не останется. Я говорю о картошке, но это в еще большей степени относится к другим видам овощей.

Прошлой осенью я встречался с людьми, которые рассказывали мне, что на полях осталось много невывезенной, неприбранной капусты. Эти мои собеседники собирались заквасить капусту на зиму. А в магазине нельзя ее купить. Кое-кто скажет: «Хрущев на старости лет толкует о мелочах». Эти мелочи влияют на большую политику, на настроение людей. Если от кальсон не вовремя оторвется пуговица, она может испортить человеку жизнь. Маленький вопрос перерастет в большую проблему. У нас для решения всех этих вопросов имеются два пути: либо предусмотреть производство всех видов товаров и услуг через государство, либо открыть ворота частнику. Это совершенно иное направление. Я встречался со своими старыми друзьями-поляками. Они живут в Польше, но, приезжая в Москву, заходят ко мне, мы беседуем, иногда спорим.

— Ваши колхозы и совхозы работают плохо, — говорят они, — у вас нет даже картошки. У нас нет колхозов, а на рынке всего много, все можно купить по сходной цене. Советский Союз покупает картошку в Польше!

Я не знаю, так ли это. Но если так, то это большой позор для нашей колхозной системы. В чем дело? Что у нас, земли хуже, чем польские? Или наши крестьяне-колхозники и рабочие совхозов не умеют выращивать эту культуру? Поляки, имея меньшие площади, экспортируют картофель за границу, в том числе и в Советский Союз! Опять же это вопрос организационный. У нас нет органа, отвечающего за эти вопросы. Все болтают, но ничего не делают. Те, кто занимается снабжением городов продуктами, должны пойти с заказами на определенные сельскохозяйственные культуры в колхозы и совхозы. Их там должны вырастить, сдать или продать в торговую сеть. Здесь должны сидеть люди, которые занимались бы размещением этого заказа. Только так можно обеспечить изобилие на прилавках. Но бюрократическая машина работает со скрипом.

Самый действенный рычаг — экономический, но, видимо, экономические стимулы в наших советских условиях недостаточны. Заработная плата руководства совхозов, агрономов, председателей колхозов мало зависит от доходов колхоза. Главным образом все сводится к своевременному посеву и своевременной уборке, с тем чтобы не оказаться в отстающих. Экономический показатель слаб. Я не знаю, как его поднять, но надо искать. В каждой зоне должны выращиваться культуры, которые больше всего отвечают общей целесообразности. Например, для Подмосковья — это молоко и овощи. Следовательно, по этим культурам и надо оценивать, насколько умело ведется хозяйство, и не только по видам, но и по экономическим показателям. Я считаю, что в Подмосковье на некоторые овощные культуры даже выгодно давать государственную дотацию, для того чтобы цены не ложились бременем на плечи потребителя. Качество должно быть хорошее, а цены — доступны. Это будет выгодно и государству, ведь не случайно многие капиталистические государства дают дотацию сельскохозяйственным фермерам, с тем чтобы они не повышали цены.

Такое ведение хозяйства требует специально подготовленного руководства. Тут недостаточно общих директив и приказов, надо конкретно заниматься каждым хозяйством. Главным образом успех зависит от подбора кадров, их обучения. Самое главное — заинтересовать людей, и они будут работать. Здесь, как мы грубо говорим, «полицейские меры» (или административные), ничего не дадут. Необходим упорный труд. Возможно, такая работа проводится, но если судить по магазинам, то очень слабо. В печати и по радио звучат общие призывы, скучная «жвачка».

Я опять повторяю, что высокоорганизованное хозяйство не может не быть специализированным, потому что это хозяйство социалистическое... Иной способ производства, капиталистический, стимулирует, выжимая последние соки. Если бы у нас были не колхозы, а частное индивидуальное хозяйство, частная собственность на землю, сразу же появились бы кулаки. Знаете, какие у них были бы урожаи и какие бы они выжимали доходы с каждого квадратного метра? Люди моего возраста знают, что в Подмосковье было очень много сильных кулацких хозяйств. Кулаки умели выращивать овощи, получали доход и кормили города. У нас в социалистическом хозяйстве такого стимула нет. Нет и материальной заинтересованности. Следовательно, должны быть сильные организационные начала. Сознание — конечно, большое дело, но, как показала практика, на одном сознании далеко не уедешь. Этого недостаточно, хотя еще есть люди, которые откликаются на

призывы, но их тоже надо организовать и материально заинтересовать.

Сейчас введено новое планирование и экономическое стимулирование. Я, встречая хозяйственных руководителей, спрашивал:

— Разъясните мне, раскройте эту форму. В чем она выражается?

— Просто экономический расчет, — отвечали умные люди.

Очень невразумительно. Из лекций по радио и газетных статей ничего понять нельзя. В чем это выражается? Я думаю, что, кроме газетной трескотни, это новшество фактически ничего не дает.

Спросят: «А что вы порекомендуете?»

Специализация в руководстве и в организации ведения дел должна быть в сельском хозяйстве при нашем социалистическом способе ведения его. Она потребна как воздух. Несмотря на все недостатки, которые мы имеем в социалистическом хозяйстве, оно показало свои преимущества перед капиталистическим. Поэтому надо прилагать все усилия, чтобы оно стало еще более эффективным и более экономичным. Я придаю исключительное значение организационному фактору. Собственно, при социализме в этом заключается основная деятельность наших управленческих органов. В частнокапиталистическом обществе главным двигателем служит прибыль. У нас частной собственности нет, поэтому мы должны заменить прибыль разумной организацией производства, разумным учетом и разумным распределением.

Найдутся люди, считающие все это мелочами. Пусть эти критики попробуют приготовить суп без овощей, без приправы. Получится похлебка, которой раньше питались русские крестьяне. Похлебка — это вода, картошка, соль и больше ничего. Я такую похлебку хорошо помню. Все крестьянство жило на ней да на щах. Но мы живем в другое время, имеем другие возможности, поэтому должны обеспечить людей всеми удобствами в жизни.

Старики могут сказать, что Хрущев предлагает сейчас возродить государственное Управление колхозами. Это была бюрократическая организация, которая лишала руководителей колхозов и совхозов инициативы. Но все зависит от точки зрения. Без должного управления, а значит, без учета потребностей и организации производства, мы не сможем обеспечить народ всем необходимым. Бюрократии можно поставить заслон, но для этого надо развивать самостоятельность в колхозах и совхозах. Я считал бы, что необходим при сельскохозяйственных управлениях какой-то совещательный орган типа совета производителей этих продуктов, состоящий из рабочих совхозов и колхозников. В это управ-

ление, ведающее производством сельскохозяйственных продуктов, должны входить представители колхозов. Тогда оно не только будет им приказывать, но вместе с ними принимать решения. Управление должно стать проводником запросов города, а производители-колхозы и совхозы должны обеспечить эти запросы. А пока недостает всех этих мелочей, без которых жизнь становится не в радость, все равно, как если бы молодых женщин и девушек лишить помады, лишить парикмахерских, лишить модных предметов дамского туалета. Жизнь их стала бы очень скучной, и они были бы в плохом настроении, и оно отражалось бы и на производстве, и в быту, и в общественной жизни. Мы стараемся удовлетворить их запросы, организовываем производство предметов дамского туалета.

Сейчас многое изменилось. Другой раз, смотришь телевизор (это мое главное окно в мир), а там такие франты, что появившись они на улице в первые годы революции, их, я не знаю, чем бы забросали, а уж насмешками — в первую голову. Сейчас время другое. Это нравится молодежи. А мода для товара — это путевка в жизнь. Главное, надо удовлетворять потребности человека. Не случайно во времена гражданской войны, когда высшее начальство спрашивало: «Ну, как настроение, красноармейцы?» — отвечали: «Пойдите спросите повара». Если он варит хороший борщ, то и настроение будет хорошим.

Так и укроп, сельдерей, редиска, мелкие вещицы — влияют на нашу жизнь. Я уж не говорю о помидорах, салате, картофеле. Это то, что нужно хозяйке, это то, что нужно каждому потребителю.

Наша страна первой совершила полет в космос. Так можем ли мы вырастить эти сельскохозяйственные продукты, удовлетворить запросы людей? Безусловно, можем! Земля наша богата, люди умеют работать. Чего же не хватает? Не хватает организации. Кто за это должен отвечать? Прежде всего государственные органы. Если говорить конкретно о Москве, то Моссовет. За это отвечает председатель Моссовета. Они должны дать заказ, а в Мособлисполкоме должны обеспечить производство сельскохозяйственных продуктов. Они должны вырастить эти продукты и завезти их в магазины. А лучше, если бы их развозили прямо потребителям, как это делали в старину болгары. Автофургоны могли бы приезжать в квартал и подавать какой-то сигнал. Говорят, во Франции так поступают разносчики. Они приходят, сигналият, а потребители выходят из квартир и покупают товар. Все это вопрос организации. Здесь можно найти очень много организационных форм. Прежде всего надо думать о человеке. Мы имеем все

материальные возможности, не хватает только организации, внимания к потребителю.

Я никак не могу обойти эти мелочи. Вот еще такая: буквально вчера я слышал от прохожих, рассказывали, как на рынок приехала женщина из Воронежа, привезла мешок редиски. Везла она его чуть ли не нелегальным способом, и продукт оказался уже не той свежести. Она продавала эту редиску втроедорога, а люди охотно брали. Почему? Так другой-то раз и редиски нигде нет! А что делают наши организаторы? Что делают государственные органы? И почему они не организовали в совхозах или в колхозах выращивание этой редиски?

То же самое можно сказать и о импорте помидоров. Помидоры мы завозим из Болгарии. Болгары — лучшие огородники, но наш потребитель получает невкусные помидоры. Они умеют выращивать овощи, а качество помидоров зависит не от сорта, а от того, где созрел помидор: на кусте или в вагоне, пока состав идет из Софии до Москвы.

Мы имеем большие возможности выращивания овощей, чем болгары. Наши Туркмения, Грузия, Армения, Таджикистан, Узбекистан — районы ранней весны. Сейчас конец мая, а там уже занимаются сбором урожая, косят ячмень. Надо создать там хозяйства, которые производили бы товарный продукт, — помидоры, редис, фрукты.

Транспортировка получится дорогой, но мы должны прийти на помощь нашему потребителю. Можно часть издержек, а может быть, и полностью, оплатить из государственных средств.

В капиталистических странах для поощрения производства сельскохозяйственных продуктов государство выплачивает дотацию производителям. Почему мы не можем этого сделать?

В сельском хозяйстве техника совершенствуется, облегчает труд колхозников и рабочих совхозов, дает возможность повышать производительность. Сорняк теперь не надо выдергивать. На то имеются химические средства. Правда, ученые предупреждают, что некоторые из них небезопасны. Если ими обрабатывают продукты питания, эта химия попадает в организм и плохо на него влияет. Так что к применению химических средств надо подходить с разбором. Необходимо облегчать труд, но следует учитывать все условия и не заражать продукт химическими веществами. У нас и производитель, и потребитель — люди одного класса, члены одного социалистического общества. Это не капиталистическое общество. Там капиталист, производитель, подходит коммерчески, ему лишь бы продать, а что случится дальше, не его

дело. Лишь бы только не попасть под суд. У нас другой подход. Каждый член нашего общества выполняет свою общественную функцию, свой общественный долг. У нас интересы производителей сельских продуктов и потребителей — едины. В таких условиях производительность труда в сельском хозяйстве и в будущем будет расти не столь быстро.

Я не знаю, какие роботы можно создать для производства сельскохозяйственных продуктов. Во всяком случае, здесь больше трудностей, чем в машиностроении. Тут мы имеем дело с живой природой, с живым организмом. Как говорится, робот роботом, а человеческие руки, их ощущения необходимы для производства такого деликатного продукта. Видимо, придется производителям доплачивать за счет бюджета, чтобы не убить материальной заинтересованности в производстве сельскохозяйственных продуктов: держать закупочные цены на уровне, выгодном для производителей, не изменяя цены в магазинах. Чтобы не нарушать баланса и не снижать жизненный уровень потребителей, государству придется давать дотации совхозам и колхозам.

Сейчас много говорят о цветах. Какой праздник может обойтись без них: государственный, общественный, семейный, личный? Ими человек хочет украсить свое жилье. Цветы несут и ко дню рождения, и в связи со смертью, и к другим датам. Только по случаю развода цветов не приобретают (к сожалению, сейчас браки стали не так прочны). За цветами человек вынужден идти на рынок. Цветочные магазины имеют ограниченный ассортимент. Спрос потребителей на цветы далеко не удовлетворяется.

Всем нравится роза. Купить розу недешево. Я не знаю цены, скажу: одну розочку за рубль, а может быть, больше. Я-то не покупал, но розы получал в подарок. Когда дарят цветы, неприлично спрашивать, сколько за них заплачено, но я все-таки спрашивал. Очень дороги и не только розы, но и другие цветы. Я не знаю, правильно ли называть продавцов цветов спекулянтами, хотя, конечно, элемент спекуляции здесь есть, так как частник пользуется рыночной конъюнктурой. На рынке покупатель платит, конечно, втридорога. Грузины привозят цветы, мандарины, лавровый лист. Одним словом, «грузин» — это сейчас нарицательное понятие, то же, что спекулянт. Сколько могу, стараюсь разъяснить, что дело не в нации, а дело в условиях. Не Грузия наживается, а отдельные грузины, которые приспособливаются, ведут спекулятивную торговлю, пользуясь законами рынка: законом спроса и законом предложения. Пока предложение меньше, чем спрос, есть возможность поднять цены.

Ну, почему бы нам не организовать выращивание цветов? Это тоже функция Моссовета. Надо создать оранжереи. Тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад нам было не до цветов, мы думали о том, как согреть человеческое жилье. У нас не хватало дров, не хватало угля, не было нефти. Сейчас у нас нет недостатка в топливе и есть возможность организовывать механизированные оранжереи, выращивать в изобилии цветы и продавать их. Цена их должна складываться, исходя из затраченного труда, из себестоимости, без прибавочной стоимости. Пусть они украшают жизнь человека, а государство не наживается. Без прибыли, без отчислений от производства всех видов товаров в бюджет не будет возможности развивать экономику, но некоторые предметы могут стать исключением. Можно было бы организовать выращивание цветов и в той же Грузии, но на государственной основе. Сейчас не гражданская война, мы живем в другое время. Сейчас нельзя оправдать недостатки ни в производстве овощей, ни в производстве деликатесов, ни в производстве любых предметов не первой необходимости. Это относится и к духам, и к пудре, и к цветам. Эти недостатки компрометируют наш социалистический строй, позволяют говорить, что мы слишком упрощаем жизнь человека, не создаем ему тех возможностей, которые имеются в капиталистическом обществе. Сравнение получается не в нашу пользу, не в пользу социализма, не в пользу коммунизма. Здесь лекциями о превосходстве социалистического общества ничего не докажешь. Здесь лекций и книг недостаточно. Необходим конкретный пример. Одни выбирают путь на основе изучения истории и философии, а другие изучают и сравнивают по магазинам в Советском Союзе и в капиталистических странах. Этого игнорировать нельзя.

Можем ли мы сейчас полностью удовлетворять запросы людей? Я считаю, можем! Мы можем выделить на это больше средств, потому что сейчас созданы такие средства защиты нашей Родины, каких никогда не было. Поэтому можно было бы сейчас «зажать» расходы по этому ведомству и выделить больше средств на удовлетворение запросов человека. Создавая вооруженные силы, оснащая их современным оружием, мы затрачиваем большие средства. Это вопрос жизни и смерти нашего общества, нашего социалистического строя, но нельзя, прикрываясь этим, не удовлетворять запросов человека. Они имеют большое значение, они украшают жизнь. Человек живет, и он хочет жить и радоваться. Мы не придерживаемся взглядов Мао Цзэдуна, который не хочет видеть ничего, кроме борьбы и революции. Революцию человек делает не для революции, а для того, чтобы лучше жилось. Мы добились победы уже больше пятидесяти лет тому

назад, и наш человек имеет право не только желать, но и требовать удовлетворения своих запросов. Идею в суп не положить. Идея социализма и коммунизма, разработанная Карлом Марксом, Энгельсом, Лениным, правильна. Но идея идеей, а надо, чтобы человек хорошо питался. Надо, чтобы государство, созданное на основе научного социализма, обеспечивало потребности людей. Ведь человек, пока живет и трудится, не может не удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Если же капитализм будет удовлетворять их лучше, чем социализм, то нам агитировать будет трудно, и мы потерпим крах. Производительность труда позволяет удовлетворять эти запросы, надо только разумно расходовать средства и, главное, правильно организовать производство предметов, в которых нуждаются люди, даже если они не первой необходимости, но они украшают жизнь. В том числе и цветы. Без цветов жизнь была бы скучной.

Есть анекдот, как цыган захотел в партию вступить. Ему отвечают, что вступить можно, но есть условия.

— Какие? — поинтересовался цыган.

— Во-первых, надо работать, — отвечают, — во-вторых, надо не воровать. (Воровская слава цыган известна.) В-третьих, не пить.

— Хорошо, — согласился цыган.

— За женщинами, за девушками не ухаживать, — продолжали ему перечислять условия.

— Если всего этого нельзя, так зачем вообще мне тогда жить? — возмутился цыган.

Я не хочу упрощать так, как упрощает герой этого анекдота, но вопросы удовлетворения сполна запросов человека очень важны. Жизнь украшается не хлебом единым.

Вот, собственно, все мои рассуждения. Может быть, еще что вспомню, эта тема очень обширна. Она меня всегда волновала. Я хотел бы, чтобы человек жил при социализме в лучших условиях. Поначалу, работая в Москве, я был далек от села, увлекался городским хозяйством и промышленностью. Не хвастаясь, скажу, что сумел разобраться в вопросах, умел слушать инженеров и опытных квалифицированных рабочих. Умел слушать ученых. Мне казалось, я понимал перспективы, правильно оценивал наши возможности, старался привлекать новаторов, инженеров, конструкторов и ученых, с тем чтобы обновлять все виды производства и двигать экономику вперед.

Сколько я встречал талантливых людей: ученых, инженеров, агрономов, животноводов, зоотехников, рабочих совхозов, колхозов. К сожалению, встречались и «тяжелые» люди. Но без этого

нельзя, мир богат своим разнообразием. Человеческий мир разнообразен и в развитии, и в понимании, и в культуре. Я говорю не о той культуре, которую приобретает человек в институте или другом учебном заведении, а об общей культуре. Она важнее, потому что является достоянием более широкого круга людей, и в зависимости от нее наш народ будет набирать темпы в своем развитии продвигаться вперед.

На этом я хочу закончить диктовать свои воспоминания о развитии сельского хозяйства. Никак не могу остановиться, настолько в свое время я был поглощен этой интересной и полезной работой. Сейчас мне уже 77 лет, когда-то в молодости этот возраст казался не только предельным, но и невозможным. Моя судьба так сложилась, что седьмой год я нахожусь на пенсии. Влачу существование пенсионера. Я, как говорится, вольный казак, ничем не занимаюсь.

Удел пенсионера — доживать свой век. Особенно тяжело тем, кто занимался бурной общественно-политической деятельностью, как это выпало на мою долю. Я обречен морально страдать об утраченной возможности с пользой трудиться. Труд в награду дает наслаждение. Человек может по-настоящему радоваться только результатам своего труда. А теперь я сижу на мели. Я не ропщу, таков удел всех людей. Каждый, независимо от занимаемого положения, стареет, сдает, силы ему отказывают, и он вынужден переходить на пенсию. Я еще в лучшем положении, чем некоторые мои сверстники. Многие постарели, раскрывают рот, как вытасченная из воды рыба, а глаза уже помутнели, язык заплетается и память совершенно отказала. Я не буду указывать пальцем. Поэтому это не стон, это не жалоба. Я имею возможность оглянуться и высказать свои соображения о лучшей организации нашего общества.

Часть VIII

ПОСЛЕВОЕННАЯ ОБОРОНА СССР

СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ

СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ *

Теперь хочу продиктовать свои воспоминания о работе, направленной на обеспечение неприступности нашей страны. Это для СССР вопрос вопросов. Мы говорим, и правильно говорим, что сейчас разорвано кольцо капиталистического окружения. Уже существует не одна социалистическая страна, а несколько. На социалистический лагерь приходится треть мирового производства. Это радует и вдохновляет тех, кто искренне борется за социализм. Но капитализм еще силен, не дает нам возможности почивать на лаврах и забывать об угрозе, еще может показать свой империалистический оскал. Поэтому нельзя ослаблять внимание к делу обороны. Это справедливо и сейчас, а особенно относилось это к тому времени, когда умер Сталин.

Он с большим вниманием следил за состоянием обороны. Считаю, что он даже преувеличивал силы противника и его намерение развязать войну. Сам пытался прощупать капиталистический мир штыком. В первую голову я имею в виду блокаду Западного Берлина, которая заставила нас убедиться в том, что не приходится рассчитывать на успех, прибегая к подобным средствам. Сталин вынужден был уступить, пойти на переговоры. Когда он попробовал блокаду, то сделал это без учета наших реальных возможностей. Плохо продумал проблему. Не знаю, кто был у него советником. Я уже входил в Политбюро, но мы ее не обсуждали. С кем Сталин ее обсуждал, мне неизвестно, но думаю, что если

* Записывались воспоминания в июне — июле 1971 г.

только с Молотовым. Больше ни с кем. Ворошилов в это время никакой политической роли не играл.

Потом — война в Корее. Ее начали северокорейцы по инициативе Ким Ир Сена, а Сталин его поддержал, как поддержал и Мао Цзэдун. То была согласованная акция. В данном деле, если говорить о собственной персоне, я тоже согласился бы с Ким Ир Сеном. Но последний переоценил свои возможности, считая, что надо только поджечь фитиль, дать толчок, и внутренние силы Южной Кореи сделают дальнейшее. Конечно, южнокорейская армия оказалась слабее и была разбита, но вмешавшиеся в войну американцы вынудили отступить северян, а значит и Сталина, который трусил и не решился оказать решающую помощь Северной Корее, сказав: «Ну и что? Мы своих войск туда не вводили, так что теперь американцы станут нашими соседями на Дальнем Востоке, только и всего». Лишь вмешательство Китая спасло тогда Северную Корею. Это была вторая наша крупная военная неудача со времен Великой Отечественной войны.

Вот такое мы получили наследство. Сталин тогда нос повесил и стал бояться Америки. Помню, однажды, как всегда, ночью, сидели мы у Сталина на даче. Он под влиянием донесений, не известных членам ЦК партии, вдруг проявил тревогу: сгущаются военные тучи над Болгарией, американцы через посредство турок готовят на нее нападение. И сейчас же продиктовал указание болгарским руководителям приехать в Москву. Приехали Червенков¹, министр обороны Луканов, старый коммунист, прошедший антифранкистскую войну в Испании, закаленный боец. Сталин лично давал им указания, как укрепить болгарские границы. Они сводились к тому, что надо рыть противотанковые траншеи, возводить земляные укрепления. Надиктовал элементарные мероприятия, которые болгары могли сделать и без его указаний. Сталин считал обстановку предвоенной и создавал соответствующий политический накал.

Наоборот, февральские события 1948 года в Чехословакии, когда там к власти пришел рабочий класс, припугнули Англию, Францию и США. Западная Германия тогда еще не влияла на международную политику, будучи оккупированной и подчиняясь диктату оккупантов, которые проводили агрессивную политику. Почти непрерывно над Восточной Германией и Чехословакией летали их разведывательные самолеты, особенно в пограничной зоне. Такие полеты продолжались и после смерти Сталина. Затем стали облетывать территорию Болгарии и Советского Союза, нарушали нашу границу на Балтийском море и других морях, укрепили свои позиции в Турции, потому что с Турцией СССР испортил отношения,

предъявляя ей при Сталине претензии. Подзуживал Сталина в турецком вопросе Берия. Предлагал официально обратиться к Турции и предъявить территориальные претензии. Эта линия толкнула турок в объятия США. Американские разведчики вплотную действовали возле советского Закавказья. Какая-то их псевдонаучная экспедиция, якобы искавшая следы Ноева ковчега, изучала подступы к Армении у горы Арарат. Вот такая создалась обстановка, которую Сталин, особенно после поражения в Корее, расценивал как предвоенную.

Кроме того, США вели за собой еще и Иран. Там тоже располагались их базы, или могли располагаться. Иран опасался нас не меньше, чем Турция, поскольку Сталин принял меры по дестабилизации иранского Азербайджана (там проживает больше азербайджанцев, чем в советском Азербайджане), чтобы Южный Азербайджан, нам не принадлежавший, как-нибудь присоединить к Северному, советскому². С иранских аэродромов американская авиация всегда могла нанести удар по СССР. США внедрялись также в Афганистан и Пакистан. На океанах они преобладали своим флотом, подводным и надводным. По тому времени самыми мощными кораблями были авианосцы. Именно авианосцами янки разбили японцев на Тихом океане. Кроме того, пытались терроризировать нас на суше, море и в воздухе, США давили на СССР еще и экономически: требовали уплаты за услуги по ленд-лизу, не торговали с нами сами и не позволяли другим.

Все это еще больше пугало Сталина. Я считаю правильным, что он форсировал усилия по созданию нашей атомной бомбы. И мы ее создали. Этим вопросом занимался от Политбюро Берия, а непосредственно делом руководил Ванников³. Его министерство ведало проблемами атомной энергии. Наши ученые успешно справились с изготовлением атомных бомб. К тому же некоторую помощь мы получили через своих разведчиков за границей, вышедших на тех зарубежных ученых, которые сочувствовали нам и решили оказать нам содействие с целью противостояния США, постепенно превращающимся в мирового жандарма.

Это не умаляет достоинства нашей страны и наших ученых. Но нельзя сбрасывать со счетов и ту помощь, которую нам оказывали наши друзья. Я пока не называю их. Но эти друзья известны большинству людей, следящих за событиями того времени. Они многое претерпели, понесли наказание, но пусть останется добрая память об этих людях. Пусть эта память станет нашей благодарностью им. Они, не жалея собственной жизни, оказывали помощь Советскому государству.

Атомную бомбу мы создали. Но нельзя было считать, что мы стали наравне с США. Схватили Бога за бороду, и держат: с одной стороны Соединенные Штаты, а с другой — мы, Советский Союз. Нет, нет, ни в какой степени! У нас не было по-настоящему и бомбоносителей. Наша бомбардировочная авиация выглядела плачевно. Она была слаба, значительно слабее, чем в Соединенных Штатах. Штаты имели почти неуязвимые воздушные крепости. Они летали на дальние расстояния и бомбили не только ночью, но и днем. Мы таких бомбардировщиков, к сожалению, не имели. А о количестве атомных бомб и говорить нечего. Американцы уже в 1945 году получили атомную бомбу, мы — только в 1949-м. Разрыв в пять лет — небольшой разрыв с точки зрения овладения нами секретом производства атомной бомбы, но это огромное время, позволившее Соединенным Штатам накопить их. Мы же только взорвали атомную бомбу, и взорвали ее на земле, а не в воздухе. Это была только модель. Соединенные Штаты успели взорвать две бомбы над японскими городами и накопили сотню, а может быть, и сотни атомных бомб. Поэтому военный конфликт, прямая война с американцами не обещала ничего хорошего.

Наша армия была не слабее американской, она была сильна духом. Но крепкий дух армии без хорошего вооружения быстро улетучивается, и поэтому следовало трезво оценивать положение. Сталин сделал выводы. Он, видимо, правильно оценивал соотношение сил и до трусости боялся войны с Америкой. Вот почему он торопил с созданием атомной бомбы, которую мы должны были создать, затягивая животы до предела поясами. Иначе мы просто не выжили бы и вынуждены были бы подчиниться диктату реакционных сил Запада и Соединенных Штатов Америки. Это оправданные расходы.

Но почему Сталин избрал приоритетным Военно-Морской флот? Его строительство требовало особенно больших затрат, истощало страну. Он избрал неправильное направление вложения материальных вкладов в оборону, выбрал вооружение, не главное для нашей страны. Я повторяю, для нашей страны. В результате наши возможности развивать другие виды вооружения, в которых мы традиционно сильны и которые являлись для нас более надежными и необходимыми, сократились. Он считал, что главными нашими противниками будут Америка и Англия, а они — морские державы. Без надводного флота мы не могли бы воевать против них. Сталин, видимо, сделал такой вывод. Он нам ничего не говорил, он был человеком замкнутым. Все вынашивал в себе; кого-то выспрашивал; у кого-то выуживал и делал свои выводы.

Сталин поставил задачу строительства надводного флота, в первую очередь, большого количества крейсеров. Он не говорил тогда о строительстве авианосцев. Не знаю почему. Без авианосцев в то время флот не представлял боевой ценности. Видимо, тогда нам авианосцы оказались технически недоступны, главное, не хватало материальных возможностей. Сталин решил строить крейсера, эсминцы и какое-то количество подводных лодок. По тем нашим возможностям он наметил широкую программу.

В те дни он часто повторял слова Петра I, не знаю, истинные или вложенные в его уста режиссером одноименного фильма: «Сухопутная армия — это меч в одной руке, флот — меч в другой руке. Надо обороняться обеими руками». Что-то в этом роде, точно не помню. Курс на строительство надводного Военно-Морского флота — напрасное истощение сил страны, которое не имело оправдания. Наш военный потенциал не поднимался. Строились устаревшие классы кораблей, не показавшие своих боевых возможностей даже во вторую мировую войну. Морская война велась Америкой на иной технической основе, главным образом, авианосцами, имея в качестве подсобного средства подводный флот.

Начали подготовку кадров. Призывали в ряды ВМФ студентов старших курсов или лиц, окончивших вузы. Посылали их в военно-морские академии и училища. Готовили специалистов всех категорий, нужных для флота. Наши военные моряки доказывали, что без сильного флота противостоять в будущей войне США мы не сумеем. Каких-то конкретных сведений о мероприятиях этого рода я в ту пору не имел, хотя являлся членом Политбюро. Даже не рисковал задавать соответствующие вопросы. Такие проблемы Сталин замыкал на себя лично и не позволял большинству лиц из своего непосредственного окружения интересоваться состоянием Вооруженных Сил. Он считал все это своей привилегией, и любой интерес, проявленный кем-либо из нас к тому или иному виду вооружения, вызывал у него подозрение: Сталин свободно мог посчитать каждого из нас за вражеского агента и заявить, что ты завербован империалистами.

К концу жизни Сталина вновь расцвели подслушивание и шпионаж. Расплодилось миллионы агентов. Агент за агентом следил; все на всех доносили. Всё оформлялось бумагами. А это всё рты, их приходилось оплачивать. Раз есть агент, то он должен оправдать свое звание службой. Он доносил, а по доносам арестовывали людей, сажали. Тюремные были забиты.

Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наслед-

ство. Страна была разорена. Руководство ею, сложившееся при Сталине, было, если так можно выразиться, нехорошим. Собрались в кучу разношерстные люди. Тут и неспособный к новациям Молотов и опасный для всех Берия, и перекасти-поле Маленков, и слепой исполнитель сталинской воли Каганович. В лагерях сидели 10 миллионов человек. Тюремь были переполнены. Имелась даже особая тюрьма для партийного актива, которую создал по специальному заданию Сталина Маленков. В международной обстановке не было намека на просвет, шла вовсю «холодная война». Нагрузка на советский народ от примата военного производства была неимоверной.

Наша авиация тоже не отвечала новым задачам. Мы не имели стратегических бомбардировщиков. Американцы имели Б-29, лучший самолет второй мировой войны. Мы скопировали его, создав ТУ-4. Но это была уже устаревшая модель, а американцы ушли вперед. Правда, мы запустили в производство реактивные самолеты МИГ-9, МИГ-15 и ЛА-15, легкий фронтовой бомбардировщик ИЛ-28. Однако они являлись средствами защиты, а средств дальнего авиационного нападения у нас не было, тех, которые бы могли угрожать территории Соединенных Штатов. По-настоящему мы не могли тогда угрожать даже чужим базам, которые расположились вокруг Советского Союза. Корейская война показала, что МИГ-15 по скорости отстает от американского истребителя. Наш народ, уставший от войны и изголодавшийся, нуждался в том, чтобы его накормили, одели и удовлетворили другие бытовые потребности. К сожалению, промышленный потенциал СССР уступал американскому, а ведь он — главное в войне. Современная война — война моторов, электронной техники, умов ученых: кто лучше и быстрее создаст новые виды вооружения. Мы пока уступали потенциальному противнику.

Сталин дрожал, был напуган и поэтому страну держал в боевой готовности. Под Москвой расставили зенитные 100-миллиметровые орудия. Это зенитные орудия, которые мы купили перед войной у «Шкоды». Тогда они имели калибр 85 миллиметров. Очень хорошее орудие, оно себя показало и как зенитное, и как противотанковое. Потом наши конструкторы довели его до ста миллиметров. Это орудие ставилось и на крупные танки. Вот ими окружали, опоясывали Москву. Дежурство артиллерийскими расчетами велось круглосуточно с приготовленными у орудий снарядами. Полная боевая готовность. Вот такое положение мы имели в стране после смерти Сталина.

Не всё, как надо, понимали руководящие военные кадры, кото-

рые собрались вокруг тогдашнего министра Вооруженных Сил Булганина⁴, практически невоенного человека, которому Сталин присвоил маршальское звание, не знаю, за что. Мне, например, Булганин не внушал уверенности в этом качестве, а Сталин прочил его в дальнейшем на должность главы правительства. Это уже несколько иной аспект работы. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет: «Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берия? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин». Естественно, никто не вмешивался в его размышления вслух. Все молчали, но каждый в душе отмечал, что этот выбор не лучший. Никто даже и не думал, что такое может случиться. Потом, после Маленкова, Булганин был какое-то время Председателем Совета Министров. Его назначение подтвердило, что он не годится для такого поста, хотя лично Булганин — безусловно преданный партии и честный человек. Он просто не был подготовлен и оказался недостаточно крепок в моральном отношении.

Между тем страна была доведена до предела беспрестанными капиталовложениями в оборону. Военная промышленность развивалась и вширь, и вглубь. Многочисленная армия давила на бюджет. Она стоила огромных материальных средств. Отвлекались бесчисленные людские ресурсы, которые могли бы быть использованы для развития мирной экономики. На Западе это видели и еще интенсивнее разворачивали гонку вооружений, чтобы «лошадь» советской экономики не выдержала этой гонки и сдохла сама по себе. Запад надеялся также вызвать недовольство наших людей, которое приведет к внутреннему ослаблению социалистического строя. Они прилагали все усилия к тому, чтобы, если это возможно, вырвать Советский Союз из социализма, вернуть Россию на капиталистические рельсы.

Мы же пребывали в «рыхлом» состоянии, партия по существу оказалась неработоспособной, к тому же мы не могли рассчитывать на те симпатии народа, которые бы хотели иметь. Нам требовалось искать новые пути на основе марксистско-ленинской политики. Именно марксистско-ленинской, чтобы освободиться от сталинских наслоений и извращений. Надо было выявить и реставрировать идеи Ленина.

Нас беспокоила армия. Получалось нагнетание сложностей с

обеих сторон. Советская Армия вынужденно продолжала расти. Только в ГДР, на этом социалистическом аванпосту, мы имели около миллиона наших военнослужащих. Потом мы, сокращая наши Вооруженные Силы, довели их в ГДР до полумиллиона. На большее не рискнули, учитывая наличие американских, английских и французских войск в Западной Германии. Вообще, поначалу мы после смерти Сталина по-настоящему к военным делам не подступались.

Не до того было. Имели забот полон рот в связи с внутренним положением. В первую очередь нас беспокоило состояние сельского хозяйства. Хлеба и мяса не хватало, масла просто не было. Да и развитие промышленности нельзя было сбрасывать со счетов. Ведь без дальнейшей индустриализации страны мы обрекали себя на отсталость и в экономическом, и в военном отношении. К счастью, советский народ-труженик понимал обстановку и поддерживал внешнюю и внутреннюю политику КПСС.

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ

Свое первое настоящее вмешательство в военные дела я датирую 1954 годом, когда, возвращаясь из поездки в Китай, наша делегация прибыла во Владивосток. По дороге мы посетили Порт-Артур. Нас просто тянуло туда. Может, в этом проявилась даже некоторая обывательская струнка. Мы в свое время, еще в детстве, столько слышали о войне с Японией, о Порт-Артуре, о сопротивлении наших войск. Конечно, нам хотелось посмотреть своими глазами. Мы сказали о своем желании посетить Порт-Артур Мао Цзэдуну. Мао Цзэдун сразу согласился.

Порт-Артур на меня произвел совсем не то впечатление, которое у меня сложилось под влиянием литературы. Никаких особых укреплений там я не увидел. Не знаю, может быть, время другое, крепости утратили свое значение. Я был несколько разочарован. Мы, конечно, осмотрели бухту Порт-Артура, где во время русско-японской войны в 1904 году погиб русский флот, 1-я Дальневосточная эскадра. Тогда эсминцы Японии прорвались в бухту и потопили наши корабли. Стоянка кораблей в Порт-Артуре соответствовала требованиям начала века и давала возможность хорошо защи-

щать входы в нее. Поэтому это был результат ротозейства. Там погиб крупнейший военный инженер и флотоводец Макаров.

По-моему, мы прибыли в Порт-Артур поездом. Мы хотели больше видеть, хотя бы из окна вагона. Часть пути мы ехали на машинах, потом садились в вагоны, выходили и снова садились в машины. Останавливались. Одним словом, мы хотели получить больше впечатлений от Маньчжурии.

Затем мы прибыли во Владивосток. Там мы хотели ознакомиться с состоянием Тихоокеанского флота⁵ и заслушать командующего Дальневосточным военным округом о готовности к обороне Владивостока, если там вспыхнут военные действия. Округом на Дальнем Востоке тогда командовал Малиновский. Позвонили в Москву, чтобы во Владивосток прибыл адмирал Кузнецов, заместитель министра обороны СССР. Его вернули из опалы. Он был наказан Сталиным и понижен в звании. Мы считали это несправедливым, Кузнецов пострадал по сталинскому произволу.

Он предложил нам программу осмотра и приготовил небольшое учение на море. Мы на крейсере «Калинин», выйдя в определенный район, станем наблюдать ход морского боя с участием подводных лодок и торпедных катеров, а также сил береговой обороны. Далеко в океан мы не заплывали, шли вдоль берега. Там я впервые конкретно увидел, что такое морской бой. «Синие» (противная сторона) нападали на наш крейсер. Сначала нас атаковали подводные лодки, и предполагалось, что мы не знаем их месторасположения. Видимо, командир крейсера действительно этого не знал. Кузнецов знал, потому что сам утверждал план боя. Подводные лодки выпустили торпеды. Они прошли мимо цели, кроме одной, которая «попала» в крейсер и «потопила» нас. Потом нас атаковали торпедные катера. Они на меня произвели удручающее впечатление: много шума, много дыма, но ни одна из торпед не поразила цель, хотя атака велась с близкого расстояния. В натуральном бою катера понесли бы большие потери. Зато моряки были в восторге от учения. Наконец, мы проплыли мимо крейсера, лежавшего на боку (остаток войны, либо шторма), и сами стреляли по нему. Видимо, попали, но на меня стрельба сильного впечатления не произвела.

Лучше прошли учения в Порт-Артуре, где нам тоже продемонстрировали стрельбы. По щитам стреляли из крепостных орудий. Мы в бинокль смотрели и видели, что снаряды поразили цель.

В принципе я не сомневался, что моряки имели хорошую квалификацию и владели своим оружием. Главное, чтобы оно отвечало современному уровню. В целом от всего этого веяло стариной. Я уже видел к тому времени кинофильм об испытаниях крылатых

ракет «Комета»: ракеты, выпущенные с самолета, неслись на корабли-мишени Черноморского флота, попадания были точнейшие и произвели на нас очень сильное впечатление, особенно мощь взрыва. С первой же ракеты цель была потоплена, видимо, что-то не предусмотрели, и мишень — старый крейсер — действительно затонула. Когда теперь стреляли из пушек и пускали торпеды, я, отдавая должное старому оружию, понимал и все его недостатки. Иное дело — самолеты-ракетоносцы, которые могут действовать и на море, и для охраны берегов лучше артиллерии. Свои выводы сделали и из осмотра стоянок военных кораблей в бухте Золотой Рог. От Владивостока осталось впечатление, что его бухта — идеальная стоянка кораблей, хорошо защищенная от штормов.

Тут же я сказал военным товарищам, Малиновскому, Булганину (мы были там с ними) и Кузнецову: «Совершенно недопустимо держать сейчас военные корабли в этой бухте, пригодной для мирного времени. Прежде военно-морской флот не имел такого опасного противника, как авиация, и эту бухту легко было защищать от врага. Теперь она с воздуха беззащитна и, наоборот, превращается в ловушку для кораблей, которых может тут ожидать судьба Перл-Харбора.⁶ Надо срочно вывести отсюда корабли и найти им стоянку где-нибудь в бухтах на островах, чтобы корабли имели маневр, потому что здесь они заперты и не смогут отсюда выйти, если внезапно начнется война».

Поехали на прибрежные острова. Посмотрели и там военные учения и береговые стрельбы. Очень нам понравились люди. Молодежь знала свое дело и стреляла хорошо. Что касается базирования флота, то его предстояло вывести из Владивостока и расположить в другом месте. Выбор поручили Кузнецову. Начали готовиться к переезду. Это требовало больших работ для обеспечения причалов, стоянок, оборудования жилья, а также крупных затрат, но они были необходимы. Защищать Владивосток по старинке казалось немыслимым. Тут впервые начал утрачивать в моих глазах свой авторитет адмирал Кузнецов, как-то не схватывавший требований новой эпохи, хотя он был человеком еще не старым. До этого мы Кузнецова очень высоко ценили. Но, когда мы увидели просчеты, очевидные даже для нас, гражданских лиц, и он согласился с нашими критическими замечаниями... Он смотрел с позиций старого, ушедшего времени.

Из Владивостока мы поехали в Николаевск, расположенный при впадении Амура в Охотское море. Там предполагалось возвести военно-судостроительный завод. У меня зародилось сомнение. В Николаевске? В столь необжитом районе возводить завод,

который легко выведут из строя во время войны? Его трудно защищать. Кроме того, требуются крупные капиталовложения, надо провести туда железную дорогу. В Николаевск уже завезли материалы и металл для конструкций. Это еще Сталин принимал решение о новом заводе. Обсудив детали замысла, мы решили, что лучше заложить необходимые нам корабли в обжитом месте.

Оттуда на эсминце отправились на Южный Сахалин по очень бурному морю. Штормило, качало, одного матроса волною смыло с нашего корабля. Я качку переношу хорошо и на проделки морского царя реагировал спокойно. Город Южно-Сахалинск понравился мне своим ласковым солнцем, хотя нам объяснили, что это — случайное совпадение. Мы осмотрели рыбную базу. Она находилась в плачевном состоянии. Мы не имели плавающих мощностей для переработки улова. Все перевозилось на берег, разгружалось и отправлялось на переработку. Рыба за это время портилась, ее выбрасывали в море или скармливали свиньям. Потом такая свинина резко пахла рыбой. Все дороги и подъезды к пристаням были ужасными. Мы еле-еле карабкались на машинах. Оборудования не хватало. Но кого винить? До Южно-Сахалинска руки не доходили, у страны оставались более глубокие раны, нанесенные войной.

Показали нам и войска Дальневосточного военного округа. Мы остановились у начальника Управления боевой и физической подготовки генерала Труфанова, хорошо знакомого мне по Сталинградской битве. Оттуда поехали в районный центр на сельскохозяйственную научную станцию. Нас интересовало, как на месте организовать получше производство продуктов, которые посылались в Южно-Сахалинск, особенно возможность выращивания картофеля. Картофель и овощи завозили с материка, хотя природные условия там прекрасные. Мне Южно-Сахалинск показался чем-то похожим на Украину: яркое солнце, щедрая земля, богатая дикая растительность. Тут только приложить руки, поселить людей и заинтересовать их в деле, а потом станет там житье не хуже, чем во многих районах Советского Союза. Во Владивосток мы возвращались самолетом. Микоян остался в Южно-Сахалинске. Он занимался тогда проблемами торговли и сказал: «Хочу тут еще разобраться, как и что нужно сделать, чтобы обеспечить население продуктами питания». В целом пребывание на Дальнем Востоке натолкнуло на мысль, что оборона страны находится не совсем в таком положении, как хотелось бы. Следовало подумать, как повысить обороноспособность СССР. Одновременно резко изменилась степень доверия руководства к адмиралу Кузнецову. Выходило, что мы его переоценивали. У меня зародились опасения, которые спу-

стя некоторое время разрослись и окончательно подорвали наше доверие к адмиралу, поскольку встал вопрос о создании системы обороны на принципиально новом уровне.

Через какое-то время, дело было летом 1955 года, Кузнецов внес в ЦК партии записку с конкретными предложениями о дальнейшем строительстве военно-морского флота. Затребованная сумма составляла 110 — 130 миллиардов рублей на десять лет. По тому времени она представлялась колоссальной. Нам надо было хорошенько подумать, чтобы решить вопрос безошибочно. В то время судостроительная промышленность фактически прекратила выпускать гражданские суда и была переведена Сталиным на форсированное строительство военных кораблей, главным образом, крейсеров, дредноутов и эсминцев. В каком-то количестве строились подводные лодки. Главным образом сосредоточились на надводном флоте с артиллерийским вооружением.

Записку разослали, кому положено, и мы поставили вопрос на Президиуме ЦК. Пригласили туда Кузнецова и других военных. Предусматривалось дальнейшее строительство крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Я не помню, были ли предложения о строительстве авианосцев. Главную линию составляли крейсера, а вообще отдавалось предпочтение надводному флоту. Мы перекинулись словами, но подробно обсуждать не стали, и я предложил: «Давайте этот вопрос сегодня не решать, перенесем его на следующее заседание (мы заседали еженедельно), чтобы члены Президиума могли глубже ознакомиться с предложением». Так как этот вопрос был очень крупным, то другие вопросы мы отодвинули еще дальше. Выйдя из своего кабинета, я шел по коридору, желая встретиться с теми, кто приходил на заседание. Приглашенные обычно собирались в другом конце здания. Туда из зала вышел Кузнецов, и мы пошли с ним рядом. Я тогда к Кузнецову все еще относился с большим доверием, незадолго до того, по моей инициативе его реабилитировали.

Он повел себя очень нервно и обратился с довольно грубой фразой: «До каких пор сохранится такое отношение к Военно-Морскому флоту?» Я ему: «Не понял. Отношение считаю хорошим». «Почему же не решается вопрос?» «Но мы же не отказали, а только перенесли его рассмотрение. Хотим получше изучить предложение, чтобы принять правильное решение». Он возбужденно стал подавать резкие реплики. Потом мы разошлись, и каждый, сев в свою машину, направился в нужном направлении. Меня беспокоили его нервное состояние и такой, я бы сказал, диктаторский подход к делу. Разве то, что он считает, заранее истина, и обсуждать

тут нечего? То есть руководству остается только утвердить предлагаемое? Это совершенно недопустимо. Здесь видно посягательство на права правительства и Президиума ЦК. Но я перед тем, как сесть в машину, сказал все же: «Потерпите неделю, мы еще раз подробно обсудим вопрос, вникнем в суть дела и разберемся с ним».

Спустя неделю, на очередном заседании мы вернулись к данному вопросу. Его постановка Кузнецовым представлялась мне неправильной: не решались задачи обороны страны, зато требовались затраты колоссальных средств. Я обратился к адмиралу: «Товарищ Кузнецов, давайте отвлечемся от сегодняшних условий. Если бы мы вам сейчас могли бы выложить все те корабли, какие вы просите, то какое бы место по ним занял СССР среди наиболее вероятных противников? В сравнении, например, с США и Англией? Мы смогли бы противостоять на море их объединенным силам?» «Нет, — отвечает, — мы бы им значительно уступали». Он ответил честно. «Но тогда какой же смысл тратить эти средства? Мы через десять лет получим заказанные вами корабли, однако, имея мы их даже сейчас, наш флот оказался бы слабее флотов потенциальных противников. А через десять лет станем, значит, еще слабее. Ведь США и Англия развивают свой флот и имеют больше возможностей, и материальных, и денежных. В результате мы и средства затратим, и не решим задачи обороны страны».

Все начали поочередно высказываться. Когда пришла пора сделать заключение, то руководство в результате сочло предложенное направление развития вооружения неправильным. Нам требовалось в кратчайший срок преодолеть отставание. СССР был обложен базами США и полностью накрывался его бомбардировщиками. Противник превосходил нас и в численности, и в качестве боевой техники. ВМФ для нас не был решающим, не то что для Англии. Она — островное государство, без ВМФ не может ни наступать, ни обороняться; полностью зависит от подвоза сырья с континента; ей требуется обеспечивать морские коммуникации. США без надводного флота не могут держать свои войска на Европейском континенте. Им нужно перебрасывать живую силу, боепитание и прочее. Поэтому им жизненно важен военно-морской флот. Они создали мощный транспортный морской флот. Во время войны даже оказывали нам помощь по ленд-лизу транспортными морскими средствами. Потом они у нас корабли отобрали и на наших глазах затопили. Горько нам было смотреть на это, мы так нуждались в каждом грузовом корабле, а им они не были нужны. Утопили на глазах у своих союзников, которые понесли главные потери в разгроме фашистской Германии! Их действия глу-

боко оскорбили наши чувства. Но мы ничего не могли поделать, корабли были их собственностью, и они могли ими распоряжаться, как хотели. Вот они и распорядились.

Я отвлёкся. Когда пришла пора подвести итог обсуждению, я снова предложил: «Давайте еще раз отложим решение о строительстве нового военно-морского флота и еще раз подумаем. Видимо, в первую очередь нам следует решить проблемы авиации, создавая такие же самолеты, какие имеет наш вероятный противник». На ракеты мы тогда еще не могли по-настоящему опереться, и поэтому называли военно-воздушный флот главным оружием. Все согласились. Кузнецов буквально кипел и после этого заседания стал вести пропаганду против такого решения, дискредитируя новое руководство СССР. Он, невзирая ни на что, поддерживал линию Сталина насчет первоочередного строительства ВМФ, хотя Сталин принял эту программу без Кузнецова, когда тот был уже отстранен от командования. Стало быть, отраслевая принадлежность затуманила адмиралу глаза и мешала правильно видеть дело. Потом выяснилось, что программа Сталину была навеяна Кузнецовым в ту пору, когда он еще пользовался большим доверием. Человека тогда сместили, а его линия продолжала свой путь. Я не знаю, по каким причинам он попал у Сталина в опалу, но думаю, что из-за своего строптивого характера, который сейчас проявился в еще большей степени.

У нас сложилось впечатление, что Кузнецов решил, что, раз Сталина нет, то с существующим руководством можно всерьез не считаться. Это нас возмутило. Мы вынуждены были принять решение об освобождении его от обязанностей главнокомандующего ВМФ и лишения высшего воинского звания⁷. Потом Малиновский говорил мне, что военные переживали за Кузнецова, потому что звание он получил давно и был активным участником войны против гитлеровской Германии и Японии. Лично мне Кузнецов нравился, я уважал его за смелость при докладах Сталину и реалистичность. Я и сейчас признаюсь, что во мне присутствовало и другое: как обязательный человек, Кузнецов на меня производил хорошее впечатление, на фоне мнения о других адмиралах, которых я знал. Оно было наилучшим, но, когда жизнь нас столкнула вплотную, пришлось интересы дела поставить выше приязни. Даже сейчас, после того как прошло немало лет, полагаю, что наше решение тогда было неизбежным, как по существу (во имя интересов страны), так и по форме (чтобы дать почувствовать некоторым строптивым военным недопустимость бонапартовских настроений).

Позднее Кузнецов написал воспоминания о войне. Они у меня лежали, но я их не стал читать, потому что после ознакомления со

множеством подобных мемуаров пришел к выводу, что с большинством военных мемуаров приходится спорить, на меня они производят тяжелое впечатление, и я сильно переживаю свое несогласие, когда встречаю вранье и не имею возможности оспорить его. Особенно в случаях, когда военные подхалимничают перед «сталинскими штанами».

В конце концов мы отказались от программы, выдвинутой Кузнецовым, но продолжали завершать программу, принятую Сталиным. Мы еще не настолько изучили вопрос, чтобы окончательно признать это направление неправильным.

Когда в конце 1955 года возник вопрос об освобождении от обязанностей командующего морскими силами адмирала Кузнецова, встал другой вопрос: кого назначить на его место.⁷ Предложили Горшкова. Я слабо знал Горшкова, но слышал много хорошего как о человеке и специалисте, знающем морское дело. Узнал я Горшкова только на завершающем этапе войны, когда он вступил в командование Дунайской речной военной флотилией. Горшков мне нравился, и я его поддерживал, считал, что он соответствует своему назначению.

Решение проблемы морского вооружения оказалось трудным. Оно заставило меня сильно поволноваться и далось особенно мучительно. Адмиралы голосовали за надводный флот. Отказываясь от программы строительства большого надводного флота, мы все переживали это, я в том числе. А может быть, я-то переживал больше других. На море наш противник имел огромный флот, преимущественно авианосцы. Отказ от соревнования на море мог привести нас к подчиненному положению, чего нельзя было допустить. Поэтому и шли болезненные поиски правильного решения.

Возьмем вторую мировую войну. Я не касаюсь сражений между Соединенными Штатами и Японией. В Европе судьба войны решалась не морским военным флотом, а сухопутными войсками: пехотой, танками, артиллерией и авиацией. Но следующая война редко бывает похожа на предыдущую, тем более в наше время великих открытий в науке и технике. К тому же любое вновь создаваемое оружие требуется рассчитывать на длительное время. Можно сделать и такое, которое быстро устареет и спустя короткий срок пойдет в переплавку. Потребуется вновь тратить крупные средства, чтобы не отстать. Например, когда в последний период жизни Сталина усилилось строительство крейсеров обычного типа, государственные деньги уходили на ветер.

В октябре 1955 года мы вернулись к обсуждению проблем флота, теперь уже не в Москве, а на главной черноморской военно-

морской базе в Севастополе. Прошло лишь несколько месяцев после обсуждения на Президиуме ЦК программы адмирала Кузнецова. Теперь мы хотели послушать строевых командиров, ознакомиться с положением дел на местах. Кроме меня и Жукова, в Севастополь приехали Булганин, Маленков и еще кто-то из членов Президиума ЦК. Мы познакомились с кораблями Черноморского флота, подводными и надводными. Флот там был сравнительно маленький, надводные корабли — старенькие. В их числе «Новороссийск» — трофейный итальянский линкор, бывший «Джулио Чезаре». Вскоре после окончания нашего совещания, 29 октября того же 1959 года, он подрывался, находясь на якоре в Севастопольской бухте, и затонул. До берега там близко, большинство людей спаслось, но много все-таки погибло, около шестисот человек. Когда разбирали причины взрыва, предположили диверсию. Потом специалисты пришли к выводу, что на дне лежала немецкая мина времен войны, якорь корабля ее шевельнул, и она сработала.

Итак, началось совещание. Нас знакомили с кадрами и с состоянием флота. Затем были организованы штабные морские учения. Я запомнил командира крейсера, после «начала войны» он принял на себя командование флотом «Южной» стороны. По сценарию учений им предстояло наступать. Он весело, даже залихватски, докладывал нам, как наш ВМФ топит противника: вот он уже продвинулся к Дарданеллам, вышел в Средиземное море, двинулся к Африке, занимает ее северные берега. Когда он перечислял, какими силами действует, мне стало грустно. Я увидел, что человек не знал новых военных средств, которыми располагал Советский Союз. А я считал, что, если этим оружием обладаем мы, то их может использовать и противник. Так бесцеремонно расправляться с противником, который имеет те же средства, что и у нас, негоже. Тут можно нарваться на крупные неприятности. А тот капитан первого ранга громил врага, даже не подозревая о береговых ракетах и самолетах-ракетоносцах.

Остановив его, я сказал: «Вот Вы нам с такой уверенностью докладываете, как расправились с противником и завершаете его разгром. Если прикинуть, что может случиться в действительности при начале войны, то Вы бы давно лежали на дне морском». Он посмотрел на меня с удивлением. «Слушаю, как Вы командуете, — продолжал я, — и даже не используете наши новые средства вооружения, да и у врага не предполагаете их наличия. Например, крылатые ракеты. Мы-то их имеем. А к противнику всегда надо относиться с уважением. Самое опасное — недооценка его возможностей и преувеличение собственных».

Он озадаченно высказался: «Товарищ Хрущев, я впервые слышу о ракетной технике». Тут я согласился: «Это верно, тут мы виноваты, всё оказалось слишком засекречено». Прервали заседание. «Давайте, товарищи, — предложил я, — возьмем с собой моряков и поедем здесь же, в Крыму, на военную базу, там познакомимся с ракетносцами и с ракетами береговой обороны, а потом продолжим совещание. Пусть моряки внесут коррективы в оценку противника».

Когда через некоторое время продолжили совещание, то уже не возвратились к прерванным учениям, а стали обсуждать по существу вопрос дальнейшего строительства ВМФ. Решили, что так дальше продолжаться не может, что нельзя держать все в секрете, не знакомя с достижениями даже наших людей, работающих на оборону, включая высший командный состав. Изменили направление строительства ВМФ, причем сориентировались на крупного специалиста по подводному флоту, работавшего в Генеральном штабе. Он обладал собственной точкой зрения, которая не пользовалась поддержкой. Сторонники подводного флота мне, как говорится, пошептали на ухо, что надо вызвать такого-то. К сожалению, и его фамилия испарилась из моей памяти.

Вызвали его. Он оказался интересной личностью. Заслушав его аргументы, приняли решение, что в строительстве ВМФ берем за основу подлодки. Мы издавна привыкли к надводному флоту, а подводный рассматривали как подсобное средство. Я поставил перед моряками вопрос: что такое крейсер?

— Плавающая артиллерия.

— На какое расстояние должен подойти крейсер к берегу, чтобы провести артиллерийскую подготовку и высадить потом десант?.. Я сейчас не могу точно вспомнить. Военные говорили — примерно 45 километров, не больше. Разрывная сила снаряда невелика в сравнении с ядерным зарядом ракет. А на крейсере до тысячи двухсот человек команды, ее надо содержать. Внешне он выглядит очень эффектно, красиво, особенно, если команду одеть в парадную форму. Одним словом, высшему командному составу крейсера были по душе. Как выстроится на палубе личный состав крейсера при встрече адмирала, подадут команду: «Смирно!».., большое это производит впечатление! Или входит он в порт с дружественным визитом!..

Эксплуатация крейсера обходится дорого, боевое же его назначение давно утрачено. Англия когда-то была владычицей морей, имела огромный флот с тяжелыми кораблями, служившими его ядром. Прошли те времена. Появилась авиация, потом ракеты, появились ядерные заряды. Теперь надводному флоту будет трудно выжить в случае войны.

Примерно через полгода после этого совещания, в апреле 1956 года, мы с Булганиным ездили с официальным визитом в Великобританию. Там нас пригласил Первый лорд Адмиралтейства на прием в Военно-морском колледже в Гринвиче на Темзе.

Собрался цвет военных моряков Великобритании. Я, выступая, очень категорично высказался за ракетно-ядерные войска, подчеркнул преимущества ракет и ракетноносцев, против надводного флота. Не то, что против, но сказал, что надводный флот утратил свое значение. Я употребил выражение «плавающие гробы». Наступило иное время, и на море решающей силой в борьбе против надводного флота становится авиация, вооруженная ракетами, и ракетноносцы.

Я сейчас не знаю, как этот вопрос продвинулся, какие практические результаты получены, но теоретически возможно бороться с кораблями в океане с помощью ракет, запускаемых с суши. В мое время конструктор Челомей и его соратники докладывали о таких идеях. При нашем географическом положении, когда противник должен подойти к берегам, мы могли бы, опираясь на ракеты, расположенные на своей территории, охранять морские рубежи. Мы можем воспользоваться авиацией, вооруженной ракетами, и не допустить подхода к нашим границам кораблей противника с обычным вооружением. Я говорю «обычным», потому что ракеты каждая страна может запускать со своей территории. Мы это понимали тогда, а сейчас это понимает каждый.

Я сказал в своей речи, что хотя бомбардировочная авиация утратила свое значение, зенитные средства и истребительная авиация качественно изменились, вторжение воздушных сил в пределы другой страны становится невозможным. Правда, войнами в Израиле и во Вьетнаме внесены коррективы: на низких высотах ракетная техника не показала себя в борьбе с авиацией. Цель слишком быстро перемещается, и недостает времени с тем, чтобы ее использовать для поражения цели. Но я уверен, что в дальнейшем наука найдет средства поражать цель на любой высоте.

Однако я говорил о «классической» войне, в которую могут быть втянуты страны с одинаковым уровнем развития индустриальной мощи и вооружения. Тут бесспорно преимущество ракетно-ядерного оружия и подводного флота.

Насколько я припоминаю, прием у лорда Адмиралтейства происходил в субботу. В воскресенье мы поехали к Идену в Чеккерс, на дачу. Мне нравился Иден, его трезвый ум. Когда мы приехали, он спросил:

— Что вы там в своей речи (я не помню дословно), пугали наших военных?

— А вам доложили о моей точке зрения?

— Да, — говорит, — мне докладывали.

— Ну, и как вы относитесь?

— Я, — продолжал Иден, — с вами согласен. Сейчас военно-морской флот потерял свое бывшее значение. Настолько изменились средства ведения войны, что он, конечно, уже не представляет той мощи, как в былые времена. Но я не могу этого говорить, потому что у нас флот — единственное средство обороны. Я не могу выступать и против бомбардировочной авиации, хотя она тоже отжила свой срок. У нас нет других средств. (Тогда у них не было ядерного оружия и ракет). Поэтому мы пока рассчитываем на это оружие, и я не могу морально разоружать своих военных. Это был не подробный разбор военных концепций, а переброска репликами, шутками. Но я думаю, что Иден правильно нас понимал, и мы Идена правильно понимали. Мы, конечно, тогда умышленно преувеличивали свою ракетную мощь, но все делали, чтобы нарастить именно такое оружие, хотя пока имели его в недостаточном количестве. Поэтому преимущество в вооруженных силах, особенно в авиации, тогда, конечно, сохранялось на стороне вероятного нашего противника, то есть Соединенных Штатов Америки и его союзников.

Возвращаясь к обсуждению проблем советского Военно-Морского флота.

Тяжелый корабль, крейсер, еще недавно — «хребет» Военно-Морского флота, один действовать не может, он должен обязательно следовать в составе эскадры, иначе его потопят. А подводные лодки могут действовать и в одиночку, и группой. Они не нуждаются в прикрытии. Если огневую мощь крейсера сравнить с подводной лодкой, имеющей ракеты, то последняя выиграет. Она может подплыть на нужное расстояние, произвести выстрел не только по кораблям или по берегу, но и поразить цели в глубине страны. Например, американские «Поларисы» в мое время стреляли на 2 тыс. км, а сейчас ракеты могут посылаться на еще большее расстояние. Таким образом, подводная лодка, стоящая во много раз меньше, чем крейсер, и имеющая много меньшую команду, обретает много большую огневую мощь и к тому же обладает возможностью скрытного хождения по морским просторам.

Подводный флот менее уязвим. Я говорю менее, потому что и подводные лодки тоже можно потопить, против них тоже имеются средства. Сейчас уже имеются средства обнаружения подлодок под водой, и создали меткие устройства бомбометания. Всегда усиление одного средства вызывало противодействие. Артил-

лерийский снаряд боролся с броней. Чем толще навешивали броню на корабль, тем мощнее становился артиллерийский снаряд, который пробивал эту броню. Как мне докладывали артиллеристы, броня потеряла свое значение. Нет такой брони, которая могла бы выдержать удар не только ядерного, но и ракетного неядерного заряда. Теперь чем больше брони, тем больший груз тянет корабль ко дну. Сейчас тяжелая броня — просто привесок.

Я не знаю, насколько сейчас развилась гидролокационная техника и как далеко сейчас удастся просматривать и прослушивать толщу морей с тем, чтобы обнаружить подводные лодки. Мне это неизвестно, но, видимо, ученые работают в этой области. Рыболовецкие корабли на большом расстоянии обнаруживают косяки рыбы. И тогда имелось в виду, что подводные лодки не являются абсолютно неуязвимыми, но они значительно менее уязвимы, чем надводные корабли.

Мы решили поставить строительство подводных лодок буквально на конвейер, создать мощный подводный флот, которым мы могли бы угрожать противнику на морях и океанах. У нас главный противник — морской. Это Соединенные Штаты Америки. Им требуется преодолеть большое расстояние, чтобы добраться до Европы, перевезти сюда десанты, снабжать оружием и припасами свои войска. Следовательно, им не уйти от воды. Вот тут подводный флот для нас особенно важен.

Поставив производство подлодок на поток, мы особое внимание сосредоточили на создании ядерного двигателя, чтобы обеспечить им автономное плавание, и получили первые результаты: ввели в строй атомные подводные лодки. Здесь немалую роль сыграли ученые, работавшие над атомными двигателями для подводного флота. Хотя я несколько раз встречался с ними и хорошо их знал, но сейчас припоминаю только академика Александрова⁸. Атомные двигатели для подлодок были нашей заветной мечтой, с ними подводный флот мог плавать во всех океанах. У нас-то нет заморских баз. Наш флот, выйдя из своих портов, вынужден, избороздив океаны, возвращаться туда же. Длительность пребывания в подводном состоянии могли обеспечить только атомные двигатели. Без них мы бы не создали подводный флот, который стал бы грозой на всех морях и океанах. Грозой, конечно, для наших противников. Навигационные средства позволяют подводным лодкам хорошо ориентироваться под водой, как это продемонстрировали подлодки, совершившие плавание подо льдами Северного Ледовитого океана. Наша подлодка всплывала там в полыньях, в свободном ото льда пространстве, а потом вновь по-

гружалась и спокойно возвращалась на свою базу. Когда я в июле 1962 года совершал поездку по Северу, там как раз встречали эту подводную лодку. Мы беседовали с командиром корабля и осматривали лодку. Корабль восхищал нас своими возможностями в сравнении с прежними.

Теперь, уже находясь на положении пенсионера, я читаю газеты, слежу за военными учениями. Я читал, что наши подводные лодки с ядерным вооружением совершили кругосветное путешествие. Из печати узнаю, что мы в этом деле в последние годы добились хороших результатов. Я считаю, что это произошло в результате принятых тогда правильных решений. Конечно, с подводных лодок трудно вести артиллерийскую подготовку для высадки десанта. В современных условиях с десантом вообще возникают большие трудности, хотя имеются средства, позволяющие после взрыва атомной бомбы преодолевать зараженное пространство. Это все-таки довольно трудное и опасное для войск дело, но ничего не поделаешь, необходимо создавать средства, которые позволяли бы преодолеть пространство и после взрыва атомной или водородной бомбы.

Тогда же задумали мы определить свое отношение к авианосцам. Из надводных это самый сильный корабль. Он имеет на своей палубе авиацию, которая может действовать в довольно большом радиусе: она производит разведку, она может вести огонь по надводным кораблям. Хорошо было бы иметь такие корабли, но это оказалось нам не по средствам. Лучше не распыляться. Авианосцев мы могли бы иметь единицы, в то время как у противника их уже десятки. К тому же мы, страна в основном континентальная, которой не следует забывать о пехоте, ракетной артиллерии, стратегической авиации, межконтинентальных ракетах с ядерными зарядами. Не стану скрывать, что именно мне пришлось вынести на своих плечах основную тяжесть борьбы, поддерживая молодые силы в ВМФ против тех, кто жил по старинке и оказывал сопротивление. Признаться, потом, когда мы уже приняли решение, у меня все-таки сосало под ложечкой, но, как говорится, по одежке протягивай ножки. Надводный флот мы сохранили для охраны побережья. Имея сторожевые корабли, торпедные катера и ракетные катера, которые стреляют на десятки километров, можно решить эту задачу. Они должны противостоять чужим подводным лодкам.

Могут спросить: «А как насчет наступательных операций?» Но нам с нашей мирной политикой незачем дублировать средства ведения войны, имеющиеся у США. Мы против империалистических войн, мы за ленинский принцип мирного сосуществования. Вопросы внутреннего устройства каждого государства — внут-

ренный вопрос народа и, прежде всего, его рабочего класса, который вырос сейчас в могучую силу. Он взял на свои плечи тяжесть борьбы за прогресс в развитии общественной жизни в каждой стране. Соединенные Штаты Америки — империалистическая агрессивная страна, она развивает надводный морской флот, авианосцы, потому что ведет войны за тысячи километров от своих границ. Ей без авианосцев никак нельзя. Подводные лодки не дают возможности высаживать большой десант, как это требуется Америке. Правда, взамен транспортных надводных кораблей можно использовать авиацию. Самолет сейчас поднимет сотни человек и в довольно короткое время может сосредоточить большие силы, если удастся овладеть территорией для высадки десанта. Но мы для себя целей высадки десанта в другие страны не ставили и сосредоточились на обороне с возможностью нанесения удара по противнику стратегическими ракетами, полагая, что тем самым обезопасились от разумного противника. Что такое — разумный противник? Тот, который понимает, что если он нападет на СССР или его союзников, то сам получит разгромный ракетно-ядерный удар. Эта стратегия оправдала себя в мое время и является главным фактором, сдерживающим агрессора.

При обсуждении программы строительства ВМФ возник вопрос, как поступить с крейсерами, которые у нас уже имелись на вооружении?

Нужно сказать, к нашему, я бы сказал, позору, у нас тогда оставалось немало крейсеров, в том числе безнадежно устаревших. Буквально, старые галоши, как моряки их называли. Некоторые из них сохранились еще от первой мировой войны, тихоходы, не игравшие почти никакой боевой роли. Но перед смертью Сталина были заложены и новые корабли. Их постройка заняла почти все мощности нашей промышленности. Требовалось принять решение по этим кораблям, вводившим народ в огромные расходы при их нулевом боевом значении. Хороши они только для морских парадов в Ленинграде, Севастополе и Владивостоке. Эффектное и красивое зрелище. Но деньги тратятся на ВМФ не для того, чтобы он участвовал в парадах.

Западные страны, в первую очередь США и Англия, после окончания войны значительную часть своих надводных кораблей, крейсеров отдали на слом и на переплавку в мартеновские печи, а те, что поновее, поставили на прикол, что тоже довольно дорогое удовольствие: содержать их в состоянии, позволяющем в нужный момент использовать. Мы решили часть старых кораблей уничтожить, а крейсеров, которые не успели достроить, у нас

было немного, два или три. Если бы они вступили в строй, то ни в океанах воду не замутили бы, ни наших противников не испугали бы, зато оказались бы хорошими источниками опустошения советских карманов. Я не хотел брать ответственность за них на одного себя, административно подавляя мнение военных специалистов, и предложил министру обороны обсудить проблему у себя. Обсуждение длилось долго. О результатах мне докладывал начальник Генерального штаба маршал Соколовский: «Мы пришли к единственно правильному решению — эти корабли не стоит заканчивать. Хотя осталось затратить небольшие средства, чтобы ввести их в строй, но дело заключается еще в тех средствах, которые придется выделять на их содержание. Оно ляжет тяжким бременем на бюджет, а расходы бесперспективны. В случае войны эти корабли не сыграют заметной роли».

Ух, как трудно оказалось принимать такое решение. Сколько миллионов затратили — и вдруг уничтожить?

Я предложил министрам обороны, водного, морского транспорта и руководителям рыболовного флота подумать, нельзя ли как-либо их использовать. Может быть, переделать их в пассажирские? Они отвергли такую мысль: невыгодно экономически и неэффективно для работы. «Не использовать ли их как рыболовные?» — не успокаивался я. Изучили вопрос и снова отвергли: оказалось, что дешевле построить новые. «Тогда задействовать как туристические базы?» Перебрали всяческие варианты, а итог оставался прежним. Пришлось пойти на болезненное решение: уничтожить ценности, созданные своими руками. Так был начат безоговорочный поворот к созданию мощного подводного флота. Вот так решился главный вопрос перевооружения нашего Военно-Морского флота, и я считаю, что решение мы приняли правильное. Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, мне кажется, что иного, собственно, не было дано. Решение оказалось самым рациональным и самым выгодным, и не только с точки зрения бюджетных затрат, но и в главном: в обеспечении боевых возможностей флота. Один крейсер равнялся стоимости нескольких подводных лодок. А каждая подводная лодка в огневом отношении становилась в несколько раз мощнее надводного корабля, крейсера.

Я считаю наше решение правильным. И американцы вскоре изменили свое отношение к подводному флоту. Сейчас подводные лодки — это пусковые установки, обеспечивающие запуск ракет из подводного положения. Их трудно вывести из строя, потому что подводная лодка — подвижная ракетная установка, она имеет преимущество даже перед ракетными шахтами. Шахты на земле

не скроешь, сейчас с космических кораблей фотографируется вся поверхность земного шара. Очень трудно сейчас держать в секрете, где расположены наши ракетные установки. Их, видимо, знает наш противник, и мы знаем тоже о расположении его ракетных установок. Иное дело — подводные лодки. Где они базируются, можно разведать, а где находятся в боевой готовности на случай нападения на противника — трудно определить. Больше возникает трудностей для поражения противником подвижных подводных стартовых устройств. Кроме того, подводная лодка имеет возможность вести борьбу с надводным флотом. Вооруженная ракетами, она действует на большем удалении от противника, чем старые подводные лодки с торпедами на вооружении.

Правда, некоторые существовавшие на флоте крейсера мы перевооружили, сняв с них классическую артиллерию и поставив ракеты. Но и это оказалось нерациональным, потому что корабли не обрели необходимых качеств. И мы стали широко продавать их: крейсера, эсминцы и сторожевики.

К примеру, крейсер «Орджоникидзе» продали Индонезии. Это островное государство нуждалось в таком вооружении. Хороший крейсер. На нем мы с Булганиным в апреле 1956 года посетили Великобританию. Новый, по тем временам, крейсер отвечал последним требованиям. Английские военные тогда очень им интересовались.

Да, болезненно проходило изменение нашей военно-морской доктрины. Большое значение в новой военно-морской стратегии мы придавали бомбардировочной авиации, вооруженной ракетами «воздух — корабль». Это тоже береговое оружие, но действующее на большом удалении. Я говорю «на удалении», потому что все-таки радиус авиации ограничен. Ракетоносцы и бомбардировщики без дозаправки в воздухе (а этого мы тогда делать не умели), не могут далеко удаляться от своих берегов. Скорость, высота полета не оставляют им надежды прорваться через плотную завесу зенитного огня. Нам оставался доступен Северный Ледовитый океан, но выходить в Северное море, не говоря уже об Атлантике, было опасно. В Тихом океане мы тоже могли действовать только в прибрежной зоне.

Расскажу, как мы сделали уступку самим себе, решив построить все же несколько современных крейсеров, вооруженных ракетами: ударными — для нападения, и зенитными — для защиты. Уступая военным морякам, отчаянно переживавшим тот факт, что мы лишились крейсеров, я высказал мнение, что нам следует достроить несколько штук на случай, если потребуется представителям

СССР прибыть на военно-морском судне за границу. Но пусть такие корабли отвечают всем требованиям современной науки и техники. С данной целью заложенные ранее ракетные большие эсминцы переименовали в крейсера. Испытывали их в Белом море.

Мы с Малиновским, Горшковым и другими специалистами тоже вышли в море и наблюдали за испытаниями. Это было в июле 1962 года. Головной из этих кораблей — «Грозный», произвел хорошее впечатление ходовыми качествами и вооружением, но остался без брони, военные единогласно отвергли ее, потому что броня уже не могла соревноваться с мощными зарядами и только отягощала корабль, ухудшая его скорость и маневренность. А какова его боевая цена? Погода тогда стояла прекрасная, люди на корабле были в приподнятом настроении. Заразившись им, я спросил Горшкова: «Как вы оцениваете этот корабль? Мы можем сделать таких сколько нужно. Конечно, со временем, сразу их из котелка не вынешь, это ведь не гречневая каша. Но если бы такой же корабль имелся у противника, у нас возникли бы затруднения?». «Нет, — ответил Горшков, — он бы моментально был пущен ко дну. Мы бы его потопили ракетносцами или подводными лодками. Если же он прорвался бы к нашим берегам, мы пустили бы в ход ракетные катера».

Так что эти корабли в бою ненадежны. Конечно, абсолютно надежного оружия нет. Против всякого оружия можно найти средство его уничтожения. Даже межконтинентальные ракеты с ядерными зарядами можно сбивать противоракетами. Можно сбивать и спутники Земли. А ликвидация такого корабля не представляла трудности для страны, имеющей современные средства нападения и защиты. У нас появилось четыре подобных корабля. Но мы морякам так и сказали: «Лишь для того, чтобы встречать и провожать гостей и самим ходить по морю в гости. Красиво на крейсере выйти в море, прихвастнуть перед иностранцами». Подводная лодка такого впечатления произвести не может. Людей на ней мало, и сама она — просто плавающая сигара. Один крейсер послали на Балтику, другой — на Черное море, третий — во Владивосток, четвертый — на Север. Правда, это удовольствие дорогое. Но большой стране приходилось идти на издержки, связанные с престижем. Читая в газетах о наших военных делегациях, прибывающих с дружескими визитами в различные страны, встречаю названия как раз тех кораблей, о которых рассказывал.

По данным печати (я не знаю, насколько ей можно верить), другие страны тоже имеют корабли такого типа. Возможно, для подобных целей, а возможно, для тренировки мозгов конструкторов военно-морского флота. Это тоже необходимо, чтобы не ра-

зучиться, вдруг когда-то возникнет нужда, наука даст выгодное решение в создании надводных кораблей.

Уже под конец моей деятельности встал вопрос: не настало ли время создать ВМФ с авианосцами, эсминцами, а также с кораблями-матками, которые несли бы на себе ракетные катера? Военные идею создания корабля-матки не поддержали, и я придержал их строительство.

Можно считать, что авианосец, несущий на себе истребители и бомбардировщики, подобен этому кораблю, только на нем место самолетов занимают ракетные катера. Назначение самолетов — атака кораблей противника с воздуха, то же и у катеров, только с моря.

Во время кризиса в Конго в 1960 году возникла проблема присутствия чужих флотов в «горячих точках» у берегов разных континентов. Вот американцы постоянно держат свои 6-й и 7-й флоты возле Африки и Азии. А не надо ли нам тоже посылать туда свой флот, чтобы он сдерживал агрессивные силы? Мы поручили Генштабу проработать возможный состав такого флота и определить его стоимость. Малиновский потом высказался против этого. Оказалось, что затраты на создание такого флота не оправдаются. Если бы мы стали на путь соревнования с США в данной сфере, то нам потребовались бы многие миллиарды расходов почти впустую. Лучше пустить их на иное, более отвечающее запросам наших людей.

А как сейчас? Эта доктрина, если ее можно так назвать, сохраняется? Я думаю, что сегодня сохраняется такая же закономерность. Дело не в личности, а во времени, в котором мы живем, в развитии науки и техники. Я не вижу более рационального способа обеспечения обороны на море.

Не знаю, строят или не строят сейчас авианосцы? Если да, то мне трудно понять целесообразность капиталовложений в этот вид морского вооружения. И сегодня нам соревноваться в их строительстве с противной стороной (теперь уже можно сказать, со странами НАТО), очень тяжело, придется выложить большие капиталы. А эффективность — та же, как и в мое время, когда мы отказались от надводного флота.

Если военных не контролировать, а дать им возможность развернуться в собственное удовольствие, то они вгонят страну в бюджетный «гроб». На них всегда надо иметь узду и не позволять им пускать пыль в глаза, чтобы добиться своего. Они стараются запугать правительство силами противника. И не только у нас. В США и прочих западных странах наблюдается та же картина.

САМОЛЕТЫ И РАКЕТЫ

Мы все больше внимания обращали на ВВС, особенно на бомбардировщики. Ильюшин сконструировал реактивный двухмоторный бомбардировщик. Не стратегический, а фронтовой. Артем Микоян и Михаил Гуревич создали реактивный МИГ-15. Он использовался как наш лучший послевоенный истребитель и в корейской войне показал на первых порах свое превосходство над истребителями американских марок, но продержался недолго. Американцы быстро запустили в строй самолеты с большей скоростью и стали бить наши истребители, безнаказанно врывались в воздушное пространство Северной Кореи. Позднее появились МИГ-17, МИГ-19 и сверхзвуковой МИГ-21.

Одновременно решался вопрос обороны собственной территории от воздушного нападения. Зенитные ракеты Лавочкина были установлены на московском кольце противовоздушной обороны. Возглавляли эту работу талантливые конструкторы из КБ, где работал сын Берии — Сергей. Очень большие средства затратили на то, чтобы защитить Москву ракетным поясом, чтобы противник не прорвался к столице. Позднее вместо стационарных ракет, требующих много времени на подготовку к запуску, мы создали подвижные комплексы, которые легче рассредоточить, так что вражеским разведчикам труднее установить, где они находятся. Строительство кольца ПВО сразу же всем стало известным. Иностранцы, пролетая на пассажирских самолетах, видели все с воздуха, хотя мы и маскировали его, как только могли. Я и сам, когда летал, многократно видел с воздуха и установки, и дороги к ним.

Потом приняли решение о создании такой же обороны вокруг Ленинграда. Когда появились подвижные установки зенитных ракет, мы отказались от строительства ленинградского кольца ПВО.

Самой тяжелой была задача доставки ядерной бомбы к целям, расположенным на большом удалении от нашей территории. Для этого Туполев сконструировал, вернее скопировал с американского Б-29, бомбардировщик ТУ-4, потом создал свой реактивный бомбардировщик ТУ-16. Позднее появился дальний турбовинтовой бомбардировщик ТУ-95.

Мы не раз обсуждали вопросы создания дальних бомбардировщиков с Андреем Николаевичем. Я к нему относился с доверием и глубоким уважением. Он говорил, что не сможет создать самолет, который нам требуется, поскольку самолетостроительная наука этого пока не позволяет. Добавлю, что, когда Сталин потребовал от Туполева в свое время построить бомбардиров-

щик, отвечавший задаче бомбежки территории США, Туполев прямо отказался: «Я такого самолета не могу построить», — сказал он. Это делает ему честь, хотя он ранее, во время войны, сидел в заключении, но тем не менее, не брался за невозможное.

Сталин привлек к этой работе Мясищева⁹, одного из учеников Туполева, очень талантливого инженера.

Он создал свой бомбардировщик, назывался он М-3, потом появилась его модификация М-4. Но этот бомбардировщик оказался, как Туполев и предупреждал, не отвечающим своему назначению. Он долетал до Соединенных Штатов, но вернуться не мог. Мясищев выдвинул идею: сбросив бомбы на США, сесть в Мексике. Мы ответили шуткой: «Мексика — не наша теща, сесть там означает в лучшем случае лишиться самолета». Идея оказалась «подмоченной», не давала уверенности в успехе и требовала больших затрат на реализацию. Начались испытания его модели. Проходили неудачно, несколько летчиков погибло, и у летного состава возникло недоверие к самолету. Требовалось искать другое решение. Но какое?

Правда, уже началось строительство ракет. Занимался этим тогда еще не знаменитый Королев. Я постоянно вспоминаю Сергея Павловича как человека, который вывел нашу страну в космос. Когда стало очевидно, что бомбардировщик Мясищева не обеспечивает контрудара по США, осталась надежда только на ракеты.

Чтобы достать Англию, мы имели ракету Королева Р-5. А как все-таки добраться до Америки? Я с большим уважением относился к Мясищеву. Но он не смог осуществить невозможное. Откликнулся с предложением насчет боевой дальней крылатой ракеты талантливый Лавочкин¹⁰. Истребители Лавочкина летчики полюбили во время войны. Вскоре после нее он взялся за создание ракеты. Она получилась сложной: беспилотный самолет поднимался ракетой-ускорителем на определенную высоту, потом отделялся и летел дальше на реактивном двигателе. Идея получила шифр «Буря».

Но проблема оставалась: как все же нам быть? При жизни Сталина я Королева лично не знал. Познакомились мы с ним, когда его межконтинентальная ракета находилась на выходе. Устинов¹¹ доложил мне, что конструктор Королев приглашает посмотреть на его баллистическую ракету. Мы решили поехать туда почти всем составом Президиума ЦК партии. На заводе нам показали эту ракету. Честно говоря, руководство страны смотрело тогда на нее, как баран на новые ворота. В нашем сознании еще не сложилось понимание того, что вот эта сигарообразная огромная труба

может куда-то полететь и кого-то поразить взрывным ударом. Королев нам объяснял, как она летает, чего может достичь. А мы ходили вокруг нее, как крестьяне на базаре при покупке ситца: щупали, дергали на крепость. Могут сказать, вот какие собрались невежды в техническом отношении. Увы, в то время подобными невеждами оказывались не только мы, но и все люди, впервые сталкивавшиеся с ракетной техникой.

Руководство прониклось доверием к Королеву. Он сказал, что дальность полета его ракеты составляла примерно 7 тыс. километров. Это нас устраивало, потому что значительная часть территории США накрывалась ею. Конечно, мы не собирались, получив такую ракету, начать войну. Мы только хотели пригрозить своей ракетой в ответ, если США задумают напасть на нас. Они проводили тогда крайне агрессивную политику. Королев запустил свою ракету. Он назвал ее Р-7, «семеркой». Она взлетела удачно, хотя первый экземпляр до цели не долетел, взорвался. Тогда аварии случались нередко, и на земле, и при взлете, но обходилось без жертв. Без аварий новая техника редко пробивается в жизнь. Приходится даже сознательно идти иной раз на неизбежный риск. Наконец, Королев очень хорошо справился со своей задачей. Ракета стала летать надежно, и мы в 1957 г. запустили в космос искусственный спутник Земли. Весь мир восторженно встретил эти полеты радостно и с восхищением, а кто ужаснулся, что мы вышли на такой технический уровень.

На первом плане среди конструкторов выделился Сергей Павлович Королев. Я много встречался с этим интересным и страстным человеком. Вот уж кого нельзя причислить к непротивленцам злу! Королев умел проталкивать нужное, азартно отстаивал свои идеи. Это хорошо. Я, слушая его, восхищался. Кто первым проложил дорогу в космос? Путь к Луне? Королев! Надо было видеть его, когда он докладывал, чувствовать его горение, ощущать ясность его ума. Замечательный конструктор!

Я еще хотел бы назвать его товарища Глушко. Глушко сыграл очень большую роль в ракетостроении, он создал двигатель для ракеты Королева. Это не меньший вклад в дело ракетостроения, чем вклад С.Королева! Его двигатель, образно говоря, потряс весь мир. Не имея двигателя, мы не запустили бы и ракету. Преуменьшать роль людей, которые работают над двигателем, несправедливо. Я помню, один летчик сказал перед войной, кажется, знаменитый Лакеев: «С хорошим двигателем я могу и на гробу летать». Конечно, не надо подходить к сему упрощенно: что, дескать, с таким двигателем можно летать и на метле. Обе части должны

друг другу соответствовать. Потом Королев с Глушко разошлись, рассорились. Очень жаль.

Почему же они не сошлись навсегда? Их стали раздирать разногласия, им оказалось трудно вместе работать.

Я старался их помирить. Как-то пригласил обоих к себе на дачу с женами. Мне хотелось, чтобы они отдавали свою энергию на пользу стране, а не разменивались на мелочные споры. Но из этого ничего не вышло. Королев потом совсем порвал производственные связи с Глушко и выбрал Кузнецова, еще сравнительно молодого, но очень талантливого конструктора авиационных двигателей. Несмотря ни на что, именно Королев останется в памяти землян как человек, дерзнувший первым оторваться от Земли, первым направить человека в космос.

К сожалению, не удалось послать советского человека на Луну, но послали туда научные приборы советского производства. Все это сделал Королев. Он крупный ученый и очень интересный человек. В этом недюжинном человеке и специалисте сочетались глубокое знание предмета, прекрасные организаторские способности, неограниченная воля и пробивная сила. С ее помощью он успешно продвигал дело вперед. Из жизни его вырвала нелепая смерть. Я знал, что он лег в больницу, и знал, что готовится к операции. Слышал от врачей, что операция несложна. Хирурги уже вымыли руки, считая, что все закончилось благополучно, как вдруг в результате шока Королева не стало. А он был в расцвете творческих сил и сколько мог бы еще сделать для человечества!

Вернусь в тот памятный 1957 год. Наши ракеты привели США в трепет. Теперь СССР стал способен перебросить через океан ядерную бомбу ракетой, в то время неуязвимой. Да и сейчас, я считаю, что она почти неуязвима, хотя теоретически можно сбивать ракеты, наука позволяет это делать. В свое время я выступал и говорил, что мы создали противоракетную ракету, которая может в муху попасть. Но, это больше красивая фраза. Я ею воспользовался в ходе полемики, чтобы отрезвить наших противников и продемонстрировать, что мы вооружены ракетами: и как средствами нападения, и как средствами защиты. Теоретически перехват ракет возможен. Происходит ведь в космосе стыковка ракет, следовательно, и ракета ракету может поразить, если поставить заряд. Но это трудная задача, а в те годы еще не имелось ракет дальнего действия, и о средствах их истребления пока не думали.

У правительства СССР запуск ракеты Сергея Павловича Королева вызвал вздох облегчения. Правда, сразу проблема обороны нашей страны не была решена. У нас имелось слишком мало ра-

кет, и они были чересчур дорогими. Мы изготавливали их лабораторным способом, в мастерских. Серийное производство не было налажено. Кроме того, подготовка ракеты к пуску в боевых условиях требовала много времени. Поэтому «семерка» и не стала в дальнейшем боевой ракетой. Ее запуск осложнялся тем, что перед стартом требовалось установить устройство, которое направило бы ее на цель. А, чтобы обеспечить точность попадания, требовались две стационарные радиоустановки наведения на расстоянии в 500 километров от стартовой позиции.

«Семерка» запускалась после заправки и соответствующей подготовки со столообразного наземного старта. Я поставил задачу перед Сергеем Павловичем: «Если наступит кризисный момент, когда нам придется использовать ракеты, то противник не оставит нам времени на подготовку. Нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы ракета заранее находилась в подготовленном состоянии?» «Нет, пока мы это сделать не можем», — ответил он. Секрет заключался и в том, на каком горючем действуют ракеты. Мы запускали их на керосине и кислороде, американцы — боевые ракеты на порохе, а космические — на водороде и кислороде. К водороду специалисты относятся по-разному, но у него теплотворная способность выше и поэтому, казалось бы, он лучше. Однако у нас техника еще не была подготовлена к выработке водорода нужных кондиций.

Свою мысль о необходимости держать ракеты в готовности я высказал и другим лицам. Они дошли через Устинова до другого ракетного конструктора, Янгеля¹². Янгель тогда еще не находился на «большой высоте». Спустя какое-то время Устинов доложил, что Янгель берется сделать ракету моментального действия на кислоте, и ракета будет стоять на боевом взводе.

Я ухватился за это предложение. Это как раз то, без чего мы не сможем обеспечить оборону страны! Правда, кислота разъедает баки, и ракета долго не простоит заполненной. На заправку нужно время, а его нам противник мог и не дать. «Мы пойдем на расходы по замене баков, — сказал я. — Сколько времени простоит ракета, пока кислота не разъест металл? Станем выбрасывать баки и ставить новые, это все равно оправдывает себя». Когда Янгель сообщил о том, как он считает возможным решить задачу постановки ракеты на боевой взвод, Королев вскоре узнал об этом. Он считал себя ведущим в ракетостроении. И вдруг за решение проблемы, от которой он отказался, берется еще не признанный конструктор? Королев встретился со мной: «Прошу отдать эту ракету мне, — сказал он, — я сделаю ее на кислоте, и она будет стоять на боевом взводе даже без дополнительных направля-

ющих радиоустройств, которые выносятся за 500 километров от ракеты». «Очень хорошо, делайте, — ответил я, — но только кислородную, то есть вашу же улучшенную ракету. А передать Вам ракету на кислоте, которую предложил Янгель, ему будет в обиду. Вы отказались. Янгель взялся за дело, а теперь Вы хотите все забрать в свои руки. Это невозможно. Ведь идея родилась в его бюро, пусть он и решает свою проблему. Начнется соревнование: Вы станете готовить на кислороде ракету моментального действия, а он — на кислоте». Королев был человеком волевым, по выражению его лица было видно, что мои слова ему очень не понравились. Но он умный человек, понимал, что я говорю правильно, и согласился. Так начала решаться проблема создания боевых ракет дальнего действия, межконтинентальных. Но пока что имелись ракеты только у Королева, а у Янгеля — одни идеи.

Тем временем сдвинулись дела у Лавочкина. Он доложил, что его сложная ракета «Буря» готова к испытаниям. Потом мы узнали, что подобным же путем шли и США. Очевидно, общая мысль выработалась из научных данных, которыми пользовались все конструкторы и ученые. Не думаю, что тут был результат шпионажа. Начались испытания. Я сейчас точно не помню, прошли ли испытания первой ракеты успешно или, как часто бывает, первый блин получился комом, ракета взорвалась. Главное, Лавочкин нас тоже подбодрил своим сообщением. К сожалению, ракета Лавочкина уступала по боевым качествам королевской. Затем предложил соответствующие услуги и Мясищев. Его крылатая ракета называлась «Буран». Правда, он выступил со своим предложением, когда мы уже поверили в ракету Королева и считали именно ее нашим будущим оружием межконтинентального действия. Тем самым отказывались от создания дальних бомбардировщиков М-3 и предложили закрыть работу над ними, остановившись на том их количестве, которое уже имелось. Эти несколько штук участвовали в нашем воздушном параде. На Западе их окрестили «Бизон». Увы, нас «Бизон» не удовлетворял.

Почему появилось так много разных проектов межконтинентальных ракет? Мы решили одновременно тремя или четырьмя конструкторскими бюро решать проблему создания межконтинентальной ракеты: у одного не удастся, так у другого получится, а мы возьмем возможность выбора наиболее удачного решения, чтобы затем организовать производство межконтинентальных ракет.

Королев, решив проблему создания ракет, правда, пока только для освоения космоса, дал нам возможность выступать на международной арене, демонстрируя, что мы в принципе имеем сред-

ства доставки ядерного заряда, и теперь территория Соединенных Штатов Америки уязвима для наших ракетных сил. Стало, как говорится, легче на душе.

Конструкторские бюро — очень прожорливы, потребляют огромное количество народных средств. Иной эксперимент стоит миллиарды. Мы обдумали вопрос и решили поискать возможность сокращения расходов на параллельные работы без ущерба для обороны. Мы закрыли лавочкинскую разработку ракеты, решили закрыть, точнее, не начинать, и разработку «Бурана», закрыли и другие работы, находившиеся на начальной стадии, но одновременно поддержали Янгеля.

Мясищев сильно переживал. У него получилась неудача с дальним бомбардировщиком, а теперь ему закрывают ракету. Возможно, он изготовил бы ее, но нам не было смысла тратить время и средства, когда мы уже получили ракету Королева, и вскоре ожидали ракету Янгеля.

Увы, мы теряли порой не только средства, а и гораздо более дорогое достояние: скончался безвременно Лавочкин, гениальный конструктор, чьи заслуги перед Родиной еще не обрели в литературе полного освещения.

Тем временем продолжали трудиться конструкторские бюро Королева и Янгеля. Первое занималось проблемами освоения космоса, хотя попутно там изготовили ракеты с ускоренным способом приведения их в боевое состояние. Вопросы обороны и вооружения нашей армии ракетным оружием легли в основном на плечи Янгеля. Этот одаренный человек создал прекрасные ракеты мгновенного действия и различного назначения. Первая из них летела на 2 тысячи километров. Мы их называли стратегическими ракетами ближнего действия. Потом появились ракеты с радиусом действия в четыре тысячи километров, тоже стратегические, но средней дальности. Наконец, сконструировали межконтинентальные, которые могли переносить ядерные заряды в любую точку земного шара.

Это сразу превратило нас в ракетно-ядерную державу. Мы почувствовали, что готовы к ответному удару по любому агрессору. Мы стали политически обыгрывать тот факт, что первыми создали такие ракеты и запустили в космос спутники, стараясь оказывать давление на иностранных милитаристов. Удачно у нас шло это дело.

В ракеты вложил много сил и знаний наш замечательный маршал, умница Неделин¹³, безвременно погибший. Опытный артиллерист, он работал над ракетным и ядерным оружием от самой зак-

ладки идеи и из числа артиллеристов лучше всех знал новое вооружение. Некоторые военные, честные люди и хорошие коммунисты, относились к ракетам без энтузиазма. Когда мы бывали на испытаниях, они смотрели на запуски ракет, морщились и судачили между собой: «Какофония, а не музыка. Артиллерия — вот симфония. Когда ведет огонь ствольная артиллерия, приятно слушать. А тут — черт его знает что: пыль, гам, шум, а что толку?» Не все тогда верно оценивали новый вид оружия. На иных производили отрицательное впечатление несуразные мелочи. Когда запускали ракеты, поднималась масса пыли. Эти люди опасались, что тем самым обнаруживается место старта. Но при запуске из шахты никакой пыли нет, потому что все в бетоне и в металле. Во-вторых, пыль второстепенна. Пушка по выстрелу дает возможность засечь себя на поле боя. А для баллистической ракеты это не имеет особого значения, она запускается на тысячи километров.

Конечно, сейчас летают над Землей спутники, они все фотографируют и засекают любое проявление человеческой деятельности. Техника позволяет наблюдать за всей территорией врага. Ну, и что же? Ракеты-то уже вылетят.

Мне показывали наши фотоснимки самолетов с орбиты спутников: по ним можно узнать даже марку, настолько четко, ярко вырисовываются и аэродромы, и расположение на них самолетов. И американцы фотографировали. Я видел их фотографии. Они более четкие, чем наши.

Во время испытаний межконтинентальной ракеты Янгеля произошел несчастный случай, вследствие которого погибли несколько десятков человек. Чуть-чуть не погиб сам Янгель. Потеряли мы и маршала Неделина. При испытании новой ракеты из-за неправильного порядка соединения элементов произошел несвоевременный запуск двигателя, когда ракета еще была «облеплена» людьми. Неподалеку сидел, ожидая окончания работы, Неделин. Ракета приподнялась, затем упала, кислота разлилась и сожгла всех, находившихся рядом. Янгель спасся чудом, отойдя покурить в специально отведенное для этого место.

В западных газетах стали писать о том, что мы скрываем катастрофические случаи, которые происходят у нас при испытаниях ракет. Но при мне никаких других катастроф не было. Конечно, некоторые ракеты падали, взрывались, но обходилось без жертв, мы несли только материальные утраты и потерю времени. Не имели мы жертв и среди космонавтов, которые начали летать в космос.

Нашу страну признали теперь и как космическую, и как ракетно-ядерную державу. Особенное признание СССР получил после

запуска в космос Гагарина в 1961 году. Его полет свидетельствовал о том, что мы запускаем не только спутники. Ведь после запуска нами первого искусственного спутника Земли один неумный американский генерал заявил, когда его спросили, как он расценивает запуск спутника: «Ну, что тут особенного? Забросили в космос кусок железа». Генерал сам себя выставил на посмешище, показав, что либо он нарочито принижает наше достижение, либо действительно не понял, какое оно имеет значение для последующего освоения космоса. Открывшаяся в 1961 г. космическая эра навсегда отбила охоту у западных критиков недооценивать выдающиеся достижения советских людей в этой сфере.

Когда конструкторское бюро Янгеля включилось в создание стратегических ракет ближнего, среднего и дальнего радиусов действия, мы стали переводить промышленность на конвейерное их производство. В пропагандистских целях я даже рекламировал на весь мир советское достижение, что мы сейчас делаем ракеты чуть ли не автоматами, как сосиски. Это лишь приблизительно так, потому что мы сумели организовать все же не конвейер, а поточную сборку. Конечно, не такую поточную линию, как при сборке тракторов, где непрерывная лента разносила детали, а сборщики лишь подвешивали их, и трактора выходили из цеха готовыми каждые несколько минут.

Я очень много внимания, времени и энергии уделял совершенствованию Вооруженных Сил. Конечно, как организатор, а не как специалист. Руководству важно своевременно прислушаться, услышать нужное, поддержать здоровую мысль и правильно нацелить людей.

В качестве примера приведу такой случай. Боевые ракеты сначала стояли на земле, как свечи, ожидая момента, когда придет им время действовать. Но противник мог нанести удар первым. Один заряд, попавший в район расположения ракетных войск (а ракеты располагались группами), мог взрывной волной всех завалить, вывести из строя и лишить нас возможности ответного удара. Я реально представлял себе условия запуска. Еще при Сталине не раз видел снимки результатов испытаний атомного оружия и все ужасы, которые они приносят. Конечно, поражали животных — собак, овец, которых располагали в траншеях на различных расстояниях от места взрыва. Страшная картина! Больно было потом смотреть на этих животных. Я уже не говорю о материальных разрушениях. Там ставили и танки, и самолеты, и различные сооружения, проверяя, на какой дистанции действует взрыв.

Как рабочий шахт и участник строительства метро я конкретно

знал горные работы. У меня зародилась мысль поставить ракету в шахту. Если мы прокопаем колодцы, потом эти шахтные стволы забетонируем, оборудуем и поставим ракеты, то они находились бы в закрытых помещениях с крышкой. Это улучшает хранение их при любой погоде. Если на такой район нападёт противник, то для разрушения ракеты потребуется только прямое попадание, что маловероятно.

Я попросил конструкторов подумать над данной схемой. Потом они мне доложили, что такое невозможно. Я удивился. Мне-то казалось, что идея не только реализуема, но и должна их заинтересовать. Я не был до конца уверен, что они решили правильно.

Когда Янгель заявил, что может создать ракету, в которой окислителем будет не кислород, а кислота, я отдыхал на юге. Мы встретились с ним на берегу Чёрного моря во время его и моего отпуска. Он мне в свободной обстановке детально докладывал, развивал идеи, как он думает создать ракету. Там я ему и высказал свои соображения: «Товарищ Янгель, специалисты считают установку ракеты в шахту нереализуемой. Но я попрошу Вас, как конструктора, подумать. Пусть специалисты Вашего конструкторского бюро ответят, можно ли в шахту поставить металлическую гильзу определенного диаметра и с зазором, чтобы в эту гильзу поместить ракету. Между гильзой и стенкой останется зазор, чтобы газ после запуска ракеты, ударившись в дно шахты, вышел через зазор и, обтекая гильзу, вытек наружу». «Смотрите, — показывал я, взяв два стакана разного диаметра. — Мы закладываем один в другой с расчетным зазором, который требуется для того, чтобы газы не разрушали ракету и имели выход наружу, обтекая гильзу». Янгель тут же сказал: «Не понимаю, почему мои коллеги отказались от этой мысли. Она мне нравится».

Правда, тут была не его область техники. Данное направление возглавлял Бармин¹⁴. Он доныне продолжает свою полезную деятельность. Но тогда Бармин отказался от моей идеи. Однажды мой сын Сергей, инженер, имевший отношение к ракетам и по роду работы бывавший на их испытаниях, услышал от меня о моей идее. Мы с ним часто обсуждали этот вопрос. Следя за американской литературой, он рассказывал мне, что в одном из журналов США описано устройство шахт для запуска баллистических ракет. Я обрадовался такому совпадению мыслей, но и огорчился. Мы зря потеряли много времени. Я внес верное предложение, а специалисты его не уловили. Тут я вызвал, кого следует, и сказал: «Вот что получается. Мне сказали, что реализовать мою идею невозможно. Между тем американцы уже встали на этот

путь и будут строить шахты». И потребовал немедленно начать разработку вопроса.

А горнякам предложил изготовить подходящий бур для высверливания в грунте шахтных стволов. Они толково потрудились. О применении подобных буровых машин в районе Мушкетово мне докладывал прежде Засядько¹⁵. Я сослался на его доклад: «Возьмите такие машины, приспособьте их для бурения стволов нужного диаметра и глубины». Когда я работал на 21-й шахте в Донбассе, то там глубина шахтного ствола достигала 250 саженей. Так что я конкретно представлял себе предмет разговора. Инженеры признали, наконец, мою правоту. К сожалению, признали лишь на американском опыте. Уже после моей отставки на строительстве шахт работали сверлами, высверливая ствол, а потом опуская крепление. Меня радовало, что мы сможем расположить в большей безопасности ракетно-ядерные средства вооружения, находящиеся на боевом взводе и в любой момент готовые к действию. Даже после нападения на нас какое-то их количество сохранится, и мы окажемся способными на ответный удар.

Потом на нашем ракетном горизонте появился новый человек. Ко мне попросился на прием неизвестный мне конструктор Челомей¹⁶, молодой еще человек. Он показал мне модель ракеты, которую принес в кармане, и сообщил, что может сделать крылатую ракету на керосиновом двигателе ближнего действия, похожую на немецкую ФАУ-1. Только устроена она была иначе. Складывая крылышки, она входила в трубу, заряжалась, потом запускался двигатель, а когда она вылетала, крылья расправлялись. Мы нуждались в такой ракете для борьбы с самолетами и для береговой охраны. Она была задумана оригинально и получилась мобильной, хорошо скомпонованной, с умно продуманным запуском из контейнера. Ракета выстреливалась, как из пушки. Многие видели потом на военных парадах, как везли по Красной площади мимо Кремля огромные трубы. Это как раз и были ракеты Челомея. Ныне они уже не секрет, взамен созданы ракеты нового поколения.

Я считаю необходимым рассказать об этом, потому что Челомей сыграл, да и сейчас играет, важную роль в вопросах вооружения нашей страны ракетами. Я сказал Челомею, что мне нравится его идея, мы обсудим ее в руководстве, а потом сообщу о принятом решении. Я его спросил: кто его знает в среде политического руководства? Он сослался на то, что его принимал Булганин. (Челомей обращался к Булганину, еще как к министру обороны). Я Булганину рассказал, что известный ему инженер-конструктор Челомей внес интересное предложение о ракетах, которое не кон-

курирует с идеями Янгеля и Королева, и очень полезно для вооружения наших войск. Однако Булганин отреагировал отрицательно: «Да, я его знаю», — и дальше выразился весьма грубо в адрес Челомея как ненадежного человека, который умеет только болтать, а мне посоветовал: «Гони его в шею! Его Сталин прогнал. Он и раньше со своими идеями носился. Ему дали возможность проявить себя, но он ничего не сделал». Меня это покорило. «Николай Александрович, твоя ссылка на то, что еще Сталин прогнал Челомея, ни о чем не говорит, — возразил я. — Авторитет Сталина в вопросах техники невелик. Давай мы его послушаем, поставим вопрос на заседании Президиума ЦК, пусть он доложит нам. Ты строишь свое отношение к нему только со слов Сталина, а он показывал мне свою модель, то есть идею, уже конструктивно оформленную. Модель действует, и он близок к тому, чтобы изготовить натуральную ракету».

Так мы и поступили. Пригласили Челомея на очередное заседание Президиума ЦК КПСС, он опять показал свою модель. Многие члены Президиума плохо знали проблемы вооружения, поэтому никто не выразил восторга, но и не прозвучало возражений. Я его поддержал, а это немало значило, так как по распределению обязанностей в Президиуме ЦК за мной были записаны проблемы оборонной техники. Я предложил дать Челомею мастерскую, рабочих, инженеров, техников, вернуть ему библиотеку, о которой он просил на заседании: «У меня была техническая библиотека в конструкторском бюро. Когда меня рассказывали и лишили материальной базы, то библиотеку отдали Артему Ивановичу Микояну». Библиотеку возвратили, а мастерскую сначала дали небогатую. Но он и ей был рад. Потом Челомей стал интенсивно работать и «обрастать» людьми и техникой. Изготовил обещанную ракету. Его расчеты оправдались. Мы получили еще одно конструкторское бюро, которое трудилось на вооружение армии.

Создание ракетного оружия приобретало бурный характер. Королев, Янгель, Челомей... Все они работали над ракетами дальнего действия, большой грузоподъемности и крупных зарядов. Создавалось несколько марок таких ракет. Другие талантливые конструкторы разрабатывали реактивное оружие для использования против танков, зенитные ракеты и ракеты ближнего действия. Челомей буквально засыпал нас новыми предложениями: глобальные ракеты, межконтинентальные ракеты, ракеты классов «корабль — земля» и «земля — корабль». Он сумел сделать ампулизированную межконтинентальную ракету УР-100 мгновенного действия. Ее мы приняли на вооружение взамен некоторых янгелевских.

На одном из совещаний Челомей, как коробейник, который вытаскивает из короба ситец, бусы, другие товары, развернул перед нами свои проекты. Помню, как ворчал тогда Королев: вот, мол, Челомей и то, Челомей и се, Челомей все берет в свои руки. Но ведь его предложения действительно оказались универсальными и к тому же наиболее выгодными и экономическими, и в смысле мобилизационной боеготовности. Потом он же предложил тяжелую ракету УР-500 «Протон», которая поднимала в космос груз больше, чем ракета Королева. Она еще и сейчас летает. Тут и Королев предложил создать новую ракету, сверхмощную Н-1. Теперь уже Челомей начал настаивать, что в его конструкции заложено больше реализма. Творческая конкуренция продолжалась.

Чем она закончилась, не знаю. Я теперь на пенсии, выращиваю морковь и патиссоны, а новости узнаю из газет. А это источник ненадежный. Из газет ничего не поймешь, на какой ракете идет запуск. Я не могу сейчас знать, кто господствует в мире создания ракет, чья идея, кто что делает. Но мне доныне приятно, когда думаю, что я правильно поступил, поддержав в свое время Челомея и дав ему возможность развернуться.

Расскажу и о следующем примере поиска обеспечения обороны СССР. Сталин в свое время принял решение о создании подземного завода для производства атомных бомб. Потом предложили переделать его в завод по сборке ракет, которых, собственно говоря, пока не существовало, если не считать Р-5. Строительство велось в Сибири, под Красноярском. Наполовину завод был сооружен. Я попросил в Президиуме ЦК разрешения слетать в Сибирь, чтобы на месте познакомиться с ходом работ. Во время войны я был большим сторонником подземных заводов и, работая на Украине, написал соответствующую докладную Сталину, предложив предусмотреть в проектах новых угольных шахт там, где есть мощные пласты, побочно решать, вынимая уголь, задачу создания подземных заводов. Особенно на шахтах, подобных Светлице, заложенной в Подмосковном бассейне. В ней, как мне казалось, имелись идеальные условия для подземного завода. Да и в других местах, извлекая полезные ископаемые, можно закрепить выработки бетоном и превратить это место в военные мастерские.

Гитлер тоже использовал подземные заводы, причем довольно широко. Немецкий опыт учитывался и у нас. Приехав в Сибирь, я с местными руководителями осмотрел подземное сооружение, вырубленное в гранитной толще, прочное и хорошее. Но оно оказалось мало для современного производства. Да иначе и быть не могло: в граните вырезать целый завод! Но самое главное, я уви-

дел, что он не решит проблемы. Как мыслилось его использование? Производить во время войны ракеты? «Эта идея совершенно несостоятельна, — сказал я. — Если начнется ракетно-ядерная война, то она будет войной моментального действия. Зачем нам рассчитывать на длительное время, которое требуется для производства ракет? У нас будут разрушены все заводы, поставляющие комплектующие детали. Здесь-то предусмотрена только сборка. Нам нужны агрегаты, приборы, их тысячи. Транспорт выйдет из строя, и вы будете обречены. Можно проиграть будущую войну буквально за несколько дней. Даже если продолжать ее в виде партизанских действий, то завод все равно выйдет из строя.

Уже во вторую мировую войну «летающие крепости», созданные в Соединенных Штатах Америки, господствовали в небе над Германией, бомбили днем и ночью. Они, хотя и несли потери, но эти потери оправдывались. Они разрушали по своему выбору промышленные объекты. А ракета? Ракета даст еще больше возможностей: она без людей, нацеливается на цель. Соединенные Штаты богаты, они могут создать такое количество ракет, сколько необходимо, чтобы уничтожить своего противника в первые дни, а может быть, даже в первые часы.

Идея подземного завода несостоятельна: она работает на истощение средств, но не решает задачу. Мы ухлопаем зря деньги, однако не будем иметь уверенность, что обеспечили оборону страны. «А сколько может такой завод изготовить ракет за год?» Мне назвали цифру. Тут я продолжил. «Нам надо гораздо больше. Даже сотни ракет не решают задачи. Проблема становится неразрешимой. Придется искать другое решение».

Строительством этого завода занимался Ванников по линии Министерства среднего машиностроения. Так называлось министерство, которое занималось атомными бомбами.

Уже была затрачена половина отпущенных средств, примерно три миллиарда рублей из шести (в старых ценах). «Это брошенные на ветер деньги, — сказал я, — а как Вы считаете, товарищ Ванников?». Ванников был умным человеком. Он глянул на меня хитровато, и я уловил в его глазах улыбку. Он без возражений согласился. Я даже опешил: «Так зачем же...». «Мы, — говорит, — не лезли в это дело, то была идея Сталина». И тогда я предложил: «Давайте используем несколько заводов, которые делают истребители (а они стоят ближе всего по технологии к производству корпуса ракеты), и переведем их на изготовление ракет. Под изготовление приборов для них тоже выделим готовые заводы и сделаем это срочно, оборона не терпит отлага-

тельств, нельзя повторять наше ротозейство перед Великой Отечественной войной».

Обсудили вопрос в ЦК партии, никто не возражал. Поручили разработать конкретные предложения. Были определены под новое дело авиазаводы истребителей и бомбардировщиков, крупнейшие предприятия. Теперь изготовление ракет и их запуск все более совершенствовались. Крепла уверенность, что ракеты — единственно верный путь к надежной обороне СССР, конечно, вместе с водородными бомбами, которые накапливались.

Экспериментальные взрывы давали нам возможность с каждым новым взрывом удешевлять стоимость заряда, что в свою очередь позволяло из того же количества материала делать больше зарядов. Ученые добивались достижения большей силы взрыва. Мы сумели создать заряды разных мощностей: сначала до мегатонны, затем больше, две мегатонны, две с половиной. Чем дальше мы двигались вперед, тем больше наша промышленность и ученые обеспечивали накопление средств ведения войны.

К тому времени мы уже окончательно убедились, что главное оружие — ракетно-ядерное. В начале 60-х годов организационно оформилась новая расстановка сил; создали новый род войск — Ракетные стратегического назначения. Тогда ни одна другая страна не создала у себя таких вооруженных сил. Мы опередили США в данном отношении.

Сегодня 14 июня 1971 года: по старому стилю (люди моего возраста определяют времена года старым календарем). Начало лета. А по новому мы уже прожили тринадцать летних дней. Разменяли, как говорится, лето. Я всегда предпочитал весну и лето. Я не согласен с поэтами, воспевающими осень. Осень хороша, она вкусна, обильный стол заполняют дары природы, которые человек получает в результате летнего труда. Но все-таки весна приятнее.

Вернусь к ракетам. Вслед за созданием Ракетных войск мы начали постановку на боевое дежурство стратегических ракет дальнего действия с ядерным зарядом. Это происходило на завершающем этапе моей политической и государственной деятельности. Мы твердо встали на путь предпочтения ракетно-ядерного оружия перед бомбардировщиками. Бомбардировщики тоже производились, но роль им теперь отводилась вспомогательная. Развивались и другие виды вооружений. При мне в течение шести лет изготавливали атомные заряды к зенитным ракетам и ракетам классов «воздух — корабль» и «воздух — земля». Но всем им предпочитали стратегическое оружие, поскольку тогда СССР имел мало ядерного материала для атомных и водородных боеголовок.

У американцев к той поре главным оружием считался дальний бомбардировщик как носитель ядерной бомбы. Они опасались только за базы вокруг СССР, где располагались их самолеты. Но это территория их союзников, а они, видимо, о союзниках беспокоились меньше, чем о собственной стране. Территория США оставалась неуязвимой. Создав ядерно-ракетное оружие, мы уравнились в возможностях. Еще не по количеству, но по одинаковым возможностям. Сделав упор на форсированное проектирование ракет, проводя успешные их испытания и развернув их производство на бывших авиационных заводах, мы теперь ни в чем не уступали США. К тому же сократили затраты на авиацию. Продолжали делать и истребители, и бомбардировщики, но приоритет перешел к ракетам. Они теперь выполняли функции бомбардировщиков.

Не имея прикрытия с воздуха, бомбардировщики в случае войны обрекались на гибель. Скажут: «А на бреющем полете?». Тоже уязвимы. Создавались зенитные средства, которые будут поражать цели на малой высоте. К тому же на бреющем полете далеко не улетишь, потому что велик расход горючего. Так что ракетосыцы предназначены в основном для охраны своих границ.

Возможно, завтра наука найдет способ создания неуязвимых бомбардировщиков дальнего действия. Я же говорю с точки зрения сегодняшних технических возможностей. Жизнь внесет свои коррективы. Пока же мы решили дальше не развивать бомбардировочную авиацию. После того как у нас появились зенитные ракеты, подсократили и истребители. Такая судьба постигла и зенитную артиллерию. Правда, оказалось, что мы несколько переоценили зенитные ракеты. Так же, в некоторой степени, как и американцы. Оказалось, что на низких высотах истребительно-бомбардировочная фронтовая авиация может прорваться через ракетные заслоны. Война во Вьетнаме и войны между Израилем и Египтом подтвердили это. Пока техника зенитных ракетных средств оказалась недостаточно совершенной. На низких высотах и при больших скоростях локаторы поздно обнаруживают цель, остается слишком мало времени для приведения в действие зенитных ракетных средств, а после старта ракета не успевает развернуться. Пока решают эту проблему, и мы, и американцы возвращаемся к зенитным скорострельным пушкам. В мое время, когда я работал, считалось, что зенитная артиллерия отжила свой век. Теперь же оказалось, что она пока единственное средство против самолетов противника, летающих на бреющем полете.

Так что жизнь вносит поправки. Потом поправки к поправкам. Но самонаводящееся ракетное вооружение все-таки в принципе

более действенно, чем зенитная артиллерия. В будущем появятся ракетные средства, которые смогут стрелять по самолетам на бреющем полете и на небольших высотах. Но наилучшее решение дела — достичь договоренности между всеми странами о разоружении и всего достигать путем переговоров. Пусть не станет войн! Вот извечная мечта людей. Это идеал, который живет в умах людей, но пока к нему мы не находим путей, нам не хватает взаимного доверия.

Пока существуют разные социально-политические системы государств и классовый антагонизм, идет бешеная гонка вооружения и растрачиваются лучшие силы наций, государств на создание средств взаимного истребления.

ПРОТИВОРАКЕТНАЯ ОБОРОНА

Только мы создали Ракетные войска во главе с Неделиным, как нас стал занимать вопрос противоракетной обороны. После гибели Неделина его заменил Москаленко¹⁷, которого затем сменил Крылов. Поскольку на вооружение противником принята ракета, автоматически возникает требование создания средств ее уничтожения — противоракетной ракеты. Это дорогое и сложное удовольствие. Но мы вынуждены были приступить к такой работе и организовали соответствующее конструкторское бюро во главе с Кисунко.

Очень хороший, талантливый конструктор, он нашел решение задачи. Его коллектив изготовил технику, направляемую против ракетных средств противника, а собственно противоракету сделал другой замечательный конструктор — Петр Дмитриевич Грушин¹⁸. Это его ракета сбила американский воздушный разведчик У-2.

Подбадривая своих и пугая противника, я тогда публично говорил, что мы способны поразить муху в космосе, имея противоракетное оружие. Я, конечно, несколько преувеличил, но мы действительно добились возможности поражения ракетных атомных зарядов. Мне об этом при встрече подробно рассказал Кисунко¹⁹. Однако дело оказалось очень сложным. Уничтожение абсолютно всех запущенных боеголовок, особенно, если их одновременно появится много, пока невозможно. Имелись и иные вари-

анты решения, их мы тоже финансировали, даже приняли решение о создании особых противоракетных сил.

Работал над этой проблемой среди других и Челомей. Мне нравился этот конструктор. Я и сейчас не раскаиваюсь, что поддерживал его. Он оправдал надежды, которые на него возлагались. Но создать противоракетные средства, которые бы давали возможность нам спать спокойно, и ему не удалось. Мы таких средств в мою бытность не получили.

Достижение договоренности с ракетно-ядерными державами о прекращении работ по противоракетной технике диктовалось стремлением не подвергать страну угрозе новой военной катастрофы и одновременно не истощать материальные ресурсы. Даже при любых затратах абсолютной защищенности, как я думаю, никогда не удастся добиться. Мне рассказывали ученые о перспективных работах с космическими лучами и с лазерами. Не знаю, в каком состоянии находится это дело в данное время, но полагаю, что самое благоразумное — договориться всем странам о прекращении всяких работ над противоракетным вооружением. В середине 60-х годов президент США Джонсон воздерживался от крайностей, и средства на такие работы там не отпускались. Когда в Белый дом пришел Никсон, он объявил, что приступит к созданию противоракетной системы. Это подхлестнуло Советский Союз. Развернулся очередной этап гонки вооружений, бессмысленных затрат человеческих усилий, истощающих экономику и отягощающих бюджет.

О ТАНКАХ И ПУШКАХ

Хочу рассказать об обычном, как называют его, классическом вооружении. Это в первую очередь танки и противотанковое оружие. После ракет, после подводного флота главная наша сила как сухопутной державы — это наши пехота, артиллерия, бронированные танковые части.

Что можно сказать о танковых войсках? О броне? О вооружении? Я бы сказал, что здесь мы за последние годы ничего особенного, нового не внесли, за исключением того, что появилась новая технология выплавки стали, что позволило создать танки с

лучшей броней и лучшими ходовыми качествами. На танковом полигоне в Кубинке в сентябре 1964 года перед самой отставкой я наблюдал стрельбы из пушек и ракетами по танкам. Трудно представить, как могут танки выжить в современной войне. Настолько меткий огонь, я уж не говорю о бронебойных способностях противотанковых управляемых ракет. С первого выстрела она поражает цель, разрушает броню.

В этой связи во мне происходила внутренняя борьба: что делать? Развивать дальше танковые части, когда их противотанковыми снарядами колют, как орехи? Но и отказаться от них означает надеяться только на собственную материнскую броню — шкуру солдата. Сейчас я не смогу определить свою позицию, а в свое время, когда от меня зависело многое, я высказывался за развитие танковых войск. Артиллерию мы почти всю заменили ракетами, в том числе и орудия ближнего боя, сопровождающие войска. Такое направление сохраняется и сейчас, за исключением способов поражения воздушных целей. Там вернулись к скорострельной зенитной артиллерии. Я упоминал об этом. Может, это и правильно. Пока не найдено иное решение, не надо упорствовать, а следует вернуться к старым средствам противодействия, хотя они тоже очень ненадежны, но все-таки дают какие-то надежды на поражение самолетов при бреющем полете.

Еще эпизод, связанный с подражанием наших артиллеристов американцам.

Американцы тогда носились с пушками, стреляющими атомными зарядами, как дурень со ступой. Наши военные добились от правительства заказа на идентичные миномет и пушку, доказывая, что получается прицельный огонь для поражения пехоты противника.

У меня возникли сомнения. Это очень тяжелая пушка, ее транспортировать трудно. Неимоверно сложным оказался в техническом отношении снаряд с атомным зарядом. Потребовался большой расход атомного горючего. Ученые говорили, что меньший атомный заряд в меньшем объеме требует, наоборот, большего количества ядерного горючего для получения заданной мощности взрыва. Из заряда для пушки можно было бы сделать в принципе в несколько раз более мощный заряд. Тем не менее, такие пушки у нас спроектировали и изготовили. Мы показали атомные пушки во время парада на Красной площади. На публику они произвели впечатление своими размерами. Специалистов эта пушка не восхищала, а раздражала: ее трудно маскировать, она стреляет на сравнительно близкое расстояние и не оправды-

вает своего назначения. Стрельбы и практика их использования показали их непригодность. На их дальность легче сделать ракеты. Они менее прицельны, хотя для атомного заряда прицельность не очень-то и требуется.

Я решил посоветоваться с Ванниковым, который имел огромный опыт производства артиллерии и стрелкового вооружения, а за последние годы накопил знания и в сфере атомной энергии. В конце концов сами артиллеристы признали, что данное оружие не оправдывает затрат на него. И мы прекратили его производство, хотя отдельные артиллеристы продолжали печально вздыхать. Но не из-за атомных пушек, а вообще скорбели об артиллерии, которая постепенно заменялась ракетами. Зато в ракетостроении наметился резкий поворот в связи с созданием нового вида оружия: ракеты межконтинентальные и иных назначений, как стратегические, так и фронтовые с большим ассортиментом зарядов разной мощности.

И здесь не обошлось без инцидентов. Маршал Гречко настойчиво требовал войсковых ракет с малым атомным зарядом. Я понимал, что будет хорошо, если войска приобретут больше уверенности, когда в наступающей дивизии появятся такие ракеты. Но нельзя же требовать ядерного заряда для батальона. У нас не хватит атомного горючего, тактические ракеты и артиллерия с малым ядерным зарядом казалась нам тогда не по карману. К тому же мы не хотели распыляться и стремились угрожать противнику не в чистом поле, а основе его существования: городам, промышленности, его территории в целом. На этом и остановились. Конечно, военные люди всегда высказываются за перевооружение. Но и тут возникали проблемы.

Вспомнился мне хороший человек, которого я очень уважал и высоко ценил за его заслуги в войне, артиллерист, Главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов. Он умер не так давно. Варенцов сыграл большую роль в разгроме гитлеровских войск, командуя артиллерией на Воронежском, потом на Первом Украинском фронтах. Он артиллерист, хорошо знавший свое дело, привык к пушке и болезненно переживал переход к ракетному оружию. Это ему принадлежит знаменитая фраза: «Голоса пушек — симфония, голоса ракет — какофония». Он же говорил: «когда пушки стреляют, сохраняется маскировка, они не обнаруживают себя ничем, кроме звука выстрела, не поднимается облако пыли». Это устаревший взгляд. Не один артиллерист Варенцов был носителем этого взгляда, другие тоже придерживались примерно такого мнения. Приходилось все это преодолевать. Новое рядом со старым не уживалось и ужиться в будущем не может. Одно должно сменять другое.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОРТА: КОЛЕСА ИЛИ ГУСЕНИЦЫ?

Возникали вопросы и в создании транспорта для ракет, в первую очередь тактических. Они по весу довольно тяжелы. Военные долго спорили, какой необходим для ракет транспорт: гусеничный или колесный? Это не праздный вопрос, в нем объединяются стоимость, дальность хода, срок службы, скорость передвижения. Ученые и конструкторы дали правильное решение, создав необходимые колесные средства. Тут же заговорили о транспорте для пехоты. Требовались не только грузовики, а транспорт, имевший броневое прикрытие. Броня защищает, однако она же и утяжеляет транспорт, зато создает лучшие моральные и физические условия для бойцов. О ее необходимости не спорили, дискутировали опять по поводу гусениц либо колес. Остановились на многоосевом колесном транспорте высокой проходимости. Затем встал вопрос о массовом воздушном транспорте большой грузоподъемности. Дело упиралось в строительство вертолетов. Оно решалось конструктором Милем²⁰, ныне покойным, который создал семейство вертолетов отменной прочности, надежности и грузоподъемности. В беседах с ним я нацеливал его конструкторское бюро на создание вертолетов и в мирных целях, особенно для прокладки газопроводных и нефтепроводных магистралей, когда приходится преодолевать горы, болота, другие труднопроходимые места. Те же винтовые машины предназначались для транспортировки боеприпасов, вооружений и средств обеспечения самих войск.

В данной сфере, кроме Милия, работал у нас еще и Камов²¹, старый испытанный конструктор, который трудился над транспортом для сельского хозяйства и создал ряд вертолетов специального назначения. Когда я был в гостях у президента США Эйзенхауэра и летел с ним из Вашингтона в Кэмп-Дэвид, то попросил его посодействовать нам в закупке двух вертолетов для советского правительства. Я сомневался, что фирма нам их продаст, хотел, чтобы он оказал давление. Он пообещал. Потом повели переговоры и с трудом купили два вертолета. У нас уже были вертолеты такого типа, но мне хотелось, чтобы их посмотрели наши ученые, конструкторы; оценили и позаимствовали лучшее от техники Соединенных Штатов Америки. У них вертолеты были хорошие. Я не раз летал на вертолетах отечественного производства. Однако охрана не рекомендовала мне широко пользоваться этим видом транспорта, поскольку у нас порой случались катастрофы. Не стану сравнивать вертолеты в чисто техническом отношении. Однако, продавая свои Индии, мы устроили там испытания верто-

летов разных советских, американских и прочих марок. Наши заняли первое место, после чего Индия стала приобретать именно их. Потом в Крыму и на Кавказе организовали трассу по переброске пассажиров на курорты этими летающими автобусами. В годы моего руководства не произошло ни одной катастрофы вертолетов с гражданскими пассажирами в СССР. И летчики, и техническое обслуживание находились на хорошем уровне.

¹ ЧЕРВЕНКОВ В. — был председателем Совета Министров Народной Республики Болгарии в 1950 — 1956 гг.

² По данным 1959 г., в АзССР проживало около 3 млн. азербайджанцев, в Иране — около 4 млн.

³ ВАННИКОВ Б.Л. (1897 — 1962), генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы, трижды Герой Социалистического Труда, в 1939 — 1941 гг. нарком оборонной промышленности СССР, в 1942 — 1946 гг. нарком боеприпасов СССР, а в 1953 — 1958 гг. заместитель министра среднего машиностроения СССР, отвечал в описываемое время (1946 — 1953), сохраняя ранг министра, за состояние оборонной техники в связи с атомной энергетикой.

⁴ БУЛГАНИН Н.А. был министром Вооруженных Сил СССР в 1947 — 1949 гг., а Маршалом Советского Союза стал в 1947 году.

⁵ ПАНТЕЛЕЕВ Ю.А. — адмирал, командовал Тихоокеанским флотом. КУЗНЕЦОВ Н.Г. являлся в 1951 — 1953 гг. военно-морским министром, затем до 1956 г. в качестве первого заместителя министра обороны СССР был главным командующим Военно-Морскими Силами.

⁶ Имеется в виду японская атака с воздуха американского флота 7 декабря 1941 г. в военно-морской базе Перл-Харбор на Гавайских островах.

⁷ КУЗНЕЦОВ Н.Г. — адмирал флота Советского Союза с 1955 г., был в 1956 г. понижен в звании до вице-адмирала. Прежнее звание ему восстановили посмертно в 1988 году.

⁸ АЛЕКСАНДРОВ А.П. (1903 — 1994) — академик, директор Института атомной энергии, руководитель исследований по атомной науке и технике, один из основателей советской ядерной энергетики, разработал противоминную защиту кораблей, в 1975 — 1986 гг. — президент АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда.

⁹ МУСИЩЕВ В.М. (1902 — 1978) — генерал-майор-инженер с 1944 г., доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, конструктор бомбардировщиков и транспортных самолетов 201-М, 103-М и др.

¹⁰ ЛАВОЧКИН С.А. (1900 — 1960) — член-корреспондент АН СССР, генерал-майор инженерно-авиационной службы с 1944 г., дважды Герой Социалистического Труда, создатель истребителей ЛаГГ-3, Ла-5, Ла-7, реактивных Ла-15, Ла-176 и др.

¹¹ УСТИНОВ Д.Ф. в ту пору (1953 — 1957) был министром оборонной промышленности СССР.

¹² ЯНГЕЛЬ М.К. (1911 — 1971) — академик с 1966 г., дважды Герой Социалистического Труда, создатель ракет различного назначения.

¹³ НЕДЕЛИН М.И. (1902 — 1960) — с 1959 г. Главный маршал артиллерии и Главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения.

¹⁴ БАРМИН В.П. (род. в 1909 г.) — академик с 1966 г., Герой Социалистического Труда, создатель стартовых комплексов ракет.

¹⁵ Мушкетова гора — на Витимском плоскогорье в Бурятии. ЗАСЯДЬКО А.Ф. был в то время заместителем председателя Совета Министров СССР.

¹⁶ ЧЕЛОМЕЙ В.Н. (1914 — 1984) — академик с 1962 г., дважды Герой Социалистического Труда, автор баллистической ракеты-носителя, искусственных спутников Земли «Протон» и «Полет», орбитальных станций «Салют».

¹⁷ Маршал Советского Союза МОСКАЛЕНКО К.С. был Главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения в 1960 — 1962 гг.

¹⁸ Комплекс «75» конструкции ГРУШИНА П.Д.

¹⁹ КИСУНЬКО Г.В. (1918 — 1998) — член-корреспондент АН СССР с 1958 г., Герой Социалистического Труда, автор работ по механике и радиоэлектронике, конструктор.

²⁰ МИЛЬ М.Л. (1909 — 1970) — доктор технических наук. Герой Социалистического Труда, создатель гражданских и военных вертолетов МИ-1, МИ-4, МИ-6, МИ-10К, В-12, на которых было установлено свыше 60 мировых авиарекордов.

²¹ КАМОВ Н.И. (1902 — 1973) — доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, создатель аэросаней, первого советского автожира «Красный инженер», боевого автожира А-7, скоростных вертолетов КА-8, КА-10, КА-15, КА-18, двухтурбинного КА-25, двухдвигательного КА-26, винтокрыла КА-22.

УЧЕНЫЕ И ОБОРОННАЯ ТЕХНИКА

А.САХАРОВ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ*

Рассказав о некоторых аспектах военного строительства в сталинское и послесталинское время, я не исчерпал этой темы. Сейчас хочу продиктовать воспоминания о том, как Сахаров¹ создал водородную бомбу. Талантливый человек, еще очень молодой по возрасту для такого большого дела, он весьма рано проявил свои способности и глубину мышления. Тогда идея водородной бомбы была новой. Таких бомб не имели ни американцы, ни англичане. А Сахаров сделал водородную бомбу².

Правительство СССР приняло все меры, чтобы оказать содействие работе Сахарова и подготовить промышленность к реализации его идеи, которую воплотили в жизнь советские инженеры, техники и рабочие в начале 50-х годов.

К тому времени мы уже начали работать над договором с США и их союзниками о прекращении гонки вооружений, предложили

* Воспоминания записывались в июне — июле 1971 года.

также прекратить испытания ядерного оружия, чтобы перестать заражать атмосферу, но не получили ответа. Тогда мы решили в одностороннем порядке объявить о прекращении испытаний ядерного оружия и призвали другие страны последовать нашему примеру, сделав полезное дело для всего человечества. Ведь атмосфера— это не национальное и не государственное богатство, а общечеловеческое.

Итак, мы прекратили испытания. Но американцы продолжали взрывать, совершенствуя и накапливая атомное и ядерное оружие. Тем временем наши ученые работали над совершенствованием зарядов и достигли больших результатов, добившись увеличения мощности взрыва при меньшем весе заряда. Без экспериментальных взрывов, не проверив заряды на практике, мы не могли переходить к новой конструкции боевого оружия. Отказавшись в одностороннем порядке от испытаний такого оружия, надеялись, что мировая общественность поддержит нас и окажет давление на свои правительства, которые проводили испытания и отравляли атмосферу. Но правительство США осталось глухим к общественному мнению.

Перед нами встал вопрос: продолжать ли стоять на позициях отказа от испытаний? Не обрета встречной поддержки, мы тем самым обрекали себя на отставание от стран, которые совершенствовали ядерное вооружение, и вынуждены были заявить: если наша идея не будет поддержана странами, которые занимаются созданием и накоплением ядерного оружия, и если они станут продолжать экспериментальные взрывы, то мы тоже вновь приступим к испытаниям.

Наши военные и ученые, работавшие в сфере обороны, оказывали на правительство нажим, говоря, что надо, чтобы двигаться вперед, провести испытания уже созданных конструкций атомных и водородных бомб. И мы объявили, что проведем такие испытания. Примерно за день до этого ко мне обратился академик Сахаров. Я с ним уже был знаком, и он на меня производил очень хорошее впечатление. Да и не только на меня. Как говорится, сверкал драгоценным камнем среди всех ученых. Сахаров обратился ко мне как к Председателю Совета Министров СССР с просьбой отказаться от испытания водородной бомбы: «Я, зная, какой тяжкий вред человечеству причиняют такие испытания, не могу согласиться с их продолжением. На основе именно моих научных изысканий создали термоядерную бомбу, но я как ученый теперь выступаю против ее испытания». Он долго меня уговаривал. Несомненно, им руководили чисто человеческие, очень хорошие

побуждения. Ученый, преданный науке и добрым идеям мира, он не стремился ни к какому уничтожению людей и не хотел заражать атмосферу.

Я ему ответил: «Товарищ Сахаров, в силу своего политического и государственного положения я не имею права отказаться сейчас от таких испытаний. Это ведь не мое личное желание, тут осуществляется решение всего руководства СССР. Вы знаете, что мы попытались отказаться от испытаний и обратились с призывом к нашим вероятным противникам, которые накапливают ядерное оружие. Но они нас не послушали. Вам отлично известно, что они проводят испытания». Поскольку он продолжал настаивать, я, желая остаться честным перед Сахаровым, сказал ему: «При всем моем сочувствии к Вашим взглядам и к Вашей просьбе, я как лицо, отвечающее за состояние обороны страны, не имею права отказаться от испытаний. Это стало бы преступлением перед государством и народом. Вы же знаете, какие страдания принесла Советскому Союзу вторая мировая война. Нельзя еще раз подвергаться риску, отказавшись от создания современного оружия, когда наши вероятные противники ведут неудержимую гонку новых средств истребления людей. Поймите меня правильно, прошу Вас. Согласиться с Вами — значит обречь нашу страну на возможную гибель. Мы окажемся слабее США и их союзников». Я не убедил его своими аргументами, хотя и он меня не убедил. Мы обсудили просьбу Сахарова всем руководством страны и решили, что не можем согласиться с ней. Очередная бомба была испытана.

Одна из них была особенно мощной. Создавалась она из расчета в 50 миллионов тонн тротилового эквивалента, реально достигла 57 миллионов тонн. Это нечто колоссальное. Подобной мощности мы ранее не достигали. Ученые доложили: если эту бомбу изготовить в «грязном исполнении», когда она будет действовать не только взрывной волной, но и излучением, то ее мощность можно довести до 100 миллионов тонн!.. «А где же такую бомбу мы могли бы применить? Как наглядно представить себе ее взрывную силу?» — спросил я. Мне ответили: «Над Западной Германией, если бы нам навязали войну и мы были бы вынуждены в ответ применить ядерное оружие, даже заряд мощностью в 57 миллионов тонн взрывать нельзя. В той зоне господствуют такие ветры, что и осколки водородной бомбы, и зараза в атмосфере будут занесены на территорию ГДР. Пострадало бы не только ее население, но и наши Вооруженные Силы, расположенные там. Можно без особой угрозы последствий для СССР и наших союз-

ников сбросить такую бомбу на Англию, Испанию, Францию и, конечно, на США».

Вот что я услышал о новом ужасном оружии. Но оно позволяло нам оказывать моральное воздействие на тех, кто вел подготовку войны против СССР. А главная опасность исходила от США.

СОТРУДНИЧЕСТВО В КОСМОСЕ

В иностранной печати и при встречах со мной на пресс-конференциях журналисты разных стран часто поднимали вопрос: мог бы Советский Союз предпринять какие-то совместные с США усилия для полета на Луну и вообще в освоении космоса? Мне эта идея нравилась. В 60-е годы мы потрясли мир запусками на орбиту и к Луне космических аппаратов, запуском людей в космос. Гагарин первым проложил дорогу. За Гагариным последовали другие. Мы в те времена опережали США. Не случайно тогда нам подбрасывали мысль об объединении космических усилий и о том, чтобы СССР поделился опытом строительства ракет и их двигателей. Я здесь не говорю об официальных обращениях правительственных органов иных стран, но порой журналисты выполняли задания своих правительств и вносят идею, за которую их правительства якобы не отвечают, однако они взвешивают, оценивают, как принимается эта идея другой стороной.

А были ли какие-нибудь конкретные предложения о сотрудничестве между Советским Союзом и Соединенными Штатами по освоению космоса, о совместных полетах на Луну? Прямых переговоров по этому поводу не велось, но какие-то обращения в конце моей деятельности проскальзывали. Официальные органы Соединенных Штатов Америки, в том числе президент Кеннеди, высказывались о желании сотрудничать с нами в этой области, но имелись ли какие-то официальные предложения с их стороны, не помню. С нашей стороны не было, я помню точно.

Здесь можно выделить два периода. Первый — наша встреча с президентом Кеннеди в Вене в июне 1961 года. Тогда Кеннеди предложил объединить наши усилия в освоении космоса. Я отказался.

Выскажу соображения, которыми тогда руководствовалось правительство Советского Союза, отказываясь сотрудничать в

этой области, Америка отставала от нас, а мы успешно осваивали космос, и наши ракеты уже завоевали признание и восхищение. Американцы ревниво относились к нашим успехам и критиковали свое правительство. Возможно, Америка тогда стояла за сотрудничество. Сотрудничество было бы, безусловно, выгодно для Америки и для Советского Союза, но в тот период мы не могли принять его. Почему?

Потому, что мы были слабее США в ядерном оружии. Они создали военные базы вокруг границ нашего государства. У них имелись самолеты — носители ядерного оружия. Они могли поражать всю территорию Советского Союза, все жизненные экономические и административные центры. Мы же имели незначительное количество еще несовершенных ракет. Они не представляли угрозы для территории Соединенных Штатов Америки. У нас, собственно, была только ракета Р-7, «Семерка» конструкции покойного Сергея Павловича Королева. Наш первенец. Мы восторгались успехами науки и промышленности. Королева мы боготворили, и он этого заслуживал. Если бы мы пошли на сотрудничество, то должны были бы раскрыть конструкцию ракеты Королева и ее двигателей. Автором двигателя был Глушко, тоже очень уважаемый и крупный ученый, талантливый инженер. Ракеты делал Королев, а двигатели делал Глушко, его друг. Потом они разошлись. Я очень сожалел об этом, делал все для их примирения, но моих усилий оказалось недостаточно. Все-таки они продолжали работать вместе, правительство их обязало. Этого требовали интересы государства.

Следовательно, если бы мы начали сотрудничество, то обнаружилось бы, в чем наша сила, а в чем наша слабость. Слабость в том, что у нас не было достаточного количества ракет для обороны и нападения, «Семерка» для этих целей не годилась. Другие ракеты у нас появились на более позднем этапе, но и тогда требовалось время, чтобы их изготовить в достаточном количестве и освоить.

В то время американцы были особенно заинтересованы в сотрудничестве, так как у них не было такого мощного двигателя, как у нас. Они хотели заполучить его, раскрыть секрет его устройства. Америка — страна с высоким потенциалом в промышленности и науке. Поэтому особых трудностей скопировать или же на его основе ускоренными темпами создать свой двигатель, свою ракету для них не составило бы. Это угрожало нашей безопасности. Поэтому мы тогда не пошли на сотрудничество. Я считал и сейчас считаю принятое решение правильным. После, когда

мы к середине 60-х годов твердо встали на ноги и обеспечили безопасность для своей страны, а этого мы добились созданием ракет с ядерными зарядами, наступил второй этап.

На этом этапе мы смогли бы сотрудничать. Это было бы и в интересах Америки, и в интересах Советского Союза. Космос пока недоступен другим странам. Опередить в этой области, и это опережение сохранить навечно — невозможно. Тогда мы господствовали в освоении космоса. Каждая страна, обладающая соответствующим экономическим потенциалом, имеет возможность не сегодня-завтра создать ракеты и запускать их так, как сейчас запускаем мы.

Ну а двигатель? А что двигатель! Я понимал, что это — временное явление. Всегда находиться впереди других немислимо, потому что источник создания космических средств всюду один и тот же — наука и техника. А они являются по сути общими. И если на какой-то период в какой-то сфере мы опережали других, то те потом приложат усилия, выделяют материальные средства, сами станут ведущими и могут опередить нас. Вот почему я полагал теперь желательной договоренность с США и прочими странами о создании международной организации по освоению космоса, чтобы все делили не только славу, а и материальные тяготы. В определенный момент следовало пойти на объединение усилий, но я уже был на пенсии. К моему сожалению, договоренности по этому вопросу так и не достигли. Мы упустили момент. Надо было еще до высадки Америкой человека на Луну договориться о сотрудничестве. Со стороны президента США Кеннеди проскальзывали какие-то высказывания, пожелания в этом направлении. Вскоре его не стало. Тогда, в 1963 году, я уже считал возможным договориться с США и другими странами об учреждении коллективной организации по освоению космоса. Выиграло бы дело. Средства распределялись бы более равномерно и не истощали бы страны. Это очень дорогое удовольствие даже для таких стран, как Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Запустить одну ракету стоит миллионы. Я сейчас не могу конкретно назвать сколько, не из-за секретности, а просто не знаю, но это огромные средства. Они истощают страну, поэтому было бы более разумно и целесообразно найти возможность объединить усилия нескольких государств и на международной основе продолжать освоение космоса, осуществить не только полет на Луну, но и на другие планеты³.

В положении пенсионера я пользуюсь сейчас лишь газетными сведениями, очень скудными, так что мне трудно разобраться в

истинном положении дел в этой сфере. Однако для меня бесспорно: программу, которую утвердил президент Кеннеди, американцы уже выполнили. Он поставил перед учеными и конструкторами задачу наверстать упущенное, создав ракеты, которые позволили бы человеку полететь на Луну, и этого достигли. Их космонавты уже побывали на Луне. Но сейчас по-прежнему наша печать и телевидение убеждают, будто мы находимся впереди. Это несерьезно. Конечно, «Луна-16» и «Луна-17», которые работали недавно, осваивая лунную поверхность и информируя Землю, — тоже огромное достижение наших ученых. И все же человек, побывавший на Луне, не сравнится с любым умным автоматом, который остается его творением, ибо тут полетел сам творец. Побывав там и посмотрев на все, он лучше познает новый мир, чем технические средства. Я мечтал, что на Луне первым побывает наш Иван. Не вышло, Джон опередил.

Теперь, когда Америка первой совершила полет к Луне, высадила людей и возвратила обратно, она получила национальное удовлетворение⁴. Затем был отправлен второй корабль. После этого, конечно, разговор об объединении усилий встретит непонимание, потому что Америка продемонстрировала свои возможности, а Советский Союз ничего не смог ей противопоставить. И нашему народу, и людям других стран стало ясно, что Соединенные Штаты опередили нас.

Я точно не знаю, не могу сказать, когда был упущен момент. Может быть, такого момента и не было, может быть, реально он и не существовал. Если бы я имел возможность влиять на политику после 1964 года, то сам проявил бы инициативу и попытался договориться с Соединенными Штатами Америки на этот счет. Сейчас американцы уверены в том, что они впереди. Но эта уверенность иллюзорна: Советский Союз и другие страны могут создать такие же или даже лучшие космические корабли. В интересах человечества разумнее объединить усилия. Это способствовало бы прогрессу науки, техники и снятию напряженности между странами. Полагаю, что тут необходимо гораздо смелее идти вперед. Я думаю, что в конце концов на каком-то этапе люди придут к реальному международному сотрудничеству. Если бы мы договорились на этапе подготовки полета на Луну, то и наши средства, и средства Соединенных Штатов более равномерно распределились бы между государствами, а каждая страна имела бы моральное удовлетворение от того, что ее усилия были приложены к созданию кораблей, способных доставлять людей на Луну и обратно. К сожалению, этого не произошло.

В освоении космоса, для полета на Луну и на другие планеты можно было бы создать исследовательский Институт на международной основе и еще успешнее вести освоение космоса. Желющие страны смогли вносить свою лепту (капиталы и технические средства) и работать в области освоения космоса на международной основе. Эта организация могла бы находиться под эгидой Организации Объединенных Наций, иметь какой-то межгосударственный статус.

Космос требует очень чувствительного отвлечения средств, истощает казну, поэтому надо разумно расходовать средства для удовлетворения своего честолюбия. Безусловно, имеется и какое-то оправдание тому, что мы участвуем в этом: получаем информацию, расширяем свои знания. Но это имеет большее значение для будущего, а сегодня надо кушать, сегодня надо одеваться, сегодня надо строить жилье для людей, надо заботиться об удовлетворении человеческих нужд. Поэтому, как говорится, надо протягивать ножки по одежке. А если бы это делалось на международной основе, нам было бы легче экономически, и морально мы были бы удовлетворены. В будущем так и будет, я в этом уверен. Уверен, что страны в конце концов придут к такому соглашению.

Сегодня, кажется, 9 июля 1971 года. Попытаюсь продолжить запись воспоминаний. Я прервался, услышав о гибели трех космонавтов: Волкова, Добровольского и Пацаева⁵. Встречался в эти дни с людьми, очень они сожалеют, разводят руками, как это могло случиться. Некоторые спрашивают меня, мое мнение. «Что я могу сказать? — приходится мне им отвечать, — я сейчас оторван от информации, позволяющей точно ориентироваться в событиях, я уж не говорю о том, чтобы узнать об истинных причинах гибели. Думаю, что они сейчас уже должны быть известны. А публикации нет!»

Я считаю, что здесь произошли какие-то технические неполадки с кораблем во время снижения, когда он пошел на посадку. Сообщили по радио, что включили двигатели торможения, а до этого связь была хорошей и люди отвечали. После торможения связь прекратилась, а когда корабль спустили на Землю и вскрыли люк, то люди оказались мертвыми. Что могло произойти? Какая-нибудь авария, нарушившая герметичность кабины, и люди погибли? Или произошли какие-то явления более сложного биологического порядка в момент перехода из состояния невесомости в условия земного притяжения, и при этом переходе люди лишились жизни?

Прошло уже достаточно времени. Казалось бы, пора дать ин-

формацию. Сейчас уже видно, что кабина была исправна. Тогда, получается, что причина биологическая? Мне кажется, что кабина была неисправной, что катастрофа наступила в результате неисправности кабины. И в том и в другом случае надо объяснить: успокоить людей и, я бы сказал, в какой-то степени утешить. Утешение, конечно, относительное, но все-таки, зная причины, можно утешаться тем, что не допустят повторения подобного явления в будущем. Это нужно и для мировой общественности, и для науки. Ученые должны знать, при каких обстоятельствах случилась катастрофа, учесть это на будущее, особенно те из них, кто занимается изучением космоса.

Америка тоже должна получить правдивую информацию. Если они ее не получают от нас, то они сами добудут. Я не могу судить, тем более осуждать, людей, которые ответственны за это дело. При экспериментальных научных полетах от таких явлений не гарантирован никто. Всё возможно, приходится идти на риск. Без риска нельзя двигать науку вперед. Не знаю, насколько я могу сейчас правильно судить, но мне кажется, что не надо делать упор на целесообразность освоения Луны техническими и механическими средствами, как «Луноход-16», «Луноход-17», доказывать, что это прогрессивнее, чем посылать туда человека; что это избавляет нас от непосредственного риска для человека. Если уж решили лететь на Луну, то лучше послать человека. Механическим средствам трудно изучать Луну. К примеру, возьмем исследование грунта. Механические средства пока слепы, они берут в контейнер то, что попадает. Человек — мыслящее существо, отбьет: такой-то камешек возьмет, а какой-то выбросит.

Я думаю, что рано или поздно Советскому Союзу необходимо будет послать человека на Луну и с научной точки зрения, и из престижных соображений. Если уж говорить откровенно, то полеты в космосе по орбите лучше осуществлять с помощью автоматики: спутники летают вокруг Земли, наблюдают, фиксируют и передают информацию в Центр управления. Я думаю, наша автоматика сейчас уже отработана хорошо, и можно механическими средствами выполнять эти задачи. Я не знаю, какие ведутся наблюдения: фотографирование, измерение радиации и прочее. По-моему, автоматика с этими задачами справится, а в будущем еще лучше, чем сейчас. Очень трудно судить. Может быть, и правильно, что посылают людей на орбиту, но жалко... Возможно, у меня появилось такое мнение в результате сожаления о погибших людях. Наука прокладывает путь через жертвы. Ничего не поделаешь, жертвы неизбежны, а останавливаться перед ними

было бы тормозом в освоении космоса. Поэтому я принимаю это как неизбежное: человечество платит за прогресс, даже такой дорогой ценой, как человеческие жизни.

Еще о космосе. Вспоминаю, какой шум поднялся, когда в 1960 году Соединенные Штаты послали к нам разведывательный самолет У-2, а мы сбили его. Мы возмущались, был нарушен наш суверенитет. Времена изменились, сейчас этот суверенитет не нарушается, хотя спутники Соединенных Штатов Америки описывают круги вокруг Земли, фотографируют все, что хотят. Это — тоже разведчики, даже лучшие разведчики, чем У-2, но мы не протестуем. Такие же наши спутники летают над США и тоже фотографируют, тоже всё докладывают военному ведомству. Америка тоже не протестует, потому что пока нет средств борьбы с этими спутниками и нет смысла в протестах. А кроме того, это взаимная возможность, которую получает каждая сторона, пока нет договоренности относительно суверенности в космосе. Видимо, юридически ее и нельзя обосновать, а практически ее нельзя осуществить. Сейчас посылка разведывательных спутников никого не затрагивает, а если и затрагивает, то они вынуждены мириться.

О КУРЧАТОВЕ, КЕЛДЫШЕ, САХАРОВЕ, ТУПОЛЕВЕ, ЛАВРЕНТЬЕВЕ, КАПИЦЕ И ДРУГИХ

Курчатову выпала роль «двигателя» в науке по созданию ядерных зарядов и атомной науки. Первое место в этом деле принадлежит ему, замечательному ученому и человеку. Незачем говорить тут о его достоинствах как ученого, он был признан во всем мире. Я хочу высказать свое мнение о нем как о человеке. Мне с ним приходилось встречаться много раз и слушать его не только по проблемам ядерной физики. Он приходил ко мне и в связи с другими делами. Зная мое расположение к нему, неоднократно его коллеги просили замолвить слово в поддержку того или иного направления в науке. Я всегда внимательно выслушивал Курчатова, относясь к нему с большим доверием, и считал, что он весьма порядочный человек. Ученые тоже порой сугубо эгоистически подходят к любой проблеме, стараясь что-то выр-

вать в ущерб общим интересам специально для себя. Курчатов был не таким, хотя, будучи предан своей сфере в науке, он прежде всего думал о ней и двигал ее вперед. Но содействовал и другим, когда считал вопрос принципиальным.

При распределении средств нам приходилось выбирать самое необходимое, то, что было связано с общим развитием науки и техники, культуры и экономики, и с обороной страны в первую очередь. Курчатов отличался здесь от других ученых правильным пониманием необходимости выделения средств на основное, без чего не будет неприступности СССР, прежде всего на ядерное вооружение. Уже перед самой своей смертью он пришел ко мне с новыми идеями и в конце беседы сказал: «Считал бы полезным официально утвердить меня Вашим советником по вопросам науки, то есть советником Председателя Совета Министров СССР». «Это мне нравится, — поддержал я его, — мысль заслуживает внимания. Посоветуемся, и при нашей следующей встрече я выскажу Вам наше мнение». Увы, более нам не довелось встретиться. Спустя всего несколько дней я узнал о скоропостижной кончине этого великого ученого и замечательного человека.

Когда Курчатов предложил свои услуги в качестве советника, я понял, что мне нужен именно такой человек, которому я бы абсолютно доверял. Он идеально подходил для установления более тесных контактов правительства с ученым миром. Это оказалось бы полезным и для науки, и для обороны страны. Он помог бы руководству правильно оценивать ход событий и в нужное время выделять средства, необходимые для прогресса того или иного научного направления. Конечно, не раз заслушивал я и других ученых.

Буквально потряс меня своими достижениями в области создания водородной бомбы Сахаров. Его расчеты полностью оправдались. Как известно, впоследствии у руководства с ним произошла размолвка по вопросу испытания водородной бомбы. Эта размолвка наложила отпечаток и на Сахарова, и меня насторожила. Я уже упоминал об этом печальном эпизоде. Здесь он, в отличие от Курчатова, проявил недопонимание государственных интересов. Мы взорвали водородную бомбу не с целью подготовки к нападению на какую-то страну, а лишь для обороны. У меня с Сахаровым не было расхождения по существу вопроса, и я прошу понять мою позицию, когда я как политический деятель и один из руководителей страны обязан был использовать все имевшиеся средства для усиления оборонной мощи. Надеюсь, что если не сегодня, то когда-то товарищ Сахаров правильно поймет меня.

Других ученых и конструкторов атомного оружия не стану

здесь называть, хотя невозможно, например, обойти при этом Зельдовича⁶, Харитона и Будкера. Зельдович с коллегами трудился над технической стороной конструкции водородной бомбы. Это были люди, благодаря усилиям которых мы сравнялись с США по ядерному оружию. Американцам в некоторых случаях даже приходилось занимать как бы оборону.

А помогали ли нам тут иностранцы? В том числе тайно? В начале своих заметок я уже ответил на этот вопрос положительно. К сожалению, всех наших помощников назвать нельзя. Время еще не пришло. Упомяну лишь в этой связи об Этель и Джулиусе Розенберг, которые, находясь в США, передали нам некоторые секреты⁷. В свое время Сталин очень тепло отзывался о них. Я конкретно сейчас не могу сказать, в чем выразилась их помощь нам, но от Сталина и Молотова (а Молотов много знал) я слышал, что Розенберги оказали очень существенную помощь в ускорении создания атомной бомбы. Когда-то придет время, станет возможным рассказать обо всем открыто, выразить свое отношение и как-то засвидетельствовать признательность этим людям. Они отдали свою жизнь, помогая пролетарскому Советскому государству создать атомную бомбу, и тем самым помогли нам противостоять империалистическому агрессивному миру, и прежде всего Соединенным Штатам Америки.

Когда мы заслушивали ученых относительно космоса и ракетно-ядерного вооружения, часто с докладом выступал Келдыш⁸. Келдыш и Курчатов в нашем понимании тогда были связаны неразрывно, как люди, работавшие над созданием ракет и ядерных зарядов к ним. Поэтому к Келдышу у нас тоже было особое уважение. Когда на одном из заседаний Совета Министров мы, пригласив туда президента Академии наук СССР Несмеянова⁹, высказали в его адрес критические замечания, в ответ он, будучи спокойным и очень деликатным человеком, предложил: «Может быть, следует вместо меня назначить на пост президента Академии наук Келдыша?» Мы его поддержали: «Обсудим, подумаем». Вскоре пришли к выводу, что, действительно, полезно было бы выдвинуть Келдыша президентом. Несмеянов подал в отставку, а Келдыша поддержали академики, избрав его своим президентом.

До меня по сей час доходят слухи, что не все ученые довольны Келдышем. Это не должно никого удивлять: трудно, занимая такой пост, угодить буквально всем. В науке вообще много индивидуального, каждый ученый — со своим характером, своим пониманием дел и своими запросами. Предположить, что все могут одинаково относиться к президенту, невозможно. Я же считаю,

что выдвижение Келдыша президентом было очень удачным решением.

С большим уважением относился я к вице-президенту Академии наук СССР Лаврентьеву¹⁰. Я с ним познакомился, когда он работал еще в Академии наук УССР, где тоже был вице-президентом. Этот человек нравился мне своей простотой, настойчивостью при реализации программ и научной гениальностью. Он тоже многое сделал для обороны страны, привлекаясь как консультант по ряду вопросов оборонного строительства. Кажется, именно он подал идею создания у нас кумулятивных боеприпасов, в которых концентрируется взрыв в определенном направлении. Кумулятивный снаряд оказался очень действенным средством против брони. После войны его усовершенствовали. Однажды Лаврентьев предложил мне поехать на испытания: «Я покажу Вам заряд из взрывчатки определенной формы, положу его на лист железа, мы его подорвем, и он пронзит этот лист». Все так и произошло. Лаврентьев объяснил, что этот заряд не пробивает, а прожигает броню. Огромное дело он сделал во время войны на пользу страны.

В 50-е годы я поддержал его предложение создать особое отделение Академии наук в Новосибирске. Что касается его личной простоты, то не забуду, как этот большой ученый жил в палатке и ходил в кирзовых сапогах, когда в Сибири строили академические сооружения. Но главное не в том, как человек одет и что он носит — сапоги или цилиндр, это сугубо личный момент. Трезвость ума и пробивная сила Лаврентьева — вот что подкупало меня. Хорошо помню, как убедительно он доказывал необходимость создания академического филиала в Сибири, говоря, что наша страна огромна, а существует только один главный научный центр в Москве, это нерационально и неправильно. В качестве первого шага он считал полезным создать научный городок в Новосибирске, а потом и в других местах открыть такие же научные центры. Я спросил его: «И кто из ученых туда поедет? Это же Сибирь-матушка, пока еще она пугало и после смерти Сталина, там отбывали свой срок миллионы заключенных и бывших военнопленных». «Есть, — говорит, — такие люди» и показал длинный список: «Вот они готовы уехать в Сибирь, особенно молодые. Там нужны именно молодые».

Мы поставили этот вопрос на Президиуме ЦК партии и поддержали предложение Лаврентьева, дали необходимые средства. Требовалось очень много денег, особенно строительным организациям, чтобы в короткий срок создать хотя бы основу филиала. Научное строительство — непрерывный процесс, который, как и

непрерывный процесс развития самой науки, требует оснащения необходимыми лабораториями, создания условий для работы и жизни ученых. Душой нового дела стал сам Лаврентьев. Я несколько раз посещал Академгородок, когда бывал в Сибири, и смотрел на месте, как идет строительство. Лаврентьев привез туда семью и жил сначала очень скромно в типовом финском домике, это я увидел, побывав у него на обеде. Он отказался от столичных удобств, от Москвы, от всего, что дает столица человеку, и уехал в сибирскую тайгу.

Сейчас им и его детищем в Новосибирске гордится вся страна. И есть чем гордиться! Потом он предложил начать строительство такого же центра на Дальнем Востоке. Но по нашим материальным возможностям время к тому еще не подошло, и я сказал: «Пока не будем торопиться, слишком много нужд у страны, сосредоточим внимание на научном центре в Новосибирске, а когда станем богаче, обсудим, как заложить новый филиал Академии наук».

Несколько слов — о Капице¹¹. Мне хотелось бы, чтобы после моей смерти осталось правильное представление о моих взглядах относительно этого крупнейшего ученого, которого у нас считали одиозной личностью. Во времена Сталина отношение к нему было нехорошее. Но и после смерти Сталина у нас продолжала проявляться сдержанность в адрес Капицы. Имелись ли основания выражать ему недоверие или прямо намекать на то, что он шпион? Никаких таких фактов не было, и я лично никогда не сомневался в его гражданской честности. Случайно я стал свидетелем того, как решался вопрос о насильственном задержании Капицы в СССР. Прежде я о нем ничего не слышал. Я находился тогда в кабинете Сталина, когда он вызвал к себе заместителя председателя Совнаркома СССР Валерия Межлаука. Я Валерия Ивановича очень уважал и крайне сожалею, что он трагично окончил свою жизнь, будучи репрессирован Сталиным, как и многие другие неповинные люди. Когда Межлаук стал председателем Госплана СССР, я довольно часто с ним соприкасался, и он производил хорошее впечатление и как государственный деятель, отлично знающий дело, и просто как человек.

У нас в ту пору проходило какое-то совещание ученых. На него приехал Капица, который работал в Англии, но имел советское гражданство. Сталин поручил Межлауку переговорить с Капицей, и потом тот докладывал Сталину, что Капица выразил нежелание оставаться в СССР. Он доказывал, что для того, чтобы разумно использовать свои знания, необходимы соответствующие усло-

вия: оборудование, приборы и прочее, без чего ученый не может с толком трудиться, как трудился он до того с английским ученым Резерфордом¹² и под его руководством. В Англии он все необходимые условия имел. Сталин сказал Межлауку: «Передайте Капице, что мы сделаем все, чтобы создать ему желательные условия, построим для него специальный институт, но объясните твердо, что в Англию он не вернется, мы не разрешим ему выехать туда». Межлаук так и поступил. Капица остался.

Лично от меня он был далек. Члены Политбюро и другие люди, принадлежащие к определенным ведомствам, которым было разрешено получать правительственные сводки прессы, знали, что за рубежом Капицу ценили очень высоко. Я полагал, что Сталин поступил правильно, действуя в интересах собственной страны. Ведь нам было необходимо использовать все возможности, чтобы повысить ее боеспособность и привлечь ученых к созданию средств обороны. Над какой конкретно проблемой работал тогда Капица, мне было неизвестно. При мне Межлаук доложил Сталину: «С волнением и огорчением, но Капица вроде бы согласился остаться». Тут Сталин предложил построить для него институт на Воробьевых горах. Ранее этот участок отвели под строительство посольства США. Послом США в СССР был Буллит¹³. Он сначала приобрел у Сталина большое доверие и выдвинул идею построить посольство США на Воробьевых горах. Там и отвели участок. Но когда Буллит оказался не таким человеком, как нам хотелось, Сталин вознегодовал и предложил: «Давайте построим на том участке, который отводился под строительство посольства США, институт для Капицы». Там его и возвели. Когда я приезжал в Москву, то, любя прогуляться по Воробьевым горам, видел уже готовый институт и радовался; думал: «Вот здесь наши ученые-чародеи под руководством Капицы создают что-то необыкновенное».

Над чем они работают, я не знал, да и не спрашивал. При Сталине придерживались такого порядка: если тебе не говорят, то не спрашивай, тебя это не касается. Где-то под конец Великой Отечественной войны Сталин стал выражать недовольство Капицей, гневался: дескать, он не дает того, что может, не оправдывает наших надежд. Насколько были обоснованы его претензии, я тоже не мог судить, но верил Сталину: раз он так говорит, значит, так и есть. Когда взорвались первые американские атомные бомбы, выяснилось, что мы отстали. Наши союзнические узы дали трещину, начиналась «холодная война». А когда мы взорвали свою первую атомную бомбу, поднялся истошный вой в буржуазной прессе: эту бомбу русские получили из рук Капицы, вот он такой-сякой, круп-

нейший ученый, живущий там, только он и мог создать ее. Сталин возмущался: «Капица-то к ней абсолютно никакого отношения не имел, вообще не занимался данным вопросом».

После смерти Сталина у меня сохранялось двойственное отношение к Капице: с одной стороны, признанный всем миром ученый, а с другой — не помог нам получить атомную бомбу раньше американцев и не стал потом участвовать в создании советской бомбы. Поэтому отношение у меня к нему было весьма сдержанное. Однажды Капица попросился ко мне на прием. Я слушал его очень внимательно, он рассказывал о важной теме, над которой хотел бы поработать, и просил оказать ему помощь, так как был отстранен от дел в его институте. Я расспрашивал о нем двоих ученых, включая Курчатова, и те меня особенно не обнадежили, пояснив, что данная тема не является самой острой с точки зрения государственных интересов. Мы тогда остроту научных тем измеряли лишь под углом увеличения обороноспособности страны, главными считались военные темы.

Спустя какое-то время Капица вновь попросился на прием, я его принял и сказал ему: «Почему бы Вам, товарищ Капица, не взять тему оборонного значения? Мы в этом очень нуждаемся». Он пространно объяснил мне свое отношение к военной тематике: «Я не люблю заниматься ею, я ученый, а ученые подобны артистам: любят, чтобы об их работе говорили, писали, показывали их в кино, а военная тематика секретна. Связаться с ней — означает изолироваться, похоронить себя в стенах института, фамилия исчезнет из печати. Я хочу быть на виду, чтобы о моей работе знала общественность». Такие рассуждения произвели на меня впечатление не в пользу Капицы. «Мы вынуждены, — ответил я, — заниматься военной тематикой, пока существуют антагонистические государственные системы. Чтобы выстоять, нам нужно ею заниматься, иначе нас задушат и разобьют». «Нет, я не хочу заниматься военной тематикой», — не соглашался он.

Капица мне рассказал, что он сделал большое дело, разработал новый метод получения кислорода. Это очень важно для экономики страны. Это хорошо, но мы хотели большего. Мы хотели того, что высказывали в печати буржуазные ученые, чтобы нашу атомную бомбу создал академик Капица. Я не знаю: мог ли он такое сделать или не мог? Мне трудно судить, это область специалистов, ученых. Во всяком случае он не приложил руку к этому делу. Доказывал, что из пацифистских соображений не желал этим заниматься.

Если сопоставить Капицу и Сахарова: Сахаров тоже обращался

с просьбой не взрывать ядерную бомбу. Но именно он дал нам водородную бомбу. Он — патриот. Его вклад в оборону огромен.

Я тогда пытался объяснить Сахарову:

— Как же обойтись без экспериментального взрыва? Оружие, которое поступает на вооружение, обязательно испытывается. Иначе нельзя быть уверенным, что в нужное время оно сработает безотказно. В этом вопросе были колебания у товарища Сахарова. У него произошло какое-то раздвоение: с одной стороны, он понимал необходимость помочь стране получить самое мощное вооружение против возможных агрессоров, а с другой стороны боялся применения этого оружия. Он, видимо, боялся, что применение его свяжут с его именем. Тут могут быть разные объяснения. Я Сахарова мало знаю. Он человек тоже пацифистского направления. И я за пацифизм, если появятся условия, исключаящие войны. Пока мы живем в мире, где нужно смотреть в оба. Поддаваться одностороннему пацифистскому настроению опасно. Опасно, империалисты могут «слопать».

Мне трудно было понять, как Капица, советский человек, видевший страдания нашего народа, которые принесла гитлеровская война, может так мыслить. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы не повторилась война, все делали для подъема экономики, науки, культуры. Понятно, что без науки оборонную мощь нельзя создать. А тут крупнейший ученый с мировым именем отказывается нам помочь? На меня его слова подействовали плохо. И я решил проверить себя, при очередной встрече, спросив Лаврентьева: «Как вы оцениваете Капицу?». Лаврентьев дал ему исключительно высокую оценку. Между тем при втором разговоре со мной Капица сказал, что он хотел бы поехать за границу. И я спросил Лаврентьева: «Капица хочет поехать за границу. Как вы относитесь к этому?». «А что тут плохого? Нужно отпустить». «Вы считаете, что он честный человек?». «Абсолютно уверен, — сказал Лаврентьев. — Он чрезвычайно порядочный человек, и не только он, но и его дети. Капица — патриот, а его сын, замечательный географ, тоже патриот своей Родины»¹⁴. Эти слова меня несколько успокоили, но я продолжал сомневаться. «А каково его отношение к военной тематике?» — продолжал я расспрашивать. «Он оригинал, — ответил Лаврентьев, — и действительно смотрит на военную тематику так, как сказал Вам».

Я начал склоняться к тому, чтобы разрешить Капице съездить за границу, проветриться. «Ну, хорошо, вот мы его пошлем за рубеж, а знает ли он военную тематику, над которой работают наши ученые?» — задал я Лаврентьеву следующий вопрос. «Конечно,

он все знает. Академики ведь общаются между собой, обсуждают научные проблемы, читают специальную литературу, к тому же это ученый огромного масштаба, для него не существует секретов». Это меня опять насторожило. «А не может ли он где-нибудь проговориться на нежелательную тему?». «Тут мне трудно целиком говорить за него, но я считаю его хорошим ученым и большим патриотом, который никогда не станет предателем». Однако это меня не убедило: одно дело — предательство, другое — просто разболтать, тут разные вещи. Мы обменялись мнениями в Президиуме ЦК партии и решили все же воздержаться от разрешения. Ведь в начале 1950-х годов СССР находился на низком уровне создания атомных вооружений, и мы не хотели, чтобы наши противники что-либо разузнали, хотя бы косвенно или случайно. У нас не существовало полной уверенности, что в разговорах со знакомыми учеными, которых у Капицы за границей очень много, он не скажет чего-то лишнего. С сожалением, но пришлось отказать ему в разрешении на поездку.

Впоследствии, год или два тому назад, он побывал все же за границей, съездил с большим шумом в Англию, и не только в Англию, получил заслуженное признание, стал почетным академиком в разных странах, и т. д. Я радуюсь за него и доволен, что наконец-то он обрел и за рубежом то, чего заслуживал. Может быть, я теперь испытываю даже некоторую ревность, что не я, когда мог, решил данный вопрос. Однако то, чего мы опасались в былые времена, перестало сейчас служить препятствием, когда мы стали признанной ядерной державой. Теперь за границу можно без боязни посылать почти любого человека, даже если мы и не были до конца уверены в нем. Какие уж сейчас секреты! За особым исключением, в сфере науки почти никаких. А мой долг как Председателя Совета Министров требовал осторожности, и я ее проявил. Но не было ли в ней «отрывки» сталинских времен? Возможно, возможно. Ведь столько лет я проработал под руководством Сталина. Не сразу освобождаешься от моральных наслоений, даже тех, которые сам осуждаешь. Этого я не отрицаю. Необходимо время, чтобы все осознать и отрешиться от ненужного.

Как я смотрел на требование держать границу на замке и от своих людей, а не только от иностранцев, желавших посетить Советский Союз? После смерти Сталина мы, спустя несколько лет, довольно широко открыли ворота для поездок в обе стороны. Туда и сюда хлынули люди разного мышления и различных политических убеждений. Иначе и быть не может, всякий народ состоит из лиц, придерживающихся неодинаковых взглядов, с этим

приходится считаться и жить с теми людьми, которые имеются. Некоторые из лиц, выезжавших из СССР, не возвращались. Выезжали театральные коллективы, и какие-то их участники тоже оставались за границей. Меня это огорчало, но особенно не волновало. Бывали случаи, что человек не возвращался, а спустя какое-то время слезно молил, чтобы ему разрешили вернуться на Родину. Случалось, что я шел даже на риск, если речь не шла о государственной тайне. Могут у нас быть просчеты? Вполне. Но при ином подходе к делу придется встать на позицию Сталина, который каждого советского человека подозревал, что тот может быть завербован, поэтому лучше просто держать всех под замком в своей стране и установить здесь за всеми агентурное наблюдение. Так возникли очень тяжелые условия для жизни людей, особенно ученых или лиц, выступающих в сфере искусства: музыки, театра, балета.

Вспоминаю времена гражданской войны. Когда я работал в политотделе 9-й Кубанской армии, то жил временно в буржуазной семье. Ее член, женщина с острым языком, проявляла смелость в разговоре с коммунистами. Она говорила: «Вот вы пришли к власти. Да вы же все растопчете. Разве вам оценить, например, такое хрупкое искусство, как балет?». И она была права. Мы тогда в балетном искусстве абсолютно ничего не понимали. Если видели открытки с изображением балерины, то считали, что женщина снята в неприличном виде. Не раз злословили в адрес Луначарского, который много сил и энергии затрачивал на поддержание старых театров. Полагали, что это слабость, его отклонение от коммунистических норм. Конечно, мы, люди заводов, шахт и крестьянских полей, тогда оставались далеки от высокого искусства. Сейчас, если бы я встретил ту женщину, сказал бы ей: «Вы помните наш разговор в 1920 году? Ваше пророчество, что Советская власть растопчет этот вид искусства? Теперь-то видите, на какую высоту поднят в советское время балет?». Могут спросить, а почему я не допускаю такой же мерки в отношении Капицы? Потому, что оборонные проблемы — не балет. Я не имел права рисковать.

Да простит меня академик Капица, я к нему как ученому относился с очень большим уважением. Но отношение, конечно, ко всем разное. Когда мы, представители Советского государства, были приглашены Иденом в Великобританию, я предложил включить в состав делегации Курчатова. Во времена Сталина предложить послать такого человека, как Курчатов, за границу... Он буквально все знал о ракетном вооружении, и особенно о ядерном вооружении. Он был душой в создании ядерного вооружения.

Когда решался вопрос о поездке, я, тем не менее, предложил:

— Давайте в делегацию включим Курчатова. Это поднимет престиж нашей делегации и послужит демонстрацией нашего доверия к интеллигенции. Мы считали, что такой шаг может как-то послужить пробуждению большого доверия к нашему стремлению договориться о разоружении. Мы включаем в состав делегации такого крупного ученого, который занимается ядерной физикой и является теоретиком в этой области, и мы берем его с собой за границу. Значит, мы ему доверяем. Он там ездил один к ученым, посещал лаборатории. Одним словом, полное доверие. Полное доверие!

И я гордился тем, что Курчатова оправдал его. Мне как-то неприятно произносить это слово — «доверие», оно в какой-то степени оскорбляет память такого замечательного человека и советского патриота. Я бы сказал об академике Курчатове: великий ученый нашего советского времени.

Я мог бы привести другие примеры. Иной раз мы не разрешали людям выехать за границу не только из-за личного недоверия, а потому что в нас укоренилось недоверие к буржуазному миру. Мы считали возможным, и такие факты в истории случались, похищение этих людей помимо их воли, чтобы узнать сведения, интересующие разведку. Возможно это? Возможно. Такое случилось. Поэтому мы в целях предосторожности отговаривали их от поездки. Если нужно было посетить какую-то конференцию, то посылали не этих людей, занимавших ключевые позиции, а людей, которые отираются около этого вопроса: знают проблему хорошо, но сами в разработке вооружения не участвуют.

Вот, собственно, моя, если так можно выразиться, исповедь и покаяние. Кто-нибудь скажет: Хрущев поступил нечутко по отношению к такому большому ученому, как Капица. Возможно, я ошибся, как может ошибиться всякий смертный. Однако ошибка была допущена и Капицей, когда он отказался участвовать в работах по оборонной тематике. Значит, мы квиты, так говорили в детстве.

В жизни всякое случается. Мы тогда «секретили» очень многое. В том числе и имена людей, занимавшихся оборонными исследованиями. Когда запускали в космос ракеты, никто не знал, кроме тех, кому следовало, кто создатель этих ракет. Никто не знал ни Королева, ни Глушко¹⁵. А другие анонимные герои? Кто знает конструкторов подводных лодок? Никто не знает. Правильно это? Видимо, правильно. Слишком опасно, разведка ни перед чем не останавливается. Раскрывать адреса — облегчать разведке вести подрывную работу в Советском Союзе.

Из создателей воздушного флота СССР я лучше других знал

Андрея Николаевича Туполева¹⁶. Мы с ним познакомились еще в 1931 году, когда я был избран секретарем Бауманского районного партийного комитета. Туполев возглавлял ЦАГИ, единственное у нас в ту пору учреждение, где занимались по-настоящему проблемами воздухоплавания. Он резко выделялся из остальной массы инженеров, был еще сравнительно молодым ученым и конструктором, но уже пользовался особым признанием. Сталин потом арестовал его и посадил в заключение. Там Андрею Николаевичу организовали конструкторское бюро. Я знал, что он находится в тюрьме, но Сталин об этом не говорил, а Сталина не положено было спрашивать. Впрочем, было известно, что и в заключении Туполев отдавал все свои знания на пользу Родине.

Как-то Туполев докладывал мне по одному из вопросов. Когда все ушли, он задержался: «Я хотел бы обратиться к Вам, товарищ Хрущев, с просьбой. Что же, так и потянется за мной хвост, что я сидел в тюрьме? Просил бы правильно оценить мою роль и реабилитировать меня. Иначе тень ложится не только на меня, но и на моих детей». «Конечно, товарищ Туполев, — ответил я, — можете идти и спокойно работать, даю Вам слово, что мы обсудим этот вопрос и прикажем уничтожить документы, относящиеся к Вам, чтобы нигде и ни в каких анкетах Вам не пришлось писать, что Вы подвергались аресту».

Возвращаясь в своей памяти к 30-м годам, вспоминаю и крупнейший пассажирский самолет Туполева того времени, названный «Максим Горький»¹⁷. Он поднимал в воздух свыше пятидесяти человек. К несчастью, он разбился, но не по вине конструктора, а в результате ухарского поведения летчика, сопровождавшего его на юрком истребителе И-153, который пустили рядом, чтобы противопоставить его размеры гиганту. Я четко сохранил в памяти то печальное событие в весенний майский день. Я находился на даче, когда сообщили, что разбился самолет «Максим Горький». О нем много шумели в печати, радовались, что у нас есть самолет такой грузоподъемности. Мы тогда рассчитывали, что каждый пассажирский самолет можно будет использовать как бомбардировщик или как военный транспорт. А тот ухарь-пилот хотел сделать мертвую петлю, воздушную фигуру, обернувшись вокруг крыла «Максима Горького», и просчитался, сам погиб и погубил всех пассажиров, которые совершали над Москвой праздничный Первомайский торжественный полет. Хотели показать зрителям в небе два самолета: гигант — «Максим Горький» и рядом маленькая муха — истребитель. Самолет был хорош! Люди радовались возможности полетать над Москвой. День стоял прек-

расный, солнечный. Очень хороший день. А кончился он для этих людей трагично. Это были знатные производственники.

Потом я, как первый секретарь Московского комитета партии, занимался организацией похорон. Сталин очень рассердился и излил свой гнев на меня и на председателя Моссовета Булганина. Захоронение производили в крематории. Туда свезли трупы, сожгли их, а урны привезли в Колонный зал Дома союзов, где выставили для доступа всем желающим отдать последние почести погибшим. Процессия растянулась на полгорода. Сталин, как бы в наказание за то, что мы допустили катастрофу, зло произнес: «Пусть Хрущев с Булганиным и несут урны всю дорогу». Но я считал за честь для себя участвовать в той похоронной процессии, а по пути в крематорий почему-то все время думал о красном цвете, в который ради контраста был окрашен несчастный истребитель.

Я часто встречался с Туполевым, слушал его по вопросам развития бомбардировочной и гражданской авиации. У этого большого ученого хорошая практическая хватка. Когда ТУ-95 показал, что он не способен выполнять функции бомбардировщика, преодолевая противоздушную оборону США, его предложили снять с производства. Туполев пришел ко мне и говорит: «Я понимаю военных, которые предложили снять с производства ТУ-95. Но другого-то бомбардировщика у нас сейчас нет, а этот еще послужит стране. Кроме того, можно его переделать, и на его основе создать пассажирский самолет». Эта мысль мне понравилась, я поставил вопрос на Президиуме ЦК партии, и мы приняли предложение Туполева, после чего он создал пассажирский самолет дальнего радиуса действия ТУ-114, по тем временам замечательную машину. Она произвела сильное впечатление, когда я на ней по приглашению президента Эйзенхауэра прибыл в США после беспосадочного перелета Москва — Вашингтон. Это мощно прозвучало в пользу Советского государства. Туполев создал и другие бомбардировщики, а также ракетноносцы. Он как конструктор очень плодovit и изготовил массу отличных самолетов.

Как-то мы с Туполевым сидели в Крыму на берегу Черного моря. Он перелистывал свои рисунки, где был изображен будущий красавец ТУ-144, сверхзвуковой пассажирский самолет, и знакомил меня с его характеристиками. У нас не было сомнений, потому что марка Туполева, как ученого, как конструктора, умеющего трезво взвешивать и оценивать свои возможности, ценилась очень высоко. Мы поверили Туполеву и приняли его предложение создать такой самолет. Сейчас он заканчивает испытания. Пока что в мире существуют только два подобных самолета — французско-английский «Кон-

корд» и наш, который вскоре выйдет на линии. «Конкорд» тоже неплох, англичане — искусные мастера по созданию самолетов и других машин. А американцы такого самолета еще не имеют. Вряд ли у нас с Туполевым кто-либо может тягаться. Его ТУ-134, ТУ-154 и сейчас летают и считаются нашими лучшими самолетами.

Не хочу тем самым ни в коем случае принизить достоинства такого замечательного ученого и конструктора, как Ильюшин¹⁸. Он внес большой вклад в победу на войне, создав овечьи немеркнувшей славой штурмовики. Бронированные штурмовики потрясали врага. Затем он изготовил несколько видов отличных пассажирских самолетов. ИЛ-62 мне уже не пришлось испытать пассажиром в воздухе. Когда я еще работал, этот самолет выкатили на аэродром, но выход его на гражданские линии задержался на ряд лет. Сейчас видно из печати, что Сергей Владимирович все-таки добился своего. Его самолет к началу 70-х годов стал лучшим дальнепассажирским в своем классе и по грузоподъемности, и по скорости.

Конечно, есть и другие конструкторы, которые работали над созданием бомбардировщиков, истребителей, пассажирской и сельскохозяйственной авиации. Вот Антонов¹⁹ сделал могучую пассажирскую машину с большими грузоподъемностью и радиусом действия. У него получились полезные самолеты и для сельского хозяйства, и для Севера.

Всех я не могу перечислить, но я выражаю свою признательность этим людям, с которыми мне приходилось работать и которые много сделали для того, чтобы укрепить нашу страну как в оборонном отношении, так и в вопросах экономики и, я бы сказал, технического престижа.

Сегодня 28 июня, воскресный ясный, солнечный день. Теперь я узнаю числа по газете. Продолжаю свои воспоминания о беседах с Туполевым, о его предложении построить атомный бомбардировщик. Когда я отдыхал на даче близ Ливадии, отдыхавший по соседству Туполев частенько заходил ко мне: от его санатория «Нижняя Ореанда» до моей дачи семь минут хода. Чаще всего он приходил с папкой и что-нибудь показывал. На этот раз он принес предложение: «Хочу изложить свои соображения о возможности построить бомбардировщик с атомным двигателем». Он станет делать самолет, а за изготовление атомного двигателя брался конструктор Кузнецов²⁰, по тому времени для такого дела сравнительно молодой человек, но очень талантливый. Тот самый Кузнецов, который потом далеко ушел в строительстве двигателей для самолетов и ракет. Речь Туполева звучала очень заманчиво. Предлагался само-

лет с неограниченной дальностью полета. Мы мечтали о самолете с дальностью полета тысяч в 20 километров. ТУ-95 достигал 18 тысяч километров, но это казалось нам маловато. Дело упиралось, однако, не только в дальность, а и в скорость, высоту и грузоподъемность. «Какими они будут?» — спросил я Туполева. «Дальность почти неограниченная, высота та же, которую имеет ТУ-95, и скорость та же, то есть дозвукового самолета». «Но, Андрей Николаевич, — возразил я, — такие высоты и скорость нас не устраивают. На них самолет не преодолеет границу огня наших вероятных противников». «Пока наука и техника нам больших возможностей не дают».

«Тогда какой же смысл строить его сейчас?» — удивился я. «Ну, это Вам решать, а я докладываю, что есть техническая возможность сделать бомбардировщик с атомным двигателем». Я постарался в ответ выразить свое несогласие помягче, но не очень-то у меня получилось. «А может быть, сделать пассажирский атомный самолет?» — задал я встречный вопрос. «О, нет! О пассажирском не может быть и речи, — замахал руками Туполев. — Двигатели на ядерной энергии пока несовершенны. Мы не можем обеспечить полную защиту пассажиров от радиации. Если еще с большими трудностями и сумеем защитить экипаж, то для пассажиров потребуется огромный вес самолета. Это невозможно. К тому же такой самолет будет заражать аэродром». «Раз невозможно, то откажемся». Сейчас точно не помню, сколько стоил бы этот самолет. Туполев назвал огромную сумму. Требовались большие научные и экспериментальные работы, что тоже влетало в копеечку, и все это — на длительное время. Андрей Николаевич не проявил тогда своей обычной страстности и просто предложил товар покупателю, а покупатель пусть уж сам решает, подходит ли ему товар.

Мы договорились отложить данный вопрос. О строительстве пассажирского самолета и думать пока было нечего, а бомбардировщик с такими характеристиками нас не устраивал. Мы не собирались затрачивать деньги впустую. Конечно, разработка могла пригодиться в будущем. Но сейчас грандиозная затрата денег повлечет за собой истощение бюджета. «Давайте, — сказал я, — ограничимся теоретической разработкой, чтобы выделить средства только на исследовательские работы. Их можно продолжать, но не надо форсировать. Возможно, то, что сегодня нельзя сделать, завтра станет реальностью». В то время Архип Михайлович Люлька²¹ тоже брался за строительство атомного двигателя. Его модель оказалась такой тяжелой, что ее невозможно было под-

нять в воздух. А Люлька — хороший конструктор и ученый! Так мы отложили строительство этого самолета.

Мы не особенно огорчились, поскольку уже приняли решение сосредоточиться на выпуске ракет и вели необходимые работы.

Андрей Николаевич не навязывал свои идеи, он сам был не только крупным ученым, но и обладал чувством меры, взвешивал государственные возможности в расходовании средств. Одним словом, он был государственным человеком, ученым с государственным умом и глубокими познаниями в авиационном деле. С Андреем Николаевичем всегда приятно было беседовать. Порою с конструктором случается так, что если не примешь его идею, то сразу почувствуешь надутость и холодность с его стороны. У Туполева я такого никогда не ощущал. Что касается упомянутой беседы, то у меня сложилось впечатление, что он хотел обменяться мнениями по этому вопросу. У него самого еще окончательно новая идея не созрела. Он высказал свои соображения как ученый и конструктор, а потом внимательно отнесся к моим замечаниям. Мы друг друга поняли и приняли правильное решение.

Вернувшись в Москву, я сообщил руководству страны об этой беседе (я всегда старался, чтобы такие решения принимались коллективно). Индивидуальность должна проявляться в инициативе, но крупное решение государственного значения обязательно следует принимать на коллективной основе. Когда я возглавлял правительство и ЦК партии, никогда единоличные решения такого рода не принимались. Да и принять их было невозможно в тех новых общественных условиях, созданию которых я же и способствовал, и старался их укреплять.

Я рассказал об одной встрече с Андреем Николаевичем Туполевым. Таких встреч с ним у меня было много. Сейчас, когда я читаю газеты и вижу самолеты марки ТУ или АН, то вспоминаю далекое-далекое прошлое, 1931 год, когда я впервые познакомился с Андреем Николаевичем Туполевым. Уже тогда его самолеты господствовали у нас в воздухе. Дальше Андрей Николаевич набирал больше конструкторской силы и проявлял себя в своих самолетах. Я не хочу своими высказываниями обидеть других конструкторов. В то время я их мало знал, все было засекречено. Поэтому, возможно, я неточен, высказывая такое мнение. Мне хочется назвать Андрея Николаевича Туполева отцом советской авиации, но так уже называют Жуковского. Во всяком случае Андрей Николаевич — один из конструкторов, зарождавших ее, не только военную, но и гражданскую авиацию. В моем понимании Туполев резко выделялся среди других конструкторов, хотя их, людей талантливых, сравнивать очень тяжело.

Кончается солнечное на радость москвичам воскресенье, а вечерашняя суббота была дождливой. У меня на веранде цветы посеяны в ящиках. Удивительно: на расстоянии трех метров получилось одно место градобойное и одно — неповрежденное, одни цветочки побил град, а другие, буквально рядом, целехоньки, как будто ножом разрезало: это с неба высыпалась гроздь крупного града.

Так бывает в природе. Вот почему от града посевы страдают меньше, чем от засухи. Град никогда не распространяется на большие площади, а засуха может довести страну и до голода.

Ну, этот эпизод я записал мимоходом.

¹ САХАРОВ А.Д. (1921 — 1989) — академик с 1953 г., автор трудов по осуществлению термоядерной реакции и управляемого термоядерного синтеза, магнитного удержания высокотемпературной плазмы, по физике элементарных частиц и астрофизике, гравитации и космологии, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии мира 1975 г. За правозащитную деятельность был сослан в г.Горький (Нижний Новгород, 1980 — 1986). Активный участник работы первых съездов народных депутатов СССР.

² Советская термоядерная бомба впервые была испытана 12 августа 1953 года. В США термоядерное устройство впервые было взорвано 1 ноября 1952 г., а авиационная бомба с термоядерным боеприпасом испытана в 1954 году.

³ «Луна» — серия советских межпланетных автоматических станций с максимальной массой при посадке на Луну в 1880 кг. Первый искусственный спутник Солнца «Луна-1» запущен в 1959 г., тогда же «Луна-2» впервые достигла этой планеты, а первую мягкую посадку на Луну совершила в 1966 г. стационарная «Луна-9» и тогда же первым искусственным спутником этой планеты стала «Луна-10». В 1970 г. «Луна-16» доставила на Землю лунный грунт, тогда же «Луна-17» стала лунным самоходным аппаратом («Луноход-1»). До 1976 г. состоялись полеты 24 «Лун».

⁴ Для обследования на Луне мест посадки космических кораблей «Аполлон» и автоматических межпланетных станций «Сервейер» США запустили в 1966 — 1967 гг. 5 искусственных спутников Луны «Лунар орбитер». Первой обитаемой стационарной станцией на Луне стал в 1969 г. американский «Аполлон-11», а в 1971 г. появился первый управляемый лунный самоходный аппарат «Ровер». До 1972 г. на Луне побывали «Аполлон-15, -16 и -17» и 3 «Ровера» для передвижения астронавтов.

⁵ Летчик-космонавт, полковник, дважды Герой Советского Союза КОМАРОВ В.М. (1927 — 1967) погиб на завершающей стадии полета космического корабля «Союз-1». Космонавты подполковник, Герой Советского Союза Г.Т.ДОБРОВОЛЬСКИЙ (1928 — 1971), Герой Советского Союза В.И. ПАЦАЕВ (1933 — 1971) и дважды Герой Советского Союза В.Н.ВОЛКОВ (1935 — 1971) погибли, возвращаясь на Землю с орбитальной станции «Салют».

⁶ ЗЕЛЬДОВИЧ Я.Б. (1914 — 1987) — академик с 1958 г., трижды Герой Социалистического Труда, автор фундаментальных работ по ядерной физике, фи-

зике элементарных частиц, астрофизике, релятивистской космологии, впервые в 1939 г. вместе с ХАРИТОНОМ осуществивший расчет цепной реакции деления урана. ХАРИТОН Ю.Б. (1904 — 1997) — академик с 1953 г., трижды Герой Социалистического Труда, автор фундаментальных работ по физике горения и взрыва, научный руководитель Федерального ядерного центра России. БУДКЕР Г.И. (1918 — 1977) — академик с 1964 г., основатель и директор с 1957 г. Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР, автор фундаментальных работ по ядерным реакторам, ускорителям, физике, плазмы и частиц высоких энергий, создатель ускорителей на встречных пучках.

⁷ В 1950 г. ФБР арестовала совладельца ремонтной мастерской Дж. РОЗЕНБЕРГА и его жену Э. РОЗЕНБЕРГ-ГРИНГЛАСС, затем выкрала в Мексике их друга инженера М. СОБЕЛЛА, и в 1951 г. всех троих предали суду. В 1953 г. РОЗЕНБЕРГОВ казнили за передачу атомных секретов СССР, а СОБЕЛЛ пробыл на каторге 18 лет. Брат Этель, Дэвид ГРИНГЛАСС, работая в атомной лаборатории Лос-Аламос, передал супругам данные об атомной бомбе; потом был приговорен к 15 годам тюрьмы.

⁸ КЕЛДЫШ М.В. (1911 — 1978) — академик с 1946 г., автор фундаментальных работ по механике и математике, трижды Герой Социалистического Труда, президент АН СССР в 1961 — 1975 гг., теоретический руководитель многих советских космических программ.

⁹ НЕСМЕЯНОВ А.Н. (1899 — 1980) — академик с 1943 г., автор фундаментальных работ по химии элементоорганических соединений, дважды Герой Социалистического Труда, президент АН СССР в 1951 — 1961 гг.

¹⁰ ЛАВРЕНТЬЕВ М.А. (1900 — 1980) — академик с 1946 г., автор фундаментальных работ по математике и механике, Герой Социалистического Труда, организатор и первый председатель (1957 — 1975) Сибирского отделения АН СССР.

¹¹ КАПИЦА П.Л. (1894 — 1984) — академик с 1939 г., дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии 1978 г., автор трудов и крупных изобретений в сфере физики низких температур и сильных магнитных полей, организатор и директор (1935 — 1946 и с 1955 г.) Института физических проблем АН СССР.

¹² РЕЗЕРФОРД Э. (1871 — 1937) — почетный член АН СССР с 1925 г., директор Кавендишской физической лаборатории с 1919 г., лауреат Нобелевской премии 1908 г., открыл альфа- и бета-лучи, разработал вместе с Ф. СОДДИ теорию радиоактивности, предложил планетарную модель атома, предсказал существование нейтрона.

¹³ БУЛЛИТ У.К. (1891 — 1967) — после 1917 г. возглавлял в госдепартаменте США Бюро информации из стран Центральной Европы, руководил в 1919 г. миссией в Советскую Россию с целью прекращения в ней всех военных действий, в 1933 — 1936 гг. стал первым послом США в СССР, далее — посол во Франции, специальный представитель президента РУЗВЕЛЬТА на Ближнем Востоке, специальный помощник министра Военно-Морских сил, участвовал во французском движении Сопротивления.

¹⁴ КАПИЦА А.П. (род. в 1931 г.) — член-корреспондент АН СССР с 1970 г., участник четырех антарктических экспедиций и руководитель академической геофизической экспедиции 1967 — 1969 гг. в Восточную Африку, автор трудов по геоморфологии и о ледниковом покрове Антарктиды, заместитель главного ученого секретаря Президиума Российской Академии наук.

¹⁵ ГЛУШКО В.П. (1908 — 1989) был основоположником жидкостного ракетного двигателестроения. Академик с 1958 г., дважды Герой Социалистического Труда, автор двигателей, установленных на многих космических ракетах.

¹⁶ ТУПОЛЕВ А.Н. (1888 — 1972) — академик с 1953 г., трижды Герой Социалистического Труда, генерал-полковник-инженер, создатель свыше 100 типов тяжелых гражданских и военных самолетов, в том числе первого советского цельнометаллического АНТ-2, АНТ-25. ТБ, СБ, ТУ-2, ТУ-12, ТУ-16, ТУ-104, ТУ-114, ТУ-124, ТУ-134, ТУ-154, сверхзвукового ТУ-144 и др., из которых 70 внедрены в серийное производство. На его самолетах было совершено 28 уникальных перелетов и установлено 78 мировых рекордов. Помимо того, он являлся конструктором аэросаней и торпедных катеров Г-4, Г-5.

¹⁷ АНТ-20 («Максим Горький») потерпел катастрофу 18 мая 1935 года.

¹⁸ ИЛЬЮШИН С.В. (1894 — 1977) — академик с 1968 г., трижды Герой Социалистического Труда, генерал-полковник инженерно-технической службы, создатель бомбардировщиков ИЛ-4 и ИЛ-28, штурмовиков ИЛ-2, ИЛ-10, ИЛ-40, пассажирских самолетов ИЛ-12, ИЛ-14, ИЛ-18, ИЛ-62 и др.

¹⁹ АНТОНОВ О.К. (1906 — 1984) — академик с 1981 г., Герой Социалистического Труда, создатель ряда транспортных и пассажирских самолетов серии «АН», в том числе «Антей» (АН-22) и «Руслан» (АН-124), и планеров. Автор трудов по воздухоплаванию и экономике.

КУЗНЕЦОВ Н.Д. (род. в 1911 г.) — академик с 1974 г., дважды Герой Социалистического Труда, который создал реактивные двигатели не только для ракет, а и для самолетов АН-22, ТУ-144, ТУ-154, ИЛ-62, ИЛ-86 и др. В Российской Академии наук возглавил Научный совет по проблеме «Надежность и ресурс в машиностроении».

²¹ ЛЮЛЬКА А.М. (1908 — 1984) — академик с 1968 г., Герой Социалистического Труда, создатель первого в мире двухконтурного турбореактивного двигателя и других авиадвигателей, исследователь новых энергетических веществ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЛАСТИ, О ЖУКОВЕ, МАЛИНОВСКОМ И ДРУГИХ

После смерти Сталина (я все время упор делаю на этой рубежной дате), на нас свалились заботы о безопасности страны, о вооружении армии. Свалились на наши, в государственном понимании, молодые плечи. Раньше мы обороной не занимались. Булганин, как министр обороны, должен был кое-что знать. Его я знал как «облупленного» и знал, тому пример — его оценка Челомея¹, что на него целиком положиться нельзя. Дальше — больше. Ког-

да пришлось заменить в руководстве страны Маленкова, Молотова и всю их компанию, которая взбунтовалась в ЦК партии против антисталинского направления политики, возглавленного мною, мы вынуждены были освободить Булганина от поста Председателя Совета Министров².

Меня уговорили занять этот пост. Я искренне говорю, именно уговорили. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов Председателя Совета Министров СССР и Первого секретаря ЦК партии. Председателем правительства я видел Алексея Николаевича Косыгина. На международном совещании я его как наиболее вероятного кандидата на этот пост даже представил Мао Цзэдуну. Такая сложилась тогда ситуация: нажимали буквально все, что именно так следует решить, что так будет более правильно. Я видел не только бесполезность, но и вред совмещения, я даже ссылался: «Представьте мое положение, я критиковал Сталина за совмещение в одном лице двух таких ответственных постов в государстве и в партии, а теперь сам...»

Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а, может быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление. Еще до того как я стал Председателем Совета Министров СССР, Булганин внес предложение назначить меня, как Первого секретаря ЦК КПСС, Главнокомандующим Вооруженными Силами, тем более, что в Президиуме ЦК военные вопросы, вопросы армии и вооружений относились к моей «епархии». Это произошло без публикации в печати и было решено сугубо внутренним образом, на случай войны. Внутри армии об этом известии только высший командный состав.

Осенью 1957 года вынуждены были мы расстаться и с Георгием Константиновичем Жуковым³. Для меня это было очень болезненным решением. Я бы сказал, это было надрывное для меня решение. У меня чувства боролись с разумом. Чувства мои были на стороне Жукова, с ним я много-много лет проработал и относился к нему с большим уважением. Из военных с Жуковым я был ближе других, как и с Тимошенко. Они в свое время командовали Киевским военным округом, мы часто встречались и по делу, и в товарищеской обстановке, вели непринужденные беседы. Я высоко ценил Жукова как военного. После отстранения от руководства Молотова, Маленкова и других, кто хотел возврата к сталинским порядкам, Жуков вошел в состав политического руководства. Он стал членом Президиума ЦК. Жуков, и вообще военные, сыграли активную роль в подавлении инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы. Но когда Жуков вошел в состав Прези-

диума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о «бонапартистских» устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда.

Вместо него министром обороны назначили Малиновского⁴. Это назначение тоже проходило болезненно. В партийном руководстве возражений против Малиновского не было. Конечно, общесоюзный и мировой авторитет Малиновский имел ниже, чем Жуков. С другой стороны, маршал Малиновский отлично зарекомендовал себя во время войны и был не случайной личностью в военной сфере. Жукову в личном плане он уступал по энергии, напористости, обладая спокойным, несколько медлительным характером. Но он не уступал ему по вдумчивости.

Я отдал предпочтение Малиновскому по сравнению с другим прославленным маршалом — Коневым⁵, хотя я высоко ценил его военные способности. Я считал, что Конев способен повести себя неоткрыто в отношении партийного руководства и правительства.

Когда решался вопрос, кого же назначить вместо Жукова министром обороны, Жуков поставил вопрос в упор, по-солдатски: «Кого назначаете вместо меня?» Я вынужден был ему отвечать, хотя мне не хотелось с ним обсуждать этот вопрос, я сказал:

— Мы назначаем Малиновского.

— Я бы предложил Конева, — отрубил он.

Конев при этом присутствовал, и мне не хотелось его обидеть. Достоинства Конева не меньшие, чем Малиновского. Малиновский тоже не уступал в своих знаниях, а может быть, даже и превосходил Конева. Эти люди разные по характеру.

Вот так сложилось. Я и сейчас очень уважаю Жукова, хотя он в своих воспоминаниях меня помянул недобрым словом. Я на него не в обиде. Я приписываю эти строки не ему, а тем, которые, пользуясь его материалами, создавали книжку. Эта книжка не могла быть жуковской. То, что там напечатано, Жуков написать не мог. Он гордый и порядочный человек, на восхваление в адрес Сталина не способный. Не может Жуков, честный человек, обелять Сталина, когда известны его убийства и ущерб, который он нанес нашему народу. Столько людей партии уничтожил Сталин! Он уничтожил

все хозяйственные, инженерные кадры. Тысячи уничтожил. Не найти ему, как некоторые сейчас пытаются, исторического оправдания. Это означает оправдать будущих авантюристов, которые способны на повторение такого. Хотя бы и из «благородных побуждений», во имя укрепления государства. Так Сталин, оправдывая казни Иоанна Грозного, и сам встал на тот же путь уничтожения людей. Люди, вроде меня близкие к Сталину, читая «Князя Серебряного» Алексея Константиновича Толстого, подтвердят, что все эти проделки Иоанна Грозного — буквально копия того, что делал Сталин.

С большой душевной болью пришлось нам, особенно мне, расстаться с Жуковым. Но этого требовали интересы страны, интересы партии.

Вспоминается мне одно очень дельное предложение Жукова. Жуков стремился не допускать к руководству армией людей престарелого возраста. Что такое престарелый возраст? Это понятие не абсолютное. Но это и не трагедия. Следовало определить предельный возраст. У нас он определен не был. Тогда Жуков предложил, что командующими военными округами могут быть лица не старше 55 лет. Он мотивировал тем, что, если начнется война, то потребуются физическое здоровье. Я с ним согласился. Необходимо, чтобы командир и физически был здоровым, и находился в трезвом и здравом состоянии его мышление, его мозговая деятельность. В случае войны требуется большое напряжение: надо расставить кадры, правильно обеспечить их работоспособность. На этом основании мы тогда произвели большие перестановки в высшем командовании армии и флота.

Затем заболел начальник Генерального штаба маршал Соколовский⁶. Я ценил его как штабного офицера гораздо выше других. Это было человек трезвого ума и со способностью теоретических обобщений, деятельно занимавшийся строительством армии. Но он уже болел, и пришлось его заменить. Дошла очередь и до маршала Конева, тоже очень сильно болевшего, причем со времен войны. Правда, сейчас он еще где-то работает, точнее не работает, а живет. Как говорится, скрипит еще.

Начальником Генерального штаба назначили Захарова⁷. Он отвечал этому назначению и по уровню подготовки, и по человеческим качествам. Но, к сожалению, на мой взгляд, как раз подходил под ту категорию лиц, о которой говорил Жуков: раньше своих лет состарился, дремал на военных совещаниях и засыпал на заседаниях Совета Министров СССР. И мы с Малиновским решили, что нельзя держать начальником Генерального штаба человека, который постоянно дремлет, лучше подобрать голову посвежее.

Выдвинули Бирюзова⁸. После того, как он погиб при авиакатастрофе, вернули на прежний пост Захарова. У меня лично против Захарова абсолютно ничего нет. Просто вижу, что он стар, и не столько по возрасту, сколько по физическому состоянию.

ОБ ИЗРАИЛЕ, ЕГИПТЕ, ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ И НАШИХ ВОЕННЫХ

Может быть, состоянием Захарова и некоторых других военных деятелей СССР нужно объяснить неудачи Египта в шестидневной войне 1967 г. с Израилем, раз наши военные имели там со стороны Египта решающий голос? Они вместо того, чтобы удержать Насера от войны, видимо, убедили наше руководство в правоте его позиции.

Я до сих пор не могу понять, как могли допустить до полного разгрома египтян. Советский Союз несет свою и очень большую долю ответственности за происшедшее. Мы могли бы удержать Насера от неподготовленной войны, могли бы правильнее оценить обстановку уже после начала военных действий. Вообще следовало не добиваться ликвидации существования государства Израиль, а иными средствами стремиться к равноправию арабов Палестины. Недоучли и силы Израиля. Тут вина и разведчиков, и дипломатов, но все же в основном военных, потому что за ними остается последнее слово.

Досаднее всего, что было продемонстрировано отставание советского обычного неядерного оружия. Все знают мощь нашей ракетной техники и ядерного оружия. А вот средства войны, позволяющие вести ее без применения ядерного оружия, оказались не на должном уровне. Доктрина Макнамары⁹ оправдала себя. Израильская армия использовала американское оружие и продемонстрировала его эффективность. Мы же, если можно так выразиться, потерпели поражение. Вышел такой конфуз.

Видимо, наши силы обычного типа, особенно авиации, недостаточны, раз мы не смогли обеспечить господство в воздухе. В противном случае арабы сами смогли бы наносить удары по израильским войскам, и сложилась бы иная картина событий. Про-

шло уже несколько лет, а арабы не смогли переломить ситуацию. Господство в воздухе сохраняется за Израилем, их самолеты практически безнаказанно летают над территорией Египта.

¹ ЧЕЛОМЕЙ В.Н., работая в Центральном институте авиационного моторостроения, создал в 1942 г. первый в СССР пульсирующий воздушно-реактивный двигатель. Истребители ЛА-11 с этим двигателем летали с 1947 г. В связи с реорганизацией конструкторских бюро он временно оставил конструкторскую работу, став в 1953 году профессором МВТУ им. Баумана.

² Июньский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС вывел из состава ЦК и Президиума ЦК за фракционную деятельность МОЛОТОВА В.М., МАЛЕНКОВА Г.М., КАГАНОВИЧА Л.М., ШЕПИЛОВА Д.Т. и др. БУЛГАНИНУ Н.А. объявили строгий выговор с предупреждением, а в 1958 г. его освободили от поста главы правительства.

³ В 1956 г. ЖУКОВУ Г.К. в четвертый раз было присвоено звание Героя Советского Союза, и он стал кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, а в 1957 г. — членом Президиума. С февраля 1955 по октябрь 1957 г. он являлся министром обороны СССР. С 1958 г. — в отставке.

⁴ МАЛИНОВСКИЙ Р.Я. — Маршал Советского Союза, возглавлял Министерство обороны с 1957 по 1967 год.

⁵ Маршал Советского Союза КОНЕВ И.С. (1897 — 1973) был с 1955 г. главнокомандующим Объединенными Вооруженными Силами стран — участниц Варшавского договора, с 1961 г. — главнокомандующим Группой советских войск в Германии, с 1962 г. — в отставке.

⁶ СОКОЛОВСКИЙ В.Д. (1897 — 1968) — Маршал Советского Союза, возглавлял Генштаб в 1952 — 1960 гг.

⁷ ЗАХАРОВ М.В. (1898 — 1972) — Маршал Советского Союза, был начальником Генштаба в 1960 — 1963 и 1964 — 1971 гг.

⁸ БИРЮЗОВ С.С. (1904 — 1964) — Маршал Советского Союза, возглавлял Генштаб в 1963 — 1964 гг.

⁹ МАКНАМАРА Р.С. (род. в 1916 г.) был в 1961 — 1968 гг. министром обороны США. Его стратегическая доктрина гибкого реагирования, принятая официально в НАТО, предусматривала, в частности, при отсутствии мировой войны на основе ядерного оружия, быструю готовность к ведению локальных войн.

СОКРАЩЕНИЕ АРМИИ

Как известно, мы провели сокращение численного состава советских Вооруженных Сил. Это был тоже один из самых болезненных вопросов¹. В свое время Сталин считал, что мы нахо-

димся накануне возможного нападения со стороны США. Все было приведено в боевую готовность. И армию мы содержали огромную, в пять с лишним миллионов человек.* Очень накладно в мирное время иметь такую армию. С ней можно без всякой войны надорвать экономику страны, самым осуществив то, чего именно и добивается наш противник. Он достигнет своей цели без войны. А бороться за разоружение или хотя бы сокращение вооружения, когда имеешь огромную армию, невозможно. Никто нам на слово не поверит. И скрыть такую армию нельзя, разведки и тогда знали, и сейчас знают состав армий двух сторон. Американцы основные цифры вообще не держат в секрете, публикуя их в печати. Мы скрываем, но результат тот же. Когда я читал сводки из зарубежной прессы или материалы закрытого характера, то видел, что американцам точно известен и состав нашей армии, и ее вооружение, и даже новые виды оружия. Я как-то спросил Малиновского: «Что же это такое? Их агенты имеются в нашем Генеральном штабе? Как противник столь быстро узнает все наши новости?» Малиновский пожал плечами: «Видимо, тут заслуга его воздушной разведки и других технических средств».

Мы честно хотели убедить своих бывших союзников в том, что нужно отказаться от войны как средства политического нажима и вмешательства во внутренние дела других стран, призывали пойти на сокращение вооруженных сил, а потом и на полное разоружение. Решили продемонстрировать свои мирные намерения, ликвидировав военно-морскую базу в Финляндии² и выведя наши войска из Китая. Потом стали думать о численном сокращении вооруженных сил³. Мы накопили некоторое количество единиц ядерного оружия и его носителей, наша огневая мощь возросла во много раз. А ведь сила армии определяется в настоящее время не количеством солдат, именно огневая мощь определяет возможность поражения противника. Поэтому мы считали, что ничем не рискуем. Наоборот, сокращая армию, обогащаем бюджет и обретаем возможность переключить ресурсы на развитие средств производства и средств потребления ради повышения жизненного уровня граждан. Особенно остро стояла жилищная проблема. Требовались крупные средства на жилищное строительство, чтобы ликвидировать «голод» на жилье и те нечеловеческие условия, в которых жили наши люди.

Придя к выводу, что можем сократить наши Вооруженные

* На 1 марта 1953 г. в Советской Армии служило 5 396 000 человек.

Силы, мы уменьшили даже воинский контингент, расположенный в ГДР. Восточные немцы имели тогда небольшую армию. В целом мы опустили численность нашей армии до двух с половиной миллионов человек. Армия США в то время примерно была такой же, ФРГ обладала сначала малыми силами, потом расширила их и ныне имеет у себя все виды вооружения, кроме ядерного. Несмотря на наш добрый пример, наши бывшие союзники не последовали за нами и отказались от честного соглашения.

Американцы настаивали на параллельном разоружению авиационном контроле, охватывающем всю нашу страну. Мы в то время пойти на это не могли, так как были вооружены слабее, чем США с их союзниками, и не хотели выявить это. Допустить к себе контролеров означало позволить потенциальному противнику разведать, чем мы располагаем, и взвесить соотношение сил двух сторон, что могло бы подтолкнуть агрессоров к войне. Мы согласились лишь на уступки, допуская контролеров на определенную часть нашей пограничной территории. Если на границах установить на какую-то глубину контроль, он позволит предотвратить внезапное нападение обычных вооруженных сил. Во всяком случае, при таком контроле внезапное нападение на территорию соседнего государства исключается. За исключением межконтинентальных ракет. Но межконтинентальные ракеты могут разрушить страну — это не главная цель в войне. Главным считался и считается захват территории.

Мы соглашались на установление взаимного контроля на аэродромах, которые допускают быстрое сосредоточение войск в нужном направлении. Но и это не нашло понимания, соглашения не достигли.

У нас остался единственный выход: продолжать укрепление обороноспособности и наращивать вооружения, но разумно наращивать, не поддаваясь панике или запугиванию, которое нередко проводится разведками с целью вынудить противную сторону затратить лишние средства. Вооружение быстро стареет, потом его выбрасывают, тратят новые средства, и так без конца. Непрерывная гонка вооружений ведет к истощению страны и гибельно отражается на жизненном уровне народа.

Я и сейчас стою на тех же позициях: нельзя идти на поводу у противника. Надо исходить из собственной огневой мощи. А огневая мощь, я считаю, у Советского Союза достаточна. У нас есть главное — межконтинентальные ракеты и другие стратегические ракеты дальнего действия, плюс подводный флот, вооруженный атомными и неатомными зарядами. Если бы я мог сейчас влиять на принятие решений, я бы армию еще больше сократил.

Не надо расходовать зря деньги, нельзя дать противнику запугать себя, вынудить расходовать на оборону больше, чем необходимо. Нужен разумный подход к обороне. Это было бы большим козырем в нашей политической деятельности. Мы бы могли демонстрировать добрые намерения, не угрожая никому. Это было бы убедительно для рабочего класса капиталистических стран, давало бы возможность сторонникам мира с большим успехом проводить работу среди народа, оказывать большее давление на правительства, на военные агрессивные силы, которые стоят за «холодную» войну и каждую минуту могут сорваться с «холодной» войны на «горячую». В мое время возникало много вопросов в связи с поставленными мною задачами перевооружения нашей армии и ее сокращением. Что касается перевооружения, здесь военные всегда «за». Дело политиков — определить пределы разумного, установить границы.

¹ Предложение о всеобъемлющей программе разоружения СССР внес в 1955 г., а в 1959 г. выдвинул предложение о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем.

² Порккала-Удд была предоставлена Советскому Союзу на правах аренды по соглашению о перемирии с Финляндией от 19 сентября 1944 г. под военно-морскую базу сроком на 50 лет.

³ За 1955 – 1958 гг. СССР сократил численность своих Вооруженных Сил на 2,149 млн. человек, а в 1960 г. был принят закон о дополнительном их сокращении еще на 1,2 млн. Вооруженные силы других социалистических стран в Европе сократились за те же годы на 0,456 млн. человек.

О МИРЕ И ВОЙНЕ

Идет соревнование: кто лучше будет подготовлен для уничтожения войск противника. И это в наше просвещенное время, век взлета человеческой мысли, науки, культуры, литературы и искусства! Человечество тратит свою энергию в большей степени, чем когда бы то ни было на собственное уничтожение. Один готовится уничтожить другого. Это и есть классовая сущность общества, когда существуют государства с различным социально-политическим устройством. В обществе действуют антагонисти-

ческие силы, и мы не можем договориться о мирном сосуществовании, о том, чтобы вопросы социально-политического строя каждой страны решались бы без войн, народами каждой страны по своему усмотрению. Необходимо взять и выполнять каждой стороной обязательства не вмешиваться во внутренние дела другого государства. Революция не экспортируется. И контрреволюция также не должна экспортироваться.

Конечно, глупо делать вывод, что мы стоим на позициях мирного сосуществования в вопросах идеологической борьбы — это вопрос воздействия на умы. Здесь договориться невозможно, и я высмеивал западных журналистов, когда они спрашивали: «Господин Хрущев, а нельзя ли мирное сосуществование распространить и на идеологические вопросы?» Нет. Это невозможно.

Но я считаю, и Ленин так считал, что мирное сосуществование необходимо между государствами с различным социально-политическим устройством. Я сейчас не буду говорить, возможно оно или нет. Пока жизнь подтвердила, что возможно. После 1945 года мы живем в условиях мирного сосуществования, хотя отдельные войны местного характера ведутся уже сколько лет. Сразу после окончания Второй мировой войны начались военные столкновения в разных точках земного шара. Хотя следовало бы и тут придерживаться доктрины, что контрреволюция не экспортируется, как не экспортируется революция. Следовательно, невмешательство должно быть обязательным для каждого государства. Должна быть предоставлена возможность каждому народу, большому и малому, решать внутренние вопросы социально-политического устройства так, как выскажется сам народ.

В нынешних условиях международной напряженности возникает очень большой соблазн для военных. Если их не контролировать, дать им возможность решать, что требуется для безопасности страны, то они своими непомерными запросами могут разорить страну, несмотря на то, что они коммунисты и патриоты. Я уже не говорю, что порой безответственное фантазерство и хвастовство поражают даже самых лучших военных, и правительство должно всегда иметь узду для этих людей, не отдавать военным на откуп вопросы безопасности. Здесь может начаться растрата народных средств, совершенно неоправданное истощение бюджета. А все ложится на плечи нашего народа.

Одно дело — защита от войны. Народ, переживший такую войну, все отдаст, ничего не пожалеет для того, чтобы создать средства обороны. Но здесь легко столкнуться со спекуляцией. Сегодня правильный выбор — это ракеты, это ядерное оружие,

это подводный флот. К другим средствам ведения войны надо подходить очень сдержанно и очень глубоко продумывать, оправдаются ли затраты на них. Какая цель преследуется, как решаются поставленные задачи средствами, на которые затрачиваются деньги.

Это очень важный вопрос. Его трудно решать. Трудно потому, что, к примеру, моряки сейчас хитрее стали. Они стараются запугать правительство силами противника. Смотрите, мол, Соединенные Штаты имеют авианосцев столько-то, а в Англии — столько-то, у Франции есть авианосцы и прочее, и прочее. Почему мы, великая держава, не имеем их? И нам надо! Они могут пустить пыль в глаза и затуманить мозги, и доказать обратное, и вырвать у правительства деньги.

Да, нам все надо... Но только зачем они нам нужны? Главное ли это? Защищают ли они нашу страну и сдерживают ли нашего противника от нападения на Советский Союз и на наших союзников — социалистические страны? Нет. Главное, что сдерживает агрессора, — это ядерное оружие и ракеты.

В этой связи я снова вспоминаю слова Эйзенхауэра, а он человек был неглупый, я верю ему. Он боялся войны, настоящей войны. Он мне тогда в личной беседе говорил:

— Я, господин Хрущев, очень боюсь и не хочу войны.

Он не успокаивал меня, а понимал как военный человек, что значит война. Он видел воочию вторую мировую войну, где служил главнокомандующим вооруженными силами наших союзников. Он конкретно представлял, что такое война будущего — третья мировая война. Он правильно боялся этой войны и хотел с нами договориться.

Скажут: «Хвалишь Эйзенхауэра, сам с ним вел переговоры. Хотел, искренне хотел договориться, а не договорился».

Да, не договорились. Хотя этого и мы хотели, и он хотел. Но у нас разные позиции. Время тогда еще не созрело. С Эйзенхауэром я имел беседу, когда был в Америке. Мы вдвоем разговаривали в Кэмп-Дэвиде. Конечно, не буквально вдвоем. По-моему, я с ним никогда один на один не оставался, всегда со мной был товарищ Громыко, которого я уважаю и который соответствовал своему назначению, — хороший министр иностранных дел. Я его уважал за скромность, за трезвость ума и за выдержку. Эйзенхауэр тогда сказал, улыбаясь:

— Я хотел бы вас спросить, как вы решаете вопрос военных ассигнований? Но прежде, чем вы ответите, я вам скажу, как это происходит у нас. Как военные вырывают у правительства Соеди-

ненных Штатов деньги на вооружение. Приходят военные и говорят: надо столько-то денег на такое-то мероприятие. Я говорю: нет денег. Деньги все расписаны и свободных денег нет. Если вы не дадите, говорят, русские работают над этой проблемой, и они решат эту проблему раньше, чем мы. Тогда у нас не будет оружия, которое будут иметь русские. Я соглашаюсь и даю деньги.

Он, конечно, образно говорил «я», имея в виду правительство Соединенных Штатов Америки.

— А у вас как эти вопросы решаются? — повторил Эйзенхауэр.

— Господин президент, — говорю я, — точно так же. И у нас приходят военные, требуют деньги на вооружение. Мы говорим, что денег у нас нет. Нам тоже наши военные повторяют то, что ваши говорят вам: если вы не дадите, а Америка работает над этой проблемой, она близка к решению и, если мы сейчас не получим деньги, то окажемся в худшем положении. И мы тоже даем деньги, другого выхода нет.

— Вот хорошо бы нам договориться, — пошутил президент.

— Собственно, за этим я приехал, — сказал я. — Это наша давняя мечта — договориться.

Долго мы вели разговоры, но договориться все-таки не смогли. Американцы тогда еще не были готовы к восприятию равноправного мирного сосуществования, и они навязывали миру сохранение старой системы. Я говорил тогда Эйзенхауэру, а потом и Кеннеди, что времена «священных союзов», которые когда-то создавались для сохранения монархических режимов, сохранения статус-кво, прошли. В наш век это повторить невозможно. Это наша позиция, а они придерживаются другого мнения. Богатые расходуют средства без контроля масс, дерут шкуру в виде налогов и проводят свою агрессивную политику.

По некоторым вопросам мы все же договорились. Мы договорились — уже, правда, с Кеннеди — о прекращении испытаний ядерного оружия в воздухе, под водой и на земле, в трех сферах. Мы не договорились о подземных испытаниях и по другим вопросам. Тут сильно сказывалось соотношение сил: в количественном отношении мы уступали в ядерном вооружении. Это, видимо, подхлестывало американцев, возбуждало желание оказать давление на нас с тем, чтобы вырвать лучшие условия в соглашении о разоружении, получить перевес. Мы правильно понимали свое положение, правильно оценивали свои возможности и шли на ограниченное соглашение. Для соглашения, которое бы удовлетворило обе стороны ни условия, ни время еще не созрели.

ЯДЕРНЫЕ И НЕЯДЕРНЫЕ ВОЙНЫ

Существует мнение, что могут вестись войны без применения ядерного оружия. Это мнение подтверждается практикой. Прошла война в Корее. Америка «влезла» в эту войну, вмешалась во внутренние дела корейского народа. Несмотря на то что армия США потерпела поражение от северокорейской армии, вернее, от китайской армии, военные заправила Америки не рискнули применить ядерного оружия, хотя раздавались голоса, что его надо применить.

Уже сколько лет ведется война во Вьетнаме. А прошедшая и незаконченная война на Ближнем Востоке, война Израиля против Египта. Здесь стороны не имели ядерного оружия, хотя союзники им обладали. У нас нет военного союза с Египтом, но наши симпатии всегда были на стороне египетского народа, египетского государства. Израиль тоже имеет за плечами союзника, располагающего ядерным оружием любого калибра — Соединенные Штаты. Все-таки пока ядерное оружие не применяли. Правда, здесь нужно внести поправку: Израилю не требовалось применять ядерное оружие, он нормальным классическим вооружением добился разгрома египетской армии и армий союзников Египта: Сирии, Иордании.

Но возможна ли мировая война без применения ядерного оружия? Это вопрос, который мы постоянно задавали себе, когда я занимал ответственный пост в советском государстве. Я думаю, что невозможно. Предположим, начнется война, даже не ядерным ударом, а с применением классических видов оружия. Затем произойдет перелом, и будут подорваны силы одного из противников, владеющих ядерным оружием. И что, он не применит его против своего противника? Я в это не верю! Не верю. Утопающий, как говорится, хватается за соломинку. А здесь военная катастрофа... Я убежден, что будут нажаты кнопки, ядерными взрывами закончится такая война. Поэтому надо все делать для того, чтобы не допустить войны. Не допустить катастрофы, которая неизбежно разразится, если начнется война и будет пущено в дело ракетно-ядерное оружие.

Мы испытали подобный накал, когда оказались на грани использования ядерного оружия во время Карибского кризиса. Я уже высказывался по этому поводу и публично, и в своих воспоминаниях. К счастью, мы смогли договориться. Почему? Боялись взаимного ядерного удара. В этой связи очень примечательно сделанное в Вене в июне 1961 года на нашей встрече с президентом Кеннеди публичное заявление президента, что Соединен-

ные Штаты могут дважды уничтожить Советский Союз, но Советский Союз может один раз уничтожить США. Казалось бы, Соединенные Штаты Америки сильнее Советского Союза. Но это лишь арифметическое сравнение. Каждый здравомыслящий человек понимает, что уничтоженного человека второй раз подвергать уничтожению смысла нет. Главное в этом заявлении — признание силы Советского Союза и этого нам достаточно.

Журналистам на вопрос: «Как вы относитесь к словам президента?» — я отвечал: «Мы не кровожадные, уничтоженного раз, второй раз убивать не собираемся».

Да, это было признание равных возможностей в вопросах войны. Это историческое признание со стороны такой могущественной державы, как Соединенные Штаты Америки. Признание силы первого в мире социалистического государства, советского государства. Мы и сейчас существуем, опираясь на собственную силу, на собственное вооружение.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ИЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Сегодня 8 мая 1970 года, завтра наша страна отмечает День Победы. Мы одержали победу с оружием в руках. Сегодня люди, с которыми я встречаюсь, частенько спрашивают меня о гонке вооружений, развернувшейся между соперничающими державами. Она поглощает огромные ресурсы. Если бы удалось прекратить гонку вооружений, мы сохранили бы массу средств, а их народ вынужден отдавать на вооружение. Это — мечта политического руководства СССР. Казалось, теперь мы вышли на рубеж, когда можно остановиться и направить средства на удовлетворение потребностей людей. Но пока что это иллюзия, на практике получается совсем иное. Наука развивается, техника совершенствуется, появляются все новые и новые виды вооружения, которые превосходят вчерашние. Все страны в одинаковой степени пользуются такими «благами прогресса», этим бичом, подстегивающим конкурентов и разжигающим стремление к перевооружению. И опять выделяются на это большие средства.

В свое время моя встреча с президентом Эйзенхауэром, когда мы оба высказались за разоружение, окончилась тем не менее ничем. Она оказалась малопродуктивной именно потому, что мы не смогли договориться о прекращении гонки вооружений. Сегодня существует ли какой-то проблеск? Появилась ли возможность сдвинуть все страны в сторону понимания необходимости прекращения гонки вооружений? По-моему, есть такой свет в конце туннеля. Не проявляя трусости и не позволяя запугать себя, политическое руководство страны обязано иметь трезвый взгляд на соотношение сил в мире, чтобы, сделав прогноз на будущее, смелее идти по пути разоружения. Если правительство даст вовлечь себя в непрерывную гонку вооружений и не найдет в себе мужества сделать все, что в его силах, для прекращения этой гонки, то такая политика приведет к истощению ресурсов страны: она бесперспективна.

Что я понимаю под трезвым анализом обстановки? Как, идя на разоружение, сохранить СССР в состоянии готовности к отражению агрессии? Главное заключается в том, что сейчас великие державы имеют глобальное вооружение такой мощи и в таком количестве, что можно легко и быстро уничтожить весь мир. Если правильно оценить соотношение накопленного оружия, то появится возможность ограничить затраты на оборону. В свое время я говорил: «Даже при наличии договоренности о неприменении ракетно-ядерного оружия, если разразится война с использованием старых средств, а потом стрелка успеха начнет клониться в пользу одной стороны, то в последнюю минуту, когда иного выхода не останется, эта другая сторона, терпящая поражение, рискнет пойти на применение термоядерного оружия». Вот из чего следует исходить. Это, конечно, плохо, потому что опасность термоядерной войны продолжает висеть над человечеством. Но она же может сыграть положительную роль, когда здоровое руководство разных держав не позволит втянуть себя в истребительную войну.

Кое-кто скажет, что эту теорию опровергает жизнь. Тянется война США во Вьетнаме. Эта война между Вьетнамом и Соединенными Штатами Америки, собственно говоря, карательная; жандармская военная экспедиция со стороны США против страны, которая не только не имеет ядерного и ракетного оружия, но не имеет, собственно, ни промышленности, ни экономического потенциала. Там ведется партизанская война, вот уже сколько лет. Война пока не только не принесла успеха Соединенным Штатам Америки, но теперь ясно для каждого, что американцы терпят

поражение. Если хватит духа и настойчивости у вьетнамского народа, а этими качествами обладают руководители и народ Вьетнама, то агрессия США потерпит полное поражение.

Осуществляются агрессивные вылазки в разных зонах земного шара. Постоянно державы, от которых напрямую зависит сохранение мира, выходят на грань большой войны. Но если обе конфликтующие стороны избегнут ее перерастания в термоядерную катастрофу, то удастся предотвратить конечный крах. Кубинский кризис явился как раз таким испытанием, а окончился разумной договоренностью.

Достигнуто равновесие основных сил, иначе говоря — равновесие страха, о котором прежде говорил Джон Фостер Даллес, балансировавший на грани войны, но он хорошо представлял себе эту грань, и в своей политике до самой своей смерти не переступал ее. Я тогда в шутку говорил, что мы еще не раз будем добрым словом вспоминать Даллеса, который был неглупым, точнее, умным человеком, конечно, с точки зрения своего класса. Он был «верным псом» капитализма и проводил политику в интересах Соединенных Штатов. Это был противник, с которым мы всегда считались, но противник, обладавший даром понимания необходимости со своей стороны считаться с нарастающими силами социалистического лагеря и в первую голову Советского Союза. Когда Даллес умер, Громыко не захотел ехать на его похороны. Мне пришлось ему доказывать, что он неправильно поступает. Тогда проходило совещание министров иностранных дел в Женеве. Все его участники уехали на похороны, и Громыко остался один. Мы ему порекомендовали тоже поехать. Даже приятно поприсутствовать на церемонии похорон своего противника, своего врага.

Как нам быть дальше? Сейчас в мире имеется примерно равное соотношение сил двух лагерей. Здесь вопрос не в арифметике. Вновь напомним слова президента Кеннеди: «Мы, Соединенные Штаты Америки, располагаем термоядерным оружием, которым можем дважды уничтожить Советский Союз. Но и Советский Союз располагает термоядерным оружием, которым он может уничтожить США». Это признание нашей силы.

Мы люди некроважные, шутил я, нам достаточно один раз вас уничтожить, а второй раз уже не потребуется. Даже находясь на грани войны, следует получше определять эту грань, чтобы не переступить ее и не оказаться уничтоженным. Это признание позволяет Советскому Союзу проявлять не только трезвость, но и твердость в своей политике, направленной на ограничение войск и вооружений.

Неядерное оружие не будет решающим фактором для определения принципиальной политической линии, когда речь пойдет не о локальных конфликтах, а о мировом столкновении. Что значит сегодня превосходство, например, в пехоте? То есть, как выражаются военные, в пушечном мясе? Сейчас уже не то время, когда количество солдат или даже полководческое умение решают успех дела. Сегодня все зависит от умения управлять термоядерным оружием. А отсюда вытекает, что СССР, никому не диктуя своих условий, в состоянии навязывать политику разоружения.

Почему я так думаю? Вот мы к 1964 году сократили свои вооруженные силы почти вдвое по сравнению с 1953 годом. Ну и что? Стали слабее? У нас появилось больше страха перед войной? Ничего подобного. Значит, спокойно можно уменьшить количество старого, обычного оружия. Мы ликвидировали свою базу в Финляндии. Разве от этого наши позиции ослабли? Наоборот, и позиции не ослабли, и международный климат улучшился.

Я всегда был и остался сегодня сторонником сокращения вооруженных сил, вывода всех национальных войск с территорий других стран, ликвидации там своих баз. Это выгодно для всех! При существующих ныне международных условиях СССР располагает полной возможностью проводить независимую политику в вопросах вооружений и разоружения. Нам незачем идти на поводу у милитаристов, поддаваться на провокации. Капиталистические страны всегда будут подбрасывать нам идею соревнования в сфере вооружений, навязывать нам большой военный бюджет, чтобы таким способом истощать наши силы и не позволять народам социалистических стран использовать их средства на развитие экономического потенциала, удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей людей. Они уже навязывают нам такое «соревнование».

Военные расходы — это бездна, в которой понапрасну пропадают ресурсы. Естественно, самое лучшее — договориться с капиталистическими странами о прекращении гонки вооружений и о разоружении. Но для этого требуется абсолютное доверие. Полагаю, что сейчас абсолютное доверие между антагонистическими системами невозможно. Но в силах обеих сторон договориться о конкретных мероприятиях. Сумели же мы в 1963 году достичь договоренности о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах — в воздухе, в космосе и под водой. Подземные испытания Соединенные Штаты Америки отказались включить в это соглашение. Оно не снижает военного

потенциала сторон и не ограничивает возможности его наращивания. С другой стороны, соглашение не требует контроля на территории других стран. Сейчас имеются достаточно чувствительные автоматические средства, которые регистрируют взрывы в воздухе, под водой и даже под землей. Они пошли на это соглашение, ни в какой степени не ограничивая своих затрат на вооружение.

Договоренность о нераспространении ядерного оружия ядерными державами в другие страны тоже не ограничит расходы на вооружение. Этот договор направлен на сокращение числа стран, владеющих ядерным оружием. К сожалению, соглашение даже не гарантирует, что страны, пока не владеющие атомным оружием, не смогут его иметь. Нет. Любая независимая страна, проводящая собственную политику, при возникновении у нее желания, а такие намерения кое-где имеются, может создать собственные средства. Для этого сейчас имеются все данные: научные и технические. Нужны только средства и желание. Так что и это соглашение не является гарантией от возникновения термоядерной войны, но в какой-то степени сокращает вероятность ее развязывания.

Да, капиталистическим странам выгодна гонка вооружений. Мы же, принимая ее, как бы даем им какое-то оправдание проведения такой политики. Но могут сказать и наоборот, что прекращение нами гонки вооружений и производства средств ведения войны будет означать подчинение чужой политике. Ничего подобного! Термоядерные ракеты долговременного хранения удержат противника от нападения на нас. Проведение своей политической линии требует от руководства СССР стойкости и прозорливости, умения не дать вовлечь себя в соревнование по растраниживанию национального дохода на средства истребления и одновременно иметь все необходимое для защиты страны. Мы должны строить свой оборонный бюджет, не поддаваясь никакому влиянию милитаристских кругов извне и изнутри.

Я говорил о внутренних силах капиталистических стран, о милитаристских кругах, о фабрикантах средств истребления людей, работающих на войну. А в социалистических странах возможно ли зарождение подобных сил, толкающих правительство на увеличение расходов на вооружения? С точки зрения классового подхода, у нас таких классов нет! У нас нет собственников заводов, нет частной капиталистической собственности. Поэтому таких сил у нас не должно быть. Но существуют ли люди, которые заинтересованы или могут быть заинтересованы в подобной политике? Су-

ществуют. Они могут толкать правительство в неправильном направлении.

Это прежде всего — военные. Военные — они и есть военные. Военные в капиталистических странах и в социалистических странах, конечно, разные и сравнивать их нельзя, но в каких-то точках миропонимания они имеют сродство. И те, и другие хотят иметь больше вооружений, и те, и другие хотят командовать многочисленными армиями. Они всюду доказывают правительству, что противная сторона обладает, дескать, таким оружием, которого нет у нас и которое нам жизненно необходимо. Не следует идеализировать военных, среди них есть люди, которые приобретают кастовое мышление. Оно присутствует и в вооруженных силах социалистических стран. Нельзя поддаваться их влиянию, правительство само должно определять военную политику.

Люди, заинтересованные в расширении армии и в увеличении производства вооружений, не могут политически разумно подходить к решению вопроса обороноспособности, не могут разумно ограничить расходование средств. Это те, кого называют военно-промышленным комплексом. Разумность должна заключаться не в соревновании в затратах на вооружение, на содержание армий. Достаточно иметь армии, способные дать отпор вероятному противнику.

Третья группа лиц такого рода — часть общества, которая поддается на демагогическую пропаганду и начинает давить на правительство в том же направлении. В подобных случаях ответственные руководители должны не бояться идти на конфликт, как не испугался я конфликта ни с адмиралом Кузнецовым, навязывавшим ненужную программу строительства огромного надводного флота. Нельзя идеализировать людей, считая, что если они коммунисты, то автоматически занимают правильную позицию. Ерунда! Сталин тоже был коммунистом, что не помешало ему стать извергом. И Мао был коммунистом, что не помешало ему напасть на братский Вьетнам.

Очень вредно и опасно для социалистической страны бесконтрольное увеличение влияния военных. Есть опасность, что военные могут навязать милитаризацию социалистической страны. Это тоже политика, но она приведет к истощению страны, к истощению народа, к снижению нашего потенциала. Чем больше вооруженных сил, чем больше вооружений, тем хуже будет жить народ. Обновление вооружений неизбежно, и его нужно проводить, но в меру, разумно. А разумность состоит в том, что, учитывая необходимость сохранения обороноспособности и неприступно-

При активном участии Н.С. Хрущева в 1953 году было принято решение об открытии Московского Кремля для посетителей.

На открытии новых станций Калужского радиуса Московского метрополитена.

На технической площадке МТС.

С Петром Шелестом на кукурузном поле в Украине.

С президентом ВАСХНИЛ Трофимом Лысенко.

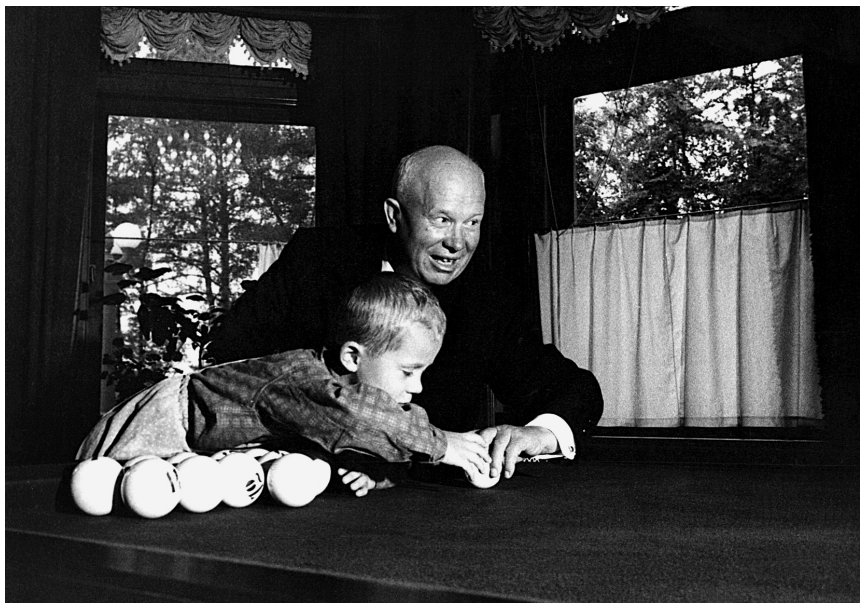
Осмотр новой модели автомобиля «Волга» на Горьковском автозаводе.

На высотной плотине Братской ГЭС.

Н.С. Хрущев и другие члены Президиума ЦК КПСС на охоте в Завидове.

Н.С.Хрущев с внуком Алешей Аджубеем на даче.

С сыном Сергеем и внуками Никитой и Алексеем Аджубеями в окрестностях дачи.

Н.С.Хрущев в окружении высшего командного состава Советской Армии накануне заседания, посвященного 20-летию начала Великой Отечественной войны.

Торжественная встреча первого космонавта планеты Юрия Гагарина в Москве 14 апреля 1961 года.

Руководство ЦК КПСС с Юрием Гагариным и его родителями у мавзолея Ленина после торжественной встречи.

На трибуне мавзолея:
с Юрием Гагариным в 1961 году и с Валентиной Терешковой в 1963 году.

С лауреатом Первой премии Международного конкурса имени П.И.Чайковского Вэнном Клайберном. В то время в СССР его называли Ваном Клиберном.

Н.С.Хрущев и известный кинодокументалист Роман Кармен.

На катере по Дону с писателем Михаилом Шолоховым.

Разговор с литераторами в Кремле. В центре Н.С.Хрущев и поэт Александр Твардовский.

Выставка в Манеже, посвященная 30-летию МОСХ. Н.С.Хрущев и М.А.Суслов в сопровождении руководства Союза художников обсуждают картины Бориса Жутовского. (Рядом с Н.С. Хрущевым).

Автопортрет.

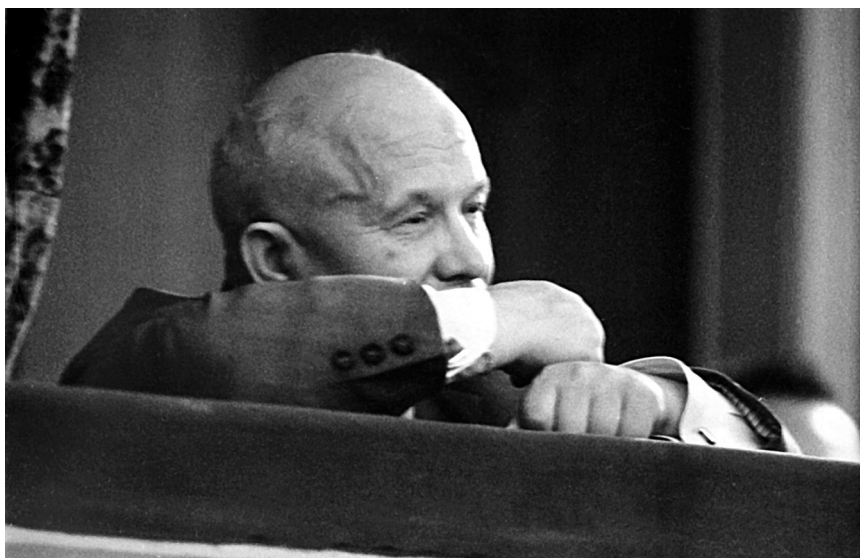

Портрет Толки.

Работы Бориса Жутовского с выставки в Манеже.

Н.С.Хрущев отвечает на выступление поэта Андрея Вознесенского во время встречи советского руководства с деятелями литературы и искусства в Кремле. 1962 год.

В ложе Большого зала Московской консерватории на концерте лауреатов Международного конкурса им. П.И.Чайковского.

Семья Н.С.Хрущева. 1963 год. Слева направо - зять Алексей Аджубей, дочь Елена Хрущева, дочь Рада Аджубей, Нина Петровна, внук Никита Аджубей, Никита Сергеевич, сын Сергей Хрущев, невестка Галина Шумова, внук Алексей Аджубей, внук Иван Аджубей, внук Никита Хрущев.

На этой даче в поселке Петрово-Дальнее Н.С.Хрущев прожил семь лет после отставки в 1964 году.

Никита Сергеевич и Нина Петровна. 1969 год.

Н.С.Хрущев и Петр Кримерман, экономист и журналист. Многие сделанные им фотографии Хрущева-пенсионера иллюстрируют эту книгу.

Н.С.Хрущев с ручным грачом Кавой и восточно-европейской овчаркой Арбатом.

С сыном Сергеем осенью 1970 года.

С дочерью Радой в свой последний день рождения, 17 апреля 1971 года.

Скульптор Эрнст Неизвестный рассматривает только что отлитый на заводе «Монументскульптура» портрет Н.С.Хрущева, предназначенный для надгробного памятника.

Президент США Билл Клинтон у могилы Н.С.Хрущева на Новодевичьем кладбище в Москве. 1997 год.

сти нашей страны, а также экономические возможности, следует как можно меньше средств выделять на вооружение.

В дискуссии по этому вопросу можно впасть в крайности, довести дело до абсурда. Это очень деликатный вопрос. Я исхожу из разумной точки зрения, разумного подхода, правильного учета соотношения сил и конкретных условий, в которых мы живем. При современном соотношении сил капиталистические страны вряд ли решатся на вооруженное столкновение с СССР, хотя и будут проводить подрывную политику против нас. Но это я считаю нормальным, потому что такая политика вызывается классовым антагонизмом. Мы тоже не отказываемся от идеологического противостояния со всеми сопутствующими ему мероприятиями, однако за исключением ведущих к катастрофе.

Здесь необходимо правильное понимание: идеологического мира быть не может и никакие договоры тут не помогут, но и думать о них нельзя. Что такое договор об идеологизированном мире? Это признание правильности существующей капиталистической идеологии, прекращение борьбы против капитализма. Это означает, что мы перестаем быть коммунистами, такого допускать нельзя. С другой стороны, капиталисты также не могут примириться с существованием нашей идеологии. Они будут вести борьбу, насколько у них хватит сил.

В идеологической борьбе, на мой взгляд, борьба должна закончиться победой коммунистического мировоззрения. Но подобное противостояние не противоречит полезным для всех контактам в сферах экономики, культуры и прочего.

Когда мы вели переговоры о возможности достижения соглашения о приостановке гонки вооружений, западная сторона во главу угла выдвигала контроль. Я считаю, что они напирали на контроль потому, что знали, что мы не согласимся. Как только мы попытались договориться о детализации условий контроля, Запад тут же терял энтузиазм. Мы тоже за контроль, но в чем же он должен выражаться?

В послевоенное время западные страны были экономически сильнее, чем мы. Сейчас исход войны решает экономика. У кого экономика сильнее, тот имеет возможность накопить больше средств вооружения. Если сложить материальные средства, которые вырабатываются сейчас странами НАТО и странами Варшавского Пакта, то мы отстаем, меньше производим. Но, несмотря на это уровень, которого мы достигли, позволяет соревноваться в вопросах вооружения. Мы соревнуемся, не отстаем. Если бы сейчас я имел какое-то влияние на исход двусторонних или многосто-

ронних переговоров, то решительно пошел бы на поиски соглашения об установлении контроля над вооружениями. Сегодня полный обоюдный контроль нам не страшен.

Еще в былые времена, когда я занимал соответствующее положение в государстве, мы разработали конкретные предложения, которые передали Западу. Мы и тогда допускали контроль, но в пограничных районах, мы допускали контроль наших Вооруженных Сил, расположенных в Германской Демократической Республике и считали возможным установление контроля в других странах Варшавского Договора.

Мы оговаривали, что инспекции могут углубляться в нашу территорию километров на семьсот или около того.

Мы соглашались и на облет наших пограничных районов на довольно большую глубину, в том числе и на севере. Тогда американцев особенно беспокоила северная часть Советского Союза, оттуда мы можем наносить по Соединенным Штатам удары ракетами. Географическое положение и сейчас не изменилось, как и прежде существует то же желание обезопасить себя, установить контроль.

Американцы долгое время производили разведывательные полеты над нашей территорией в одностороннем порядке. Всем известна история самолета У-2, на котором летал Пауэрс. Самолет нами был сбит, а пилот захвачен в плен и осужден. Потом его передали в порядке обмена американским властям. После этого облеты нашей территории самолетами прекратились. Сейчас отпала необходимость в полетах самолетов. Теперь запускаются спутники-разведчики, которые фотографируют территории. Нашу со своих спутников фотографируют Соединенные Штаты Америки. И мы тоже имеем возможность сфотографировать любую точку на поверхности земного шара.

Я видели и наши снимки, и американские, которые попадали к нам в руки. Они снимали со спутника наши аэродромы. Можно было не только подсчитать количество, но и определить марки самолетов. Я опять повторяю, тогда мы не соглашались на детальный контроль и международную инспекцию, потому что были слабее в вооружении, чем американцы. Если бы контроль был установлен, мы бы тоже узнали больше об американских вооруженных силах, но это нам не принесло бы радости. Это знание еще больше подчеркивало бы слабость нашей страны и превосходство Соединенных Штатов Америки. Агрессивные силы получили бы большое искушение напасть на нас, пока Советский Союз слабее.

Сейчас эти рассуждения не могут быть приняты во внимание. Мы располагаем термоядерным оружием, ракетной техникой — достаточной, чтобы уничтожить Америку и других своих противников из состава агрессивного блока НАТО.

Я считал бы, что на взаимной основе можно пойти и на более широкую инспекцию. Надо иметь в виду, что мы боимся противника, но и противник нас тоже боится. Поэтому теперь контроль нужен всем. Тут можно было бы договориться. Я думаю, что противная сторона тоже хочет обезопасить себя. И она пойдет на разумное соглашение, во всяком случае, такие силы существовали в Соединенных Штатах Америки. Я к таким силам относил президента Эйзенхауэра. Думаю, что к ним относился президент Кеннеди. Я не могу судить о других президентах. Особенно сомневаюсь в Никсоне, потому что это человек, с моей точки зрения, очень неуравновешенный. Я не знаю, имеет ли он какую-то иную точку зрения, кроме идеологической ненависти к коммунизму и ко всему прогрессивному.

Запад настаивает на наземном контроле. Я считаю, нам тоже было бы выгодно иметь инспекторов в американских воинских частях и на аэродромах без права знакомства с военной техникой, самолетами. Цель контроля — исключить тайное сосредоточение войск для первого удара. Скажут: «Шпионить будут!» Будут. И наши представители в странах НАТО займутся тем же. Мы предоставляем равные возможности своим вероятным противникам, если, конечно, хотим договориться. Мы пока не достигли взаимного понимания необходимости полного разоружения. Остается проводить инспекции, исключающие возможность тайной подготовки к нанесению удара. Это имело бы большое значение: обезопасило бы наши страны, предотвратило бы военные столкновения. Могло бы предотвратить. Инспекция не исключает военного столкновения, но служит очень ненадежной, но все-таки гарантией.

Можно к взаимной выгоде установить контроль и на всей территории противостоящих стран. Если ограничить глубину контроля, то при современной технике на границе можно иметь небольшие силы, а основные войска сосредоточить внутри страны. Однако, имея хорошо развитую транспортную авиацию, можно быстро перебросить целые соединения к границе и таким образом добиться внезапности нападения. Правда, это не так легко, даже при современных технических средствах, но все-таки такую возможность исключить нельзя.

С тем, чтобы завоевать большее доверие у партнера, можно

было бы пойти на контроль всей территории. Снова возникнет вопрос шпионажа. Да! Соглашаюсь — шпионаж. Но мы все получим возможность заниматься шпионажем. Шпионажем занимались и в древние времена. Видимо, пока существуют в мире разные государственные системы, эти «профессионалы» не останутся без работы. Тем более инспекция взаимна.

Так что принять условия контроля можно. Еще лучше разработать их в деталях и внести свои предложения. Пусть противная сторона отводит их или оттягивает решение. Мы могли бы опубликовать свои предложения и выглядели бы довольно привлекательно для интеллигенции не только на Западе, но и во всем мире.

Сейчас, я считаю, возможна инспекция даже на военных заводах. Тогда возникает вопрос: что же, конструкции нового вооружения станут известны противной стороне? Но мы будем знать о противной стороне то же, что они узнают о нас. Кроме того, на первых порах можно договориться, чтобы инспекторы наблюдали за продукцией, которая выходит за ворота, но без ее «анатомического» анализа. А количество — пожалуйста. Место нахождения — пожалуйста. А как быть с установлением контроля над ракетами и термоядерным оружием? Я и сейчас колеблюсь. Мне кажется, если бы я решал, то в современных условиях пока не пошел бы на установление взаимного контроля над местами расположения ракетной техники и на контроль над боеголовками. Почему? Какие это средства ведения войны? Наступательные или оборонительные? Они — уничтожающие средства! На первых порах, пока нет должного доверия, их трудно поставить под взаимный контроль. Я не знаю, возможно ли такое доверие при существующем положении, в обстановке существования военных блоков. Главное в войне — оккупация территории. Для этого нужна армия, нужна пехота, как ее называют сейчас, бронепехота, танки и артиллерия. Здесь контроль необходим. Термоядерное оружие стоит на стационаре и всегда готово к бою. Сейчас техника позволяет осуществить моментальный запуск. Ракеты как бы часовой, стоящий на своем посту.

На первых порах доверие, возможно, не самое главное. Главное, чтобы агрессор не был способен уничтожить то или другое государство. Уничтожение целого государства в современных условиях — мечта, которая может появиться у какого-нибудь сумасброда. Но вряд ли человек, обладающий хоть каплей здравого смысла, решится на это. Другая сторона имеет такое же оружие и может нанести такой же сокрушительный удар. Поэтому ракетное вооружение и термоядерные головки могут пока существо-

вать бесконтрольно, служить регулятором взаимного страха и утанавливать равновесие. Мне, кажется, не с них следует начинать. Их можно оставить, как говорится, на закуску, на то время, когда народы войдут во вкус разоружения, появится хоть какое-то доверие и понимание необходимости мирного сосуществования. Когда встанет вопрос о полном разоружении, тогда бы я занялся ракетно-ядерным оружием.

Но прежде всего надо не позволить запугать себя. Кто может быть заинтересован в запугивании руководства нашей страны? Военные. Я уже говорил об их роли и еще повторю: я их не осуждаю. Они, собственно, и поставлены для этого. Они — люди, которые первыми ввязываются в бой, готовятся свою жизнь пожертвовать во имя Родины. Но если смотреть на мир глазами военных людей, то картина окажется довольно мрачной, тогда все средства надо отдать на вооружение, а самим остаться без штанов. Это неразумно. Политики, экономисты, общественность должны правильно понимать эти вопросы и искать решение. Необходимо обезопасить свою страну и дать гарантии для другой стороны. Те же гарантии, ту же уверенность, которые мы хотим получить для себя. Необходима взаимность. Только взаимность позволит воспользоваться благами Договора о ненападении, об инспекции, о предотвращении внезапного нападения.

В свое время я обсуждал эти проблемы с маршалом Жуковым, когда он был министром обороны. У меня с ним были в ту пору наилучшие отношения вплоть до времени, когда своими неразумными действиями он толкнул нас на снятие его с поста министра. Мне в нем нравилось, что, когда мы обсуждали возможность достижения с США какой-то конкретной договоренности насчет разоружения, в том числе допущения инспекции на нашей территории, он, в отличие от многих военных, не проявлял ведомственного твердолобия, которое иной раз отмечается у людей, носящих мундир. Человеком, умевшим рассуждать и глубоко проникать в вопросы, был и маршал Соколовский. Когда я имел дело с ним как с начальником Генерального штаба, то после обмена мнениями мы тоже всегда находили общий язык.

Понятно, что для этого требовались соответствующий уровень мышления, способность отойти от узковедомственной позиции, наличие широкого кругозора. Мало кричать «Мы всех разобьем!». Нужно конкретно представлять себе, что означает «разобьем», как этого достичь, какие окажутся последствия для того, кто «разобьет», поскольку в термоядерной войне не будет, в конечном счете, ни побежденных, ни победителей. Она станет войной

всеобщего поражения. В истории таких войн пока не было. И никакая счетная машина нам не поможет подсчитать неисчислимые и убийственные для всех потери человечества в результате нее. Я не паникую. Мне 76 лет. Я не на ярмарку еду, а давно уже с ярмарки и не знаю, сколько еще судьба отведет мне лет. Поэтому говорю о будущем, о своем народе, о потомках. Лучше не допустить войну, чем прилагать усилия в достижении победы, а как будет протекать война, не трудно предвидеть.

Сколько нужно атомных бомб, чтобы разрушить наши промышленные, административные и политические центры? Есть ли такое количество у противников? Безусловно, есть. Даже с лихвой. И у нас достаточно подобных средств.

Средства защиты, которые создаются на случай термоядерного побоища: глубокие убежища, командные пункты и прочее превратятся в склепы с заживо погребенными. Будут уничтожены и те, кто создавал эти средства уничтожения. Единственный путь к спасению человечества — добиться соглашения на основе взаимного доверия. Тут нечего пытаться перехитрить, как-то обставить, противную сторону. Партнер, с которым пойдут на переговоры, так же умен, как и ты. Тем более не удастся обмануть общественность. Поэтому надо идти на переговоры по-честному, чтобы в итоге обе стороны обрели равные возможности по всем линиям и, следовательно, уверенность в своей безопасности. Я сейчас не остановился бы ни перед чем, чтобы достичь соглашения! «Ни перед чем» означает не капитуляцию, а взаимную договоренность. То, что я представлю противной стороне, она пусть предоставит и мне. Если каждая из сторон поведет себя честно, то сложится большее доверие и можно будет договориться о разоружении. Во всяком случае, о сокращении вооружений.

А как быть тогда с мечтой о коммунизме на земном шаре? Мы, коммунисты, верим в свои идеи, в прогресс, в неумолимое развитие общества на пути к справедливой общественно-экономической формации. И мы уверены, что со временем изменятся условия в капиталистических странах, народы которых (пока что не знаю когда), рано или поздно, отыщут способ установить тот строй, который их устраивает и при котором не останется эксплуатируемых и эксплуататоров. А сегодня надо сохранить мирное сосуществование, провозгласив его главной целью человечества, ограничить растраты человеческой энергии, идущей на создание средств уничтожения, и направить средства на производство средств потребления и производства. Конечно, я не претендую на истинность своих мыслей. Много лет прошло, а я совершенно

отрезан от мира сего, живу старыми понятиями и на старых понятиях основываюсь, раздумывая о мирном сосуществовании, разоружении и прочих мерах, могущих предотвратить войну.

Может быть, сейчас техника настолько шагнула вперед и создала новые, мне неизвестные, условия, может быть, имеется какое-то другое решение. Но вряд ли. Мои рассуждения не свидетельствуют о преуменьшении наших возможностей — это реальные последствия разрушений, которые принесет будущая война, если она разразится. Как для нас, так и для противной стороны. Поэтому надо бы все сделать, чтобы не развязать войну. Мне кажется, что мои рассуждения имеют под собой глубокое основание и они правильны. Такова моя точка зрения. На истину в последней инстанции я не претендую.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ

Сегодня 25 июня 1971 года. Прошло 30 лет с начала Великой Отечественной войны. Наблюдая со стороны за тем, как разворачиваются события в СССР и во всем мире, я задумываюсь и над тем, куда уходят средства, создаваемые трудом нашего народа. Бережное к ним отношение обеспечит правильное распределение накопленного богатства между разными отраслями экономики и культуры, справедливую оплату участникам трудового процесса. К сожалению, здесь много несправедливостей. Существуют большие разрывы между окладами работников различных категорий. К тому же происходит разбазаривание средств в результате ненужного строительства, создания новых ведомств и учреждений. Открываются каналы, по которым растекается народное добро. Тем самым уменьшаются возможности повышения оплаты труда тем людям, которые непосредственно создают материальные и духовные ценности, особенно низкооплачиваемым. Глупо считать, что создателями ценностей являются только рабочие, непосредственно строящие и создающие какие-то виды машин или же продуктов. При современной науке и технике лица, которые, как раньше говорили, просиживают штаны в кабинетах и лабораториях, значат очень много. Без них развивать любое производство невозможно. Мы живем в век кибернетики и авто-

матики. Прогресс ныне определяется не только у станка или верстака, а и за письменным столом и возле лабораторного стенда. На первое место выходят научно-исследовательские институты. Без поднятия квалификации их работников и обеспечения их необходимыми ресурсами двигать дальше прогресс и улучшать жизнь общества невозможно.

Разумная экономия и разумное расходование накопленных средств был важнейшим вопросом вчера, это важнейший вопрос и сегодня, он останется таким же важным и завтра.

Самыми непроизводительными затратами остаются расходы на вооруженные силы. Исключить их пока нельзя, но разумно ограничить можно. Вот первейшая заповедь для государственных деятелей. К сожалению, во всех армиях мира, включая советскую, налицо сплошное рвачество. У этих рвачей как бы благородное прикрытие: они кричат, что пожалеешь средства на них сегодня, заплатишь завтра за псевдоэкономию большой кровью. Это правильно, но этих людей государство должно твердо контролировать.

Правительство должно определять необходимый уровень вооруженных сил, не расходовать лишнего, но и не подвергать страну опасности. Это очень ответственный момент. Я понимаю, мы живем в особое время. Раньше вопрос решался просто: сколько и почему. Сколько штыков? Сколько винтовок? Сейчас время совсем другое, количество штыков не является решающим, а все определяет мощь, качество ракетно-ядерного огня, которым располагает та или другая страна.

Знакомясь с моими записями, некоторые могут неправильно истолковать мое стремление к сокращению Вооруженных сил Советского Союза. Могут сказать: империалистический лагерь мечтает об уничтожении социалистических стран, а Советский Союз — ведущая сила, сдерживающая агрессоров. Правильно ли в таких условиях сокращать Вооруженные силы? Я считаю, что такие люди могут найтись в первую очередь среди военных. К сокращению Вооруженных сил мы подошли, когда министром обороны еще был Жуков, но главным образом это происходило при Малиновском? Я должен отдать должное, Жуков с очень большим пониманием относился к необходимости сокращения расходов, денежных и материальных средств, на вооружения. Он даже проявил инициативу в сокращении штатов среди командного состава. Он же предложил сократить оплату некоторым категориям военнослужащих.

Потом, после моего ухода с постов, которые я занимал, я слы-

шал отголоски недовольства этим решением. Я не отрицаю того, что это происходило при мне, но по предложению маршала Жукова. Я его, безусловно, поддерживал. Много излишеств было, много рвачества. Рвачество и сейчас существует в не меньшей, а, наверное, в большей степени. К сожалению, это поощряется нашей социалистической системой. Очень часто руководители тех или иных ведомств, министерств как раз и являются главными инициаторами: каждый стремится для своего ведомства урвать побольше.

Это означает, что при составлении бюджета следует выбирать главное направление затрат. В мое время мы экономили буквально на всем. Например, придерживали строительство метрополитена в Киеве и Баку, чтобы направить сэкономленные средства на оружие защиты, на ракетно-ядерное вооружение. Тогда это было правильно, иначе мы не смогли бы выжить. К счастью, Запад упустил время удара по СССР, имея еще свой военный перевес, а когда мы получили ракеты, стали их запускать в космос и взорвали мощные ядерные заряды, это подействовало отрезвляюще на агрессоров. Но сегодня расклад расходов должен быть иным. Прежде всего нужно безотлагательно сократить армию, средства обычного вооружения, сохранив мощное ракетно-ядерное оружие. Еще в мое время, когда я утверждал планы, были заложены условия, с избытком удовлетворявшие потребности обеспечения безопасности стран социалистического лагеря. Уже тогда, по расчетам военных теоретиков, мы могли ударами нашего ракетно-ядерного оружия «смешать всех наших противников с грязью».

С тех пор прошло уже шесть лет, а ядерный потенциал, видимо, наращивается еще в большей степени. Надеюсь, в будущем сократятся расходы, сократятся вооруженные силы, больше людей вернется на производство, станут производить средства потребления, а не проедать их. Чем многочисленнее вооруженные силы, тем требуется больше вооружений, тем больше они потребляют всех видов материальных средств.

Сокращение наших вооруженных сил послужило бы хорошим исходным пунктом в борьбе всех прогрессивных сил за мирное сосуществование: если одна сторона увеличивает свои вооруженные силы, и особенно живую силу, то это подстегивает и другую, дает возможность профашистским и фашистским силам указывать, мол, смотрите, наш потенциальный противник имеет такое-то количество вооруженных сил, поэтому нам нужно больше. То же самое и у нас. Люди, неспособные к глубокому анализу, опираются на подобные аргументы: империалистические страны на-

капливают такие-то средства, такое-то количество людей у них сейчас под ружьем, поэтому нам надо держать не меньше. Спрашивается: где же конец? А конец — в столкновении этих, до предела раздутых в количестве и в качестве вооруженных сил.

Когда я работал, то считал, что теперь вопрос не в увеличении ракетно-ядерных средств, а в их обновлении, в разумном обновлении. Но можно и на обновлении обессилить экономику и держать впроголодь свой народ. Устаревшая ракета еще способна сработать, когда будет необходимость, а новая, более совершенная, может немножко обождать. Новое оружие не дешевле старого, на него нужно затрачивать новые деньги.

Особенно я был сторонником сокращения, и сейчас не отказываюсь от своей точки зрения, морского вооружения. Анализируя пройденный путь, считаю, что это была абсолютно правильная позиция. Мы тогда сделали ставку на строительство подводного флота с атомными двигателями. Подводные лодки теперь не ограничены в радиусе и во времени действия. Они могут курсировать везде и всюду, неся на себе оружие против надводного флота противника, и вооружение, которое бьет по «площадям» и морским укреплениям.

Надводный флот тоже нужен, но в разумном количестве. Особенно он нужен в прибрежной зоне, чтобы отгонять чужие подводные лодки. Правда, теперь это уже малорезультативная тактика, постольку велик радиус действия ракет и подводному флоту не требуется подходить к берегу, как в былые времена. Сейчас огонь с подводных лодок можно вести на сотни, тысячи километров. Поэтому здесь должна быть проявлена особая разумность, чтобы не подвергать страну расточительству и иметь достаточно вооружения для сдерживания противника.

Можно себе представить, что будет, если мы поддадимся провокационному натиску со стороны империалистов. Но, воюя с нами, они хотят навязать нам соревнование в накоплении средств борьбы, которое бы истощало социалистические страны. А такое возможно, если руководство не проявит трезвость ума и не ограничит себя задачей иметь минимум, необходимый в случае нападения противника для его уничтожения.

Не нужно позволять себя провоцировать, не нужно бояться, если даже у противника будет несколько больше живой силы. Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы наши ракетно-ядерные силы не были бы на должной высоте. Говоря «на должной высоте», я не имею в виду количество и даже качество, я говорю о разумной достаточности. Надо знать характер империалистических

государств, их социально-политическое устройство, господство частной собственности капиталистов, монополистов и милитаристов, которые заинтересованы в нагнетании вражды и страха в отношениях между государствами, чтобы на этом обогащаться.

Если мы начнем соревноваться, а нет предела такому соревнованию, то, конечно, истощим себя и без войны, не сможем повышать жизненный уровень людей, хотя это необходимо, и мы имеем к тому возможности.

Не нужно ставить задачу обязательно перещегоолять США. Америка богата, и Америка имеет большие, чем мы, возможности. Если мы ввяжемся в такое соревнование, то создадим благоприятные условия для людей агрессивного толка в Соединенных Штатах, которые, опираясь на свою мощь, постараются перегрузить наш бюджет. Нарастивание наших вооружений одновременно послужит питательной средой для агрессивных сил в их борьбе против стран социализма. Не надо бояться, если у нас меньше каких-то средств. Надо, чтобы их было достаточно для уничтожения противника в случае, если будет развязана война.

Я считаю, что еще в мою бытность в руководстве, мы уже обладали количеством ядерных средств, которых вполне достаточно для разрушения главных городов Соединенных Штатов, я уже не говорю о наших европейских потенциальных противниках.

Нужна разумность, и еще раз разумность, твердость в проявлении разумности, с тем чтобы не позволить противнику без войны выматывать из страны народные средства. Мы должны использовать их на благо народа. Нельзя все время держать страны в страхе и истощать их расходами на вооружения, на средства, которые не являются средствами потребления. Народ живет и трудится для того, чтобы жить, и жить лучше. Всегда так было.

Сейчас мы еще имеем две системы: социалистическую и капиталистическую, имеем непримиримые антагонистические силы. Они не примирятся, пока не победит во всем мире единая социалистическая система. В исторических условиях, в которых мы живем, нужно проявить разум в экономии и расходовании средств, выделять их главным образом на производство средств потребления всех видов. Я не беру только штаны, картошку и колбасу. Средства потребления и непосредственно поддерживают организм человека, и удовлетворяют его духовные потребности. Это школы, научно-исследовательские учреждения, театры — все, что необходимо для духовного обслуживания населения. Я думаю, что сейчас у нас есть такие возможности.

Сокращение армий обернется выгодой для социалистических

стран, их народов и прежде всего для Советского Союза. Мы несем главное бремя на наших плечах, поэтому, как ни странно, самый богатый среди социалистических стран Советский Союз потребляет меньше многих стран социалистического лагеря, которым он оказывает помощь. Я имею в виду и потребление жиров, и потребление мяса, и потребление других продуктов, не говоря уже об одежде.

Когда происходит распределение средств среди видов Вооруженных сил, то каждый командующий находит достаточно, казалось бы, разумных аргументов для того, чтобы обосновать свои запросы. К сожалению, очень часто они исходят не из возможностей страны и обеспечении жизненного уровня народа, а просто стремятся получить как можно больше. Чем больше средств, чем больше у него в подчинении вооруженных сил, тем он чувствует себя лучше, а страна от чрезмерной перегрузки бюджета непроизводственными расходами живет беднее. Нужно признать, что люди, которые занимают видное положение в армии, живут, конечно, лучше не только «среднего» человека в Советском Союзе, но лучше многих. Это тоже надо иметь в виду. Им не хватает разумности, умения анализировать, прикинуть, как он живёт и как живут другие.

Став пенсионером, я больше общаюсь с простыми людьми. Как-то ко мне подошли отдыхающие из близлежащего дома отдыха. Мы разговорились. «Сколько Вы заплатили за путевку?» — спросил я одну из женщин. «Шесть рублей». — «Так мало?». — «Остальное доплатил профсоюз». — «А сколько Вы зарабатываете?». — «60 рублей в месяц». Ну и ну, всего 60 при наших-то условиях и ценах! Просто гроши! К чему приводить здесь публикуемый нашей статистикой так называемый средний заработок трудящегося? Арифметическая манипуляция ловко затушевывает подлинную картину. Масса людей живет ниже среднего уровня, нуждается и бедствует. И это тогда, когда уже прошли пятьдесят с лишним лет после Октябрьской революции.

Мне скажут: «Да ведь так и при тебе было». Да и при мне. Но при Ленине-то было еще хуже. Однако сколько можно ждать? При Ленине имелись одни возможности, в середине XX столетия — другие, сейчас — третьи. С каждым годом потенциал нашей экономики увеличивается. Появились условия, позволяющие семимильными шагами улучшать жизненный уровень народа. А что он видит? Вот эта женщина получает 60 рублей. Она еще молодая и могла бы иметь семью. И представьте, если у нее трое или четверо детишек. Какие тяжелые условия жизни у таких людей! У

нас есть возможности улучшить жизнь людей. На XXII съезде я высказал свое понимание, считал, что надо взять на плечи государства содержание молодого поколения, детишек: бесплатные завтраки, обеды, одежда и обувь. Это было бы очень большим подспорьем, выравнило бы материальное положение людей и создало бы более демократические условия нашей жизни. Если в школе дети покупают себе бутерброд, и один берет черный хлеб, другой — белый, а третий — с икрой или с маслом, то о каком социализме и коммунизме мы можем говорить. Если бы они получили хороший, разумно обоснованный, питательный завтрак, без роскоши, но и без нищенства, то это соответствовало бы социалистическому характеру нашего общества. Сейчас ребенок питается и одевается исходя из того, сколько папа зарабатывает, сколько мама зарабатывает. Вот это вопрос вопросов, из-за которого рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция пошли за Лениным, совершили революцию. Некоторые скажут, я мыслю слишком упрощенно. Да, именно за кусок хлеба боролись революционные слои рабочего класса России, наиболее малообеспеченные в царское время.

После смерти Сталина я придерживался взгляда, что надо несколько придержать верхние пики и подтянуть нижние категории по заработной плате. Сейчас имеется куда больше возможностей, чем в те времена, когда мы остались в руководстве без Сталина. Мы кое-что сделали. Мало сделали, но и возможностей было мало. Слишком напряженными были отношения между нами и капиталистическими странами. Не исключалось, что империалисты могут напасть на нас, следовало срочно изыскивать средства для повышения боеспособности нашей армии. Сейчас совершенно другое положение. Имеется возможность в конце концов поднять низкие категории до уровня, когда они будут обеспечены так, как следует.

А вот другая пара из того же дома отдыха: муж и жена — молодые люди, но имеют двоих детей. Одному, как сказали, тринадцать лет, другому — одиннадцать лет.

— Сколько вы получаете и что вы делаете? — спросил я.

Женщина говорит:

— Я фельдшер, получаю 70 рублей и 10 еще за какие-то работы, всего 80 рублей. Мало.

— А вы, — говорю, — сколько получаете?

Муж представился кандидатом наук.

— Я, — говорит, — получаю 130 рублей.

Ну, конечно, 130 рублей для инженера, кандидата технических

наук — не густо, тем более сейчас, когда многие категории рабочих получают или столько же, или даже больше.

Вообще у нас с заработной платой вопрос запутан. И сейчас тоже. А это вопрос вопросов. Чтобы добиться монолитности нашего общества и укреплять эту монолитность, проблема дележки благ, создаваемых обществом, — решающая. Я всегда был против уравниловки, но должно быть разумное распределение благ, с тем, чтобы не допускать уравниловки, но и не подвергать дискриминации некоторые категории работающих в нашем советском государстве.

Сейчас прошло более пятидесяти лет и еще ни одна развитая промышленная капиталистическая держава не пришла к победе социализма. Следовательно, капитализм откупается от революционного натиска, ослабляет его. Это факт, исторический факт. Другое дело, насколько долго им еще удастся откупаться. Чем быстрее мы будем наращивать потенциал материальных средств, направляемых на удовлетворение непосредственных нужд живущего и работающего, чем больше и лучше он будет обеспечиваться питанием и другими средствами потребления, тем привлекательнее станет страна социализма.

Когда я был в Югославии, беседовал с товарищем Тито:

— От вас многие едут на заработки в Западную Германию? — спросил я.

— Да, едут. Говорят: я — за социализм, но поеду в ФРГ, год там поработаю и куплю машину, а здесь это невозможно, — ответил он.

Да, действительно оттуда приезжают на машинах. К сожалению, мы себе этого еще позволить не можем. Надо иметь в виду, что с каждым годом наши объяснения будут все менее обоснованными и все меньшее количество ушей будет прислушиваться к этим объяснениям. Больше будут нас ругать. Поэтому сейчас надо искать способы более разумного расходования средств. Высвободившиеся от сокращения военных расходов ресурсы можно было бы повернуть на удовлетворение непосредственных потребностей широких слоев народа, прежде всего низкооплачиваемых людей, потому что тем, у кого высокая зарплата, как говорится, дай Бог здоровья, и хорошо.

В условиях существования двух систем очень многое зависит от разумного ведения хозяйства. При разумной военной политике мы можем в одностороннем порядке добиться преимущества. Как? Если, имея достаточное количество средств потребления для сдерживания своих противников, мы резко со-

кратим военные расходы, а противник не откликнется. Он будет по-прежнему раздувать свой военный бюджет, неразумно расходовать средства, чем снизит свой потенциал, снизит жизненный уровень своего народа. Тем самым он даст возможность коммунистическим и иным прогрессивным силам более решительно выступать против реакционных сил монополистического капитала.

Вот, собственно, какова моя точка зрения в этом вопросе. Я думаю, она разумная. Правда, я не могу повлиять на происходящие в стране события. Я уже свое прожил и мне теперь только остается делиться своим опытом, если найдутся уши, которые захотят слушать мои соображения. Рассчитывать на какие-то активные действия, конечно, поздно, мое время прошло. На этом я кончаю.

Я НЕ СУДЬЯ...

Не знаю, что у меня получится... Хотелось бы сказать об отношении в СССР к интеллигенции. Вряд ли я сумею охватить все те направления жизни, где трудится наша интеллигенция. Но она в первую очередь, идейно воздействуя на общество, осуществляет то дело, над которым бьется коммунистическая партия. С технической интеллигенцией вопрос обстоит чуть проще. Да и отношения партийных органов с ней проще, поскольку эти люди проявляют свою энергию и интеллект в основном применительно к конкретным предметам, служащим обществу. Своей непосредственной деятельностью они не вторгаются напрямую в сферу духовной жизни и проблемы идеологии. Поощрение их труда определялось пользой тех их разработок, которые поднимали какую-то отрасль производства на новую ступень. Соответственно строилось отношение к данному лицу или группе лиц.

Самый острый и наиболее скользкий участок — отношения с творческой интеллигенцией. Некоторые скажут, что значит творческая, а разве есть интеллигенция нетворческая, разве она не творит. Это верно, она творит. Каждый человек, занимающийся полезным творческим трудом, создает какие-то ценности для общества. Но когда мы говорим «творческая интеллигенция», то

подразумеваем философов, писателей, художников, скульпторов, музыкантов и всех, им подобных. Они не создают материальных ценностей, без которых организм человека не может существовать, зато они вдохновляют общество на труд во всех иных областях человеческой жизни, вторгаются и в политику, а также обогащают людей образцами литературы, искусства и в прочих гуманитарных сферах. Поскольку в идеологии коммунистическая партия стремится занимать монопольное положение, то ее заинтересованность в привлечении этой интеллигенции на свою сторону не нуждается в разъяснении.

Литература здесь играет первую роль. Музыка тоже очень важна, она, как говорится, формирует настроение. Она непосредственно не разговаривает человеческим языком, и поэтому нелегко различить хорошее и плохое, тут возможно очень разное отношение. Оно зависит и от автора, но зависит и от слушателя. Многое здесь крайне субъективно. Допустим, ответственный партиец включил радио, чтобы послушать музыку, а она ему не понравилась или же настроение было скверным, и он выключил приемник. Потом выяснилось, что ее автор — Чайковский или, допустим, Прокофьев. Как отнестись к данному творению? Тут имеют значение и обстановка, и внутренняя содержательность слушателя, и его воспитание, и многое иное. Получается, что решение надо выносить через понятия «нравится», «не очень нравится», «не нравится». А результат потом скажется и на судьбе автора, и на всем обществе, которое может нечаянно лишиться прекрасного творения. Как избежать «вкусовщины»? Особенно если учесть, что одно и то же сочинение может в различные периоды жизни вызывать несовпадающие впечатления. Несколько легче с творениями писателя. Этот труженик работает, как каменщик, или даже как токарь, шлифуя свое произведение с разных сторон. Он автоматически вторгается во все сферы общественной жизни, выражая отношение к ним через своих персонажей, так что в литературе даже не очень умному человеку порой становится все ясно. Сложнее оценить произведение композитора, художника.

Главный вопрос здесь в мере терпимости к произведениям, которые лично кому-то не нравились или нравились.

Без терпимости к творчеству художник жить не может. Если одно какое-то лицо или группа лиц начнет определять, что хорошо, а что дурно в вопросах искусства, — уже плохо. Особенно плохо, если это направлено против целого жанра. Здесь много субъективного. К примеру, в восприятии звука, восприятии музыкальной мелодии. Судить, осуждать — значит проявлять субъек-

тивное отношение. Субъективизм сковывает, не дает развернуться, показать себя ни художникам, ни писателям.

Хочу вернуться к тому, как относился Сталин ко всем видам интеллигентного труда. Он понимал их общественное значение. Но главным оказывалось то, насколько он был снисходителен, терпим, уважителен в каждом конкретном случае. Сталин был весь начинен субъективизмом. Между тем от одного его слова зависело будущее любого человека. Его субъективизм иногда способствовал развитию каких-то творческих направлений, а иногда сковывал, не давал развернуться и показать себя, или даже приводил к гибели и людей, и их творения. Были ли, допустим, такие писатели, которые не чувствовали этого гнета, трудились без всяких внешних и внутренних ограничений? Мне трудно говорить за них. Пусть скажут они сами, я думаю, что вряд ли. Ведь Сталин был деспотом, и его воля определяла всю государственную политику. А все деспоты хорошо относились к литераторам лишь при условии, если те хорошо писали о них и их эпохе. Сошлюсь на общеизвестный пример. Зачем Николай Первый терзал Пушкина?

Разве Пушкин плохой писатель? Разве он плохо писал? Он писал хорошо. Он отдавал свою душу народу. Он высоко чтим в народе. Сбылись его пророческие слова: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...» Однако он провел в ссылке большую часть своей жизни: то на юге, в Молдавии и Одессе, затем в своем имении на Псковщине. Николай Первый хотел, чтобы Пушкин в своем творчестве воспевал его время, прославлял его как монарха. Таких примеров в прошлом человечества можно найти тысячи.

А в настоящем? При Сталине довольно долго отвечал по политической линии за советское искусство Ворошилов. Он был без ума от художника Александра Герасимова. Соглашусь, что последний был хорошим художником. Однако он нравился Ворошилову прежде всего за то, что тот восхвалял его в своих картинах. То же можно сказать о песенниках.

Из композиторов кто больше всех нравился Ворошилову? Наверное, Покрасс. Я Покрасса очень уважал и уважаю сейчас, он много замечательных вещей написал. Покрасс сочинял песни о Конной Армии, о Буденном, о Ворошилове. Хорошо сочинял. Я думаю, никто лучше не написал. Его песни боевые, легкие, и в то же время в них «выпячивались» персоны. Конечно, такие художники, поэты, композиторы ценились людьми, о которых эти интеллигенты писали, прославляя их. Обычно их называли при-

дворными поэтами. Всегда были придворные музыканты, придворные художники. Деспоты старались приближать их к себе, поощрять. Я уж не говорю о материальном поощрении. Тут, как говорится, казна была открыта.

Или возьмем писателя Фадеева¹. Талантливый человек. Его произведение «Разгром» о дальневосточных партизанах, их командиру Левинсону на меня производит потрясающее впечатление. «Молодая гвардия» — тоже отличный роман. Но талантливых или даже гениальных писателей у нас все же хватало. Отчего же Сталин в послевоенное время особенно благоволил именно к Фадееву? А потому что во время репрессий, возглавляя Союз писателей, Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов. Достаточно было кому-нибудь написать, что в магазине продают плохую картошку, и это расценивалось как антисоветчина.

Трагедия Фадеева как человека объясняет и его самоубийство. Оставаясь человеком умным и тонкой души, он, после того как разоблачили Сталина и показали, что тысячные жертвы были вовсе не преступниками, не смог простить себе своего отступничества от правды. Ведь гибла, наряду с другими, и творческая интеллигенция. А Фадеев лжесвидетельствовал, что такой-то и такой-то из ее рядов выступал против Родины. Готов думать, что он поступал искренне, веруя в необходимость того, что делалось. Но все же предстал перед творческой интеллигенцией в роли сталинского прокурора. А когда увидел, что круг замкнулся, оборвал свою жизнь. Конечно, надо принять во внимание и то, что Фадеев к той поре спился и потому утратил многие черты своей прежней личности. Вот собирает Сталин Комитет по Сталинским премиям (это надо было дойти до жизни такой, чтобы самому делить премии собственного имени!). Докладывает представления к награждению Фадеев. А когда все заканчивается, Сталин говорит о нем: «Еле-еле держится на ногах, совершенно пьян». Все это видели, об этом все знали. Не раз руководство ставило на ноги милицию и чекистские органы, чтобы отыскать его в каком-нибудь злочасном месте. Вот до какого состояния дошел Фадеев, терзаемый угрызениями совести. Он изжил себя и к тому же боялся встретиться лицом к лицу с теми писателями, которых он помогал Сталину загонять в лагеря, а некоторые вернулись потом. Он, как честный человек, не смог пережить такого и покончил жизнь самоубийством. Такова мера лишь одной из множества ошибок, которые можно сделать применительно к творческой интеллигенции.

Коснемся Твардовского². Его стихотворения на устах милли-

онов людей — и солдат, сражавшихся с гитлеровскими ордами, и тружеников военного тыла. Его поэма о Василии Теркине — бессмертное произведение. Как у нас Демьяна Бедного все знали во время гражданской войны, так буквально всем был известен и Твардовский в годы Великой Отечественной войны. Потом о его поэмах были написаны целые книги, а их героев изображали на картинах³. Сталин с умилением смотрел на картину с Василием Теркиным. Когда он впервые ее увидел, то сразу же предложил: «Давайте повесим ее в Кремле». Ее и повесили там, перед входом в Екатерининский зал. Если, выходя из зала заседаний Верховного Совета повернуть направо, то можно было увидеть Теркина в кругу бойцов после сражения. На картине каждый красноармеец занимается своим делом: кто из котелка ест, кто еще что-то делает, но слух их был обращен к Теркину. Так хорошо выписана картина, что это просто чувствуешь.

И вот теперь завершается жизненный путь Александра Трифоновича Твардовского. Без почета. Он отставлен от своего журнала, от «Нового мира». Но дело не в том, что он сейчас кому-то не угоден. Не признавать великой роли его творчества нельзя. Все равно его признал народ. Стало быть, опять налицо субъективизм одного руководящего лица или другого.

Отношения с интеллигенцией — очень сложное дело, очень сложное. Скажу несколько слов о Пастернаке⁴. Я не берусь судить о его поэтическом творчестве и могу лишь воспользоваться мнением тех поэтов, которые очень высоко ценили созданное Пастернаком, особенно его переводы с иностранных языков. Он среди прочего написал роман «Доктор Живаго». Сколько же лет прошло?! Это произошло уже после смерти Сталина. Как решался вопрос об этом произведении? Докладывал мне о нем Суслов, шефствовавший над нашей агитацией и пропагандой. Без Суслова в таких вопросах не могло обойтись. Он сообщил, что данное произведение плохое, не выдержано в советском духе. В деталях его аргументов не помню, а выдумывать не хочу. Одним словом, недостойная вещь, печатать ее не стоит. Такое решение и приняли. Полагаю, что на той стадии событий кроме Суслова никто из ответственных лиц романа не читал. Я сомневаюсь в том, что и Суслов его прочел. Ему тоже, наверное, дали справку с изложением содержания произведения на трех страничках. Конечно, так судить о творчестве, вынося приговор произведению и его творцу, недопустимо! Ну а где же был ты сам, спросят меня? Отвечу: о чем я сожалею, заканчивая сейчас свой жизненный путь пенсионером в своей ссылке на даче в подмосковном районе Петрово-

Дальнее? О том, что в годы, когда я имел возможность влиять на решения — печатать или не печатать, принять или не принять точку зрения докладчика, — не прочитал эту книгу сам. Я, не читая, поверил и пошел на административные меры, самые вредные в отношении творческих людей.

Роман запретили. Запретили...

Естественно, поднялся страшный гвалт и шум за границей. Рукопись оказалась там и ее опубликовали. Не знаю, насколько это произведение отвечало критериям Нобелевской премии, но Пастернаку ее присудили. Поднялся еще больший шум: советское правительство не разрешает писателю получить премию. Я предложил коллегам: «Давайте сообщим публично, что Пастернак, если желает, может поехать за границу для получения своей премии». Но в силу определенных обстоятельств он ответил через газету, что не ставит вопрос о своей поездке за границу с этой целью.

Я и сейчас не могу быть судьей этого произведения. Я его так и не прочитал. Но люди, которые со мной встречаются, говорят, что оно невысокого качества и в идейном, и в художественном отношении.

Это особый вопрос. Не всем дано судить автора и судить произведение. Я же, сожалею, что это произведение не было напечатано. Нельзя полицейскими методами выносить приговоры творческим людям. Что особенного произошло бы, если бы «Доктора Живаго» опубликовали тогда же? Да ничего, я уверен! Мне возражают: «Поздно ты спохватился». Да, поздно, но лучше поздно, чем никогда. Не надо было мне поддерживать в таких вопросах Суслова. Пусть признание автора зависит от читателя. А получилось по-другому: автор трудился, его признали во всем мире, а в СССР административными мерами запрещают...

Я горжусь, что в свое время поддержал одно из первых произведений писателя... Забыл фамилию*. (Что значит возраст, не могу вспомнить!) Тогда Твардовский прислал это сочинение, в своем письме изложил его содержание и высказал мнение: «Я считаю данное произведение чрезвычайно сильным и вижу в авторе будущего большого писателя. Тема, которую он поднял, может вызвать разное к себе отношение. Прочтите сами. А я просил бы не препятствовать нам напечатать повесть в журнале «Новый мир»...

Пришло по радио известие, что погибли наши космонавты: Волков, Добровольский и Пацаев⁵. Прекращаю диктовку, не в состоянии продолжать...

* Речь идет о Солженицыне А.И.

Возвращаюсь к записи воспоминаний.

Я вспомнил фамилию автора — Солженицын⁶. Я биографии его сейчас не помню. Тогда докладывали мне, что он сидел долгое время в лагерях. В упомянутом выше произведении «Один день Ивана Денисовича» он исходил из собственных наблюдений, а может быть, он вывел в этом произведении в качестве главного героя собственную персону.

Я прочел повесть. Книга тяжелая, но, по-моему, хорошо подана жизнь Ивана Денисовича и его окружения. Волнующая вещь. А это — главное, что требуется от произведения. Оно вызывало отвращение к тому, что при Сталине творилось в лагерях ГУЛага, к условиям существования в них людей, Ивана Денисовича и его приятелей.

Я не судья. Достоинства и недостатки художественного произведения — это дело критиков, писателей. Я считал, что в качестве судий должны выступать сами читатели. Любое произведение пишется для читателей. Считаю, что читатель ухватится за эту книгу. Я прочел ее с удовольствием. Автор искал объяснения, как могло получиться, что Иван Денисович, честный человек, попал в такие условия в наше социалистическое время, в нашем социалистическом государстве! Одно это заслуживает высокой оценки позиции автора, пробудившего сознание многих людей.

Уже находясь на пенсии, я прочел воспоминания генерала Горбатова⁷. Он тоже сидел. Я Горбатова знал по войне. Когда его освободили, он прибыл в конце 1941 года на над фронт под Харьков. Был или конец октября, а может быть, и ноябрь. Скорее в октябре, потому что в ноябре мы оставили Харьков, отступили к Валуйкам. Я как член Военного совета беседовал с ним. Он не рассказывал подробностей о лагерях, а говорил только о тех советских генералах, которые безвинно оставались в тюрьме. Называл их по фамилиям. Тимошенко слушал его с особым интересом, потому что хорошо знал этих людей. За двоих из них мы ходатайствовали тогда, написали Сталину просьбу освободить их и прислать к нам на фронт. А теперь я узнал в деталях, как издевались над честным советским военачальником Горбатовым. Да мало ли было таких?

Еще раньше я столкнулся с другим безвинно арестованным генералом. Когда мы отступили к Киеву и штаб Киевского военного округа находился в Бриварах, к нам приехал, вернувшись из тюрьмы, генерал Подлас. Он просидел очень долго, был арестован еще Мехлисом во время событий на Хасане. Мехлис говорил, что он ездил туда и там «такие-сякие» люди.

— Один особенный подлец, и фамилия у него Подлас, — запомнились мне его резкие слова.

Я забыл об этом разговоре.

Только когда генерал представился, что он Подласс, я вспомнил, что он тот самый человек, о котором говорил Мехлис. Он мне понравился. Первое время Подлас служил генералом для поручений при штабе фронта, а потом мы его назначили командующим 57-й армией. Во время неудачной операции, которая закончилась катастрофой в районе Барвенкова в 1942 году, он попал в окружение и, не желая сдаться, застрелился. О том, что он застрелился, мы узнали из немецкой печати. Немцы опубликовали, что русский генерал, командующий 57-й армией, чтобы избежать плена, покончил жизнь самоубийством. Немцы его похоронили со всеми воинскими почестями, которые положены генералу его ранга.

Если начать вспоминать всех погибших героев, их очень много в моей памяти и разного ранга. Две трети состава XVII съезда были расстреляны. Этих людей тогда называли ленинской гвардией. Эти люди работали с Лениным и, видимо, тем самым внушали Сталину недоверие. Ведь он на XVII съезде получил слишком большое количество голосов «против». Я исходил из соображений, что зло, содеянное против Коммунистической партии, против советского народа, против рабочих, крестьян, интеллигенции, надо осудить. А лучшее осуждение — это показать невиновность этих людей и вызвать гнев к их палачам, заклеить позором само явление. Заклеить позором для того, чтобы не последовало повторения. Этим я руководствовался, когда выступил за разрешение печатать не только это произведение Солженицына, но и другие аналогичные.

Тогда при обсуждении раздавались разные голоса. Вернее, один голос — Суслова. Он один скрипел «против», придерживался полицейской точки зрения: держать и не выпускать. Нельзя, и все! Почему? Он не доверял народу. Боялся, как народ воспримет? Как он поймет?! Народ поймет правильно. Народ всегда правильно поймет. Хорошее от плохого он отличит всегда, сможет разобраться! Чтобы не допустить повторения преступлений, их надо заклеить, в том числе заклеить в литературе.

Что до Солженицына, то он продолжает писать, но печатают его не у нас, а за границей. Тут он находится в «особых условиях». Однако часть нашей интеллигенции сочувствует ему и даже идет при этом на риск. Говорят, он живет на даче Ростроповича, прекрасного музыканта, знаменитого виолончелиста. Решившись

на такой шаг, тот поставил себя в невыгодное положение, мягко говоря. Это свидетельствует о человеческом достоинстве и сильном духе Ростроповича. За Солженицыным же нет никакого преступления. Он высказывает свое мнение, пишет о своих переживаниях, о личной оценке тех условий, в которых он коротал свои дни в лагерях. И в целом его мнение абсолютно правильно: Сталин был преступником, а преступников надо осудить, хотя бы морально. Самый сильный суд — заклеить их в художественном произведении. Почему же, наоборот, Солженицына сочли преступником? Если он плохо пишет, люди читать его не будут. Если клеветает, можно привлечь его к ответственности, но на юридической основе. Видимо, привлекать-то не за что. А правды бояться. Художественная сторона дела в данном случае ни при чем. Пользуясь записанной в нашей Конституции свободой слова и свободой печати, он имеет на это право, как и каждый советский гражданин.

Ну, теперь об оценке Твардовским Солженицына как художника. Тут я не могу судить — это не моя область. Когда он написал вторую книжку — «Матренин двор», она мне не понравилась. Это тоже дело вкуса, и дело настроения, а это то субъективное, что зависит от душевного состояния человека, когда он читает или слушает произведение. Надо терпимее относиться, не препятствовать. Пусть люди читают, пусть люди судят. Главный судья — читатель, то есть народ.

Народ — это что-то безликое. Рабочий класс, трудовое крестьянство — звучит более определенно. Но народ и состоит из рабочего класса, из трудового крестьянства и трудовой интеллигенции. Других классов у нас нет, кроме воров, спекулянтов и жуликов. Поэтому сейчас наше общество стало более однородным. Правда, в смысле дележки благ, созданных народом, сейчас очень большая пестрота. Я бы считал, что надо что-то делать, не то чтобы нивелировать, но уменьшить «пики». Слишком большая категория людей получает низкую заработную плату, а есть небольшое количество людей, которые довольно-таки бесшабашно расходуют средства. Они получают больше, чем следовало, больше, чем требуется даже для вольготной жизни. Ну это другой вопрос. Я не буду его разбирать, но он когда-то даст себя почувствовать, если руководство не поймет и вовремя не вмешается. Когда сам народ начнет об этом говорить, придется давать объяснения и исправлять положение с большими трудностями.

Вообще же наиболее страдающая категория советского насе-

ления — наша интеллигенция. В материальном отношении она обеспечена лучше, чем другие категории. Я же говорю о духовном. Творческие личности отображают в своих произведениях отношения между людьми, их душевные переживания, их контакты с властями и окружающей средой. Здесь писатель нередко попадает в тяжелую ситуацию. Начинают вмешиваться в его работу, контролировать его, вводить цензуру. Говорят, что у нас нет цензуры. Это чепуха! Болтовня для детей. У нас не только самая настоящая, но я бы сказал, даже крайне жестокая цензура. Мне вспоминается судьба книги Казакевича «Синяя тетрадь»⁸. Интересная книга. По ней потом сделали кинофильм, я его дважды смотрел по телевизору. Правда, Зиновьев там показан робко. Он тогда вместе с Лениным, после июльских событий 1917 г. в Петрограде, скрывался в шалаше. Мне автор книги передал небольшое письмо и приложил к нему рукопись с просьбой ознакомиться. Эту рукопись не принимали в печать. Я прочел, и мне понравилось. Не заметил в ней ничего такого, что могло бы побудить не принять ее к публикации.

Отдыхал я тогда на Кавказе, неподалеку отдыхал Микоян. Я позвонил ему и сказал: «Анастас Иванович, я pošлю тебе рукопись, прошу тебя, прочти ее, потом встретимся и обменяемся мнениями». «Каково твое мнение?» — спросил я, когда мы встретились. «Я, — отвечает, — считаю, что человек написал хорошую книгу. Не понимаю, почему цензура не разрешает ее печатать». «Ладно, когда вернемся в Москву, поставим вопрос на обсуждение в Президиуме ЦК», — сказал я.

Разослали книгу всем членам Президиума, и вопрос о ней был включен в повестку для очередного заседания. «Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать?» — спросил я. «Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Ведь Зиновьев — враг народа». Меня поразили его слова. Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на самом деле? Даже если мы отбросим то обстоятельство, что Зиновьев враг или не враг народа, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом «товарищ». А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по

имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие товарищеские отношения. В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения.

И я заметил: «Но послушайте, они же были друзьями и жили в одном шалаше. Были связаны многолетней общей борьбой против самодержавия. Как иначе могли они называть друг друга? Что из того, что один из них потом оказался осужденным? Зиновьев был соратником Ленина. Форма обращения, использованная автором, естественна и нормальна. Можно, конечно, как максимум сделать сноску с упоминанием о дальнейшей судьбе Зиновьева. Но это будет примечание в уступку глупости. Разумным людям не потребуется никакой сноски». Другие члены Президиума поддерживали меня, решили не препятствовать публикации, и книга пошла в печать. Вызывает ли она сейчас какие-то сомнения? Может быть, есть недовольные критики. Однако это уже совсем другое дело. Критика на то и существует, чтобы высказывать порицание или поощрение и тем способствовать поднятию уровня литературного мастерства. А тут полицейские меры: держать и не пускать!

Такие функции околоточного выполнял раньше и по-прежнему выполняет сейчас наш «главный околоточный» Суслов. Конечно, лично он человек честный и преданный коммунистическим идеям. Но его полицейская ограниченность наносит большой вред. Мне могут сказать: «Чего же ты терпел, находясь в руководстве страны вместе с Сусловым?». Верно, ошибался я. Мало ли ошибок человек может допустить в своей жизни. Просто я считал, что если Суслов будет работать в нашем коллективе, то мы на него сумеем повлиять, и он станет приносить пользу. Поэтому я не ставил вопроса о его замене, хотя ко мне многие люди еще тогда обращались с предупреждениями, что Суслов играет отрицательную роль, интеллигенция к нему относилась плохо.

Вновь вспоминая о судьбе книги «Доктор Живаго», не могу себе простить того, что ее запретили у нас. Я виновен в том, что не поставил о ней вопрос так же, как о «Синей тетради». Разница (хотя и не оправдание) заключается в том, что я прочел «Синюю тетрадь» и увидел воочию глупость цензоров. Я попросил их дать разъяснения Президиуму ЦК. Они оказались несостоятельными, даже смешными, и мы без особых усилий справились с полицейской прутью. А «Доктора Живаго» я не прочел, да и никто в руководстве не прочитал. Запретили книгу, доверившись тем, кто обязан был по долгу службы следить за художествен-

ными произведениями. Именно этот запрет причинил много зла, нанес прямой ущерб Советскому Союзу. Против нас выступила за границей интеллигенция, в том числе и не враждебная в принципе к социализму, но стоящая на позиции свободы высказывания мнений.

Теперь — об Эренбурге⁹. Я встречался с ним не раз. Хороший писатель, был у него талант. Правда, не слишком большой. Таким он и остался в литературе. Но имелось в нем какое-то примирение, что ли, со сталинскими методами управления. Возможно, я слишком строг к Эренбургу. Условия жизни были таковы, что без примирения он бы не выжил. Ему не хватало настойчивости в отстаивании собственного понимания событий, своей позиции. Так было не всегда, порой он проявлял твердость. Вспоминается, когда Сталину однажды понадобилось публичное выступление с заявлением о том, что в СССР нет антисемитизма. Он решил привлечь к составлению, точнее — к его подписанию (авторов для такого документа у него имелось вполне достаточно), Эренбурга и Кагановича. Каганович буквально извертелся весь, когда Сталин разговаривал с ним по этому поводу. Чувствовалось, что ему не хочется делать это. Но он все же сделал то, о чем ему сказал Сталин. Затем кому-то поручили переговорить на этот счет с Эренбургом. Эренбург категорически отказался подписывать такой текст. Я боюсь оказаться неточным, полагаясь на память, она другой раз и подводит, хотя пока еще неплохая. Правда, временами я те или другие события представляю не совсем конкретно, потускнели в памяти. Мне кажется, что Эренбург не подписал. Это свидетельствует о том, что он обладал характером и решился противостоять воле Сталина, хотя тот с ним лично в данной связи не разговаривал.

Эренбург пустил в ход слово «оттепель». Он считал, что после смерти Сталина наступила в жизни людей оттепель. Такую характеристику того времени я встретил не совсем положительно. Безусловно, возникли послабления. Если выражаться полицейским языком, то мы ослабили контроль, свободнее стали высказываться люди. Но в нас боролись два чувства. С одной стороны, такие послабления отражали наше новое внутреннее состояние, мы к этому стремились. С другой стороны, среди нас имелись лица, которые вовсе не хотели оттепели и упрекали: если бы Сталин был жив, он бы ничего такого не позволил. Весьма отчетливо звучали голоса против оттепели. А Эренбург в своих произведениях очень метко умел подмечать тенденции дня, давать характеристику бегущего времени. Считаю, что пущенное

им слово отражало действительность, хотя мы тогда и критиковали это понятие.

Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться. Подобное развитие событий возможно во всяком политическом деле. Поэтому мы вроде бы и сдерживали оттепель.

Что значит — захлестнет? Мы боялись потерять управление страной, сдерживали рост настроений, неугодных с точки зрения руководства, не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути. Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и не сможет направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским. Нам хотелось высвободить творческие силы людей, но так, чтобы новые творения содействовали укреплению социализма. Вроде того, что, как говорят в народе, и хочется, и колется, и мама не велит. Так оно и было.

Как-то мы беседовали в ЦК партии с творческой интеллигенцией. Эрэнбурга тоже пригласили. Не помню, присутствовал ли Симонов, но помню, что там были Твардовский, Евтушенко¹⁰, Эрнст Неизвестный¹¹. Шел, в частности, разговор о скульптурах Неизвестного. Присутствовала на совещании и Галина Серебрякова¹². Она очень резко выступила против Эрэнбурга. Он, слушая ее, буквально как карась на горячей сковородке подпрыгивал, а она его хлестала, чуть ли не называя подхалимом Сталина и обвиняя в том, что, когда Сталин рубил головы и загонял писателей в ссылку, Эрэнбург рядом своих выступлений поддерживал сталинскую политику в отношении творческой интеллигенции. Эрэнбург вскипел и горячо ей возражал. Я понимал Серебрякову. Она, говорят, талантливая писательница, написала трилогию о Марксе, Энгельсе и, рассказывали мне, хорошо написала. Сам я ее не читал. Человек проделал большую работу, много прочитал, собрал большой материал. Сейчас исчезла Галина Серебрякова с литературного горизонта, я ее давно не слышал, и на обложках книг не мелькает ее фамилия¹³. Признаться, не знаю, что с ней случилось, что стряслось. Даже не знаю жива, она или умерла. Если бы она умерла, то какое-то сообщение появилось бы. Возможно, она в таком положении, что ее произведения не находят признания, властей, а следовательно, и не видят света.

Я теперь сожалею о многом, что было сказано мною на том совещании. Критикуя, Неизвестного, я даже допустил грубость,

сказав, что он взял себе такую фамилию неспроста. Его фамилия вызывала у меня какое-то раздражение. Во всяком случае, с моей стороны проявилась грубость, и если бы я встретил его сейчас, то попросил бы прощения. Тем более что я занимал тогда высокий государственный пост и обязан был сдерживаться. Евтушенко выступал очень горячо, поддерживая Незнамого. Абстракционизм — не новое направление в искусстве, он давно существует, и столь же давно часть интеллигенции борется против этого течения. Он был особенно известен за границей, хотя и у нас в свое время процветали абстракционисты и другие своеобразные течения вроде футуристов. Молодой футурист Маяковский ходил в желтой кофте.

Я был и остался внутренне противником таких течений и в литературе, и в живописи, и в скульптуре. Но это еще ни о чем не говорит. Нельзя же административно-полицейскими мерами бороться против того, что возникает в среде творческой интеллигенции: ни в живописи, ни в скульптуре, ни в музыке, ни в чем! Евтушенко тогда приводил соответствующие примеры и называл конкретные факты и фамилии: на Кубе абстракционисты и реалисты выступали вместе с народом в защиту революционных завоеваний. Да, это верно! И все же, несмотря на разумность доводов Евтушенко, Незнамого очень сильно критиковали. Он потом передал мне через работников Агитпропа (или ЦК ВЛКСМ), что переходит на позиции реализма. Я, конечно, был доволен. Ведь Незнаемый — талантливый человек. Сейчас печать сообщает, что он создал ряд хороших произведений. Я только рад этому. Насколько помогла ему наша критика? Может быть, послужила толчком? Но, возможно, он и сам бы перешел в своем творчестве на реалистические позиции.

Раскаиваясь сейчас относительно формы своей критики Незнамого, я, по существу, остаюсь противником абстракционистов. Просто не понимаю их, потому и против. Мне больше по душе реалистическое направление. Помню, когда я находился в Англии, то на даче в Чеккерсе, за городом, беседовал с Антони Иденом. Он спросил меня между прочим: «Господин Хрущев, как Вы относитесь к абстракционизму и другим модным течениям в современном искусстве?». Я ответил: «Не понимаю их, господин Иден. Твердо стою на позициях реалистического творчества». «И я тоже не понимаю, — сказал он, — и тоже нахожусь на позициях реализма. — Потом улыбнулся и добавил: — А как же Пикассо? Ваш Пикассо?»¹⁴. Я ему: «Да, Пикассо — крупный художник, автор знаменитого «Голубя мира», который стал символом борьбы за мир». Мне

незачем было выступать ни в роли критика, ни в роли защитника Пикассо. Это фигура, которая своим творчеством сама себя защищает и пробивает путь своим произведениям, к какому бы направлению его произведения ни принадлежали.

Я с огромным уважением относился и отношусь к Шостаковичу. Сейчас не помню, в чем конкретно выражалась ждановская критика его произведений¹⁵, но не могу сказать, что Шостакович вообще был в загоне во времена Сталина. Он написал много прекрасных сочинений, в том числе и во время войны, когда он сочинил свой шедевр — симфонию об обороне Ленинграда¹⁶. Он заслуженно занял видное место среди композиторов и является одним из ведущих мастеров музыки. В свое время руководство СССР не понимало Шостаковича, когда он поддержал джазовую музыку¹⁷. Говоря откровенно, он был прав. Нельзя ни с какой музыкой, включая джазовую, бороться административными путями. Пусть к ней выразит свое отношение сам народ.

В той же связи некогда сильно критиковали Утесова. Еще в мои молодые годы, когда утесовские песенки буквально все напевали себе под нос, Утесова в пух и прах разносила газета «Правда»¹⁸. У меня был друг — одессит Лев Римский, давно умерший, коммунист кристальной чистоты. Он, постоянно напевавший «Бублики, горячи бублики», рассказывал мне, что его друзья, которые работали в типографии «Правды» и набирали критические статьи в адрес Утесова, сами распевали в это же время его «Бублики». Вот что значит народная оценка! Мне не под силу разбирать разностороннее творчество Утесова, в том числе его прежние «блатные» напевы. Наоборот, я очень доволен, что опять появились в продаже утесовские пластинки, я их изредка слушаю.

Но бывают и другие. Такие джазовые выступления, что я выключаю радио. Передают музыку, которая действует на нервы. Не музыка, а какая-то какофония. Не понимаю я ни таких композиторов, ни людей, которым нравится их музыка. Но это я о себе. А ведь есть люди, которые, слушая их, и аплодируют, и прыгают от радости. Следовательно, им нравится? Поэтому административные меры применять к творчеству ни в коей мере нельзя. Должен высказаться слушатель, читатель, зритель. К тому же я человек уже старый, воспитанный на иных формах музыкального искусства. Мне нравятся народное пение, народные танцы, народная музыка. Конечно, и классическая. Но все же не джазовая. Я здесь вроде бы приношу покаяние, но не абсолютное: по форме признаю допущенные в мое время ошибки, когда я имел возможность административно поддерживать или запрещать какие-то творческие направ-

ления. Внутренне я и сейчас против некоторых из них. Просто подчеркиваю, что так бороться с тем, что не нравится, нельзя.

Одно время девушки ходили в коротких юбках. Потом вновь появились длинные платья. Меняется мода и в музыкальном искусстве, и во всем остальном. Надо терпимее относиться к таким переменам. А не влияют ли они как-то ослабляюще на коммунистическую идеологию? По-моему, вовсе нет. Здесь Евтушенко прав. Мы вот критиковали в свое время Маяковского, а Маяковский оставил стране произведения, которые донныне служат оружием в борьбе за лучшее будущее¹⁹. Например, никто из других поэтов не написал более выразительно о Ленине, чем он, хотя Маяковский по своей стихотворной стилистике, по слогу для меня очень труден. Когда я берусь его читать, то его стихи воздействуют на меня иначе, чем когда я их слушаю. При декламации они звучат серьезно и призывно. Это я говорю в подтверждение правоты Евтушенко.

А стихотворения самого Евтушенко нравятся ли мне? Да, нравятся. Впрочем, я не могу сказать это обо всех его стихах, я их не все читал. Знаю, что некоторые стали словами общеизвестных песен. Например, «Хотят ли русские войны?». Некоторые критически высказывались относительно слов этой песни, будто в своем стихотворении Евтушенко вообще отрицает всякую войну и морально разоружает солдат. Они неправы. Его слова выражают суть борьбы против милитаризма и в то же время предупреждают, что если война будет нам навязана, то Россия сможет достойно ответить. Считаю, что Евтушенко очень способный поэт, хотя характер у него буйный. И опять же буйство есть понятие, зависящее от точки зрения.

Просто такой человек не всегда укладывается в рамки, отведенные цензорами, то есть теми, кто хотел бы все и всех подчистить и пригладить. Но если бы все писали одинаково, пользовались одними и теми же аргументами, исходили из единого понимания вещей, то не возникло бы никакого творчества, не было бы развития живого слова. В конце концов все свелось бы к «жвачке», только один жевал бы с одного конца, а другой — с другого. Такие произведения вызывали бы рвоту у читателей, зрителей и слушателей. Обязательно надо смелее предоставлять возможность творческой интеллигенции высказываться, действовать, творить. Творить!

* * *

На этой фразе, записанной в первых числах сентября 1971 г., обрываются мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. 5 сентября у него произошел третий инфаркт, 11 сентября его не стало.

Последняя глава воспоминаний «Я не судья...» автору не нравилась. Он, прослушав запись, попросил стереть ее, чтобы можно было передиктовать. Но судьба распорядилась иначе. Эта глава свидетельствует о том, как автор оценивал и переоценивал некоторые минувшие события, порой не соглашаясь с самим собой.

Сергей ХРУЩЕВ

¹ ФАДЕЕВ А.А. (1901 — 1956) — автор романов «Разгром» (1927), «Последний из удэге» (1929 — 1940), «Молодая гвардия» (1945 — 1951), один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей в 1926 — 1932 гг. и генеральный секретарь Союза писателей СССР в 1946 — 1954 гг., вице-президент Всемирного совета мира, покончил с собой после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС.

² ТВАРДОВСКОМУ А.Т. (1910 — 1971) принадлежат поэмы «Страна Муравия» (1936), «Василий Теркин» (1941 — 1945), «Дом у дороги» (1946), «За далью — даль» (1953 — 1960), «Теркин на том свете» (1963), «По праву памяти» (опублик. в 1987), а также лирические стихотворения, проза, критические статьи.

³ Речь идет о картине художника НЕПРИНЦЕВА Ю.М. (1909 — 1996) «Отдых после боя» (1951).

⁴ ПАСТЕРНАК Б.Л. (1890-1960) — автор ряда циклов стихотворений, поэм «Высокая болезнь» (1924), «Девятьсот пятый год» (1926), «Лейтенант Шмидт» (1927), романа в стихах «Спекторский» (1931), переводов с английского, французского, немецкого, испанского, грузинского, повести «Охранная грамота» (1931), романа «Доктор Живаго» (1957).

⁵ См. комментарий на стр. 236.

⁶ Повесть СОЛЖЕНИЦЫНА А.И. «Один день Ивана Денисовича» (1962).

⁷ Генерал армии, Герой Советского Союза ГОРБАТОВ А.В. (1891 — 1973) безвинно подвергся репрессии в 1937 г., освобожден в 1940 г. Речь идет о его автобиографических записках, вошедших затем в книгу «Годы и войны» (1965).

⁸ Повесть «Синяя тетрадь» написана КАЗАКЕВИЧЕМ Э.Г. (1913 — 1962) в 1961 г. Ему принадлежат также повести «Звезда» (1947), «Двое в степи» (1948), роман «Весна на Оudere» (1949), рассказы.

⁹ ЭРЕНБУРГ И.Г. (1891 — 1967) опубликовал повесть «Оттепель» в 1956 году.

¹⁰ Ко времени этого совещания ЕВТУШЕНКО Е.А. (род. в 1933 г.) уже являлся автором многих стихотворений и сборников: «Разведчики грядущего» (1952), «Шоссе Энтузиастов» (1956), «Обещание» (1957), «Стихи разных лет» (1959), «Взмах руки» (1962).

¹¹ НЕИЗВЕСТНЫЙ Э.И. (род. в 1925 г.) успел до начала 60-х годов экспонировать ряд экспрессивных станковых и монументальных произведений скульптуры и графики. В 1974 г. воздвиг на Новодевичьем кладбище в Москве надгробный памятник Н.С. Хрущеву. С 1976 г. живет за границей.

¹² СЕРЕБРЯКОВА Г.И. (1905 — 1980) к тому времени была известна как автор очерков «Женщины эпохи Французской революции» (1929) и трилогии «Прометей» (1933 — 1962).

¹³ Она выпустила в 1963 г. воспоминания «Странствия по минувшим годам», была автором киносценариев, очерков «О других и о себе» (1968).

¹⁴ ПИКАССО П. (1881 — 1973) нарисовал «Голубя мира» в 1947 году.

¹⁵ Имеется в виду Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» МУРАДЕЛИ В. (1948), в котором был подвергнут разностной критике ряд композиторов.

¹⁶ 7-я «Ленинградская» симфония была написана ШОСТАКОВИЧЕМ Д.Д. в 1942 году.

¹⁷ По-видимому, Н.С.Хрущев имел в виду балет ШОСТАКОВИЧА Д.Д. «Золотой век» (1930 г.), в котором автор нарочито использовал некоторые джазовые ритмы и мелодические обороты.

¹⁸ Типичная официальная характеристика в СССР джазовой музыки той поры: джаз «представляет музыкальную концепцию лишенного положительных исторических задач буржуазного класса, взбудораженного войной и последующими социально-политическими переворотами» (Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т.21, М., 1931, с. 729). Народный артист СССР УТЕСОВ Л.О., выступавший на эстраде с 1911 г., был организатором в 1929 г. и солистом первого советского джазового коллектива.

¹⁹ Эту критику в адрес МАЯКОВСКОГО В.В. возглавлял литературовед ЕРМИЛОВ В.В. (1904 — 1965), который с 1928 г. являлся одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей. Его взгляды были отражены в книге «За живого человека в литературе» (1928 г.) и брошюре «Наши творческие разногласия» (1930 г.). Теоретико-методологическую направленность этой критике придавал генеральный секретарь РАПП'а Л.Л.АВЕРБАХ и журнал РАПП'а «На литературном посту».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ МАГНИТОФОННЫХ ЗАПИСЕЙ*

Часть VII

КАК СДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ

К ГЛАВЕ «СТРОИТЬ БОЛЬШЕ И КАЧЕСТВЕННО»

Если взять Московский университет, имеющий теперь известное всем архитектурно-художественное оформление, то оно никакими разумными доводами не оправдано. За средства, которые были затрачены на его строительство на Ленинских горах, можно было бы в два-три раза больше создать учебных заведений. Следовательно, это неразумно. Когда приближаешься к городу, то впереди видишь силуэт университета. Если спросить человека, не видевшего ранее университет, что он видит на горизонте, он ответил бы, что видит силуэт церкви. Все наши высотные дома завершаются какими-то шпилями и куполами, Московский университет имеет силуэт пятиглавого собора. Шпиль его на большом расстоянии читается как крест. Меня могут спросить:

— Разве церкви не являлись хорошим художественно-архитектурным сооружением?

Да, красивые, очень красивые, я считаю, что это самые красивые сооружения, но цели разные, вот в чем дело. Для церкви строилось такое

* В приложении дается распечатка вариантов магнитофонных записей воспоминаний Н.С. Хрущева. Автор воспоминаний по разным причинам прерывал работу над ними. Начиная снова работать, записывая воспоминания на магнитофон, он допускал повторы. Но в этих вариантах магнитофонных записей есть и отличительные оценки тех или иных событий, и новые факты, и некоторые дополнительные сведения к тому, что легло в основу воспоминаний. В этом и заключается их ценность.

здание, чтобы произвести впечатление, подавить человека и подчинить его Господу Богу. Назначение университета иное.

Я считаю, что мы сбили в какой-то степени голод на жилье, который существовал у нас после войны и который особенно остро проявился после смерти Сталина. Люди получили возможность выражать свое недовольство, поэтому руководство стало ощущать настроение народа острее, чем оно ощущалось при Сталине. Тогда всякий протест, всякое недовольство и справедливое недовольство отсутствием жилищ считалось настроением антисоветским, контрреволюционным. Со стороны властей к этому было соответствующее отношение. Под эту рубрику можно было подвести всякое недовольство. Если гвоздь в ботинке мешает в пятке, то, отдавая в государственную мастерскую ремонтировать свой ботинок, человек выражает антисоветский настрой. Такое проявление каралось законом.

Сейчас мы выплавляем стали больше ста миллионов тонн. Это была мечта моего поколения, жившего в первые годы революции и строившего социализм. Мы имеем выработку электроэнергии, которая нам и не снилась. Мы выпускаем огромное количество цемента и других материалов, которые необходимы для дальнейшего развития нашей страны, для обеспечения программы строительства социализма. Мы сейчас имеем Вооруженные Силы, оснащенные самым современным оружием. Наши Вооруженные Силы имеют такую огневую мощь, которую никогда ни одна армия не имела. Это говорит о том, что мы твердо стоим на земле, давая отпор своим врагам, которые бы хотели посягнуть на нашу независимость.

Сейчас мы имеем большие возможности выделять средства на удовлетворение непосредственных жизненных потребностей живущих в нашей стране и строящих социализм людей. И сейчас, я считаю, надо урезать и ограничить растратывание средств. Эти траты не вызываются какими-нибудь деловыми соображениями и не способствуют дальнейшему наращиванию мощи нашего государства и его богатства. Растратывание идет из-за отсутствия разумного контроля.

В наших социалистических условиях, когда земля является собственностью государства, у нас должен быть другой подход. Мы не только не должны сносить пятиэтажные хорошие, капитальные здания, а сохранять их. К сожалению, их кое-где уже снесли. Это неразумно, это фантазия за счет терпимости народа и в ущерб народу. Сейчас до меня доходят слухи, что на это обращено внимание, но надо было бы не допускать этого явления; это было бы более разумным.

Таким образом, я тогда товарищу Посохину рекомендовал строить жилье в Москве улучшенной архитектурной планировки и увеличить этажность старого города, каким является Москва. Это уже не чистое поле, как мы строили на окраинах, на Юго-Западе. Опоясали Москву строительством. Я считаю, если мы придадим старым домам нужный облик, создадим элементарные условия и встроим лифты, то из этих жилищ не всегда человек захочет поехать в более высотное здание.

Гостиница — служебное помещение, в нем люди живут временно.

Неразумно выносить их на окраины, а следует размещать ближе к правительственным и культурным учреждениям, которыми пользуются часто командированные и приезжие. Их разумно строить высотными.

Опять, какая высотность? Сколько этажей? Это определяется экономической целесообразностью и условиями жизни пользующихся этими гостиницами. Но этот последний аргумент не главный. Здесь человек живет день, два, три и уезжает. Поэтому если высотность создает какие-то неудобства, то приезжий будет переносить их, находясь в центре города.

Я подвожу итог своим записям. Радуюсь и даже горжусь тем, что мы создали возможность строительства жилищ в таком масштабе, в каком мы нуждаемся, для того чтобы удовлетворить запросы людей. Я имею в виду внедрение сборного железобетона. Это дает буквально неограниченные возможности. Проводились экспериментальные работы по сборке домов: буквально за день заканчивали этаж. Я сейчас не могу припомнить, какая была площадь этого этажа, но это не имеет значения, потому что большая площадь лишь потребует больших транспортных средств. Вот какие возможности дает сборное железобетонное строительство.

Я хотел бы вернуться к тому периоду, когда решался вопрос о железобетоне, который я внедрял с группой инженеров, прокладывавших путь новому направлению. Прежде всего, я повторяю, это товарищи Садовский, Лагутенко. Огромную роль сыграл инженер Козлов. Он изобрел станок, который дал возможность создавать детали жилого дома дешево, быстро и высокого качества, как внешне несущих панелей, так и внутренних перегородок. Велика роль и профессора Михайлова. К сожалению, его панели не получили распространения, но он первым заложил более рациональную конструкцию перекрытий из ребристых плит. Потом эту идею внедрил в жизнь на своем станке вибропроката инженер Козлов. Мне приятно это сейчас вспоминать и записывать, потому что мы первыми поняли и проявили инициативу в этой области. Мы дали отпор людям консервативного склада ума, которые стояли на позициях монолитного железобетона.

Пока мы спорили, осваивали и внедряли сборное железобетонное строительство, Запад взялся за ум и шагнул семимильными шагами в этой области. На каком-то этапе они нас опережали.

Сейчас, читая или слушая радио, я радуюсь успехам, но другой раз бывают и огорчения, когда я слышу, как транжирятся народные средства фантазерами, допускающими излишества в проектах, высасывающими соки из народного хозяйства и тем самым ограничивающими возможности улучшения жизни наших людей. Но, в общем, я радуюсь тому, что мы получим неограниченные возможности в развитии жилищного строительства. Мы являемся самой мощной страной в этой области и строим больше всех.

Правда, из печати, кино и телевидения я вижу, как уродливо строят, особенно неряшлива отделка. Человек получает квартиру, но, к сожалению, не может вселиться, потому что не работает лифт или работает плохо. Плохо работает водопровод или совсем не работает. Мне даже сказали, что существует порядок: получив ордер, можно вселяться, но подключают свет, газ, воду только после вселения 75% жильцов. Мне об этом

рассказывали. И это вызывает возмущение. Если это действительно так, то это извращение существа советского социалистического государства, когда бюрократы имеют возможность создавать такие неудобства для строителей социализма.

Собственно, на этом считал бы я возможным и закончить свои воспоминания. Много, конечно, было трудностей и бюрократизма, много было неряшливости в строительстве и неправильности в распределении жилья. Здесь требуется большая работа государственных организаций. Один руководитель бессилён в борьбе с бюрократией. У людей должна повышаться требовательность, они должны знать законы и свои права и стойко отстаивать их.

К ГЛАВЕ «ДЕЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ»

После разоблачения Берии, его устранения, руководство партии и правительство получили возможность работать свободнее. Берия буквально сковывал инициативу, вернее, не столько сковывал, сколько наводил страх. Все понимали, что Берия — нечестный человек. Он не коммунист, а просто пролез в партию. Для него партия была лестницей для подъёма на вершину государственной власти. Он не был связан никакими идеями коммунистической партии, для него не было ничего святого. Это был карьерист, и опасный карьерист, потому что он в достижении своей карьеры ни перед чем, ни перед какими жертвами не останавливался. Он шагал по трупам! Как он это делал, разоблачили во время процесса над группой Берии.

Смерть Сталина народ очень переживал. Она оказалась буквально шоком для народа. Сколько лет пропаганда трубила, что Сталин — гений, Сталин — отец, Сталин — друг народа, что Сталин — одержал победу. Словом, все, чем живет и дышит человек, все это дается Сталиным. И вдруг Сталина не стало. Я тоже очень переживал его смерть. Я искренне оплакивал его и боялся прихода к руководству Берии. Был страх перед возможным усилением репрессий. По какому пути пойдет развитие нашей страны в этом случае? Я боялся за ленинские основы перестройки общества, которые были заложены после Октябрьской революции. Сталин был тираном, злоупотреблял властью, но у Сталина основное нельзя отнять — он был коммунистом, а варварство шло параллельно. Он считал его по-своему необходимым для победы строительства социализма в Советском Союзе.

К ГЛАВЕ «О ЦЕЛИНЕ»

Когда я был в Египте, то поделился нашим опытом с президентом Насером.

— Это не рекомендация, не навязывание нашей системы, — говорил я ему, — я не могу не поделиться с вами своими мыслями, потому что питаю к вам большое уважение и хотел, чтобы вы использовали наш

опыт. Вы собираетесь распределить земли, осваиваемые в результате строительства Асуанской плотины, по клочкам. Египтяне, получив землю, будут очень довольны, но вы их обречете на жалкое существование. На этом клочке феллах не сможет овладеть современной техникой, будет довольствоваться мулом, будет выращивать хлопок методами времен Рамсеса II.

Я шутил, и он понял мою шутку. При следующей встрече уже не я, а он доказывал выгоду и пользу нашего пути. Он не мне, а своим товарищам в моем присутствии доказывал, что правильный путь — это оставить землю большим массивом. Они прислали к нам делегацию, возглавлявшуюся премьер-министром Египта, ездили в Узбекистан, изучали наш опыт.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ — К ГЛАВАМ: «ДЕЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ» — «НАШИ МАГАЗИНЫ ПУСТЫ»

НЕМНОГО О СЕБЕ И О СТРАНЕ

Часто знакомые, а больше незнакомые, случайные люди задают мне вопросы о сельском хозяйстве и о моих взглядах на его развитие. О сегодняшнем дне мне трудно говорить, прошло уже пять с половиной лет, как я питаюсь лишь газетными статьями и сообщениями радио. Я кое-что могу рассказать о прошлом и высказать некоторые суждения о настоящем.

В детстве я какое-то время жил в деревне, любил крестьянский быт. Но в основном детские годы я провел на рудниках, там отец работал на угольных копях. В моей памяти сохранилась его работа на шахте Успенской, в четырех верстах южнее Юзовки, теперь Донецка. Сам я работал на машиностроительном заводе, потом на руднике, потом — армия. Непосредственно с сельским хозяйством я столкнулся, как говорится, нужда заставила, после окончания рабфака в 1925 году.

Уездный партийный комитет (или тогда уже были окружные комитеты) послал меня партийным секретарем в Петрово-Марьинский район. Это район смешанный. Смешанность выражалась в том, что Марьинский район был сельскохозяйственным, а угольные копи назывались Петровскими рудниками, бывшие Карповские. Владелец там был Карпов. После революции их называли в честь Петровского Григория Ивановича. Григорий Иванович, как депутат Государственной думы четвертого созыва, как-то приезжал туда. Я не могу сказать, выступал ли он, но готовился. Меня пригласили на собрание. Оно созывалось нелегально, но потом его отменили. Подробностей не знаю, я не входил в число организаторов. Мне сказали, что полиция пронюхала о месте собрания, и Григорий

Иванович сказал, что оно не состоится. Я уже шел к месту сбора, а там специально выставленные люди предупреждали, что собрание не состоится. Так или иначе, а Григорий Иванович был избран в Думу от Екатеринославской губернии (эти рудники входили в ее состав).

Когда я принял дела первого секретаря райкома, мне пришлось заниматься всем. Районный партийный комитет располагался в поселке на шахте Трудовская № 5. Она и сейчас работает. Тогда это была маленькая шахта, небольшой поселок, расположенный в степи, рядом с большим и богатым селом Марьинка. Недалеко находилось другое село, которое называлось Григорьевка. А еще ближе к рудникам располагалось большое село Кременная. Одним словом, «назвался груздем — полезай в кузов», раз избрали секретарем райкома партии, то я должен был давать универсальные указания по всем вопросам.

Таким образом, я стал человеком, обличенным ответственностью и за состояние сельского хозяйства Петрово-Марьинского района, и за добычу угля Петровскими рудниками, и за состояние Красногоровского завода керамических изделий. В Донбассе в те времена это был единственный завод, вырабатывающий огнеупорный кирпич для облицовки доменных и мартеновских печей, он обеспечивал всю нашу металлургию. Мои функции тогда больше заключались не в обеспечении производства сельскохозяйственных продуктов, а в выколачивании этих продуктов из крестьян.

После моего секретарства, года через полтора, на партийной окружной конференции меня избрали заведующим орготделом Окружного партийного комитета. По тем временам организационная структура была такова: заведующий орготделом являлся заместителем секретаря. Единственным секретарем в Окружном комитете тогда был Моисеенко. Позже мы с ним разошлись, не сработались. Он трагически кончил свою жизнь, был арестован и расстрелян в результате произвола, который был допущен в партии и в стране Сталиным. Я убежден, что он был честным человеком, а погиб, как погибли многие тысячи таких же, как он. В Окружке мы тоже занимались сельским хозяйством. Сельское хозяйство поднималось, как на дрожжах. Стимулятором послужила ленинская политика — введенный после окончания гражданской войны НЭП, двигатель частнособственнических инстинктов. Сельское хозяйство быстро восстановилось до уровня дореволюционного и, по-моему, даже его превзошло. Продуктов в 1925 году у нас было сколько угодно, и они были дешевые. После 1922 года, голода и людоедства, 1925 год в Донбассе стал годом изобилия сельскохозяйственных продуктов.

Потом я недолго работал в Харькове. Я там был заместителем заведующего орготделом Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. Заведующим был Николай Нестерович Демченко, он тоже трагически погиб, расстрелян. Честнейший человек, член партии с 1916 года. Когда его перевели секретарем в Киевский окружной комитет партии, он забрал меня с собой. Я стал заведовать в Киеве орготделом.

Сельским хозяйством мы тогда занимались директивно, тонкостей его

не понимали. Как бывший рабочий, я знал свою профессию, разбирался в слесарном деле, немного в металлургии, в производстве кокса. Мы должны были заниматься сельским хозяйством, чтобы кормить города, кормить рабочих. Сельскохозяйственное производство шло само по себе, стимулятором служил НЭП. Колхозов тогда не было, существовали коммуны, но буквально единицы. В Петрово-Марьинском районе, кажется, была одна коммуна в большом селе Максимиляновке. Коммуна была хорошей. Председателем ее был Колосс, и действительно человек был огромного роста, по профессии портной, очень уважаемый человек. Заместителем у него был человек по фамилии Гомля, очень интересный, умный крестьянин.

Из Киева я выпросился у первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Косиора на учебу в Москву, в Промышленную академию. Для этого я вынужден был ехать в Харьков на личную встречу с товарищем Косиором. Центральный Комитет удовлетворил мою просьбу. В 1929 году, в начале учебного года, я получил путевку, прибыл в Москву, в Промышленную академию. Тогда она размещалась на Ново-Басманной улице, а общежитие было на Покровке, у Покровских ворот, в доме 40. Весь мой краткий послужной список говорит о том, что к сельскому хозяйству я имел очень малое отношение, главным образом как потребитель.

В 1931 году я стал секретарем Бауманского райкома в Москве, потом секретарем на Красной Пресне. С 1932 года я уже второй секретарь Московского городского партийного комитета. Там я тоже занимался промышленностью и городским хозяйством. В 1935 году, когда Кагановича назначили наркомом путей сообщения или наркомом железнодорожного транспорта (не помню, как тогда назывался этот Наркомат), я стал первым секретарем Московского городского комитета. Здесь на мои плечи свалилась ответственность за сельское хозяйство в Московской области.

Московская область занимала очень небольшой удельный вес по производству сельскохозяйственных продуктов. Тогда уровень сельского хозяйства, главным образом, определялся производством зерна. Московская область производила зерна очень мало, да и сейчас производит его мизерное количество. Посевные площади ее небольшие, и урожаи тоже очень низкие. Она производила много картофеля и овощей, главным образом, капусту, свеклу и морковь. Но и этими видами сельхозпродуктов потребности Москвы удовлетворялись неполностью. Мы завозили продукты из Белоруссии, с Украины и других областей Российской Федерации.

Когда в начале 1938 года я был командирован на работу на Украину, нужда заставила меня уделять больше внимания сельскому хозяйству. Сталин меня тогда предупредил, чтобы я сдерживал свою «слабость». Как бывший рабочий, я тянулся к производству, к рудникам, к заводам, к фабрикам. Он сказал, что эти отрасли лучше организованы, за них отвечает Наркомат и другие ведомства, а вот сельское хозяйство распылено и требует больше внимания.

Украина тогда находилась на особом положении, под особым вниманием со стороны Центрального Комитета партии. Это самая большая республика после Российской Федерации, с самым большим населением и, нужно сказать, еще с остатками украинского национализма. Поэтому требовалось уделять большое внимание организационным вопросам, политическим, воспитательным и идеологическим, но главное — вопросам производства зерна и сахара. Тогда Украина была житницей Советского Союза, а сахара, по-моему, производила больше семидесяти процентов. Ее удельный вес в обеспечении Советского Союза продуктами питания был очень большим.

Все земли на Украине были давно освоены. Когда люди, приезжавшие из России, увидев, в каких условиях живут украинцы, где многие села не имеют выпасов для скота и крестьяне выпасают своих собственных коров на веревке и по межам, просто удивлялись. В Российской Федерации имелись большие луга, леса и широкие возможности для содержания личного скота. В 1938 году коллективизация осталась в прошлом, но после коллективизации требовалось еще большее внимание к сельскому хозяйству, чем в те времена, когда колхозов еще не было.

К началу войны сельское хозяйство окрепло, мы стали получать трактора, а другую технику, к сожалению, в количествах недостаточных для правильной организации сельскохозяйственного производства. Украина производила, главным образом, пшеницу, являлась поставщиком продуктов питания, особенно мяса, молока и сахара. Производила Украина и овощи, и технические культуры: лен, коноплю. Когда для авиации потребовались смазочные масла, стали выращивать касторку. Я вспомнил украинское название касторки — рецина. Впервые тогда встретился с этим словом и познакомился со способом выращивания рецины.

До войны у нас были очень хорошие периоды. Конечно, хорошие по меркам того времени. Мы производили хлеба больше, чем потребляли. Я помню частые звонки из Москвы от наркома финансов Зверева. Он наблюдал за финансами, а пополнение «денежного сундука» зависело от продажи хлебных продуктов, особенно всякой сдобы. Она продавалась по повышенным ценам, и, следовательно, это определяло поступление денежных средств в Наркомат финансов. Зверев был заинтересован в продаже этих продуктов.

Разные бывали времена, все от погоды зависело. Резервов у нас почти не было. Мы их не могли создать из-за больших потребностей в валюте. Если накапливалось какое-то количество хлеба, его сейчас же выбрасывали на европейский рынок, а валюту тратили на закупку необходимого оборудования. Тогда проводился курс на индустриализацию страны, а мы не все могли производить сами. Изыскивали, что бы еще можно было продать за границей и получить валюту. Продавали, главным образом, сельскохозяйственные продукты, потому что наши промышленные изделия были невысокого качества и не интересовали капиталистический рынок. Да это вполне понятно: мы только учились. Поэтому мы «выезжали» на сельскохозяйственных продуктах за счет подтягивания животов, за счет затягивания ремней. В то время, особенно до 1935 года,

это не скрывалось. Другой раз мы даже с гордостью заявляли, что идем на подтягивание своих животов во имя будущего, во имя социализма и коммунизма. Мы сознательно шли на эти жертвы.

Началась война. Какое разорение она принесла, вряд ли нужно напоминать, это всем известно. Народ не забыл голод, который он переживал во время войны и после нее. Кончилась война. На Украине, только освободившейся от оккупации, были разрушены и промышленность, и сельское хозяйство. Республика понесла огромные людские потери. Мы лишились самых трудоспособных людей, потеряли кадры, имевшие знания и опыт. Все приходилось воссоздавать заново. Это было тяжелое время: нищета, голод, время карточек. Цены подскочили. Одним словом, трудно себе представить, как наш народ выжил. Но он выжил. Выжил и работал с энтузиазмом. Несмотря на тяжелые потери, народ выстоял, разбил врага, добился победы и, мобилизовав силы, отдавал их на восстановление промышленности и сельского хозяйства.

Я помню 1946 год, самый тяжелый год для Украины, да и не только для нее, но я говорю об Украине. Я чувствовал и знал, в каком положении находится республика, какое бедствие переживает украинский народ в результате засухи и неурожая. Возник голод, в отдельных местах было даже людоедство.

Сталин решил созвать пленум Центрального Комитета. Он не созывал его с довоенного времени. Сталин уже не нуждался в дискуссии, когда надо и кого надо он вызывал, выслушивал, но обмена мнений не признавал. Он считал, что по всем вопросам может давать директивы и указания.

На местах мы чувствовали себя чуть посвободнее. На Украине же коммунистическая партия работала, я бы сказал, в более или менее нормальных условиях, если принять во внимание нормы партийной жизни, которые были установлены Сталиным. У нас собирались областные партийные конференции, собирались съезды Коммунистической партии Украины, проходили выборы в первичных парторганизациях. Одним словом, устав соблюдался. Это, видимо, было и в других республиках и областях. Но в союзном центре все обрывалось, здесь был только Сталин и вокруг него «остатки» членов Центрального Комитета. Фактически Центральный Комитет не работал. Он не созывал ни пленумы, ни Политбюро. Вместо этого собирались на так называемые обеды у Сталина. За обедами и решались все вопросы.

Так вот, в начале 1947 года Сталин объявил нам о созыве пленума на тему: «О подъеме сельского хозяйства». По-моему, так формулировалось. Одним словом, о сельском хозяйстве. Сталин предложил мне сделать доклад.

— Вот Хрущеву поручим доклад, — сказал он, когда все собрались у него на ближней даче.

Я буквально взмолился, просил Сталина не поручать мне доклад. Сталин не понял меня и даже возмущился отказом.

— Товарищ Сталин, вы поймите меня, — убеждал я его, — не могу я сделать этого доклада, я почти не знаю страны. Я знаю более или менее

сельское хозяйство Украины (к тому времени я уже там неплохо ориентировался). Я совершенно не знаю Российскую Федерацию, тем более Сибирь. Я не знаю Белоруссию и Закавказье, не говоря уже об азиатских республиках. Какой же я докладчик? О чем я буду докладывать? Я буду пересказывать то, что чиновники сунут в мой доклад. Говорить о вещах, которые не прочувствовал, я не могу. Перед залом появится тец-декламатор, а не докладчик по актуальным вопросам. О них нужно доложить с умом, заострить внимание на главном, а значит, надо понимать это главное. Надо поднять эти главные вопросы. Я прошу, товарищ Сталин, освободить меня от доклада.

— Ну что же, можно поручить доклад Маленкову (Маленков тогда в Центральном Комитете занимался вопросами сельского хозяйства), но он даже терминов сельскохозяйственных не знает, — размышлял вслух Сталин. Он так при всех и сказал. Маленков потом долго переживал. Сталин правильно сказал, Маленков действительно сельского хозяйства не знал.

— Что ж, давайте поручим доклад Андрею Андреевичу Андрееву, — наконец решил Сталин. Все согласились. Собственно, никого он и не спрашивал, это не было обсуждением. Я считал, что Андрей Андреевич, как нарком земледелия, конечно, может сделать доклад. Когда-то он был секретарем, по-моему, Северо-Кавказского края. На XVI съезде в своем выступлении он блеснул знанием сельского хозяйства, и с того времени о нем сложилось мнение как о специалисте. Я тоже так считал. На XVI съезде я не был делегатом, но, как секретарь партийной организации Промышленной академии, имел постоянный гостевой билет.

Пленум созвали в феврале. Андрей Андреевич сделал доклад. Я сидел в Президиуме пленума рядом со Сталиным и внимательно слушал доклад. Он был хороший по форме и правильный. Андрей Андреевич и его помощники хорошо поработали над материалом, он его последовательно и логично изложил пленуму Центрального Комитета. Пленум проходил в Малом Кремлевском зале, он назывался Свердловский. В перерыве Сталин обратился ко мне:

— Какое ваше мнение о докладе? — спросил он, как всегда, резко.

Я ответил осторожно:

— Доклад хороший.

— Я вас спрашиваю, какого вы мнения об этом докладе? — он начинал сердиться. Я что-то ответил, не вдаваясь в существо, формально.

— Но вы же совершенно не реагировали на него. Я следил за вами, — давил Сталин.

— В докладе все правильно сказано, но нет абсолютно ничего нового. С точки зрения постановки вопроса доклад получился формальный, вопросы — известные, избитые, — я больше не мог уходить от ответа. Сталин реагировал нервно. Видимо, пришел к такому же мнению. Андрей Андреевич уже что-либо новое сказать не мог, он отстал от активной жизни партии. Он был уже больным, полуглухим, и ожидать от него хорошего доклада было нельзя, хотя он подготовленный и умный человек.

После проведенного пленума мы ощущали такой же недостаток в сельскохозяйственных продуктах, хотя экономика Советского Союза

восстанавливалась бурными темпами. Народ работал с очень большим прилежанием, прикладывая все свои усилия и умение, чтобы как можно скорее поднять народное хозяйство, разрушенное войной. Стали появляться промышленные изделия, машины и материалы. Когда процесс восстановления разрушенного хозяйства завершился, сельскохозяйственных продуктов все равно не хватало.

Максимальное количество зерна, заготавливаемое в нашей стране в то время, составляло более двух миллиардов пудов, а обычно собирали миллиард восемьсот тысяч. Сталин придерживался старого порядка, исчислял заготовки зерна в пудах. Мы привыкли к этому исчислению, конкретнее представляли себе величины и легче сравнивали с прошлыми годами. Хотя мы себя вполне обеспечивали, но резервов не было. А без резерва нельзя жить. Сельскохозяйственное производство — очень капризная отрасль. Природа каждый год вносит свои поправки, то позволяет чуть поднакопить зерна, а то создает такие трудности, что приходится нормировать сельскохозяйственные продукты, даже хлеб.

Могут задать вопрос: почему, имея такие необъятные пространства, Советский Союз ощущает недостаток в производстве сельскохозяйственных продуктов? Во-первых, это объясняется и культурой земледелия, и, во-вторых, экономическими возможностями. У нас было мало машин и особенно минеральных удобрений. Наши минеральные удобрения были невысокого качества, с очень малым содержанием полезных веществ. Некоторые минеральные удобрения содержали только десять процентов полезного вещества, остальное балласт. Можно себе представить, как это невыгодно. В тоннах производится много, а пользы с них — чуть.

Даже то минимальное количество минеральных удобрений, которое завозилось на железнодорожные станции для колхозов и совхозов, сгружалось буквально под открытое небо, под откос железнодорожных путей. Удобрения в некоторых районах довольно долго лежали, порой по два-три года, а часть так и погибала там. Мальчишки зимой катались на санках с этих минеральных удобрений, как с горок. Они слежались так, что превратились в камень, и если их захотели бы использовать, то потребовалось бы заново приступать к разработке. Естественно, что это уже были не минеральные удобрения, а балласт, потому что полезные вещества почти все вымылись дождями и снегами. Такое отношение к удобрениям и свидетельствует о низкой культуре. Наши колхозники и даже руководители совхозов больше ценили навоз, чем минеральные удобрения, они даже не хотели затрачивать усилия на их вывоз. Некоторые более передовые колхозы и их руководители ценили и умели пользоваться минеральными удобрениями, завозили их себе даже больше, чем положено. У них получались хорошие урожаи.

Другое отношение к минеральным удобрениям складывалось у колхозов, которые занимались производством технического сырья: льна, конопли, хлопка. Там крестьяне научились ценить их, они даже боролись за них между собой.

К 1953 году Украина производила товарного зерна, поставлявшегося государству, примерно пятьсот миллионов пудов. Я хочу сравнить раз-

ный уровень, разную культуру производства зерна. Черниговская область граничит с Белоруссией и Российской Федерацией, она заготавливала примерно девятнадцать миллионов пудов. Вся Белоруссия, имея в несколько раз большую площадь под зерновыми, заготавливала примерно пятнадцать миллионов пудов зерна. При этом себе они почти ничего не оставляли. У нас были очень низкие урожаи, да и сейчас они остаются невысокими по сравнению с Западом.

В нашей стране имелись возможности расширения посевных площадей за счет распахши целинных земель, но этого не происходило. Я не знаю, почему. Я никогда не слышал объяснений от Сталина, но он был категорически против, просто запрещал производить дополнительную распахшу земель, вводить их в севооборот. Возможно, он хотел сосредоточить внимание на культуре земледелия, получить увеличение производства зерновых продуктов за счет увеличения урожайности, за счет более интенсивного ведения хозяйства? Это направление правильное, но это путь довольно сложный, трудоемкий, а по времени — длительный. Агрономы, зоотехники и колхозники должны постепенно набраться теоретических знаний, должны научиться применять передовые методы на практике. С другой стороны, требуется и иная техника, особенно требуются минеральные удобрения.

Без этих условий одними речами, приказами и постановлениями трудно добиться повышения урожайности. Если нет материальной базы и необходимых знаний, то ждать повышения урожайности придется долго, очень долго, пока народ самостоятельно приобретет знания, повысит культуру земледелия и на этой основе повысит продуктивность своего труда...

Умер Сталин, новое руководство перераспределило обязанности. Мне поручили заниматься наблюдением за сельскохозяйственным производством. К этому времени я уже пользовался признанием. На Украине работа колхозов и совхозов была организована лучше, чем в других местах. Хотел бы оговориться, я не приписываю это исключительно моему руководству. Все объясняется историческими корнями. На Украине культура земледелия выше, чем в других районах Советского Союза, там было легче руководить, потому что народ уже накопил знаний. Кроме того, Украина обладает хорошими климатическими условиями, хорошими землями, особенно черноземом. Правда, недостаток осадков порой наносил большой ущерб. Все мы зависели от дождика. Я в шутку говорил, что если судить по урожаям, то на юге один год можно прослыть гением, а на следующий год оказаться круглым дураком. Если выпадал дождик, там получали тридцать центнеров пшеницы с гектара. По тем условиям это считалось очень высоким урожаем. Если подсушит озимые осенью или в апреле, то можно получить пять — десять центнеров. Такие колебания объяснялись не столько умением, сколько нашей зависимостью от климатических условий.

Правда, если хорошо обрабатывать землю, то можно добиться меньшего колебания урожайности.

После разоблачения Берии, его устранения, руководство партии и

правительство получили возможность работать свободнее. Берия буквально сковывал инициативу, даже не столько сковывал, сколько наводил страх. Все понимали, что Берия — нечестный человек. Он не коммунист, а просто пролез в партию. Для него партия была лестницей для подъема на вершину государственной власти. Он не был связан никакими идеями коммунистической партии, для него не было ничего святого. Это был карьерист, и опасный карьерист, потому что в карьерных целях он ни перед чем, ни перед какими жертвами не останавливался. Он шагал по трупам! Как он это делал, разоблачили во время процесса над группой Берии.

Смерть Сталина народ очень переживал. Она оказалась буквально шоком для народа. Сколько лет пропаганда трубила, что Сталин — гений, Сталин — отец, Сталин — друг народа, что Сталин — одержал победу! Словом, все, чем живет и дышит человек, все это дается Сталиным. И вдруг Сталина не стало. Я тоже очень переживал смерть Сталина, искренне оплакивал его и боялся прихода к руководству Берии. Был страх перед возможным усилением репрессий. По какому пути пойдет развитие нашей страны в этом случае? Я боялся за ленинские основы перестройки общества, которые были заложены после Октябрьской революции. Сталин был тираном, злоупотреблял властью, но у Сталина основное нельзя отнять — он был коммунистом, а варварство шло параллельно. Он считал его по своему необходимым для победы социализма в Советском Союзе.

Промышленность наша работала более организованно, чем сельское хозяйство. Руководство и рабочие промышленности были подготовлены, наши машины отвечали требованиям времени. А вот сельское хозяйство хромало, и очень хромало. Мы вынуждены были мобилизовать все силы для повышения производства сельскохозяйственных продуктов, прежде всего зерна, мяса, молока и шерсти. Я уж не говорю о такой технической культуре, как сахарная свекла. С техническими культурами, по нашему мнению, дела обстояли не так трагически, хотя урожайность нашей сахарной свеклы не более ста шестидесяти центнеров с гектара, что крайне низко по сравнению с чешской. Они получали до трехсот пятидесяти центнеров, поляки получали двести пятьдесят и больше. Продуктивность молочного скота у нас была очень низкой, я уже не говорю о жирности молока. Жирность колебалась в пределах от двух с половиной до трех процентов и редко доходила до пяти. Удои в среднем по Советскому Союзу составляли тысячу сто литров на корову. Несравнимая цифра с Голландией или Данией.

Урожаи картофеля мы тоже получали плохие. Эта сельскохозяйственная культура хорошо реагирует на обработку почвы и правильную постановку семенного дела. В Московской области мы получали в среднем шестидесять центнеров с гектара. Немыслимо низкий урожай для этой культуры. Это говорит о запущенности хозяйства и плохой организации производства в колхозах и совхозах. В дореволюционное время крестьяне Курской, Орловской и Черниговской губерний получали очень высокие урожаи. Картофель был отличным и по вкусовым качествам и по размеру клубней.

Такое положение с картофелем я объясняю падением трудовой дисциплины и отсутствием заинтересованности в производстве этого продукта, но особенно — низкими ценами. Сталин установил колхозам буквально условные цены, платили три копейки за килограмм. Стоимость подвоза на заготовительные пункты обходилась дороже. Следовательно, затраты труда не оправдывались и не оплачивались при такой цене на картофель. Естественно, пропадала и заинтересованность. Откуда могла появиться эта заинтересованность, если колхозник на трудодень получал копейку. Это странно звучит? Да, копейку. Тогда говорили: «Работаю за палочку». Единичку запишут — это трудодень, это означало, что и за него он получит копейку. Некоторые колхозы (и таких было немало) вообще ничего на трудодни не выдавали. Поэтому колхозники старались как-то избежать работы в колхозе, жили за счет производства сельскохозяйственных продуктов на приусадебных участках или добывали средства для своего жалкого существования какими-то другими способами.

Пришлось пересмотреть цены и несколько изменить систему заготовок. Мы преследовали цель повысить заинтересованность работающих в совхозах и особенно в колхозах. В совхозах рабочие имели гарантированные ставки, а в колхозах велось распределение по трудодням. Трудодней набиралось мало, а раз трудодни не оплачивались, то колхозники старались не работать в колхозе. Те, кто работал, получая мизерную плату, работали плохо. Одним словом, существующие порядки не стимулировали поднятия сельскохозяйственного производства в колхозах. Мы вынуждены были изменить законодательство, изменить порядок.

Правда, тогда у нас имелись ограниченные возможности, мы были бедны. А самое главное, Сталин приучил нас смотреть на крестьян без уважения. Он смотрел на них, как на «быдло», не уважал, не ценил крестьянина и его труд. Он знал одно средство — нажим, выколачивание сельскохозяйственных продуктов для нужд города. Цены на сельскохозяйственные продукты устанавливались ниже их себестоимости. Очень было мало колхозов, которые в результате высокой культуры ведения сельского хозяйства могли себя как-то обеспечить. Абсолютное большинство колхозов влачило жалкое существование.

Я уже говорил, что картофель — очень трудоемкий продукт. До того, как мы ввели квадратно-гнездовой способ сева и обработки трактором в двух направлениях, он требовал много ручного труда. С нововведением производство картофеля значительно увеличилось, затраты труда резко сократились, но цена, по которой заготавливался картофель, продолжала оставаться такой же низкой — три копейки за килограмм. Мы пересмотрели закупочные цены на картофель и на другие овощи. Правда, новые цены тоже не слишком стимулировали производство, но они значительно улучшили экономическое положение тех колхозов, которые организовали сельскохозяйственное производство на приличном по тому времени уровне. Хорошие руководители, знающие дело, могли теперь получить хорошие доходы.

КАК РОЖДАЛОСЬ ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИНЫ

Мы стали искать возможности увеличения производства сельскохозяйственных продуктов и прежде всего зерна. Тогда был один выход — ввод дополнительных площадей в севооборот, поднятие целинных земель. Таких земель у нас обнаружилось очень много. Да и сейчас они еще остались. Правда, остались земли, заросшие кустарником или же заболоченные. Они могут быть введены в севооборот только после мелиоративных работ.

На первом пленуме Центрального Комитета, после смерти Сталина, товарищи предложили мне сделать доклад по сельскому хозяйству. Особенно на меня нажимал Маленков, но я пока был не подготовлен и отказался. Я ответил, что не хочу выступать без конкретных предложений. Их нужно подкрепить убедительными доводами. Просто неприлично выступать перед собравшимися по такому важному вопросу, каким является вопрос производства сельскохозяйственных продуктов, без серьезной подготовки — объяснил я свою позицию. Условились, что в сентябре я выступлю с докладом на специальном пленуме, посвященном сельскохозяйственным вопросам. Этот так называемый сентябрьский пленум долгое время считали поворотным пунктом в развитии сельскохозяйственного производства.

Я уже был наслышан о необъятных просторах Казахстана и о его очень небольших площадях, находившихся в сельскохозяйственном обороте. Я начал с расспросов секретаря Центрального Комитета Казахстана товарища Шаяхметова. В ЦК он пришел из органов внутренних дел, из милиционеров. Сам казах, он, безусловно, хорошо знал свой родной край. Я допытывался: какое количество земель находится в распахке и какие площади для нее пригодны, но не распахиваются, какие урожаи получают, каковы возможности тех земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что со мной он говорил неискренне. Он занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распахке, очень мало или совсем нет, что все уже распахано и нет больших перспектив, что какие-то площади распахать можно, но это не столько, сколько нужно. Я не помню, на какой цифре он остановился, что-то в пределах трех миллионов гектаров. Конечно, это большая площадь, но не то, что нам требовалось. Но и этому я был рад. Если три миллиона засеять пшеницей и получить по десять центнеров зерна, пусть даже по пять центнеров, то получится полтора миллиона тонн товарного хлеба, пусть даже миллион, а это шестьдесят миллионов пудов! По тем временам, да и по нынешним довольно ощутимая прибавка. Это без учета прокорма людей, занятых на обработке новых полей и выращиванием семян.

Потом я поговорил с секретарями обкомов партии Казахстана. Они тоже казахи, но лучше знали свои возможности. К сожалению, не помню их фамилий, интересные люди, более знающие, чем товарищ Шаяхметов. Они говорили более искренне и с большим знанием дела докладывали о возможности освоения целинных земель.

Секретари обкомов мне сообщали, что на некоторых землях при хо-

рошей обработке и при высоком качестве семенного материала они получали от пятнадцати до двадцати центнеров пшеницы с гектара, а в лучших хозяйствах и больше. Они правильно говорили, что урожай зависит от метеорологических условий, от осадков — как зимних в виде снега, так и летних в виде дождя. В большей степени урожай зависит от летних осадков. Конечно, и качество обработки почвы тоже играло не последнюю роль.

Одним словом, после бесед с секретарями обкомов у меня появилась уверенность, что мы можем получить заметную прибавку в зерне за счет введения новых посевных площадей в Казахстане.

Наши работники Министерства сельского хозяйства и Госплана представили ценные сведения о наших возможностях не только в Казахстане, но и в других районах страны: на Алтае, в Оренбурге и в других регионах имелись большие площади, занятые под пастбища, которые никогда не распахивались. Одним словом, они подготовили материал, который подавал надежды.

На пленуме стоял вопрос не только о целинных землях. По-моему, тогда же решили вопрос о системе заготовок, о ценах и другие актуальные проблемы. После смерти Сталина люди получили возможность свободно высказывать свои мнения, стало легче изыскивать возможности для экономического стимулирования производства сельскохозяйственных продуктов. Мы договорились об увеличении оплаты труда тружеников сельского хозяйства, с тем чтобы материально заинтересовать людей.

На пленуме Центрального Комитета приняли решение о первом этапе освоения целинных земель, по-моему, около пяти или восьми миллионов гектаров. Эти площади мы изыскивали с помощью секретарей обкомов, а секретарь ЦК Шаяхметов продолжал отстаивать меньшую цифру. Я потом анализировал его позицию. Безусловно, он знал о возможностях Казахстана. Почему же секретари обкомов заняли другую позицию и показали большие возможности освоения целинных земель, чем Шаяхметов? Тогда у меня сложилось впечатление, что здесь имелись и политические мотивы. Обмениваясь мнениями в своем кругу, мы сделали вывод, что Шаяхметов был несколько заражен националистической бациллой. Он понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать эту землю казахи сами не смогут. Казахского населения в то время насчитывалось около полутора миллионов. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцы и русские. Он правильно понимал, да никто этого и не скрывал, что придется призвать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы были уверены, что их найдется нужное количество. Он этого не хотел, так как понимал, что тогда снизится удельный вес коренного населения в Казахстане. Он неправильно понимал национальный вопрос и не хотел этого. Секретари обкомов смотрели на этот вопрос с более правильных позиций как коммунисты и не отделяли интересы казахского народа от интересов всего советского народа. Поэтому они искренне открывали все возможности и показывали цифры, значительно превосходившие названные Шаяхметовым.

Когда мы начали осваивать целинные земли, то пришлось товарища

Шахметова заменить. Пленум Центрального Комитета Казахстана выдвинул на его место товарища Пономаренко. Он имел большой опыт и знания. Будучи по образованию, кажется, инженером железнодорожного транспорта, он много лет проработал секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Пономаренко не только знал сельское хозяйство, но и имел достаточный опыт и политический кругозор. Вторым секретарем ЦК был выдвинут Брежнев. Он раньше работал секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии. Таким образом, мы сильно укрепили руководство Казахстана, исходя из того, что предстоит большая работа. Нужно было выдвинуть людей, имевших соответствующий размах и подготовку. Назначая новых руководителей, Центральный Комитет получал уверенность, что эти вопросы будут проводиться в интересах увеличения производства сельскохозяйственных продуктов и прежде всего зерна. Не забывали мы и о шерсти, и о мясе. Казахстан — очень большая республика, ее возможности и сейчас далеко не исчерпаны, она имеет большие резервы.

На том же пленуме ЦК решили вопрос и о приусадебных участках. Мы освободили от уплаты налога колхозников, имеющих фруктовые деревья. Сталин придумал закон, по которому каждое фруктовое дерево на приусадебном участке облагалось налогом. Я еще тогда Сталину рассказывал, как посетил свою деревню и заезжал к своей двоюродной сестре в село Дубовицы. Она мне сказала, что осенью вырубит яблони. Перед окном стояли хорошие яблони.

— Замечательные у вас яблони, — пожалел их я.

— Да, — ответила она, — яблони хорошие, я плачу налог, а мальчишки рвут яблоки. Осенью я их срублю.

Сталин тогда носился с идеей обязать каждого колхозника посадить какое-то количество фруктовых деревьев, а тут уже плодоносящие деревья колхозники собираются вырубать! Он на меня зло посмотрел, я даже не помню, что он мне ответил. По-моему, он не нашелся, но налог не отменил. Сталин рассматривал колхозы и приусадебные участки, как место, где можно с крестьян «стричь шерсть», как с барана. Она, мол, еще отрастет. Эта неверная позиция, она подрывала корни заинтересованности колхозников в сельскохозяйственном производстве и не только в колхозе, но и на приусадебном участке. Мы отменили эти налоги и тем самым открыли шлюз. Тогда или позже, я уже не помню, мы вообще сняли налоги с приусадебных участков и отменили с них поставки продукции. Раньше владельцы приусадебных участков поставляли молоко, яйца, мясо.

Однажды, когда мы с Маленковым отдыхали в Крыму, я предложил ему поехать в крымские колхозы, но не в виноградные на морском берегу, а в степные, где производят и зерно, и выращивают сады. Он согласился. Мы приехали в какой-то колхоз, беседовали. Один колхозник стал хвалить, конечно, решения пленума Центрального Комитета, а по тому времени они действительно были очень прогрессивными. Да и сейчас они говорят о более внимательном отношении Центрального Комитета к вопросам сельского хозяйства и к стимулированию людей, там работающих.

— Запоздали вы со своим решением, — сказал этот колхозник, — если бы вы его пораньше приняли...

— В чем дело? — не понял я.

— Перед самым пленумом я вырубил все свои фруктовые деревья на приусадебном участке. Теперь другой закон. Тогда налог душил, теперь налог сняли, был бы мне доход. Посажу новые.

Кажется, он говорил о персиковых деревьях. Они самые выгодные.

Встал вопрос, каким способом привлечь людей на целинные земли. Был у нас старый способ, основанный на опыте царского правительства. Оно тоже занималось заселением свободных сибирских и казахских земель. Переселенцы получали льготы по налогам, но переезжали за свой счет семьями. В наше время об этом не было и речи: людей поднять целыми семьями невозможно, тем более за свой счет. Земля потеряла свою ценность в глазах крестьян, частную собственность на нее отменили, и земля стала национальным достоянием. Естественно, люди за свой счет не поедут ни на какие вольные земли. Сняться с обжитых земель, оставить, как говорят крестьяне, погосты и уехать неизвестно куда... Мы таких надежд не питали и считали, что это нереально. Переселение за счет средств государства — было единственной возможностью.

Следующий вопрос: какие хозяйства там организовать? Колхозы или это будут совхозы? На первых порах мы хотели и того, и другого. Позже мы приняли систему совхозов. Я считал и сейчас считаю, что она является в наших советских условиях более прогрессивной, чем колхозы. Она поддается большему влиянию государства, и не только влиянию. В совхозах производство зерна в несколько раз дешевле, чем в колхозах. Но об этом мы узнали позже. Тогда мы только приступили к освоению целинных земель. На первом плане, видимо, были колхозы, мы стали организовывать их и расширять те, которые были уже там, пополнять их за счет приезжих людей.

Перед нами встал вопрос: за какое время мы сможем освоить целину, через сколько лет эти земли выдадут результат? Это основной вопрос. Ответ на него означал: призывать ли людей немедленно, уже в 1954 году, или же начинать освоение земель с постройки поселков, жилья. Конечно же, сначала следовало создать нормальные условия для жизни, а потом приступать к переселению людей под крышу, создав им необходимые жилищные условия.

Тогда бы возник новый вопрос: кто будет строить? Значит, надо мобилизовать строительных рабочих. А зерно, хлеб нужны буквально сегодня. Одним словом, мы попадали в заколдованный круг.

— Товарищи, давайте обратимся с призывом к нашей советской молодежи, к комсомолу, — предложил я, — взяться за освоение новых земель. Попросим их сознательно отнестись к потребностям страны. Я убежден, мы встретим горячий отклик и поднимем сотни тысяч людей. Давайте вспомним былые времена, когда люди вынуждены были жить не только в палатках, а в окопах, жертвовали своей жизнью. Несмотря на тяжелые условия, в которые попала наша страна в первые годы войны, наш народ мобилизовался, сумел преодолеть все трудности. А освоение

целинных земель — это труд, и он будет оплачен, люди получают к тому же моральное удовлетворение от того, что они, осваивая новые земли, приумножают богатство страны. Я убежден найдутся энтузиасты. Давайте в армии из резерва возьмем палатки, выделим трактора. Временно перестанем давать трактора другим регионам. Ведь невозможно враз увеличить их выпуск. В обжитых местах опытные трактористы как-то смогут на старой технике прожить год-два-три, а за это время мы постараемся развить производство и увеличить количество выпускаемых тракторов, с тем чтобы удовлетворять запросы как старых колхозов и совхозов, так и новых на осваиваемых целинных землях.

Тогда у нас в Президиуме ЦК возникли большие споры, сомнения, особенно у таких консервативных людей, как Молотов. Он совершенно не понимал сельскохозяйственного производства. На первых порах он не возражал, но уже «пускал пузыри». Он все ставил те или другие вопросы, которые ему казались неясными и требовали разъяснений. Все его вопросы сводились о одному: берется слишком большой размах, вопрос еще не созрел, а может быть, это совсем неправильный путь, затраты себя не оправдают.

Сейчас все видят его неправоту, целина себя окупала за считанные годы, а тогда мы далеко не были убеждены в этом. Вопрос ставился довольно робко. Мы понимали, что надо что-то делать, но решение осваивать целинные земли приняли только в последний момент, на пленуме, и Молотов голосовал со всеми другими «за».

Мы поговорили с руководителями комсомола, рассказали им о цели освоения целинных земель, посоветовались о методе привлечения людей. Комсомол, как всегда, горячо отозвался на решение пленума Центрального Комитета. Мы были уверены, что руководители комсомола сделают все, что в их силах. Вызвались разведчики, которые поехали наметить участки под пахоту, провести подготовительные работы. Мобилизовали руководителей, инженеров, опытных агрономов для организации новых колхозов и совхозов. Встал вопрос об опытных трактористах.

Я сейчас уже детали забыл, но помню, что составили списки людей, изъявивших желание ехать. Они были действительно добровольцами, энтузиастами. Думаю, что сохранится добрая память о том времени и тех людях. Они отказались от удобств на обжитых местах и поехали в неизведанные края жить по-походному в палатках и терпеть все невзгоды, которые приносит такое неблагоустроенное жилье. Но эти люди пошли, пошли во имя блага народа, и это было действительно самопожертвование. Эти люди шли за партией по убеждению, они хотели сделать все, чтобы обеспечить народ сельскохозяйственными продуктами.

Мы собрали добровольцев в зале Верховного Совета в Кремле. Я выступил с коротким призывом к молодежи, объяснил задачи, поставленные Центральным Комитетом и правительством. Я сказал, что партия возлагает на них большие надежды. Это собрание призвало молодежь всей страны откликнуться на новое дело. Проходило оно очень интересно, молодежь выступала с таким энтузиазмом... Я сейчас не могу

повторить их выступлений. Это невозможно, столько лет прошло, но в зрительной и слуховой памяти остались самые радужные ответы и отзвуки этого собрания. Молодежь буквально светилась, глаза горели. Они готовы были на любое самопожертвование, а не только на освоение целинных земель. Я глубоко верил молодежи, она более подвижна; не сомневался, что мы решим эту задачу, что справимся. Так и случилось.

Люди выехали на целину, когда еще лежал снег. Пришла весна. Потом я видел кинофильм: трактора тянули сани, на которые были погружены материалы, а люди двигались рядом по снегу. Одним словом, в степях Казахстана произошла великая эпопея освоения этих земель.

Наконец, началась пахота. Люди жили в палатках по-походному, по-военному. Я попросил согласия своих товарищей на поездку в Казахстан. Я был инициатором, выступал и сейчас выступаю за целину, но конкретно не представлял ее себе, не видел этих степей, не видел этих земель, не видел условий, в которых работали люди. Чтобы конкретнее представить трудности, надо было посмотреть самому. Все согласилось, и я вылетел в Казахстан.

Это была моя первая поездка в Казахстан, на Восток. Лишь по литературе и по рассказам я знал о жизни в Сибири и в Казахстане, а тут попал в эти края и получил возможность не только увидеть, но и почувствовать, ощутить условия, в которых жили люди.

Конечно, поездка людей на целину с обжитых мест для постоянной работы — это был героизм. Это был подвиг и патриотизм. Люди по призыву партии, правительства оставили свои семьи, своих друзей и поехали в неизведанные края. Было приятно смотреть в глаза этим людям. Очень интересные люди. Казахские пространства огромны, и из одного района в другой я перелетал на самолете. Вначале видишь чистое поле, потом вдруг забелеют палатки. Подъезжаешь или подлетаешь, смотришь уже борозды проложены. Неотрывно можно было смотреть, как идет трактор, казалось, полю конца и края нет. Тогда целинники шутили, работая на тракторе: на одном конце поля можно позавтракать, на другом — пообедать, а вернувшись назад — поужинать. Такие пространства! Когда я смотрел в глаза этим интересным людям и беседовал с ними, я видел улыбки и искорки, сверкавшие в их глазах. Это говорило о том, что, хотя им трудно привыкать к такому изолированному житью, но они понимают необходимость лишений, потому что делают это для своего народа с гордостью и достоинством. Сыпались шутки-прибаутки, всегда сопровождающие палаточную жизнь. Как-то я, приехав в бригаду, увидел там единственную девушку, а все остальные — молодые задорные парни. И вдруг ко мне обращается весельчак-балагур и говорит:

— Товарищ Хрущев, скучно тут жить, все парни и только одна девушка среди нас. (Тогда на тракторах еще были прицепщицы, и она выполняла эту работу.) Мы все за ней ухаживаем, а она от нас отворачивается. Мы просим: пришлите сюда девушек.

Все посмеялись, и она в том числе.

Когда по приезду в Москву я рассказал о своих впечатлениях, то передал и эту просьбу молодежи и посоветовал комсомолу: призовите

девушек, для них там работа найдется, а потом они наверняка на целине выйдут замуж. Это хорошо и тем, что на новых землях сложатся семьи, построят квартиры, домики, обзаведутся всем необходимым и, конечно, появятся дети. Они привяжутся к новому месту. Появится оседлое население, свои старожилы. Так и сделали. Комсомол обратился с призывом, и немало девушек уехало в Казахстан.

В Казахстане я был несколько раз. Знаете, было радостно: едешь по полю и видишь уже не палатки, а беленькие опрятные домики. Рядом появились деревца; начал человек обживать эти земли, создавать для себя уют и даже комфорт. Было очень приятно смотреть.

А степь во мне оживляла память моего детства. Еще малышом родители привезли меня в Донбасс, в рудничный поселок. Мы жили там в казармах. Шахта Успенского, на которой работал мой отец, занимала самое крайнее место из освоенных земель, где добывался уголь. Выскочишь из квартиры, а кругом степь, бескрайняя, южная, украинская степь, степь донбасская. Не видно ни построек, ни деревца, только степь, если смотреть на юг, а повернешься на север — там сплошные трубы. В Казахстане просторы еще шире, степь еще бескрайней. Сейчас, когда я вспоминаю то время, я переживаю радостное волнение. Тогда мы правильно нащупали направление расширения пахотных земель. Наши взоры правильно обратились на казахские, сибирские, оренбургские и волжские степи.

Вокруг целины поднялся шум. Все начали искать новые земли. Секретари райкомов и обкомов объезжали свои регионы, и простые люди подсказывали, где еще прячутся нераспаханные угодья.

В следующий раз я полетел в Казахстан во время уборки. Меня волновало: что же мы вырастили и какова будущность этих земель?

Целинные земли, впервые распаханые, сохраняли достаточно питательных веществ для растений. Мы там сеяли яровую пшеницу. Первые годы получали хорошие урожаи, какие точно я не помню, но были они, конечно, разные. Бывало десять, и пятнадцать, и двадцать центнеров с гектара. Все тут зависит от конкретных условий, от почвы, от дождя. Почва тоже бывает разная. Но главное — это качество обработки почвы и качество семян.

На первых порах там было очень много неизвестного, пока не выработали определенный ритм, не научились определять лучшее время и лучшие условия для сева пшеницы. Местных сортов пшеницы, приспособленных к казахстанскому климату, не хватало, а районированных просто не было. Их следовало создавать. Семена завозили из других районов, но эти сорта не всегда приживались. Мы столкнулись с трудностями и при уборке. Во-первых, нужно было дополнительно послать людей. Пришлось обращаться с призывом к комбайнерам Украины и Российской Федерации, главным образом южных районов — Северного Кавказа, Ростова. Свой урожай они убирают раньше, и если хорошо, ритмично организовать работу, то после окончания уборки на юге Украины и на Северном Кавказе можно погрузить комбайны с комбайнерами и до созревания пшеницы успеть прибыть в Казахстан. Так мы и сделали. Новые комбайны мы послали прямо в Казахстан, но этого оказалось недоста-

точно. Пришлось часть комбайнов перебрасывать из обжитых южных районов после окончания там уборки.

При освоении новых земель не все шло гладко. Были люди, которые туда приехали за «длинным рублем». Некоторые хотели просто переменить обстановку, потому что плохо себя зарекомендовали в своем прежнем коллективе. Попадались и люди с плохими характерами, неуживчивые. В Казахстане они тоже не прижились и оттуда, как выражались целинники, сбежали. Разные люди есть и будут везде и всюду. В основном там собрались замечательные люди, которые хотели работать и хорошо работали.

Возникло много вопросов: о железной дороге, о шоссейных дорогах. Ничего этого пока не было. Убирали хлеб и ссыпали его буквально на землю. При перевозке происходили большие потери. Люди начали бить тревогу, писать письма и в Центральный Комитет, и в печать. И правильно. Тяжело было мне читать письма, в которых люди проявляли государственную заботу о сохранении зерна, а мы сделать почти ничего не могли, за исключением призыва к более бережному отношению к зерну. Но этого мало. Кроме бережного отношения надо иметь условия для этого бережного отношения. Мешков у нас не было, машины засыпали зерно навалом, а на поворотах и колдобинах, дороги там неасфальтированные, проселок, зерно просыпалось, и дорога была усыпана пшеничной лентой. Всевозможным птицам там было блаженство, они жирели на глазах. Но, несмотря на все это, производство оказалось выгодным.

Во-вторых, возник вопрос о строительстве жилья. Государство завезло лес, а целинники строили сами. Строительство, конечно, было примитивным, но на первых порах все-таки создавали для себя хоть какой-то уют. По рудничной жизни я помню, как рабочие строили подсобные помещения около квартир, мы их звали сарайчики. На них и были похожи первые домики целинников. Там они и жили. Жилищные условия у рабочего класса и крестьянства всегда были тяжелые.

Во время очередной поездки на целинные земли близилось время уборки. Я беседовал с одним агрономом машинно-тракторной станции. Его фамилия, по-моему, Савченко. Человек опытный, умный, знающий свое дело, хороший агроном. Он приехал туда еще до освоения целинных земель. Он обслуживал тот район, который имел старые и новые целинные совхозы и колхозы. Вот у него и возникли очень интересные мысли, которыми он со мной поделился.

— Товарищ Хрущев, — начал товарищ Савченко, — я работаю агрономом, обслуживаю совхозы и, главным образом, колхозы. Я хотел бы вам задать вопрос: «За что мы отдаем зерно, собранное на целинных землях, колхозникам?»

Я удивился:

— Как за что? За то, что они трудятся.

Он смотрит на меня и улыбается:

— Я расскажу, и вам станет ясно. Колхозы на целинных землях — это фикция. Государство завезло сюда тракторы, уборочные машины и другие орудия для возделывания земли и производства зерна. Машинно-тракторная станция делает все: пашет, сеет, если надо — дает мине-

ральные удобрения. (Это было редкое явление, минеральных удобрений мы на целинные земли не давали, их у нас просто не было.) Посевы созревают, мы их убираем комбайном, а потом ищем колхозников, чтобы развезти им по домам зерно в оплату за трудодни. Они указывают место, и мы сами привозим.

Некоторые возражают: это схематичное рассуждение, но это реальная действительность. В колхозах обычно возделываются те культуры, которые требуют большого количества ручного труда, и там для этих работ нужны люди. Чисто зерновое хозяйство на целинных землях полностью механизировано, поэтому на полях работают рабочие машинно-тракторных станций, а не колхозники. Что же делают колхозники на этих землях? Трудно сказать. Этот агроном открыл, казалось бы, очевидные истины. Мы мыслили по схеме, как работали колхозники в средней полосе, и эту же схему переносили на целинные земли. Она совершенно не укладывалась в новые рамки и не соответствовала местным условиям. Я согласился с ним, что колхозы следует преобразовать в совхозы. Государство платит работающим в совхозе их долю в виде заработка, а государство получает больше зерна.

Этот человек оказался наделенным государственным умом, хотя и работал агрономом МТС. Он понимал и заботился об интересах страны, об интересах государства.

Вернувшись в Москву, я поделился своими впечатлениями о поездке и рассказал товарищам и руководству о той беседе. Мы вместе с сельскохозяйственными и казахскими руководителями пришли к заключению, что агроном машинно-тракторной станции абсолютно прав, и твердо решили, что в Казахстане нужны не колхозы вместе с МТС, а совхозы. К тому же колхозы там создавать труднее, чем совхозы. Для совхозов что нужно? Земля, постройка, завезти соответствующую технику и людей, владеющих этой техникой. Людей можно было мобилизовать путем призыва добровольцев. Добровольцев у нас хватало, люди туда охотно ехали. Нужно приглашать трактористов и комбайнеров — это две главные профессии — плюс рабочих для мастерских по ремонту техники. Сразу становится проще, потому что к работе приступает не колхозник без соответствующей квалификации, а специалист. Эти люди приезжают, сразу садятся за руль и выезжают в поле или же берут инструменты в руки и приступают к ремонту.

На последующих этапах освоения целинных земель стоимость пшеницы, выращенной в совхозах, для государства была значительно дешевле, чем стоимость пшеницы, выращенной в колхозах. На разрешение этого противоречия нас натолкнул замечательный человек, агроном МТС, безымянный благодетель нашей социалистической Родины, который думал об интересах государства. Он видел, какие изменения нужно внести в организацию производства зерна. Прежде всего он считал, что система совхозов более передовая и экономически более оправдана, чем колхозная. Конечно, трудности у нас имелись и до широкого освоения целинных земель. Но тогда удельный вес пахотных земель был незначительным, и поэтому государство этому не придавало значения.

Когда мы распахали большое количество земель, в какой-то год в Казахстане случились страшные пыльные бури. Поднимались черные тучи земли, почва выветривалась с пахотных земель и поднималась в воздух. Мне не пришлось побывать в Казахстане в то время, но люди рассказывали, что в воздухе носились тучи земли, выдуваемые с пахоты. Это явление не такое частое. Если хозяйство в степных условиях вести культурно, то существуют давно известные средства борьбы с эрозией. Они апробированы нашими учеными на практике. Это в первую очередь посадка в определенном порядке защитных полос из древесных культур. Трудное и дорогое дело, но необходимое и оправдывает себя. Некоторые агроприемы тоже оказывают свое полезное действие. Одним словом, приходится считаться с эрозионными природными процессами и приспосабливаться к ним.

Человек противопоставляет свою выдумку дикой слепой природе. Что бы ни случилось, несмотря на все трудности, все-таки хлеб на целинных землях был самым дешевым. Это объясняется тем, что на целинных землях можно использовать мощные машины. Когда-то после войны я спорил со Сталиным. Он хотел снять с производства на Харьковском заводе трактор ДТ-54 мощностью в пятьдесят четыре лошадиные силы. В день на конвейере мы собирали сто таких тракторов. Вместо ДТ-54 он хотел начать производство ДТ-35 — маленького, недоработанного трактора. Преимущество его состояло в одном — в экономичности. Двигатель ДТ-54 работал на керосине, а ДТ-35 — на солярке. Он был экономичнее, но по производительности своей, конечно же, уступал ДТ-54. В конце концов мне удалось доказать Сталину свою правоту и сломить его сопротивление. Дело не только в сопротивлении, он всем диктовал свою волю. Тогда Акоп Иванович Акопов — нарком тракторостроения, замечательный человек, хорошо знавший свое дело, понимая вредность затеи Сталина, упорствовал и затягивал снятие ДТ-54 с производства. Сталин предложил записать ему выговор, и Совет Министров вынес такое решение. В конце концов я все-таки доказал Сталину преимущество старого трактора. Он согласился.

Сейчас, конечно, ДТ-54 давно устарел, и заводы выпускают ДТ-75. Нам необходим целый набор тракторов, различных по мощности. На целинных землях, землях степных, где большие пространства, выгодно иметь мощные трактора.

В конце моей деятельности Кировский завод в Ленинграде создал трактор марки К-700. Это уже совсем другой трактор, огромной мощности. Человек показал свою богатырскую силу, так необходимую на целинных землях. С внедрением такого мощного трактора еще больше поднимется производительность труда, станет выше и оплата за вложенный труд или, как в капиталистическом мире выражаются, на вложенный рубль.

В наших социалистических условиях другая терминология, но смысл тот же: при меньших затратах необходимо получить большие результаты. Конечно, хозяйствам с небольшими земельными площадями, где трудно развернуться большому мощному трактору К-700, он не выгоден. Стоимость продукции, которая вырабатывается в небольших хозяйствах, несравнима с затратами на эксплуатацию такого трактора. Я же

имею в виду зерновые хозяйства. Если говорить о технических культурах, там другие условия и требуется другая техника. В зерновом хозяйстве чем мощнее машины, тем они производительнее, а чем они производительнее, тем продукция, получаемая в результате обработки этих земель, дешевле.

Освоение целинных земель — славная страница в истории советского государства. Целинные земли много лет влекли царское правительство, оно хотело заселить их и использовать, но потерпело неудачу. Оно предлагало крестьянам выезжать и заселять эти земли на льготных условиях. Мои родственники из соседней с Калиновкой деревни выехали в Сибирь в 1908 году. Поехало много крестьян-переселенцев и из других деревень Курской губернии. Многие из них потом возвращались, но не в свои деревни, потому что землю продали, дома продали, хозяйство ликвидировали. Обрато вернуть в свою деревню никаких возможностей не было. Крестьяне становились батраками или же шли на заводы, бросали крестьянство.

В советское время положение совершенно изменилось. Изменились и технические возможности, позволявшие ускоренно осваивать целинные земли. В царское время крестьянину с его сохой или плугом приходилось трудно. Переселялись бедняки или середняки, чаще всего середняки. Бедняк и переселиться нигде не мог, не имел средств. В наше время мы выделили десятки тысяч тракторов, призвали молодых людей из колхозов, совхозов и городов и провели освоение быстрыми темпами. Добровольцы шли, как на фронт. Энтузиазм был большим, и работа спорилась.

Говорят, аппетит приходит во время еды. Во время освоения целинных земель у партийных и советских руководителей тоже разгорелся «аппетит». В то время, когда я был в руководстве, освоенных целинных земель набралось около 40 млн. гектаров. Это огромные площади. В результате зерновое хозяйство у нас резко улучшилось, повысился сбор зерна. Но это потребовало больших капиталовложений: на жилищное строительство, на строительство машинно-тракторных станций и совхозов. Эти деньги окупались с лихвой. По стоимости и по затратам труда целинный хлеб был самым дешевым. Наши самые высокопроизводительные зерновые районы не могли сравниться с целиной. На целинных землях урожайные, неурожайные или резко неурожайные годы чередуются. В аналогичных условиях работают канадцы. У них тоже засушливая зона. Они называют эти районы зоной рискованного земледелия — очень интересное название. В капиталистических условиях производитель идет на риск: или получится большой урожай и будут большие прибыли, или же можно потерпеть в результате неурожая экономический крах. Но даже в неурожайные годы в Советском Союзе целинный хлеб был не дороже стоимости того хлеба, который выращивался в обжитых районах. Следовательно, предприятие оказалось экономически выгодным и политически целесообразным.

Мы развернули на целине большую работу по строительству железных и шоссейных дорог. Строили элеваторы для приемки хлеба, его хра-

нения и переработки, все делали на современном уровне, все технологические операции механизировали, чтобы минимальным количеством людей обрабатывать и хранить зерно.

Я много раз выезжал на целинные земли, чаще во время уборки. Для меня это были интереснейшие поездки. Я откровенно радовался, когда ездил по необъятным степям. Степи, как море. Едешь на машине и насколько хватает глаз, видишь перед собой посевы пшеницы. Когда пшеница выбросит колос, эти засеянные просторы очень схожи с водой морскою. Особенно когда гуляют «волны». Можно смотреть и смотреть на пшеничные «морские» просторы. Глаз не только не устает, а создается такое приятное ощущение, как бывает, когда смотришь на воду. Так и посевы пшеницы: ветерок дунет — и пробегает волна по верхушкам посевов, переливается, будто рябь на море.

Люди работали с бодрым энтузиазмом. Встречались, конечно, и такие, которые по каким-либо обстоятельствам, общественным или семейным, уезжали оттуда, не приживались. Они уходили, но острого недостатка в рабочих руках не ощущалось. Главный недостаток — отсутствие жилья, хороших бытовых условий и культурного обслуживания. Не призывами к дисциплине, не карательными мерами, а привлекательными условиями. Единственно, чем возможно было достичь цель, поставленную перед нами, — закрепить людей на целине. Там уже сложились семьи. Много девушек стало приезжать на целину. Поехать на целину — это выйти замуж. В те времена, когда мы осваивали целинные земли, у нас в стране население женского пола преобладало. Война нанесла большой урон мужской половине. На целинные земли в большинстве поехали холостяки-мужчины, парни. Девушки и молодые женщины, выезжая туда, имели полную гарантию выйти замуж. Так оно и было. Складывались хорошие семьи, а семья — это хороший якорь. Человек, создавая семью, надолго или даже навсегда остается на этом месте. А это то, что требуется производству. Оседлому народу, нелетучему, который хочет работать и жить в тех районах, нужно было создать хорошие человеческие условия. В последний, 1964 год моей политической и общественной деятельности я снова выезжал на целинные земли. Я переживал вершину своего счастья. Я проехал очень большие расстояния на машине, затем передвигался поездом, потом опять пересаживался в машину и все ездил по полям. По-моему, это было время уборки. Я видел прекрасные поля и прекрасный урожай. Самый высокий урожай из всех лет освоения целинных земель. Мы тогда собрали рекордный урожай и произвели рекордные заготовки зерна. Я сейчас не могу назвать цифру средней урожайности на целинных землях, но она была значительно выше урожайности предыдущих лет. Я не знаю, были ли такие урожаи после 1964 года, но тогда был урожай отменный.

— Какая урожайность, — спрашивал я, приезжая в совхозы. Одни отвечали: 16 центнеров с гектара, другие — 12, третьи — 14 центнеров. Для таких земель, к тому же «рискованного» земледелия, — отличный урожай. Экономисты подсчитали, что при высоком уровне механизации обработки и уборки урожай в 5 центнеров обеспечивал прибыльность це-

лильных земель. Были районы, где получали урожай двадцать и больше центнеров. Эти земли оказались просто кладом.

Организационно мы предприняли меры и создали отдельный целинный край с центром в Целинограде. Мы его выделили для лучшей организации обеспечения материальными средствами и капиталовложениями. На первых порах это была необходимая мера, мы не могли расплачивать средства. Союзное правительство непосредственно финансировало освоение целины. Если бы финансирование шло через республику, то, естественно, урезались бы и ущемлялись интересы Целинного края в пользу других областей республик. Мы старались оградить целину не только от республиканского, но и от союзного Госплана, чтобы выделяемые средства шли непосредственно по назначению, не отвлекались на другие нужды. В госпланах есть соблазн: возникающие иные потребности удовлетворить за счет соседа. Мы хотели поставить преграду растаскиванию средств, и целевым назначением выделяли средства на освоение целинных земель.

Партийные и советские руководители изыскивали большие дополнительные возможности в освоении целинных земель. Не только в Казахстане, оренбургских и алтайских степях, но и в Сибири, особенно в районах Красноярска и Иркутска, на Волге обнаружили немалые возможности для расширения посевов. Правда, не всегда эти районы располагались удачно, не все земли оказались пригодными. В некоторых районах распахали земли с неглубоким плодородным слоем. Их не следовало бы включать в оборот, но, как говорится, в большом деле не без промахов. Промахи были, но их исправляли. Такие земли исключали из реестра пахотных земель, взамен находили более богатые.

Пришлось разрабатывать новые способы обработки земель. Мы посылали делегацию в Канаду, где они изучали опыт тамошних фермеров, и привезли очень много интересного. Наши ученые, агрономы и техники, изучая конкретные условия, создавали новые конструкции почвообрабатывающих орудий, приспособленных к конкретным условиям целинных земель. Требовались и особые комбайны, более сложные, широкозахватные агрегаты. Потом мы поняли, что уборку нужно производить раздельным способом, а не так, как мы делаем на первых порах, когда проводили комбайнирование созревших полей. Гибло много хлеба. С древних времен крестьянин приспособился к условиям ведения зернового хозяйства. Он жал или косил пшеницу, вязал, складывал в крестцы или в копны. Убранный хлеб проветривался, высыхал, а потом его складывали в скирды. Из скирд даже зимой молотили, получали сухое зерно. В моей Калиновке и в других районах России пользовались овинами. Овин — это сушилка, но не зерна, а немолоченных снопов.

Когда мы стали косить, а через некоторое время подбирать скошенные рядки и обмолачивать их комбайном, у нас резко изменилось качество зерна. Оно стало сухим и облегчилась борьба с долгоносиком, этим бичом зернового хозяйства. Вопрос снялся. Зерно обмолачивалось после просушки, после того как оно некоторое время полежало скошенным в рядках, высыхало, и долгоносик исчез сам по себе.

К конструкторам почвообрабатывающих и зерноуборочных машин предъявлялись новые требования. Перед нашими агрономами и селекционерами проблема новых сортов пшеницы встала очень остро. Наши селекционеры с ней блестяще справились. Появились новые сорта, приспособленные к местным условиям, они давали лучше урожаи, чем сорта, завозившиеся из других районов.

Главный недостаток земледелия не только на целинных землях, но и во всей Сибири — это только яровые посевы. Если бы там можно было сеять озимые, то есть засеивать осенью, то появились бы совершенно иные условия уборки. К сожалению, таких сортов пшеницы и других культур, которые выдерживали бы морозы и не вымерзали, у нас не было.

Озимые созревают раньше, чем яровые посевы, поэтому во время уборки нагрузка на технику распределяется лучше. Эта проблема и сейчас еще не разрешена. Будет ли она решена? Будущее покажет. Яровые пшеницы в наших, советских условиях везде по урожайности уступали озимым пшеницам.

К тому времени (я беру свой последний, 1964 год) на целинных землях мы уже приобрели опыт выращивания и других культур. Казахи с давних времен умели сеять просо и получали высокие урожаи. На целине такие урожаи получались на небольших площадях. Мы научились сеять гречиху и получали неплохие урожаи. Посевы сахарной свеклы в отдельных районах тоже давали неплохие урожаи. Мы начали высевать горох, получали приличный урожай. Я уже не говорю о таких культурах, как ячмень и овес, которые тоже давали сносный урожай. На целинных землях, где была доказана целесообразность зерновых посевов, мы предпочитали сеять пшеницу и горох. Пшеница и горох — это наиболее ценные культуры, к тому же горох — культура с коротким периодом созревания. Это бобовая культура, удобряющая почву. Своей корневой системой, клубеньками, горох накапливает азотистые вещества, которые способствуют повышению урожайности полей.

К 1964 году мы научились закладывать сады и лесозащитные полосы. Набрались опыта посева льна-кудряша, который идет не на волокно, а из семян получают ценное масло. Мы провели опыты посева кукурузы на силос. Это открывало возможности для развития животноводства как молочного, так и мясного. Одним словом, наступало такое время, когда становилось возможным земледелие на целинных землях широким фронтом, то есть не ограничиваться монокультурой, производством только зерновых. Тем самым повышалась доходность сельского хозяйства на целинных землях. Одним словом, перспектива представлялась очень хорошей, она подтверждала наши надежды, которые мы питали, приступая к освоению целинных земель. Эти районы обещали со временем стать обжитыми и экономически очень выгодными.

После того как в Казахстане были освоены большие земельные площади, он приобрел другое экономическое значение в Советском Союзе. Если до освоения целинных земель по количеству населения Белоруссия занимала третье место, то, по-моему, к 1964 году Казахстан оттеснил Белоруссию. Это, конечно, не главное. Не эту цель мы ставили. Главное

— Казахстан прочно занял второе место по производству товарного зерна. Российская Федерация оставалась на первом месте, но она, как говорится, не в счет. Ее обширные, неоглядные просторы предопределяли первенство. Как говорится: «Большому кораблю — большое плавание».

Помню, на Украине мы заготавливали около шестисот миллионов пудов зерна. Казахстан стал заготавливать до семисот миллионов пудов и уже подходил к миллиарду. Это была наша мечта. В 1964 году, по ориентировочным подсчетам статистиков, Казахстан мог дать такое количество зерна. Не знаю, что дал учет в 1964 году, его проводили без меня, я был уже на пенсии. Не могу назвать окончательную цифру, но во время моей деятельности я следил, вычислял, прикидывал возможности Казахстана. Цифра около миллиарда или миллиард маячила у меня перед глазами. К октябрю заготовили около девятисот миллионов пудов, так что мы приближались к миллиарду. Этот хлеб был самым дешевым, в несколько раз дешевле хлеба из других районов. Казахстан, наконец, занял второе место после Российской Федерации, оттеснил Украину. И снова на ум приходит мой последний приезд на целинные земли во время уборки 1964 года. Мой прощальный приезд. Как я радовался успеху, радовался труду, вложенному народами Советского Союза. Невольно вспоминалось замечательное стихотворение Некрасова, в котором он выразил свои мысли о человеческом труде:

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Землю да волю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро...
Так постепенно в полвека (я подчеркиваю, в полвека. — **Н.С.Х.**)
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!...

Некрасов радовался успеху русских людей, сосланных в Сибирь, которые трудились там уже полвека. Что бы он сказал, наблюдая штурм целинных земель в Казахстане и в других местах Советского Союза? За какие-нибудь три, четыре, пять лет выросли огромные «посады» и освоены огромные площади, до сорока миллионов гектаров. Это можно было сделать только в советское время. Это могли осуществить только люди, которые сознательно шли на этот штурм, понимая, что они трудятся для себя, для народа, для советской власти.

В это грандиозное время сделали грандиозное дело. Отличилась молодежь, колхозная и совхозная, промышленные рабочие. Они приняли на себя основную тяжесть. На строительство поселков, уборку мы при-

звали студентов. И сейчас из печати я вижу, что они туда выезжают ежегодно. Правда, я не знаю, на каких условиях. Во всяком случае, освоение целины продолжается. Продолжается доброе дело, за которое мы взяли несколько лет тому назад, с тем чтобы поставить на службу советскому человеку огромные пространства, ожидавшие прикосновения хозяйской руки. От целины будет получена большая отдача.

До освоения эти земли не распахивались, но тоже служили человеку. Там пасли огромные отары овец, другого скота; это приносило определенную пользу. Когда человек начинает активно работать: пахать, сеять — это более интенсивная форма эксплуатации земель. Во много раз вырастают богатства, получаемые от этой земли. Я считаю, это только начало. С ростом культуры земледелия, с ростом культуры людей, прибывших туда и осевших там, целинные земли скажут в будущем свое главное слово. Советский народ получил земельный фонд, который будет давать много разной сельскохозяйственной продукции.

На первых порах строились примитивные поселки, чуть ли не глинобитные, саманные. Потом пошли домики сборной щитовой конструкции, так называемые финские. Потом я уже заезжал в поселки, которые выглядели нарядно и приветливо. Спланированы они были неплохо, в палисадниках росли кое-какие деревца, они создавали хорошее впечатление и вызвали чувство уюта. Я даже видел плодоносящие сады, так что целинная земля начала все громче и громче заявлять о себе. Конечно, поселки радовали глаз, но еще много там было домов, которые выглядели, как старые деревенские крестьянские избы, конечно, более комфортные по сравнению с той избой с земляным полом, в которой я родился и провел детство в Курской губернии. У нас в избе находился загон для скота и курная печь. Когда горел огонь и варилась пища, в доме нельзя было находиться, не открыв дверь, иначе дыму некуда было выходить. Можно себе представить жизнь людей разного возраста, в том числе и грудных детей. Конечно, в новых поселках были иные условия, создавались определенные удобства для живущих в этих домах, но все-таки пока обходились без соответствующих удобств, которыми человек пользуется в городе.

Если сравнивать жилищное строительство на целинных землях с жилищным строительством в Голодной степи Узбекистана, — это ночь и день. В Голодной степи мы строили сооружения на более высоком промышленном уровне, с применением техники и с использованием французского опыта полива земель. Я об этом уже говорил. Это железобетонные лотки, по которым распределяется вода по полям.

Руководители Узбекистана сначала тоже пошли по старому пути. Как и на целинных землях, начали создавать колхозы, переселяя узбеков с гор. Потом и они перешли на совхозы. Люди, переселявшиеся с гор, не имели опыта выращивания хлопка, а это еще больше усугубляло положение. Я несколько раз бывал в Голодной степи. Посещение всегда сопровождалось чувством радости от прекрасной земли, буквально на глазах создавшей чудеса. Там с первых лет освоения выращивали хлопок и добывались довольно высоких урожаев. Потом насадили сады. Узбеки замечательные мастера-садоводы. Они выращивали персики, яблоки и

другие фрукты. Я им предложил начать строить поселки городского типа из домиков, по-моему, в три-четыре этажа со всеми городскими удобствами: с водопроводом, канализацией, газом, радиофицированные и телефонизированные, с благоустроенными дорогами и тротуарами. Одним словом, это уже были поселки городского типа в Голодной степи. Там мы начали строить пекарни, рестораны, детские садики и детские ясли, одним словом, сразу закладывались все бытовые учреждения, необходимые для обслуживания человека. Таким образом, люди приходили работать в совхоз и обретали все коммунальные удобства, необходимые современному человеку: школу, больницу, клуб, кино и прочие учреждения, необходимые для того, чтобы человек чувствовал себя удовлетворенным. На целинных землях сделать этого нам, к сожалению, еще не удавалось, и не потому что мы этого не понимали, нет, нас лимитировали материальные возможности.

Когда мы приступили к освоению Голодной степи, мы уже накопили богатства и имели больше возможностей выделять средства на строительство. Кроме того, отдача от вложенных капиталов в освоение Голодной степи была невероятной. Тогда экономисты-статистики мне докладывали, что при урожае в тридцать центнеров хлопка с гектара, капиталовложения, затраченные на совхоз, окупаются сбором двух, максимум трех, урожаев. Конечно, имелась в виду не стоимость хлопка-сырца, за который платили совхозам, а вся выгода, которую получало государство от реализации готовой продукции. Это просто чудо!

Когда я был в Египте, то поделился нашим опытом с президентом Насером.

— Это не рекомендация, не навязывание нашей системы, — говорил я ему, — я не могу не поделиться с вами своими мыслями, потому что питаю к вам большое уважение и хотел, чтобы вы использовали наш опыт. Вы собираетесь распределить земли, осваиваемые в результате строительства Асуанской плотины, по клочкам. Египтяне, получив землю, будут очень довольны, но вы их обречете на жалкое существование. На этом клочке феллах не сможет использовать современную технику, будет довольствоваться мулом, будет выращивать хлопок методами времен Рамсеса II.

Я шутил, и он понял мою шутку. При следующей встрече уже не я, а он доказывал выгоду и пользу нашего пути. Он не мне, а своим товарищам в моем присутствии доказывал, что правильный путь — это оставить землю большим массивом. Они прислали к нам делегацию, возглавлявшуюся премьер-министром Египта, ездили в Узбекистан, изучали наш опыт.

Сильное впечатление на меня производили поездки не только в Узбекистан, но и в Туркмению, Таджикистан, Киргизию, где строились подобные хозяйства, однако наибольший разворот произошел в Узбекистане. Ленинскую мечту освоения Голодной степи мы осуществили на высоком уровне. Люди, участвовавшие в этом строительстве, работали с наслаждением и с еще большим удовольствием воспринимали плоды своих трудов, когда поселялись в хороших благоустроенных домах со всеми коммунальными удобствами. Для крестьянства Советского Союза

это большой шаг вперед. Голодная степь служит очень хорошим примером того, что может сделать человек.

Я не раз проводил совещания в Целинограде, посвященные итогам сельскохозяйственных работ или подготовке к весенним полевым работам. Я слышал выступления русских, украинцев, представителей других народов, приехавших туда по призыву партии и комсомола. Я видел там казахов, которые получили квалификацию и хорошо работали. Я встречался с казахами-табунщиками и вспоминаю приятные минуты общения с ними.

ОДНОЙ ЦЕЛИНОЙ НЕ ОБОЙТИСЬ

Сводом целинных земель мы создали большие возможности заготовки товарного хлеба, но все-таки желаемого изобилия не добились. Я имею в виду не только для удовлетворения потребностей советских людей, но и запросов наших друзей из социалистических стран. Не получился у нас и выход на международный рынок, с тем чтобы продавать хлеб на Запад и тем самым приобретать необходимую валюту. Выход на международный рынок был бы свидетельством роста нашего сельскохозяйственного производства. К сожалению, мы этого не добились, слишком еще на низком уровне велось, да и сейчас ведется наше сельское хозяйство. Может быть, только третью долю получаем от того, что может давать наша земля. Я имею в виду не только целинные, а и старые, давно освоенные земли. Целина давала отдачу с большим коэффициентом, но мало. Это объяснялось недостаточно накопленным опытом, слабой обеспеченностью техникой и другими средствами, необходимыми для производства сельскохозяйственной продукции. Я имею в виду прежде всего минеральные удобрения, средства борьбы с вредителями и механизмы для обработки почвы, приспособленные к целинным землям. А еще важнее — селекционная работа, выведение районированных сортов и создание на месте научно-исследовательских станций. Это имеет очень большое значение.

Тогда мы только-только приступали к разведению на целине крупного рогатого скота мясного и молочного направления. Там имелись большие стада овец для производства шерсти и баранины, были табуны лошадей, которые тоже давали много мяса, но к конскому мясу привыкло только мусульманское население, а другие народы нашей страны не хотят кушать его. В Туркмении, да и в Казахстане имеются большие возможности для разведения верблюдов. Верблюд, корабль пустыни, выпал из поля нашего зрения. Сохранилось небольшое количество этих животных. А пастбища, где верблюд мог бы нагуливать вес и служить человеку прекрасным мясным продуктом, огромны. Я как-то выступил на совещании и обратил внимание местных руководителей на это упущение. Они меня горячо поддерживали, решили как можно быстрее восстановить верблюжье стадо. Верблюд дает прекрасную шерсть и хорошее мясо, может давать молоко. Мне рассказывали туркмены и казахи: верблюд поедает то, что не ест ни лошадь, ни корова, ни овца, верблюд поедает даже

колючки. Это важно, у него своя кормовая база. Кроме того, верблюд может далеко удаляться от водопоя, он более приспособлен к пустынным условиям жизни.

По моим расчетам в 1964 году, а я пользовался данными, которые получал из статистического управления и от местных руководителей, мы имели возможность собрать в Казахстане урожай и засыпать в закрома государства товарного хлеба до миллиарда пудов, а может быть, даже и больше. Девятьсот миллионов, девятьсот пятьдесят миллионов наверняка. Я не знаю, сколько мы собрали: почему-то эти данные не были опубликованы. Я подсчитал, что по всей стране мы можем заложить на государственные склады около четырех миллиардов пудов товарного хлеба, а минимум — три миллиона пятьсот тысяч пудов. По масштабам тех лет, это очень большие цифры. Наши потребности тогда исчислялись примерно двумя миллиардами пудов зерна. Таким образом, за один год появилась возможность создать почти полугодовые резервы, даже если считать урожай по минимуму. Наши прогнозы делались не по биологической урожайности, а по заготовкам, потому что заготовки уже завершались. Я и сейчас другой раз вспоминаю с огорчением, что данные не были опубликованы. Недавно издали статистический сборник: я специально попросил купить его. Хотел найти, сколько же зерна было заготовлено в стране в 1964 году. Нет этого! Все исчисляется по пятилетке без разбивки по годам. Данные 1964 года «спрятаны». Я считаю, это был очень хороший год, особенно на целинных землях, и думаю, что до сих пор 1964 год держит рекорд по производству зерна в нашей стране. Это дала целина!

Я не могу сказать (не располагаю цифрами), какое количество товарного зерна мы получаем сейчас. Основываясь на состоянии торговой сети, делаю вывод, что производство зерна далеко не удовлетворяет потребностей на основании недостатка мяса в магазинах. Я уже не говорю о том, что недостаточен выбор мясных продуктов, недостаточно производится колбас, колбасных изделий, яиц, а это продукты, к которым привык наш человек, да и не только наш человек. Это основные продукты сельского хозяйства. За ними стоят очереди. Люди ищут всякие лазейки, всякие возможности достать продукты, следовательно, в магазинах продуктов в нужном количестве нет. Я знаю, что люди приезжают в Москву из провинции, чтобы их приобрести. Москва, которая не удовлетворяет спроса своих потребителей, хотя она и находится в лучшем положении, чем другие города Советского Союза, делится продуктами с приезжими. Или Киев. Киев всегда служил зеркалом, отражающим состояние сельского хозяйства. И сейчас это зеркало отражает действительность, но в довольно непривлекательном виде. Значит, производство зерна у нас отстает от потребностей. Меня такой факт несколько удивляет. Я не могу понять несоответствия.

Когда читаешь газетные статьи с сообщением о работе сельскохозяйственных органов, то отмечаешь очень хорошие успехи: выросло производство зерна и других сельскохозяйственных продуктов. А вот рынок этого не подтверждает. Я читал правительственный статистический от-

чет, который был опубликован во всех газетах. Одна цифра привлекла мое внимание. Там указывалось, что за четыре или за пять лет урожайность зернового хозяйства по стране выросла на три центнера. Я стал думать об этом и подсчитал полученный прирост. Умножив три центнера на имеющееся у нас количество миллионов гектаров, которые засеваются зерном, я получил большую цифру. Очень большое количество зерна мы собираем, это прекрасная добавка к тому товарному хлебу, который раньше производился страной. Должна появиться возможность удовлетворить запросы не только по зерну, то есть по хлебопекарным изделиям, но и по продуктам животноводства. Я не подготовился назвать точную цифру. Кажется, мы засевали зерном сто тридцать миллионов гектаров или больше. Наверное, больше. Можете себе представить, какое огромное количество хлеба мы получили бы дополнительно к тому, который получали раньше. Это почти четыреста тысяч тонн, а мы два с половиной миллиарда пудов получали. У нас должны появиться большие излишки, это значит получить возможность не только удовлетворить свои запросы, но и выйти на международный рынок, то есть предложить за границей продукты зернового и другого сельскохозяйственного производства!

Я выражаю сомнение в этой цифре. Помню, как Сталин проделывал статистические фокусы. Определялась урожайность, а он эту урожайность произвольно завышал. К тому у Сталина имелись «причины». Тогда оплата труда машинно-тракторных станций зависела от урожайности, и государство было заинтересовано в ее завышении. Колхоз, наоборот, был заинтересован в занижении урожайности. Чем ниже урожайность, тем меньше он заплатит за работу машинно-тракторных станций. Метод определения урожайности был, как говорится, гибким. Что захотел, то и получал. Применялись так называемые метровки. Это хитрая штука. Считали: сколько на квадратном метре поля выросло стеблей, каково на них количество колосков и сколько зерен в каждом колоске. Вот эти три исходных элемента принимались во внимание при расчете урожайности.

Во-первых, при таком определении урожайности возможны злоупотребления, к примеру, можно подсчитывать колосья только больших размеров. Сразу в нем окажется больше зерен. Все зависело от желания того, кто определял показатель урожайности. И самое главное, если даже все добросовестно сосчитать, то это, как говорится, биологическая урожайность, а не товарный хлеб. Этот метод годится для предварительного определения урожайности. Урожай же надо еще собрать. Потом надо этот хлеб из колхозов и совхозов привезти в государственные склады на элеваторы, только тогда этот хлеб становится государственным, товарным. Поэтому от определения биологической урожайности до конечного пункта, до коммерческого хлеба, «дистанция огромного размера», очень длинный путь. Сюда примешивается и политическая заинтересованность. Если кому-то хочется «блеснуть» урожайностью, то к тому имеются большие возможности.

Почему я делаю такой вывод? Если бы за эти годы действительно был прирост в три центнера и они были бы действительно товарными, то

животноводческих продуктов было бы в избытке, а их не хватает. Раз не хватает яиц, куриного и утиного мяса, значит, не хватает зерна. Птица, главным образом, питается зерном. У меня вызывает огорчение то, что мы все еще находимся на таком низком уровне производства зерновых и мясных продуктов. Об ассортименте и говорить нечего — небогатый, и качество мясных продуктов в сравнении со стандартами, которые принято называть мировыми, невысокое.

Почему меня особенно огорчает такое положение? Я знаю, что за эти шесть лет значительно выросло производство минеральных удобрений. На пленуме Центрального Комитета, посвященном развитию химии и производству минеральных удобрений в стране, мы ставили задачу производить концентрированные минеральные удобрения гранулированными, то есть чтобы в этих удобрениях было больше полезных веществ и меньше балласта, по качеству на уровне Америки и Европы. Сейчас я для своего огорода пользуюсь нитрофоской. Это замечательное удобрение, которое содержит три элемента: азот, фосфор и калий. Я вижу, как в соседнем колхозе вносят удобрения под посевы пшеницы. Они тоже пользуются нитрофоской. Следовательно, наш уровень повысился. Из печати я вижу, что по производству минеральных удобрений мы значительно выросли. Не только по количеству, но и по качеству, а должной отдачи не чувствуется, значит, плохо используют эти минеральные удобрения. В свое время мне доказывали, что центнер удобрений (на старопахотных землях мы имели средний урожай 8–10 центнеров) при грамотном использовании и хороших семенах дает прибавку к урожаю с гектара в три центнера. Если принять во внимание, насколько мы увеличили объем производства минеральных удобрений, и это количество помножить на три, то получили бы миллионы центнеров добавочного продукта. Казалось бы, мы должны полностью удовлетворить запросы страны в зерне и в продуктах животноводства. К сожалению, мы этого не имеем. Я считаю, что проблема в этом вопросе организационная: организация работы в колхозах и совхозах. Она еще находится не на должной высоте, и поэтому не все элементы, из которых складывается урожайность, используются в должной степени.

Только в результате неорганизованности нам недостает сельскохозяйственных продуктов, особенно мяса. Некоторые возразят: «Это клевета». Правда, хлеба в магазинах достаточно. Ну знаете, не хлебом единым жив человек. Есть такая крестьянская поговорка: «Сухая ложка рот дерет». Хлеб лучше идет, если его смажешь, и особенно сливочным маслом. Еще рабочие говорят: «Хорош хлеб с хорошим приварком», то есть с хорошим супом да с отварным или жареным мясом, одним словом, с тем, из чего складывается понятие «хорошая кухня», когда в столовых и в доме по своему выбору можно иметь нужные продукты, а не только хлеб, а мы этого ассортимента не имеем. Иногда я встречаюсь с людьми, и они другой раз выражают свою тревогу или рассказывают грустные анекдоты.

Вот, к примеру.

— Как вы считаете, может ли верблюд из Москвы дойти до Владивостока? — задал мне вопрос один из моих случайных собеседников.

Услышав такой вопрос, я почувствовал, что здесь кроется подвох, и ответил:

— Я думаю, что если будут соответствующие условия и уход за верблюдом, то он может, конечно, дойти. Сил у него хватит.

Он смеется.

— Нет, не дойдет.

— Почему? — спросил я.

— Он дойдет максимум до Свердловска.

— Почему? — теперь я уже ничего не понимал.

— Съедят, — откровенно смеялся мой собеседник, удивляясь моей наивности. Этот анекдот отражает неприятное положение: наши города и поселки сидят без продуктов.

Об освоении целинных земель я, по-моему, записал все, что считал нужным, а вернее, что пришло на память. Вспоминаю период освоения целинных земель с большим удовлетворением. Я считаю это большим делом, принесшим большую пользу нашему государству, нашему народу. Но на этом усилия не должны заканчиваться.

Целинные земли освоены, будет повышаться культура земледелия, будут повышаться урожаи, будут внедряться другие виды сельскохозяйственного производства. Одним словом, человеку хорошо послужат десятки миллионов гектаров хороших земель. Множество людей расселилось на этих землях. Они из пустыни превратились в обжитой край. Я думаю, что теперь там цветут сады и звучат песни. А уж звуки работающих моторов давно переполнили целинные земли!

А дальше что? Одной целины оказалось мало. Целинные земли освоены, но родился анекдот, в котором верблюд не может дойти до Владивостока. Мясо — это продукт первой необходимости, без него жить нельзя. Одежду можно сделать поуже, покороче. И даже очень коротко, как теперь носят женщины. Потребление мяса и хлеба «укоротить» нельзя, наступит голод. Надо думать, какими путями нам идти дальше, как действительно создать полное изобилие продуктов питания для наших советских людей. При обширных пространствах нашей страны нельзя этого не иметь. Мы должны получить возможность торговать и обеспечивать социалистические страны, которые ограничены в своих земельных площадях и имеют большую плотность населения. В первую голову — это Германская Демократическая Республика, Болгария и Чехословакия. Надо нам думать и о них. Это не просто дружеские страны, но и родственные по социально-политическому устройству общества. Естественно, если мы не будем удовлетворять их потребности, то тем самым дискредитируем свою систему, дискредитируем наше руководство, которое, видимо, не умеет поставить на службу людям необъятные земельные просторы Советского Союза, не способствует их правильно-

му использованию и не обеспечивает изобилие продуктов для собственного потребления и для вывоза за границу.

Когда я работал, то думал над этим вопросом. Не думать было нельзя. Этот вопрос должен неотступно преследовать руководство. Я все время ломал голову, как нам скорее выйти на широкую дорогу производства сельскохозяйственных продуктов. У нас еще остались неосвоенными необъятные просторы заболоченных, заросших кустарником земель. Я не говорю о лесе. Лес — это ценность, которая должна оберегаться государством. Я сейчас точно не помню, но по запасам древесины мы занимаем первое или второе место в мире. Лес изводить нельзя. Эксплуатацию лесных богатств надо вести на разумной основе, так, чтобы вырубки для хозяйственных надобностей и экспорта постоянно восстанавливались. В некоторых районах восстановление леса должно идти с опережением. Такие возможности у нас есть. Но то, что обыватель порой называет лесом, на самом деле просто засорение земельных площадей. Эти земли надо приводить в порядок, проводить мелиорацию, осушать и вводить их в севооборот. Такие земли, как правило, богаты полезными веществами, годятся для возделывания всех культур. Конечно, потребуются большие усилия и капиталы. Как правило, эти земли покрыты слоем торфа, кислые, поэтому без известкования и других дополнительных усилий на них почти ничего не вырастет. Здесь все упирается в капиталовложения. Техника, посредством которой можно проводить эти работы, имеется в руках государства. Когда я еще работал, то высказывал такие соображения, правда, не широко. Тогда главной задачей было освоение целинных земель. Нельзя было рассеивать внимание и распылять средства. Поэтому следует закончить одно, потом браться за другое.

Кроме мелиорации, у нас имеются большие площади, которым необходимы ирригация, полив. Ирригационные работы, проводившиеся в Голодной степи и в других районах наших среднеазиатских республик, вдохновляют на такого рода деятельность. Там можно получить высокую отдачу. Для этого требуются большие капиталовложения, но надо идти на них, к тому же сейчас страна получила такие экономические возможности. Окупаемость поливных земель очень высокая. Кроме того, полив создает устойчивость в получении необходимого количества сельскохозяйственных продуктов. Урожай перестает зависеть от неба: будет дождик или нет... Тут уже командует сам человек. У нас сейчас есть для полива широкие возможности: электростанции — как гидравлические, так и тепловые — с их водохранилищами разбросаны по всей земле, а машиностроение способно полностью обеспечить нас насосами для подачи воды. Опыт по устройству ирригационной системы для правильного распределения воды у нас большой. По засушливым районам текут реки: Волга, Днепр, Южный Буг. Мы можем для земель Молдавии и Измаильской области взять воду из Дуная. Правда, земельные площади там невелики, но регион занимает очень хорошее географическое положение. Река тоже может быть поставлена на службу людям. Я уж не говорю о будущем, когда человек научится опреснять морскую воду, тогда можно будет использовать и ее для хозяйственных надобностей. Но это вопрос

будущего. Над этой проблемой много работают Соединенные Штаты Америки. Тут возникают заманчивые перспективы.

Для нашей страны главный вопрос — это повышение продуктивности старопахотных земель, которые давно освоены. Урожаи там очень низкие: от восьми до тринадцати центнеров зерна с гектара. При современной культуре и технике, при современной биологической, агрономической, химической и бактериологической науках это мало. Поэтому старопахотные земли по части повышения культуры земледелия являются своего рода целинными землями. Это наши резервы. Если взять Западную Европу, то там страны находятся на высоком уровне производства сельскохозяйственных продуктов, и урожайность зерновых культур у них от тридцати до сорока центнеров с гектара. Это наша мечта. Для своего успокоения мы можем сказать, что тоже имеем районы с такой урожайностью. Правильнее их назвать — микрорайоны. А средняя наша урожайность — десять центнеров. Если среднюю урожайность повысить в два раза и поднять до двадцати центнеров, а этот этап давно пройден высокоразвитыми капиталистическими странами, то мы бы создали буквально изобилие. У нас остались бы только трудности в сбыте и хранении такого количества зерна. Но с изобилием легче справиться, чем с голодом.

Что же нужно для того, чтобы обеспечить подъем урожайности на освоенных старопахотных землях? Для этого нужна техника, знания и правильная организация. Обладаем ли мы этим? Во всяком случае, мы находимся на таком этапе, когда можем удовлетворить все требования: и организационные, и материальные, и духовные, и научные. Надо только правильно оценить и со всей серьезностью подойти к решению проблемы резкого повышения продуктивности сельского хозяйства на старопахотных землях. Необходимо совершить буквально скачок и внедрить интенсивные методы ведения хозяйства. Пока мы находимся на довольно низком уровне.

Главным условием его повышения является развитие химической промышленности. Необходимы в нужном количестве и в нужном ассортименте минеральные удобрения — стимуляторы роста и продуктивности животноводства и птицеводства. Здесь ничего ни выдумывать, ни изобретать не нужно. Все это было известно на Западе еще в период моей деятельности. Поэтому, если бы мы поставили себе на службу то, что используют их фермеры, то мы бы и получили большой скачок в производстве сельскохозяйственных продуктов. Но для этого нужны материальные средства. Располагает ли такими возможностями наша страна? Безусловно располагает. И мы можем все сделать, если будут изысканы средства. Я говорю изысканы, потому что желания отраслевых министерств и других ведомств в получении капиталовложений неограниченны. Здесь от правительства требуется мужество и упорство, почти как хирургу, вырезающему опухоль, освобождающему организм человека от болезнетворных тканей, чтобы дать ему возможность нормально развиваться. В целях подъема сельского хозяйства тоже требуется хирургическое вмешательство в наши финансы, с тем чтобы получить материальные

средства, необходимые для его подъема. На такую хирургическую операцию надо идти. Вопрос материального обеспечения жизни нашего народа — это одновременно и вопрос подъема культуры и политического престижа нашей страны, престижа нашей политической системы. После Октябрьской революции минуло пятьдесят лет. Наш народ прошел славный путь и многого достиг, но, к сожалению, еще есть вопросы, которые требуют своего решения, без него не может развиваться социалистическое общество и не может стать привлекательным. Кто решится брать с нас пример, если мы не можем удовлетворить даже первейших потребностей наших людей?

Я хочу, чтобы верблюд мог дойти от Москвы до Владивостока. Для этого нужно, чтобы все наши города и поселки в изобилии обеспечивались бы продуктами питания, и не только первой необходимости, а разнообразными. Если разумно использовать материальные и духовные средства, которыми обладает наше социалистическое государство, с этой проблемой можно справиться.

Я который раз возвращаюсь к минеральным удобрениям. Их надо много и высокого качества, с высоким коэффициентом полезных веществ, без балласта, которые бы целиком растворялись и всасывались растениями. Это идеал. Я не знаю, насколько это вообще возможно, но я беру стандарты таких высокоразвитых капиталистических стран, как Соединенные Штаты Америки, Голландия, Западная Германия, Англия. Если бы мы обеспечивали внесение удобрений по тем нормам, которыми пользуются сейчас на Западе, уверен, что мы бы имели те же урожаи, ту же продуктивность. Я не закрываю глаза на трудности, понимаю, что перед нами не только задача производства минеральных удобрений; не меньшее значение имеет умение использовать их: как, под какую культуру, в каком количестве вносить, какие минеральные удобрения полезные, а какие могут и навредить. Это большой вопрос. Здесь у нас дел — непочатый край. Наряду с высоким уровнем культуры в технике, с полетами в космос, мы еще не освободились от варварских взглядов на химические удобрения. Даже те удобрения, которые мы имеем, очень часто используются нерационально, а другой раз просто губим. Необходимо обучать людей, занимающихся сельскохозяйственным производством, с тем чтобы они овладели знаниями и научились пользоваться благами чужого ума и рук, создавших эти удобрения. Без этого материальные средства останутся мертвы.

Возможно ли нам добиться такого положения? Безусловно, не боги горшки обжигают. Надо проявить упорство и овладеть этими знаниями. Овладеть не только теорией, но и научиться применять ее на практике. Молодых, да и пожилых людей следует посадить за парты и обучить всем этим премудростям. Дело сложное, тут надо не столько учиться, сколько переучиваться, а всякое переучивание наталкивается на внутреннее сопротивление. У людей накопился опыт использования органического удобрения, и они смотрят в будущее глазами прошлого. Порой разговаривая с людьми, я натыкаюсь на полное непонимание.

— Вот коровяк... Это да! — Так цепко держит нас старое мышление. Это дедовский взгляд. Я сейчас не хочу противопоставлять навоз

удобрениям, но американцы используют минеральные удобрения. Я основываюсь на своих беседах с Гарстом. Гарст, умеющий работать и знающий сельское хозяйство фермер, использует все новое. Для меня Гарст является эталоном. Если уж он вносит удобрения, то это выгодно, а если он чего-то не делает, то, следовательно, надо призадуматься. Он ведет капиталистическое хозяйство, а там вопрос прибыли — это вопрос жизни и смерти. Если он не пойдет в ногу со временем, то такой фермер в капиталистическом мире обречен на гибель.

— Господин Хрущев, я навоз на поля уже не вывожу, — сказал мне как-то Гарст, — не вношу его в почву. Я пользуюсь минеральными удобрениями. Навоз я сжигаю, не выгодно, дорого возить его на поля, разбрасывать и потом запахивать.

Я сейчас не могу утверждать, что господин Гарст абсолютно прав в своих рассуждениях. Может быть, навоз еще послужит, принесет пользу, например, улучшая структуру почвы. Это вопрос ученых и это вопрос практики. Я только могу сказать одно, если Гарст так поступает, следовательно, это дает прибыль в хозяйстве и позволяет выжить при конкуренции. А если что-то выгодно для капиталистического хозяйства, то также должно быть выгодно и для социалистического. Тут дело не в системе, не в том кому принадлежат средства производства.

Я считаю, что мы располагаем всем необходимым для того, чтобы вести сельскохозяйственное производство на высоком уровне. Прежде всего я имею в виду материальные средства. Если каких-то машин сейчас у нас нет, то это организационная сторона дела. Мы имеем материальные возможности для создания самых современных сельскохозяйственных машин. Наша химическая промышленность может дать все химические вещества, необходимые для ведения сельскохозяйственного производства на высоком уровне. Мы тоже, как и Запад, можем производить их в достаточном количестве. У нас достаточно образованных людей, получивших высшее и среднее сельскохозяйственное образование. Мы постоянно увеличиваем число специалистов как в институтах, так и в техникумах по растениеводству, животноводству и птицеводству. Одним словом, ведется подготовка всех нужных специалистов.

Если мы все имеем, что же тормозит нас? Что же не позволяет нам подняться на тот уровень, который сейчас достигнут Западной Европой? Я не имею в виду Америку. Америка по урожайности зерновых культур занимает далеко не первое место. В мое время, когда я занимался общественно-политической и государственной деятельностью, Америка получала пшеницы по шестнадцать центнеров с гектара. Это половина того, что получают западные капиталистические страны.

В животноводстве и производстве животноводческих продуктов Америка достигла очень высокого уровня. Кроме того, надо иметь в виду, что в США главный продукт сельскохозяйственного производства — кукуруза. По кукурузе они получают прекрасный урожай. Насколько я помню — до пятидесяти центнеров с гектара. Имея такую урожайность, они занимают меньше земли под посевы кукурузы, а зерна получают больше. Кукуруза у них — продовольственный продукт. Они очень хорошо ее

перерабатывают, делают из нее буквально деликатесы. Но кукуруза у них и кормовая культура для животноводства и птицеводства. Кроме этой культуры, я уже говорил, они сеют достаточное количество пшеницы. Американцы ограничивают посевы и пшеницы, и кукурузы, чтобы не затоваривать рынок, чтобы не падали цены, чтобы не разорялись фермеры. Они платят премию тем фермерам, которые сокращают посевы зерновых культур. У них были запасы зерна больше годовых. Америка сеет много сои. Из бобовых — это лучший продукт не только для технических потребностей, но и для продовольствия.

Правда, географически для произрастания растений Америка расположена более выгодно, чем Советский Союз. Но мы тоже имеет все, чтобы не только не уступать Америке, но и превзойти по тем культурам, которые у нас произрастают лучше.

ОДНА ГОЛОВА ХОРОШО...

Снова я ставлю перед собою вопрос: почему же мы отстаем от западных капиталистических стран по производству сельскохозяйственных продуктов? Здесь причина кроется в организации дела. Я постараюсь, насколько смогу, не имея справочных материалов, объяснить. Многие сведения, цифры и факты я держу в памяти, кроме того, пользуюсь информацией текущей печати и радио. На этом материале тоже можно построить убедительные доводы, подтверждающие мою точку зрения.

Еще во времена моей деятельности я увидел главный недостаток в организации ведения хозяйства. Я пытался отыскать лучшие организационные формы для сельского хозяйства, и не только сельского. Я давно заметил, это меня возмущало и раздражало, что работа наших сельскохозяйственных органов организована довольно примитивно, главным образом они работали вхолостую.

Когда я работал еще на Украине, союзное Министерство сельского хозяйства диктовало: что сеять, когда сеять и даже какую культуру. Отчетность была довольно объемная, бюрократическая, она поглощала много времени и труда. Я не знаю, что это давало государству, хотя не отрицаю необходимости учета. Я помню слова Ленина: «...социализм — это учет». Но учет учету рознь. У нас он был слишком бюрократизирован, собиралось намного больше сведений, чем необходимо для правильной ориентации руководства отраслью в масштабе государства.

Много раз в спорах и беседах я приводил такой простой довод: за всю свою многолетнюю деятельность, а я проработал на Украине около тринадцати лет, занимая пост первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии, а в послевоенный период — председателя Совета народных комиссаров, у меня не появилось ни разу потребности обратиться в союзное министерство за консультацией, однако министерские указания мы получали регулярно, хотя они другой раз противоречили нашему пониманию и здравому смыслу. Затрачивалось время, затрачивались материальные средства: люди сидели, машинки стучали, трастились бумага и труд человека, который не давал абсолютно ничего.

Почему я так говорю? Потому что Украина, как и другие союзные республики, сама обладала достаточным потенциалом для ведения сельского хозяйства и в указаниях Центра не нуждалась. Но раз аппарат существует, да еще такой громоздкий, он должен как-то оправдывать свое существование. Вот он и оправдывал: стучал, писал, звонил, телеграфировал, посылал своих уполномоченных. Подтверждение своей деятельности он видел в количестве издаваемых ненужных республикам бумаг, посланных и полученных телеграмм и прочее.

Я не раз говорил Анастасу Ивановичу Микояну о получаемых нами за его подписью длиннющих телеграммах об обработке сахарной свеклы и циркулярах о подготовке сахарных заводов. Он, будучи заместителем председателя Совета Министров, шефствовал над сахарной промышленностью и был, конечно, заинтересован в посевах сахарной свеклы на Украине. Украина — главный производитель сахара, была и есть.

В Министерстве пищевой промышленности сидел уполномоченный, агроном Старожук. Неплохой человек, знающий специалист по сахарной свекле. Он бывало приезжал к нам по вопросам посевов или же обработки сахарной свеклы, когда ему вздумается. Я абсолютно убежден, что телеграммы, которые подписывал Анастас Иванович, составлял все тот же Старожук. Другой раз бывало получаем длиннющую телеграмму по свекле или по сахарным заводам с указанием, какие нужно проводить работы, и часто бывало, что эти работы мы или уже закончили, или заканчивали. Директивы были правильными, но в том и беда, что там говорилось на уровне: «Не пей сырой воды». Истина, что лучше пить кипяченую, известна всем. Но раз мы получали директиву, то должны были ответить на нее. Каждая директива заканчивалась требованием доложить или сообщить, что делается. Когда приезжал Старожук, то его надо было принимать, с ним надо было беседовать. Он излагал свои взгляды. Я повторяю — это был знающий, умный человек. Спрашивается, зачем он приехал? Для чего тратятся деньги? Зачем вообще учрежден такой пост? Неизвестно. А главное, чем менее нужна должность, тем больше проявляется активности. Так она вызывает к жизни другие должности, которые должны с ней вести переписку. Вот так развивается бюрократическая машина, которая вертится, но ничего не дает. Анастаса Ивановича я сейчас не критикую. Он очень дельный, умный человек. Он был жертвой системы, которую мы все создали.

Я пытался предпринять какие-то меры в этом направлении. И сейчас я считаю, что союзное Министерство сельского хозяйства в таком виде, в каком оно существовало и существует, никакой пользы для сельскохозяйственного производства не приносит. На местах люди достаточно подготовлены, располагают знаниями, знают свое дело и могут сами принимать необходимые решения. Разбухший аппарат в Центре требует такого же разбухания республиканских министерств, потому что машина вертится, следовательно, надо ее «смазывать», надо ей давать материалы. Люди, работающие в союзном министерстве, сочиняют «произведения», которые никто не читает, а если читают, то только заголовок и сразу откладывают. Все эти вопросы не требуют указаний, они известны. Вот и получается, что этот орган в таком виде лишний и ненужный. Он пожира-

ет средства и, главное, навязывает непроизводительный труд на местах.

А планирование и снабжение? Такой орган нужен. Он должен заниматься снабжением сельскохозяйственными машинами, минеральными удобрениями и всем другим необходимым для ведения сельскохозяйственного производства на современном уровне.

Я снова пытаюсь припомнить, по каким вопросам мне приходилось обращаться в союзное Министерство сельского хозяйства. Только по вопросам обеспечения тракторами, автомашинами, плугами, минеральными удобрениями и другими средствами. Но это не имеет никакого отношения к сельскохозяйственному производству. Это технические средства его обеспечения. Такой орган должен составлять планы, следить за уровнем производства сельскохозяйственных орудий за границей и у себя. А может быть, такой орган, отслеживающий технический уровень, должен существовать при министерствах, которые производят сельскохозяйственные орудия? Видимо, должен быть небольшой аппарат, с тем чтобы отслеживать, не отстаем ли мы, и давать заказы для производства тех или других орудий для сельского хозяйства.

Наша сельскохозяйственная наука в ряде отраслей находится на передовом уровне. Я имею в виду селекционеров по зерновому хозяйству, таких, как Лукьяненко, который создал сорт «Безостая-1». По своим хлебопекарным качествам и по урожайности это превосходный сорт. Очень хороший сорт пшеницы вывел селекционер Ремесло. Хорош сорт твердой озимой пшеницы селекционера Кириченко. Женщина-селекционер из Саратова (я забыл фамилию) дала прекрасные сорта пшеницы, соответствующие мировому уровню. Селекционеры на целинных землях в Сибири тоже вносят свой достойный вклад.

По кукурузе мы имеем хорошие результаты ведения научной работы. Мусийко вывел сорт кукурузы «ОД-1» (Одесская-1). Теперь он наверняка создал и другие сорта. Соколов из Днепропетровска тоже много лет очень успешно ведет работу по кукурузе. Селекционеры из Воронежа также вывели хорошие сорта кукурузы. Всех перечислить я не могу, не все удержались в памяти.

Наши сорта кукурузы никак не уступают американским. Я гордился нашими селекционерами, которые создали прекрасные сорта кукурузы, хотя и в этой отрасли мы тоже отставали в создании организационной системы. У нас не было сортировочных или так называемых калибровочных заводов по переработке кукурузы и ее хранению. Зерну требуются хорошие условия хранения, особенно кукурузе. Мы позаимствовали в Америке их опыт: купили завод, а потом, изучив его, построили у себя целую сеть таких заводов, главным образом на Украине и на Северном Кавказе. Мы организовали гибридное семеноводческое хозяйство, тоже позаимствовав опыт в Америке. Раньше семеноводство у нас «хромало», каждый «лапотник плел лапоть на свою ногу», а в Америке уже были заведены хозяйства, которые обеспечивали потребности фермеров в высококачественном семенном материале. Это основа, без этого нельзя ве-

сти кукурузное хозяйство на высоком уровне. Мы скопировали систему у американцев и сразу получили хорошие результаты.

Селекционер Пустовойт вывел прекрасный сорт подсолнечника. Можно сказать, лучший в мире.

В области селекции сахарной свеклы не могу сказать, на каком мы находимся уровне в сравнении с другими странами. Чехословакия и Польская Республика имели более высокие, чем мы, урожаи свеклы и с более высокой сахаристостью. Какое место мы занимаем по сравнению с другими? Затрудняюсь сказать. Думаю, в этой области у нас тоже хорошие результаты.

Наши ученые добились больших успехов в области садоводства, виноградарства. Я тогда следил за этим и сейчас из печати видно, что мы тоже занимаем неплохое место.

От Запада, и особенно от Америки, мы отстаем в области селекции животноводства, птицеводства и свиноводства. Американцы в этих областях добились исключительных результатов. Они сейчас имеют породу кур, которая на затраченные два с половиной килограмма корма дает килограмм привеса. Это изумительный результат. Представитель фирмы, с которым я вел беседу в свое время, рассказывал, что они и дальше работают и уже получили: 1200 г корма на килограмм привеса куриного мяса. Сейчас они хотят получать один к одному: на единицу затрат кормов — единицу привеса мяса. Есть в мире прекрасные результаты по яйценосности кур. Когда мы были в Венгрии, то Янош Кадар мне рассказал, что куры, выведенные из яиц, закупленных в Западной Германии, дают 262 яйца в год. Мы же опубликовали данные за 1968 или 1969 год, по которым в среднем получается, кажется, 130 яиц. Есть показатели выше, но есть и значительно ниже. Люди, изучающие эту отрасль в Америке, мне говорили, что там вывели кур, которые дают около трехсот яиц в год. Это невероятно! Как тут сравнивать? Я помню выставку птицеводства и птицепродуктов Англии на сельскохозяйственной выставке в Москве. Я посетил ее и увидел просто удивительные вещи. В области птицеводства мы очень отстали от заграницы.

Молочный скот в Голландии и Дании, я особо выделяю эти страны, дает самые высокие удои, и главное — молоко с высоким содержанием жира. В этой области мы также отстали и отстаем.

Меня поразил кинофильм, присланный мне в свое время немецким фермером об утиной ферме. Он добился в выращивании утиного мяса при затрате кормов в два с половиной — три килограмма килограмм привеса. Мы считаем, что содержание уток без воды невозможно, а он организовал утиную ферму и содержал птиц в клетках. Воду им давал только для питья. Это сразу меняет положение: дает большие выгоды в привесах и в организации содержания этой птицы. Мы же ведем это хозяйство на основе «дедовской» практики. Я не могу согласиться с тем, что мы по своему культурному уровню не подготовлены к таким достижениям. Наше отставание происходит из-за того, что мы не сосредоточили внимание на этих вопросах, ведь по зерновым культурам мы имеем превосходные результаты и обогнали многие страны мира.

Еще один такой пример. Приезжали как-то в Советский Союз голландские фермеры. Они поехали в Курскую область и посетили село Калиновку. Расспрашивали, как колхозники ведут выращивание картофеля. Те, в сравнении с окружающими колхозами, находились на довольно приличном уровне и получали около двухсот, а другой раз даже за двести центнеров картофеля с гектара.

— Какое количество картофеля вы высеваете? — поинтересовались фермеры.

— Две — две с половиной тонны семян на гектар, — отвечают.

Они изумились. Для голландских фермеров это казалось невероятным, и рассказали, что они высевают пятьсот килограммов семян картофеля на гектар. Урожай же получают в триста — триста с лишним центнеров.

Когда я был в Египте, мне говорил президент Насер, что они покупают семена картофеля в Голландии, выращивают ранний картофель и продают его в основном в Западную Германию, а также в другие страны, потому что те охотно покупают его.

Когда я колхозникам и работникам совхозов приводил этот пример, они выражали изумление и недоверие. В Голландии семеноводство картофеля отлично поставлено. Специальные хозяйства занимаются семеноводством и обеспечивают остальных голландских фермеров стандартными — определенного сорта и размера — клубнями. Они дают высокий урожай и крупные клубни. У нас тоже имеются хорошие сорта картофеля, особенно «Лорх», «Майская роза» и другие. У них хорошие вкусовые качества. Мы имеем большие хозяйства по выращиванию спиртового картофеля, то есть картофеля с высоким содержанием крахмала, пригодного только для переработки на винокуренных заводах.

Все это у нас есть, но не поставлено на должном уровне, так, как на Западе. Только подумать, высевая пятьсот килограммов, они получают урожай в триста центнеров! А мы высевали две, две с половиной — до трех тонн картофеля, а в среднем Московская область получала урожай не более семидесяти центнеров с гектара. Видимо, и сейчас там дело не особенно продвинулось. Это для картофеля — мизерный урожай. Все зависит от культуры ведения земледелия и культуры семеноводства. В нашей стране есть замечательные селекционеры, которые создают хорошие сорта, но нет системы выращивания семян. Семена не ценятся колхозами и совхозами. Чаще всего, если они используют специальный семенной материал, то, как правило, потом он годами не меняется. Лишь хорошие колхозы и совхозы, которые ведут хозяйство на высоком культурном уровне — у нас такие тоже имеются, где руководители кое-что понимают в семеноводстве, — обновляют семена в нужные сроки, как рекомендует семеноводческое хозяйство.

На Западе у фермеров стимулом к производству сельскохозяйственных продуктов является прибыль, заработок, капитал. Если они не будут вести хозяйство на должном уровне, не будут получать хороших урожаев, то они обречены на гибель, на разорение. Другой раз в спорах со мной журналисты выдвигали в качестве аргумента известный из политэкономии тезис, что стимулом прогресса является стремление к наживе

— прибыль, конкуренция, борьба за выживание. Останется на поверхности тот, кто проявит больше изворотливости в борьбе, кто больше разорит своих соседей, своих братьев и на их разорении разбогатеет сам. Вот так, собственно, и ведется хозяйство в капиталистических странах. Наша социалистическая система не имеет этих пороков общественной жизни. Это наше завоевание, но в результате плохой организации производства и низкого уровня руководства получаются очень большие издержки. Многие колхозы и совхозы, к сожалению, еще ведут хозяйство на примитивном уровне, не используют тех возможностей, которые заложены, даны самой природой.

По-моему, я уже вспоминал о поразительном случае, который произошел со мной. Он, к сожалению, был не единственным в моей жизни. Когда я вернулся с Украины в Москву, решил посетить научно-исследовательский институт картофеля в Раменском районе. Научные сотрудники докладывали мне с большим пафосом о своих успехах. Я задал им вопрос:

— А какой же урожай вы собираете в вашем хозяйстве?

Женщина, видимо, возглавляющая группу по картофелю, сказала мне:

— Хозяйство получает шестьдесят центнеров с гектара.

Цифра меня просто убила.

— Слушайте, товарищи, как же можно дальше терпеть работу такого института, — не сдержался я, — на своих полях вы получаете урожай в среднем по шестьдесят центнеров, а соседние лучшие колхозы по сто — сто двадцать центнеров! Как можно терпеть такое? Кто же будет брать пример с такого института? Он подает убийственный пример!

Видимо, ей никогда правды не говорили. Она, бедняга, не ожидала и растерялась, а потом заплакала.

— Мы вас ждали, радовались, а вы приехали и говорите такие ужасные слова.

— Что же мне говорить? Я не могу грешить против своей совести. Такой урожай — бич для сельского хозяйства нашей страны, особенно для Московской области, которая держит огромные площади под посевами картофеля.

Я не мог сказать ничего другого, хотя и жалел ее по-человечески. Вот вам пример того, как институт, который должен показывать пример в получении урожаев, плелся в хвосте. Это было, наверное, в 1950 году.

Несмотря на все усилия со стороны партии и правительственных органов, урожайность недалеко уходила от этой позорной цифры — 60–70 центнеров картофеля с гектара. Конечно, имелись и рекордсмены. Например, в Киевской области в 1938 году одна колхозница получила пятьсот или семьсот центнеров картофеля и за это награждена орденом Ленина, но надо знать, каких трудов ей это стоило. Несмотря на награды, таких примеров было очень мало. Это было исключение. Она получила такой урожай за счет тяжелого труда и большого вложения органических удобрений. Я читал в газете, что колхозница Уткина, кажется, из Новосибирской области, получила около тысячи центнеров картофеля с гектара, не знаю, на какой площади. Другой раз, я знаю, происхо-

дило просто надувательство, говорили о собранном урожае с гектара, а в действительности урожай получили на каком-то крохотном участке, а потом его пересчитывали на гектар.

Почему же мы так отставали и отстаем сейчас от Запада? Что же, мы хуже этих фермеров? Что, мы не можем проявить умения? Мы все можем, но у нас плохо поставлено дело. Я уже не говорю о научно-исследовательских институтах. Эти государственные организации находятся на государственном обеспечении, и их работа зависит от правительства. Может быть, как раз поэтому они плохо работают? Их бюджет обеспечен независимо от успехов научно-исследовательской работы. Такое тоже может быть. Наши институты перегружены научными сотрудниками, тем самым порождается безответственность. Мы уступаем Западу, а это бьет нас не только экономически, но и политически. Противники социализма делают вывод, что советские условия, то есть преобразования нашей общественной жизни на социалистических началах, приводят к безответственности и, следовательно, снижают эффективность труда и эффективность деятельности научных учреждений, поэтому Советский Союз не может выбраться из трясины, в которой находится. К сожалению, мы не можем этого опровергнуть. Найдутся ура-патриоты, которые вместо того, чтобы искать причину возникновения такой ситуации, расчистить пути для глубокой научной работы, освободиться от балласта и выдвинуть на первые позиции действительно ученых, а не прилипал, которые облепили и ученых, и научные учреждения, продолжают доказывать недоказуемое, кричать о нашем превосходстве. Так нельзя. Я не помню, записывал ли я горькое воспоминание о беседе моего помощника, товарища Шевченко, с крупнейшим селекционером Юрьевым, возглавлявшим селекционную научно-исследовательскую станцию близ Харькова. Он уже давно умер. Когда товарищ Шевченко зашел к нему в кабинет, он сидел там задумавшись.

— Видимо, вы думаете над какой-то проблемой? — спросил Шевченко.

Он поднял голову, посмотрел так грустно и ответил:

— Да, товарищ Шевченко. У меня работает доктор сельскохозяйственных наук, но абсолютный бездельник. Вот я и думаю, как от него избавиться, как его уволить, но ничего не могу придумать, потому что закон не на моей стороне, он защищает его.

У нас хорошие законы, предусматривающие защиту человека от бюрократов и администраторов, но другой раз недобросовестные люди оборачивают их против нас, против нашей системы. К сожалению, с этим я сталкивался не однажды и понял, что устранить эти препятствия очень нелегко. Но это не главное. Главное, что нам не удается использовать преимущества нашей социалистической системы. Я надеюсь, пока... Работа в научно-исследовательских институтах другой раз служит просто кормушкой для трутней, бездельников. С такими людьми трудно справиться. Такие «ученые» облепляют институты, штаты разбухают, пожирается огромное количество государственных средств, а отдача мала.

Я думаю, разумный человек правильно меня поймет. Говоря об этих недостатках, против которых всегда боролся, я и сейчас вспоминаю о них

с большим огорчением и даже раздражением. Я преклоняюсь перед селекционерами и учеными Советского Союза, такими, как Пустовойт, Ремесло и другие. Их можно насчитать не один десяток, а может быть, даже и сотни. Я гордился и горжусь трудом этих замечательных ученых Советского Союза, которые с большой продуктивностью работали для подъема сельского хозяйства. Работали и работают сейчас.

В чем же гвоздь проблемы? Главное от чего мы страдаем — это несовершенная организационная система руководства сельским хозяйством. Если говорить об организации сельского хозяйства, то мы находимся в состоянии призывов и агитации: в газетах, по радио и телевидению, на собраниях, в докладах, на митингах. Это хорошо. Всеми средствами надо помогать труженикам, работающим в сельском хозяйстве, но откликаются на эти призывы, на пропаганду только самые лучшие, самые передовые. Чтобы труд людей, занятых в сельском хозяйстве, стал продуктивным, надо, чтобы все сельское хозяйство было «выровнено», чтобы оно велось на должном научном и техническом уровне, отвечало бы требованиям науки, имело бы техническое обеспечение. Чтобы правильно использовать селекционный материал, технику, минеральные удобрения и научные достижения, нужна четкая организация. Для этого нужны органы, которые бы двигали науку и внедряли в практику новое. К сожалению, у нас такой четкой государственной системы нет. Наши партийные и сельскохозяйственные органы — только планирующие, агитирующие и призывающие. Я уже говорил о Министерстве сельского хозяйства, которое фактически не может оперативно руководить хозяйством, оно превратилось в планирующую и призывающую организацию. Местные сельскохозяйственные органы, земельные отделы тоже находятся в таком же положении, фактически действуют теми же методами, то есть призывами и агитацией. Это правильно, но далеко не достаточно. Нужна четкость, нужна помощь, разъяснение, обучение и одновременно требовательность, но не бездушные наказания в административном порядке тех, кто не выполняет план. Это не главное, хотя это тоже требуется. Людей, которые не справляются со своим делом, надо смещать и выдвигать новых, достойных, образованных и, главное, знающих, изучивших ту или другую отрасль сельского хозяйства.

Недавно по радио я слушал передачу об итогах совещания по сельскому хозяйству Московской области. Там выступал с докладом, я подчеркиваю, секретарь Московского областного партийного комитета товарищ Конотоп. Я его знаю, как умного человека, и знаю очень давно. Помню с тех пор, когда он работал на Коломенском заводе инженером. Потом он стал секретарем партийной организации этого завода. Затем секретарем Коломенского райкома партии и так далее, продвигаясь по партийной лестнице, он вырос до уровня первого секретаря Московского областного партийного комитета. Как общественный и политический деятель он соответствует своему посту. Но слушая его доклад по вопросам сельского хозяйства, я еще раз убедился в том, что у нас неверная

организационная структура. Товарищ Конотоп — инженер; не могу сказать ни хорошего, ни плохого о нем, как об инженере. Я не знаю его квалификации. Видимо, дело свое он знал, но сельское хозяйство?.. Можно ли себе представить, что о развитии угольной промышленности поручат докладывать секретарю парткома? Он будет рассказывать о технических проблемах ведения горных работ? Или машиностроения? Или о добыче руды? Словом, на любые промышленные темы, касающиеся сугубо производственных вопросов. Любая отрасль может развиваться только при наличии специальных знаний, глубоком изучении ее специфики. Только овладев знаниями, можно вести хозяйство на должном уровне, добиться успеха. Не может же секретарь партийной организации конструкторского бюро, даже имеющий инженерный диплом, докладывать о развитии ракетной техники. Нет! Он работает секретарем, но не занимает ведущего положения в науке. Тут требуются глубокие знания и полная их отдача. Таким был Сергей Павлович Королев, Янгель и другие специалисты, которые глубоким знанием своего дела прославляют нашу Родину.

Сельское хозяйство, как и любая другая специальность, требует профессиональных знаний. Поэтому я и предложил создать сельскохозяйственные управления. Этими производственными территориальными управлениями должны руководить крупные специалисты, знающие свое дело. Они должны отвечать за уровень ведения сельского хозяйства не вообще, а за каждый колхоз, за каждый совхоз; за то, как там работают все отрасли сельского хозяйства, как применяют технику, без которой сейчас нельзя вести сельское хозяйство, как на практике используются сельскохозяйственные знания, как вносят минеральные удобрения, биологические средства защиты растений. Для этого надо быть специалистом. Надо изучать самому вопросы и обучать людей, подбирать кадры, требовать, чтобы они работали со знанием дела.

К сельскохозяйственному производству надо относиться так же, как мы относимся к промышленному. Сейчас руководители промышленности — это специалисты. В первые годы после революции у нас и там не было специалистов. Многие из инженеров, служивших у капиталистов, убежали за границу, другие — саботировали. Они не понимали сути ленинского учения о советской власти и поэтому не приняли революцию. Вот почему в руководство отраслями народного хозяйства мы вынуждены были выдвигать рабочих, пытаясь найти выход из сложного положения. Они были специалистами, только без соответствующего теоретического образования, без теоретической подготовки. Как правило, в руководство той или другой отрасли производства выдвигались люди из этой же отрасли, то есть или металлурги, или шахтеры, или железнодорожники, или машиностроители, люди, обладавшие практическими знаниями.

Сейчас другое время, практические знания должны опираться на глубокое теоретическое изучение предмета; только обладая глубокими знаниями, можно руководить народным хозяйством. В промышленности, по-моему, так и происходит. В сельском хозяйстве у нас имеется тоже

достаточное количество образованных людей, имеющих законченное высшее и среднее образование по всем видам сельскохозяйственного производства. У нас есть специалисты, только они используются без должной отдачи, другой раз не по своему назначению.

В свое время я часто выезжал на периферию и интересовался сельским хозяйством. Как правило, куда бы я ни приезжал, всегда на первый план выдвигался и докладывал мне о состоянии сельского хозяйства партийный руководитель: секретарь обкома или секретарь райкома партии, а председатель облисполкома или председатель райисполкома находились в тени. Казалось бы, что они должны больше и лучше знать, ближе быть к производству, потому что это их непосредственная работа. А самое главное: в каждой области, крае, районе имелись специалисты, имелись специальные сельскохозяйственные органы, но они стояли в тени, другой раз к их руководителю обращались только за справкой. Доклад о положении дел не входил в его обязанности, и он привык к этому. К чему это ведет? К безответственности! Следовательно, в районе или в области его мало уважают, а всем заправляют партийные руководители. С точки зрения политического руководства, это вроде бы правильно. В нашей советской системе партия занимает соответствующее положение, но это политическое руководство, а сельское хозяйство — вопрос экономический. Это совсем другое дело. Тут требуются глубокие специальные знания. Каждая отрасль имеет своих специалистов и, опираясь только на них, можно получить должный экономический эффект. Я считаю, что сельское хозяйство, как наиболее многогранное, требует настолько глубоких специальных знаний, что его трудно сравнить с другими отраслями народного хозяйства. Даже с промышленностью. Руководитель может возглавлять ту или другую отрасль хозяйства, если он знает ее на всю глубину. Только тогда этот руководитель полезен.

Вот пример. Как-то американец Гарст, которого я уважал за глубокое знание сельскохозяйственного дела, предложил мне:

— Господин Хрущев, пришлите ко мне на мою ферму двух ваших трактористов. Я их обучу обрабатывать по сто гектаров посевов кукурузы без применения ручного труда.

Для нас такая производительность труда казалась невероятной. Мы послали товарища Гиталова и еще одного механизатора. Они проработали у Гарста сезон. Вернувшись, Гиталов один обрабатывал, кажется, сто двадцать или сто сорок гектаров без применения ручного труда.

— Надо равняться на товарища Гиталова! — начали мы агитировать. — Надо работать по-гиталовски!

Между прочим я сам такую фразу слышал от Гиталова. Выступая на одном из собраний, он употребил ее. Я думаю, что это он сделал по молодости. Я хотел сделать замечание, нельзя Гиталову призывать работать других по-гиталовски, это слишком саморекламно, но воздержался, решил его не обижать. Главное — этот человек хорошо знал свое дело. Он честно трудился и трудится в колхозном производстве.

Что же, вы думаете, все трактористы, возделывавшие кукурузу, начали работать с такой производительностью? Ничего подобного! Все оста-

лось призывом. В этом корень зла. Почему? Потому что, получив какие-то результаты в той или другой отрасли сельского хозяйства, достижение не становится достоянием всех. Для этого нужен какой-то орган, люди, которые занимались бы изучением нового и внедрением его не призывом, не издавая брошюры и выступая по радио и телевидению, а на практике. Таким органом, повседневно занимающимся внедрением нового, может стать сельскохозяйственное управление, которое должно отвечать за все отрасли сельскохозяйственного производства. Его дело не призывать, а заинтересовать людей материальным поощрением.

В подтверждение своих слов я приведу другой пример. В мое время довольно часто на страницах наших газет мелькала фамилия тракториста Светличного, работавшего в научно-исследовательском институте близ Краснодара. Я там бывал, на месте знакомился с его работой. Он с напарником, возделывая сахарную свеклу, достиг невероятных результатов. Светличный первым в нашей стране показал, что сахарную свеклу можно возделывать без применения ручного труда.

Когда я работал на Украине, сахарная свекла была довольно «горькой», на нее затрачивалось слишком много ручного труда, слишком много внимания она требовала. Светличный изучил новую технологию посева, обработки и уборки сахарной свеклы. Раньше считалось совершенно невозможным их механизировать, не было тракторов, не было других машин. И даже при наличии современных машин на свекле их не применяли. Светличный поставил вопрос «с головы на ноги» и добился высоких урожаев. Когда первый раз я услышал о нем, попросил справку — он получал с гектара что-то около четырехсот семидесяти центнеров без применения ручного труда: сеял тракторной сеялкой, потом обрабатывал трактором, без прорывки. На первых порах приходилось вручную производить разборку «букетов», прореживать всходы. Сплошную строчку взшедшей свеклы он прорезал в поперечном направлении трактором, а оставшиеся кустики, «букеты», прорывал вручную, оставляя необходимое количество растений. Потом получили семена одноростковые, с одним ростком, и удалось окончательно уйти от ручного труда. Он высевал одноростковые семена, а затем обрабатывал посевы в двух направлениях. Получал обычно урожаи по четыреста центнеров с гектара, а в неблагоприятные годы — не меньше двухсот пятидесяти центнеров. При этом резко снизилась себестоимость свеклы. Он затрачивал буквально какие-то копейки. О чем это говорит? О том, что если бы мы сахарную свеклу обрабатывали и возделывали по методу товарища Светличного, то получали бы миллиарды рублей дополнительной прибыли на производстве сахара.

Я много раз выступал, хвалил его и призывал пользоваться его методом. Организовали курсы для обучения людей. И что же? Были какие-то последователи, но получил такие же результаты только один из них. Если Светличный достиг таких урожаев, следовательно, при тех же условиях, на тех же машинах может их достигнуть каждый. Это зависит только от подбора и обучения людей. Тут и нужен орган, который бы подбирал и обучал людей не общими призывами, а конкретно; вооружил бы их соответствующей техникой, знаниями об этой культуре и соответствующей

щими семенами, чтобы они вели хозяйство не ниже того уровня, который уже достигнут передовиками. А такого органа у нас нет!

Подобных примеров можно назвать много. Вспоминаю товарища Кавуна, председателя колхоза из Винницкой области. Он назывался «Имени XXII съезда», а раньше носил имя Сталина. Прогремел на всю страну товарищ Кавун, добившись невероятного для нас урожая гречихи. Высокие урожаи кукурузы, пшеницы, сахарной свеклы и гороха в этом районе получались не только у товарища Кавуна, но и у других. Правда, он очень ровно вел хозяйство и хорошие урожаи получал из года в год. А вот высокого урожая гречихи не получал никто. За гречихой укрепилась дурная слава. Считалось, что эта культура плохо поддается агрономическим приемам. С давнего времени она засеивалась крестьянами в два-три срока: гадали, какой срок более подойдет в эту весну, чтобы получить сносный урожай. О хорошем и не мечтали, хотя бы сносный. А товарищ Кавун из года в год получал 23 центнера с гектара и выше. Это невероятно! Нужно знать, какое имеет значение гречиха в нашей жизни. Эта культура — наш северный рис, а многие по вкусовым качествам ставят ее выше риса. Она имеет хорошие питательные свойства. Кроме того, гречиха — хороший медонос. Здесь одно дополняет другое: пасечники получают мед с посевов гречихи, а пчелы обогащают урожай гречихи; опыление идет лучше и повышается урожай. Одним словом, эта культура должна широко входить в продовольственные ресурсы страны. К сожалению, несмотря на повышение заготовительных цен, мы не могли и сейчас не можем добиться приличных урожаев. А Кавун их получал и получает.

Я предлагал изучить метод Кавуна, внедрить его в хозяйствах, сходных с Винницкой областью по климатическим условиям. Гречишные районы известны: это северные районы Украины, Курская, Орловская, Московская области и далее до Ленинграда. На юге гречиха себя зарекомендовала меньше, но и там, в южных районах Российской Федерации, некоторые колхозы получали высокие урожаи. В Курской области один колхоз получил хороший урожай и даже соревновался с товарищем Кавуном.

Если внедрение нового пустить на самотек, то передовой опыт будет перениматься очень медленно. И спросить не с кого! Производственное управление должно отвечать за уровень ведения сельского хозяйства. Именно отвечать. И здесь предполагаются не только административные меры воздействия, но и другие: материальная заинтересованность, общественное поощрение и прочее.

Как только мы перешли на колхозную и совхозную систему, у нас почти совсем вывелся горох. Почему? Трудно убирать. Горох не поддается механизированной уборке, его нужно косить косами, вручную, как в старину косили наши деды. Кавун и здесь получил высокие урожаи, правда, у него тоже колхозники косили косами, по старинке. Колхозники это охотно делали, потому что за косовицу гороха выдавалось соответствующее поощрение. Горох надо сеять. Эта культура имеет очень большие достоинства, к тому же она удобряет землю, ее клубеньки накапливают в почве азот из воздуха. Одним словом, эта культура очень выгодна и полез-

на, как продовольственная и как улучшающая и очищающая поля от сорняков. Конструкторы поработали и дали хорошее решение уборки этой культуры механизированным способом: скошенный горох закатывали в валки. Я выезжал и любовался работой этих косилок, простой, но оригинальной выдумкой.

Таких примеров можно найти очень много. Люба Ли, знаменитая и замечательная женщина из Узбекистана, вырастила кукурузу с силосной массой что-то около двух тысяч центнеров с гектара. Я был в этом колхозе и любовался посевами. Это буквально кладовая драгоценностей, потому что силосная культура — это говядина, это молоко, это сливочное масло. Ее пример достоин подражания.

А кто будет заниматься распространением передового опыта? Пустить на самотек? Опубликовать, поместить портрет в газетах и наградить — этого мало, потому что одни люди последуют этому примеру, а других надо подталкивать и даже требовать. Накопление опыта, а следовательно, и накопление наших богатств связано с высокой производительностью труда, с высокими урожаями и высокой продуктивностью скота. Без науки, конечно, ничего нельзя сделать. Нужно активно распространять лучшие примеры, организовывать людей материально, и не только материально, поощрять их, выделять лучших. А главное — требовать, особенно требовать с организаторов, с директоров совхозов, с председателей колхозов, с правлений колхозов, с бригадиров. Кто должен этим заниматься? Производственное управление! По-моему, в Кабардино-Балкарии или в Осетии я ездил в колхоз, любовался кукурузой на поливных землях. Некоторые умники скажут: «А-а-а, на поливных землях...» Да, на поливных. Но и на поливных, если руки неумелые, можно не использовать их возможностей. Тот колхоз, по-моему, получал урожай силосной массы кукурузы до тысячи семейств или тысячи девятист центнеров с гектара. Он был близок к рекордам Любы Ли. В свое время зоотехники мне пересчитывали урожай в молочную продукцию — это огромное количество молока, мяса и сливочного масла. Нужно иметь в виду, что при урожае в тысячу двести — тысячу пятьсот центнеров силосной массы дополнительно получают в початках восковой спелости зерна минимум пятьдесят центнеров. Если все это переработать, засилосовать, то это же деликатес для скота! Соответственно, повышается продуктивность. Я давно не слышал об этом колхозе, выброшен он из поля зрения журналистов.

Рекламировать и подталкивать других — это не единственный путь для внедрения лучшего. Надо за это дело браться по-государственному. Для этого необходимо создать государственные органы, и ими должны стать сельскохозяйственные производственные управления — и планирующие, и руководящие. Когда-то я летал на юг Украины, в Херсонскую область. Там тоже возделывали на поливных землях кукурузу на силос. Я говорю на силос, потому что это наиболее эффективное использование этой культуры в любых климатических зонах. Получали там и зерно, кажется, восемьдесят центнеров с гектара. Это же невероятное количество зерна! Если бы мы получали половину такого урожая со всех посевов кукурузы,

то вопрос о животноводстве стоял бы совсем по-другому. Тогда верблюд из анекдота мог бы свободно гулять по Советскому Союзу.

В любой отрасли хозяйства, в том числе и в сельском хозяйстве сверкают брильянты народной инициативы, но они быстро тускнеют. Нужен такой орган, который бы подхватывал новшества, обучал бы людей и старался подтянуть другие колхозы и совхозы, бригады и звенья к этому высокому уровню производства сельскохозяйственной продукции. Для этого нужны государственные органы. Ни митинг, ни собрание, ни совещание, ни печать не помогут. Все это нужно, но без административного управленческого органа, который бы занимался конкретно делом, давал бы задания и проверял бы исполнение, дело сдвинуться не сможет.

КУКУРУЗА ДУРАКОВ НЕ ЛЮБИТ

На последнем этапе своей деятельности я большое внимание уделял кукурузе. Выращивание ее возможно во всех климатических зонах Советского Союза, за исключением северных районов. В некоторых областях Центрального района России почвенные условия тоже не позволяют эффективно выращивать эту культуру.

Сейчас, когда я встречаюсь с людьми и мы беседуем на текущие темы, то часто заходит разговор о сельскохозяйственном производстве. Меня спрашивают, чем я занимаюсь? Я отвечаю, что летом заполняю пустоту, вакуум, в котором сейчас нахожусь после бурной политической жизни, работой на огороде.

— Что вы сеете? — спрашивают.

— Патиссоны, — отвечаю я.

— Что такое патиссоны?

Они о них не знают. Начинаю пояснения. Тут начинается аханье и удивление:

— Да разве они у нас растут?

— Растут и очень хорошо, — поясняю я.

— Первый раз слышим, — удивляются посетители.

— Верно, — говорю я, — сам я только третий год буду их сеять (на дворе 1970 год). Я сам не знал, что они могут расти в Московской области. Уже два года я выращиваю их, и это прекрасный деликатес к столу. В наших подмосковных условиях из года в год они удаются лучше, чем огурцы, а это растение теплолюбивое.

— А еще что вы сеете? — видно, что я заинтересовал своих слушателей.

— Кукурузу, — продолжаю я.

Люди реагируют по-разному. Знают, что я заядлый «кукурузник».

— Как кукурузу? Разве она растет в Московской области? — еще больше удивляются они.

Я отвечал с некоторой заносчивостью.

— Да! Она растет, но не у всех, требуется ум, понимание. У умного она растет, а у дурака — нет. Она не терпит глупого обращения. А людей, которые с умом и со знанием дела берутся за эту культуру, она обогащает, — заостряю я тему.

— Каждый год я сею кукурузу, — разъясняю сомневающимся, — и единственный бич, с которым приходится бороться, — грачи. Как только появляются всходы, ее надо охранять, потому что эти «разбойники» очень хорошо знают эту культуру и охотно выклеивают зерна из земли. Они клювами выдергивают всходы, съедают зерно, а росток отламывают и бросают.

Два или три года тому назад я специально ездил за Москву-реку, любоваться посевами кукурузы в совхозе «Горки-II». Из года в год там сеялась кукуруза. Мне было приятно, уже находясь в положении пенсионера, видеть, какие там замечательные урожаи этой культуры. Они по моему определению были на уровне семисот — восьмисот центнеров зеленой массы с гектара. Сорт они высевали, видимо, «Стерлинг». Стебли вырастали высотой до двух с половиной — трех метров. Я просто любовался этими посевами и даже сфотографировался рядом с ними. Сейчас они перенесли поле чуть подальше, к мосту через Москву-реку, что неподалеку от Ильинского. Не знаю, будут ли они сеять в этом году. Как-то по Можайскому шоссе я ездил за грибами и тоже видел отдельные участки хорошей кукурузы.

Когда-то на одном из совещаний товарищ Конотоп приводил в пример какой-то колхоз или совхоз, который получал урожай в пятьсот центнеров. Тоже хороший урожай. Сейчас принижают достоинства этой кормовой культуры для силоса. Перестают ее сеять в районах, где она раньше не производилась и не дает спелое зерно.

На огородах в Курской губернии кукуруза росла с давних времен, и бабушка кормила меня хорошей пареной кукурузой. Это считалось большим лакомством. В Московской области после войны на огородах тоже росла замечательная скороспелая кукуруза. Она здесь высевалась и созревала с давних времен, но только как огородная культура. Как деликатес. Я же ставил вопрос о том, чтобы кукурузу сделать основной силосной культурой. Нет ей равной по количеству кормовых единиц в нашей зоне. Я считал, что селекционеры со временем смогут вывести такие сорта, которые смогут в своей массе вызреть и на зерно. В Советском Союзе особые климатические условия. Те сорта кукурузы, которые сейчас находятся на вооружении сельского хозяйства, не подходят нашей зоне. Эта кукуруза вызревает, но не высушает. Поэтому надо построить специальные сушильные заводы, где можно будет доводить ее до определенной стадии, позволяющей хранить зерно.

Но зачем нам это? Достаточно получать пятьсот — шестьсот, а в лучших хозяйствах и больше центнеров силосной массы и научиться ее силосовать с добавками. Кукурузная силосная масса, как и все культуры, имеет свои недостатки, в ней мало белка. Если примешивать к ней другие силосные культуры, вносить минеральные добавки и вместе силосовать, то при кормлении скота расход силосной массы будет меньше, а если этому обучатся люди, то появится могущественный рычаг для подъема мясного животноводства.

Я не скрываю, что и сейчас остаюсь большим «патриотом» этой культуры. Я прочитал, что в Сибири и на Дальнем Востоке сейчас сеется куку-

руза и получают высокие урожаи. Это говорит о том, что эту культуру можно брать на вооружение, использовать на корм для жвачных животных, прежде всего крупного рогатого скота. Она может дать большой хозяйственно-экономический эффект. Для этого нужны знания и организация, которая занималась бы обучением людей и внедрением кукурузы. Я против самотека. Самотек — самое легкое. Всегда можно что-то написать, хочешь — читай, не хочешь — не читай, хочешь — внедряй, не хочешь — не внедряй, дело твое. В наших советских социалистических условиях такой метод ведет к провалу экономики. Почему? Когда хозяйство ведется на частнособственнической основе, рычаг, стимулирующий фермера, крестьянина, — прибыль. Если он услышит, что сосед делает что-то новое, он поедет, попросит семена, поинтересуется, как он получает большие урожаи и, следовательно, извлекает большие доходы, и начнет внедрять у себя. У нас такого стимула нет. У нас все определяет трудодень. Он — натуральный заработок при распределении оставшейся после сдачи государству части урожая. Отработал свое — получи. Также денежная оплата. Она еще больше снижает заинтересованность производителя в эффекте труда. Конечно, есть правление колхоза, но оно имеет свой узкий интерес.

— Не принимаю ли я значение сознательности людей? — могут спросить какие-нибудь умники.

Я не в таком возрасте, чтобы поддаваться пустым фразам. Надо мыслить конкретно. Другой раз хозяйством заправляют умные люди, но направленность их действий не соответствует экономическому положению этого района, и в результате снижается доходность колхозов. Почему? Хотя бы потому, что правление, председатель и агроном получают определенную денежную ставку, значит, заработок им обеспечен. Правда, он может быть повышен в результате более продуктивного ведения хозяйства, но разница выходит небольшой. Они взвешивают: «Стоит ли овчинка выделки?» Проезжая по дорогам, я видел посевы подсолнуха на силос: жалкие, бедные, просто больно смотреть. Однако их сеют. Почему? Хлопот меньше. Если кукурузу посеять, за ней придется больше ухаживать, чем за подсолнухом. Правда, и отдача иная, и возможность увеличения кормовой базы, следовательно, поднятие животноводства. Нет! Все-таки спокойнее жить по принципу: посеял, убрал, отчитался. Экономический эффект хозяйственного года в нашей печати почти не подвергается анализу. Следовательно, отсутствует сравнение. Получается — все кошки серые. Выделяются те, кто на бумаге лучше справился с сельскохозяйственными полевыми работами, вовремя отчитался о севе и уборке.

Пример такого отношения к делу у меня сохранился в памяти. Как говорится, до гробовой доски не забуду. Вернувшись на работу в Москву, я как-то поехал в колхоз Егорьевского района. Секретарем райкома там была умная женщина, бывшая учительница. Я ее попросил отвезти меня в бедный колхоз. Приехали. Председателем правления там был выдвинут человек из городских, достаточно развитой, подготовленный. По-моему, он даже имел высшее образование, но неспециальное. Одним словом — выдвиженец.

— Скажите, пожалуйста, какая культура наиболее выгодна для посева в вашем колхозе? — спросил я его.

Он ответил:

— Овес.

Я удивился. По дороге я отметил, что у них песчаные земли, для овса малоурожайные...

Я переспросил.

— Как? Разве овсы дают высокие урожаи в вашем районе? — допытывался.

— Нет, — говорит, — товарищ Хрущев, у нас урожаи очень низкие, но легко убирать.

Это же цинизм! Так мне ответил коммунист, которого выдвинули с целью подъема хозяйства этого колхоза! Вот вам и уровень.

— Это исключение, — могут возразить мне.

К сожалению, это не исключение. Не правило, но и не исключение. Это довольно распространенное явление. В свое время была опубликована информация о моей поездке в Новосибирск. С секретарем крайкома партии Яковлевым мы поехали в хороший животноводческий совхоз. Подъезжая, я обратил внимание на скошенные поля. Приехав в совхоз, получил записочку.

— Товарищ Хрущев, — писали мне рабочие совхоза, — обращаем ваше внимание, что перед вашим приездом у нас скосили рожь. Она уже налилась зерном, а ее скосили на силос. Зерна теперь не будет, и силос получили негодный. Она уже переросла.

— Почему вы скосили рожь? — спросил я директора.

— Мне нужна силосная масса. У меня животноводческий совхоз, — ответил он.

— Если бы вы скосили раньше, тогда была бы силосная масса, и вообще рожь не лучшая культура для силосования, — добивался я ясности, к сожалению, безрезультатно.

— Какую культуру вы считаете наиболее выгодной для посевов в ваших условиях, — зашел я с другой стороны.

— Магар, — ответил он.

— Позвольте, — удивился я, — почему магар? Магар — это бобовая кормовая культура. Неплохая культура, но почему она выгоднее других?

Он мне объяснил, что если он сеет другие культуры, то их урожай государство может забрать. Рожь посеешь — возьмут зерном, а посеешь магар — траву государство не отберет, все останется совхозу. Казалось бы, есть логика, но это же противоречит экономической сущности ведения любого хозяйства. Следовательно, он подбирает для посева ту культуру, в которой не заинтересовано государство, даже если она менее эффективна для данного совхоза. Он смотрел на дело через очки бюрократа, ограничивая поле своего зрения.

— Это свойственно нашему социалистическому хозяйству, потому что оно не заинтересовано в прибылях, — возразят мне.

Допустим, оно не так заинтересовано, как при частном ведении хозяйства в капиталистических условиях. Следовательно, мы должны ком-

пенсировать этот недостаток. Социализм — это учет, говорил Ленин. Можно добавить, и контроль. Он должен производиться государством, его органами. Об этом твердил нам великий Ленин. Собственно сейчас контроля, фактически, нет. У нас есть Госконтроль, но это наказывающий орган. А органом, который сможет управлять производством и контролировать хозяйство, должно стать сельскохозяйственное управление. К сожалению, они были ликвидированы. Сейчас вернулись к старой бюрократической безответственной системе: Министерству сельского хозяйства. Могут сказать, что каждый должен сознательно выполнять свой гражданский долг. Это верно, однако и в условиях социалистического государства есть воры, жулики, убийцы и люди, которые недобросовестно относятся к своим обязанностям. Поэтому необходим контроль и ответственность за исполнение, не только экономическая, но и административная, вплоть до судебной.

Я снова возвращаюсь к кукурузе. Я был и остаюсь большим сторонником этой культуры, считаю, что она — одна из самых могучих кормовых культур нашего времени. Как силосная культура, кукуруза нас выводит на широкую дорогу по удою молока. Я уже высказывался, что до применения кукурузного силоса мы имели в среднем по Советскому Союзу надой молока на корову не более тысячи ста литров. Когда мы перешли на силос, в котором главное место занимала кукуруза в смеси с другими культурами, то в хороших хозяйствах стали получать до четырех тысяч литров. Силос из чистой кукурузы не с полной отдачей усваивается организмом животных, в нем не хватает белков. Поэтому надо добавлять или зерновые белковые примеси, или примешивать минимальные дозы химических веществ, которые способствуют лучшему усвоению кукурузного силоса. Такие удои просто потрясали сознание людей, имевших какое-то отношение к сельскому хозяйству. Когда-то они были нашей мечтой. Мы с завистью слушали и читали о таких удоях в Голландии, Дании и других западных государствах. Все валили на бедную нашу коровушку, которая, считали, по своей породе не способна дать такого количества молока. Это верно, порода имеет значение и играет большую роль. Наша коровка, как ласково говорят колхозницы и особенно женщины, имеющие собственную корову, тоже способна на чудеса. Надо ее только кормить. У крестьянина корова содержалась впроголодь. Весной, чтобы не подохла, раскрывали крыши сараев и скармливали ей гнилую солому. Откуда было взяться молоку, если корова к весне, да и всю зиму находилась в голодном состоянии. К весне оставался только скелет, обтянутый кожей. Когда же ей дали в изобилии силос, она показала, на что способна. Правда, непородистость нашего скота все-таки сказалась на жирности молока. Жирность молока у наших коров и сейчас очень мала в сравнении с датскими и голландскими. Датчане в среднем получают от четырех до пяти процентов и выше, а мы — два с половиной. Лучшие экземпляры, которые мне показывал датский фермер, давали семь процентов. У нас только буйволица способна на такое количество жира. Это свидетельствует о нашем отставании в животноводстве.

Некоторые мне пытаются навязать мнение, что я смотрел на животноводство и на кормовые культуры только лишь через «кукурузные» очки. Глупо это. Я большой сторонник кукурузы, и стал им потому, что не было лучшей. Я, как говорится в данном случае, присягаю той культуре, которая в районе дает наибольший эффект от затраченного труда. В то время я отдавал предпочтение кукурузе. Тем не менее и тогда, и сейчас говорил и говорю, что надо с карандашом в руках решать, какие культуры где сеять, для каких хозяйственных надобностей какая культура дает наибольший экономический эффект. Поэтому она должна быть включена в экономику колхоза или совхоза. Это должно решаться в зависимости от специализации хозяйства и от подбора культур, которые наиболее эффективны в экономическом отношении.

Например, некоторые районы Краснодарского края очень быстро продвигаются в урожайности зерновых. Там пшеница дает пятьдесят центнеров и даже больше. Действительно, если пшеница дает пятьдесят — пятьдесят пять центнеров и кукуруза дает столько же, то глупо отдавать предпочтение кукурузе. Я говорю, конечно, о зерне. Пшеница — культура более ценная, более питательная и менее трудоемкая в уходе. Следовательно, путевка должна принадлежать ей. Но для силоса и здесь кукуруза останется непревзойденной.

Другой пример — моя Калиновка. Над ней я в какой-то степени шефствовал. Там сеяли довольно много клевера, сеяли коноплю. Получали хорошие по тому времени урожаи пшеницы: тридцать, а то и тридцать с лишним центнеров. Сеяли кукурузу на зерно, получая до пятидесяти центнеров. Кукурузы на силос получалось от пятисот до семисот центнеров с гектара. На ней поднялось молочное животноводство. Так что тут все решает вопрос района, зоны и умения выбрать и вырастить экономически целесообразную культуру.

Вспоминаю такой факт. Однажды маршал Гречко рассказал мне, что встречался со своим братом, который работает под Харьковом директором совхоза. Брат жаловался: местные руководители перегружают совхоз заданиями по посевам кукурузы. Экономически более оправдано уменьшить посевы кукурузы и увеличить посевы пшеницы, которая у них дает урожай не меньше, а даже больше.

— Это справедливое негодование вашего брата, — возмущился я. — На его месте я бы поступал так, как подсказывает экономика, а не как рекомендуют бюрократы.

Тогда секретарем Харьковского обкома был Подгорный.

— Товарищ Подгорный, брат Гречко — директор совхоза жаловался, что область перегружена заданиями по посевам кукурузы, — сказал я ему при встрече (я попросил справку и убедился в его правоте). — Такое количество кукурузы невозможно хорошо обработать, и в результате снижаются урожаи. Зачем вы это делаете? Почему не предоставите возможность колхозам и совхозам самим, по своим расчетам высевать те культуры, которые наиболее оправданы для экономики хозяйства?

— Ну а чем же мы тогда будем скот кормить? — ответил Подгорный. — Нам же нужен силос.

— Верно, ты меня не агитируй за кукурузу, — возразил я, — но директор совхоза говорит другое. Надо прислушаться к его голосу. Видимо, его заставляют сеять большее количество, чем ему требуется.

Перегружали «заданиями» некоторые хозяйства. Бывало, проезжая по дорогам Московской области, я с возмущением смотрел из окна машины на хилые посевы кукурузы. Ее трудно было узнать. Они заросли сорняками, а кукуруза не терпит засоренных полей. Отсюда и результат: мизерные урожаи. В таких случаях выгоднее сеять викоовсяную смесь, тоже экономически оправданную культуру в Московской области. В хозяйствах, которые не умеют возделывать или дурно относятся к кукурузе, викоовсяная смесь себя бы оправдывала экономически. Часто кукурузу сеяли бездумно, для начальства. В печати и по радио призывали больше сеять кукурузы на силос, но и тот, кто не умел ее выращивать, тоже сеял, отчитывался. Тем самым он как бы соответствовал запросам времени, а в конечном итоге за урожай с него никто не спрашивал. И это главное. Если бы было производственное управление, которое следило бы за размещением культур по зонам и хозяйственному экономическому эффекту, то сразу увидели, что этот человек плохо возделывает определенную культуру. Его надо или научить, или же убедить, что эта культура для данного микрорайона действительно не подходит и что надо перейти на более экономичную, более выгодную.

К сожалению, этого нет. Верховодит отчет: такая-то республика закончила сев, а потом — такая-то область закончила уборку, выработка на комбайн — такая-то, убрано — столько-то гектаров. Но гектар гектару рознь. Убрать комбайном урожай в восемь — десять центнеров и убрать гектар, который дал сорок — пятьдесят центнеров, совсем не одно и то же. Все это говорит о том, что мы находимся не на должном уровне организации ведения сельского хозяйства. Мы еще не освободились от взглядов, что сельским хозяйством может управлять каждый. А сельское хозяйство — самое сложное производство, намного сложнее промышленности. Оно слишком многоотраслевое. Человек имеет дело с живыми организмами и находится в большой зависимости от климатических условий. Это хозяйство требует знаний и умений. Следовательно, надо создать организационные органы по управлению этим хозяйством, где бы работали знающие люди, которые могли бы вовремя подсказать, помочь добиться большего экономического эффекта.

В Америке есть орган, который способствует внедрению новых достижений в сельское хозяйство. В нем сидят крупные специалисты, которые следят за появлением всего нового и рекламируют способы внедрения этого нового. В капиталистическом производстве никто не может ничего навязывать фермеру, они только рекомендуют, информируют. Фермер сам обращается в эту организацию с просьбой прислать специалиста, который помог бы освоить новшества, а за консультацию платит.

У нас же порой слушаешь обозревателя по радио, ученого-агронома, (не буду называть фамилии), а он такую жвачку жует, проповедует избытые истины. Такая безответственная болтовня не оправдывает затрату

времени на радиопередачу. Конечно, хочешь — слушай, хочешь — нет. Это и называется самотек. Я категорически, всем своим существом, возражаю против такого ведения хозяйства. От самотека страдает прежде всего наш потребитель.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Вчера, 28 мая, я встречался с отдыхающими из соседнего дома от дыха. Один отдыхающий рассказывал, что в Рязани очень трудно с продуктами, нет мяса. Никакой комментатор не расскажет о причинах отсутствия мяса: о виновниках этого безобразия и о том, как преодолеть эти трудности. Тут мало сказать по радио или по телевидению, необходимо предпринимать решительные действия, нужны корма, нужно выращивать скот и всем этим необходимо заниматься, управлять, а нужного органа у нас, к сожалению, нет. Есть статистическое управление, которое потом подводит итог. Статистическое управление — это организация, «что дышло, куда повернет, туда и вышло». Там сидят такие «мастера», которые могут из «говна пулю сделать» и так запутать суть в отчете, что все выглядит более или менее прилично. К сожалению, статистическое управление работает на политику. Только когда совершенно невозможно скрыть правду: происходят какие-то бедствия в сельском хозяйстве, то об этом сообщают. Наша статистика, к сожалению, отражает действительность, как кривое зеркало. Но магазин, наш желудок лучше статистического управления говорят об истинном положении дел. Когда продуктов недостает и они плохого качества, в на-строении хозяйки отражается реальная действительность. Отдыхающие, которые собирались возвратиться домой, вздыхали: «В доме отдыха замечательно, обильно и вкусно кормили, а приедем домой и опять надо «мотаться» по пустым магазинам».

Многие, с кем я встречаюсь, навязывают мне разговоры на бытовые темы. Я не ухожу от таких вопросов.

Однажды спросили:

— Ответьте, зачем нужно было проводить изменение денежного номинала? Правительство сделало это для того, чтобы повысить цены?

Я ответил:

— Слушайте, как вы можете так говорить? Правительство и в мыслях этих целей не имело.

— А кто это предложил? — допытывались у меня.

— Какое имеет значение, кто предложил? Инициативу проявил министр финансов, теперь покойный Зверев. К этому имел прямое отношение Косыгин, мой заместитель, в ведении которого находилось Министерство финансов и Госбанк. Он шефствовал над этими ведомствами. Мы исходили из того, что хозяйство слишком выросло и приходится оперировать астрономическими цифрами, — начал я объяснять. — Это усложняло труд счетных работников. Мы и решили изменить рубль, повысить его стоимость в 10 раз. Таким образом то, что стоило 10 копеек, стало стоить копейку, что стоило рубль, стало стоить 10 копеек. Прейскуранты в

магазинах вывели, поэтому в результате этой денежной реформы никакой товар в ценах не повысился. Это какое-то недоразумение...

— Нет, что вы, все цены возросли, — не согласились мои собеседники.

— Позвольте, спички стоили 10 копеек, теперь стоят копейку, — стоял я на своем. Они приводили примеры, называя товары с новой ценой. Я затруднялся что-либо ответить, не знал и не мог помнить, сколько это стоило и сколько стоит теперь.

— Позвольте, этот товар, наверное, начал выпускаться уже после денежной реформы, — пытался я разобраться. — На него просто установили новую цену. В мое время мы на этом многих ловили, особенно местную промышленность, которая, выпуская товары, допускала произвол в ценах. Изменял окраску того или другого предмета или сделают какое-то незначительное изменение и поднимают цены. Они стремились увеличить накопления в местные бюджеты. За это мы наказывали руководителей, это злоупотребление, это дискредитация советской власти. Случается прямое жульничество в некоторых магазинах. Жулики, воры и убийцы нашему социалистическому обществу достались в наследство от капиталистического общества. К сожалению, они стойко держатся. Советской власти уже больше пятидесяти лет, а мы имеем и пьяниц, и жуликов, и хулиганов, и людей, которые нарушают дисциплину. Повышение цен не связано с таким правительственным мероприятием, как денежная реформа, поэтому ваши рассуждения неправильны.

— Пойдите в магазин: морковь и петрушку вы не купите, — не соглашались со мной. — Приходится идти на рынок, а там сидит старушка и говорит: «Я не понимаю вашей реформы. Была петрушка по десять копеек, хочешь — бери за десять копеек». В магазине ее нет, и покупатель вынужден опять платить десять копеек, вернее, не десять копеек, а рубль.

— К сожалению, это возможно, — согласился я, — но это другой вопрос, который ничего общего с денежной реформой не имеет. Опять я хочу его связать с отсутствием организации и организационных мероприятий. Государство не обеспечивает горожан зеленью в достаточном количестве и хорошего качества. Поэтому покупатели вынуждены идти к мелкому производителю и платить уже не втридорога, а в десять раз дороже, чем в магазинах. И что же делать? Насколько сложно наполнить наши магазины этими мелочами в нужном количестве и нужного качества? Несложно. Это мелкий вопрос, но, к сожалению, столько лет не решен! Если за него взяться организованно, можно решить в один год.

Я помню в детстве и юности в Донбассе на руднике не было проблемы с овощами. Там этим занимались арендаторы-овощеводы — огородники-болгары. Я считаю болгар лучшими огородниками в мире. Бывало рано утром едет болгарин по рудничному поселку и созывает хозяек. Женщины окружали его арбу и покупали редис, укроп, сельдерей, морковь по копейке, по две копейки, по три копейки... Не было денег, он давал в кредит, потому что знал своих покупателей в лицо. Он имел хороший заработок, и люди были довольны, потому что получали товар нужного качества.

Разве сейчас мы не можем хорошо выращивать морковь, укроп, сельдерей, петрушку? Все это мелочи, но никто за эти мелочи не отвечает. Никто за ними не следит, и, следовательно, все отдано во власть стихии. На этих мелочах мы портим отношения и отравляем настроение прежде всего хозяйке, да и всем. Я считаю, что этот организационный недостаток имеет политические последствия. Другой вопрос — тоже организационный. На рынке картошка стоит в 2–3 раза дороже, чем в магазине. Огромное количество людей с низкой зарплатой тем не менее вынуждены покупать ее на рынке.

— Где вы картошку покупаете? — спрашиваю я знакомых пенсионеров.

— Хожу на базар, — отвечают, — теперь там установили новые правила: торговать не дороже, чем в 2 раза, по сравнению с государственной торговлей. Выгоднее купить у частника, потому что у него картошка хорошая, чистая, а в магазине возьмешь в два раза дешевле, но в три раза больше выбросишь. В свое время мы ставили вопрос о принятии решения, предписывающего торговать в московских магазинах мытым картофелем, чтобы хозяйка его получала в чистом виде, как это делается за границей. Какое-то время это решение правительства выполняли, правда, не везде, но так как бюрократическая машина работала в своем направлении, то эти хорошие начинания в конце концов дали осечку. Некоторые скажут: «Хрущев на старости лет говорит о мелочах». Да, мелочи. Но они влияют на большую политику, влияют на настроение людей. Знаете, если от кальсон не вовремя оторвется пуговица, она может испортить человеку не только настроение. Маленький вопрос может перерасти в большую проблему.

Я думаю, рано или поздно эта необходимость будет осознана. У нас имеются две возможности: или же организационно предусмотреть производство всех видов товаров и продуктов, а это для социалистического государства единственное решение, или открыть возможности частнику. Это совершенно иное направление. Я встречался со своими старыми приятелями-поляками. Они живут в Польше, но, приезжая в Москву, заходят ко мне, мы беседуем, а иногда спорим.

— Ваши колхозы и совхозы работают плохо, — говорят они, — у вас нет даже картошки. А у нас нет колхозов, но на рынке всего много и все можно купить по сходной цене. Советский Союз даже картошку покупает в Польше.

Я не знаю, так ли это. Но если так, то это большой позор для нашей колхозной системы. В чем дело? Что у нас земли хуже, чем польские? Или наши крестьяне-колхозники и рабочие совхозов не умеют выращивать эту культуру? Поляки, имея меньшие площади, экспортируют картофель за границу, в том числе и в Советский Союз. Опять же это вопрос организационный. У нас нет органа, отвечающего за эти вопросы. Все болтают, но ничего не делают. Те, кто занимается снабжением городов продуктами, должны пойти с заказами на определенные сельскохозяйственные культуры в колхозы и совхозы. Их там должны вырастить, сдать или продать в торговую сеть. Именно в торговую организацию, где должны находиться люди, которые занимались бы размещением этого заказа.

Только так можно обеспечить изобилие на прилавках. Но бюрократическая машина работает со скрипом.

Хочу вспомнить не в порядке хвастовства. В тридцатые годы я работал секретарем Московского городского партийного комитета, а потом и секретарем Московского областного комитета, а Бадаев Алексей Егорович был председателем Центрального московского рабочего кооператива. Товарищ Лукашов возглавлял Управление по торговле овощами и фруктами. Не знаю, жив ли он? Он был нездоров уже тогда, а в сталинские времена его арестовали. Правда, в тюрьме держали недолго, но настолько истязали, что он вышел оттуда скелетом. Лукашов был замечательным организатором. Другие города Советского Союза плохо обеспечивались овощами и фруктами, а Москва жила без нужды. Почему? Тогда мы пользовались правом размещать заказы на определенные виды овощей в хозяйствах Московской области и других республик. У нас имелись свои агенты-заказчики. Полтава выращивала морковь, соленые огурцы мы заказывали в Нежине, и так далее. Овощи, даже в то время, мы получали нужного качества и нужного ассортимента. Транспорт работал плохо, но мы все-таки находили возможности и обеспечивали горожан. Перебоев в доставке овощей не было.

Сталин — человек строгий, и даже он отмечал наши успехи. В 1939 году он срочно вызвал меня из Киева и посадил уполномоченным Центрального Комитета по Московской области.

— Не уедете на Украину до тех пор, пока не обеспечите Москву овощами и картофелем в нужном количестве, — сказал он.

Дело было весной, и найти овощи оказалось нелегко. Ведь обычно их заготавливают с осени. Заготовка — сложное дело, нужно сохранить качество овощей. Но все-таки кое-что тогда мне удалось сделать.

Я придаю исключительное значение организационному фактору. При социализме в этом заключается основная деятельность наших органов... В частнокапиталистическом обществе главным двигателем служит прибыль. У нас частной собственности нет, поэтому мы должны заменить прибыль разумной организацией производства, разумным учетом и разумным распределением.

Найдутся люди, считающие все это мелочами. Пусть эти критики попробуют приготовить суп без овощей, без приправы. Получится похлебка, которой раньше питались русские крестьяне. Похлебка — это вода, картошка, соль и больше ничего. Я такую похлебку хорошо помню. Все крестьянство жило на похлебке да на щах. Но мы живем в другое время, имеем другие возможности, поэтому должны обеспечить людей всеми удобствами в жизни.

Старикены могут сказать, что Хрущев предлагает сейчас возродить Государственное управление по колхозам. Это была бюрократическая организация, которая лишала руководителей колхозов и совхозов инициативы. Видите ли, все зависит от точки зрения. Без должного управления, а значит, без учета потребностей и организации производства, мы не сможем обеспечить народ всем необходимым. Бюрократии можно поставить заслон, но для этого надо, чтобы развилась самостоятельность в колхозах и совхозах.

Я считал, что необходим при сельскохозяйственных управлениях какой-то совещательный орган, то есть какой-то совет производителей этих продуктов, рабочих совхозов и колхозников. В это управление, ведающее производством сельскохозяйственных продуктов, должны входить представители колхозов. Тогда оно не только будет им приказывать, но и вместе с ними принимать решения. Управление должно стать проводником запросов города, а производители — колхозы и совхозы должны обеспечить эти запросы. Почему же сейчас недостает всех этих мелочей, без которых жизнь становится не в радость. Как если бы молодых женщин и девушек лишить помады, лишить парикмахерских, лишить производства модных предметов дамского туалета. Жизнь их стала бы очень скучной, и они были бы в плохом настроении, а оно отражалось бы и на производстве, и в быту, и в общественной жизни. Мы стараемся удовлетворить эти запросы, организовываем производство предметов дамского туалета. Сейчас многое изменилось. Другой раз смотришь телевизор (это мое окно в мир), а там такие франты, что, появившись они в первые годы революции, их, я не знаю, чем бы забросали, а уж насмешками — в первую голову. Сейчас время другое, ничего не поделаешь. Это нравится молодежи, а мода — путевка в жизнь для товара.

Главное — удовлетворять вкусы человека. Не случайно во времена гражданской войны, когда высшее начальство спрашивало: «Ну как настроение, красноармейцы?» — отвечали: «Пойдите, спросите повара». Если он варит хороший борщ, то и настроение будет хорошим. О политическом настроении спрашивать было нечего, эти люди пошли в армию добровольцами. А кто попал по мобилизации, то тоже с пониманием шли на выполнение своего долга, воевали за дело рабочего класса против своих классовых врагов. Но к этому требовался еще такой существенный привесок: хорошее питание и добротное обмундирование. Это создает лучшее настроение, поднимает боевой дух.

Так и укроп, сельдерей, редиска, мелкие вещицы влияют на нашу жизнь. Я уж не говорю о помидорах, салате, картофеле. Это то, что нужно хозяйке, это то, что нужно каждому потребителю. Наша страна первой совершила полет в космос. Так можем ли мы вырастить эти сельскохозяйственные продукты, удовлетворить запросы людей? Безусловно можем. Земля наша богата, люди умеют работать. Чего же не хватает? Не хватает организации. Кто за это должен отвечать? Прежде всего государственные органы. Если говорить конкретно о Москве, то Моссовет. За это отвечает прежде всего председатель Моссовета. Они должны дать заказ, а в Мособлисполкоме обеспечить производство сельскохозяйственных продуктов, вырастив эти продукты, завезти их в магазины. Лучшее если бы их развозили, как это делали в старину болгары. Почему у нас автофургоны не могли бы приезжать в квартал и подавать какой-то сигнал. Говорят, во Франции так поступают разносчики, они приходят, сигналият, потребители выходят из квартир и покупают товар. Все это вопрос организации. Здесь можно найти очень много организационных форм. Прежде всего надо думать о человеке. Мы имеем все материальные возможности, не хватает только организации, внимания к потребителю.

Я никак не могу обойти мелочи. Вот еще такая мелочь. Буквально вчера я слышал от людей. Я с ними встретился за пределами ограждений, в которых меня содержат. Рассказывали, как на рынок приехала женщина из Воронежа, привезла мешок редиски. Везла она его каким-то чуть ли не нелегальным способом, и продукт оказался уже не той свежести. Она продавала эту редиску втридорога, люди охотно брали. Почему? А другой-то раз и редиски нигде нет. Что же делают наши организаторы? Что делают государственные органы? Почему они не организовали в совхозах или в колхозах выращивание этой редиски?

Тоже самое можно сказать и о завозе помидоров. Помидоры мы завозим из Болгарии. Болгары — лучшие огородники, но наш потребитель получает невкусные помидоры. Болгары умеют выращивать овощи, а качество помидоров зависит не от сорта, а от времени созревания. Если помидор снять зеленым, а потом его «дозаривать» (не все знают, что такое дозаривание), то этот продукт станет невкусным. Мы имеем большие возможности выращивания овощей, чем болгары. Наши Туркмения, Грузия, Армения, Таджикистан, Узбекистан — районы ранней весны. Сейчас конец мая, а там уже занимаются сбором урожая, косят ячмень. Надо создать там хозяйства, которые производили бы товарный продукт: помидоры, редис, ранние фрукты. Транспортировка будет дорогой, но рано или поздно мы должны прийти на помощь нашему потребителю. Можно часть издержек, а может быть, и полностью взять на государственный счет. Это вполне возможно. В капиталистических странах для поощрения производства сельскохозяйственных продуктов государство выплачивает дотацию производителям. Почему Советский Союз не может этого сделать? Это необходимо, если не сегодня, так завтра.

В сельском хозяйстве техника совершенствуется, обогащает труд колхозников и рабочих совхозов, дает возможность повышать производительность труда. Сорняк теперь не надо выдергивать. Имеются химические средства. Сейчас ученые предупреждают, что химические средства небезопасны: ими обрабатывают продукты питания, эта «химия» попадает в организм и плохо на него влияет. Так что к применению химических средств надо подходить с разбором. Необходимо облегчать труд, но следует учитывать все условия, не заражать продукт вредными химическими веществами. У нас и производитель, и потребитель — люди одного класса, члены одного социалистического общества. Это не капиталистическое общество. Там капиталист-производитель подходит коммерчески, ему лишь бы продать, а там, что случится дальше, не его дело. Лишь бы только не попасть под суд. У нас другой подход. Каждый член нашего общества выполняет свою общественную функцию, свой общественный долг. У нас интересы производителей сельских продуктов и потребителей едины. В таких условиях производительность труда в сельском хозяйстве и в будущем будет расти не столь быстро.

Я не знаю, какие роботы можно создать для производства сельскохозяйственных продуктов. Во всяком случае, здесь больше трудностей, чем в машиностроении. Тут мы имеем дело с живой природой, с живыми организмами. Как говорится, робот роботом, а человеческие руки необходи-

мы для производства такого деликатного продукта. Видимо, придется производителям доплачивать за счет бюджета, чтобы не убить материальной заинтересованности в производстве сельскохозяйственных продуктов; закупочные цены держать на уровне, выгодном для производителей, не изменяя цены в магазинах. Чтобы не нарушать баланса, не снижать жизненный уровень потребителей, государству придется давать дотации.

Сейчас много говорят о цветах. Какой праздник может обойтись без них: государственный, общественный, семейный, личный. Или просто человек хочет украсить свое жилье. Цветы несут и к рождению, и в связи со смертью, и по другим поводам. Только по случаю развода цветов не приобретают. (К сожалению, сейчас браки стали не так прочны.) За цветами человек вынужден идти на рынок. Цветочные магазины имеют ограниченный ассортимент. Спрос потребителей далеко не удовлетворяется. На рынке он платит, конечно, втридорога. Грузины привозят цветы. Грузины привозят мандарины, привозят лавровый лист. Одним словом, «грузин» — это сейчас расхожее нарицательное понятие, сродни слову «спекулянт». Сколько могу, стараюсь разъяснить, что дело не в национальности, а дело в условиях. Не Грузия наживается, а отдельные грузины, которые приспособливаются, ведут спекулятивную торговлю, пользуясь законами рынка: законом спроса и законом предложения. Пока предложение меньше, чем спрос, есть возможность поднять цены.

Роза. Купить розу недешево. Я не знаю цен, но скажу: одна розочка — рубль, а может, она и больше стоит. Я-то сам не покупал, но розы получал в подарок. Когда тебе дарят цветы, неприлично спрашивать, сколько заплачено, но я все-таки спрашивал. Очень дороги не только розы, но и другие цветы. Я не знаю, правильно ли назвать продавцов цветов спекулянтами, хотя, конечно, элемент спекуляции здесь есть: участник пользуется рыночной конъюнктурой.

Ну почему бы нам не организовать выращивание цветов? Это тоже функция Моссовета. Надо создать оранжереи. Тридцать, сорок, пятьдесят лет назад нам было не до цветов, мы думали о том, как согреть жилье человеческое. У нас не хватало дров, не хватало угля, не было нефти. Сейчас у нас нет недостатка в топливе и есть возможность организовать механизированные оранжереи, выращивать в изобилии цветы и продавать их. Цена их должна складываться, исходя из затраченного труда, из себестоимости, без прибавочной стоимости. Пусть они украшают жизнь человека, а государство не наживается. Без прибыли, без отчислений от производства всех видов товаров не будет возможности развивать экономику, но некоторые предметы могут стать исключением. Можно было бы организовать выращивание цветов в той же Грузии, но на государственной основе.

Сейчас не гражданская война, мы живем в другое время. Сейчас нельзя понять недостатки, ни в производстве овощей, ни деликатесов, ни других предметов не первой необходимости. Это относится и к духам, и к пудре, и к цветам. Эти недостатки компрометируют наш социалистический строй, позволяют говорить, что мы слишком упрощаем жизнь человека, не создаем ему тех возможностей, которые имеются

в капиталистическом обществе. Сравнение получается не в нашу пользу, не в пользу социализма, не в пользу коммунизма. Здесь лекциями о превосходстве нашего социалистического общества ничего не докажешь. Здесь лекций и книг недостаточно, необходим конкретный пример. Одни выбирают путь на основе изучения истории и философии, а другие изучают и сравнивают по магазинам в Советском Союзе и в капиталистических странах. Этого игнорировать нельзя.

Можем ли мы сейчас полностью удовлетворять запросы людей? Я считаю, можем! Мы можем выделить на это больше средств, потому что сейчас создали средства защиты нашей Родины такие, каких никогда не было. Поэтому можно было бы не увеличивать расходы по этому ведомству, а выделить больше средств на удовлетворение запросов человека. Создавая вооруженные силы, оснащая их современным оружием, мы затрачиваем большие средства. Это вопрос жизни и смерти нашего общества, нашего социалистического строя, но нельзя, прикрываясь этим, не удовлетворять запросов человека. Они имеют большое значение, украшают жизнь. Человек живет, и он хочет жить и радоваться.

Мы не придерживаемся взглядов Мао Цзэдуна, который не хочет видеть ничего, кроме борьбы и революции. Революцию человек делает не для революции, а для того, чтобы лучше жилось. Мы добились победы уже больше пятидесяти лет тому назад, и наш человек имеет право не только желать, но и удовлетворять свои запросы. Производительность труда позволяет это, надо только разумно расходовать средства и, главное, правильно организовать производство предметов, в которых нуждается человек. Даже если они не первой необходимости, но они украшают жизнь. В том числе и цветы. Без цветов жизнь была бы скучной.

Есть анекдот, как цыган захотел в партию вступить. Ему отвечают, что вступить можно, но есть условия.

— Какие? — поинтересовался цыган.

— Во-первых, надо работать, — отвечают, — во-вторых, надо не воровать. (Воровская слава цыган известна.) В-третьих — не пить.

— Хорошо, — согласился цыган.

— За женщинами, за девушками не ухаживать, — продолжали ему перечислять условия.

— Если всего этого нельзя, так зачем мне тогда жить? — возмутился цыган.

Я не хочу упрощать так, как упрощает цыган. Но вопросы об удовлетворении сполна запросов человека очень важны. Жизнь украшается не хлебом единым.

Вот, собственно, все мои рассуждения. Может быть, еще что вспомню, эта тема очень обширна, она меня всегда волновала. Я хотел, чтобы человек жил при социализме в лучших условиях.

Сейчас я, как говорится, вольный казак, ничем не занимаюсь. Удел пенсионера — доживать свой век. Особенно тяжело тем, кто раньше занимался бурной общественно-политической деятельностью, как это выпало на мою долю. А теперь я сижу на мели. Я не ропщу, таков удел всех людей. Каждый, независимо от занимаемого положения, стареет,

сдает, силы ему отказывают, и он вынужден переходить на пенсию. Я еще в лучшем положении, чем некоторые мои сверстники. Многие постарели, еще раскрывают рот, как рыба, вытасченная из воды, а глаза уже помутнели, язык заплетается и память совершенно сдала. Я не буду указывать пальцем. Поэтому это не стон, это не жалоба. Я имею возможность как-то оглянуться и сравнить, высказать свои соображения о лучшей организации нашего общества.

ДОПОЛНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ: «ДЕЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ» — «НАШИ МАГАЗИНЫ ПУСТЫ»

Хочу сделать некоторые замечания к главам моих воспоминаний о сельском хозяйстве, именно некоторые, потому что я, собственно, об очень многом уже рассказал. Но эта тема, как хороший колодец, неисчерпаема.

Прежде всего для развития животноводства необходимо зерно. Без зерна нет и мяса, особенно такого деликатесного, как куриное и индейка. У нас птицеводство еще очень плохо поставлено, мы ведем его на полупримитивной крестьянской основе, хотя и построены крупные птицеводческие фабрики. За границей занимаются селекцией на научной основе. Комбикорм тоже имеет очень большое значение. Я об этом уже высказывался. Сейчас без науки, без глубоких знаний нельзя вести хозяйство эффективно ни в одной из отраслей сельского хозяйства. Если бы мы находились в состоянии свободной конкуренции, то капиталистический мир по всем отраслям бил бы нас.

Я уже диктовал, что наши селекционеры по зерну, по свекле, по хлопку, по подсолнечнику, по льну и другим техническим культурам достигли хороших результатов, но могу ответить, что тормозило развитие животноводства и птицеводства. Видимо, какие-то организационные формы, потому что научный подход к решению этой проблемы известен. Это секрет фирм, но не секрет для науки. Наука предоставляет равные возможности всем народам мира. Овладение этими «секретами» зависит от уровня культуры и от умения организовать научно-исследовательскую, экспериментальную работу.

Я уже рассказывал об освоении целинных земель. У нас иного выбора не было. Доводы, которые приводил Молотов, основывались больше на призывах повышать интенсивность сельского хозяйства. Требовалось вкладывать в старые районы огромные капиталы, чтобы получить такое же количество зерна, как на целине. Их у нас просто не было.

Взять, к примеру, Смоленскую область: исконно русские земли. Также Московская, Тульская, Орловская, Курская, Рязанская, Калининская. Там пахотных земель очень мало. Если даже поднять их урожайность, все

равно этого добавочного количества зерна не хватило бы на удовлетворение потребностей страны. Понадобились бы не только затраты, но и время. Надо корчевать неудобины, проводить мелиорацию, строить химические заводы и самое трудное — надо обучить людей пользоваться минеральными удобрениями. Должна повыситься культура ведения сельского хозяйства, а это впитывается с молоком матери. Нам же еще матерей предстоит воспитать, обучить. На все нужно время.

Я понимаю, что все это можно ускорить: организовать курсы, лекции. Это можно сделать, но все равно человек должен ощутить потребность вести хозяйство на научной основе. Это так быстро не сделать. Легче увеличить сбор зерна путем освоения новых пахотных земель. Я считаю, что путь был выбран абсолютно правильно. В результате мы решили проблему хлеба, хотя и встретились с трудностями. Они есть всегда. В этом году я не знаю, как сложится урожай. Пока весна тяжелая: нет осадков в Заволжье, и даже в Московской области сушь стоит.

Как огородник, я уже страдаю от недостатка осадков. Я шучу, но для страны засуха — не шутка.

Какие возможности открыла целина! Надо просто знать о состоянии зернового хозяйства в те годы, о нашей нехватке зерна. Теперь Казахстан по сбору зерна вышел на второе место после Российской Федерации. И Российская Федерация стала совсем другой. Раньше ее сельское хозяйство находилось на очень низком уровне. За счет распахши целинных земель республика резко увеличила сбор зерна, и особенно товарного зерна. Я сейчас не касаюсь урожайности. Конечно, без биологической урожайности не получить амбарного урожая. К сожалению, Сталин жульничал, надувал крестьян и обманывал общественность, манипулируя термином «биологическая урожайность». Если строго по-научному ввести определение биологической урожайности, то это принесет пользу, послужит прогнозом. Я уже говорил, как Сталин, заботясь только о себе, произвольно менял цифры, подтасовывал их.

Сейчас целина уже стала другой. Другая, более совершенная техника, другие кадры, другие условия жизни, и я радуюсь этому. Выросла культура людей и культура обслуживания, появились больницы и детские учреждения, построили колхозные и совхозные клубы. А тогда мы экономили, даже не экономили, а просто зажимали средства. Некоторые могут сказать, что Хрущев недооценивал быт. Нет. Я думал об этом, но прежде требовалось накормить людей, а потом уже изыскивать средства на строительство учреждений, необходимых для культурной жизни человека. Клубы, народные дома и другие учреждения — необходимы. Там человек проводит свободное время с пользой для советского социалистического общества.

Я очень уважал Вильямса, преклонялся перед ним. Сколько я произнес в его адрес хвалебных речей!.. Я и лично был с ним знаком. Из академиков он, наверное, одним из первых стал коммунистом. Для меня он был не только близким человеком, но он был НАШ, наш советский уче-

ный. К сожалению, теория его оказалась несостоятельной. Вильямс делал умозаключения на основе своих научных рассуждений. Тогда брали Вильямса, а не Прянишникова. Я сейчас не хочу выступать судьей. Это специальный предмет, и он требует более глубокого анализа. Видимо, теорию Вильямса можно применять, но не во всех зонах нашего огромного Советского Союза. А у нас как? Если один крикнул «ура!», то другие тоже горланят. Вот мы и горланили: «Теория Вильямса! Травопольная система!» Ее ввели во многих районах, краях, областях и республиках, а она не дала должного эффекта. Мы имели большие потери. Несмотря на то, что я долго восхвалял теорию Вильямса, я же взял на себя и ответственность отказа от нее. Жизнь требовала пересмотра ошибочных решений. Я должен оговориться, для некоторых районов травопольная система, может быть, и подходит.

Из архивов мы извлекли документы умершего к тому времени академика Прянишникова, замечательного человека. При жизни он не получил должного признания. Он в какой-то степени был антиподом Вильямса. Бесспорно, академик Прянишников оказался ближе к истине. Он призывал к использованию удобрений. Мы подвергли критике теорию Вильямса и сориентировались на Прянишникова. Он предлагал более реальные, конкретные методы увеличения урожая. Тут и навоз, и трава, и люцерна, и клевер, но в основе всего лежали минеральные удобрения. Без них дальше двигаться, оказалось, невозможно. Что такое навоз? Навоз — это те же минеральные удобрения: растение питается не навозом, а содержащимися в нем веществами, доступными для корневой системы. Химия может дать эти вещества в чистом виде, может быть, на первых порах не самого лучшего качества.

Не так давно я встречался с отдыхающими из соседнего дома отдыха. Я услышал от них такую обывательскую точку зрения: «Минеральные удобрения хуже навоза. От них в овощах появляются какие-то запахи». Эта точка зрения никуда не годится. Что такое навоз? Это дерьмо человеческое или дерьмо животных. Но, когда вы кушаете редиску или капусту, едите щи, вы же не ощущаете запаха, знакомого нам от рождения.

Жвачные животные, прежде всего крупный рогатый скот, являются главным потребителем силоса. Если бы мы как следует не взялись за силосные культуры, то не имели бы мяса. Я говорю, «как следует», потому что силосом занимались и раньше. Но силос силосу рознь. Когда едешь по полям и видишь, как они засорены, становится ясно, что силоса будет мало. В частности, я как-то ехал по Николаевской области. Секретарем обкома там был Кириленко. Когда он меня встретил, я его спросил:

— Почему у вас так засорены посевы кукурузы?

— Это, — отвечает он, — товарищ Хрущев, кукуруза на силос.

У нас сложилось понятие, что на силос может пойти все. Действительно, на силос могут пойти и сорняки, но без обработки кукурузы нельзя получить ее высоких урожаев. Этого мы тогда как следует не понимали. И не только Кириленко, но и агрономы. Только много позже кукурузу

на силос стали обрабатывать так же, как и зерновую. Став заниматься силосом, мы сразу сделали огромный скачок в продуктивности молочного животноводства. На Украине в среднем удой на корову составлял тысячу двести литров. Мы с завистью читали, что в Голландии и других западных странах получают по две с половиной, а то и три тысячи. Мы думали, что у них какие-то особые коровы. Мы тогда и не предполагали, что наша простая буренушка, если ее досыта кормить, даст такое же количество молока. Правда, качество молока зависит и от породы, и от науки, и от селекции. Для того чтобы получать не только высокие удои, но и высокое содержание жира в молоке, а это главное, требуется выведение особых пород. Молоко с низким содержанием жира — это жиденькая водица. Она приятна на вкус, но менее полезна, чем молоко с высоким процентом жира. И тут нет единообразия. За границей иногда искусственно снижают процент жира, обезжиривают молоко.

Силос играет огромную роль в животноводстве, но, к сожалению, кукуруза сейчас как «королева полей» не занимает должного места. Когда я был в руководстве, гуляло такое выражение: «королева полей». Я считаю, что эта культура заслуживает столь почтительного названия. Решить проблему животноводства только селекцией невозможно. Не менее важен вопрос кормления. И здесь, я считаю, нет эффективнее культуры, чем кукуруза. Не надо от кукурузы уходить. В тех районах, где она, как говорится, не пошла, не дает урожаев по каким-то причинам, людей надо обучать, буквально натаскивать. Я знаю, в одном и том же районе у одного колхоза кукуруза дает высокие урожаи, а у другого — нет. Почему? Потому что там люди не знают этой культуры и не делают всего необходимого, чтобы она давала хороший урожай. Надо подготовить почву, удобрить ее, подобрать семена, своевременно посеять, не загущать посевы. Загущенный посев не дает эффекта. Надо вовремя обработать, окучить. Кукурузу теперь можно обрабатывать механизированным способом, как говорится, забросить тяпку. Через эту культуру — самый короткий путь к изобилию продуктов животноводства: говядины и молока.

Я думаю, что когда-нибудь и народ, и руководители правильно оценят достоинства этой культуры. Я не отрицаю и других кормовых культур, в том числе овес, вику, горох, который особенно необходим в качестве белковых добавок. В силосную кукурузную массу надо вносить добавки, которые способствуют лучшему усвоению корма организмом животных. В конце моей деятельности ученые разработали рекомендации по химическим добавкам.

Молодой председатель колхоза Винницкой области по фамилии Кавун показал, как можно вернуть на колхозные поля горох. Он очень полезен и для людей, и для скормливания скоту. Это нужная белковая культура, но мы ее не умели убирать. Сложилось понятие, что горох можно косить только вручную, только косой. Его нельзя косить, как стебельные культуры: овес, ячмень, пшеницу, рожь. Кавун изобрел свой принцип уборки, и наши конструкторы создали уборочные машины для гороха. Машины оказались несложные.

Кавун так же показал, что из года в год можно получать хорошие урожаи гречки. Это замечательная культура, можно сказать, северный рис. Может быть, это привычка, но я предпочитаю гречневую кашу рисовой. По-моему, она вкуснее, приятнее и, видимо, полезнее.

К сожалению, пока Кавун является монополистом. Несмотря на пропаганду, его методом колхозы и совхозы овладели плохо, урожайность гречихи низкая, поэтому и сейчас она является продуктом дефицитным.

Кажется, в «Правде» или в «Известиях» я читал статью о юбилее товарища Лукьяненко. Подписали ее Келдыш, Мацкевич и Лобанов. С удовольствием прочел перечисление известных мне достоинств этого замечательного селекционера. Некоторые работы он сделал после моего ухода, когда я был уже на пенсии. Шесть лет уже прошло. В своей научной деятельности он неутомим и очень плодovit. Он создал замечательную пшеницу «Безостая-1». Я присоединяюсь ко всем честным людям, которые приветствуют такого замечательного ученого, такого замечательного селекционера, как товарищ Лукьяненко. Не хочу принижать его роль, но советская земля богата хорошими учеными, селекционерами, давшими для своих зон замечательные сорта. «Безостая-1» имела очень ограниченную площадь — Краснодарский край, где можно было ее применять. Она не зимостойкая и требовала особых условий. Уже в Ростовской области она не давала нужного эффекта. Из газетной статьи видно, что Лукьяненко создал новый сорт, который позволяет расширить посевную зону выведенной им пшеницы. Он использовал сорт, созданный селекционером Ремесло, скрестил его со своим и получил новый, более зимостойкий сорт. Не хочу на этом задерживаться, сведения, которые дает статья, невелики.

Еще о силосной кукурузе. У себя на даче я как-то посадил кукурузу американского сорта «Стерлинг». Она выросла и дала очень хорошие початки. Тогда я пригласил министра Бенедиктова и Козлова, заведующего сельхозотделом ЦК. Он деятельный человек, я его уважал и ценил, но не во всем был с ним согласен. Мы вышли на огород посмотреть кукурузу.

Он поднял голову к небу — такая она была высокая, и я увидел, как его это тронуло.

— Это же силос! Это же замечательный силос! — проговорил он.

Сам зоотехник, он тут же пересчитал, сколько можно получить с гектара говядины, молока или же сливочного масла. Его восторг послужил для меня толчком, и я поставил вопрос о посеве кукурузы, правда, пока нешироко. Я предложил посеять кукурузу в Усово, в колхозе рядом с дачей. Колхоз был слабенький, бедный, разнесчастный. На трудодни ничего не давал, держался на честном слове. Я посеял буквально грядки кукурузы. И кукуруза выросла, и выросла замечательной. На следующий год я попросил правление колхоза посеять кукурузу около животноводческой фермы, у дороги. Наверно, полтора или два гектара, кукуруза снова выросла отменной. Я помню, мы приехали с членами Президиума ЦК во время какого-то пленума, председатель колхоза эффектно продемонстрировал рост этой кукурузы. Он въехал в кукурузу верхом на коне, и мы его вновь увидели, только когда он выехал на дорогу. Вот такая была кукуруза!

На кукурузе, по моей рекомендации и с моим участием, этот колхоз стал передовым. Он избавился от кредитов, стал рентабельным, люди получали высокую оплату, некоторые стали возвращаться из города. Как-то я зашел на ферму и увидел новенькую. Я спросил старшую доярку Сидорову: — Что это за новенькая у вас?

Она отвечает:

— Вернулась с фабрики и теперь работает дояркой. Зарабатывает значительно больше, чем на фабрике.

Вот что сделала кукуруза. Я стал рекомендовать и другим хозяйствам заняться кукурузой. К сожалению, в советских условиях рекомендации человека, занимавшего высокий пост, порой приводят к обратным результатам. Во многих районах я имел такой эффект, в том числе и в Московской области. Агитируя за кукурузу, я честно и искренне верил в эту культуру, верю и сейчас. Некоторые руководители в какой-то степени хотели угодить, если грубо говорить, подхалимничали. Они расширяли посевы, не подготавливая людей, не подготавливая почву, не создавая условия для получения должного урожая. Тем самым они дискредитировали кукурузу, и прежде всего меня, как человека, который искренне рекомендовал и верил в эту культуру. Верю в правильность своих рекомендаций и сейчас.

— Лучше сократите посевы, — много раз я говорил товарищу Конотопу. — В некоторых колхозах и совхозах плохой посев кукурузы ее только дискредитирует. Такому колхозу лучше сеять овес или викоовсяную смесь. Викоовсяная смесь — культура, тоже требующая знаний и должной обработки, однако она легче и более привычна крестьянам Московской области.

Я помню, пришел как-то ко мне маршал Гречко и сказал, что его брат работает в совхозе Харьковской области и жалуется на то, что очень много заставляют сеять кукурузы. Я тогда позвонил товарищу Подгорному.

— Зачем эти излишества? — спросил я.

— А чем кормить скот? — ответил он мне вопросом на вопрос. Он стал доказывать свою правоту. Я считаю, что брат Гречки был прав. В Харьковской области целесообразнее выращивать пшеницу.

Когда появились пшеничные сорта, дающие урожай по сорок — пятьдесят центнеров, то, конечно, стало выгоднее сеять на зерно пшеницу, а не кукурузу. Пшеница по своим продовольственным качествам выше, чем кукурузное зерно. Урожай кукурузы — в основном двадцать пять центнеров. Можно, конечно, получить и пятьдесят, и семьдесят центнеров. Получали такие урожаи на Украине. Тем не менее, будучи директором совхоза или председателем колхоза, я предпочел бы пшеницу. Обработки меньше, меньше забот, меньше хлопот, а получишь по весу такой же урожай, но с более высокими хлебопекарными и мукомольными качествами. Конечно, при избытке у государства зерна и его можно пускать на комбикорм, но и тут пшеница выигрывает. Все должно быть в меру, как говорится, к месту и ко времени. Надо взвесить, подсчитать, какой культуре, в какое время, в каком месте дать предпочтение, но никакая культура, выращиваемая на силос, не может заменить и дать такого экономического эффекта, как кукуруза.

Я так привязался, сросся с земледелием, что и сейчас, находясь на пенсии, читая газеты, журналы или слушая радио, искренне радуюсь, когда люди получают высокий урожай, и огорчаюсь, когда этих урожаев не получается.

Я уже упоминал, что мы, в сравнении с Голландией, по картофелю занимаем просто позорное место. Условия для выращивания картофеля у нас очень хорошие, а качество семян и заготовки — плохие. Мы занимаем большие площади, и картошку могли бы потребителю давать первого сорта. Мелкую картошку можно отдать на крахмал или на откорм свиней, а людям дать отборные клубни. К тому же картофель нужно продавать мытый, как это делают за границей. Одним словом, качество заготовки, переработки и подготовки картофельного полуфабриката у нас низкое.

Хрустящий картофель я впервые попробовал в самолете президента США, перелетая из одного района Америки в другой. Передо мной на столике стояла тарелочка с этим хрустящим картофелем. Это же деликатес! Возьмем бытовую культуру украинца. Он без семечек не может. А американцы не могут без хрустящего картофеля или кукурузных хлопьев. А приготавливают кукурузные хлопья американцы замечательно.

Я хочу сказать несколько слов о производстве хлопка. Одно время мы считали, что химическое волокно заменит хлопок, но потом все-таки вынуждены были признать свою ошибку. Химия не может заменить хлопок. Качество синтетического волокна не может конкурировать с хлопком. Правда, мне еще тогда докладывали, что японские ученые создали искусственное волокно, которое по своим качествам не отличается от хлопка. Ткани из этого волокна я не видел. Видимо, когда-то ученые создадут такую ткань, потому что химия имеет неограниченные возможности. Наши ученые буквально, как чародеи, создают для человека нужные материалы нужного качества.

А пока приняли решение осваивать Голодную степь. Через нее провели Каракумский канал. Мы получили возможность расширения площадей для посевов хлопка. Я считаю, мы выстроили очень правильную организационную структуру. На землях Голодной степи мы отказались от создания колхозов, а организовали совхозы. Там были бросовые земли, и переселять туда крестьян, создавать колхозы было экономически невыгодно и организационно сложно. Мы решили строить поселки городского типа со всеми удобствами: школами, детскими садами, больницами, клубами. Одним словом, для людей сделали все, что было возможно, исходя из наших материальных возможностей.

Хлопок у нас пошел хорошо.

Я добрым словом вспоминаю господина де Голля, свои встречи и беседы с ним, которые я имел, когда был его гостем. Тогда я был в какой-то степени «отравлен» недоверием. Оно основывалось на наших разных классовых позициях. В вопросах общечеловеческого характера, в вопросах войны и мира я, видимо, должен был бы относиться к нему с боль-

шим доверием. Он искренне хотел наладить с нами более тесные контакты. Мы шли на них, но осторожно. Наша осторожность вытекала из предыстории второй мировой войны.

Во время моего пребывания во Франции де Голль посоветовал мне побывать в одном из районов и посмотреть интересное сельскохозяйственное приспособление.

— Возможно, вы там увидите что-то интересное для себя.

Мы прилетели в этот район. Нам показали насосную станцию и оригинальный способ полива, правда, на не особенно большой площади. Очень оригинальный полив: вода шла по железобетонным лоткам. У нас же в Средней Азии для полива хлопковых полей применяются арыки и большие распределительные каналы. Французское приспособление мне очень понравилось — просто и мудро. На нивелировку почвы требуется меньше затрат, меньше засоряется земля, лучше сохраняется вода, идущая непосредственно на полив растений, одним словом, колоссальные выгоды.

Нивелировка связана с высотой опор. На почве ее делать трудно. Требуется собрать землю, поднять ее на определенную высоту, чтобы воду пускать самотеком. Не знаю, кому принадлежала идея лотков, но я воздаю должное де Голлю, система оказалась очень эффективной.

Вернувшись домой, я предложил и нам перейти на лотковую систему. Думаю, что она и сейчас работает. Вернуться к старой системе было бы просто неразумно.

Я еще хотел бы сказать пару слов о хлопке. Я никогда хлопком не только не занимался, но и не видел, как он растет. В первый раз, когда я приехал в Узбекистан, республикой руководил Юсупов. Сам из рабочих, умнейший человек, но с характером и не свободный от ошибочных взглядов. У него имелась своя точка зрения на возделывание хлопка. Узбекистан тогда был главным поставщиком хлопка. Я думаю, что и сейчас он занимает первое место среди республик, возделывающих хлопок.

Когда я приехал в Узбекистан, там господствовал кетмень. Конечно, высев был механизирован, а обработка велась кетменем, а сбор — в фартук или в мешок, который висел на шее у женщины. Это был исключительно женский труд. Труд тяжелый. Кетмень очень тяжел. Мне потом говорили, что работа кетменем отражается на здоровье женщин, влияет на деторождение. Возник вопрос о полной механизации возделывания хлопка. Высевать его решили квадратно-гнездовым способом, чтобы облегчить обработку и уборку.

У Юсупова в характере осталось очень много от прошлого, он как мусульманин смотрел на женщину, как на рабыню, хлопкоуборочные машины не признавал.

Я поставил вопрос о выращивании хлопка квадратно-гнездовым способом. Тогда я увлекался посевом пропашных культур квадратно-гнездовым способом, в первую очередь картофеля и кукурузы.

Хлопок начали сеять квадратом, кажется, сорок пять на сорок пять. С обработкой поначалу возникли трудности, тем не менее получили вы-

сокий урожай. Мы пропагандировали этот способ, но жизнь показала, что можно и без квадрата механизировать обработку хлопка. Одним словом, мы тогда поставили себе цель: вырвать из женских рук кетмень и выбросить его, добиться, чтобы всю работу делала машина. И мы добились. Потом резко поставили вопрос о хлопкоуборочных машинах. Наши конструкторы сначала создали двухрядные, а потом четырехрядные машины. Я несколько раз выезжал в Узбекистан, знакомился с научными учреждениями, с конструкторами на полях во время опробования машин. Я считал, что машина дает хорошие результаты. Это была борьба не только за хлопок, но и за культуру труда, за облегчение труда женщины на хлопковых полях. Случались ошибки, а если точнее, то не ошибки, а искания. Для нас хлопок — культура новая, и мы искали новые методы его механизированной обработки. Девушки Узбекистана сели за руль трактора и хлопкоуборочной машины. Это была борьба за облегчение труда женщины на такой трудоемкой работе, как хлопок.

Хочу вернуться еще раз к внедрению квадратно-гнездового метода сева. Такая мысль возникла у одного из проверяющих, приехавшего на Украину. Он поделился со мной. Я привлек агрономов, инженеров, и стали приспособлять сеялки, с тем чтобы высевать семена строго по квадрату в специальные гнезда. А побудила нас к этому плохая и несвоевременная обработка пропашных культур. От этого зависел урожай. Это происходило в конце моей деятельности на Украине. Когда я перешел в Москву, то через какое-то время и здесь возобновили эту работу. Мне подыскивали двух инженеров на заводе в Люберцах, и они начали конструировать сеялку. Если на Украине мы занимались кукурузой и картофелем, то здесь основным стал картофель.

Потери урожая картофеля под Москвой — это большая проблема. Основная причина в несвоевременной обработке, а другой раз вообще картофельные поля не обрабатывали, не окучивали. Картофель любит окучивание, двукратное за сезон. Это минимум, иначе не получить хорошего урожая. Я видел возможность решить проблему только в механизации этого процесса, и надо сказать трудоемкого. Окучивание трактором делали только в одном направлении, вдоль рядка. Инженеры приспособили имевшуюся машину к нашим требованиям. Потом мы узнали, что такая машина уже создана в Америке. Там ею пользовались при обработке кукурузы, она обеспечивала квадратно-гнездовой сев. Наша машина тоже работала хорошо. Эксперименты проводились в одном колхозе Раменского района. Председатель колхоза оказался очень понимающим человеком, подобрал двух хороших звеньевых. Тогда для выращивания пропашных культур создавались звенья. Один из них уже немолодой человек, член партии с 1917 года. Он мне нравился своей рассудительностью, умом. Провели посев картофеля, получили всходы, и они показали идеальный квадрат. Тогда я пригласил министра земледелия товарища Бенедиктова выехать в поле. С нами поехал и Козлов, заведующий отделом сельского хозяйства ЦК. Я к тому времени в колхозе стал уже своим человеком, несколько раз в неделю выезжал туда. Приехавших спросил:

— Как вы думаете, в каком направлении проводились посевы картофеля?

Я был очень доволен тем, что они не смогли определить: и в продольном, и в поперечном направлении поле было одинаково ровным, как будто разграфлено линейкой.

На этих полях тогда получили удвоенный урожай. Он сразу окрылил сторонников нового метода. Стали приспособливать эти машины для кукурузы. Картофель и кукуруза высеваются по-разному, но размер квадрата один и тот же, семьдесят на семьдесят сантиметров между растениями. Кукуруза хорошо росла при таком размере квадрата. Она хорошо освещалась и хорошо проветривалась. Высокостебельное растение не терпит загущенного посева. В том же Раменском районе получили прекрасный урожай силосной массы кукурузы. Поле привлекало внимание не только специалистов сельского хозяйства, но и просто проезжающих по дороге людей. Они останавливались около кукурузы и рассматривали это диво. Кукуруза в то время в таких масштабах в Московской области не сеялась. Правда, на огородах она встречается давно.

Конструкторы сельскохозяйственных машин всерьез взялись за работу, копируя американские машины. Там эту конструкцию давно отработали. Печать стала широко пропагандировать посев квадратно-гнездовым способом кукурузы и картофеля. Потом, в порядке эксперимента, мы решили испытать квадратно-гнездовой метод на посеве хлопка. Этим способом пробовали сеять даже сахарную свеклу. Там, где были хорошо проведены сев и обработка посевов в двух направлениях, получали урожай больше обычного, правда, густота растений резко сократилась. При обычном способе ширина междурядья у свеклы 44,5 сантиметров, а в рядке расстояние между растениями до двадцати сантиметров. Хорошим считалось то хозяйство, где убиралось от девяносто до ста тысяч корней, а очень хорошим, где собирали не менее ста десяти тысяч корней с гектара.

При квадратно-гнездовом способе мы не могли получить столько, так как трактор не мог пройти в поперечном направлении посева. Получали не больше пятидесяти пяти тысяч корней. В результате своевременной обработки корни получались более тяжеловесными, и в сумме вес собранных корней не только не уступал, но и превосходил урожай, получаемый традиционными методами. Квадратно-гнездовой способ превзошел все ожидания. Но, по-моему, дальше экспериментов мы не пошли.

Американцы шли таким же путем. Они перешли на квадратно-гнездовой способ возделывания кукурузы и хлопка, но потом отказались от него. При выращивании хлопка американцы делали междурядья шириной около метра, с тем чтобы легко проходила машина. Отказавшись от квадратно-гнездового способа, они перешли на борьбу с сорняками с помощью гербицидов. У нас о гербицидах тогда совсем не знали, поэтому нам приходилось бороться с сорняками только прополкой и окучиванием, а там окучивание проводили в продольном направлении. В рядке уничтожали сорняки гербицидами. Кроме того, если поля не засорены, тогда не требовалось поперечной обработки трактором. Хо-

рошие хозяйства получали высокие урожаи и без квадратно-гнездового способа обработки.

Светличный из Краснодарского научно-исследовательского института показал необыкновенные результаты. Он сеял свеклу и кукурузу машинным способом и обрабатывал без применения ручного труда. Он получал урожай сахарной свеклы (правда, в Краснодарском крае для нее самые благоприятные климатические и почвенные условия), около трехсот центнеров с гектара и не меньше двухсот пятидесяти. Он добился самой малой затраты ручного труда на гектар и получал самую дешевую сахарную свеклу. Просто чудо! Хороший пример подавал товарищ Гиталов. Потом у них появилось немало последователей во всех республиках и областях. Помню, в Орловской области мне показали кукурузу, выращенную молодым парнем, только что вернувшимся из армии. Он получал что-то около тысячи центнеров зеленой массы кукурузы с гектара с початками молочно-восковой спелости. Я просто любовался. Я видел в этих высоких урожаях предпосылки получения в изобилии молока, говядины, сливочного масла.

Потом у нас стало ослабевать внимание к квадрату, но на общем фоне подъема культуры обработки пропашных культур и при двух или трех пропашках в продольном направлении получали хороший урожай. Постепенно хозяйства стали отказываться от квадрата, от лишних затрат.

Сейчас в газетах я не встречаю ничего интересного с точки зрения разработки новых методов обработки полей. Только общая пропаганда. Например, вчера я слушал радио. По «Маяку» передавали о том, что в Белоруссии, в Гомельской области, создается крупный совхоз на осушенных землях. Сообщили, что там строятся дома, больницы, клуб, одним словом, действительно создаются условия, которые радуют. Но одного я не услышал: какие там земли, какая ожидается урожайность, какова себестоимость продукции?

Мы должны брать пример с капиталистического хозяйства в части оценки продуктивности вложенного труда. Там на первом плане выработка на одного рабочего, себестоимость продукции. Это главное, а у нас о них ни звука. Ленин в свое время внедрял в сознание советского народа, что у капиталистов надо учиться торговать, учиться организации производства, что надо использовать все лучшее, накопленное в капиталистическом мире. Я считаю, что эти ленинские рекомендации и сейчас не устарели. Социализм, конечно, имеет свои преимущества, он показал эти преимущества, но, к сожалению, выработка на работающего у нас ниже, чем в капиталистических странах. Считается, и правильно считается, что капиталисты «выжимают соки» из рабочего человека, чем и добиваются высокой выработки. В социалистических условиях «выжимать соки» не надо, но нельзя допускать и простоев ни человека, ни машин. Лучше по мере увеличения выработки идти по линии сокращения продолжительности рабочего дня. Если пришел работать, то надо, чтобы машина не стояла, время не тратилось зря, особенно в сельском хозяйстве.

К сожалению, сейчас довольно примитивно по радио ведется пропаганда достижений в сельскохозяйственном производстве. Пример — вчерашняя передача. Я был огорчен и подумал: мелют чепуху, а главного не говорят. Главное — это количество, качество и себестоимость продукции, которую собираются получать в том совхозе. В сельском хозяйстве у нас занято очень много народа, выработка очень низкая, особенно в сравнении с западными капиталистическими странами и с Соединенными Штатами. А мы не должны им уступать. Сейчас мы имеем все: технические средства, машины, если чего и не имеем, так можем сделать или купить.

Главное условие победы социализма — увеличение производительности труда. Победить в соревновании двух систем можно не силой, а только большей производительностью труда, большей выработкой на одного работающего. Чтобы жить лучше, чем живут люди в условиях капитализма, надо вырабатывать на работающего не меньше, а больше. Та страна, которая больше вырабатывает, получает возможность больше давать своим гражданам. Нельзя дать больше, чем вырабатывается. Чтобы создать лучшие условия жизни, более высокий уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, надо обеспечить лучшее использование машин, техники, науки. Только так мы сможем обеспечить продвижение вперед. Поначалу, работая в Москве, я увлекался городским хозяйством и промышленностью. Не хвастаясь, скажу, что сумел разобраться в вопросах, умел слушать инженеров и квалифицированных и опытных рабочих. Умел слушать ученых. Мне казалось, я понимал перспективы, правильно оценивал наши возможности. Я старался привлекать новаторов, инженеров, конструкторов и ученых, с тем чтобы обновлять все виды производства и двигать экономику вперед.

Сколько я встречал талантливых людей: ученых, инженеров, агрономов, животноводов, зоотехников, рабочих совхозов. К сожалению, встречались и «тяжелые» люди. Но без этого нельзя, мир богат своим разнообразием. Человеческий мир разнообразен и в развитии, и в понимании, и в культуре. Я говорю не о той культуре, которую приобретает человек в институте и учебном заведении, а об общей культуре. Она важнее потому, что является достоянием более широкого круга людей. В зависимости от общей культуры наш народ будет набирать темпы в своем развитии и продвигаться вперед.

На этом я хочу закончить диктовать свои воспоминания о развитии сельского хозяйства. Никак не могу остановиться. Настолько в свое время я был поглощен этой интересной и полезной работой. Сейчас мне уже 77 лет, когда-то в молодости этот возраст казался не только предельным, а невозможным. Моя судьба так сложилась, что седьмой год я нахожусь на пенсии. Влачу существование пенсионера. Я обречен морально страдать об утраченной возможности с пользой трудиться. Труд в награду дает наслаждение. Человек может по-настоящему радоваться только результатам своего труда.

Видимо, все-таки надо кончать, сегодня я слишком долго работал.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗ҃ЙСТВО: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

(ВАРИАНТ ВТОРОЙ — К ГЛАВАМ:
«ДЕЛА СЕЛЬСКОХОЗ҃ЙСТВЕННЫЕ» —
«НАШИ МАГАЗИНЫ ПУСТЫ»)

КОРОТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Несколько слов о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство в нашей стране после революции всегда было делом трудным. Из-за малости хозяйств, мелкотоварности трудно поддавалось управлению. Не было техники, только соха, правда, она встречалась уже редко, и плужок. Одноконный плужок был рассчитан на слабую крестьянскую лошадь. Плуг, позволяющий пахать глубоко, крестьянская лошадь не потянула бы. Как правило, крестьянин пахал землю плужком в упряжке одной лошадей, то есть в одну лошадиную силу. Минеральных удобрений совсем не было, даже понятия о них не имели. Потом, когда советская власть стала укрепляться, возникли вопросы овладения сельским хозяйством и подчинения его партийному руководству. Со стороны партии появилась возможность влиять на сельскохозяйственное производство, но орудия труда остались те же самые: тот же плуг, та же соха и та же обесиленная лошадь.

Сельское хозяйство не удовлетворяло запросов страны. Могут возразить: «Позвольте, всего хватало! На рынке мяса было сколько угодно». Я тоже это могу подтвердить. Когда я работал в Донбассе, продукты сельского хозяйства продавались очень дешево, и их было сколько угодно. В Донбассе этим занимались болгары. Они приезжали из Болгарии, арендовали землю и возделывали овощи: помидоры, баклажаны, огурцы, капусту и всякую мелочь, которой сдобривают стол. Болгары — замечательные овощеводы, но свое хозяйство они вели на капиталистической основе, используя в качестве наемной рабочей силы, главным образом украинских девушек. Во всяком случае, их продукция обходилась очень дешево, например, мясо стоило 15 копеек фунт.

Для работающих эти цены были вполне доступны, а продукты, и особенно овощи, полностью удовлетворяли запросы населения.

После гражданской войны, кажется, на X съезде партии, Лениным было проведено решение о новой экономической политике. В начале 1922 года я из армии вернулся в Донбасс и по партийной мобилизации выезжал в село на проведение посевной кампании. Я ездил в Марьинские села, раньше там жили богато, а в голодное время, после 1921 года, люди умирали, были даже случаи людоедства. Вся наша работа заключалась в том, чтобы мы собирали крестьян и призывали их сеять хорошо и вовремя, а еще лучше провести сверххранний сев. То, что мы говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно примитивной, как и речи других товарищей. Я никогда по-настоящему не занимался сель-

ским хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у своего дедушки в Курской губернии. Сельское хозяйство в Донбассе очень многим отличается от средней полосы. Здесь оно было на высоком уровне, и крестьяне были более обеспечены. На Украине пахали, главным образом, парой коней, а другой раз, кто побогаче, даже запрягали в плуг пару волов. А самые богатые — две пары волов. Так же поступали и помещики в Курской губернии. Они получали высокие урожаи пшеницы и сахарной свеклы.

На моей родине, главным образом, производились пшеница на продажу и овес для соседнего конного завода. Там был прекрасный конный завод. Хозяйство велось на очень высоком уровне, хотя тракторов у помещиков в то время не было. Пахали глубоко, навоза вносили много. Видимо, у них был селекционный семенной материал, хороший, отборный, поэтому урожаи получали по тому времени для крестьянина совершенно немыслимый: по тридцать — тридцать пять центнеров пшеницы и до трехсот тридцати центнеров с лишним сахарной свеклы. Я мальчишкой слышал, как крестьяне вздыхали от зависти: они получают не больше сорока пяти пудов, а помещики убирают почти в четыре раза больше! Когда я работал председателем Совета Министров, то посылал к бывшему приказчику помещика своего помощника узнать, какие же тогда собирали урожаи. Поэтому-то я и знаю.

После введения новой экономической политики сельское хозяйство поднималось, как на дрожжах. Это действительно было просто чудо. В 1922 году я пошел учиться на рабфак, учился три года. Секретарем уездного комитета у нас был Завенягин. Когда я кончал рабфак, то секретарем (тогда от уездов перешли к округам) уже стал Моисеенко. Потом он был арестован и расстрелян. Он был способным человеком, хотя у меня с ним работа не клеилась. Окружной комитет подтвердил тогда свое согласие на мой уход. При НЭПе появилось много соблазнов. Она оказывала разлагающее влияние на партийных и хозяйственных работников. Соприкасаясь с нэпманами, некоторые руководители опускались, несмотря на то, что тогда были большие строгости. Моисеенко тоже проявил слабость и за нее был наказан: его перевели на более низкую работу.

После окончания рабфака мне не дали возможности поступить в высшее учебное заведение. Я хотел учиться, получить специальность, поэтому, имея склонность к инженерным вопросам, мечтал поступить на факультет машиностроения. Как слесарь, я любил свою профессию, любил машины, но мне сказали:

— Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное.

Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Марьинском районе. Там были рудники, назывались они именем Григория Ивановича Петровского. В селе Марьинка в начале весенней кампании 1922 года я проводил собрания и видел в каком состоянии были тогда крестьяне. Они буквально шатались от ветра, не приходили, а приползали на собрания. Когда же я приехал туда секретарем райкома, их было трудно узнать. Просто чудо, как поднялись люди! Зажиточным людям дали возможность применять наемную рабочую силу. Кулаки этим воспользовались, они

получили в аренду сельскохозяйственные предприятия, мельницы. Одним словом, была предоставлена довольно широкая инициатива экономического порядка, и сельское хозяйство очень быстро восстановилось, оно полностью обеспечивало все потребности рынка. Главная наша задача теперь заключалась в соревновании с частником. Надо было обеспечить Марьинский кооператив продуктами и добиться, чтобы он лучше обслуживал население, больше продавал.

В то время председателем рабочего кооператива был Косинский Ваня, замечательный товарищ. Мы его называли «партизан». Я всегда его теребил. Как только приходил к нему, он встречал меня словами:

— Опять пришел ругаться?

Я шел к нему через базар и видел, как частник торгует мясом и чем торгуют на наших лотках. Частник нас всегда прижимал. Он торговал лучше: лучше разделявал мясо, более привлекательно, а цена была единая, 15 копеек за фунт, та же, которая в этом районе была до войны. Частник другой раз маневрировал — продавал по четырнадцать копеек или по четырнадцать с половиной копейки. Вот, собственно, с чего мы начинали.

Потом в Донбассе я заведовал партотделом Окружного комитета партии и по долгу своей работы занимался вопросами сельского хозяйства округа, как затем в ЦК Украины в Харькове, а позже в Киеве. Я видел крестьян Киевской области (тогда Киевского округа). В те годы мы вернулись к довоенному уровню, а это тогда довольно много значило, потому что в этих районах Украины, в Донбассе до самой революции рабочие были хорошо обеспечены продуктами питания. Если в Петербурге, Москве и других городах были очереди, то у нас таких очередей не было. Донбасс обеспечивался хлебом с Кубани, с Дона. Очереди у нас стали появляться после Октябрьской революции, когда начался саботаж и бегство торговых людей, началась гражданская война. На Дону восстали казаки, Каледин, а на Кубань надо было переплывать через Дон. Таким образом, создались трудности не в результате отсутствия продуктов, а из-за дезорганизации, из-за гражданской войны.

Надо сказать, что тогда потребление внутреннего рынка было небольшим. Во-первых, рабочего класса и служащих было немного, основное население страны было крестьянским, которое питалось не с рынка, а из собственного хозяйства. Крестьянство России питалось очень примитивно, не все крестьяне обеспечивали себя даже хлебом, а о мясе и говорить нечего. Не было денег. В Донбассе на базаре можно было купить дешево что угодно, но это не было изобилием для всей страны. Изобилие сложилось в определенном рабочем районе, где были соответствующие заработки, которые давали возможность потреблять мясо и постное масло. Основная часть населения была лишена этих возможностей, продавалось последнее, с тем чтобы купить керосин. Некоторые деревни в то время пользовались еще не керосином, а лучиной. Это была примитивная жизнь бедняков.

Сельское хозяйство велось на низком уровне. В севооборотах использовалась трехполька. О минеральных удобрениях, о сортовых семенах

крестьяне Курской губернии понятия не имели. Да и на Украине было не лучше, но там культура земледелия все-таки была повыше. Вот мои впечатления о сельском хозяйстве в первые годы после революции.

После гражданской войны начали создаваться коммуны. В Петрово-Марьинском районе организовать коммуны было некому. Коммуну создали в соседнем большом, красивом, зажиточном селе Максимилиановке. Председателем ее был Колосс. Он действительно был высокого роста. Портной по профессии, это был умный человек. Его заместителем стал Нонка Гомля, крестьянин-хлебопашец и умница. Коммуна была хорошая, работали дружно, но на тех же примитивных средствах производства, которые тогда господствовали в сельском хозяйстве.

Я не знаю, какова была направленность этой коммуны, но жили они за счет подачек государства. Туда собралась беднота, многие были безлошадными, поэтому производственный уровень оставался невысоким, коммуна себя не обеспечивала продуктами. Тогда же начали создаваться и совхозы, но в Петрово-Марьинском районе совхозов не было.

Помещичьи хозяйства в основном растащили, скот порезали, а постройки или разобрали по кирпичику, или использовали под детские дома беспризорных детей, кое-где в них разместились коммуны. Помещичью землю делили между крестьянами. Это особый вопрос. Я считаю правильным, что Ленин использовал программу эсеров, вырвал у них главный козырь, который притягивал крестьян к эсеровской партии — раздел земли. Ленин не побоялся, взял у эсеров этот лозунг, и землю передали крестьянам. После того как советская власть окрепла, стали искать пути подъема сельского хозяйства. Было проведено кооперирование.

О кооперировании, о том, как оно было проведено, я скажу свое мнение отдельно. Оно было проведено плохо. Сначала создали совхозы, а только потом появилась техника. Построили Сталинградский тракторный завод, потом Харьковский и стали производить сельскохозяйственные машины, но кадров не было и техникой овладевали плохо. Мы очень долго осваивали выпуск тракторов на Сталинградском тракторном заводе. Это я знал лишь из газет, так как в это время учился в Москве, в Промышленной академии. Иностранцы, видевшие это, говорили, что нам не овладеть производством тракторов, потому что мы просто не умеем обращаться со станками и не понимаем этого. В какой-то степени эта критика была правильной, мы действительно ломали их, но все-таки научились и стали производить хорошие трактора. Как до революции, так и после нее мы не имели возможности вести сельское хозяйство на должном уровне, мы не имели машин, семян, минеральных удобрений и прочих необходимых материалов. Мы опирались на то, что давала природа. У нас был самый примитивный, экстенсивный способ ведения хозяйства. Вместо трехполки стали вводить многопольную систему, но тоже не сразу. Многопольная система мало что давала из-за отсутствия минеральных удобрений, да и плохо мы знали эту систему.

Потом возникла дискуссия о способах ведения сельского хозяйства. Вильямс выдвинул теорию травопольной системы. Академик Прянишников доказывал необходимость использования минеральных удобрений.

Он говорил, что пора строить заводы, производящие минеральные удобрения. Он не отрицал пользы от посевов клевера и других трав, которые улучшают структуру почвы, но главным в его теории были минеральные удобрения. Он считал, что только с их помощью и на их основе можно поднять сельское хозяйство на должный уровень.

Победил Вильямс. Все мы тогда были за Вильямса. Это понятно, потому что в своей очень заманчивой теории он не отрицал минеральных удобрений, но главным считал метод системы травопольного севооборота. Он предлагал так построить севообороты, чтобы 2 или 3 поля были бы заняты травами, а остальные — под культурами. Таким образом, посевы трав (клевера или люцерны, в зависимости от района, где какая трава лучше произрастает) накапливали азот в своих корнях. Здесь не требовалось больших капиталовложений, а их в стране просто и не было. Можно было решать задачу без большого количества минеральных удобрений, о которых говорил академик Прянишников, и, если правильно вести многопольную травопольную систему, получать высокие урожаи. Кроме того, Вильямс говорил, что посевы трав, особенно клевера и люцерны, создают и улучшают структуру почвы, она не распыляется и становится комковатой, что улучшается проникновение воздуха в почву, тем самым создавая лучшие условия для роста культурных растений.

Все, казалось бы, правильно, но беда в том, что на юге Украины не получалось. Поля, засеянные люцерной, не давали должного хозяйственного эффекта, там получали плохой урожай, а плохой урожай люцерны — это малое количество азотных удобрений в почве и мало кормов.

Теория Вильямса господствовала довольно долго. Было принято даже специальное правительственное решение, и все стали за Вильямса. Прянишникова, правда, в сталинские грозные времена не репрессировали; после войны он скончался сам. Его теория не была признана, хотя он подсказывал наиболее реальную возможность подъема сельского хозяйства. Имелись ли хозяйства с большой отдачей, работавшие по методу Вильямса? Да, в некоторых районах, в специальных условиях, получали высокие урожаи, но в массе его система не давала эффекта.

Потребности страны в продуктах с каждым годом росли. Рабочий класс увеличивался, увеличилось количество городского населения, поэтому больше и больше предъявлялось требований на рыночное зерно и другие продукты сельского хозяйства. Сельское хозяйство не обеспечивало город. В первые годы НЭПа мы даже экспортировали пшеницу. В России тогда не было другого экспортного товара, поэтому мы другой раз, с тем чтобы выручить валюту и приобрести необходимые машины и материалы (я тогда был слишком далек от политики), видимо, за счет подтягивания своих животных, то есть уменьшения товаров на внутреннем рынке, продавали зерно за границу.

После проведения сплошной коллективизации на юге в станицах голодали. Тогда нехватка продуктов объяснялась саботажем. Я думаю, что саботаж был, были классовые враги, которые подрывали хозяйство, но главным образом это была плохая организация крупного хозяйства. У нас не было должной техники, да и люди не умели ею пользоваться. По-

этому она не давала эффекта, и сельское хозяйство приходило в еще больший упадок.

Помню, в 1929 году я работал в Киеве, а потом из Киева поехал в Москву учиться в Промышленную академию. Тогда рынок обеспечивался сполна, без всяких трудностей, и хлебом, и мясом, и овощами, и другими продуктами.

Когда я учился в Промышленной академии, то совершенно отвлекся от конкретных условий жизни села. В стране возникли большие трудности в обеспечении продуктами сельского хозяйства населения, были введены карточки. Темпы роста сельского хозяйства, рост урожайности и продуктивности шли медленно, и это понятно, потому что на создание промышленности, которая изготавливала современные сельскохозяйственные орудия, и на организацию производства минеральных удобрений капиталовложений выделялось мало. Да и сельскохозяйственная наука находилась не на должной высоте.

Уровень подготовки кадров был довольно примитивным. Председателей колхозов с агрономическим или с инженерным образованием было очень мало, поэтому даже то количество минеральных удобрений, которое производилось в стране, выбрасывалось из вагонов на землю, и они гибли под снегом и дождем. Для вывоза со станций минеральных удобрений в совхозы и колхозы приходилось проводить специальные мероприятия. Требовались принудительные меры, угрозы, чтобы удобрения с железнодорожных станций были вывезены. Конечно, такие удобрения имели уже мало полезных веществ, один балласт, да и производили их с небольшим содержанием минеральных элементов, больше было брака.

В 1935 году я стал секретарем Московского областного партийного комитета, а в тридцать восьмом меня послали на Украину секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины. До войны и после нее страна централизованно обеспечивалась только хлебом. Обеспечение овощами зависело исключительно от инициативы местных властей, председателей горисполкомов, секретарей городских партийных комитетов. В зависимости от их организаторских способностей, от их инициативы города были обеспечены овощами или же жили впроголодь. Это я знаю по собственному опыту работы в Москве. На Украине такой проблемы не существовало, овощей там было больше. Украинцы к овощам более привычны и производили их в достаточном количестве, правда, в разных районах по-разному. Конечно, таких овощей, которые производились до революции в Донбассе болгарками, уже не стало. Они были хорошими специалистами не только по выращиванию капусты и свеклы и самых необходимых овощей, но они давали красивые помидоры, баклажаны, петрушку, сельдерей, укроп. Укроп — казалось бы, мелочь, но он украшает стол, сдабривает блюда. Все это производилось болгарками в достаточном количестве и продавалось очень дешево. В наше время, к сожалению, даже морковь считалась деликатесом. Тремя видами овощей: капустой, картошкой, свеклой, измерялся уровень обеспеченности овощами городов и промышленных районов.

Этот ассортимент, я считаю, связан с уровнем культуры производителя. Вспоминаю времена, когда у нас работала потребительская кооперация. Я был тогда вторым секретарем Московского городского партийного комитета. Первым был Каганович, Бадаев — председателем кооперации рабочей Москвы. Овощами у нас занимался, по-моему, он. Его заместителем был замечательный человек, товарищ Лукашов, очень достойный человек. Он занимался практическим обеспечением Москвы овощами и картофелем. Это был очень энергичный и хороший организатор. Возможностей тогда имелось меньше, чем в послевоенные годы, но город без овощей не оставался.

Сейчас у нас более организованное колхозное хозяйство, крупные совхозы, да и кадры выросли, значительно выросла и культура земледелия. Агрономы, зоотехники, бригадиры и многие председатели колхозов имеют специальное сельскохозяйственное образование, высшее или среднее. Техника полностью удовлетворяет запросы крестьян. Имеются большие возможности и по производству овощей в закрытом грунте: в капитальных теплицах под стеклом или в утепленных теплицах с искусственным подогревом, паром или биотопливом. Одним словом, возможности сейчас большие — как материальные, так и организационные.

Тогда мы ничего этого не имели. Овощи выращивали только в открытом грунте. Имели очень ограниченное количество парников на биотопливе, но и их трудно учесть. В результате целенаправленной работы, проводимой товарищем Лукашовым, Москва была очень хорошо обеспечена овощами и особенно картофелем. Картофель привозили из Белоруссии, из Рязани, Орла и Брянска. Брянск тогда входил в состав Орловской области; картофель там был очень хороший. Лукашов приезжал и на Украину, где целые районы выращивали овощи по его заказу. Я подчеркиваю, по заказу Московской кооперации.

Помню, когда я уже уехал на Украину, секретарем Московского областного и городского партийного комитета был Уваров. Сталин выдумал, что Уваров вредитель, это была клевета на человека, и он погиб. А Москва осталась без овощей и без картофеля. Сталин меня срочно вызвал и сказал, что назначает уполномоченным по Москве. Не знаю, сколько дней или недель я занимался исключительно Москвой. Я перешел в Московский партийный комитет и занимался организацией обеспечения Москвы, главным образом капустой. Кое-что мы доставили с Украины. Одним словом, мы постоянно жили за счет кампаний, за счет затрат больших усилий. Это говорит о том, что систематической организационной работы в производстве овощей и их хранении, как это делается на Западе, у нас, к сожалению, не было. Да и сейчас, по сведениям, которыми я располагаю из бесед с людьми, мы не имеем самого необходимого.

Потребности в хлебе в разные периоды удовлетворялись по-разному. Длительный период продукты распределяли по карточкам. Потом наши колхозы окрепли, стали больше производить зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Карточки отменили. Я сейчас не помню, в каком году это произошло, но каждый человек моего возраста отлично помнит эти тяжелые времена, которые наступили в результате грубого

извращения ленинских принципов добровольности организации крестьян в кооперативы. Главной причиной стало насильственное объединение крестьян в колхозы.

Дело не только в том, что кулаки сопротивлялись организации колхозов, но главное — крестьяне не понимали необходимости массового перехода на иной метод хозяйствования, ни середняк, ни даже бедняк. Не было проведено соответствующей политической, материальной и технической подготовки. Правда, тогда мы все говорили, что если сложить вместе средства производства сельского хозяйства и объединиться в артель или колхоз, то будет выгода. Это правильно, но на одном этом далеко не уедешь. Дело не в том, чтобы сложить в кучу грабли, плужки и собрать в один двор лошадей. Надо было прежде всего подготовить организаторов колхозного производства: председателей колхозов, бригадиров, звеньевых. Я уж не говорю об агрономах, их тогда у нас было очень мало, а в колхозах их совсем не было. Поэтому сельское хозяйство пришло в упадок, и мы остались без хлеба, остались без сахара. Об этом в печати не писали, лишь при встрече со знакомыми я узнал, что на Украине армейские части выгоняются на прополку сахарной свеклы. Кто хоть немножко знаком с производством сахарной свеклы, знает, что после обработки солдатами посевов свеклы, сахара не будет. Эта культура требует очень большого внимания, знания и умения.

В конце концов, как говорится, с большими шишками, набитыми в результате такого палочного метода организации колхозов, которым руководствовался Сталин, что-то построили. Если взять нашу печать тех лет, то желающие найдут достаточно объективных материалов и сделают правильный вывод, что колхозы создавались по принуждению. От этого страдал и за это расплачивался прежде всего вместе с крестьянином потребитель. Не было никакой необходимости форсировать это дело. От этого бы мы только выиграли экономически, политически и в военном отношении. Можно сравнить политику, которую проводил в сельском хозяйстве Сталин, и политику, которую проводил Ленин. Кончилась гражданская война, выбросили интервентов и перешли к восстановлению хозяйства, разрушенного первой мировой и гражданской войнами. Ленин видел, что разграбленное сельское хозяйство, мелкое хозяйство, которое велось с помощью примитивных технических средств, поднять трудно. В результате неурожая 1921 — 1922 годов в стране наступил голод, в Поволжье — страшный голод. Это стало известно всему миру. Ленин согласился принять помощь со стороны западных государств. Возглавлял международный комитет помощи голодающим Нансен. Я не знаю, что и из каких государств мы получали, но из Америки мы получали муку. Донбасс получал муку, смешанную с кукурузой, качество неважное, но в те времена вопрос стоял не о качестве продуктов, а о возможности выжить. После этого Ленин пошел на такое, казалось бы, рискованное мероприятие, как НЭП, то есть решил дать возможность частнику развивать инициативу, а капиталистическим кулацким элементам — пользоваться наемной силой. Была разрешена аренда: по нашим понятиям того времени это было отступление. Ленин тогда подвергался

большой критике, главным образом со стороны партийных лидеров, которые не понимали необходимости НЭПа. Чудо произошло за какие-нибудь два-три года, мы полностью стали удовлетворять свои потребности. Я знаю, что тогда было в селах Донбасса и что сделал Ленин в результате своей разумной политики. К 1925 году я закончил рабфак и меня послали секретарем Петрово-Марьинского районного партийного комитета. Я видел эти села в 1922 году в начале посевной кампании и потом, осенью 1925 года. Это было чудо! Наступило полное изобилие, и не только хлеба, но и овощей, мяса, птицы. Перед партийными органами встала другая проблема: как одолеть частника, как вести торговлю главным образом через кооперацию. Окружным партийным комитетам мы отчитывались о том, сколько продается мяса, сала и птицы на рынке через кооперацию и сколько — частными торговцами. Но частника не трогали. Было полное административное невмешательство. Шла борьба, но экономическая. Был выдвинут лозунг: «Учиться торговать!», то есть научиться у частника обеспечить всю цепочку от производителя до потребителя. Мы ее хотели взять в государственные «руки», главным образом с помощью кооперации.

Во время моей учебы в Промышленной академии, это был конец 1929-го, 1930-го и частично 1931 года, и позднее, занимая разные посты в Москве, я к сельскому хозяйству отношения не имел, непосредственно этим делом не занимался. Я занимался городом, но через столовые, через организацию общественного питания Москвы ощущал истинное состояние сельского хозяйства. После проведения сплошной коллективизации и «сталинской победы» в колхозном строительстве, то есть сплошного извращения ленинских положений, в стране наступило полуголодное, а в некоторых местах буквально голодное существование. Продуктов не было. Даже Москву мы не могли обеспечить. Что же случилось? Насильственная, палочная организация колхозов, проведенная Сталиным, провалилась. На какой-то период времени он понял, что получил, и выступил с письмом «Головокружение от успехов». Успехов, конечно, никаких не было, а был полный провал политики кооперирования крестьян сталинскими методами. Ленин понимал, что производственная кооперация — это единственный путь для крестьянина.

Надо было делать так, как предлагал Ленин, а это забыли, хотя он выразился достаточно образно и доходчиво. Он сказал: «Если бы мы имели 30 000 тракторов и кадры, умеющие управлять этими машинами, то крестьянин сказал бы, что он — за коммуны». Ленин разработал кооперативный план, но он считал возможным взяться за его проведение в жизнь только после того, как государство создаст материальную и организационную базу. Сталин — не ленинец, хотя называл себя ленинцем. К Ленину он относился очень и очень критически. Это я знаю. В последние годы жизни, когда Сталин утратил всякие сдерживающие центры, он, конечно, в узком кругу, допускал непозволительные выражения в адрес Ленина.

Вот такой неразумный сталинский подход к мужикам, к деревне и привел к наступлению голода. Нельзя было достать ни картошки, ни овощей.

А рабочие помнили старые царские времена, когда картошка и капуста (особенно для меня, рабочего Донбасса) были самыми дешевыми и доступными. И вдруг после революции эти продукты стали чем-то таким особым, что их на руднике нельзя было достать. Конечно, в Москву и другие крупные города их завозили, но тоже недостаточно, поэтому в государственных магазинах их не было. Крестьяне не могли привозить собственные продукты, потому что ликвидировали частную торговлю. Рабочих и служащих, особенно таких крупнейших городов, как Москва и Ленинград, обрекли на жалкое существование. Они должны были пользоваться кооперацией, государственной торговлей, которые не имели в нужном количестве продуктов. Советское государство вынуждено было перейти на распределение, то есть ввести карточки. Фактически вернулись к старому военному времени, когда царствовала продразверстка. Собственно говоря, продналог продолжал существовать, но он стал понятием условным. Потребности государства в сельскохозяйственной продукции: хлебе, молоке, мясе и овощах, превышали предложение колхозов. Вводилась система так называемого перевыполнения плана. Что это такое? В колхоз приезжал секретарь районного партийного комитета и определял, сколько граммов выдавать на трудодень колхознику, а все остальное — сдать. Не всегда руководители придерживались и этого принципа, вводилась разверстка по районам и областям, обязывающая прежде всего выполнить план сдачи продукции государству. А это означало — сдать все, что произвели; на трудодни не оставалось ничего. Крестьянин за свою работу ничего не получал, и он утрачивал всякий интерес к работе в колхозе, переходил на самообеспечение. Все, чем он мог распоряжаться, это то, что он вырастил на своем приусадебном участке. В колхозе крестьянин не хотел выходить в поле, не работал, а если и работал, то на трудодни ничего не получал.

Пожалуй, я слишком отклонился и могу завязнуть в истории колхозного движения. Это очень интересная тема. Видимо, экономисты когда-нибудь объективно исследуют, как развивались события на самом деле. На склоне лет, я считаю, что идея колхозного производства, создания производственных сельскохозяйственных кооперативов, то есть то, что предложил Ленин, исключительно интересна. Ленинская идея себя оправдала, хотя сейчас на ней накопились очень большие наслоения. Единственно правильный путь для крестьянства — это кооперирование и на этой основе создание крупных колхозов, оснащенных техникой, с квалифицированным, образованным, подготовленным руководством. Все это было предложено нашим Владимиром Ильичем Лениным очень правильно, но проведение в жизнь осуществлялось варварскими руками. Поэтому много наломали дров, много погибло совершенно неповинных людей, которые пошли бы за партией, пошли бы в колхозы и были бы хорошими колхозниками. Из-за особого склада характера, которым был наделен Сталин, допускались извращения, в результате погибли сотни тысяч человек, а может быть, даже миллионы. Я затрудняюсь назвать цифру, потому что никакого настоящего учета не велось, а люди гибли тогда в очень большом количестве. И сейчас некоторые наши теоретики и литераторы зани-

мают просталинскую позицию, рассматривали и сейчас, видимо, продолжают рассматривать этот процесс глазами Сталина. По их мнению, это был исторический перелом в переходе от мелкого частного капиталистического производства в деревне к крупному кооперативному, то есть социалистическому хозяйствованию. Такая ломка якобы неизбежно вызывает жертвы, которые принесены на алтарь строительства социализма в деревне и которые исторически себя оправдывают.

Это оправдание убийцы и извращение ленинской политики в деревне! К сожалению, так зафиксировано в нашей исторической и художественной литературе. Подобные авторы продолжают и сейчас освещать прошлый путь с тех же позиций. Я думаю, что придет время, когда историки засядут и хорошенько разберутся в этих вопросах. Материалов для объективного анализа они найдут достаточно.

Примером правильного кооперирования крестьянства могут служить Германская Демократическая Республика, Чехословакия, Болгария и другие государства. Они пошли по ленинскому пути кооперирования крестьянства и добились больших успехов в этой области, без неисчислимых жертв. Правда, случались и восстания, в Румынии, например, был и саботаж, была и классовая борьба. Это неизбежно при такой ломке, но не было таких жертв, которые понесло советское крестьянство. Сталин вовлек людей, занимающихся кооперированием крестьян, в преступления, и они начали так же, как он, смотреть на эти вещи, делали то, чего не следовало бы делать. Но даже в тех условиях колхозы все-таки крепили и набирали силу. В небольшом количестве крестьяне все-таки поступали в сельскохозяйственные вузы и техникумы. Сельская молодежь получала подготовку и возвращалась на село. Сельскохозяйственное кооперативное производство росло. Были подъемы, были спады не только из-за организации. Сельское хозяйство слишком зависело, как раньше говорил крестьянин, от Господа Бога, от погодных условий, от дождика. И не только не было удобрений, не было и хорошей техники.

Знаю это по собственному опыту. Когда я был руководителем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, то одни и те же руководители сельскохозяйственного производства один год ходили в «гениях», а на следующий год ходили в «идиотах». Если дождик вовремя выпадал, создавались благоприятные условия для роста озимых, и он получал урожай до сорока центнеров с гектара. Если же эти условия не наступали, то на тех же площадях на следующий год получали по пять центнеров. Вот такие колебания. Поэтому от природных и климатических условий, сложившихся в том или другом году, зависело буквально все. Некоторые получали сносный урожай даже в таких условиях, но это было исключением, проявлением умения.

Я считаю, что большой вред (я бы употребил даже такое слово) сельскому хозяйству был нанесен принятием травопольной системы академика Вильямса. Сам Вильямс — честнейший и образованный человек. Я был знаком с ним лично, уважал его, был его большим сторонником и пропагандировал его систему. Она была довольно логично изложена, подкупала тем, что почти не требовала капиталовложений. Она основывалась на том, что в Украине много пашни, которую можно использовать для выращивания кормовых культур, которые затем можно использовать для кормления скота. Это была хорошая система, но она была рассчитана на мирное время, на мирное хозяйство. В условиях войны и после войны она оказалась совершенно неприменимой. Она требовала больших затрат на приобретение техники, на приобретение семян, на приобретение удобрений. Она требовала больших затрат на содержание скота. Она требовала больших затрат на содержание племенного скота. Она требовала больших затрат на содержание племенных животных. Она требовала больших затрат на содержание племенных животных. Она требовала больших затрат на содержание племенных животных.

валась на правильном травопольном севообороте, который должен был обеспечивать снятие высоких урожаев, а эти высокие урожаи должны были закладывать еще лучшие урожаи на будущее. Ну что может быть интереснее и увлекательнее, особенно в то время, когда страна не располагала капиталами, не имела ни химической, ни вообще развитой промышленности? Поэтому эта теория импонировала в то время. Партия тогда навалилась всем своим авторитетом на внедрение травопольной системы академика Вильямса. Несмотря на предупреждения академика Прянишникова (эти «великаны» жили в одно время), который тогда более трезво смотрел на вещи, но к нему не прислушались. Он не отрицал пользу посева люцерны, клевера, люпина и других трав в зависимости от почвы и климатических условий. Но он стоял на своем. Он требовал создания почвообрабатывающих машин. Вильямс отрицал полезность борона при обработке почвы. Борона, по теории Вильямса, — вредительское орудие производства. Им отрицалась мелкая пахота, а это тоже неправильно. В зависимости от условий нужно было пахать глубоко или пользоваться орудиями мелкой пахоты. Тогда на Украине в степи применялся так называемый буккер. Это многокорпусный плуг, но мелкий. Тогда один известный профессор саратовского института настаивал на применении буккера. По-моему, он был арестован, осужден и расстрелян как вредитель, и не только он один.

Одним словом, победила система Вильямса. На Украине травопольная система была внедрена наиболее последовательно. И несмотря на это, мы получали низкие урожаи и зависели от погоды. Нужны были прежде всего минеральные удобрения. Я уже не говорю о том, что на юге Украины требовалось создавать поливные земли, используя для полива сток рек. Только так можно было обеспечить устойчивые урожаи. К сожалению, тогда государство не располагало материальными средствами. Эти средства бросали на создание крупной промышленности. Только имея индустрию и опираясь на эту индустрию, можно перейти от экстенсивного ведения сельского хозяйства к интенсивному.

Мы даже до революции имели хорошие сорта пшеницы. Например, «Украинка» славилась не только на Украине, но и в Канаде. Сельскохозяйственные работники, агрономы и прежде всего Василий Федорович Старченко мне рассказывали, что до революции помещики пропагандировали сорт «Украинка», который выращивали на семена, такими шутками:

— Як що хочеш мати гладку жинку, сий пшеницу «Украинку».

Это говорит о том, что этот сорт в сравнении с другими действительно давал возможность получать более высокие урожаи. У него были отличные хлебопекарные качества. Ну а как можно было сеять сортовыми семенами, если «первая заповедь» Сталина обязывала сдавать государству все по плановым заданиям, а уже после этого засыпать зерно в фонд распределения по трудодням и для обеспечения семенами. Как правило, планы были такие, которые нельзя было выполнить. По первой заповеди вывозили буквально все, а когда наступало время посева, то обращались с просьбой к государству, и оно выделяло семенные фонды, вы-

давало ссуду, конечно, не сортовыми семенами и не районированными. Это была простая пшеница.

Особенно тяжелым был 1947 год. Сорок шестой год выдался на Украине крайне засушливым, особенно на юге. Не было дождей, хозяйство разорено войной, колхозники были лишены техники и живой тяговой силы: немцы разрушили машинно-тракторные станции, а лошадей забрала война. До войны лошадей было не так много, к тому времени хозяйство уже базировалось на механической тяге. Если бы была тяга, то и при неблагоприятных климатических условиях все-таки можно было бы получить сносный урожай. Но условий этих не было. План дали непосильный. Несмотря на мою борьбу и старания доказать это Сталину, он в грубой форме потребовал выполнения. Этому имеются доказательства, так как я писал специальную записку, в которой объяснял сложившиеся условия и невозможность выполнения плана. Сталин потребовал сделать все, чтобы план был выполнен. Предприняли все, но план выполнили, хотя выполнить его было невозможно, но хлеб забрали, забрали весь, как говорилось в первой заповеди «отца и благодетеля народа».

Уже в зиму с 1946 на 1947 год в отдельных районах, в том числе даже в Киевской области имелись случаи людоедства. Я уже не говорю о южных областях, Одесской и Херсонской, там создались тяжелейшие условия. Когда наступила весна и надо было проводить посевную, у нас никаких семян не было. Только тогда их начали завозить. Завозили пшеницу из тех районов, где она имелась. Никаких паспортов, никакого районирования. Научно обоснованного подхода не было и быть не могло. Сложилась тяжелейшая ситуация.

Сталин предложил мне сделать доклад по сельскому хозяйству на пленуме Центрального Комитета сорок седьмого года. Я отказался. Отказался, потому что считал, что не смогу сделать такой доклад, как я считал нужным. Для этого у меня не было условий, да и знаний. Российскую Федерацию, и особенно Среднюю Азию, я совершенно не знал, никогда ими не занимался и никогда там не был. Я не хотел делать доклад. Сталин был очень недоволен и поручил его Андрею Андреевичу Андрееву. Доклад всегда можно сделать, только какой? Привлекли Министерство сельского хозяйства, научно-исследовательские институты. Сельскохозяйственную академию, сельхозотдел ЦК. Они готовили материалы. Одним словом, надергали цифры, факты, и доклад был сделан. Слушая его, я чувствовал, что он какой-то отвлеченный, не имеющий конкретной почвы. От него ждать нечего. В президиуме я сидел рядом со Сталиным. Он наблюдал за мною, за тем, как я реагирую на доклад Андрея Андреевича. Когда Андрей Андреевич доклад закончил, Сталин меня спросил:

— Какое ваше мнение о докладе?

— Доклад как доклад, обо всем сказано, — ответил я.

— Но что-то вы уж очень бесстрастно слушали докладчика, — очень допытывался Сталин.

— Верно, потому что от этого доклада я ничего особенного не жду, — не стал я кривить душой. — Доклад обычный, формальный, в котором обо всем сказано и ничего не сказано конкретно.

Я этот доклад так рассматривал. Фактически он таким и был. Да и вряд ли в тех условиях Андрей Андреевич мог сделать хороший доклад. Я считаю, что Андрей Андреевич из всех руководителей знал сельское хозяйство лучше других. Я отдавал ему должное, хотя и не во всем с ним соглашался. Например, по организационным колхозным вопросам. Он тогда стоял за звено, даже в зерновом хозяйстве. Работа звена отрицала технику, она базировалась на граблях, плуге, то есть на примитивных средствах производства. Сейчас это уже пройденный этап, а тогда этот вопрос был острым, вызывал большой спор. Сталин и Молотов колебались.

— Для Украины, видимо, бригада, а для мелких хозяйств, такие, как Московская область, Белоруссия и другие, звено, — помню сказал мне Сталин.

— Да, видимо, так, — согласился я с ним. — Только пусть нас не «поджаривает» печать за то, что мы делаем ставку на бригаду в зерновом хозяйстве, а звено оставляем только в пропашных культурах. Сахарная свекла, кукуруза и другие пропашные культуры более трудоемки и базировались только на ручном труде. Поэтому там могли быть звенья. Разница заключалась в количестве людей. Звено состояло в основном из пяти — семи человек, а бригады насчитывали (в зависимости от размера колхоза) от полутора до трех десятков человек. Бригада имела в своем распоряжении более современные орудия сельскохозяйственного производства.

«БИТВА» ЗА СЕМЕНА

Несмотря на опалу, в которую я попал перед пленумом 1947 года, где докладывал Андреев, когда создавали комиссию, меня тоже в нее включили. Я там настаивал на том, чтобы в решении было записано, что в первую голову надо засыпать семена, то есть создавать семенное хозяйство в каждом колхозе. Я не мог прямо предложить отменить «первую заповедь», но пытался убедить: параллельно со сдачей государству засчитывать семена в план. Мое предложение встретило большое негодование, не сопротивление, а именно негодование Сталина. Председателем комиссии был Маленков. У меня о нем сложились очень хорошие отношения. Я уехал на Украину, когда еще не закончилось редактирование резолюции, но в основном она была обсуждена. Маленков мне позвонил в Киев.

— Докладывать товарищу Сталину о том, что ты настаиваешь на отмене «первой заповеди», — спросил он, — или ты согласишься со всей комиссией?

— Прошу доложить товарищу Сталину мое мнение, — попросил я, хотя знал, что он против.

Мое мнение было доложено, но резолюцию приняли в сталинском духе. Когда я приехал в Москву, Сталин выразил большое недовольство моей позицией, но я повторил свои доводы.

Это была борьба за элементарные условия, обеспечивающие возможность ведения сельского хозяйства, прежде всего за районированные, местные семена. Местные не всегда бывают лучшими, я это понимаю, но если люди меняют местные семена на иные, они это делают,

только убедившись, что те лучше. Действительно, наука требует, а практика подтверждает, что в условиях развитого семенного хозяйства надо производить обмен семян. И тем самым подниматься все выше и выше по ступенькам в создании хорошего селекционного семенного материала. Это все известно, но ни районирования, ни семенного хозяйства тогда не было, оно находилось в зачаточном состоянии. Бюрократ сразу же сможет найти факты, которыми начнет опровергать доводы Хрущева. Докажет, что даже в те времена имелось какое-то семенное хозяйство, что были такие-то семена...

Это верно, но все пребывало в зачаточном состоянии, настоящей системы выращивания семян не было. Собственно говоря, и сейчас такая система, к сожалению, не создана.

О кукурузе. Кукуруза у нас занимала большие площади. Ею занимались в Одесском селекционном институте Лысенко. Не знаю, как он теперь называется. Кукурузу, по-моему, вел селекционер Мусийко. Там были выведены хорошие сорта, особенно в памяти сохранилась «Одесская-10». Почему? Когда я познакомился с американским фермером Гарстом, он мне доказывал преимущества кукурузы. Он умный человек, хорошо знавший свое дело. Я ему порекомендовал поехать в Одессу и посмотреть наши сорта. После этого хотел с ним еще раз встретиться и снова послушать, что он скажет. Гарст поехал в Одессу и посмотрел эти сорта. Мне потом рассказывали, что, когда ему дали початок сорта «Одесская-10», Гарст поцеловал этот початок и сказал: «Отличный початок».

Хорошие сорта кукурузы были выведены и на Воронежской селекционной станции. В Днепропетровске тоже имелись отличные сорта. Я знал их автора и с большим уважением к нему относился. Одним словом, у нас имелись специалисты, но не было системы. Отсутствовали хозяйства в нужном количестве, выращивающие, сортирующие, калибрующие и хранящие семена. О калибровании кукурузы я впервые услышал от Гарста. Как у металлста, у меня с этим словом связано определенное понятие: это значит обтачивать, то есть калибровать до определенного размера. Калибровка семян кукурузы — это сортировка их по размерам. Мы купили в Америке несколько заводов, а потом сами начали их строить. Калибровка и семеноводство кукурузы, по-моему, у нас были поставлены неплохо, но это было сделано уже в конце моей деятельности.

Что требуется для ведения интенсивного сельского хозяйства? Соответствующая техника и семеноводство. Для семеноводства, в свою очередь, требуется селекционная и биологическая наука. Селекционера необходимо вооружить знаниями и создать все условия для работы по выращиванию нужных высокопродуктивных сортов, как по урожайности, так и по качеству зерна. Нужны еще минеральные удобрения, нужны как химические, так и биологические, бактериологические средства защиты растений. Но этих средств, к сожалению, мы тогда или не имели, или имели в крайне малом количестве. Да и кадров у нас не было.

Но все-таки даже в тех условиях в зерновом хозяйстве у нас выросли неплохие селекционеры. Собственно и сейчас на них держится сельское хозяйство. Один из них — замечательный селекционер Лукьяненко, он и

сейчас здравствует. Я желаю ему здоровья и успехов. Это и Кириченко из Одесского селекционного института; Мусийко, специалист по кукурузе; селекционеры, работавшие в Днепропетровске и в Воронеже. Это селекционер Ремесло из Мироновской станции. Это Пустовойт, который создал лучший в мире подсолнечник, это селекционеры по льноводству, по хлопку, по другим культурам. Хуже я знал селекционеров-садоводов, но среди них тоже были известные имена. Это селекционеры Саратовской селекционной станции. Там работала женщина-селекционер, она вывела очень много хороших сортов. Это селекционеры Целинного края, с которыми я познакомился позднее, посещая целину. Немало у нас было селекционеров. Я называю только тех, с кем лично встречался.

Поэтому, разговаривая с Гарстом, я не краснел за селекционеров Советского Союза, ни по зерну, ни по техническим культурам. Селекционная работа у нас находилась на неплохом уровне, даже хорошо. Наш сорт «Безостая-1», полученный Лукьяненко, очень хорош. Из газет я знаю, что теперь он вывел другие сорта, они превосходят «Безостую-1». Одним словом, наши селекционеры занимают хорошие позиции, их признавали за границей. В чем мы отставали? К сожалению, мы отставали и отстаем в животноводстве и птицеводстве. Очень отстаем. А в семеноводстве картофеля и овощей у нас были большие успехи. Я бы хотел вспомнить добрым словом профессора Лорха. Я с ним много раз встречался. Лорх создал сорт картофеля, распространившийся по всей стране. Был замечательным овощеводом и профессор Эдельштейн. Однако у нас не было системы выращивания селекционных семян и обеспечения высокопродуктивными семенами хозяйств, как колхозов, так и совхозов.

Ленинградцы вырастили ракоустойчивый картофель. Не знаю, как он называется. К сожалению, сейчас картофель, который я покупаю в магазине, поражен фитофторой (черной гнилью) и другими болезнями. Видимо, недостаточно мы поработали над созданием сортов, устойчивых к болезням. Я не знаю, что делается сейчас для того, чтобы создать систему выращивания и обеспечения хозяйств семенами лучших сортов наибольшей продуктивности. Мне пересказывали мнение голландских фермеров о наших урожаях картофеля. Сам я, к сожалению, не имел возможности встретиться с ними. Они ездили по стране, знакомились с картофелем и с другими культурами, но у меня в памяти остался только случай с картофелем.

Голландцы приехали в мою родную Калиновку. Калиновка тогда выделялась тем, что получала урожаи выше среднего по своему району и даже по стране. Они получали от ста восьмидесяти до двухсот двадцати центнеров картофеля с гектара. Приехав, фермеры стали беседовать о картофеле. Когда они узнали, что засеваются по две — две с половиной тонны на гектар и получают урожай в двести центнеров, они глядели на нас большими глазами. Такая высокая норма высева картофеля и такой низкий урожай! Они сказали, что в Голландии засевают пятьсот килограммов семенного селекционного материала и получают урожаи по пятьсот центнеров. Когда я узнал об этом, то просто заболел от зависти. Вот это наука! Вот это действительно система! Оказывается, как высоко в капиталистической стране поставлено семеноводство.

Конечно, хозяйство «занимается» только выращиванием семенного материала. Они его продают фермерам не только в своей стране, но и за границу. Когда я был в Египте, президент Насер, ныне покойный, вспоминаю его добрым словом, умный был человек, сказал, что они покупают в Голландии семенной картофель, выращивают и продают урожай в Западную Германию. Им это выгодно. Я делаю вывод, что это был превосходный картофель.

Ура-патриоты хотят замазать этот вопрос, а это, значит, продолжить наше отставание от передовых хозяйств капиталистического мира. Могут сказать, что у нас тоже имеются хозяйства, которые выращивают семена. Действительно есть, но я говорю о системе, которая бы сполна удовлетворяла запросы страны. Системы, к сожалению, у нас не было, за исключением семеноводства кукурузы, зерна, подсолнуха и технических культур, таких, как хлопок, лен, конопля. Мы не создали твердых правил обеспечения первоклассным семенным материалом всех наших хозяйств. Таким образом, хозяйства не меняли семена вовремя и не внедряли лучшие семена, созданные селекционерами. Такой системы у нас не было.

В Америке, беседуя о животноводстве и птицеводстве, мне просто приходилось краснеть. То, что я там увидел и что мне докладывали об уровне селекционной работы по птице в Англии, это для нас в те времена казалось непостижимым. К сожалению, и сейчас мало что изменилось. Год или два назад я читал об итогах сельскохозяйственного года. Там фигурировала такая цифра: одна несушка у нас дает 130 яиц в год. Это же мизерная, просто позорная цифра! Не знаю, кого эта цифра может удовлетворить. Она говорит о низком уровне наших ученых, институтов и всяких прочих учреждений. Яйца в магазине бывают не всегда. Может быть, в Москве еще лучшие условия, а я знаю, как обстоят дела в провинции. Говорят, там купить яйца или мясо, особенно такое, какое хотел бы, очень трудно. Я узнал, что за этими продуктами люди приезжают в Москву из Брянска. Почему так получилось? Я сейчас не буду распространяться на этот счет. Думаю, что не было четкой организационной системы. Ученых, имеющих степени докторов и кандидатов наук, у нас много, но, видимо, их распыленность не дает успеха.

Подробнее я не буду говорить, специалисты, которые следят за этими проблемами, все знают лучше меня.

ЦЕЛИНА: ГОРЫ ПШЕНИЦЫ

Я хотел бы вспомнить о большой работе, проведенной в мое время, когда я находился в составе руководства страны. Это целинные земли.

Целинные земли — целая эпопея. Мне всегда приятно о ней вспоминать. Приезжая на целинные земли, я объезжал Казахстан, оренбургские и алтайские степи, хозяйства в Красноярском крае. Целинные земли Казахстана производили потрясающее впечатление. Это горы пшеницы и, нужно сказать, хорошей пшеницы.

Начну сначала. Встал вопрос об увеличении производства зерна. Без

этого мы не могли двигаться дальше, мы не обеспечивали себя зерном. Вот тогда и возник вопрос о целинных землях. Я об этом задумался еще в 1953 году, после смерти Сталина, когда новое руководство приняло на свои плечи все заботы о стране. При Сталине мы с трудом сводили концы с концами, хлеба не хватало, надо было искать выход. Я не знаю почему, но Сталин запрещал распахивать новые земли. После войны в сравнении с довоенным периодом у нас сократились посевные площади за счет земель, выпавших из севооборота в результате войны. Люди ушли на войну, не хватало работников, не было инвентаря, тракторов, лошадей. Выпали довольно большие площади, особенно в Ленинградской, Калининской, Московской областях и в Белоруссии. Они заросли кустарником, и их уже было трудно распахать.

Сталин запретил распахивать новые земли, видимо считая, что этим привлечет внимание колхозников к повышению урожайности, то есть с меньших площадей начнут получать большее количество сельскохозяйственных продуктов. Но он не понимал или не хотел понимать, что для перехода от экстенсивной формы ведения сельского хозяйства на интенсивную одного желания мало. Для этого нужны средства и база и, прежде всего, развитая химическая промышленность, а также селекционная работа и многое другое. Он считал: достаточно создать дефицит земли, крестьяне начнут искать выход, создадут условия, при которых с той же земли будут получать больше сельскохозяйственных продуктов.

Уровень заготовок зерна во времена сталинского руководства колебался от миллиарда восьмисот миллионов пудов до двух миллиардов. В какой-то особенно благоприятный год, я говорю о послевоенном периоде, собрали больше двух миллиардов пудов. Сталин упорно счет зерна вел в пудах. Поэтому я сейчас помню цифры в пудах лучше, чем в тоннах. Расходовали мы на прокорм столько же, миллиард восьмисот, два миллиарда пудов. Резерв образовывался только за счет жесткой экономии расхода зерна. После войны мы ввели карточки и вертелись, как белка в колесе. Ведь мы обеспечивали своим зерном еще и потребности Германской Демократической Республики, Чехословацкой Республики и частично Польши. Порой приходилось помогать Болгарии и Венгрии. Румыния не только себя обеспечивала, но и имела всегда экспортные резервы. Тогда некоторые руководители социалистических стран выражали недовольство Румынией, которая продавала зерно на капиталистическом рынке и отказывалась помогать социалистическим странам. Мне было понятно, почему Румыния так поступает. Она хотела иметь валюту для приобретения западного оборудования, лучшего в сравнении с производимым в социалистических странах. Я сейчас не буду высказываться, хорошо это или плохо. Это зависит от того, под каким углом зрения смотреть. Плохо для тех, кто нуждался в зерне, и хорошо для того, кто хотел приобрести иностранную валюту. Но в их упреках, может быть, была доля правды, потому что положение сложилось тяжелое, и поведение румын порождало некоторую отчужденность.

С другой стороны, можно сделать критическое высказывание в адрес

политики, которую проводила Польша. Я сейчас не хочу бросать камушки в их сторону. Я считаю и считал Гомулку честнейшим пролетарием-коммунистом. Но в силу определенных обстоятельств он допустил грубые ошибки. Не только он, но и все руководство. В результате этих ошибок народ буквально поднялся на восстание с тем, чтобы отстоять свои интересы, подорванные решением польского правительства повысить цены.

Гомулку я порой звал Веслав, его подпольной кличкой.

— Веслав, — говорил я ему, — вы просите у нас еще зерна, хотя мы вам уже продали изрядное количество. Если рассмотреть обеспеченность посевными площадями на душу населения, то Польша находится в лучшем положении в сравнении с любой социалистической страной, за исключением Советского Союза. У вас почти полгектара на душу населения. Это же замечательно! Вы не только сами себя можете обеспечить, но и иметь резервы. А вы все время нажимаете на нас, просите пшеницу. Вы думаете, мы не понимаем, куда идет ваша пшеница. Вы же для животноводства выделяете зерна больше, чем Советский Союз, который вам оказывает помощь. Вы выращиваете лучший в мире бекон, продаете его в Америку и получаете валюту. Может быть, мы делали бы не хуже бекон и тоже могли бы проводить эту коммерческую операцию.

Мы потом попробовали, но ничего не получилось. Наш бекон американцам не пришелся по вкусу, слишком жирный. Его не покупали.

— Ну, товарищ Хрущев, — Гомулка делал наивное выражение лица, смотрел в глаза, но не отпирался, — что же делать? Мы золото не добываем, а нам золото нужно. Поэтому приходится хитрить, выкручиваться.

Я говорю только о Польше, потому что другие страны так не поступали, не делали, не потому, что не хотели, а потому, что не умели. Мы помогали всем. К примеру, без нашей помощи товарищ Ульбрихт просто не мог обойтись, у них очень низкая землеобеспеченность. По тем же причинам без нашей помощи не могла обойтись и Чехословакия. Болгария и Венгрия себя обеспечивали, но бывали случаи, когда мы их выручали. Они просили немного и не ежегодно. А Польша просила всегда.

Из солидарности и желания поддержать социалистические страны мы не проявляли достаточной твердости, а это приводило к тому, что сами не могли создать необходимых резервов. А в сельском хозяйстве без резервов нельзя. Сейчас, после событий в Польше, к руководству пришли товарищи Герек и Ярошевич. Это уважаемые мною товарищи, я их считал и считаю честнейшими коммунистами, преданными делу людьми. Они недавно приезжали в Советский Союз, а после их возвращения в Варшаву в газетах было опубликовано, что Советский Союз в порядке помощи дал два миллиона тонн пшеницы. Сохранилась та же тенденция! Два миллиона тонн пшеницы — это довольно солидная и очень ощутимая цифра. Если ее разделить на пять, выйдет, сколько можно было бы на этом зерне получить килограмм свинины. А мы не обеспечиваем себя сейчас мясными продуктами, мяса в магазинах ограниченное количество, нет должного ассортимента, да и не всегда оно бывает. За пределами Москвы официально торгуют без карточек, но фактически там ввели какое-то нормированное распределение.

Я повторяю, в 1953 году, после смерти Сталина, мы приняли на свои плечи всю ответственность за состояние страны и, следовательно, за обеспечение советского народа продуктами сельского хозяйства. Мы тогда стали изыскивать, за счет чего можно добиться резкого увеличения производства зерна и сельскохозяйственных продуктов. Встал вопрос об интенсификации хозяйства. Мы понимали, что интенсивное ведение сельского хозяйства выгоднее, чем экстенсивное. Тут дело не в разумении, а в материальной обеспеченности.

Для того, чтобы вести интенсивное хозяйство, надо соответственно подготовить промышленность и обеспечить сельское хозяйство всем необходимым. А у нас фактически не было химической промышленности. Минеральных удобрений мы вырабатывали минимальное количество, да и то примитивным способом. Содержания полезного вещества в наших минеральных удобрениях было минимальное, я боюсь за точность, но, видимо, меньше 10%. Одним словом, у нас оставалась единственная возможность — расширение посевных площадей, то есть экстенсивный способ ведения хозяйства. Он существовал у нас испокон века. А возможности у нас были большие...

Президиум Центрального Комитета поручил мне наблюдать за сельским хозяйством. На первом же Пленуме после смерти Сталина мне, как секретарю ЦК, предлагали, вернее нажимали на меня, чтобы я сделал доклад по сельскому хозяйству, но я попросил повременить, хотел подготовиться. Со мной согласились и решили созвать специальный Пленум в сентябре 1953 года. На нем я сделал этот доклад. Мы наметили пути дальнейшего развития и устранили нетерпимые преграды, сдерживающие развитие сельского хозяйства. Мы отменили «первую заповедь», и теперь каждое хозяйство могло заготавливать семена для себя, отменили налог на приусадебные участки колхозников. Существовал такой налог на каждое фруктовое дерево. В результате вырубili очень много фруктовых деревьев. Я помню, мы с Маленковым, отдыхая в Крыму, поехали в колхоз. Один колхозник сокрушался:

— Что же вы раньше-то налог не отменили? Я только что вырубил в саду все персики. Налог на каждое дерево высокий.

— Ну, что же, — отговорился я, — вырубili. Теперь вырастут новые.

Одним словом, остро стоял вопрос об изыскании дополнительных возможностей увеличения производства зерна. Зерно — это основа животноводства, особенно свиноводства и птицеводства. Без зерна их поднять невозможно. После Пленума я принимал секретарей республиканских центральных комитетов. Поговорил с казахами. От них я узнал, что в республике имеются большие резервы в распахке земель. Земли хорошие. В некоторые удачные климатические годы они получали до тридцати центнеров пшеницы с гектара. И таких земель у них было очень много. Конкретно они назвать не могли, потому что эти земли не обмерены. Тогда я поговорил с секретарем Центрального Комитета Казахстана Шахметовым. Он мне высказал совершенно противоположное мнение:

— Земель-то много, но они непригодны для распахки. Они пригодны только для выпасов, поэтому мы развиваем овцеводство и будем разви-

вать его и в дальнейшем. Одним словом, он сказал совершенно противоположное, убеждал, что распашка земель под зерно в Казахстане нецелесообразна. Я больше полагался на мнение секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению. Не потому, что я знал, что Шаяхметов по существу не прав. Нам позарез требовалось расширить пахотные земли, и я искал к тому возможности, а секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали. Я больше полагался на них: они детальнее знали состояние дел. Они меня убедили в том, что такая возможность в Казахстане имеется.

Привлекли Госплан, Министерство сельского хозяйства, стали подсчитывать наличие резервов пахотных земель в Казахстане. Насчитали три или три с половиной миллиона гектаров. Я сейчас по памяти говорю, поэтому цифра неточная. Эти цифры известны. Они публиковались из года в год по мере освоения целинных земель. Три с половиной миллиона гектаров — это большое подспорье. Другие области не могли выделить таких площадей. Мы тогда считали, вероятная урожайность — шесть-семь центнеров с гектара. Казахстан — засушливая зона, большие урожаи там устойчиво получать трудно. Но даже при такой урожайности в шесть центнеров с гектара при условии высокой производительности труда трактористов и чистоты полей эта пшеница оказывалась для нас не только рентабельной, но даже очень прибыльной.

В первый же год целинные земли показали свои возможности. Аппетит сразу возрос, и мы стали искать новые, пригодные для распашки земли не только в Казахстане, но и в других областях и краях, на первых порах в Сибири, а потом в Заволжье. Таких земель оказалось немало. Я помню свой выезд на целинные земли в первую весну. Впервые в жизни я прибыл в Казахстан и увидел его бескрайние степи. Детство и юность я провел в степях Донбасса, поэтому степной край мне близок. В Казахстане бескрайние степи безлюдны.

Когда приняли решение об освоении целинных земель, сразу возник вопрос: как к этому подступиться и в какие сроки? Необжитые степи использовались только для выпасов отар овец, поэтому люди вели почти кочевой образ жизни. Были отдельные небольшие поселки, но они не могли оказать какую-то помощь в приеме новоселов. Можно было отложить распашку земель и сначала построить колхозные и совхозные поселки, а уж затем, переселив туда людей, приступить к вспашке. Или по-иному: немедленно, по-военному, с ходу начать освоение земель.

Строительство жилья для приема людей требовало времени. К тому же у нас не было рабочей силы для обеспечения широкого фронта строительства поселков и машинно-тракторных станций. Мы решили использовать военный опыт. Когда мы воевали, наши войска располагались в поле, в палатках или в блиндажах. Конечно, освоение целины только приближенно можно сравнить с военным временем. Здесь оборудовали утепленные палатки, сделали какие-то временные постройки. Мы решили немедленно, уже весной начать освоение новых земель. Это была весна, кажется, 1954 года.

Собрали совещание, приняли решение и разработали соответст-

вующие документы. Обратились с призывом к народу. Главным образом адресовались, конечно, к колхозникам, к работникам машинно-тракторных станций с тем, чтобы они поддержали это дело, добровольно поехали в необжитые степи. Добровольцев оказалось много. И это были действительно добровольцы, главным образом молодежь. Были и семейные люди, молодые, но семейные. По поручению Президиума ЦК я выступал в Кремле, в здании Верховного Совета, перед целинниками. Мне очень было приятно смотреть на эти лица, глаза их буквально горели. Видимо, молодежь привлекла экзотика: поехать в новые, необжитые районы, в неведомый для многих край — Казахстан. Главными поставщиками рабочей силы стали Российская Федерация, Украина, Белоруссия. Я помню еще небольшое число грузин. Это не значит, что Грузия не поддержала нас. Просто она по сравнению с другими республиками невелика по населению. Но все-таки там тоже нашлись свои энтузиасты.

Тогда возник вопрос о технике. Откуда взять технику? Ведь не могли же мы сразу увеличить производство тракторов и других сельскохозяйственных машин. Это немыслимо, для этого требовались целые новые заводы. Надо было искать какие-то другие возможности. И тогда мы решили на два-три года задержать выделение тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного инвентаря в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан. И сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я думаю, что это была единственная возможность. В обжитых районах имелись кадры, поэтому на старом тракторе при обеспечении запасными частями, при квалифицированных трактористах и умелом руководстве машинно-тракторными станциями какой-то год, а может быть, даже два можно поработать.

Так мы и сделали. Бросили всю новую технику в Казахстан, выдвинули отряды. Военные пошли нам навстречу, поделились палатками. Мы старались создать сносные условия жизни для молодых людей. Дело пошло.

Меня очень тянуло взглянуть на те земли, взглянуть на людей, но уже не в Кремле, а в тех условиях, в которых они теперь жили. Там были самые примитивные, полевые условия, почти такие, как в военное время. Разница лишь в том, что не рвались снаряды и не трескали пулеметы, а шумели трактора, да еще хорошо пригревало казахстанское солнце.

Я прилетел в один из районов Казахстана. Впечатление было просто невероятное. Я радовался, и, как говорится, моя душа пела. Я увидел хорошие земли, правда, влаги не хватало. По опыту работы на Украине я представлял возможности этих черноземов. Но... при условии, если выпадут осадки. Без зимних и весенних осадков эти земли очень жестоки и дают мизерные урожаи. В отдельных районах колхозы и совхозы, занимавшиеся земледелием, ранее уже приобрели какой-то опыт.

Я вспомнил секретарей обкомов, проявивших инициативу в освоении этих земель, и задумался, почему Шаяхметов не поддерживал их. Он официально не выступал против, но в его высказываниях проскальзывало мнение, что эти земли непригодны для вспашки. Я предположил, что у него были некоторые мотивы националистического характера. Видимо, он не хотел привлечения людей из других республик. Одновре-

менно он понимал, что своими силами Казахстан им не освоить, вот и тормозил дело.

Когда мы своими глазами увидели бескрайние степи, то только тогда поняли, какие таятся здесь возможности расширения пахотных земель, а следовательно, увеличения сбора зерна.

Я увидел палатки в бескрайних казахстанских зеленых степях. Смотришь на них, они расстилаются, как зеленый ковер. Это красивое зрелище. Трактора гляделись буквально с букашку, ползающую по казахстанским степям. Я беседовал с трактористами. Главным образом это были молодые парни. Молодежь всегда с энтузиазмом откликалась на призывы партии и правительства. Они с энтузиазмом взялись и за освоение земель, и одновременно устраивали свой быт. Помню, приехал в какую-то бригаду трактористов, мы беседовали. Всегда находились шутники, веселые ребята, а часто и балагуры. Один молодой человек обратился ко мне:

— Товарищ Хрущев, вы видите, как мы работаем. Здесь только парни и среди нас одна девушка. Мы все ходим за нею, а она не смотрит на нас. Она одна, а нас много. Сделайте так, чтобы девушки сюда приехали, скучно нам одним.

Все рассмеялись, и девушка тоже. Она поняла шутку.

— Попрошу руководство комсомола обратиться с призывом к девушкам выехать на целинные земли, — пообещал я. — Здесь работы для всех хватит.

В свое время села за руль трактора Паша Ангелина, показала, что техника для девушек тоже не заказана, что девушки могут с ней успешно справляться. За ней последовала ее сестра, кажется, ее звали Надей. Я с ней тоже встречался. Они обе были награждены. Помню девушку-трактористку из Краснодара по фамилии Бурда. Потом эта профессия перестала быть редкостью для девушек, они становились трактористами и даже комбайнерами.

Вернувшись в Москву, я поговорил с руководителями ЦК комсомола, они подготовили обращение к девушкам. Очень многие согласились уехать. Правда, для семей это была трагедия, особенно для матерей. Как отпустить девочек, своих дочерей из-под своего крылышка в неведомый край? Всякое в жизни может случиться... Что встретится девушке? Сможет ли она обзавестись семьей? Все эти вопросы важные, мы это понимали, но у нас другого выхода не было. Потом оказалось, большинство из них хорошо устроились. Они создали свои семейные очаги.

Почти каждый год я приезжал во время уборки на целинные земли. Появились выстроенные новоселами поселки. Выглядели они довольно нарядно, хотя и бедновато, примитивно. Ведь строили их из подручных материалов. Мы не могли обеспечить стройки нужным количеством леса. Это степная зона, и завозить туда лес было трудно, да и леса мы получали не так много. Но все-таки что могли — выделяли. Одним словом, жизнь стала пускать свои корни, земли стали обживаться. Как говорится, закурился дымок из труб новых домов.

Мне припоминается, что урожаи в первые годы были не такие уж плохие по тому времени. Мы получали и по десять, и по двенадцать, и по

шестнадцать центнеров с гектара. Случались и стопудовые урожаи. Тогда стопудовый урожай вызывал восторг, хотя это не так много. Каждому времени соответствует определенная урожайность. То, что сейчас кажется мало, тогда по тем возможностям казалось рекордом. Казахстан сразу проявил себя как хорошая опора в создании зерновой базы страны.

Помню, как я ездил по степям Казахстана. Особенно впечатляло время уборки. Кругом колышется пшеница, всюду, сколько видит глаз. Поля лишь изредка перемежались отдельными хуторками населенных пунктов. Впечатляющая картина. Я гордился возможностями Советской власти и могуществом партии, пользующейся таким доверием своего народа. Народ правильно оценил решения партии и правительства, откликнулся на их призыв, приложил все усилия, чтобы в максимально короткий срок освоить эти земли!

Я не очень хорошо знаю историю освоения этих земель. Царь когда-то попытался освоить целинные земли и занялся переселением людей. Правда, у него были другие соображения, мои земляки из Калиновки не переселялись, а люди из соседнего села туда поехали. Оно имело двойное название: народное — Сучкино, а по писаному — Клевень. Уехали многие. Клевень — большое село. Там жила моя тетя, старшая сестра моей матери. Она тоже выехала со своим большим семейством в Кокчетавскую область, или по-старому губернию. У нее было много сыновей и дочерей.

Я помню, как семья моей тети уезжала в чужие края. В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика, а не плугаря. Работали рядом с этим Сучкино.

В тот момент в сельскохозяйственных работах наступил перерыв, и мы занимались чисткой леса, вырубали орешник и другой кустарник. Мне, подростку, досталось стаскивать ветки в кучу. Работа нетяжелая, даже приятная. Вдруг мы заметили, что в Клевене пожар. Все побежали туда, и я тоже. Горело все село, в том числе и домик моей тетки. Потом говорили, что этот пожар устроили сами отъезжающие в Казахстан крестьяне (тогда не знали Казахстана, говорили — в Сибирь). В тот день, когда они должны были выезжать, выгорела половина села. Переселение шло болезненно. Выбирали ходоков, среди них был и муж сестры моей матери. Они заранее ездили и смотрели земли и условия, в которых предстояло жить переселенцам. Им понравилось — земли столько, сколько глаз видит, можешь брать, сколько хочешь, сколько осилишь. Но не все там приживались, не все смогли освоиться, потому что для этого требовались большие физические силы и средства. Выезжала главным образом беднота. Средств и денег у них было мало. Они ехали, прихватив пилу, топор, плужок да рабочие руки. Вот и все, чем они располагали. Хотя царь поощрял переселение, но из этого получалось очень мало толку, потому что нужной помощи царским правительством оказано не было. Некоторые, переехав, обзаводились хозяйством, а земли там было

сколько хочешь, и выбивались в кулаки, как говорили крестьяне. Другие разорялись и превращались в батраков. Кое-кто возвращался.

В наше время мы двинули на целину технику, послали туда трактора, комбайны, плуги и сеялки. Одним словом, условия совершенно другие, переезжающим оказывалась государственная помощь.

Сколько десятилетий царское правительство прилагало усилия для освоения целинных земель, но ничего не выходило. Оно преследовало цель расселения людей из малоземельных районов, а это вопрос не только экономический, но и политический. В 1905 году Хомутовский район и сама Калиновка участвовали в восстании. Были разгромлены имения. Наше село громило имение генерала Шоутиса. Оно примыкало к нашему селу, а имение Васильченко располагалось подальше, за лесом. Его тоже разгромили. Около шестидесяти человек за это посадили в тюрьму. Видимо, правительство решило разрядить политическую обстановку, предложив крестьянам уехать в необжитые районы, таким образом создать оставшимся большую землеобеспеченность. Уезжая, крестьяне продавали землю. Беднота ее не могла купить, хотя и нуждалась. Покупали кулаки и середняки, которые имели средства.

Когда я проезжал по степям Казахстана, на память пришло стихотворение Некрасова. Я его очень люблю, но забыл, как оно называется, а слова помню и сейчас:

«Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь за раскол,
Землю да волю им дали.
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит..
Так постепенно в полвека (я подчеркиваю — в полвека)
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!...

Тогда, по словам Некрасова, потребовалось полвека. Мы в наше советское время справились буквально за три-четыре года. И не только «в кузнице молот стучал», трескали машины, трактора, комбайны, были построены целые поселки, школы, больницы. Одним словом, созданы минимально необходимые условия для жизни в степи. Мы понимали, что сразу сделать всего нельзя. И люди понимали, что едут не к теще на блины, а придется им трудиться и трудиться, пока благоустроятся и создадутся человеческие условия. Такое ускоренное освоение земель, возведение поселков буквально кружило голову — приятно смотреть, но не так просто и легко это давалось. Главное, не было дорог. Откуда было взяться дорогам, если там не было людей? Кочевое животноводство не требовало дорог, наоборот, дороги только лишь отнимали землю для пастбищ.

Зерновым хозяйством занимается оседлое население. Для общения между людьми, а главное, для хозяйственных нужд, требуется устройство дорог. Это важный момент. Мы начали с грунтовых дорог. Потом стали строить железные дороги и одновременно широким фронтом, насколько позволяли материальные возможности, приступили к строительству дорог с твердым покрытием.

Когда созрел урожай, мы приступили к уборке. Она нам стоила больших трудов. Тех комбайнов, которые мы привезли с заводов, не хватало. Не хватало кадров, и мы вынуждены были обратиться к машинно-тракторным станциям с просьбой о переброске техники с водителями из центральных районов. Тут помогло наличие климатических поясов нашей страны. Почти месяц разрыв в сроках уборки на юге России и на целине.

Как секретарь Центрального Комитета и Председатель Совета Министров я получал много писем, которые были криком души их авторов. Люди видели, какие потери мы терпим при уборке и при перевозке. Это было неизбежно, я все это не только видел, но и отлично понимал весь ужас положения. Члены правительства и руководство Центрального Комитета знали, что нет складских помещений, поэтому убираемый хлеб буквально высыпали на землю. Кое-где подстиляли брезент, создавая какую-то защиту от непогоды. Но и брезента не хватало. В таких условиях, к сожалению, нельзя обойтись без потерь, и даже больших потерь. Чтобы при перевозке зерно не высыпалось из кузова, необходимы ровные дороги. На выбоинах при толчках зерно просыпалось. Нужно построить или отыскать складские помещения в степях. Жалко было смотреть, как погибало выращенное зерно. Но, несмотря на все невзгоды, а они неизбежны в необжитых районах, мы все-таки получили большое количество зерна. Даже огромные потери окупались.

Могут, конечно, спросить: «Зачем вся эта поспешность? Надо было сначала построить поселки, склады, хорошие дороги, одним словом — подготовиться, а потом уже сеять».

Верно, было бы меньше потерь, но на это ушли бы годы. Нехватка зерна, отсутствие хлеба в магазинах, очереди не позволяли нам ждать слишком долго. Начав освоение целинных земель, мы сначала собирались организовать там колхозы. Я говорил, что мы обратились к добровольцам, в основном к молодежи, понимая, что за молодежью потянутся целые семьи. Старикам труднее было сдвинуться с обжитых мест, из своих сел, от своих соседей, от своих кладбищ, где похоронены их предки. При переселении семей возникали и дополнительные трудности. Ведь в семье минимум 50% нетрудоспособных членов: старики, дети, они не могут работать в поле. Поэтому мы ориентировались на молодежь.

Вспомнилась мне одна из поездок на целину, в Казахстан. Не самая первая, но это не имеет особого значения. Как всегда, я разъезжал по колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям, беседовал с людьми. На одной машинно-тракторной станции я встретился с агрономом. Когда-то я диктовал по этому поводу краткие воспоминания и называл его фамилию. Он переехал сюда еще до освоения целинных земель и работал в

машинно-тракторной станции. Когда мы ездили с ним по полям, смотрели на уборку хлебов, он обратился ко мне с такими замечаниями:

— Товарищ Хрущев, я хотел бы вам высказать свои соображения. После уборки мы начнем распределять зерно по трудодням. Получается нелепое положение. Машинно-тракторная станция вспахала землю, посеяла, вырастила пшеницу, убирала урожай. Все делают люди, работающие в машинно-тракторной станции. Они получают заработную плату от государства. Теперь я, как агроном, пойду вместе с председателем колхоза выискивать людей, которые принимали участие в труде. А их участие минимальное. Мы выделяем им часть зерна и спрашиваем: «Куда отвезти ваше зерно?» Зерно-то получается государственное, выращено оно на государственной земле людьми, получающими от государства зарплату. Он стал излагать свои предложения. На целинных землях нет местного населения, нет поселков, приходится создавать все заново, строить помещения для машинно-тракторных станций, жилье для работающих. Все это можно поднять только за счет государства. Поэтому он предлагал сохранить эти вновь создаваемые предприятия за государством, организовывать на целине не колхозы, а совхозы.

Этот вопрос мы обсудили в Центральном Комитете, в правительстве и согласились с агрономом, решили повернуть политику на создание совхозов, превратить машинно-тракторные станции в совхозы. Что такое машинно-тракторные станции? Это государственное предприятие, оснащенное сельскохозяйственной техникой, которое ведет обработку земли на окружающей территории в экономически целесообразном радиусе обслуживания. А что такое совхоз? Это хозяйство, которое ведет сельскохозяйственные работы на определенной территории. Машинно-тракторная станция как раз и является таким хозяйством.

В молодых колхозах, которые уже создались, мы провели разъяснительную работу среди колхозников, и они превратились в рабочих совхозов. Колхозников было мало, кот наплакал, я считал и сейчас считаю это предложение агронома очень рациональным. В совхозе больше распорядительности и больше ответственности. Мы избавились от двойной ответственности колхоза и МТС. Раздельные владельцы земли и техники постоянно все согласовывали и не всегда достигали единодушия к нужному сроку. А сельское хозяйство не терпит проволочек: надо вовремя вспахать, вовремя посеять, вовремя убрать. Все эти работы повторяются из года в год, но если их вовремя не сделать, то не получишь должного эффекта.

С каждым годом у нас нарастал аппетит в освоении целинных земель. Этим заразились, я говорю в хорошем смысле, областные и краевые комитеты компартии в Российской Федерации, да и в других республиках. Они занялись изысканием дополнительных земель. Таких земель у нас отыскалось очень много, и сейчас их еще остается огромное количество. Но не все оказалось под силу освоить. К примеру, есть огромные, замечательно плодородные площади, но заболоченные. Их надо осушать, облагораживать. Как правило, эти почвы закисленные, требуется их известковать и проводить другие работы. Мелиорация — это дорогое

удовольствие. Из-за отсутствия средств мы ею не занялись в первую очередь. Мы пошли по линии наименьших трудностей. А наименьшие трудности — это хорошие целинные земли, на которых затраты идут только на распахку и освоение земель и, конечно, на создание человеческих условий для людей.

Сразу выросли заготовки зерна. В колхозах, расположенных в районах с плотным населением, большее количество выращенного зерна оставляли себе. Это их земли, их труд. Им необходимо обеспечивать собственные потребности в зерне, в мясных и молочных продуктах, овощах и во всем прочем, без чего не может жить человек. На целинных землях местные потребности оказались минимальными, там население немногочисленно. Поэтому эти хозяйства оказались самыми выгодными, с наименьшей долей собственного потребления. Тут производили почти целиком товарный хлеб, который поступал в фонд государства.

Снова я возвращаюсь к строительству. Нас душила не только проблема жилья. Без него человек жить не может, но жилье построить легче. Его строили не только рабочие, но и студенты во время каникул. Чтобы собрать зерно, требовалось спешное строительство элеваторов, складов для зерна, дорог. Возникла необходимость форсирования строительства железных дорог. Зерна мы выращивали много, а его потребители находились на далеком от него расстоянии. Надо было вывозить зерно в города и промышленные центры. Строили, насколько хватало сил, материальных ресурсов, рабочих рук. С учетом сложившихся тогда нелегких условий можно сказать, что работы шли хорошо, с энтузиазмом. Работала в основном молодежь. Советская молодежь замечательная. Она правильно поняла призыв партии, призыв правительства и отдала свои силы получению в нужном изобилии продуктов сельского хозяйства.

Были ли в руководстве разногласия при решении вопроса о необходимости увеличения пахотных земель? Были. На первом этапе, пока мы ставили скромные задачи, их не было. Это объяснялось тем, что люди, которые потом стали относиться к этому вопросу оппозиционно, не представляли себе ни затрат, ни трудностей, которые могут возникнуть. Когда же все больше и больше осваивалось земель, наравне с получением больших возможностей увеличения сбора зерна увеличивались и затраты на освоение новых земель. Руководства обжитых районов республик, областей и краев начали проявлять не то чтобы недовольство освоением земель, но жаловались на ущемление их запросов, в первую очередь в получении техники. Основным противником освоения целины стал Молотов. Были и другие. Остались в памяти контуры, отдельные фрагменты оппозиционных настроений. Насколько я помню, большинство бесед в Центральном Комитете на эти темы проходили без неодобрения и неприязни. Основная масса поддерживала нас, тем более что в результате освоения целины мы посчитали возможным уменьшить поставки из других регионов.

Мы тогда подходили к урожаю старой меркой. Когда стали получать далеко за два с половиной миллиарда пудов товарного хлеба, то есть столько, что мы, засыпая зерно в элеваторы, считали, что это очень мно-

го. При Сталине, я уже говорил, засыпали миллиард 800 миллионов. Два миллиарда считалось много... Мы заготавливали такое малое количество, а потребляли еще меньше. Постепенно мы дошли до трех миллиардов и решили, что можем удовлетворить все свои запросы. Мы исходили не из реальности, из тех условий, в которых жили раньше. Жизнь показала, что это неверно. Нам казалось, что теперь можно уменьшить заготовки в старых обжитых районах. Сократились поставки хлеба из многих республик. Даже Украине, которая занимала в те времена очень большой удельный вес в создании запасов зерна, мы несколько уменьшили планы заготовок. По-моему, Белоруссию почти совсем освободили от поставки зерна. Она всего-то давала пятнадцать миллионов пудов. Это очень низкая норма. Белорусское сельское хозяйство находилось тогда на очень низком уровне.

В скором времени мы почувствовали, что поспешили. Хлеба не стало хватать. Почему? Мы уже освоили тридцать или сорок миллионов гектаров. И не только целинных земель Казахстана, но и Оренбурга, Омской области, Краснодара и Новосибирска. Во-первых, после смерти Сталина у людей сняли «замки» с языков, они получили возможность, не оглядываясь, что их посадят, высказывать критические замечания. Я бы сказал: впервые появилась возможность более свободно говорить о своих потребностях. Я говорю, более свободно, потому что настоящим голосом еще не заговорили, еще над всеми висело сталинское прошлое, угроза: скажешь — посадят, вопрос задашь — посадят, а не посадят, так подвергнут каким-то ущемлениям или унижениям по службе. Какие-то ущемления случались. Другой раз и в тюрьму сажали. К сожалению, это было. А «наверху» создавалось впечатление, что тишь и гладь — божья благодать, народ живет и благоденствует. Недостатки, конечно, были, есть и будут, потому что с развитием общества, с развитием промышленности, с развитием культуры возрастают и потребности у народа. Это надо учитывать.

Одним словом, мы стали снова ощущать недостаток в зерне. Появились дополнительные требования со стороны социалистических стран, обращавшихся за помощью. В первую очередь со стороны Польской республики. ГДР и Чехословацкую республику пришлось полностью взять на себя в удовлетворении их потребностей в зерне. Мы продолжали оказывать значительную помощь Венгерской республике и Болгарии, я уж не говорю об Албании, которую мы полностью обеспечивали, и не только зерном. Мы содержали ее армию, экипировали ее вооружением и обмундированием. Все эти заботы мы взвалили на свои плечи, хотя чувствовали, что нам это не под силу, но не могли отказать. Это объяснялось политическими соображениями, желанием укрепить дружеские отношения. Кроме того, всякий раз, когда нас вынуждали решать этот вопрос, мы надеялись, что в следующем году мы освоим новые земли, получим больший урожай и, наконец, полнее сможем удовлетворить свои потребности.

Правда, свои потребности в хлебе мы удовлетворяли, если говорить о хлебе, как о пище людей. Но хлеб потребляется не только на столе,

необходимо фуражное зерно, а это мясо, это яйца. Фуражного зерна нам очень не хватало. Помощь друзьям истощала наши резервы. Без резервов продукции сельского хозяйства, а особенно зерна, жить нельзя. Я считал, что надо иметь годовой резерв, а может быть, даже и больше. Сельское хозяйство и раньше, и сейчас, и в будущем будет зависеть от природных колебаний. Конечно, урожай зависит и от техники, и от культуры обработки почвы, и от умения создавать более продуктивные сорта, и от много другого. Но все-таки дождик есть дождик. Поэтому крестьянин всегда оглядывался на попу и шел к нему с поклоном, с просьбой вынести икону и отслужить молебен.

Мы понимали, что нам это не поможет, но также зависели от погоды, от того, благоприятно или нет сложатся климатические условия того или другого года, того или другого района. У нас огромная страна, где-то обязательно зальет, где-то засушит. Мы так и не смогли создать хороших резервов, для этого требовалось отказать соцстранам в помощи.

Я хочу, чтобы меня поняли. Другой раз неправильно понимают нашу помощь, вроде бы мы подаем нищему. Нет, мы поставляли им хлеб, а оплата шла не валютой, не золотом, а учитывалась в общем товарообороте. Они нам продавали в оплату за полученное от нас зерно те товары, которые не могли сбыть на западных рынках. От этого мы терпели какой-то ущерб, хотя товары поставляли нам хорошие, доброкачественные. В этих товарах мы нуждались, но могли бы обойтись и без них, мы больше нуждались в создании зерновых запасов, а самое главное, у нас самих росли потребности, рос фонд заработной платы, увеличивался спрос.

В стране значительно увеличились надои молока. Я это приписываю силосным культурам, и в первую очередь кукурузе. К сожалению, сейчас эту культуру забывают, но в будущем к ней еще вернутся, она — лучший корм для крупного рогатого скота.

Почему у нас стали расти потребности? Мы изыскивали возможность для увеличения пенсий. Нельзя было дальше терпеть, когда пенсионеров, вдов и прочих людей, которые лишились трудоспособности или кормильцев, погибших на войне, держали на мизерном пайке, мизерной пенсии. А таких было много. Помню, когда я приезжал в Ростов и проходил по улице, то особенно люди старые, пожилые, пенсионного возраста буквально выкрикивали, без всякой организации «сверху», самостоятельно слова благодарности. У нас любят организовывать приятные начальству выкрики, этим занимаются «подписочные крикуны». Эти люди искренне говорили: «Товарищ Хрущев, спасибо за пенсии, спасибо за пенсии!». Врачи и учителя, которым мы прибавили заработную плату, тоже благодарили.

Раз люди стали больше получать, они больше и расходовали, главным образом на самое необходимое, на питание. Увеличилось потребление хлеба, хлебобулочных изделий, как выражаются на бюрократическом языке, и других необходимых продуктов: жиров, говядины, масла. Я уж не говорю об овощах.

— У нас возникали трудности такого порядка: увеличилась заготовка мяса, но не было холодильников, негде его хранить, — говорили мне.

В ответ я грустно шутил, однажды даже публично.

— У нас есть огромные нереализованные возможности по хранению мяса, это человеческие желудки. Так что опасность затоваривания нам не угрожает, достаточно увеличить заработную плату, как сейчас же увеличиваются желудки.

Потребление мяса у нас держалось на очень низком уровне, я считаю, что и сегодня оно почти на нуле. Даже среди социалистических стран мы занимали едва ли не последнее место, ниже нас потребление мяса было лишь в Болгарии и Румынии. Все другие социалистические страны потребляли на душу населения мяса больше, чем мы. Я думаю, что положение и сейчас такое же, хотя в печати нет такой информации. Мы ее никогда не давали, это держалось под спудом. Открытая информация в какой-то степени мешала хвастовству о наших достижениях.

Конечно, мы добились невероятных успехов после Октябрьской революции. Это каждому глупцу очевидно. Даже враг не может этого отрицать. Но нам самим надо трезво смотреть на вещи. У нас имеются огромные недостатки в целом ряде производств, отсутствуют самые необходимые предметы потребления и продукты питания. Мы отставали и сейчас отстаем от Запада. Пусть в меньшей степени, но оно не ликвидировано. Отставание объяснялось низкими урожаями, и сейчас в сравнении с Западом наши урожаи низки. Тогда средний урожай зерновых, я боюсь ошибиться, равнялся приблизительно десяти центнерам с гектара. Бывало и меньше: восемь или даже семь. В некоторые годы урожаи зерновых были еще ниже. Были, конечно, и такие зоны, где в отдельных хозяйствах мы получали по тридцать — тридцать пять центнеров с гектара. Например, на Украине получали до ста пудов на круг, это мы тогда считали высоким урожаем. Но урожайность была неустойчивой. Кроме климатических условий, на что, собственно, мы списывали все беды, нам не хватало минеральных удобрений. Если какое-то количество мы их и выработывали, то эти удобрения были низкого качества. В основном балласт с очень небольшим количеством полезных веществ, усваиваемых растениями. Имевшиеся минеральные удобрения быстро твердели, а мы не имели оборудования для их измельчения. Мы отставали от Запада, там уже в те времена вырабатывались гранулированные удобрения, содержащие два-три вида полезных веществ, это так называемые сложные удобрения. Мы их производили с содержанием только одного химического компонента.

Англия, Франция, Западная Германия, Голландия, Дания и прочие западные страны получали до тридцати пяти центнеров зерновых на круг против наших восьми — десяти центнеров с гектара. Следовательно, при тех же затратах выработка на одного работающего в сельском производстве у нас в два-три раза ниже.

Мы не только отстали в технике производства минеральных удобрений, но, самое главное, у нас не было средств. После смерти Сталина мы все еще боялись нападения капиталистических стран. Америка вела наглухую политику, все время демонстрировала свое превосходство, «обложила» социалистические страны военными базами и даже позволяла

себе полеты самолетов над территориями социалистических стран. Мы вынуждены были выделять большие средства на оборону, с тем чтобы избежать повторения мировой войны. Требовались огромные средства для вложения в науку и непосредственно в производство средств обороны. Это, прежде всего, ракеты, самолеты, атомные заряды, подводный флот и прочие средства ведения войны. Они обходились нам довольно-таки накладно, истощали наш бюджет, ограничивали наши возможности капиталовложений в развитие химии. Теперь мы оснастили Вооруженные Силы современным оружием, но для этого потребовались годы и огромные миллиарды.

В последние годы моей деятельности дважды официально ставились вопросы о развитии химии, о развитии производства минеральных удобрений. И не только о них. Шла речь о полиэтилене, других продуктах химического производства. Но для этого требуется время, много времени, потому что мы очень отстали.

Те минеральные удобрения, которые мы вырабатывали и распределяли между колхозами и совхозами, по два-три года и более лежали на складах. На каких складах? Просто в отвалах у железной дороги. Хозяйства их не вывозили. Под дождем и снегом они выщелачивались и теряли свои свойства. Оставался один доломит. Его скапливались целые горы. Я наблюдал, как детишки катались с этих гор на санях. Это говорит о том, что и колхозник, и совхозное руководство недостаточно ценили и понимали пользу удобрений. Эта свалка минеральных удобрений затвердела, и ее потом просто невозможно было вывезти. Приходилось буквально вести разработку отбойными молотками. Все это снижало наши возможности.

Бывало, меня атаковывали журналисты Запада, особенно американские:

— Какая у вас выработка на одного человека? — пытали они меня, — сколько у вас занято людей в сельском хозяйстве? Какой процент населения обеспечивает потребности страны в сельскохозяйственных продуктах?

Конечно, все эти соотношения были не в пользу Советского Союза. Американский фермер имел более высокую производительность труда и выработку. Это объяснялось не только лучшей подготовкой. Я считаю, и сегодня он лучше подготовлен. Но он и лучше вооружен. По сельскохозяйственной технике мы были, может быть, почти на том же уровне, но нам явно не хватало умения. К технике необходимо приложить умелые руки. В подтверждение к этому я хочу привести пример, которым не раз пользовался при публичных выступлениях. Я имею в виду ферму господина Гарста, к которому я сохраняю большое уважение за его ум, за его практичность и, я бы сказал, за его честность. Могут сказать, что Хрущев на склоне своих лет восхваляет капиталиста. Я не восхваляю, но восхищаюсь человеком, который умело вел хозяйство и не замыкался в себе, а искренне хотел нам помочь, передав свой опыт. Он был большой сторонник кукурузы.

— Господин Хрущев, — при очередной встрече обратился ко мне Гарст, — я видел, как вы обрабатываете поля, как вы сеете кукурузу.

Я видел сорта вашей кукурузы и считаю, что сейчас вы не нуждаетесь в покупке семян в Америке. У вас имеются свои высокопродуктивные сорта. Отберите двух человек, двух трактористов и пришлите их ко мне. Они будут работать на моей ферме с моими сыновьями. Я обучу каждого обрабатывать тракторами по сто гектаров кукурузы без приложения ручного труда.

Сто гектаров! Для нас было невообразимо много. Какие площади кукурузы мы тогда обрабатывали? Я сейчас затрудняюсь сказать, не помню. Да у нас, наверное, и учета не было. У нас где звенья, где бригады работали, многочисленные и довольно обезличенные. И сейчас еще недостаточно четко ведется учет в колхозах и даже в совхозах.

Я называл фамилию товарища Гиталова, которого знал по Украине. Он очень большой энтузиаст, любит свое дело, преданный технике человек. Гиталов хорошо знал трактор, по нашим меркам, конечно. Напарника Гиталову подобрали в сельхозотделе ЦК. Послали их к Гарсту. Там они проработали один сезон и вернулись домой. Гиталов потом обрабатывал даже не сто гектаров, а, по-моему, сто двадцать и сто тридцать гектаров. Можно представить наши резервы и нашу возможность увеличения производительности труда, выработки на одного человека! Это говорит о возможности удешевления себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Можем ли мы поднять урожайность до тридцати центнеров с гектара? Безусловно, можем, если будем умело вести хозяйство. Наши климатические условия позволяют это сделать. Что нужно для этого — высокая квалификация, хорошая техника, минеральные удобрения и необходимое количество хороших продуктивных семян. Я прочитал в газете, что недавно наградили товарища Лукьяненко. Я радуюсь и поздравляю его. Этот человек достоин наград. Он дает прекрасные семена пшениц и по урожайности, и по хлебопекарным качествам.

С каждым годом моя память ослабевает. К сожалению, я уже не могу вспомнить фамилии людей, с которыми не раз встречался... Естественный процесс. Помню только их внешность. Конкретно представляю себе женщину-селекционера из Саратовской области. Стоят перед моими глазами селекционеры целины. Я там бывал в научно-исследовательском институте, беседовал с ними. Замечательные люди. Да сколько их! И по зерновым, и по техническим культурам! Из технических культур прежде всего — это подсолнечник. Пустовойт вывел сорта, имеющие мировую славу.

Я возвращаюсь к главной теме — освоению целинных земель. Считаю, что освоение целинных земель послужило для нас спасением и было хозяйственной необходимостью. В то время это был единственный быстрый путь увеличения сбора зерна в Советском Союзе. Целина по климатическим условиям несколько приближается к Канаде. Там есть районы, которые называются районами рискованного земледелия, то есть не каждый год там получают урожаи, окупающие затраты. Но все-таки земледелие в Канаде экономически выгодно и в целом окупается. У нас те же условия. Самый низкий урожай получили на целине в 1963 году. Тогда он таким выдался не только на целине, но и по всей стране.

Наступило тяжелое время, ведь у нас не было резервов. Мы даже были

вынуждены закупить зерно за границей: в Канаде, в Австралии и даже в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты хотели нас прижать и отказаться от продажи, но капиталистическая алчность не знает преград, и все-таки продали нам хлеб. Им нужен был покупатель, а мы были вынуждены обратиться к Америке. Переговоров на правительственном уровне не велось, все решалось на коммерческой основе. Но и в 1963 году на целине мы получили хлеб по себестоимости, окупившей затраты.

Целинные земли породили много вопросов, на которые мы не знали ответа. Главный вопрос: когда, в какие сроки сеять? Сеять ли ранней весной, как мы привыкли в Европейской части, или же несколько выждать? Старожилы подсказывали нам, когда наступал наиболее благоприятный период для сева. Мы и верили им, и боялись ошибиться.

Почему так важны сроки? На целине дожди выпадают скупо, в определенный период времени. Надо подгадать самые благоприятные условия для посева. Попадешь под дождь — будут всходы, ошибешься... Затем возник новый вопрос: как пахать и сеять? В Казахстане нередко пыльные бури. Однажды они привели к уничтожению посевов. В связи с этим вопросом мы посылали специальные делегации в Канаду. Наши агрономы, инженеры, конструкторы сельскохозяйственных машин только по литературе были знакомы с сельхозорудиями Канады. Там применялись плоскорезы, которые не переворачивали пахотный слой, а подрезали его и обрабатывали дисковыми боронами. Имелись и другие вопросы, требовавшие учета местной специфики. Мы таких методов обработки почвы не знали.

До начала подъема целинных земель этой спецификой не интересовались ни специалисты, ни руководящие работники. К тому же они приехали на целину в основном из обжитых районов: из Украины, Белоруссии, Северного Кавказа. Они привыкли к своему порядку ведения сельского хозяйства, к своим климатическим и почвенным условиям и, естественно, переносили свой опыт на условия Казахстана, постепенно к ним приспособляясь. Такое не сразу дается, необходимо накопить опыт. Тут книжного знания недостаточно. В Казахстане раньше в основном пасли овец, лошадей и верблюдов, теперь предстояло заниматься земледелием, запахивать земли, выращивать зерно. Этого опыта за плечами у руководства не было, ни писаного, ни накопленного.

На целине имелись опытные, образованные местные специалисты, в том числе и селекционеры зерновых. Там я встретился с ученым-селекционером, который был когда-то выслан из Ленинграда, не знаю, на какой срок. Он там прижился, ему понравились казахские степи, он увлекся работой и работал с большой пользой. Я его очень уважал. Его знания плюс опыт, приобретенный в ссылке, оказались очень полезны. Приезжая в Казахстан, я каждый раз встречался с ним, прислушивался к его советам. Тогда уже сняли все запреты, он мог вернуться в Ленинград или в любой другой район по своему желанию, но он отказался: «Я уже привык, обжил эти места, накопил опыт и приспособился в своей научной работе к этой зоне. Поэтому я отсюда не буду уезжать». Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Сталин, так сказать, ока-

зал нам «услугу» в освоении целинных земель, выслав невиновного ученого, который сжился с местными условиями, а его знания оказались очень полезны при подъеме целинных земель.

1964 год оказался из всех лет освоения целинных земель самым благоприятным и самым урожайным. После «голодного» 1963 года я просто рвался на целину. Беру «голодный» в кавычки, никакого голода у нас не было, потому что мы собрали достаточное количество зерна, чтобы прокормиться, а чего недоставало, купили за границей. У нас даже осталось зерно на следующий год. Я говорю «голодный», потому что мы не получили того, на что рассчитывали, и это, конечно, заставило нас расходовать хлеб более экономно, с тем чтобы меньше затратить валюты на покупку зерна.

В 1964 году предварительная информация об урожае была очень благоприятной. С нетерпением ждал начала уборки. Я сказал в Президиуме ЦК, что хочу поехать на целину посмотреть, как идут дела. Никто не только не возражал, а, по-моему, с одобрением встретили мое пожелание. И я полетел в Казахстан. Там пересел в поезд, с тем чтобы передвигаться на короткие «дистанции» по железной дороге. Мне хотелось осмотреть разные районы, самому убедиться, в совхозах побеседовать с людьми. Колхозы в это время там стали очень редким явлением, а те, что были созданы в начале освоения целины, мы преобразовали в совхозы.

Приземлившись, я сразу поехал по полям на машине. Не знаю большего удовольствия, чем объезд сельскохозяйственных угодий. Я никогда не получал столько эмоций, как в тот, мой прощальный год, последний в моей многолетней деятельности в качестве партийного работника и государственного деятеля. Пшеница стояла стеной, густой щетиной. Замечательный урожай! Я говорю — замечательный, многообещающий, учитывая специфические условия Казахстана. Я ехал в открытой машине и глядел по верху стоящей пшеницы. Когда ветерок дунет, волны переливаются: это колышутся стебли. Это действительно волнуется пшеничное море. Мне рассказывали, что если на пшенице при таком ветерке разостлать простыню, то она поплывет по верхушкам колосьев, как по волнам. Сейчас, когда я возвращаюсь к прошлому, меня радуют и волнуют приятные воспоминания того времени.

Повсюду хлеб, хлеб, хлеб. Куда ни приедешь, работают комбайны, люди в поту, с приятной усталостью, с улыбкой. Они сознавали, что работают для своего государства, но, главным образом, предвкушали хороший заработок. К тому времени в степи выросли поселки. Рядом стояли не дома, а домики вдоль улиц. В палисадниках — цветы, посадочки фруктовых деревьев попадались редко. Там было немного украинцев. А украинцы, куда бы их ни забросила судьба, обязательно посадят яблоню, грушу, а перед окном — мальвы. Без этого они не могут. Уже появились детишки. Одним словом, земля обживалась. Распахивались степи, складывались семьи, уже появилось потомство, люди как бы начали вращаться в эту землю. Мне было очень приятно. Я много ездил, много беседовал с людьми. Потом в Целинограде состоялось большое собрание, куда съехались представители всех областей.

В каком-то районе мне сказали, что со мною хочет встретиться господин Томпсон. Это известный английский издатель, владелец 120 газет. Я охотно с ним встретился. Для меня эта встреча была приятна и выгодна. Такой «объективный и беспристрастный» издатель буржуазных газет, как Томпсон, увидел наши успехи на целине своими глазами. За границей много говорили о целинных землях и не всегда говорили правду, много врал. К сожалению, в этом сущность классовых отношений. Буржуазная печать на все, что делалось и делается в Советском Союзе, смотрит через темные очки.

Я пригласил Томпсона, и мы вместе на поезде объехали несколько районов. Он присутствовал на совещаниях: двери не закрыты, пожалуйста, можешь слушать. То, что он говорил, мне было приятно слушать, он и не мог сказать ничего другого. То, что он увидел, было бесспорным для каждого человека. Я не знаю, что он написал, так как это произошло в последний год моей деятельности и это была моя прощальная поездка. В скором времени я стал пенсионером.

Конечно, я видел много того, чего не хотел бы видеть, но это меня не огорчало. Слово не совсем подходит. Куда ни глянешь — пшеница, уже ссыпанная, но ссыпанная прямо на землю... Если бы это делалось в обжитых районах, это вызывало бы гнев, недовольство и острую критику с моей стороны, но там воспринималось по-иному. Токов не было, складов не было, а пшеницы много. Понятно любому, что будут большие потери. К сожалению, и в тот год мы не смогли убрать пшеницу без потерь. По-прежнему не было складов, не хватало брезента. Пшеницу ссыпали прямо на землю, кое-как прикрывали, а чаще всего, к сожалению, даже не прикрывали. Рабочей силы не хватало, поэтому потери были колоссальными, но и того, что оставалось, нам пока хватало. Нас радовал урожай, радовала перспектива будущих урожаев, которые нам сулили целинные земли. Недостатки огорчали, но они были неизбежны при таких условиях.

Естественно, я следил за заготовками. Объезжая районы, спрашивал специалистов, агрономов, директоров совхозов и партийных работников, работавших там и отвечающих за дело:

— Какие виды? Сколько сможет заготовить Казахстан?

Казахстан к тому времени завоевал второе место по количеству заготавливаемого зерна. Это уже было признано всеми. Сначала на первом месте стояла Российская Федерация, на втором — Украина, а потом второе место занял Казахстан, оттеснив Украину. Это вполне естественно, потому что Украина не могла с ним равняться, там необъятная территория, засеянная зерном. Кроме того, на Украине население в сорок миллионов и самый высокий в стране уровень развитого животноводства. Для него требовалось зерно на корма. Казахстан — чисто зерновое хозяйство. Население — самое минимальное, там постоянно не хватало рабочих рук, приходилось во время уборки перебрасывать рабочую силу с Украины и из Российской Федерации: комбайнеров, рабочих и студентов. Животноводства пока там никакого не было, за исключением тех районов, где на землях, не пригодных для распашки, издавна существо-

вало овцеводство, табунное коневодство и немного верблюдов. Их было мало, потому что верблюды жили главным образом в районах полупустынь и пустынь.

Казахстан занял второе место по зерну и сейчас это место удерживает. Я думаю, что он будет его занимать очень долго. Я тогда прикидывал, что у нас есть возможность заготовить около пяти миллиардов пудов хлеба. В этой прикидке, конечно, отражалось наше желание побольше заготовить. Речь шла о будущем.

В тот, 1964 год мы заготовили в Казахстане около миллиарда пудов. Это сказочная цифра, особенно для людей, которые знают, какие трудности возникают при заготовках хлеба. У меня складывается впечатление, что в 1964 году было по стране заготовлено около четырех с половиной миллиардов пудов хлеба. Все, что относилось к зерну, мы называли хлебом, и сейчас, по-моему, допускается такое выражение.

Я уже на пенсии и не могу знать, сколько теперь заготавливается хлеба. Другой раз публикуют цифры по районам и областям, по республикам, и я упражняюсь в арифметике, складываю цифры. Получается, что за шесть лет моего пребывания на пенсии Советский Союз ни разу не заготавливал столько зерна, сколько в 1964 году. Это, видимо, был самый высокий урожай и самые высокие заготовки, но тут надо иметь в виду некоторую специфическую терминологию. Выращенный урожай, урожай собранный и урожай, заготовленный государством, — это три разных понятия и три разные цифры. После смерти Сталина, ликвидации машинно-тракторных станций и введения прочих упрощений в руководстве сельским хозяйством на пленуме Центрального Комитета мы приняли решение оценивать урожай не по колоскам, которые подсчитывали инспектора на полях, а по заготовкам, по тому, что заложено в государственные зернохранилища. Это зерно было не просто товарным, но товарным в чистом виде, потому что, кроме зерна, заготовленного государством, еще оставалось товарное зерно в колхозах, которое тоже поступало на рынок. Я же говорю о зерне, которым располагало правительство.

Да, нелегко дается зерно, обильным потом поливается урожай. Когда я прибыл в 1938 году на Украину, то борьба за хлеб насущный была одной из главнейших проблем. Перед отъездом Сталин меня даже предупредил, зная мою слабость к промышленности и городскому хозяйству:

— Вы смотрите, главное внимание обратите на сельское хозяйство Украины. Знаю я вашу слабость... Уголь, металлургия, химия — все это тоже требует внимания, но главное — сельское хозяйство.

Украина меня встретила «выбитыми» кадрами как партийными, так и административными и техническими, в промышленности и в сельском хозяйстве. Но сельское хозяйство столкнулось с большими трудностями, чем промышленность. Промышленные кадры росли быстрее, а в сельском хозяйстве кадры черпались главным образом из крестьян. Выбранные на руководящую работу, они не всегда обладали необходимыми знаниями. У них был опыт, а систематических знаний сельскохозяйственной науки не было. Людей, обладающих такими знаниями, было, к сожалению, немного.

Я сейчас вспомнил о разногласиях и аргументах, которые приводились при рассмотрении вопроса об освоении целинных земель. Против был главным образом Молотов. Я не помню других, возможно, кто-то ему подпевал. Всегда так бывает, находятся такие люди.

Я сейчас вспомнил, одним из аргументов против освоения целинных земель был: «Куда мы лезем? Зачем? У нас огромные распаханые территории, и лучше заняться увеличением урожайности, то есть взять другое направление».

Осваивая целинные земли при тех материальных условиях, которыми мы располагали, мы обрекали себя на экстенсивное хозяйствование, брали то, что отдает природа. Наши оппоненты стояли за интенсивное хозяйствование, которое требует вложения больших денег, увеличения выпуска минеральных удобрений и прочих материальных средств, необходимых для более продуктивного ведения сельского хозяйства. Что можно сказать? Это абсолютная истина, она каждому понятная, и мне в том числе. Конечно, лучше вести интенсивное хозяйство, то есть с одного гектара получать больше. Мы же выбрали путь расширения посевных площадей для получения того же количества продуктов. Первый путь не нами выдуман, он на Западе уже широко применяется. Так почему же мы отказались от такого пути? Да потому, что у нас не было возможностей. Выбор, каким способом, интенсивным или экстенсивным, вести хозяйство, зависит от материальных возможностей, от культуры руководства и прежде всего отдельных работников. Повторяю: ведение хозяйства на интенсивной основе требует не только большой культуры, но и больших материальных затрат. Что такое интенсивное хозяйство в моем понимании? Это — умение брать с пахотных земель максимально возможное. Если, к примеру, мы получали около десяти центнеров урожая в среднем с гектара, то при интенсивном ведении земледелия получали бы до тридцати пяти центнеров. Для этого нужны минеральные удобрения, сортовые семена, гербициды и другие средства обработки полей и сохранения урожая. Может быть, где-то нужно провести летние работы: известкование или же гипсование почвы, если она засолена. Чтобы привести почву в более плодородное состояние и получать максимально возможное на данном этапе развития сельскохозяйственной науки, нужно провести работы, требующие огромных затрат, но мы ничего этого тогда не имели. Нельзя же сразу перепрыгнуть через целый период только из-за одного желания изменить экстенсивную форму сельского хозяйства на интенсивную. Этот переход довольно медленный, он происходит путем накопления материальных средств, знаний и опыта.

Какое-то представление о ведении интенсивного хозяйства у нас было, но конкретно мы не представляли всей суммы необходимых материальных затрат, из чего складывается такое ведение сельского хозяйства. К тому времени отдельные бригады и звенья в колхозах и совхозах получали по сорок центнеров, но это нельзя принять за отправную точку, считать, что мы перешли к ведению хозяйства на интенсивной основе. Это не то, что имеется на Западе. Например, англичане, французы, немцы, голланд-

цы, шведы и норвежцы в среднем получают урожай по тридцать — тридцать пять центнеров зерновых с гектара. Я не говорю об овощных и других культурах. Если взять животноводство, то в Дании жирность молока равна четырем с половиной процента, а мы находились на трех — трех с половиной. Я думаю, что и сейчас мы остаемся на этом же уровне.

В животноводстве требуется очень большая селекционная работа, требующая высокой культуры. До сих пор мы ведем учет надоев не так, как развитые страны. Они считают по жирности: сколько жира дает корова в год, а мы ведем учет количества литров. Немцы говорят: «Позвольте, считать литры — это считать воду»... Если жирность низкая, то чем больше удой, тем больше воды. Ведь главное питательное вещество — это жир и, конечно, другие элементы, из которых состоит коровье молоко».

Если бы мы даже решили выделить для перехода на интенсивные формы несколько миллиардов, то получился бы пустой звук. Волевого решения и простого вкладывания денежных средств недостаточно. Надо суметь эти средства разумно израсходовать. Необходимо время, чтобы построить заводы для производства минеральных удобрений, содержащих азот, калий, фосфор и другие необходимые растениям вещества. Для строительства крупного завода требуется минимум два-три года. Кроме того, надо подготовить кадры, как агрономические, так и животноводческие. Колхозной массе надо привить понятие о ведении сельского хозяйства на интенсивной основе, а это довольно медленный процесс. Поэтому разговор о том, что мы расширяли площади и тем самым якобы пошли не тем путем, который проложен в западных странах, абстрактно верен, но это разговор пустой. Он свидетельствует о том, что человек судит, а понятия не имеет, что такое интенсивное хозяйство. Это не просто слова. Это материальная и духовная подготовка страны к переходу, нет, даже не к переходу. Что такое переход? Вот он, рубеж, взял и переступил. Тут необходимо изменить весь уклад ведения хозяйства, а это за год и даже за десятилетие не осилить.

Собственно, выбора способа ведения хозяйства у нас не было, хлеб нам был нужен не завтра, а буквально сегодня. Расширение посевных площадей давало возможность быстрого увеличения сбора зерна, осенью нужно получить урожай. Эта проблема стояла перед нами, и ее требовалось конкретно решать. Надо было использовать без особых затрат все земли, пригодные для распахки. Как в старое время говорили: «вспахать, посеять, а там что Бог даст».

Я горжусь тем, что, занимая высокий пост в партии и правительстве, мне пришлось проводить эту политику. На то время она была единственно возможной, а следовательно, правильной. Мы быстро добились больших успехов, хотя и были колебания. Если бы мы не распахали земли и не получили прибавку посевных зерновых площадей, в каком положении мы бы оказались в 1963 неурожайном году не только на целине, но по всей стране? Произошла бы просто катастрофа! Целина в этот неурожайный год нас очень выручила. Кажется, около четырехсот миллионов пудов мы заготовили на целине. Это мало. В 1964 году мы заготавливали (более-менее приближенно) 950 миллионов пудов. Это огромная цифра,

это половина того, что мы имели при жизни Сталина. Вот что нам дала целина, и не только Казахстан, но и другие районы: Сибирь, Оренбург, заволжские степи и другие регионы.

Конечно, что-то дала и Украина, и юг России, но там все давно распаяно, поэтому, чтобы увеличить сборы зерна, надо было более рационально использовать земли, то есть приступать к интенсивному хозяйствованию.

Белоруссия у нас находилась как бы в резерве, это увлажненная зона, много заболоченных земель. Для их превращения в пахотные требовались большие мелиоративные работы. Тут нужны время и большие капиталовложения, особенно на сооружение дренажной сети. Мы решили браться за них после того, как распашем пахотно-пригодные земли, не требующие особых капитальных затрат. Конечно, еще многое необходимо сделать. Тут не одна вспашка. Надо проложить дороги, соорудить складские помещения, возвести жилые поселки, школы, больницы, детские сады, ясли, клубы, все то, без чего не может жить и продуктивно трудиться человек.

Поэтому мы первым делом взялись за целинные земли и с их помощью решили первую неотложную задачу. И сейчас целинные земли нас все еще выручают. Вот и в прошлом году они снова дали хороший урожай.

А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

В последний год моей деятельности в своих выступлениях по сельскому хозяйству я высказывал соображения об ирригации. К тому времени мы уже проводили ирригационные работы на Северном Кавказе, в Волгограде и других местах. Начали строить Северо-Крымский канал и разрабатывали вопрос об ирригационных работах на Дунае. Хотели Придунайскую низменность напоить дунайской водой, чтобы не зависеть от Господа Бога, обеспечить постоянные урожаи. Появлялась возможность использовать воду Дуная, Днестра, Когула. Теперь строится Саяно-Шушенская гидростанция. Она предназначалась главным образом для решения энергетических проблем, но ее сооружение даст возможность использовать воды Енисея и для полива близлежащих земель. Я там никогда не был, но от специалистов слышал, что летом там очень много тепла и благоприятные условия для выращивания сельскохозяйственных культур. Там растут даже арбузы, а это теплолюбивое растение.

Но все это мы тогда откладывали на будущее. Только сейчас правительство приступило к следующему шагу в увеличении сбора сельскохозяйственных продуктов. Начался переход от расширения пахотных земель к улучшению урожайности. Это и есть путь интенсификации сельского хозяйства. Конечно, у нас еще не все возможности по более рациональному использованию земель реализованы. Перед нами в то время замаячила проблема расширения посевов сои. Это очень хороший питательный белковый продукт, но он требует большого количе-

ства тепла и влаги. Еще при жизни Сталина мы пробовали сеять сою на Украине, но она дала очень низкие урожаи. Это теплая, но засушливая зона. Сеяли сою и в Бессарабии. Еще до войны, когда мы освободили Бессарабию и включили ее в состав Советского Союза, то обнаружили там большие площади, засеянные соей. Оказывается, на аренде или контрактах бессарабские крестьяне сеяли сою по договорам с немцами. Немцы заказывали этот продукт. Бессарабия — район для сои тоже не самый благоприятный. Мы все искали ей место. Лучше всего она росла в Краснодарском крае, хорошо росла на Дальнем Востоке, особенно в районе Хабаровска. Но требовались знания, которых не было, требовалось приведение в надлежащий порядок земель. Их там много, но они неудобные. Чтобы сделать их пахотно-пригодными, надо было провести мелиорацию.

Для какой культуры особенно благоприятен климат Дальнего Востока, так это для риса. Там много осадков, создающих большие возможности для увеличения сбора риса. Но для него тоже требуются большие работы по подготовке почвы. Сначала, по минимуму, начали осваивать земли под рис в Краснодаре. Там много лиманов, болот и, главное, очень много тепла; это все необходимые условия для выращивания риса.

Снова потребовались капиталовложения и время, которого у нас не было, потому что нужда буквально брала за горло. Надо было провести каналы для сброса воды, а с другой стороны — водные каналы для залива рисовых полей.

Нам надо было увеличить сборы зерна. Без этого не решить мясной проблемы, не решить проблемы обеспечения потребности в животном мясе, птице и яйцах. Все основано на зерне.

Сейчас я читаю отчеты, выступления, газетные сообщения о высоких урожаях. Я вижу, что возможности сельского хозяйства отстают от потребностей народа. Собственно говоря, жизнь движется вперед, накапливаются материальные возможности, растет культура работников земледелия. Повысились урожаи, но, видимо, все-таки их рост отстает от роста потребностей. На каком основании я делаю такой вывод? Даже в Москве, хотя столица всегда пользовалась привилегией в обеспечении всеми видами сельскохозяйственной продукции, и то потребитель не может купить мяса, которое ему нужно.

Это говорит о трудностях. Так же обстоит дело и с яйцами. Их тоже человек не может приобрести в нужное время. С молочными продуктами, по-моему, дело обстоит хорошо. Во всяком случае, сталкиваясь с людьми, жалоб на этот счет я не слышал.

Встречаюсь с рязанскими, калужскими, калининскими, брянскими жителями. Сейчас с ними говорить очень трудно, потому что все они громким голосом повторяют, что у них нет мяса, нет яиц, нет других продуктов и достать их нельзя. Поэтому из городов, расположенных близко к Москве, многие выезжают специально, выкраивая какой-то день, с тем чтобы купить продукты в Москве. Бюрократ может сказать, что это клевета, и назвать, столько-то мы заготавливаем мяса и яиц. Все верно, цифры большие, но имеется в виду, как конкретно удовлетворяют запросы

рынка, потребителя. А на рынке — всегда недостаток, очереди. Значит, продуктов нет. Ассортимент тоже играет очень большую роль. Человек хочет получить мясо определенного качества, определенного вида: или птицу, или говядину, или свинину, или мясные изделия. Одним словом, хочет что-то приготовить, а для этого нужен соответствующий сорт и вид мясных продуктов.

Я уж не говорю о рыбных продуктах. Я лежал в больнице (а это «аристократическая» кремлевская больница) и отказался от рыбы. Хотя это был судак — лучшая рыба. Я не знаю рыбы вкуснее, конечно, если она свежая и хорошо приготовленная. Но больница получает ее перемороженной и размороженной и поэтому ее есть совершенно невозможно. Она, как пробка, застревает в горле. Я не специалист, но, видимо, морозить нужно так, чтобы рыба не теряла своих прелестных вкусовых качеств. Одним словом, этот продукт был испорчен. Наш человек очень любит эту рыбу, поэтому, если в продаже есть судак, не спрашивает, какого качества. Видимо, лучшего он никогда не кушал, потому что в Москву всегда попадает эта рыба мороженной, и не только мороженной, но, видимо, долго пролежавшей в замороженном состоянии, утратившей свои вкусовые качества.

Овощей тоже постоянный недостаток. Видимо, еще не скоро будут удовлетворять потребности в них. Чтобы создать условия для выращивания овощей под крышей, при отоплении требуются большие затраты. Сейчас для этого имеется возможность, а капиталовложения окупаются быстро, но этого нет. Огурцы и помидоры весной очень дорогие, салат дорогой и качество невысокое. Сейчас появляется салат кочанный, он высокого качества, хороший салат, но, как говорится, только для избранных, на рынке. В магазинах его или мало, или совсем нет.

Летом, как правило, свежих патиссонов приобрести на рынке невозможно, хотя в Московской области они хорошо растут. Даже очень хорошо. Они растут как кабачки, но их просто не выращивают. Колхозы и совхозы не интересуются ими, поэтому приобрести патиссоны невозможно.

Помню, когда я лежал в больнице, врачи бегали в свою столовую, где им продавали какие-то продукты. И вот завезли патиссоны. Кто банку, кто две, кто три, кто пять банок брал. Я слышал, некоторые роптали, что кто-то пять банок купил, а кому-то ни одной не досталось. Говорили, что болгарские патиссоны замечательные. Я стал объяснять, что патиссоны прекрасно растут в Московской области. Я выращиваю их у себя на огороде, и они из года в год дают хорошие урожаи и прекрасного качества. По своим вкусовым качествам они стоят выше кабачков. Почему же мы этих патиссонов не выращиваем в должном количестве? Ведь мы буквально можем завалить ими рынок! Это выгодно, а о потребителе нечего и говорить. Кто их попробовал раз, гоняется за ними. К сожалению, потребитель еще плохо знает этот продукт. Почему? Это вопрос уже организационный. Колхозы и совхозы даже не знают технологии производства, не занимаются ими. Видимо, в наших условиях без этого невозможно. Производственная заинтересованность не всегда

доходит до сознания руководства колхозов и совхозов, особенно на новый вид продукции.

Такое же положение и с помидорами. Помидоры любят все, они завоевали потребителей, но, к сожалению, их мало в магазинах. Те помидоры, которые имеются, тоже низкого качества, люди ропщут на болгар, что они, такие-сякие, завозят нам плохие помидоры. Это и верно и неверно. Верно, что это продукт болгарский. Невкусные они не потому, что болгары завозят нам плохую продукцию. Нет. Я болгар знаю хорошо, а болгарские овощи с детства ел в Донбассе. Болгары очень хорошие овощеводы. Почему же до революции их овощи были хорошие, а теперь плохие? Очень просто, тогда болгары выращивали овощи около рудника, пользуясь для полива сточными водами шахт и заводов. Эти овощи созревали и продавались свежими. Вечером болгары их собирали, упаковывали в корзины, а рано утром продавали. Привозили на паре лошадей в поселок. Продукт был и дешев, и отменного качества. Прошло уже больше пятидесяти лет, а я и сейчас даю самый похвальный отзыв их овощам. Почему сейчас овощи плохие? Болгарские помидоры путешествуют из Болгарии. Я не знаю, каким видом транспорта они пользуются. Но пока помидоры дойдут к потребителю, пройдут многие дни. А для того, чтобы доставить сюда по виду неиспорченный продукт, его срывают в зеленом состоянии. Потом его дозревают (такое выражение существует у овощеводов и торговых работников) в закрытых помещениях, где помидоры приобретают красный цвет, но вкусовые качества остаются зеленого помидора. Вот какой помидор получает потребитель.

Какие меры надо предпринять, чтобы дать потребителю помидоры хорошего качества? Видимо, если их доставлять самолетами, можно установить для транспортировки минимальный срок. Помидоры должны собираться зрелыми, чтобы их не дозаривали. Дозаренный помидор красный снаружи, а вкус у него противный, отвратительный, кислый. Я считаю, что места выращивания помидоров надо приблизить к потребителю. На Украине, Северном Кавказе, в Воронежской области, есть и другие районы, где прекрасно созревают помидоры, поэтому можно обеспечить рынок созревшими помидорами: то ли болгары завезут, то ли они будут домашнего созревания. У нас имеется возможность полностью обеспечить себя овощной продукцией за счет внутреннего производства. Одним словом, это дело у нас тоже пока поставлено плохо.

Кукуруза молочно-восковой спелости — замечательный продукт. Потребителей на нее очень много, особенно украинцы, молдаване и русские, живущие на юге. Я не говорю о грузинах и армянах, где кукуруза является неотъемлемым видом питания. Вареную кукурузу молочно-восковой спелости можно назвать деликатесом. А ее нет! Другой раз для семьи мы покупали кукурузу, которую завозят спекулянты, но это кормовая кукуруза, она грубая, ею откармливают свиней. Наши агрономы знают, что существуют пищевые сорта. Они сладкие, нежные и вкусные. Их надо своевременно снимать, когда кукуруза достигает молочно-восковой спелости. Такая кукуруза растет и под Москвой

сколько угодно. Для себя я выращиваю какое-то количество, и если попадет добрый человек к обеду, то он получает удовольствие, отведав местную подмосковную кукурузу.

К сожалению, в магазине ее нет, а москвичи бы ее съедали тысячами тонн. Вот вам и способ насыщения рынка, улучшения ассортимента пищевых продуктов. Это товар, который был бы противопоставлен массе пустых денежных знаков, находящихся на руках и давящих на государство.

Проводится скрытое повышение цен, и об этом люди, с которыми я встречаюсь, все время задают вопросы. Этикетка товара изменилась, и цена изменилась. Продукт, товар тот же, но цена другая, потому что название изменилось, как говорят, артикул другой. Почему такое происходит? За артикул людям деньги платят неохотно. Видимо, не хватает товаров. Вот и изыскивают «возможности».

В сельском хозяйстве сейчас ведется кампания по мелиорации и ирригации земель. Это правильно. Это следующий этап развития. Сейчас надо идти этим путем. Правда, путь дорогой. Он требует больших капиталовложений на гектар земли. В мое время эту работу мы проводили на небольших площадях, главным образом в Узбекистане, в Таджикистане, в Туркмении и частично в Казахской Республике. Большие затраты на гектар там окупались. Считаю, что ирригационная работа нужна, ее можно было бы начать раньше и более форсированно, не только под хлопок, но и под кукурузу. Что такое кукуруза? Это основа животноводства. Дать ирригационные площади под посев кукурузы — это создать мясную фабрику. В Узбекистане Люба Ли, кореянка, получала до двух тысяч центнеров силосной массы кукурузы с гектара. Это невероятно. Я был в ее колхозе, любовался ее кукурузой и восхищался трудом замечательной женщины-колхозницы. Я был и сейчас остаюсь сторонником выращивания этой культуры там, где выгоднее. Решающими факторами должны стать карандаш, логарифмическая линейка, счетная машина. Я думаю, что после проведения ирригационных работ кукуруза смогла бы поспорить с пшеницей и даже с рисом. Рис — очень выгодная и высокоценная культура, но говядина не менее выгодна. И нужда в ней не меньшая. Если обустроить поливные земли и организовать на них выращивание кукурузы, то буквально сейчас же вблизи надо строить мясокомбинат для переработки мясной продукции.

Я сейчас не могу оперировать данными научно-исследовательских институтов, которыми в свое время располагал, не могу сказать, сколько кормовых единиц кукурузы получают с поливного гектара, сколько кормовых единиц требуется на прирост единицы веса говядины. По потреблению мяса мы стоим, наверное, как и раньше, на последнем или предпоследнем месте. Я уже диктовал, что в мое время меньше нас потребляли говядины только болгары и румыны. Все другие социалистические страны потребляли больше. Я не беру Китай. Китай не в счет, там всегда сохранялся низкий жизненный уровень, видимо, и сейчас он такой же. Пока не будет изменена внешняя и внутренняя политика, которая проводится Мао Цзэдуном, китайский народ обречен на прозябание.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Считаю, да и раньше считал, это не досужие размышления пенсионера, что в сельском хозяйстве должна быть установлена специализация. Я подступался к этому вопросу еще во времена Сталина. По предложению Молотова Сталин создал Министерство машинно-тракторных станций, но это было неразумное предложение. Создав такое министерство, мы лишили сельское хозяйство машин. Люди, отвечавшие за выращивание сельскохозяйственных продуктов, не располагали техникой. Это «нововведение» ликвидировали еще при жизни Сталина. Потом, уже после смерти Сталина, мы передали машинно-тракторные станции колхозам. Молотов тогда «с ума сходил», утверждал, что мы совершаем антимарксистский шаг, ликвидируем социалистические завоевания. Глупо, конечно. Нигде, ни в каких программах, ни в каких теоретических рассуждениях не говорится о том, что машинно-тракторная станция является основой или каким-то необходимым элементом социалистического хозяйства. В свое время эти станции были созданы по предложению агронома из одного колхоза в Одесской области. Об этой затее на союзном или даже украинском съезде докладывал товарищ Шлихтер. Потом опыт был перенесен на весь Союз. По тем временам это было прогрессивное явление. Потом выросли кадры и пришло время подниматься на следующую ступень в ведении сельского хозяйства. Техника оказалась оторванной от земли, от тех, кто ее обрабатывает. Такой разрыв наносил большой ущерб сельскому хозяйству. Мы ликвидировали МТС. Я думаю, что и сейчас не найдется ни одного здравомыслящего человека, разбирающегося в экономике сельского хозяйства, который считает, что это было сделано неправильно. Это было сделано в интересах подъема сельского хозяйства, но этого оказалось недостаточно.

Я никак не мог найти рычаг, позволяющий сдвинуть дело, углубить специализацию, привлечь к руководству квалифицированных людей. Тогда я поставил вопрос в Центральном Комитете о переходе на специализированное партийное и государственное руководство, и Центральный Комитет разослал документ с моими предложениями по всем обкомам и даже райкомам партии на обсуждение.

Я абсолютно уверен, что в будущем у нас вернутся к подобным структурам. Нельзя, чтобы партийная власть руководила сельским хозяйством без знания предмета. Раньше у нас было так, и сейчас вернулись к тому же. Чаще всего секретарями обкомов и крайкомов выдвигаются городские кадры, а не сельскохозяйственные. Я знаю людей, которые выдвинулись еще в мое время, постепенно приобрели знания и умение руководить сельским хозяйством. Но в своей массе секретари вышли из сферы промышленности. Эти люди хорошо знают машину, экономику, но плохо знают сельское хозяйство. А сельское хозяйство сейчас требует конкретного руководства. Другой раз такой руководитель не знает дела, а изображает из себя специалиста, дает указания, и притом конкретные. А конкретные указания без знаний добра не принесут.

Поэтому я считаю, что надо было разделить партийные организации по производственному принципу, а не по географическому, как у нас сейчас устроено. Тогда легче подбирать специалистов и привлекать их на партийную и государственную работу.

Скажут, что раньше мы имели административное деление без учета производственного принципа. Это правильно. Но раньше — было раньше. Тогда на первом плане стоял вопрос укрепления Советской власти, укрепления государственных органов. На первом плане стоял политический вопрос, вопрос партийного руководства, борьба со всем антисоветским, борьба со всем буржуазным, с классовым отребьем, борьба с кулаком, борьба с национализмом и прочими явлениями. Это были главные задачи.

Сейчас, на данном этапе развития в нашей стране главное — это экономика, руководство экономикой. Поэтому необходима специализация как в промышленном производстве, так и в производстве сельскохозяйственной продукции. Те, кто приходит к руководству, должны обладать глубокими знаниями. Поэтому я считал, что нужно обязательно организовывать производственные управления. Само название определяет направление: производственные управления, а в партии — крайкомы и обкомы сельскохозяйственного и промышленного производства. Это нисколько не противоречит марксизму, если отталкиваться от деловых соображений. Это сейчас главное. Вопрос политики, вопрос победы Советской власти уже решен. Сейчас тоже необходимо укреплять Советскую власть, укреплять советскую государственность, укреплять социалистические элементы — здесь все решается через подъем экономики, через подъем жизненного уровня, культуры, образования и прочее.

Нужно человека обеспечить всем, в чем он нуждается, и не только, чтобы он жил, а чтобы он жил и наслаждался жизнью. Для этого надо создать комфорт и изобилие. Вот то зеркало, посмотрев в которое можно отличить социалистическое государство от капиталистического.

Сейчас, к сожалению, наши гоняются за каждой мелочью, которая приходит из-за границы. За нее переплачивают, ею любят, а это говорит не в нашу пользу. Мы должны преодолеть эти явления, то есть создать социалистическое производство на более высоком уровне, чем капиталистическое. Вещи, которые мы делаем как в технике, так и бытовые товары, должны отличаться высоким качеством, актуальностью, удобством и удовлетворять эстетическим чувствам потребителя.

Сейчас мы вернулись к старому, опять перешли на общее административное деление и управление. Снова появилось обезличенное руководство как промышленностью, так и сельским хозяйством. От этого страдает прежде всего потребитель. Страна недополучает и по количеству, и по качеству те продукты, которые ей нужны. Тут страдает не только сельское хозяйство, но и промышленность, которая тоже нуждается в специализированном партийном руководстве. Если партийный руководитель является специалистом сельского хозяйства, а как говорил Козьма Прутков: «нельзя объять необъятное», то он не может знать в совершенстве промышленность. Могут возразить, что на предприятиях есть директо-

ра. Это верно, но у нас так заведено, что партийная организация диктует свои условия, а при отсутствии квалификации такой диктат может привести к нежелательным результатам. Поэтому надо не только выдвигать достойных людей, исключать возможность проникновения в руководство самодуров, но и находить людей, глубоко разбирающихся в деле.

Конечно, сельское хозяйство и промышленность делятся еще на тысячу специальностей, их все трудно изучить одному человеку, но во всяком случае лучше, если сельским хозяйством руководит человек, получивший специальное сельскохозяйственное образование. Я думаю, что перешли на старую систему хозяйствования по другим, неделовым соображениям.

Когда-то зиновьевская оппозиция провозгласила: «Всем безлошадным — по лошади!» Явно глупый лозунг. Лошадей, кроме тех, которыми располагало крестьянство, не было. Безлошадных набиралось ого сколько! Откуда же взять лошадей? Другой раз провозглашаются заманчивые лозунги по политическим соображениям, а то, что они несостоятельны, выясняется много позже. Сталин в противовес Зиновьеву предложил перейти на 7-часовой рабочий день. Экономика Советского Союза не была подготовлена к такому переходу и понесла заметный ущерб. Потом он, самодур-администратор и диктатор, который не признавал никаких демократических форм, ни государственных, ни партийных, перевел страну назад на 8-часовой рабочий день. Правда, когда оппозиция уже была устранена. К сожалению, были и такие примеры в истории нашей партии, государства.

Надо руководствоваться интересами народа, стоять на ленинских позициях, выбирать, что выгодно для укрепления и развития государства, что обеспечивает лучшую организацию производства в условиях социализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Я уверен, пройдет время и мы вернемся к перестройке управления народным хозяйством. Организационные формы смогут стать другими. Может быть, найдут более правильное решение, отвечающее интересам управления как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Я в этом убежден, жизнь потребует и неизбежно сломает мешающие ее развитию бюрократические надстройки. К сожалению, должно пройти время, а от его потери страдает дело.

Ленин говорил, что организации производства надо учиться у буржуазии. Я считаю, что это мудрые слова. Действительно, если не знаешь, так иди и учись. Капитализм накопил огромный производственный опыт, используя его, всегда можно отыскать рациональное зерно, конечно, с учетом социалистических особенностей. Я когда-то беседовал с президентом американской фирмы, у которой мы купили птицефабрику. Потом ее установили в Крыму. Эта фирма гарантировала производство куриного мяса на таких условиях: на килограмм куриного мяса затрачивается три килограмма корма. Так говорит наука. Здесь требуются сбалансированные по всем элементам корма. Только так обеспечивается нор-

мальное развитие и максимальный привес цыплят. Наука требует строгой дисциплины.

Еще важнее селекция. К примеру, наука выведения гибридных цыплят. Надо подобрать пары, которые бы давали потомство с высокой реакцией на затраты кормов. Это большая работа. В свое время я критиковал, вернее, не критиковал, а возмущался нашим отставанием в этом вопросе. Когда я говорил с американскими фермерами о селекционной работе в зерноводстве и растениеводстве, мне краснеть не приходилось, у нас были отличные результаты. Но в вопросах птицеводства и животноводства мы, к сожалению, занимали последнее место. Хозяйство было примитивное, базировалось почти на крестьянской основе.

Мы купили эту фабрику. Купили оборудование и лицензию на технологию производства куриного мяса. И стали затрачивать 5 килограммов кормов на килограмм привеса, в то время, когда американцы затрачивали три. Вот вам и наука! Какое же может быть соревнование? Если не изобретая, не открывая нового, мы даже не можем освоить способы научного ведения хозяйства по производству мяса птицы! Мне было просто стыдно потом разговаривать с президентом этой фирмы. Я его спросил: почему у нас такие результаты?

Он ответил: «Вы же не пустили наших специалистов для монтажа. Заявили, что это секретный район. Туда иностранцы не допускаются».

Никакой запретной зоны и никаких секретов на территории Крыма нет, за исключением стоянок подводных лодок. Да и этих подводных лодок кот наплакал. В нашей стратегической концепции Черному морю не отводилось заметной роли. Военные его презрительно называли «лужей». Оно простреливается ракетами, пересекается самолетами во всех направлениях, поэтому кораблям в нем выжить почти невозможно. Отказ пустить монтажников — результат бюрократического отношения к делу, «отрыжка» сталинских времен. В результате оборудование на птицефабрике смонтировали неправильно и даже не все использовали по назначению. Люди, как говорится, в глаза его раньше не видели, понятия о нем не имели. После беседы я попросил президента фирмы пригласить своих специалистов. Они приехали в совхоз и поразились. Комбикорма давали цыплятам несбалансированные, низкого качества. И это приводило к их перерасходу. Минеральные прибавки и другие необходимые элементы тоже сыпали «на глазок», а это тоже вело к перерасходу кормов.

Поэтому необходима специализация и еще раз специализация. Без специализации нам не поднять производство, особенно животноводство и птицеводство. Сейчас мне просто стыдно и больно слушать, что Франция, по территории маленькая страна, экспортирует в нашу страну кур. Голландия еще меньше и тоже экспортирует кур. Об этом я узнал, находясь в больнице. Врачи и медицинский персонал бегали в буфет, где куры продавались. Они покупали голландских кур, а на следующий день крутили носом: эти куры имели очень сильный запах рыбы. Ясное дело, голландцы ловят рыбу, превращают мелочь и отходы в рыбную муку и дают курам в виде добавки к корму. Отсюда и запах рыбы.

Вот вам образец промышленного производства, основанного на капиталистической основе, использующего научные данные при ведении хозяйства. У нас сейчас ничего подобного нет. У нас есть комбикормовые заводы, но они примитивны. Это не заводы, а не знаю что... Для перемалывания и приготовления кормов идет подгнившее, подмоченное зерно и какие-то остатки, непригодные для хлебопечения. Другой раз прибавки дают такие, которые не повышают качества и не обеспечивают должного привеса при минимальной затрате кормов, а просто увеличивают собственное производство комбикормов. Не всякий комбикорм соответствует потребностям организма птицы, не всегда дает должный привес.

Президент этой фирмы мне рассказывал о перспективах. Они работали над тем, чтобы вывести породы птиц, которые давали бы привес один к одному, то есть на килограмм корма получали килограмм куриного мяса. Это — просто сказка! Не знаю, не могу сказать, как это можно сделать, но он говорил, что в научных институтах они уже получали при затрате 1 — 2 килограмма корма килограмм привеса. Вот это наука! Мой поклон ученым, которые создают такие возможности для экономичного производства такого отличного продукта, как куриное мясо.

Или же возьмем производство яиц. Мы ведем хозяйство почти на таком уровне, на котором его вел крестьянин в своем личном хозяйстве. Некоторые элементы промышленного производства мы ввели, но это крохи по сравнению с американцами. Президент фирмы мне говорил, что куры дают триста яиц в год, то есть почти каждый день несущка откладывает яйцо. По статистике, которая была опубликована год тому назад, у нас в среднем выходило сто тридцать яиц. По нашим нормам это, конечно, шаг вперед. Сто тридцать — это в среднем. Сколько же у нас хозяйств, работающих ниже среднего! Вот вам и соревнование! Производительность американского фермера и нашего рабочего совхоза или колхозника несравнимы. Трудно соревноваться. Отстает в этих вопросах и наша наука.

Однажды западногерманский фермер прислал мне письмо и кинофильм о своем утином хозяйстве. Фильм буквально ошеломил меня. Мы считали гусей и уток водоплавающими, то есть живущими на воде и добывающими пищу главным образом в болотах. А этот фермер организовал их почти клеточное содержание. В загонах он держал уток, откармливал их на мясо. Он затрачивал, сейчас я точно не помню, три или три с половиной килограмма кормов на килограмм привеса утиного мяса. Это он сделал на почти непригодной, какой-то заболоченной земле. Он купил этот участок, провел мелиоративные работы и организовал производство утиного мяса.

Я вынашивал идею организации подобного производства по выращиванию уток на замечательном озере Супой. Оно расположено в 95 километрах от Киева, недалеко от местечка Яготин. Там гнездились тысячи диких уток. На них там охотились. Когда я работал на Украине, то тоже ездил в Яготин на охоту в выходные дни.

Я послал украинцев к этому немцу. После поездки наших представителей в ФРГ мы организовали на этом озере совхоз. Потом на одном из

совещаний по птицеводству выступал представитель этого совхоза и хвастал, что они получают утиное мясо при затратах 5 килограммов кормов на килограмм мяса. Для нас это было шагом вперед.

— А сколько же немец-капиталист затрачивает? — спросил я его.

— Три с половиной — три килограмма кормов на килограмм мяса, — отвечает.

Вот что значит качественный комбикорм. У них комбикорм строго сбалансирован, они строго придерживались рецептуры, дозировки всех необходимых элементов. А у нас все делалось на глазок и не соблюдались ни количество, ни качество компонентов при их изготовлении. Отсюда и перерасход кормов. Если бы мы смогли поставить на научную основу приготовление кормов и провели соответствующую селекционную работу, то появилась бы возможность на тридцать — сорок процентов увеличить производство птичьего мяса и яиц. Вот вам и источник увеличения выработки на одного работающего, вот вам и производительность, вот вам и снижение расходов, снижение издержек, а следовательно, и снижение цен, которые мы могли бы поднести потребителю. Но для этого требуется строгая специализация, подготовка людей и производства на научной основе.

К сожалению, у нас этого не было и нет. Научные учреждения в этой области отстают и не хотят, видимо, учиться. В результате мы терпим большие издержки. Тот же президент фирмы, на которого я уже ссылался, тогда предлагал нам организовать и производство бекона. Он предлагал продать хозяйство на двести пятьдесят тысяч голов свиней, обслуживаемых 125 рабочими в одну смену. Ферма работала в две смены. Он гарантировал, что расходы кормов будут три с половиной килограмма на килограмм привеса.

— У себя мы расходует три килограмма, а вам на первых порах гарантируем три с половиной килограмма, а потом перейдете на три и даже ниже... — объяснял он мне, когда мы говорили о куриной ферме.

К производству бекона он подходил так же. Давал нам скидку на неумение вести хозяйство. Это вполне понятно. На первых порах, пока не освоили производство и не научились ведению хозяйства на научной основе, мы не могли требовать от людей много.

У нас сейчас расходуются семь килограммов на единицу привеса свиного мяса. В лучших, идеальных хозяйствах — пять. Вот вам и соотношение: семь килограммов и три с половиной килограмма. Почти при тех же кормах можно в 2 раза увеличить производство свинины, на сорок процентов увеличить производство птичьего мяса. Это все дает наука и специализация. Для решения проблемы необходимы научные институты, а главное, всем надо учиться. В свое время я докладывал на Президиуме Центрального Комитета и предлагал купить лицензию, и не только лицензию, но и оборудование, и технологию. Это все окупится сторицей.

Конечно, это все окупилось бы. Мы теряем огромные деньги на перерасходе кормов из-за низкой производительности труда. При такой организации производство свиного и птичьего мяса, яиц у нас совершенно нерентабельно.

Я считаю, что было бы выгоднее и экономически эффективнее, ощутиее для населения купить оборудование и лицензию на промышленный откорм скота и птицы, а не на производство автомобиля «Фиат».

Во-первых, «Фиатом» воспользуется ограниченное количество людей. Во-вторых, у нас и свое автомобильное производство неплохое. Есть «Запорожец», есть «Москвич», есть «Волга». Хорошие машины, и я не знаю, получится ли «Фиат» лучше. Но деньги заплачены и деньги огромные. Теперь заключают договор и покупают лицензию на производство еще одной машины, «Рено». Я не могу сейчас делать какое-то заключение по этому вопросу, потому что заграничные марки машин хорошие. Может быть, они чем-то и отличаются и превосходят наши марки. Художественное и конструкторское оформление, видимо, там повыше.

Я считаю, что «Фиат» купят тысячи людей, а купив лицензию и организовав откорм скота на промышленной основе, мы накормим миллионы. И здесь эффект не только экономический, но и политический. Ни для кого не секрет, что после пятидесяти лет существования Советской власти мы ощущаем недостаток в самых простых вещах, даже в мясе и яйцах.

Это было бы разумнее, но, к сожалению, руководство решило иначе. Видимо, они по-другому оценивают продовольственное положение в стране, а может быть, и не знают истинного положения дел. Конечно, покупка лицензии еще не решит всех вопросов. Лицензия — это покупка продукта деятельности чужого ума и чужого накопленного опыта, а надо самим ум наживать. Поэтому от научно-исследовательских институтов, от ученых-животноводов и птицеводов нужно потребовать более конкретных результатов, предъявив к ним претензии. Соревнуясь с капитализмом, мы не можем отставать в производстве продуктов питания. Наше отставание в какой-то степени является подтверждением преимуществ капиталистического способа производства над социалистическим. Это дает противникам социализма возможность бросать камешки в наш огород. Да, они имеют к тому основания, мы действительно отстаем. Далеко ходить за примерами не надо. Из-за этого, собственно, и произошло восстание в Данциге и других прибалтийских городах Польши. В результате недостатка продуктов и других предметов потребления произошел конфликт, вернее восстание. Толчком к нему послужило повышение цен.

Замаскированное, скрытое повышение цен фактически производится и у нас. Конечно, оно вызывает недовольство. При встречах люди обращаются ко мне с вопросами, на которые трудно ответить. Почему водка стала дороже? Старые марки, говорят, остались в прежней цене, но их не выпускают. Фактически замаскированное повышение цен. Правда, некоторые объясняют это борьбой с пьянством. Я тоже в свое время стоял на таких же позициях. В мое время тоже повысили цены на водку, но потребление водки от этого не уменьшилось, только бюджет пьющих стал более тощим, а семьи стали располагать меньшими средствами на покупку предметов первой необходимости.

Польский вопрос — особый, он не столько экономический, сколько политический. Действительно, там руководители оторвались от масс, потеряли связи с народом, потеряли чувство меры. Повышая так резко

цены, следовало ожидать тех событий, которые произошли. Хотя о людях, которые тогда стояли у руководства, я ничего плохого сказать не могу, а тех, которые пришли сейчас, я вообще знаю мало. Я очень уважал и уважаю Герека, считаю его хорошим коммунистом и честнейшим человеком. Также и товарища Лукашевича. Но и Гомулка тоже был не менее предан идеям коммунизма, как и другие: Лога-Совинский, Спихальский, да и вся их группа, потерпевшая крах. Они — не случайные люди. Эти люди прошли закалку, прошли отбор в борьбе с гитлеровским нашествием на Польшу. И они такое допустили. Но это другой вопрос.

Откорм скота и обеспечение мясными продуктами невозможны без производства кормов. Здесь очень важно выбрать основную культуру. Я считаю, в свое время в Америке абсолютно правильно была выбрана кукуруза. Это могучая культура, созданная природой. Надо только овладеть знаниями по ее выращиванию. К сожалению, наши климатические условия значительно отличаются от условий Соединенных Штатов Америки. Они меньше подходят к возделыванию кукурузы, но наше открытие, я не стесняюсь этого слова, — выращивание кукурузы на силос. Многие зоны в средней полосе оказались подходящими для выращивания кукурузы: одни незасушливые, а другие даже бывают и увлажненные, но с достаточным количеством тепла.

Я был инициатором расширения зоны посевов кукурузы, да и сейчас являюсь ее сторонником. В беседах я порой встречал непонимание и возражения по этому вопросу. Я это отношу за счет того, что эти люди ведут спор без знания дела.

Что может быть доказательнее, чем практика? А практика показала, что кукуруза давала высокие урожаи в Эстонии, в Сибири, в Чувашии, в Московской и Ленинградской областях. Правда, в своей массе в Московской области урожаи были очень плохими. Но это говорит не о том, что кукуруза не растет, а о том, что ею плохо занимались. Я критиковал товарища Конотопа. Он добросовестный человек, но увлекся площадями посевов, может быть, желая показать свою приверженность к этой культуре, возможно, хотел угодить мне, зная, что я, занимая такой высокий пост, являлся большим сторонником распространения кукурузы. Люди неподготовленные, желая угодить, гробят святое дело, за которое надо бороться. Без кукурузы, я убежден, нельзя вытащить животноводство.

Возьмем Московскую область. Тут большинство колхозов и совхозов плохо возделывали кукурузу. Могут сказать, что я признаю: эта культура не для Московской области. Ничего подобного. В разных зонах Московской области получали силосной массы до тысячи центнеров с гектара и больше, а средний урожай был от пятисот до восьмисот центнеров. Я помню, молочный совхоз Горки-II получал из года в год урожай в семьсот — восьмисот центнеров. Хорошо. Пусть будет меньше, пятьсот. Спрашивается, какая культура в Московской области может дать больше кормовых единиц с гектара, чем кукуруза? Она не созревает на зерно, но доходит до молочно-восковой спелости. Зерно нам не нужно. Нужна ку-

куруза не для приготовления муки, а для приготовления силоса. Я за силосную кукурузу, потому что не видел более экономичной кормовой культуры для скота, в первую очередь для молочного скота. Кукуруза — это молоко, это говядина, это шкуры.

Уже находясь на пенсии, я три года подряд наблюдал, как за Москвой-рекой совхоз Горки-II сеял кукурузу. Я даже поехал и сфотографировался у этой кукурузы. Она стояла как лес. И мне было приятно, что новый директор совхоза продолжает нужное дело. Мне говорили, что бывший директор Семенов умер. Он был сторонником кукурузы и показывал хороший пример в приготовлении из нее силоса. Последние три года я не вижу этой кукурузы, она исчезла. Там сеют, видимо, картошку. Я не ездил на поле, не смотрел, так как надо сделать большой крюк. Оно находится на другой стороне реки. Я же пользуюсь биноклем и вижу, как пригоняют туда солдат, учащихся старших классов или студентов на уборку картошки. Спрашивается, что же экономически выгоднее: сеять кукурузу для получения продуктов животноводства или же картошку? Совхоз сам не может справиться с уборкой, если приглашает людей, которые не заинтересованы в результатах своего труда. В бинокль видно одного нагнувшегося, а десяток — языками чешут. Это вполне понятно. Ни учащаяся молодежь, ни солдаты — не работники. Мне уже надоело отвечать отдыхающим из соседнего санатория. Они по старой памяти предъявляют мне претензии, задают вопросы.

— Ну что вы мне говорите, — отбиваюсь я, — вы скажите это тому, от кого это зависит. Я сейчас такой же наблюдатель, как и вы. Я могу сочувствовать, могу возмущаться, но от этого дело не сдвинется.

Кукуруза вся убиралась силосным комбайном, своевременно и без особых затрат. Нет сейчас кукурузы, и не знаю почему. Запретили? Вряд ли. Никто такой глупости не делает. Что случилось? Может быть, директор считает, что эта культура не для Московской области. Хотя многолетняя практика показала, насколько она эффективна. Почему же? Здесь дело в материальной заинтересованности, это вопрос и экономический, и политический. Видимо, она слаба, вот и бросили выращивать кукурузный силос. К тому же это совхоз-аристократ: помидорами и другой продукцией обеспечивает правительству. Он всегда находился в привилегированном положении и получал корма централизованно. Видимо, и сейчас он получает отруби и поэтому обеспечен. Зачем ему голову морочить выращиванием кукурузы, когда он имеет фураж, выращенный в других хозяйствах. Если бы он сидел на своих кормах, то от кукурузы не отказался бы. Покупной фураж дороже? Да, видимо, дороже, но на заработной плате директора это не отражается.

Года два или три тому назад я ездил за грибами. От скуки. Нечего делать, и волком завоешь. Вот чтобы не «выть волком», я и поехал собирать грибы. До своего пенсионного положения я никогда грибами не увлекался. По дороге, а она была длинной, я видел посевы кукурузы, а рядом посевы подсолнечника на силос. Чахлый, низкорослый, изреженный. Значит, в силосе потребность есть и хозяйства ищут соответствующую культуру. Но какой разумный животновод, знающий достоинства

кукурузы, будет готовить силосную массу из подсолнуха? В справочниках есть сравнительные данные. Подсолнечник — бросовая культура, и сколько председатель соберет, никто особенно не контролирует. Главное — посеять и убрать вовремя. А какой экономический ущерб он получает с каждого гектара, никого не интересует. Для районного руководства и председателей колхозов главным стал внешний показатель — сроки. По нему идет оценка. Каков же экономический эффект? Почему корма? Сколько кормовых единиц дает? Это не учитывается. Поэтому люди так недобросовестно, непорядочно относятся к работе и наносят ущерб нашей социалистической системе не только экономический, но и политический.

Если бы я был директором совхоза или председателем колхоза, так я предпочел бы кукурузу такому подсолнечнику. А уж если бы взялся за подсолнечник, так я бы его хотя бы вырастил. В Московской области он прекрасно растет, но его кормовые достоинства низки. Если не нравится кукуруза, то лучше вместо подсолнечника сеять вико-овсяную смесь. Она здесь хорошо растет, и с нее можно получить больше кормовых единиц. Правда, вико-овсяная смесь не так хорошо силосуется. Я вообще не берусь утверждать, что ее можно силосовать. Зато получается прекрасный сухой корм, прекрасное сено. И минимальные затраты труда. Конечно, по кормовым единицам с кукурузой она не может сравняться, но я считаю, если не умеешь или не хочешь заниматься кукурузой, сей вико-овсяную смесь. Это будет разумнее и целесообразнее. Она хорошо растет, возделывает и удобряет почву, дает очень высокие урожаи. Это все организационные вопросы...

Почему колхозы и совхозы выращивают то, что не всегда отвечает экономической целесообразности? Потому что руководство сельским хозяйством пущено на самотек. Мне могут возразить, что это демократия. Было бы прекрасно, если бы местное руководство правильно понимало свои задачи, исходя из экономико-географической целесообразности.

Например, в Подмоскovie, и особенно в поймах рек, выгодно выращивать овощные культуры, требующие полива, а на них сеют ячмень или пшеницу. Ничего нельзя сказать, на поливных землях получается хорошая пшеница. Очень хорошая. В пригородах Москвы сеять пшеницу экономически невыгодно. Это ни в какие ворота не лезет. Почему делают это? Меньше забот. Посеял пшеницу и убрал. Затраты невелики. Если же посадить помидоры, кабачки или патиссоны, то они требуют ухода, их собирать приходится через день или через два. Но население нуждается именно в овощных культурах. Без них хороший обед не приготовить. В магазинах они отсутствуют, а если их завозят, то за ними стоит очередь. Патиссоны нельзя увидеть даже на рынке, их только привозят в консервированном виде. Мне говорили, что их завозят из Болгарии. Не знаю, из Болгарии ли, но эта культура растет в Московской и Ленинградской областях, в прибалтийских республиках, а уж об Украине и Белоруссии и говорить не приходится.

Здесь один рычаг — экономический. Видимо, экономические сти-

мулы в наших советских условиях недостаточны. Заработная плата руководства совхозов, агрономов, председателей колхозов мало зависит от доходов колхоза. Главным образом все сводится к своевременному посеву и своевременной уборке с тем, чтобы не оказаться в отстающих. Экономический показатель слаб. Я не знаю, как его поднять, но надо искать. В каждой зоне должны выращиваться культуры, которые больше всего отвечают общей целесообразности. Например, для Подмосковья — это молоко и овощи. Следовательно, по этим культурам и надо оценивать, насколько умело ведется хозяйство. И не только по видам, но и по экономическим показателям. Я считаю, что в Подмосковье на некоторые овощные культуры даже выгодно давать государственную дотацию, с тем чтобы цены не ложились бременем на плечи потребителя. Качество должно быть хорошее, а цены — доступные. Это будет выгодно и государству, ведь не случайно многие капиталистические государства дают дотацию сельскохозяйственным фермерам, с тем чтобы они не повышали цены.

Такое ведение хозяйства требует специально подготовленного руководства. Тут недостаточно общих директив и призывов, надо конкретно заниматься каждым хозяйством. Главным образом успех зависит от подбора кадров, от их обучения. Самое главное — заинтересовать людей, и они будут работать. Здесь, как мы грубо говорим, «полицейские меры», администрирование ничего не дадут. Необходим упорный труд. Возможно, такая работа проводится, но если судить по магазинам, то очень слабо. В печати и по радио звучат общие призывы, скучная жвачка.

Я опять повторяю, что высокоорганизованное хозяйство не может не быть специализированным, потому что это хозяйство социалистическое... Иной способ производства, капиталистический, стимулируется, выжимая последние соки. Если бы у нас были не колхозы, а частное индивидуальное хозяйство, частная собственность на землю, сразу же появились бы кулаки. Знаете, какие у них были бы урожаи и какие бы они выжимали доходы с каждого квадратного метра? Люди моего возраста знают, что в Подмосковье было очень много сильных кулацких хозяйств. Кулаки умели выращивать овощи, получали доход и кормили города.

У нас в социалистическом хозяйстве такого стимула нет. Нет и материальной заинтересованности. Следовательно, должны быть сильные организационные начала. Сознание, конечно, большое дело, но, как показала практика, на одном сознании далеко не уедешь. Этого недостаточно, хотя еще есть люди, которые откликаются на призывы, но их тоже надо организовать и материально заинтересовывать.

Сейчас введено новое планирование и экономическое стимулирование. Я, встречая хозяйственных руководителей, спрашивал:

— Разъясните мне, раскройте эту формулу. В чем она выражается?

— Просто экономический расчет, — отвечали умные люди.

Очень невразумительно. Из лекций по радио и газетных статей ничего понять нельзя. В чем это выражается? Я думаю, что, кроме газетной

трескотни, это новшество фактически ничего не дает. Спросят, а что вы порекомендуете? Я сейчас ничего не могу рекомендовать. Я пенсионер и имею право на критику, потому что сие от меня не зависит. Должны думать те, кто отвечает за государство. Но пока от этого нового планирования и экономического стимулирования продуктов не прибавилось в магазинах. Наоборот, возник еще больший недостаток.

Специализация в руководстве и в организации ведения дел должна быть не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности. Просто в сельском хозяйстве при нашем социалистическом способе ведения хозяйства она нужна как воздух. Несмотря на все недостатки, которые мы имеем в социалистическом хозяйстве, оно показало свои преимущества перед капиталистическим. Поэтому надо прилагать все усилия, чтобы оно стало еще более эффективным и более экономичным.

В истории Советского государства мы отмечаем период резкого подъема производства сельскохозяйственных продуктов. Это 1922-й и последующие годы. После гражданской войны промышленность была разрушена, не было товаров. Шахты закрылись, не работали, а если работали, то добывали угля столько, что еле-еле хватало для того, чтобы поддерживать топки, которые приводили в движение электротурбины самих шахт. Доменные печи стояли, мартены стояли, коксовые печи не работали. У нас на руднике была коксовая печь, тоже не работала. Ее восстанавливали без специалистов, не имея чертежей. Собрали разбежавшихся рабочих, разбирали чертежи, пытались понять, как сложены эти коксовые печи. Затем приступили к сборке. Раньше технический персонал был бельгийский, он уехал за границу.

Вот так начиналось. Сельское хозяйство пришло в упадок. Не было орудий производства, они не обновлялись, а главное — неурожай 1921 года. Наступил голод. Это известно. Я уже об этом говорил. В голодном Поволжье и на Украине отмечались случаи людоедства. Вот в каком состоянии находилась тогда страна.

Ленин поставил вопрос о переходе от военного коммунизма к НЭПу. Этим он проявил не только политическую мудрость, но и смелость. Что такое НЭП? Это оживление «капиталистических бацилл», убитых во время гражданской войны. Сельскохозяйственное производство было мелкотоварным. Это — стихия, и Ленин попытался ее оживить.

Безлошадная беднота землю-то получила, но работать им было не на чем. Только лопатой. Требовалось оживить кулацкие элементы и середняка. Ленин пошел на это. Он видел, что это единственный путь, который даст возможность поднять сельское хозяйство и даст городу продукты питания. Чтобы задымились фабричные трубы, начали работать турбины, завертели заводские станки, нужно было накормить людей.

Это мог сделать только Ленин. Против него выступала оппозиция. Развернулась большая дискуссия. Я тогда служил в армии. Многие партийные группы и фракции возражали Ленину, тем не менее съезд принял решение о переходе к НЭПу. Все это происходило пять десятилетий тому назад. Сейчас другое положение. Сельское хозяйство организовано иначе. Мы создали колхозы, и у нас появились образованные кад-

ры. Поэтому остается показать организационные возможности и преимущества системы. Что такое социализм? Ленин сказал: «Это учет». А учет, следовательно, и организация. Материальные-то средства мы имеем, а организационные начала отстают. Именно из-за отставания организации мы не обеспечиваем потребности людей в продуктах сельскохозяйственного производства.

Осенью в газетах хвастовства невпроворот, пишут: сколько мы заготовили картофеля, полностью удовлетворяем потребности. Хвастовство! Тот, который пишет, видимо, сам не понимает, что пишет, а если понимает, то говорит заведомую ложь. Надо же понимать, что государственная картошка из-за плохого хранения продается низкого качества, и даже пенсионеры, которые получают мизерную пенсию, стараются купить ее на рынке. Там она в два-три раза дороже. Есть решение правительства, запрещающее частникам продавать товар по цене, более чем вдвое превышающей государственную. Но кто на него обращает внимание? Однако люди идут к частнику. Почему? Потому, что у него качество лучше. В магазине он купит килограмм, а останется полкилограмм, а то и меньше. Картошка мелкая, пораженная гнилью. Частник же продает картошку отборную. Казалось бы, простая истина: надо у колхозов покупать картошку отборную и платить за нее дороже. Я считаю, что разницу в стоимости должно взять на свои плечи государство, с тем чтобы не повышать цены. Тогда и картошка будет хорошей, и потребитель останется доволен, и сельское хозяйство внакладе не останется. Я говорю о картошке, но это в еще большей степени относится и ко всем видам овощей.

Прошлой осенью я встречался с людьми, которые рассказывали мне, что на полях осталось много не вывезенной, не прибранной капусты. Эти мои собеседники собирались заквасить капусту на зиму. А в магазине нельзя ее купить. Если этих продуктов в должном ассортименте нет, следовательно, у нас просто плохая организация производства, плохая организация заготовок. Из-за этого страдает потребитель, наносится ущерб всей социалистической системе. Ее противники, буржуазные корреспонденты, злословят в адрес социализма, а не в адрес людей, которые не умеют работать.

По-моему, я уже поминал простую приправу, как укроп. Ведь это просто бросовая культура. Ее крестьянин раньше, я помню с детства, сеял по картошке. Во время прополки сорняки уничтожали, а укроп оставляли. А теперь люди, которые хотят купить укроп, не могут. Если в магазинах он и есть, так это не укроп, а веник. Его еще для соленья можно использовать, и то с трудом, а для сдабривания пищи нужен зеленый свежий укроп. Такой только у частника можно купить. Частник, конечно, «стрижет» потребителя, знает — у государства в магазине его не купишь.

Это все организационные вопросы. Не такие уж мы слабые организаторы, чтобы не могли ничего сделать. В чем же дело?

Конечно, можно подходить по-мао-цзэдуновски. Мао Цзэдун считает материальные вопросы недостойными коммуниста, главное — идея. Во время культурной революции были выдвинуты и соответствующие ло-

зунги. Они критиковали нас, советских коммунистов, за иную направленность деятельности, иное стремление: удовлетворить сполна запросы людей. Обвиняли нас в экономизме. Я сейчас уже не могу вспомнить их лозунг, но они отрицали материальное поощрение. Считали, что главное — идея. Но идею в суп не положить. Идея социализма и коммунизма, разработанная основоположниками Карлом Марксом, Энгельсом, Лениным, правильна. С моей точки зрения, она показала себя. Но идея идеей, а надо, чтобы человек хорошо питался. Надо, чтобы государство, созданное на основе научного социализма, обеспечивало потребности человека. Ведь человек, пока живет и трудится, не может не удовлетворять свои материальные и духовные потребности. Если же капитализм будет удовлетворять их лучше, чем социализм, то нам агитировать будет трудно, и мы потерпим крах.

Я повторяю за Лениным: «Надо учиться у капиталистов управлять производством». Нужно производить больше, дешевле, высшего качества, чтобы сполна удовлетворить запросы народа. Вот собственно мое понимание Ленина, Маркса, Энгельса. Можем мы сейчас этого добиться? Да, можем. У нас есть материальные возможности, есть и кадры. Ушло то время, когда Ленин мечтал: нам бы тридцать тысяч тракторов, да керосин к ним, да кадры, то крестьянин сказал бы: «Я за коммуны». Сейчас мы все имеем, все возможности удовлетворить потребности людей.

Следовательно, основной вопрос — организационный. Работу надо построить так, чтобы определенное лицо отвечало за каждую мелочь, чтобы это лицо состояло на службе у народа и работало для народа. Тогда появится возможность обеспечить народ всеми товарами высокого качества.

Однажды мне пожаловались: «Нельзя купить иголки». Их нет не потому, что у нас нет металла, просто какой-то бюрократ не предусмотрел их в плане или сократил их производство, заменил их какими-то, с его точки зрения, более полезными предметами. Так пропали иголки. Без иголки человек жить не может, даже при наличии счетных машин и космических аппаратов. Если пуговица оторвется у штанов, не бежать же в ателье, чтобы ее пришили. К сожалению, это не мелочь. В сравнении с космической ракетой это мелочь, но необходимая в быту человека.

ЦЫПЛУТ ПО ОСЕНИ СЧИТАЮТ

Я хочу высказать свое мнение еще вот о чем. Сейчас в печати, в официальных докладах появились сообщения, что в 1970 году урожайность в Советском Союзе достигла 15,4 центнера с гектара. Это очень хорошая урожайность. Она должна радовать каждого советского человека, но я не понимаю этой цифры. Объявленная урожайность не соответствует рыночному положению. Я знаю, что десять лет назад Соединенные Штаты Америки получали урожайность в среднем 16 центнеров пшеницы с гектара. Правда, кукурузы они намолачивали, кажется, 48, поэтому в среднем они получали выше, чем шестнадцать. Я думаю, если бы мы действительно имели 15,4 центнера, то сложилось бы совершенно дру-

гое положение на рынке с мясом, мясными продуктами и яйцом. Сейчас их недостает, надо стоять в очереди и покупать не всегда то, что хотел бы, а что дают.

Я помню со сталинских времен, как тогда определяли урожайность. Чаще всего это был плод умозаключений.

Я помню, как это делалось, когда я работал на Украине. Мы определяли урожайность с помощью миллиметровки. Подсчитывали количество стеблей на квадратном метре, затем количество зерен в колоске и умножали на посевную площадь. По определенным зонам, конечно. В каждой зоне был свой пересчет. Потом все это суммировалось и получалась общая урожайность по республике и Советскому Союзу. Окончательно урожайность устанавливалась в Москве Сталиным. Был такой Савельев, сейчас он уже, наверное, глубокий старик. Он работал в Комитете по определению урожайности. Я его уважал. Этот комитет создали, по-моему, при Госплане или Наркомате земледелия. Но мы все знали только Савельева, от него зависело, сколько придется сдать зерна государству от республики.

Он докладывал Сталину, что урожайность, например, по Украине такая-то. Следовательно, Украина должна поставить хлеба столько-то. Налог не зависел от урожайности, а за работу машинно-тракторных станций платили тем больше, чем выше была урожайность. Это логично, потому что машинно-тракторная станция пахала, сеяла и убирала, она очень много делала для колхоза. Собственно, она работала на колхоз. В зависимости от того, как работала МТС, плюс метеорологические условия, которые сложились на этот год для того или другого района, зависел урожай колхоза. В конце года определялась доходность машинно-тракторной станции, то есть сколько она должна получить с колхоза за свою работу.

Когда урожайность не соответствовала желаниям Сталина, точнее он хотел, чтобы Украина сдала зерна больше, то Сталин смотрел на Савельева, как удав на кролика.

— Что вы, такие-сякие, потворствуете колхозам, — гаркал Сталин, — занижаете цифры. Там «такие черноземы»...

Это его выражение. Выругается и по животу себя ладонью проведет. Затем Сталин устанавливал свою урожайность — называл цифру. Она совершенно не соответствовала действительной урожайности, но отвечала желанию Сталина. Это была «липа», поэтому другой раз забирали все без остатка. Говорили: урожайность такая-то, а ее и близко не было. Я не только скептически относился, но просто не верил в такой метод определения урожайности. Он не соответствовал действительности и вводил правительство в заблуждение. Из него нельзя исходить, строить на нем какие-то экономические прогнозы.

При Сталине в стране заготавливали миллиард семьсот миллионов пудов зерна. Доходили до двух миллиардов. Когда целинные земли стали давать зерно, мы заготавливали три с половиной — четыре миллиарда. В 1964 году мы, по-моему, заготовили около четырех с половиной миллиардов пудов. Я не помню урожайности в 1964 году, но безусловно, она не выходила за пределы десяти центнеров с гектара в среднем по

стране. Если бы мы сейчас имели среднюю урожайность 15,4, то есть получили почти пять центнеров прибавки, получилась бы астрономическая цифра прибавки урожая. Я бы даже сказал, катастрофическая цифра, потому что у нас нет складских помещений для хранения такого количества зерна. При такой урожайности и при наших площадях мы полностью удовлетворили бы свои потребности и в хлебе, и в продуктах животноводства, и в молоке, и в яйцах.

Рынок не подтверждает такой урожайности. Могут возразить, что больше зерна оседает на селе. Хорошо, но человек не может съесть больше того, что его организм может принимать. Остаток выбрасывался бы на рынок, но сейчас же не едут на село закупать мясо! А если и едут, то явление это довольно редкое. Мяса не хватает для удовлетворения запросов потребителя. Чаше сельский потребитель едет за продуктами в город. Сейчас ряд колхозов перевели на денежную оплату, а это значит — сельский потребитель, так же как и городской, будет стараться продукты купить в магазине.

Поэтому я думаю, что цифра 15,4 бюрократическая — угодническая: статистики хотели угодить высшему начальству. Она для бюрократа, как смазочное масло для машины. Каждый видит то, что ему приятнее. За рост урожайности хвалят. Это приятнее, чем когда критикуют за то, что топчутся на месте или же сползают вниз по урожайности. Я с недоверием отношусь к опубликованной цифре. Она не соответствует положению дел в торговой сети. Если бы такая цифра реально, а не бюрократически обеспечивалась, то это отразилось бы на нашем потреблении, наступило бы буквально изобилие мяса, молока, яиц. А мы этого не имеем. Если не имеем яиц и куриного мяса, следовательно, мы не имеем нужного количества зерна. Вот мое мнение. Оно сложилось на основе моего большого жизненного опыта. Я видел, как жульничали. Сталин поступал вообще просто. В 1946 году на Украине сложилось ужасное положение. Хлеба сгорели от засухи, а нам определили такую урожайность, о которой мы и не мечтали. Мы хлеб сдали подчистую, но поставки государству все равно не выполнили, их выполнить было просто невозможно. В результате этого на Украине разразилась катастрофа. Хозяйство было подорвано, пришел голод, а в отдельных районах было людоедство.

Сейчас, конечно, другое положение, но цифра в центнерах зерна с гектара 15,4, считаю, завышена. На сколько она завышена, мне трудно судить. Я даже думаю, что в Советском Союзе нет такого человека, который бы мог это определить. К такой цифре правительству надо относиться очень строго, не давать вводить себя в заблуждение. Местные бюрократы могут легко ввести центр в заблуждение своим хвастовством. Докладывают о небывалых урожаях, а хлеба такого в действительности нет, в результате потребитель не получает нужных ему продуктов.

Я уже приводил свои воспоминания о двадцатых годах. Когда в 1925 году на Украине, в ее степной части, где я тогда работал, в Донбассе, урожайность поднялась, то сразу образовалось изобилие мясных продуктов. Мясо — это вторая сторона медали сбора урожая зерна. Много

зерна, много мяса; много зерна, много птицы; много зерна, много яиц. Эти продукты прямо зависят от урожайности зерна, от его наличия. Барашки — крупный рогатый скот, их продуктивность не зависит напрямую от зерна. Можно использовать сочные корма или заготовить сено, то есть прямой зависимости нет.

Я хотел бы закончить этот раздел своих воспоминаний, но вернусь к подъему целины. К экстенсивному и интенсивному способам ведения сельского хозяйства. Я повторю, в те годы другого выхода у нас не было. Для интенсивного ведения хозяйства, то есть поднятия урожайности на существующих площадях, мы не имели средств. Оставалась одна возможность для увеличения сбора зерна — расширение пахотных земель. Сейчас в стране есть возможность выделить капиталовложения на ирригацию и мелиорацию. Это делается, только не знаю как.

Сейчас у нас появились колоссальные возможности. Шутка ли сказать, на конец пятилетки по черной металлургии планируется, по-моему, выплавка 140 миллионов тонн стали. Это головокружительная цифра. После гражданской войны мы выплавляли около двух с половиной миллионов тонн, а потом поднялись, кажется, до четырех.

Положение нашей страны в плане обороноспособности, если взять те времена и наше время, несравнимо. Сейчас мы получили, я бы сказал, неограниченные возможности для выделения средств на поднятие сельскохозяйственного производства и создание условий для получения максимального урожая с гектара. А это и есть переход на интенсивные формы ведения сельского хозяйства.

На Западе добились очень высокой продуктивности земли. Мне рассказывал Гарст, что в Америке платили фермеру не за увеличение, а за сокращение посевов пшеницы.

— В то время, когда в мире голод, — возмущался Гарст, — голодают целые районы, мрут миллионы людей, а нас, фермеров, правительство Соединенных Штатов премирует за сокращение посевных площадей. Он возмущался как честный человек, кроме того, как капиталист. Он чувствовал, что это сокращает его доходы, его прибыль. Это его возмущало. Мы в Советском Союзе, если успешно поведем работу и будем рационально использовать материальные средства, которые сейчас страна может вложить в сельское хозяйство, то тоже встанем перед задачей не расширения, а сокращения посевных площадей. Мы можем выйти на уровень и двадцать, и больше центнеров зерна с гектара. Такое количество зерна мы уже не смогли бы использовать, и тогда встанет вопрос вывода из пахоты менее продуктивных земель. Мы начнем уходить из зоны рискованного земледелия. Тогда можно внести коррекцию и в использование целинных земель. Там окупаются затраты, но порой недостаточной получается прибыль. Эта земля вернется под пастбища, пойдет под сады.

Я уверен, что мы к этому придем. Когда только? Не знаю. Прежде всего нас тормозят организационные вопросы и культура ведения сельского хозяйства. Другой раз имеем возможность получить урожай, но не получаем, потому что неправильно ведем работы.

Часть VIII

ПОСЛЕВОЕННАЯ ОБОРОНА СТРАНЫ

К ГЛАВЕ «СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Последние годы жизни Сталина... Сталин с большим вниманием следил за состоянием обороны страны. Я даже считаю, что он преувеличивал силы противника, преувеличивал его намерение развязать войну. Конечно, этому способствовал Черчилль. Он выступил в Америке с поджигательской речью, направленной против Советского Союза и социалистических стран в Америке. В Фултоне, если я правильно называю этот город или городок. Признаться, я конкретно не представляю его географического расположения. Да это и не имеет значения. Он мог ее произнести в Фултоне, мог в другом месте. Она свидетельствовала о возврате к довоенному времени. До этой речи мы переживали радость общей победы над гитлеровской Германией. Вклад, внесенный в победу народами Советского Союза, даже враги коммунизма не могли приуменьшить. Народы еще хорошо помнили войну, бомбардировки. Английские острова не подверглись нашествию, но подверглись жесточайшей бомбардировке. Главная тяжесть, пролитая кровь и страдания военных лет выпали на плечи нашего народа, народов Советского Союза.

Я не говорю, что все обстояло так, как сейчас некоторые изображают. Особенно те, кто не знает истинного положения дел, не знает, как протекала война и какие были взаимоотношения у нас с нашими западными, капиталистическими союзниками в войне против гитлеровской Германии. Они были сложными. Черчилль не мог желать добра социалистическому государству. Но, с другой стороны, он вынужден был помогать, чтобы вооружить Советский Союз, с тем чтоб мы внесли большую долю в уничтожение военной машины гитлеровской Германии. Это спасло Англию. В буквальном смысле слова эта помощь уменьшала пролитие английской крови.

На таких же позициях стоял и Рузвельт. Рузвельт был человеком другого характера, более либеральный, но он тоже был человеком, стоящим на капиталистических принципах. Он был президентом такой крупнейшей капиталистической страны, какими являлись и являются Соединенные Штаты Америки, но он все делал для того, чтобы помочь Советскому Союзу. Когда мы потеряли Украину, потеряли основную промышленность: машиностроение, металлургию, созданные потом и кровью советского народа. Мы потеряли хлебные районы, житницу, как называли Украину. Мы потеряли уголь. Были трудности с добычей и переработкой нефти.

Положение у нас было критическое. Сталин правильно говорил, и я полностью в этом вопросе с ним согласен, что, если бы нам не помогла Америка, мы бы не выстояли против Гитлера, мы бы не победили в одиночку. Только хвастуны и ограниченные люди сейчас могут занимать

позиции шапкозакидательства. Это глупо. Надо трезво и реально оценивать прошлое, с тем, чтобы правильно понять движение в будущее.

Святая святых — вопросы обороны и обеспечение неприступности наших границ. Это главные условия, необходимые для окончательного завершения строительства социализма и победы коммунизма.

Сталин пытался «прощупать», выражаясь языком Ленина, капиталистический мир штыком. В первую голову я имею в виду блокаду Берлина. Здесь американский империализм прилагал все усилия, чтобы восстановить Германию, они боялись, что нанесенные войной разрушения и упадок жизненного уровня активизируют рабочий класс. Но рабочий класс, к сожалению, не имел сильной компартии в Германии. Надежды, которые мы, коммунисты, и я в том числе, возлагали на то, что после войны компартия Германии возглавит рабочее движение и поведет рабочий класс по социалистическому пути, не оправдались. Не получилось. Сосредоточив все средства, материальные и пропагандистские, против социализма, они стали помогать восстанавливать страну на капиталистических началах. Так произошло и в Западной Германии, и во Франции, и в Италии, и в Греции. Больше других пострадала в кровопролитной борьбе коммунистическая партия Греции, но движение было подавлено, утвердились реакционные силы.

Блокада Берлина: я не помню, по времени сколько это длилось, но довольно длительно. Она заставила нас убедиться в том, что капитализм еще силен, и рассчитывать, что подобными средствами можно добиться успеха, не приходится. Сталин вынужден был фактически капитулировать, если уместно употребить подобное политическое выражение. Он вынужден был пойти на переговоры. Договорились и подписали соглашение. Я сейчас не хочу разбирать его, да и не помню, но это соглашение ухудшало наше положение и положение ГДР. Тогда во внешнем мире знали только Советский Союз, потому что реальная сила находилась в его руках. Наша мощная армия располагалась в Восточной Германии, а подписали договор, который ухудшал условия в сравнении с теми, которые были определены в Потсдаме. Они и сейчас регламентируют наши отношения с Западом, потому что другого мирного договора пока нет.

Сталин, когда попробовал блокаду, сделал это без учета своих реальных возможностей. Он плохо продумал (не знаю, кто был у него советником по этим вопросам). Я был членом Политбюро, но мы тогда этих вопросов не обсуждали, а с кем он их обсуждал, мне неизвестно. Думаю, возможно, только с Молотовым. Больше ни с кем. Ворошилов в это время никакой политической роли не играл. Он был на подозрении у Сталина: считал его шпионом и неумным наркомом. Доказано, что было ошибкой поставить Ворошилова на столько лет во главе Советской Армии. Но он — честный человек и никаким шпионом не был. Это уже глупость Сталина. Но он так думал. Так было, к сожалению, при Сталине. Подобные подозрения легли на Микояна, на Молотова, они тоже люди честные. Разные люди и по-разному я к ним относился, но то, что они люди своего класса, преданные своему государству, социалистическому строю, в этом не было никакого сомнения. Во всяком случае, ни у кого, кроме Сталина.

Хотя я осуждаю Сталина за преступления, которые он совершил, но в этом вопросе я тоже согласился бы с Ким Ир Сеном. Это вопрос внутренний и естественный. Корейский народ тогда боролся и сейчас продолжает борьбу за восстановление страны, за однородную социалистическую единую Корею. Мне были тогда понятны устремления Ким Ир Сена, и я сейчас с пониманием отношусь к тому, какую он ставил задачу, переоценив свои возможности. Он считал, что Коммунистическая партия и народ подготовлены, находясь под пятой Ли Сын Мана, тогда был такой президент. Сейчас он, по-моему, умер. Американских войск в Корее не было. Ким Ир Сен считал, что стоит только поджечь фитиль, дать толчок, и внутренние силы Южной Кореи сделают свое дело, страна добьется воссоединения, социалистические идеалы восторжествуют на Юге.

Правильно ли оценивал Ким Ир Сен обстановку? Много лет прошло уже. Сейчас я склоняюсь к тому, что он был недалеко от истины, считаю, скорее всего, он правильно оценивал политические возможности. Когда началась война, то лисынмановская армия быстро откатилась, слабое оказала сопротивление. В войне между корейцами Север побеждал Юг, вернее, революционные войска Северной Кореи побеждали войска Ли Сын Мана, защищавшие капитализм и капиталистический строй в Южной Корее.

Мы, конечно, радовались, и я тоже радовался победе Северной Кореи. Все мы тогда радовались. Сталин был виноват в том, что не продумал все до конца, не оказал должной помощи Северной Корее. Следовало больше дать танков, больше дать средств усиления. Необходимо было послать советников. Их не только не послали, но и тех, которые были там до начала войны, отзывали из армии Северной Кореи.

Я Сталину тогда рекомендовал:

— Поручите Малиновскому. Пусть Малиновский поможет Ким Ир Сenu. Потому что Ким Ир Сен — гражданский человек, он партизан, он хороший партизан, честный человек, честный коммунист, но ему недостает военного опыта. Он не имеет ни знаний, ни опыта управлять большими воинскими соединениями. Почему Малиновский? Малиновский командовал Дальневосточной армией. Он находился в Хабаровске.

Если бы это сделали, я убежден, что Северная Корея достигла бы своих целей, и страна была бы воссоединена. Осталась незанятой северо-корейскими войсками самая южная точка, город Пусан. Вот сейчас я думаю, если бы был еще один танковый корпус, то они бы сбросили войска противника в море и таким образом обеспечили победу социализма на всей территории Кореи. Но Сталин, с одной стороны, поощрял Ким Ир Сена и оказывал ему помощь, а с другой стороны, проявлял непонимание и, я бы сказал, трусость. Он боялся Америки, когда благословлял Ким Ир Сена. Сталин даже советовался с Мао Цзэдуном: когда начнется война, вмешаются ли своими вооруженными силами Соединенные Штаты или не вмешаются? Он считал, и Мао Цзэдун был такого же мнения, что не вмешаются. Это мнение и перевесило чашу весов.

Когда американцы увидели, что южнокорейцы задержались в Пусане, организовав сопротивление, они решили высадить десант в Чемуль-

по (Ичхоне, это значительно севернее Пусана) и таким образом отрезать армию Северной Кореи, которая находилась на «краю» полуострова в стадии завершения своей освободительной кампании в Южной Корее. Теперь война уже пошла по-другому. Американцы бросили свою технику, своих солдат, и военные действия переместились к Северу. Северокорейская армия стала терпеть поражение.

Иначе и не могло быть. Против Южной Кореи Северная Корея была сильнее, она была лучше вооружена, но главное, она была вооружена идеей, она боролась за освобождение, за изгнание предателей, изменников в лице Ли Сын Мана и его административного аппарата. А теперь все решала другая сила, сила Америки. Северная Корея стала терпеть поражение. Если бы не вмешался Китай и не пролил столько своей крови, Северная Корея не выдержала бы натиска. И Сталин, собственно, был готов к этому. Я помню его слова, мне больно было слушать.

А произошло следующее: тогда Ким Ир Сен подавал сигнал SOS, сигнал тревоги через нашего посла Штыкова, бывшего там главным военным советником, неглупого человека, но для ведения такой войны и знаний, и ума его не хватало. Он когда-то работал вторым секретарем Ленинградского обкома и неплохо справлялся с обязанностями члена военного совета на Ленинградском фронте. Правда, кроме него там был Жданов и другие работники. Я не знаю, на каких конкретно делах он так выдвинулся в глазах Сталина, но Сталин на него надеялся, а он не смог оправдать надежд. Если бы он был более способным, более талантливым, этого тоже не хватило бы, так как требовались солдаты, требовалось вооружение, а главное — умелое руководство. Когда же армия Северной Кореи покатила назад, Сталин сказал: «Ну что же, мы своих войск не вводили. Теперь американцы станут нашими соседями на Дальнем Востоке».

Это означало, что американцы оккупируют всю Корею, восстановится положение, существовавшее до Второй мировой войны, когда нашими соседями в Корее были японцы. Сталин смирился. Только китайцы не остались равнодушными. Это делает честь и Мао Цзэдуну, и Китайской компартии. Они выставили огромную армию и пошли на большие жертвы. Собственно, эта армия, пролив свою кровь, спасла Северную Корею.

Когда США вмешались, то взяли эту войну на свои плечи, а Ли Сын Ман, видимо, никакой роли не играл и играть не мог. Его армия была разбита Северной Кореей. Я говорю, Северной Кореей, то есть без вмешательства наших войск: не только каких-либо больших или малых соединений, но даже советников не было в корейских войсках. Если бы не вмешательство американцев, то война закончилась бы, и Корея объединилась. Это создало бы лучшие условия и для Советского Союза, и для Китая. Тогда Китай считался самой дружеской, братской нам страной. Мы искренне в это верили. Я и сейчас считаю, что пройдет время и братские отношения с китайским народом восстановятся. Во всяком случае я хотел бы этого.

Война на Востоке бушевала. Америка воевала против Северной Кореи, а потом на каком-то этапе она вступила в войну против Китая, хотя и ограниченную по территории. Китай как государство не участвовал в этой

войне, только добровольцы. Но кто такие добровольцы? Добровольцы — это формула китайского руководства. Америка-то понимала, что добровольцы — это организованные части китайской Красной Армии, которые под руководством китайских офицеров и генералов вели войну. Командовал этими войсками Пын Дэхуай, очень хороший генерал и большой друг Советского Союза и Советской Армии. Участвовал в этой войне и сын Мао Цзэдуна. Это говорит о том, насколько эта армия являлась добровольной. Он там и погиб. Я лично его не знал, но говорили, что он был хорошим, честным человеком. Якобы он даже учился у нас, в Советском Союзе, и стал нашим хорошим другом.

Наша авиация. Если мы и участвовали в войне, то только нашей истребительной авиацией. Там была наша техника и наши летчики. Они защищали Пхеньян — столицу Северной Кореи, гидроэлектростанции и другие важные районы. Аэродромы построили еще в свое время японцы, когда они оккупировали Северную Корею. Наша авиация тогда имела на вооружении хорошие самолеты МИГ-15. Они были хороши в сравнении с поршневыми самолетами, так как быстроходнее и маневреннее. Наша авиация господствовала в воздухе.

Но, к сожалению, этот период продолжался недолго. Я не смогу назвать марки самолетов, которыми были вооружены американские летчики. Они поначалу уступали нашим, а потом ввели новую марку истребителя, который превосходил наш МИГ-15 в скорости и, видимо, в других качествах. Наша авиация стала терпеть поражение. Фактически господство в воздухе перешло к американцам. От этого еще хуже стало Северной Корее: наша авиация не могла больше прикрывать важные объекты. Америка теперь действовала нахально. Это еще больше ухудшило наше положение, ухудшило настроение Сталина: раз мы в воздухе не господствовали, то наши истребители уступали американским, а они — главный наш противник. Мы официально поддерживали, я не сказал бы, дружеские (их уже не было), но нормальные дипломатические отношения, правда, напряженные до предела.

Как кончилась война в Северной Корее? Сталин умер. Америка тогда была трумэнзовской. Трумэн был президентом. Реакционный, видимо, человек. По его действиям можно судить, что он ненавидел все прогрессивное, и Советский Союз в первую голову как носителя коммунистических идей, реально претворяющего в действительность марксистско-ленинское учение.

Политику они проводили агрессивную. Почти непрерывно летали разведывательные самолеты над территорией Германской Демократической Республики и Чехословакии, особенно в пограничной зоне. Они продолжались довольно долго, даже после смерти Сталина. Накаляла отношения между нашими странами агрессивная политика, проводимая Западом, но она была вполне понятной. На другую политику трудно было рассчитывать, потому что наш союз против Гитлера — это вынужденный союз как для нас, так и наших западных политических союзни-

ков. И те, и другие в одиночку не могли справиться с Гитлером. Запад, возможно, мог бы справиться, но это потребовало бы значительно больших материальных и других жертв. Больше бы крови пролилось. Поэтому Запад считал для себя выгодным поддержать Советский Союз, его армию, оказать материальную помощь. Она была очень большой. Я говорю о материальной помощи. Им это было выгодно. Лучше давать сталь, дюраль, консервы, самолеты, истребители, грузовые транспортные суда и прочее, чем гибнуть самим в боях. Помощь была огромной. На определенном этапе, когда мы потеряли самые богатые районы Советского Союза, она оказалась для нас решающей помощью.

Но эта помощь не являлась свидетельством желания поддержать, сохранить и укрепить Советское государство, советский строй. Она была вынужденной. Они ее оказывали сквозь «скрежет зубный». Без нас они не смогли бы добиться победы. И мы тоже вынужденно принимали их помощь. Другого выхода не было. Одним словом, сложились условия, когда антагонистические силы противоположных политических и экономических направлений, Советское государство социалистического типа и классические капиталистические страны, Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция, вынуждены были объединить свои усилия против капиталистического империалистического государства, которое угрожало как Советскому государству, так и своим собратьям по политическому и экономическому строю. Сразу после победы еще слишком свежи были в памяти народов Англии, Америки и других народов, воевавших против Гитлера, затраты и усилия Советского Союза в деле разгрома Гитлера. Тогда еще внешне поддерживались союзнические дружеские отношения, но политика государственных деятелей вела к их обострению, к подготовке новой войны, если, конечно, сложится подходящая ситуация. Они нас побаивались, потому что армия набрала огромную силу и приобрела опыт. Командный состав вырос на войне против Германии. Наша армия была самой мощной. Слабость армии заключалась лишь в слабых тылах: мы не имели промышленности, хозяйство в районах, оккупированных Германией, еще не восстановилось.

С другой стороны, на этой войне нажились Соединенные Штаты Америки. Они развили мощный военный потенциал производства вооружений всех видов. Все это делалось на конвейерах в крупных масштабах и высокого качества. Если мы численно превосходили своих бывших союзников, то в материальных средствах мы уступали. Страна была разрушена, голодала, сидела на пайке. Войну выдержать мы бы не смогли. А в это время Рузвельта, который с большим пониманием относился к нам, уже не было, президентом Соединенных Штатов стал Трумэн, человек агрессивный. Может, слишком грубо скажу, но он проводил просто глупую политику. Сам был таковым и в политике отражал свою глупость, ограниченность и классовую ненависть.

Американцы проникли в Турцию, потому что с Турцией Советский Союз испортил отношения. Подзуживал Сталина в турецком вопросе Берия. Предлагал официально обратиться к Турции и предъявить терри-

ториальные претензии. Они со Сталиным считали, что после войны турки не смогут сопротивляться и уступят нашим притязаниям.

Берия доказывал, что такая-то территория Турции — это Грузия, такая-то территория — это тоже Грузия. Возможно, он и прав исторически, когда-то эти территории принадлежали Грузии, но их уже давно захватили турки и, конечно, без войны их не собирались уступать. Турция владеет Дарданеллами, а мы требовали Дарданеллы себе. Это турки знали еще со времен наших переговоров с Германией. Гитлер сделал все для того, чтобы Турция узнала о наших претензиях. Один на один против Советского Союза Турция в это время не могла выстоять. Так наша политика толкнула турок в объятия Соединенных Штатов Америки. А США как раз этого и хотели. Они получили возможность создавать на турецкой территории военные базы вплотную к нашим границам. Тогда опубликовали в газетах на Западе, что организованная Соединенными Штатами Америки экспедиция, вроде бы научная, должна обследовать Арарат в поисках Ноева ковчега. Конечно, каждому понятно, что это за Ноев ковчег и что это за экспедиция. Эти действия были направлены против Советского Союза. Американцы «нависли» над Кавказом, над Баку, над нашей нефтью. А в то время Баку пока оставался нашей единственной базой по добыче нефти и ее переработке. Это не то, что в сегодняшние времена, когда Баку уступил другим районам Советского Союза первенство в добыче нефти.

На море своим флотом, и подводным и надводным, конечно, господствовали американцы. По тем временам самым мощным оружием были авианосцы. Собственно, американцы авианосцами и разбили японскую армию, сломали и вынудили капитулировать. Наше участие в этой войне значительно меньшее, чем пишут в наших газетах так называемые военные специалисты и историки. Их подход, я считаю, служит плохую службу советскому народу, неточно освещая события.

Если в войне против германской армии главная сила, которая сокрушила ее с материальной помощью Соединенных Штатов и Англии, — это Советский Союз, Советская Армия, советский народ, и здесь, как бы ни приукрашивали на Западе, нельзя историю изменить, то в войне против Японии мы участвовали только в разгроме Квантунской армии. Возможно, что если бы мы опоздали еще на несколько дней со своим вступлением в войну, то Квантунская армия без выстрела капитулировала бы перед Соединенными Штатами Америки. Нам угрожала потеря своих прав, которые были оговорены, когда Сталин с Рузвельтом подписывал договор о нашем участии в войне на завершающем этапе. За это мы получали Южный Сахалин, Северную Корею, Порт-Артур, Курильские острова и некоторые другие пункты.

Да, мы участвовали. Война длилась несколько дней, и сейчас ее изображают как сказочную войну богатырей, когда один человек целую рать громил. Так не бывает. Тот, кто нюхал, что такое война, участвовал в войне, знает, что Квантунская японская армия, если бы не была подорвана в основе своей, сопротивлялась бы. Но на Японских островах взорвали

две атомные бомбы, и они окончательно подорвали не только материальные возможности, но и дух японский. Япония не могла сопротивляться. Она капитулировала, но какое-то сопротивление Квантунская армия все же оказала. На отдельных направлениях она в первые дни нанесла значительный урон наступающим нашим войскам. Но по-настоящему японцы не могли сопротивляться. Наши транспортные самолеты высаживали десант, и он захватывал целые города. Так, захватили императора Манчжоу-Го Пу И, захватили его чуть ли не журналисты. Эта история интересна, и когда-то ее правдиво напишут. А я считаю, что правдивый рассказ и признание за Америкой ее вклада в разгром японского милитаризма не унижает нашего достоинства, а наоборот.

Когда начали действовать антагонистические силы между бывшими союзниками, американцы все сделали, чтобы подорвать экономику нашей страны всеми доступными способами. Они не только прекратили оказывать нам помощь, но стали проводить агрессивную, дискриминационную политику. Первое, что сделали, это потребовали оплату по ленд-лизу в то время, когда отказались от взыскания стоимости помощи по ленд-лизу с Англии. Конечно, Англия терпела от войны, и она имела тоже большие потери, нуждалась в помощи и получала ее. Но Советский Союз внес больший вклад в разгром Германии и больше пострадал. Большие территории были оккупированы германской армией. А крови?.. Никакого сравнения... И тут Соединенные Штаты Америки потребовали оплаты по ленд-лизу! Они так поступили не потому, что этого требовала их экономика, а для того, чтобы подорвать возможность восстановления нашей экономики, чтобы средства пошли не на восстановление разрушенных войной заводов, а ушли Соединенным Штатам Америки, которые «обожрались» на этой войне, ограбили весь мир и нажились. У них выросли капиталы, выросла экономическая мощь, развилось производство вооружений.

И вот, извольте, плати за ленд-лиз. Наша страна была истощена войной. Это Сталин понимал, так же, как любой человек, который хоть как-то участвовал в войне. Не вызывало сомнений, что идет нагнетание, подготовка к войне, если развязать ее окажется возможным. Во всяком случае они старались поставить Советскую страну в тяжелое экономическое положение, стремились вызвать внутреннее недовольство. Предел мечтаний — добиться изменения, ликвидации советского строя силами самих советских людей.

Но эти расчеты были глупые, потому что после разгрома гитлеровской Германии хотя народы Советского Союза праздновали победу на голодный желудок, но они понимали, что избавились от оккупации, избавились от физического уничтожения, которое осуществлялось гитлеровской Германией на захваченных территориях. Советский Союз в моральном отношении был как никогда прочен и един. Реакция делала ставку на все и ничем не гнушалась, никакими средствами ради достижения своей цели: ликвидации социалистических стран и социализма. Реакционеры стремились вернуть их в лоно буржуазно-капиталистического общества, капиталистической системы.

Словом, вот такое создалось стратегическое положение после войны

в конце жизни Сталина. Тут, безусловно, сказывалось и его психическое расстройство. Он сам уже не владел обстановкой, делал неправильные выводы, и отсюда следовали неправильные действия. А надо иметь в виду, что Сталин все делал сам, от своего имени. Не только не советовался, не втягивал, как говорится, но и не допускал нас к управлению армией, изучению ее структуры, ее вооружения. Он ревниво оберегал свои привилегии. Всякий проявленный интерес к тому или другому виду вооружения или к армии у него вызывал подозрение, и он мог посчитать любого из нас за агента, заявить, что он завербован и интересуется, чтобы информировать своих хозяев. Начали возобновляться аресты, тюрьмы вновь переполнились, лагеря были забиты арестованными и бывшими военнопленными, которые вернулись, но вернулись не домой, не в колхозы, не в совхозы, не на предприятия, а были заключены в лагерь. Они работали в Сибири, на Колыме и в других отдаленных районах.

В стране проводились аресты, раскручивались судебные процессы. Ленинградский процесс. Еврейский процесс. Были осуждены очень видные политические деятели. Погиб Михоэлс. Михоэлса убили тайно. Убийцу Сталин наградил, а Михоэлса похоронили с почестями. Погиб Лозовский. По суду осудили не только Лозовского, и другие погибли вместе с ним. Арестовали жену Молотова. Сколько таких людей? Я сейчас не могу перечислить, но я думаю, что жертвы исчисляются тысячами, тысячами. Опять мы возвращались к временам 1936, 1937, 1938, 1939 годов, к годам после убийства Кирова, убитого, безусловно, по заданию Сталина. Смерть Кирова была нужна для того, чтобы встряхнуть, как говорится, страну и перейти к террору, к сталинскому террору, к уничтожению цвета нашей компартии, нашей армии, нашей, уже советской интеллигенции, да и простых людей. Было уничтожено огромное количество людей.

Собственно, Сталин уже начинал к этому приступать. Перевод мой с Украины в Москву был связан с тем же. Сталин прямо сказал:

— У нас неблагополучно в Ленинграде. Там предательство. В Москве тоже неблагополучно. Мы бы хотели, чтобы Москва стала настоящей опорой Центрального Комитета, и поэтому предлагаем вам перейти сюда. Довольно вам сидеть на Украине, — так он выразился. — Довольно. Вы превратились прямо в главного агронома Украины. Переходите в Москву. Здесь нужнее.

Я поблагодарил Сталина, сказал:

— Я с удовольствием возвращаюсь в Москву. Я хорошо поработал, и я доволен своей работой.

Сталин говорил тоже очень поощрительно в мой адрес, как и тогда, когда я работал на Украине, хотя и критиковал, жестоко критиковал. Я считал, неправильной была критика. Но это было.

Как только я перешел работать в Москву секретарем Московского Комитета и секретарем Центрального Комитета, Сталин мне вручил документ. Видимо, анонимный, хотя там стояли какие-то подписи. В этом документе говорилось о том, что в Москве существует заговор против Сталина, против руководства, такой же, как и в Ленинграде, а там уже велось следствие и готовился суд. А какой суд? Суд сталинских времен —

это не суд, это просто расправа, застенки. Безусловно, в Москве бы то же самое повторилось. Заговор якобы возглавлял Попов, секретарь Центрального Комитета и секретарь Московского Комитета. Я от него принимал дела. Когда я познакомился с этим документом, то постарался убедить Сталина, что это провокационный документ.

— Многих здесь, — я говорю, — знаю. Это — честнейшие и преданнейшие коммунисты. Это — провокация.

И эта моя уверенность успокоила Сталина. Не было никаких последствий. Достаточно мне было выразить только сомнение, и... Сталин спросил:

— Вы познакомились с этим документом?

— Да, я познакомился.

— Ну, как? — обычно он так спрашивал. — Как? — и смотрит в глаза.

Скажи я: «Это серьезный документ, это очень серьезный документ. Конечно!»

Сейчас же все они были бы арестованы, начались бы допросы. А тогда во главе органов стоял Аббакумов, и я убежден, что через день-два все они сознались бы, что являются агентами разведок разных стран. И начался бы процесс. Процесс не только над этими людьми. Он еще больше подогревал бы подозрительность Сталина, и пошла бы опять мясорубка, невероятная мясорубка. Могут некоторые сказать: Хрущев набиивает себе цену. Я искренне, честно высказываю свое мнение, без всякого нагнетания. Я знал хорошо Сталина, и я абсолютно в этом уверен, абсолютно уверен, что именно так бы и было.

А пока Сталин раскручивал антисемитизм. На каком-то заводе возникло недовольство, и Сталин мне давал указания:

— Организуйте молодежь, вооружите ее палками и после работы, когда выходят с завода, сделайте побоище.

Это было направлено против евреев. Нужно сказать, не знаю насколько искренне, но на словах даже Берия не сочувствовал этому плану. Когда мы вышли от Сталина, он произнес, так, с акцентом:

— Ну, что — получил указание?

Я говорю:

— Да, получил. Мой отец был неграмотным, но во время погромов в Юзовке в 1905 году в них не участвовал, и в черной сотне он не состоял. Он был против этого. И не только он, и другие рабочие были против. А вот теперь меня, сына рабочего и бывшего рабочего Донбасса, толкают на это дело?!

Никаких отрядов я не организовывал, ничего не стал делать. Да, Сталин давал такие указания. Если бы я выполнил его указание, никто не знает, чем бы все кончилось. Но, видимо, Сталина что-то сдерживало, возможно, мировое общественное мнение, потому что это уж слишком грязное дело, но он больше к этой теме не возвращался. Антисемитская политика продолжалась, продолжались аресты, снятие людей с должностей и прочие акты дискриминации, которые раздувались Сталиным.

Вот, собственно, как обстояли дела, насколько я помню. Я все диктую исключительно по памяти и в одиночку. Поэтому не все факты я могу

удержать в своей памяти в их последовательности во времени. Но вот примерно такой был фон в конце жизни Сталина. Нам, наследникам, после смерти Сталина предстояло принять это наследство.

Материальное положение в стране было известное. Страна была разорена. У нас господствовали карточки. А что такое карточки? Это ограниченное распределение не по потребностям, а по возможностям со всеми последствиями. Опять стали выделяться огромные средства на вооружение, что создавало трудности для поднятия жизненного уровня страны и равномерного планомерного развития экономики, особенно тех отраслей, которые работали на производство средств потребления. Деньги шли на создание средств производства и вооружения. Чаше средства производства оборачивались средствами производства вооружений. Одним словом, опять подтягивали животы народу и готовились к истощительной гонке вооружений.

Но наш народ настолько цепко держал в памяти прошлую войну, настолько выстрадал победу, что снова на все был готов пойти, лишь бы только создать военный потенциал, сдерживавший наших противников, предотвращающий нападение на Советский Союз. Это не только патриотизм, но и страх за собственную жизнь, за жизнь своих близких. Личные интересы совпадают с интересами страны и нашей политической системы. Однако это не давало возможности развиваться. Складывалась напряженная обстановка. Противники хотели нас вынудить и вынуждали все больше тратиться на оборону с тем, чтобы вызвать экономические трудности, а через них — недовольство существующим советским строем. Угрожая прямым вооруженным вторжением, они вынуждали истощать нашу экономику, расходовать бюджет на вооружение. Это, по их расчету, да так оно и было, должно было вызывать недовольство, потому что, когда нет даже картошки, нет других необходимых товаров, человек, естественно, не кричит «Ура!». Если и кричит, то довольно надорванным голосом. За всем этим пристально следили органы.

На сегодня все, я устал, не буду продолжать диктовку.

Сталин «уцепился» за Военно-Морской флот, хотя мы уступали возможному противнику и в других видах вооружения. Я говорил об атомных бомбах. Но главное, Америка имела сильный воздушный флот, носителей этих атомных бомб. Кроме того, Америка обложила нас авиационными военными базами. Они располагались в Турции, я уж не говорю о Франции, Германии, Италии, Греции и Северной Африке. У них сохранились базы еще с войны, когда они летали челночными рейсами и садились у нас, под Полтавой. Там американцы отдыхали, опять вооружали воздушные крепости и летели назад бомбить Германию. Теперь, после войны, они базировались на территории всех пограничных с Советским Союзом стран. От Норвегии до Турции нашу страну окружали военные базы. На Востоке они располагались в Южной Корее и Японии. Преимущество в территориальном расположении военных баз сохранялось за Соединенными Штатами Америки. И, конечно, военно-морской флот. Главным стер-

жем, хребтом военно-морского флота Соединенных Штатов Америки являлись авианосцы. На море после подводных лодок они наиболее сильны. Но подводные лодки имеют специфическое назначение. Я бы сказал, это оружие носит защитительный характер. Оно создано для уничтожения надводного флота противника, а наступательное оружие, особенно по тому времени, — это авианосцы. Под прикрытием авианосцев десантные силы могут подходить к берегу противника. Поэтому преимущество Америки оказывалось неопровержимым, и Сталин это понимал.

Мы получили тяжелое наследство после смерти Сталина. Руководство, сложившееся при Сталине, было нехорошим, если так можно выразиться одним словом. Слишком разношерстные собрались люди. А главное, среди нас находился Берия, внушавший тревогу и опасения. Я ему не верил уже давно, считал его авантюристом. А другие? Не знаю. Об этом, кроме как с Маленковым, я почти ни с кем не разговаривал, хотя и с ним говорил редко. Был согласен с моим мнением и Булганин. Только с этими двумя я открыто мог обменяться мнениями о Берии еще задолго до смерти Сталина.

Когда умер Сталин, сложилась новая расстановка сил. Ее, собственно, сделал сам Берия. Он сам выбирал себе посты и расставлял других. Видно было, что все это временное, потому что после смерти Сталина было невозможно резко изменить руководящий состав, я имею в виду Бюро Президиума Центрального Комитета. Но все это до поры до времени, на короткий период, а там он начнет действовать по своему усмотрению. «Усмотрение» его известно. В таких делах он слыл признанным мастером и имел кровавый стаж. Правда, все свои кровавые дела он совершал под руководством Сталина, поэтому не мудро поступают сейчас некоторые писатели, внушающие наивным людям, что Берия «слепил» Сталина. Это глупо. Я просто не знаю, как люди могут так думать! Нет. Не Берия «слепил» Сталина, а Сталин подобрал Берию на роль палача для расправы с теми, над кем он хотел учинить кровавую расправу. Берия у Сталина, как Малюта Скуратов у Ивана Грозного. Тот делал то, что Иван Грозный говорил. А Берия делал то, что Сталин ему приказывал. Так надо понимать. Конечно, сам Берия не являлся жертвой Сталина. Нет. Он по своему характеру тоже подлый человек, я бы сказал, подлый авантюрист. Политический авантюрист, чего я не могу сказать о Сталине. Сталин, по-своему, человек, безусловно, преданный делу революции, но одновременно он был тем человеком, о котором хорошо сказал Ленин. Поэтому лучше Ленина характеристику Сталину вряд ли кто сможет дать. Он лишь подтвердил своей жизнью, своей деятельностью полностью то, о чем писал Ленин и от чего он хотел спасти партию, когда предупреждал, что Сталина нельзя оставлять на посту Генерального секретаря, что он способен злоупотребить властью. Это злоупотребление властью и вылилось в кровавую расправу над людьми, которые, как говорится, пришлось не «под шерсть» Сталину.

Вот, собственно, такая обстановка сложилась в руководстве и в стране после Сталина. Огромное количество людей сидело в лагерях. Десять

миллионов. Я сейчас точно не могу утверждать, но это цифры из архивных материалов. Тюремь переполнены. Создали даже тюрьму для партийного актива. Так называемая особая тюрьма. Ее организовал по заданию Сталина Маленков. Но это не значит, что в этом деле Маленков проявил инициативу. Нет. Он делал то, что Сталин ему сказал. И он сделал! И эту тюрьму наполнили жертвами Сталина. Я уж не стану упоминать о процессах. О них, по-моему, я говорил.

Международную обстановку можно охарактеризовать как самую напряженную. Разгар «холодной» войны. Она особенно разгорелась после выступления Черчилля в городе Фултоне. Я упоминал, что в ней он призывал к «холодной» войне против Советского Союза. Правда, если говорить, положив руку на сердце, то мы, Сталин своей политикой спровоцировали эту речь и спровоцировали эту «холодную» войну. Как провокацию я рассматриваю хотя бы блокаду Берлина. Блокада Берлина отвечала интересам Советского Союза, но надо знать, какими средствами и в какое время действовать. Сталин вынужден был капитулировать, отказаться от блокады. Начав блокаду, он дал повод судить о наших намерениях, и не только о намерениях. Наиболее прожженные политики Запада восприняли блокаду как фактический повод для начала открытой враждебной политики в отношении Советского Союза. Сюда же можно отнести и корейскую войну.

Особенно на Западе были напуганы событиями в Чехословакии. Хотя это и внутренний вопрос. Советский Союз только сочувствовал, если так можно говорить, победе прогрессивных сил, во главе которых стояла Коммунистическая партия, стоял товарищ Готвальд. Но это напугало Запад. Напугало, потому что и в других странах могли начаться события такого же образца. Это объективный процесс развития общества в направлении коммунизма. Однако это подталкивало враждебные коммунистическому воззрению силы к консолидации против Советского Союза.

Главное, что в такой обстановке мы были экономически очень слабы. Только начался процесс восстановления разрушенного войной хозяйства. Нам было очень трудно тягаться. Запад и особенно Соединенные Штаты Америки война не только не разорила, они нажились на этой войне. Они, если грубо говорить, обожрались, развили экономический потенциал, развили производство вооружения. Монополисты Америки хотели сохранить достигнутый уровень в производстве вооружений с тем, чтобы зарабатывать на этом деле. И зарабатывали. Это тоже раздувало «холодную» войну, которая содействовала интересам крупного монополистического капитала.

В таком состоянии мы находились. Страна была до предела напряжена капиталовложениями в оборону страны. Промышленность по производству вооружения, и особенно военно-морского вооружения, развивалась вширь и увеличивала мощь. Что подтолкнуло Сталина? Кинокартина была сделана об Ушакове. Там есть фраза: «Армия сухопутная — это меч в одной руке, морские силы — это меч в другой руке. Поэтому надо, чтобы обе руки владели оружием». Может быть, эта фраза звучала в другом филь-

ме, и эти слова принадлежат Петру I. Я сейчас не помню, но после этого фильма Сталин особенно стал продвигать идею строительства Военно-морского флота. Он считал, что тем самым усилит Советский Союз. Это глупо, а в военном отношении невежественно. Главным на тот период времени для Советского Союза являлось не «задирание носа», а создание атомных бомб, с тем чтобы сравняться с Соединенными Штатами Америки, лидером западных стран. Они проводили антисоветскую политику, а продвигал на эту политику Черчилль. И в отставке он был вдохновителем реакционной антисоветской политики и оставался таким до конца своей жизни. Иначе Черчилль не мыслил своей жизни.

Вот что могу записать сейчас, к сожалению, без всякой помощи со стороны военных или каких-либо иных моих современников, которые бы объективно оценивали тогдашнее положение, а не подхалимничали перед убийцей Сталиным, как сейчас поступают некоторые.

Я не буду сейчас давать характеристику обстановке, которая сложилась тогда в Польше. И в ГДР положение было напряженным. В Восточной Германии после смерти Сталина фактически произошло восстание. Я не помню, в июне или в каком другом месяце, но через несколько месяцев после смерти Сталина. А в Польше партийное руководство было перебито еще до войны, Коммунистическую партию распустили. Правда, ее вновь создали во время войны, но лидеры еще не устоялись и не были признаны польским рабочим классом, польским народом. Это тоже увеличивало неустойчивость. Свежа в памяти поляков была и наша предвоенная политика. На них не могло не произвести глубокого впечатления заключение договора Молотова — Риббентропа, то есть фактический раздел Польши в 1939 году.

А в других странах? Самые лучшие отношения у нас сложились с Чехословакией, потому что там действительно правильно понимали, что освободила ее из гитлеровского плена Советская Армия. То же и Болгария. Другие страны, которые были союзниками Гитлера, пусть вынужденными, все-таки мы с ними воевали, и требовалось время, чтобы перемотать этот оставшийся осадок. Наша Армия на них наступала, наша Армия их громила и разгромила. Правда, это мы делали не потому, что хотели, а потому, что Гитлер вовлек их в войну против нас. Мы, вынужденно защищаясь, громили своих врагов, а они находились в стане врагов наших, в составе гитлеровских войск. Все оставалось тогда еще свежо в памяти народов, предстояло все это переварить, поэтому монолитности социалистического лагеря, какой нам хотелось бы, не было.

Кроме того, Сталин повел себя довольно грубо с этими странами. Он рассматривал их не как друзей, не как союзников, а как своих подчиненных. Он организовал, к примеру, всякие смешанные общества — неравноправные экономические сообщества, каковыми они и были в действительности. Потом нам пришлось расхлебывать. Мы отказались от смешанных обществ, потому что отношения с социалистическими странами на этой базе не могли укрепляться. Следовало признать полную незави-

симось стран с тем, чтобы сколачивать дружбу не на основе подчинения слабого сильному, а так, чтобы каждый, каким бы он ни был по своим размерам, экономическому потенциалу и численности населения, чувствовал дружбу, дружеское плечо, а не подчиненность. Только при этом условии может возникнуть политическая, экономическая и социальная монолитность социалистического лагеря. При других условиях этого добиться нельзя. Начнется борьба, возникнет антагонизм.

Вот это как раз мы и имели. Они еще не проявляли себя в какой-либо острой форме, но раз они заложены, то потом проявят себя. Я не говорю о Восточной Германии. ГДР — это часть немецкой империи, и там мы себя считали оккупантами. Оккупанты — это неприятное слово. Но мы гордились этим, потому что Гитлер поставил задачу разрушить Советское государство, уничтожить русских людей и подчинить их, загнать в рабство. Мы отстаивали свою независимость и пришли сюда победителями. Это наше право. Немцы, конечно, хотели другого. Поэтому на восточных немцев сильное влияние имел Запад. В результате произошло восстание, но оно не развилось. Я не знаю, какие были потери. По-моему, буквально единицы. До вооруженного столкновения восстание не дошло, все только вылилось в форме демонстрации.

Я считаю, что в те времена покойный наш друг Вильгельм Пик и его соратник Вальтер Ульбрихт блестяще справились с положением. Я всегда восхищался и сейчас восхищаюсь успехами, которых добилась Коммунистическая партия Германской Демократической Республики. Она объединилась с социал-демократами и работала на платформе, которая сплотила народ и повела его по социалистическому пути.

Мы искренне хотели договориться о сокращении или даже о выводе войск из Западной Германии, с тем чтобы прекратить не только «холодную» войну, но и создать нормальные мирные условия в стране, избавиться от противостояния армий социалистических стран и армий западных капиталистических стран. К сожалению, мы этого не добились. Американцы и англичане, конечно, очень много вывели оттуда войск, но это они сделали раньше. Затем политика Сталина только подогревала агрессивные реакционные силы.

К ГЛАВЕ «ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ»

У нас тогда были очень хорошие отношения, и Мао Цзэдун, видимо, рассчитывая на реализацию своих планов, а после смерти Сталина у него было желание стать лидером коммунистического движения, всячески нас «обхаживал», хотя в своих высказываниях дал понять о своих претензиях. Я это понял. Когда мы вернулись, свое мнение я высказал членам Президиума и правительства. Я опасался, что у нас могут сложиться плохие отношения с Китаем, потому что Мао Цзэдун хочет того, с чем мы согласиться не можем. Он не раз высказывался о великом предназначении Китая.

История Китая очень, конечно, богатая. Народ певучий. Народ показал еще в древние времена высокую культуру. Все это из истории известно, никто не отрицает. Но положение меняется и, кроме того, положение изменяют для того, чтобы изменить и отношения между народами. Мы искренне хотели дружбы между нашими партиями и дружбы между нашими народами, а Мао Цзэдун стремился к другому. В разговорах с нами он, собственно, двуличествовал. С одной стороны, у него проявилось некоторое недоброжелательство в отношении наших планов поездки в Порт-Артур. С другой, когда мы беседовали и поставили вопрос о выводе войск из Порт-Артура, а мы руководствовались желанием исключить всякое подозрение, что мы претендуем на какую-нибудь китайскую территорию или на какие-то особые условия, которые бы наносили ущерб суверенитету Китая, то Мао Цзэдун нас уговаривал: «Не нужно этого делать. Для Китая это опасно» и прочее. Я думаю, что он тогда искренне говорил. Мы возражали, ведь даже после того, как мы выведем свои войска, они останутся в районе Хабаровска и Владивостока. Там, как говорится, рукой подать. Если произойдет агрессивное нападение со стороны Соединенных Штатов, то мы, безусловно, вмешаемся в эту войну на стороне Китая. Мы считаем, что лучше нам вывести войска из Порт-Артура с тем, чтобы не задевать национальные чувства китайцев.

Мао доказывал обратное, настаивал, что у нас самые лучшие отношения, что они нас просят и прочее. В конце концов договорились начать переговоры о выводе войск. Мы потом вывели наши войска.

Когда мы организовывали окружение войск Паулюса, Труфанов командовал 51-й армией, и как раз его армия прорывала немецкую оборону. Когда готовили эту операцию, я у него бывал частенько, находился непосредственно на командном пункте, когда начался разгром немецких укреплений и ввод наших войск в прорыв. У нас тогда главной силой была 51-я армия, пехота, имелся танковый корпус, которым командовал генерал Бельский (он уже давно умер), и пятый кавалерийский корпус под командованием замечательного казака Шапкина Тимофея Тимофеевича. Он тоже давно умер. И тогда он уж был стар. Вот с тех времен я знал Труфанова и относился к нему с большим уважением.

Неправильно оценивают и преувеличивают роль Сталина. Я считаю, что за неподготовленность Советской страны к войне с гитлеровской Германией целиком и полностью должен отвечать Сталин. Собственно, он подвел нас к войне с Гитлером. Сам видел и понимал, что война неизбежна, а перебил военных, перебил партийные кадры, кадры хозяйственников, инженеров, научных работников. Он деморализовал страну, деморализовал промышленность, обескровил нашу армию и ее руководство. Вот мы и оказались неподготовленными. А Ворошилов, сталинский нарком, показал себя дрянным человеком, неспособным, никудышным. Не обеспечил армию даже винтовками! Когда началась война, то в первые дни нам не хватало винтовок.

Командный состав у нас был зеленый, неопытный, неподготовленный. Все прошедшие войну командиры, которые получили соответствующее образование, знания, опыт, были перебиты. Конечно, остались люди, но рангом ниже, они не имели опыта, не имели знаний, не умели руководить крупными воинскими соединениями.

Сам Кузнецов тоже выдвинулся в результате уничтожения кадров военно-морского флота. Я сейчас подробностей не помню, потому что был слишком далек от военно-морского флота. Его руководителей я знал из газет, встречался на парадах и на приемах. Какие тогда приемы? Так только, после парада в день Октябрьской революции и 1 Мая. Только тогда я и встречался у Сталина с военными. Других встреч, общения не было.

Конечно, в мою бытность секретарем Московского комитета я был членом Военного совета Московского военного округа и знал командующего. Им был Кора А.И. Хороший человек. Расстреляли его вместе с Тухачевским. Потом был назначен другой командующий. Его послали из Московской области в Белоруссию, а там арестовали и расстреляли.

На Украине, когда я начал работать секретарем Центрального Комитета, то встретился с командующим округом Тимошенко. Тимошенко, конечно, человек опытный, прошел гражданскую войну, служил в Конной армии. Сам он кавалерист, но это был не Тухачевский, не Вацетис. Он так и остался командиром дивизии. В таком звании он кончил войну. Командующему военным округом требуются не те качества.

Во всяком случае Тимошенко как военный был более способным, чем Ворошилов. Он политически уступал Ворошилову. Конечно, Ворошилов имел больший опыт политической работы, старый большевик, но в военном отношении... Во второй мировой войне он себя совсем не показал. Куда бы его ни посылали, он нигде не справлялся с делом. Потом Сталин его совсем «задвинул». Дальше больше: со своей сталинской подозрительностью он к нему стал относиться, как к английскому шпиону. Многие годы Ворошилову не посылали документов к заседаниям. Сталин ему не доверял, и на заседания, когда они изредка собирались у Сталина, как правило, Ворошилов не приглашался.

Наиболее трудным оказалось решение о морском вооружении. Оно заставило меня очень много думать и волноваться. Мне оно далось особенно мучительно. Военные, я имею в виду адмирала Кузнецова, стояли целиком за надводный флот. Свои предложения он изложил в записке, представленной правительству. Он нервно реагировал даже на то, что мы не отказали, но отложили принятие решения. Он, видимо, как специалист своего дела выносил, выстрадал свои предложения, считал, что их необходимо принять безоговорочно в тот же день. Это уже диктат Военно-Морских Сил. Когда мы сказали, что хотим подумать и на следующем заседании вернуться к обсуждению вопроса, он разнервничался, выразил свое мнение в таких резких формах, которые недопустимы человеку, занимавшему такое положение. В его словах прозвучала даже какая-то угроза. На следующем заседании мы обсудили существо вопроса и отка-

зали, не потому что оскорбительно вел себя адмирал Кузнецов, а признали его предложение неправильным.

Это предложение вытекало из политики, намеченной Сталиным. Но тем не менее мы не согласились. В те времена, а все происходило еще до XX съезда, мы Сталина не только оберегали, но и защищали, хотя кое-что стали узнавать о его уголовных и политических преступлениях. Сталин нарушил принципы партийности, уничтожил тысячи людей. Он подтвердил опасения, высказанные Лениным перед своей смертью в известном Завещании. Оно было опубликовано и стало широко известно, хотя сейчас снова замалчивают это ленинское положение, оно очень серьезно касается не только персоны Сталина. Там говорится о Сталине, но это и предупреждение, сделанное Лениным. Оно должно всегда быть перед глазами. Его необходимо чувствовать, сознавать эту опасность, с тем чтобы не допустить повторения уже после того, когда Сталина разоблачили как диктатора, как убийцу, как узурпатора, совершившего преступления перед партией и народом.

Мы смотрели кинофильм, в котором с самолета ракетами расстреливали какое-то судно. Фильм на меня тогда произвел сильнейшее впечатление. Сталин поэтому и показал его нам, что гордился: вот, мол, что мы имеем. Позже сделали береговые ракеты, по-моему, Артемом Ивановичем Микояном. Приспособили его МИГ-15 в качестве ракеты, стреляющей с берега по морским целям. И мы видели последствия. Это были, конечно, еще первые шаги. Собственно, они не были специально сделанными береговыми ракетами и обладали многими недостатками. Но они имелись. И надо было их учитывать, следовало допустить, что противник имеет специальные ракеты, как и мы их потом создали. Особенно после того, как мы приняли заманчивое предложение Челомея.

Но пока на бреющем полете израильские самолеты вторгаются в пределы Египта. Во Вьетнаме война ведется не на равных, там абсолютное превосходство американцев в качестве вооружений. К тому же война там носит другой характер. Есть очень много обстоятельств, требующих сделать правильный вывод. Вьетнамцы показали чудеса храбрости и выносливости. Сколько лет воевать, вести партизанскую войну против самой могущественной страны в современном мире Соединенных Штатов Америки! И Америка не может добиться победы! Это говорит и о мужестве и умении вьетнамцев воевать.

Хотя Насер не показал трезвости ума в войне 1956 года. Ввязался в эту войну и лишился своего лидерства и признания. И правильно, потому что я даже затрудняюсь подобрать слово, какой вывих он допустил, неправильно рассчитал. Бывает. В 1967 году мы подобный вывих повторили. Не буквально, здесь буквальной аналогии нет, потому что все-таки не

Египет выстрелил первым. Но я думаю, что если бы Израиль промедлил с началом войны, то Египет бы начал ее сам. Эту войну поддерживали наши военные. Без них Насер не решился бы на те акции, которые он совершил и которые вызвали нападение со стороны Израиля.

Когда мы ехали, взяли с собою на корабль военного английского атташе. Иден как-то пошутил за обедом:

— Ну, как там наш военный атташе шпионил на корабле?

— Да все облазил, везде совал свой нос, высматривал, изучал, — в тон ему ответил я.

Ну, это, конечно, шутка. Никуда он не лазил, ничего не высматривал и вел себя очень прилично.

— Хотите, господин премьер, если вам нравится наш корабль, мы вам его продадим, — продолжал я шутить.

Он рассмеялся, говорит:

— Нет, мы покупать не станем, просто я поинтересовался, как вел себя на корабле наш военный атташе.

К ГЛАВЕ «САМОЛЕТЫ И РАКЕТЫ»

Потом Андрей Николаевич Туполев спроектировал ТУ-95. Тоже бомбардировщик, но более мощный, с увеличенной дальностью полета. Скорость у него, по-моему, была около восьмисот, а потолок, кажется, тысячу четыреста метров. Одним словом, этот самолет не отвечал требованиям даже того времени из-за малой скорости и малой высоты полета. Дальность у него была хорошей: около четырнадцати тысяч километров. Естественно, при такой скорости и на такой высоте самолет не мог поразить дальние цели. Он, по сути дела, не являлся стратегическим бомбардировщиком. Стратегический бомбардировщик нужен был таким, чтобы мог долететь до Соединенных Штатов Америки и вернуться. Задача очень тяжелая для конструкторов.

Мы стояли на позициях обороны. Мы стояли на ленинских позициях мирного сосуществования. Но американцы нас не слушали. Они считали, что мы слабы и в экономическом, и в техническом отношениях. Поэтому они стремились диктовать свою политику, хотели терроризировать нас. Они нарушали наши границы, не уважали неприкосновенность нашей территории. Одним словом, они все время держали нас в напряжении, в ожидании нападения.

Такое впечатление складывалось в первую очередь у Сталина. Он и нас им заражал. После смерти Сталина мы смотрели такими же глазами и поэтому напрягали все усилия страны. Это единственный способ получить оружие, которым мы могли бы угрожать противнику с тем, чтобы остановить агрессивные действия против Советского Союза и других стран социализма.

Я называю этапом смерть Сталина, потому что при его жизни мы

этим делом не занимались. Когда решался вопрос о строительстве зенитных ракет, мы присутствовали, но не могли вникнуть в суть дела, не могли задавать вопросы конструкторам. Сталин держал монополию, считал, что он один разбирается в этих вопросах, а остальные пусть слушают да «глотают» то, что изрекает Сталин. После смерти Сталина вся эта тяжесть взвалилась на наши плечи, неподготовленные соответственно при его жизни.

Несмотря на запуски спутников, мы все-таки находились в осаде, если говорить грубо. Не в буквальном смысле, но американцы продолжали нарушать наши границы, нарушать границы наших союзников. Особенно нам досаждал самолет У-2, недостижимый для наших истребителей. Ракетных зенитных средств у нас тогда не было. Мы только работали над ними. Это У-2, разведчик известный. Он летал на такой высоте, на которую не поднимались наши истребители. Они летали ниже на километр или на два. Как ни форсировали свои моторы истребители, не могли добраться. Он летал, как говорится, подсмеиваясь над нашими усилиями, наносил нам моральное оскорбление. Когда мы заявляли протесты, вручали ноты правительству Соединенных Штатов, публиковали их, то они результата не давали. Наоборот, Соединенные Штаты Америки стали объяснять, что они имеют моральное право запускать свои самолеты на нашу территорию, так как мы закрытая в их понимании страна, а они должны знать, что делается в части подготовки к войне в Советском Союзе. Поэтому они якобы имеют право на облет нашей страны.

Это дикое объяснение! Это вероломное объяснение. Они отбрасывали все нормы отношений между странами, которые сложились с давних времен. Америка публично отказалась от признания границ, суверенитета и уважения суверенитета другой страны. Она позволяла себе безнаказанно летать над нашей территорией. Это еще больше нагнетало напряженность между нашими странами. Доводило нас, как говорится, до белого каления.

Мы же со своей стороны все делали, чтобы смягчить отношения между Соединенными Штатами Америки, Францией, Англией и их союзниками и нами, подавая пример к этому.

Помню, мы встретились в Женеве, представители четырех великих держав: Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и Советского Союза. США представлял Эйзенхауэр, президент. В состав своей делегации, возглавляемой председателем Совета Министров Булганиным, включили меня и Жукова. Мы надеялись, что Жукову удастся встретиться с Эйзенхауэром, а у них сложились хорошие личные взаимоотношения. Они считались, и по праву считались, героями войны, они были в то время главнокомандующими своих войск. На завершающем этапе Жуков командовал фронтом, брал Берлин и подписывал капитуляцию. Одним словом, Жуков по праву признавался одним из тех, кто играл решающую роль в войне, в разгроме гитлеровской Германии. Встреча Жукова с Эйзенхауэром ничем не кончилась. Как мы и ожидали, Эйзенхауэр

тепло приветствовал Жукова, они лично встречались и проводили беседы, но, видимо, Эйзенхауэр не был предрасположен к откровенности.

Великобританию на Женевском совещании представлял Иден, он тогда был премьер-министром Великобритании. Макмиллан тоже входил в состав делегации. Францию представлял Эдгар Фор. С какими делегациями у нас на Женевском совещании сложились лучшие отношения? С Эдгаром Фором. У нас хорошие отношения сложились и с Иденом. Когда он устроил в честь нашей делегации прием в своей резиденции, он пригласил нас посетить Англию. Он персонально адресовался к Булганину и ко мне. Идена я очень уважал, считал его умным человеком. Это он продемонстрировал перед войной понимание значения Советского Союза и стремился сделать наши страны союзниками против Гитлера, это он боролся с войной, которую готовил Гитлер и против Англии, и против Советского Союза. Правда, добиться он ничего не смог. Чемберлен занимал совершенно противоположную позицию. Иден даже демонстративно вышел в отставку и вернулся в правительство только тогда, когда вышел из него Черчилль.

Таким образом, мы к Идену были по-особому настроены и относились с доверием. К сожалению, нападение на Египет в 1956 году подорвало его репутацию в наших глазах. Мы считали его очень умным государственным деятелем, но здесь он ума явно не проявил.

У Жукова в Женеве были беседы с Эйзенхауэром. Разговоры велись негосударственного значения. Однажды он принес и показал нам сувенир, Эйзенхауэр ему подарил спиннинг и какие-то безделушки для дочерей и жены. Мы же ожидали другого. Ожидали, что сможем установить контакт для договоренности о сокращении, а потом и о прекращении гонки вооружения. Этого мы хотели, но мы этого не достигли. Тогда обе стороны были не готовы. Инициатива совещания принадлежала Черчиллю. Он подбросил западным странам эту идею. Потом он сокрушался, что поздно его созвали, надо было собраться сейчас же после смерти Сталина, по горячим следам, когда еще новое, сложившееся после Сталина руководство не одумалось и можно было вырвать уступки со стороны Советского Союза. Это, конечно, неразумные расчеты. Мы хотели встречи, но могли договориться на условиях, удовлетворяющих все страны, и не только представленные на Женевской встрече. Договориться в интересах всеобщего мира и так, чтобы эти решения не направлялись против других стран.

Мы хотели тогда показать добрый пример. Мы освобождались от всего, что давало повод упрекать нас. Сталин своей политикой давал такой повод. Это проявлялось хотя бы в организации смешанных обществ по эксплуатации богатств недр наших союзников. Это — Румыния, это — Венгрия, Австрия, Чехословакия, Польша, ГДР, Китай, Болгария, где мы создавали смешанные общества главным образом для добычи руды, и в первую очередь цветных металлов и урана. Мы отказались от своих особых прав в эксплуатации этих богатств. Страны добывали свои руды и на коммерческой основе нам продавали. Это совсем другое дело. Это не носило ни экономической, ни политической дискриминации.

Тогда же, в 1955 году, у меня возникла мысль о необходимости вывода наших войск с финляндской территории. Советская военная база располагалась в Порккала-Удд, под боком у Хельсинки, столицы Финляндии. Эта база сильно портила наши отношения. Финляндские поезда, которые проезжали через участок базы, подвергались осмотру, в них закрывались окна, людям запрещалось выглядывать, тем более фотографировать. Принимались такие меры, как будто поезда шли через оккупированную территорию. Наш посол в Хельсинки сообщал, что финны выражают массовое возмущение. Мне это было понятно. К тому же надо учитывать, что Финляндия — наш сосед. А вооружение мы уже имели такое, которое моментально могло стереть Хельсинки с лица земли. И наша база потеряла реальное военное значение.

Стремясь улучшить наши отношения, мы решили показать, что не имеем к соседу никаких притязаний и желаем только добрых контактов. Но как убедить в том Хельсинки, если наши войска стоят рядом? Они же там не шашлык жарят, и не рыбу ловят, и не на рынок ходят вместе с финнами, а тренируются как солдаты. Это наносило нам политический вред и мешало пропаганде идеи мирного сосуществования.

Мы хотели убедить людей, что руководствуемся ленинскими положениями мирного сосуществования и хотим такие отношения строить надолго, вопросы внутреннего, политического и социального устройства страны пусть решает сам народ. Идеи социализма и коммунизма не приносятся на штыках и ракетах.

База, расположенная на территории Финляндии, ограничивала наши возможности, не позволяла убеждать в наших мирных намерениях. С моей точки зрения, нам следовало отказаться от нее. Я обменялся мнением с Булганиным. Он согласился со мной. Министр иностранных дел Молотов думал по-другому, и я, зная о том, не обменивался с ним мнениями, потому что заранее предвидел его реакцию как лица, которое не обладает гибкостью ума и с большим трудом может трезво переоценить международную обстановку.

С огромным уважением и по-дружески я относился тогда к маршалу Жукову. Нас сблизила война. К тому же у меня с ним не происходило никогда никаких столкновений. Во время войны я много Сталину говорил хорошего о Жукове. Мы встречались, когда он приезжал на наш фронт, вернее на наши фронты, где я был членом Военного Совета. Я ценил его, хотя и видел его ошибки, которые порой наносили немалый урон. Но это война, а война «призвана» уничтожать друг друга, одна армия уничтожает другую. Поэтому ошибки, которые допускаются той или другой страной, приводят порой к очень значительным потерям. Такие ошибки допускал и Жуков, я уже говорил об этом. Но меньше в сравнении с другими.

Когда Сталин после войны распространил на него опалу, я Жукову сочувствовал. Он на меня производил сильное впечатление умом, военными знаниями и твердым характером. И я спросил его, когда мы гуляли вдвоем: «Георгий Константинович, как ты отнесешься к выводу наших войск из Финляндии? Надо бы вытащить эту занозу в наших взаимоотно-

шениях. Она отравляет контакты не только с Финляндией, но и со скандинавскими странами. Этот пример настораживает: с Советским Союзом надо, как говорится, не дружить, а в оба глаза смотреть. К тому же мы постоянно призываем все страны вернуть свои войска в пределы национальных границ. Но тут они тычут пальцем в нашу сторону. В Венгрии, ГДР, Польше наши войска находятся согласно другой политической основе».

Они находились там по Потсдамскому соглашению, где было записано, что мы имеем право держать свои войска в этих странах до заключения мирного договора с Германией и ее союзниками. Эти положения служили юридическим правом держать там наши войска. И сейчас они там стоят. Кроме Румынии. Тогда румыны выразили желание, чтобы мы вывели войска. Мы сначала их неправильно поняли, доказывали необходимость пребывания наших войск на территории Румынии. Потом подумали хорошенько и согласились. Мы сами предложили румынам вывести войска и вывели их. Это только улучшало наши отношения. Правда, потом наши отношения ухудшились. Но улучшать отношения с помощью ввода или пребывания войск на территории страны не метод. Наоборот, наличие войск создает видимость хороших отношений, а внутри служит зарядом замедленного действия, который когда-то срабатывает, взрывая добрые отношения между странами.

Сейчас ввели наши войска в Чехословакию. Пребывание их в Чехословакии не базируется на Потсдамском соглашении. Чехословакия не была страной, воюющей против Советского Союза и наших союзников. Я считаю, что тут была проявлена поспешность, неразумность. Этот вопрос я сейчас не анализирую. История его разрешит. Сейчас стараются убедить, что это было неизбежно, необходимо и даже полезно, что это улучшает и закрепляет дружбу между нашими народами. Ну, тут можно понимать по-разному. Я принадлежу к той категории людей, которые считают, что дружба крепится не на основе оккупации страны, хотя бы даже оформленной постфактум каким-нибудь договором.

Итак, я спросил Жукова: как он относится к выводу наших войск из Финляндии? Жуков ответил: «Я с тобой полностью согласен. Со стратегической точки зрения пребывание наших войск в Финляндии и сохранение военной базы под Хельсинки не имеют никакого значения». Но раз так, то зачем она нужна? Чтобы отравлять отношения двух стран? Коммунистическая партия Финляндии никак не может доказать своему народу необходимость пребывания наших войск на ее территории, это непосильная задача. К тому же мы тратим средства, строим там укрепления, содержим войска. А нам следует экономить, потому что жизненный уровень у нашего народа невысок, он жил при туго затянутых поясах.

Я предложил: «Давай, когда вернемся в Москву, обсудим этот вопрос в руководстве», затем все же переговорил и с Молотовым. Он не сразу понял полезность идеи, но не настаивал на отказе от нее. По возвращении в Москву мы быстро решили вопрос в правительстве и в партийном руководстве, а потом обратились к финнам с предложением о ликвидации базы и соглашении насчет сотрудничества двух стран.

Финны с готовностью приняли наше предложение. Его реализацию я считаю большой победой на пути улучшения отношений не только с Финляндией, но и с другими странами мира. Это событие дало нам большие козыри в руки. Теперь мы могли со спокойной совестью пропагандировать идею мирного сосуществования и отказа от военных баз на чужой территории. А если нападут на нас издалека, ответим ракетным ударом.

Да, еще скажу о сокращении затрат на авиацию. Мы продолжали делать истребители, бомбардировщики, но приоритет теперь перешел к ракетам. И это правильно, потому что к ним перешли функции бомбардировочной авиации. По тому времени эта новая «бомбардировочная авиация» оказалась для противника неуязвимой. А бомбардировщики, даже реактивные, все больше теряли свое значение. Их можно было сбивать истребителями, и мы имели подобные средства. Сбивали и бомбардировщики, и разведчики, вторгавшиеся в пределы Советского Союза или Германской Демократической Республики, на территории которой располагались наши войска.

На первом послевоенном этапе строительства бомбардировочной авиации нас очень порадовал Андрей Николаевич Туполев. Он создал бомбардировщик с реактивными двигателями ТУ-16. По тому времени это хороший бомбардировщик. Не знаю, сейчас с каким английским или с американским бомбардировщиком его можно сравнивать. Мы считали, что он находился на достаточном уровне по своим техническим и боевым данным и летным качествам. Но это недолго продолжалось, потому что срок жизни самолета очень короткий. Быстро на смену приходит новый самолет с лучшими параметрами. Это соревнование умов, соревнование возможностей той или другой страны. Мы видели, что бомбардировщик, который тогда нас так обрадовал, скоро утратит свое значение. Ракета же — оружие, как говорится, неуловимое и моментального действия. Она имела неоспоримые преимущества перед самолетами.

К ГЛАВЕ «СОТРУДНИЧЕСТВО В КОСМОСЕ»

Однако в пору, когда я имел влияние на решение этой проблемы в СССР, мы оказались не готовы: не решались раскрыть свои технические и научные секреты, ибо еще не достигли равенства в средствах вооружения. США успели накопить больше ядерного оружия. Правда, пока они базировались на самолетах-бомбардировщиках, но вскоре и у них пошли в дело ракеты.

Люди, встречающиеся со мной, задают вопрос:

— Как такое могло случиться? Почему американцы первыми высадили человека на Луну? Почему не мы?

— Товарищ Келдыш провел пресс-конференцию. Читайте, ее опубликовали, — отвечал я.

Эта пресс-конференция мне удовлетворения не дала. А вот если бы

наши люди возвратились с Луны, это был бы восторг и моральное удовлетворение. К сожалению, мы такого удовлетворения не получили.

Идея захвата Луны — глупость. Буржуазные корреспонденты меня спрашивали:

— Если вы первыми прилетите на Луну, вы объявите ее своей собственностью?

Луна есть Луна, это небесное тело является общим достоянием человеческой цивилизации. Поэтому собственностью какого-либо государства оно не может быть. Мы делаем свое дело, прокладываем путь в космос, но за нами пойдут другие страны, другие народы.

К ГЛАВЕ «О КУРЧАТОВЕ, КЕЛДЫШЕ, САХАРОВЕ...»

Американцам в некоторых случаях приходилось занимать оборону. Они называли ее сдерживанием. Как сформулировал Даллес, осуществление «политики на грани войны», но такой, чтобы не переступить эту грань. Неплохо сказал Даллес, хотя он был очень агрессивным человеком, который просто физически не переваривал Советский Союз. Нужно отдать ему должное, в бытность его государственным секретарем Соединенных Штатов при президенте Эйзенхауэре он проводил политику с позиции силы, но знал грань, за которую нельзя переходить. Не раз Соединенные Штаты Америки подходили к этой грани и вынуждены были отступить, когда чувствовали нашу непреклонность в защите не только нашей страны, но и других социалистических стран, в защите мира во всем мире. Здесь особенно показательна подготовка наступления против Сирии со стороны Турции, Ирака и, по-моему, Персии. Но это прошлое.

Не помню, как возник этот вопрос. Товарищ Рихтер, как великий музыкант, должен был представлять Советский Союз за границей. Тут мне начали доказывать, что посылать Рихтера за границу опасно. Он по национальности немец, его мать живет в Западной Германии, что он, вероятнее всего, пожелает встретиться со своей матерью. Другие мне сообщали, что у него с матерью холодные отношения. Я сейчас не помню, чем это объяснялось.

Надо было решать. Я сказал, что считаю возможным разрешить товарищу Рихтеру заграничную поездку. Мне возражают:

— Он может не вернуться.

— Да, может. Всегда какой-то риск мы должны брать на свои плечи, — отпаривал я. — Может не вернуться. Жалко потерять такого музыканта, как Рихтер. Но нельзя же никому не верить. Всех подозревать, что все они изменники. Может быть, он и вернется. А его поездка послужит славе Советского Союза и пропаганде нашей культуры и нашего режима, ставшего более свободным, начавшего доверять своим людям.

Поехал Рихтер. Он побывал, как мне докладывали, в Западной Герма-

нии, посетил свою мать. Позже он ездил и по другим странам. Я хочу продемонстрировать свое понимание и свой взгляд на эти вещи. Рихтер много ездил и всегда привозил в Советский Союз большую славу, он прославлял наше музыкальное искусство. Я бы сослался и на такой более сложный пример. Случилось это с нашей прима-балериной Майей Плисецкой. Вряд ли я смогу найти соответствующие выражения, чтобы оценить ее замечательное мастерство. Оно сейчас известно всему миру.

Почему-то у наших соответствующих органов она вызывала подозрение. Возможно, где-то она высказала какое-то недовольство. Поэтому, когда коллектив Большого театра выезжал за границу, то ее не брали.

Это, конечно, угнетало, унижало и оскорбляло Майю Плисецкую.

Не знаю, сколько раз это повторялось. Она обратилась с письмом в Центральный Комитет и адресовала его персонально мне. Я ознакомился с ее письмом. Она жаловалась, что ее не пускают за границу, что ей обидно, что ей не доверяют, что она патриотка Советского Союза и просит поверить ей и не исключать из коллектива в гастролях за границей Большого театра.

Мы обсуждали этот вопрос на заседании Президиума ЦК, решали, как быть?

— Давайте пошлем, — предложил я.

— Она не вернется. Она останется за границей, — стали доказывать некоторые.

Могла она остаться за границей? Могла. Любая страна почла бы за честь. Где угодно она могла заниматься своей театральной деятельностью.

— Так нельзя относиться к людям, — возражал я. — А представьте, она вернется и со славой. Мы сослужим хорошую службу нашему государству, нашему режиму, если покажем миру, что больше не придерживаемся сталинских взглядов, доверяем людям. Если она останется, я и такое допускаю, хотя она в письме доказывает, что она патриотка, бывает всякое. Я бы очень, очень жалел, если Майя Плисецкая осталась бы за границей. Возьмем крайний случай, худший — она останется. Советская власть не перестанет существовать, и Советское государство от этого не станет беднее, хотя нашему искусству будет нанесен чувствительный ущерб.

Разрешили. Поехала Плисецкая. Она потом ездила во многие страны. Все поездки проходили очень бурно. Она принесла большую славу советскому балетному искусству. Вот оплата доверия со стороны Майи Плисецкой.

Решение вопроса в отношении поездки академика Капицы диктовалось не старой сталинской системой недоверия к людям. Нет. Это проявление государственной осторожности, которая требовала не допустить нанесения ущерба стране. Это разные вещи. Мы разрешили, к примеру, поездку Майе Плисецкой и она бы не вернулась. Конечно, мы бы понесли ущерб и личный, в обманутом доверии, и общественный, мы бы потеряли такую знатную балерину. Но ущерб государству с точки зрения его устоев — никакого. И с Рихтером — то же самое. Эти люди свободных

профессий, работники искусства. Они занимаются очень полезным делом, дают эстетическое наслаждение людям. Мы этим гордимся и прилагаем все усилия с тем, чтобы развивать искусство. Оно развивается у нас, и этим я горжусь. Сейчас вот уже на старости лет, пользуясь только телевизором, наблюдаю выступления наших театральных коллективов и наших музыкантов, наших певцов. Действительно есть чем гордиться.

К ГЛАВЕ «О ВЛАСТИ, ЖУКОВЕ, МАЛИНОВСКОМ...»

Я знал сухопутных командующих, хотя и ограниченно. Я знал, как гордится, свой участок: Юго-западный фронт, Южный фронт. На этих фронтах мне приходилось воевать во Вторую мировую войну, и там я был членом Военного Совета. Был я членом Военного Совета Юго-западного направления, созданного для руководства двумя фронтами: Юго-западным и Южным. Других я знал как соседей, из печати или по встречам на приемах у Сталина. Хорошо узнать многих генералов, как это необходимо для правильной оценки людей, их достоинств, у меня не оказывалось возможностей. Конечно, я многих не знал. Я и не претендовал на это. Во время жизни Сталина мы военными делами занимались в строго очерченном его пальцем пространстве: я как член Военного Совета Киевского военного округа до войны, а после нее — Московского военного округа. Дальше не разрешалось свой нос совать. Этого Сталин не терпел.

Мы вынужденно пошли на замену Жукова и выдвинули Родиона Яковлевича Малиновского. Я назвал Малиновского. Я видел его в разных ситуациях в разное время Второй мировой войны. Сначала как командующего фронтом, затем после разгрома наших войск противником в 1942 году и его падение в глазах Сталина. Конечно, имелась вина Малиновского, его войска были разгромлены на Южном фронте, но в этом главными виновниками я считаю Сталина и Генеральный штаб. Они не раскрыли замысла противника и неправильно оценили его действия в 1942 году. Отсюда происходило неправильное использование наших средств с целью противостояния замыслу противника на направлении главного удара, то есть на юге, как считали немцы. По нашему распределению — это направление Юго-западного фронта с обходом Южного фронта. Гитлер бил не на Ростов, а на Сталинград, а потом сделал поворот восточнее Ростова и форсировал Дон. Таким образом войска Южного фронта оказались в полуокружении. За это Малиновский был снят с поста командующего фронтом. Я с ним снова встретился под Сталинградом в том же 1942 году, летом, когда немец подошел к городу. Я был членом Военного Совета Сталинградского фронта, а он командовал армией.

Потом, уже после окружения Паулюса, кажется, в начале декабря, он снова оказался с нами. Тогда Сталинградский фронт расформировали и часть войск составила ядро Южного фронта, а другая — непосредствен-

но дравшиеся 62-я и 64-я армии — вошла в состав Донского фронта, которым командовал Рокоссовский.

Когда окружили Паулюса, ему пошел на выручку Манштейн. Здесь решающее положение заняла прибывшая в наше распоряжение Вторая Гвардейская армия. Командовал ею Малиновский. Заместителем у него был, по-моему, Крейзер. Генерал Крейзер, Герой Советского Союза, по национальности еврей, замечательный человек. Он мне очень нравился. Когда я хвалил военным Крейзера, они высказывали свои замечания, но замечания можно высказывать каждому человеку, каждый имеет свои особенности, и положительные, и отрицательные. Во всяком случае, я высоко ценил Крейзера.

Начальником штаба этой армии был генерал Бирюзов. Он потом стал начальником штаба Южного фронта, когда Малиновский был назначен командующим. Я остался на короткое время членом Военного Совета. Вскоре Сталин меня вызвал и перевел на Воронежский фронт. Он сказал: «Украина освобождается, пора вам заняться организацией государственных и партийных органов на территории освобожденной Украины».

На юге произошла замена командующих. Освободили Еременко, и Сталин мне в упор поставил вопрос: кого поставить командующим фронтом? Я хотел уклониться от ответа, считал, что это функции Ставки. Сталин нажал, буквально вынудил высказать свое мнение. Я тогда назвал Малиновского, хотя знал, что он в большой опале. Сталин согласился со мною.

— Ну, — говорит, — если вы называете Малиновского, утвердим, но вы должны вернуться на Южный фронт и быть постоянно с ним, неотступно следить за Малиновским. Мы хотя и утверждаем Малиновского командующим фронтом, но не доверяем ему. Вы за него отвечаете.

— С удовольствием, — говорю, — с Малиновским приятно работать. Я охотно возвращаюсь на Южный фронт.

И я вернулся.

Я это повторил с тем, чтобы пояснить, почему я назвал Малиновского на пост министра обороны. Малиновского я хорошо знал и высоко ценил его военные способности и человеческие качества. В среде других военных Малиновский положительно выделялся. Я говорю о тех военных, которых я знал, не хочу противопоставить его кандидатуру всем военным его ранга. Я отдал ему предпочтение, хотя я высоко ценил военные способности Конева, считая, что Конев способен повести себя неоткровенно в отношении партийного руководства и правительственного. Может повести себя, как Жуков.

Решался вопрос, кого же назначить вместо Жукова министром обороны. Жуков потом поставил вопрос в упор, по-солдатски:

— Кого назначаете вместо меня?

Я вынужден был ему отвечать, хотя мне не хотелось с ним обсуждать этот вопрос. Я сказал:

— Мы назначаем Малиновского.

— Я бы предложил Конева, — отрубил он.

Конев при этом присутствовал, и мне не хотелось его обидеть. Досто-

инства Конева не меньшие, чем Малиновского. Но Малиновский тоже не уступал в своих знаниях, а может быть, даже и превосходил Конева. Эти люди разные по характеру.

После войны Малиновский служил в Хабаровске. Когда мы из Китая возвращались через Дальний Восток в Москву, то мы останавливались у него. Он проводил тогда военные учения и знакомил нас с состоянием войск.

К ГЛАВЕ «ОБ ИЗРАИЛЕ, ЕГИПТЕ, ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ И НАШИХ ВОЕННЫХ»

Может быть, состоянием Захарова и некоторых других военных деятелей СССР нужно объяснить неудачи Египта в шестидневной войне 1967 г. с Израилем, раз наши военные имели там со стороны Египта решающий голос? Они вместо того, чтобы удержать Насера от войны, видимо, убедили наше руководство в правоте его позиций. Я до сих пор не могу понять, как могли допустить до полного разгрома египтян. Советский Союз несет свою и очень большую долю ответственности за египтян.

Первым удар нанес Израиль, это совершенно ясно. Но к войне готовился и Египет. Именно он проявил инициативу. Крикливую, я бы сказал, вызывающую. Она выражалась в том, что Насер потребовал вывода войск Объединенных Наций, разделяющих армии Израиля и Египта. Тут все ясно: если я хочу удалить нейтральные войска, которые стоят между мной и вероятным противником, следовательно, что-то замышляю.

У Тан согласился. У Тана я очень уважаю. Считаю, что он самая удачная фигура на посту Секретаря за всю историю Организации Объединенных Наций. Он вынужден был удалить войска ООН. Я считаю, Моше Даян оказался очень прозорливым человеком и хорошим организатором. Он использовал преимущество, оно заключалось в том, что армия Израиля была хорошо вооружена американским вооружением, главным образом авиацией. Их авиация по техническому уровню оказалась выше нашей, лучше наших самолетов, которые имела египетская армия. Но самое главное — это кадры, кадры и кадры. Израильские офицеры, генералы прошли Вторую мировую войну в составе американской, французской и особенно английской армий. Часть израильского офицерства, видимо, воевала и в составе нашей армии. Одним словом, это люди, которые знали современное оружие, современную войну.

Египтянам с ними трудно тягаться, и они за это заплатились, бедняги. Они, грубо говоря, верблюдом могли управлять, они владели винтовкой, а тут их пересаживали на танки. У нас тоже в свое время кавалерия пересаживалась на танки. Для этого требуется серьезная подготовка. Немаловажной является военная культура и боевая закалка. Египтяне, собственно, оружие как следует не использовали. Если бы в их армии имелись кадры, способные владеть нашим оружием, то они могли бы потягаться с израильтянами, и, может быть, им удалось бы выстоять.

Я все-таки не советовал бы подвергать себя такому риску: выстоять или не выстоять. Я в 1964 году был гостем Насера, присутствовал на завершении строительства Асуанской плотины. У нас сложились самые лучшие доверительные отношения с президентом Насером. Я ему открыто высказал свою точку зрения:

— Вы что, хотите войны? Вы хотите уничтожения Израиля? — спросил я. — Это неправильно. Неправильно. К тому же Израиль для вас очень трудный орех. Имейте в виду, Израиль численно меньше Египта, но у них другая культура. В израильской армии служат подготовленные люди, знающие современное оружие лучше, чем ваши люди. К тому же вы поставите себя в положение, когда не встретите сочувствия в других странах и поставите в двусмысленное положение Советский Союз. Мы в Объединенных Нациях голосовали за образование Израйля. Мы, правда, голосовали с оговорками, так как наша партия никогда не сочувствовала сионизму, она вела борьбу с сионистами внутри нашей страны еще до революции и после революции. Мы не сочувствуем этой буржуазно-реакционной идеологии. Но дело не в этом. Существует израильское государство, и с этим нельзя не считаться.

Насер тогда со мной согласился.

— Я, — ответил он, — не хочу войны. Я понимаю всю ответственность. Если я порой выступаю с подобными речами, то делаю это вынужденно, отдаю дань настроением народа.

Я его понимаю. Конечно, Израиль ведет реакционную и завоевательную политику в отношении Египта. Надо вооружаться с тем, чтобы дать отпор, если произойдет нападение, но самим ввязываться в войну не следует. Мое отношение к войне Израйля против Египта проявилось в 1956 году. Тогда на Египет напали Англия, Франция и Израиль. Я возглавлял руководство и в значительной степени определял внешнюю и внутреннюю политику. Мы вмешались и, используя все свое влияние и могущество, оказали давление с тем, чтобы прекратить эту войну. И мы добились прекращения войны.

Я не хочу сейчас повторять, какими средствами мы действовали тогда, как вынудили Англию, Францию и Израиль остановиться и не только прекратить войну, но и отвести свои войска. В 1967 году Израиль тоже, выйдя к Суэцкому каналу, прекратил войну. В 1956 году Египет получил возможность восстановить свои границы, вернуть территории, которые он потерял в результате нападения Франции, Англии и Израйля и добиться перемирия. Мира там, собственно, не было. Но перемирие было заключено на выгодных для Египта условиях. Были введены войска Объединенных Наций, которые разделяли два вооруженных лагеря: египетскую и израильскую армии.

В 1967 году сложилось иное положение. При других обстоятельствах началась война, а закончилась она полным разгромом египетских войск и оккупацией огромной территории Египта. Я просто не могу понять, как такое могло случиться. Как мы могли допустить такое. Я повторяю, что Советский Союз несет большую долю ответственности за происшедшее. При наших возможностях оказывать влияние мы могли удержать Насера

от войны. Мы имели возможность дать добрый совет президенту Насеру не проявлять воинственного пыла, когда он потребовал отозвать войска Объединенных Наций. Не надо было закрывать пролив, которым пользовался Израиль.

Одним словом, не следовало накалять атмосферу. Атмосфера и так была предвоенной. Я так ее понимал. Войну начал Израиль, он напал, но напал, упреждая, когда обе стороны уже были приведены в мобилизационное состояние. Он упредил и легко добился разгрома войск Египта.

Это было просчетом наших военных. Наши военные неправильно оценили обстановку, они некритически подошли к определению возможности одержания победы над Египтом. Я считаю, что не нужно было бы вообще воевать во всех случаях. В свое время я говорил Насеру, что не надо ввязываться в войну. Не нужно проводить политику, преследующую цель уничтожения Израиля. Израиль существует. Израиль должен существовать. Он признан Объединенными Нациями, и поэтому ставить перед собой такую цель неразумно. Следовало другими средствами добиваться признания прав арабов, живущих в составе израильского государства. Они должны стать равноправными. Поражение произошло в результате неправильной оценки расстановки сил, неправильной политики, недоучета сил Израиля. Здесь все определяют кадры, занимающиеся военными делами, и дипломаты. Но главным образом военные, потому что не за дипломатами, а за военными оказалось последнее слово.

Несмотря на то вооружение, которое арабы имели к 1967 году, через одиннадцать лет после нападения Англии, Франции, Израиля в 1956 году, они потерпели поражение. Тогда мы блестяще, я бы сказал, да, блестяще, я повторяю, и не стесняюсь, не играю в скромность, блестяще справились с положением, подали руку помощи Египту, вынудили агрессоров прекратить войну. А через одиннадцать лет, когда наша мощь так возросла, никакого сравнения не имела с тем, что мы имели одиннадцать лет назад, вышел такой конфуз. С самого начала наша страна повела себя неправильно, неправильно тем, что допустила эту войну. Позволила арабам спровоцировать Израиль, пойти ва-банк, начать войну. Она кончилась для Израиля победой. Затем в процессе примирения мы тоже повели себя неправильно. Не использовали нашей мощи, не потребовали, когда прекратился огонь, немедленного отвода войск с захваченной территории.

Я вставил этот эпизод, желая показать, что даже при таком вооружении, а оно было тогда очень мощным, мы проиграли войну в 1967 году. Мы сможем сейчас вновь вооружить Египет, подготовить его кадры, с тем чтобы его вооруженные силы превзошли армию Израиля. Но арабы пошли на перемирие, на прекращение огня, а это только вдохновляет воинственные, оголтелые сионистские круги Израиля, которые настаивают на подписании мира на условиях Израиля с изменением границ в свою пользу. Это уже поражение, это пощечина не только Египту, но и Советскому Союзу.

Было продемонстрировано отставание наших неядерных сил. Понятно, мы имеем ракетную технику и ядерное оружие, а вот средства войны, в соответствии с идеей Макнамары, позволяющие вести войну без

применения ядерного оружия, оказались не на уровне. Доктрину Макнамары взяли на вооружение в Соединенных Штатах Америки. Вооружением США оснащена израильская армия. А мы потерпели поражение. Сколько уже лет прошло, а мы никак не можем восстановить свои силы! Господство в воздухе сохраняется на стороне Израиля, и он почти безнаказанно вторгается в пределы территории, которая занята вооруженными силами Египта.

Видимо, наши силы недостаточны, если мы не можем обеспечить господство в воздушном пространстве. В противном случае арабы сами могли бы наносить удары хотя бы по переднему краю израильских войск, расположенных на берегу Суэцкого канала. Была бы совершенно иная картина, и мы бы, видимо, вынудили Израиль прекратить агрессию и добились бы мира. Декларацию, провозглашенную Насером, я считаю разумной. Он предложил хорошие, разумные условия, я сожалею, что он не придерживался своих условий и допустил военное столкновение. Предложения Насера (он тогда еще был жив), по моему разумению, были разумны и справедливы. Абсолютной справедливости трудно добиться, но, учитывая современное соотношение сил и сложившийся порядок, эти предложения были разумны, однако Израиль их не принял.

Он добивается своего. Он хочет закрепить за собой территории, захваченные в 6-дневной войне.

К ГЛАВЕ «О МИРЕ И ВОЙНЕ»

Встал вопрос Западного Берлина, вопрос о Германии, о мирном договоре. Он с Германией и сейчас не подписан. Сюда же примешиваются вопросы дальневосточной политики, вопросы Ближнего Востока и много, много, много иных, по которым американцы вымогали от нас уступки. Эти уступки, собственно, вели к самоотречению. Тут сталкивались антагонистические системы: социалистическая и капиталистическая.

К ГЛАВЕ «ЯДЕРНЫЕ И НЕЯДЕРНЫЕ ВОЙНЫ»

Установкой ракет мы преследовали одну цель — исключить нападение Соединенных Штатов на Кубу и, таким образом, помочь новому прогрессивному строю, который там создан в главе с Фиделем Кастро. Мы стремились создать такие условия, чтобы Соединенные Штаты Америки отказались от своих намерений (а мы о них знали) высадиться на Кубе. Не то что у нас имелись какие-то документы, этого не требуется, мы знали классовую сущность и классовую слепоту Соединенных Штатов Америки, их желание стереть с лица кубинской земли новый социально-политический строй. Мы со своей стороны хотели все сделать, чтобы предотвратить, отрезвить реакционные умы в Соединенных Штатах Америки и не допустить вторжения, уже второго вторжения, потому что одно уже было. Мы были убеждены, что поражением,

которое понесли интервенты на Кубе, дело не кончится, произойдет повторное нападение большими силами и с лучшей подготовкой. Соотношение сил показывало, что Куба не сможет устоять, если подключатся Соединенные Штаты Америки.

Предлог у сильного государства или у сильного человека, чтобы напасть на слабого, всегда найдется. А мы хотели, чтобы Куба оставалась революционной, социалистической.

У нас иного выхода не было, как только поставить ракеты, с тем чтобы поставить дилемму перед агрессивными силами Соединенных Штатов Америки: если они вторгаются на Кубу, то получают ответный ракетно-ядерный удар. Мы не стремились нанести удар по Америке, а хотели удерживать ее от вторжения и, следовательно, от войны.

Однако, когда обстановка накалилась, дело могло кончиться войной. Тогда в ход пустили дипломатию, я бы выразился, тайную дипломатию. Установились связи с президентом через его брата Роберта Кеннеди. И та, и другая сторона понимали, что надо найти выход, исключить военное столкновение. Нам оно было невыгодно. Слово «невыгодно» не подходит. Мы всегда считали войну, любую войну недопустимой. Мы не хотели начинать войну. Кроме того, если здраво смотреть, то как можно развязывать войну с Соединенными Штатами на Кубе за одиннадцать тысяч километров от территории Советского Союза, да еще при наших морских и воздушных средствах. Это нереально, это невозможно. У нас не было никаких средств для поддержания коммуникаций. Мы лишь рассчитывали на шок, вызванный присутствием на Кубе нашего ракетно-ядерного оружия.

И мы достигли своей цели. Американцы требовали, угрожали, а потом просили через закрытые каналы... Президент Кеннеди обратился к нам через своего брата Роберта. Роберт Кеннеди пришел в наше посольство и передал пожелание президента договориться. Мы пообещали, что выведем свои ракеты с ядерным оружием при условии, если будет публичное заявление о том, что Америка дает обязательство не вторгаться своими вооруженными силами на территорию Кубы и удержит от вторжения своих союзников. Кроме того, президент сказал, что, если мы согласимся вывести ракеты с Кубы, то, хотя он публично об этом сказать не может, но дает слово убрать свои ракеты из Турции. Я уже не помню названия этих ракет.

Правда, мы понимали, что это обязательство больше символическое. Ракеты, которые в Турции и в Италии стояли и которые Соединенные Штаты Америки собирались вывести, по своему техническому состоянию устарели, пришло время их менять. Америка к этому времени построила подводный флот, вооруженный ракетами «Поларис». Но все-таки в какой-то степени создавалось впечатление, что мы идем на взаимные уступки: мы выводим ракетное оружие с Кубы, они выводят свои ракеты из Турции.

Так мы договорились. У нас небольшое количество ракет стояло на Кубе, чуть больше сорока. Соединенные Штаты Америки превосходили нас в количестве атомных бомб и в средствах доставки. Кроме ракет, рас-

положенных на Кубе, мы имели немного межконтинентальных ракет на собственной территории. Их было явно недостаточно на случай ядерной войны. Я считал это безумием.

Мы договорились. Впервые в истории Соединенные Штаты согласились терпеть у себя под боком, на Кубе, неудобный им режим, дали обязательство не вторгаться и не вмешиваться вооруженными силами во внутренние дела. Соединенным Штатам Америки пришлось эту пилюлю проглотить. Какой же вывод? Это означает, что Соединенные Штаты Америки вынуждены были признать, что они утратили мировое господство, что они не могут не считаться с Советским Союзом, с социалистическим государством, с мощной промышленностью, с мощными Вооруженными Силами. Мы-то знали, а Соединенные Штаты Америки тоже догадывались, что у нас большого подводного флота в те годы быть не могло. Недостало времени, чтобы его создать, для этого требуются годы. Они знали, что у нас имеются ракеты на Кубе, которые способны нанести страшный удар по промышленным и административным центрам Америки. Кроме того, они знали о наших межконтинентальных ракетах, расположенных на собственной территории.

Если говорить о союзниках Соединенных Штатов Америки в Европе, то ракет ближнего боя к этому времени мы имели достаточно, даже больше, чем достаточно. Мы могли буквально с землей смешать Англию, Западную Германию, Францию, Испанию и другие страны. Я уж не говорю о таких странах, как Норвегия, Дания и Голландия и другие, входивших в состав военного союза НАТО.

Продолжаю свои воспоминания о строительстве Вооруженных Сил Советского Союза. Я остановился на Карибском кризисе и его решении. Это для меня историческая веха. Мы с Соединенными Штатами столкнулись, как говорится, лбами и полюбовно разошлись, договорившись о невмешательстве США во внутренние дела Кубы. Это было вынужденное, вырванное у американского империализма обязательство примириться с существованием под боком маленькой, но в зародыше сильной социалистической страны в Центральной Америке. Это большая политическая, большая моральная победа. Это признание мощи Советского Союза, основывающейся на ядерном и ракетном оружии. Если бы мы не получили ракет, а имели только самолеты, мы бы, конечно, такого впечатления не произвели. Когда мы создали ракеты, Америка и весь мир убедились, что мы способны на ответный удар. Мы выиграли в войне умов. Все направили на главное направление, на создание ракеты. Здесь подтвердилась наша правота: куда в первую голову вкладывать средства, в Военно-морской флот, как этого требовал Кузнецов, или же на ракетно-ядерное вооружение. Тут главное — ракеты. Главное — носители ядерных зарядов: ракеты, самолеты или надводные корабли. Наши корабли никакого впечатления не произвели бы на Соединенные Штаты Америки. Получилась бы игра кошки с мышкой, всегда может наложить лапу и задушить. Так и Америка могла расправиться с нашим надводным военно-морским флотом.

Сегодня уже, кажется, 18 или 19 июня. Время бежит. Устал. Продолжу в следующий раз.

К ГЛАВЕ «ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ ИЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?»

Я уже говорил о моих беседах с покойным президентом Эйзенхауэром. В хорошем расположении духа мы беседовали с ним один на один, если считать глав правительств. При этих беседах всегда присутствовал с нашей стороны Андрей Андреевич Громыко, с их стороны тоже кто-то. Но вели беседы мы двое. Он с улыбочкой поставил вопрос:

— Как вы решаете вопросы ассигнования средств на вооружения? Ко мне приходят генералы, требуют денег. Я им отказываю. Говорю: денег нет, есть другие нужды, более неотложные. Ну, говорят, не дадите, тогда мы отстанем от русских, они в таком-то виде вооружений продвинулись далеко вперед. Чтобы нам противостоять, требуется столько-то миллионов или миллиардов долларов. Приходится с этим считаться, изыскивать возможность и выделять деньги. А у вас как?

— У нас, — я говорю, — точно так же, как и у вас. Также приходят наши генералы и докладывают, что необходимы средства в таком-то количестве для создания такого-то вида вооружения. Я тоже отказываю, говорю: денег нет, деньги нужны для развития народного хозяйства. Ну, отвечают, если денег не будет выделено и мы не будем иметь этого оружия, то отстанем от американских вооруженных сил. Я, обдумав вопрос, прихожу к заключению, что надо поддерживать военных. Ставим вопрос в правительстве и выделяем средства.

Эйзенхауэр предложил:

— Давайте договоримся, что не будем отпускать этих средств.

— Это наша мечта, — сказал я, — мы прикладываем все усилия к тому, чтобы договориться с вами и прекратить гонку вооружений. Но как? Как договориться? На каких условиях? Этот вопрос вопросов, собственно, и привел нас к встрече.

Я уже диктовал, чем кончилась наша беседа, чем закончилась наша встреча. Она оказалась, собственно говоря, если подытожить, малопродуктивной, потому что мы не смогли решить вопросов, которые требовали решения, договориться о прекращении гонки вооружений. Она имела, конечно, и свои положительные последствия, хотя бы в том, что мы встретились, провели беседы, я получил возможность лично познакомиться с широким кругом политиков США. Каждая сторона сделала выводы о другой стране, о ее политике, о ее людях. Но основная линия, которой придерживались наши страны, осталась та же.

Я беру другой пример, Кубу. Куба — маленькая страна по населению и территории. Страна, которая тоже не имеет своей промышленности, не имеет индустрии. Вооружение целиком закупается в других странах. После победы революции, когда Куба встала на путь социалистического строительства и заняла прогрессивную, революционную позицию, Америка не смогла примириться с этим существованием, а решила удержать Кубу в фарватере своей политики. Соединенные Штаты Америки хотели сохра-

нить там подставных президентов, как это было до революции на Кубе, до Фиделя Кастро. Они позволяли бы эксплуатировать Кубу. США стремились ликвидировать социализм и тем самым не допустить, чтобы Куба стала революционным примером для других латиноамериканских стран. Это естественно. Мы бы тоже не хотели, чтобы наши соседи стали капиталистическими странами. Но мы относимся к этому с пониманием, стоим на позициях решения этих вопросов не извне, не путем войны, а внутренними силами, своим народом, рабочим классом. Это внутренний вопрос. Наш подход вытекает из политики мирного сосуществования.

Когда Куба стала революционной, США попытались вмешаться в ее внутренние дела. Они организовали из вышвырнутых революцией кубинцев десант. Чем все кончилось? Известно: кубинцы разбили десант. Но это еще не значило, что Америка примирилась с существованием революционной Кубы. Мы располагали тогда всеми данными, а теперь они подтвердились, что американское правительство взяло на себя обязательство организовать высадку нового десанта, уже подготовленного. Добиться успеха для Соединенных Штатов Америки не представляло особых трудностей. Это вторжение должно было проходить под флагом кубинских эмигрантов, но с большим подкреплением со стороны американских вооруженных сил. Как это сделать? У Америки накопился большой опыт. Они берут флаг той или другой республики, нанимают оголтелых реакционеров и якобы они высаживаются в свою страну под прикрытием лозунга внутренней борьбы. А фактически высаживаются не только наемники, но и регулярные американские войска, и они достигают своей цели. Во всяком случае так бывало и так, к нашему огорчению и сожалению, происходит до сих пор. Так было бы проделано и с Кубой. Я в этом не сомневаюсь. Когда я в 1963 году беседовал с Фиделем Кастро, мы спорили на эту тему очень горячо. В конце концов Фидель согласился со мной.

Разразился Карибский кризис. Были мобилизованы огромные силы с той и с другой стороны. Безусловно, Соединенные Штаты Америки были сильнее, чем мы. Я имею в виду кубинский народ, армию Кубинской республики и наше военное присутствие. У нас там стояли ракеты, стояли наши войска, несколько тысяч. Наши Вооруженные силы находились на кубинской земле с одной-единственной целью — сохранения независимости Кубы с тем, чтобы предупредить вторжение экспедиционных жан-дармских вооруженных сил Соединенных Штатов. Это было грозное время. Мы действительно вышли на грань войны.

Наши коммуникации очень длинны и совершенно ничтожны. Если бы произошел военный конфликт, то исход решался бы теми силами, которые к тому времени уже прибыли на кубинскую землю. В сравнении с силами, которые могли выставить Соединенные Штаты Америки, они выглядели ничтожными, и все-таки США были вынуждены договориться с нами. Мы пошли на уступки, и Соединенные Штаты Америки сделали уступку. Мы вывезли ракеты и ядерное вооружение с Кубы, Соединенные Штаты, в лице их президента, дали публичное заверение, что они не будут организовывать вторжение на Кубу ни сами, ни через

своих союзников. Мы им поверили, а Америка вынужденно признала наши требования.

Конечно, доверие и с той, и с другой стороны было небольшим. Но и та, и другая стороны не хотели войны. Если бы она разразилась, то обязательно превратилась бы в термоядерную. И та, и другая стороны отлично это понимали. Эта договоренность сохраняется и поныне. Прошло уже довольно длительное время. О чем это говорит? Это как раз подтверждает мою точку зрения: располагая мощными вооруженными силами, таким мощным вооружением, как термоядерное оружие, при умелом его политическом использовании можно противника удержать в чувствах, вынудить его ограничить свои классовые желания подавлять другие страны и насаждать в них удобный ему социально-политический строй, то есть удерживать эти страны на капиталистических позициях.

Тому пример Куба. Куба стала социалистической страной и сейчас развивается в этом направлении. Она, видимо, испытывает свои трудности, как и всякая страна, переходящая к социалистическому строительству. Но факт остается фактом: Соединенные Штаты Америки вынуждены проглотить этого ежика, хотя он и беспокоит внутренности американского империалистического зверя. Никакая операция по удалению этого ежика, видимо, сейчас невозможна, потому что существует Советский Союз. Сейчас положение еще больше изменилось в пользу Советского Союза, он обладает необходимым количеством термоядерного оружия и ракетной техники для полного уничтожения Соединенных Штатов Америки.

Мы давно сняли с позиций зенитное вооружение, которое окружало Москву при жизни Сталина. Мы получили лучшее вооружение, более меткое, более дальнобойное. То, что мы после смерти Сталина содержали вдвое меньшую армию, не переживаем опасений угрозы вторжения в Советский Союз со стороны стран НАТО, подтверждает мою точку зрения, что можно навязывать свою политику по сокращению вооруженных сил.

Мы ликвидировали свою военную базу в Финляндии, располагавшуюся, как говорится, под самым носом у Хельсинки, у столицы. Мы ликвидировали ее. И что же, наши отношения с Финляндией ухудшились? Наоборот. У нас искренние, хорошие отношения с финским народом. Конечно, там есть и реакционеры, люди, которые ненавидят наш социалистический строй. Они все бы хотели сделать, чтобы ухудшить наши отношения, уменьшить или совсем ликвидировать наше влияние в Финляндии. Но это реакционным силам пока не удастся. Мы ликвидировали свою военную базу и тем самым показали финнам, что не хотим вмешиваться в их дела, не хотим навязывать своего строя финскому народу. Вопрос социально-политического строя — это вопрос внутренний, это вопрос финского народа. Как он захочет, так и сделает. Мы, конечно, симпатизируем коммунистам, не скрываем своих дружеских и братских отношений с Финляндской коммунистической партией. Мы желаем ей успеха. Желаем успеха рабочему классу и трудовому крестьянству. Но воп-

рос выбора социально-политического строя Финляндии, я повторяю, это вопрос финского народа. Мы показали свое отношение на практике, и финны верят нам. На этой базе мы имеем самые лучшие отношения не только с коммунистической партией Финляндии, с революционными профсоюзами, но и значительная часть деловых кругов тоже верит нам, укрепляет деловые отношения с Советским Союзом. Экономические отношения с Финляндией в мое время были хорошими, а сейчас они развиваются дальше.

Эта политика проводилась не лично мною, она проводилась правительством Советского Союза, но я в этом вопросе был инициатором. Мы полностью вывели войска с румынской территории и резко сократили свои войска в Польше и Венгрии. Я уже диктовал когда-то, что я придерживался тогда точки зрения, что можно и нужно совсем вывести войска из Венгрии. Я об этом даже разговаривал с товарищем Кадаром. Товарищ Кадар тогда мне сказал:

— Решайте сами.

Он, видимо, не хотел посеять какие-то сомнения в нашем сознании, намекнуть, что испытывает недовольство в связи с пребыванием советских войск на территории Венгрии, тем более после событий, которые имели место в 1956 году.

Поэтому он говорил:

— Ваши войска не приносят беспокойства нашему народу. Настроений против советских военных у венгерского народа нет, решайте сами.

Я тогда же говорил и с товарищем Гомулкой. Я предложил вывести все наши войска, которые располагались на польской территории. Я был уверен, что наши позиции в Германии от этого не станут слабее. Мы там располагали большими вооруженными силами. Моя идея встретила возражения со стороны товарища Гомулки. Я считаю, что товарищ Гомулка возражал не столько по политическим, сколько по экономическим соображениям. Присутствие наших войск в Польше было источником валюты для польского государства. Вместо того чтобы оплачивать оборудование, которое мы по договору закупали в Соединенных Штатах Америки, мы вынуждены были платить польскому государству за то, что наши войска находятся на его территории.

Это выгодно для государства, на территории которого располагались наши войска. Я уже говорил, что стоимость содержания дивизии в Польше или в Венгрии стоила нам в два раза дороже, чем ее содержание на собственной территории. Это довольно весомая сумма, и я хотел облегчить наше бремя. Товарищ Гомулка доказывал необходимость присутствия наших войск на польской территории, обуславливая свои слова угрозой со стороны Запада.

— Угроза со стороны Запада, — возразил я, — одинакова для всех, не только для Польши. В случае нападения первыми с войсками Запада встретимся мы, наши войска, расположенные на территории Германской Демократической Республики. Вторжение в Польшу возможно только

лишь через ГДР. А вторгнуться в ГДР значит столкнуться с Советским Союзом. Учитывая все это, мы не боимся вывода своих войск из Польши. Войска, расположенные в Германии, имеют огневую мощь, достаточную для уничтожения не только вооруженных сил, но и всего живого в Западной Германии. Еще большая огневая мощь расположена на территории Советского Союза.

Мы к этому времени получили достаточное количество баллистических ракет среднего радиуса действия в две-четыре тысячи километров. Это по расстоянию достаточно, чтобы уничтожить всю Европу. И не только Европу. Мы доставали африканский континент. Эта сила главным образом сдерживала агрессивность Соединенных Штатов Америки, а не войска, которые мы держали на польской территории.

Следовательно, аргумент страха, политический аргумент отпадал. Я сделал вывод, что здесь товарищ Гомулка не совсем откровенен и прикрывается политическими мотивами. По существу, он рассматривал пребывание наших войск как дойную корову.

Признаюсь, я не хотел портить с ним отношения. Мы обменялись мнениями в правительстве и какое-то количество войск оставили в Польше, хотя много войск и вывели.

— Те войска, которые сейчас уходят, если возникнет необходимость, могут очень быстро вернуться, — успокаивал я Гомулку. — Сейчас высокая мобильность войск. Это же не пехота времен наполеоновских войн или Первой мировой, и даже не Второй. Сейчас новые условия и новые средства ведения войны. Стратегия не требовала пребывания наших войск ни в Венгрии, ни в Польше. В других союзных странах мы войск уже не имели.

Кроме того, мы всегда имеем возможность, — продолжал я убеждать Гомулку, — учесть, как складывается обстановка. Предвоенную ситуацию мы почувствуем заранее. Сколько времени нужно, чтобы переместить подвижные войска: мотопехоту, танки?

Разные условия жизни, разные интересы у социалистических и капиталистических стран. В социалистических странах интересы народа и правительства едины. В капиталистических они входят в противоречие. Как правило, в капиталистических странах правительство руководствуется не интересами народа, а только прикрывается ими как ширмой. Там только говорят об интересах народа, об их защите. Правительства капиталистических стран защищают интересы капиталистов, а среди них есть такие, которые производят средства истребления. Эти силы наиболее могущественны, наиболее сильны. Они определяют политику. Из-за этого развязываются войны. Когда накапливается вооружение, они ищут какую-то возможность для дальнейшего увеличения производства средств уничтожения. Так развязывались и велись войны за передел мира. Эти милитаристские силы, самые оголтелые в капиталистических странах, собственно, определяли их политику, толкали свои страны на развязывание войн и достигали своей цели.

Сейчас такие условия в капиталистических странах полностью сохраняются. Америка пример тому. Сколько лет она ведет войну во Вьетнаме, проводит разбойную, жандармскую политику в мире?! Несмотря на их антирабочую, антинародную политику, враждебную трудовому народу, прежде всего рабочему классу, который тратит свои силы на производство средств истребления и, следовательно, ограничивает свои экономические возможности, капиталистические круги Соединенных Штатов не встречают помех, за исключением демонстраций, которые проводятся главным образом студентами. Но и они не имеют успеха из-за того, что рабочие Америки, к сожалению, не включились в борьбу. Я имею в виду массы: профсоюзы, рабочих заводов и других крупных предприятий. Даже профсоюзы поддерживают политику правительства, объясняя это тем, что производство вооружений обеспечивает большую занятость и тем самым рабочие обретают лучшие условия существования.

Социалистические страны ни в коем случае не должны поддаваться навязываемой нам политике гонки вооружений. Милитаристские страны хотят проводить такую политику с помощью гонки вооружений, истощать нашу экономику и держать нас, как говорится, в черном теле, не давая возможности удовлетворять свои человеческие потребности. Если мы эту политику правильно разгадаем, то, не поддаваясь панике, не поддаваясь запугиванию, сможем и должны ограничить расходы на вооружения.

Проведение подобной политики требует от руководства мужества и прозорливости. Необходимо экономно расходовать средства, не дать себя вовлечь в соревнование по растранижированию национального дохода на средства истребления, а, с другой стороны, необходимо иметь все средства, необходимые для защиты. Мы должны разумно построить свой оборонный бюджет, не поддаваться влиянию милитаристских кругов.

При том оружии, которое у нас имеется, мы можем пойти даже на резкое сокращение вооруженных сил. Сила страны сейчас определяется не по количеству солдат, не по количеству кораблей, не по количеству танков, а по огневой мощи, которой обладают армии. Термоядерное оружие и ракеты-носители создают неограниченные возможности. Мы можем, но для этого нужны прозорливость, смелость и трезвость ума; проводить разумную политику и не дать истощить себя гонкой вооружений.

Я мог бы привести конкретный пример, относящийся ко времени, когда я являлся главой правительства и Первым секретарем Центрального Комитета. Встал вопрос, какое выбрать направление в строительстве Военно-морского флота. Большие силы стояли за надводный флот. У нас разразился серьезный конфликт с адмиралом Кузнецовым, главнокомандующим Военно-морским флотом. Он неглупый человек. Он прошел войну и производил на меня впечатление человека, знающего свое дело. Тем не менее он поставил вопрос о строительстве Во-

енно-морского флота, в котором главное место занимали бы надводные корабли: авианосцы, крейсера, эсминцы. Планировалось и какое-то количество подводных лодок. Но главные средства направлялись на надводные корабли. Почему?

Его взгляды отражали неправильное понимание изменившихся условий, времени, в котором мы живем. Сейчас невозможны большие сражения надводных флотов. При современных средствах истребления кораблей ракетным оружием и воздушными силами на первый план выходят подводные лодки, вооруженные баллистическими и крылатыми ракетами.

Я не исключаю некоторых слабостей, свойственных некоторым людям с ограниченным политическим кругозором. Их прельщают надводные корабли с большим количеством моряков, парадность, внешняя привлекательность. Этого нельзя исключать, нельзя идеализировать людей, считать, что раз они коммунисты, то автоматически занимают правильную позицию.

Я повторяю: при современном развитии стран социализма, при современном их экономическом уровне, уровне развития науки, техники и культуры мы имеем возможность не поддаваться навязываемой буржуазными капиталистическими странами политике в вопросах вооружения. Мы можем проводить свою, независимую политику. Прошли времена, когда капиталистические страны определяли глобальную политику в вопросах войны и мира. Сейчас существует мир социализма, который располагает огромным экономическим потенциалом, имеет мощные вооруженные силы, современное оружие. Эти силы неподвластны капиталистическому миру. Капиталистический мир, исходя из интересов сохранения самого себя, вынужден считаться с ними. Если будет развязана война, то он может лишиться всего.

Теперь мы имеем возможность проводить свою разумную политику, уменьшить бремя расходов народных средств на вооружения, не поддаваясь панике. Преступно расходовать средств больше, чем разумно, чем оправданно. Тем самым мы не будем истощать свои экономические ресурсы, а наоборот, используем их для дальнейшего развития экономики, техники, культуры, на улучшение жизни людей в странах социализма. Это главное! Это главное потому, что если мы поддадимся панике и примем навязываемое капиталистическими странами соревнование в области вооружений, то мы, как говорится, будем бросать труд людей в костер, где он сгорит, не принеся никакой пользы нашему народу.

Еще несколько мыслей о разоружении. Сейчас главный вопрос — не допустить войны, потому что война внесет невероятные бедствия всем народам.

Правда, Мао Цзэдун придерживается иной точки зрения: через войну хочет прийти к революции. Он считает, что война ослабляет капиталистические страны. Но она ослабит и социалистические страны, принесет взаимные бедствия и той, и другой стороне. Я убежден в правоте

Ленина: надо всеми способами бороться против войны. Преобразование общества в каждой стране — вопрос внутренний. Это и есть вопрос революции.

Некоторые были склонны думать, что последняя война, принесящая неисчислимые бедствия, больше не повторится. Вряд ли сознательный человек согласится допустить Третью мировую войну. Народы почти всего мира участвовали в войне 1939 — 1945 годов, в первую очередь народы высокоразвитых стран. Казалось бы, должен победить разум. Но прошла война, а мир все еще не подписан. Снова разгорелись страсти. Они неизбежны, потому что два мира, основанных на разных идеологических системах, отстаивают свои концепции. Эти миры антагонистичны. Снова началась гонка вооружений. И та, и другая стороны ведут эту гонку на полную мощность, насколько хватает материальных средств и умения.

Американцы когда-то опубликовали данные, сколько мы имеем ракет и где они расположены. Правда, довольно приближенно. Я задавал вопрос Малиновскому: откуда американцы знают о количестве наших ракет и их месторасположении?

— Нет ли у нас их агента в Вооруженных силах? — спросил я его, — я этого не исключаю.

— Это возможно, — ответил Малиновский. — Поручиться трудно. Но наблюдение из космоса сейчас позволяет американцам следить за нашими работами. Они систематически летают и делают снимки со спутников. Они следят за каждым нашим шагом.

И мы имеем такие же возможности. Следовательно, этот вопрос сейчас стал менее острым.

Вот, собственно, мои соображения о вопросах разоружения и взаимной безопасности. Я считаю, что сейчас пришло время вернуться к вопросам, о которых я говорю. Теперь на какую-то глубину нашей территории можно принять инспекцию со стороны западных границ. Пока вопрос стоит так на Западе. На Востоке, на границе с Китаем, положение другое. Там о договоренности сейчас трудно говорить. Из Китая исходит какая-то зоологическая ненависть к Советскому Союзу, к нашей политической линии. Произошло обострение идеологической борьбы, и она стала даже более острой, чем с капиталистическим миром. Она выливается даже в военные столкновения на границах.

Мы предоставляем возможность проводить ее у себя и пользуемся этими возможностями на территории страны, с которой имеем такую договоренность.

Здесь, я бы сказал, мы продолжаем страдать сталинской болезнью. Сталин, несмотря на то что был убежденным коммунистом, придерживался очень низкого мнения о советских людях. Зато он высоко ценил

разведки иностранных государств, преувеличивал возможности капиталистов в вербовке наших людей, мало рассчитывал на ответные действия с нашей стороны. Это было следствием, я его хорошо знаю, его всеобщего недоверия.

— Вот помру, и вас передушат, — любил он повторять нам.

Он рассматривал каждого человека, едущего за границу, как потенциального изменника. Достаточно дать автограф, что на Западе очень распространено, — и пиши пропало. Бывали такие случаи. Людей таскали-таскали за автограф, а чаще дело кончалось просто арестами. Считалось, что он завербован, а автограф — что-то вроде расписки о согласии стать агентом разведки той страны, гражданину которой он дал автограф.

Давно пора освободиться от этого унижительного и оскорбительного отношения к народам Советского Союза, преданным своей Родине, любящим ее. Они доказали это своей кровью во Второй мировой войне. Завтра мы празднуем 25-летие разгрома гитлеровской Германии.

На этой основе можно было бы мобилизовать общественность, не только интеллигенцию, но, главное, рабочий класс и трудовое крестьянство. Я, конечно, не собираюсь привлечь Голдуотера на свою сторону. Но Америка состоит не из одних голдуотеров. Там есть и честные люди, которые боятся войны и хотели бы все сделать, чтобы предотвратить ее. Даже не все капиталисты стоят на позициях необходимости начать Третью мировую войну. Так что сил мира значительно больше, чем сил войны. Но их надо мобилизовать, организовать. Для этого требуется хорошая, доступная для понимания основа. Надо разработать убедительную платформу, показать, что мы действительно хотим договоренности, допускаем широкую, глубокую, взаимную инспекцию. На этой основе мы могли бы мобилизовать народные массы во всех странах мира.

Вот, собственно, какие рассуждения я хотел бы привести. Повторяю сейчас, мы по своему экономическому положению имеем возможность пойти на более всеобъемлющую инспекцию. До этого мы шли на инспекцию, если выражаться резко, исключаящую возможность глубокого шпионажа. Мы не хотели раздеваться догола перед инспекторами, так сказать, предстать перед ними в адамовом костюме. Мы хотели все-таки сохранить кое-что недоступным. Сами хотели видеть, но другим не показывать. А это уже не инспекция.

Недавно я прочитал в «Известиях» (лето, 1967 г.) о заседании специальной ассамблеи по вопросу нераспространения ядерного оружия. Я не совсем понимаю ее цели, хотя это дело я же и начинал. Но положение изменилось после меня. Теперь китайцы плюют на этот договор, они имеют ядерное оружие. Французы тоже плюют. Румыны, социалистическая страна, плюют на это. Я уже не говорю о Западной Германии.

Так спрашивается, если мы подпишем такой договор, а немцы сделают это оружие и будут его давать, кому захотят. Китайцы тоже.

Если бы весь социалистический мир был един в этом вопросе, это большое имело бы значение. Мы могли бы договориться с Англией, с Францией и с Америкой, оказать давление на Западную Германию. Когда же против этого и французы, Западная Германия, Китай, Румыния, Куба, Албания, то что делать? Даже если одно социалистическое государство голосует против, то плохо.

Румыны тоже могут сделать бомбу. Они производят ядерное горючее, мы реакторы им построили. А если бы мы не построили, так сейчас никакой проблемы не было бы. Не мы, так другие бы им сделали.

Так что поднятый шум не оправдывает себя и влияния абсолютно никакого не оказывает на возможность предупреждения распространения ядерного оружия.

Я целиком за заключение такого договора, но в мире сложилась ситуация, когда нет возможности получить единодушное решение. А что болтают там и что подпишут, это не имеет никакого значения, даже пропагандистского. Ну какая пропаганда, если немцы могут сделать атомную бомбу.

Они ее бросить не могут. Это другой вопрос. Мы тоже наделали бомбы и тоже не бросаем. Американцы наделали еще больше нас и тоже не бросают. Если вспомнить покойного прохвоста Даллеса, нашего умного врага, он определил политику равновесия страха: брось — и на тебя бросят.

Кеннеди первым признал, в этом его заслуга, и я его уважаю за это: Советский Союз обладает оружием достаточным, чтобы разрушить многие наши города, поэтому надо это учитывать и строить отношения, которые бы не вызвали войны. Мы много больше имеем атомных бомб, чем русские, но и они обладают достаточным количеством для разрушения США.

К ГЛАВЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ»

Если начнется война, начнут действовать уже накопленные средства, тогда я не нахожу слов для выражения, в каком состоянии окажутся наши страны, подвергнувшиеся удару ракетно-ядерным оружием, накопленным в мире? Я считаю, что мы должны какое-то количество этих вооружений иметь. Я бы хотел обратить внимание на то, что войну Египта против Израиля, и наоборот — Израиля против Египта, Соединенных Штатов во Вьетнаме и Корею совершенно нельзя сравнивать с гипотетической войной между Соединенными Штатами и Советским Союзом. И в условиях «малых» войн агрессивные силы подстегивали правительства к применению ядерного оружия. Все-таки пока хватает разума у руководства Соединенных Штатов, и они не идут на его применение. Если начнут воевать две страны, имеющие ядерное оружие, то, безусловно, очень трудно удержаться от его использования. Особенно той стороне, кото-

рая начнет терпеть поражение. Когда начнется критический момент и страна потеряет возможность отразить натиск противника, то, имея термоядерное оружие и ракетные средства его доставки, она безусловно пустит его в ход.

Это надо помнить. Надо помнить и не дать себя запугать, не дать себя спровоцировать. Попытка втянуть нас в соревнование по вооружению — это провокация противника. Особенно она опасна со стороны империалистических держав, таких, какими являются Соединенные Штаты. Там увеличение средств истребления, в том числе ракетного и ядерного — это источник обогащения монополий. Чем больше они будут производить, тем больше будет обогащаться монополия.

У нас — иначе, чем больше мы будем производить оружия, тем больше будем истощать себя, обрекать народы нашей страны и стран социализма на низкий жизненный уровень. Даже Соединенные Штаты, воюя только обычными вооружениями во Вьетнаме, и то расходуют огромные средства и сейчас оказались накануне инфляции, переживают большие финансовые затруднения.

А такие возможности, я знаю, мы еще в те времена имели. Мы уже тогда поставили задачу сокращения производства как средств доставки, так и термоядерного оружия.

Для поражения Соединенных Штатов у нас еще не хватало тогда некоторого количества носителей. Я говорю некоторого количества, потому что мы имели достаточно средств доставки и средств разрушения главных жизненных промышленных и политических центров США. А прошло уже шесть лет. Я себе представляю, какое количество сейчас накоплено ракет и ядерных зарядов. Каждый год давал нам невероятную возможность потому, что эти средства шли на потоке, производились буквально на конвейере.

Я бы сослался на такой пример: когда -то президент Соединенных Штатов в своем выступлении или на пресс-конференции заявил, что США имеют больше ракетно-ядерного вооружения и могут дважды уничтожить Советский Союз. Однако, сказал президент, надо иметь в виду, что Советский Союз имеет возможность уничтожить Соединенные Штаты один раз.

Много тогда было разговоров на эту тему. Журналисты меня спрашивали:

— Как вы реагируете? Как вы относитесь к заявлению президента Соединенных Штатов?

— Да, я это знаю, господин Кеннеди это сказал, — отвечал я шуткой, — и он, видимо, прав. Я доволен, что президент Соединенных Штатов правильно понимает соотношение сил в части ракетно-ядерного оружия. Соединенные Штаты больше имеют такого вооружения и, видимо, могут уничтожить нас дважды, но я признателен президенту, что он признал за

нами способность уничтожить Соединенные Штаты один раз. Мы — люди не кровожадные, нам достаточно и одного раза. Зачем уничтоженное еще раз подвергать уничтожению?

Мой ответ встречался улыбками и шутками. Но это действительно так.

Когда я вел беседы с товарищами Гомулкой и Кадаром, я не боялся, что вывод войск из Польши и Венгрии ослабит нас. Наоборот, ни в какой степени. Мы бы сократили расходы, но наши ракеты обеспечили бы всем безопасность, большую, чем мы имели, когда наши войска находились в этих странах. Теперь мы можем с нашей территории ракетами уничтожить всю Германию. Я должен отдать должное трезвости ума нашего противника, покойного Аденауэра. Когда его атаковывали журналисты с вопросами о том, что Западная Германия хочет развязать войну, он всегда умело прикидывался таким христосиком: «Ну, что вы? Разве я не понимаю, что если будет развязана третья мировая война, то прежде всего погибнет Западная Германия?»

Мне очень нравилась трезвость ума нашего противника номер один. Он правильно оценивал обстановку, это действительно так будет, если развяжется война. Уже большое достижение, что мы заставляем главного нашего противника сдерживать самого себя и сдерживать другие силы, которые хотели бы развязать войну. После смерти Сталина еще больше содействует ослаблению позиций противника в пропаганде против нас сокращение в два раза наших Вооруженных сил, и на этом наши возможности не исчерпаны. Наш потенциал возрос. Под потенциалом я понимаю силу огня, который страна может низвергнуть на голову противника, а у нас накопилось невероятное количество средств уничтожения. Это позволяет нам еще больше сократить Вооруженные силы. Тем самым мы могли бы оказывать общественное давление на правительства стран капиталистического мира, усилить нажим на агрессивные силы с целью не только сдерживания, но и сокращения вооружения и Вооруженных сил.

Если же мы примем вызов и ввяжемся в соревнование, то, я повторяю, это выгодно только империалистическим, реакционным силам. Я думаю, что, рассуждая так, я исхожу из правильного понимания обстановки.

В завершение своих рассуждений я бы хотел еще раз привести беседу с президентом Эйзенхауэром. Я был его гостем на даче в Кэмп-Дэвиде. Мы беседовали в очень непринужденной обстановке, ходили, гуляли, смотрели фильмы и одновременно вели политические беседы.

— Скажите, какие у вас отношения с военными? Как вы решаете вопросы средств вооружения? Позвольте, прежде расскажу, как это происходит у нас, — спросил меня Эйзенхауэр и, тепло улыбнувшись, продолжил. — Приходят ко мне военные и говорят: «Мистер президент, для таких-то надобностей на вооружение нам нужно такое-то количество долларов». Конечно, все измеряется в миллионах или миллиардах. А я гово-

рю, что все средства распределены. Тогда они продолжают: «Нам достоверно известно, что в Советском Союзе эта проблема решается, там отпустили средства, следовательно, мы отстаем от СССР и он получит превосходство над вооруженными силами Соединенных Штатов».

Он посмотрел на меня, продолжая улыбаться.

— И я, — говорит, — даю. У меня просто вырывают эти деньги. Я не могу сопротивляться. А у вас как?

— И у нас точно так, как у вас, — ответил я. — Ко мне тоже приходят люди из военного ведомства и говорят: «Товарищ Хрущев, в Америке разрабатывается или разработана такая-то система. Мы сейчас должны приступить к подобной разработке у себя, она стоит столько-то, поэтому просим отпустить такие-то средства. Я тоже говорю: «Денег нет, все распределены». «Ну, что же, тогда, если развяжется война, наш вероятный противник будет иметь превосходство над нами?» Мы долго обсуждаем и деньги даем. Вот так.

— Да, я так и думал, — протянул Эйзенхауэр.

— Я тоже понимал, что и у вас так же, — ответил я.

— Давайте договоримся и исправим положение, — предложил Эйзенхауэр

— С удовольствием, — отозвался я, — собственно, я и приехал в США с надеждой договориться.

Но договориться так и не удалось. И сейчас мы не можем договориться. Это невозможно, почти невозможно. К сожалению, из опыта, который я приобрел, следует, что это очень трудно.

В борьбе за мир, в борьбе за мирное сосуществование мы искренне прилагали все усилия. Мы твердо уверены, что внутренние вопросы должны решаться самим народом каждой страны. Революция не экспортируется — это положение Ленина, и я считаю его очень правильным, мы им руководствовались. Тем более после появления ядерного и ракетного оружия. Уже нельзя рассчитывать на победу в какой-то локальной войне. Если крупные державы втянутся в военный конфликт, то без применения ядерного оружия, как бы ни крестились, как бы ни заклинали, не обойтись. Трудно поверить, что утопающий не схватится за соломинку. Так начнется мировая катастрофа.

Поэтому надо все сделать, чтобы избежать войны. Империалистические страны нам навязывали политику, с которой мы не могли не считаться. Они после войны первыми создали военный блок НАТО, он и сейчас существует. Это был уже прямой сигнал, свидетельствующий о мобилизации империалистических сил против стран социализма и, в первую голову, против Советского Союза. Нам пришлось подумать об обороне. Прежде всего, мы прилагали усилия к созданию ядерного оружия, мы его получили при жизни Сталина. Взорвали атомную бомбу. Потом стали его развивать и довольно успешно. Но наряду с усилиями по поднятию боевых возможностей вооруженных сил мы на дипломатическом фронте стремились побудить империалистические агрессив-

ные страны признать формулу мирного сосуществования. Мы предлагали сесть за стол и договориться с тем, чтобы не допускать конфликтов, провести разоружение, а на первых порах — сокращение вооружений. Я считаю, если искренне страны хотят договориться о мирном сосуществовании, то следует вывести войска с чужих территорий в пределы национальных границ. Это прежде всего, а потом приступать к сокращению вооружений.

Это не так легко. На одной из бесед с Эйзенхауэром во время моего визита в США, тогда при разговоре присутствовал министр Диллон, я выдвинул вопрос о мирном сосуществовании.

Диллон мне поставил вопрос в лоб:

— А что такое мирное сосуществование?

Вопрос дерзкий, и его направленность мне была понятна: столько лет мы твердим о мирном сосуществовании, а он даже не понимает, что это такое, в упор не видит. Это означало нежелание нас понимать, нежелание считаться с нашим предложением. Другими словами, ставится вопрос о соревнованиях на поприще вооружений и, возможно, решении спорных вопросов путем войны. Вот так относились наши противники к мирному сосуществованию. И эти противники на всех парах вели работу по созданию самого современного и самого ужасного вооружения — термоядерного. Они создали союз империалистических держав, направленный против Советского Союза и других стран социализма.

Раз они не принимали формулы мирного сосуществования, мы пытались ответить соответственно. Мы не могли даже договориться о том, чтобы сесть за стол переговоров, не то что о постепенном разоружении и хотя бы первых шагах в этом направлении. Нам пришлось со своей стороны сделать все, чтобы силе противопоставить силу. Тогда возникла мысль, я сейчас не помню, кому принадлежала эта идея, договориться с социалистическими странами объединить наши вооруженные силы и создать общее командование. Разногласий по этому вопросу не возникло, и мы поручили министру иностранных дел подготовить соответствующее предложение. Министром иностранных дел тогда был Молотов. Через какое-то время Молотов представил свои предложения. Я не помню сейчас деталей этого документа. По-моему, разных точек зрения не было, за исключением одной.

В этом проекте отсутствовали Германская Демократическая Республика и Албанская Республика. Они не включались в объединение вооруженных сил социалистических стран. Китай и Корея тоже не включались, это понятно, они расположены на Востоке, а имелось в виду создать объединенные Вооруженные Силы социалистических стран, направленные против Запада. Здесь накопилось наибольшее количество политического горячего, трение могло вызвать искру и взрыв.

Спросили Молотова:

— Почему вы не включили Германскую Демократическую Республику и Албанию?

Я не помню сейчас, уж много лет прошло, кто первым поднял этот вопрос, но недоумение было единодушным.

— Пока нет мирного договора с Германией, германский вопрос не решен, — Молотов дал такое объяснение. — Поэтому включать Германскую Демократическую Республику в военный союз не следует. Может возникнуть столкновение на этой почве.

И я, и другие — мы были удивлены. Мы же объявим об этом, это же не секретный договор. Отсутствие ГДР среди участников договора послужит сигналом, намеком на то, что мы готовы договориться с Западом за счет интересов немецкого народа Германской Демократической Республики. Вместо того чтобы воспрепятствовать столкновению, призовем агрессивные силы к действию, к нажиму на нас. Это невозможно, мы решили, что Германскую Демократическую Республику надо включить в договор, она имеет такие же юридические и прочие основания на существование в форме государства социалистического типа, как при содействии Соединенных Штатов Америки созданная Федеративная Республика Германии на капиталистической основе. Она находится в орбите империалистических держав Запада, ведет политику, направленную против стран социализма.

Я не помню, какие Молотов приводил аргументы в свою пользу. Он, видимо, их приводил, потому что он был человеком, который всегда отстаивал свою точку зрения и, другой раз, довольно грубо отстаивал. Так произошло у нас первое столкновение с Молотовым. Тогда наши разногласия не вызвали обострения, во всяком случае я так понимал. Бывает. Поправили проект документа, обменялись мнениями и решили включить Германскую Демократическую Республику.

Следующим встал вопрос об Албании. По Албании Молотов дал подобное же объяснение: Албания от нас далека, не граничит с Советским Союзом. Албания граничит с Социалистической Республикой Югославией. В глазах Молотова Югославия не признавалась социалистическим государством, Тито и другие руководители — ренегаты и прочее. Мы снова разъяснили Молотову, что обращаться так с албанцами никак невозможно. С Албанией у нас тогда были хорошие отношения. Даже очень хорошие. Мы так понимали тогда: если не включить Албанию в военный союз социалистических стран, то это тоже послужит сигналом Западу о возможности вторжения в пределы Албании и ликвидации там социалистических завоеваний албанского народа под руководством Партии труда. Италия вряд ли бы сама решилась на агрессию, она была слаба тогда, но за Италией стояли Соединенные Штаты Америки и другие капиталистические государства. И по этому вопросу пришли к общему мнению, решили включить Албанию.

Так создавалось Варшавское объединение, как потом его называли. Разные точки зрения в руководстве не означали, что Молотов хотел отдать эти государства на поглощение капиталистическими державами. Нет! Он стоял за социализм. В этом нет и не было никогда сомнения. Он просто неправильно оценивал наши возможности. С одной стороны, он недооценивал наши силы, а с другой — считал, что из-за Германской Демократической Республики и Албании не стоит ввязываться в войну.

Тогда стали решать, где собраться по этому вопросу. Решили собраться

в Варшаве, где и приняли документ об образовании военного союза — Варшавского договора. Мобилизация наших общих сил сыграла свою положительную роль. С этим противник вынужден был считаться. Не сразу, через несколько лет мы предлагали распустить наш военный союз при условии, если страны Запада согласятся распустить союз НАТО. Много раз этот вопрос поднимался и в беседах, и в печати. Но до сих пор он не решен, и когда он будет решен, при каких условиях, трудно сказать.

Возникли внутренние разногласия среди стран социализма, застрельщиком этих разногласий стал Китай, за Китаем пошла Албания. Она и сейчас держится вместе с Китаем, и не только в военных вопросах. Тут главное — политические разногласия. Я сейчас не понимаю, потому что нахожусь на положении пенсионера, какие существуют отношения с Корейской Народно-Демократической Республикой. Тогда Корея метнулась в сторону Китая, и у нас отношения пришли на грань разрыва. Да и не просто на грань разрыва. После создания СЭВа Корея и Китай имели там места наблюдателей. Когда отношения обострились, то они покинули СЭВ. Это говорит о том, насколько наши связи с Кореей висели на волоске. Вот, собственно, такова история возникновения Варшавского военного союза.

Создание Варшавского пакта создало лучшие условия для переговоров. Я считал, что мы все должны добиваться договоренности о разоружении, о сокращении вооружений. Если противная сторона не шла на это, то, по возможности, без нанесения ущерба обороне социалистических стран следует вести сокращение в одностороннем порядке, чтобы не дать противнику возможности без войны экономически истощить Советский Союз. Главное в соревновании двух систем — жизненный уровень народа. Народ — он за социализм, но если этот социализм меньше дает, чем капитализм, то возникает вопрос: что же лучше? Социализм — это не формула какая-то, социализм — это жизнь народа. Социализм должен, и он может, обеспечить хорошую жизнь, потому что в социалистическом государстве заложены основы для того, чтобы поднять жизненный уровень очень высоко. Социализм не должен быть пугалом для рабочего класса и трудового народа капиталистических стран, он должен стать притягательной силой. Для этого необходимо, чтобы социализм поднялся на высшую ступень материального, духовного, культурного, научного и прочего обеспечения запросов человека. Необходимо жить и чувствовать себя человеком. Для этого нужно развивать экономику, науку, культуру и искусство. И мы это старались делать, насколько у нас хватало сил и возможностей.

Я буквально поразился точке зрения Мао Цзэдуна. В те времена у нас были самые хорошие отношения. Он излагал свои взгляды на будущую войну. Первый раз он затронул эту тему, когда мы выступили с Заявлением, поручив его сделать Жукову. Жуков тогда был министром обороны. Затем в своем выступлении я, собственно, повторил его слова. Мы предупредили агрессивные силы, что если какая-либо страна или страны НАТО нападут на любую социалистическую страну, то Советский Союз нанесет ответный удар.

Во время встречи, это было в Пекине, Мао Цзэдун поднял вопрос: «Вот такое-то заявление сделал Жуков».

Хотя я тоже выступал, но он сослался на Жукова. Видимо, это был дипломатический шаг.

— Я, — сказал Мао Цзэдун, — считаю, что это Заявление неправильное.

— Как неправильное? — удивился я. — Если мы не обнаружим нашу позицию, то агрессивные силы могут посчитать, что нас можно уничтожать по частям. Сначала одну страну, потом другую, третью и так далее.

У них даже термин такой появился: «откалывание». Были и другие формулы, их много тогда придумывали. Даллес оказался плодовит, и не он один. Даллес был серьезным противником, он активно и агрессивно проводил политику против стран социализма.

— Товарищ Мао Цзэдун, — продолжал я, — это точка зрения не Жукова, а Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Это — позиция правительства. Мы считаем ее единственно возможной в данном случае.

— Нет, неверно... — упрямо повторил он.

Мао Цзэдун предлагал следующее: главное — сохранить Советский Союз. Это правильная позиция.

— Если нападут на Китай, — говорил Мао Цзэдун, — мы можем воевать с Соединенными Штатами не знаю сколько лет. Мы будем их изматывать в партизанской войне, но мы должны заботиться о сохранении Советского Союза как основной социалистической державы.

— А другие страны? — спросил я.

— Это не имеет значения, — спокойно так произнес он.

— Я с вами вполне согласен, что Советский Союз является стержнем, когда других социалистических стран не было, он оставался единственной социалистической державой, служил притягательной силой для прогрессивных сил других стран, в первую очередь для рабочего класса и трудового крестьянства. Но мы сейчас обладаем такой силой, с которой должны считаться противники. Сейчас мы не остров, окруженный капиталистическим океаном. Мы занимаем довольно прочные позиции. Поэтому мы уже можем и угрожать тем, кто желает навязать войну.

— Нет, — не согласился Мао Цзэдун, — я считаю, что не нужно этого делать. Если начнется война Соединенных Штатов Америки против нас, вы не ввязывайтесь в нее, не вступайте. Мы будем воевать сами, а вы нам поможете оружием и другими припасами.

Это, казалось бы, благородная позиция в отношении Советского Союза, высокая оценка роли нашего социалистического государства. Однако мы считали, что он недооценивает наши силы. Обмен мнениями закончился. В той же беседе Мао Цзэдун сказал еще, что если начнется война против Советского Союза на Западе, то не надо сразу бросать в бой все силы, лучше всего отступать.

— Как это, отступать? — не понял я.

— А что же? Можно отступать год, два, три, — спокойно ответил Мао Цзэдун.

— И куда же отступить? — переспросил я. — Это немыслимое дело. Обречь себя на поражение?

— Почему на поражение? — пришла пора удивляться Мао Цзэдуну. — Отступали же вы к Сталинграду. А потом перешли в контрнаступление и погнали немцев.

— Верно, — согласился я, — так было, но это отступление происходило не в результате стратегического замысла, а вынужденно: мы оказались слабы и не имели возможности остановить врага. Мы оказались недостаточно подготовленными, знали, что война будет, и знали, где она начнется, это не было секретом, но это уже другой вопрос. Это — вопрос о Сталине, о его ошибках, о его ответственности, о его преступлениях перед народом. Он уничтожил кадры. Это явилось причиной отступления, а не стратегия заманивания, как некоторые хотели бы изобразить: вот, Кутузов заманивал Наполеона в Москву, а Сталин туда же заманивал Гитлера. Нет! И Кутузов не заманивал Наполеона в Москву, а вынужден был отступить. Мне сейчас высказываться по этому вопросу нет нужды. Лучше почитать «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого. Но войну с немцами, с Гитлером, я испытал на своей шкуре. Я ждал, потому что мы даже знали, когда этот первый выстрел будет произведен: в 3 часа 22 июня 1941 года. Я сидел в Центральном Комитете и ждал, когда начнется война. Нас предупредил перебежчик. Война действительно началась в этот день и в эти часы. Это было воскресенье. Мы надеялись, что война пойдет по-другому. Мы думали тогда, что Советский Союз подготовлен и гитлеровская армия будет остановлена, и не только остановлена, а разбита на границах Советского Союза. Мы так думали, а на деле получилось иначе. Мы заплатились миллионами жизней. Сейчас планировать, что в случае войны против Советского Союза мы будем три года отходить, никак невозможно. Это невозможно.

— Ну, — гнул свое Мао Цзэдун, — к примеру, вы отойдете за три года к Уралу, а Китай тогда вступит в войну.

Я смотрел и не понимал, он шутит или говорит серьезно. Нет, он это говорил серьезно, был, видимо, убежден в правильности своих мыслей.

— Товарищ Мао Цзэдун, — попытался разубедить его я, — теперь война будет протекать не так, как во времена Второй мировой войны. Тогда ядерного оружия не было. Оно появилось у американцев только на завершающем этапе войны против Японии. Мы еще не вступили в войну с Японией, а американцы уже взорвали свои атомные бомбы над японскими городами Нагасаки и Хиросимой. А теперь армия Соединенных Штатов насыщена атомным оружием, и у нас это оружие есть. Мы форсируем его накопление. Война, вероятно, начнется не на границах, а с разрушения административных и промышленных центров. Никак нельзя в современных условиях избрать такую тактику. Мы убеждены, что мы можем разгромить противника, хотя и сами получим большие разрушения, потому что противник силен, и мы понимаем и правильно оцениваем его возможности. Но и у нас такие возможности тоже есть, в меньшей степени, но есть. Мы делаем все, чтобы накопить эти средства и иметь возможность нанести своим противникам такой же урон.

Потом мы эту возможность получили. Путем экономии, путем подтягивания животов, но народ нас понимал и считался с необходимостью затрачивать необходимые средства на вооружение армии, чтобы наша страна была бы неприступной, и тем самым мы исключали войну из арсенала политики.

В этом вопросе мы остались каждый при своем мнении. Это был вольный обмен мнениями, мы не на конференции обсуждали, где необходимо принимать решение. Нет. Это мы сидели на воздухе или, может быть, даже лежали. Был такой случай, когда я находился в Пекине, — мы купались в бассейне, отдыхали и вели политические разговоры.

Это очень характерная точка зрения для Мао Цзэдуна.

Во время другой встречи Мао Цзэдун опять подбросил военную тему. Он вроде размышлял вслух, а потом обратился ко мне:

— Если окинуть взором будущую войну, то как вы ее себе представляете? Сколько дивизий может выставить Америка?

Его манера говорить напомнила мне Сталина. Сталин тоже любил поднимать такие темы.

— Сколько могут Соединенные Штаты выставить дивизий? — спрашивал он, и тут же сам давал ответ: — население у них такое-то, нужно взять такой-то процент, следовательно, Соединенные Штаты могут выставить столько-то дивизий.

Потом он перечислял возможности Англии, Франции и других стран — союзников Соединенных Штатов.

— Сколько дивизий может выставить Китай? — продолжал Мао Цзэдун. — Население у нас такое-то, и мы можем выставить столько-то дивизий. Население вашей страны такое-то, и вы можете сформировать столько-то дивизий. Другие страны социализма могут столько-то.

Он улыбнулся и посмотрел на меня: не понимает Хрущев соотношения сил.

— Очевидно, — сказал Мао Цзэдун, — Соединенные Штаты слабее.

Мне стало даже неловко не то что вести спор, а просто вступить в разговор по этому вопросу. Мне казалось, что это детский лепет какой-то. Я же относился к Мао Цзэдуну серьезно. Как может человек, занимающий такой высокий пост, столько лет воевавший в Китае против китайских реакционеров и японских оккупантов, вдруг подбрасывать такую идею.

— Товарищ Мао Цзэдун, ваш расчет неправильный, — возразил я. — Мы не так подходим к оценке будущей войны. Ведь сейчас не времена Суворова, когда говорили: «Пуля — дура, штык — молодец», когда количество штыков определяло силу той или иной армии. И то Суворов говорил, что не числом надо воевать, а умением. Умением, при том, что средствами ведения войны были: штык, шашка, пушка. А в наш век появилось ядерное оружие. Теперь количество дивизий ничего не решает. Даже когда пулемет появился, центр тяжести переместился с количества дивизий на насыщенность войск пулеметами. Они косили наступающих, как косой. А теперь атомные, водородные бомбы... Сколько будет дивизий, столько же будет пушечного мяса. Достаточно взрыва одной бомбы, и она в огромном радиусе поразит все живое. Мы придерживаемся другой точки зрения, мы по-другому оце-

ниваем будущую войну. Она будет протекать иначе — каждая сторона получает другие возможности истребления противника. Соответственно надо и готовиться. Мы и готовимся: готовим атомные, водородные бомбы, ракеты, форсируем строительство подводного флота и прочих средств защиты и нападения. Потому что защита — это способ удержать противника от развязывания войны. Средства защиты, если противник навязет войну, покусится на суверенитет нашей страны и стран социализма, превращаются в средства нападения, средства его разгрома.

Такие странные беседы... На меня они произвели очень сильное впечатление. Я даже не знаю, какое слово подобрать, чтобы правильно выразить свое отношение: несерьезный, я бы сказал, детский подход. Он измерял соотношение сил по пальцам. Эти времена довольно давно отошли в прошлое. Во Вторую мировую войну, и даже в Первую, уже не исчисляли силу армий штывками. А сейчас? В будущей Третьей мировой войне исчислять силу страны количеством населения — весьма пагубная точка зрения, которая может привести к гибели народа, к гибели страны.

Вот такую точку зрения высказал Мао Цзэдун. Я потом рассказал о ней на Президиуме ЦК, в правительстве. Появился как бы предмет для раздумья: чего добивается наш союзник? А что этот наш союзник претендует на роль лидера, мы уже поняли. Человек, который хочет определять политику социалистических стран и всего коммунистического движения, придерживается такой точки зрения — на наш взгляд, просто детской. Возможно, это произошло потому, что он воспитывался на партизанской войне, где главную роль играли штык и винтовка. Но все-таки он лидер такого крупнейшего государства, как Китай!

Вот такой была точка зрения Китая. За точность изложения я ручаюсь, как верующие говорили: «кладу руку на Евангелие...» Но я — человек неверующий и диктую тоже для людей современных. Я не хочу ни передергивать, ни усиливать, ни ослаблять аргументацию Мао Цзэдуна и мои не возражения, а разъяснения. Я был просто поражен точкой зрения по военным вопросам, высказанной Мао Цзэдуном.

Надо кончать на сегодня. Я уже устал. Сегодня 25 июня — прошло тридцать лет и три дня после начала Великой Отечественной войны. Времена были... Сейчас вспомнишь их, представишь — страшные времена, но мы выжили. Сейчас надо сделать все, чтобы не допустить развязывания войны и не подвергать народы испытаниям Третьей мировой войной, испытаниям, которые принесет война, если не будет найдено разумного решения. А разумное решение — это признание мирного сосуществования, разоружение и даже сотрудничество. Внутренние вопросы должны решаться каждым народом без вмешательства других стран, с соблюдением суверенитета и неприкосновенности границ. Если не признавать этого права за другими народами, то тогда не избежать войны.

Эти вопросы главные. Когда я беседовал с Кеннеди, он поднял вопрос об обеспечении в мире статус-кво, мы и тогда стояли за статус-кво, я и сейчас за него. Только у нас разное понимание статус-кво. Мы против нарушения границ государств, сложившихся после Второй мировой войны. А Кеннеди в статус-кво вкладывал другое содержание. Он считал, что

надо договориться и сохранить статус-кво в мире в части социально-политического устройства государств. Он допускал, что те страны, которые имеют социалистические формы государства, пусть их сохраняют. Но страны, пока стоящие на капиталистических позициях, должны сохранить их. Он предлагал заключить договор, который бы обеспечивал такое положение.

— Господин президент, — сказал я, — от ваших слов пахнет стародавними временами. Были аналогичные примеры в истории: организовывались священные союзы, но что из них получилось? Никак нельзя договориться на основе вашего понимания статус-кво. В этом случае мы должны заморозить социально-политические устройства государств, лишить народы возможности самим выбирать социально-политический строй своей страны. Что же, мы будем воевать против народов, которые захотят изменить его? Мы не можем согласиться, мы — за социализм, мы — за коммунизм! Вы — за капитализм. Пусть народы Америки решают свою судьбу без нашего вмешательства, но и другим народам мы должны предоставить право заниматься своими делами без вмешательства извне.

Я думаю, что и сейчас американцы еще не отказались от точки зрения, высказанной Кеннеди. Подтверждением тому служит война, которую Соединенные Штаты Америки ведут во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, желая сохранить капиталистическо-помещичий строй в этих странах. Они хотят навязать силой народам капиталистические порядки, воюют с народами этих стран. Все народы хотят так строить свои государства, чтобы обеспечивать лучшие условия жизни трудовому народу.

Мы, коммунисты, считаем, что нам лучшие условия предоставляет коммунистический строй, социализм.

Ну, этот вопрос ясен. Я мимоходом повторил свою точку зрения.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

«Это же политика...»

В марте 1953 года Никита Сергеевич Хрущев стал секретарем ЦК КПСС, а уже в сентябре выступил с таким планом подъема деревни, который сделал бы честь (во всяком случае, как первый шаг) любому деятелю того времени.

Готовился этот шаг в привычном аппаратном порядке: без особой огласки, самым узким кругом людей, выбор которых не был вопросом политики или какой-либо борьбы и мог показаться произвольным, — помощники Хрущева Шевченко и Шуйский, руководящие правдисты Шепилов и Поляков, академик ВАСХНИЛ (с 1948 года) Лаптев... По ходу дела они связывались с нужными им учреждениями и организациями, запрашивали те или иные справки, выкладки и разработки. То и дело вызывался начальник ЦСУ Старовский — прибегал маленький, краснолицый, готовый по первому намеру сделать из нуля единицу.

— Владимир Никонович! — укоризненно говорил ему щепетильный Шевченко, новый человек в Москве. — Вы сегодня эту цифру уже четвертый раз исправляете.

— Но я же в лучшую сторону меняю! — Тучный Старовский наливался кровью.

— Мы не собираемся хвалиться нашими достижениями. Нам самим надо все точно знать.

— Понял вас! — Мелкими шажками первый статистик государства пятился к двери, чтобы на следующий день прибежать с новой, еще раз повышенной цифрой.

Работали в здании ЦК на Старой площади, на пятом, хрущевском этаже, где из-за сокращения штата секретарей ЦК сразу после смерти Сталина оказалось много бесхозных кабинетов. В них ничего не меняли, только отключили телефоны. Работали, не считаясь со временем. Шевченко рассказывает, как Буденный однажды явился к нему в шесть часов утра.

— Семен Михайлович, что вы так рано?

— Когда встал, тогда пошел.

— Меня могло не быть. Это хорошо, что я еще не уходил.

— Я знаю, что ты всегда здесь.

Маршал явился защищать свои конные заводы, на которые покушался Хрущев, говоря, что они сидят на шее у государства — не производят собственных кормов.

Прежде всего Хрущеву требовалось разобраться в сталинском наследии. Со времен коллективизации сельское хозяйство не оправдывало даже тех призрачных вложений, которые ему доставались. Машин к началу пятидесятих годов оно использовало больше, чем до второй мировой войны, а продукции давало меньше, чем до первой. Колхозники почти ничего не получали за труд, жили с приусадебных участков. Молоком и мясом с этих же участков кормилась и страна: сельский двор был обязан государству натуральной повинностью, взымали ее около миллиона заготовителей. Что оставалось, колхозник вез на базар: нужны были деньги на уплату податей и выкуп облигаций принудительного государственного займа. Для сбора податей содержался другой аппарат — финансовый. Служащих этого аппарата в моем селе называли финагентами.

Помимо заготовителей и финагентов деревня, ходившая, как и сто лет назад, в домотканом, должна была кормить своих начальников — председателя колхоза, его родственников и приближенных, его покровителей в районе и области, бригадиров, кладовщиков, объездчиков. Все самое хищное, растленное, ленивое, отсидевшееся по дальним и ближним тылам, а то и служившее немцам во время оккупации, оказалось на шее у мужика. Многие деревни попадали в настоящую кабалу к этим «проходимцам с партийными билетами», как писал Валентин Овечкин в «Районных буднях» — книге, которую Хрущев знал и одобрял, ее читал ему по вечерам Шевченко.

Раз приусадебное сельское хозяйство служило после войны основным источником продуктов, оно, казалось бы, должно было быть в особой чести у государства. В действительности было иначе. Сук подрубался так безоглядно, как бывает только в тех случаях, когда что-то делается из высших соображений. Размеры участков строго ограничивались, колхозник не мог держать больше одной коровы, податью облагалось каждое плодородное дерево. «У тебя хороший сад», — сказал Хрущев сестре-колхознице, приехав после войны в родные места под Курском. «Осенью вырублю», — ответила она. — За яблоки нечем платить».

С этим сельским хозяйством надо было что-то делать, с этими колхозами надо было что-то решать. Распустить? Такая мысль не была тогда необычной. С нею многие прошли войну, партизаны выходили с нею из лесов — с надеждой, что колхозы вот-вот будут распущены. Я сам в детстве слышал у себя в селе от уцелевших фронтовиков, что Сталин обещал это союзникам за помощь в разгроме Гитлера. Эти слухи разносили по селам нищие и странники-инвалиды. Обличительные стихи о сталинских колхозах слагали сельские блаженные — поэты. Одного такого я встречал уже в 1958 году в Северном Казахстане, он вез меня, корреспондента, на санях из райцентра Ерментау в совхоз «Тургайский» и всю дорогу выкрикивал на украинском языке сочиненные им в подражание «Кобзарю» вирши про страдания колхозного народа под властью дар-

моедов и держиморд, и первого из них — Сталина. Мысль о роспуске таких колхозов была настолько обычная, что нашла отражение в первом же честном послевоенном произведении русской литературы о деревне — в «Районных буднях» (1952) Валентина Овечкина. Один демобилизованный офицер, сказавший за столом слово в пользу раздачи земли мужикам, был вызван на дуэль другим, убежденным коллективистом. Хрущев, как и сам бывший коммунар Овечкин, сделал бы то же самое. Он думал не о том, как распустить доставшиеся ему от Сталина колхозы, а о том, как их укрепить.

Предложенные им меры были просты, всем понятны: больше платить колхозам и колхозникам, дать им хоть немного воли, снизить налоги. Слово о материальной заинтересованности было первым, которое произнес Хрущев, став у руля. Одно это слово потрясло страну: заколебались сталинские устои, ересь, гнездившаяся в тайниках умов, захватывала престол. Если стране нужен хлеб, то колхозникам надо платить. Вся премудрость, но в ней было начало новой жизни. Что власть не заинтересовывает и никогда не будет интересовывать, что власть только погоняет и отнимает и всегда будет только погонять и отнимать, до сих пор ведь само собой разумелось для всех сверху донизу, для всего народа. Хрущев первый сказал то, что все знали, но о чем нельзя было даже думать: что люди в селе живут плохо, бедно, униженно, хуже и униженнее, чем в городе, замучены налогами и поборами, что в колхозах народ не хочет работать и жить, уклоняются и разбегаются несмотря на то, что им, лишенным паспортов, предписана оседлость. Он стал хлопотать о смягчении законов и порядков, о том, как облегчить жизнь людей. От него пошли не новые притеснения, а первые послабления, он обещал не кары, а милости. В глазах многих его доброжелателей все затмил пятьдесят шестой год, когда он выступил с разоблачением Сталина. Некоторые думают и сейчас, что это первое и единственное, чем он отличился. Нет, первое, чем он отличился, — сказал правду о бедственном положении деревни и кинулся ее выручать.

Результаты новой, хрущевской политики в деревне сказались сразу. К пятидесяти шестому году сельское хозяйство набрало небывалую скорость. До Хрущева прибавки в урожаях измеряли килограммами, десяток кило в год считался успехом. При Хрущеве во многих местах счет пошел на центнеры. На Украине за одну зиму (1955/56) удои выросли в два раза по сравнению с предыдущей зимой, в стране — на 65 процентов. Такого роста не имели за все годы советской власти, радовался Хрущев. За эти три года тысячи колхозов и совхозов в два раза, а многие в три раза увеличили производство молока и мяса. Хорошее начало, товарищи!

С мстительным чувством он вспоминал свои недавние сражения с такими людьми, как Молотов и Маленков. Сильные и опасные уже самими своими фамилиями, они и слышать не хотели о демократизации, в том числе и хозяйственной, считая, что ослабление нажима вызовет упадок дисциплины, а значит, и производства. Его планы им казались прожектерством. Он, например, намечал увеличить удои молока на 600 с лишним литров за шесть лет, они возражали. Это было перед январским, 1954 года, Пленумом ЦК, где он собирался выступать с докладом. «У нас

были споры... Меня некоторые люди предупреждали тогда по дружбе, как докладчика: «600 — это много, можно сесть в лужу. Лучше взять меньше. Сколько лет прошло, а прибавки по надюю не имелось». Прибавка в 600 литров была достигнута не за шесть лет, а за три года. «Что же теперь сказать этим друзьям? Кто сел в лужу? Они сели в лужу». Гордость его в те первые, лучшие его годы была бесхитростной, привлекательной. «Признаюсь, что питаю какую-то слабость к сельскому хозяйству, — говорил он в декабре 1956 года на митинге по случаю награждения Московской области орденом Ленина. — Сам я рабочий, а вот жизнь заставила... заниматься сельскохозяйственным производством. И горжусь тем, что это не прошло безрезультатно, что в ваши успехи вложена крупица и моего труда».

За первые пять лет его пребывания во главе страны заготовки мяса в общественном хозяйстве выросли на 162 процента, молока — на 205, зерна — на 189.

Ему показалось, что дальше будет еще лучше, что можно достичь большего. Для этого надо прежде всего повсеместно внедрить кукурузу. Еще в тридцать девятом году, вернувшись из своей первой поездки в Америку, о ней ему рассказывал Микоян: они много используют кукурузы, скот кормят и сами едят. Носят ее, как семечки, в карманах и щелкают, зерна распушены, называется — кукурузные хлопья. Через десять лет она спасла Украину, а вместе с нею и самого Хрущева, бывшего там первым секретарем ЦК, от катастрофы. Убедившись, что пшеница ничего не даст (все сгорело почти сразу после сева), он — по совету умных мужиков — налег на кукурузу. Занять ею велел ни много ни мало — два миллиона гектаров. Сажать обязал только квадратами, потом обработать их в двух направлениях культиваторами. Было забыто, отложено все. День и ночь в колхозных плотницких мастерских изготавливались ручные кукурузосажалки-хлопушки, бригадиры нахлестывали лошадей, носясь от хаты к хате и выгоняя все живое в поле. Урожай составил 40 центнеров с гектара, зерновой план был выполнен.

В постановление январского, 1959 года, Пленума ЦК был вписан пункт: считать распространение кукурузы важнейшей задачей партии. Тогда же Хрущев первый раз погрозил пальцем тем, кто в ответ на его гимны кукурузе аплодирует, а сеет ее мало, для отвода глаз, как бы говоря: «Отстань только от нас!» И начал упорно, методично — но быстро, быстро! — поднимать границу кукурузного пояса на север от старой линии Киев — Сумы — Харьков — Ростов. Сначала до Орла (как он был взбешен, когда в ответ на первый его призыв в Орловской области — в целой области с половиной миллиона гектаров пашни — кукурузой засеяли 200 гектаров!), а потом до Москвы и далее. «В этом году мы обязательно вырастим кукурузу в Якутии, а может, и на Чукотке. Картофель там растет? Растет. Думается, что и кукуруза будет расти». Когда кукурузный пояс захватил по его воле и зону белых ночей, Никита Сергеевич решил, что с кормовой базой теперь будет все в порядке, и обратил свой взор в сторону Америки.

Незадолго до этого из Америки вернулся Мацкевич, ездивший туда во главе делегации из 12 человек. В США они провели 40 дней, из них 12 — в штате Айова. Мацкевич вел подробный дневник, записывал каждый

шаг: где были, что видели, с кем говорили. На основе этих записей он по возвращении в Москву сделал обстоятельный доклад Хрущеву, а на основе доклада — книгу. Автобус, в котором сорок дней носились по Америке Мацкевич и одиннадцать его спутников, — это был котел, в котором варилось почти все, с чем потом выходил на люди Хрущев. Он их отбил, напугивал, получал от них справки и заключения. Кругозор, понятия и взгляды команды Мацкевича — это, в общем, кругозор, понятия и взгляды Хрущева.

Что же они видели в Америке? Как советский министр сельского хозяйства Мацкевич объяснял успехи американского сельского хозяйства?

На первое место он ставит «хорошие природно-климатические условия». На второе — то, что «на территории США почти 100 лет не было войны». На третье — то, что сельское население Америки составилось из «энергичных и предприимчивых людей из многих стран. Эти люди не боялись трудностей», они «обогадили Америку лучшими достижениями своих стран». На четвертое — то, что «сельское хозяйство ряда районов США было свободно от пут крепостничества», замедлявших развитие других стран, в том числе и России.

«Таковы условия, так сказать, естественноисторического порядка», — пишет он.

Однако особое внимание Мацкевич хочет привлечь к условиям другого порядка, к тем, которые зависят от людей. Это, во-первых, специализация и непрерывное укрупнение производства. Много выпускается машин, хорошо поставлено материально-техническое снабжение ферм; результаты, признаки, психология специализации поражали его на каждом шагу. 24 июля вечером фермер с женой поехали в город, где хозяйка покупала продукты, в том числе картофель и лук; это ей выгоднее, чем тратить труд на их выращивание. Что там картофель и лук! «Трудно разыскать фермера, который, имея 800 — 900 голов мясного скота, имел бы хоть одну или две молочные коровы. Он предпочитает даже для себя покупать два-три литра молока, чем затрачивать время на ручное доение одной коровы».

На второе место Мацкевич ставит рациональную систему агрономического обслуживания. Агротехнику разрабатывают не в Вашингтоне или Нью-Йорке под неусыпным наблюдением высшего политического руководства, а в глубинке — главным образом в колледжах и на опытных станциях. На третьем месте — широкая механизация. О решающем факторе — об «экономии труда» — он говорит в последнюю очередь (хоть слово «решающий» — его, Мацкевича) и тут же заверяет, что перед лицом «непреодолимых противоречий капиталистического хозяйства» он еще лучше осознал «огромное преимущество» социалистического. Короче, «то, на что американцам требовались десятилетия, мы можем пройти и пройдем за немногие годы».

Тогда часто встречались эти слова: «за немногие годы», «в короткий срок». Произносили их не только в порядке ритуального словоблудия. Короткие сроки закладывались в планы. Идеология и практика скачков была еще живой, действующей силой. Когда говорилось, что мы едем в Америку учиться, само собой разумелось: учиться, чтобы начать тягаться

ся немедленно и на равных. И ни с кем кроме Америки, ни с кем, кто меньше, слабее. Мы — и Америка, только так. Призыв в три года догнать Америку возник не в бреду и не на пустом месте. Хрущев с этим призывом был не выше и не ниже своего окружения. Одно мышление, одна психология. Какие бы чудеса ни видел ты на Западе — не унывать. Полная механизация? Ну что ж, «в нашем крупном социалистическом сельскохозяйственном производстве имеется возможность лучше использовать тракторы, комбайны и другие машины, чем в США. Выработка на трактор в наших МТС и совхозах значительно выше, чем на американских фермах»...

К первому заявлению Хрущева насчет Америки: «Мы вступили в соревнование с самой богатой капиталистической страной мира... Нам надо крепко поработать... Мы должны...» — в стране отнеслись с привычным пониманием: он первое лицо, его дело воодушевлять народ, поднимать социализм и принижать капитализм, — прочитали и забыли.

Запад на слова человека, который только что развенчал Сталина, обратил чуть больше внимания. Они вызвали там легкое недоумение, в газетах промелькнуло что-то о «красном прожектерстве», но тоже вряд ли кто подумал, что заявление Хрущева не пропаганда, что на глазах у мира начинается крупнейшая советская хозяйственно-политическая драма середины века.

Мимолетные насмешки Запада не остались незамеченными. Хрущев был задет. Он был очень чувствителен во всех случаях, когда, как ему казалось, проявлял неуважение к Советскому государству или к нему лично, и старался не давать поводов для насмешек. Ему было неприятно, что советские люди одеваются хуже, чем какие-нибудь французы, он часто об этом говорил в своих выступлениях, заверяя, что это временное явление. Его беспокоили наиболее уязвимые из наших порядков, за которые то и дело приходилось оправдываться. Диктуя — уже пенсионером — свои воспоминания, рассказывал, как боролся «в коллективе, с которым работал», за то, чтобы советские граждане могли свободно ездить за границу («Я считаю: это невероятно — после пятидесяти лет держать рай под замком»), был очень доволен, когда пошел навстречу пожелавшему остаться в Лондоне пианисту Ашкенази, женатому на англичанке («Я говорю: давайте так. Дать ему паспорт... И он может с этим паспортом, значит, всегда приехать в Советский Союз и выехать из Советского Союза тогда, когда он захочет»), гордился, что стал пускать за границу Плисецкую и Рихтера (о Рихтере перестраховщики каркали: мол, не вернется, у него мать в Западной Германии), особой своей заслугой считал то, что не побоялся послать в Англию сверхсекретного академика Курчатова. Задетый насмешками «капиталистов», он решил на всякий случай проверить — велел своим экономистам прикинуть, когда может быть достигнута объявленная им цель. Экономисты ответили: в 1975 году. Именно к тому времени СССР, двигаясь нынешними темпами, увеличит производство мяса в 3,2 раза и сравняется с американцами. Само собой при этом разумелось, что США будут стоять на месте.

На дворе был пятьдесят седьмой. Увидев, что отвертеться не удастся, что придется-таки ее сеять, обкомы-райкомы уже год как взялись за дело

по-настоящему. О ходе посевных работ докладывали, как о боевых действиях, о получении идеальных квадратов — как о взятии городов. Из Удмуртии приехал Воробьев, первый секретарь обкома, привез сноп кукурузы выше себя, собственноручно втащил его в кабинет под настороженно-недовольными взглядами охранников. Хрущев обласкал гостя, потом вызвал помощника — диктовать ему свежий пример в свою предстоящую речь. Большинство речей Хрущева — это, кстати, действительно его речи, он сам их предварительно наговаривал, а если не было времени составить цельный текст, выходил на трибуну с карточками-заготовками: тезис, пример, вывод. «Я стал его сдерживать, — вспоминает Шевченко. — Об Удмуртии, мол, говорить не следует. Он перебивает: вы там были? Я, говорю, там не был, но знаю, что собой представляет эта зона. Тепла недостаточно. Он сердится: вы там не были, а Воробьев в Удмуртии секретарь обкома, он мне образец привез». Делом, тоже доставкой образцов в Москву, откликались Чита и Улан-Удэ, Архангельск и Вологда. Замечательную новость привез из командировки в Ивановскую область один ближайший соратник, сиял, сообщая: «Знаете, как уже зовут кукурузу в народе? Кукуруза Никитична!» Все это обещало горы кормов, и Хрущев решил бросить своим осторожным экономистам исторический вызов. Они говорят о семьдесят пятом годе — в ответ он произносит слова, от которых десятку понимающих людей в стране становится страшно: «В ближайшие годы».

Ни в коем случае не быть голословным! Он делает расчеты. До сих пор были такие-то темпы роста, темпы замечательные, такие, в которые не верили всякие Молотовы-Маленковы. Ускорить их можно таким-то увеличением производства кормов, среди которых ведущее место должно принадлежать кукурузе на зерно и силос. Огласив свои расчеты (производство мяса должно быть увеличено весьма, конечно, значительно, но не в десятки все же раз), он восклицает: «Можем ли мы взять этот барьер? По-моему, можем и возьмем его, да еще и дальше шагнем».

Еще и тут он мог остановиться, сказал — и ладно, и пусть люди работают. Но человек дела, великую задачу он должен был немедленно ставить на практические рельсы. Не быть болтуном. «Думаю, что нам сейчас не стоит называть год, когда мы должны решить эту задачу. Пусть руководители республик, областей, колхозники, работники совхозов сами подсчитают...» И тут еще мог остановиться... «...и заявят через печать, когда они смогут решить данную задачу». Он начинал кампанию! «Нет сомнения, что это движение получит поддержку всего народа. Но нам надо уже сейчас немножко помочь людям раскататься, вызвать азарт».

В порядке помощи он подзаводит своих слушателей — рассказывает о людях, которые «бумагу дали, печать приложили», что догнать американцев раньше семьдесят пятого года нечего и думать. Как только он назвал этот год, в зале грохнул смех. Зал — несколько сот лучших специалистов, съехавшихся на зональное совещание в Ленинград, цвет русского Северо-Запада — был вместе с ним уверен, что смеяться есть над чем. В два-три года провести коллективизацию, за какой-то десяток лет индустриализацию, а теперь два десятка лет догонять Америку по мясу?! Эти экономисты, наверное, просто безграмотные люди... Нет,

«с точки зрения арифметики тут нет никакой ошибки, — возражал своим слушателям Хрущев, — все доказано». В этом смеющемся зале он был самым трезвым человеком, не будем этого забывать, чтобы лучше понять, на какой почве он вырос! «Но, товарищи, надо же понимать, какие сейчас силы накопились у нашего народа... Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз. В какие же арифметические расчеты можно все это уложить? Это же политика (разрядка моя. — **А. С.**), это же политическое явление... Сила колхозного строя, патриотизм советских людей, социалистическое соревнование позволяют нам решить эту задачу в ближайшие годы».

И в мыслях не имея взрывать Запад тем способом, какого он, Запад, временами, похоже, всерьез боялся, Никита Сергеевич не скрывает своих упований на другой путь: «Если мы догоним США по уровню производства на душу населения мяса, масла и молока, то мы выпустим сильнейшую торпеду под капиталистические устои».

В зале, где еще не успел затихнуть смех по адресу пораженцев-экономистов, раздались аплодисменты.

Хрущев знает, к кому он обращается в первую очередь. Это секретари обкомов и райкомов. Они лучше всех видят ловушки, которые он составляет для них. Во-первых, не выйдет отмолчаться. Во-вторых, учитывая урок этих несчастных экономистов, не прибежаться, обязываться на полную катушку, делу ведь придется политическое значение, на повестку дня ставится быстрая и окончательная победа над капитализмом. Не мелочиться!

Бурными аплодисментами в зале, ликованием по всей стране было встречено его сообщение, что он решил вскорости, с первого января пятьдесят восьмого года, отменить обязательные поставки продуктов с дворов колхозников и распустить почти миллионную армию дармоедов-заготовителей. Продуктов они собирают немного, объяснял он, в иных местах больше съедают, чем собирают, а возни с этой продукцией много и много конфуза опять же перед Западом, где смеются над бесплодным колхозным строем. «Этот клин мы выьем теперь из рук противников. Мы, товарищи, этим самым показываем силу нашей партии, силу идей марксизма-ленинизма». Идеи идеями, а в жизнь сельской семьи это решение вносило и впрямь большие перемены. Снятие с нее груза натуральной повинности сразу делало ее свободной в выборе своих хозяйственных решений, теперь человек хоть у себя на усадьбе становился более-менее свободным хозяином.

Раскачал!

Проверив свои расчеты на людях бедного Северо-Запада и встретив такую поддержку, Хрущев смело вышел с ними на юбилейную сессию Верховного Совета СССР, посвященную сорокалетию советской власти. Догнать в ближайшие годы США — это становилось, таким образом, официально утвержденной хозяйственно-политической задачей страны.

Сразу после праздника, выступая в Киеве, он сказал: «Вам, товарищи украинцы, надо не только догонять, а значительно перегонять США по производству продуктов животноводства. Может быть, в два раза, а может быть, и больше».

И в этом зале звучали бурные аплодисменты.

Запад, занятый своими кризисами, пожимал плечами.

В юбилейном году не осталось, наверное, колхоза и совхоза, который не объявил бы своих намерений (и, конечно, выкладок) в отношении Америки. Той осенью я начинал работать в газете (районной, на целине), и главное, очень, надо сказать, непыльное мое дело было ездить по совхозам и привозить в блокноте «статьи» директоров о том, когда они, по их расчетам, ее, проклятую, догонят. Хрущев, читая похожие статьи в «Правде», «Известиях», «Сельской жизни» — и где только, будучи первым и самым усердным в стране потребителем такой литературы, он их не читал! — был так доволен активностью и творческим размахом низов, что однажды даже поворчал: «Иной работник в болото залез, никак не выберется, а кричит, что он тоже догоняет Америку».

Он-таки раскачал их!

Он особо заботился о том, чтобы в народе, решившем ее догонять, не было недостатка в хорошей патриотической злости. Образ врага создает не мудрствуя, использует привычные краски, усиливая только то, что дядя Сэм страшно встревожен. «Теперь империалисты думают о том, что нужно сделать, чтобы не дать возможности Советскому Союзу опередить США. Ничего вы, голубчики, не сделаете... Коммунизм будет господствовать на всем земном шаре».

В конце 1959 года Хрущев сообщал на Пленуме ЦК, что государственные закупки мяса в колхозах и совхозах увеличились на 36 процентов. Но это что! «Мы перегнали США по производству масла на душу населения». Знал ли он, что американцы намеренно, по советам врачей, стали отставать по маслу, переключаясь на маргарины? Говорил ли ему кто-нибудь, что первые успехи в гонке сильно связаны с тем, что колхозы и совхозы скупали скот у населения, а также, не думая о завтрашнем дне, пускали под нож недокормленный молодняк? Не исключено, что и знал, и говорили, но какое это имело значение? Народу нужны победы. Без победы не должен проходить ни один день. Только победы объединяют народ, как нам, литераторам, скажет через 30 лет один партиец рангом чуть-чуть ниже Хрущева, собрав нас, чтобы грозно спросить, долго ли мы еще будем писать о закупках хлеба у американцев: «До каких пор вы будете внушать народу низкое мнение о самом себе?» Только победы объединяют, только они, и Хрущев все отмечает и отмечает: то «большой трудовой подвиг работников сельского хозяйства Рязанской области», продавшей государству 100 тысяч тонн мяса вместо плановых 50 и обязавшейся в следующем году выполнить три плана, то Тульской, то Липецкой. Он уже считает возможным даже американцев помянуть миролюбиво-снисходительно: «Думаю, что американцы на нас не имеют права за это (за наши успехи. — **А. С.**) обижаться. Ведь оттого, что мы их перегоним, превзойдем по производству продуктов животноводства, у них никаких царапин и синяков от этого не будет...»

Отчасти это, впрочем, наигрыш, потому что не везде так ладно, как у рязанцев, отнюдь. Брянская область, например, обязывалась продать 51 тысячу тонн, а продала 21 и — что тревожно — меньше, чем в предыдущем году, когда было 24. И таких областей немало. Если так пойдет у всех, предупреждает он, то «мы не только не обеспечим страну продуктами сельского хозяйства, а проедем то, что имеем». Зачитывает письма с Дальнего Востока, где к его приезду в магазинах появилось мясо, а потом опять исчезло, говорит об ухудшении снабжения молоком и мясом в Харьковской, Днепропетровской, Гомельской, Ростовской, Челябинской областях, в Грузии и Казахстане. Американцев по маслу перегнали, а из Омска ему пишут: нет масла в магазинах, нет.

Здесь он впервые не очень громко призывает не брать обязательства с потолка.

Меняется, делается неровным тон, каким он говорит о кукурузе. Хрущев уже знает, что для обкомов-райкомов важно одно: чтобы она была посеяна. Рапортуют о квадратах, а в действительности сеют кому как вздумается, поля зарастают сорняками. Громадный опыт очковтирательства плюс крестьянская сметка нашли выход: погибшую под сорняками кукурузу стали показывать в отчетах как использованную на выпас. Вручая рязанцам орден Ленина, он еще сравнивает ее с танком: «Кукуруза, товарищи, — это танк в руках бойцов, я имею в виду колхозников...» Но в Ростове уже заявил прямо: кукуруза должна давать 200—250 центнеров зеленой массы с гектара, иначе ее невыгодно сеять. Лучше «сначала научиться ее выращивать, а пока сеять другие кормовые культуры, хорошо освоенные колхозами... Некоторые могут сказать: что же это вы отбой бьете... Нет, товарищи, это не отбой. Я считал и считаю кукурузу королевой полей... Но если кто не умеет, как говорится, жар-птицу ловить, пусть держится за мокрую курицу, и то польза будет в хозяйстве... Народная поговорка гласит: «Насильно колодец рыть — воды не пить».

Он все чаще показывает «кузькину мать» угодникам, ловкачам, бездельникам, но зерна в стране по-прежнему не хватает, ожидаемого роста валовых сборов нет. Где же брать зерно? Как? Созывает совещание руководителей европейских соцстран. Он смущен, но откровенен и тверд. Советский Союз почти не отказывает в зерне тем, кто просит, а просят все, просят даже некоторые из тех стран, которые еще недавно сами вывозили его. Теперь же, ввиду ожидающихся в СССР больших приростов за счет кукурузы и целины, эти друзья, видимо, сочли, что нам скоро некуда будет девать своих урожаев, и решили нам помочь. О нехватке Хрущев помалкивает, толкует о резервах: «Нам нужны большие резервы». Ему крайне желательно, чтобы братья «считались с нами, не проявляли бы настойчивости, упорства, с которыми другой раз встречаемся с вашей стороны, не предъявляли бы таких требований, которые нам обременительны для выполнения». Продовольственное зерно он обещает и впредь, а что касается фуражного, то есть кукурузы, просит извинить, понять, что «резервы Советского Союза — это не только наши резервы, они являются, как показал опыт, и вашими резервами». И недвусмысленно дает «дружеский совет и пожелание — надо создавать у себя какие-то резервы, потому что жить вам без резервов и надеяться

только на наши резервы нелегко, это создает большие трудности и для нас, и для вас».

Отказывая им в фураже, он дает то, что стоит дороже всего, — совет: сесть на такого же коня, какого вслед за американцами оседлали советские колхозы и совхозы. «Кукуруза — это самое мощное, самое сильное средство подъема животноводства». У него был один очень интересный пример. Однажды, будучи в ГДР, встретился с лидером Христианско-демократической партии Отто Нушке, с интересом узнал, что этот верующий восточный немец — самый настоящий единоличник, имеет свое хозяйство. Тут же, естественно, стал агитировать его, чтобы он посеял кукурузу. Немец отвел глаза: «Сеем». Но не на того напал. «Нет, давайте посеем у вас так, как мы сеем». Вырвал и обязательство — не меньше пяти гектаров. Вернувшись в Москву, призвал помощника и велел собираться в Германию на сев. К появлению у него на хуторе расторопного Шевченко с русскими семенами немец передумал — дал ему для его забавы только полгектара, самый плохой клочок. Шевченко свое дело знал, с заданием международной важности справился успешно: в его квадратах кукуруза вымахала на три метра. Высокопоставленный единоличник обрадовался, кинулся звонить Хрущеву: не подбросит ли он семян и на следующий год? «На сколько гектаров?» — спросил Хрущев, ликуя. «Шлите больше, семена нужны не только мне, господин Хрущев, — соседи тоже хотят сеять». Ради этого стоило жить... Он смело призывает не церемониться с крестьянством: «Мы действовали главным образом способом убеждения людей, показывали на конкретных примерах выгоду этой культуры. Но когда интересы дела требовали, то кое-кого и понуждали заниматься кукурузой».

Он настойчиво, уже, пожалуй, нервно ищет резервы кормопроизводства. Вот Украина. Она сеет 10 миллионов гектаров кукурузы. Что если найти три миллиона гектаров там, где больше осадков, и поставить целью собирать не меньше 50 центнеров с гектара? Это же будет 900 миллионов пудов! Украина тогда сможет только за счет этих трех миллионов гектаров выполнять свои нынешние планы продажи зерна государству. Да, это выход. Хотя... Черт знает что: кукурузы сеют все больше, а сборы зерна в стране не только не растут, а начинают снижаться. Что-то надо делать еще. Но что? «Хорошо бы бросить клич от имени партии и правительства к колхозникам, рабочим совхозов, механизаторам и специалистам по этому вопросу, чтобы лучшие люди взяли на себя выращивание кукурузы».

Да, лучшие люди — вся его надежда теперь, как и всегда, только на них. (В США кукуруза дает 50 центнеров зерна с гектара, на этом зерне производят центнер мяса на душу населения. Так много там, видимо, лучших людей, смеялись мы над ним, читая его речи.) Семь лет он продвигает кукурузу, а такой рычаг упускал из виду. Клич. Именно клич! Клич-почин. Два взаимно дополняющих друг друга подлинно социалистических средства. Чего можно добиться этими средствами, показывает освоение целины, все отдают ему должное, даже, кажется, недруги. При нашей системе, с нашим замечательным народом надо смело идти по пути организации патриотических призывов и начинаний, это дает

большую экономию финансовых ресурсов и выигрыш во времени... Бросив клич, непременно проследить, чтобы повсюду стали создавать звенья, а в тех звеньях было бы больше членов партии и комсомольцев. Некоторые пусть так и называются — комсомольские или комсомольско-молодежные.

И вот еще что: не забывать, что даже самому лучшему человеку не может повредить некоторое материальное поощрение. Надо особо платить за получение точных квадратов. Он уже как-то высказывался по этим вопросам. Где-то, помнится, советовал оплачивать труд сеяльщиков в зависимости от густоты стояния растений на момент уборки. Где-то указывал и на важность материальной ответственности: «Если механизатор посеял кукурузу плохо — подсчитайте пустые места, уточните, сколько оказалось пустых гнезд, и удержите с него за это, чтобы другим бракоделам неповадно было». (Одни сеют, другие подсчитывают пустые места и решают, с кого сколько удержать. Интересно все-таки, кто подсчитывает пустые места в США, комментировали мы злобно.)

Обращает внимание на чистые пары в увлажненной зоне. Это 6 миллионов гектаров. За ними никто не ухаживает, как положено ухаживать за парами. Если их распахать, то: «Вот вам целина». Распахать — и посеять кукурузу, конечно. На востоке освоили уже 36 миллионов гектаров целины. Терентий Мальцев с Александром Бараевым советуют хотя бы пятую часть этой площади держать под парами, говорят, что иначе не накопить влаги, не снизить губительного напряжения полевых работ. Но это же еще 6 миллионов гектаров, а если засеять их вико-овсяной смесью или кукурузой, то «можно получить огромную массу кормов для скота», вдалбливает им Хрущев.

Быстрые, простые, верные решения. Вот они, резервы. Нашел — и небо опять безоблачно, опять готов верить: «Мы уверенно идем к победе коммунизма, и никому не удастся задержать наше поступательное движение», радоваться достижениям передовиков: «Фамилия у него Чиж, а полет-то как у орла!», опять призывает стремиться все выше и выше. «Организуйте дело так, чтобы колхозы и совхозы, имеющие низкие показатели, быстро поднялись, пошли вперед», — решительно велит обкомам и райкомам.

И те ударились во все тяжкие.

Начиная с пятидесят девятого, отчасти с пятьдесят восьмого, а особенно в шестидесятом обкомовцы и райкомовцы вели себя в колхозах и совхозах как чужестранцы, которым приказано было оставить после себя выжженную землю. Хватали и гнали на бойни все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят и поросят, которым бы еще расти и расти. У колхозников скупалось на столь памятных народу и самим Хрущевым проклятых сталинских добровольно-принудительных началах все, что имело кости, независимо от того, что на костях, и тоже отправлялось в счет выполнения обязательств. Ожили времена феодального разбоя: одна область промышленяла на территории другой. По нормам свободных товарных отношений — почему бы и не промышленяла, но такие отношения были запрещены и границы должны были строго соблюдаться, а тут нарушалась и эта святая святых

планового хозяйства... Некоторые хозяйства тайно скупали масло у государства в городских продмагах и ему же, горячо любимому государству, продавали.

И все равно шестидесятый год нанес по планам Хрущева самый тяжелый удар за все время с 1953-го. В ряде республик не только не было роста производства мяса, но произошло снижение. В октябре Хрущев пишет записку в Президиум ЦК. Он предупреждает, что «если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году». В народе чувствуется недовольство снабжением... Как он хвалил еще вчера рязанцев! Как ждал от них трех планов, как восхищался первым секретарем Рязанского обкома Ларионовым, вручил ему Золотую Звезду, звал на работу к себе в ЦК. (Тот отказался, заявив, что еще не все сделал, что мог, в полюбившемся ему Мещерском крае). А ведь и тогда «раздавались голоса, что там не все чисто», что три плана — это бред, что в попытке его выполнить рязанский князь надорвет область, пойдет на очковтирательство (и в конце концов вольт в себя стакан коньяку с пригоршней снотворного или, по другой версии, пустит себе пулю в лоб и будет похоронен с почестями — этого, правда, маловеры не предсказывали). Хрущев считает, что надо проверить сигналы о ларионовских аферах и «решительно осудить такие явления, когда некоторые работники совершенно безрассудно берут обязательства, трубя вовсю...». С тоской восклицает: «Зачем же воскрешать худшее, что у нас было?» Неважно и на целине, в Казахстане в целом: поголовье не растет, привесов нет, баи отговариваются нехваткой кормов. Приезжал Кунаев. Гора привезла мышь — предложил разукрупнить области, создать еще одну, как будто от этого прибавится силоса, а не только полтыщи дармоедов.

Всю осень он диктует, диктует... У него получается целая брошюра тезисов к докладу на Пленуме ЦК, который должен состояться в январе 1961 года. Ни себя, ни других утешить ему нечем, чуда не произошло. Массовый падеж овец. Овцы буквально на глазах гибнут во многих колхозах и совхозах... Позорное явление! Грузия потеряла каждую десятую овцу. Удой снижаются, коров сдают на мясо, «хищнически забивается молодежь».

Обзванивает обкомы, вызывает секретарей к себе, уже не каждому встает навстречу — не то настроение да и самочувствие. Ничего толкового, позволяющего серьезно на что-то надеяться, сказать они ему не могут. Скот не растет так быстро, как хотелось бы, не жиреет от святого духа. Просят подкинуть кормов. Как будто он их сам выращивает, черт возьми! «Руководители республик, краев и областей дают свои объяснения причин неудовлетворительного выполнения принятых обязательств. Объяснения можно найти для бюрократа, но для народа их нельзя найти». Он не признает независимых причин. То, что они начинают все смелее заговаривать о невыполнимости поставленных задач, его тревожит и возмущает едва ли не больше, чем допущенные ими провалы. Ведь опустят же руки! Перестанут стараться, искать... Пораженчество надо пресекать в корне. «Если кто-то пытается доказать, что у нас нет возможности для резкого подъема животноводства, обеспе-

чения потребностей населения в продуктах... то он проявляет себя как несостоятельный руководитель». Борясь с пораженчеством, не останавливаться перед крайними мерами, перед хирургическим вмешательством! «При наших природных условиях, земельных просторах и, главное, экономических возможностях только политические банкроты могут говорить о нереальности задачи полного обеспечения потребностей страны в продуктах сельского хозяйства». Надо заменять этих банкротов. У них «слишком ограниченное понятие о строительстве коммунизма»! Уходите! Партия сильна, люди есть. «Молодые руководители покажут свои способности».

А он этим молодым поможет своими идеями, конкретным и волевым руководством. Идей и воли у него еще хватает, на оскудение пусть не надеются ни свои, ни заокеанские банкроты. Он, например, только в последнее время обратил внимание на свеклу: вот настоящий кит. Грачев в Калиновке сказал, что легче получить 400 центнеров сахарной свеклы, чем 200 картофеля. А что значит иметь 400 центнеров свеклы с гектара? Это 14 400 кормовых единиц. А 200 центнеров картофеля — только 6 тысяч единиц... Далее — орошение и обводнение. А горох, горох! Тот самый горох, которому дал путевку в колхозно-совхозное производство молодой украинский председатель Василий Кавун. Рано высевается, не боится заморозков, быстро растет.

[А. С. Шевченко (дословная запись): «Это я ему подсказал горох. И Кавуна, молодого винницкого председателя, в пример тоже я нашел. Подгорный был почему-то недоволен: «Мы лучшего могли найти». И горохом, и Кавуном Хрущев сильно увлекся. Я посеял ему на даче в Ильинском, где у него было гектара полтора земли, четверть гектара хорошего гороха. Взошел очень красиво, но полезли сорняки. Хрущев испугался и по дороге на работу заехал в Немчиновку, в Институт нечерноземной зоны, где директором был Вареница, и тот посоветовал опрыскивать посев симазинот. Я говорю: «Никита Сергеевич, зачем вам это делать? Горох подрастет, сам себя закроет, это ж вам не кукуруза — он густо сеется, сорняк ему не страшен». Согласился, но на следующий день опять: «Все-таки надо опрыскать». — «Тогда, — говорю, — опрыскивайте сами с Вареницей. Я туда и не поеду, чтобы не смотреть на это варварство». Приготовили они бочку, в совхозе «Горки 2» взяли лошадь, распылители, Вареница старательно опрыскал. Ну, я жду, что дальше будет, а что будет, мне, вообще-то, известно: горох пропадет. Симазин — это гербицид, который уничтожает все подряд, кроме кукурузы. Ночью прошел дождь, а утром мне звонит комендант дачи: «Андрей Степанович, беда, горох желтеет». — «Все ясно, сегодня подъеду». Приезжаю и вижу: по краям участка, где на поворотах шла двойная доза, все уже погибло, на остальной площади сворачивается лист. Вернулся на работу — звонок от Хрущева. Голос поникий, будто похоронил кого: «Наведайтесь в Ильинское, там что-то с горохом». — «Я уже был». — «Ну, что?» — «Симазин делов натворил. Горох погибнет полностью». Он не верит, поручает чекистам найти Лысенко. Авторитет. И вот мы троим на участке: Хрущев, Лысенко, я. Хрущев говорит: «Шевченко утверждает, что горох погиб от симазина». Лысенко отвечает: «Видимо, так и есть, но вы не расстраи-

вайтесь. Вы благодарите бога, что он погиб у вас, а не на миллионах гектаров». Хрущев постоял с опущенной головой, подумал и говорит: «Давайте его перепашем, пусть будет пар. А осенью посеем озимую пшеницу». Я говорю: «Никита Сергеевич, пшеницы не будет». — «Как не будет?» — «Да так. Теперь года два пшеницу нельзя сеять». Он расстроился страшно: «Что же делать?» — «Сейте, — говорю, — кукурузу, симазин только ей и нипочем».]

...Главное, чтоб в колхозах и совхозах занимались горохом так, как Кавун. Кавун сеет густо, тогда горох не ложится, сам себя поддерживает и прекрасно поддается уборке косилкой. Узнавая про подобные достижения и находки, как мог он не злиться на всех этих Бенедиктовых и Мацкевичей? Сидел министром сельского хозяйства один, сидел другой. «Они были на хорошем счету, считаясь дельными работниками, в действительности же они шли не по творческому пути, работали бюрократическими методами, в отрыве от жизни, от практики колхозно-совхозного производства, допустили такое положение, что бобовые культуры, по существу, оказались загубленными». Мыслимое ли дело: за границей кормовые бобы занимают видное место, там их хоть завалишь, а у нас к весне на складах Комитета заготовок их наскребли 34 тонны. Вот этот комитет теперь и будет ответственным, а не министр Мацкевич! В этом министре он все больше разочаровывался. Однажды перед самым отъездом на какое-то зональное совещание даже приказал отцепить два его вагона от спецпоезда, чтобы не портил настроения своим присутствием.

И доить всех коров подряд! Не мудрить, не делить их на мясных и молочных, корова есть корова, носит вымя — значит, должна давать молоко. «Если, к примеру, в Московской области начнут делить коров на мясных и молочных, то получится, что одну корову доят, другая стоит и удивляется, почему к ней такое неуважительное отношение». Вообще в молочном деле, если вместо банкротов за него возьмутся настоящие, верящие в близкую победу коммунизма молодые патриоты, могут произойти крупнейшие перемены. Трофим Денисович со своей стороны уже «разработал вопросы о повышении жирности молока», — кто не верит и даже пытается критиковать академика, пусть поедет к нему в Горки и посмотрит своими глазами: там у него «две дочери Дивной от джергейского быка, Дикая и Добрая, имеют жирность молока 5,5 процента, а их бабка Дорожная — только 2,9».

Кое-что он делает и для облегчения финансово-экономического положения сельского хозяйства, снизит цены на запчасти, бензин и автомашины, снизит налоги, даст отсрочку тем, кто еще не расплатился за купленную у МТС технику, удешевит кредит. Но главное — укреплять связь с массами и на этой основе развернуть всенародное движение за увеличение производства зерна, мяса, молока и других продуктов.

«Записка», потом «тезисы» забрали много сил и времени, на них был затрачен такой запал, которого хватило бы для съезда, так что к пленуму Хрущев подошел несколько выдохшийся, внутреннее давление гнева и тревоги чуть-чуть спало. Доклад получился смягченным, по ходу чтения Никита Сергеевич еще разбавлял его лирическими и сатирическими замечаниями, вроде того, что от такого продовольствования, которое

обещают народу бюрократы, «хвост не задерешь, а ноги вытянешь». В зале на сей раз было особенно оживленно, часто возникал смех. Это прибавило Никите Сергеевичу смелости, он вспомнил про Америку. Надо все-таки догонять. Догоним вопреки всем трудностям и препятствиям! Он не мог о ней промолчать и на пленуме украинского ЦК в Киеве, куда поехал после московского. Почувствовав там недоумение публики, не уклоняется от прямых объяснений: «Некоторые из вас могут подумать, зачем мы говорим сегодня о возможности догнать Америку по производству мяса на душу населения, если не выполнили еще семилетку!..» Кто-то скажет, сам же признает, «что за два года допущено отставание в производстве некоторых продуктов, и тут же фантазирует — догнать Соединенные Штаты Америки... Нет, товарищи, об этом надо говорить. Коммунистическая партия Советского Союза, весь наш народ уверены, что мы не только догоним Америку, но и перегоним ее». Уверены — это одно. Второе — то, что между московским и киевским пленумами он еще раз прочел книгу известного английского писателя Уэллса «Россия во мгле» и пример «кремлевского мечтателя» подействовал на него с новой силой. Главное же — третье. Еще раз все обдумав, он окончательно понял, что отставание допущено «не потому, что не было возможностей, а потому, что кое-кто из руководителей зазнался. А зазнайство — большое зло». Не говоря уже про «обманщиков, очковтирателей, безответственных болтунов — это злейшие враги». Им надо противопоставить, возвысить друзей — друзей всего нового и передового, тех, кто идет в авангарде борьбы за большое мясо и молоко. Может быть, учредить «Золотую книгу» или назвать ее «Книгой всенародного почета» и заносить в нее тех, кто догоняет США...

Чтобы эти друзья больше верили в себя, сообщает им, что в них все больше верят даже наши недруги. Если раньше спрашивали, действительно ли Советский Союз собирается догнать США, то теперь спрашивают по-другому: когда он догонит? «Они перестали сомневаться, что Советский Союз догонит США. Теперь их беспокоит один вопрос — когда? Я им отвечал: можете себе в блокнотик записать — в 1970 году мы вас догоним по размеру промышленного производства на душу населения, догоним и пойдем дальше».

Весь этот год он не знает ни выходных, ни праздников, работает, как во время войны, и, как во время войны же, шлет и шлет срочные донесения-записки в штаб — в Президиум ЦК.

Зимой должен был ехать на очередное зональное совещание в Воронеж. Узнав о предстоящем визите высокого гостя, там, как водится, стали принимать меры. Перед самым отъездом из Москвы он получил письмо о том, что это были за меры. Писал железнодорожный рабочий. Оказывается, в районе строящейся атомной станции осталось много необранной кукурузы. Управляющий отделением одного совхоза вместе с начальником железнодорожной станции взяли рельс, прицепили его к трактору и стали утюжить поле, чтобы с дороги, ведущей к АЭС, не было видно кукурузы. Письмо было проверено, факт подтвердился. «В чем дело?» — спросил Хрущев по приезду первого секретаря обкома партии Хитрова. «Это у нас такой метод уборки», — объяснил тот.

Так дерзко ему еще не ввали.

«Неужели у нас не найдется людей, чтобы правильно решить вопрос? — воскликнул он несколько лет назад на одном из совещаний, удрученный тем, что в стране продолжают недолюбливать кукурузу. — Кто не согласен, пусть выходит на трибуну и объясняет свою точку зрения». На трибуну в его присутствии никто не вышел ни в тот раз, ни после, но один голос все-таки вскоре раздался. Когда Хрущев с особым негодованием заговорил о пренебрежении кукурузой в благословеннейших местах страны — на Дону, на Северном Кавказе, на Украине, кто-то крикнул: «Пропашных бояться!» Это были слова из тех, с ответом на которые ему бы не торопиться...

В зале не было человека, который не понимал бы тяжелой правды этих слов. Пропашные культуры — это свекла, подсолнечник, кукуруза. В отличие от злаковых это культуры, которые нужно все лето спасать от сорняков, пропалывать, пропашивать, иначе урожая не будет. Пропалывать можно или машинами, или вручную, тяпками. Но машин нет, а тяпками на миллионах гектаров не управиться. Что касается кукурузы, то ее и сеять во многих местах нечем, и убирать трудно — мало комбайнов. Пропашные культуры в таких условиях — это риск, это большая забота на председательскую голову, это не спать ему весну и лето, пропашные — это луг, на котором все лето будут пастись уполномоченные, готовить материалы на бюро, пропашные — это ходить ему, бедному, в выговорах, как в репьях. Это, короче, такое дело, за которое может взяться только человек выдающийся и располагающий материальными возможностями. Или тут должен быть замешан сильнейший личный материальный интерес массы рядовых людей. Хрущевские меры пятьдесят третьего года интерес подняли, но не до такой степени. Обычный же председатель обычного колхоза в этих никому в мире не понятных условиях, когда за чистотой полей различные инстанции почему-то следят больше, чем сами земледельцы, по своей воле брать на себя такую обузу не будет.

Не торопиться бы, доброжелательно позвать обладателя того голоса на трибуну, выпросить его, поручить кому-то непредвзято разобраться, что за его словами... Нет, Хрущев ответил с ходу, да так, что после этого уже никто не подавал голоса. Он сказал, что пропашных бояться только плохие коммунисты, те, которые думают про себя, а не про нужды страны. Хитров после этого захотел быть хорошим коммунистом — и вот в благодатном, многолюдном крае ушли под снег целые моря спелой кукурузы! Не в чрезвычайных условиях, не в войну, а в мирное время... Сколько же должно было быть посеяно этой кукурузы, чтобы ее не успели убрать!

Он распорядился к своему возвращению в Москву приготовить ряд подробных справок. Во-первых, как все-таки обстоят дела не на бумаге, а в действительности на полях. Во-вторых — что с техникой. Смутно ему припомнилось, что несколько лет назад он мельком спрашивал об этом кого-то из Госплана. Его тогда успокоили (мерзавцы!). Техники, сказали, в сельском хозяйстве вполне достаточно. Ну, а раз достаточно, он не подумал возражать, когда один за другим стали закрывать заводы сельско-

хозяйственного машиностроения. Запорожский, к примеру, переключили с выпуска комбайнов на выпуск легковушки, поменяли название. Был комбайн (славный!) «Коммунар», стал автомобиль (консервная банка!) «Запорожец».

В Москве, преодолевая уже дававшую себя знать возрастную потребность уклоняться от неприятных известий, он сразу накинулся на эти справки. Его бросило в жар. В 1957 году кукурузоуборочных комбайнов было выпущено 55 тысяч, а в шестидесятом — только 13 тысяч. Не требовал, не проверял — и не делали. Что требовал, то и делали. Требовал расширять посевы — их, со скрипом, и расширяли. До сих пор он был уверен, что лично руководит сельским хозяйством. Чем-чем, а сельским наверняка, он ведь его любит и знает, его авторитет признан, его советы имеют большую цену — достаточно посмотреть на опыт лучших людей, внявших этим советам. Он ввел, можно сказать, народный обычай — зональные сельскохозяйственные совещания, — страна, как ему докладывали, ждала этих совещаний из-за его речей, она привыкла к его постоянному широкому присутствию на газетных страницах и экранах телевизоров, это вселяло в народ бодрость, дисциплинировало кадры. Об этом ему не раз говорили и Воронов с Полянским и Подгорный с Брежневым, и тут они, конечно, не обманывали. По справкам же теперь выходило, что все эти годы каждый делал что хотел.

В Костромской области 54 процента всех посевов до сих пор занимают овес и травы, а кукуруза — меньше двух. Он думал, что саботаж давно прекратился, что теперь сеют не меньше, чем могут довести до ума, как Хитров, скорее больше. Оказалось, нет, в такой большой стране всегда могут найтись, точнее — затеряться на ее просторах, мнимые смельчаки, которым никто не указ. Кто там первый секретарь обкома, в этой Костромской области? Флорентьев, кандидат, между прочим, наук, должен был бы, кажется, понимать... Что там Костромская! У него под носом, в Московской области, которую он знает вдоль и поперек, на чьих полях проводит свои выходные, — здесь тоже делают что хотят! В пятьдесят восьмом году, имея большие надежды на целинный хлеб, он освободил от обязанности поставлять зерно государству всю Нечерноземную зону. Думал: пусть их зерно остается у них, будут кормить им скот. Черта с два! Они тут же (не предупредил, не проследил...) свернули свое зерновое хозяйство, как будто оно не их, это хозяйство, а чужое — его, хрущевское. Понадеялся на их сознательность, считал, что они чувствуют себя ответственными хозяевами. В Московской области по сравнению с пятьдесят третьим годом уменьшили посевы зерновых на 42 процента, изгнали гречиху. Что же у них вместо зерновых, вместо гречихи? Да то, что не требует труда и заботы, о чем все они, лодыри, мечтают, что спят и во сне видят — однолетние травы. Площадь под ними увеличили в четыре раза, сена же берут 9 центнеров с гектара — стыдно смотреть на такую цифру.

Получалось, что даже его, Хрущева, до сих пор слушается только тот, кто хочет слушаться, и, как ни верти, сельским хозяйством не управляет ни он, ни министр Мацкевич, ни кто-либо другой. Если вдуматься, так и Мазуров не управляет сельским хозяйством своей Белоруссии, саботаж перво-

степенных культур — кукурузы, пшеницы, гречихи — происходит сам собой. Сверху не дано на них плана, значит, нет к ним и внимания.

Справки мучили. Оказывается, едва ли не сразу после сентябрьских, 1953 года, славных решений об увеличении вложений в сельское хозяйство их начали тихой сапой, частями урезать и отбирать. Повысили цены на изделия промышленности для села, приказали колхозам в кратчайшие сроки расплатиться с государством за переданную им технику упраздненных МТС. Сам и приказал, причем грубо, раздраженно. Нечего тянуть, надо брать пример с калиновцев, которые решили внести деньги в один прием! «Так что же вы ждете, чтобы я напомнил вам об этом? — шумел, помнится, на торжествах в Ростове. — Государство, весь советский народ заинтересованы в том, чтобы колхозы быстрее оплатили стоимость купленной техники». Они-таки оплатили, сам и докладывал об этом всему советскому народу, выложили все, что у них было, и это так подорвало их финансовое положение, что не все смогут оправиться и через десять лет.

Стал еще настойчивее обзванивать людей, приглашать для бесед. Ну, что? Ну, как? В чем все-таки дело? Кто его водил до сих пор за нос? Что подсовывали смотреть? Передовиков подсовывали, их обязательства и рапорты, а он, развесив уши, поздравлял без разбору с обязательством — так с обязательством, с рапортом — так с рапортом, — считал, делается важное дело, моральный фактор в наших условиях имеет огромное значение. Неудачи двух лет подряд заметно отрезвили зазнававшихся было руководителей республик и областей, они стали больше помалкивать, языки не поворачивались называть приятные ему цифры обязательств. Спущенный им на 1961 год план, в который был включен недобор где одного, а где и двух лет, огорошил их, каждый понял, что, сколько ни гори на работе, до спасительного рубежа не дотянуться, впереди мрак, позор, отставка. «Оказалось, что они не подумали сделать такие расчеты с учетом резервов и возможностей», — бушевал он на всю страну, рассказывая о своей беседе с руководителями черноземных областей, от которых ожидал, что они, как недавно Подгорный со Щербицким в Киеве, положат перед ним настоящий график гонки за Америкой. «Спрашиваю товарищей: как идут дела? Отвечают: такого плана мы еще никогда не имели. И я вижу, кое у кого ноги дрожат. Если бы товарищ не сидел на стуле, так, чего доброго, упал бы». Вчера ходившие гоголями и жадно хватавшие из его рук цацики, а сегодня только о том и мечтающие, чтобы не попасть ему на язык, они вызывают у него все большее отвращение: «Кто не понимает того, что надо бороться не за сохранение существующего уровня производства, а за всемерное его увеличение... тот ничего не понимает в политике нашей партии».

По пути на отдых в Гагры встречается с руководителями территорий, которые пересекает его поезд: Тульской и Орловской, Курской и Белгородской, Харьковской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. В Харьков к нему прилетают из Киева Подгорный и Щербицкий, которыми он и на сей раз остался доволен. Они мгновенно откликаются на его идею о переводе Министерства сельского хозяйства с асфальта на землю. Стоило сказать, что союзное отправится скорее

всего в Горки Ленинские, как они тут же сделали встречное предложение относительно украинского — разместить его на базе опытной станции Терезино под Киевом...

Во время этой поездки случайно узнал, что колхозникам уже не дают дополнительной натуральной оплаты, которая, как он помнил, служила серьезным стимулом к труду. Деньги деньгами, а когда свинарка, к примеру, могла получить за свои успехи несколько поросят, а дояркам за высокие удои начислялось молоко, это было куда как наглядно и действительно. «Ни в коем случае нельзя уговаривать колхозников, — пишет он в Президиум ЦК, — чтобы они отказывались от дополнительной оплаты, взамен натуральных продуктов получали деньги. Надо честно себя вести, укреплять доверие колхозников. Мы должны жить не только сегодняшним днем...» Никто их ни о чем не уговаривал. Натуральные выдачи были прекращены в борьбе за выполнение планов, к тому времени окончательно ставших невыполняемыми. Одной рукой как бы возобновляя натуральное поощрение, Хрущев (сталинская школа лицемерия!) другой рукой забирал свое благодеяние назад: «Конечно, если колхозники добровольно захотят получить дополнительную оплату деньгами, то надо выдать деньгами». Вот они до сих пор и хотят добровольно получать бумажки вместо продуктов, а за продуктами ездят в города...

Отбой

Он разрывается между возможным и желаемым, между требованиями хозяйства и политики. С одной стороны, мучается оттого, что при его попустительстве, невзначай была подорвана техническая оснащенность сельского хозяйства. «Если мы будем только призывать людей выращивать кукурузу, сахарную свеклу, переходить в доении коров на «елочку», но не обеспечим производство кукурузоуборочных и свеклоуборочных комбайнов, доильных аппаратов и других машин, то окажемся просто болтунами. Нельзя звать к высокой производительности труда и рубить кукурузу топорами». Его уже не радуют, а тревожат люди, которые привычно, оголтело-услужливо обещают расширять и расширять посевы кукурузы: «Против этого стремления нельзя возражать, но я хотел бы посоветовать — прежде всего научиться на каждом гектаре получать более высокий урожай».

С другой стороны, ему нестерпимо и то, что после восьми лет неустанныго убеждения и принуждения к кукурузе сплошь и рядом продолжают предпочитать травы. Тут, решает он, замешан крестьянский консерватизм, столкнувшийся с ученым начетничеством. Крестьянское поклонение старине вызывает у него горечь: «Мы слышим: лен на клевер, клевер на лен — будешь умен. А мясом кормить людей кто будет?» Люди не понимают, что эта мудрость идет из времен, когда в стране не было животноводства, когда крестьянин и в мыслях не имел выходить на рынок с молоком и мясом — скот держали для навоза. «Курский крестьянин утверждал: корова в наших условиях — это не молочница, а навозница». Чему можно научиться у такого крестьянина, если ставишь своей целью

сделать корову источником кое-чего, что весьма и весьма не похоже на ее навоз, — молока и мяса?

Противоречивый в том и в этом, Хрущев целен в одном отношении. У него живой интерес ко всему новому, техническому, от чего разбегаются глаза у свежего деревенского парня, только-только окунувшегося в городской, в заводской котел. И — неинтерес здоровой простонародной натуры к старине, к трехполкам-травополкам (Травопольная система В. Р. Вильямса представляла собой небрежное подражание некоторым экстенсивным системам чуть ли не средневекового земледелия. Об этом писал, в частности, Н.М. Тулайков, горько тревожась за первое колхозное поколение агрономов, которое обращали в травопольную веру: Вильямс относит «молодую нашу смену, учащуюся в сельскохозяйственных вузах молодежь, даже не к началу текущего столетия». Те, кто сегодня «защищают Вильямса», плохо знают его «систему», путают ее с грамотным травосеянием.) и журавлям над колодцами. Кожей заводского ватажка он чувствовал, что стране, которая должна стать в число первых в мире по производству мяса, древнее хозяйственное благочестие если и может помочь, то в последнюю очередь, скорее же всего помешает. Как хорошо говорилось ему об этом с Гарстом! Как наглядно это было видно по самому Гарсту, по его ферме! Американский фермер, который кормит полмира, обижается, когда его называют крестьянином. Крестьянин — это святой человек, но он может кормить в основном только самого себя. Когда большинство населения сельское, города вполне могут жить тем, что упадет (или схватят сборщики налогов) с крестьянского стола. Но когда страна делается городской, ее может обеспечить не земледелец сам по себе, а деревня вместе с городом. Без городской науки и техники земледелец бессилен. В свою очередь, городская наука и техника бессильны без земледельца — без такого, как Гарст, который держит, подобно нашему министру, личного секретаря, досконально знает, что такое гибридизация, может спроектировать и построить (на свои, естественно, деньги) семеноводческий завод.

Упершееся в старину ученое начетничество, поклонение Вильямсу вызывают у Хрущева праведно пристрастный гнев человека, который испытал этот культ на своей спине. Вильямс, как известно, требовал половину пашни отводить под многолетние травы, а из хлебов сеять только яровые. Но Хрущев 13 лет работал на Украине, а там испокон веков яровые родили хуже, чем озимые. Он не имел ничего против Вильямса («Человек наш», — отзывался о нем), но ему нужен был хлеб, высокие и устойчивые валовые сборы. Объясняя этот свой подход, он приводил украинское присловье: «Мы люди бедные, мы люди темные, нам абы гроши». Сталин же с Маленковым заставляли его сеять по науке яровые — это было губительно, приходилось хитрить, вести опасную борьбу, воспоминания об этом остались самые неприятные. Права озимой пшеницы он отстоял еще тогда, но культ самой травопольной системы оставался нетронутым до сих пор.

...Плохо все. Плохо сеять кукурузу, чтобы рубить ее топорами или гудить сорняками, и плохо не сеять, допускать, чтобы чуть ли не половина земли гуляла под паром и хилыми травами, тогда как нужны корма, ког-

да в стране не хватает мяса, когда Америка все еще далеко впереди. Победило желание ее догнать.

По возвращении из отпуска Хрущев принялся за искоренение ненавистных ему трав, для чего должен был как следует потревожить тень Вильямса. Помощники подняли литературу, сделали для него рефераты. Он сам не ожидал, что эта тень предстанет перед ним такой мрачной. Лучшие ученые — Дояренко, Прянишников, Тулайков — были, оказывается, единодушны в том, что воззрения и рекомендации Вильямса решительно ни на чем не основаны. Академик, как выяснилось, не делал никаких расчетов, не проводил никаких экспериментов, там было одно только умозрение, что-то близкое к навязчивой идее. Он заклеил борону, сочтя, что она разрушает создаваемую многолетними бобовыми травами мелкозернистую структуру почвы. О тракторе и говорить нечего: отверг его с неистовством. Беспартийного корифея, правда, тут же пригласили на партсобрание в Тимирязевской академии. «Владимир Ильич Ленин, по-вашему, ошибался, когда мечтал дать крестьянам сто тысяч тракторов?» Доселе не внимавший лучшим ученым, тут Вильямс сразу признал свою ошибку, а поскольку без врага обходиться уже не мог, то быстро нашел его в лице коня: стал говорить, что трактор — это очень хорошо, трактор почву не разрушает, а что очень плохо, так это конь — разрушает, подлец, надо гнать его с поля. Кто знает, как обернулось бы дело, если бы ученые говорили с ним не на языке академических рецензий, а на языке тогдашних собраний и митингов. Именно этим языком Вильямс и предавал своих противников в руки палачей. «Совершенно ясно виден в этом достаточно открытым и нагло издевательском тезисе враг, который толкал социалистическое сельское хозяйство, особенно наши только что организованные зерновые совхозы, на путь отрицания севооборотов, на путь монокультуры», — писал он о А.Г. Дояренко, имея в виду его ценнейший поиск «такой степени монокультурности, при которой мы будем иметь наибольшую площадь под определенной культурой при наименьшем понижении от этого урожая».

Идейный разгром травопольной системы, на что были мобилизованы печать, радио и телевидение, эстрада и кино, удалось осуществить в несколько недель, он казался полным и окончательным, слово «травопольщик» стало ругательным. Борьбу можно было переносить на поля. Теоретически непримиримый ко всякой траве до враждебности, тут Хрущев проявляет вдруг не свойственную ему осторожность, нельзя, говорит, бездумно распахивать все травы. Чтобы использовать пропадающие под травами и чистыми парами земли, понадобится «оснащение колхозов и совхозов дополнительным количеством техники для посева, обработки и уборки урожая...». Где же ты был раньше с такими суждениями?! А теперь было поздно. Кадры набрались опыта, поняли: какие бы оговорки он ни делал, в исполнении его желаний лучше перебрать, чем недобрать. За уничтожение трав, подхлестываемые с цепи сорвавшимися газетами, взялись так же рьяно, как недавно за убой стальных коров. Он не останавливался. Предупредить хватило сил, проследить уже не мог.

А когда мог? И кто мог бы?

Кому-то, да и самому ему, казалось, что он хочет заменить травы кукурузой и завести больше скота, а означало это не что иное, как попытку

создать новое, небывалое сельское хозяйство, заменить одну цивилизацию — цивилизацию трав и паров — другой, неизмеримо более высокой — цивилизацией кукурузы, пропашных культур, причем сделать это почти на пустом месте, без нужных машин, удобрений и гербицидов, без дорог, без надежных тылов в виде складского и тарного хозяйства, комбикормовой промышленности, а главное, создать по команде, на основе сознательной исполнительности секретарей обкомов и райкомов.

Все отчетливее понимая, какое великое и сложное здание хотел построить почти между делом, в порядке личного увлечения, он все меньше щадит себя. Ноты жестокой самокритики, хотя и говорит он не «я», а «мы», звучат из речи в речь все его шестидесятые годы. Было этих лет, как известно, неполных четыре. Пересматривает наконец свое отношение к минеральным удобрениям. Большое, оказывается, дело! Западные немцы вносят почти по тонне на гектар, американцы — свыше полутора центнеров, мы сыплем пригоршню, да и то мимо, неправильно. А он своих учил: минеральные удобрения — это дорого и долго, « по э т о м у (разрядка моя. — **А. С.**) надо делать ставку на расширение посевов кукурузы». Выстраивал фантастическую хозяйственную цепь. Вместо минеральных удобрений — кукуруза. На кукурузе быстро будет увеличено поголовье скота. А «с ростом поголовья общественного скота возрастет накопление навоза. А этот путь увеличения производства удобрений намного легче и дешевле, чем строительство новых заводов по производству минеральных удобрений. К тому же азотные и другие минеральные удобрения ни в какой степени (разрядка моя. — **А. С.**) не заменяют органических удобрений». Гарст в это время на навоз уже не обращал внимания — возни много, толку — по сравнению с минералкой — мало. Когда ему говорили, что Хрущев собирается внедрять кукурузу без удобрений, он наотрез отказывался верить. Даже когда своими глазами увидел на Кубани, как сеют кукурузу без удобрений, не поверил, что это с ведома Хрущева. «Что вы делаете? — кричал на все поле, пытаюсь остановить сеялки. — Я буду жаловаться Хрущеву! Кукурузу нельзя сеять без удобрений». На бедного Никиту Сергеевича эта выходка произвела впечатление, он задумался, начал объясняться: он, мол, всегда понимал роль удобрений, да страна не располагала средствами для строительства химических заводов...

Набив столько шишек, Хрущев понял, что одному ему руководить сельским хозяйством не по силам. (Что никому не по силам — до этого у нас, скорее всего, в XX веке уже не додумаются.) Он все еще верит, что буквально во всех районах страны кукуруза на силос может давать высокие урожаи, но прежнего огня в этих его словах уже нет, не рождаются, как прежде, меткие сравнения, не вспоминаются, не сказываются прибаутки, он чувствует уныние и униженность от размаха, который приобрело вранье. Чем больше ездил по стране, чем более высокими задачами старался увлечь народ и кадры, тем больше становилось вокруг вранья и угодничества. Это-то и заставляло его теперь от любимой агрономии постепенно, с неохотой и тяжелой задышкой поворачивать к политике, ступать на эту зыбкую почву, где один неверный шаг грозит катастрофой.

Повернуться к политике — значит посмотреть на партию. Врут-то больше всего коммунисты, и коммунисты ответственные. Тот же воро-

нежский Хитров, убиравший кукурузу рельсом. Какое бесстыдство! Состояние партии, в которой на ключевых постах такие люди, вызывает большую тревогу. «Следует учитывать, что сейчас наша партия стала массовой и среди миллионов честных коммунистов имеются и такие люди, которые носят партбилет, а страдают бездейностью в работе». Учитывать следует, но как? В марте 1962 года Хрущев выступает с программой управленческой реорганизации. Пустяковая сама по себе, никак не затронувшая глубинной народной жизни, она заставила так понервничать и посуетиться бюрократию, что та потом долго не могла простить этого Хрущеву и с важностью победоносного слабоумия выдавала вполне невинные его опыты чуть ли не за покушение на устои.

Отправная точка у него все та же: строить коммунизм (да, речь уже о коммунизме, ведь только что принята новая программа партии) без мяса и молока нельзя. Ни на секунду не оставляет он и мысли об Америке, чтобы догнать которую, надо производить 75 тонн мяса на сто гектаров пашни и 16 — на сто гектаров сельхозугодий. (Сам и подсчитал, было это на моих глазах, ранней весной 1961 года, на целине, в клубе совхоза «Кантемировский», где он выступал, как считалось, перед рабочими. В действительности зал был забит начальством, охраной и нами, газетчиками. Некоторые были в восторге от того, что выступал он без бумажки, свободно умножал и вычитал вслух, сначала я записывал ход его подсчетов, потом сбился и стал просто набрасывать в блокноте его словесный портрет, отметив главное, что бросалось в глаза: Хрущев был очень бледен. Незадолго перед тем был запущен очередной спутник, и в конце Никита Сергеевич, чуть-чуть порозовев от удовольствия, выдал секрет, сказав, что в том спутнике уже был «макет человека». Я еще подумал, что лучше было бы сказать все-таки «чучело». В зале было очень жарко, его целую неделю топили назначенные парторганизацией и проверенные органами люди.)

Он нашел причину отставания. Одна из главных причин — отсутствие конкретного, со знанием дела управления производством, говорил на мартовском, 1962 года, Пленуме. Оказывается, «у нас нет органа, который обеспечивал бы выполнение выработанных заданий, и мы ограничиваемся тем, что бросаем клич: вперед, товарищи! А кто и как пошел вперед, все ли отряды двинулись, все ли подготовлено для производства необходимого количества продуктов? Об этом никто не знает и ответственности не требует, да и не с кого ее требовать». Управление должно быть самым прямым, повседневным, бригадирским — вот его открытие. Устройство такого управления — его новая цель. «Придет время, когда мы воспитаем таких руководителей, как тт. Кавун В. М., Буркацкая Г. Е., Семенов И. М., во всех колхозах и совхозах, тогда функции управления изменятся коренным образом, очевидно, управление сведется к тому, чтобы разрабатывать общие положения, давать заявки на производство продукции... которая нужна для страны, для наших людей. Пока мы такого положения не имеем. Сейчас на одного смотришь и радуешься, а другого за уши тянешь и не вытянешь». Основной фигурой в этом органе должен быть инспектор (хорошо звучит, по-военному), но надо еще подумать, может быть, найдется и более удачное название, например, «организатор» (сойдутся на «инспекторе-организаторе».) Самое

главное — эта контора не будет «органом районных организаций и будет действовать как орган, облеченный большими полномочиями областных, краевых или республиканских организаций». При этом органе — назовут его производственным управлением — будет небольшой партком. Территория, которую они охватят, будет, как правило, больше нынешнего района. Районы, следовательно, придется укрупнить. А райкомы ликвидировать. И путь к коммунизму свободен.

Тем временем подошел XXII съезд партии — событие, которым вполне можно было, казалось бы, воспользоваться, чтобы забыть по крайней мере о соревновании с Америкой. Но те, которые будут смело забывать такие вещи, придут после Хрущева. Хрущев же помнит и с вызовом напоминает всем. «Здесь присутствуют американские журналисты, — находит он для них место в отчетном докладе, — они любят издеваться над этим нашим лозунгом. Но знайте, господа, что если мы так говорим, то это будет непременно сделано нашим народом. (Аплодисменты.) Когда партия выдвигает лозунг, наш народ поддерживает его и претворяет в жизнь. Это будет! (Аплодисменты.)».

После съезда он отдельно собирает делегатов, занятых в сельском хозяйстве. «Советский народ уже в 1962 году должен почувствовать реальные плоды осуществления тех мероприятий по сельскому хозяйству, которые намечены XXII съездом партии», — настраивает их. Потом опять устремляется в поездку по стране. В Целинограде с налету включается в спор Бараева с Наливайко, хотя и оговаривается, что ученые и специалисты должны все хорошенько изучить, поспорить... Бараев выступает за пары. В институте зернового хозяйства в Шортандах, которым он руководит, они занимают свыше 30 процентов пашни. Хрущев считает это расточительством земли, говорит, что такое хозяйство не может успешно соревноваться с американской фермой. Наливайко выступает против паров. В алтайском институте, которым он руководит, вся пашня занята кроме пшеницы пропашными культурами. Хрущеву это более чем нравится: пропашная система земледелия — его последняя надежда, другого пути к увеличению производства кормов, а значит, и мяса он не видит. Нехорошо выступает перед народом в Целинограде — развязно, шутки его на сей раз особенно грубы. Бараеву говорит: «Придется поучиться у Наливайко и т. Кан Де Хана — председателя колхоза «XVIII лет Казахстана». Это замечательный председатель колхоза. Они вам, если можно так сказать, не одну блоху под рубаху пустят, т. Бараев. (Смех в зале. Аплодисменты.) А это неплохо, потому что она будет бодрость придавать, чтобы вы не дремали. (Смех в зале.) Будущее за пропашной системой».

Население между тем заваливает ЦК письмами: в магазинах нет мяса и масла. Людям кажется, что это из-за плохой организации торговли, думают, что Хрущев не в курсе дела. «Это, конечно, не так... Мяса у нас просто не хватает», — заявляет он вскоре после съезда. В 1961 году планировалось получить почти 12 миллионов тонн мяса — получили меньше девяти. А ведь на 1980 год намечено 30—32 миллиона тонн! Он считает, все считает на работе, в поезде, в самолете, в машине. «Сколько и каких культур надо посеять на 100 гектаров пашни, чтобы получить 150 центнеров мяса?.. 8 гектаров кукурузы при урожае 500 центнеров;

3 гектара сахарной свеклы при урожае 250 центнеров; 2 гектара гороха при урожае 30 центнеров; 2 гектара кормовых бобов при урожае 200 центнеров силосной массы».

Злится, обижается на Запад. Пришлось поднять цены на мясо — так там «раскаркались», как воронье: вот мол, Хрущев сам сознался, что не хватает у них мяса». А вот когда очередная сводка показала, что Советский Союз обошел США по выплавке стали (американцы как раз переключались на новые материалы), не каркнула ни одна ворона. Где же справедливость? Но ничего, оно непременно наступит — «время, когда наши противники скажут: куда же нам за ними гнаться, это же социализм, это коммунизм — естественно, что они должны идти вперед». Угадывая настроение хозяина, Первый Статистик со своим ЦСУ химичил изо всех сил. Эти хлопоты, не оставаясь тайной, только усиливали интерес в мире к положению в советской экономике. Что положение плачевное, в конце концов не могло не заметить даже ЦРУ, опубликовавшее фальшивку, в которой говорилось, что советские темпы ниже американских и составили за последние два года меньше 2,5 процента в год. «От этого нам, как говорится, ни холодно, ни жарко, — бодрится Никита Сергеевич, свое состояние приписывая им. — Неуверенность рождает страх у наших противников, а страх — плохой советчик».

Заметного улучшения не произошло и через год. Год — это, по меркам Хрущева, был не пустяк. «Год, — напоминал он, — срок большой. Это 365 дней. Это одна двадцатая часть времени, которое отпущено программой партии для осуществления задач построения коммунизма в нашей стране».

...Страх все-таки не всегда плохой советчик. Хрущев больше ясности вносит в свои представления о кукурузе, без ложного самолюбия спешит с поправками к людям — дело важнее всего. Оказывается, у нее все-таки длинный вегетационный период, в южных районах время налива совпадает с засухами, «в таких случаях озимая пшеница, озимый ячмень, горох оказываются более урожайными. И это вполне понятно...» Теперь, в 1963 году, понятно... «В засушливых районах юга Украины и некоторых других республиках надо тщательно разобраться, что выгоднее возделывать на зерно — озимую пшеницу или кукурузу». Эх, если бы у него для опытов был все эти годы один колхоз, а не шестая часть Земли! «Некоторые могут подумать: что случилось, почему Хрущев, который так ратует за внедрение посевов кукурузы, сегодня вроде бы начинает давать отбой? Не в этом дело, товарищи. Мы и сегодня подчеркиваем, что кукуруза является могучей культурой, способной во многих зонах (когда-то говорил: во всех, включая Якутию и Чукотку. «Картофель там растет?..» — **А. С.**) в благоприятных условиях давать самые высокие урожаи... Однако надо подчеркнуть, что мы не присягаем навеки какой-нибудь одной культуре, не собираемся молиться на нее... Та культура, которая в условиях определенной зоны дает наиболее высокий урожай, лучше оплачивает вложенный труд, эта культура в хозяйстве и должна быть первой культурой». Зал продолжительно, с облегчением, великодушно аплодировал. Кто старое помянет, тому глаз вон. (А помянули. Чуть меньше чем через год помянули.)

Теперь надо было как-то останавливать маховик бюрократического принуждения. Делились обкомы, исчезли райкомы, появлялись производственные управления с их инспекторами-организаторами, а маховик крутился, маховик, запущенный им самим. Недавно делился опытом с друзьями из Восточной Европы: «Мы действовали главным образом способом убеждения... Но когда интересы дела требовали, то кое-кого и понуждали...» Теперь в интересах того же дела хмуро зачитывал отчаянные письма с мест: «До сих пор сеем под диктовку областных и районных организаций», в который уже раз приводил случаи, когда колхозам навязывают такие площади, что засеивать их приходится по месяцу и больше, в хозяйствах Котельнического района Кировской области кукурузу сеяли в конце июня. «А мы через месяц перепашем эти площади и подготовим их для сева озимых», — объяснял колхозникам начальник производственного управления, одного из тех управлений, которые, по замыслу Хрущева, должны были осуществлять прямое, квалифицированное производственное руководство сельским хозяйством.

Что он мог сказать своим слушателям? Что сулить?! Уже ничего. Кроме того разве, что готовится ...надцатое постановление ЦК и правительства, в котором «осуждаются администрирование и извращения принятых ранее решений о планировании сельскохозяйственного производства». Это в то самое время, когда из колхозов по его команде выгребали все зерно вместе с амбарной пылью, когда на Кубани, чтобы кормить свиней, забивали лошадей. Один из тамошних начальников рассказывал по секрету газетчикам, как пытался этого не допустить: «План спустился страшный, обязательство вырвали еще страшнее. Вижу воочию: не выполним ничего, только надорвемся. Что делать? Надо пробиваться к Никите. Звоню раз, звоню другой, дозвониться не могу, потом узнаю: такого-то числа едет в отпуск, ночью будет проезжать через мою территорию. Выход один — перехватить его на ночной дороге. И вот я на этой дороге, топчусь в темноте возле машины, жду. Часа в два ночи показались огни прожекторов, через минуту подлетают передовые машины охраны. «Кто таков?» — «Я такой-то, передайте Никите Сергеевичу просьбу о краткой беседе». — «Он отдыхает». — «Государственное дело. Передайте». Тут и его машина подоспела. Хрущев открыл дверь, вынул ноги в носках, шевелит, смотрю, ступнями на ветерке... «Ну, какого хрена тебе не спится?» — «План, — говорю, — невыполнимый нам дали, Никита Сергеевич, план...» Он еще немного пошевелил ступнями, посопел, потом закрыл дверь и поехал дальше».

Пахнет сеном над лугами

10 февраля 1955 года в «Де-Мойн реджистер», главной газете Айовы, появилась статья, в которой Советскому Союзу предлагалось обмениваться сельскохозяйственными делегациями. Маленькая, как большинство статей в американских газетах, она хорошо была написана. В 1987 году я случайно встретил автора этой статьи. Уже давно пенсионер-внештатник, он на минуту забежал в редакцию своей газеты, где я в то время

был. Я сказал ему, как поразил тогда меня, готовившегося вступить на поприще журналистики подростка, его деловой, демократичный слог, который, как небо от земли, отличался от казенно-напыщенного слога наших газет. «У нас нет никаких дипломатических полномочий, но мы шлем приглашение любой делегации... — писал Л. Сот. — Все, что мы, жители Айовы, знаем о кукурузе и других кормах, зерне, фуражных культурах, мясном скоте, а также о молочной промышленности и птицеводстве, — все мы сообщим русским...»

Теперь-то мне виден подвох, который был невольно вложен в эти слова. Подвох был в американском понятии о том, что нужно для успеха в сельском хозяйстве. Хорошая технология, знания и мастерство работника. А если бы Л. Сот написал: «Все, что мы знаем о том, как заинтересовать человека, как управлять сельским хозяйством, не ущемляя его самостоятельности, как строить отношения фермера с его партнерами...» Поехали б мы тогда? Американцы собирались хвалиться технологиями, порядком и достатком, посланцы Хрущева собирались именно это и смотреть: как что делается на земле, в коровниках и птичниках, какие там машины и приспособления, — а не что заставляет фермера вставить с зарей и как он договаривается с властями. Одним не приходило в голову, что это надо показывать, другим — что это надо смотреть.

Уже в первом, лучшем из своих докладов — на сентябрьском Пленуме в 1953 году — Хрущев проявил свою несчастную способность смешивать масло с водой. В докладе, в котором яснее и откровеннее, чем когда-либо, названы были причины упадка сельского хозяйства — дармовой труд и хозяйственная несвобода, он стал зачем-то с упоением рассказывать об одном известном ему хорошем колхозе и закончил так: «Если бы все колхозы нашей страны достигли такого уровня, а эта задача посильна для любого колхоза, то проблема создания достатка сельскохозяйственных продуктов была бы решена». Кукуруза хоть и могучая культура, но растет она «только у хороших хозяев». Сказал — и повторял потом до самой отставки. Вслед за ним обязаны были проводить эту мысль другие. «Даже в северных районах, если за ней (кукурузой. — **А. С.**) организовать надлежащий уход, она дает высокие урожаи», — писал Мацкевич. Это «если» — камень, о который они спотыкаются, не понимая, что с ними происходит. В этом «если» они не усматривают коренных проблем экономики и политики, общественного строя в целом. Для них само собой разумеется, что «надлежащий уход», который нужен «организовать», от системы не зависит, в систему не упирается, тут нет вопроса вопросов. Это «если» может и должно быть обеспечено простым усилием воли, желанием колхозного председателя добросовестно выполнять свои обязанности.

Вынужденный уже в 1958 году признать, что ему втирают очки: «В ряде республик и областей сведения о запасах кормов оказались неправильными, завышенными», — он не призвал своих коллег задуматься, что же это за жизнь такая, что деревня завышает сведения о запасах кормов, и зачем, собственно, нужны эти сведения властям и кому бы то ни было, кроме доярок и нескольких исследователей — специалистов по кормопроизводству. Можно было бы еще как то понять, если бы крестья-

янин, вынужденный за каким-то чертом отчитываться перед правительством о кормах, не хвастал, а приbedнялся, надеясь, что ему подкинут по дешевке чего-нибудь на его обстоятельства... Нет, Хрущев продолжал несмущенно чувствовать себя хозяином большого, во всю шестую часть, колхоза или, скорее, директором необъятной единой фабрики, которому все обязаны отчитываться о работе, о запасах и намерениях, только, в отличие от своего предшественника, много ругался и мало, слабо наказывал.

Способы, какими его распоряжения и внушения доводились до низов, были обычные, известные со времен «военного коммунизма»: посылка уполномоченных, проведение агитационных кампаний. Эту слабинку почувствовали всюду: во вредительстве никого не обвиняют, в тюрьмы не сажают — шумят да подбирают кадры. В понимании безобидности этих шумливых способов с умными людьми невольно сходились самые безответственные, отчаянно безответственные. В Днепропетровской области, на весь мир жаловался Хрущев, уполномоченными «по кукурузе» разослали первых попавшихся, часто совершенно ничтожных чиновников; какой-то снабженец Осипов приехал в колхоз, велел косить не достигшую еще и молочной спелости кукурузу — и был таков. Когда его спросили, что он делает, спокойно объяснил: «Мне сказали в области ехать в колхоз и заставить косить кукурузу на силос. Это я и выполняю».

Такие примеры, как этот, Хрущеву показывали, что все дело в кадрах, ничего не надо особенно менять — одних смелее гнать, других смелее выдвигать и вдохновлять. Сердцевина каждой его речи, доклада, записки — рассказ о передовых хозяйствах и передовых людях, об их профессиональном опыте. Все дело в том, считает он, чтобы люди знали, как что делать, в первую очередь местные руководители. Знали и, конечно, умели, хотели бы уметь. Так думало большинство в стране. Все зависит от местного начальства: «все делают местные», всегда говорила моя мать, беда только, что делают они «что хотят».

Вообще Хрущев был более народен, чем хотелось бы думать некоторым его друзьям и недругам. Плоть от плоти, без всякой натяжки. Для него, например, само собой разумелось, что выбиться в люди — значит порвать со средой, в которой родился и рос, получить важную профессию, занять место, на котором не требовалось бы работать руками, стать начальником — чем большим, тем лучше. О жизненном успехе человека он судит не по его, скажем, доходам, как в странах с развитым товарным хозяйством, а по тому, какую профессию освоил и какое общественное положение занял. Причем вместе с массой Хрущев уверен, что способствовать человеку в этом движении должно государство — оно потому и народное, в том его и демократичность. «Сын рядового колхозника стал генералом... — радуется он. — У нас самая подлинная демократия». Приводит в пример себя: «Сам я был пастухом, а теперь народ и партия поставили меня на пост первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Видимо, и среди пастухов бывают неплохие люди». (Шевченко: «Я ему говорил, что нежелательно часто повторять, что он был пастухом. Раз сказали — и хватит. А Подгорный, который при этом присутствовал, сразу на меня: «Почему вы заявляете, что

это нежелательно? Повторение — мать учения». Хрущев, я считаю, был руководителем большого масштаба, исключительно решительным и волевым, искренне хотел изменить нашу жизнь к лучшему, но беда была в том, что все старались ему угождать»). Чем выше стоишь, тем больше стоишь — он и мысли не допускает, что тут не вся, так сказать, правда и даже вовсе никакой правды, никакого социализма нет.

Может быть, ничто не вызывало такого сочувствия в народе, как его отношение к науке — ко всем этим НИИ пчеловодства под Москвой («Бедные пчелы!» — восклицал он), сельскохозяйственным исследовательским центрам на городском асфальте, к многолетним трудам почтенных докторов и академиков, в итоге которых они неопровержимо устанавливали, как один харьковский корифей, что ширина лошадиного шага зависит от длины ног лошади. Народ, конечно, не читал этих трудов (их часто не читали и сами авторы), но главное ему было известно и так: где наука, там особенно много трется дармоедов. Ведь не кто иной, как он сам, народ, рабочие и крестьяне, из кожи вон лез, чтобы его дети пристроились к этому корыту. За десять лет Хрущев привел в своих речах и докладах столько примеров «научной» тупости и халтура, что из них мог бы составить целый том сатиры в духе Салтыкова-Щедрина. Его, бывало, трясло: «Не могу спокойно говорить о том, что ученые навязали колхозам и совхозам привязное содержание коров. Простые люди до этого не додумались бы... У нас даже в кино показывали, как поят теленка, а потом ему губы вытирают салфеткой. Вот, мол, какая «культура». В бешенство приводили его проекты несуразно дорогих животноводческих помещений: «Зачем, спрашивается, свиньям строить хоромы с капителями и колоннами, свиньи в них не разбираются». «Если послушать вас, то получается, что партия разработала травопольную систему, а ученые поддерживали в этом партию, — упрекал в Киеве президента Украинской академии сельскохозяйственных наук Власюка. — Нет, дело было как раз наоборот. Ученые предложили эту систему и толкнули колхозы и совхозы на ее повсеместное внедрение...» Все системы — детища ученых, которые борются между собой за благоволение верхов. Ученому, изобретателю всегда нужно одно — чтобы все силы и средства государства, если не сразу всей планеты, были брошены на осуществление его с и с т е м ы и ничьей другой. Нет таких ухищрений, на которые не пошел бы одержимый творец, лишь бы его творение воплотилось. Картина этой вечной свалки в барских сенях, где все решают кулаки и слепой случай, претила Хрущеву, и он близко подходил к распознаванию природы этой свалки: «Разве должен я быть высоким авторитетом в вопросах науки о сельском хозяйстве?» — но так и не додумался, что наука на содержании у государства — не наука, а именно корыто с дармовым пойлом. Предлагаемые и частично даже проводимые Хрущевым меры были тоже по-народному простыми, предельными и... бесполезными. «Надо приблизить ученых к производству, тогда они принесут большую пользу». Приближение понимал буквально: требовал разработать «план перевода» их в село.

«Все дело в кадрах, и только в кадрах. Нам надо послать в МТС главных инженеров и агрономов с высшим образованием» (1954). Впрочем, не только в МТС. В колхозы, пожалуй, еще важнее: «Взять 30 тысяч лю-

дей с высшим и средним образованием (с одним высшим набрать будет трудно, колхозов все-таки много, он реалист. — **А. С.**), умеющих руководить массами, и послать их в колхозы». Посылали когда-то комиссаров и агитаторов, теперь надо послать инженеров и агрономов, председателей... Тут хотя бы указан признак, которым аппарат мог руководствоваться при отборе рекрутов, — образование. Чаще всего Хрущев не затрудняет себя такого рода конкретикой, говорит просто (и всем понятно — вот что интересно!): «Главное — подобрать хороших людей...»

Посылать хороших людей надо не хозяйствовать, а руководить массами. Язык у Хрущева всегда точный. Что на уме, то и на языке. Так он и понимает работу хозяйственника — руководить массами, вести их за собой. Как в бою, в походе, при стихийных бедствиях, вынуждающих массы временно отказываться от нормальной жизни, от наиболее свойственных природе людей и природе хозяйства отношений — отношений обмена, делового сотрудничества, предпринимательства.

Образец, который он предлагает сельскому хозяйству, — хороший завод и хорошая же военная часть. Наслушавшись о беспорядках на целине, о варварском отношении к технике, без колебаний и затруднений набрасывает проект некоего полувоенного фаланстера: «Надо закреплять за бригадами технику, закрепить за ними землю... Весь порядок работы в бригаде, агротехнику должен разработать агроном с участием бригады. Установленный порядок работы в бригаде должен быть ЗАКОНОМ. Никто не может нарушить этот порядок. При такой организации дела можно обеспечить хороший урожай». В конце 1961 года, изнуренный восемью годами своих героических, но большей частью бесплодных усилий, когда губы уже опаляло горечью близкого сокрушительного поражения, он продолжает стоять на своих понятиях: «Вы знаете, когда готовится наступление, прежде всего обучают людей. Генералы, офицеры настойчиво учат солдат решению поставленной задачи... Когда начался бой, его успех решает солдаты, вступившие в схватку с врагом. Так и в сельском хозяйстве».

Собственно, обучение кадров приемам выращивания культурных растений и домашнего скота он, первое лицо в государстве, и сделал своей прямой обязанностью. Раз партийно-государственный аппарат берет на себя непосредственную организацию производства, то кто, как не он во главе этого аппарата, должен осуществлять и профессионально-техническую подготовку работников? Хрущев становится знатоком агрономических новшеств, часами говорит о них с трибуны, заставляет занимать техническими сторонами земледелия и животноводства массовую печать, не видит ничего ненормального в том, что газеты с миллионными тиражами из года в год пишут об одном незначительном техническом приеме — квадратно-гнездовом севе.

Задачи и способы их достижения формулируются им чаще всего неопределенно, но решительно и в высшей степени доходливо: дело пойдет, «как только мы расшевелим руководителей, а мы это обязательно сделаем», потому что не сделать нельзя; в колхозах «мало свиней, но много свинства». Он судил не с чужих слов, знал много прекрасных председателей — Посмитного, Дубовецкого, Цыбенко, Бурцакую, Малинину,

любил их, в отношениях с ними его доброе сердце и богатая детская натура проявлялись наиболее трогательно, бывая у них, он оттаивал, набирался сил, укреплял свою веру в социализм. Ему и самому случалось подбирать хороших людей и видеть, как меняется положение, как буквально в два-три года хозяйство становится неузнаваемым. Он не раз помогал этим людям деловыми советами, и был толк; этими толками гордился не меньше, чем политическими успехами и дипломатическими победами, с удовольствием сознавал себя способным поднять не только сельское хозяйство в целом, а и отдельный колхоз или совхоз. Весной 1955 года на одном большом совещании увлеченно просил послать его в «самый трудный район», от которого все отступились. «Дайте мне этот район. Перед всем честным народом заявляю... даю подписку... Отдаю отчет в значении этого заявления и не хочу провалить дело, не хочу быть болтуном, сказать и уйти в кусты».

Для него само собой разумеется, что за каждое дело кто-то отвечает и что так и должно быть, а если нет ответственного, его надо найти, чтобы было с кого требовать, кому «подбрасывать ежей» (это из любимых его выражений, означает — к р и т и к о в а т ь). Главная его работа — как можно лучше устроить лестницу ответственности. Сначала решает, что все быстро наладится, если в каждом районе «иметь на каждую МТС группу работников во главе с секретарем райкома партии», называет это перестройкой работы сельских райкомов. Двигаясь дальше по пути перестройки, задумывается: «В сельскохозяйственных органах, может быть, следует иметь инспекторов по отдельным культурам, к примеру, по картофелю или овощам. Эти инспектора обязаны отвечать за правильную организацию ведения дела в колхозах или совхозах района или области».

Как отвечать, он никогда не объяснял, этого вопроса для него не существовало. Ему казалось, что ответственные способны творить все из ничего, поэтому с них можно взыскивать за все. Он казался всеильным им, а они казались всеильными ему. В конце весны 1954 года узнает, что в Белоруссии на больших площадях сеяли рожь вразброс, из лукошек. Что же он? Преклонился перед измученным народом? Сказал ему спасибо за этот тяжкий труд? Зарубил себе на носу, как же еще первобытно ведется любимое его сельское хозяйство? Соотнес с этой зарубкой свои грандиозные планы? Нет, он жалеет народ, но по-своему: накидывается на начальников, обязанных всячески облегчать положение народа, как командиры — солдат. Разнес обкомы-райкомы: такие-сякие, они допустили (в Литве тоже...) грубые нарушения агротехники. Все дело, оказывается, в этом. Такова его вера в человека, человека-начальника, в его возможности.

В 1961 году, когда разгневанный взор его упал на Министерство сельского хозяйства, он первым делом заменил безответственного чиновника Мацкевича высокоответственным производственным Волонченко. Тот был директором передового совхоза, все знает, все умеет, вот он и поведет министерство из Москвы в Горки, с асфальта на землю. Никита Сергеевич надеялся на него почти так же, как некогда на кукурузу, с гордостью рассказывал о нем министру сельского хозяйства США Фримэну:

«Он говорит не то, чего он хочет, а то, что делал и как он делал». Таких министров у нас, мол, еще не было. Понимая, в чей огород бросается камушек, американец охотно признавал, что ему до нашего Воловченко действительно далеко, он никак «не претендует на то, чтобы быть техническим специалистом, инженером». Хрущев продолжает хвалиться своим любимцем: «Он может взять за ушко плохого руководителя хозяйства, потрепать его и сказать: так делать нельзя, вот так надо делать!» Американский министр и сопровождающие его лица смеялись... Куда им до нас! У них никто, даже президент, не может потрепать за ушко Гарста.

Иногда он смутно чувствовал, что говорит что-то не то, догадывался, что людей раздражают его бесконечные ссылки на передовиков, а его уверенность, что «любой отстающий колхоз в течение двух лет можно вывести в передовые», вызывает смех. Объяснялся в таких случаях со всегдашней прямоотой и доступностью: «А вы как же хотите, товарищи руководители районов и областей? У нас, коммунистов, есть принцип: если один добился высоких показателей, значит, то же самое могут сделать и другие». Способен ли он был понять, что это далеко не так? Для этого Хрущев должен был хоть раз усомниться, обеспокоиться: а вдруг то, что я считаю белым и данным от бога, на самом деле черное и от лукавого? Но как усомниться, обеспокоиться, если...

...если у него есть Калиновка!

«Если Калиновка может, так почему не могут другие? — восклицает он с той глубочайшей искренностью, которая не покидает детей, даже когда они лукавят. — Могут!...»

Бог дал ему умницу Нину Петровну, но откуда-то взялась ни в чем не повинная Калиновка. Только обожаемая дура жена может принести мужу-начальнику столько счастья и вреда, сколько принесла Хрущеву его малая родина. Что может быть нормальнее — любить свое село, куда тебя тянет больше, чем за любой океан, где ты, увидев, как убирают сено, вдруг вспоминаешь стихи, которые учил здесь когда-то в школе? Что может быть трогательнее и безобиднее — произнести эти стихи на всю страну, выступая перед земляками:

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

В Калиновку он заезжал по пути в Крым, в отпуск, или из Крыма и всякий раз что-то подсказывал: то «больше уделять внимания внедрению гороха», то кукурузы, то «почему бы вам не попробовать посеять фасоль? Это высококалорийное бобовое растение. И для супа, и для пирогов фасоль хороша». (Один раз ее покорно посеяли, потом перестали: убирать-то ее пришлось вручную, и он, узнав об этом, велел конструкторам создать фасолеуборочную машину, те обещали.) Советовал «обкашивать дороги, канавы и другие места, где растут сорняки», для устройства силосохранилищ «использовать рельеф местности, например холмы. Если в холме прорезать траншею, то стенки холма явятся естественной защитой силоса от морозов».

Он помогал ей только своими познаниями, а вот поди ж ты: народу не нравилось, что он туда все время ездит, народ считал, что он свою Калиновку осыпает золотом за счет других.

Есть человек, который доказывает, что это не так, — помощник Хрущева Андрей Степанович Шевченко.

«С Калиновкой связал Хрущева Сталин. В сорок пятом году однажды спрашивает его: вы откуда родом? Говорит, с Калиновки. Давно там были? Да, давно, в гражданскую войну. Сталин говорит: это вам чести не делает, надо все-таки поехать. Приехал Хрущев, а Калиновка его и не думает подниматься. Все развалено, запущено, люди голодные. Он спрашивает: что же вам надо? Лошадей, отвечают, нету. Будут у вас лошади! Звонит маршалу Гречко, который командовал тогда нашими войсками в Германии: дай лошадей моим землякам. Гречко послал лошадей, но каких? Немецкая лошадь — это битюг, ее накормить невозможно. Приезжает Хрущев на следующий год, думает, колхоз уже пошел в гору, нет, по-прежнему люди голодные сидят, ничего не делается. Он их давай критиковать: ну, как же вы так, я ведь вам лошадей прислал! А их, говорят, уже нету. Как нету! Они бы и нас съели, если бы мы их не продали.

Тогда он решил зайти с другой стороны: начал подбирать им толкового председателя. Подобрал из Сумской области одного, тот не потянул. Послал из Киева начальника главка Сторожука. Тот старается, из Севска носит запчасти на плечах в Калиновку, но и при нем люди не работают, дело стоит. Тогда Хрущев начал меня посылать. Приехал я первый раз, взял с собой одного инженера. Зима, холодно, а он полураздетый. Забрал я кожух у председателя, одел этого инженера. Перед нашим отъездом председатель беспокоится: а он мне кожух отдаст? Народ от бедности был опущенный. Застряли мы там на одной станции. Станция есть, самовар на станции тоже есть, и довольно большой, а кипятку нет. Почему? — спрашиваю. Воды нет. А ведро есть? Есть. Взял ведро, принес воды, залил. Когда самовар закипел, я сразу пять стаканов себе, пять стаканов шоферу, пять стаканов инженеру. Тут публика поднимается к начальнику станции: а нам? Он сам себе воды принес, отвечают им. Попили мы чаю и пошли в МТС, там Фатежская МТС была. Директор повел нас ночевать в одну избу. Хозяин говорит: я их пушу, только у меня кормить нечем и спать придется на земляном полу. Вот мы и заночевали: инженер лег, шофер лег, я лег. Ночью в избе отвязался теленок и давай жевать волосы инженера... Мне этот директор МТС понравился, фамилия Грачев. Я подумал-подумал и порекомендовал его председателем в Калиновку. Начали мы с ним работать, он на месте, я наездами.

С чего мы начали? Нет денег в хозяйстве. Хрущев был по натуре страшного скупой человек. Тот, кто думает, что он мог что-то подкинуть своей Калиновке сверх общих оснований, ошибается. Немецкие битюги не в счет. Насчет денег — это уже моя мысль работала. Мы собрали колхозников. Я говорю: в этом году будете сажать свою картошку в колхозном поле, где нарежем вам временные огороды. А на ваших исконных огородах, объединив их в один массив, посеем колхозную коноплю, потому что в колхозе удобрений нет, а ваши огороды веками удобрялись. Извращение, конечно, но они согласились. Конопля выросла выдающаяся. Тут моя мысль

снова работает. Если сдавать, как все кругом, грестой — одна цена. Если волокном — в три раза выше. Пригласил из института специалистов — давайте организуем переработку конопля на месте, в колхозе, помогите нам. Так появились у нас первые деньги. А единственное, что было сделано для Калиновки в порядке привилегии с ведома Хрущева, — дорога от Киевской трассы, да и та плохая, быстро разрушилась. Остальные некоторые маленькие хитрости шли от меня. Хрущев о них и не знал. Я, например, предложил сделать из Калиновки колхоз-техникум, это для того, чтобы за счет бюджета хоть что-нибудь построить в селе».

В Калиновке он особенно остро, свежо чувствовал себя коммунистом, коллективистом, устройтеlem новой жизни по заветам учителей. Здесь особенно бросались ему в глаза все несправильности, несоответствия и пережитки старого: и то, что у каждого свой хлеб с коровой и огородом, и то, что люди хотят строить себе отдельные жилища и вообще предпочитают, судя по всему, привычную им деревню, а не агрогород.

«В Хомутовке у него была одинокая сестра, — вспоминает Шевченко. — Однажды она ему написала: «Помоги мне, брат, у меня валится дом». Хрущев меня вызывает, показывает это письмо. Зарплату он всю отдавал Нине Петровне, а депутатские сто рублей клал в сейф в кабинете. Вот он открывает этот сейф и говорит: «Я вам даю пятьсот рублей, помогите моей сестре хатенку построить». Я говорю: «Никита Сергеевич, за пятьсот рублей хатенку не построишь, вы же не знаете, что сколько стоит. Давайте я туда поеду, поинтересуюсь, а потом будем решать». Приезжаю в Хомутовку, заехал по адресу. Дом действительно развалиха, потолок лежит на шкафу. А Грачев на центральной усадьбе как раз строит многоквартирный дом для специалистов. Я говорю ей: «А что если мы дадим вам, хотите, одну, хотите, две комнаты в Калиновке? И не надо вам будет строиться?» Она говорит: «Не пойду в тот дом». «Почему?» — «А где же я буду сеять бурак, огурцы?» Я говорю: «В колхозе получите и бурак и огурцы». — «Так они же, — говорит, — еще не сеяли ни бурак, ни огурцы, а у меня в огороде уже растут. А где я, — продолжает, — буду поросенка держать?» — «Ну, там будет вам какой-то сарай». — «Да нет, — не соглашается она, — они скажут, что мой сарай воняет, и прогонят меня, а без поросенка, без курицы я жить не могу». Возвращаюсь, говорю Никите Сергеевичу: «Вот предлагал ей, чтобы она переселилась в дом городского типа, но она не хочет». Он говорит: «Ну, а черта ей надо?» Я говорю: «Вы не понимаете психологии крестьянина. Ему нужен огород, сарай — хозяйство, одним словом. Поэтому вся трагедия». В ответ он и меня выругал, и ее выругал. «Ну вас к черту, — говорит, — какой огород, какое хозяйство? Ленин нас учил, Ленин завещал: никакого личного хозяйства, а вы идейно и физически в нем погрязли и никак не выберетесь».

Он любил сельское хозяйство, жалел своих односельчан, но крестьянину как таковому в рот не глядел, он рабочий, носитель всего нового и передового, это они должны смотреть ему в рот и слушать, что он им принес. Терпимостью, примиренчеством были заражены не только многие низовые работники, но и целые центральные ведомства и аппараты, чадом курной избы разило от некоторых законов и установлений. При-

ходилось объяснять очевидные вещи: что надо, например, «перейти от строительства маленьких домиков к строительству многоэтажных домов, но не выше пяти этажей». Тогда «исчезнут заботы крестьянина о топливе, о воде и о многом другом». Объяснял и разжевывал, как это ловчее сделать: «...прекратить выдавать государственные кредиты на индивидуальное жилищное строительство».

Невыгодность, неприемлемость всего частного так всюду бросались ему в глаза, что он только диву давался, почему люди это терпят, не делают практических выводов... От колхозной коровы в Калиновке надаивают четыре тысячи литров, а частная дает, говорят, полторы. Какой напрашивается вывод? «Если этих коров взять на колхозную ферму и хорошо кормить, то они тоже будут давать по 4 тысячи килограммов молока». Был, правда, вопрос, чем их хорошо кормить на колхозной ферме, но ответ у него имелся давно: кукурузой, свеклой, бобами. За этим ответом тянулся еще один вопрос: откуда их набраться — кукурузы, свеклы, бобов? Способен ли колхоз при существующих условиях вырастить их столько, чтобы молока хватало и государству, и колхозникам. Но это уже был вопрос из злопахотельских. Если каждый в отдельности способен содержать свою корову, то почему все вместе они не могут содержать тех же коров?

Ему тяжело смотреть на их большие огороды, и вслед за советом продать колхозу коров, перейти на колхозное молоко он предлагает им завести общий огород, а на нем посеять кукурузу, чтобы ее зерном кормить еще остающийся у них в единоличной собственности мелкий скот и птицу. Он остро чувствовал, как бежит время, и сильно подозревал, что и дальше тянуть с насаждением коммунистических ростков, мириться с отставанием от капитализма нельзя, народу надоест, он разочаруется. На личном хозяйстве все сошлось таким острым клином потому, что оно не только удовлетворяет частнические потребности крестьянской души, с чем можно еще было бы на какое-то время согласиться, но и кормит страну.

Вера его была твердая: единица — нуль, коллектив — все. В том, чтобы все было общее, — истина и спасение. Главное, чего он хочет, — лучшей жизни для народа, настоящего коллективизма, когда один за всех и все за одного. Неужели от этого начала, если его твердо придерживаться, может быть меньше толку, чем когда каждый открыто за себя, а один бог за всех? Если меньше, тогда зачем жить и трудиться? Колхозница-звеньевая из Житомирской области Надежда Григорьевна Заглада выступила как-то с живым словом к молодежи: любить землю, труд, быть преданными общему делу. Ему легли на душу ее слова. «Я понимаю т. Загладу, когда она говорила о радости труда. Чем старше возраст, чем меньше остается жить, тем больше пробуждается желание и стремление трудиться, трудиться, чтобы успеть еще больше сделать, пока сердце не перестанет биться в груди». (А школьная молодежь, которую заставляли писать сочинения по трескучим статьям, подписанным именем ни в чем не повинной старой селянки, зевала...)

То, что и через сорок лет после революции эти несчастные клочки и хлева продолжают быть основой жизни в стране победившего социа-

лизма, было для него бедой, жгучим укором. Этого хозяйства давно не должно было быть, а оно было, существовало вопреки всему, даже вопреки учению. Пока эта несообразность оставалась, он не мог чувствовать себя спокойным ни за свой строй, ни за саму теорию, не мог себя обманывать словами, что наши превосходства уже доказаны всему миру. Только плохой коммунист мог быть невозмутимым, имея социалистическую страну, сплошь уставленную этими хлевами, расчерченную на полосы, где согбенные женщины и дети с тяпками невольно демонстрируют всей планете преимущества ненавистного ему личного интереса. Он напоминал своим землякам, за что боролись, что планировалось, почему «вопрос о высвобождении колхозников и особенно колхозниц от малопроизводительного труда в домашнем хозяйстве имеет не только экономическое, но и политическое значение». Зачитывал им Ленина, который неопровержимо доказал, что кухня, мелкое домашнее хозяйство женщину «давит, душит, отупляет, принижает». Сколько ей можно, в самом деле, горбиться у печи, сколько будет дым очага выедать ей глаза? «Надо больше проявлять заботы о женщине-колхознице. Если она будет получать молоко с фермы, а хлеб из общественной пекарни, если ее дети будут находиться под присмотром в детском садике, тогда женщина-мать вздохнет свободнее и работать станет во всю силу. У нее появится возможность почитать книгу, сходить в кино, на лекцию, расширить свой кругозор, повысить культурный уровень».

На его советы откликались быстро и старательно, за этим следили обком с райкомом. Летом 1957 года быстро построили коровник, и той же осенью туда «каждый привел свою корову», как сообщил Хрущев в декабре, выступая в Киеве. Освобождение сельских жителей от коров вошло в круг его особых забот, он делал это с напором, но политично. Добровольность и еще раз добровольность, «нельзя делать это по принуждению, ни в коем случае нельзя форсировать это дело», а то он знает свои кадры: если увлекутся, то не разберешь, где сделано добровольно, а где — под нажимом. Но не самотек! Даже обещая наказывать за перегибы, дает понять, что ждать мужицкого согласия надо не годами, а месяцами. Для совхозов на декабрьском, 1958 года. Пленуме определен и крайний срок: постановлено, чтобы в течение 2 — 3 лет совхозы купили скот у своих рабочих и служащих. Совхозы пойдут впереди, а колхозы будут на них равняться. В совхозах особенно нетерпимы уступки всякой единоличности, они ведь высшая форма собственности, образцы, так и задумывались. «Ленин предвидел, что наличие скота и приусадебных участков у рабочих и служащих совхозов поставит рабочего и служащего в условия, когда для него может стать соблазном нарушать государственную дисциплину, использовать продукцию, выращенную в совхозе, для личного обогащения, для кормления своей коровы, свиньи, птицы и прочей живности, если он будет ее иметь». Ленин специально позаботился, чтобы предотвратить такое развитие событий. По его настоянию в закон о совхозах (1919) была внесена статья, запрещающая личное подсобное хозяйство, — рабочий, хоть и сельский, должен быть рабочим, пролетарием, а не собственником. «Зачем эта статья вошла в закон? — разъяснял Владимир Ильич. — Чтобы создавать общий труд в общем хозяй-

стве. А если снова заводить отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было и до сих пор».

Верный ленинец, за чистотой совхозов Никита Сергеевич следит сугубо (хотя и упускает, что тот закон писан Ильичом до нэпа, в 1919 году). Был просто вне себя, когда до него дошло, что на целине, в совхозах, созданных молодыми патриотами на пустом, не зараженном собственничеством месте, в поселках, выросших в обстановке настоящего пролетарского коллективизма, рабочие и служащие держат скот, много скота, по несколько голов, а то и больше, держат даже секретари партийных организаций, директора школ, учителя, вот во что превращены социалистические хозяйства, носящие в основном такие славные имена, которые сами по себе обязывают!

Он не забывает свою Калиновку в самые трудные минуты, когда, кажется, совсем не до нее. Лето шестьдесят третьего года было страшное. Крах его десятилетних усилий и расчетов был явный, полный. Десяток лет он старательно подбирал лучшие кадры, которые тоже подбирали себе лучшие, которые и так далее, и все оказалось без толку. Публично облив презрением профессиональных лжецов из Вашингтона, подвергших сомнению «наши успехи», он тут же диктует отчаянную служебную записку в Президиум ЦК. Это был год отчаянных записок. Он признает обескураживающий факт: многие хозяйства все эти 10 лет не двигались с места. В чем же дело? «Главное состоит в том, что партийные организации не потрудились изучить состояние кадров и заменить негодных отсталых руководителей. Сейчас эти кадры и сушат колхозы и совхозы... Все дело в людях, в руководителях. Возьмите, например, колхоз села Калиновки...» Вскоре был пленум, последний, который он проводил, ставя в этот раз грандиозные задачи по созданию Большой химии, и там тоже ее вспомнил, свою Калиновку, — как она была поднята Грачевым. Призвал: «Давайте подберем Давыдовых, Грачевых, уверен, что за один-два года экономически слабые колхозы преобразуются». Зал откликнулся аплодисментами, а народ — вот поди ж ты! — смеялся, говорил, что он носится со своей Калиновкой — как с писаной торбой. Он хотел устроить в Калиновке лучший в стране фаланстер, чтобы по нему равнялись остальные села, а народ возмущался и плакал, что коров забрали, а молока, хоть и обещали, не дают, все вывозят в план, требуют высокой товарности, за низкую — жуют председателей вплоть до исключения...

Он безоглядно гордился тем «в нашей жизни», чем следовало бы гордиться с большой оглядкой, но суть дела при этом определял всегда точно. Никита Сергеевич был, может быть, лучшим среди своих современников знатоком административного социализма, строя, при котором деньги значат катастрофически меньше, чем должны по своей природе. «У нас если человек не имеет квартиры, то пишет об этом, требует, чтобы ему предоставили квартиру. Иного бюрократа это повергает в негодование, а я вижу в этом, как выросло самосознание советского человека, он правильно считает: я — гражданин Советского Союза, я без квартиры, решайте те, кто призван решать, когда я получу квартиру — в первую очередь или во вторую. Так ставят вопрос советские люди! И правильно

ставят. В капиталистических условиях такой вопрос решается просто — там же «свобода»: у тебя нет квартиры, живи себе под открытым небом. Там не с кого спрашивать, никто тебе свою квартиру не даст. В нашей стране подобное понятие «свободы» ликвидировано, и в этом великое преимущество советского социалистического строя!»

Так же, как в деле с квартирой, Хрущев признает и высочайше ценит право советского человека требовать пропитания — сначала хлеба, а теперь и мяса — от тех опять же, кто призван решать, то есть в первую очередь от него, Хрущева. Признав это право за советским человеком, поделив народ на тех, кто стоит в очереди (первой или второй...), требуя крова и пищи, и тех, кто это все забирает в план, а потом выдает, Хрущев сам обрек себя на свою судьбу...

Как-то он спросил одного колхозного председателя, какая культура в этом хозяйстве самая выгодная. Тот назвал овес: с ним меньше всего хлопот, посеял и убрал, на него не очень зарится государство. Через несколько лет Хрущев повторит этот же вопрос одному директору совхоза в Барабинской степи. Тот мгновенно назвал самой выгодной в его условиях культурой могар.

« — Почему могар?

— Т. Хрущев, могар — это трава, траву государство не берет у меня. Если я посею зерновые культуры, то надо продавать зерно государству».

Так жизнь подводила Никиту Сергеевича к открытию, которое могло бы стать величайшим в его жизни и возыметь едва ли не всемирно-историческое значение... И ведь все уже было не только разжевано, но и в рот положено — глотай. Задумайся: что же это за дела, что существует вроде бы товарное хозяйство, а ему невыгодно делать то, ради чего и с чего оно должно было бы существовать, — продавать зерно? Можно ли его назвать товарным? А если оно не товарное, то кому оно такое нужно? Это же как лавочник, которому невыгодно торговать, как рыба, которой невыгодно плавать в воде — что же это за вода? Думай, как ее сделать пригодной для плавания! Нет, Хрущева не собьешь, он думает о другом: «Вот и такие встречаются коммунисты. И чем меньше таких коммунистов будет в партии, тем лучше для партии».

Однажды набросился на директора совхоза «Кубань» Максимова, одного из лучших хозяйственников Северного Кавказа. Побеседовал с ним в конторе, проехался по полям, остался доволен, и так бы все и обошлось, но под конец, спохватившись, заинтересовался структурой посевов... Максиму бы соврать, а он то ли из принципа не захотел, то ли потерял бдительность и сказал правду. 30 процентов кормовых культур у него составляли на тот момент травы. Дающая 48 центнеров с гектара кукуруза занимала 16 процентов пашни. Все было мгновенно забыто, перед Максимовым (перед страной) был прежний, всем уже надоевший Хрущев на своем коне. «Разве вы могли бы конкурировать с Гарстом? — гремел он. — Какая стоимость ваших продуктов была бы на рынке? Вас Гарст растоптал бы, как слон. Он сеет не травы, а кукурузу. Во время поездки в США я был у него в хозяйстве». Хрущев шумел, не позволяя себе догадаться, что выход в том, чтобы из сослагательного наклонения дело перевести в действительное, чтобы вопрос стоял не условно: какая сто-

имость максимовских продуктов была бы на рынке, а и впрямь рынок определял их стоимость, тогда только и можно было бы точно сказать про те же 30 процентов трав среди кормовых культур, много это или мало.

Казалось бы, слово «продразверстка» такому человеку должно было быть близко и дорого. Ан нет, этим словом он оценивал отношения государства и сельского хозяйства, сложившиеся в сталинские времена, и оценивал недвусмысленно критически. Хлебозаготовки в стране носят характер продразверстки, сказал сразу, как только пришел к власти. Продразверстка — это насильственное изъятие продуктов без всякого поощрения земледельца и без мысли о завтрашних нуждах производства. Хрущев мечтал о продналоге, даже больше — о свободных заготовках, мечтал всей измученной душой старого продотрядовца, так и не сумевшего привыкнуть к виду слез, крови, разорения. Мы в тайных наших разговорах еще продолжали гадать, что такое был мор тридцать третьего, а Хрущев всегда знал, в чем там было дело. Тогда как раз начинался возврат к обязательным поставкам хлеба государству. Голод не был организован, за ним не стояли злодеи-заговорщики. Все было хуже. Спустив планы, которые оказались невыполнимыми, власть продолжала требовать, чтобы они были выполнены любой ценой. Только и всего. Голод был торжеством новой, небывалой государственной дисциплины — дисциплины нового типа. Сталинский аппарат показал, что он вполне готов и к другим, не менее серьезным мероприятиям, требующим беспрекословности.

Хрущев всегда мечтал о свободных заготовках. Он давал этим мечтам волю в самых своих задуманных выступлениях — они, естественно, все приходились на Калиновку. Там он в 1958 году жаловался землякам, что «многие все еще по-старому представляют себе экономические взаимоотношения между государством и колхозами, все еще не могут отвыкнуть от налогов и обязательных поставок», и делился надеждой, что со временем «сами колхозники будут просить, чтобы государство больше покупало у них зерна». В лучшие свои годы он буквально носился с этой мыслью. «Принцип свободной продажи продуктов постепенно будет распространяться на все отрасли хозяйства. Где мы будем покупать тогда хлеб? Там, где он дешевле», то есть в Сибири, Казахстане, на Украине, Северном Кавказе. Он даже сделал было шаг к этому: освободил от продразверстки, как мы помним, Нечерноземье...

Он думал, что свободная торговля в стране станет возможной тогда, когда будет достигнуто изобилие. Взгляд на свободную торговлю как на результат развития производства, как на венец всех усилий, как на последнее, самое убедительное доказательство социалистических успехов сам по себе очень интересен. Как может мечтать о свободной купле-продаже коммунист — враг стихии, человек, верящий в организацию, планирование, в подчинение всех стремлений общей цели, в преимущества такой жизни, когда вся страна сознательно устроена по типу единой фабрики? Хрущев со своим коллективом не догадывался, что свободная торговля — это не следствие хозяйственного развития, а средство, способ, самый надежный двигатель этого развития. Освобожденное от обязательных поставок Нечерноземье, как по мановению волшебной палочки, снизило производство зерна. Спросить бы самих земледельцев, почему

это произошло, что нужно сделать, чтобы зерном было выгодно заниматься... Это был бы подход в духе свободной торговли. Хрущев действует иначе. Считая, что поторопились с отменой продразверстки, он со сталинской обидчивостью возвращается к старому.

«Мы признаем свою ошибку. Мы слишком понадеялись на вашу сознательность, на коммунистическое понимание вами своего долга, своих обязанностей, — заявляет он зимой 1961 года активу Нечерноземья в Москве. — Теперь мы дело поправим: уже в этом году правительство увеличило план закупок зерна в районах вашей зоны, а на будущий год еще увеличим, с тем чтобы поставить вас в условия необходимости думать и работать над тем, чтобы с каждым годом увеличивать выращивание зерна и всех других продуктов сельского хозяйства». Сообщив эту новость, он умолк. В зале стояла тяжелая тишина. Вот он, еще один случай сопоставить эту тишину с тем, что творилось бы в этом зале, если был бы он заполнен, например, фермерами Саскачевана и они вдруг услышали бы, что государство собирается резко увеличить закупки их зерна!.. Нечерноземье продолжало угнетенно молчать. «Почему же вы не аплодируете?» — сказал Хрущев неприязненно. Зал промолчал.

Когда у него появляется мысль о том или ином достаточно крупном организационном новшестве, он вполне серьезно интересуется, не противоречит ли оно учению. В 1956 году академик Румянцев прислал ему записку о том, что на земле не должно быть двух хозяев — МТС и колхоза, хозяин должен быть один, лучше всего — колхоз. Хрущев прочитал эту записку и отложил, а через год достал ее из архива и принял, поглядывая в нее, диктовать свои соображения о ликвидации МТС. Дело было в Нальчике. «Я говорю, — вспоминает Шевченко, — Никита Сергеевич, нельзя их ликвидировать сразу во всех местах. Там, где колхозы еще бедные, следует оставить, иначе потеряем кадры трактористов, потеряем технический контроль. Он говорит, это частный вопрос. Мы знаем, что МТС — это государственная собственность, а колхоз — кооперативная, говорю я тогда. Впереди идет государственная, за нею кооперативная. Вы разрушаете государственную, укрепляете кооперативную, а это противоречит тому-то и тому-то! Он молчит. Приехали в Москву. Он приглашает одного главного редактора и одного академика и говорит: вот мне Шевченко подбросил «ежика», что я разрушаю государственное, укрепляю кооперативное. Вы мне помогите выйти из этого положения...»

В свое время он учился в Промакадемии, жил в грозной атмосфере споров о путях строительства, схваток с оппозициями и уклонами. Это было для него серьезно и привычно — сверяться с писанием и советоваться с псаломщиками. Уже свергнув Первого Марксиста, он не без робости ждал, что скажут ему один главный редактор с одним академиком, разрешат ли колхозам иметь тракторы. Они, конечно, постарались оставить его при мнении, что марксизму-ленинизму есть сугубое дело до того, где будут стоять тракторы — на дворе государственной МТС или на дворе, по существу, не менее государственного со всеми его потрохами колхоза, и ушли думать. «Посидели два дня — приходят. Никита Сергеевич, ничего страшного нет, говорят. Собственность не будет ни государственная, ни кооперативная, а будет одна общенародная...»

Что-что, а брать на себя создание теорий, двигать вперед учение он не решался, предоставляя это специальным людям. Другое дело, когда кто-нибудь из них, тот же «один академик», например, говорил, что он, Хрущев, незаметно для себя внес такой-то и такой-то вклад в сокровищницу, — тут он не возражал. Академику все-таки виднее. Главное, что он подтверждает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Человек неробкий, Хрущев смиренно чувствовал идеологические рамки и пределы. Когда случалось за них выходить, старался держаться поблизости, произвольно жался к ограде. Вне рамок, далеко за пределами социализма было приусадебное хозяйство рабочих, оно противоречило прямым указаниям Ленина, и тут Хрущев долго не колебался... Он твердо усвоил, что в пределах не должно быть роста розничных цен на продовольствие и ширпотреб, и тут, наоборот, долго мучился, прежде чем решился пойти навстречу пожеланиям трудящихся и поднять цены на мясо, а после долго оправдывался, говорил, что это временное отступление от идеалов, что «социалистический путь... в развитии производства и... снижении цен...».

Кому-то нравилось, а кого-то и удивляло, раздражало (с годами таких становилось все больше), что он много времени тратил на свои поездки по стране. С его поездками было связано слишком много суеты в центре и на местах: наводился лоск, готовились встречающие и выступающие, а все, о чем он спрашивал, что пробивалось к нему сквозь толпу охваченных любопытством, беспокойством или страхом людей, можно было легче узнавать и в Москве, не выходя из кабинета, из справок и сводок. «Спрашиваю: «Как у вас обстоят дела с продажей молока?» — рассказывает в Ростове в октябре 1958 года — «Хорошо, — отвечают они. — Молока хватает». «А с мясом как?» Мои собеседники замаялись. «Есть, — говорят, — мясо бывает». — «Всегда ли?» — уточняю я. — «Нет, товарищ Хрущев, не всегда». А еще бы лучше, проще и надежнее не лезть с цензурной дубиной на страницы газет и журналов — и вся картина жизни в стране, со всеми подробностями была бы перед ним каждое утро как на ладони... У него не было навыка обращаться к статистике, к объективным данным, самостоятельно, по сводкам и подборкам разного рода материалов разбираться в том или ином деле, ему неведомо было наслаждение одинокого сидения в кабинете над бумагами и книгами. Он был то, что в Китае называлось «кадровый», а у нас «партийный работник», вся жизнь которого в прямом руководящем общении с людьми, с массами, в организации и проведении мероприятий — митингов, собраний, разных кампаний, до революции — забастовок. Однажды вспоминал, как трудно ему давался новый масштаб работы, когда его избрали секретарем Московского горкома партии. До этого был секретарем Бауманского райкома. Кто-то спросил его, как ему на новом месте. «Плохо, скучно, — ответил он. — Когда я был секретарем райкома, я знал всех своих секретарей ячеек, у меня с ними было взаимопонимание, а теперь ячеек слишком много, я не могу везде побывать». Нет оснований думать, что он задним числом приписывал себе этот вкус к низовой агитационной работе. Слишком недешево обошлась стране его райкомовская закуска...

Большой любитель

Специалист от любителя отличается тем, что знает историю вопроса, держит в поле зрения все стороны предмета и понимает, как они между собою связаны. Хрущев был любитель до мозга костей. Истории вопроса для него обычно не существовало, видел он обычно одну, от силы две стороны предмета — довольно случайные, но чем-то привлекательные, о целом клубке связей и не подозревал. Что и позволяло ему отзываться о том же американском сельском хозяйстве — высшем достижении человечества за всю его историю — так: «Никакой особой американской мудрости нет. Удобрений много вносят...» Дело не в его неотесанности. Среди настоящих специалистов бывали и бывают весьма и весьма неотесанные персонажи. Хрущев — при его уме, таланте, живости — мог бы, наверное, освоить все, что положено солидному специалисту-агроному (если брать агрономию). Но он был любитель по своей слишком увлекающейся и нетерпеливой натуре. Как можно с одинаковым вниманием всматриваться во все стороны предмета, если вот эта — такая интересная, такая привлекательная, просто чудо!

Он все время забывал и упускал что-нибудь такое, что, казалось бы, невозможно упустить и забыть, все время преувеличивал или приуменьшал такие вещи, истинные размеры которых были очевидны. Вопрос о той же Большой химии, поняв, что без нее не обойтись, поставил не как-нибудь, а «со всей остротой» и сразу же начал с упоением делить будущее изобилие. «Когда мы расширим производство минеральных удобрений и будем собирать больше зерна, то будем иметь минимум годовой резерв», — хвалился в беседе с американским министром сельского хозяйства Фримэном. Тот, пряча улыбку, замечал: «Мы думаем, что это немногим больше, чем необходимо». — «Дополнительные расходы, — продолжал Хрущев, — это только стоимость минеральных удобрений, а она небольшая (теперь уже небольшая. — **А. С.**). Все это даст нам возможность иметь большие накопления бюджетных средств. Тогда мы сможем снизить цены на сельскохозяйственные продукты». Фримэн кивал головой: «Мы будем с нетерпением ждать результатов соревнования между нами».

Хрущев был из породы людей, как бы созданных чрезвычайными положениями и для чрезвычайных положений, когда надо все мобилизовать на что-то одно. Это люди для свершения крупных разовых дел, решения отдельных проблем авральными способами. Все оставить, все забыть, на все махнуть рукой, ничего не считать, не мерить — навалиться всем миром на одну сторону и вытащить ее... Этому рабочему-революционеру с его малым набором самых грубых, но алмазно-твердых понятий о том, что такое социализм, ни в какой мере не дано было проникнуться тем спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, к которому призывал под конец Ленин. Хрущеву мог бы помочь народный здравый смысл, которого ему не надо было занимать для дел, далеких от идеологии и политики. Но в том-то и суть, что далеких. Он не был бы тогда революционером, оторванным от жизни так, как только и может быть оторван человек, выросший

в идейной атмосфере, где линии и платформы важнее лиц и фактов. Разве мог бы человек (люди...) иного типа и биографии из одного почтения к теории взяться вдруг «всемерно развивать совхозную систему, так как она имеет более совершенные формы социалистической организации труда», преобразовать десятки тысяч колхозов, имевших хоть чуточку свободы, в совершенно бесправные совхозы, чтобы через несколько лет удивляться и гневаться: почему они убыточны, почему никак не окупаются затраты на превращение их из низшей формы в высшую?

Главный знаток сельского хозяйства, исколесивший страну вдоль и поперек, забиравшийся в Бугульму (Шевченко: «Заночевали как-то в аэропорту. Ночью слышу от него негромкий стук в стену. Вхожу: «Что, Никита Сергеевич?» — «Замерз что-то. У вас нет лишнего одеяла?» — «Есть». Лишнего вообще-то не было — принес ему свое, подоткнул со всех сторон...»), он даже о том, как живут люди в его родной Калиновке, имел смутное представление.

«Приехали мы в Калиновку, — вспоминает Шевченко, — Грачев ему говорит: «Никита Сергеевич, дайте мне десять тысяч кубометров леса». А Хрущев с Ефремовым, секретарем Курского обкома, как раз собирався строить там дома городского типа. Я ему говорю: «Никита Сергеевич, кирпич-то вы будете возить из Курска, мостов нет, порушите все мостки, по которым люди пешком ходят. Разве можно навозиться кирпича? Надо создавать собственное производство, на месте кирпич делать». И у Грачева была такая мысль, он хотел строить обыкновенные сельские дома, усадьбы с огородами, вот и попросил у него десять тысяч кубометров леса. Хрущев не среагировал, не ответил ему ничего. А утром — это мы едем поездом, как раз подъезжаем к Москве — приглашает нас на завтрак. Шелепина, меня, Мыларщикова... Чураев, кажется, еще был с нами, Василий Иванович Поляков. Во время завтрака спрашивает меня: «Что это вчера Грачев про лес говорил? Зачем ему лес?» — «Строить домики, — говорю, — колхозникам хочет». — «Да вы что! Мы же будем городского типа строить!» Я говорю: «За какие деньги они будут строить городского типа? Где материал?» — «А что, они там плохо живут?» Я говорю: «А что вы думаете? Вчера вам показывали ферму, где доярки в белых халатах, — это, думаете, ихние халаты? А то, что они вам сказали, что по двести рублей в месяц получают, так они их действительно получают?» — «А что, — говорит, — они хуже живут, чем рабочие?» — «Да никакого сравнения нельзя делать, Никита Сергеевич! У рабочего есть казенная теплая квартира, все благоустройство в городе...» — «У колхозника, — он перебивает, — есть свинья, есть гуска». Я говорю, что все равно колхозники живут значительно, значительно хуже, далеко им еще до рабочего класса. Он тогда говорит: «Так вы что, хотите разрушить союз рабочего класса с крестьянством?» Как ударит рукой по столу... Я говорю: «Я не хочу разрушить союз, я хочу, чтобы вы поняли, что колхозники еще плохо живут, что строить дома городского типа они еще не могут. Колхоз, если вы хотите знать, даже неделимые фонды вынужден был заплатить за технику МТС, а из этой техники половина только работает, остальная разбита». Я это как сказал, он сра-

зу рассвирепел, не стал есть, вышел из за стола, сел на диван. «Ну, вот, — говорит, — и позавтракали».

Как он их торопил, как торопился! Все должно делаться быстро, солдатски, по-боевому. Среди его понятий не было понятия о постепенном накоплении количества и качества, средств, опыта, знаний, он не выносил никакой эволюции, признавал только революцию, только скачки и переломы, гнал и гнал «нынешнее поколение советских людей» жить при коммунизме. Для него нет обыденности, все чрезвычайное — чрезвычайная историческая обстановка, чрезвычайные возможности («советский строй имеет безграничные возможности»). Он не хочет вкладывать средства в Нечерноземье: долго ждать отдачи, да и будет ли она, бабка надвое сказала. Надо действовать наверняка — бросить все на целину, вот откуда пойдет быстрый и дешевый хлеб. Что касается других зон, то тамошние хозяйства, он уверен, «будут скоро просить: купите хлеб, будут искать, где продать...». В январе 1954 года определил площадь целины, которую следует поднять, в 12 миллионов гектаров. В июле 1957-го ставит вопрос, чтобы еще 15 миллионов гектаров поднять. Недоволен: секретари обкомов и райкомов дают скупые обещания, ссылаются на то, что хорошие земли уже кончились, остались плохие — солонцы. Сами вы засоленные! Он уже подсчитал, если на 30 миллионах гектаров взять с каждого в среднем хотя бы 60 пудов зерна, то это позволит... а всякие засоленные работники сбивают его с этих подсчетов. Вот где закопаны колбаса и сало. Вспаши, засеи, убери — вот тебе и колбаса, и сало.

Только непрерывно чем-нибудь увлекаясь до полного забвения всего и вся, только отвлекаясь от обыденности с ее досадными подробностями, можно верить в быстрое и простое решение таких задач, какие он ставил перед страной. Только выдумывая чудесные средства их достижения — такие, как подбор хороших людей и кукуруза вместо удобрений, а потом чуть ли не наоборот: удобрения вместо кукурузы, — можно сохранять какое-то равновесие. Вера, российская вера в то, что большой хлеб может быть выращен не иначе как под чьим-то мудрым руководством, а не в силу извечных обстоятельств и побуждений, обрекала Хрущева на все его художества.

Видел ли он другие способы накормить народ помимо тех, которые применял сам и вся премудрость которых в нескольких лозунгах: «Кадры решают все!», «Организованность решает все!», «Система земледелия решает все!», «Технологии решают все!»? Знал ли он, что существуют другие, и, скажем так, не менее действенные, стимулы к труду и творчеству помимо тех, на которые рассчитывал сам и всю премудрость которых можно без большой натяжки свести к призыву: «Да здравствует коллективизм! Один за всех и все за одного!»?

Как ни странно — знал и мог иной раз смело и хорошо о них рассказать. В 1956 году он вручает орден Ленина Московской области, занявшей первое место в стране по удоям молока. Рывок по сравнению с 1953 годом в области совершен большой, но сами удои незначительны — 2712 килограммов в среднем от коровы. «Возьмите финнов, датчан, голландцев, — вдруг говорит Хрущев. — Они такие удои получают давно, и орден им за это не дают».

К тому, что там дают вместо орденов, как это все делается и какие приносит результаты, мысль его обращается постоянно: Мацкевич и Шевченко подробно рассказывали ему о своей поездке в США. Он сразу выделил, усвоил главное: низкие затраты труда, рачительность... «Там в птицеводстве, например, один человек ухаживает за несколькими тысячами индеек. Это просто не укладывается в наши понятия». Вольно, а чаще невольно он сеет семена великих сомнений, возбуждает в людях ту муку мысли, которая начинается с наивного вопроса: «Ну, хорошо, они богатые, а мы бедные, в этом вроде бы все дело. Но кто же заставляет нас, бедных, расходовать на единицу продукции в три раза больше сырья и энергии, чем расходуют они, богатые? Как это так получается?»

Как получается там, Хрущев знает совершенно точно: «В капиталистических странах, где царит беспощадная конкуренция, сама жизнь заставляет заниматься экономикой своих хозяйств, иначе ты не выстоишь и погибнешь. Это закон капитализма». Это он говорит в 1956 году. Через год, опять в разговоре об американском сельском хозяйстве, повторяет: «Американские фермеры ведут свое хозяйство на чисто капиталистической основе...» Не сомневайтесь: что такое эта основа, он знает и, во всяком случае, понимает («конкуренция, эксплуатация, уничтожение сильным слабого...») лучше, чем то, что толкуют о чисто социалистической основе «один главный редактор с одним академиком».

Пожалуй, ничего так доходчиво и убедительно он не объяснял своим сельским слушателям, как тамошние отношения между сельским хозяйством и промышленностью. У него был пример, неизменно производивший на людей огромное впечатление, пример, не оставляющий камня на камне от нашей чуть ли не врожденной уверенности, что жизнь по законам «единого кармана» и «единой фабрики» есть самая правильная. Один фермер купил у одной фирмы корма и не получил обещанных ему привесов. Он подал в суд, корма были проверены — в них не оказалось тех веществ, которые значились в рекламном рецепте. По приговору суда фирма возместила фермеру убытки. «Вот как в капиталистических странах борются за то, чтобы от каждого килограмма корма получить максимальную прибыль, — говорит Хрущев, завороченный силой, простотой и действенностью их стимулов. — Если фермер не получит определенную прибыль, то разорится. Капиталистическая система в этом отношении беспощадна. Один предприниматель может другого за доллар в гроб вогнать».

От него же, от Никиты Сергеевича, почерпывая, что в США производится центнер мяса на душу населения, его слушатель смекал: в гроб-то в гроб, но такую гору мяса одни богачи съесть, наверное, все же не в состоянии...

Так что все главное про те порядки, про те стимулы и способы он знал и понимал...

Но — не принимал.

Он верил в свои, в наши порядки, стимулы, способы. «У нас, в условиях социалистического хозяйствования, действуют иные законы, применяются иные методы... Наши колхозы организуют свое производство на совершенно другой основе».

Что же это за другая основа, иные законы, методы, иная дисциплина? Об этом он говорит часто, с подъемом, искренне. У нас «каждый трудится в интересах всех, а все в интересах каждого. Чем больше валовой продукции дает колхоз, тем больше он получает доходов, тем выше благосостояние колхозников». Ничего более конкретного на сей счет он не сказал не только за десять лет пребывания на высших постах в стране, но и за всю свою жизнь. «Если у капиталистов закон «Человек человеку волк» и поэтому один душит другого, шагает через ребенка, а если не удастся перешагнуть, наступит на ребенка, то мы живем по человеческим законам: «Один за всех и все за одного...» У нас, в условиях социализма, труженики сельского хозяйства работают на себя и на общество, их труд оплачивается по количеству и качеству труда. У нас вместе с тем действует и моральный фактор...»

И все в этом духе. «В соревновании с Америкой, товарищи, нет сомнения, что победа будет за нами. Потому что наше хозяйство построено на основе учения, созданного Марксом и Лениным, развивается без буржуев, без помещиков, без эксплуатации человека человеком. Хозяйство самое разумное, самое рациональное, самое правильное».

Он просто повторяет лозунги своей ранней юности — те, которые увлекли его в социалистическое строительство и с помощью которых он вовлекал других. Никита Сергеевич был скромный человек: считал, что все главное и основное давно сделано, ему остались пустяки — по существу, даже доделывать нечего. Он верил, что эта система может успешнее той работать на своем горючем, на своих началах, среди которых и особая роль высшего руководителя, который должен быть хозяином. Все коренные вопросы решены, в фундаменте постройки прочно лежит марксизм-ленинизм (вон и «один академик» говорит), так что «надо не мудрить», а лучше работать. «Весь вопрос в том, чтобы ускорить получение конечных результатов. А это зависит от нас». Он чувствовал себя не строителем, не переустроителем, а дисциплинированным, сознательным эксплуатационником, начальником персонала на готовой единой фабрике... Сказать, что своими призывами уметь считать, беречь он хотел заменить нужду уметь считать, беречь, нельзя. Он был убежден, что своими призывами только подкрепляет могучее действие совершенно других основ. «У нас другой строй, другая система. Она построена на том, чтобы люди помогали друг другу, учились... Но мы не можем допускать расхлябанность и инертность». Тем и занимался: шпынял и взбадривал руководимый персонал...

Два вопроса меня больше всего занимали, когда я готовился писать эту статью. Почему он ни разу, ни при одной из своих сокрушительных неудач не покивал на недавнюю войну и на плохие погоды и почему ни разу не вспомнил про нэп? Теперь можно, кажется, ответить на эти вопросы. На войну и погоды он ничего не сваливал потому, что с первого и до последнего своего дня во главе страны был убежден, что объективных, ни от кого не зависящих, данных историей и природой причин отставания сельского хозяйства нет. Тот, кто думает, что он говорил это так, для политики, для мобилизации масс, забывает, что сознание Хрущева было утопическое от и до, а ничто так не чуждо утопическому сознанию,

как мысль о существовании неподвластных ему ограничений на устройство рая на земле. Воля и труд человека дивные дивы творят! Все по силам человеку, все он может при должном знании, умении, рвении, организованности и руководстве. Философы лишь объяснили мир, наша задача — перестроить его... У неотесанного Хрущева в этой его энергичной вере было что-то древнее, простодушное и величественное, но — боже! — как он нас раздражал, как надоедал нам!..

А про нэп, про эту попытку опереться на более-менее вольную коммерцию, допустить, хотя бы в рамках, государственное, кооперативное и частное предпринимательство? Почему нэпу не было места в его мыслях? Ведь, когда мечтал о свободных заготовках, близко подходил, очень близко... Но почему шел словно с завязанными глазами и у самой той точки, где было горячо, где уже жгло, поворачивал назад? Почему ни разу ничто не поманило его вновь, на новом, так сказать, историческом этапе, при новом, так сказать, состоянии производительных сил (и что бы там еще выдумали в объяснение наши теоретики...) попытаться совместить то и это, план и рынок, социализм с капитализмом, как называл это мероприятие Ленин?

Хрущев, вспомним, был из команды, которую Сталин набирал и воспитывал специально для уничтожения нэпа и строительства лагерно-казарменного социализма. Он был создан не для торговли. Какого нэпа ждать от человека, который не интересуется, что почем в его стране, думает, что за пятьсот рублей может быть построен сельский дом? Рожденный витать в облаках торговать не будет. Если бы в конце двадцатых годов требовалось не кончать нэп, а укреплять его, Хрущева никуда не вынесло бы, вернее, вынесло бы совсем-совсем не туда. Он оставался бы слесарем (тоскуя в загородной тюрьме-даче, вспоминал, что ящик со слесарным инструментом продолжал держать наготове, уже будучи секретарем Московского горкома; секретарского жалованья, кстати сказать, он получал меньше, чем когда слесарил), может быть, открыл бы свою мастерскую, а скорее всего, был бы профсоюзным заводилой, стоял бы в оппозиции к ревизионистскому правительству, кричал бы, что оно идет на поводу у торгашей, предает идеалы...

Он был слишком наивен и целен, чтобы юлить перед собою и людьми, чтобы спокойно, без краски стыда усесться на два стула и заявить, что законы товарного хозяйства — это штуки не капиталистические и не социалистические, а что-то вроде одинакового везде и всюду языка для хозяйственного общения. Он не был так силен в диалектике, как иные наши академики, которые обещают нам все плюсы полного хозрасчета без допущения рынка капиталов и рабочей силы — мол, и рыбку удастся съесть, и на кол не сесть. Человек целомудренный, Хрущев сильно подозревал: что-что, а это не удастся.

Мы, помню, говорили, как будто он мог нас слышать: что ты, дед, мешешься, ищешь хороших людей, треплешь нервы себе и другим? Отдай колхозникам треть урожая твоей чудесницы — и можешь лежать на печи, поплеывая в потолок, страна будет завалена кукурузой во всех видах! Отдай, чего тебе стоит, ты ведь сам ругаешься, что местные бары отменили такой сильнейший стимул, как натуральная оплата, отдай хотя бы чет-

верть, да не только кукурузы, а всего — мяса, молока, шерсти, яиц. Отдай — и сам будешь завтра удивляться, откуда взялись, на чем поднялись урожаи, привесы, удои, настриги, яйценоскость! Но как мог отдать народное добро он, возглавляющий государство сознательный пролетарий, коллективист? Это же означало бы одним махом развязать мелкобуржуазную стихию! Кукурузу-то колхозник станет использовать по своему усмотрению — будет кормить ею скот, будет продавать ее, где хочет, вот вам и стихия рынка. А начни им, колхозником, командовать, указывать, что он должен делать со своим продуктом (где-то, чтобы хорошо уродило, ему надо отдавать и половину), на деле придешь — причем быстро и неизбежно — к реквизициям, к тому, что перестанешь давать совсем.

Что этого противоречия не разрешить без отказа от коллективизма, Хрущев чувствовал лучше нас. У него, в отличие от нас, не было иллюзий потому, что их у него не могло быть никогда. Для Хрущева это значило бы сжечь все, чему поклонялся, а поклониться всему, что сжигал, он бы уже не успел... Так что это только на первый взгляд кажется странным, что, вытаскив деревню из сталинской ямы экономическими, поправляющими нэпом методами, он, вместо того чтобы все смелее действовать ими и дальше, отказывается от них и ударяется в пустяки, в сельхозпропаганду и «конторизм», как называл его перестройки покойный Иннокентий Иванович Бараков, известный в 60-е годы бунтарь, начальник Георгиевского сельхозуправления на Ставрополье. Ведь то же потом произошло и при Брежневе: из хрущевской ямы деревню вытаскили методами, которые нэпом попахивали еще заметнее, но вместо того, чтобы действовать ими и дальше... В общем, сказка про белого бычка. Хрущевский откат объяснили его субъективизмом, волюнтаризмом (только, естественно, не романтизмом, что было бы хоть чуть-чуть ближе если не к истине, так к натуре Никиты), брежневский откат объясняют... Чем, кстати, мы его объясняем? Кажется, происками бюрократии, как будто она и впрямь не инструмент в тех или иных руках, а сама себе голова. А если спросить самого Хрущева, самого Брежнева? Один — своими словами, запинаясь и поминая кузькину мать, другой — по бумажке, но ответят они одно и то же: слишком далеко заходить на пути нэпа нельзя, потому что слишком далеко заходить на пути нэпа нельзя никогда.

Хрущев верил в свой строй, не сомневался, что возможности этого строя поистине безграничны, что цели выбраны правильно и надо идти к ним и только к ним — не шататься, не отклоняться, не допускать уступок всему не нашему, частному, единоличному. Он не хитрил, не выдумывал затемняющих слов вроде «индивидуальной трудовой деятельности», а называл вещи своими именами.

Хрущев не был ни чиновником, как Маленков, ни, как Брежнев, обывателем, им владело острейшее чувство личной ответственности за те обещания, которые давала его партия народу в семнадцатом году. До революции «мы за государство не отвечали», сурово напоминает он партийцам в одной из первых своих послесталинских речей, но теперь, когда партия уже тридцать восемь лет руководит страной, «недостаточно

только критики капиталистической системы хозяйства и разговоров о том, что надо строить хозяйство на основе учения марксизма-ленинизма... Народ говорит нам:

— Я верю вам, я воевал за это в гражданскую войну, воевал с немцами, разгромил фашизм, а все-таки скажите мне: мясо будет или нет? Молоко будет или нет? Штаны хорошие будут? Это, конечно, не идеология. Но нельзя же, чтобы все имели правильную идеологию, а без штанов ходили».

Спустя десять лет после войны — не сорок, не пятьдесят, а десять! — он считал законными такие народные требования и доказывал, что откладывать их удовлетворение уже нельзя, дальше некуда, чувствовал, был убежден, что по честному, без лжи и демагогии оправдываться уже нечем, несмотря ни на какие происки мирового империализма. И не просто мясо и штаны числил он безотлагательным долгом коммунистов народу, нет, счет, который он выставял своей партии от имени народа, был выше высшего: «Если мы не обеспечим своему народу более высокий жизненный уровень, чем в развитых капиталистических странах, то, спрашивается, какие, же мы коммунисты? Ведь коммунизм — это не что-то такое занебесное. Мы же не попы, которые говорят, что рай земной — это временная жизнь, а рай небесный — вечен и его, мол, надо заработать муками на земле. Мы, — мужественно напоминал он, — уничтожили буржуазию не только для того, чтобы взять власть, но и перестроить хозяйство, обеспечить самый высокий уровень жизни своего народа».

Взвись на гуж, не говори, что не дюж. Приняв на себя управление страной, поставив перед собою великие задачи и дав грандиозные обещания, партия должна и ответственность нести не меньшую. Кто еще так решительно признавал эту оценку сути дела? Кто еще так самоотверженно отрезал себе пути к отступлению? Получив отрезвляющий расчет экономистов, Хрущев при желании мог бы перешагнуть через свое самолюбие и больше за Америкой не гоняться. Одни слова вытесняются другими, вчерашний шум перекрывать сегодняшним — занятие нехитрое. Правда, тогда ему пришлось бы искать для народа другую великую задачу, ведь вождь на то и вождь, чтобы нацеливать массу на грандиозные свершения. Нашел бы и нацелил. Но... Он не мог обманывать себя. До тех пор, пока его страна производит мяса в три раза меньше, чем США, Хрущев не мог быть спокойным за авторитет социализма в мире. Он смотрел в корень. При всей своей мечтательности он ни на секунду не упускал все той же беспощадной сути дела: достоинство и преимущество социализма может быть доказано не просто отсутствием эксплуатации и безработицы, а только сочетанием этого отсутствия с присутствием доброго куска мяса. У него, рабочего-революционера, не было другого выхода. Ведь если возможности не безграничны, если чуда не произойдет, будет провалено все дело строительства. Мир и сами советские люди убедятся, что тот строй — лучше, и все происшедшее у нас будут считать недоразумением. Так смотрело на вещи его поколение революционеров. А глядя на вещи так, рассчитывать можно только на чудо, на скачки, на штурмы, на армейские по-

рядки и армейский напор. Не случайно главные слова в их словаре — военные, наступление, рубежи, штаб...

Хрущев был признанный мастер поднимать на недостижимую высоту значение довольно обыкновенных событий и свершений, таких, например, как освоение целинных и залежных земель. Он в несколько дней наполнил воздух, которым дышала молодежь, таким электричеством, которое потрескивает до сих пор. За то, как он подал первый полет человека в космос, на Западе его без всякой насмешки, часто даже с благодарностью называли гениальным пропагандистом. Именно он высадил американцев на Луну. Без него они еще лет двадцать занимались бы другими, более практичными делами. Но этот гениальный пропагандист знал, где и в чем пропаганда бессильна. Куска мяса и штанов лозунгом не заменишь. Поверить расчетам экономистов значило бы признать, что твои понятия о том, на что способен социализм, неправильны. Смириться с тем, что до берегов Америки плыть два десятилетия, для Хрущева означало одно: «Дать возможность идеологам капиталистического мира еще длительное время болтать против социалистического строя, против колхозного строя». Перспектива еще два десятка лет препираться с ними на голодный желудок его не устраивала.

Сумбурный человек, Хрущев был кем угодно, в том числе и утопистом, только не авантюристом. Просто он решился испытать детище Сталина на большом деле, дал системе нагрузки, объявленные в паспорте. Он верил тем, кто заполнял этот паспорт, — всем этим Струмилиным, Кронродам, Островитяновым, с бородами и голобородым, в косоворотках и при галстуках, — бравым победителям разных «пораженцев» и прочих «уклонистов». Вот он и устроил проверку (устроил, видит бог, невольно — тем более достоверными следует считать результаты). Шестидесятые годы начинались такими славословиями в его адрес, что, казалось, наш Никита Сергеевич уже никогда не разуверится в своей непогрешимости. А он сумел подняться до самокритики, и это связано, видимо, не только с натурой, но и с умонастроением. Если бы он не обнаружил в своей вчерашней деятельности крупных ошибок, не обвинил в провалах себя, ему ничего не оставалось бы, как признать виноватой систему. А этого он не мог сделать, еще не мог. Ему надо было верить в близкий коммунизм. Признанием своих ошибок он укрепил эту веру и устремился вперед, да был на скаку остановлен.

Специалисты, знатоки мирового хозяйства говорят: честь и хвала Хрущеву уже за то, что он поставил на повестку дня создание современного животноводства, без этого романтика, говорят, кукуруза к нам все равно пришла бы, но лет на десять позже. Он ускорил ее неизбежный приход именно тем, что ринулся, косолапя, наперегонки с Америкой. Это, наверное, правильно, но как подумаешь, что за судьба у Родины, какими дикими путями, в каких варварских обличьях идет к нам прогресс!.. Что может быть дичее — декретами и призывами внедрять новые отрасли и производства, материалы и технологии, культуры и породы, организационные формы! А ведь привыкли и даже хвалимся: используем-де преимущества общественной собственности, централизованного планирования и черт знает чего еще.

В разгар своей титанической работы по внедрению квадратно-гнездового сева кукурузы Хрущев вспоминал, как в 1951 году, будучи секретарем МК, заставлял Дугина, председателя колхоза в Раменском районе, сажать квадратами картофель. Дело было в поле, шел дождь со снегом, колхозники смотрели на него хмуро, «начал шутить — никакого ответа», но все-таки посадили квадратами, с тех пор и пошло: собирали по 4—5 тонн с гектара, стали собирать по 15. Что может быть уродливее и безнадежнее этой картины: Хрущев возле черного лимузина, поливаемый дождем и осыпаемый снегом, убеждает какого-то Дугина с его хмурыми людьми сажать картошку не так, а эдак? Брежнев тоже вспоминал, как он где-то что-то внедрял. Нет такого начальника — ни большого, ни малого, — который где-то не внедрял что-то нужное, полезное. Но чего можно ждать от устоев, при которых толстому городскому начальнику квадраты, да и сам колхоз, нужнее, чем жителям села? Чем ближе человек к земле, тем меньше у него прав на продукт земли и своего труда. Чем дальше человек от земли, тем больше у него прав на продукт земли и чужого труда. А называется — на базе общественной собственности, в общенародных интересах, по единому опять же, будь он неладен, плану...

К семидесяти годам он устал. «Чертовски!» — признавался помощнику. В 1964 году он задумал еще одну реорганизацию. На сей раз его воображением завладела вертикаль: чтобы одна московская контора со своими отделениями управляла всем зерновым хозяйством в стране (во главе этой конторы хотел поставить Кулакова, успел и переговорить с ним), другая — всем свиноводством, третья — молочным скотоводством и так далее. (Под конец брежневского застоя эта порожденная «субъективизмом-волюнтаризмом» идея тоже начала было осуществляться: создали курам и миру на смех овощное министерство. Топчась в кругу бюрократических понятий о хозяйственной жизни, ни до чего другого додуматься просто невозможно, и каждая последующая додумка будет чуднее предыдущей, посмотреть на тот же Агропром.) Постановление о новой реорганизации должен был принять пленум ЦК. Перед пленумом Хрущев поехал по стране. Отношения с коллективом, с которым работал, уже были крайне напряженные, причем ничего особенно принципиального, идейно-политического в основе не лежало. Шевченко вспоминает:

«Подгорный был в отпуске. Хрущев звонит ему: вы там то-то и то-то, а я работаю! Обострил отношения невероятно со всеми. Всех пооскорблял вокруг себя — один остался. Сам уставал, конечно, страшно. В Краснодаре откорм смотрел, потом — в Орджоникидзе, потом в Казань перелетел... Звонят из Москвы ночью, хотят с ним поговорить. Я говорю: «Он уже отдыхает». — «Разбуди!» Я говорю: «Не могу, очень поздно, разница во времени два часа». — «Нет, разбуди...» Вхожу в комнату, где он спит, окликаю: «Никита Сергеевич!..» Спит. Я за плечо его подергал. «Что такое, — говорит, — война?» Я говорю: «Война». — «Кто на кого напал?» — «Да на Кипре что-то загорелось». МИД хотел согласовать с Хрущевым наше по этому поводу заявление. Я говорю: «Вы там сидите на этом деле, так что, заявление сами не можете выразить?» Утром Хрущев поехал

в Бугульму, после Бугульмы — в Уфу, в Целиноград, потом в Кокчетав, оттуда во Фрунзе. Из Фрунзе он должен был лететь в Норильск. Меня вызывает: «Что там в мире делается?» То-то и то-то. «Устал, — говорит, — чертовски. Пойду отдохну. Если и война, не будите». В феврале, помню, он был в Киеве, встречался со многими людьми. Возвращаемся в Москву. Только поезд отошел от Киева, он меня позвал на стакан чаю и говорит: «Чертовски устал! Вот семьдесят стукнет в апреле, надо или отказываться от всех постов, или оставить за собой что-нибудь маленькое». А потом, когда стукнуло семьдесят лет и врачи начали говорить, что он здоров, решил остаться. И Брежнев ему говорил: оставайтесь. А он действительно собирался уходить и мог бы уйти, потому что был на пределе. И со всеми переругался. Причем насмерть. С Вороновым из-за мясного скота. Чепуховый вопрос... Воронов и Полянский между собой не ладили, а Хрущев то одного поддержит, то другого, потом с обоими разругался. С Сусловым тоже. Так что, чтобы его спихнуть, ничего особенного не требовалось, все были готовы, все против него, он уже устал страшно. И у него никого не осталось, кроме Ванюшки и Никитки, внуков. Вот и все».

Что Хрущев подумывал об отставке, подтверждают и другие люди из числа самых близких к нему. Говорят, что весной шестьдесят четвертого он собрал по какому-то поводу человек пятьсот комсостава, перед которым произнес надрывно самокритичную речь. Говорил, что ему с ними не удалось выполнить обещания, которые он давал народу, что ничего у них не получается и надо, видимо, уступать места другим, пусть попробуют другие. Есть мнение, что именно серьезность этого хрущевского намерения или порыва ускорила его политический конец. Сталинисты и обыватели, железные Шурики и покладистые Ильичи (одни мечтали навести без него настоящий порядок, другие до отвала наесться-напиться да напраздноваться) одинаково не хотели, чтобы Хрущев подавал пример, нацеленный в будущее. Страна, где первое лицо может покинуть кресло только по причине смерти или заговора, — это одна страна, это их страна. Страна же, где человек признает свое поражение, с достоинством уступает место другому и продолжает посылно, окруженный подобающим уважением и вниманием, участвовать в жизни общества, — это совсем другая страна, для них хуже, чем чужая.

За день до отъезда Хрущева в отпуск среди ночи к одному из членов его семьи, жившему отдельно, якобы пришел человек средних лет, крепкого телосложения, с плотно сжатыми губами. Он назвался прикрепленным (то есть телохранителем) товарища Н., одного из членов Президиума ЦК КПСС. По его словам, все лето Н. ездит по стране, встречается с первыми руководителями областей и открыто, в самой грубой форме обсуждает с ними вопрос о снятии товарища Хрущева. «То, что я пришел к вам, — вроде бы сказал поздний гость, — есть с моей стороны преступление. Но мне стало известно, что завтра Никита Сергеевич едет в отпуск. Ему нельзя ехать. Во всяком случае, он должен иметь в виду мою информацию».

Перед отъездом Хрущев будто бы собрал свой коллектив, сказал, что до него дошло, какой вопрос в последнее время дебатировался, и угрожающе пообещал вернуться к этим разговорам после отпуска.

Товарищи поняли, что медлить нельзя.

Когда его сняли, в редакции газеты, где я работал, был праздник. Тамара Г. (теперь солидная дама, начальница и бабушка) плясала на столе, мы дружно и уверенно ждали лучшего. За несколько дней до этого по газетам была разослана его очередная, оказавшаяся последней, записка в Президиум ЦК, представлявшая собой проект той самой вертикальной реорганизации. Мне позвонил приятель, работавший в «Известиях»: «Читаешь?» — «Читаю». Передо мной действительно лежала тоненькая книжечка в красной обложке. «Ну что, старик? Я так думаю, дальше ехать некуда. На днях, попомни мое слово, его погонят».

Случившееся с ним переживал тяжело, до нас в редакционные коридоры доходили слова его маленького внука: «Дедушка ничего не делает, сидит весь день в кресле и плачет». К весне начал вставать, переехал на дачу, стал бродить по участку. Без большого удивления обнаружил, что дача окружена. «То ли меня охраняют, то ли от меня охраняют, но ребята хорошие», — заметил позже, начиная диктовать свои воспоминания. Достал слесарные инструменты, принялся налаживать гидропонику в теплице. Дело подвигалось туго, инструменты валились из рук, переход от одной жизни, когда за все не только переживал — это останется с ним до конца, — но и отвечал, когда не только во все вникал, но мог делиться, неумолимо делиться с народом всем, что удавалось познать, подсказывать и советовать (сеять лен-кудряш и сладкий люпин, не пренебрегать морковью: ею можно лучше, чем даже сахарной свеклой и картошкой, откармливать свиней, уважать арбузы: Макар Посмитный в Одесской области кормит ими коров, отец Трофима Лысенко в Карловке Полтавской области — дынями и опять же арбузами... Туркменским селекционерам — заняться верблюжьей колючкой, чтобы она не росла сама по себе, а возделывалась как ценная кормовая культура. «Здесь товарищи могут сказать, что Хрущев начал нам колючку подбрасывать», — шутил, выступая в Ашхабаде. Хорошее было выступление, удачная поездка, славная стояла погода...) — переход от такой жизни к другой, к доживанию, оказывался непростым.

Именно невозможность инициативы, а не просто потеря власти особенно терзала его. Теперь — и чем дальше, тем больше — он верил, что единственной привилегией, которой пользовался на верхней ступени, была привилегия творческого почина. Если иметь в виду самое начало, 1953 год, то так оно, пожалуй, и было, к этому времени, как к никому другому, мог он отнести доверенные магнитофону слова о своей роли первого лица в стране. Роль такой личности, говорил, «должна проявляться в инициативе... И в мою бытность я никогда индивидуально, единолично никаких решений не принимал, да и принимать было невозможно в тех условиях, в которых я работал. А я сам, когда работал, их создавал и старался укреплять».

Диктовать начал в 1967 году, старался оставить прежде всего то, в чем сам участвовал и чему был свидетелем. Рассказал об украинской голодовке сорок седьмого года. О надвигающейся беде он, оказывается, докладывал в Москву еще осенью сорок шестого года. Украина сдала государству все, что выросло, подчеркивал он, прося позволения организо-

вать общественное питание колхозников, «потому что они работать не могут». О том же сообщал побывавший в Молдавии Косыгин: голодают, страдают от дистрофии, не могут работать. Хрущевскую бумагу Сталин назвал клеветнической, на Косыгина накричал и потом до самой смерти, встречаясь с ним, отличавшимся худобой, любил шутить: «Вот мой брат-дистрофик», — а скудный хлеб Украины послал в Польшу. Съездившая на родину Ванда Василевская рассказывала Хрущеву, что варшавяне недовольны советским правительством: оно посылает им не только белый, но и черный хлеб. Они не знали, вздыхала она, что «украинцы, чей хлеб посылается в Польшу, в это время пухнут с голоду и людоедствуют». О случаях людоедства Хрущев свидетельствовал уверенно: «Знал это я, знал это Сталин, знали другие, которым я говорил». Щепетильно заботился, чтобы его рассказ не бросил тень на поляков, не повредил польско-советской дружбе: ругая Советы за черный хлеб, они, мол, действительно не знали, что творилось на Украине. Польское правительство просило помощи — Сталин ее оказывал: их дело — просить, его — давать или не давать, — давал же он потому, что, казалось Хрущеву, чувствовал свою вину перед поляками. Только весной сорок седьмого, когда люди уже валились от ветра, было организовано общественное питание на полевых работах. (Мне было тогда восемь лет. Мать, посылая меня в поле, где можно было из общего котла похлебать затирку — суп с мелкими клецками, давала с собой соленый огурец, чтобы меньше нудило: затирка нехорошо действовала на желудок.)

Записывал не только прошлое, но иногда и события своей текущей жизни. Вот налетел вдруг град, ударил по открытой веранде, а там ящик с цветами, узкий длинный ящик. И вот половина этого посева оказалась выбитой, а половина не пострадала никак, даже удивительно. Это ему лишний раз показало, что от града посевы меньше страдают, чем от засухи, «потому что град никогда не распространяется на большие площади. А засуха может обречь целые страны на голод».

Работа с магнитофоном его оживила, вернулся интерес к гидропонике, по утрам спешил в теплицу взглянуть на огурцы. Однажды зашел и обмер, ни с того ни с сего они стали сохнуть. Кинулся звонить бывшему помощнику. «Вы не волнуйтесь, не делайте поспешных выводов, — бодро сказал верный Шевченко. — Там, скорее всего, форсунки засорились». И действительно: стоило прочистить форсунки — и огурцы ожили.

Они проработали вместе около четверти века. Хрущев отдыхал почти каждый год, Шевченко за последние 15 лет — ни разу. Хрущев многое доверял своему всегда остававшемуся в тени помощнику. Однажды, давая поручения на день, сказал: «Сегодня будем брать Берию». У Шевченко была своя забота: «Никита Сергеевич, у меня сидит баба Хобта, просится к вам». Это была Елена Семеновна Хобта, пожилая колхозница-звеньевая из Киевской области, Хрущев ее хорошо знал. «Какой, — говорит, — будет у меня итиритет (так она произносила слово «авторитет». — **А. С.**), если я вернусь в село, не повидав Хрущева! Мне хоть в щелочку на него глянуть». У того не было для нее ни секунды, пора было ехать в Кремль. Он взял ее с собой в машину. От здания ЦК на Старой площади до Кремля минута езды, они успели только спра-

виться о здоровье друг друга. Хрущев пошел брать Берию, а баба Хобта с Шевченко на той же машине повернули назад. На выезде из Спасской башни их задержали. Новая, армейская охрана не хотела знать никакого Шевченко, никакой бабы Хобты, тем более что свою заменявшую ей паспорт справку баба забыла в узелке в кабинете Шевченко. Выпустили их лишь по приказу самого коменданта Кремля генерала Веденина. Через три дня в газете «Правда Украины» появилось сообщение о том, что знатная украинская звеньевая Елена Хобта была в Москве, где имела беседу с Н. С. Хрущевым «по вопросам колхозного строительства».

...Весь день 10 ноября 1982 года я провел за рулем на Симферопольском шоссе, ехал из родного села в Москву. По дороге не слушал ни своих, ни враждебных голосов. Только вошел к себе — звонок от старого друга, приглашение немедленно появиться... На роскошно накрытом столе среди бутылок и тарелок зачем-то торчала включенная «Спидола». «Ты действительно ничего не знаешь?! Умер Брежнев». — «Не может быть, — сказал я равнодушно. — Он бессмертный». Подошли другие гости, начался галдеж до утра. За столом оказался человек, который не разделял общего убеждения, что покойный не умел говорить своими словами. В начале 70-х годов ему, этому человеку, работавшему на весьма скромной дипломатической работе, почти случайно пришлось однажды быть переводчиком долгого, чрезвычайно важного и напряженного, с глазу на глаз разговора Брежнева с послом одной великой державы. Предмет обсуждения был такой серьезный, от результатов встречи зависело так много в мире, что у посла, матерого дипломата, здорового мужика, дрожали от государственного волнения, не от страха, колени. «По бумажкам такие беседы не ведутся. И вы бы слышали, как Брежнев говорил!» — вспоминал этот участник нашего застолья, вместе со всеми, впрочем, выпивая и закусывая.

Наученные опытом, лучшего и только лучшего мы не ждали. Гадая о будущем, перебирали разные пути и варианты, один из нас заносил эти прогнозы в книжку. Кто-то говорил, что будут закручивать гайки (и то, как стала свирепствовать цензура при Андропове, а милиция с ответственностью шастать по баням и циркульням, высматривая тех, кто в рабочее время парится и стрижется-бреется, этот прогноз вроде подтверждало, не говоря о других, более зловещих признаках), кто-то надеялся и на демократизацию, кто-то считал, что ничего не изменится, все будет идти, как и до сих пор, «пока не доедет до полного маразма», и тогда, мол, найдется какой-нибудь железный Шурик и т. д. и т. п. Один из нас, человек не очень уверенный в себе, но смывленный, сказал и тщеславно проследил, чтобы слова его были записаны особенно точно, что не будет ни первого, ни второго, ни третьего, а будет причудливая, нелепая, невиданная, чисто российская смесь всех трех — или сколько там их у нас — вариантов и сквозь эту мешанину медленно, незаметно будет пробиваться наш истинный, на роду нам написанный вариант, а какой он — кто ж его, дескать, знает?

*Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ, писатель
1988 г.*

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

ПИСЬМО Н.Т.БЕРИЯ Н.С.ХРУЩЕВУ*

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н. С.
от заключенной Нины Теймуразовны Берия

До своего ареста я состояла членом КПСС, и это, как мне кажется, дает мне право обратиться к партии помочь мне пережить позор, выпавший на мою долю так неожиданно для меня, как на жену Л. П. Берия.

Мне предъявлено обвинение в участии в антисоветском заговоре с целью восстановления капитализма в Советском государстве. Такое обвинение — страшное, тяжелое!..

Условия жизни, в которых я выросла и жила, не могли из меня сделать такого подлеца! Заявляю со всей ответственностью, вытекающей из этого заявления после полугодового заключения и следствия по моему делу, что я никогда не встречала человека, заявившего мне в какой-либо форме недовольство Советской властью или отдельными представителями деятелей партии и Советского государства [...].

Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати лет (с 1922 г.) была женой Берия и носила его имя. При этом до дня его ареста, я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила, слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек (никогда никакого основания и повода думать противное он мне не дал ни одним словом). Я не разгадала, что враг Советской власти, о чем мне было заявлено на следствии. Но он в таком случае обманул не одну меня, а весь советский народ, который, судя по его общественному положению и занимаемым должностям, также доверял ему.

Исходя из его полезной деятельности, я много труда и энергии затра-

* Здесь и далее заголовки составителей. Орфография и стиль документов сохранены. Письмо Н.Т.Берия печатается с сокращениями.

тила в уходе за его здоровьем (в молодости он болел легкими, позже почками). За все время нашей совместной жизни я видела его дома только в процессе еды или сна, а с 1942 г., когда я узнала от него же о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой и жила с 1943 г. за городом вначале одна, а затем с семьей своего сына. Я за это время не раз ему предлагала, для создания ему же нормальных условий, развестись со мной с тем, чтобы жениться на женщине, которая, может быть, его полюбит и согласится быть его женой. Он мне в этом отказывал, мотивируя это тем, что без меня он на известное время может выбыть как-то из колеи жизни [...].

О его аморальных поступках в отношении семьи, о которых мне также было сказано в процессе следствия, я ничего не знала. Его измену мне, как жене, считала случайной и отчасти винила и себя, т.к. в эти годы я часто уезжала к сыну, который жил и учился в другом городе.

Считая себя абсолютно невиновной перед советской общественностью, перед партией, я беру на себя непозволительную смелость обратиться к Вам, к партии с просьбой возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором Советского Союза — Руденко, чтобы мне не дали умереть одинокой, без утешения сына своего и его детей в тюремной камере или где-либо в ссылке [...].

Если мое общение с людьми, как с опозоренной и всеми презираемой в настоящее время, нецелесообразно, я обязуюсь и дома сохранять тот тюремный режим, который я сейчас имею [...].

Если же прокурор все-таки найдет, что я в какой-то степени причастна к вражескому действию против Советского Союза, мне остается просить его только об одном: ускорить вынос заслуженного мною приговора и его исполнение. Нет больше сил выносить те моральные и физические (по моей болезни) страдания, какими я сейчас живу.

Только быстрая смерть может меня избавить от них, и именно это и будет проявлением высшей гуманности и милосердия в отношении меня.

7.1.54 г.

Нина Теймуразовна Берия

№ 2

ЗАПИСКА Н.С. ХРУЩЕВА О ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ*

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС
И КАНДИДАТАМ В ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

8 декабря 1959 г.

Хотел бы высказать некоторые соображения о дальнейших наших шагах по борьбе за ослабление международной напряженности и решении вопроса о сокращении вооружения и о разоружении.

* 8 декабря 1959 г. Н.С.Хрущев направил в Президиум ЦК КПСС записку, посвященную мероприятиям советского правительства по ослаблению международной напряженности. Она являлась логическим продолжением заявления

Советский Союз сейчас на международной арене завоевал хорошие позиции. Поездка в Соединенные Штаты Америки¹, наше предложение в Организации Объединенных Наций по всеобщему разоружению² встречены во всем мире хорошо и даже реакционными кругами различных стран не может быть просто отвергнуто и оставлено без внимания. Даже те, которые не хотят пойти на смягчение напряженности и тем более на разоружение, но и они в силу такого настроения широких кругов населения и желания разрядки и сокращения вооружений не выступают открыто; видимо будут под видом затяжки во времени искать аргументы с тем, чтобы отказаться от этого, с тем, чтобы или затянуть, или сорвать решение по нашим предложениям.

Я думаю, что нам следовало бы сейчас использовать эту конъюнктуру, которую мы создали в нашу пользу, с тем, чтобы самим не довольствоваться завоеванием, которого мы достигли, хорошего признания и крепкого международного положения, и нашей ведущей роли, инициативы, которые мы уже неизменно сохраняем за собой несколько лет.

Мне думается, что следовало бы сейчас пойти на дальнейшее сокращение вооружений в нашей стране, даже без условий о взаимности со стороны других государств, и на значительное сокращение личного состава вооруженных сил. Я считаю, что можно было бы сократить, может быть, на миллион, на полтора миллиона человек, — но это надо еще по-

советского правительства о всеобщем и полном разоружении, которое сделал первый секретарь на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября 1959 г. Вместе с тем в своей записке 8 декабря 1959 г. первый секретарь шел дальше и предлагал в одностороннем порядке сократить личный состав Вооруженных сил на 1-1,5 миллиона человек, переведя их на территориальный принцип формирования.

Появлению записки Н.С.Хрущева способствовало, по всей видимости, то, что 14 декабря 1959 г. должно было состояться заседание Президиума ЦК КПСС, в повестке дня которого стоял вопрос об обсуждении новой программы КПСС о завершении основ строительства коммунистического общества за 15–20 лет. Предполагалось, что при полной победе коммунизма необходимость в Вооруженных силах отпадет. В этой связи, еще в дореволюционный период и в первые годы советской власти разрабатывались идеи, связанные «с заменой постоянного войска всеобщим вооружением народа», как это предусматривала программа РСДРП, принятая в 1903 г.; но из-за сложной внутри- и внешнеполитической ситуации в стране от перехода к территориально-милиционной армии тогда пришлось отказаться до наступления более благоприятных условий. Такие условия, по мнению Н.С.Хрущева, наступили в конце пятидесятых годов, с созданием ракетно-ядерного оружия, которое могло бы с успехом заменить регулярную армию.

Записка Н.С.Хрущева была рассмотрена 14 декабря 1959 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Министерству обороны во главе с Р.Я.Малиновским было поручено внести конкретные предложения по рассматриваемому вопросу. 18 декабря 1959 г. в ЦК КПСС было созвано совещание военачальников для обсуждения практических мер по армии. Также было принято решение о вынесении предложений на сессию Верховного Совета СССР.

советоваться, изучить с Министерством обороны. Думаю, что такое значительное сокращение не подорвало бы нашей обороноспособности. Но выйти с таким решением и проведением его — это имело бы очень большое положительное влияние на международную обстановку и наш престиж невероятно вырос бы в глазах всех народов. Это было бы неотразимым ударом по врагам мира и по поджигателям и сторонникам «холодной войны».

Почему я считаю сейчас это возможным и неопасным? Мое такое мнение основывается на том, что, во-первых, мы сейчас достигли хорошего положения в развитии экономики Советского Союза; во-вторых, мы имеем прекрасное положение с ракетостроением; мы, собственно говоря, сейчас имеем ассортимент ракет для решения любой военной проблемы как дальнего, так и ближнего боя, как «земля-земля», «воздух-земля», «воздух-воздух», атомные подводные лодки и прочее, и по мощности взрыва также мы имеем хороший ассортимент. Кроме того, мы наладили хорошее серийное производство этих ракет. Не буду в записке перечислять всех этих ракет — те, к кому это относится, знают, а когда будем обсуждать, — повторим, — поэтому я в записке не перечисляю, я могу изложить более конкретно, когда будем обсуждать³.

22 декабря 1959 г. был созван пленум ЦК, посвященный развитию сельского хозяйства, в повестке дня которого не предусматривалось рассматривать какие-либо вопросы международного характера и который предполагалось закончить 26 декабря. Но, хотя постановление по сельскому хозяйству было принято 25 декабря 1959 г., на этом работа пленума ЦК не закончилась. На следующий день был рассмотрен ряд дополнительных вопросов, среди которых и записка Н.С.Хрущева. Первый секретарь выступил с сообщением, на основании которого была принята резолюция, частично одобряющая инициативу первого секретаря.

15 января 1960 г. на заседании сессии Верховного Совета СССР был принят закон «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР», на основании которого предполагалось произвести сокращение на 1,2 млн. человек (в результате чего численность Вооруженных Сил должна была составить 2 млн. 423 тыс. человек) и, соответственно, уменьшить расходы на военные нужды.

В целом начинаниям главы партии не удалось претвориться в жизнь: главная идея Н.С.Хрущева о территориальной армии поддержки не получила, а сокращение Вооруженных Сил вызвало недовольство ряда военных — в знак протеста против уменьшения армии в 1960 г. подали в отставку начальник Генерального штаба В.Д.Соколовский и Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского договора И.С.Конев. Кроме того, в 1961 году из-за сложной международной обстановки было приостановлено и сокращение армии.

Записка Н.С.Хрущева от 8 декабря 1959 г. является одним из немногих доступных для исследователей документов, позволяющих судить о том, сколь далеко заходили реформаторские замыслы первого секретаря в отношении армии. Анализируя стиль документа, можно заключить, что его текст, как это было характерно для работы Хрущева, не любившего писать, был надиктован. Документ находится среди материалов декабрьского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС, находящихся в фондах Центра хранения современной документации (ЦХСД).

Мы сейчас имеем широкий ассортимент и в таком количестве, которое может буквально потрясти весь мир. Спрашивается, что же мы будем иметь такое страшное оружие — атомное, ракетное оружие, и будем иметь такую большую армию, которую мы имеем? Это неразумно. Мы же исходим из того, что не хотим войны и сами не готовимся к нападению, а мы готовимся к обороне. Если исходить из этого, а мы исходим из этого, — чтобы наша армия могла защитить страну, отразить врагов, которые попытаются напасть на нашу родину или на наших союзников, когда мы имеем такое сильное оружие, как ракеты. Ведь они собственно и служат этой цели. Как же может какая-нибудь страна или группа стран в Европе напасть на нас, если эти страны мы можем буквально стереть с лица земли нашим атомным и водородным оружием благодаря доставке наших ракет в любую точку земного шара?

Следовательно, если нам сейчас не предпринять шагов в направлении сокращения вооруженных сил, а перенести все это, как это уже сделано, на решение Комитета десяти⁴, имея хорошие и активные позиции с нашей стороны, это значило бы свести их, наши возможности, к понижению. Ведь сейчас наши предложения передадут в лабиринты комиссии, будет много разговоров, речей и словословий, будет упражнение в словословии и тем самым будет как-то понижаться наша инициатива в этом вопросе.

Если мы сейчас примем, например, решение о сокращении наших вооруженных сил на миллион или на полтора миллиона человек и выставим соответствующие аргументы, то это будет значительным шагом вперед. Я считаю, что вполне назрели условия, чтобы сказать нам об этом. Да мы об этом уже говорили: и в моем докладе, который был сделан⁵, и в других наших заявлениях⁶. Мы уже не раз говорили, что наши идеологические споры с капиталистическим миром будут решаться не путем войны, а путем экономического соревнования. Следовательно, своими предложениями и мероприятиями по дальнейшему сокращению наших вооруженных сил мы еще больше прижали бы своих противников — империалистические страны. Некоторые товарищи могут возразить, что мы, мол, сократим оружие, а противник не сократит. Но это еще вопрос — разумно ли он это сделает? Если мы сократим и скажем, почему мы сокращаем (потому, что наше водородное и ракетное оружие обеспечивает нам держать боеспособность на должном уровне, потому, что мы не хотим войны, поэтому мы армию хотим сократить, потому что наступать мы не собираемся, завоевывать, Советский Союз никогда не имел такой цели, не имели и социалистические страны) — зачем нам тогда держать такую огромную армию? Держать такую большую армию — значит понижать наш экономический потенциал. Мы имеем возможность сократить ее. И если наши противники не последуют нашему примеру, — это не рассматривать, как то, что нам будет нанесен ущерб. Наоборот, страны, которые теперь будут содержать большие армии, при том положении, которое сейчас создалось в социалистических странах (их экономический потенциал и главное — наличие у нас мощного термоядерного и ракетного оружия), эти армии будут как бы сосать бюджеты, истощать

экономику стран, будут в какой-то степени, если рассматривать в свете борьбы коммунизма с капитализмом, нашим «союзником», потому что они будут пожирать бюджет, понижать экономическое развитие этих стран, будут содействовать росту преимуществ нашей системы.

Я много думал по этому вопросу, и решился до приезда в Москву⁷ послать такую записку, чтобы члены Президиума ЦК и кандидаты в члены Президиума ознакомились с ней, а потом, когда я приеду, обсудить ее. И если товарищи со мной согласны, тогда можно было бы принять и необходимые предложения. Считаю, можно сделать так: созвать сессию Верховного Совета. К примеру, сессию можно было бы созвать или в конце января или феврале месяцах (выбрать время, но не затягивать), до начала работы Комиссии десяти, которая будет созвана в феврале для рассмотрения наших предложений. Так до начала работы этой комиссии и созвать сессию Верховного Совета, утвердить докладчика, доложить Верховному Совету, аргументировать это и принять решение, принять обращение, в котором сказать, что независимо от того, как будут реагировать другие страны на наше обращение и на наше решение, последуют ли они нашему примеру или не последуют, независимо от этого мы будем руководствоваться решением Верховного Совета.

Я уверен, что это было бы очень сильным, потрясающим шагом. И кроме того, этот шаг ни в коей степени не наносит ущерба нашей обороне, но дает нам большие политические, моральные и экономические выгоды. Поэтому, если сейчас не использовать этого, то, говоря языком экономиста, это означало бы не использовать в полную мощь накопленные капиталы нашей социалистической политикой и нашей социалистической экономикой. Потому что наша экономика процветает, развивается. Наука наша настолько прогрессирует, что она обеспечила преимущества по созданию средств обороны для нашей страны. И это не только как открытия науки, но мы умело использовали научные открытия в практических целях.

Думаю, что сейчас было бы неразумным иметь атомные и водородные бомбы, ракеты и в то же время держать большую армию.

Кроме того, надо иметь в виду, что когда мы имеем такое сильнейшее современное оружие, которое пока неотразимо, и держим самую большую в мире армию, то это действительно пугает наших противников и даже честных людей из них, которые может быть хотели бы пойти на честное разоружение, но бояться, что возможно это у нас тактический ход. Они рассуждают так: Советский Союз вносит предложения о новом сокращении вооруженных сил, но сам не идет на это сокращение внутри своей страны. Это может пугать некоторых честных из них, которые хотят разоружения; а реакционные силы, которые не хотят ослабления международной напряженности, агрессивные, милитаристические силы те, конечно, используют это в своих целях.

Если же мы осуществим дальнейшее сокращение наших вооруженных сил, то этот наш шаг укрепил бы те силы в буржуазных странах, те либеральные буржуазные, капиталистические круги, которые хотят улучшить международное положение, существовать на принципах мирного

существования: это укрепило бы и ослабляло бы аргументы агрессивных, милитаристических кругов, которые используют нашу мощь и запугивают другие страны.

Как это сделать и детали, — это уже нужно обменяться мнениями; дадим указания министру обороны, Генштабу с тем, чтобы они конкретные подготовили.

Такое разоружение, такое сокращение (значительное) надо было бы растянуть на год — полтора — два. Таким образом за это время мы приняли бы решение, начали бы постепенно сокращать армию, потому что, сократив такое количество людей из армии, их надо устроить, офицеров, военных чиновников (солдат легко устроить), с тем, чтобы они были соответственно обеспечены и устроены. А потом мы видели бы, куда будет идти стрелка, потому что не сразу мы сокращаем: это был бы год — полтора — два (но не больше двух лет). Это было бы логично. Если мы на сессии Генеральной Ассамблеи внесли предложение о всеобщем и полном разоружении за 4 года, то частичное сокращение мы в одностороннем порядке проводим за срок в 2 года или менее. Это тоже было бы логично и убедительно. И потом не опасно.

Внося на рассмотрение Президиума эти свои предложения, которые я тщательно обдумывал, думаю, что мы их хорошенько обсудим на Президиуме, взвесив все доводы за и против. Может быть я не все предвижу. Но мне кажется, что эти мои предложения, если мы их осуществим, не только не нанесут ущерба нашей стране и не подвергнут опасности ее обороноспособность перед враждебными силами, но будут содействовать еще большему укреплению нашего международного положения и усилению нашей страны.

У меня есть некоторые детали в этих предложениях, я их не излагаю в записке. Когда будем обсуждать, то я более подробно выскажу свои соображения, чем в этой записке. Например, сокращая Вооруженные Силы в какое-то время, в какой-то степени, может быть следует перейти на территориальную систему (милиейские силы). То есть будут созданы полки и дивизии по территориальному принципу (с привлечением граждан служить в них без отрыва от производства). Конечно, для таких полков, соединений надо иметь соответствующие кадровые офицерские силы, оружие где-то на складах иметь. Нам надо иметь транспортную авиацию, потому что в случае возникновения необходимости надо быстро перебросить части из одного места в другое. К примеру, если, надо направить, перебросить несколько дивизий в Германию, то это мы должны сделать буквально за несколько дней. Оружие для таких территориальных подразделений должно находиться в соответствующем разумном ассортименте поблизости тех мест, где будут находиться эти сформированные подразделения. И дивизии сразу, к примеру, московская, ленинградская, киевская, харьковская, сразу по сигналу собираются на сборный пункт, садятся в самолеты и отправляются.

И другие соображения, которые надо учесть с тем, чтобы безопасность нашей страны не только не снизилась, а наращивалась; бремя содержания армии уменьшилось бы, а политическое положение как внут-

ри страны, так и вне крепло, потому что мы высвободили бы средства, которые поглощает содержание огромной армии и вооружение. И мы бы еще большее бы завоевали бы хорошее положение на международной арене в борьбе за мир, еще больше вырос бы престиж нашей страны. И все это в сумме содействовало бы нашим марксистско-ленинским идеям, нашему учению, нашей борьбе за мир, потому что не только рабочие, но и крестьяне, мелкобуржуазные элементы с каждым годом все больше симпатизировали бы нам, их симпатии усиливались бы. Они бы перешли сначала от страха на нейтральные позиции, а потом перешли бы к симпатиям к нашей стране. Это, я считаю, вполне законно, и этого мы должны добиться.

Когда я говорю, что может быть следует иметь не только кадровую армию, но и частично территориальную, милицейские силы, этим, собственно, мы в какой-то степени повторяем то, что Ленин сделал после Октябрьской революции⁸, но в других условиях и несколько в другом плане, потому что тогда у нас не было выхода, у нас не было армии; а теперь мы имеем и материальные средства и вооружение, имеем армию. И мы без армии сейчас остаться не можем и не хотим. Но эту армию надо сделать такой, чтобы она была разумной, чтобы она была без излишеств, была бы боеспособна и отвечала требованиям обеспечения безопасности страны.

Необходимо, конечно, будет пересмотреть и систему высших учебных заведений: их профиль, количество. Может быть, если мы перейдем на новую систему, следует организовать и такие военные учебные заведения, в которых вести подготовку офицерских кадров без отрыва от производства. Это тоже имеет большое значение.

Все эти мероприятия безусловно облегчат бюджет страны. У нас есть большие возможности для осуществления высказанных мною предложений об одностороннем сокращении наших вооруженных сил.

Еще два слова о военных учебных заведениях. Когда мы создавали наши многочисленные военные учебные заведения, у нас в стране не было достаточного количества подготовленных людей. Теперь у нас получает образование вся молодежь, поэтому в военные учебные заведения, которые будут вести работу, подготовку кадров без отрыва от производства, мы можем набрать нужное количество людей и из них готовить офицерские кадры для всех родов войск. Это будут такие командиры, которые будут еще теснее связаны с народом, избавлены от так называемой кастовости, которая рождается в результате лучшего материального обеспечения учащихся военных учебных заведений. С другой стороны, это было бы разумно и дешевле стоило бы содержание.

Вот такие вопросы считал бы необходимым вынести на рассмотрение Президиума ЦК.

ЦХСД-РАНИ (ф. 2, оп. 1, д. 416, лл. 3–11. Машинописная).*

* С января 1999 года ЦХСД (Центр хранения современной документации) переименован в Российский архив новейшей истории (РАНИ).

¹ Имеется в виду официальный дружественный визит Н.С.Хрущева в США с 15 по 27 сентября 1959 г.

² 18 сентября 1959 г. Н.С. Хрущев выступил на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций с предложением о всеобщем о полном разоружении и обнародовал декларацию советского правительства по разоружению. (См.: Жить в мире и дружбе. Пребывание председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 г. — М., 1959. — С.154–203.)

³ По всей видимости, имеются в виду: крылатые ракеты — «Комета», П-5, П-6, П-15, П-35; оперативно-тактические баллистические ракеты — Р-5, Р-11, Р-12, Р-14; межконтинентальные баллистические ракеты — Р-7, Р-9, Р-16.

⁴ Комитет десяти — Комитет по разоружению ООН, в состав которого входили США, Великобритания, Франция, Канада, Италия, СССР, Чехословакия, Польша, Румыния и Болгария. С 1961 г. к ним присоединились ОАЭ, Эфиопия, Нигерия, Бразилия, Мексика и Швеция, таким образом Комитет десяти стал Комитетом восемнадцати.

⁵ Речь идет о докладе Н.С.Хрущева на заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 18 сентября 1959 г.

⁶ О своих планах по сокращению армии Н.С.Хрущев часто говорил во время поездки по США осенью 1959 г. Например, на приеме в честь Н.С. Хрущева в Лос-Анджелесе, в выступлении по телевидению 27 сентября 1959 г. (См.: Жить в мире и дружбе... — С.226, 378.)

⁷ Н.С.Хрущев находился в поездке по Западной Украине.

⁸ На Восьмом съезде ВКП(б) в 1919 г. говорилось о необходимости перехода к рабоче-крестьянской милиции при благоприятных внутриполитических и внешнеполитических условиях. На Девятом съезде ВКП(б) в 1920 г. была принята резолюция «О переходе к милиционной системе». Через год, на Десятом съезде ВКП(б), было повторно решено, что переход к строительству армии по территориальному принципу целиком зависит от международной обстановки. Подробнее взгляды В.И.Ленина см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32., с. 47; т. 35. с.40.

№ 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

«О ДАЛЬНЕЙШИХ ШАГАХ ПО БОРЬБЕ

ЗА ОСЛАБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ»

14 декабря 1954 г.

№ П 253/П

Строго секретно

1. Одобрить изложенные в записке т. Хрущева Н. С. в Президиум ЦК предложения о проведении Советским Союзом в одностороннем порядке мероприятий, направленных на ослабление международной напряженности.

Вопрос о проведении в одностороннем порядке мероприятий, направленных на ослабление международной напряженности, внести на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

2. Поручить Министерству обороны (т. Малиновскому с учетом состоявшегося обмена мнениями на заседании Президиума ЦК внести конкретные предложения по данному вопросу на рассмотрение ЦК КПСС.

3. Созвать 18 декабря с.г. в ЦК КПСС совещание командующих, на-

чальников штабов и членов военных советов военных округов для обсуждения практических мер по армии, связанных с предложениями, изложенными т. Хрущевым Н.С. в записке в Президиум ЦК.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ^а

РАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 416, л.1. Выписка из протокола № 253 заседания Президиума ЦК КПСС. Экземпляр Н.С.Хрущева.

^а В левом нижнем углу напечатано: «4-ак». Вверху листа сделана надпись карандашом: «34, 46, 7»; далее на обороте внизу страницы: «Основное см.дело: гр. 34 «О сокращении армии и флота».

№ 4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС «О МЕРОПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОСЛАБЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ»

26 декабря 1959 г.
№ Пл. 15

Строго секретно
Особая папка

Одобрить мероприятия по ослаблению международной напряженности, изложенные в записке т. Хрущева Н.С. от 8 декабря 1959 г. и в его докладе на Пленуме ЦК.

РАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 416. л. 2. Выписка из протокола № 15 заседания Пленума ЦК КПСС ^б.

^б В левом нижнем углу напечатано: «4-нк». На обороте листа в левом верхнем углу стоит красный штамп: «Отпечатано 4 экз. Отправлено (количество не указано). Сдано в архив 4 экз.» Рядом карандашом дописано: «27. Подлинники Пленума ЦК— дек. 59.(Дело и п/решений). Д.34. О сокращении (армии) — и флота (Дело и п/решений). Д.46. О разоружении (Дело и п/решений). М[атериалов] нет». Далее стоит неразборчивая подпись [дела находятся в архиве Президента РФ].

№ 5

ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА НА СЕКРЕТАРИАТЕ ЦК КПСС ВО ВРЕМЯ ОБСУЖДЕНИЯ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» *

Не может быть двух мнений — обсуждаемые статьи «Нового мира» и поэма Твардовского «Теркин на том свете» заслуживают осуждения**.

Тов. Твардовский обратился в Президиум ЦК с заявлением, в кото-

* Это происходило в 1954 г. Печатается с сокращениями.

** В 1963 г. А.Т. Твардовский читал поэму Н.С. Хрущеву, находившемуся на отдыхе в Пицунде. После этого она была опубликована в газете «Известия» и «Новом мире».

ром он пишет, что критикует в поэме наши недостатки с партийных позиций, что он был на последних пленумах ЦК и слышал, с какой непримиримостью ЦК критикует недостатки. Трудно судить, с каких позиций критикует Твардовский. Одно ясно, что т. Твардовский человек политически незрелый [...].

Надо критиковать сильно, не оставлять камня на камне от недостатков, но с позиции укрепления нашего строя, нашей партии.

Враги надеялись, что после смерти Сталина будет ревизия линии партии, но они ошиблись. Мы действуем сейчас и будем действовать впредь в духе линии, выработанной всем предыдущим опытом работы партии. Мы — ленинцы, мы — сталинцы.

А некоторые люди даже у нас в стране поняли это, если сказать слабо, по-обывательски.

Бывает так, что когдаходишь в лес, то не все птицы сразу взлетают. Сначала вспархивают мелкие пташки, потом птички покрупнее, и только затем из-под самых ног взлетают притаившиеся крупные птицы. Вот и получилось, что те, кого распирала антисоветчина, сразу налетели, высочили и высказались.

Об искренности. Люди, которые много говорят об искренности, сами больше других страдают неискренностью. Буржуазия, например, не верит в искренность коммунистов и со своих позиций думает, что в партию вступают из-за материальных благ [...].

О поэме Твардовского. Как он мог это написать? Зачем он загубил хорошего солдата, послал Теркина на тот свет? Твардовский человек малопартийный! Возможно, на него подействовало членство в ревкомиссии ЦК? Возможно, он думает, что раз он член ревкомиссии*** ЦК, то сможет повлиять и на ЦК? ЦК никому своих прав не уступит.

Не стоит списывать Твардовского со счетов литературы. Надо поговорить с ним, но не уговаривать. Надо попытаться спасти его, если он сам к этому склонен.

Разгромного решения ЦК по журналу принимать не следует. Надо спокойнее пройти мимо этого случая. Мы настолько сильны, что никакие мертвые Теркины не потрясут устоев государства [...].

О заместителях редактора журнала. Надо внимательней к ним относиться, с позиций нашей силы. Давайте в людях укреплять уверенность. Если они осознают свои ошибки, то оставить их. Вообще надо покончить с таким положением (как это было до недавнего времени), когда люди после их «проработки» не знали, где будут ночевать и не раздастся ли ночью стук в дверь.

Надо, чтобы в вопросах искусства направление исходило от ЦК, а борьба была внутренняя.

Следует Твардовского вызвать в ЦК, а не то он может подумать, что мы его побаиваемся. Да это может ободрить и его сторонников — явных врагов типа злобного Горского [...].

Об окончательном решении посоветуемся отдельно [...].

*** Членом ревкомиссии А.Т. ТВАРДОВСКИЙ был в 1952—1956 гг., а кандидатом в члены ЦК КПСС — в 1961—1966 гг.

№ 6

ГОЛУБОЙ ЗАЛ КРЕМЛЯ

Черный ящик моей памяти захрипел, разразился непотребной бранью, заплелся. Из него выскочил злобный целлулоидный болванчик. Замахал кулачками.

Ах, если бы все это осталось виртуальной реальностью...

Но Кремлевский голубой Свердловский купольный зал зашуршал, заполняясь парадными костюмами и скрипящими нейлоновыми сорочками, входящими тогда в обиход. Это в основном были чины с настороженными вкраплениями творческой интеллигенции. Было человек шестьсот. Шло 7 марта.

Трибуна для выступающих стояла спиной к столу президиума, почти впритык и чуть ниже этого стола, за которым возвышались Хрущев, Брежнев, Суслов, Косыгин, Подгорный, Козлов (тогдашний фаворит, каратель Новочеркасска), Полянский, Ильичев... Их десятиметровые портреты украшали улицы по праздникам. Их несли над колоннами.

Я впервые был в Кремле. Как родители радовались — меня в Кремль позвали! На двух предыдущих встречах с Хрущевым я не присутствовал — мы с В. Некрасовым и К. Паустовским были по приглашению во Франции, я там еще остался для выступлений. Все было впервые тогда: стотысячные заявки читателей на поэтические сборники, рождение журнала «Юность», съемки необычного вешнего хуциевского фильма, первый вечер русского поэта в парижском театре и накануне первый в истории вечер поэзии в Лужниках, — все было впервые после сталинских казарм. Мы связывали это с Хрущевым. Ростки гласности бесили аппарат. Уже по официозной прессе тех дней было понятно, кого будут прорабатывать на кремлевской встрече, — в «Известиях», которую редактировал яркий и всесильный зять Хрущева, появилась статья «Турист с тросточкой», с которой началась травля В. Некрасова, вытолкнувшая его затем в эмиграцию, и подвал Ермилова против Эренбурга.

В той же газете появилось открытое письмо главного редактора, обличающее мои стихи в «Юности». Думаю, что игрок Аджубей просто не мог поступить иначе.

К постоянной ругани в прессе мы привыкли. Я считал, что Хрущева обманывают и что ему можно все объяснить. Он оставался нашей надеждой. В первый вечер заседания Хрущев был хмур, раздраженно перебивал седого режиссера М. И. Ромма, однако обаяние Чухрая смягчило его, и он не стал разгонять Союз кинематографистов, как это уже было предreshено. В первый день нападали на Эренбурга, и все чаще, как по сценарию, стали упоминаться имена мое и Аксенова. Ванда Василевская заявила, что в Польше не могут построить социализм из-за того, что мы с Васей им мешаем.

Запомнился писатель, стоявший на трибуне вполоборота, обращавшийся больше к сидящему сзади Хрущеву, отводя спину вбок, как собака вежливо отводит зад и оглядывается, когда бежит впереди хозяина. Особенно усердствовал против меня А. Малышко, под гогот предложивший

мне самому свои треугольные груши... околачивать, согласно соленой присказке. А. Прокофьев обличал мою непартийность: «Я не могу понять Вознесенского и поэтому протестую. Такой безыдейности наша литература не терпела и терпеть не может!» Эти вопли заводили Хрущева. Тот делал вид, что дремлет.

Чем Хрущев отличался от Сталина? Не политически, а эстетически.

Сталин был сакральным шоумейкером эры печати и радио. Он не являлся публике. Хрущев же был шоуменом эпохи ТВ, визуальной эры. Один башмак в ООН чего стоит! Не ведая сам, он был учеником сюрреалистов, их хэппенингов.

Хрущев восхищает меня как стилист.

И когда глава Державы сделал вид, что вдруг проснулся и странным высоким толстяковским голосом потребовал меня на трибуну, я бодро взял микрофон. Повторяю, он был еще нашей надеждой тогда, и я шел рассказать ему как на духу о положении в литературе, надеясь, что он все поймет.

Но едва я, волнуясь, начал выступление, как меня сзади из президиума кто-то стал перебивать. Я не обернулся и продолжал говорить. За спиной раздался микрофонный рев: «Господин Вознесенский!» Я попросил не прерывать и пытался продолжать говорить. «Господин Вознесенский, — ревело, — вон из нашей страны, вон!»

Вот как описывал со стороны нашу беседу М. Ромм:

«Два выступления были ключевых... Одно — донос в очень благородной форме о том, что Вознесенский давал интервью в Польше... и в этом интервью был задан вопрос, как он относится к старшему поколению и т.д., как с поколениями в литературе. И он-де ответил, что не делит литературу по горизонтали, на поколения, а делит ее по вертикали, для него Пушкин, Лермонтов и Маяковский — современники и относятся к молодому поколению. Но к Пушкину, Лермонтову и Маяковскому, к этим именам он присовокупил имена Пастернака и Ахмадулиной. И из-за этого разгорелся грандиозный скандал...

...Во время очередной какой-то перепалки, пока Вознесенский что-то пытался ответить, Хрущев вдруг прервал его обращаясь в зал, в самый задний ряд, закричал:

— А вы что скалите зубы? Вы, очкарик, вон там, в последнем ряду, в красной рубашке!..

Вознесенский читает, но не до чтения ему: позади сидит Хрущев, кулаками по столу движет...

Прочитал он поэму, Хрущев махнул рукой:

— Ничего не годится, не годится никуда. Не умеете вы и не знаете ничего!.. Вы это себе на носу зарубите: вы — ничто.

Вознесенский молчит. Что уж он там пробормотал, не знаю, не помню... Тут от этого крика хрущевского на Вознесенского всю эту толпу интеллигентов охватило какое-то странное, жестокое возбуждение. Это явление Толстой здорово описал в «Войне и мире», когда Ростопчин призывал убить купеческого сына и как толпа вся, друг друга заражая жестокостью, сначала не решалась, а потом стала убивать».

Действительно, поводом для скандала была процитированная

В. Василевской моя фраза: «Гениального Пастернака я считаю современным Лермонтовым».

Услышав поток брани за спиной — «Господин Вознесенский, вон из страны!» — я не понял, кто это заорал. Не Хрущев же! Повторяю, я, как и все мои друзья, тогда еще идеализировал Хрущева. Когда же зал, главным образом номенклатурный, с вкраплениями интеллигенции, зааплодировал этому реву, заскандировал: «Позор! Вон из страны!» (по отношению ко мне, конечно), — я считал зал своим главным врагом и надеялся побороть его по стадионной привычке. Не тут-то было! Я продолжал бубнить по тексту. И вдруг, оглянувшись, увидел невменяемого, вопящего Премьера. В голове пронеслось: «Да опомнитесь же! Неужели этот припадочный правит страной?! Он же ничего не сечет». Я обернулся к залу, ища понимания. В лицо орали перекошенные. Осталась последняя надежда — вдруг стихи смогут образумить это ревущее стадо. Но Кремль — не Лужники. Ишь, принц нашелся...

Вот опять «взгляд со стороны», запись по стенограмме из архива ЦК КПСС, конечно приглаженной, отредактированной от ненормативной лексики:

«Н. С. Хрущев: Почему вы афишируете, что вы не член партии?! «Я не член партии» — вызов дает! Сотрем всех на пути, кто стоит против Коммунистической партии, сотрем!

Вы скажете, что я зажимаю. Я — Секретарь, Председатель. Прежде всего я — гражданин Советского Союза, я боец и буду бороться против всякой нечисти. Мы создали свободные условия не для пропаганды антисоветчины. Мы никогда не дадим врагам воли, никогда! Ишь ты, какой — «я не член партии!» Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет, вы член партии, только не той партии... Товарищи, идет борьба, борьба историческая, здесь либерализму нет места, господин Вознесенский!.. То, что Ванда Львовна сказала, — это вы сказали. Это клевета на партию! Для таких будут жестокие морозы... Мы не те, которые были в клубе Петефи, а мы те, которые помогли венграм разгромить эту банду... Ваши дела говорят об антипартийщине, антисоветщине. Вы говорите ложь!..

Вознесенский: Нет, не ложь!

Х.: Молоко еще не обсохло. Ишь какой. Он поучать будет. Обожди еще!

Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите, завтра получите паспорт, уезжайте к чертовой бабушке, поезжайте туда, к своим.

В.: Я русский поэт. Зачем мне уезжать?

Х.: Ишь ты, какие! Думаете, что Сталин умер... Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели: или лето, или мороз... Партия не дает вам право на молодежь и всегда будет бороться, чтобы она, партия, представляла старое и молодое поколение. И больше никто. Только одно сейчас — ваша скромность, скромность, если вы не перестанете думать, что родились гением.

В.: Я так не думаю.

Х.: Вы думаете. Вам вскружил голову талант, ну как же, родился принц, все леса шумят. Вы считаете, как только родились, то сразу

руку подняли, хотите указать путь человечеству. Не хотите с нами в ногу идти, получайте паспорт и уходите. В тюрьму мы вас сажать не будем, но если вам нравится Запад — граница открыта. Вы по своим стреляете...»

«За что?! Или он рехнулся? Может, пьян?» — пронеслось в голове. (Такое с ним случилось однажды, когда он, сняв туфлю, стучал ею в ООН.) Только привычка ко всякому во время выступлений, видно, удержала меня в рассудке. Из зала, теперь уже из-за моей спины, нарастал мощный скандеж: «Долой! Позор!» Из первого ряда подскочило брезгливо-красивое лицо: «В Кремль! Без белой рубашки, без галстука?! Битник!» Позже я узнал, что это был Шелепин, тогда Председатель КГБ. Мало кто из присутствующих знал слово «битник», но сразу подхватило: «Битник! Позор!»

В ополоумевшей от крика массе зала мелькнуло обескураженное лицо О. Ефремова, взметенные бровки Ю. Завадского. Помню бледные скулы А. Тарковского и Э. Неизвестного. Они были подавлены.

Мотнувшись взглядом по президиуму, я столкнулся с пустым ледяным взором Козлова. И он, и все остальные члены президиума глядели как бы сквозь меня. Как остановить этот кошмар? Все-таки я прорвался через всеобщий ор и сказал, что прочитаю стихи.

Тут я задел рукавом стакан, он покатился по трибуне. Я его поднял и держал в руках. Запомнились грани с узором крестиками кремлевского хрустального стаканчика. Запомнилось, как Козлов внимательно и настоятельно взглянул на мою руку со стаканом.

«Никаких стихов! Знаем! Долой!» — упоенно вопили вокруг.

И тут в перекошенном лице Главы я увидел некую пробивающуюся мысль, догадку, будто его задело что-то, пробудило сознание, что-то стало раздражать — или это мне померещилось? — будто бы он увидел в ревущей торжествующей толпе свою будущую гибель, почуял стихийную силу взбесившейся неподконтрольной номенклатуры. Через год она свернет ему шею. Набывчась, он обиженно протянул: «Нет, пусть прочитает». Когда я дошел до строк:

Какая пепельная стужа
сковала б Родину мою?
Моя замученная Муза,
что пела б в лагерном краю? —

я понял, что я погиб.

Но читая, я, как обычно, отбивал ритм поднятой рукой:

...когда по траурным трибунам
самодержавно и чугунно,
стуча, взбирались сапоги!
В них струйкой липкой и опасной
стекали красные лампасы...

Это потопило меня окончательно. В те дни, теряя контроль над процессом, Глава давал в политике задний ход, похваливал Сталина. Гробовая тишина. Лишь в углу раздались хлопки и захлебнулись. Паники не

было, была одна безнадега. «Агент, агент!..» — закричал в зал Премьер. «Ну вот, агентов зовет, сейчас меня заберут», — подумалось.

Зал злорадно затих.

А он продолжал вопить, но уже тоном ниже, видимо выпустив пар: «Вы что руку подымаете? Вы на что руку подымаете? Вы что, нам путь рукой указываете? Вы думаете, вы вождь?»

И тут, бранясь, он, видимо, назвал залу или машинально назвал вдруг меня «товарищ Вознесенский». А может быть, за несколько минут чтения он вынужден был помолчать и тут понял, что перебрал?

Взмокший вождь с досадой нацепил свою маску и процедил: «Работайте». Я понял, что пока я спасен, а зал пока не выиграл. Потом меня прорабатывали другие залы.

Знал ли обо мне Хрущев раньше? Он не был знатоком поэзии. Но впоследствии была опубликована докладная записка в Политбюро за подписью Шелепина. В ней только перечислялись фамилии окружения Пастернака. И там среди знаменитых имен упомянута моя фамилия. Я думаю, что другие имена не интересовали Хрущева. Но фамилия «Вознесенский» могла запомниться по аналогии с председателем Госплана Вознесенским, любимцем Сталина, коллегой и кудрявым соперником Хрущева и Берии.

Так или иначе, впервые в истории в лицо русскому поэту была публично брошена угроза быть выгнанным из страны. Думаю, на моей судьбе случайно поставлена точка в традиционных отношениях «Поэт и Царь». Дальше судьбы поэзии и власти пошли параллельно, не пересекаясь. И слава Богу! Как будто кого-то сейчас интересует, что думает власть о поэзии.

От получасового ора Премьер взмок, рубашка прилипла темными пятнами.

Но он и не думал передыхать.

— Ну, теперь, агент, пожалуй сюда! Ты, очкарик!! Нет, не ты, а ты, вот ты, в красной рубаше, ты — агент империализма, — короткий пухлый палец тыкал в угол зала, где сидел молодой художник Илларион Голицын, график, ученик Фаворского. Он-то, оказалось, и хлопал мне.

Худющий Илюша, меланхоличный, задумчивый, честный, весь не от мира сего, замаячил на трибуне.

Хрущев: Почему хлопал?

Голицын: Я хлопал Вознесенскому, потому что люблю его стихи, и я не агент...

— Да?! А еще что ты любишь?

— Я люблю стихи Маяковского.

— Чем докажешь?

— Могу наизусть прочесть.

— А зачем на трибуну вышел?

— Вы позвали.

— Ну, говори, если вышел.

— Я не собирался выступать, я не знаю, что говорить.

— А сам кто ты есть?

— Я — Голицын.

— Голицын? Князь? (Смех в зале.)

Пройдет немного времени, и они так же рьяно и искренне станут добывать себе графские титулы и наперегонки хоронить останки убиенной семьи монарха.

— Я — художник.

— Ах, художник!! Абстраксист!

— Нет, я реалист.

— Чем докажешь, чем докажешь?

— Я могу свои работы принести показать...

— Следующий!

— Я — советский человек. Не знаю, почему возник этот вопрос.

— А вы подумайте. Мы сами можем хлопать, а где не надо — не хлопаем.

Третьей жертвой Голубого зала был Василий Аксенов. У него было время сгруппироваться. Вождь хрипел: «Вы что, за отца нам мстите?» Танк пер на соловья асфальта, писателя, определившего время, еще беззусого, с наивными пухлыми губами. Но не сломавшегося...

Тут вождь утомился. Объявил перерыв.

Эренбург впоследствии спросил меня: «Как вы это вынесли? У любого в вашей ситуации мог бы быть шок, инфаркт. Нервы непредсказуемы. Можно было бы запросить пощады, упасть на колени, и это было бы прощательно».

Помню, как в тумане, прослушал его доклад, где он уже хвалил Сталина и приводил нам в пример какие-то беспомощные вирши, помню, как прошел я через оживленную, вкусно покушавшую толпу. Около меня сразу образовывалось пустое место, недавние приятели отводили глаза, испарялись.

Помню, как вышел на темную мартовскую площадь Кремля. Бил промозглый ветер. Играли скользкие блики фонарей на мокрых булыжниках, уложенных плотно, один к одному, подобно скользким ухмылкам на лицах зала. Куда идти?

Кто-то положил мне лапищу на плечо. Оглянувшись, я узнал Солоухина. Мы не были с ним близки, да и потом редко встречались, но он подошел: «Пойдем ко мне. Чайку попьем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не оставляя одного, всю ночь занимал своим собранием икон, пытаясь заговорить нервы. Дома у него были только маслины. Наливая стопки, приговаривал: «Ведь это вся мощь страны стояла за ним — все ракеты, космос, армия. Все это на тебя обрушилось. А ты, былиночка, выстоял. Ну, ничего...»

Я год скитался по стране. Где только не скрывался. До меня доносились гулы собраний, на которых меня прорабатывали, требования показаться, разносные статьи. Один из поэтов, клеймивший с трибуны собрания в Союзе писателей, требовал для меня и моего поделника... высшей меры, как для изменников Родины.

На латвийском вокзале я натолкнулся на плакат, выпущенный «Агитплакатом», где разгневанные мухинские Рабочий и Колхозница выметали железной метлой из нашей страны всякую нечисть и книжку с названием «Треугольная груша». Под плакатом стояла подпись: «Художник Фомичев, текст Жарова». В.Войнович рассказывал, что такой плакат, увели-

ченный до гигантских размеров, стоит при въезде в Ялту. Но простые люди и на Владимирщине, и в Прибалтике, да и в Москве, не одобряя власть, конечно, очень по-доброму тогда ко мне относились.

По стране искали и клеймили «своих Вознесенских». Худо пришлось тогда И. Драчу и О. Сулейменову.

Сознание оступело. Пришла депрессия. Впрочем, я был молод тогда — оклемался. Остались стихи. Тогда написались «Сквозь строй», «М. Монро». Боясь прослушки, я не звонил домой, наивно полагая, что власти не знают, где я. Приставкин вспоминает, как я загнанно сторонился всех, опасаясь читать стихи. По Москве пошел слух, что я покончил с собой. Матери моей, полгода не знавшей, где я и что со мной, позвонил Генри Шапиро, журналист «ЮП»: «Правда, что ваш сын покончил с собой?» Мама с трубой в руках сползла на пол без чувств.

Через год, будучи на пенсии, Н. С. Хрущев передал мне, что сожалеет о случившемся и о травле, что потом последовала, что его дезинформировали. Я ответил, что не держу на него зла. Ведь главное, что после 56-го года были освобождены люди.

Странно, что, несмотря на пережитое, я не испытывал обиды на него. Не испытываю и сейчас. Я долго не мог уразуметь, как в одном человеке сочетались и добрые надежды 60-х годов, мощный замах преобразований, и тормоза старого мышления, и купеческое самодурство. Да, правда, я отказался подписать поздравление к его 70-летию, когда он, Глава Державы, был в могучей силе, и редакции «Юности» пришлось разбросать подписи в виде автографов не в алфавитном порядке, чтобы не было видно, что не все подписали. Но это относилось к моему пониманию достоинства. Я никогда не забывал того, что Хрущев сделал для страны — освободил людей.

Да, мемуаристы правы: пройдя школу лицедейства, владения собой, когда, затаив ненависть к тирану, он вынужден был плясать перед ним «гопачок» при гостях, он, видимо, как бы мстя за свои былые унижения, сам, придя на престол, завел манеру публично унижать людей, растаптывать их достоинство — топал на тоненькую Алигер, на старушку Шагинян, кричал художникам в Манеже «господа педерасы!» Он не доверял интеллигенции, страшился гласности. Но он ли виноват? Виновата Система, воспитавшая его. Ныне опубликовано, как он, придя к власти, первым делом уничтожил документы о своем соучастии в кровавых расправах. Кровь тяготила его, и тем мужественнее подвиг его доклада на XX съезде.

Не он виноват, черное затмение виновато. Лыстцам он лично подписывал Ленинские премии по литературе за описания своих поездок. Его помощник Лебедев, никак не будучи писателем, не постеснялся устроить себе Ленинскую премию по литературе, такую же, которую имели А. Твардовский и М. Шолохов, и не имел, скажем, К. Паустовский.

Фото Хрущева с кулаком надо мной висело в витрине «Известий» на Пушкинской площади. Фото сразу украли, разбив витрину.

Потом только я понял, что напоминает жест премьеры. Именно так спускали воду, дергая за туалетную ручку, из бачка старой конструкции. Очень трудно было отыскать такую ручку для моего видеома.

Одна высокопоставленная американка рассказала мне, что во время хрущевской поездки в США их спецслужбы похитили у Никиты Сергеевича его дерьмо. На анализ. Для этого специальный уловитель был вмонтирован в трубу унитаза. По анализу хотели спрогнозировать характер Премьера: количество желчи, вспыльчивость, способность к гневу и т.д. Это, вероятно, помогло во время Карибского кризиса. Правда, они не учли, что коварные русские спецслужбы могли подставить двойника и подсунуть дезу вместо подлинника.

Историкам еще предстоит написать портрет Хрущева, его великих дел, я лишь рассказал об одном эпизоде, рассказал, что видел и пережил сам.

Что я «пробормотал» в ответ на самодержавное «вы — ничто»? Я тупо повторял: «Я — поэт».

В.Каверин, сидевший близко, расслышал другие мои слова. Он вспоминает в статье «Солженицын»: «Смертельно бледный Вознесенский говорил: «Я — ученик Пастернака».

Я прочитал воспоминания Ромма уже в журнале и поражен точностью его памяти, даже некоторые эпитеты сходны с моими записями, например «холодный Козлов», хотя я не был даже знаком с Роммом, о чем очень жалею.

Повлияла ли встреча с царем на мою психику? Наверное. Душа была отбита стрессом. Из стихов пропали беспечность и легкость. Назло им, вопящим: «В Кремль? Без галстука?! Битник!..» — я перестал с тех пор носить галстуки вообще, перешел на шейные платки, завязанные в форме кукиша. Это была наивная форма протеста.

Тяжелей всего было видеть не торжествующие рожи врагов в зале, а ускользящие улыбки приятелей в фойе во время перерыва, прячущих глаза, будто не узнающих тебя.

В центре фойе, в кругу литклассиков, среди серых пиджаков врезалось в память весеннее салатно-зеленое платье Зои Богуславской, молодого критика и начинающего прозаика. Рядом что-то вещал Лебедев. Заметив меня, она развернулась и демонстративно на весь зал поздоровалась. Подошла. Заговорила. Номенклатура обиженно выделяла адреналин. В этом поступке, рискованном для ее судьбы, озонно проступила чистота и красота ее характера. Странно, вроде гонимым был я, но именно ее хотелось спасти, вытащить из круга вурдалаков.

Орет судилища орда.
Я прокаженным был, казалось.
И только женщина одна
подошла, не отказалась.
Живу меж темени и луж,
и черепов, как Верещагин.
И женщина, как желтый луч,
мою дорогу освещает.

Необъяснимая вещь психология — даже теперь, зная, что вся истерика Хрущева была отрепетирована, чтобы напугать интеллигенцию, испробовать угрозу высылки из страны, в душе моей остался светлый, даже

святоточный образ Никиты Сергеевича, он остался для меня царем-освободителем. Я не держу на него зла за себя.

Как в анекдоте о вожде: «А мог бы и бритвой полоснуть!..»

Так душа моя приобретала экзистенциальный опыт, общий со страной и в чем-то индивидуальный, что, согласно Бердяеву, и способствует созданию личности.

Многое позабылось, но подушечки пальцев помнят ледяной кремлевский стаканчик, покотившийся по трибуне, помнят четкие хрустальные крестики граней на нем. Глядишь, не останови я этот стаканчик, упали он, разбейся на весь зал — очнулся бы Премьер от припадка, обстановка бы разрядилась, прибежали бы прислужники осколки замечать, кампания сорвалась бы, не было бы ни проработочных собраний, ни всесоюзного ора, процесс развития культуры пошел бы по-иному...

Но стаканчик уцелел. Случай?

«Чем случайней — тем вернее».

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт

ПИСЬМА АКАДЕМИКА П.Л. КАПИЦЫ¹ Н.С. ХРУЩЕВУ

№ 7

ПИСЬМО ПЕРВОЕ, ОТ 12.04.1954 г.

Первому секретарю ЦК КПСС

Товарищу Н.С. ХРУЩЕВУ

12 апреля 1954 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Отрадно, что за последнее время ряд важнейших сторон организации нашей жизни подверглись по-настоящему открытому и критическому рассмотрению. Это сразу привело к тому, что люди получили больше уверенности в правильности пути по которому идет развитие нашей страны.

Но вопросы организации нашей науки, почему-то по-прежнему остаются в тени. Надо прямо сказать, что тут у нас не благополучно.

Поэтому я с большим интересом прочел только что опубликованную передовую в «Коммунисте» под заголовком «Наука и жизнь». Это хорошая статья, так как она первая в которой так прямо и правильно ставится диагноз ряда заболеваний организации нашей науки, хотя средства их лечения не разбираются. Но есть, мне думается, еще более существенная критика, которую можно выдвинуть и не только против этой статьи, но против очень распространенного у нас упрощенного понимания связи науки и практики.

Принято считать, что главная задача науки это разрешать насущные трудности стоящие перед нашим хозяйством. Конечно, наука непременно должна это делать, но это не главное. По настоящему передовая на-

ука это та наука, которая изучая закономерности окружающей нас природы идет и создает принципиально новые направления в развитии материальной и духовной культуры общества. Передовая наука не идет на поводу у практики, а сама создает новые направления в развитии культуры и этим меняет уклад нашей жизни. Я говорю о тех созданных наукой фундаментально новых направлениях, как в свое время, например, было радио, а сейчас атомная энергия или антибиотики. Эти направления были созданы на базе новых научных открытий и теорий сделанных в лабораториях и помимо запросов повседневной практики. Конечно, решение этих проблем тесно связано с запросами жизни, но эта связь не тривиальна, что видно хотя бы из того, что обычно эту связь понимают и правильно оценивают только постепенно сперва «ученые», а значительно позже «практики».

Вспомним, как многие годы пренебрежительно относились у нас к научным работам по атомному ядру, так как не видели в них реального и быстрого выхода в жизнь. Если науку развивать по рецепту узкого практицизма передовой «Коммуниста», то никогда бы человечество не могло найти путей к использованию атомной энергии. Только смелое выдвижение и решение учеными таких новых проблем делают науку в стране по настоящему передовой и ведущей.

Идти в науке по новым путям труднее и хлопотливее, их не сразу находят и в поисках не раз приходится заходить в тупик. Поэтому тут нельзя бояться неудач, тут требуется смелость, размах и дерзание. Вот эти-то условия нам пока и не удается создать и нужно откровенно признать, что тут мы явно уступаем капиталистическим странам.

В рядовых научных исканиях основанных на решениях насущных запросов практики, где обычно работа может быть организована по хорошо установившемуся плану, где чиновничий бюрократический метод ее организации не особенно мешает работе и где сразу выявляется рентабельность полученных результатов, у нас дело идет не плохо и даже настолько хорошо, что успехами в этих работах у нас в научных учреждениях часто прикрывают отсутствие крупного и передового творчества.

Я глубоко горюю о таком положении вещей. Несомненно творческих сил у нас достаточно и все упирается в вопросы организации. Для развития передовой науки нужно, во-первых, поднять на щит фундаментальные теоретические научные проблемы; во-вторых, для этого нужны более культурные и продуманные условия научной работы, чем те, которые существуют у нас сейчас. Нужно помнить, что очередных передовых проблем в науке не много и не много людей, которые любят и умеют их решать. Поэтому главное, тут нужен тщательный отбор кадров и умная забота о них.

Сейчас Академия Наук по заданию Совета Министров отбирает ведущие проблемы во всех областях науки. Сперва казалось, что будут отбирать как раз эти передовые проблемы, которых в каждой области науки на очереди не больше двух-трех. Но на деле оказалось иначе.

Уже принято 80 проблем и самых разнообразных по характеру. Большинство из них не относятся к тому ряду ведущих проблем о которых я говорю. Ряд ведущих проблем среди них даже отсутствуют. Например,

среди проблем есть такая важная, но не принципиальная проблема: «борьба с браком на электровакуумных заводах», однако отсутствует проблема прямого превращения энергии сгорания угля в электроэнергию. Эта фундаментальная проблема современной электрохимии сейчас в связи с возможностью эффективной кислородной газификации угля, приобретает более актуальное значение. Я лично думаю, что не пройдет и нескольких лет, как она будет решена и тогда это революционизирует энергетику, так как изменит облик современных электростанций, их к.п.д. возрастет, они будут проще, не будет паровых машин, котлов и пр.

Наблюдаемое теперь у нас боязливое и холодное отношение наших ученых к новым фундаментальным проблемам не случайно. Оно связано с тем, что в это время ученого у нас запугали, уж больно часто и много и зря его «били» и больше стало цениться, если ученый «послушник, и не умник». Происходит это потому, что оценивается работа ученого бюрократическими методами, а не научной общественностью. Благодаря нездоровому засекречиванию результатов научной работы теперь мнение общественности совсем исключается. Понятно, что в таких условиях у нас не могут расти передовые ученые.

Основной стимул каждого творчества это недовольство существующим. Изобретатель недоволен существующими процессами и придумывает новые, ученый недоволен существующими теориями и ищет более совершенных и т.д.

А активно недовольные это беспокойные люди и по складу своего характера не бывают послушными барашками, т.е. такими, какими любят ученого наши бюрократы, ибо с ним наименее хлопотливо работать. Конечно, спокойнее ехать на покладистом мерине, но на бегах выигрывает норовистый рысак.

Я не раз уже высказывался об отсутствии у нас условий для развития больших научно-технических проблем и большой науки. Я не раз писал об этом товарищу Сталину. Наиболее полно и тщательно я это сделал сравнительно недавно в письме к нему.*

Целый ряд ученых это письмо читали и советовали послать его Вам. Поскольку я убедился, что это письмо отражает взгляды довольно широкого круга ученых, то оно может быть полезно в ЦК при обсуждении вопросов связанных с организацией нашей науки, поэтому я решил послать копию этого письма Вам на Ваше усмотрение.

Искренно уважающий Вас,

Академик П.Л. КАПИЦА
Николина гора

¹ КАПИЦА П.Л. (1894 — 1984) — советский физик, один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей. С 1939 г. академик АН СССР. Дважды Герой Социалистического Труда. Организатор и первый директор Института физических проблем АН СССР. Открыл сверхтекучесть жидкого гелия. Лауреат Нобелевской премии.

* Речь идет о письме П.Л. Капицы, которое он направил И.В. Сталину 30.07.1952 г.

№ 8**ПИСЬМО ВТОРОЕ, ОТ 15.02.1955 г.**

15 декабря 1955 г.

Николина гора

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич*,

Ровно год тому назад я был у Вас и, если Вы не забыли, основная тема беседы была судьба нашей советской науки. Эта судьба по-прежнему не веселая. Сейчас, когда я вернулся к активной академической жизни и ближе соприкоснулся с тем, что делается в Академии Наук и в ее институтах, я увидел, что по качеству научной работы, за последний год, мы не только не ушли вперед, но скорее пошли назад. Поэтому я решил снова привлечь Ваше внимание к судьбе науки.

За истекший год, ЦК нашей партии серьезно занимался вопросами передовой техники, сельского хозяйства, строительства и даже литературы, но вопросы науки не были серьезно затронуты, они как бы оставались в стороне. Такое положение у нас, конечно, удивительно, ибо оно находится в противоречии с основным принципом развития социалистического общества, которое, как это хорошо известно, строится на научно базе.

Из учения Ленина прямо вытекает, что есть два основных показателя, которые выявляют преимущества одного социального строя перед другим. Первый показатель, это производительность труда; второй — это уровень ведущей науки. При этом производительность труда, это дело домашнее, но уровень науки — это еще и дело нашего международного влияния.

История человечества неизменно показывает, что страны с большим международным культурным влиянием, в первую очередь имеют ведущую науку.

Сейчас, если наши футболисты успешно забивают мячи в ворота иностранцам, наши боксеры хорошо дерутся, а наши балерины лучше всех крутятся и прыгают, то все это нам очень приятно и лестно, но все же это не убедительные доказательства нашей передовой культуры.

Только когда мы достигнем признания нашей науки, как ведущей, это даст нас в мире положение страны построившей у себя наиболее передовой социальный строй общества.

Обычно руководящие товарищи считают, что забота о науке доказывается той, сравнительно крупной суммой, которая ассигнуется на нее в нашем государственном бюджете. Несомненно, крупная сумма ассигнования нужна для успешного развития науки, но еще нужно, чтобы эта сумма была целесообразно использована. К сожалению, у нас этого нет. Сейчас происходит примерно то, что бывает в сельском хозяйстве,

* Указание Н.С. Хрущева:

«Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС, тт. Несмеянову, отделу науки и вузов, отделу пропаганды и агитации ЦК».

если начинать богато уваживать землю, не заботясь о той культуре, которая будет расти. Известно, что на тучном удобрении сорняки еще лучше глушат полезные растения. Примерно это же начинает происходить у нас в науке. Благодаря высоким ставкам и привилегиям для работников науки в нее устремились сорняки, которые глушат настоящих ученых. Те привилегии для ученых, которые сейчас установлены у нас, могут дать положительный результат только когда очень хорошо налажена прополка сорняка, а этого у нас нет. За последние годы у нас получилось следующее положение: сорняки, используя слабости нашей бюрократической системы, забрали такую большую силу, что начали сильно тормозить развитие здоровой науки, так что положение стало угрожающим.

Есть только один правильный, хорошо испытанный способ борьбы с этими сорняками, это здоровое общественное мнение, которого как раз сейчас у нас не хватает.

Каких же условий у нас не хватает для развития здорового общественного мнения по ведущим вопросам науки?

Первое и главное условие — это естественное стремление у ученых к свободной дискуссии. Чтобы это стремление у нас появилось, нужно, чтобы человек никогда не боялся высказывать свое мнение, даже, если оно будет опровергнуто. Нашему руководству не нужно бояться, что на пути искания научной истины может быть выдвинут ряд ошибочных, неправильных научных положений. Нужно помнить, что правильное научное положение всегда пробьет себе дорогу в жизнь, так как научная истина едина. Как раз тем, что она пробивает себе путь в жизнь и доказывается ее правота. Это диалектический закон развития познания природы. Не только бесполезно, но крайне вредно декретировать научные истины, как это другой раз делал Отдел Науки ЦК и особенно часто, когда им руководил Ю. Жданов. Научная идея должна родиться и окрепнуть в борьбе с другими идеями и только таким путем она может стать истинной. Прекратив эту борьбу, достижения науки превращаются в догмы и развитие науки прекращается. Как бы велика и значительна не была бы догма, но она статична. Наиболее разительно это произошло у нас с развитием материалистической философии. Сейчас, мы в значительной мере, превратили полные жизни достижения классиков марксизма в ряд догм и поэтому философия перестала у нас развиваться. Нам не следует бояться сознавать, что вместо живых, стремящихся с энтузиазмом к познанию передовых, достойных нашего времени ученых философов, у нас сейчас господствуют начетчики, типа Нудника из «Крыльев» Корнейчука.

У нас в философии произошло примерно то, что случилось бы с шахматистами, если каждого игрока проигравшего матч, лишать права игры в шахматы. Очевидно, что в конце концов останется один игрок, правда сильнейший, но ему не с кем будет играть в шахматы и игра перестанет существовать. У нас остались одни философы материалисты и они разучились спорить, бороться, мыслить. Это неизбежно случилось бы с каждым ученым, даже очень крупным, если ему не с кем было бы бороться за свои взгляды. Мог бы разве Ленин написать свой

гениальный труд «Материализм и эмпириокритицизм», если бы не было Богданова, Маха и др. и они не имели бы в то время возможности безбоязненно высказываться? Надо уметь уважать и заботиться о проигравших игроках, не то пропадет возможность игры. Ленин давал прекрасные примеры уважения к своим оппонентам, хотя безжалостно громил их взгляды.

Все это кажется простыми истинами. Почему же у наших ученых пропало желание и стремление к обсуждению новых идей в науке? Почему дискуссии на общих собраниях Академии Наук выродились в популярные назидательные лекции? Сейчас, заседания Академии Наук мало чем отличаются от собрания колхозников в пьесе Корнейчука. Академики-Нудники читают оторванные от жизни доклады обычно по вопросу исторического характера, славя память великих ученых или великие события. Ни дискуссий, ни обсуждения, поэтому доклады с большими удобствами и пользой можно прочесть сидя дома. Сейчас собрание академиков — это не ведущее научное общество, занятое решением передовых вопросов в науки, тесно связанное с запросами и ростом нашей культуры, но скорее напоминают церковные богослужения, которые ведутся по заранее predetermined ритуалу. Это не только позорно для передового социалистического государства и для его науки, но это угрожающий симптом замирания здорового общественного мнения и, следовательно, здоровой передовой науки.

Второе условие для развития науки — необходимо, чтобы руководство считалось с общественным мнением и оно лежало бы в основе организации нашей научной жизни. Конечно, общественное мнение не может быть спонтанно, оно должно быть организовано и направляться по здоровому руслу, но никогда не декретироваться. Нельзя забывать заветы Ленина о том, что связь партии с общественностью не может основываться на приказах.

Сейчас трудно не обратить внимание на то, что происходит у нас в биологии. Нигде, может быть так явно, не выступают последствия наших ошибок в организации науки.

Несомненно, игнорирование здорового общественного мнения, стремление декретировать научные истины, тут привело к тому, что начал расцветать мощнейший сорняк (Башьян, Лепешинская и др.). Здоровая наука почти прекратилась и даже нам ученым работающим в других областях, очевидно, что никогда еще наша биология не была качественно на таком низком уровне, как сейчас. Это особенно обидно, так как прежде в ряде основных областей биологии мы были ведущими в мировом масштабе. Об этом свидетельствуют имена: Сеченова, Павлова, Тимирязева, Цвета, Мечникова, Виноградского и многих других.

Сейчас ряд наших передовых ученых обратились с письмом в ЦК, в котором рисуется печальная картина состояния нашей биологии. Факт такого обращения надо приветствовать, так как это признак возрождения общественного мнения. В этом письме много правильного, может быть, даже все, но нездоровое одно, что ждут от ЦК опять же декретирования в биологии, но только в другом направлении. Правильнее было бы, чтобы письмо было напечатано и организовалась бы честная дискуссия.

Несомненно, все здоровые направления в биологии только бы выиграли от этого.

Мне думается, что сейчас самое важное, как для развития нашей биологии, так и для развития других областей науки — это организованное выявление здорового общественного мнения путем поднятия ряда спорных вопросов в области генетики, кибернетики, космогонии, связи науки с жизнью, ядерной энергетики, теории пространства и времени и др. Обсуждение этих вопросов и на собраниях Академии Наук, и в печати должно быть острым, откровенным с привлечением зарубежных ученых и философов с самыми разнообразными взглядами. наших философов надо отучить драться с противником у которого руки завязаны за спиной. Они должны выигрывать и в свободной борьбе. Кто же боится за исход этой борьбы, тот не верит в силу Ленинизма. Такие победы будут для нас иметь не соизмеримо большее значение, чем победы в любой международной спортивной олимпиаде.

Есть еще один очень действенный способ оказывать здоровое влияние на развитие передовой науки путем общественного мнения, которым не понять почему мы сейчас перестали пользоваться. Это Сталинские премии. Я уверен, что происходившие прежде ежегодно обсуждения и оценки научных работ в Сталинском комитете, который, как известно, был подобран из ведущих ученых, приносили нам большую пользу. В той или иной форме Сталинский комитет не только необходимо возродить, но при этом еще больше подчеркнуть его общественный характер, например, кооптировать его членов выборным путем и на определенный срок.

Есть у нас, конечно, и ряд серьезных организационных недостатков, которые приводят к тому, что у нашего ученого низкая производительность труда, много ниже, чем за границей. Известно, что успешно решать организационные вопросы можно только постепенно шаг за шагом, но чтобы ускорить этот процесс надо приучить наши научные учреждения уметь более самостоятельно организовывать свою научную работу. Опять же путем организованного общественного мнения нужно внушить нашим академикам и другим руководителям науки, что низкая производительность труда ученых, засорение кадров, раздробленность тематики и пр. хорошо всем известные недостатки организации нашей науки, могут быть искоренены только самими учеными. Совет Министров и большое руководство ЦК мало могут тут помочь. Но вот стимулировать и выявить, и направить в здоровое русло общественное мнение и далее заставить наш бюрократический аппарат положить его в основу организации мероприятий для развития нашей науки — это, конечно, задача партии, так как это понимал Ленин.

Таким образом это письмо сводится к упреку в том, что в последние годы наша научная общественность остается беспризорной и не используется для развития нашей науки, хотя без нее нам никогда не создать передовой науки.

Ваш,

П. КАПИЦА

№ 9**ПИСЬМО ТРЕТЬЕ, ОТ 6.05.1957 г.**

6 мая 1957 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,
обращаюсь к Вам с жалобой на редакцию газеты «Правда»*

В связи с обсуждением предстоящей реформы нашей промышленности я написал статью под заглавием «Научно-технические проблемы». Статья лежала в редакции неделю, в нее были введены согласованные со мной изменения и 3 мая я завизировал набранный текст статьи. При этом я просил тов. Азизяна, заведующего отделом науки, нет ли еще каких-либо замечаний и пожеланий у редакции. Он сказал, что больше ничего менять не надо и я получил заверение, что завизированный текст окончательный. На следующий день, когда статья появилась в печати в ней оказалось кроме мелких еще 12 крупных изменений, которые в ряде мест искажают первоначальный смысл и с которыми я не мог бы согласиться.

Несомненно, такое обращение редакции с представленным ей материалом нельзя рассматривать иначе, как проявление полного неуважения к автору, кроме того любое самовольное искажение редакцией дискуссионного материала недопустимо вообще, а для органа ЦК в особенности.

Я уверен — верить нашей «Правде» в интересах всех граждан Советского Союза и такое поведение редакции этому не способствует, поэтому я и решил написать Вам эту жалобу.

Уважающий Вас,

П. КАПИЦА

P.S. Аналогичный случай, но меньшего масштаба, с произвольным изменением подписанного мною текста, был у меня с «Правдой» много лет тому назад. Я обратился тогда с протестом к тов. Сталину, он нашел его справедливым. Редактор газеты тов. Мехлис лично извинился и тоже согласился, что «Правда» должна быть педантична в согласовании текста с автором подписных статей. В последующие годы, как при Мехлисе, так и при тов. Ярославском и тов. Поспеловым никогда текста моих выступлений в «Правде» без моего согласия не меняли.

Хочу также обратить Ваше внимание на то, что по-прежнему статьи в «Правде» [пишутся] одним стандартным языком, к сожалению, он полон шаблонными оборотами, однообразен и бесцветен! Я помню, как М.И. Калинин и ряд других товарищей, еще давно отмечали эти недостатки языка «Правды». Судя по характеру редакционной правки редакция еще хочет, чтобы все граждане СССР писали ее языком. Это видно из происходящей сейчас всенародной дискуссии, участников ко-

* На первом листе документа имеется письменное указание: «Тов. Сатиюкову. Прошу поговорить с академиком Капица. Д. Шепилов».

торой редактора заставляют говорить одним языком. На меня это производит угнетающее впечатление. Недаром у нас говорят, что телеграфный столб это отредактированная елка.

РАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 239. лл. 100–100 об. Подлинник.

№ 10

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ ОТ 28.07.1958 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич*,
я только что был в Горьком, чтобы побывать на некоторых заводах и посмотреть на Волгу. Волга начинает оживать, а Горький дивный город, недаром дал стране много хороших людей.

Стал я спрашивать горьковчан, почему бы им не возобновить «Нижегородскую ярмарку», но те товарищи из совнархоза с которыми я говорил, об этом не думали. Чем больше я стал размышлять в этом направлении, тем эта идея стала мне рисоваться более привлекательной. Я думаю, она поможет тому направлению развития страны куда сейчас направляет страну ЦК и которому я очень сочувствую, поэтому я решил написать Вам, может быть помогу.

Первое — с происходящим сейчас ростом нашего благосостояния, несомненно вся наша торговля будет быстро расти и тогда зачем нам только принимать участие в заграничных выставках, как мы то делаем сейчас. Нам нужна своя международная выставка — ярмарка. Например, нам советским гражданам, вообще нет возможности познакомиться с производством демократических республик. Правда, сейчас со своим производством мы стали знакомиться на Промышленной выставке в Москве и это хорошо, так как раньше мы мало знали, что делает наша промышленность.

Второе — такие международные выставки имеют воспитательное значение, как для всех наших граждан, так и для культуры наших работников промышленности, как проверка качества, нашего производства по сравнению с другими странами.

Третье — такие выставки содействуют развитию своего и международного туризма и сблизят нас с товарищами из демократических республик.

Четвертое — прежде Нижний Новгород был приспособлен для международной ярмарки своим центральным положением в стране, к тому же Нижний всегда был один из наших красивейших городов с большими культурными традициями. За сто лет своего существования ярмарка сильно способствовала нашей восточной торговле.

Сейчас, конечно, роль дешевого речного транспорта, как преимущество Горького для ярмарки менее существенно, но все же преимущество его положения на большой реке остается. Например, на время выставки

* На первой странице письма помечено:

«Тов. Хрущеву доложено. «Напомнить». 1.VIII.58 г.

можно использовать речные пароходы, под гостиницы и рестораны, что избавит от необходимости строить их специально в большом количестве.

Пятое — это традиция. Нижегородская ярмарка была также хорошо известна, как и ярмарка в Лейпциге и существовала с 1817 г. Ленин ее восстановил в 1922 г., но потом в 1930 г. видно не было в ней больше потребности, так как вообще нам мало чем и мало с кем было торговать. Сейчас, по всем признакам время для ярмарки возвращается, особенно если учесть торговлю с демократическими республиками. Форму ярмарки по водимому все же следует изменить, она должна носить, как характер выставки, так и торгового предприятия.

Зачем нам терять хорошие традиции прошлого и года через два, три не восстановить ли Нижегородскую ярмарку, веселую, культурную и богатую.

Привет,

П. КАПИЦА

№ 11

ПИСЬМО ПЯТОЕ ОТ 20.02.1959 г.

«20» февраля 1959 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич*,

Пишу Вам с жалобой на Главлит. Мероприятия Главлита на которые я жалуюсь затрудняют нашу работу и к тому же оскорбительны для советского человека поскольку непонятна та цель, которую они преследуют.

Эти новые мероприятия заключаются в том, что иностранные книги поступающие, как по заказу, так и присылаемые в дар из-за границы, если на них Главлит решил поставить ограничительный шестиугольник, должны находиться в спец-хранилище в институте и только там ими надлежит пользоваться. Не только это затрудняет пользование своими книгами, но это оскорбительное недоверие к ученому-академику, который по мнению Главлита, по-видимому может использовать эти книги во вред государству. Как это может произойти не понятно, поскольку они на иностранных языках и не содержат секретных сведений. Я лично, не могу представить себе какой вред от их содержания может вообще быть для любого сознательного советского гражданина. Если это забота о чистоте наших мыслей и помыслов путем запрета знания греха, то в этом мало смысла.

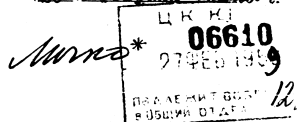
Известно, что прежде так считали возможным оберегать невинность девиц кисейного воспитания. Но никому еще в голову не приходило огораживать этим способом нравственность познавших жизнь великовозрастных дам. Поскольку нельзя относить развитие ученых-академиков к уровню наивных девиц, то с этой точки зрения нельзя понять эти мероприятия. Повидимому работники Главлита мало читали Щедрина, а то им бы была понятна нелепость рвения бюрократов к запретам.

* На первой странице письма помечено: «Тов. Хрущеву доложено». «Тов. Суслову М.А.» второй строкой.

АКАДЕМИК
Петр Леонидович
КАПИЦА

Москва, В — 133
Калужское шоссе, 32, кв. 14
Телефон В 2-32-30

20. февраля 1959г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,

Пишу Вам с жалобой на Главлит. Мероприятия Главлита на которые я жалуюсь затрудняют нашу работу и к тому же оскорбительны для советского человека поскольку непонятна та цель, которую они преследуют.

Эти новые мероприятия заключаются в том, что иностранные книги поступающие, как по заказу, так и при-
сылаемые в дар из за границы, если на них Главлит решил
поставить ограничительный шестиугольник, должны находиться
в спец-хранилище в институте и только там ими надлежит
пользоваться. Не только это затрудняет пользование своими
книгами, но это оскорбительное недоверие к ученому-акаде-
мику, который по мнению Главлита, повидимому может исполь-
зовать эти книги во вред государству. Как это может про-
изойти не понятно, поскольку они на иностранных языках и
не содержат секретных сведений. Я лично, не могу предста-
вить себе какой вред от их содержания может вообще быть
для любого сознательного советского гражданина. Если это
забота о чистоте наших мыслей и помыслов путем запрета
знания греха, то в этом мало смысла.

Митя Хрущеву положено
" Митя Суелову М.А. "

27/2-59 *Митя*

Фотокопия первой страницы документа № 11
(письмо П.Л. Капицы Н.С. Хрущеву от 20.02.1959 г.).

Надо отметить, что деятельность Главлита еще неудовлетворительна потому, что проверка поступлений ведется медленно и это очень задерживает своевременное получение иностранной литературы. Так например, уже несколько лет я получаю журнал «New Statesman» тот самый английский журнал в котором Вы полемизируете с Ресселем и Далесом.

Так вот этот журнал не только приходит с замазанными карикатурами, что еще полбеда, но он приходит еще и с большим запозданием. Например, за этот год из 8 номеров пришли только 2. Потом обычно они приходят пачками в 4—5 штук. Выписанный американский журнал в этом году еще совсем не приходил.

При той интенсивной идеологической борьбе, которая сейчас происходит в мире нельзя отрицать необходимость контроля над печатью. Хорошо известно, что это главным образом нужно, чтобы охранять мало сознательных людей от ошибочных взглядов и поступков.

Особо необходимы цензурные мероприятия были после революции, в начальный период строительства социализма. Казалось бы, что с огромным культурным ростом нашего населения и нашими политическими, хозяйственными и научными успехами цензура и подобные мероприятия физических ограничений должны были бы отживать. Но на самом деле происходит скорее обратное. Например, таких мероприятий, какие сейчас вводит Главлит у нас еще не было. Я хорошо помню, как перед войной никаких ограничительных шестигранников не существовало и я мог свободно выписывать из-за границы газеты и журналы.

Мне кажется, мы как то мало осознаем, что на 42 году советское государство уже настолько возмужало и окрепло и так прочно стоит на ногах, что не нуждается в искусственных подпорках подобно тем, которые воздвигает Главлит и цель которых не только мало понятна, но которые приносят явный вред, так как перед всем миром портят красивый облик нашей передовой страны.

Непонятно, почему наша пропаганда, которая должна была быть у нас самым сильным оружием в идеологической борьбе, еще так слаба и далеко не использует те возможности, которые дают ей в руки наши успехи. Если бы наши пропагандисты действительно были бы на высоте нашего времени, то они первыми должны были бы возмущаться примитивности и никчемности действий Главлита.

Конечно, цель этого письма только просить Вас дать указания Главлиту, чтобы он своими мероприятиями не мешал бы мне заниматься и изучать иностранную литературу и предоставил бы это делать так, как мне наиболее удобно. Буду Вам благодарен, если Вы поможете.

Ваш,

П. КАПИЦА

P.S. Вам может быть будет интересно узнать, что у нас в работе есть интересное достижение, хотя неизвестно куда оно приведет. Начав применять получаемые нами большие мощности радио волн о которых я Вам рассказывал, нам удалось получить при атмосферном давлении изолированный сферический разряд напоминающий маленькую шаровую молнию. Это как раз то, что я искал в последние годы и возможность осуществления чего подвергалось многими сомнению. Это не только любопытное явление, но может оказаться и очень важным. Если удастся поддержать такие шаровые разряды до больших давлений, сотен и тысяч атмосфер, то можно надеяться создать условия при которых будет очень эффективно проходить термоядерная реакция. Таким

образом может открыться новый путь для ее осуществления. По-видимому этот путь еще никем не использован, поскольку как у нас так и за границей пытаются осуществить термоядерную реакцию в разряженном газе.

Чтобы оценить открывающиеся здесь возможности, первым делом надо овладеть теоретической сущностью этого любопытного явления. Последнее время я с увлечением этим занимаюсь. Для этой стадии научной работы у меня сейчас все имеется. Я пишу Вам об этом, так как знаю, что Вы любите все новое. С самого начала я ознакомил с полученными результатами, кроме руководства Академии Наук, товарищей Славского и Курчатова и это красивое явление приезжали смотреть товарищи Емельянов и Кириллин (зав.наук.ЦК).

П. КАПИЦА

№ 12

ПИСЬМО ШЕСТОЕ ОТ 5.04.1960 г.

«5» апреля 1960 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич*,

Прошло два года, как Вы со мной беседовали. За это время значительно продвинулось выполнение постановления Совета Министров, которое тогда было принято по нашим работам. Месяца четыре тому назад (15 декабря) по просьбе товарища Д.Ф. Устинова, я направил через Академию Наук в Совет Министров подробный отчет о наших работах, но до сих пор по этому отчету никаких замечаний не получил. Задача связанная с разработкой новых методов сжижения гелия выполнена и внедряется. Также осуществлен новый метод сжижения кислорода, но для его масштабного внедрения требуется принятие дополнительных организационных мероприятий. Работа по электронике больших мощностей, хотя уже и привела к осуществлению генераторов непрерывного действия, но по-видимому раза в три мощнее, чем у кого либо другого, но все же эту проблему генерирования нельзя считать окончательно решенной. Правда, уже достигнутая мощность дала возможность получить и особый вид свободного сферического газового разряда при атмосферном давлении. По-видимому найдено новое явление. Год, как я его подробно изучаю и уже разобрался в его механизме. Сейчас у меня мало сомнения, что это явление подобно шаровой молнии. Она, конечно, у нас ручная и спокойно царит, но все же без темных очков слепит глаза. Я был бы очень рад если бы Вы посмотрели на нее, ведь Вам не покажут.

В связи с теми более широкими и определенными перспективами, которые открываются этими работами я очень хотел бы поговорить с Вами, чтобы выяснить в каком масштабе развивать дальнейшую работу и в ка-

* На первой странице письма помечено:

«Тов. Хрущеву доложено. 20.04.60». «Напомнить».

ких направлениях. Этих направлений несколько и оборонное, и управляемая термоядерная реакция и др. все они важные. Но необъятного не обнимешь.

Я конечно знаю, как Вы заняты и как ценно Ваше время, но я все же решаюсь просить Вас принять меня в апреле месяце, поскольку в мае я хотел бы отдохнуть путешествуя на своей машине по Болгарии и Румынии. Возьму с собой сына, который вернулся после зимовки в Антарктике, он заслужил хороший отдых. Планируя это путешествие я исхожу из данного Вами мне разрешения ездить по странам народной демократии, я надеюсь, что товарищи из ЦК опять не забыли о нем. Последняя наша поездка в Чехословакию и Польшу была очень интересная и удачная.

Искренне Ваш,

П. КАПИЦА

№ 13

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ ОТ 16.10.1960 г.

«16» октября 1960 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,

Наука у нас развивается медленнее и хуже, чем это могло бы быть. Это происходит от того, что значение науки у нас не дооценивают и ее организационными вопросами мало занимаются. Чтобы не быть голословным в качестве примера укажу на то, что постановление Совета Министров касающееся нам очень нужной реформы Академии наук — создание междуведомственных научно-технических советов, учреждения стажорства и др. вот уже год переживает муки рождения и до сих пор не родилось. Это постановление нам очень нужно. Месяца три тому назад я специально ходил к товарищу А.Ф.Засядько¹ (он председатель комиссии по выработке этих постановлений), чтобы объяснить ему почему эти постановления нужно скорее выпускать. Еще два года тому назад говорили о возможности созыва в ЦК совещания по науке, но его тоже нет. Поэтому я решил изложить письменно почему нам в Советском Союзе надо больше заботиться о науке, почему ее надо сделать краеугольным камнем нашего строительства и какие у нас сейчас основные организационные недостатки. Когда я начал писать эту записку, то вместо предполагаемой короткой записки получилась длинная статья.* Все же я решил ее Вам послать, может быть она Вас и товарищей из ЦК заинтересует. Поскольку вряд ли ее решатся напечатать, так как многое в ней будет считаться не каноничным.

Хочу также Вам напомнить, что письмом от 5-го апреля я просил у Вас приема, так как Вы сами мне говорили, что я могу рассчитывать на прямую связь с Вами. Два с лишним года я Вас не беспокоил, но сейчас действительно это нужно для дела. Поэтому я был бы вам благодарен,

* О какой статье идет речь, установить не удалось.

если бы Вы нашли возможным принять меня или, в крайнем случае, поручить это сделать тому кто мог бы авторитетно решить вопросы связанные с моей работой.

Уважающий Вас,

П. КАПИЦА

¹ ЗАСЯДЬКО А.Ф. (1910–1963) — в 1947–1955 гг. министр угольной промышленности. С 1958 г. заместитель председателя СМ СССР. Член ЦК КПСС в 1952–1956 гг. и с 1961 г. Герой Социалистического Труда.

№ 14

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ ОТ 18.06.1961 г.

18 июня 1961 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич,

На приеме в Кремле, Вы говорили, что надо чтобы старые люди давали дорогу молодым и указали как на возможное мероприятие облегчающее этот процесс создание должностей почетных директоров. После Вашего выступления я Вам сказал, что преграда чтобы омолодить научные кадры состоит не только в том, что старики упрямятся уходить, но и в том, что сейчас трудно брать способную молодежь и я сказал, что Михаила Ломоносова, поскольку у него не было прописки нельзя было бы оставить в Москве. Мне показалось, что Вы даже рассердились и сказали, если имеется талантливая молодежь, то ее всегда пропишут.

Вот Вам пример того, что происходит на самом деле, я опишу все подробно, чтобы можно было сделать некоторые обобщения.

В 1955 г. к нам в институт приехал держать экзамен в аспирантуру из Саратова только что окончивший студент, 22 лет, никому из нас неизвестный Лев Петрович Питаевский. Наша молодежь с ним беседовала и сказала мне, что у него выдающиеся способности. Я в этом убедился, когда сам его экзаменовал и он был принят в аспирантуру по теоретической физике. За три года он написал 7 работ и в срок в 1958 г., блестяще защитив диссертацию, получил звание кандидата физико-математических наук. Мои сотрудники просили его взять в институт, но поскольку у него не было прописки, а главное мне показалось, что Лева несколько пристрастился к теории и его работы носили оторванный от жизни характер, его полезно было бы устроить в институт с более прикладным профилем, чтобы сама жизнь заставила бы его приобщиться к практике. Вблизи Москвы был такой институт, работая там, он мог не порывать с нами связи.

За 3 года работы в этом институте он опубликовал 15 хороших работ, лучшие были связаны с вопросами ионизации верхних слоев атмосферы, когда через них пролетает либо метеорит, либо ракета — это уже были практические задачи.

Для меня каникулы — август месяц — лучший для работы, институт пуст, Президиум Академии наук бездействует, никто не мешает и я могу

всецело отдаться работе. В прошлом году, в это время, как то зашел ко мне Лева, я ему говорю, что вот мне нужно решить задачу по поглощаемости волн в плазме, я решил ее только приближенно, мои сотрудники в разъезде, прошу его мне помочь. Через три дня он приносит то решение, которое как раз мне нужно. Так мы стали с ним работать вместе и я предложил ему вернуться в институт. Он конечно рад. Но за это время он женился на девушке тоже из Саратова, его школьной товарке, и у них ребенок. Я обратился в Академию наук, там мне обещали для Левы жилплощадь. Я обратился к тов. Кириллину, заведующему отделом науки в ЦК и он обещал поддержать мою просьбу о прописке Левы в Москве. Пять месяцев шли безрезультатные хлопоты, Моссовет это бездушная стена. Я писал туда, что это очень способный молодой человек (27 лет), жилплощадь Академия наук дает, работает со мной лично по важному заданию и пр. тов. Кириллин тоже говорил несколько раз с тов. Борисовым (ответственный товарищ в Моссовете). На решающее заседание какой-то важной комиссии в Моссовете под председательством тов. Семина, ездила делегация в составе трех человек от Академии наук и от нашего института. Она привезла такое решение: «скажите вашему академику, чтобы он к нам не приставал, мы и мышке не даем сейчас в Москве прописки». Я спрашивал тов. Кириллина, что делать дальше, он советует: «напишите тов. Хрущеву, я лично бессилен, что либо сделать».

Вот видите: я академик — ученый прошу, просит отдел науки ЦК, просит Академия наук — Моссовету все мало, приказано не прописывать и все.

Можно ли это назвать уважением к науке? Заботой о молодежи? Но это все можно было обойти, если бы Лева женился не на саратовской девушке, а на москвичке, тогда его автоматически прописывают.

Жениться достаточно даже не навсегда, а только на время, получить прописку потом развестись. Это все «законно» некоторые так и делают, но слава богу многим это противно. Согласитесь, что таким путем не лучшая молодежь отбирается для работы в Москве. Я понимаю, что все проходящее и временное, конечно лет через 5—10 кризис в жилищной площади пройдет и тогда вся эта ситуация будет казаться нам нелепой, но за эти 5—10 лет такая ситуация может сделать много вреда.

Пока не были испробованы все возможности в моих силах я не решился Вас беспокоить. Но сейчас после разговора с Вами в Кремле и советами тов. Кириллина я пишу Вам и прошу помощи. Пришлось писать длинно, а то получилось бы не убедительно какой Моссовет может быть бездушной и не уважающей науку организацией и как вредна создавшаяся ситуация. Ведь такой случай, как с Левой Питаевским не одинок и в сумме они наносят вред, так как либо отстраняется талантливая молодежь, либо ее соблазняют кривить душой.

Ваш,

П. КАПИЦА

P.S. Очень было приятно слушать Ваше выступление в Кремле. Как-то очень теплой вышла Ваша речь, это мнение не только мое, но и всех с кем я говорил. Я думаю, что главный результат совещания по науке, то

что у ученых несомненно создалось ощущение, что действительно существует доброе отношение к ним. Чувство доброжелательства со стороны окружающих и руководства является необходимым условием успеха для любой творческой работы. Это важнее любых материальных благ. Но научить Моссовет доброжелательно относиться к науке по-видимому очень трудно.

№ 15

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ ОТ 19.07.1964 г.

19 июля 1964 г.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич*!

Разрешите поблагодарить Вас и в Вашем лице наше правительство за награждение меня в связи с моим 70-летием орденом Ленина.

В нашей социалистической стране связь между наукой и руководством большая, чем где либо, мы ученые особо высоко ценим знаки внимания оказываемые нам правительством.

Я давно хотел написать Вам о тех трудностях, которые пока еще встречает у нас научная работа большего масштаба. Я, Вам как то говорил, что ученому, чтобы развернуться полностью, как никому нужно чувствовать доброжелательное к себе отношение. Вся жизнь ученого в его работе. Он связан с окружающим миром через свои научные достижения. Чувство своей полезности ему необходимо для того, чтобы взяться за смелые и крупные начинания. В капиталистических странах связь ученого с жизнью в стране, ограничивается оценкой его работ научной общественностью; ученый чувствует значение своих научных достижений потому, как часто его цитируют, какие ему присваивают медали, научные степени, звания и пр. Но у нас в социалистической стране для ученого этого недостаточно, как Вы сами хорошо определили наука у нас является «производительней силой» и поэтому у нас ученому очень важно чувствовать свою связь с практикой, т.е. со всем культурным ростом страны и с людьми, руководящими развитием передовой техники и промышленности.

В работе ученого когда он провидит свои идеи и достижения в жизнь, имеется одна характерная особенность, которую, к сожалению, наше руководство до сих пор недостаточно оценивает. Она заключается в том, что когда проводится в жизнь совершенно новая научная идея нигде еще не осуществленная нельзя гарантировать конечный успех. В научных лабораториях мы привыкли преодолевать многочисленные неудачи, для нас эти неудачи есть неизбежный отход производства и без них не вырастает большая наука. Об этих неудачах мало кто знает

* На первой странице письма помечено:

«Архив», ниже — подпись В. Малина и дата 17.X.64 г.

и они никого из нас не смущают. Но вот, когда ученый выступает с осуществлением своих идей в больших масштабах для практических целей и у всех на виду, тогда очевидно неудачи не утаишь в недрах лаборатории. Это резко меняет условия для научной работы, тут возникает опасность, что боязнь неудач и недоброжелательное отношение к ним руководства могут сковать инициативу ученого. Казалось, если мы хотим иметь свою новую, большую технику мы не должны бояться неудач, поскольку они в любой творческой работе неизбежны. Вот эти обстоятельства наше руководство недостаточно оценивает и мне непонятно почему. Ведь все мы хорошо знаем, что при построении нашего нового государственного строя у нас неизбежно были и будут неудачи, но только люди не умеющие здраво мыслить могут приходить к ошибочному выводу, что эти неудачи можно расценивать, как показатели несовершенства социалистической системы и тех новых фундаментальных идей на основе которых строится наше общество.

Также и в больших научных начинаниях надо уметь видеть главное здоровое и отделять его от поисковых неудач. Неудачи, хотя и обходятся дорого, но сторицей окупаются конечной удачей.

Я Вам пишу так много об этом, потому что вижу, как много мы теряем от того, что не научились отбирать главные направления в науке и как из-за боязни неудач у нас не хватает смелости и умения использовать наших ученых и развернуть крупный поиск в новой технике. Не трудно видеть, что сейчас за редкими исключениями, всё новое что у нас есть в технике есть повторения уже сделанного за рубежом (главным образом в США). Среди ученых все знают, что наше руководство гораздо охотнее поддерживает те работы, которые уже осуществлены и испытаны за рубежом. Всем понятно, что такие работы наверняка выйдут и риск минимальный и ученым тут удобно, им нужно только раскрывать засекреченные элементы процессов, так недавно это имело место с искусственными алмазами, рядом полимеров, семян для гибридной кукурузы и др. Поскольку жизнь давно показала, что в современном мире засекречивание новых научных процессов неосуществимо (если оно и существует, то только в нездоровом воображении Главлита), наши ученые также как и американские без особого труда разгадывают всё что засекречено и обычно на это тратится 1–2 года (лучшим примером этого были атомная и водородная бомбы).

Что же у нас мешает развитию своего нового в технике? Несомненно, по своему существу социалистическая система должна быть более приспособлена, чем капиталистическая для осуществления новых начинаний в технике и если сейчас этого еще нет, то это нужно отнести за счет ряда второстепенных мешающих причин, а поскольку этих причин много, они все вместе взятые становятся мощной преградой, надо их выявлять и с ними бороться. Среди этих причин, мне думается, выделяется главная и на неё я хочу обратить Ваше внимание — это недостаточно тесная и дружная связь между учеными и руководящими товарищами.

Нужно не бояться и сказать откровенно, что между руководством и

учеными у нас еще не выработалось то полное понимание и доверие, которые необходимы для осуществления крупных и оригинальных начинаний. Если ученый не чувствует к себе доверия и доброжелательного отношения он никогда не пойдет на тот риск, который неизбежно связан с осуществлением больших новых начинаний. Также если руководящие товарищи не чувствуют уважения и доверия к ученому и не умеют правильно оценить его творческих возможностей, они не будут смело поддерживать его новаторскую работу. Я пишу об этом Вам так уверенно, потому что чувствую по своему опыту, как это мешает мне в развитии моих работ и то же чувствуют и ряд наших крупных ученых.

За последние годы я неизменно чувствовал к своей работе недоброжелательное отношение со стороны ряда крупных работников Совета министров. При обращении к ним я обычно встречался с полным равнодушием и даже, как правило, с ответами которые без преувеличения можно охарактеризовать, как грубые. Потому, после того как мы выполнили поручения возложенные на нас постановлением Совета министров касающиеся электроники и сжижения газов, я был рад, что в следующие 3 года мне не нужно было больше обращаться к ним. Сейчас моя научная работа, в том небольшом масштабе, каким она ведется обставлена удовлетворительно и я работаю с полной удовлетворенностью, но при таких условиях, конечно, большого размаха моя работа не может получить.

Так же не менее остро я чувствую недоброжелательность и в том, что до сих пор мне нельзя ездить за границу. Мои товарищи, академики: Семенов, Арцимович, Алиханов, Фок и многие другие могут это делать, а меня всё еще не пускают. Это не только обидно, но это плохо для меня как ученого, так как лишает возможности знакомиться с новыми достижениями науки и техники за рубежом. А Вы знаете, что лучше раз увидеть чем сто раз услышать или прочесть о нем.

В прошлом году я должен был поехать в Югославию на Пагоушскую конференцию. Так случилось, что она совпала с конференцией по низким температурам в Праге, которую я вёл, как председатель. Я прервал свою работу в Праге, прилетел в Москву, чтобы сразу же ехать в Югославию. Накануне нашего отъезда только меня одного из всей нашей делегации задерживают без всякого объяснения причин. Это было очень неприятно и обидно. Такой поступок нельзя назвать по другому, как неуважением не только как к ученому, но и как к человеку.

Никто не может объяснить мне, чем было вызвано такое отношение ко мне. Ведь от секретной работы я дальше, чем те академики, которые бывают за границей. Единственно на что мне указывали целый ряд ответственных товарищей в Академии наук, что на меня рассердились за мои выступления в Академии наук с критикой философов, (оно было напечатано в марте 1962 г. в «Экономической газете»). Ведь если я критикую, то из желания сделать нашей науке хорошее. Ведь правдиво критиковать можно только то, что любишь и чьим ростом дорожишь. Мы больше критикуем своих детей, чем чужих.

У меня сейчас есть ряд возможностей поехать за границу. Датские ученые присудили мне золотую медаль имени Нильса Бора и они приглашают меня приехать получить её в октябре. По традиции в Дании её лично вручает король. Шведская Академия наук пригласила меня приехать прочесть лекцию. То же просят Кембриджский университет и Лондонское Физическое Общество. Каждый год я получаю ряд аналогичных предложений. Конечно, их все не следует принимать, это будет мешать работе, но раза два в год очень интересно и полезно поехать.

Пожалуйста, разрешите мне ездить за границу и пожалуйста, объясните почему ко мне и к моей работе такое недоброжелательное отношение.

Последний вопрос о котором я хочу Вам написать, это об одном успехе в нашей работе на пути решения важной проблемы. Я Вам уже сообщал, что нами создана искусственная шаровая молния, т. е. свободно палящий высокочастотный разряд. Изучение этого интересного и нового явления привело к тому, что в центре разряда мы обнаружили очень большую концентрацию энергии, равную нескольким миллионам градусов, известно, что как раз при такой температуре уже должна возникать термоядерная реакция, действительно, добившись необходимой устойчивости разряда и производя его в соответствующей смеси газов, преимущественно содержащей детерии, мы осуществили, правда, пока еще очень слабую, но вполне четкую термоядерную реакцию.

Об этом открытии я подробно сообщил президенту Академии наук письмом от 9 апреля с.г. С тех пор, дальнейшие опыты подтвердили существование непрерывной термоядерной реакции и уточнили условия при которых она происходит. На данном этапе исследований можно, с достаточной степенью уверенности утверждать, что найден новый и очень простой путь осуществления непрерывной управляемой термоядерной реакции при высоких давлениях. Но для того чтобы быть уверенным, что он приведет к возможности практического её использования для энергетических целей, надо еще очень много поработать. Эта работа очень интересная и увлекательная, ведь мы идем по пути, который еще не предвиден.

Сейчас у меня условия для работы удовлетворительные, всё наиболее необходимое имеется, но пока работа развернута небольшими силами (всего со мной работают с обслуживающим персоналом, 14 человек). Может быть следует повысить темпы и развернуть эти работы более смело и более широким фронтом? Если это делать, то конечно нужны соответствующие мероприятия, думаю, что это бы оправдалось.

Я очень бы хотел, Вам лично, рассказать о важных перспективах этой работы, но зная Вашу занятость, боюсь настаивать. Может быть Вы найдете возможным дать поручение кому либо из ответственных товарищей обсудить со мной судьбу этой важной проблемы.

Уважающий Вас,

П. КАПИЦА

№ 16

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГЛАВЛИТА СССР В ЦК КПСС В СВЯЗИ С ПИСЬМОМ П.Л КАПИЦЫ ОТ 20.02.1959 г.*

В связи с письмом академика Капицы П.Л. докладываю следующее. Жалоба т. Капицы на Главлит СССР объясняется незнанием им характера работы органов цензуры.

Главлит не препятствует нашим организациям оперативно использовать иностранную литературу в целях контрпропаганды и изучения научно-технического опыта зарубежных стран. От цензорского контроля освобождена вся литература, поступающая в адреса следующих организаций: ЦК КПСС и Совета Министров СССР, МВД СССР и союзных республик, Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, редакции газеты «Правда», КГБ, ТАССа, Главного Управления Радиовещания, журналов «Коммунист», «Новое время», «Международная жизнь» и Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР. Кроме того, освобождены от контроля органов цензуры иностранные научно-технические издания, литература, издаваемая в странах народной демократии и издания коммунистических партий капиталистических стран.

В соответствии с постановлениями директивных органов нами контролируется буржуазная литература, поступающая из капиталистических стран в адреса министерств, ведомств, учреждений и организаций. Контроль иностранной литературы, поступающей в адреса отдельных лиц, возложен на Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров СССР.

Всего в 1958 г. Главлит проконтролировал 1,6 млн. контрольных экземпляров изданий (номеров газет и журналов, названий книг и брошюр) общим тиражом 24 млн. экз. из общих фондов библиотек и 6 млн. экз., содержащих антисоветские и антисоциалистические материалы, направлено в спецфонды библиотек. Кроме этого, уничтожено более 250 тыс. экз. иностранных сугубо враждебных изданий, засланных в СССР.

Иностранная литература контролируется нами в следующие сроки: издания, предназначенные для распространения через «Союзпечать», — два-три часа, авиапочта — в день поступления, остальные газеты — сутки, журналы — двое-трое суток, книги — до пяти суток.

После Постановления ЦК КПСС от 28 июля 1958 г., в котором была осуждена практика выписки министерствами, ведомствами и организациями политических, бульварных, развлекательных и подобных иностранных изданий, в которых они не имели никакой надобности по характеру своей работы, Главлитом был проверен порядок выписки и использования иностранной литературы в Книжном отделе Академии Наук СССР и выявлены серьезные недостатки в этом деле.

* На последней странице документа помечено:

«Тов. Ильичеву Л.Ф. Тов. Суслов М.А. считает записку т. Романова формальной и просит Вас рассмотреть этот вопрос».

Об этих фактах мы сообщали Президенту АН СССР т. Несмеянову А.Н. и во исполнение Постановления ЦК КПСС внесли на рассмотрение АН СССР предложения по упорядочению выписки и использования иностранной литературы в системе Академии Наук. Тов. Несмеянов согласился с нашими предложениями и сообщил нам о соответствующих мероприятиях, которые проводятся Академией для устранения обнаруженных недостатков. Таким образом, порядок хранения и пользования иностранной литературы в системе Академии Наук установлен, как это и предусмотрено Постановлением ЦК КПСС, Президентом АН СССР.

Что касается иностранных изданий, упомянутых в письме т. Капицы, докладываю следующее.

Тов. Капица выписывает для себя иностранную литературу через несколько организаций: через Книжный отдел АН СССР — по индивидуальной подписке и Московское отделение АН СССР на адрес Института физических проблем им. С.И. Вавилова. Кроме этого, литература из-за границы поступает и непосредственно на домашний адрес т. Капицы.

Через Московское отделение АН СССР в адрес Института физических проблем им. С.И. Вавилова тов. Капица выписывает журналы «Нью стейтсман энд нейшэн» (Англия) и «Юнайтед стейс ньюс энд уорлд репорт» (США). Оба эти издания являются политическими реакционными журналами, не имеющими к науке и технике никакого отношения и постоянно публикующими грязные антисоветские материалы. В этих журналах систематически помещается большое количество статей о так называемой «борьбе за власть в Кремле», направленных против руководителей КПСС и Правительства СССР, в особенности, лично против товарищей Н.С. Хрущева, А. Суслова и Е.А. Фурцевой.

Естественно, что такие издания выписываются в СССР лишь организациями, которым они нужны по характеру своей работы, а органами цензуры запрещаются для общего пользования. Нам непонятно, зачем т. Капице понадобились эти сугубо махровые антисоветские издания и почему он желает иметь эти журналы у себя дома. По нашему мнению, они т. Капице для работы не нужны и мы считаем, что он злоупотребил своим правом выписки иностранной литературы по специальности, т. к. в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 4046-1624сс от 25 октября 1948 г., действительные члены АН СССР имеют право выписки иностранной литературы только по специальности.

Мы также не можем согласиться с заявлением т. Капицы о задержке в органах цензуры выписанных им изданий. Главлит контролирует упомянутые им журналы в срок один-два дня. Задержка в получении этих изданий, если она и случается, происходит по вине работников Московского отделения АН СССР, получающих ограниченные для общего пользования издания с Московского почтамта всего один раз в неделю. Кроме того, полученная с такими задержками иностранная литература передается Московским отделением в Институт физических проблем им. С.И. Вавилова для т. Капицы лишь на второй-третий день.

Такие же серьезные неполадки со сроками доставки литературы имеются и в Книжном отделе АН СССР. Например, книга Роберта Юнка «Светлее тысячи солнц», выписанная Книжным отделом (как выяснилось сей-

час — для т. Капицы), проконтролирована нами 13 января с.г., получена Книжным отделом 20 января и еще 3 марта не была доставлена в Институт физических проблем.

Таким образом, жалоба т. Капицы на Главлит СССР является необоснованной и не может служить причиной для изменения установленного в соответствии с решениями директивных органов существующего порядка контроля и использования поступающей в СССР иностранной литературы, содержащей антисоветские и антисоциалистические материалы.

О задержке иностранной литературы, поступающей на домашний адрес т. Капицы, мы ничего сообщить не можем, т.к. указанные издания контролируются органами КГБ при Совете Министров СССР.

Начальник Главного управления по охране
военных и государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР

П. РОМАНОВ
11 марта 1959 г.

№ 473с

№ 17

ВТОРАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГЛАВЛИТА СССР В ЦК КПСС В СВЯЗИ С ПИСЬМОМ П.Л. КАПИЦЫ ОТ 20.02.1959 г.

Секретно

В связи с письмом академика Капицы П.Л. дополнительно докладываем следующее.*

1. Органы цензуры контролируют иностранную литературу, поступающую в адреса учреждений и организаций, и не занимаются контролем иностранных изданий, поступающих в адреса отдельных лиц.

Постановлениями директивных органов ответственность за выписку и использование иностранной литературы возложена лично на руководителей министерств и ведомств, выписывающих иностранные издания. В соответствующей Инструкции Главлита СССР определяются лишь общие правила использования и хранения иностранной литературы и, естественно, в ней не регламентируются особенности порядка использования иностранных изданий в отдельных министерствах и ведомствах. Поэтому конкретные правила пользования зарубежными изданиями в системе Академии Наук установлены Президиумом АН СССР применительно к условиям работы и контингенту лиц, использующих эти издания, т.к. лишь Президиум Академии может определить действительные потребности академиков и других крупных ученых в иностранной литературе, учесть особенности их работы и т.п. Таким образом, запрет выдачи на дом крупным ученым, и в частности т. Капице П.Л., иностранной литературы, содержащей антисоветские материалы и ограниченной для

* Печатается с сокращениями.

общего пользования, введен не нами, а установлен в ноябре 1958 г. самой Академией Наук.

2. Как нами уже указывалось в письме от 11 марта с.г., задержка в получении т. Капицей выписанных им иностранных изданий произошла не по вине органов цензуры. Указанные издания контролируются нами в срок один-два дня. Причина задержек в получении некоторых зарубежных изданий учеными состоит, на наш взгляд, в том, что отдельные работники АН СССР допускают неоперативность и неответственное отношение к своим обязанностям.

Академия Наук в настоящее время выписывает иностранную литературу капиталистических государств непосредственно в адреса 21 своих библиотек и организаций, которые рассылают эту литературу далее в институты и другие учреждения Академии.

Проведенная проверка показала, что задержка в получении изданий происходит по причинам, не зависящим от нас. Если представители газеты «Правда» или ТАССа приезжают на московский почтамт за литературой, содержащей антисоветские материалы и ограниченной для общего пользования, один-два раза в день, то, по данным Московского почтамта, представители Московского отделения АН СССР, получающего иностранную литературу для институтов Академии, за 165 дней (с 1 октября 1958 г. по 16 марта 1959 г.) приезжали на почтамт за этой литературой всего 21 раз, т.е. в среднем один раз в 8 дней, работники Книжного отдела Академии, который выписывает иностранную литературу по заявкам академиков и других крупных ученых, — лишь 26 раз и т.п. Для сравнения можно сказать, что за эти же 165 дней работники Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, видимо, более заинтересованные в оперативном использовании иностранной литературы, приезжали за ней на почтамт 135 раз.

О фактах такой неоперативной работы Московского отделения и Книжного отдела АН СССР нами было доложено в ЦК КПСС в информационной записке от 19 февраля 1958 г. и сообщено Президенту Академии Наук.

Полученная указанными учреждениями ограниченная для общего пользования иностранная литература рассылается ими по институтам Академии также с большими задержками. Поэтому в настоящее время сложилось ненормальное положение, когда на пересылку иностранного издания из-за границы и на его контроль органами цензуры уходит гораздо меньше времени, чем на доставку того же издания от Московского почтамта до институтов Академии, или от одного учреждения Академии до другого.

В качестве примеров можно привести политические антисоветские журналы «Нью стейтсмен» и «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд репорт», на задержку в получении которых и жалуется т. Капица.

Указанные журналы выписаны для Института физических проблем им. С.И. Вавилова не авиапочтой, а простой почтой и направляются в институт через Московское отделение АН СССР. Журнал «Нью стейтсмен» поступает в СССР в среднем на шестой день после его выхода в свет, «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд репорт» на 25 день. Выше указывалось, что Московское отделение получает эти издания на почтамте крайне

нерегулярно и, кроме этого, не сразу направляет их в институт. В результате, например, номер первый журнала «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд репорт» за 1959 г. поступил в Институт физических проблем лишь через 22 дня после того, как он был нами проконтролирован и сдан органам связи, номер второй — через 15 дней, номер третий — через 16 дней и т.п.

С большими задержками доставляется в Институт физических проблем для т. Капицы и английский журнал «Нью стейтсмен».

3. Считаю неправильной сложившуюся в настоящее время практику, когда отдельные сотрудники библиотек и учреждений Академии Наук отсылают некоторых ученых в Главлит СССР за выяснением причин ограничения для общего пользования того или иного иностранного издания или решения вопроса о выдаче такого издания на дом. Знак «шести-гранник» проставляется нами на изданиях, содержащих антисоветские и антисоциалистические материалы, в целях того, чтобы облегчить работу сотрудникам библиотек, помочь им определить в какой фонд предназначается данное издание. Несмотря на это, некоторые работники библиотек АН СССР, прикрывая свою неоперативность и плохое знание порядка использования иностранной литературы, уполномоченного Президентом Академии Наук, дают отдельным ученым неправильные и некомпетентные объяснения со ссылкой на органы цензуры.

4. В связи с попытками некоторых ученых переложить на Главлит СССР решение вопросов о конкретных правилах пользования иностранной литературой, за которые в соответствии с решениями директивных органов несут ответственность лично руководители министерств и ведомств, нами еще раз дано разъяснение Академии Наук СССР по всем указанным выше вопросам.

Начальник Главного управления по охране
военных и государственных тайн в печати
при Совете Министров СССР

П. РОМАНОВ

«27» марта 1959 г.
№ 619с 55

ПРАВООЩИТНИКИ

В политической жизни Н.С. Хрущева, в его государственной деятельности была не одна вершина. Но главной из них стал, пожалуй, XX съезд КПСС. Съезд породил хрущевскую оттепель, а она — правозащитников, да и не только их. Но... Многие из тех, кто поверил в политическую весну, обрекли затем себя на годы страданий, в том числе, к сожалению, и от власти, лидером которой до октября 1964 года оставался Н.С. Хрущев. Объяснений такому повороту событий немало...

Правозащитничество, имевшее место во многих странах мира, по сути было немыслимо как движение в прежние, досъездовские, советские годы. Н.С. Хрущев пытался гуманизировать власть и это дало

ростки правозащитничества, хотя долгое время после этого, даже и в перестроечные годы, имели место факты беспощадного отношения к инакомыслящим.

№ 18

ПИСЬМО АКАДЕМИКА САХАРОВА ЧЛЕНУ КОНГРЕССА США АНДЕРСЕНУ

Члену Конгресса США господину Андерсену

Знакомясь с сообщением печати о Вашем выступлении в связи с рассмотрением вопроса об испытании и применении атомного оружия, я думаю, что для вас может представлять интерес моя статья «Радиоактивная опасность ядерных испытаний», которую я направляю Вам при этом письме.

С уважением академик А.Д.Сахаров¹.

О радиоактивной опасности ядерных испытаний*

31 марта 1958 года Верховный Совет СССР принял историческое решение об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний ядерного оружия. Прекращение испытаний — это реальный шаг к запрещению ядерного оружия, к устранению опасности ядерной войны — основной опасности нашей эпохи.

Такова главная причина, по которой сотни миллионов людей во всем мире приветствуют решение СССР и требуют аналогичных шагов от других располагающих ядерным оружием держав. В условиях широкой мировой политики стран социалистического лагеря продолжение испытаний не может быть оправдано никакими аргументами равновесия сил.

В этой статье я хочу коснуться другой немаловажной стороны проблемы ядерных испытаний, которая вызывает глубокую тревогу во всем мире, — проблемы радиоактивной опасности.

Внимание мирового общественного мнения было привлечено к этой проблеме трагическими эпизодами испытаний американской водородной бомбы 1 марта 1954 года, когда пострадали японские рыбаки и десятки жителей Маршалльских островов.

Всесторонний научный разбор вопроса о радиоактивной опасности испытаний имеет большое значение. Здесь мы в относительно малом масштабе встречаемся с теми же проблемами, что и при рассмотрении возможных радиоактивных последствий ядерной войны. К сожалению, в зарубежной литературе нередко встречается поверхностное рассмотрение, замазывающее в угоду политическим тенденциям многие стороны вопроса. Какова же научная сторона дела?

При взрыве «типичной» водородной бомбы, эквивалентной по мощ-

* Печатается с сокращениями.

ности 5 млн. тонн тротила (фактически возможно изготовление водородных бомб в 10 и даже в 100 раз большей мощности), образуется большое количество радиоактивных веществ, в том числе радиостронций, радиоцезий и радиоуглерод, обладающих большим временем радиоактивного распада. Радиостронций и цезий — это результат деления применяемых в бомбе расщепляющихся материалов. Радиоуглерод же образуется не непосредственно при взрыве, а в результате захвата азотом воздуха нейтронов термоядерной реакции и реакции деления. Образование нейтронов является неизбежным для всех типов атомного и термоядерного оружия. В так называемой «чистой» водородной бомбе их может образоваться даже больше при расчете на единицу мощности взрыва. («Чистой» в США и Англии называют водородную бомбу, при взрыве которой нет процесса деления урана и плутония и поэтому нет образования радиостронция и цезия.) При наземном испытании, подобном американскому взрыву 1 марта 1954 года, возникает явление «радиоактивного следа». Радиоактивные вещества оседают на поверхности поднятых взрывом в воздух пылинок почвы и вместе с этими пылинками выпадают по ходу ветра, образуя зону смертельной опасности в сотни километров длиной и 20–40 километров шириной.

Попадание людей под «радиоактивный след» явилось причиной трагических эпизодов 1 марта 1954 года.

В зоне радиоактивного следа количество выпавших с пылинками радиоактивных элементов настолько велико, что каждый оказавшийся там человек заболевает острой лучевой болезнью. Для острой лучевой болезни характерны изменения в составе крови, ломкость капилляров кровеносной системы, резкое снижение иммунитета к инфекционным болезням, нервные расстройства и другие тяжелейшие последствия. В центральной части радиоактивного следа доза облучения настолько велика, что острая лучевая болезнь для значительной части пострадавших протекает со смертельным исходом.

Около половины радиоактивных веществ при наземном взрыве не оседает на крупных пылинках почвы и разносится по всему земному шару. В случае взрыва, проведенного на высоте 3–4 км и выше, где нет пыли, радиоактивный след не образуется, и вся радиоактивность разносится по атмосфере нашей планеты, вызывая общее повышение уровня мировой радиации.

Сторонники продолжения испытаний, руководствуясь невысказываемыми политическими соображениями реакционного свойства, обычно ссылаются на то, что облучение человеческого организма по причине испытаний в среднем мало по сравнению с облучением космическими лучами и радиоактивными веществами естественного происхождения и что в ряде стран еще более существенно облучение при рентгеновском просвечивании и облучение светосоставами.

Спору нет, необходимо уделить большое внимание уменьшению всех источников радиационного поражения человека. Это требование необходимо в особенности учитывать при конструировании рентгеновской аппаратуры и при назначении массовых рентгеновских процедур. Также необходимо уделить должное внимание захоронению ра-

диоактивных отходов атомных электростанций и т. п. Однако все эти, сами по себе очень важные, вопросы не имеют прямого отношения к тому, приносит ли вред дополнительная (пусть в настоящее время и малая) радиоактивность от испытаний. Для решения этого вопроса надо иметь в виду, что любые, самые малые дозы облучения опасны. В моей статье, публикуемой в майском номере «Атомная энергия», приведены оценки, показывающие, что облучение дозой 1 рентген (единица радиоактивного облучения) в 1 случае из 10 тысяч приводит к уродствам часто смертельным и к наследственным болезням у потомства (шизофрения, гемофилия, диабет и около 500 других тяжелейших болезней) и в нескольких случаях из 10 тысяч приводит к преждевременной смерти от лейкозиев, рака и других заболеваний. Заболеваемость раком возрастает от наложения радиационных эффектов на уже имеющиеся химические эффекты.

[...]

Причиной поражения потомства является попадание зараженных частиц радиоактивного распада в половые клетки, особенно в ядерный аппарат клетки — хромосомы. Хромосомы являются малой «мишенью», зато каждое попадание приводит к катастрофическим последствиям.

[...]

В мире животных и растений отдельные внезапные изменения наследственности (мутации) иногда приводят к появлению более приспособленных к условиям жизни разновидностей, что в соединении с естественным или искусственным отбором приводит к улучшению породы. Прогресс человеческого рода идет в основном в социальном плане, в плане изменения условий жизни. [...] Для человеческого рода неконтролируемые мутации не нужны, приносят лишние страдания. Но мутации являются дополнительным шансом в борьбе за существование для вирусов и бактерий.

Считается, что такое внезапное изменение наследственности привело в середине XIX века к возникновению на земле дифтерита. На протяжении каждого поколения весь земной шар несколько раз охватывают эпидемии новых разновидностей гриппа. Вероятность подобных приносящих миллионы жертв случайностей возрастает при каждом повышении радиоактивного облучения на поверхности Земли.

Особо необходимо отметить непороговый характер рассматриваемых биологических эффектов. Даже самые малые дозы радиации обязательно будут вызывать биологические эффекты. Получается это потому, что каждая заряженная частица распада действует независимо от других (с определенной вероятностью поражает органы человека). В результате этого, если уменьшить дозу облучения в некоторое любое число раз и в то же число раз увеличить число облучаемых людей, то общее число жертв останется неизменным

Так как эффект облучения действует на миллиарды людей, то итоговые цифры жертв ядерных испытаний оказываются огромными — до 1 миллиона жертв от уже проведенных испытаний, учитывая рост населения земного шара.

[...]

Я не считаю исключенным, что число жертв несколько меньше приведенной цифры, например, вдвое. С другой стороны, нельзя исключить и обратного. Для ориентации в масштабе явления и для морально-политической дискуссии эти грубые оценки тем не менее достаточны. Из общего числа жертв одна треть обусловлена радиостронцием и радиоцезием и приходится на ближайшее столетие. Две трети жертв обусловлены радиоуглеродом и приходятся на 8–10 тысяч лет. Наличие большого числа жертв от радиоуглерода важно потому, что лишает какой-либо почвы пропагандистские высказывания об особом «гуманном» характере «чистой» водородной бомбы. Такая бомба дает не меньше радиоуглерода, чем самая «грязная».

Отдаленный по времени характер последствий радиоуглерода не смягчает моральной ответственности за будущие жертвы. Лишь при крайнем недостатке воображения можно игнорировать те страдания, которые происходят не «на глазах». Совесть современного ученого не может делать отличия между страданиями его современников и страданиями отдаленных потомков.

[...]

По всем этим причинам продолжение испытаний ради разработки «чистой» бомбы никак не может быть оправдано.

Типичная аргументация сторонников продолжения испытаний содержится в недавно появившейся книге Теллера и Леттера «Наше ядерное будущее». Авторы пользуются неполными и заниженными оценками числа жертв. При этом они чаще всего не называют абсолютного числа жертв, а оперируют сравнениями с другими независимыми причинами увеличения смертности. При таком методе сравнения пачка папирос в день оказывается много опасней последствий ядерных испытаний.

Очевидно, что здесь сплошные логические, моральные и политические передержки.

В действительности мы должны причины увеличения смертности рассматривать независимо друг от друга, так же, как судья рассматривает обвинения в убийстве, независимо от тысяч других смертей и катастроф большого города и при отсутствии смягчающих обстоятельств выносит приговор, какой бы малый процент ни составляла данная трагедия ко всей массе трагедий. Число жертв каждого испытания логично было бы сравнить лишь с «пользой» того же самого испытания, если бы такая была. Но ведь ее нет!

Следует подчеркнуть, что приведенное общее число жертв относится лишь к уже проведенным испытаниям. Продолжение испытаний и увеличение числа участников этой «пляски смерти» приведет к большому увеличению числа жертв.

[...]

В целях обеспечения безопасности перед лицом ядерного вооружения США и Англии советское государство было вынуждено разрабатывать и испытывать ядерное оружие. Однако целью политики СССР и других стран социалистического лагеря является не гонка вооружений, а мирное сосуществование, разоружение и запрещение ядерного оружия — оружия массового уничтожения. Важный шаг в этом направ-

лении сделан 31 марта 1958 года. Позиция советских ученых ясна. Это безоговорочная поддержка исторических, гуманных решений Верховного Совета СССР. Мы твердо верим, что это также позиция подавляющего большинства ученых зарубежных стран.

24 мая 1958 г.

А. САХАРОВ

¹ Сахаров А.Д. (1921–1989) — советский физик, академик АН СССР с 1953 г. Основные труды по теоретической физике, трижды Герой Соцтруда, создатель водородной бомбы, правозащитник.

№ 19

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС

«10» июня 1968 г.

№ 1342-А

гор. Москва

Секретно

Комитетом госбезопасности оперативным путем получены данные о том, что Григоренко в беседе с одним из своих знакомых заявил об известном ему якобы намерении представителей крымских «автономистов» подготовить и направить в ООН обращение, под которым они имеют в виду собрать подписи 250000 татар с призывом выступить в поддержку их требований. Григоренко, одобряя эту акцию, заявляет, что она вызовет «колоссальный резонанс».

Комитет госбезопасности принимает меры к предотвращению возможных враждебных действий со стороны националистически настроенных лиц из числа крымских татар и других антиобщественных элементов.

Председатель комитета госбезопасности СССР АНДРОПОВ

№ 20

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС

«12» февраля 1976 г.

№ 360-А

гор. Москва

Секретно

экз. № 1

О предупредительно-профилактической беседе с Григоренко П. Г.

Сообщая, что 30 января 1976 года проведена предупредительно-профилактическая беседа с Григоренко Петром Григорьевичем, 1907 года рождения, бывшим генералом Советской Армии, исключенным из членов КПСС, пенсионером, проживающим в городе Москве по адресу:

Комсомольский проспект, д. 14/1, кв. 96, ранее дважды судимым за антисоветскую деятельность и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

С 1970 по 1974 год Григоренко по определению судебных органов находился на принудительном лечении в психиатрической больнице.

После освобождения из больницы Григоренко восстановил связи с Сахаровым и другими ревизионистскими элементами — активными участниками антиобщественной деятельности. Совместно с ними принимает участие в провокационных сборищах, подготовке и передаче за границу клеветнической информации о якобы имеющих место нарушениях прав человека в Советском Союзе, в том числе по так называемому «крымско-татарскому вопросу», которая используется по враждебной антисоветской пропаганде.

В беседе Григоренко было указано, что его деятельность наносит вред интересам нашего государства и в случае ее продолжения ему будет вынесено официальное предостережение органов КГБ.

Григоренко заявил, что никакой антиобщественной деятельностью заниматься не будет, а по возникающим у него вопросам он будет обращаться в соответствующие советские инстанции официальным путем.

Сообщается в порядке информации.

Председатель комитета госбезопасности

АНДРОПОВ

№ 21

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС

«24» ноября 1977 г.

№ 2531-А

гор. Москва

Секретно

О выезде в США в частном порядке Григоренко П.Г.

Последние годы среди лиц, проводивших антиобщественную деятельность, активную роль играет бывший генерал Советской Армии Григоренко П.Г. С ним связаны многочисленные пресс-конференции, различного рода «заявления» и «обращения» по пресловутому вопросу о «правах человека», постоянно используемые зарубежной пропагандой в антисоветских целях.

Дважды Григоренко привлекался к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность и оба раза в судебном порядке направлялся на принудительное лечение, так как, по заключению экспертов, страдал и страдает психическим заболеванием (шизофренией).

В октябре месяце Григоренко возбудил ходатайство о разрешении ему поездки в США (там находится его сын, выехавший ранее в Изра-

иль), мотивируя это необходимостью операции предстательной железы. По заключению советских врачей, Григоренко действительно нуждается в этой операции, которая, однако, невозможна по состоянию его здоровья.

Возможный неудачный исход операции, если она будет проводиться в СССР, может вызвать нежелательные кривотолки и политически невыгодный для нас резонанс. Учитывая эти обстоятельства, принято решение не возражать против его выезда в США и частном порядке.

Предложения по вопросу о возвращении Григоренко в Советский Союз будут представлены в зависимости от его поведения за границей. Сообщается в порядке информации.

Председатель комитета госбезопасности

АНДРОПОВ

Разослано членам Политбюро ЦК КПСС на голосование.

За — М. Суслов.

№ 22

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СМ СССР Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС

Секретно

О лишении Григоренко советского гражданства

В соответствии с разрешением ОВИР Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома 30 ноября 1977 года на лечение в США сроком на 6 месяцев выехал Григоренко П. Г., 1907 года рождения, украинец, беспартийный (исключен из КПСС в 1964 году), пенсионер.

Григоренко длительное время занимается активной антисоветской деятельностью, за что дважды привлекался к уголовной ответственности, находился на принудительном излечении. Однако и после этого продолжал антисоветскую деятельность, постоянно инспирируя антиобщественные проявления. Даже получив разрешение на выезд из Советского Союза, Григоренко явился организатором публичной враждебной акции своих единомышленников на площади Пушкина в Москве 10 декабря 1977 года, которая принятыми Комитетом госбезопасности мерами была сорвана.

По имеющимся данным, находясь в США, Григоренко, несмотря на неоднократные заявления о том, что он будет вести себя за границей лояльно, продолжает заниматься враждебной Советскому государству деятельностью. В частности, он установил контакт с главарями зарубежных организаций украинских националистов и обсуждал с ними состояние и перспективы враждебной деятельности антиобщественных элементов в СССР, целесообразность объединения так называемых «групп содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР» [...]

Подобные действия Григоренко свидетельствуют о том, что он стал

на путь двурушничества и в случае возвращения в Советский Союз вновь активизирует враждебную деятельность.

Исходя из изложенного, Комитет госбезопасности вносит предложение лишить Григоренко П. Г. советского гражданства.

МГК КПСС это предложение поддерживает.

Проекты постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности
при Совете Министров СССР

Ю. АНДРОПОВ

4 февраля 1978 года

№ 234-А

№ 23

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

№ П92/65

Совершенно секретно

Московскому горкому КПСС
т.т. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Суслову,
Кузнецову, Щелокову, Савинкину, Георгадзе, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 92 заседания Политбюро ЦК КПСС от 9 февраля 1978 года

О лишении гражданства Григоренко П. Г.

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту 65 прот. № 92

Проект

Опубликовать в «Ведомостях Верховного Совета СССР»

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР *

О лишении гражданства СССР Григоренко П. Г.

Учитывая, что Григоренко П. Г. систематически совершает действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим

* Вероятно, данный экземпляр был направлен именно Суслову.

поведением ущерб престижу Союза ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании ст. 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Григоренко Петра Григорьевича, 1907 года рождения, уроженца с. Борисово Приморского района Запорожской области.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль

№ 24

ПОСЛАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СПА БРУНО КРАЙСКОГО Ю.В. АНДРОПОВУ*

Прислано посольством Австрии
в СССР в МИД СССР 27 июля 1983 г.

Бруно КРАЙСКИЙ¹

*Перевод с немецкого
Вена, 05.07.1983 г.*

Уважаемый г-н Генеральный секретарь!

В качестве председателя СПА я обращаюсь сегодня к Вам, уважаемый г-н Генеральный секретарь, со следующей просьбой. Меня неоднократно просили и продолжают просить друзья и знакомые походатайствовать за советского гражданина Юрия Орлова, находящегося в заключении с начала 1977 года. Эту просьбу я выполнил в апреле 1981 г. во время визита Председателя Совета Министров Тихонова Н.А. и хотел бы обратиться к Вам с просьбой посодействовать освобождению Орлова. Австрия, к тому же, была бы готова принять его, в случае если он этого пожелает.

Я, разумеется, далек от намерения вмешиваться во внутренние дела СССР. И если я обращаюсь с подобной просьбой, то только исключительно из-за сочувствия и с твердой надеждой на Ваше великодушие. Я полагаю, что великодушный жест в этом деле именно в период возрастающей напряженности, в смягчении которой, как я знаю, мы оба очень заинтересованы, имел бы позитивное значение.

* На документе есть пометка: «Юрий Владимирович, полагаю, что ходатайство за диссидента Орлова надо оставить без ответа». Внизу — «Согласен», подпись — Андропов. И далее: «Ознакомить Пономарева Б.Н.»

Примите, уважаемый г-н Генеральный секретарь, уверения в моем совершенном почтении.

С наилучшими пожеланиями

Бруно КРАЙСКИЙ

Его превосходительству,
г-ну Юрию В. АНДРОПОВУ²
Председателю Президиума
Верховного Совета
Союза Советских
Социалистических Республик.

Москва

РАНИ. Ф. 4., оп. 29, д. 118, лл. 198-202. Подлинник.

¹ КРАЙСКИЙ Бруно (род. в 1911 г.) — федеральный канцлер Австрии в 1970–1983 гг., председатель Социалистической партии Австрии (СПА) в 1967–1983 гг., в 1953–1959 гг. статс-секретарь МИД Австрии, в 1953–1966 гг. министр иностранных дел Австрии. С 1983 г. почетный председатель СПА.

² АНДРОПОВ Ю.В. (1914–1984) — в 1983 году генеральный секретарь ЦК КПСС, с июня 1983 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК КПСС с 1973 г.

№ 25

ЗАПИСКА Б.Н. ПОНОМАРЕВА В СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС О ПИСЬМЕ ЦК КОМПАРТИИ БЕЛЬГИИ

Секретно

О письме Центральному Комитету Компартии Бельгии

Секретариат Компартии Бельгии опубликовал 20 мая с.г. заявление, в котором выражает свое несогласие с приговором Ю.Ф. Орлову, утверждая, что речь идет о «примерном наказании за убеждения».

Считали бы целесообразным направить Центральному Комитету КПБ письмо ЦК КПСС по этому поводу тем более, что значительная часть бельгийских коммунистов, в том числе некоторые члены ЦК КПБ, считают неправильным выступать с публичной критикой в адрес Советского Союза.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Б. ПОНОМАРЕВ¹

«20» мая 1978 года
25-С-1021

РАНИ. Коллекция, ф. 89, перечень 37, док. № 33, 9 лл.

¹ ПОНОМАРЕВ Б.Н. (род. в 1905) — в 1961–1986 гг. секретарь ЦК КПСС и одновременно заведующий международным отделом ЦК КПСС.

№ 26**ПИСЬМО ЦК КПСС ЦК КОМПАРТИИ БЕЛЬГИИ**

Брюссель

Секретно

СОВПОСОЛ*

Встретьтесь с т. Ван Гейтом¹ или лицом, его замещающим, и, сославшись на поручение, передайте следующее.

Центральному Комитету Коммунистической партии Бельгии

Уважаемые товарищи!

Мы с недоумением узнали о заявлении Секретариата ЦК Компартии Бельгии по поводу дела Орлова. Нам кажется, что между нашими партиями существует достаточная степень доверия, чтобы не поступать так, как это сделали в данном случае вы. Публикуя документ от имени руководства партии, вы даже не сочли необходимым предварительно ознакомиться сколько-нибудь полно с материалами советской печати. Ваше заявление представляет собой по существу реакцию на буржуазную, антикоммунистическую, антисоветскую версию суда над Орловым. И поэтому ваша оценка этого дела полностью искажает действительность.

Вы утверждаете, что приговор Орлову — это «показательное наказание за убеждения». Но это неверно. Орлов осужден за вполне конкретные антисоветские действия, за то, что он систематически распространял на территории СССР антисоветские материалы, через представителей иностранных государств передавал за рубеж контрреволюционным центрам и пропагандистским службам империализма материалы клеветнического характера, порочащие советский государственный и общественный строй. Факты о его антисоветской деятельности точно и полностью установлены в ходе длительного и скрупулезного расследования и подтверждены на суде. Они преданы гласности в советских газетах (прилагаем выдержки из них, хотя вы вполне могли с ними ознакомиться и раньше).

Говорят, что действия Орлова не могли ни на йоту поколебать советский строй, существующий уже 60 лет. Мы тоже в этом убеждены. Но у советского народа имеются свои представления о нормах гражданственности, свое правосознание, сложившееся в острой и тяжелой борьбе с многочисленными врагами. Для него высшая социальная ценность — социалистическое общество — результат самоотверженности и великого трудового и ратного подвига нескольких поколений. И он расценивает клевету на это общество, да еще с помощью иностранных антисоветских центров, как тяжкое преступление против Родины.

Советский суд, вынесший приговор Орлову, отразил отношение советского народа к подобного рода действиям. Мерить решение советского суда мерками буржуазной законности значит вольно или невольно вставать на почву тех, кто провокационно использует дело Орлова в целях «психологической войны» против Советского Союза, против социализма.

* Письмо направлено через посла СССР в Бельгии.

В глазах советских людей это дело имеет не большее значение, чем осуждение какого-нибудь грабителя или взяточника. В семье, как говорится в пословице, не без уroda. Империалистическая же пропаганда превратила дело Орлова в «событие» чуть ли не мирового масштаба. Для любого объективного человека, не говоря о коммунистах, более чем понятно, для каких целей это делается: опорочить реальный социализм, затруднить распространение социалистических идей в капиталистическом мире, оправдать «жесткую» политику в отношении Советского Союза и гонку вооружений, ставящую под угрозу разрядку, отвлечь внимание от пороков и преступлений империализма — вроде того, что имеет сейчас место в Заире.

Нам кажется, что решительное разоблачение этой идеологической тактики антикоммунистов только повысило бы авторитет коммунистической партии, еще и еще раз подтвердило бы, что коммунисты всегда и везде проводят свою последовательную, самостоятельную классовую линию. У нас достаточно доверия к здравому смыслу рабочего класса, трудящегося человека, чтобы не согласиться с тем, что присоединение голоса компартии к общему шумному хору антисоветчины в связи с осуждением Орлова может якобы пойти ей на пользу. Убеждены, что дело обстоит как раз наоборот.

Мы искренне огорчены вашим заявлением. И хотели бы сказать вам об этом со всей откровенностью.

С коммунистическим приветом

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В случае, если друзья попросят текст письма, удовлетворите их просьбу.

Исполнение телеграфируйте.

РАНИ. Коллекция, ф. 89, перечень 37, док. № 33, 9 лл.

(Черняев)

¹ Ван ГЕЙТ ЛУИ (род. в 1927 г.) — председатель КП Бельгии (КПБ) с 1972 г. Член КПБ с 1948 г., член ЦК с 1957 г.

№ 27

ТЕЛЕГРАММА Р. СТЕЕНА И И. ЛЕВЕРОСА Л.И. БРЕЖНЕВУ

ПРЕЗИДЕНТУ ЛЕОНИДУ БРЕЖНЕВУ

Москва

Норвежская рабочая партия настоятельно призывает Вас использовать Ваше влияние для освобождения профессора Юрия Орлова. Такой акт находился бы в полном соответствии с декларациями

Хельсинки и имел бы важное значение для укрепления доверия между Восточной и Западной Европой.

С уважением

Рейульф СТЕЕН
Председатель

Ивар ЛЕВЕРОС
Генеральный секретарь

*РАНИ. Коллекция, ф. 89, перечень 37, док. № 31,
ст. — 3.VIII.1978 г., 8 лл.*

№ 28

ЗАПИСКА Л. ЗАМЯТИНА И В. ШАПОШНИКОВА В СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС

О ТЕЛЕГРАММЕ СОВПОСЛУ В НОРВЕГИИ

В адрес товарища Брежнева Л.И.¹ получена телеграмма от председателя Норвежской рабочей (социал-демократической) партии Р. Стеена и генерального секретаря НРП И. Левероса с просьбой о пересмотре дела советского гражданина Ю.Орлова, осужденного за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Р. Стеен принадлежит к умеренным кругам партии, которые выступили за установление официальных контактов с КПСС, за развитие добрососедских отношений и сотрудничества между Норвегией и СССР.

Считали бы целесообразным направить Р. Стеену и И. Леверосу ответ через совпосла в Норвегии по указанному вопросу.

Зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС

В. ШАПОШНИКОВ

Зав. Отделом внешнеполитической пропаганды
ЦК КПСС

Л. ЗАМЦТИН

«28» июня 1978 г.

№ 25-С-1251

¹ БРЕЖНЕВ Л.И. (1906–1982) — в 1978 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС с 1952 г., член Политбюро ЦК КПСС с 1957 г.

№ 29

ПОСЛАНИЕ ЦК КПСС Р. СТЕЕНУ И И. ЛЕВЕРОСУ

СОВПОСОЛ

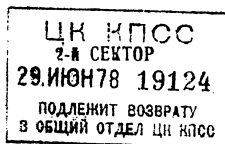
Секретно

В адрес тов. Брежнева Л.И. получена телеграмма от председателя Норвежской рабочей партии Р. Стеена и генерального секретаря НРП И. Левероса с просьбой о пересмотре дела советского гражданина Ю. Орлова, осужденного за антисоветскую агитацию и пропаганду. В связи

154 6

Секретно

Ц К К П С С

О телеграмме совпослу в Норвегии

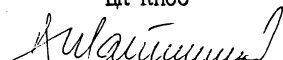
В адрес товарища Брежнева Л.И. получена телеграмма от председателя Норвежской рабочей (социал-демократической) партии Р.Стеена и генерального секретаря НРП И.Левероса с просьбой о пересмотре дела советского гражданина Ю.Орлова, осужденного за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Р.Стеен принадлежит к умеренным кругам партии, которые выступили за установление официальных контактов с КПСС, за развитие добрососедских отношений и сотрудничества между Норвегией и СССР.

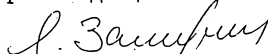
Считали бы целесообразным направить Р.Стеену и И.Леверосу ответ через совпосла в Норвегии по указанному вопросу.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС

(В. Шапошников)

Зав. Отделом внешнеполитической
пропаганды ЦК КПСС

(Л. Замятин)

"28" июня 1978 г.

№ 25-С-1251

Фотокопия документа №28.

с этим поручите ответственному сотруднику совпосольства встретиться с Р. Стееном и И. Леверосом и передать им следующее.

«В связи с обращением Р. Стеена и И. Левероса по поводу дела Орлова вопрос этот внимательно рассмотрен. Следует, прежде всего, подчеркнуть, что Орлов был осужден отнюдь не за «инакомыслие», как это пытаются изобразить некоторые органы западной пропаганды (хотя в действительности тот или иной образ мыслей, разумеется, не подлежит ни уголовному, ни какому-либо иному преследованию), а конкретные действия, предусмотренные частью I стр.70 Уголовного Кодекса РСФСР. В течение 1973–1977 гг. он занимался антисоветской агитацией и пропагандой, изготовлял и распространял на территории СССР, а также передавал за рубеж материалы клеветнического, заведомо ложного характера, порочащие советский общественный и государственный строй, направленные на его подрыв. Он открыто подстрекал империалистические государства к вмешательству во внутренние дела СССР.

Для характеристики истинного политического и морального облика этого «борца за права человека» и «радетеля хельсинкских соглашений» показателен такой пример. В своих многочисленных «обращениях», направлявшихся им посольствам западных стран, иностранным журналистам и пропагандистским центрам, Орлов призывал выступать в защиту жертв, «преследуемых по политическим мотивам», советских граждан Волкова, Рыбакова, Бабича, Ковтуненко. Они действительно осуждены: Волков и Рыбаков — за кражу, Бабич — за хищение огнестрельного оружия, Ковтуненко — за взятки.

В другом «обращении» он призывал к защите людей, «репрессированных» во время якобы имевшей место забастовки в Рижском порту. Достоверности ради Орлов не только сообщил точную дату забастовки — август 1976 года, но и фамилии «репрессированных». Он добился своей цели: антисоветские издания и радиостанции подхватили эту версию, кое-где даже были образованы комитеты в защиту «осужденных рижских докеров». Но таковых не оказалось, как не было и вообще никакой забастовки. А приведенные им имена докеров и забастовка были просто-напросто придуманы Орловым. Он, разумеется, знал, что фальсифицированные им материалы носили клеветнический характер, как знал и то, что именно такие материалы ждут от него те круги на Западе, которые ведут дело к обострению «психологической войны», раздуванию антисоветской клеветнической кампании.

Пытаясь создать видимость нарушения Советским Союзом хельсинкских договоренностей, Орлов сочинял списки граждан, которым было запрещено эмигрировать из СССР. И опять-таки при проверке выяснилось, что это — преднамеренная, злостная клевета: часть названных им лиц уже выехала из СССР, а часть не имела и не имеет таких намерений.

На продолжавшемся четыре дня открытом судебном заседании подобных фактов было вскрыто немало. Речь, таким образом, идет не о единичных выступлениях, а о системе преднамеренных действий, имеющих целью опорочить внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза, нанести урон его международной репутации.

Думается, что Р. Стеен и И. Леверос согласятся, что подобные действия Орлова не имеют ничего общего с положениями Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе об укреплении доверия и взаимопонимания между народами. Наоборот, противники развития международного сотрудничества пытаются использовать дело Орлова, чтобы нанести ущерб разрядке, подорвать доверие к СССР и его политике, направленной на налаживание широкого и всестороннего сотрудничества между народами всех стран в духе Заключительного акта.

Очевидно, что столь пристальное внимание к Орлову во многом объясняется тем, что в западной печати он фигурирует как руководитель «группы содействия выполнению хельсинкских соглашений». Но ведь это — не что иное, как откровенная спекуляция на интересе общественности к хельсинкским соглашениям.

Не вдаваясь в существо вопроса о том, кому это нужно и какие цели этим преследуются, следует сказать, что самозванное провозглашение кем-либо себя руководителем «группы» или «комиссии», как это в данном случае имело место с Орловым, не может служить основанием ни для освобождения его от ответственности за деяния, предусмотренные Уголовным кодексом, ни для сочувствия к нему со стороны авторитетных политических деятелей стран Западной Европы. Мы исходим из того, что обращение Р. Стеена и И. Левероса продиктовано гуманными соображениями, но основано на незнании подлинных обстоятельств дела Орлова. Данный ответ продиктован стремлением восстановить истину, злостно искажаемую буржуазными средствами массовой информации и имеет целью способствовать развитию взаимопонимания, укрепления доверия и сотрудничества между народами, в том числе между народами СССР и Норвегии».

В случае, если собеседники попросят передать им вышеизложенную информацию в письменной форме, можете сделать это.

Исполнение информируйте.

№ 30

ПИСЬМО МОСКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ Л.И. БРЕЖНЕВУ

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В последнее время в некоторых выступлениях и в статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина.

Мы не знаем, насколько такие тенденции, учающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу.

Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющих думать, что осуждение культа личности было в

чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не предана гласности.

Дело и в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ этого никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода — хотя бы и частичного — от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто.

Любая попытка сделать это поведет только к замешательству и разброду в самых широких кругах. Мы убеждены, например, что реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьезно осложнила бы настроения в среде нашей молодежи. Как и вся советская общественность, мы обеспокоены за молодежь. Никакие разъяснения или статьи не заставят людей вновь поверить в Сталина; наоборот, они только создадут сумятицу и раздражение. Учитывая сложное экономическое и политическое положение нашей страны, идти на все это явно опасно [...]

Мы не могли не написать о том, что думаем. Совершенно ясно, что решение ЦК КПСС по этому вопросу не может рассматриваться как обычное решение, принимаемое по ходу работы. В том или ином случае оно будет иметь историческое значение для судеб нашей страны. Мы надеемся, что это будет учтено.

М. Плисецкая, И. Смоктуновский, Б. Слуцкий, К. Паустовский, М. Ромм, П. Корин, А. Сахаров, М. Хуциев, О. Ефремов, Л. Арцимович, К. Чуковский, Эрнст Генри, И. Тамм, В. Некрасов и другие.

«Великое десятилетие» Н.С.Хрущева

№ 31

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ХРОНИКИ

1953 год

Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. В Президиуме Верховного Совета СССР. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад Н.С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. В Прокуратуре СССР. В Верховном Суде СССР.

1954 год

О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении

нии целинных и залежных земель. Доклад Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 23 февраля 1954 г.

1955 год

Постановление июльского Пленума ЦК КПСС 1955 г.

1956 год

Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии 14 февраля 1956 г. О культуре личности и его последствиях. Доклад Н. С. Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов.

1957 год

О дальнейшее совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Тезисы доклада Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР. В ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения. Речь Н. С. Хрущева на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР в городе Ленинграде 22 мая 1957 г. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. Постановление Пленума ЦК КПСС об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. Постановление Пленума ЦК КПСС об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте. Из выступлений Н.С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая 1957 г., на приеме писателей, художников, скульпторов и композиторов 19 мая 1957 г., на партийном активе в июле 1957 г. В борьбе за строительство коммунизма.

1958 год

Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке награждения орденами и медалями СССР. Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца». Постановление ЦК КПСС 28 мая 1958 г. О наведении порядка в праздновании юбилеев Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 12 декабря 1958 г.

1959 год

О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959 — 1965 гг. Доклад Н. С. Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г.

1960 год

Закон о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР. Принят 4-й сессией Верховного Совета СССР 15 января 1960 г. Закон о завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день. Принят 5-й сессией Верховного Совета СССР 7 мая 1960 г.

1961 год

Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 г. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС 18 октября 1961 г.

1962 год

Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством. Доклад Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 19 ноября 1962 г. Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г.

1963 год

О предстоящей встрече представителей ЦК КПСС с представителями ЦК КПК. Постановление Пленума ЦК КПСС 21 июня 1963 г. О многочисленных фактах отвлечения трудящихся в рабочее время на выполнение различных общественных обязанностей и участие в массовых мероприятиях. Постановление ЦК КПСС 27 декабря 1963 г.

1964 год

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС. В Президиуме Верховного Совета СССР.

№ 32**ПОСЛЕДНИЙ ГОД У ВЛАСТИ**

13–23 января — пребывание в СССР первого секретаря Национального руководства Единой партии социалистической революции, премьер-министра Революционного правительства Республики Куба Фиделя Кастро Рус.

10–15 февраля — состоялся Пленум ЦК КПСС, принявший постановление «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрого увеличения производства сельскохозяйственной продукции» и постановление «О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения».

20 февраля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении А. Н. Косыгину звания Героя Социалистического Труда в связи с 60-летием со дня рождения.

26 февраля — Совет Министров СССР принял постановление о повышении материальной заинтересованности пенсионеров в работе на производстве.

1 апреля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза первому секретарю ЦК ВСРП, председателю Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Я. Кадару.

16 апреля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Н. С. Хрущеву звания Героя Советского Союза в связи с 70-летием со дня рождения.

16–18 апреля — пребывание в СССР президента Финляндской Республики Урхо К. Кекконена.

30 апреля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза президенту АНДР, генеральному секретарю партии Фронт национального освобождения Алжира А. Бен Беле.

9–25 мая — пребывание в ОАР председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

13 мая — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза президенту ОАР Гамаль Абдель Насеру.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза первому вице-президенту ОАР Абдель Хаким Амеру.

27 мая — телеграмма Председателя Совета Министров СССР Индиры Ганди с выражением чувства глубокой скорби в связи с безвременной кончиной премьер-министра Индии Дж. Неру.

9 июня — первый грузовой теплоход прибыл из Ленинграда в Москву по новому Волго-Балтийскому водному пути.

16–21 июня — пребывание в Дании председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

22–27 июня — пребывание в Швеции председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

29 июня — 4 июля — пребывание в Норвегии председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

31 июля — Совет Министров СССР принял постановление об утверждении Устава о дисциплине работников ж.-д. транспорта СССР.

10 августа — ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением.

29 августа — Указ Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья».

12 сентября — в Кремле состоялась беседа председателя Совета Министров СССР с президентом Республики Индии.

16 сентября — состоялись переговоры председателя Совета Министров СССР с премьер-министром ОАР.

17 сентября — Совет Министров СССР принял постановление об утверждении Положения о совете народного хозяйства экономического района.

25 сентября — постановление Президиума Верховного Совета СССР о порядке наименования и переименования краев, областей, районов, а также городов и других населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций.

12 октября — на орбиту спутника Земли новой мощной ракетой-носителем впервые в мире выведен трехместный пилотируемый космический корабль «Восход» с экипажем, состоящим из командира корабля летчика-космонавта инженер-полковника В. Комарова, членов экипажа — научного сотрудника-космонавта кандидата технических наук К. Феоктистова и врача-космонавта Б. Егорова.

14 октября — пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н. С. Хрущева об освобождении его от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР в связи

с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Пленум ЦК КПСС избрал первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

15 октября — Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу Н. С. Хрущева об освобождении его от обязанностей председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья. Председателем Совета Министров СССР назначен А. Н. Косыгин.

№ 33

Указ

Президиума Верховного Совета СССР
о присвоении звания
ГЕРОУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу
ХРУЩЕВУ Никите Сергеевичу

За выдающиеся заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством в строительстве коммунистического общества, укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза, развитии братской дружбы народов СССР, в проведении ленинской миролюбивой внешней политики и отмечая исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками в период Великой Отечественной войны, присвоить товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу в связи с семидесятилетием его рождения звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР

Л. БРЕЖНЕВ

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР

М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 16 апреля 1964 г.

№ 34

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П.Е. ШЕЛЕСТА ¹

22 января 1964 года в 9 часов 25 минут из Москвы прибыл в Киев специальный поезд, в котором — Хрущев, Кастро, Подгорный, многочисленная охрана, сопровождающие и представители прессы. Всех надо разместить, устроить. На Киевском вокзале в честь прибытия Ф. Кастро выстроен почетный караул, много было встречающих. Тогда еще многие интересовались Ф. Кастро, и он казался каким-то особым «героем» — это мы так его представляли нашему народу. С вокзала поехали прямо в Залесье на охоту. Хрущев, узнав, что я приболел, категорически запротестовал, чтобы я был на охоте, оставил меня на «хозяйстве», но и тут хватало дел.

Настроение у Н. С. Хрущева хорошее, и он был в отличной форме. Охота удалась, как говорят, на славу. Хрущев убил двух больших кабанов, двух козлов, четырех зайцев. Кастро убил оленя, двух козлов, кабана. У Подгорного тоже были хорошие «трофеи». В лесу у хорошего костра пообедали. После этого еще сделали пару «загонов», добыча тоже была немалая. На второй день в 21.00 Кастро с Подгорным улетели в Архангельск. Я возвратился с аэродрома, проводил Н.С. Хрущева в Киев, в его резиденцию.

25 января вечером с Н.С. Хрущевым выехал на охоту в Залесье. Охота была на кабанов с вышек, и очень удачная. После охоты был длительный интересный деловой разговор по многим вопросам. В частности, о застройке хорошими домами новостроек Киева — Сырца и других районов, о постановке на производство хорошей автомашины «Запорожец». Я тут же доложил, что уже создана и изготовлена новая модель «Запорожца» и просил его разрешения послать в Москву автомашину для ее показа членам Президиума. Он на это дал согласие.

Во время нашего разговора из Москвы Хрущеву позвонил Брежнев, во время разговора я хотел покинуть комнату, но Хрущев знаком показал, чтобы я остался. Брежнев говорил о каких-то делах, затем сказал, что из Днепропетровска и Киева поступают жалобы на низкое качество хлеба. Чувствовалось, что это Хрущева обозлило, и он раздраженно Брежневу сказал: «Что вы все мне докладываете? Надо кое-что и вам самим научиться делать!» После переговоров с Брежневым Хрущев мне сказал: «Вот видите, какие «помощники». На язык больно острые, а на дело не хватает способностей и ума». Я, конечно, промолчал.

Говорил по телефону с Н.В. Подгорным. Он возвратился из Архангельска, куда сопровождал Ф. Кастро. В Архангельске была страшная метель, но он доволен, что побывал в этих местах. Я ему доложил о наших разговорах с Н. С. Хрущевым, передал высказывание его в адрес Брежнева. Подгорный на это сказал: «Это ему наука: пусть не торопится докладывать неприятности. Их и так у нас хватает, хоть отбавляй».

Вечером 28 января позвонил мне Н.С. Хрущев и пригласил приехать к нему в его резиденцию в Валки. По приезде я доложил Хрущеву, что делается в республике и какие ужасные погодные условия, которые отрицательно влияют на нормальный ход всех дел. Хрущев все внимательно выслушал и полушутя сказал: «Не жалуйтесь, ибо я в этом вам ничем помочь не могу, а то, что принимаете меры, несите сами за них ответственность. Давайте лучше послушаем записи на пластинках и магнитофонные новых вариантов Гимна Советского Союза». Долго и много слушали эти записи, но, оказывается, ни один из них не подходит, нет должной мелодии, эмоционального подъема, не говоря уже о словах и музыке. Потом долго сидели, разговаривали по многим вопросам экономики, техники, политики. Я заметил, что у Хрущева много задумано интересных вопросов, а энергии просто море. Но он жаловался, что ему трудно работать, много вокруг него краснобаев, догматиков и рутинеров. Беседа была какой-то откровенной, не говоря уже о ее глубоком и интересном содержании.

30 января Н.С. Хрущев пригласил меня к себе в Валки в 13.30. Поговорили о делах в республике. Он сам любил много рассказывать интересных политических событий, связанных с его работой при И.В. Сталине, о «разгроме» антипартийной группы, об аресте Берии и многом другом. Хрущев пригласил меня пообедать с ним, а затем мы поехали осматривать строительство Киевской ГЭС.

31 января в 8 часов утра Н.С. Хрущев поездом уехал в Москву. Сразу же по возвращении с вокзала я позвонил в Москву Подгорному и Брежневу, они меня очень просили сообщить им, когда из Киева выедет Хрущев. Я сказал, какие были задания, замечания и какое у него настроение — последнее их больше всего интересовало. При этом Брежнев спросил меня: «А Никита Сергеевич обо мне ничего больше не говорил?» Я ответил, что мне ничего не известно, что мог говорить или думать о нем Хрущев.

Во время пребывания Хрущева в Киеве на его имя поступило очень много писем и заявлений, главным образом по квартирам, помилованиям, снятию судимости, неправильным увольнениям с работы, о плохом снабжении. Со всеми этими вопросами было поручено на месте разобраться, принять меры и доложить в ЦК КПСС.

14 февраля 1964 года в особняке на Ленинских горах в Москве отмечал свое 56-летие. Уже много лет, а время катит — не уследишь, и что прошло, того не воротить. Поздравить меня приехали Подгорный и Брежнев. Хорошо посидели, естественно, выпили, много обо всем говорили, у них обоих чувствовалась какая-то нервозность. Они даже говорили: «Хорошо тебе, ты подальше от всего и много не знаешь». Были жалобы на свою судьбу, о трудностях в работе и несработанности. Я отвечал, что знаю то, что мне положено, а вообще некогда рассуждать и присматривать за уймой работы. Чувствовалась какая-то нервозность. Но до конца они не открывались. И все же у меня запала какая-то «искра» настороженности, что в «верхах» далеко не все в порядке, происходит какая-то закулисная игра не на принципиальной основе, а в борьбе за влияние и власть. Но пока что это были только мои догадки, предположения, сомнения.

1–10 марта 1964 года. Имел разговор с Н.С. Хрущевым. Он находился на отдыхе в Пицунде, я доложил ему о партийном активе по сельскому хозяйству. На нем присутствовало около 10 тысяч человек, проводили его во Дворце спорта. Сам актив прошел хорошо, много было интересных выступлений, критических замечаний и предложений.

Особо доложил, и это было по просьбе Брежнева, о работе металлургического завода имени Дзержинского в Днепропетровске, о его технико-экономических показателях. На заводе работает около 25 тысяч человек, в год он производит более 4 миллионов тонн чугуна, 4,5 миллиона тонн стали, 3,5 миллиона тонн проката. Это составляет 12% годового производства всей металлургии страны. У завода, его рабочего класса большие революционные заслуги, заводу исполняется 75 лет, я просил Хру-

щева разрешить представить завод к награждению орденом Ленина. Н.С. Хрущев все мои предложения выслушал внимательно — помолчал несколько времени, а затем задал мне вопрос по Дзержинке: «Это вас попросил Брежнев со мной переговорить?» Я ушел от прямого ответа и сказал, что мы этот вопрос ставим самостоятельно. Хрущев мне сказал, что на этом заводе когда-то работал Брежнев, и он всячески добивается, чтобы этот завод был награжден, видно, он где-то пообещал, от него это можно ожидать. Тут же Хрущев дал согласие на награждение завода, но сказал, чтобы представление дали к концу года, когда будет закончено годовое производство.

Из Москвы позвонил мне Брежнев Л.И., интересовался, что нового. Я ему рассказал о проведенном партийно-республиканском активе, рассказал, что мы готовим сувениры Н.С. Хрущеву и всем членам Президиума ЦК КПСС в связи со 150-летним юбилеем Шевченко — памятный иллюстрированный «Кобзарь», шеститомник его произведений (юбилейное издание) и бюст Т.Г. Шевченко.

Брежнев спросил меня, был ли у меня разговор с Н.С. Хрущевым по вопросу награждения завода имени Дзержинского, я ответил, что разговор был, и что он дал согласие на награждение, но в конце года. Сообщил, что обстоятельный разговор был по делам республики. Разговор был о том, чтобы он дал согласие опубликовать в центральной печати сообщение о присвоении ему звания лауреата Шевченковской премии, при этом как-то нервозно Брежнев меня спросил, дал ли Хрущев согласие? Я ответил, что просил по этому вопросу позвонить ему позже. Брежнев поинтересовался: а о нем, Брежневе, не было никакого разговора и ни в какой форме? Я ответил, что Хрущев спросил меня о Дзержинке, других же вопросов не было. Я стал замечать, что каждый раз Брежнев как-то ревностно-тревожно относится к моим встречам с Хрущевым, что он «смертельно-панически» боится Хрущева. Это уже становилось почти подтвержденным фактом.

21–31 марта 1964 года. 23 марта в Октябрьском Дворце состоялся расширенный Пленум ЦК КПУ, присутствовало 2200 человек республиканского партийного актива. С докладом «О борьбе КПСС за сплочение международного коммунистического движения» выступил Н.В. Подгорный. Пленум прошел хорошо, но своим выступлением остался внутренне почему-то недоволен, даже объяснить сам не могу. Во время пребывания Подгорного в Киеве мы с ним много разговаривали. Он очень жалел, что ушел с Украины и по этому поводу высказывал какую-то затаенную обиду на Н.С. Хрущева. В разговорах я ему полушутя сказал: «Возвращайся, я место уступлю. Сам с большим удовольствием уйду на благодарное дело — работать на завод». Подгорный на это ответил: «Ведь ты хорошо понимаешь, что это ни от тебя, ни от меня не зависит. Одно тебе скажу, что в республике работать хотя и далеко не легко, но зато знаешь, что ты делаешь и как-то свой «труд» ощущаешь. А главное — стоишь подальше от всяких интриг и «борьбы» за свое влияние в центре». И добавил: «Петро, ты себе не представляешь, как все это противно самому естеству». Я пытался более подробно выяснить, чем он так недо-

волен работой в центре, но он от прямого ответа уходил. Только много высказал своих соображений о работе аппарата ЦК и далеко не совсем слаженной работе и состоянии дел в Президиуме ЦК КПСС, не раскрывая самой сути вопросов. Тут же мне сказал: «Я тебя очень прошу, на всякий случай подбери, «забронируй» мне квартиру в Киеве». Об этом он мне и раньше говорил. Я ему ответил: «Квартира готова, переулок Дзержинского, дом 5, кв. 17, третий этаж, 5 комнат». Он меня за это поблагодарил.

Разговор с Подгорным меня встревожил, но я себе даже не мог представить, что там в центре творится. Внешне все хорошо, единодушие и сплоченность. Хрущев у вершины власти, и его все поддерживают и даже очень восхваляют. На следующий день Подгорный улетел в Минск, тоже выступать с докладом. Прошло некоторое время, и острота разговора моего с Подгорным как-то сама по себе за делами притупилась.

28 марта. Это было в Венгрии, во время нахождения там нашей партийно-правительственной делегации. Мы с Никитой Сергеевичем вдвоем почти каждый вечер прогуливались по территории нашей резиденции, и он очень много высказывал доверительных вопросов по поводу работников ЦК, в том числе говорил о Подгорном, но не плохо. Нелестно отзывался о Брежневе и совсем убийственно — о Суслове. Я, конечно, все слушал и молчал. Сам Хрущев был несколько при этом возбужден — как-то вечером мы прогуливались, и, естественно, за ним шел его личный охранник, он приблизился к нам, в это время Хрущев просто рассвирепел и сказал: «А вам что нужно, что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!»

Я как-то растерялся, но все же нашелся сказать: «Никита Сергеевич, он ведь находится на службе». Он сказал: «Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает, знаем мы их». На этом разговор был закончен. Охранник удалился на почтительное расстояние, мы еще долго вели беседу с Хрущевым на разные темы.

15 апреля выехал в Москву на празднование юбилея Хрущева. На следующий день встретился в ЦК КПСС с Подгорным, Брежневым, Кириленко, показал им наши подарки и сувениры для Н.С. Хрущева. Сувениры понравились, но чувствовалось, что они чем-то недовольны, хотя сами же были инициаторами и организаторами большого «шума» с юбилеем. Тут же было проронено несколько слов: «Да, почти уже старик, 70 лет, пора бы ему и на отдых, надо его нам беречь». Позже только стало ясно, что это была своеобразная игра и «прощупывание» настроения.

17 апреля 1964 года. 70 лет Н.С. Хрущеву. Утром собрались все члены и кандидаты Президиума ЦК КПСС и поехали в особняк на Ленинские горы, где жил Хрущев. Некоторые из членов президиума вели себя довольно нервозно, трепетно-боязливо. Это относилось в первую очередь к Суслову и Брежневу. Все тепло поздравили Н.С. Хрущева в домашних условиях, он был бодр, свеж, в хорошем настроении. Выпили по рюмке коньяка, немного поговорили и тут же торопливо ушли под предлогом, что не надо «утомлять» Никиту Сергеевича. Инициато-

ром этой торопливости был Брежнев, его поддерживал Подгорный, хотя и чувствовалось по настроению Хрущева, что он не хотел и не ожидал такого поспешного удаления.

10 июня. Хрущев изменил свой первый вариант проведения отпуска. Не поехал отдыхать в Крым, а отдыхает в Пицунде.

Мне из Москвы позвонил Брежнев и передал, что во что бы то ни стало надо 20 июня быть в Крыму по важному вопросу. Я ответил, что у меня отпуск с 1 июля. Что же касается 20 числа, то я никак в это время не могу быть в Крыму, так как наметил поездку по областям с определенными мероприятиями, и там ждут меня. Самое раннее я могу прибыть в Крым 24–25 июня, но с расчетом уже там начать отдых. Брежнев перезвонил и сказал, что с моими предложениями и пожеланиями «они» согласны.

Итак, в Крым уехал машиной, чтобы посмотреть поля южных областей. Был в Днепропетровской, Запорожской, Херсонской и частично в Крымской областях, смотрел посевы, обработку полей. Очень тревожит все. Стоит сильная засуха, суховеи, относительная влажность очень низкая.

Я очень устал, в прошлом году не пользовался отпуском, а работа выматывает основательно. Хорошо, что Хрущев разрешил мне отпуск. С семьей обосновался на даче № 5 «Чаир». Очень доволен, что со мной внук Петя, очень общительный и забавный мальчик. Прошло 5–6 дней отпуска, начал отходит от нервного напряжения и физической усталости.

3 июля мне сообщили товарищи, которые меня обслуживали, что ко мне на дачу собирается приехать Л.И. Брежнев. Откровенно говоря, меня это несколько озадачило. С Брежневым я не так был близок, чтобы он просто так приехал, без особой надобности. Я мог ожидать приезда ко мне Н.В. Подгорного, который в это время отдыхал в Крыму, на даче в Мухоматке. Ибо я не один раз бывал у него дома и на даче, да и он не «обходил» меня своим присутствием, посещениями и самыми задушевными разговорами. Но факт есть факт, а гость — «священная особа», я распорядился, чтобы достойно приняли и встретили гостя. Часа через два появился на даче Брежнев. Я достойно и любезно его встретил.

Брежнев предложил мне пройтись и поговорить, чтобы никто нам не мог мешать. Я предложил пройтись на пирс выкупаться и там в беседке спокойно поговорить. Предложение было принято, но о чем будет идти разговор, я понятия не имел. Брежнев начал расспрашивать меня, как мне работает, много ли трудностей, как поддерживают меня члены ЦК КПУ и в целом партийный актив? Я ответил, что объем работы огромный. На этой работе сравнительно немного, и, естественно, есть трудности, недочеты, недоработки и даже возможны упущения. Что касается поддержки членов ЦК и партийного актива, то я чувствую, что имеется определенный деловой контакт и хорошая поддержка. Жаловаться нельзя, надо больше контактировать, прислушиваться. Принципиально относиться к решению вопросов, тогда меньше останется времени рассуждать, кто и как к кому относится. Такой мой ответ, я почувствовал, насторожил Брежнева, и он разговор повернул по другому руслу — о работе промышленности и сельского хозяйства. Через некоторое время

он якобы между прочим, невзначай задал мне вопрос: «А как к тебе относится Н.С. Хрущев?» Я ответил, что сколько с ним ни встречался, всегда вел разговор откровенно, он всегда выслушивал, давал советы. Если с чем не соглашался, то он спокойно растолковывал мою ошибку, доказывал свою правоту. В заключение я сказал, что мне кажется, что Н.С. Хрущев ко мне относится спокойно, как руководитель к младшему. С его стороны я никогда в свой адрес не слышал ни окрика, ни грубого обращения. При этом Брежнев как-то не совсем внятно проронил слова: «Это он в глаза, а за глаза может другое говорить и говорит».

Время подошло к обеду, я пригласил Брежнева пообедать в кругу моей семьи. Приглашение было принято, и мы провели приятно время. Подвыпивши, Брежнев начал декламировать какие-то старые, затасканные стихи. Взгромоздившись на стул, стоя, он «упивался» своей речью. За обедом несколько раз порывался апеллировать к моей супруге Ирине, что я его, Брежнева, не понимаю. Каждый раз я старался приглушить этот разговор репликой, что, мол, еще поговорим.

Возобновился снова разговор, когда мы вышли на улицу, но уже более оживленный по понятной причине. Брежнев сказал тогда мне: «Ты, Петро, должен нам помочь, поддержать нас!» Я ответил: «Не знаю, в чем вас и кого поддерживать? Расскажите, в чем суть постановки вопроса? Тогда, может быть, можно что-то сказать». Брежнев снова сказал, что я ничего не знаю, но так работать, как мы, мол, работаем, невозможно. «Н.С. Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает разные ярлыки, самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он подбирает «ключи», чтобы нас всех разогнать». Тут я ему сказал: «Не знаю о прозвищах, ярлыках и как там у вас принимаются решения, но я сам из уст Хрущева слышал, что действительно в Президиуме ЦК собрались старики и надо бы состав значительно омолодить». При этом, обращаясь ко мне, Брежнев сказал: «Я думаю, что в центральные руководящие органы надо брать людей в возрасте самое большее 45–50 лет. А на нацкомпартии, обкомы и крайкомы и того моложе. А вы как думаете?» — обратился он ко мне. Я ответил, что с ним Никита Сергеевич согласен, но со счетов опыт старших товарищей сбрасывать нельзя. Он полушутя обратился ко мне: «А вам сколько лет?» Я ответил, что пошел уже 55-й год, он шутя сказал, что я тоже уже «старик». Я продолжал, что Хрущев беспокоится об омоложении руководящего ядра — это хорошо, должна быть преемственность.

Тут Брежнев мне сказал, что я его по этому вопросу неправильно понял. А потом, мол, надо понимать, что он только прикрывается омоложением кадров, а на самом деле хочет разогнать опытные кадры, чтобы вершить самостоятельно все дела. Брежнев снова начал говорить, что я его не хочу понять и что о его приезде, тем более о разговоре в такой постановке вопросов никто не знает и не должен знать. Я ему ответил: «Если вы мне не доверяете, то нечего было вам ко мне ехать и вести разговор, а о конфиденциальности прошу мне лишний раз не напоминать». Тут Брежнев, очевидно, спохватился и сказал: «Ты, Петро, правильно меня пойми, мне тяжело все это говорить, но другого выхода

у «нас» нет». Тут же снова сказал, что Хрущев над многими из нас просто издевается — нет никакой жизни. Тут же как мальчишка расплакался и сказал: «Без тебя, такой крупной организации, как Компартия Украины мы не можем предпринять что-либо, улучшающее наше положение». Я сказал Брежневу, что им всем надо собраться и откровенно и открыто поговорить с Н. С. Хрущевым о недостатках, и мне кажется, что с Никитой Сергеевичем можно вести такой разговор, он может понять.

Тут Брежнев ответил: «Ты это так говоришь потому, что не знаешь истинного положения дел. Если мы попытаемся это сделать, он нас всех поразгоняет, и в это верить нельзя».

Долго, далеко за полночь, мы вели разговор на одну и ту же тему. Зашли в дачу, перекусили, выпили по рюмке коньяка, на прощанье Брежнев меня обнял, поцеловал и сказал: «Петро, «мы» на тебя очень надеемся». Я ответил, что нам по этому вопросу еще надо поговорить. Это вопрос чрезвычайно серьезный, и с ним надо не спеша разобраться. Брежнева отправил на своей машине, так как он сам об этом меня просил. Когда уехал Брежнев, я сам еще долго, почти до рассвета, бродил в парке и по набережной. Так и не мог уснуть до самого утра, все это меня очень взволновало и растревожило.

4 июля. Дождавшись утра, я позвонил в Мухолатку Подгорному и сказал ему, что у меня вчера был Брежнев, мы много говорили, но он просил никому о его приезде и разговорах не говорить. Подгорный сказал, что ему известно, что Брежнев был у меня, и примерное содержание наших разговоров тоже известно. Затем спросил, чем я занят, я ответил, что «переживанием» вчерашних или уже и сегодняшних разговоров и встречи. Подгорный мне сказал: «Если сможешь, подъезжай ко мне, будем вместе «переживать»». Я сразу же уехал в Мухолатку и по дороге все гадал и думал, что бы это все значило, меня этот вопрос очень тревожил.

Подгорный меня очень хорошо встретил, обнял, поцеловал. Я ему вкратце изложил содержание нашего разговора с Брежневым, он внимательно выслушал, а затем сказал: «Мне все известно». Я спросил, зачем же он меня выслушивал? Он ответил, что не знает, все ли ему рассказал Брежнев, ведь он после приезда был у меня и все рассказал. Посещением остался доволен, хотя по некоторым вопросам насторожен.

Я спросил Подгорного, а почему Брежнев приехал ко мне, а не ты, он только и сказал: «Так надо было. Позже узнаешь». Я снова спросил Подгорного, что же случилось? Он ответил, что обстановка сложная и что-то надо решать, так дальше работать нельзя. Я сказал, что кое-что я понял, потому что Брежнев в разговоре со мной даже расплакался. Подгорный переспросил меня, правда ли это. Я подтвердил. Он только и сказал: «Ты этому не очень доверяй, есть пословица, что Москва слезам не верит».

Подгорный уточнил некоторые подробности нашего разговора с Брежневым, а затем, на миг задумавшись, сказал: «Да, дела складываются очень сложно». В это время мы сидели на веранде второго этажа дачи и увидели, что появился Брежнев. Подгорный мне сказал: «Ты в разговоре не подавай вида, что я знаю о посещении тебя Брежневым».

Пришел Брежнев, как всегда, несколько «ретивый», игривый, немного навеселе. Как ни в чем не бывало, зашел новый разговор обо всем и понемногу. Наконец Брежнев начал старый разговор о трудностях работы с Хрущевым. Я снова начал уточнять эти «трудности». Оказалось, что Хрущев очень требовательный, проводит самостоятельную линию, независимо решает вопросы, много разъезжает по стране и за границу. Сельское хозяйство превратил в свою монополию, много проводит разных «реорганизаций» в народном хозяйстве, в партии и советских органах. Разделил их на городские и сельские. Явно пренебрегает вопросами идеологии, требует конкретной работы, а не «болтовни», как он говорит.

Во внешней политике и взаимоотношениях с соцстранами и их компартиями допускает большие промахи, что отрицательно отражается на авторитете нашей партии и страны. Заигрывает с социал-демократами и капиталистическими странами Западной Европы. Не обошел вопроса об испорченных взаимоотношениях с Китаем, карибского кризиса, посылки Аджубея в Бонн и поездки в Скандинавские страны. И еще много разных «прегрешений» и недостатков. И все же при всем этом главный вопрос был тот, что он их не слушает и хочет со всеми разделиться поодиночке.

В разговоре я сказал, что все, что делалось, очевидно, принималось на Президиуме, и, как видно из всех документов и действий, все мероприятия внутривластного и внешнеполитического характера всеми поддерживались. Если есть какие отклонения от принятых решений и они имеют принципиальное значение, соберитесь все вместе, обсудите, выскажите свое мнение Хрущеву, исправьте положение.

Тут Брежнев не выдержал, почти выкрикнул: «Я уже тебе говорил, что в откровенный разговор я не верю, кто первый об этом заговорит, тот будет вышвырнут вон из состава руководства». Я довольно многозначительно посмотрел на Брежнева, а затем на Подгорного — очевидно, это было правильно понято, и тут, наконец, напряжение было снято словами Подгорного: «Довольно нам играть в жмурки, я знаю ваш разговор с Брежневым, и ты, Петр, правильно пойми все, что делается. Очевидно, надо идти по большому счету. Возможно, чтобы решить вопрос, о котором ты говоришь, надо выходить на Пленум ЦК, а без мнения Украины и членов ЦК КПСС, которые от Украины избраны, вопрос решить невозможно, ведь всем известно, что украинская партийная организация имеет большой вес и авторитет, да это и основная опора Н.С. Хрущева. Поэтому тебе надо быть готовым повести откровенный, но осторожный разговор со всеми твоими товарищами, входящими в состав ЦК КПСС, а их на Украине немало — 36 человек. Возможно, поговорить надо с доверительным активом по всем вопросам, которые мы тебе изложили». Я ответил, что ж, ради справедливого дела поговорить можно, хотя это и очень рискованный и опасный прием. Тут же я сказал, что имеются три человека, с которыми я не могу повести никакого разговора. Это И. Сенин, О. Иващенко, А. Корнейчук. Эти люди прямо и даже в частном порядке могут сейчас же все передать Н.С. Хрущеву, от этого, я думаю, не будет хорошо никому.

Тут же Брежнев заявил, что он может сам «переговорить» с О. Иващенко, хвастаясь, что он с «ихним братом умеет вести беседы». На такое

заявление Подгорный сказал: «Леня, ты не бери на себя много, посмотрим, как ты с треском провалишься». О многом еще мы говорили, и я снова пытался внушить мысль, что с Н.С. Хрущевым надо откровенно поговорить, но они не верили в «откровенность», просто боялись этого. Кое-что мне было известно, что Брежнев до смерти боится Хрущева, тот, в свою очередь, не уважает Брежнева, считает пустозвоном, рисовальщиком, да и немалым льстецом, причем довольно «квалифицированным». Пусть будет так, но Подгорного он уважает, доверяет ему, считает его доверенным лицом. Что же здесь? Неужели Подгорный попал под влияние Брежнева? Этого не может быть ни по уму, ни по опыту и подготовке. Остается догадка: неужели у Подгорного осталась обида за то, что Хрущев забрал его с Украины? Все может быть.

Становится одно ясным, что идет большой замысел, Брежнев и Подгорный намереваются устранить Хрущева от руководства. Но сильно бояться этого шага, тем более что он основывается на трусости и беспринципности, на жажде власти, вот и ищут опору, при этом возлагают большие надежды на партийную организацию Украины и, в частности, на мои с ними действия. И все же пока со мной ведут не совсем откровенный разговор, бояться. Но уже на этом этапе я с ними зашел очень далеко.

Во время моего пребывания в Крыму я несколько раз встречался с Брежневым и Подгорным, на одной из этих встреч условились, что для встречи и разговора с партийными работниками и хозяйственниками надо нам втроем выехать в Крымскую область. Мне было поручено подготовить маршрут и встречу с людьми. Я все время ходил под каким-то гнетом, все рассуждал сам с собой, к чему может привести вся эта «затея» и чем она может кончиться?

Прошло несколько дней, и я сообщил, что маршрут разработан. Посетим симферопольские птицефабрики, колхозы «Дружба народов» и «Россия» и один совхоз, посмотрим поля и хозяйства, благоустройство сел, побеседуем с народом. Когда я об этом сообщил Подгорному, он ответил, что нам втроем ехать незачем, это может вызвать подозрение. Поездка моя с Брежневым не вызовет никаких сомнений, Брежнев не знает хозяйств Крымской области, я его сопровождаю, вот и все. Откровенно говоря, мне это не понравилось и несколько насторожило. Но делать нечего — поехал с Брежневым. С нами был секретарь Крымского обкома партии Лутак. Осмотрели птицефабрики, поговорили с народом. Брежнев все время рисовался, зарабатывая себе «авторитет», иногда задавал недоуменные вопросы: как поставлена оплата труда, почему не хватает кормов, и что, мол, проработка записок Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству «не может вывести сельское хозяйство из трудных условий»? Все это говорилось с какой-то «многозначительностью», но реакция людей была довольно сдержанной. Брежнев, обращаясь ко мне, спрашивал, почему люди молчат. Я ему отвечал: «А что бы ты сказал на эти вопросы, когда мы все поддерживаем мероприятия, выдвинутые Хрущевым?» В таких случаях он просто замыкался.

Через некоторое время мы решили встретиться втроем с О. Иващенко и И. Сениным, которые в это время отдыхали на даче в Алуште. Решили приехать внезапно, вроде бы мимоходом провести их. Так и вышло,

когда Брежнев, Подгорный и я появились на даче, Иващенко «напустилась» на меня, почему я не предупредил их о нашем приезде — «случайный заезд» сошел за действительность. Погуляли немного в парке. Брежнев все время стремился уединиться с Иващенко. Но, видно, что у него ничего не получалось, и Подгорный над ним подтрунивал. К обеду на дачу прибыл зять Хрущева Гонтарь и его супруга Юля, дочь Н.С. Хрущева. Тут «Леня» совсем растерялся и начал настаивать на том, чтобы мы срочно уехали. Подгорный и я уговорили его остаться на обед. Больше Брежнев не затевал разговора с Иващенко, тем более с Лениным, но зато за обедом провозгласил тост за здоровье Никиты Сергеевича. Вот этого я уж никак не ожидал.

По дороге домой Подгорный спросил Брежнева: «Ну как, Леня, поговорил с Ольгой?» В ответ он только буркнул: «Вот проклятая баба».

Еще несколько раз мы собирались по «делу» — как теперь именовался наш разговор по поводу действий Н.С. Хрущева. Я получил прямое задание провести зондаж по «делу» с членами ЦК КПСС по разным вопросам, в том числе и по вопросам «дела». За время отпуска я 9 дней был в Москве и 4 дня в Киеве. И все время был в большом напряжении.

12 августа позвонил Н. С. Хрущеву, доложил вопросы по сельскому хозяйству республики. Хлеба уже сдано 525 миллионов пудов, прошли хорошие дожди, значительно поправилась сахарная свекла. Думаем, что с гектара соберем по 230-235 центнеров, сдадим 37–39 миллионов тонн, а это 5 миллионов тонн сахара. Доложил о том, что мы проводим большую подготовку к осеннему севу.

Разговор был спокойным, хорошим. Н.С. Хрущев поздравил с успешной работой, просил передать привет моим товарищам по работе. Эти последние слова защемили мое сердце и душу, я думал, что он-то ничего не знает, что делается вокруг него, как-то доверительно относится ко мне, не зная моей «предательской роли». Все это нелегко переживать. Далее Хрущев спросил меня, будет ли сдано государству 750 миллионов пудов хлеба, я ответил, что за 730 даю твердую гарантию. «Хорошо», — сказал он и тут же добавил: «Смотрю я так, что недалеко то время, когда Украина сможет сдавать по миллиарду пудов хлеба». Я ответил: «Мы все сделаем, Никита Сергеевич, чтобы еще выше поднять культуру земледелия и повысить урожайность». Просил еще раз посмотреть за своевременным пуском сахарных заводов — в стране ощущается большая недостача сахара.

14 августа из Москвы позвонил мне Брежнев Л.И. — интересовался, был ли днями у меня разговор с Н.С. Хрущевым. Я ответил, что разговор был, изложил суть и содержание наших бесед. Тут Брежнев не выдержал, потому что его больше всего интересовал именно этот вопрос, и спросил меня: «А о «нас» ничего не говорил и не спрашивал?» Я ответил, что других разговоров, кроме тех, что доложил, не было. Чувствовалось, что беспокойство и панический страх у Брежнева были сняты.

21 августа снова в Крыму — на сей раз по печальному поводу. Там отдыхал П. Тольятти и после приступа внезапно скончался. Я срочно вы-

летел в Крым: надо было принять участие в организации траурной процессии. В Крым прилетел Н.С. Хрущев. Он очень тяжело переживал смерть Тольятти. На прощальном траурном митинге в Артеке он еле сдерживал слезы. Как-то осунулся, постарел. Был очень огорчен, что это произошло в нашей стране.

Было решено гроб с телом Тольятти из Артека до Симферополя везти в малолитражном автобусе малым ходом в сопровождении кавалькады легковых машин с венками и портретом Тольятти. Не доезжая до перевала, автобус загорелся. Гроб с телом Тольятти поставили на открытую «Чайку», и процессия продолжала путь.

В Симферопольском порту гроб погрузили в ИЛ-18. В Рим самолет сопровождать было поручено Н.В. Подгорному, а мы возвратились в Ялту.

Н.С. Хрущев принял меня на своей даче и дал задание выехать на Северо-Крымский канал, посмотреть, что там делается и доложить ему. Я попросил у Никиты Сергеевича оказать республике помощь в уборке урожая — выделить 200 тысяч автомобилей. Дал 120 тысяч. Просил 35 тысяч военных грузовиков — разрешил 20 тысяч. Мою просьбу поддержал Гречко А.А. Хрущев улетел в Москву, я автомашиной поехал в Киев с заездом на Северо-Крымский канал.

Прилетел в Киев Подгорный. Я еще раз остро поставил вопрос о «деле» — оно принимает затяжной характер, и все это может кончиться не то что плохо, а просто трагично. Из истории подобных ситуаций хорошо известно, что часто бывает так, что «зачинатели» вопросов при сложной и опасной ситуации уходят в сторону, а привлеченный народ страдает. Из разговоров с Подгорным было ясно, что он тоже недоволен бездействием и инертностью Брежнева, и вообще, заключил Подгорный, не надежный он человек. Я спросил Подгорного, как же быть в таком случае. Он неуверенно сказал: «Надо более решительно действовать, иначе нас могут предать». Я спросил Подгорного, кто же это может сделать? В ответ он только ухмыльнулся. Вместе с Подгорным проводали Д.С. Коротченко. Он отдыхал в Конче-Заспе. Состоялся хороший разговор. Коротченко все подтвердил, что говорил со мной по вопросу «дела». Подгорный с хорошим настроением утром 31 августа улетел в Крым закончить там свои дела. «Сразу же, — сказал, — улетаю в Москву «штурмовать Леню». При этом пообещал мне, что нажмет на него как следует. Подгорный изложил мне содержание пакета, переданного ему через меня и тут же добавил, что Леня трусит и просит его скорее возвратиться в Москву, там накопилось «много дел».

В тот же день мне позвонил Брежнев и поинтересовался, вручил ли я пакет Подгорному. Я ответил, что да. «А ты содержание его не знаешь?» Я ответил, что он адресован не мне и содержание мне не может быть известно. Затем, очевидно для проформы, он поинтересовался состоянием в сельском хозяйстве. А затем подробно поинтересовался всеми вопросами, которые были связаны с «делом». На все вопросы были даны ответы. Тут же я сказал, что лично я обеспокоен затяжкой «дела». Он начал меня «успокаивать» и сказал, что ведется определенная работа и по другим республикам. «Ну что ж, — ответил я, — тем лучше, легче нам будет».

Сентябрь. Позвонил мне Л. И. Брежнев, подробно поинтересовался, как идут вопросы, связанные с нашим «общим делом». Я подробно проинформировал. Брежнев, в свою очередь, сказал, что по «делу» все обстоит хорошо, передал мне привет от Полянского и Устинова.

Мне известно, что Полянский, Шелепин, Андропов и частично Демичев подрабатывали материалы к предстоящему Пленуму ЦК, но с явным креном по «делу».

11–20 сентября 1964 года. Из Софии позвонил наш посол Органов и сообщил, что наша парламентская делегация, которая находится в Болгарии, возвращается на родину. Делегацию возглавляет Л.И. Брежнев. Он вместе с делегацией предполагает сделать остановку в Киеве на 2–3 часа. Состав делегации — четыре основных и семь сопровождающих товарищей.

Органов просил встретить делегацию и оказать ей знаки внимания. Выехал встретить делегацию в Бориспольский аэропорт, затем поехали вместе с Брежневым посмотреть город и заехали в ЦК КПУ, где я имел довольно «острую» беседу по затянному «делу». Я сказал, что в «дело» посвящено слишком много людей, и промедление его решения чревато большими неприятностями ни в чем не повинных людей. Брежнев пытался что-то объяснить, но все было довольно невнятно и даже «подозрительно».

Я ему твердо сказал, что надо отступить от затянутого, спустить на тормозах или же смелее двигать «дело», нечего держать людей в подвешенном состоянии. Мне показалось, что на такую постановку вопроса Брежнев реагировал болезненно. На аэродроме вся делегация и встречающие ее пообедали, и делегация улетела в Москву. На прощанье Брежнев мне сказал: «Ты, Петро, не беспокойся. Мы принимаем все меры, но как подойти к решению этого «дела», еще не знаем, дополнительно будем советоваться».

Это был канун — «лебединая песня» Хрущева. Для него не наступила физическая смерть, но политическая была близка, и ее организовал Брежнев. Хрущев хотя и что-то чувствовал, но не знал, что это было его последнее выступление как политического руководителя.

26 сентября 1964 года. Это был субботний день. В Свердловском зале Кремля расширенное заседание, присутствуют члены Президиума ЦК тт. Хрущев, Подгорный, Косыгин, Воронов, Суслов, Брежнев, Полянский, Кириленко, Шверник. Присутствовало много людей разных рангов и чинов. Открыл заседание Н.С. Хрущев. Основной вопрос — «О пяти-летнем плане народного хозяйства страны на 1965 — 1970 гг.».

Немало из присутствующих членов ЦК уже знали о подготовке «мероприятий», направленных против Н.С. Хрущева. Но пока что никто точно не знал ни сроков, ни самой формы исполнения «задуманного дела». Даже сами «организаторы» находились еще в какой-то прострации, неуверенности и неопределенности. После расширенного заседания Президиума ЦК все члены и кандидаты Президиума ЦК собрались в комнате Президиума в Кремле за Свердловским залом заседания. Как обычно, началось

обсуждение прошедших событий. Хрущев обратился ко всем и спросил: «Ну как, товарищи, ваше мнение о проведенном мероприятии и моем выступлении?» С удивительным утонченным лицемерием многие заявили, что все хорошо, просто отлично! И, к моему удивлению, больше всех хвалебные речи расточал Брежнев. Больно и обидно было все это слушать, просто становилось страшно, какая гнусная «вещь» лицемерие, и не хватало ни у кого мужества сказать правду. Позже некоторые, в том числе и Брежнев, объясняли такое гнусное поведение «тактическим приемом», чтобы, мол, не навлечь подозрений и не вызвать тревогу у Хрущева.

В открытом споре, даже в борьбе единомышленников это подлый, недостойный прием. Как впоследствии окажется, это основной «стиль» Брежнева для расчистки себе дороги к власти — заигрывание, интриги, убрать с «дороги» людей, которые многое знают о нем, помогали ему на определенном периоде, и хуже всего — имеют свое собственное мнение.

Хрущев высказал соображение о созыве очередного Пленума ЦК, дал некоторые поручения. Сам он собирался уехать в отпуск. Поручено было вести все дела по Президиуму и Секретариату Н.В. Подгорному.

В это время в ЦК была создана группа Шелепина и Полянского, которая готовила материал для предстоящего Пленума ЦК, но Хрущеву не было известно, что материал готовится не по его заданию и против него. Он же, Хрущев, в разговорах утверждал, что доклад к Пленуму в своей основе готов и что во время отпуска он его посмотрит, а где-то в ноябре проведем Пленум ЦК. По всему было заметно, что он не знал истинного положения, что ему готовится. Внешне держался спокойно. Вся «игра» вокруг него, безусловно, не была известна, хотя временами и чувствовалась какая-то настороженность в его обращении.

Он во многом полагался и надеялся на Украину, на ее поддержку его деятельности, доверял он товарищам, с которыми работал в Президиуме ЦК КПСС. Во всей «затее и политической игре» отводилась огромная роль Украине. Это понимали и товарищи, которые готовили материал к Пленуму, вот почему контакты по всем вопросам и информации были регулярными.

Все мы, кто знал и был посвящен в некоторые подробности подготовки «дела», ходили по острию лезвия. Хотя многие вопросы и были уже «блокированы», но опасность была громадная. Н.С. Хрущев был первым секретарем ЦК КПСС, Председателем Совмина СССР. В наших условиях это не ограниченная ничем власть, и, по существу, свобода действий. Его команда, одно слово — и многие из нас были бы «обезврежены», изолированы и даже уничтожены, ведь велся по существу и форме заговор против главы правительства, а чем это кончается, хорошо известно. Но, несмотря на наличие сигналов и даже явных фактов «политической интриги и прямого заговора», на сей раз Хрущев проявил излишнюю доверчивость, притупил бдительность и остроту. Он очень верил в свой авторитет, доверился всякой лести и признаниям в верности ему. В подтверждение этому можно привести немало фактов. Один из них — мой разговор с Подгорным в Киеве.

Возвращаясь из Венгрии или Болгарии (это было уже накануне октябрьского Пленума ЦК), Подгорный сделал «вынужденную» посадку в

Киеве «из-за погодных условий». Мы с ним встретились наедине ночью и много говорили о сложившейся обстановке. Я проинформировал его по вопросу, с кем из членов ЦК КПСС я встречался и вел беседу в разных формах. Со многими разговор был откровенным, некоторых «прошупывал» — отношение и реакция были разные, некоторые терялись и отвечали на вопрос что-то не совсем внятное. С некоторыми товарищами я просто опасался вести разговоры на эту тему, об этом я и сказал Подгорному. Он мне в ответ сказал: «Будь осторожным». Впоследствии я убедился, что опасения были не безосновательными. Н.В. Подгорный проинформировал меня о проводимой работе по «делу» и тут же сказал, что из некоторых источников известно, что многие члены и кандидаты Президиума занимают не твердую позицию, а довольно шаткую и опасную, что кое-кого даже пришлось предупредить об «ответственности» за возможные последствия, разглашения или выдачу сведений по «делу».

Суслов, Косыгин и некоторые другие занимали «осторожно-выжидательную» позицию, при этом ссылались на большой авторитет Хрущева в партии и народе и на то, как все это может отразиться на внешней политике и наших внутренних делах. Подавались голоса (Суслов): «А не вызовет ли это раскола в партии или даже гражданской войны?» Многие спрашивают, какую позицию занимает Украина, к этому времени я еще не имел разговора со всеми членами Президиума ЦК КПУ, в том числе и с Д.С. Коротченко, который долгое время в Москве и на Украине работал вместе с Хрущевым.

Позиция Коротченко была нам немного ясна, но все же некоторые вопросы вызывали настороженность. Поэтому Брежнев и Подгорный настоятельно «требовали» переговорить с ним и их проинформировать. У меня состоялся обстоятельный разговор с Коротченко, я шел на определенный риск — открыл ему все «карты» наших действий. Он немного подумал, очевидно, все взвешивал, а затем сказал: «Я Никиту знаю давно, он хороший организатор, преданный коммунист, но, очевидно, на этом посту он зарвался — считает, что он уже «вождь». Много натворил политических «ляпов», организационной неразберихи в нашей партии. Очевидно, будет лучше для него и для партии, когда он уйдет с этого поста, да и должности Первого секретаря и Предсовмина надо разделить. В 70 лет трудно руководить и управлять таким государством, как наша страна, да еще со старческим характером Никиты». После этого я прямо спросил: «Демьян Сергеевич, что мне передать Брежневу и Подгорному?» Он ответил: «Передай, что я с вами, и если нужно, могу по этому вопросу выступить где угодно». Содержание этого разговора мной было передано в Москву.

При нашей встрече в Киеве Подгорный мне сообщил следующее: перед самым отъездом в отпуск Н.С. Хрущева у него с ним был довольно неприятный разговор, если не сказать худшего. «Пригласил меня, — говорит Подгорный, — и прямо поставил вопрос: «Что-то, т. Подгорный, идут разговоры, что существует какая-то группа, которая хочет меня убрать, и вы к этой группе причастны?» («Представляешь мое состояние и положение?» — говорил мне тогда Подгорный.) Я собрался с силами и

ответил: «Откуда вы, Никита Сергеевич, это взяли?» А сам думаю, какой подлец мог выдать все это? Хотя вероятность такая могла быть. Леня (Брежнев), ты знаешь, — обращается ко мне, медлит и трусит — он даже мне сказал: «Может быть, отложить все это?» Я его выругал и сказал: «Хочешь погубить — погибай, но предавать товарищей не смей». Продолжали разговор почти всю ночь. Подгорный под конец сказал мне, что о «якобы существующей группе заговора» ему, Никите Сергеевичу, сказал его сын Сергей, которого предупредил какой-то работник КГБ.

А дело обстояло так: Игнатов Н.Г, будучи тогда Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, был в курсе «дела» и всех обстоятельств, связанных с организацией. По неосторожности, а может быть, брагуя «знаниями» вопросов, доверился своим приближенным. Один из них обо всем написал письмо Н.С. Хрущеву, в письме почти все было изложено, что делалось за спиной Хрущева. Когда это письмо было прочитано Хрущеву, он пригласил к себе Подгорного, показал это письмо и при этом спросил: «Вы что-нибудь по этому вопросу знаете?»

Подгорный отвечал, что ему ничего не известно и тут же предложил поручить КГБ проверить все факты, изложенные в письме, будучи уверенным в том, что КГБ даст «нужный» ход этому письму. Но Хрущев по какой-то интуиции не принял этого предложения, а сказал, что он поручает этот вопрос А.И. Микояну: пусть он вызовет Игнатова, расследует и доложит. Нависла явная угроза над всеми нами. Но через В.П. Мжаванадзе, который в то время находился в Москве, сумели своевременно предупредить Игнатова о нависшей угрозе. Игнатову было сказано, чтобы он все отрицал в беседе с Микояном. Таким образом, письмо было передано в КГБ, оттуда оно так никуда и не пошло.

Во всем этом и других вопросах особо важную роль играли Шелепин А.Н. и Семичастный В.Е. Впоследствии их Брежнев уберет так, как и многих других, которые много знали, имели свое мнение и их «нежелательно» было оставлять в руководстве. Что касается Хрущева, то его усыпили. Дело в том, что Н.С. Хрущев по своей человеческой натуре был доверчивым, верил товарищам, с кем ему приходилось работать. А главное то, что он уверовал, что его все поддерживают, авторитет его непоколебим. Он чересчур доверился, это его и погубило. Но нас всех, которые активно участвовали в «заговоре» против Хрущева, ненадолго «спасло» от прямой и организованной расправы, исходящей прямо от Брежнева.

Что же касается моральной ответственности и состояния дел при новом «руководстве» и всего того, что сейчас творится, то это тяжелый грех нас многих. Допущена прежде всего роковая ошибка: не та была взята «ставка».

С Н.В. Подгорным мы пришли к верному убеждению, что «промедление в этом вопросе смерти подобно», надо формировать события, доводить вопрос до развязки, причем максимально для этого использовать время отсутствия в Москве Н.С. Хрущева.

Днем мы с Подгорным поехали в Залесье на охоту. Там еще продолжали наш разговор. А ночью поездом Подгорный уехал в Москву, так как летной погоды не было действительно.

Началось еще более тревожное время. Надо было определяться, с кем еще провести беседу, продумать выступления, если в этом будет необходимость, и принять дополнительные меры предосторожности. Вопросы повседневной работы занимали много времени и несколько отвлекали от назойливой мысли о том, как же быть дальше, что делается в Москве, почему идет затяжка с реализацией намеченных «планов».

Я решил проехать по Киевской и Черкасской областям, посмотреть, как идут дела. Но моя командировка была прервана: 29 сентября вечером мне позвонил в Черкассы Н.В. Подгорный и сказал, что я должен срочно вылететь в Крым, чтобы встретить Хрущева, который отправляется туда отдыхать. Просил после встречи и разговоров с ним позвонить ему или Брежневу в Москву. Срочно, прямо из Черкасс я вылетел в Симферополь для встречи с Хрущевым.

1 октября в Симферопольском порту встретил Н.С. Хрущева. Он прилетел на отдых. При встрече на аэродроме он полушутя сказал, вернее, спросил меня: «А вы почему здесь? Я-то на отдыхе, а вы должны работать». Я ответил: «Моя обязанность вас, Никита Сергеевич, встретить. Ведь вы прибыли на территорию республики, и, может быть, у вас возникнут какие-то вопросы ко мне, и я понадобится вам». Он ответил: «Вопросов, пожалуй, не будет, но вы понадобится». Он пригласил меня к себе в машину, и мы поехали к нему на дачу. По дороге задавал некоторые вопросы, касающиеся республики. По приезде на дачу пригласил меня с ним пообедать. За обедом был разговор на разные темы, много говорил и проявлял заботу о сельском хозяйстве, о работе промышленности, о культурно-бытовых условиях народа.

Крепко ругал работников идеологического фронта, называл их «начетчиками, оторванными от реальности и жизни». Здесь он не преминул сказать довольно нелестные слова и высказывания в адрес Суслова, назвав его «человеком в футляре».

Чувствовалось, что у Хрущева была большая потребность высказаться, а может быть, найти какую-то поддержку, по крайней мере сочувствие. «Я не могу сидеть, как другие, не находя себе работы», — сказал он. При этом назвал фамилии Микояна и других «краснобаев и кривляк», упомянул и фамилию Брежнева. О Подгорном сказал, что забрал его в Москву как хорошего подготовленного работника, но пока особой отдачи от него не видит, «ожидал большего». Продолжая разговор, он сказал: «Президиум наш — это общество стариков. Надо что-то думать. В его составе много людей, которые любят поговорить, но работать — нет». Тут он снова очень нелестно отозвался о Л.И. Брежневе, назвал его «пустым человеком». Хрущев вел много разговоров о предстоящем Пленуме ЦК КПСС, заявляя при этом: «Вот соберем Пленум, там поставим каждого на свое место, укажем, как кому и где надо работать».

(Брежнев, очевидно, предчувствовал, что если допустить вопрос до Пленума, то ему первому «укажут место». Поэтому он смертельно боялся предстоящего Пленума, и у него было только два выхода: форсировать «дело» с Хрущевым или же отдать все ему. Последнего мы больше

всего опасались, и по этой причине всячески настаивали на скорейшей развязке «дела».)

Говорил о том, что ему с этим составом Президиума нелегко работать. «Во-первых, — говорил он, — его надо значительно омолодить и обновить. Вот и мне уже перевалило за 70 лет, далеко не та бодрость и энергия, надо думать о достойной замене. Вот почему я стою за то, чтобы на руководящую работу выдвигать молодых, подготовленных людей 40–45 лет. Надо готовить смену, ведь мы не вечные, пройдет года два, и многим из нас надо уходить на покой. К сожалению, в составе Президиума имеются люди, которые много и довольно охотно говорят, но работать не очень любят, больше занимаются пустозвонством».

Хрущев высказывал большую озабоченность о сложностях во внешней политике, о взаимоотношениях с социалистическими странами, в особенности с Китаем. Он каждый раз в разговоре подчеркивал, что на все происходящее надо смотреть реально, и что нам еще предстоит острая классовая борьба, и что все разговоры о мире, мирном сосуществовании и разоружении — это только форма нашей работы, чтобы не допустить войны, но если мы будем слабы, то нас «сотрут в порошок». «Дураку должно быть ясно, — говорил он, — что империализм своих позиций без боя не сдаст. Вот почему приходится тратить немалые средства на создание новой военной техники, на оснащение новейшим оружием нашей армии. Всякая дипломатия хороша и имеет какой-то успех, когда она подкрепляется экономической и военной мощью».

Перед отъездом с дачи Хрущев предложил мне, если у меня есть желание, завтра поехать в горы на охоту. При этом сказал: «Я поеду пораньше, ведь я в отпуске, а вы подъезжайте к обеду».

2 октября. Когда я приехал на место охоты, то застал Н.С. Хрущева за пристрелкой ружей и карабина. Настроение у него было хорошее. Он много шутил и подсмеивался над моей стрельбой, он действительно очень хороший и даже отличный стрелок. После обеда уехали на охоту, он на муфлонов, а я на кабанов. Условились, что завтра поедем охотиться на фазанов. Когда я возвратился около 22.00 на базу с трофеем — убил кабана, то Хрущева уже не было. Мне сказали, что охота у него была удачная, он убил двух муфлонов и сразу же, где-то в 20.00, уехал в Белогорск на место фазаньей охоты. При этом передал, что, если у меня есть желание, я могу туда приехать завтра. При всей сложившейся ситуации по «делу» у меня могли закрасться любые догадки, домыслы, предположения. Откровенно говоря, я немало переволновался. И все же ночью поехал на место предстоящей охоты. В пути, а он длился почти три часа, я многое передумал. Остаток ночи почти не спал.

Утром 3 октября за мной пришли, пригласили к Н.С.Хрущеву завтракать. После завтрака пошли на фазанью охоту, она была удачной. За обедом вдруг Хрущев заявил, что погода в Крыму портится, да и тут никого нет, скука. В Пицунде отдыхает Микоян, он решил завтра туда лететь. Я пытался уговорить его остаться в Крыму. Но он решительно все отклонил и распорядился наутро назначить вылет на Кавказ. За ужином у нас был тоже разговор на те же темы.

4 октября. Утром я проводил Хрущева в Пицунду. По возвращении в Киев я имел разговор с Подгорным и Брежневым, доложил им о моем разговоре с Н.С. Хрущевым, о его высказываниях и настроениях. Сообщил им, что Хрущев улетел в Пицунду. У меня после встречи и длительных разговоров с Хрущевым остался очень тяжелый осадок в том отношении, правильно ли мы делаем, что затеваем «дело». Ведь это же прямой политический заговор! Он переплетен с интригами и явными замыслами борьбы за власть. Но все это так далеко зашло с этим «делом», теперь уже нет у меня возможности перестроить свои позиции...

5–7 октября у меня вновь состоялись разговоры с Брежневым и Подгорным. Они мне звонили, интересовались вопросами по ходу «дела» в республике и, в свою очередь, меня проинформировали по ряду вопросов. В частности, было сказано, что в других республиках, областях и краях дела складываются хорошо. Я ответил: «Тем лучше. Нам будет легче».

Брежнев при разговоре со мной передал мне привет от Полянского и Устинова, при этом еще раз сказал, что все идет хорошо. Для меня это было больше, чем понятно. Сообщил, что был разговор с А.А. Гречко по поводу «роли» армии во всех «мероприятиях по делу» — он воспринял все с большим испугом и, по существу, ушел от прямого ответа. Р. Малиновский заявил определенно, что армия в решении внутриполитических вопросов участия принимать не будет.

Руководство КГБ не только было «сориентировано», но В.Е. Семичастный принимал самое активное участие во всех «мероприятиях» и обеспечивал всю безопасность. За свою «активность», как это у нас принято, он тоже поплатился, но об этом будет сказано позже и более подробно. Так было условлено, что я должен был чаще звонить Хрущеву, информировать его о состоянии дел в республике. В этом замысле было заложено два вопроса: показать, что все обстоит спокойно, и проследить за его реакцией, настроением, высказываниями.

8 октября я позвонил Н.С. Хрущеву в Пицунду. обстоятельно доложил о состоянии дел в республике по промышленности и сельскому хозяйству. Доложил также о ходе строительства Северо-Крымского оросительного канала — он особенно этим вопросом интересовался. Хрущев задал несколько вопросов, в том числе, как идет уборка сахарной свеклы и о работе сахарных заводов. Я доложил, что копка корней идет по разработанному графику, из 175 сахарных заводов работают 170, ежедневно вырабатываем 36 тысяч тонн сахара, уже отгрузили 1200 вагонов сахара, главным образом в Москву. Разговор был спокойный, не было никаких срывов, чувствовалось, что он ни о чем не догадывается, даже несколько успокоился. Переговорил я и с помощниками Хрущева — Шуйским Г.Т. и Шевченко А.С. У них тоже настроение было нормальное. Никаких признаков подозрения или ноток тревоги замечено не было. Шла обыденная, будничная, напряженная работа, все было сосредоточено на вопросах сельского хозяйства.

Я позвонил в Москву Брежневу, проинформировал его об окончательных результатах переговоров с членами, кандидатами и членами ревизионной комиссии ЦК КПСС, вкратце изложил высказанное ими мнение. Сказал также о том, что я звоня в Пицунду Н.С. Хрущеву, докладывал ему о ходе дел в республике. Ничего особого со стороны Н.С. не заметил. Разговор он вел спокойно, интересовался, сколько Украина сдала хлеба? Я ответил, что уже сдано 720 млн. пудов. В разговоре с Брежневым я заметил какую-то неуверенность в его высказывании по «делу», и меня это встревожило. Я позвонил Н.В. Подгорному, высказал свое беспокойство. Я знал, что Подгорный занимает более определенную и решительную позицию. Подгорный меня несколько успокоил, сообщив мне, что «все идет нормально, правда, под нажимом, потому что Леня расхолодился. Но отступлений нет, Полянский и Шелепин активно «работают» с другими республиками и членами ЦК по Российской Федерации, уже собран материал для доклада на Пленуме ЦК. В.П. Мжаванадзе по нашему поручению проводит определенную работу с Мазуровым — он тогда был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и занимал отрицательно-выжидательную позицию. Пришлось с ним вести разговор второй раз и уже на более «откровенной основе». Мне снова пришлось вести разговор с Брежневым и Подгорным, ибо уже до меня самого начали доходить слухи о том, что в Москве якобы существует группа, настроенная против Н.С. Хрущева. Это было признаком «утечки информации» и наших разговоров и замыслов — все это было опасно и чревато большими неприятностями.

Нервы у всех были напряжены до предела.

Наконец, **12 октября** я вылетел в Москву по сигналу Н.В. Подгорного. Улетая в Москву, я дал указания под разными предлогами пригласить в Киев всех членов, кандидатов и членов ревкомиссии ЦК КПСС и задержать их несколько дней в Киеве до особого указания. Все эти «организационные» меры осуществлялись через А.Н. Соболя, второго секретаря ЦК КПУ. Подобные меры были приняты и по другим республикам. Что же касается членов ЦК от РСФСР, то они, по существу, все были уже в Москве.

В Москве я имел длительную беседу с Подгорным, Брежневым, Кириленко, Шелепиным и другими товарищами. Обсуждался главный вопрос, какую найти форму и причину, чтобы пригласить Н.С. Хрущева в Москву. Не догадается ли он обо всем и не примет ли «ответных контрмер»?

Обсуждали, какие вопросы поставить на Президиуме в присутствии Хрущева, кому выступить первому — Подгорному или Брежневу. Выступать им первыми нельзя было. Это было бы воспринято как борьба за власть. «Наивная скромность», — оно-то фактически так и было! Ведь никаких идейных или организационных мотивов в подходе к свержению Хрущева не было, а подобоострастие перед ним его окружения продолжалось до самого «рокового» октябрьского Пленума ЦК. До этого Хрущеву никто не сказал осуждающего слова, только одобрение и прекло-нение. У многих был страх за свое положение, и он вызывал скрытую

неприязнь за организацию интриг вокруг Хрущева. Вот «принцип политиканства» в борьбе за власть.

12 октября почти весь день заседал Президиум ЦК КПСС без Хрущева. Там «вырабатывалась методика» проведения Президиума по прибытии и с участием Н.С. Хрущева. Заседание проходило в какой-то нервозности и страхе, а также в какой-то неуверенности. Наконец пришли к решению, что причиной для вызова Хрущева на заседание Президиума должно послужить то, что многие члены ЦК от РСФСР, Москвы, Ленинграда, Украины и Грузии задают много вопросов и требуют на них ответы по составлению 7- или 8-летнего плана. Много было вопросов по записке Н.С. Хрущева по реорганизации сельского хозяйства. Что по этим и другим вопросам, мол, требуется ваше присутствие, Никита Сергеевич, члены Президиума тоже такого мнения и считают ваш приезд крайне необходимым. Такова была «легенда». По существу же на этом Президиуме обсуждался вопрос о стиле работы Н.С. Хрущева, о мерах и методах устранения его от руководства. Раздавались робкие голоса, мол, возможно, надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и Предсовмина, оставив на посту Предсовмина Хрущева. Но, зная характер и приемы Хрущева, против этого предложения яро выступил Брежнев.

Обстановка была довольно сложной. Если бы в кое-каких звеньях получилось хотя бы малейшее колебание, то трудно было предсказать, чем все это могло закончиться. «Гордиев узел» не развязать. Пришли к единому мнению: надо рубить.

Решено было, что на Президиуме первым в обсуждении вопроса должен выступать я — «все же голос периферии» — и сразу дать почувствовать, что Украина критикует существующие порядки и стоит за изменение стиля и методов руководства. Пришли также к единому мнению, что вечером 12 октября надо звонить в Пицунду Н.С. Хрущеву и приглашать, по существу, вызывать, требовать его приезда в Москву на заседание Президиума. По логике, звонить должен был Подгорный, так как он фактически исполнял все обязанности по ЦК. Но после некоторого обсуждения и выступления Подгорного, в котором чувствовалось его нежелание звонить (а доводы были такие, что накануне Хрущев разговаривал с Подгорным и никаких подобных вопросов не возникало, поэтому звонок Подгорного будет «нелогичным» и может вызвать некоторое подозрение), было «решено», что звонить должен Брежнев.

Где-то около 21 часа Брежнев звонит Хрущеву. Мы все находимся тут же, в комнате заседания Президиума ЦК КПСС в Кремле. При нас состоялся разговор. Брежнев волновался, терялся, и некоторые вопросы приходилось подсказывать. Чувствовалось, что Хрущев с Брежневым разговаривал строго. Последний при разговоре побледнел, губы посинели и говорил с какой-то дрожью в голосе. Все же Брежнев кое-как провел разговор, изложил суть дела и высказал просьбу, что желательно, чтобы Н.С. Хрущев прибыл в Москву 13 октября. Брежнев нам передал, что Хрущев сказал: «Что у вас там случилось? Не можете и дня обойтись без меня? Хорошо, я подумаю. Здесь Микоян, я с ним посоветуюсь. Позвоните мне позже».

На этом первый разговор и закончился. Чувствовалось какое-то замешательство и возбуждение.

Спустя час Брежнев снова позвонил Хрущеву, Никита Сергеевич сказал с некоторым раздражением: «Хорошо, я завтра в 11.00 вылетаю в Москву вместе с Анастасом Ивановичем».

Микоян позже говорил, что Никита Сергеевич после звонка из Москвы сказал ему: «Чувствую я, Анастас Иванович, что-то недоброе». Микоян по незнанию обстановки и простоте своей успокаивал его.

Н.С. Хрущев любил рассказывать во всех подробностях и тонкостях дела, как он организовывал борьбу с «антипартийной» группой, как арестовывал Берию. Многие методы, приемы и «тактика», известные из рассказов Хрущева, были применены нами при подготовке «мероприятий» по смещению самого Н.С. Хрущева.

12 октября ночью в особняке № 7 на Ленинских горах я готовился, составляя тезисы выступления на Президиуме ЦК. Требовалось аргументированное и разоблачающее, обличающее пороки Хрущева выступление. Эта ночь запомнилась мне на всю жизнь. Она была очень тяжелой, ибо ни я, никто не знал, куда мы идем, и будет ли это лучше, но пути отступления уже были отрезаны, да и отступить некуда было.

13 октября в Москву прибыли все члены ЦК КПСС. Члены ЦК от Украины тоже по «команде» из Киева выехали в Москву и разместились все в гостинице «Москва».

Хрущев прямо с аэродрома прибыл в свой кабинет в Кремле. Не успел он оглядеться, как вся его охрана была заменена. Тут «четко» сработал В.Е. Семичастный. И в дальнейшем органы КГБ полностью контролировали всю систему охраны и всю внутреннюю и внешнюю связь. Так, все выходы на внутренний и внешний мир были блокированы. Что это было сделано правильно, мы в этом убедились позже.

В 3 часа дня в кремлевском зале заседания Президиума ЦК мы были в полном сборе — все члены Президиума, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Ждали прибытия Н.С. Хрущева и А.И. Микояна. И ждали не без волнения, а с большим напряжением, ведь мы сидели в помещении, оторванные от внешнего мира, не зная о том, что делается вокруг нас. И полагались на информацию, поступающую от Семичастного и Шелепина. Они «обеспечивали» все, и мы в эти часы находились в их руках и их власти.

Наконец наступила долгожданная минута, когда в зал заседания вошел Н.С. Хрущев и А.И. Микоян. Все притихли. Хрущев поздоровался и спросил: «Ну что здесь случилось? Кто будет вести Президиум?» Так как место председательствующего занято не было, Хрущев занял его и открыл заседание. Нами так и было предусмотрено, что председательствовать будет Хрущев, это мол, признак еще одного проявления «демократической воли Президиума», хотя уже все заранее было распределено и известно, и все это было одной из деталей «расписанного сценария».

Заняв председательское место, Н.С. Хрущев, ни к кому не обращаясь, спросил: «Кто же будет говорить, в чем суть вопроса?» Наступило, как говорится, гробовое молчание, хотя видно было, что и Хрущев на-

прягает все силы, чтобы не «сорваться». Выглядит он очень усталым, осунувшимся.

После некоторого молчания и замешательства слово «для информации» взял Л. И. Брежнев — так было условленно на Президиуме до приезда Хрущева. Уже тогда даже по этому можно было определиться, что основная группа членов Президиума делает «ставку» на Брежнева в решении предстоящих организационных вопросов. Хотя, прямо сказать, можно и нужно было делать «ставку» и на других, которые имели большой опыт работы и более солидную подготовку, да и другими лучшими качествами обладали. Здесь конкретно речь идет о Н.В. Подгорном, и впоследствии время само это подтвердит. Но вместе с этим надо отдать должное Брежневу: он сумел сделать «информацию» острой, да иначе и быть не могло, ведь шли ва-банк.

Брежнев говорил, что в Президиуме нет коллегиальности. Многие решения принимаются непродуманно. Допускается оскорбление единомышленников по работе. Непомерно возрождается и растет культ личности Хрущева. Разделение обкомов партии на промышленные и сельские — это большая ошибка, в партии и народе это не поддерживается, неприемлемо. Последняя записка по управлению сельским хозяйством путаная. Здесь все запутано. Речь Брежнева была короткой, но правду надо сказать, содержательной, казалась аргументированной и убедительной. Но в его речи ничего не было сказано, а какова же во всех этих вопросах роль самого Президиума ЦК. Чувствовалось, что постановка всех этих «жгучих» вопросов в такой плоскости ставится впервые.

Взял слово Н.С. Хрущев. Он сказал: **«Все здесь сказанное Брежневым, к моему огорчению, я, возможно, и не замечал, но мне никто никогда об этом и не говорил, а если это так, то надо бы было сказать, ведь я тоже просто человек. Кроме всего, вы ведь все меня во всем поддерживали, всегда говорили, что делается все правильно. Вас всех я принимал как единомышленников, а не противников или врагов. Вы ведь не можете сомневаться в моем честном и искреннем отношении ко всем вам. Что касается некоторых выдвинутых здесь вопросов, в том числе и разделения обкомов партии на промышленные и сельские, так ведь этот вопрос не один я решал, он обсуждался на Президиуме, а затем на Пленуме ЦК КПСС и был одобрен, в том числе и вами, здесь присутствующими. Каждое мое предложение было направлено к лучшему, а не к худшему, и каждое из них обсуждалось вместе с вами. Я предан нашей партии и народу, я, как и все, мог иметь какие-то недостатки. Так спрашивается: почему же о них мне раньше никто не сказал, разве это честно среди нас, единомышленников? Что касается допущенных грубостей к некоторым товарищам, то я приношу извинения»**. Вот содержание его первого выступления.

Настал самый тягостный момент, надо было начинать обсуждать вопрос. Как и было установлено, надо было мне выступать первому...

¹ ШЕЛЕСТ П.Е. (1908–1997) — с 1954 г. секретарь Киевского горкома, с 1963 г. первый секретарь ЦК КП Украины, с 1972 г. заместитель председателя СМ СССР.

№ 35

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

14 октября с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.

№ 36

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВС СССР

ПРОТОКОЛ № 32

15 октября 1964 года

Председательствовал тов. А.И. МИКОЯН.

П р и с у т с т в о в а л и:

Заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР:

тт. Н.Г. Игнатов, В.И. Козлов, И. Шарипов, Ю.И. Палецкис, Я.Э. Калнберзин, Т. Кулатов, М. Рахматов, А.А. Мюрисеп.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР тов. М.П. Георгадзе.

Члены Президиума Верховного Совета СССР: тт. Г.Г. Абрамов, С.М. Буденный, П.Н. Демичев, Д.А. Кунаев, К.Т. Мазуров, З.Н. Нуриев, Н.В. Подгорный. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР тов. А.Н. Косыгин. Председатель Совета Союза тов. И.В. Спирidonov. Председатель Совета Национальностей тов. Я.В. Пейве. Председатель Верховного Суда СССР тов. А.Ф. Горкин. Генеральный Прокурор СССР тов. Р.А. Руденко. Советник при Президиуме Верховного Совета СССР тов. А.А. Андреев. Начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР тов. К.У. Черненко. Помощники Председателя Президиума Верховного Совета СССР тт. А.А. Дементьев, В.В. Смоляниченко, В.В. Чистов. Заведующие отделами Президиума Верховного Совета СССР тт. Ф.С. Сазиков, М.Н. Цуранов. Заведующий Приемной Президиума Верховного Совета СССР тов. М.П. Скляр. Заведующий Секретариатом постоянных комиссий Совета Национальностей тов. А. И. Смирнов.

О Председателе Совета Министров СССР

Докладывает Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Микоян А.И.

(В обсуждении приняли участие тов. Микоян А.И., тов. Игнатов Н.Г., тов. Косыгин А.Н.)

Тов. Микоян А.И. сообщил, что 14 октября состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, рассмотревший просьбу тов. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязан-

ностей Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

В связи с этим вносится соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР:

Указ
Президиума Верховного Совета СССР

**Об освобождении тов. Хрущева Н.С.
от обязанностей Председателя Совета Министров СССР**

Удовлетворить просьбу тов. Хрущева Никиты Сергеевича об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Члены Президиума Верховного Совета СССР голосуют. Указ принимается единогласно.

Вносится на рассмотрение проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о назначении тов. Косыгина А.Н. Председателем Совета Министров СССР:

Указ
Президиума Верховного Совета СССР

**О назначении тов. Косыгина А.Н.
Председателем Совета Министров СССР**

Назначить тов. Косыгина Алексея Николаевича Председателем Совета Министров СССР, освободив его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Президиум единогласно утверждает Указ о назначении тов. Косыгина А.Н. Председателем Совета Министров СССР. Члены Президиума Верховного Совета СССР тепло поздравили тов. Косыгина А.Н. с назначением на пост Председателя Совета Министров СССР. Тов. Косыгин А.Н. сердечно поблагодарил Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР за оказанное ему доверие и заверил, что приложит все силы для того, чтобы выполнить возложенные на него обязанности.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. МИКОЦН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

К материалам заседания
Президиума Верховного Совета СССР

15 октября 1964 г.

Тов. Микоян А.И. Товарищи, на повестку дня Президиума Верховного Совета СССР сегодня выносится один вопрос о Председателе Совета Министров СССР. Есть ли дополнения к повестке дня?

Члены Президиума. Нет.

Тов. Микоян А.И. Как Вам известно, вчера состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, рас-

смотревший вопрос об освобождении тов. Н.С. Хрущева от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Пленум удовлетворил просьбу Н.С. Хрущева об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров в связи с ухудшением состояния здоровья. Пленум также утвердил тов. А.Н. Косыгина Председателем Совета Министров СССР. Президиум Верховного Совета СССР между сессиями Верховного Совета полномочен решать такие вопросы. Поэтому я вношу эти рекомендации ЦК КПСС на Ваше рассмотрение.

Вносится на Ваше рассмотрение Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении Н.С. Хрущева. (Тов. Микоян А.И. читает Указ). Прошу голосовать. (Члены Президиума Верховного Совета СССР голосуют).

Тов. Микоян А.И. Указ принимается единогласно.

Вносится предложение о назначении тов. Косыгина А.Н. Председателем Совета Министров СССР. (Тов. Микоян А.И. читает Указ). Прошу голосовать. (Члены Президиума Верховного Совета СССР голосуют).

Тов. Микоян А.И. Указ принимается единогласно. (Аплодисменты).

Разрешите мне приветствовать тов. Косыгина А.Н. с назначением его на пост Председателя Совета Министров СССР и пожелать ему доброго здоровья и успехов в работе. (Аплодисменты). Все встанут и приветствуют тов. Косыгина А.Н.). Кто желает выступить?

Тов. Игнатов Н.Г. Нужно только приветствовать назначение тов. Косыгина А.Н. Он известный в стране и в партии человек.

Тов. Косыгин А.Н. Дорогие товарищи, я сердечно благодарю Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР за оказанное мне высокое доверие и заверяю, что приложу все силы для того, чтобы выполнить возложенные на меня обязанности. (Аплодисменты. Все приветствуют тов. Косыгина А.Н.).

Тов. Микоян А.И. На этом заседание Президиума считаю закрытым.

ГАРФ Ф. 7523, 082, д. 152, лл. 1–3, 51.

№ 37

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР Ю.В. АНДРОПОВА В ЦК КПСС

Об ограничении поступления
зарубежной корреспонденции в адрес Хрущева Н.С.

3502-А

Особая папка
Совершенно секретно

25 декабря 1970 г.

В последнее время в адрес Хрущева Н.С. направляется большое количество различной корреспонденции от частных лиц из капиталистических стран.

Большая часть корреспонденции представляет собой открытки с по-

здравлениями с Новым годом и Рождеством. В отдельных из них приводятся изречения религиозного характера, сравнения Хрущева Н.С. с библейскими «героями».

Авторы писем обращаются к Хрущеву Н. С. как «к борцу за мир и противнику антисемитизма», выражают сочувствие в связи с его болезнью, в отдельных случаях высказывают одобрение появлению на Западе его «мемуаров», обращаются с просьбой дать отзывы в отношении некоторых бывших государственных деятелей Запада. Направляются также журналы, в которых помещены фотографии Хрущева Н.С., статьи с упоминанием его имени.

Учитывая, что подобная корреспонденция носит тенденциозный характер и может инспирироваться зарубежными подрывными центрами, полагаали бы целесообразным ограничить ее поступление на адрес Хрущева Н.С.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности

АНДРОПОВ

Приложена записка с согласием секретарей ЦК КПСС М. Суслова, И. Капитонова.

Помета: «Тов. Крючкову В. А. (КГБ) сообщено о согласии Секретарей ЦК. 31.XII.70».

№ 38

СООБЩЕНИЕ О КОНЧИНЕ Н.С. ХРУЩЕВА *

Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием сообщают, что 11 сентября 1971 года после тяжелой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев.

Центральный Комитет КПСС
Совет Министров СССР

* Опубликовано в «Правде» в день похорон 13 сентября 1971 г.

№ 39

ПРОВОДЫ *

Официальное сообщение о смерти пенсионера союзного значения, бывшего первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева было опубликовано в газетах только в день его похорон...

...Хмурым сентябрьским утром 1971 года мы с женой отправились на Новодевичье кладбище на похороны Никиты Сергеевича Хрущева. Ни-

какого официального объявления о дне, месте и времени похорон опубликовано не было, но мы узнали, когда и где будут похороны. Когда мы подходили к Новодевичьему кладбищу, то уже задолго до подступов к нему были поражены огромным количеством войск. Десяток грузовиков, крытых брезентом и битком набитых солдатами, которых было видно со стороны заднего борта, стояли вокруг Новодевичьего кладбища. Бегали офицеры, по рации кричали: «Тринадцатый, ты слышишь? Говорит первый! Прием» и так далее. Было такое ощущение, что этот район Москвы не то оккупирован какими-то воинскими частями, не то какие-то войска собираются выступить в поход. А дальше располагались кольцом вокруг кладбища как бы несколько цепей. Тут были различные милицейские чины, а ближе всего к кладбищу стояли люди в штатском. Среди них было и некоторое количество офицеров в военных формах Министерства внутренних дел с голубыми кантами. На внешнем кольце милицейской цепи жались кучки людей, которых не пропускали к кладбищу. Время от времени кто-нибудь из этих людей тщетно пытался пройти, но их довольно грубо отбрасывали назад. Я подошел к этой цепи и спросил у ближайшего милицейского офицера: «Кто у вас здесь главный?» Он показал мне на немолодого уже полковника милиции. Я подошел к этому полковнику и сказал ему: «Товарищ, мы с моей женой знакомы с дочерью покойного Радой Никитичной, и было бы странно, чтобы в такой день мы не были бы там, возле нее. Пропустите нас, пожалуйста». Он спросил меня: «Вы действительно с ней знакомы?» Я ответил: «Да, действительно». Он махнул рукой и сказал: «Ну, что ж, проходите!» Мы прошли, причем — неожиданная удача — миновали сразу несколько кордонов. Я решил использовать этот уже оправдавший себя прием и на последней заставе. Обратился к ближайшему человеку, который в этой цепи стоял. Он был в плаще типа «болонья», лет тридцати, и я сказал ему: «Пропустите меня, пожалуйста...» Он тут же прервал меня и отрезал: «Нет, не пропущу». Я рассердился: «Ну, как же так, вы не знаете, кто я и почему мне нужно пройти. Вы даже не выслушали меня», на что он мне ответил: «Мне это безразлично. Я все равно вас не пропущу». Я сказал: «Ну вот, вы не знаете, кто я, а я теперь уже имею отчетливое представление о том, кто вы такой». Неожиданно он улыбнулся и пробурчал: «Ну, что ж, проходите». Мы прошли и оказались перед наглухо закрытыми железными воротами кладбища, закрыты были не только ворота, но и калитка. Оказалось, что и там стоит заграждение. Справа на стене висела бумажка, на которой красным карандашом было написано: «Кладбище закрыто. Санитарный день». Время от времени кто-нибудь из иностранных корреспондентов стучал в железную калитку, кричал, от какой он газеты или журнала. Калитка приоткрывалась, его пропускали, и калитка снова захлопывалась. Перед воротами оказался человек пятнадцать таких же, как мы с женой, прошедших через все кордоны. Стражи же все находились по другую сторону ворот. Я предложил: «Давайте не будем пропускать этих корреспондентов. Что им, больше нашего, что ли, надо там быть?» Мы действительно перестали их пропускать, даже подпускать к калитке. Они кричали, шумели, но мы их не пускали. Вдруг прибежал какой-то генерал, который спросил, в чем дело, что за шум. Кто-то из нас сказал: «Как в чем

дело? Мы на похороны пришли, а нас не пропускают». Генерал постучал в калитку и назвался. Калитка открылась, и он приказал: «Немедленно всех пропустить».

Мы прошли. Народу было не очень много. Человек 60 корреспондентов, кажется, только иностранных. Как все корреспонденты в мире, они были озабочены только тем, чтобы раздобыть побольше информации, побольше заснять своими кинокамерами, фотоаппаратами и записать на магнитофоны. Стрекотали камеры, щелкали затворы фотоаппаратов, раздавался разноязыкий и разноголосый, странный для кладбища гул. Кроме того, было еще человек двести, среди которых немало людей с сединами. В толпе оказалось и несколько наших друзей и знакомых. Немало было и людей, на лицах которых видно было, что они перенесли много страданий. Полагаю, что это были бывшие репрессированные. Среди них мы заметили, например, сестру командарма Якира — Бэллу Эммануиловну.

Семидесятисемилетний Никита Сергеевич лежал в гробу на возвышении, окруженном венками и цветами. В ногах у него находились красные подушечки с тремя звездами Героя Социалистического Труда и орденами. Лицо его было значительным, таким значительным и спокойным, каким мне не доводилось видеть его на страницах газет или журналов, на экранах кино и телевидения. Высокий мощный лоб, волевые скулы. Казалось, на лице его запечатлелась какая-то важная дума, которой так и суждено было остаться тайной. Рядом стояли члены его семьи, жена Хрущева Нина Петровна. Она была в сером пальто с черной кружевной накидкой. Лицо ее, очень простое, открытое, бесхитростное, чем-то очень привлекательное, было залито слезами. Тут же стояла Рада Никитична с каким-то отрешенным взглядом. Казалось, что ей очень холодно. Рядом находился высокий мужчина. Он был очень похож и на отца, и на мать, и ясно было, что это Сергей Никитович Хрущев. Тут же стоял Алексей Аджубей с красивым, несколько припухшим и замкнутым лицом.

Выступил какой-то человек. Из-за стрекотания кинокамер, которые репортеры поднимали над головами, из-за их бесцеремонных разговоров слов его я не расслышал и постарался пробраться поближе, что мне в какой-то мере и удалось. Потом выступил Сергей Никитович. Его речь из-за общего шума (а говорил он без микрофона) я слышал только обрывками. Он сказал, что отец его в течение длительного времени занимал ответственные партийные и государственные посты. Оценка его деятельности принадлежит суду истории. Он же может сказать, что Никита Сергеевич желал добра людям и был очень хорошим, любящим мужем и отцом. Затем заговорила старая уже женщина, и хотя она говорила очень тихо, слова ее почему-то были отчетливо слышны. Она сказала: «Я работала с Никитой Сергеевичем с 1926 года, и мне очень хорошо с ним работалось. В 1937 году я была арестована и заключена сперва в тюрьму, а потом в лагерь и только после двадцатого съезда освобождена и реабилитирована. От имени миллионов людей, замученных безвинно в лагерях и тюрьмах, которым ты, Никита Сергеевич, вернул доброе имя, от имени их близких и друзей, от сотен тысяч, которых ты освободил из страшных мест заключения, прими нашу благо-

дарность и низкий тебе поклон. Я понимаю, сколько мужества, смелости и желания восстановления справедливости для этого понадобилось. Мы будем помнить об этом до конца жизни, расскажем нашим детям и внукам». После этого распорядившийся похоронами человек в штатском, но с явной военной выправкой сказал: «Прошу простаться с покойным. Только быстро, товарищи, не задерживайтесь». Присутствующие прошли вокруг гроба, подгоняемые замечаниями штатских стражей порядка, выстроившихся вокруг. Я увидел среди венков и цветов венки с надписью — «Никите Сергеевичу Хрущеву от А. И. Микояна». Тут нас снова оттеснили корреспонденты.

Георгий ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук

* Воспоминания Г. Федорова были опубликованы в журнале «Огонек» 18 августа 1988 г.

№ 40

САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ

(ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОКА О ПОХОРОНАХ Н.С. ХРУЩЕВА)

11 сентября 71-го года. Слушали с Н. Эйдельманом (русский писатель, историк, публицист. — **Прим. ред.**) в Переделкине радио: у него хороший приемник. Поймали на середине диктора, говорившего о десталинизации. И вдруг мелькают слова о Хрущеве: с 64-го года он жил на даче... Мы насторожились, прошлись по всем диапазонам. И по всему эфиру это имя — «мор», «дайд», «гешторбен».

Н.С. Хрущев умер. Завершилась целая эпоха, пришедшаяся на середину нашей жизни. Впрочем, эпоха завершилась еще раньше: 14 октября 1964 года, когда Хрущева сняли. Теперь же это окончательно отошло в историю. Однако всем интересно знать — как его будут теперь хоронить? Наши чингисханы пока хранят молчание. Завтра в газетах появится небольшой некролог, который будет подписан: группа товарищей. Затем хорошо, если дадут ему место на Девичке (Новодевичье кладбище. — **Прим. ред.**), считайте, что покойнику крупно повезло. Хрущев погорел из-за своей половинчатости. Вся русская история — это явление нашей нерешительности, половинчатости. Как начали 14 декабря стоянием на Сенатской площади, так и тянем с тех пор резину, а резина двухжильная, никак не лопаается.

12 сентября, воскресенье. Москва безмолвствует, тупое молчание. С утра кто-то приехал из города.

— Слышали про Хрущева? Что говорят в Москве?

— По-разному.

— Где же вы слышали?

— Разумеется, в электричке. Пенсионер говорил. Он спрашивал: умер Хрущев или не умер?

Пытаюсь прочесть «Правду» на свет, но там ни строчки, ни звука, ни просвета. Значит, будут тайные похороны, самый страшный вариант. Не-

компетентность в масштабе управления страной — что может быть ужаснее? От такой мысли мурашки по коже.

Вечером пытаюсь обзвонить знакомых: никто ничего не знает, слышу в ответ возгласы удивления. Значит, у нашей страны нет никакого прошлого, нет истории, столь же беспросветно и ее будущее.

13 сентября. Осуществляется дьявольский план, который можно назвать и хитроумным, вполне, впрочем, в духе дворцовых интриг. «Правда» дала уголок в полурамке, из которого явствует, что у нас все-таки был бывший секретарь ЦК и председатель Совета Министров.

А что дальше?

Звонит из Переделкина Борис Ямпольский:

— Если хочешь сделать хорошую покупку, о которой мы с тобой говорили, будь без четверти одиннадцать у «Березки» напротив Девички.

— Это точно? Откуда ты узнал?

— Серый сказал.

Значит, нынче будут похороны частного лица, а завтра можно выступить и с развернутым некрологом. У нас крепко любят покойников, но предпочитают скорее избавиться от них, а после начинаются всякого рода эксгумации. Вот когда его закопают поглубже, тогда можно будет и сказать: покойник был неплохим человеком, а мы не хотели, чтобы народ глумился над трупом, поэтому так и сделали — мы оберегали интересы покойника, мы же великие гуманисты.

Записал второпях. Время 10 часов утра. Пора ехать. Ловим такси.

— Вам куда?

— К Новодевичке, — говорю. — Едем хоронить Хрущева.

Зина (жена писателя. — **Прим.ред.**) толкает меня в бок, а таксист говорит:

— Был сейчас в кунцевской больнице, там все оцеплено: автобусы, машины, войска.

Начинаем гадать: может, и нам к Кунцлагерю поехать и начать оттуда? Зина против. Да и на дороге все спокойно, усиленных нарядов не видать: везти-то его будут по той же дороге. Зато у монастыря все оцеплено.

— Вот «Березка», — говорит таксист. А майор уже машет нетерпеливо: проезжай.

На мосту окружной дороги торчат зеваки. Поворачиваем влево. Высаживаемся — тут можно.

Перед нами чистый скверик, на дорожках только патрули. Неужто все оцеплено и нам не подойти к «Березке», где назначено свидание с Ямпольским? Такого оборота событий мы никак не предвидели. Идем вокруг дома в надежде пройти внутренними двориками. Куда там! Всюду грузовики с брезентовыми коробками — точно так было и на похоронах Сталина.

Монастырь обложен со всех сторон. У грузовиков стоят солдаты, у офицера на пузе рация. На погонах обозначено — ВВ.

Возвращаемся обратно на скверик. Перед нами движутся четыре иностранные спины — их пропускают. Чернявый паренек снимает телекамерой патрулей и автобусы на фоне монастырской стены — хороший будет кадр, валютный.

Приближаемся к сержанту. Стоп! Нельзя.

— Нам надо на кладбище, — говорю.

— Сегодня санитарный день, кладбище не работает.

— А эти машины тоже для санитарки, да? Не крутите нам мозги, сержант, мы приглашены Радой Сергеевной, — тут уж я сам сбился, не сообщая сразу как надо. — Рада Никитишна нас пригласила.

— А где приглашение? — хорошо уже то, что он вступил диалог.

— Мы ее друзья, она по телефону сказала: приезжайте к 11 часам к «Березке». Разве могла она знать, что будет оцепление? — и показывает ему свой писательский билет.

На помощь сержанту спешает старшина. Обращаюсь к нему.

Старшина задумался, но ответа не дает.

Метров через пятнадцать нас останавливает на той же дорожке штатский чин в плаще. Предъявляю удостоверение и повторяю словесную версию. Штатский сотрудник совершает молчаливый жест: проходите. Таким же макаром преодолеваем еще два кордона.

Прямо на газоне стоит коричневая «волга». Пристраиваемся к ней — как бы ее пассажиры.

Теперь можно оглядеться. Зевак с моста уже прогнали, там прохаживается патруль. По ту сторону моста на дороге стоят грузовики. Ворота кладбища наглухо закрыты. Рядом с нами стоит автобус с грифом — УВД. Над автобусом — многоколенчатая мачта. По соседству второй автобус с мачтой и антенной. Это уже второй вид осаждающих — ВВ. От автобуса тянется по траве провод полевого телефона. Но все спокойно и тихо. Рации бездействуют. Похаживают полковники и генералы в штатском. Монастырь в осаде.

Но где осажденные? Изредка просачиваются старушечки с букетиками цветов. Их проверяют, и они переходят на ту сторону улицы — к воротам, где накапливаются прореженной толпой.

У осажденного монастыря самый мирный вид: видны луковичы собора Богоматери Смоленской, шестиярусная соборная колокольня обхвачена вполне мирными реставрационными лесами.

Со стороны «Березки» к нам пробрался Борис Ямпольский. Начинается дождик. Предлагаем Зине укрыться в «волге», что она и делает, спросив позволения у шофера. Теперь мы еще крепче прикрыты.

На улице возникает движение, идут черные «волги». Подкатывается автобус, выходят музыканты с трубами. Оркестр явно кладбищенский.

А вот и бортовой грузовик с венками, за ним автобус с зашторенными окнами. Машины проезжают на территорию кладбища, и ворота тут же, словно автоматически, закрываются. Мы тоже трогаемся на ту сторону улицы. В калитке приоткрылась тонкая щелочка, но мы уже несадеам.

Кто-то кричит:

— Откройте, нас же немного.

Генерал в штатском плаще сурово командует:

— Лисичкин, открыть! Быстро!

Солдаты еще копаются с крюком у ворот, а я уже проник в калитку и вижу красную крышку гроба.

Итак, оборона прорвана, это же чудо! Спешим по главной аллее. Ямпольский успевает шепнуть мне:

— Мы тут самые опасные.

Я обгоняю его, стремясь поспеть к автобусу. Гроб уже вытаскивают, вижу белый матовый лоб, утопающий в подушке. Хватаю ножку гроба и тут же оказываюсь каким-то образом отнесенным. Поспеваю только ухватиться за венки и уже не выпускаю его из рук. Процессия тронулась, я пристроился.

Читаю надпись: «От Совета Министров». Вот что мне досталось.

Гроб поставили на земляную кучу, он словно бы утонул в толпе, и я ничего не вижу. Зина оказалась ближе меня, прямо с родственниками, за ней цепочка штатских. Кто-то сбоку командует:

— Взялись за руки. Не подпускать.

И тут они продолжают держать оборону. Начинается панихида. Ее ведет невысокий человек в черном костюме с расслабленным лицом. Он говорит с достоинством и горечью. Это Сергей Никитович Хрущев, сын покойного.

Шел дождь, мелкий, сеющий, над гробом держали черный зонтик, который долго не раскрывался. Нам-то ничего, а вот туалет покойного мог нарушиться. Потом говорила донбасская большевичка: пустые слова о партийности, большевистской принципиальности, революционном огне и все такое прочее, что мы слышим на партсобраниях. Потом выступил Вадим Васильев, который заметно волновался и все время твердил «так сказать». Говорил о 37-м годе, он восстановил честь моего отца и моего деда, так сказать, будут благодарны ему за это, так сказать.

А я подумал, что Хрущев освободил не только 10 миллионов людей, сидевших в лагерях, но и всех нас. И меня он освободил, хотя я и был как бы на свободе. Вот почему я стою сейчас у его гроба.

Ораторы выступали, стоя на куче земли. Сергей Никитович давал им слово, каждый раз подчеркивая, что у нас семейные похороны.

Снова заиграл невидимый кладбищенский оркестр, стали подходить прощаться. Покойник желт и худ, нос заострился, рот в провале, сухая пергаментная желтизна.

— Проходите, проходите, — подталкивают меня.

В ногах мужчина держит красную подушечку: четыре Золотые Звезды, двадцать орденов — вполне приличные семейные похороны. Я хотел было остаться в ногах, но меня снова отнесли штатные единицы, они были рассеяны всюду среди нас и ладно исполняли свою работу по защите гроба. Но все равно все было снято и записано, даже микрофон повис над кучей земли.

Родные держатся стойко. Кто-то, верно Юлия (внучка Н. Хрущева. — **Прим.ред.**), всхлипнула. Рада ее тут же одернула:

— Держись, тебе говорят. Мы же договорились.

Поперек могилы лежит лом. Приготовлены веревки. Рядом находится могила Сергея Садовского, ее всю затоптали. Сергей Садовский — кто он такой? Забивают гвозди.

— Леша, тащи.

...Продолжим наши игры. Да уж и недолго осталось. Гроб подтащили

и поставили на лом. Хороший гроб, за 154 рубля, мы с Юрой (брат писателя. — **Прим.ред.**) мечтали отцу такой выкупить, да не осилили. У могилы орудуют пять могильщиков — сколько из них штатских?

И снова:

— Леша, выдергивай.

Дыра была глубока, долго опускали. Начали потом землю бросать, я тоже швырнул несколько пригоршней, в азарт войдя. Вот когда мне горло сдавило.

А могильщики уже всюю работают лопатами. Штатные тут же запыхались, а вольнонаемным хоть бы хны. Сразу видно: кто есть кто. И вот уже вместо дыры и над нею вырос холмик, словно бы гроб вытеснил его из земли по закону Архимеда. Ребята охлопали холмик лопатами, и все стало гладко. Подошла Нина Петровна (жена Н. Хрущева. — **Прим.ред.**) и положила большую красную розу. Вообще она прекрасно держалась, да и все остальные из близких. Только один Алеша Аджубей все время пытался быть в отдалении, стремясь раствориться в дожде.

Я оторвал ромашку от совминовского букета, она уже почти не пахла. Все завершилось быстро, почти стремительно. Операция по обороне монастырских стен проведена блестяще спокойно: семейные похороны под государственной охраной с пятью дивизиями прошли так, что лучше некуда. Старушка за моей спиной говорит:

— Живем плохо, а кончаем все одинаково.

Мы еще стоим, хотя делать нам уже нечего. Пытаемся разговаривать, но рядом тут же вырастает штатная единица, все дорожки заставлены ими, они простреливают нас глазами, но мы уже плевали на них.

Оглядываюсь. Сколько нас тут было? Всего человек четыреста, но доброты явно в меньшинстве — остальные штатные. Ни один чин с «волги» к машине не подошел — это им не положено. Им дано только не пущать — и никак нельзя идти туда самим. Выходим из ворот. Там висит объявление: в понедельник, 13 сентября, кладбище не работает — санитарный день. Служитель снимает объявление: санитарный день завершился.

Показался Рудный:

— Смотрите, все прошло спокойно. А меня предупредили: будет Ходынка.

Так мечтали прогрессисты и потому не пошли, надеясь, что придут другие. Разбитый, опустошенный, еду в город, должен был встретиться с Зингерманом (литературовед, член Союза писателей. — **Прим.ред.**). Тот спрашивает меня, едва я вошел в институт:

— А Евтушенко читал стихи?

Молва идет впереди меня, только что успевшего сойти с троллейбуса. Через три часа встретил Евтушенко в клубе писателей.

— Что же ты не был на похоронах?

— Я был там раньше тебя, — объявляет он. — Я был в морге.

Очень точно рассчитано. У могилы ему сейчас невыгодно появляться, тем более со стихами. А в морге, в замкнутом пространстве, — пожалуй, подойдет.

К вечеру еле добрался домой, нацарапал отчет об осаде монастыря

и вот сегодня, уже в Переделкине, дописываю все это, несколько придя в себя и будучи уже в состоянии подумать о том, что было. Хрущев умер, но появился призрак Хрущева. Предсказанный мной на сегодня некролог в центральной прессе не напечатан, значит, у них даже хитроумности нет, есть только тупость да страх. Все соцстраны дали фото и некрологи, молчит одна ГДР. Албания объявила: умер главарь шайки ревизионистов.

Вот и получается у нас, что ничего не было: ни XX, ни XXII съездов, ни сталинских преступлений, ни хрущевской оттепели. Какая тупость! Такая тупость, что она не поддается никакому программированию. Тупость и ложь, рождающиеся из страха. А это уже фашизм. Брежнева я не пойду хоронить, а он ведь кончит еще хуже, это уже точно решено, хоть еще и не подписано. На этом можно поставить точку на моем кладбищенском репортаже, однако продолжают поступать все новые сведения.

Кладбище было закрыто еще 6 часов, людей не пускали, чтобы они могли положить цветы на могилу. А зона оцепления начиналась от метро «Спортивная», тысячи людей скопились там, но все улицы были перекрыты — об этом рассказал Анатолий Аграновский. Вот и получились семейные похороны с участием вооруженных сил. Тайные похороны, запрещенные похороны — любые эпитеты оказываются тут возможными и недостаточными. Тупее не может быть, но в данном случае оказывается справедливой поговорка: чем хуже, тем лучше. Наши чингисханы лишний раз показали всем, что они ничего не могут, не умеют, ни к чему не готовы. Но должна же тут быть и какая-то подоплека, еще не очень явная, но тем не менее весьма существенная. Что-то еще такое мы узнаем в самое ближайшее время, подобные кладбищенские истории так просто не кончаются. И мертвецов ни с того ни с сего не пугаются.

15 сентября. Утром, едва я вошел в столовую, Ямпольский зовет меня и выводит в закуток перед туалетом.

— Прошу тебя никому не говорить о том, что я был на похоронах. И в дневниках не упоминать моего имени, я же знаю, что ты пишешь. Я исчез, я не существую, я не желаю, чтобы мной занимались. Меня нет.

— Да я и не говорил никому. С чего ты взял?

— Во всяком случае прошу тебя на будущее: меня нет и никто не должен мной заниматься. Я хочу дожить спокойно, сколько мне осталось, поэтому я не существую.

— Хорошо, Борис, я никому не говорил и никому не скажу, только ты не умирай от собственной храбрости.

— Я тебе повторяю. Я никого не боюсь, просто меня нет, я знаю, что это такое, когда тобой начинают заниматься, и не желаю этого.

— Ах, Боря, а ты еще говорил, что мы тут самые опасные. Чем же ты опасен, если ты не существуешь?

— Именно этим я и опасен.

Так мы поговорили, и я поехал в Москву по делам. Всюду приходится рассказывать о похоронах. Взамен получаю добавочную информацию: кладбище уже завалено цветами, все соцстраны прислали Нине Петровне телеграммы со словами соболезнования. Это же элементарный акт вежливости элементарно воспитанного человека. Но только не наши чингис-

ханы. Как у Гейне: это такие дураки, которые не знают своего дурацкого ремесла. Путешествовал по маршруту — «Советская Россия», «Новый мир», «Литгазета».

Вот сдать бы им мой репортаж о похоронах великого реформатора и обольстителя Н.С. Хрущева.

— Примите рукопись и распишитесь в получении.

Вот бы они забежали, запрыгали от радости.

— Да, да, в набор! Немедленно.

Или в «Литгазету» отнесу — к Сыру (Виталий Сырокомский, в то время первый заместитель главного редактора «Литгазеты»). — **Прим.ред.**). Тот прочтет и скажет мне правду-матку:

— Это надо печатать в «Нью-Йорк таймс». На первой полосе. Но я туда материалы не подписываю.

Увы, подобные мысли мне даже не приходят в голову. Мой репортаж написан на русском языке, но русским шрифтом он напечатан быть не может, а латинским алфавитом я и сам не хочу.

Выходит, я тоже не существую. Борис Ямпольский прав.

Остается задать последний вопрос: когда это будет напечатано русским шрифтом*?

Анатолий ЗЛОБИН,
писатель

* Напечатано это было в мартовском номере журнала «Новое время» за 1993 год, спустя 22 года после похорон Н.С. Хрущева.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЦ

СУДЬБА ХРУЩЕВА

История одного неусвоенного урока

Сказать, что человек состоит из силы
и слабости, из разума и ослепления,
из ничтожества и величия, — это значит
не осудить его, а определить его сущность.

Д. ДИДРО

1

Жизнь Н. С. Хрущева окончилась почти незаметно. О былой известности его, кроме титулов, упомянутых в официальном уведомлении, свидетельствовали приметы, так сказать, косвенного порядка: задержка сообщения на сутки, вызванная, надо полагать, потребностью в тщательной отработке и согласовании формулировок, а вероятно, и расчетом — не успеют еще люди, которые из чувства признательности или любопытства захотели бы присутствовать на похоронах, сообразить,

где и как узнать о времени и месте погребения, а оно уже произойдет; так и случилось.

Однако не следует строить иллюзий, что, прояви преемники Хрущева немножко гуманности и простого такта, который был бы не безвыгоден им самим, мы стали бы свидетелями массового изъятия добрых чувств в адрес покойного. Скорее, наоборот. Даже в среде образованных людей к Хрущеву (в момент его ухода из жизни) относились либо иронически, либо, что чаще, равнодушно. На это есть свои «персональные» причины, которые лишь кажутся очевидными. В действительности они весьма сложны. Каковы они, я попробую показать дальше. Пока же отмечу, что кроме них налицо причины и более общего свойства. Мы настолько привыкли к тому, что человек — функция своего места, значительная в меру значительности этого места, что с утратой последнего перестаем интересоваться и личностью того, кто данное место занимал. Такое отношение, разумеется, не просто дурная привычка. Оно имеет реальные основания, притом не только во множестве фактов, показывающих, что отсутствие интереса объясняется отсутствием личности. Но само отсутствие ее, когда оно становится едва ли не правилом, тоже нуждается в объяснении.

Причины, если вдуматься, не только вне, но и внутри нас. Среди них — вошедшее в плоть и кровь желание перемен и улучшений по мановению чьей-то руки, которая и неизменно уполномочена, и неизменно в силах эти перемены производить. Пожалуй, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо, как в великой державе, в которой атеизм многими десятилетиями служил одной из неперенных опор государственного мировоззрения. «Ни бог, ни царь и ни герой...» — давно уже только слова из гимна, разжалованного Сталиным.

Значит ли это, что у нас нет инициаторов, искателей, фантазеров и смельчаков, нет людей, готовых любой ценой добиваться успеха правого дела, людей, способных работать, не считаясь со временем, в азарте штурма, ради благородного почина или нужд коллектива? Спору нет, такие люди были и есть, и их не так уж мало. Эпоха революции, изживания разрухи и отсталости породила их в числе, трудно поддающемся подсчету; но со временем потребность в них не то чтобы исчезла, она менялась в самом существе своем: чем больше их становилось (если держаться определенного набора признаков), тем дальше уходила в прошлое первоначальная естественность этой человеческой разновидности, которую можно назвать собирательным именем энтузиаст. Мы говорим «собирательным», поскольку наличие общих черт и сходство проявлений не исключали множества различий, порождаемых прежде всего тем очевидным обстоятельством, что поток революции захватил и понес самый разный человеческий «материал», создав в результате столь мозаичную картину, что по сравнению с ней экономическая многоукладность могла бы показаться одноцветной.

Доказано, что чем разнообразнее любое сообщество, чем больше оттенков внутри даже одной человеческой разновидности, тем более они жизненны — имеют больше стимулов к развитию. В этом, кстати,

коренное отличие общности от стада — состояния, из которого, считалось, вышло человечество и к которому (теперь чересчур хорошо известно) оно способно возвращаться при непредсказуемых условиях и в весьма цивилизованных странах. Огромное сообщество энтузиастов, рожденное революцией, как бы его ни судили спустя без малого век, не было стадом. Однако и в своем первичном состоянии оно содержало зародыш иного; само многообразие его несло в себе собственный надлом. Пестрота характеров и побуждений, привлекавшая, да и ныне еще привлекающая, людей искусства, стала помехой, когда возникла — и не в один присест — нужда в подвижной стабильности отношений собственности и власти. Нужду эту можно было удовлетворить сугубо поразному, но считать ее искусственно привнесенной было бы отклонением от истины. Достижение такой упорядоченности в главной сфере жизни стало проблемой еще при Ленине и составило наиболее глубокую подоплеку всей последующей внутрипартийной борьбы, втянувшей в себя и соподчинившей себе жизни миллионов. Проблема же была не только теоретической и деловой, она вдобавок — и это, быть может, самое важное — была человекоусущностной, «антропологической».

Что и говорить, опасность анархии множества волей, вкусивших от свободы самоутверждения, опасность растворения мозгового авангарда в стихии эгалитарности, распределительного коммунизма, ищущего себе кумиров и накладывавшего свою печать на слова и дела даже самых мыслящих, самых рафинированных лидеров революции, — эта опасность была вполне реальной. Не менее реальным был и ее близнец-антипод — опасность эксплуатации неосознанных (не доведенных до уровня саморефлексии, самоконтроля, самоограничения) социальных устремлений и импульсов человеческой толщи, эксплуатации их честолюбцами, уверенными в своей способности подчинить стихию, именно: не овладеть стихией, а подчинить ее себе, встав над разными волями и интересами в качестве их верховного арбитра. Как вырастали одна за другой обе тенденции, как вторая из них впитывала в себя и губила первую, еще предстоит изучить и понять. Тогда яснее станет, мог ли энтузиаст-преобразователь удержаться в исходном, «неиспорченном» виде. Может ли он вообще где-либо удержаться, если его стихийная разнородность не замещается разнообразием личностей — более стойкими различиями, вырастающими в обстановке повседневного «институционализованного» социального творчества? Современный человек, оглядываясь на опыт истории, вправе усомниться в этом. Но если возможность эта существует, то первейшее условие ее — демократизм, пропитывающий все сферы публичной и частной жизни, и действительное равноправие, охраняемое обществом. Однако откуда взяться такому демократизму и такому обществу? Они, в свою очередь, создаются людьми и требуют определенных человеческих свойств и склонностей, а не только «объективных предпосылок». Круг замыкается на личности.

Это, вероятно, самая сокровенная тайна постоктябрьской истории — судьба энтузиаста, сплетенная из подвигов и падений. Она и мартиролог, и список людей, окруженных по сей день загробными и прижиз-

ненными почестями. Частично этот человеческий тип выродился в чудака, одинокого искателя истины и справедливости, в подавляющей же своей части усреднился. Жизнь разделяла его по роду занятий и по месту во всей сложной, разветвленной системе руководства и подчинения. «Каждый сверчок знай свой шесток». Но именно потому, что каждый должен знать свой «шесток», он и неумолимо превращался в стороннего для других «сверчков» — и все выравнивались по отношению к отделенной от человека цели, которая, сужаясь кверху, воплотилась в конечном счете в Единственном. Энтузиазм рассредоточивался по ступеням этой персонификации, переставая, по сути, быть энтузиазмом — двуединством добровольности и бескорыстия. Разумеется, не в один год и день это совершилось. Были и откаты, и новые взлеты. Да и весь процесс, ведущий к тому, что отлилось в сталинизме, — асинхронен. Не забвение ли этого — одна из причин, в силу которой нам по сей день не дается понять, и не столько даже откуда взялась «дьяволиада», а почему не встретила достаточного и своевременного отпора, отчего так неприметно легко заполнила наше бытие?

И двуединство изначального энтузиазма не миновало подспудного переиначивания. В исходном пункте большевик-функционер и им движимая масса были ли неслитны, нераздельны. Дальше же — расщепление, которое касается и того и другой. Функционерство растет в номенклатуру, рядовой энтузиаст — в «знатного человека». Что это — расцвет индивидуальности уходящей от коллективного самоотождествления в революции? Частью так. Но в еще большей мере подспудно нарастающая и в конце концов всеохватывающая атомизация. Характерная деталь: автор «Броненосца «Потемкин», вернувшийся на родину после всемирного успеха и долгого заграничного вояжа, не принял нового советского кино. Отчего же? Оттого ли, что Сергей Эйзенштейн расходился с молодыми в эстетике кинематографа, в принципах монтажа? Вероятно. Но причина глубже: изменилась аудитория, меняя и обращавшегося к ней художника. Новое кино утверждало отдельно взятого однозначного человека в «отдельно взятой» однозначной стране. Героический пафос не исчез, но он становился все более направляемым в единственное русло, каким ставились вне истории другие человеческие русла, и сама отечественная история, которой в 1930-е годы вернули, казалось, права гражданства, не просто «национализировалась», она также делалась направляемо избирательной, «освобождаемой» от всего, что не нужно, что помеха обновленной державности, однозначной единственности.

Замечал ли эти превращения вокруг себя и в себе самом энтузиаст? Тиражируемый искусством, печатью, школьным и внешкольным воспитанием, вытесненный из «большой политики», он все более нуждался для своего сохранения и воспроизведения в материальных подпорках и административно-пропагандистских инъекциях. Именно нуждался, был заинтересован в них, заинтересован не из одних эгоистических соображений (хотя чем дальше, тем в большей мере из них), но также, и даже раньше всего, из интересов дела, которое иначе не могло делаться. Война поставила под вопрос законченность описанной метаморфо-

зы. Она сделала и необходимыми, и возможными действия вне регламентации и субординации «мирной» предвоенной жизни. Вне и вопреки им! Более того: в трагических испытаниях войны возродился — вместе с чувством личной ответственности за судьбы отечества — и личный взгляд, вернее, зародыш личного взгляда на то, каким ему, отечеству, надлежит стать уже сейчас и тем паче в будущем. Не этого ли так боялся Сталин, когда со свойственной ему пронизательностью во всем, что касалось потенциальных угроз его власти, принялся раскалывать поколение победителей и, подавив вспышку «личностного», загнал его в привычное русло догматического послушания и инициативы в исполнении?

Удивительно ли, что и смысл (смысл как таковой) стал у нас крамол из крамол как раз тогда, когда ход общечеловеческого развития уперся в потребность перемен, затрагивающих коренные начала всей прежней жизнедеятельности? Этот сюжет также ждет еще своей разработки. Были ли, в частности, памятные «дискуссии», проработки и разгромы конца сороковых — начала пятидесятых годов лишь новым проявлением безумного страха властителя, добравшегося и до сфер, далеких от политики, или то обстоятельство, что сами сферы эти стали внушать ему опасность, равносильную «покушениям» на его жизнь, свидетельствовало о том, что патологии власти не чуждо своего рода перевернутое опережение?!

Но там, где новейшая инквизиция вершит суд и расправу над жаждущим независимости и сеющих сомнение духом, там не на что и надеяться, кроме как на чудо... но там и нет места для «чудотворцев»: правило, подтверждаемое исключениями. Что может быть убедительнее и драматичнее в этом отношении, чем судьба Хрущева, особенно если к началу ее возвратиться от ее конца?

В течение одних суток человек, ареной деятельности которого был чуть ли не весь мир, превращается в пенсионера, чей кругозор ограничен забором персональной дачи. Никаких промежуточных ступеней, ибо их нет у нас, не существует вообще. Вчера еще каждое его слово тщательно изучалось дипломатами всех держав и комментировалось журналистами всех направлений. На другой день ему некому и, уже в силу одного этого, нечего сказать. Мемуары его, судя по дошедшим до нас отрывкам, представляют собой пестрое собрание экскурсов в прошлое, где существенное перемежается со случайным и мелким в еще большей степени, чем в его публичных выступлениях — с теми красочными вставками «от себя», которыми он обильно оснащал связывавший его натуру заготовленный текст. Лишенный власти, о чем он размышлял и способен ли был разглядеть горизонты времени, близ центра и в самом центре которого находился десятилетиями? Говорят, что в последние годы Хрущев много читал и, вкусив от настоящей литературы, открыл для себя, что это не только хороший отдых, но и нечто большее, и заключил из этого открытия, что его руководство отечественной словесностью было далеким от совершенства; в особенности же жалел, что поддался искушению или внушению учинить гражданскую казнь над Б. Л. Пастернаком.

Хрущевский «фольклор» изобилен. Приведу лишь один из отрывков его, поскольку он тоже касается отношения Хрущева-отставника к литературе. Томящийся от одиночества, столь болезненного для него, по сравнению с эйфорией его недавней деятельности, он искал и, выходя на прогулку, вступал в разговоры с отдыхающими в пансионате, расположенном недалеко от его дачи. Одна из случайных собеседниц рискнула навестить его и на дому. У них завязалась беседа о недавно прочитанном, в частности о произведениях, посвященных войне. Я записал тогда же, в пересказе, две любопытные реплики Хрущева. «Это все вранье, — сказал он, — я не читаю, вот Нина Петровна — та читает. Симонов лучше других, но и он врет». Вторая реплика в ответ на рассказ гостя, только что освоившей текст, где живописалась в деталях измена Власова: «А что мы знаем о Власове? Это темное дело». В подтверждение услышанного — фрагмент из воспоминаний Хрущева. Рука правщика не касалась этого текста, и запечатленная магнитофоном орфоэпия — примета подлинности: «...Сталин поднял вопрос вдруг, значит. Почему, говорит, да, вот Власов предателем стал? Я говорю: да теперь уже бесспорно, что предателем. А вот вы его хвалили, говорит. Вы хвалили его, вы его и выдвигали, значит. Я говорю: верно. Я его и выдвигал, назначил его командующим 37-й армии, и была ему поручена защита Киева, и он блестяще справился со своей задачей. И немцы Киева не взяли, значит. А Киев пал уже в результате окружения войск, и значительно восточнее Киева. Это и потом Власов, я говорю, вышел, значит. И я его действительно хвалил и вам. [...] Но потом, значит, я говорю: сколько раз вы его хвалили? Вы его награждали, я говорю, товарищ Сталин, за Московскую операцию. [...] Вы, я говорю, мне его предлагали, когда, значит, Сталингр... подбирали Сталинградский, командующего Сталинградским... Вы от меня требовали, чтобы я назвал командующего фронтом, но тут же говорили, что если бы вот или же Еременко, который в госпитале больной, или Власов... Я бы Власова, говорит, рекомендовал, он Власова бы назначил. Но Власова нет». Читатель! Надеюсь, смех, порожденный хрущевскими междометиями и словесным шлаком, застрянет в горле при чтении этих строк. Абсурд? Да, разумеется. Но и абсурд не простой, не от склерозированной памяти, переставляющей события местами. И не один абсурд, а два, дополняющих, догоняющих друг друга. Абсурд, воплощенный в Сталине, в этом абсолютном солипсизме, для которого все вокруг, все на белом свете — это то, что он принимает за действительное, принимает или уничтожает и, вычеркивая из жизни, возвращает вычеркнутых в свой сценарий, которым живет сам и жить которым принуждает других. Хрущев уже привык к этому, если к этому можно привыкнуть. Спустя без малого три десятилетия ему так же не хватает слов, как не хватало их тогда, в том странном и страшном «воландовом» разговоре. Он оправдывается — и он отстаивает себя, не боясь вернуть упрек упрекающему, не страшась сказать: «Я говорю, не раз говорил о его (Власова. — **М. Г.**) достоинствах, значит...» А мы с тобой, читатель, отважились ли бы на это заикание, на это «значит»?

Предоставим будущему неторопливому, взыскательному биографу

проверку достоверности этих и других признаний и свидетельств, слухов и легенд, окружающих деятеля, который, что бы ни говорилось о его манерах и стиле поведения, способах выражаться, как и способе действовать, был нестандартен и, оставаясь в пределах системы, раз за разом выпадал из той жестко регламентированной и в то же время все более умной официальности, которая представлялась неотъемлемой от «советского образа жизни», — и всем, что он делал (во благо и даже не во благо), нанес ей едва ли поправимый урон. Парадоксально, однако, что многие современники Хрущева не склонны чересчур высоко ценить этот итог. И еще в меньшей мере улавливают и принимают они связь между изменением обстоятельств собственной жизни и индивидуальной «мутацией» Хрущева. Напротив, как раз индивидуальность эта была и остается поводом к активной враждебности со стороны одних и к скептическому равнодушию других. Нечего говорить о тех сравнительно немногих, для кого деятельность Хрущева была бы неприемлема в любой форме и окраске, о тех, кто не может не жалеть о режиме, который приносил возможность командовать и насильничать во имя вящей государственной необходимости, просто по привычке и из шкурного рвения. Правда, никто не считал, сколько было Волковых и Русановых; возможно, произведи такой подсчет лет тридцать назад комиссии, составленные из людей, прошедших пыточные тюрьмы и каторжные лагеря, то изуверов неограниченной власти оказалось бы больше, чем представляется нам. Хочется думать, однако, что тип эсэсовца по призванию и вдохновению все-таки не укоренился в благоприятной атмосфере сталинского апогея. Этому как-никак мешали и нравственная традиция России, и традиция завоевания свободы, неотделимая от трех русских революций.

Можно возразить, конечно, что любая традиция, если ее не уберечь обновлением, угасает и может вовсе отмереть, тем более что многовековая история имперской, властвующей и бунтующей России создала и совсем иные, противоположные традиции, в свой черед влившиеся в русло, проложенное насилием самой революции (остающееся насилием со всеми атрибутами: психическими сдвигами и нравственными утратами даже в том случае, когда доказана его историческая неизбежность). Спор об истоках той и этой трагедии, столь же упорный, как и спор о средствах и силах для предотвращения новой, непохожей и вместе с тем родственной прежним, — по сути, один и тот же спор с несводимым воедино предметом. Я не собираюсь вторгаться походя в этот страстный спор, где каждая сторона слышит лишь себя, хотя я понимаю, что обойти его вовсе значило бы уклониться и от заявленной темы.

Не сбрасывая со счетов тех, у кого самое имя Хрущева вызывает скрежет зубовой, тех, у кого он вырвал сотни тысяч оставшихся живыми жертв, но не лишил «права» вторгаться в повседневную жизнь советских людей, калеча либо вовсе обрывая ее, — нам следовало бы убеждаться от соблазна отнести всех, кто так или иначе, полностью или частично, не приемлет наследства Хрущева, к разряду сталинистов. Прямодушным из них (прямодушным в кавычках и даже без оных) и впрямь

сдается, что у них едва ли не миллионы единомышленников, что с ними по крайней мере всякий, кому близко к шестидесяти или выше того. К этому бреду, однако, примешана явь. Что-то весьма земное заставляет немалое число людей, переживших страх и кровь, творить миф о добром старом времени. Но разве до конца свободны от этого и люди, мироощущение которых, казалось бы, исключает приверженность к любым мифам?

Лукавый, обряженный в правоверного марксиста, подсказывает им: так это ж яснее ясного — рассечь целое, о котором речь, на две неравные «половинки», из каких одна будет соответствовать историческому закону, неумолимо прокладывающему — сквозь всё и вся — путь к совершенному финалу, а другая, заведомо меньшая, будет как раз состоять из временных отклонений на этом пути, которые тоже естественны, поскольку также находятся во власти этого самого закона («читайте мудрого Гегеля!»). Такое философское рассечение могло бы умиротворить и даже воодушевить, если бы не особые свойства — кровь и могилы «отклонений», размер и стойкость того, что «по дороге» к финалу, — всего, что заставляет усомниться в самом законе и искать объяснения за его пределами. Может, Марксу, который как истинный ученик оспаривал учителя, и удалось бы написать другую дилогию — из «Классовой борьбы», но уже не во Франции, а в России, и из нами указанного «Восемнадцатого брюмера». Может, он поставил бы эпиграфом к такому исследованию-памфлету (или уже и исповеди?) собственные, оброненные некогда слова: «Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира». Однако небезынтересно, как бы прокомментировал он в середине либо в конце советских 1920-х эту свою мысль: признал бы химерой самую готовность поколения «завоевателей» уступить по доброй воле место непохожим на них наследникам и продолжателям или повторил бы свое пророчество, лишь отдалив сроки исполнения его?

...Сцена, правда, очистилась, но вот вопрос: для кого и в каком отношении к ним находится искомый новый мир? Впрочем, Сталин дал ответ на вопрос прежде, чем он возник; дал своим «Кратким курсом», призванным разъяснить и затвердить в качестве непреложного итога сопадение в одной временной точке кульминации измен социализму с кульминацией его завоеваний, принадлежащих народу. Поверит ли кто в эту «истину», кроме фанатиков и властителей, запутавшихся в староновых проблемах и ищущих заново козлов отпущения? Однако не выдумка, а действительный тяжкий для сознания факт — совпадение апогея убийств, жертвой которых стали в первую очередь «руководящие», но далеко не только они (особенно если отодвинуть границы времени и назад и вперед), — и все-таки совпадение: «внезапного» террора — с выходом наружу и вверх! — целого пласта вчера еще руководимых людей, вкусивших поздние плоды революции. Если же спуститься еще ниже и даже туда, где недавно бушевал смерч «сплошной коллективизации», то и там совпадение нескончаемого потока гибелей с гигантским

выбросом из полупатриархальной, еще и заново общинной деревни миллионов людей, заполнивших хотя и не сразу, но все-таки в небывало короткий срок все поры индустриальной, городской, политической и культурной жизни. Не самый ли это прихотливый и трагический из парадоксов нашей истории? Фактическая отмена Декрета о земле, уничтожение результатов аграрной революции, разграбление деревни закрепили на свой лад ее же, революции, социальный и психологический сдвиг, навсегда покончивший с делением на «белую» и «черную» кость, в том числе и в самой притягательной сфере: знания, образования, художественности, — сдвиг, который тогда, в двадцатые и тридцатые, потрясал самых достойных людей на земле и делал их поэтому равнодушными ко многим нашим бедам и страданиям. На стороне Сталина был результат, один из наиболее могущественных и безжалостных идов «прогрессивности человечества»; ведь результат — это не в последнюю очередь признание его «результатом» под действием ли пропагандных усилий или в результате самовнушения, себе заданной близорукости.

Жуткая вещь — метафизика «осознанной необходимости»! Ее следствие не один лишь революционный конформизм (да, да, есть и такой), но и производное от него бессилие перед непредвиденным, которое обрекает на поражение в одиночку, на гибель без следа и ответа. Разве не это случилось с целым поколением марксистов до- и послеоктябрьской поры? С юности уверовавшие, что пролетарская революция шагнет разом за порог «предыстории человечества», что действительности отныне надлежит совпасть с предначертаниями теории, с тем единственно возможным ее толкованием, по отношению к которому другие толкования не что иное, как ересь, как извращение; убежденные — и в этом они опять-таки были едины, — что любые напасти могут и будут преодолены волей «железных диктаторов рабочего класса», то есть суммой решений, правильных в данный момент, а если они оказываются неправильными в следующий, то всегда правильны в принципе, поскольку исходят из одного истинного источника, — что они могли противопоставить словам, которые произносили сами, когда эти же и им подобные слова вошли в лексику обвинительных актов и всенародных проклятий?! Сталинская мифология «совершенного государства» (С.: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества, совершенное общество, совершенное «государство» — это вещи, которые могут существовать только в фантазии». Так смотрели из прошлого в будущее те, кого называют классиками марксизма, в данном случае — Энгельс, которого нескрываяемо недолюбливал Сталин. Впрочем, может, приверженность к троице подталкивала его к устранению четвертого «лишнего»?) потому и взяла верх над диалектической словесностью действительных и мнимых его противников, что в глазах последних данная, от Октября идущая действительность была наперед больше, чем одно лишь из «мгновений» человеческого существования, чем один из отрезков прямой, проходящей сквозь всю человеческую историю. А усомнись они в той самой «прямой», что сквозь все эпохи и

судьбы, усомнись в природе этой прямизны, сложилась ли бы иначе их собственная судьба, их и наша?

Если поверить еще одной версии или легенде — о без малого трех сотнях или даже больше голосов, которые были поданы против Сталина на XVII партсъезде (и могли быть поданы в таком числе и в то время лишь в результате сговора всемогущих на местах, в областях, республиках первых секретарей), — поданы в момент коллективно устроенного всей иерархией апофеоза Сталина (маскировка? стремление подчеркнуть единственность политики, осуществлявшейся совместно?); если подумать, что съезд этот в соответствии с этой версией смог бы закончиться смещением Сталина, а не близкой гибелью всех без малого участников апофеоза, то нельзя спросить теперь уже не их, а себя: а дерзнули ли бы те, а способны ли были они, завтрашние мертвецы, действовать по-другому? Знали ли такой путь (вперед!)? Такой «возврат к ленинскому наследию», который после событий, равносильных геологической катастрофе, не был бы, уже не мог быть простым возвратом к мысли, превращенной, как и тело, в освященную мумию? И в сталинской ли редакции этого канона будущие беды и трупы или они в каноне как таковом, в «процедуре» его освящения?!

Оттого Сталин и преуспел на этом поприще, взяв верх над более искушенными и талантливыми. Оттого и удалось ему подменить Ленина саморазвития: движения к себе и от себя и снова к себе, другому, Ленина нэповской «парадигмы» и последнего выбора на пороге смерти, этого Ленина подменить иным, именно верным себе и однозначно систематизируемым. Систематизацией преемник-ненавистник и взял верх, втеснив ее в сознание графической твердостью контура, членением целого на равномерные и непротиворечивые составляющие, доступностью и... тиражами «Основ ленинизма», которые сыграли не меньшую, если не большую роль в эпопее самоутверждения (и самоуничтожения!) эпигонов Ленина, чем та роль, какую новобранцев партии в разгар революции сыграла напрочь забытая «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского.

Есть нечто символическое и надличное в этой подмене «коммунизма», рискнувшего начать и зовущего всех, к нему влекомых, — подмене его адаптированным «ленинизмом», сразившим врагов (и оппонентов!) и требующим преданности затверженному составу идей... Что же находилось в запаснике тех, кто спустя десятилетие решился бы заменить Сталина? Тот же канон? «Живой» опыт искоренения уклонов? Усилия сохранить остатки «коллективного руководства»? Но, может, и личное мужество, и еще — раскаяние в совместно содеянном? Если бы последнее, если бы оно — вслух, вслух!!

Правда, и новое знание, и решимость к самоперемене приходят, когда в них остро нуждаются. Правда, началам (ежели они начала) свойственно творить собственное продолжение. А в середине тридцатых еще был жив человек земли и процесс обезлюживания душ еще не достиг тогда своего края, как и выглаживание местных различий, национальных своеобразий. Одно лишь восстановление институтов советской власти, одна лишь отмена «исключительного положения», на кото-

ром находилась страна со времен коллективизации, одно лишь устранение препон свободному социалистическому слову — осуществи и то, и другое, и третье такие деятели, как Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак (при активном или даже только пассивном поначалу содействии остальных), — могло бы послужить если не возвратом без повторения, то хотя бы исходным пунктом к нему.

Могло бы или нет? Открытый вопрос. Открытый по сей день. Сталин опередил. И хотя вероломному действовать много проще, чем честно-му, кто объяснит вероломством целую эпоху?

2

Надобно быть человеком, а не флюгером.
Это — важная вещь, это, быть может,
важнейшая в истории.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Тем более не знал, тем более не помышлял о том, чтобы открыть или хотя бы приоткрыть дверь в другую эпоху, человек, которому суждено было это сделать спустя двадцать с лишним лет. Можно, правда, сказать, и не без основания, что не Хрущев открыл эпоху, а она нашла его и подтолкнула, прошептав на ухо: смелей, смелей, теперь уже другое время, теперь получится!

В истории — как на войне: погибнуть можно и от недолета, и от перелета. Разница лишь в том, что на войне лучше не размышлять об исходе; история же настраивает на противоположный взгляд — она сурово обходится и с неспособным думать о последствиях, и не желающим рисковать. Ее недолеты и перелеты к тому же не вычислишь заранее. И всегда останется предметом ретроспективного спора, все ли из наличных и будто наличных возможностей перешло в действительность или там, позади, в остатке, нечто весомое, нужное (и даже самое нужное!), что еще ждет своих открывателей и воплоателей?! Наконец, и сам спор входит внутрь «эпохи», продлевая ее либо обрывая...

Смерть Сталина как будто за пределами такого спора. Внезапность этого события, как и последовавших за ним — вплоть до XX съезда, могла бы служить едва ли не самым сокрушительным опровержением преданности в делах исторических. Конечно, взгляд назад способен усмотреть в последних годах сталинского владычества если не приметы назревавшей катастрофы, то, во всяком случае, такую степень вырождения и обесмысливания власти, какая не могла не привести к саморазрушению. Но какой ценой досталось бы это саморазрушение нашей стране и человечеству? Так или иначе, серьезность намерений Сталина упростить поддающийся упрощению послевоенный мир и увековечить свое господство над всем «лагерем социализма» с помощью новых судорог вряд ли может быть поставлена под сомнение. Правда, Сталин умел и отступать, но до какого предела?

Своим наследством он не успел распорядиться. Да и пришло ли бы это в голову человеку, равно страшившемуся смерти и убедившему

себя, что его-то она обойдет? Его сподвижники, представляющие собой лишь наиболее высоких по положению, но также обреченных на исполнение аппаратчиков, внезапно оказались вынужденными сами решать, решать все. Можно было, конечно, просто влачиться в прежней колее, следуя заведенному порядку, но ничего не менять было невозможно. На руках осталось «дело врачей» и лишь едва зашпаклеванные с помощью антиюгославских и антисемитских процессов трещины в социалистическом лагере, явно назревший раскол в коммунистическом движении, которому — после политических и духовных перемен, рожденных Соппротивлением, и после тяжелых испытаний, выпавших на долю антифашистского единства в первые же послевоенные годы, — грозила в начале 1950-х новая и, не исключено, окончательная изоляция внутри воскресающей Европы. К этому следует добавить открытый (и неизбежный) кризис в отношениях с Китаем Мао. О том, что делалось в глубинах собственной страны, вероятно, ведал лучше других в силу своего положения Берия. Весьма возможно, что он был единственным, кто не только радовался смерти Сталина, но и имел план действий на этот случай. Для других же именно Берия, активно и поспешно действующий Берия, был наследством, от которого следовало раньше всего освободиться.

Шли ли помыслы Хрущева дальше этой ближайшей цели, сказать трудно. Во всяком случае, он не побоялся взяться за ее осуществление. Взявшись же, оказался вынужденным делать один шаг за другим. И будем справедливы, не только вынуждался к этому «извне», что бесспорно, но каждый следующий шаг делал со все большим азартом и с уверенностью, которые приходят в настоящем бою. И тут открылась маленькая тайна сталинской иерархии: в ее среде удивительным образом сохранилось подобие человека. Может быть, то, что Хрущев сохранился во время прошлых «чисток» и как будто не намечался в новые жертвы во время явно подготавливаемой Хозяином и уже в чем-то близкой к осуществлению перетасовки в верхах, было причудой Сталина: он любил соединять несоединимое, а как иезуит властвования нуждался в том, чтобы в его окружении постоянно клубились интриги и конфликты, питаемые предчувствием разности в судьбах.

На первый взгляд Хрущев мало отличался от других соратников. Как и другие, и в меру занимаемого им положения, он был во многом повинен, в том числе, и прежде всего, в человеческих жертвах (Сталин зорко следил, чтобы никто из его окружения не уклонялся от законов круговой поруки и связанности сообщаемым). А то, что отличало Хрущева, до 1953 года, могло бы даже рассматриваться как недостатки его по сравнению с другими, более высокопоставленными членами иерархии. Он не был теоретиком и даже не в состоянии был казаться им. В качестве первого секретаря ЦК Украины он, правда, подписывал дежурные статьи о сталинской дружбе народов, но ни малейших новшеств себе не позволял по сравнению, например, с Берией (имеется в виду статья Л. П. Берии «Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма», опубликованная в день 70-летия Сталина (1949); особое внимание привлек тогда раздел, посвященный национальному вопросу, он

слыл творческой новинкой). Хотя Хрущев был хитер и искушен в правилах аппаратной игры, эта хитрость все же не убила в нем непосредственности, которая не принадлежала к числу качеств, позволявших подняться на самый верх. Хрущев был, безусловно, смелым человеком, но и это качество казалось избыточным в политике, пока не пришел его, хрущевский, час.

...Карьера Никиты Хрущева развернулась сравнительно поздно. Его место в номенклатуре находилось где-то между деятелями, поднявшимися накануне революции или в начале ее и достигшими достаточно высоких постов во время «войны диадохов» после ухода Ленина, и совсем новыми людьми, возвращенными в тиши сталинских аппаратов, а то и взлетевшими наверх в одночасье 1937-го. Это его срединное положение многое объясняет. Родословная большевизма если и не была ему вовсе не известна, однако и не сливалась полностью с его собственной биографией, потеснив, но не вытеснив до конца ее «беспартийные» страницы и воспоминания. Вместе с тем он успел пригубить от романтики первых постреволюционных, военно-коммунистических лет. И его позднейшая ностальгия по общезитиям вряд ли была только словесным утешением его градостроительных прожектов. Различие между ним и остальными из ближних бояр состояло в том, что он — и не только в силу занимаемых постов (в Москве и Киеве), и по самому складу — принадлежал к категории массовиков. Таковых к началу 1950-х годов осталось слишком много среди партийных деятелей высокого ранга, но их было немало в толще низовых кадров, и им Хрущев всем своим обликом был ближе, чем вельможи-холопы старого закала и типичные карьеристы третьего призыва.

Сказанное выше, разумеется, далеко не портрет Хрущева. Для портрета нужно неизмеримо более близкое знакомство с натурой. Но спросим: добавит ли оно что-то принципиально новое, нечто особое и исключительное в его человеческие свойства, что способно было бы само по себе разъяснить ту роль, какую ему довелось сыграть после 5 марта 1953 года? Я сомневаюсь в том. Остается если не загадкой, то, во всяком случае, темой для философско-исторического размышления: почему при данных обстоятельствах простота или даже простоватость (либо то и другое в прихотливом сочетании) сумели стать детонатором событий, которые отнюдь не обязательно должны были получить такой именно разгон и тем более такой масштаб?

Началось же, как известно, с того, что Хрущев бросил вызов Берии. Вероятно, он хотел поначалу немного — отвести опасность от самого себя и себе подобных. Но становится ли меньше подвиг солдата, который на поле боя спасает свою жизнь, поворачиваясь при этом к противнику не спиной, а лицом? Тут же, на кремлевском поле боя, в считанные месяцы после смерти Сталина, было не до диспозиций. Сторонники вербовались на ходу и далеко не по идейным признакам, само же действие способно расположить нас к себе лишь результатом. Поучительно бы сегодня перечесть обвинительное заключение против Берии — документ, в котором крохи кошмарной правды соседствовали с очевидной напраслиной: в разряд преступлений, например, была за-

числена попытка посредством контакта с Ранковичем замирииться с Югославией; что уж говорить о таких пикантных подробностях, как вменявшееся в вину Берии покровительство «англофилу» Майскому, находившемуся тогда в заточении.

Впрочем, стоит ли удивляться: ведь спустя несколько месяцев давнишнему союзнику и пленнику Берии — Георгию Маленкову, сыгравшему немаловажную роль в коллективном самоосвобождении от него, будут инкриминировать уже не наспех изготовленный букет разоблачений, а нечто по-своему цельное и этой цельностью характеризующее господствующее умонастроение в нестройном высшем эшелоне тогдашней власти. В вину Маленкову вменялся не столько былой комплот с Берией, сколько идейное и политическое отступничество в считанные месяцы его (Маленкова) премьерства: тут и стремление развивать группу «Б» в ущерб группе «А», и демагогические уступки крестьянству, и, наконец, или раньше всего, антимарксистский тезис о том, что в атомной войне не будет победителей. Многим ли в таком случае отличался Хрущев от своих обезвреженных врагов и соперников, да и в лучшую ли сторону, если взять в расчет и конечный результат его деятельности? Этот вопрос неприятен, но законен. Можно (в ответ) указать на то, что в первую послесталинскую пору Хрущев не мог действовать один, а, стало быть, должен был, дабы добиться успеха и просто не погибнуть, сформировывать свои шаги с образом мыслей и намерениями других участников. Надо бы добавить, что он сам еще тогда не созрел до исторического Хрущева, а когда созрел, то стал быстро терять самого себя.

В этой добавке суть, и у этой сути есть хотя и сравнительно скоротечное, но свое развитие, а у развития — своя исходная фаза. Если не с самых первых шагов, то уже, во всяком случае, в разгар борьбы, начальным эпизодом которой явилось уничтожение Берии, Хрущев стал добиваться освобождения еще живых политических узников и восстановления доброго имени погубленных — почти всех (на всех, включая имена, которые поколениями зазубривались в качестве губителей революции и социализма, Хрущева не хватило ни тогда, ни позже).

Спустя годы «реабилитация» видится почти самоочевидной. Последующие события отодвинули ее — и эта акция, беспрецедентная в рамках всей советской истории, в глазах многих ограничена лишь переменами в судьбе людей, большинство из которых уже ушло, теперь навсегда. Между тем речь шла о завтрашнем дне всех, хотя, быть может, так это воспринималось скорее противниками задуманной меры, чем ее автором. Собирался ли вначале Хрущев лишь ответить ударом на удар все тому же Берии, который, возглавив вновь органы безопасности, начал с демонстративного и весьма эффектного прекращения «дела врачей» — последнего из преступлений Сталина? Не располагая необходимыми документами, не станем руководствоваться поздними заявлениями и воспоминаниями самого Хрущева, рассчитанными на публику. Попробуем рассмотреть факты, доступные нам.

У «дела врачей» были конкретные виновники: конечно же, Рюмин был не единственным, как у «ленинградского дела» не был единственным виновником Абакумов. Ответственность же за все бесчисленные

жертвы десятилетий сталинского террора нельзя было взыскать на одного-двух-трех или даже на много большее число непосредственных осуществителей; за это «наверху» отвечали без исключения все (не исключая и многих погибших) — все, ставившие свои подписи на списках обреченных, все, произносившие речи — призывы к расправе. Немедленная и поголовная реабилитация означала открытое признание этой общей ответственности. Она не могла обойти, разумеется, Сталина, а назвать его вслух и связать его имя с убийствами без причины и повода означало не только свергнуть кумира. Это значило также рассекретить систему, обнажив ее сокровенные механизмы, из которых механизм тайны был не менее основополагающим, чем механизм страха. Поэтому лидерам, только что успевшим распределить между собой ключевые посты, любые шаги Хрущева в этом направлении должны были казаться опасным сумасбродством.

В сложившихся условиях добиться своего можно было, лишь овладев всей властью. Нам могут сказать: а не наоборот ли было? Не было ли действительной целью овладение всей властью, а реабилитация только решительным средством, чтобы это сделать? Пусть так. И в этом случае правота на стороне Хрущева. Допустим даже, что Хрущев поначалу хотел лишь освободить тех, кого помнил, кому когда-то был обязан. Но железные соратники Сталина не дали бы ему сделать и этого, во всяком случае открыто.

Чтобы освободить немногих, надо было освободить всех. Чтобы освободить всех, надо было действовать напролом.

Восстановить законность можно было только вопреки юридическим нормам и процедурам — «просто» открыв ворота лагерей. (Конечно, решения, принимаемые в Кремле, диктовались не только расстановкой сил внутри правящей группы. Когда будет воссоздана во всей полноте картина тех месяцев и лет, яснее станет и связь между хрущевским поворотом и подземными толчками, исходившими из преисподней Сталина: нарастающим сопротивлением в лагерях, которое достигло своего пика в трагически упорном и вероломно раздавленном Кенгирском восстании (лето 1954 года). Могло ли это остаться без последствий?). То, что сделал Хрущев, было уже не очередным или даже не внеочередным дворцовым переворотом, а революцией, хотя и облеченной в привычную — верхушечную, распорядительную — форму. Впрочем, привычную весьма условно, если вспомнить, что «секретный» доклад на XX съезде оглашался на беспартийных собраниях — от гигантских заводов до домоуправлений — и тут же был переброшен за границу, сделан достоянием всего, в том числе «враждебного», мира.

Многое и даже решающее в действиях Хрущева было вызвано упрямым и жестким противодействием таких полусоюзников-полупротивников, каким являлся вначале (до казни Берии и свержения Маленкова с премьерского поста) кремлевский старожил Молотов. Кто ныне осмелится сказать доброе слово о Молотове, а между тем и он не был ничто лишен желания отступить от безумия сталинского финала. Вернувшись в дом на Смоленской площади, он стал осторожно приоткрывать

дверь в Мир. Не исключено, что он без колебания согласился с антибериевским замыслом. И также не исключено, что избирательная, закрытая, постепенная реабилитация не противоречила его намерениям. Впрочем, выяснение индивидуальных оттенков в замкнутой групповой политике требует особых, «интимных» источников. Но кое-что просочилось. Сам Хрущев обожал детали, а стенограммы пленумов ЦК, по крайней мере в первые послесталинские годы, зачитывались вслух в избранных парторганизациях. Из них-то мы знаем, что Хрущев вначале держался близко к Молотову, и вряд ли только из антибериевских расчетов. Маленков выговаривал ему: что вы все смотрите в рот этому старику? Речь шла в данном случае о берлинских событиях 1953 года после расправы с демонстрантами, и с целью предотвращения повторов Берия и Маленков внесли в Президиум ЦК проект решения, которым осуждался курс на строительство социализма в ГДР(!). Молотов, естественно, не возражал против того, что будущее Восточной Германии решается строчкой московской резолюции, — он внес единственную поправку, предлагая осудить лишь форсированное строительство социализма. Большинство, включая Хрущева, приняло его сторону.

Однако вскоре расстановка сил изменилась. Хрущев с каждым днем чувствовал себя все уверенней. Молотову же и присным просто не могло прийти в голову, что столь обязанный им первый секретарь осмелится предъявить заявку на полноту власти. Но у этого просчета был и более широкий фон. Молотов считал себя теоретиком и выглядел таковым в глазах других. Ему, конечно же, претила самодельная семантика Хрущева, и хотя он сам произносил в те смутные времена речи, в которых попадались фразы вроде *наука старше марксизма*, помыслить о приведении ортодоксальной веры в соответствие со всеми опытами и уроками, в числе которых миллионы жертв, было бы сверх всяких его сил и возможностей. Отказ от публичной ответственности, таким образом, не только поощрялся великой буквой, но и служил своего рода доказательством преданности ей. Парадокс это или, напротив, жестокий закон: в эпохи кризисов догматизм не только перестает быть доброкачественной опухолью, но и со сказочной быстротой перерастает в канцер. Презренная же эклектика, если в упряжке с ней физическая смелость и толика человечности, может, оказывается, принести не только добро, но и свет.

Если схватка с деятелем, которому он еще вчера «смотрел в рот», не была для Хрущева полной неожиданностью, то менее всего он был готов к переносу ее на почву догмата. В том, что касалось «буквы», он, мало сказать, не был силен. Он был верен ей всей душой (и, надо думать, не из одних лишь практических соображений двинул в ход список обвинений, предъявленный Маленкову). Теперь пришла его очередь.

На обвинения в расшатывании основ Хрущеву следовало ответить чем-то утвердительным. Впрочем, к этому в не меньшей степени обязывала его и искомая и тем паче завоеванная полнота власти. Оглядываясь назад, мы вправе сказать, что по крайней мере дважды — сразу после XX съезда и особенно сразу после XXII — Хрущев мог сделать все. Действительно мог или это только мнится нам задним числом?

Ответить и на этот вопрос непросто. Ведь, даже обретя монополию решений, Хрущев не сделался самодержцем (где такие сейчас, разве что в джунглях). Его ограничивало прежде всего окружение, оставленное Сталиным, а затем и созданное им самим. До известной, но не слишком большой степени его ограничивали и наличные ресурсы. Гораздо сильнее, хотя, быть может, и не столь заметно, сдерживали и мифы, и реалии коммунистического единства (с Китаем ли, как во времена венгерских событий, или против Китая, но в любом случае все-таки не в одиночку). Однако самые сильные ограничители разместились внутри него самого, причем не в качестве даже специальных стоп-кранов, не в виде сомнений, а, напротив, в оболочке непререкаемых истин и почти безусловных рефлексов.

В тот момент, когда Хрущев овладел властью, овладел в результате разоблачения Сталина и противопоставления ему, перед ним — по самой сути вещей — возникла проблема: как уберечь обретенную власть, сохранив вместе с тем первоначальный пафос своей деятельности? Проблема эта, как обнаружил последующий ход событий, была неразрешимой — и для него ли только? Она, собственно, еще не выросла до проблемы, а постольку не могла и перекочевать с «проблемного» поля в сферу задач, поддающихся распределению во времени, — с прикидкой последовательности отдельных действий и их предварительным взвешиванием. Всякая попытка одолеть сталинское наследство при помощи этого же наследства, главным в котором оставались бесконтрольность и «идеальность» властвования, должна была либо вернуть вспять и нового лидера, и страну, либо завести его и ее в тупик. Однако, как это ни странно на первый взгляд, именно сочетание этих несовместимых начал и открыло эпоху, ныне связанную с именем Хрущева. Именно оно и позволило, отчасти благодаря собственной его воле, а отчасти и помимо нее, в конце же концов даже против его действий и воли, совершиться разительным переменам: не только в политике и даже не столько в политике, сколько в психологическом климате нашей страны, а благодаря ее месту в мире — и мира.

Это последнее утверждение может показаться спорным. Оно действительно спорно в свете ближних итогов, а о дальних, каких еще нет, говорить ли историку? С поправкой на это позволю себе высказать лишь некоторые соображения.

Деятельность Хрущева начиная с 1956 года была чересполосицей разных стимулов, менявшихся местами причин и следствий. Многое диктовалось обстановкой, потоком событий, телеграмм, входящих бумаг. Немало перешло в наследство от программы Берии — Маленкова, которую легко было осудить, но непросто отбросить. Сомнительно, правда, чтобы вопрос стоял именно так: что «оставить», а что «отбросить». Здесь нам кроме догадок особенно бы нужны документальные свидетельства. Мы не знаем, например, когда и как совершился переход от югославской инвективы в адрес Берии к собственным хрущевским примирительным шагам, в свою очередь, сделавшим неизбежным открытый разрыв с Молотовым. (Перечень подобных вопросов мог бы быть, разумеется, продлен, — в конечном счете он охватил бы подо-

плеку без малого всех событий того времени. Ужаснуло ли бы нас такое узнавание или, наоборот, приободрило картиной упущенных и возобновимых возможностей?)

Во всяком случае, мы обладаем достаточным правом предполагать, что Хрущеву было чуждо полицейское государство благоденствия, какое для Берии (и Маленкова?) являлось единственно возможной заменой сталинскому тоталитаризму, точнее, сохранением тоталитаризма без Сталина и даже с отлучением его. Сделав же следующий шаг, начав расшатывать самую систему, притом в наиболее незыблемом ее пункте, воспреещающем сострадание к человеку, Хрущев оказался перед дилеммой: поставить во главу угла человека же — с его утраченной, но не исчезнувшей вовсе потребностью (жаждой!) распорядиться собственной жизнью и судьбой или же сделать «руководством к действию» унаследованный комплекс могущества с его жесткими правилами, диктующими каждому народу и каждому человеку место и границы дозволенного, и с его иллюзиями, позволяющими миллионам находить смысл и даже счастье в несвободе?! Почти все прошлое Хрущева тянуло его ко второму из мыслимых решений. Но все-таки не все прошлое, поскольку существовал феномен реабилитации, звавший к продолжению, но уж за пределами сталинских лагерей, и поскольку вместе с обретенной властью Хрущев сам впервые почувствовал себя свободным человеком. Вскоре выяснилось, что он был едва ли не единственным («при Хрущеве»), кто располагал свободой, и уже одно это делало сомнительной и недолговременной его собственную свободу. Но пока он пользовался ею всласть.

Человек, каждый шаг которого находился под надзором пекущейся о его безопасности охраны, открыл для себя целый мир. Его заграничные вояжи далеко не всегда диктовались политической нуждой, но и в этом последнем случае он явно нарушил традицию: бронированные поездки Сталина в Тегеран и Потсдам наперед исключали общение с кем-либо, кроме жрецов высшей власти. Хрущев же рвался ездить и смотреть. Он не скрывал удовольствия от своих путешествий по Европе, Азии и Америке. Он не просто раскланивался и произносил подобающие случаю речи, он еще и искренне поражался: древностям Индии, равномерному благоденствию Франции, масштабам американской предприимчивости. Он сделал открытие, капитально важное для нашего общества, — признал непохожесть нормальным состоянием, притом сделал это опять-таки в форме, наиболее отвечавшей его натуре.

Поистине символична стычка его с Молотовым, комическая окраска которой лишь заостряет значительность смысла. Посетив Финляндию, Хрущев позволил себе воспользоваться баней, и — о ужас! — вместе с премьером Кекконеном. Кроме вежливости (приглашен ведь был) тут, несомненно, сработала и хрущевская любознательность вкуче с постоянной прикидкой мастерового человека, что бы там, у других, позаниматься, будь то та же финская сауна или секрет оконных рам (посещению Хельсинки мы обязаны в числе прочего упразднением форточек во всесоюзных Черемушках). Но одно дело — державные забавы в жанре Петра Великого и совсем другое — столь легкомысленно нанести

«урон» советскому первородству. Мог ли простить это без осуждения непроницаемый и скучный Молотов?

Когда я вспомнил этот эпизод, фигурировавший в баталиях одного из тогдашних пленумов, на память невольно пришла совершенно другая сцена. Дело было в конце мая 1942 года. Молотов находился с визитом в Соединенных Штатах. Поездка была сугубой важности, заинтересованность в Рузвельте — максимальная. Кроме деловых разговоров устраивались, само собою, обеды и завтраки. На одном из них Рузвельт поинтересовался впечатлением, какое на Молотова произвел Гитлер, — из всех присутствующих советский наркоминдел был последним по времени, кто общался с фюрером. Сэмюэл Кросс, профессор славянских языков в Гарвардском университете, служивший переводчиком президента, записал: «Молотов подумал минуту и затем сказал, что в конце концов договориться можно почти со всеми». Он добавил также, что ему ни разу не пришлось иметь дело с более неприятными людьми, чем Гитлер и Риббентроп. Биограф Молотова мог бы расценить его ответ как образец дипломатического совершенства, особенно если учесть, сколь деликатен был сам сюжет (Берлин, осень 1940-го, советско-нацистский альянс, утряска территориальных вождедений, прерванные там и возобновленные затем в Москве и длившиеся многие месяцы переговоры о разделе мира, об условиях присоединения СССР к «антикоминтерновскому пакту»). Однако Рузвельт, похоже, ни на что подобное не намекал. Вероятно, он хотел понять нечто, что могло бы быть принято во внимание как психологический фактор при глобальных политических и военных решениях. Скорей же всего его занимал — сам по себе — вульгарный антихрист, которому удалось невесть каким образом поставить человечество на грань самой страшной из исторических катастроф. Он спрашивал о том человеке (каков бы он ни был) у человека же и не вполне сознавал, что такая плоскость общения наперед исключена для деятеля, к кому он обратился с этим вопросом.

Описавший позднее этот случай Р. Шервуд, автор замечательной книги «Рузвельт и Гопкинс», замечает: «...Рузвельта вовсе не пугала новая и необычная для него проблема в области человеческих отношений, какую представлял собой Молотов. Напротив, это было для него вызовом, заставившим Рузвельта не щадить усилий, чтобы найти общую почву, которая, как он не сомневался, должна существовать». Молотов тоже искал общую почву и тоже, надо полагать, не жалел сил для этого. Но являл ли Рузвельт для него «проблему в области человеческих отношений»?.. Согласиться с этим было бы равносильно тому, чтобы признать, что для Молотова, как и для его патрона, антигитлеровская коалиция представлялась непредуказанной попыткой преобразования характера всей человеческой истории, а не только известного рода необходимости, наподобие неудавшегося или только частично удавшегося сговора с Гитлером. Правда, в 1942 году об этой частичной удаче, резко продвинувшей границы СССР на Запад, говорить не приходилось: шла война не на жизнь, а на смерть, и от исхода ее зависела и возможность вернуть доставшееся без «своей» крови в 1939-м и 1940-м;

путь к возврату лежал через победу, для которой требовался теперь совсем иной союз.

Чему удивляться больше: тому, что Сталин, едва вышедший из страсти памятных июньских дней, оказался готовым к коалиции с ненавидимыми западными демократиями, или тому, что Черчилль, не теряя ни минуты, первым протянул руку России, которая еще вчера наполняла своей нефтью баки немецких бомбардировщиков, бравших курс на Лондон и Ковентри?! Английский премьер не страдал отсутствием честолюбия. Британская империя и «я» являлись для него едва ли не синонимами, но вряд ли он подписал Атлантическую хартию лишь оттого, что к этому вынуждало его партнерство с Рузвельтом. В сталинском же «я» свежая страсть миродержавия и исконное презрение к людям сплетались с приспособленным к себе марксизмом, который и в исходной, и в ленинских версиях не мыслил полноты осуществления цели иначе как в масштабах мира. На это нетрудно возразить: между Лениным и Сталиным — пропасть, на дне которой превеликое множество трупов. Пропасть — да. Но все-таки особенная, с мостками, которыми пользовались так или иначе все из выживших единоверцев. Немаловажное, сугубо немаловажное так или иначе, но дотягивает ли оно даже в лучшем случае до отклонения императива борьбы «двух миров — двух систем»?

Этот вопрос может показаться наивным лишь задним числом, да и сегодня он не реликт. Помудрев по части форм борьбы с мировым капитализмом за всемирный социализм, переступили ли разноречивые коммунисты (по крайней мере в то время, о котором наш рассказ) рубеж ее сущности? Бесспорно, они уходили от сталинского переименования того исконного, легендарного образа-зова — разрушить до основания «весь мир насилья», от переворачивания его в образ-приказ — уничтожить все, что не мы, что не наше, — от этого уходили, но к чему шли, уходя? К новой ясности или сначала к новой неясности, проясняемой и запутываемой тактикой, злобой дня, схватками с противниками «справа» и «слева»? Казалось, и выученный войною Сталин отрекся от былого «социал-фашизма» и т. п., осознав если не ценность, то силу «буржуазной демократии». Не станем обманываться. Уходили одни слова, приходили другие. Место прежних перевертышей занимали другие. Неизменным оставалось одно: мир — это поприще, а раз так, то могут ли быть (внутри самого себя) другие барьеры, чем соотношение сил в данный момент, чем искусство использования его в своих интересах?! К тому же Сталин обожал игру в близость с любым, в ком нуждался, и до той поры, пока в нем нуждался, был виртуозом этой игры и уже по тому одному роль эту не собирался перепоручать даже самым доверенным из тех, кто рядом; в лучшем случае им позволялось подыгрывать.

Хрущев заведомо не входил в их число. В делах внешних он был к 5 марта совершенным профаном. Легко допустить, что закордонный мир представлялся ему поначалу чем-то вроде ушестеренного своего, только с тем отличием, что тамошние «секретари обкомов» иначе одеваются и по-другому говорят. «Мы считали, — выразился он как-то в

1955 году, — что это очень сложно — заниматься дипломатией, а оказалось, что совсем просто». Переменил ли он впоследствии свой взгляд? Вероятно, переменил, но не столь радикально, как это диктовалось обстоятельствами. Не так легко переходить от изъяснений с «домашними» секретарями к разговору, регулируемому протоколом, но еще труднее согласовывать «марксистско-ленинский» словарь с общением в финской бане: человеку как-то неудобно видеть в другом голом человеке всего лишь персонификацию навсегда чуждого мира...

Если вдуматься поглубже, речь идет о самой краеугольной проблеме конца XX века. Эту проблему можно сформулировать по-разному, с разной степенью неточности, поскольку она не поддается строгому определению. Говорят ли о «существовании» или о «конвергенции», вызывают ли к нравственности либо к реализму в международных делах, по сути, имеют в виду (конечно, когда не притворяются, не словоблудят) невозможность достижения даже скромных, но все же продвигающих вперед результатов без установки на максимум — на избавление человечества от совокупной геополитики с ее неизбежным от века составом подходов и приемов. Слов нет, такое негативное определение выглядит и недостаточным, и непрактичным. В самом деле, допустимо ли решить сначала, «чего делать нельзя», не выяснив предварительно, что именно и как именно надо и можно делать? Поскольку же последний вопрос заранее предусматривает в корне отличные ответы (сколько миров, столько и ответов), то не безрассудно ли пытаться найти всеобщее «чего не делать»?! Кажется, что выхода из этого нет, если не считать выходом вселенское самоубийство. Но при более пристальном рассмотрении выход все-таки обнаруживается — и как раз в той самой «проблеме из области человеческих отношений», которую, по мысли Шервуда, пытался некогда решить для себя Франклин Рузвельт. В частных случаях он, по всему видно, достигал поставленной им задачи, в более широком смысле также обречен был на неуспех.

Время узнавания человека — в иных, в других (во всех иных или во всех других!) — не пришло тогда ни для кого из власть имущих. Ибо преградами на этом пути служат не одни только профит и амбиции, милитаристский зуд и рвение доктринеров, но и преждевременность, и беспрецедентность замещения прежних социальных и национальных стимулов международной политики вовсе новыми — непосредственно исходящими от человека и ориентированными прямо на человечество. Нет эпохи, когда эта надежда (и иллюзия) представлялась бы насущней, чем в эпоху, ведущую свой отсчет от 1945, 1953, 1968 годов. И кажется, нет эпохи, когда она таила бы большие опасности. Человек «вообще», бросающий вызов политике «вообще», обречен сегодня либо на отшельничество, или даже на гибель в одиночку, либо на то, чтобы поджечь незначай бикфордов шнур.

Правда, люди издавна научились запрягать телегу впереди лошади, неизведанным образом опознавая еще не открытую ими цель. Теперь, однако, стало рискованно открывать цель неиспытанным способом. Вот отчего столь злободневен ныне «наивный» вопрос-критерий: давно ли (и кому первому?) отказаться от себя вчерашнего во имя Завтра, кото-

рому уже не быть (никогда!) только своим?! Держась этого критерия, надо бы заново рассмотреть все аспекты внешнеполитической деятельности Хрущева, не ограничивая себя лишь рамками «его» десятилетия, ибо узлы, завязанные тогда, стали развязываться позже или, напротив, еще крепче затягиваться в уже изменившихся условиях и при других персонажах.

Сам Хрущев унаследовал от Сталина не только границы и застойные конфликты, но и неуходящие замыслы и средства, способные решающим образом влиять на ход мировых дел. Сталин, к счастью, не дожил ни до «своей» водородной бомбы, ни до первого спутника, начавшего космическую одиссею. Он не дожил и до критических рубежей в самораспаде колониальных империй, и до появления острова Свободы в считанных милях от США. Его преемнику фортуна явно благоприятствовала. Она избавила его от ограничений, которые накладывала на внешнюю политику СССР американская атомная монополия, тем самым открыв возможность активизации этой политики в направлении, противоположном сталинскому. Игре в опасность он мог отныне противопоставить добрую волю силы. Мы вправе сказать, что разрядка появилась на свет именно тогда, когда она только и могла появиться.

Но за первыми ее шагами (и как результат их) вставал вопрос: прологом к чему явится — и не только в ближнем, но и в конечном счете — сама разрядка? Задавался ли этим вопросом Хрущев? Едва ли.

Если в качестве путешественника он позволял себе открыто восхищаться и удивляться, а в роли премьера не очень считался с дипломатическим ритуалом (своими экстравагантными выходками повергая одних в удивление, а других даже восхищая, особенно в Штатах, где политическая экзотика котируется выше, чем в странах Старого Света), то от главы державы, только что обретшей средства, способные уничтожить жизнь на Земле, требовалось большее. Много большее. Формально говоря, Хрущев располагал программой внешней политики. Достаточно перечесть для этого его доклад на XXII съезде КПСС (1961), задержавшись на разделе «Коммунизм и прогресс человечества». Перед «лицом всего человечества» он заявлял именем партии, что «она видит главную цель своей внешней политики в том, чтобы не только предотвратить мировую войну, но и навсегда исключить уже при жизни нашего поколения войны из жизни общества». Впрочем, это мог сказать, только менее категорично и менее патетично, и Сталин (что он и сделал на XIX съезде). Что уж говорить о последующем, спустя несколько абзацев, и столь же клятвенном заявлении Хрущева: «Если империалисты бросят нам военный вызов, мы не только без колебания примем его, но и со всей присущей коммунистам беззаветной отвагой и мужеством обрушим на врага удар всесокрушающей силы!» Тут, кажется, нет нужды делать и поправку на стилистику — перед нами предвоенный Сталин. Ему ли по инерции вторил Хрущев или припомнил казус Маленкова, его «кощунственную», «пораженческую» фразу, уравнявшую судьбы капитализма и социализма в ситуации «удар на удар»? Нет, полагаю. Это было для него уже позади. Теперь — всевластный — он мыслил коммунизмом при собственной жизни и этой меркой мерил

все привходящее и противостоящее. К тому же то, что он торжественно провозглашал, вся эта смесь несовпадающих и несовместимых лохмотьев догмы и «собственных» его новаций была в его глазах писаниной, которую он охотно зачитывал, в делах же склоняясь к тем импровизациям, какие и раньше составляли его натуру, а теперь получили поистине безграничный простор с тем только отличием, что во внешних сношениях он был не сам-один и существование других действующих лиц и сил не могло не накладывать печать на принимаемые им и им же переиначиваемые решения. Понятно, что для последовательности тут так же не оставалось места, как и в «программных» текстах. Так же, но все-таки на другой лад.

Абстрактный спрос дурен тем, что он крепок задним умом. Представим в роли действующего Хрущева кого-то более последовательного из тогдашних деятелей или тех, кто был на подходе, и мы, вероятнее всего, придем к выводу: «последовательный» был бы еще ближе к эпохе, которая, оборвавшись в событиях, еще продолжала (и продолжает) жить в людях. Прикинув же эти pro и contra, скажем: Хрущев хотя бы был непоследователен. Еще вчера он высмеивал «ничего не понимающего в политике» творца водородной бомбы, предлагавшего раз и навсегда прекратить ядерные испытания, опасные сами по себе для Земли и ее жителей, но пришел день — и «сахаровский» договор (запрещавший эти испытания в атмосфере, космическом пространстве и под водой) стал реальностью, войдя в актив Хрущева-миротворца. И так во многом другом.

Можно сказать, что Хрущев был последователен в своей непоследовательности. Он был верен себе, обещая снабдить Мао секретами атомного оружия, и верен себе, воздержавшись выполнить это обещание. И так же был верен себе, когда то взбадривал, то слегка осаживал друга Насера, когда поощрял манию величия Сукарно и словом, и оружием (в том числе сбывая ему устаревшие военные корабли) и тем самым невольно соучаствовал в его недалеком падении. Собственный закат Хрущева, хотя и не связанный прямо с крахом третье-мирного романтизма, полагаю, находится с ним в той окольной связи, какая выдвигает подчас на мировую арену более или менее однотипные фигуры. Звездные часы послевоенной харизмы, не исключая и европейской (де Голль!), как будто уже позади. Но можем ли мы назвать их звездными? И вправе ли, зная много дурного о тех ушедших в небытие людях, именовать их флюгерами?

Будущему биографу Хрущева не миновать главы, где заглавной фигурой станет другой человек — по имени Джон Кеннеди. Американо-советские отношения не входят в мою тему, за исключением все той же «области человеческих отношений», вне которой нет ни Хрущева-зачинателя, ни Хрущева-банкрота. С этой точки зрения можно сказать, что все «великое десятилетие», если смотреть на него, держа глобус в руках, ведет к Карибскому кризису, к этому предфиналу, который мог бы стать и новым началом. Но раз ведет, значит, был и пролог. В пролог же входит и Женевская (1955 года) встреча в верхах бывших союзников, а затем жестких противников в холодной войне — эпизод, вселивший

надежду на взаимное умиротворение (и рядом с Хрущевым — маршал Жуков, боевой сподвижник президента Эйзенхауэра времен всемирной схватки с нацизмом). Но пять лет спустя произошло иное свидание — первомайская встреча отечественной ракеты с американским самолетом-шпионом, окончившаяся торжеством «советских воинов, с честью выполнивших приказ своего правительства и лично Н. С. Хрущева» (из речи маршала А. А. Гречко на заседании Верховного Совета СССР 6 мая 1960 года). И в том же году, после срыва второй встречи в верхах, начался сенсационный вояж в Нью-Йорк турбозлектрохода «Балтика» с Хрущевым и многочисленной свитой на борту («корабль надежды», как его уже при отплытии нарекла услужливая команда журналистов). На этот раз Хрущев оборачивался «лицом к лицу» уже не с одной Америкой («Лицом к лицу с Америкой» — заголовок летописи визита Хрущева в США осенью 1959 года, которая давно пылится на полках библиотек (если не сдана в макулатуру)). Между тем поучительная в некотором смысле книжка в длинном, подобном ей ряду. Не могу не вспомнить, как тогда же отзывался об этом шедевре мой покойный друг, прекрасный человек и превосходный журналист-международник (он заведовал отделением ТАСС в Нью-Йорке) Леонид Григорьевич Величанский, иронически переназавший произведения А. Аджубея, Н. Грибачева, Ю. Жукова, Л. Ильичева и др. — «Гулливвер среди лилипотов»). Теперь — с трибуны ООН — он адресовался всему миру, и в первую очередь только что освободившимся странам. Современникам, правда, это событие больше запомнилось колоритными репликами «лично Н. С. Хрущева» в не имеющей, вероятно, прецедента обструкции, учиненной им при посредстве собственного ботинка. Однако этот рубеж, а это был рубеж, имел и куда более существенное значение. То был «год Африки»: уходили в прошлое самые заповедные из колоний, и уже стучалась в дверь завтрашнего и более далекого дня проблема из проблем — всеобщность суверенитета. Чем станет она, с неожиданной силой прорвавшаяся наружу из вековой мысли и векового сопротивления? Шагом к истинно человеческому, «утраченному» равенству или источником нового и самого опасного взаимного отторжения? Тогда на этот вопрос не только не было ответа, но и самый вопрос, если бы кто-то прозорливый и задал его себе, оказался бы в резком диссонансе с чувствами, которые испытывало множество людей в самых разных уголках мира.

Я склонен предположить, что то, что происходило тогда, то, что звучало в ооновских речах людей, подобных Кваме Нкрума, задело если не юношеские, то по крайней мере раннефункциональные струны в душе Хрущева. О «мировой революции» он прямо не говорил; дома, за закрытыми дверями, строил сугубо державные планы, выслушивая советчиков соответствующего покроя, но фон принимаемых им решений был все же сродни песням и лозунгам, которые хранила его цепкая память. Казалось, старая, времен II конгресса Коминтерна, идея движения к заветной социалистической цели, минувя эпохи, переступая ступени, эта идея зажила новой, второй, притом невиданной по размаху жизнью. Подстрекая его к тому, чтобы и дома переступать ступени.

Со спазматической быстротой меняющийся мировой пейзаж и сред-

ства, которые превосходили всякое воображение, — достаточно было проскочить между ними той или иной искре, и мы ощущаем приближение Карибского кризиса. Деталь, которая была бы, вероятно, вполне заурядной для бывшего мининдела и его питомцев, но не для Хрущева: тогда, осенью 1960 года, состоялась в Нью-Йорке первая его встреча с Фиделем Кастро; впечатление, надо полагать, было незабываемым: Фидель излучал силу, которая спустя считанные месяцы подтвердилась драматической схваткой с эмигрантским десантом. А в качестве контраста этому впечатлению пришло — с некоторым запозданием — иное, но имевшее поистине историческое значение, — поселившееся в сознании Хрущева представление о слабости, более того, никчемности молодого американского президента. Объяснил ли нашему лидеру кто-либо из его советников, что самый исход операции Плайя-Хирон был вызван нежеланием Джона Кеннеди вводить в действие американские силы, а то, что, только вступивший в должность, он принял на себя ответственность за эту неудачу, служило свидетельством если и не мужества его, то по меньшей мере понимания психологии соотечественников, отдавших ему предпочтение на выборах?! Думаю, что, если бы такой советник у Хрущева и нашелся, он бы воспринял его предупреждение так же, как сахаровскую инициативу в момент зарождения ее.

В качестве косвенного доказательства я позволю себе поделиться маленьким воспоминанием. Дело было, вероятно, поздней весной 1961 года, во всяком случае, после кубинской осечки Штатов и до венской встречи Хрущева и Кеннеди. Академик Е.М. Жуков (мы были близки с ним со времен сотрудничества в подготовке десяти томной «Всемирной истории») только что вернулся из командировки в Японию. Там он встретился с американским коллегой, который оказался другом Джона Кеннеди еще со студенческих или даже школьных лет. Он пригласил Жукова в ресторан и там «с откровенностью, свойственной американцам» (слова Жукова), рассказал ему, что собой представляет и к чему чувствует себя призванным его друг-президент. «Передайте моему руководству, — убеждал и даже умолял собеседника американец, — что Кеннеди действительно и больше всего хочет мира. После всего им пережитого в годы войны на Тихом океане он ненавидит кровопролитие. К тому же он умен и совестлив...» «Ну, и вы передали, написали?» — спросил я академика. С привычным выражением безразличия на лице он показал рукой на потолок своего кабинета и сказал: «Кому писать?» Меня это не столько удивило, сколько раздосадовало. Однако нельзя не признать, что Е.М. Жуков был прав, по крайней мере тогда.

Июньская встреча президента с Хрущевым вполне подтвердила это. Когда они остались наедине, Кеннеди сказал примерно то же, что его друг в Токио, и, судя по слышанному, с такой же прямотой. Он не только заверил советского премьера в своей приверженности миру, но и откровенно объяснил трудности своего положения и просил о встречном движении, которое бы помогло ему (не без выгоды и для советской стороны). Не читавши записи этого разговора, не станешь

настаивать на дословности. И не столь наивен я, чтобы полагать, что сын своего отца, член своего клана и класса, Джон Кеннеди исчерпывался миролюбием. Да и Гарвард — вещь неоднозначная, впрочем, как и миролюбие. Мне трудно представить себе этого человека, симпатию к которому я испытывал еще до далласской развязки, говорящим вслух и даже наедине с собой: «Весь мир — тюрьма, а Штаты — одно из худших подземелий...» Не тот случай, не та роль. Не тот случай, но все-таки особый — индивидуальный и предвещающий «что-то», чему еще стать типичным, неизменным. Но и хрущевский случай был по-своему особым, в том числе и по части миролюбия, что я пытался показать выше. Правда, он, даже сорвавшись с катушек и вымолвив невзначай (предположим такое), что «весь мир — тюрьма», об отечественном подземелье не помыслил бы либо, в лучшем, и едва ли возможном, случае, отнес бы его к «периоду культа личности». Однако еще считанные годы назад, во времена одной из постсталинских схваток, где речь шла о возможности выделить Австрию из заведомо нерешаемой проблемы мирного договора, которым союзники решили бы сообщить все вопросы, связанные с границами и статусом бывшего «тысячелетнего рейха», Хрущев в запале спора бросил Молотову довод-вопрос: «Ты за мир или против?»

Наивность вопроса (ну кто такое спрашивает в кругу жрецов политики, ведь не на съезде они, не на встрече с избирателями, не на международной трибуне) оттеняла его точность. Именно так, только так надо было спрашивать. Только так проламывать непарадную дверь в жизнь людей без Гитлера и без Сталина, но с ядерным запалом, с ракетной доставкой, со всем тем, с чем еще нужно было (тогда еще нужно было) сжиться политике, даже если не хотела она стать повторением и умножением человекоубийства. Отложим обсуждение вопроса: могла ли такая политика быть реалистической? Не станем тревожить тень Эйнштейна. До Эйнштейна ли Хрущеву даже лучшей его поры и даже Джону Кеннеди, реабилитировавшему Роберта Опенгеймера?

Но мы уже не в середине 1950-х, а в начале 1960-х. Крошечный отрезок времени; не только для астрофизика, но даже для историка — ничтожная вроде величина. И что переменялось? Нашему брату не пристало вводить в разбор, где властвует факт, пророческие совпадения и, обращаясь к газетам прошедших лет, тем паче к тому, что в газеты (наши!) и попасть не могло, вычитывать там свое, родное и всемирное, «мене, текел, фарес»... Библейская притча сообщает о предзнаменовании, явившемся царю Валтасару: «персты руки человеческой» начертали на извести стены таинственные слова, которые смог разъяснить лишь пророк, слова, предвещавшие и конец, и раздел царства; среднее же из них гласило: «Ты взвешен на весах и найден очень легким». В наше время как будто нет места пророкам, и если оно кем-то и чем-то занято, то на языке XX века это бы следовало назвать обратной связью: лишаящийся ее поистине «очень легкий», любой сильный порыв ветра, нежданная буря способны свалить его с ног. Пишу это и думаю: поведай весной 1961 года Хрущеву пророчество Даниила как адресованное ему, он, вероятно, крайне бы удивился этой

древней иностранщине, в лучшем случае рассмеялся. А зря — никакие ВЧ, «вертушки», ведь не заменяют «обратной связи», идущей и снизу, и сбоку и содержащей в себе не только то, что иначе не узнаешь, но и то, чему еще предстоит появиться — неожиданным-негаданным, соединяя страшные истоки с менее страшным предстоящим... Случайность ли, и если случайность, то только ли календарное совпадение, что на один и тот же год, разница только в три, три с половиной месяца, пришлось новочеркасская бойня, «местный» расстрел забастовавших рабочих и планетарный Карибский кризис? О первом из этих событий надо писать особо, не опуская подробностей и оглашая виновников расправы со стихийным протестом, который, возникнув на чисто экономической почве, был усугублен оскорблением человеческого достоинства рабочих и вдобавок окрашен открыто выраженной неприязнью их к Хрущеву как главному виновнику жизненных неурядиц и бед. Неужто самодельный плакат «Хрущева на мясо!» вызвал огонь по безоружным людям?

Так или иначе, но два события сошлись, хотя и не перекрестились. Исход был разным, но самое несовпадение этих исходов ждет анализа и размышления, достигающего сегодняшнего дня. Во всяком случае, историк вправе «поменять» фигуры, оставив в силе тот же вопрос: «Ты за мир или против»?

Оказалось — от осуществимой утопии всего лишь шаг до осуществимой антиутопии. Точнее бы сказать: социальная утопия в ее истинном объеме и смысле всегда неосуществима, всегда впереди, хотя ее долго видели покинутым раем, забытым равенством. Осуществимая, она лишь на какой-то момент остается собою, чтобы затем с катастрофической быстротой, множа гибели и разрухи, превратиться в свое «анти». Меня спросят: и это надо доказывать — нам, после Сталина? Отвечу, вводя в ответ и свои заблуждения, и избавления от них (с заменой на новые? Может, и так). Отвечу: превращение это действительно не больше чем момент, и шаг от одной к другой действительно один, но этот один имеет свои непредуказанные сроки, и осознание его способно длиться много дольше самого «шага». Да и не просто в сроках загвоздка, а в сути. Суть же не в чистоте утопии, а в ее захватывающей душу возможности. Вера в осуществимость, вот она — суть, и только ли утопии, а может, и вообще человека? Отыми ее у него, чем станет он? Оставь его при ней — и снова тот же вопрос: чем станет он? Острые бритвы! И порезаться нетрудно, доступно и резать других. Но спасительно ли само по себе знание этого, пока оно не стало знанием, открытым для всех?

Загвоздка, стало быть, в открывателе: он сам из кого? Из тех, кто презрительно отправляет утопию в бред наяву, или из тех, кто, пройдя испытание утопией, утратил веру в то, что человек в силах еще сделать невозможное возможным, то есть сотворить из Невозможности новые, непредуказанные, очеловечивающие возможности? Оттого, видно, в самых пристальных, глубоких исследователях антиутопии люди, оставшиеся утопистами до последнего вздоха, как англичанин Джордж Оруэлл и русский Андрей Платонов. Другим же достался путь много

длиннее — к открытию открытого. Тут и войны той не хватило, и Нюрнбергского процесса, и XX съезда. Атом помог? Ядерная смерть, постулавшаяся в дверь? Частный эпизод, какой перевел осуществимость антиутопии на диалект политики, дипломатических шифровок, на диалект двух Пентагонов или, что то же, двух Генштабов... и язык диалога «человеческих отношений»?!

Один шаг до осуществимой антиутопии — осень 1962 года. И этот шаг после мучительных колебаний осознанно отклонил Джон Кеннеди, дав возможность Хрущеву последовать его примеру.

Чтобы сказанное не повисло в воздухе, подкреплю его мемуарным свидетельством самого Хрущева, сохраняя опять-таки без поправок язык воспоминателя (как и сделал издатель «избранных отрывков» В. Чалидзе). Рассказывая о том, как у него «возникла мысль» поставить на Кубе, ради превентивной защиты ее, ракеты с ядерными зарядами, способные «разрушить центры Америки», как американцы, выявив это, сосредоточили «массу кораблей», авиацию, десантные средства и т. д., Хрущев продолжает: «Все завертелось. Мы тогда считали, что американцы [...] пугают нас, а сами они не меньше, чем мы, боятся атомной войны. Когда американцы обнаружили наши ракеты, мы еще не успели все туда завезти, и наши корабли шли на Кубу через эту армаду американского флота. Американцы их не трогали и не проверяли. [...] Мы поставили ракеты. Этой силы было достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня». Итак, их «маленькая деревня» могла в любой момент исчезнуть, оставляя на месте гору пепла и трупов. Вряд ли человек, которого осенила эта «мысль», собирался привести ее в исполнение, понимая, какая судьба ждет «большую деревню» по имени Москва. Он тоже хотел только напугать, а тут все завертелось: «нависла реальная возможность начала войны».

«Но она еще не началась. Еще было время. Был шанс, но какой? «Нам писали, мы им писали. С нашей стороны... диктовал послания я. [...] Мы демонстрировали свое спокойствие, ходили в Большой театр. Мы хотели показать своему народу, своей стране, что мы в театре, оперу слушаем, значит, все спокойно». А тем временем в Штатах два брата, президент и министр внутренних дел, не ходили в оперу. Может быть, потому, что их страна и их народ знали о происходящем? Советский посол, рассказывает далее Хрущев, сообщил начальству, что к нему пришел Роберт Кеннеди. «Он сказал, что уже шесть дней и ночей не был дома. Глаза красные, видно, что человек не спал». «Красные глаза» того человека так запомнились, что мемуарист и дальше возвращается к этому эпизоду: «Он (Р. Кеннеди. — **М. Г.**) оставил послу свой телефон и просил звонить в любое время. Когда он говорил с послом, он чуть не плакал. «Я, — говорит, — детей не видел (у него было шесть душ детей) и Президент тоже. Мы сидим в Белом доме, не спим» — и глаза красные-красные». Нам не узнать, вероятно, какого цвета были тогда глаза у членов хрущевского Президиума ЦК КПСС и виделись ли они в те дни со своими детьми. Еще невозможнее (чур, чур!) представить себе одного из тех, кто тогда правил нашей страной, объясняющимся с американ-

ским послом по собственной инициативе и хотя бы в половинную, да что там — во много меньшую долю столь нестесненно, открытым текстом, как это сделал Роберт Кеннеди. «Он сказал: «Мы обращаемся с просьбой к тов. Хрущеву, пусть он нам поможет ликвидировать конфликт. Если дальше так будет продолжаться, то Президент не уверен, что его не могут сбросить военные и захватить власть. Армия может выйти из-под контроля». Отбросим смешное, по привычке «тов.», вернемся к сути. Хрущев комментирует: «Я не отрицал такой возможности, тем более Кеннеди — молодой президент, а угроза — безопасности Америки». Он не отрицал, что «молодого президента» могут сбросить (о себе в этом смысле, конечно же, не думал). Он не отрицал и то, что безопасность США была под угрозой. А Советского Союза, если принять за достоверное, что отношение ядерных запалов было тогда 17 : 1 в пользу Штатов?!

В качестве историка я не притязая этой выжимкой из воспоминаний отставного лидера исчерпать историю Карибского кризиса как таковую. Меня занимает, мало того — мучает вопрос: что было бы, если бы у братьев Кеннеди не были красные от бессонницы глаза, что было бы, если бы президент, склонившись к уговорам генералов, соблазнился реальной (и «оправданной» в глазах мирового сообщества) возможностью покончить одним ударом и с советскими ракетами, и с пригласившей их Кубой? Что было бы, если бы он, выученный поражениями — и своими, и тех, кто был до него, как дома, так и вне его, — не пришел в эти октябрьские дни и ночи 1962 года к совсем иной «мысли»: опасно и оттого недопустимо ставить другую сторону конфликта в столь унижительное положение, когда она, движимая унижением, способна пойти на самоубийство, которое неминуемо втянет в свою воронку всех на свете?! Иначе говоря: что случилось бы, если бы он, Джон Кеннеди, не был «генетически» готов учиться поражениям, переводя уроки их на язык политики, внятный и власть имущему, и тому, кто своими голосами превращает (на время!) гражданина в президента?

Но мы ведь о Хрущеве. Да, о Хрущеве, который также сумел отступить — и кому помог отступить Джон Кеннеди, отступить без потери лица, мало того: помог обрести репутацию политика мирового класса и с этой репутацией не только уйти на недобровольный покой, но и сохранить ее в памяти... чуть не написал «целых поколений», но запнулся, ибо последнее было бы неправдой. Мы забывчивы, старый грех, в удержании которого есть также вклад, и немалый, самого Никиты Хрущева.

Судьба подготовила двум лидерам сверхдержав разный конец. Что предпринял бы Джон Кеннеди, которому в его, оборванное пулей, первое (и последнее) президентство не удалось провести через конгресс ни одного из крупных законопроектов? Можно гадать, читая американских исследователей и мемуаристов. В отношении Хрущева гадания как будто бесполезны. Мировой лидер уходил с отечественной сцены банкротом. Но по сей день нам не хочется признать, что в его лице обанкротились мы сообща.

3

История не повторяется в каком-то простом круге. Она может, однако, не продвигаться вперед, а застыть на несколько более высоком уровне без всякой надежды достигнуть вершины.

М. Л. КИНГ

Классическая традиция призывает поверять внешнюю политику внутренней. Сейчас члены этой формулы по меньшей мере уравнились. Если не натяжка — считать, что нестойкие дипломатические успехи Хрущева производны от «феномена XX съезда», то вполне правомерно задаться вопросом о влиянии его дальнейших действий в мировой сфере на развитие внутренних процессов и перемен. Бесспорно, что связь тут есть, но также бесспорны и ее неоднозначность, и ее хрупкость. И дело не в том, что сам Хрущев двулик; можно бы сказать: нет, в каждый данный момент — одно лицо, один помысел. И хотя он был хитер, а до поры до времени и расчетлив, коварным его не назовешь. Но двуликой и даже коварной была хрущевская ситуация — ситуация надлома, которому не дано было перейти в преодоление, ситуация монолога, неспособного собственным усилием превратиться в разговор равных, в сотрудничество равных. И мы, вероятно, приблизимся к ответу, если скажем, что в отличие от дел внешних, где темы были обозначены совокупным действием разномыслящих держав и народов, открытым драматизмом коллизий, — в делах внутренних все было изначально не так. И чем дальше, тем в большей мере не так.

Возвращение выживших жертв сталинских «чисток» осталось, пожалуй, единственным чистым достижением Хрущева. Остальное либо было ополовинено, подпорчено отступлениями и оговорками, либо представляло собою новый произвол, который, правда, был добродушней сталинской мизантропии (если произвол вообще бывает добродушен), но дорого обошелся только возникающему, делающему первые детские шажки обществу. Сказав, что индивидуальность была непредвиденным фактором перемены в обстоятельствах, мы не вправе забыть о той же индивидуальности, говоря о незавершаемости этой перемены — в людях. И опять-таки: где тут рубеж между виной одного и общей бедой?..

Если во всех своих проявлениях Хрущев предстает своеобразным гибридом прожектера и прагматика, то перед лицом внутренних проблем его страсть переворачивания, не сдерживаемая столкновением с достойными противниками-оппонентами, все чаще выступала как цель без цели, а его деловая хватка вырождалась в мелочность, навязываемую силой, какая не только сковывала, но и уродовала изнутри любую самостоятельность. Правда, и в этих рамках оставалось еще место для действий, подкупающих своей человечностью. То, что называют «хрущобами», конечно же, несет на себе след непродуманности и поспешности, примитива и уверенности в том, что архитектурные проблемы

так же просто решать, как дипломатические. Но нельзя забывать, что «хрущобы» пришли на смену подвалам и баракам, что многие сотни тысяч семей стали впервые жить в отдельных квартирах (переворот в жизненном укладе, последствия которого уже сказались). И в иных замеслах Хрущева чувствовались щедрость и простор, противостоящие сталинскому сочетанию помпезности всех вещественных символов Державы с принудительным аскетизмом и серостью быта, предназначенного миллионам.

Но человечность, даже она, обречена быть недолгой, когда остается в первичном виде — стимула, движущего политиком, помогающим власти и овладевающим ею. Известное выражение «власть губит человека» не лишено смысла. Мне возражат: все зависит от того, каков человек. Нет, не все. Далеко не все. Спорная тема, может ли быть политика человеческой или многое, и самое, пожалуй, существенное, определяется тем — есть ли у человечности свое место вне политики, своя плоть, которая ставит предел и политике, не допуская ее включить в себя, обнять собою (надолго, «навсегда») все жизненные устремления и проявления человека?! Иначе говоря, человечности положено быть «абстрактной» и в этом качестве оппонировать политике, а для того иметь и свой статус, свое право, свою законную силу, активно препятствующую неудержимой экспансии неизменно конкретной политики.

Это и есть демократия? Ничто не мешает сказать: да. Ничто, кроме того, что мы обсуждаем эту тему у себя дома, оглядываясь не только по сторонам, но и назад. Ничто, кроме того, что обязуемся ввести в обсуждение наше прошлое — с его удивительным своей повторяемостью отталкиванием демократии в той сугубо определенной (и даже единственной) форме, какая создана не нашей историей, и с его не менее постоянными возвратами к собственной недемократической человечности. Странное словосочетание, не правда ли? Но, каюсь, иного не нашел, чтобы выразить свою мысль, не уклоняясь и от того, чтобы найти этой будто побочной теме место в данном тексте. Ведь не о детали речь и даже не об одном духовном течении среди многих; нет, она, недемократическая человечность, — самое общее для сугубо разных потоков. И именно оттого самое общее, что у этого «словосочетания», восходящего по меньшей мере к началу нашего XIX века, есть не только свое бытие мысли, своя пульсация действия, но и свой замах, своя экспансия, притязающая отнять у власти, поставлена ли она Всевышним или законом истории, все российские человеческие души (дабы из живых не стали «мертвыми») — отнять их, противостоя власти, и отнять, апеллируя к ней, пытаюсь и ее ввести в свою упряжку, притом не пристязной даже, а коренником.

И что же — гордиться нам этой, нашими предками зачатой «недемократической человечностью», либо проклинать ее, либо вовсе иначе принять заданное, перестав кланяться изъяснам ее и... просчитав преимущества, дабы из такого обдумывания спора вывести некую гипотезу, некий контур жизненного и политического устройства, которое, удовлетворив нас, нынешних, не стало бы оковами для потомков и не вызывало бы опасения и у ближних к нам, и у далеких от нас народов?!

Нет работы неотложней, но и нет трудности большей, чем взяться за нее, чем начать ее ныне. Разбуди ночью современного безразличного соотечественника, задай ему эту задачу, и он сразу заговорит об упущенных возможностях, поставив в пример и бомбу Игнатия Гриневецкого, разорвавшую вместе с Александром Вторым «почти» конституцию, и уж, разумеется, разгон Учредительного собрания; с другой стороны, будут вспомнены и пушкинское «Из Пиндемонти», и отказ Достоевского от любого всесветного прецедента (и проекта!) осчастливливания людей, ежели в цену войдет единственная слеза ребенка... Но зачем же так далеко уходить в воспоминаниях? Ближе, ближе, еще ближе. К совсем недавнему и столь на первый взгляд тривиальному эпизоду вековой российской трагедии, каков казус Хрущева.

Мы знаем, с чего он начал. Мы знаем, чем он кончил. Но что же было посередине? Тоже вроде бы известно, даже по памяти, не заглядывая в документы, не трудно перечислить: и то, и другое, и пятое, и десятое. И пойдут беспорядочной чередой казахстанская целина со сказочными первоурожаями и с предсказанно-страшными пылевыми (а затем — и соляными) бурями, повсюдная кукуруза, сплошная химизация, отмена обязательных займов и отказ от погашения прежних, то поощрение приусадебных хозяйств земледельцев, то урезка их, миллиарды, вложенные в животноводство, и отнятая у крестьянина корова, ликвидация МТС вместе с их поборами, обеднявшими и без того скудный трудодень, и разоряющее принуждение деревни к выкупу нужной и вовсе не нужной сельскохозяйственной техники, а еще и реформа школы, грозившая обезлюдить науку, и полусорвавшийся поход на саму Академию наук... Но многое ли мы извлечем из такого либо еще более обстоятельного перечня, если даже аккуратно разложим результат по полочкам, расставив отметки и сосчитав общее число «плюсов» и «минусов»? Нет ничего более противопоказанного историческому мышлению, чем арифметика подобного рода, и, кстати, далеко не невинная, плодящая на месте старой лжи обновленные обманы и самообманы с нарастающими издержками в мыслях и поступках.

Правда, сам Хрущев отдал дань этой домашней политологии. Да и как могло быть иначе? Человек, генеалогия которого весьма подходила бы для прямой демократии, просто-напросто не знал, как «это» делается. Он не лицемерил, думая и утверждая, что не «вы для меня», а «я для вас». Но как раз последнее вводило его все дальше от тех, выразителем чьей воли и надежд он себя считал от начала и до конца. Он обожал общение с «простыми людьми», но чем дальше, тем больше эти выезды в народ смахивали на спектакль, на плохо скрытое лицедейство; действовать же он умел (и мог!) только с помощью нижестоящих. Он осмелился единоличным решением «открыть» существование автора «Одного дня Ивана Денисовича», но считал себя вправе устраивать разносы людям искусства, чьи творения не совпадали с его вкусами, и хотя эти дебоши не менее тщательно подготавливались его ближним окружением, чем парадные доклады, сам же он бывал и отходчив, однако его «меценатство» в заслугу ему не поставишь. По сути, он не успел дорасти даже до свыше даруемой демократии. Он открыл ворота

лагерей, но закрыл Министерство юстиции, оно показалось ему лишним. И впрямь — для чего оно нам?

«Закон что дышло...» — это даже несколько старомодно. Во всяком случае, любившему народные поговорки Хрущеву эта вряд ли вспомнилась, когда в мае и июле 1961 года под его диктовку вышли в свет два указа, расширявшие применение смертной казни в СССР: один — за хищения в особо крупных размерах, другой — за «нарушение правил о валютных операциях». Кто подсчитал, сколько жизней унесли эти указы, которые вправе, по ассоциации, поставить в ряд с незабываемым сталинским законом 7 августа 1932 года, в согласии с коим на тот свет мог быть отправлен голодный человек, срезавший колосок. Времена, правда, изменились. Не хлебный колосок имелся теперь в виду. Агония сталинской системы множила действительную уголовщину. Коррупция нагнела, хотя до будущего, 1970–80-х годов, апофеоза ей еще было далеко. Но по силам ли было справиться с ней кажущемуся всесильным Хрущеву? А по нужде, по народной нужде, разрасталась и «теневая экономика», подчеркивавшая собою беспомощность власти и самой природой своей враждебная нутру человека, мечтавшего об агрогородах и строившего графики всеобщей бесплатности. Неудачи загоняли его в тупик, провоцируя на то, что всегда было под рукой, — запреты, расправы, тюрьмы, лагеря, «психушки». И подобно той бесконечной череде, которой шли его реформы и контрреформы, такой же чередой шли в преступники, заядлые ворюги и деревенские бунтари, взяточники в мундирах и строптивые хозяйственники, бывшие соратники Берии и первые из диссидентов. И снова спросим себя: кто из советчиков, кто из идеологической obsługi осмелился бы остановить Хрущева, кто из них дерзнул бы сказать ему, что, кроме прав, есть еще и право, которое выше всякой власти и уравнивает неправые жертвы, будь то колебнувшийся демократ Имре Надь или провалившийся валютный король Ян Рокоты (к которому, как и к его содельнику, Хрущев велел задним числом применить поспешно установленную «законом» смертную казнь).

...Отношение к смерти — основа основ человеческого поведения, им с тех времен, что обозримы современниками, люди определяли и переопределяли самую жизнь. В нашем случае речь именно об этом, хотя не так уж очевидна эта основа основ, особенно когда пытаешься перевести ее на язык реального действия. Что глубже, исходнее в том, что именуем мы сталинизмом, чем презумпция недоверия к человеку, прямо или неявно дотягивающая до смерти? Хрущев начал с того, что бросил вызов этой презумпции, но вскорости оказался захваченным ею в плен. Иногда он вырывался из него, чтобы снова вернуться туда же. Он назвал Сталина преступником, но не рискнул опубликовать доклад партийной комиссии, выяснявшей причастность Сталина к событию 1 декабря 1934 года, — документ, который сам по себе навсегда погубил бы имя Сталина в сознании народа, не прощающего подлого, трусливого убийства человека человеком, который еще недавно называл свою жертву «другом» и «братом».

Боясь излишеств открытости умов и душ, Хрущев наносил ущерб не только тем, кто поверил в него, но и самому себе. Ведь только откры-

тость, вошедшая в привычку, изгладила бы из сознания прежний стандарт вождя, с которым соотносили его самого — к невыгоде и для него, и для его почина. Непосредственность и дозируемая, но все же непривычная для нас откровенность привлекали, хотя далеко не всех, к Хрущеву, пока он перетряхивал реквизит прошлого, противостоя сиятельным доктринам и бюрократам. Но когда, войдя в роль вождя, он решил, что она обязывает его к регулярному произнесению огромных речей, составленных «нужных» слов, он стал смешон, и чем самоувереннее при этом держался, тем чаще и резче проявлялось снисходительно-ироническое отношение к нему, притом в самой разной аудитории, уже вовлеченной (им же) в неудержимую девальвация прежних понятий, ценностей и слов. Смех был реакцией и на половинчатость освобождения, и — одновременно — на самую идею освобождения в ее хрущевской редакции. В этом смехе сошлись человек улицы с рафинированным интеллигентом.

Нет, когда речь идет о внутренних делах, тут не скажешь: он хотя бы был непоследовательным. Не скажешь, имея в виду не фрагменты, а целое, которое, начавшись с вторжения человечности в политику, перестало в конечном счете быть и человечностью, и политикой. Да, и политикой! Ибо, допустив даже, что едва и не в каждой из реформ Хрущева, особенно первых лет его лидерства, можно обнаружить тот или иной сиюминутно рациональный мотив, мы вряд ли доберемся до корня банкротства всех этих мотивов, вместе взятых, сделав упор на тщету скоропалательного исполнения, на очередной спазм вековой российской нетерпеливости. И это было, безусловно — и это. Но только ли оно? Или само оно — производное от отсутствия общей связи, сквозной идеи?

Хотя человек, чья карьера началась на переломе 20–30-х годов, человек, заменивший Мартемьяна Рютина на посту секретаря Краснопресненского райкома и прошедший политическую школу у Кагановича, должен был бы держать в памяти тот переворот в сознании и нравах, который предшествовал оргии пыток и убийств, самооговоров и чудовищного фарса показательных процессов, — похоже, что как раз пролога он не то чтобы не помнил, но скорее всего так и не понял до самого своего конца, как не понял и роковую связку вождя и губителя, которую «личность» Сталина передала нам неуходящим воспоминанием и вопросом: случайно ли сцепились эти две роли, и если даже сцепка эта не была изначально бесповоротной, то не такой ли стала и уже таковой досталась последующим властителям? В свете итога как не сказать: чем бы ни началось вытеснение жизни смертью — скоропостижным ли уходом Ленина и еще более скоропостижной схваткой преемников или чем-то более основательным, что сделало уход смертного человека и свойства всякого эпигонства режиссерами трагедии с многими миллионами участников, — в любом случае это получило собственное движение, крепко осевши и в строе, и в человеческих отношениях (да, и в них, и, поставив в кавычки слово «человеческих», мы далеко не уедем). И уже по тому одному от этого наследия не избавиться было ни свержениями монументов, ни другими жестами отлучения Сталина от «великих свершений». В свете происходящего... А в первый

момент? Что упоительней первого глотка свободы? И кому поставить в укор иллюзию освобождения от Сталина, вышвырнутого из Мавзолея?

Хрущев — первый из проклинателей-наследников. Первый, но последний ли? Еще один вопрос без ответа. Да и можно ли ответить на него «заочно», не переживши тот изначальный опыт и не сделав его исходным пунктом любой попытки заглянуть в будущее? И оттого снова к тому пункту, который виделся центральным: отчего же и этот всполох человечности не перешел в политику, не стал ею? Рок ли российской истории это или, рассуждая более трезво, неизбежный возврат к прерванному ходу вещей после кажущегося полного разрыва и затмения? Чтобы вопрос не повис в воздухе, не миновать того, чтобы «вернуться» к Сталину, переадресовав вопрос ему. А у Сталина была ли политика или и с нею он покончил и ее прикончил? Да что, собственно, это значит: прикончить политику? Не его вроде лексика, не на то нацеливался в 20-х, в те считанные месяцы, когда все в его судьбе (и нашей!) зависело от того, заговорит ли Ленин. Не об институтах и учреждениях, не о профессионалах выработки и осуществления политики (где их взять и как с ними быть) думал тогда Сталин, а о себе. О себе, но в контексте того, что становилось (нэп!), запинаясь о самое себя и о все прошлое России — совсем близкое и дальнее, запинаясь и ища опору в том же прошлом ради своего (и всесветного!) будущего. Так приспособиться ли было ему, Джугашвили-Сталину, к этому прихотливому, запутанному, и мужицкому и мозговому «контексту»? Приспособиться либо укоротить, упростить, подогнать «под себя»?

О человечности тут говорить не приходится с первого его шага, и Царицын гражданской войны заставляет вспомнить Лиона Жозефа Фуше. Заполучив пост генсека, Сталин, однако, еще далек от себя самостождественного, да и если бы и был у него тогда рассчитанный на десятилетия inferнальный график, то был ли в силах он его осуществить? Разделенная власть, популярные соперники — препятствие немалое, но главное ли? А искусство сталкивания противостоящих и даже не против... а просто стоящих на пути — преимущество очевидное, но, опять-таки, главное ли? Эпигоны получили в наследство от зачинателя победившую революцию и черновик жизненного устройства, позволяющего — по задумке Ленина — не только дожидаться, когда сдвинется с места мир созревших для социализма наций, как и мир народов, только пробужденных к историческому движению, но и двинуться навстречу им всем, двинуться дома, меняя для этого и ритм, и форму собственно первоначального рывка. Между двумя слагаемыми этого наследства — зазор: «механизм» перемены ритма и формы.

Вопрос вопросов: кому под силу и кто вправе менять его? «Мы создали рынок», — говорил на XII съезде РКП (б) Л.Б. Каменев. Трактовать можно по-разному, вкладывая разный смысл в слово «создали». Создали тем, что уступили мужику (и нэпману)? Или еще и тем, что сами вступили на рыночную площадь величиной в Евразию: вступили как хозяева главных средств производства и как власть — арбитр между разными социальными волями, власть — регулятор экономической стихии? Разные вопросы — разные ответы. Разные ответы — разные действия.

Ибо рынок — непокорное создание. Он жаждет развития (вширь, вглубь), делая свою заявку на соучастие в решении и собственно деловых, и общенародных судеб. И эта заявка рынка не совпадала с заявкой революции, жаждавшей — и также в людях — самопродления, самоувековечивания. Теперь модно (рука сама тянется) ставить перед коммунизмом прилагательное «казарменный». Оно, может, и справедливо в отношении второй, или исторически первой, стихии с ее уравнилельной ностальгией, с ее добровольной тягой к бедности, к скоротечному порыву и самоотречению во имя Мира «без России и Латвии». Закрывать бы эту антинэповскую ностальгию, упразднить бы эту тягу, ибо не работала и мешала работающим, — так не давалась, тая сопротивление, прорывающееся в ненависть. А может, и имела право стать створой диалога — коммунистической оппозицией к социализму производительного неравенства?

Тут и открывался предмет политики, которая тогда и политика, когда имеет дело с неодинаковыми, с разными. Кто ж к этому был готов? Кто из тех, кто выучился и привык лишь побеждать, быть в победителях, а не в побежденных? На многом споткнулся нэп: от неопробованности «механизмов» до неподготовленности человека у власти быть человеком. Первое непосредственно переходило во второе. Это понял немой, бессильный Ленин. Об этом «догадался» вождением власти Сталин.

В одиночку, заимствуя и перелицовывая на ходу идущие в его дело идеи? Нет, у него был союзник, готовый оборвать «развитие» во имя «продления». Вернее бы даже сказать: не союзник, а союзники — окольные и прямые. И недемократическая человечность, вовлеченная в фантом осуществимой утопии, своей вовлеченностью (и саморастворимостью!) готовила вопреки себе осуществимую антиутопию. Но был и прямой союзник: функционер революции, не мыслящий себя вне политики. Исполнитель ее и «заказчик». Особый человеческий тип, закон бытия которого гласил: не щадя себя, не щадить других. Функционер чувствовал себя демиургом истории, в этом равным своему лидеру — кумиру. Сталин же не просто притворялся, соглашаясь с этим равенством и умело поддерживая видимость его, рождающую рвение (и беспощадность!). Самое равенство это входило в его «антропологию» генеральной линии, позволяя свергать соперников и загонять несогласных в гетто уклонов. Функционер, естественно, встал на сторону бухаринского «социализма в одной стране». Но столь же, если не более естественно, он воспринял импровизируемый Сталиным «правый уклон» в качестве своего главного антипода. «Дитя» Октября, «подросток» военного коммунизма, функционер принял нэп не по одной лишь ленинской указке, оставляя трупы свои на подступах к Кронштадту. Он смирился с нэпом-тактикой, смирился и вплотил себя в ней, но он перестал бы (в массе своей) быть собою, принявши нэп как другой социализм. К тому же этот человеческий тип был не сам по себе, а составлял ядро той более широкой и многоликой, множась формации энтузиастов, с которых мы начали размышление о судьбе Хрущева. Сужая тему, подходим к капитальной важности рубежу — году 1930-му, с его прологом

и эпилогом, со всеми муками этого года и последствиями его, далеко выходящими за деревенскую околицу.

«Революция сверху», как назвал ее Сталин, «революция», острием своим направленная против середняка, против собственника-работника, навсегда вычеркнула из нашей истории этот коренной постоктябрьский социальный слой, руша тем и экономическую, и человеческую (российскую и — мировую в ленинском смысле) базу «строя цивилизованных кооператоров». В прологе — ступор нэпа, в финале — гибель функционера. А в эпицентре — последний взлет его. «Сплошная коллективизация», неотрывная от темпа (смысла жизни!), вернула его к своему первородству. Казалось, наступил момент, когда и Сталин получил возможность соорудить из функционерства краеугольный камень своего, своим замыслам и своей натуре отвечающего политического режима. Таков ли был его расчет? Утверждать трудно, предполагать допустимо. Но события внесли неожиданный корректив. Наступил час, когда равенствование функционеров вернулось к Сталину бумерангом «перегибов». Разумеется, источником их был сам Сталин (после публикации Б.А. Абрамовым материалов «комиссии Яковлева» (Вопросы истории КПСС, 1964, № 1) этот вывод, напрашивающийся сам собою, получил документальное подтверждение). Но когда середняк стал брать в руки обрез, превращаясь в повстанца, автор генеральной линии, предупрежденный ОГПУ (другие не смели; члены Политбюро, разосланные по стране, молчали), столкнулся с непокорством функционеров. И не щадя себя, не щадя других оказалось сильнее его телеграфных приказов остановиться на краю гибели. Тогда через головы «верховных» и «низовых» функционеров он обратился к мужику.

Главный виновник катастрофы предстал единоличным вызволителем. Ощутил ли функционер в этом событии сигнал приближения своего конца?

Я минуя промежуток между 1930-м и 1937-м, который, конечно же, не состоял только из тщательной подготовки расправы. Тут не прямая, тут развилка. Я допускаю, что и Сталин 1930-го еще не «знал», что он уравнивает творцов коллективизации, правофланговых темпа, уравнивает их даже не с вчерашними мужиками, ныне барачниками, орудующими тачкой и лопатой, возводя гиганты индустрии, — уравнивает их с погубленными голодом и холодом. Тем паче не готовились к этому и не были готовы к этому — телом и духом — люди в гимнастерках. Есть много догадок (и разгадок), вводящих нас в тайну 1937-го. Если откроются все архивы (когда — в XXI веке?), найдется ли там сокровенная запись замысла, сделанная самим Сталиным? Нет, в бездны его души историк может проникнуть, выслушав не только уцелевших современников, но и себя... Рискую ошибиться, я тем не менее убежден, что суть 37-го не в сведении счетов с былыми со-лидерами, с теми, кто имел право считать себя наследниками Ленина. Да, не простой декорум — погубление тех. Месть достигла эпигонов первого поколения и дома, и за его пределами. К сладости расправы примешивался холодный расчет: инсценированная домашняя «пятая колонна» примирит с террором «победившего социализма» левый и даже отчасти правящий Запад. И антифашист-

ская завеса, и неисключенный, нащупываемый сговор с Гитлером — в одно и то же время. Два «Мюнхена» в 1938-м: тот, внешний, и бухаринский, рыковский квазисуд внутри. Хитрость ли это мирового духа или оборотня его — эта близость роковых дат? А миллионы растерзанных, заточенных в лагерь — не «перегиб» ли по шаблону 1930-го?

Есть основания для сопоставления: январский пленум того же 38-го, убранный в два присеста Ежов, либеральный доклад Жданова и либеральные жесты-послабления (жесты-возвраты одиночек) присланного на Лубянку и надолго задержавшегося там Берии. Своего рода «Головокружение от успехов». И параллель в итогах: там, при всех попятных шагах, необратимым оставалось уничтожение середняка, тут — уничтожение функционера. В сущности, не параллель — двуединство в судьбах. Функционер ведь не исчерпывался уничтожением середняка, он еще и тем неугоден и даже опасен стал главному функционеру, что стал опекать собственный результат, повернув свое рвение в сторону свежеспеченных колхозов (и первые репрессии, коснувшиеся рядовых функционеров, и уже не в порядке одиночного исключения, не случайно падаю на 31-й, 32-й годы, а «политотделы» — только ли против сопротивляющегося новому разорению колхозника были учреждены или также против райкомщика-опекуна?).

Трудный, требующий исследования вопрос: мог ли функционер середины 30-х дотянуться до своей политики, переименовав главного функционера? В чью пользу шли «разрядка», умиротворение. Конституция, акты на вечное пользование землей? То, что главный функционер стремился сбросить с себя веригу этой роли, беспорочно. Но то, что он хотел, он и мог. Из одной необратимости проистекала другая: атомизированный в виде ли колхозника, в виде ли новой рабочей массы вчерашний середняк тянул за собой в историческое небытие романтика и прагматика «великих переломов». На смену ему шел иной тип человека — иной, если даже в этом телесном обличье предстал уцелевший функционер. Менее человеческий? Да, хотя и не подряд, но чем дальше, тем непременно в этом отношении, которое, в свою очередь, не просто по команде свершалось, не просто равняясь на высший эталон. Увядание человечности производно от отбора на безоговорочную исполнительность, неотъемлемую от системы, отныне составляющей собственность Хозяина и осознающей себя таковой. «Ленин создал аппарат, аппарат создал Сталина», — слова Л. Д. Троцкого подкупают афористичностью, но так ли верны они? Так ли верны — и в отношении Ленина, и в отношении Сталина? Нет, полагаю я, аппарата Ленин не создал (и стоит ли так умиляться по поводу каждой из бесчисленных записок, касались ли они больших или совсем мелких дел, которые исходили от человека, привыкшего жить «письменной» жизнью, и не кажется ли странным, что, только когда смерть постучала в его дверь, задумался он о распределении обязанностей между своими замами?).

Аппарат — в том смысле, какой понятен без дальних разъяснений каждому, кто жил у нас и в Тридцатые, и позже, вплоть до дня сегодняшнего, — детище Сталина. Отличие аппарата от функционерства не формальное, оно не в должностях и даже не в иерархии как таковой

(тут близость). Коренное отличие — непричастность аппарата к политике. Конечно же, не в 1930-м появился этот псевдо-Левиафан. Как у всего на свете, и у него свой генезис. Но есть и точка отсчета, на расстоянии кажущаяся, быть может, наименее приметной, но не становящаяся от этого менее существенной. Напротив, она — из наиболее укореившихся, ибо затрагивала, изменяя и переиначивая, то, что суть человек: речь, семантику и лексику ее. Еще вчера над всеми словами господствовали два, произносимых как одно: генеральная линия. Сегодня (середина, конец Тридцатых) эти два слова уходят. Бесследно. Навсегда. Теперь и они — лишние, ибо ими все же подразумевалось нечто негенеральное, но имеющее временное право на существование. Отныне такого права нет ни у идей, ни у людей. И оттого нет больше нужды и в «уклонах», и в «уклонистах», даже покаявшихся. Отныне есть и могут быть лишь двурушники, дозревшие предатели, затаенные и избличаемые изменники.

Кодовые слова, слова, с тех пор управляющие речью, сознанием и судьбами: враги народа. Не белогвардейцы (класс!), не вредители (живые пережитки недоразвившейся российской буржуазности!), а именно — враги народа. Отсчет — от этих двух, произносимых как одно. От них — к народу. Отныне «народ» — это те, кто не враги, это то, что наперед и навсегда едино в своей единственной персонификации. И это уже не просто единство дели и средств, суммированных в политике. Это — «морально-политическое единство», возведенное Молотовым в ноябре 1937 года (недаром соответствующее место из этой речи завершает последнюю главу «Краткого курса», а доклад к 20-летию Октября именуется там «историческим»). Черта под равенством-рвением подведена. Равенство — вне закона. А рвение меняется исподволь. Суть аппарата — посредничество между единственным вождем и единым народом. Оттого у аппарата как некоего целого нет и быть не может собственного прошлого, а стало быть, и собственного будущего. Он (аппарат) не бессилен. Отнюдь. Но он — эманация всеисилия Одного и потому сам по себе безлик.

Сказав это, мы имеем в виду родовую примету и конечный счет. По сути же было все сложнее и в индивидуальном смысле, и в общеродовом. Для полного искоренения племени функционеров, их свойств, их стиля требовались поколения. А на пути, до 50-х, была война. Катастрофа звала не только к рвению, но и к равенству — на этот смертельный час. (Два осколка из давнишних воспоминаний. В Ленинграде, у Адриана Владимировича Македонова, «Сократа» воркутян, встреча с женщиной, женой известного поэта, не только перенесшей, но и выстоявшей блокаду. Я допытывался: как же удалось, невзирая ни на что, выстоять? Понятно, говорило радио, слышался голос Ольги Берггольц, но в быту, в повседневности, как объединялись, через что проходила связь коченеющих, добиваемых голодом людей? Она на минуту подумала, потом сказала: «Ну как, были ведь и домоуправы, и милиция, и райком...» А летом 45-го — незабываемая единственная встреча с Василием Семеновичем Гроссманом, коего возлюбил еще в студенческие годы, а фронтовые, естественно, закрепили это чувство. Встреча была случайной и

недолгой. Говорили, в частности, о «Волоколамском шоссе». Я сказал: хорошо написано, но герой несимпатичен мне, а авторская симпатия к нему лишь усиливает отталкивание. Гроссман усмехнулся: «Вот и Поликарпов (тогдашний секретарь ССП) усмотрел у Бека эсеровщину». Разговор перекинулся на 41-й, на нашу — человеческую — неготовность к трагедии и на тех, кто сумел изготавиться уже в неравном бою (как герои повести Гроссмана «Народ бессмертен»). Он задумался и ответил: «Комиссары теперь ни к чему. Их пора на слом. Но в сорок первом они были на месте. Без них тот год непонятен»).

Последующее — не только продолжение прерванного. Оно вносит и новое — в обман, в страх, в обезчеловечивание. Тот, уплотненный во времени, террор уже без надобности. Память о прежнем еще свежа, но и ее надо было подкреплять. Нужен был «страх перед страхом», как с лаконической точностью назвал эту отечественную психопатологию Василий Гроссман в своем посмертном (для нас) романе. Сталин не Макбет и даже не Иоанн Четвертый, его не преследовали тени убитых. Призрак, одолевавший его, вознесенного народом до небес, — возрожденное войною равенство. Равенство в страданиях, в потерях, не обошедших почти ни одну семью; равенство тех, кто победил, двигаясь по вражеским и собственным трупам с востока на запад, и тех, кого мы называли тогда «союзниками», и кто с много меньшими, но также с потерями и горем пришел с запада на конечный Запад. Равенство внутри победившего антифашизма и продление его в биографиях вчерашних мальчиков, вступающих мужами в неведомо новую жизнь, — не этот ли Бирнамский лес виделся Сталину, уединившемуся на озере Рица, чтобы, отойдя от той войны, открыть новую, также народную?

Вторая половина Сороковых, начало Пятидесятых — война против воскресшего равенства, еще не опознавшего себя, поселившегося в Образе и не дотянувшего до Понятия. Безумная стратегия или стратегия безумия — обрубить навсегда самые корни этого чувства, этой тяги, пробравшейся даже в аппарат? Ближний расчет был верен. Под стягом Своего, которому грозит Чужое (именно потому и тем грозит, что оно «чужое»), шло невидимое переименование стимулов жить, подымаясь вверх. И аппарату предстояло стать инструментом новой внутренней войны — и, само собой, возрос спрос на годных к «промыыванию мозгов», и хотя поначалу шло скорее перетряхивание аппарата, чем чистка его (хотя в малых размерах и она также), но где-то маячило уже и замещение в более широких масштабах, замещение «приводных ремней» от единственного вождя к единому народу — замещение их теми, кто в этом же качестве вкусил и от неравенства по крови. Новые обстоятельства — новая семантика, управляющая судьбами: не из одного ли гнезда «космополиты» и «прогрессивное войско опричников» (кто, кроме Сталина, сподобился бы на такое словосочетание?!).

Правда, процесс этот был еще далек от завершения, когда смерть Сталина приостановила его. Однако мы вправе спросить себя: сколь достижима была в конечном счете обновленная сталинская антропология? А конечный счет — это исчезновение историчности в человеке, вовлеченном в последний виток преступной власти. Конечный счет — унич-

тожение политики, поскольку, имея дело с «вечной» однозначностью, с одинаковыми людьми и сведенными к одинаковости народами, этносами, цивилизациями, политика лишается предмета (и смысла!), место которых, однако, не должно пустовать, заменяясь их суррогатами, расчитанными на удержание и возобновление той же одинаковости, того же «всеобщего знаменателя». Вопрос не праздный. Это мост от Сталина к Хрущеву, от Хрущева к сегодняшнему дню. Удовлетворит ли общее, и в моих глазах не лишенное доказательности, рассуждение: если утопия оказалась в наш век почти осуществимой, то и у ее оборотня свое почти. Два «почти»: близнецы и антиподы. Первое продолжает жить в порах второго, стиснутое, притихшее, но не исчезающее вовсе. В какой-то момент вновь возникает близость недемократической человечности с «жаберными щелями» функционера. И тогда начинается новый акт трагедии, возобновляющий своим катарсисом (или также почти катарсисом) надежду на жизнь без убийства и страха. И... возвращающий к убийству и страху.

В конце 1952-го, к началу 1953-го стрелки часов на Кремлевских курантах замерли на без пяти минут 12. Эти пять минут не давались Сталину. Иссякло ли его воображение, брала ли верх старость или в недрах аппарата заработал инстинкт самосохранения, побуждающий к «контригре» (доступной, конечно же, лишь тому особому аппарату внутри аппарата, который был сверхсобственностью Хозяина и потому обладал экстерриториальностью, опасной для него же, гонимого страхом в закуток бронированного существования)? Отдавая должное детективу, я все же склонен слышать в финале шаги Немезиды. Антиутопический абсолют гибелен для помогающегося его. Впрочем (повторю): к счастью для всех на Земле, Сталин не дожид до «своей», опередившей Запад, водородной бомбы.

Хрущеву предстояло заново привести в движение Кремлевские куранты. Согласимся, что это была непосильная ноша. Он выполнил малую великую часть ее: отодвинул стрелки назад. А дальше началась таритмия Времени, которая наполняет все десятилетие его действительного и — одновременно — мнимого полновластия. Действительное, кажется, не требует доказательств. Мнимое обнаружилось финалом, но не фигура красноречия — зачислить самого Хрущева в авторы развязки. Мы возвращаемся здесь к проблеме, поставленной выше: если всякая попытка сделать своей программой «анти-Сталина» при помощи его же наследства (бесконтрольности «идеальной» власти) должна была вернуть вспять либо загнать в тупик Хрущева, а вместе с ним и нашу страну стран, — имеем ли мы право, держась фактов, настаивать на том, что не только начальный, но и общий результат «хрущевского» времени внес перемену в самое Время?

Чтобы избежать вопрос от метафизичности, зададим себе испытательный тест. Освободимся от предвзятого балла, который принято ставить схватке 1957 года, из которой Хрущев, казалось, поверженный, вышел не только не утратившим власть, но и приумножившим ее. Из своего торжества Хрущев извлек, как известно, уроки разного рода, в том числе и в духе Сталина. Чего стоит лишь коварное «освобождение»

от маршала Жукова, чьей поддержке он немало был обязан своей победой над комплотом старой гвардии и новых постсталинских деятелей?! Список грехов Хрущева не менее, если не более, длинен, чем список его заслуг. Но ведь не числом и даже не умением, а смыслом стоит мерить итог. И если мы не отказываемся от предложенного теста, то по причинам, как раз относящимся к смыслу или, иначе говоря, к возможности (или невозможности?!) возврата к нему, равнозначному возврату к политике, возрождению политики.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ давнишнее каменевское «Мы создали рынок», вправе ли был бы итоговый Хрущев сказать: «Мы (в единственном лице!) создали человеческое — социальное и культурное, мыслительное и трудовое — разнообразие, мы заново ввели многоукладность, наполнив ее новым, современным, в политику переходящим, политику определяющим и политикой определяющимся содержанием»? Не вправе, ибо не ввел. Не помышлял ввести. Не располагал для этого ни внутренними ресурсами, ни извне приходящими побуждениями. Был бы он у власти в 1968-м, принял ли бы сахаровский вариант домашнего и вселенского «общественного договора» или дал бы, подобно преемникам, команду: вперед на Прагу?! Хочется, естественно, предположить, что остановился бы перед вторым, но повернуть «конвергенцию» внутрь СССР, внутрь социализма, наверняка не только бы отказался, но и осерчал бы на свой манежный и иной манер. Да и от Сахарова бы, на этот манер, скорее всего отрекся бы. Если «там» на место ослушника Оппенгеймера нашелся свой Теллер, то у нас (где талантов не меньше), чтобы заместить ослушника в высоком ученом ранге, кандидатов с избытком достаточно.

Но опять-таки в Хрущеве ли дело или в той самой неподатливой, распятой, отлученной «многоукладности», от первой Голгофы и от вторичного хрущевского отлучения которой исходил и марш на Прагу, и лагерный диссидентский «марш», и многое из того, что составило домашние Семидесятые, зачавшись в славные, улыбочатые фестивальные Пятидесятые?!

Однако вернемся к нашему тесту: к 1957 году. Отстранимся от нравственной стороны дела. Средства, примененные тогда, что говорить, не из лучших (на память приходят 1928-й, 29-й), но что делать было, если любое промедление, всякая щепетильность могли открыть шлюзы реваншу? Но так ли? Реванш ли грозил хрущевской цели или, напротив, возобладал бы реализм задач, лишь прикрытый флером цели, и был бы отодвинут в сторону отнюдь не безобидный мираж — «коммунизм к 1980 году»? Вопрос отчасти риторический (победил-то Хрущев), с другой стороны, требующий документального прояснения: чего в самом деле добивалось большинство в том анонимном верху, который на Западе именуют «Кремль» (и что, к примеру, подвигло на присоединение к этому большинству одного из соавторов хрущевского «анти-Сталина» — Д.Т. Шепилова?).

И все-таки рискнем обозначить эту развилку, предположивши, что она была именно развилкой — «местом», где заново появились первые побеги альтернативности. Не в Кремле появились, за его стенами, но не

безотносительно к Кремлю. К хрущевскому Кремлю, как и к Кремлю его противников. Кому-то из зарубежных публицистов и исследователей, упорно старающихся понять нас (если не ошибаюсь, это Джузеппе Боффа), принадлежит афоризм: Хрущев пытался совместить в одном лице главу правительства с лидером оппозиции (результат очевиден!). Запомнено метко, но чересчур по-европейски. Я бы рискнул отредактировать этот парадокс, заменив формальный пост на человека, желающего занять опустевшее место вождя, а «лидера оппозиции» — на последнего из функционеров. Можно было бы даже сказать — на последнего из коммунистов, если понимать под словом «коммунист» не принадлежность к правящей у нас партии, а привязанность к конечной цели, воспринимаемой им, «последним», в духе функционерского романтизма 1920-х: как то, до чего рукой достать, тем более если рука властвующая, обладающая возможностью (и правом?!) превращать желаемое в команду, за которой должно последовать исполнение и только.

«Круглый» 1980-й, конечно же, не был сколько-нибудь выверенным, обсчитанным, напротив, он путал все расчеты и сроки. А его распределительный пафос не нуждался ни в «Капитале», ни в «Государстве и революции», да Хрущев и не утруждал себя, намечая время и размер изобилия и бесплатности, какой-либо классической книжностью (этим занималась на госдачах пишущая обслуга). Он же был гораздо ближе к самому себе, когда выговаривал свою заглавную, а по сути, и единственную идею запомнившимися с детства простыми и звучными словами: «Будет вам и белка, будет и свисток». На расстоянии — сюжет для Аркадия Райкина. Однако кто тогда осмелился бы оспорить эту невинную блажь и не то чтобы указать на ее частные несообразности (были люди, открыто говорившие об этом), но опознать в ней источник бед, включающих наряду с новыми приступами разорения народа и новые позы вычеркивания людей из жизни?

Говоря об этом, хочу и тут избежать упрощений. Последний функционер все-таки был не одиночкой и окружен был, если выйти за пределы Кремля и госдач, не только людьми, смотревшими (теперь) в рот ему, не только этими слугами всех господ, которым у нас, на нашу общую пагубу, несть числа и по сей день. Увлечение идеей — догнать и обогнать чванливые, удачливые, разжиревшие Штаты, притом беря в расчет не только космос, ракеты, ядерные запалы (их как — «на душу населения»), а считая то, что действительно положено не мертвецам, а живым: пищу, крышу, одежду по вкусу, — вот по этому, новому счету догнать бы и обогнать их, разве это дурно, разве не по силам оно? Тут уж не один лишь зарвавшийся лидер в виновниках, тут даже не обман, а самообман, а эпидемия самообмана. И в заболевших, и в «болельщиках» мы обнаружим и самих себя, пригубивших от самого горького опыта и самых невозвратимых потерь. А может, именно потери эти, военных и послевоенных лет память — победительница, память-нищенка влекла и нас к «белке и свистку»?

Не обойдем и действительных мужей совета. Перечитываю книжку С.Г. Струмилина «На путях построения коммунизма», вышедшую в 1959 году. Покойный академик был достойнейшим человеком, не боялся за-

щищать травимых и умел, любил работать — считать без подручных. «...Элементарный расчет показывает, — писал он в названной книжке, — что при заданных условиях (то есть из темпов роста на пятилетие 1950 — 1955 гг. — **М. Г.**) СССР обогнал бы США по объему всей продукции уже в 1962 г., а из расчета на душу — еще через два года, не позже 1964 г.». И в заключение — с полной уверенностью: у нас вскоре будет обеспеченная основа, «чтобы уже в течение примерно 5 лет после 1965 г. или несколько раньше догнать и превзойти уровень производства в США на душу населения». Или несколько раньше! Тут уж Хрущев способен показаться более осторожным. Меня озадачили тогда эти расчеты, и я обратился за разъяснениями к крупному экономисту А.Е. Пробсту, который к тому же был в близких отношениях с престарелым ученым. Несколько смущаясь, Абрам Ефимович сказал: «Он убежден... и в том особенно, что ему самому удастся дожить до коммунизма». Поистине нашими благими намерениями устлана дорога в ад. И только ли была?

Так не лучше ли стало бы, если бы взяла верх «антипартийная группа», вернувшись к заклеенной первоначальной программе Маленкова? Ни белки, ни свистка. Малая целина и никакого рязанского эксперимента. Группе «Б» скромное, но неустанное развитие. И конечно же, космос, совершенствование средств человекоуничтожения, хотя, может, и без ракет на Кубе. Вероятно, и без хрущевских пенсий старикам, но, может, и без хрущевской «тихой» девальвации. Без самочинного кремлевского дара Украине — передачи ей Крыма, но и без региональных экономических правительств, перешагивающих границы и пределы раз и навсегда установленной державной власти (ибо, если вдуматься, чем иным могли бы стать хрущевские совнархозы, удержись они надолго, — чем иным, как не началом перекройки на рациональных и суверенных основаниях территориального деления, завещанного Сталиным, и прежде всего — началом превращения громадины РСФСР, каждый регион которой по необходимости восходит к Москве, в связанную целостность независимых республик — земель и цивилизаций, иначе говоря: чем иным, как не прологом к другой жизни, социалистической, но другой?!).

Думал ли об этом сам Хрущев? Более чем сомнительно. Но за него «подумали» противники, и опять-таки не в одном лишь качестве голых реваншистов, а и (по крайней мере, некоторые из них) — в роли блюстителей социализма и стражей равновесия, трезвых и расчетливых модернизаторов, не забывающих и соотнести — по шкале неперемного, но не скорого мирового переворота — внутреннюю устойчивость с внешними катаклизмами и переменами. Оттого и знаменитая «хрущевская» триада — из мирного сосуществования, мирных форм революционной борьбы и многообразия вариантов «применения всеобщих истин марксизма-ленинизма в конкретных условиях», — и она, не исключено, могла бы войти в обойму допустимых новаций при ином составе правителей. Рискнули бы они включить в эту обойму «общенародное государство»? Отчего бы нет. Ведь все дело здесь в тех самых «конкретных условиях», на какие напирал основоположник, а уж его

имя безусловно склонялось бы не реже, чем при Хрущеве и его, хрущевских, преемниках. Общенародное — значит, включающее весь народ, неотделимый от власти в любой из своих жизненных ипостасей, равно публичных и частных. Единство народа оттого и было бы по-прежнему неизблемым и, соответственно, поддерживаемым и охраняемым. Пожертвовав «жаберными щелями» последнего функционера, взявшее верх большинство, само собой, не посягнуло бы на аппарат. Не стало бы тревожить его непредсказуемыми перестройками (стабильность, стабильность!), но не давало бы ему и распуститься, своевольничать в том, что сохранило бы этикетку «политика», оставляя в силе подспудный императив аппарата: без собственного прошлого, без собственного будущего.

И это двойное «без» могло бы даже раздвинуться, минуя шумные эксцессы, но и не рискуя особыми послаблениями, вроде публикации «Теркина на том свете», — раздвинуться вширь, включая в себя, в соответствии с традицией и идя навстречу веяниям времени, домашнюю технократию, врастающую в аппарат, в иерархическую субординацию с неотделимой от нее добровольно-принудительной идеологической дисциплиной. И в этом случае зачем бы, например, «почетному академику» Молотову ссориться с Академией наук, да еще вопрос: он ли, Молотов, задавал бы тон, ведь могла бы произойти и перегруппировка сил, например — блок Маленкова и Шепилова с Первухиным, Косыгиным и им близкими духом. А останься на своем посту прославленный любимый народом маршал Жуков, то весьма возможно, что и он, даже именно он, сыграл бы самую весомую роль в последующей кремлевской перегруппировке, как и в технократизации всей системы, в приучении номенклатуры к требованиям ядерного и компьютерного века и не в последнем счете — в подтягивании «работяг»...

Близко ли к цели было все перечисленное? Соблазнительно сказать — нет. Не проверишь ведь. Я также склонен к «нет», затрудняет же меня объем и существо этого отрицания. То, что любой из наследников Сталина вынужден был бы отвести назад стрелки Кремлевских курантов, — это бесспорно. Спорно же — пришли ли бы в любом случае эти часы в движение. Продолжим наш рискованный «тест», сказавши: аритмия Хрущева была если не абсолютно единственным, то близким к этому способом вернуться в лоно Времени. Его «анти-Сталин» быстро захлебнулся, и XXII съезд только кажется более высокой точкой, чем Двадцатый. Но к не-Сталину не было вообще прямого пути. От дальних и близких следствий опустошения в хозяйстве и культуре, в нравах и душах не было прямого пути к другой жизни. Особенно — от опустошений в душах. Впрочем, и это может показаться метафизикой, если не попытаться перевести сказанное, хотя бы в самом сжатом виде, на язык истории, заодно выверив самый язык, каким мы при этом пользуемся... Итак, шаг назад, даже шаги, ибо не один ведь шаг вел к почти осуществимой антиутопии. Еще раз: «Мы создали рынок». Не слышится ли в этом «создали» приговор нэпу, пролог к катастрофе 1930-го, а от «нее и через нее» — к введенному социализму 1936-го, 1937-го? А от него, от его «введенности» (потребовавшей жертв без числа), минуя трагичес-

кий взлет и окровавленный последыш войны, — куда? К ширящемуся все дальше на Запад и Восток пространству без душ? Конечный код сталинской державы: не средства, какие превыше цели, а цена, которая превыше всех наличествующих средств и исключает все известные людям цели. Цена как таковая. Единственность Цены — и Он в качестве ее единственного воплощения.

От этого наследия в 1953-м не был свободен никто. И никто не мог от него освободиться разом, как никто не мог от выравнивания смертью вернуться разом к равенству, воплощенному в человеческом достоинстве каждого, в способности каждого вернуть свое человеческое призвание быть (стать!) собою. По законам «системы» — законам ее саморазрушения — вырваться из ее объятий значило либо объявить себя вне ее законов, либо попытаться встать над ними, открыто заявив себя противником «единственного воплощения», противником призрака его, его загробной власти над мыслями и поступками. Но встать над — значило остаться в пределах отрицаемого. Та же агония системы, те же законы ее саморазрушения влекли к еще одной попытке «введения». Последней ли? Ответом — судьба Хрущева. Вся — от освободительного первого шага до конечного минусового баланса. Признаем: не только первый шаг нам дорог. Но и минусовый баланс — общее приобретение. Нужное нам всем, не исключая никого.

Поэтому я отдаю предпочтение «великому десятилетию» с его новыми утратами и болями, с мучительными для всех шараханьями из края в край, с безумствами финала, — отдаю предпочтение перед предположительным, не исключенным, медленным скольжением и «рационализацией» сталинского наследия, какие могли бы проистечь из торжества «антипартийной группы». Рискованный тезис, я понимаю это. В некотором смысле — бездоказательный. Можно бы указать в виде аргумента на последышей Хрущева, но и этот аргумент слабый: ведь это его люди, им же отобранные, его вкусам отвечавшие. Это его, ожесточенного на Шепилове, ставка на затаенных иезуитов сталинской выучки типа М.А. Суслова либо на безгласных, но небезопасных ничтожеств вроде Ф.Р. Козлова, Л.И. Брежнева, Н.В. Подгорного (которого даже его не менее сиятельные партнеры по «забыванию козла» называли «пусто-пусто»); это его, хрущевская, эйфория мнимой цели, его судорожные попытки заполнить открывшийся со смертью Сталина простор отсутствия, заполнить чем-то, что было бы не менее масштабным, державным, «великим»; это его желание, сохранив в себе последнего функционера, удержать Мономахову шапку вождя, — это все, отозвавшись в людях, движимых сугубо разными помыслами, сделало одних из них его активными ненавистниками, а других — равнодушными свидетелями его падения. Ненависть, совокупившись с равнодушием, вывела нас всех на новый виток агонии сталинской системы. Достижение? Провал? Не те слова. Ибо агония — это не тихое умирание. На пороге смерти — всплеск жизни.

Его, хрущевской? В буквальном смысле — нет. Повстречайся с ним в последние опальные годы некто, не ведающий всего, что произошло в нашем отечестве между 5 марта 1953 года и 14 октября 1964 года, этот

условный пришелец не обнаружил бы в Хрущеве ни созерцателя, подводящего итоги себе и времени, ни деятеля, лелеющего планы расширения круга сторонников и единомышленников. Нужно признать, что политиков в этом смысле, проистекающем опять-таки из самого понятия «политика», у нас давно уже нет. Самому Хрущеву вряд ли приходило в голову, что убежденный коммунист может иметь своих сторонников, если не занимает положения, позволяющего иметь таковых. Что допустимо в сфере, очерченной иерархическими границами, недопустимо, а стало быть, опасно, а потому должно быть наперед объявлено вне закона — по ту сторону этих границ! Этого правила он нарушить не мог. И тем не менее преступил его — однажды, в тот решающий момент своей жизни, не будь которого у нас не было бы и оснований его понимать, а преемникам его не пришлось бы в голову (у страха глаза велики) окружать Новодевичье кладбище двойным кордоном милиционеров и солдат, оснащенных рациями. Чего, собственно, они боялись — изъятия добрых чувств или чего-то большего, о чем гласит старинная половица: «Дурной пример заразителен»?

И впрямь: против течения редко когда остается в единственном числе. Чем дальше уходил Хрущев от своего начала, тем больше становилось людей (перефразируя Чернышевского, мы бы сказали: новых новых людей), готовых не только не допустить возвратного движения, но и сделать шаг вперед по сравнению с готовым — хрущевским началом. Шаг или, точнее, шаги. Шаги-открытия, притом что открывалось ими не только то, что в отечественном и мировом запаснике, но и то, чему еще нет прецедента. Разные и не вполне согласуемые шаги. Спотыкающиеся на том самом месте, где споткнулось все хрущевское Дело, — на переходе от анти-Сталина к не-Сталину: к иной жизни. Но это уже, как сказано другим русским классиком, «тема нового рассказа». Раскрывая его страницы, непременно поставишь все тот же мучающий поколения вопрос: неужто, как заведено у нас в России, так и задано нам менять себя чередой взлетов и падений?

Сегодня, оглядываясь на Пятидесятые и Шестидесятые, и то, что из них выросло, и то, на чем они оборвались, как будто бы нетрудно и ответить. Но это только — как будто бы. Ответ еще ждет развернутого мыслю вопроса, накладывая запрет на «благородные умолчания»: несбывшихся надежд и замученных людей. Да и вопрос не один, а ответов заведомо будет много больше. И не попеняешь, что Образ, как и раньше, опережает Понятие — и набросками вопросов, и черновиками ответов. Ответ ли или только вопрос, поставленный Эрнстом Неизвестным, — памятник на Новодевичьем кладбище, где отливающая позолотой голова Никиты — освобождающего, Никиты — властвующего, Никиты — топчущего им начатое, Никиты — карийского и Никиты — новочеркасского, стоит на бело-черных, разделенно-единых подставках-остриях, стоит, открывая тот пестрый ряд, который завершает могила Александра Твардовского?!

И опять же не состязание, а вопрос, ответ которому дает длящаяся жизнь: чьим именем справедливее называть ту окончательную, но незавершенную эпоху — именем Никиты Хрущева или именем Александ-

ра Твардовского? Именем первого слушника сталинской системы, не сумевшего совладать со Сталиным в самом себе, или именем человека, которому первый дал возможность превозмочь Сталина в себе: ту возможность, которая родила раскрепощающее Слово — дверь из смерти в жизнь?!

Pro domo sua

Почему я выбрал старинную латынь вместо более привычного послесловия? И вообще — зачем вдогонку тексту, у основного состава фактов и мыслей которого более чем пятнадцатилетняя давность, направлять строки, наваянные заботами сегодняшнего дня?

Одна причина, вполне естественная. Взяв в руки текст, пролежавший годы в ящике моего письменного стола, я не мог удержаться от того, чтобы не привести рукопись хотя бы в некоторое соответствие с переменами, которые произошли во мне самом. Рубцы «родословной», вероятно, будут замечены читателем и поставлены в справедливый упрек автору, которому остается лишь сказать, что, поскольку это его рубцы, они ему так же дороги, как и соображения, пришедшие в голову при доделке.

Но все-таки не ради одного этого — заключительные строки и латынь в заголовке *Pro domo sua* буквально значит: «за свой дом». Тут вместе личное и общее — и сам дом, и отстаивание своего права (и долга!), следуя уже отечественной традиции, связывать былое с думами, узнанное и добытое исследованием с тем, что пришлось пережить — по собственной ли доброй воле или по «чужой» недоброй. Историк к тому же не больше чем посредник. Не больше, но и не меньше. Без него не быть тем встречам без встреч, которые показаны человеческой жизни, как одно из неперменных условий того, чтобы она длилась и была жизнью. Всякое правило подтверждается исключениями. На беду нашу, у нас их накопилось слишком много, этих несостоявшихся «встреч без встречи». Слишком много оборванных нитей, на полуслове прерванных начал, преддверий, которые состоят не столько из бьющих в глаза совпадений прошедшего с нынешним, сколько из неприметных на первый взгляд уроков, какие один человек способен сообщить другому, лишь глядя в глаза и обходя тома с закладками. Вот и человека, о ком в этой статье идет речь, уже давно нет. И я не уверен, что он смог бы внятно изложить другому свой урок. Скорее наоборот — не смог бы, и это также входит в его судьбу.

Трудно соединить живые и мертвые руки, еще труднее — сблизить слова, когда утрачен словарь. В качестве посредника я не отождествляю себя с Хрущевым. На исповеди бы сказал, что, имея я даже хрущевский статус 1953 — 1956 годов, вероятнее всего, не дерзнул бы решиться на первый — бессмертный хрущевский шаг. Но, зная это, знаю и иное: в той судьбе, когда читаешь ее от начала и до развязки, содержится не только неотвратимое поражение, там еще и кровь и грязь. Если я скоро это, я буду лжецом, которому не простится.

Ныне мы живем у себя дома под знаком разрастающихся перемен,

тяги к очищению и обновлению. Но не смеем забыть — живем и после Чернобыля, и после Сумгаита. Кому дано наперед измерить, что весит больше? Вспомним еще раз пушкинское: ум человеческий не пророк, а угадчик. Угадывание же требует, чтобы ум был озабочен не только собою — глаголящим, вызывающим. Даже если это вызывание честное, без павлиньего хвоста, даже в этом случае уму-угадчику как не озаботиться о других, чтобы поняли они, чтобы приняли «угадку» за свою. Нет сейчас нужды важнее. Она и день вчерашний, и день завтрашний. Вчерашний свидетельствует: начиная с нэповских 1920-х, мы терпели поражение за поражением, уходя и не доходя от братоубийственных схваток к гражданскому миру — не идиллическому, но продуктивному, к миру-работнику, работнику-хозяину.

Завтрашний же день настаивает: мы все сообщая, все поколения, все языки и «уклады», должны научиться выходить из домашних невзгод и неудач непобежденными, дав ради этого зарок — отныне не должно быть ни одного человека, ни одного народа, повергнутого ниц, затоптанного и терзаемого, оставленного в одиночестве.

Только так.

1971, 1988

Михаил ГЕФТЕР

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ*

КНИГА ПЕРВАЯ

№ 1. Об авторах заметки в газете «Звезда»	727
№ 2. Письмо Хрущева в контору Брянского общества	729
№ 3. Письмо Н.С. Хрущева в главную контору	730
№ 4. Протокол заседания Совета рабочих депутатов 29-го мая 1917 г.	730
№ 5. Статья Н. Хрущева, опубликованная в газете «Диктатура труда» города Юзовка	732
№ 6. Из протокола районной конференции Петрово- Марьинского райкома КП(б)У	733
№ 7. Письмо Сталинского окружкома КП(б)У в наркомат просвещения (1925 года)	734
№ 8. Выступление Н.С. Хрущева на первой всеукраинской конференции КП(б)У 18 октября 1926 года	735
№ 9. Выступление Н.С. Хрущева на пленуме Сталинского окружкома КП(б)У	737
№ 10. Сообщение Н.С. Хрущева о решении Политбюро ЦК КП(б)У	740
№ 11. Доклад Н.С. Хрущева на XIV Сталинской окружной партийной конференции 10 ноября 1927 года	740
№ 12. О деятельности троцкистской оппозиции за послед- ний период	745

* Для удобства пользования в этой книге приводится перечень всех документов, опубликованных в 1–4 книгах, с указанием страниц, каждой из книг.

№ 13. Выступление Н.С. Хрущева на 2-й конференции КП(б) Украины	746
№ 14. Статья в газете «Правда»	748
№ 15. Резолюция Бауманского райкома ВКП(б)	750
№ 16. Опросный лист о Якире и Уборевиче	752
№ 17. Приказ народного комиссара обороны СССР	753
№ 18. Справка Управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел УССР	757
№ 19. Материалы к протоколу заседания военного совета КВО	762
№ 20. О состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава	763
№ 21. Из докладной записки И.А. Серова Л.П. Берия	764
№ 22. О фактах неправильного отношения к бывшим членам КП Польши	766
№ 23. Письмо Н.А. Ласкина Н.С. Хрущеву	767
№ 24. Письмо Н.С. Хрущева от художественного руководи- теля Театра им. Леси Украинки Константина Хохлова ..	769
№ 25. Разговор по прямому проводу Н.С. Хрущева и М.А. Бурмистенко	770
№ 26. Письмо И.С. Паторжинского Н.С. Хрущеву	771
№ 27. Письмо академика А.А. Богомольца Н.С. Хрущеву	774
№ 28. Политдонесение члену военного совета Н.С. Хрущеву ..	775
№ 29. Записи переговоров А.М. Василевского с главно- командованием Юго-Западного направления	777
№ 30. Постановление Центрального Комитета ВКП(б) о создании нелегального ЦК КП(б)У	779
№ 31. Телеграмма Н.С. Хрущева академику Е.О. Патону	781
№ 32. Телеграмма Н.С. Хрущева в Свердловский обком ВКП(б)	781
№ 33. Ответ Н.С. Хрущева руководителям партизанских отрядов на Украине	782
№ 34. Выступление Н.С. Хрущева на заседании Политбюро ЦК ВПК(б) с участием членов нелегального ЦК КП(б)У 3 апреля 1943 года. В связи с обсуждением оператив- ного плана боевых действий партизан Украины на весенне-летний период 1943 года	783
№ 35. О языке партизанских газет и листовок	789
№ 36. Телеграмма Н.С. Хрущева секретарю Башкирского обкома ВКП(б) С.Д. Игнатьеву	789

№ 37. Сообщение членам нелегального ЦК КП(б)У	790
№ 38. Письмо Александра Бойченко Н.С. Хрущеву	790
№ 39. Ответ Н.С. Хрущева Александру Бойченко	791
№ 40. Шифрограмма Н.С. Хрущева И.Ф. Чепурному	792
№ 41. Телефонограмма Н.С. Хрущева И.В. Сталину	792
№ 42. Директивное указание С.А. Ковпаку	793
№ 43. Сообщение Н.С. Хрущева И.В. Сталину	793
№ 44. Приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Ватутину	795
№ 45. Выступление Н.С. Хрущева на траурном митинге в Киеве, посвященном памяти Н.Ф. Ватутина	798
№ 46. Постановление Политбюро УК КП(б) Украины «О Довженко А.П.»	801
№ 47. Телефонограмма Н.С. Хрущева И.В. Сталину	802
№ 48. Докладная записка Наркома госбезопасности Украинской ССР Савченко Н.С. Хрущеву	804
№ 49. Письмо писателя Павло Тычины Н.С. Хрущеву	806
№ 50. О приеме в члены КП(б)У т. Тычины П.Г.	807
№ 51. ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину И.В.	808
№ 52. Постановление ЦК ВКП(б)	808
№ 53. Приветствие ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Н.С. Хрущеву в связи с пятидесятилетием и награждением Орденом Ленина	808
№ 54. Докладная записка Н.С. Хрущева И.В. Сталину о ликвидации банды в Ровенской области	809
№ 55. Телефонограмма Н.С. Хрущева И.В. Сталину об освобождении А.Е. Корнейчука от должности Наркома иностранных дел	810
№ 56. Телефонограмма Н.С. Хрущева И.В. Сталину о согласии А.Е. Корнейчука на пост Председателя Комитета по делам искусств	811
№ 57. Спецдонесение Н.С. Хрущева И.В. Сталину о поло- жении дел на фронте и в освобождаемых районах ...	812
№ 58. Докладная записка директора Киевской киностудии Н.С. Хрущеву	817
№ 59. Докладная записка Н.С. Хрущева И.В. Сталину о положении в Закарпатской Украине	819
№ 60. Специальное сообщение заместителя Наркома государственной безопасности УССР в ЦК КП(б) Украины	820

№ 61. Сопроводительная записка Н.С. Хрущева к сообщению Наркома внутренних дел УСССР	824
№ 62. Сообщение Наркома внутренних дел УСССР об аморальном и преступном поведении военнослужащих в местах дислокации	824
№ 63. Записка Н.С. Хрущева в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить издание массово-политического журнала для женщин	827
№ 64. Записка Н.С. Хрущева в ЦК ВКП(б)	828

КНИГА ВТОРАЯ

№ 1. Информация Н.С. Хрущева в совнаркоме СССР о положении в западных областях Украины	725
№ 2. Сообщение полковника Игнатова в МГБ СССР	729
№ 3. Выдержки из донесения члена центрального провода, руководителя СБ «Михайло» в адрес Шухевича — основного проводника ОУН на Украине	730
№ 4. Сопроводительная записка заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия к подборке документов, направленных на рассмотрение И.В. Сталина	737
№ 5. Докладная записка министра Госбезопасности СССР В.С. Абакумову о последствиях голода в Тарутинском и Бородинском районах измаильской области	738
№ 6. Докладная записка министр Госбезопасности Молдавской ССР Мордовца министру госбезопасности СССР В.С. Абакумову о последствиях голода в районах Молдавии	739
№ 7. Выдержки из писем жителей Воронежской и Сталинградской областей о тяжелом продовольственном положении	741
№ 8. Из выступления Н.С. Хрущева на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС	743
№ 9. В ЦК КПСС товарищу Маленкову	745
№ 10. В ЦК КПСС Товарищу Маленкову	746
№ 11. В Президиум ЦК КПСС	752
№ 12. Из выступлений Н.С. Хрущева на III съезде писателей СССР 22 мая 1959 года	752
№ 13. В Бюро ЦК КПСС по РСФСР	754

№ 14. Из доклада (проект) Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина»	757
№ 15. Новые исследования о XX съезде КПСС	777
№ 16. Выступление Н.С. Хрущева перед студентам королев- ского военно-морского колледжа в Гринвиче	794
№ 17. Протокол допроса арестованного Сталина Василия Иосифовича	796
№ 18. А.Н. Шелепин, Р.А. Руденко в ЦК КПСС	801
№ 19. Р.А. Руденко и А.Н. Шелепин в ЦК КПСС	802
№ 20. В.Е. Семичастный Н.С. Хрущеву	803
№ 21. С.И. Аллилуева А.Н. Косыгину	804
№ 22. Из дневника М.А. Сванидзе	805
№ 23. Записка председателя госкомитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР	810
№ 24. Текст выступления писателя Л. Кассиля	811
№ 25. Из записки отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам	813
№ 26. Обмен посланиями между Президентом США Джоном Ф. Кеннеди и Председателем совета министров СССР Н.С. Хрущевым	813

КНИГА ТРЕТЬЯ

№ 1. Распоряжение Совета Министров СССР «О мерах по оздоровлению обстановки в ГДР»	623
№ 2. Декларация правительства Союза Советских Социа- листических Республик и Федеративной Народной Республики Югославии	628
№ 3. Из непроизнесенной речи маршала Г.К. Жукова	632
№ 4. Открытое письмо членов венгерского революцион- ного Рабоче-Крестьянского Правительства к «венгерс- кому народу»	640
№ 5. Информация Министерства Обороны СССР в ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию на 12.00 4 ноября 1956 г.	641
№ 6. Информация Министерства Обороны СССР в ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию на 21.00 4 ноября 1956 г.	642
№ 7. Обращение командования советских войск в Венгрии к венгерскому народу	643

№ 8. Телеграмма Ю.В. Андропова в МИД СССР о занятии советскими войсками парламента в Будапеште и отсутствии связи с новым венгерским правительством	644
№ 9. Телеграмма Н.П. Фирюбина из Белграда в МИД СССР о пребывании И. Надя с ближайшими сторонниками в посольство ФНРЮ в Будапеште и позиции в связи с этим И. Броз Тито	644
№ 10. Протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС (к протоколу № 51)	645
№ 11. Постановление Президиума ЦК КПСС о телеграмме Н.П. Фирюбину в Белград по вопросу об И. Наде и его группе	648
№ 12. Информация министерства обороны СССР в ЦК КПСС о положении в Венгрии по состоянию на 21.00 5 ноября 1956 г.	649
№ 13. Протокольная запись заявления Президиума ЦК КПСС (к пункту VII протокола № 52)	650
№ 14. Постановление Президиума ЦК КПСС «О срочной от- грузке товаров в Венгерскую Народную Республику»	650
№ 15. Из выступлений Н.С. Хрущева на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС	652
№ 16. Письмо Центрального Комитета КПСС ЦК Компартии Китая	666
№ 17. Письмо Г.К. Жукова в Президиум Центрального Комитета КПСС	679

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

№ 1. Письмо Н.Т. Берия Н.С. Хрущеву	543
№ 2. Записка Н.С. Хрущева о военной реформе	544
№ 3. Постановление президиума ЦК КПСС «О дальнейших шагах по борьбе за ослабление международной напряженности»	551
№ 4. Постановление пленума ЦК КПСС «О мероприятиях Советского правительства по ослаблению международной напряженности»	552
№ 5. Запись выступления Н.С. Хрущева на секретариате ЦК КПСС во время обсуждения журнала «Новый мир»	552
№ 6. Голубой зал Кремля	554

Письма академика П.Л. Капицы Н.С. Хрущеву	562
№ 7. Письмо первое, от 12.04.1954 г.	562
№ 8. Письмо второе, от 15.02.1955 г.	565
№ 9. Письмо третье, от 6.05.1957 г.	569
№ 10. Письмо четвертое, от 28.07.1958 г.	570
№ 11. Письмо пятое, от 20.02.1959 г.	571
№ 12. Письмо шестое, от 5.04.1960 г.	574
№ 13. Письмо седьмое, от 16.10.1960 г.	575
№ 14. Письмо восьмое, от 18.06.1961 г.	576
№ 15. Письмо девятое, от 19.07.1964 г.	578
№ 16. Докладная записка Главлита СССР в ЦК КПСС в связи с письмом П.Л. Капицы от 20.02.1959 г.	582
№ 17. Вторая докладная записка Главлита СССР в ЦК КПСС в связи с письмом П.Л. Капицы от 20.02.1959 г.	584
Правозащитники	586
№ 18. Письмо академика Сахарова члену Конгресса США Андерсену	587
№ 19. Записка председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС	591
№ 20. Записка председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС	591
№ 21. Записка председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС	592
№ 22. Записка председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС	593
№ 23. Выписка из протокола заседания политбюро ЦК КПСС	594
№ 24. Послание председателя СПА Бруно Крайского Ю.В. Андропову	595
№ 25. Записка Б.Н. Пономарева в секретариат ЦК КПСС о письме ЦК Компартии Бельгии	596
№ 26. Письмо ЦК КПСС ЦК Компартии Бельгии	597
№ 27. Телеграмма Р. Стеена и И. Левероса Л.И. Брежневу ...	598
№ 28. Записка Л. Замятина и В. Шапошникова в секретариат ЦК КПСС	599
№ 29. Послание ЦК КПСС Р. Стеену и И. Леверосу	599
№ 30. Письмо московской интеллигенции Л.И. Брежневу «Великое десятилетие Н.С. Хрущева»	602
№ 31. Из официальной хроники	603
№ 32. Последний год у власти	605

№ 33. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу	607
№ 34. Из воспоминаний П.Е. Шелеста	607
№ 35. Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС	630
№ 36. Заседание Президиума ВС СССР	630
№ 37. Записка председателя КГБ при Совете Министров СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС	632
№ 38. Сообщение о кончине Н.С. Хрущева	633
№ 39. Проводы	633
№ 40. Санитарный день. (Записки современника о похоронах Н.С. Хрущева.)	636

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов 656
 Абрамов 630, 678
 Абрамович 18, 19, 51
 Абросимов 51
 Авербах 288
 Аджубей 2, 554, 615, 635, 640, 665
 Акопов 314
 Аксенов 554, 559
 Алабян 12
 Александров 182, 200, 222
 Алиханов 580
 Ангелин 393
 Андерсен 587
 Андреев 65, 74, 75, 631, 300, 383, 384
 Андропов 542, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 619, 633
 Антонов 233, 238
 Архимед 640
 Арцимович 580, 603
 Ахмадулина 555
 Ашкенази 492
- Бабич 601
 Бадаев 62, 354, 377
 Бараев 85, 498, 511, 514, 515
 Бармин 198, 211
 Башьян 567
 Бедный (Придворов) 275
 Бек 681
 Бельский 447
 Бен Беме 606
 Бенедиктов 124, 139, 501, 363, 373
 Бердяев 562
 Берия 25, 26, 152, 165, 168, 169, 189, 294, 302, 303, 352, 403, 439, 443, 444, 445, 531, 543, 545, 546, 547, 548, 561, 612, 614, 618, 619, 624, 632, 656, 657, 658, 659, 660, 662, 677, 687
 Бирюзов 242, 459
 Богданов 567
 Богуславская 561
 Бор 581
 Борисов 577, 595
 Боссе 43
 Боффа 684
 Брежнев 75, 100, 307, 504, 535, 538, 539, 542, 554, 598, 602, 603, 605, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 632, 633, 644, 690
 Буденный 274, 487, 630
 Будкер 222, 237
 Булганин 12, 25, 169, 172, 178, 180, 186, 199, 200, 210, 232, 238, 239, 243, 443, 451, 452, 453
 Буллит 225, 237
 Бурда 393
 Бухарин 652, 679, 680
- Вавилов 583, 584, 586
 Валтасар 668
 Ванников 165, 202, 208, 210
 Вареница 500
 Варенцов 208
 Василевская 541, 554, 556
 Васильев 15, 639
 Вацетис 448
 Веденин 542
 Величанский 665
 Веснин 15, 51

- Вильямс 121, 132, 133, 134,
 360, 361, 375, 381, 384, 507,
 508
 Виноградский 567
 Владимир (Киевский князь) 13
 Власов 15, 18, 19, 647, 648
 Власюк 516
 Вознесенский 555, 556, 558,
 560, 561, 562
 Войнович 560
 Волков 218, 236, 277, 601,
 648
 Воловченко 518, 519
 Воробьев 225, 493
 Воронов 504, 539, 620
 Ворошилов 164, 169, 273,
 274, 433, 447, 448
- Гагарин 4, 197, 214
 Галан 22
 Ганди 606
 Гарст 111, 114, 115, 135,
 330, 340, 345, 390, 407, 436,
 507, 509, 519, 525
 Гегель 649
 Гейт 597, 598
 Генри 560, 603
 Георгадзе 594, 595, 607,
 630, 632
 Герасимов 273
 Герек 133, 389, 422
 Гефтер 690
 Гинзбург 31, 52
 Гиталов 135, 340, 369, 403
 Гитлер 201, 432, 446, 447,
 455, 456, 458, 462, 468, 470,
 471, 488, 660, 661, 667, 679
 Глушко 191, 192, 215,
 230, 238
 Голдуотер 474
 Голицын 558, 559
- Гомля 57, 297, 374
 Гомулка 133, 389, 422, 469,
 470, 477
 Гонтарь 617
 Гопкинс 661
 Горбатов 277, 278, 287
 Горкин 631
 Горшков 177, 187
 Горький 10, 11
 Готвальд 444
 Грачев 500, 520, 521,
 524, 530
 Гречко 148, 208, 349,
 363, 364, 520, 618, 625, 665
 Грибачев 665
 Григоренко 591, 592, 593,
 594, 595
 Грингласс 237
 Гриневицк 673
 Громько 248, 253, 466, 594
 Гроссман 681
 Грушин 205, 211
 Гуревич 189
- Давыдов 524
 Даллес 253, 456, 475, 482
 Даниил 668
 Даян 460
 Де Голль 98, 366, 665
 Дементьев 631
 Демичев 619, 630
 Демченко 296
 Джонсон 206
 Диллон 479
 Добровольский 51, 218,
 236, 277
 Достоевский 673
 Дояренко 508
 Драч 560
 Дубковицкий 518
 Дугин 538

Евтушенко 283, 284, 286,
287, 641
Егоров 607
Ежов 679
Елизаров 51
Емельянов 574
Еременко 459, 648
Ермилов 288, 554
Ефремов 530, 557, 603

Жданов 23, 566, 679, 435
Жолтовский 12, 13, 14, 15,
33
Жуков 4, 178, 238, 239,
240, 241, 243, 261, 265,
451, 452, 453, 454, 458,
459, 481, 482, 665, 666,
667, 683, 686
Жуковский 235, 240

Завадский 557
Завенягин 55, 372
Заглада 522
Замятин 600
Засядько 20, 199
Захаров 241, 242, 243, 460
Зверев 63, 71, 151, 298, 351
Зельдович 222, 236
Зингерман 641
Зиновьев 280, 281, 417
Злобин 642
Зотов 51

Иващенко 616, 617
Игнатов 622, 630, 631, 632
Иден 180, 181, 229, 285,
450, 452

Ильичев 554, 582, 665
Ильюшин 189, 233
Иоанн Грозный
(Иван IV) 443

Кабинет 41
Каверин 561
Кавун 136, 137, 138, 342,
362, 363, 500, 501, 510
Каганович 10, 30, 62, 168,
169, 243, 282, 297, 377,
604, 676
Кадар 116, 606, 334, 469,
477
Казакевич 280, 287
Каледин 54, 373
Калинин 570
Каменев 677, 683
Каминский 8
Камов 209, 211
Кан Де Хан 511
Капитонов 633
Капица 4, 220, 224, 225,
226, 227, 228, 229, 230, 237,
457, 562, 564, 565, 569, 571,
572, 573, 574, 575, 576, 578,
582, 583, 584, 585, 586
Карпов 295
Кастро 463, 467, 605,
608, 666
Кекконен 606, 660
Келдыш 4, 26, 52, 114, 220,
222, 223, 237, 363, 455
Кеннеди 214, 216, 217, 249,
251, 253, 259, 464, 475, 476,
485, 486, 665, 666, 667, 668,
669, 670, 671
Ким Ир Сен 164, 433, 434,
435
Кинг 671
Кирилл (Великий князь) 12

- Кириленко 146, 147, 361,
612, 620, 627
Кириллин 574, 577
Кириченко 115, 120, 333, 386
Киров 440, 652
Кисунько 205, 211
Ковтуненко 601
Козлов 31, 32, 49, 124, 140,
293, 363, 367, 554, 557, 561,
608, 630, 650, 688
Колосс 57, 83, 98, 174, 175,
213, 297, 374, 406,
431, 591
Колумб 32
Комаров 236, 607
Конев 240, 241, 243, 459,
460, 546
Конотоп 134, 138, 149, 338,
339, 345, 364, 422
Корин 603
Корнейчук 566, 567, 616
Королев 4, 134, 147, 190,
191, 192, 193, 194, 195,
200, 201, 215, 230, 238, 339,
362, 496
Коротченко 618, 621
Косинский 56, 373
Косиор 57, 58, 297
Косыгин 151, 239, 351, 541,
554, 594, 606, 607, 620, 621,
630, 631, 632, 686
Крайский 595, 596
Кринский 51
Кронрод 537
Кросс 660
Крылов 205
Крючков 633
Кузнецов 4, 171, 172, 173,
174, 175, 176, 177, 178, 192,
210, 233, 238, 256, 594, 448,
449, 465, 471
Куйбышев 652
Кулаков 538
Кунаев 499, 630
Курчатов 4, 220, 221, 222,
226, 229, 230, 456, 492, 574
Кутузов 48, 483
Лавочкин 189, 190, 194,
195, 210
Лаврентьев 220, 223, 224,
227, 237
Лагутенко 28, 29, 293
Лакеев 191
Лангман 14, 15, 51
Лаптев 487
Ларионов 499
Лебедев 560, 561
Леверос 600, 601, 602
Левиафан 680
Ленин (Ульянов) 57, 58, 60,
61, 119, 129, 145, 146, 161,
169, 247, 269, 270, 279, 281,
282, 287, 331, 336, 348, 369,
371, 374, 378, 379, 380, 417,
426, 427, 428, 432, 443, 449,
473, 478, 490, 496, 508, 521,
523, 528, 529, 531, 533, 534,
550, 551, 565, 567, 568, 571,
644, 651, 652, 654, 661, 676,
677, 679, 680
Леонов 25, 52, 470
Лепешинская 567
Лермонтов 555, 556
Ли Сын Ман 434, 435
Лисичкин 639
Лихачев 35
Лога-Совиньский 133
Лозовский 440
Ломоносов 576
Лорх 118, 335, 386
Луи 598
Луканов 164
Лукашевич 133, 422

Лукашов 62, 354, 377
Лукьяненко 114, 333, 363,
385, 386, 403
Луначарский 229
Лутак 617
Лысенко 114, 385, 500, 501,
540
Люлька 234, 235

Мазуров 505, 626, 630
Майск 655
Макаров 12, 171
Макбет 681
Македонов 681
Макмиллан 452
Макнамар 242, 243, 462,
463
Максимов 525, 526
Маленков 22, 23, 65, 67, 72,
73, 168, 169, 178, 239, 240, 243,
300, 305, 307, 384, 390, 443,
444, 489, 493, 507, 535, 604,
655, 657, 658, 659, 664, 685,
686
Малинин 518
Малиновский 4, 51, 171,
172, 176, 187, 188, 238, 240,
241, 243, 244, 265, 434, 458,
459, 460, 473, 545, 551, 625
Мальцев 498
Манштейн 459
Мао Цзэдун 161, 164, 170,
239, 358, 427, 434, 435, 436,
446, 447, 472, 481, 482, 483,
484, 485
Маркс 161, 283, 533, 649
Марсаков 10, 51
Мах 567
Мацкевич 114, 363,
490, 491, 501, 505, 514,
518, 532

Маяковский 284, 286, 555,
558
Межлаук 224, 225
Мехлис 278, 569
Мжаванадзе 622, 626
Микоян 42, 112, 113, 173,
189, 200, 280, 332, 433, 449,
490, 622, 624, 625, 628, 629,
631, 632, 636
Миль 209, 211
Михайлов 20, 30, 31, 32,
51, 293
Михоэлс 440
Моисей 649
Моисеенко 55, 56, 296, 372
Молотов 14, 15, 37, 38, 66,
76, 77, 79, 126, 164, 168, 169,
222, 239, 240, 243, 309, 359,
384, 398, 408, 415, 433, 440,
445, 453, 454, 479, 480, 489,
493, 604, 657, 659, 660, 661,
667, 680, 686,
Монро 560
Мордвинов 12
Москаленко 205, 211
Мусийко 114, 120, 333, 385,
386
Мыларщиков 530
Мюрисеп 630
Мясищев 190, 194, 195, 210
Надь 17, 675
Наливайко 511
Нансен 60, 378
Насер 118, 242, 606, 665
Неделин 195, 196, 205, 211
Неизвестный 283, 284, 557,
689
Некрасов 96, 554, 603, 319,
395
Неру 606
Несмеянов 222, 565, 583
Николай 273
Никсон 206, 259

Новиков 12
Нуриев 630

Овечкин 488, 489
Оппенгеймер 668, 683
Органов 619
Орджоникидзе 186, 538,
652
Орлов 595, 596, 597, 598,
600, 601, 602
Оруэлл 669
Осипов 515
Островитянов 537

Павлов 567
Пантелеев 210
Пастернак 275, 276, 287,
555, 556, 558, 561, 647
Паулюс 447, 458, 459
Паустовский 554, 560, 603
Пауэрс 258
Пацаев 218, 236, 277
Пейве 630
Первухин 169, 686
Петровский 55, 57, 115, 295,
296, 333, 372, 385, 386, 496,
515, 608, 612
Пикассо 285, 288
Питаевский 576, 577
Платонов 669
Плисецкая 492, 603, 457
Подгорный 148, 349, 364,
500, 504, 505, 516, 538, 554,
608, 609, 611, 612, 614, 615,
616, 617, 618, 619, 620, 621,
622, 623, 624, 625, 626, 627,
628, 629, 630, 688
Подлас 278
Покрасс 274

Поликарпов 681
Поляков 487, 530
Пономарев 595, 596, 597
Пономаренко 75, 100, 307
Попов 22, 23, 440
Посмитный 518, 540
Посохин 49, 292
Поспелов 569
Потоцкий 15
Преображенский 652
Приставкин 560
Пробст 685
Прокофьев 272, 555
Промыслов 23, 36, 43, 52
Проскуряков 24
Прутков 128, 416
Прянишников 121, 122, 508,
361, 374, 375, 382
Пу И 439
Пустовойт 115, 120, 334,
338, 386, 403
Пушкин 273, 555, 561, 593,
673, 690
Пын Дэхуа 436

Райкин 684
Рамсес 295, 321
Ранкович 655
Рахматов 630
Резерфорд 225, 237
Ремесло 114, 120, 333, 338,
363, 386
Риббентроп 445, 660
Римский 14, 285
Рихтер 456, 457, 492
Розенберг 222, 237
Рокоссовский 459
Рокотов 675
Ромм 554, 555, 561, 603
Ростопчин 556
Ростропович 279

- Руденко 544, 631
Рудзутак 652
Рудный 641
Рузвельт 237, 432, 437, 438,
660, 661, 663
Румянцев 527
Русанов 648
Рухлядев 51
Рыбаков 601
Рюмин 656
Рютин 676
- Сабуров 169
Савельев 104, 429
Савинкин 594
Савченко 83, 84, 312
Садовский 24, 25, 26, 27,
293, 640
Салтыков-Щедрин 516
Сахаров 4, 211, 212,
213, 220, 221, 226, 227,
236, 456, 587, 591, 592, 603,
664, 666, 683
Светличный 136, 138, 341,
369
Семенов 141, 423, 510, 541,
580, 681
Семичастный 622, 625, 628,
629
Сенин 616, 617
Сергей (Хрущев С.) 287, 622,
636, 639
Серебряков 283, 284
Сеченов 567
Сидоров 140, 364
Симонов 283, 647
Скуратов 443
Славский 574
Слуцкий 603
Смиртюков 594
Смоктуновский 603
- Смоляниченко 631
Собея 237
Соболь 626, 642
Содди 237
Соколов 25, 26, 52, 115,
120, 333
Соколовский 25, 52, 185,
241, 243, 261, 546
Сократ 681
Солженицын 276, 277, 278,
279, 287, 561
Солоухин 559
Сот 514
Спиридонов 630
Спыхальский 133
Сталин 2, 4, 15, 16, 20, 22,
23, 24, 26, 27, 30, 37, 48, 49,
50, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65,
66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73,
74, 85, 86, 88, 89, 91, 102,
104, 122, 126, 128, 131, 136,
147, 163, 164, 165, 166, 167,
168, 169, 170, 171, 173, 174,
176, 177, 184, 189, 190, 197,
200, 201, 202, 211, 222, 223,
224, 225, 226, 228, 229, 231,
232, 238, 239, 240, 241, 244,
256, 269, 273, 274, 275, 277,
278, 279, 282, 283, 285, 287,
292, 294, 296, 297, 299, 300,
301, 302, 303, 304, 305, 306,
307, 314, 315, 324, 342, 354,
360, 361, 374, 375, 378, 379,
380, 381, 383, 384, 385, 388,
390, 399, 402, 405, 407, 408,
410, 411, 415, 417, 418, 429,
430, 432, 433, 434, 435, 436,
437, 438, 439, 440, 441, 442,
443, 444, 445, 446, 447, 448,
449, 451, 453, 454, 458, 459,
468, 474, 477, 479, 483, 484,
487, 488, 489, 492, 498, 506,
507, 520, 526, 527, 534, 535,

- 536, 537, 539, 541, 553, 554,
555, 556, 558, 559, 564, 565,
568, 569, 603, 609, 636, 638,
641, 644, 645, 646, 647, 648,
649, 650, 651, 652, 653, 654,
655, 656, 657, 658, 659, 660,
661, 662, 663, 664, 667, 669,
672, 674, 675, 676, 677, 678,
679, 680, 681, 682, 683, 684,
686, 687, 688, 689
Старковский 487
Старченко 114, 382
Стеен 600, 601, 602
Сторожук 112, 113, 520
Страментов 18
Струмилин 537, 685
Суворов 484
Сукарно 665
Сүлейманов 560
Суслов 275, 276, 278, 280,
281, 539, 554, 571, 582, 583,
593, 594, 611, 612, 620, 621,
623, 633, 688
Сырокомский 642
- Тамм 603
Тарковский 557
Твардовский 275, 277, 279,
283, 287, 552, 553, 560, 689
Теркин 275, 287, 552, 553,
686
Тимирязев 508, 567
Тимошенко 239, 277, 448
Тито 13, 270, 610, 666, 480
Тихонов 596
Толстой 30, 241, 483, 538, 556
Тольятти 618
Томпсон 93, 406
Троцкий 680
Трумэн 436, 437
Труфанов 173, 447
- Тулайко 507, 508
Туполев 4, 189, 190, 220,
231, 232, 233, 234, 235, 238,
450, 455
Тухачевский 448
- У Тан 460, 471
Уваров 377
Угаров 23
Ульбрихт 389, 446
Устинов 190, 193, 210, 574,
619, 625
Утесов 285, 288
Уткин 119, 336
Ушаков 444
Уэллс 502
- Фаворский 558
Фадеев 274, 275, 287
Федоров 636
Феоктистов 607
Фок 580
Фомин 13, 15, 16, 51
Фомичев 560
Фор 452
Фримэн 519, 529
Фурцева 583
Фуше 677
- Харитон 222, 237
Хитров 202, 503, 504, 510
Хмельницкий 17, 604
Хобта 541, 542
Холлид 12
Хрущев Никита (Никитка)
(Н.С. — младший) 539
Хрущев 2, 3, 4, 32, 44, 46,

- 52, 65, 67, 81, 83, 90, 97,
111, 115, 135, 145, 146, 154,
157, 169, 179, 230, 231, 232,
247, 248, 280, 285, 287, 288,
291, 299, 310, 312, 330, 340,
347, 353, 354, 360, 361, 385,
389, 393, 397, 400, 402, 441,
478, 484, 487, 488, 489, 490,
491, 492, 493, 494, 495, 496,
497, 498, 499, 500, 501, 503,
504, 506, 507, 508, 509, 510,
511, 512, 513, 514, 515, 516,
517, 519, 520, 521, 523, 525,
526, 527, 528, 529, 530, 531,
532, 534, 535, 536, 537, 538,
539, 540, 541, 542, 543, 544,
545, 546, 551, 552, 554, 555,
556, 558, 560, 561, 562, 565,
570, 571, 572, 574, 577, 583,
587, 604, 605, 606, 607, 608,
609, 610, 611, 612, 613, 614,
615, 616, 617, 618, 619, 620,
621, 622, 623, 624, 625, 626,
627, 628, 629, 630, 631, 632,
633, 634, 635, 636, 637, 639,
640, 641, 642, 643, 646, 647,
648, 649, 652, 653, 654, 655,
656, 657, 658, 659, 660, 662,
663, 664, 665, 666, 667, 668,
669, 670, 671, 672, 673, 674,
675, 676, 678, 682, 683, 684,
685, 686, 687, 688, 689, 690
Хуциев 554, 603
- Челомей 180, 199, 200, 201,
206, 211, 239, 243, 449
Чемберлен 452
Червенков 164, 210
Черненко 631
Чернышев 12, 51
Чернышевский 652, 688
Черчилль 432, 444, 445, 452,
661
Чиж 498
Чистов 631
Чуковский 603
Чураев 530
Чухра 554
- Шагинян 560
Шапиро 560
Шапкин 447
Шапошников 600
Шарипов 630
Шаяхметов 73, 74, 75, 390,
391, 392
Шверник 620
Шевченко 17, 119, 487,
488, 493, 497, 500, 501,
516, 520, 521, 527, 530,
532, 538, 541, 542, 610,
626, 337
Шелепин 530, 557,
558, 619, 620, 622, 626,
627, 629
Шелест 46, 52, 608, 629
Шепилов 243, 487, 569, 684,
686, 688
Шервуд 661, 663
Шлихтер 126, 415
Шолохов 560
Шостакович 285, 288
Шоутис 86, 395
Штыков 264, 435, 484
Шуйский 487, 626
Щелоков 594
Щербаков 23
Щербицкий 505
Щусев 12, 13, 14, 15, 19
- Цвет 567
Цыбенко 518
- Чайковский 272
Чалидзе 669

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австралия 91, 404
Австрия 52, 452, 595, 596, 667
Азербайджан Южный 165
Азия 188, 659
Албания 399, 475, 480, 481, 486, 641
Албанская республика 479
Алжир 606
Алушта 616
Америка 27, 47, 75, 125, 126, 145, 156, 159, 160, 162, 325, 330, 331, 333, 334, 350, 380, 382, 393, 401, 403, 405, 417, 418, 419, 438, 465, 466, 468, 469, 470, 471, 473, 477, 484, 485, 486, 490, 491, 492, 493, 495, 502, 505, 508, 510, 513, 535, 538, 539, 661, 667, 671
Амур, река 172
Англия 10, 47, 109, 116, 164, 166, 175, 179, 184, 190, 215, 226, 230, 249, 268, 329, 334, 387, 401, 432, 437, 438, 439, 451, 452, 459, 460, 461, 462, 465, 469, 470, 473, 475, 483, 484, 486, 492, 583, 588, 590
Арал 165, 438
Армения 158, 165, 356
Артек 618
Архангельск 493, 608
Афганистан 51, 165
Африка 178, 188, 237, 665
Баку 44, 265, 438
Балтийское море 164
Барвенково 278
Белогорск 624
Белое море 187
Белоруссия 62, 65, 66, 68, 72, 75, 85, 90, 98, 131, 297, 300, 302, 307, 323, 333, 383, 391, 398, 402, 406, 413, 418, 424, 439, 463, 504, 518, 626
Берлин 433, 444, 451, 660
Берлин Западный 163, 463
Бессарабия 147, 411
Ближний Восток 237, 250, 463
Болгария 89, 90, 158, 164, 210, 326, 356, 371, 384, 391, 392, 403, 404, 416, 428, 449, 456, 551, 575, 640, 654
Бонн 615
Бразилия 551
Брянск 62, 377, 387
Брянская область 496
Буг Южный, река 107, 327
Бугульма 530, 540
Валки 608, 609
Валуйки 277
Варшава 389, 481
Вашингтон 209, 232, 491, 524, 669
Великобритания 180, 186, 229, 452, 551
Вена 214, 250, 595
Венгрия 116, 334, 388, 389, 452, 454, 469, 470, 477, 611, 620

- Винницкая область 136, 137, 342, 362
 Владивосток 105, 106, 109, 170, 171, 172, 173, 184, 187, 326, 329, 447
 Волга, река 107, 317, 327, 570
 Вологда 493
 Воробьевы горы 225
 Воронеж 158, 333, 356, 386, 502
 Вьетнам 180, 204, 250, 252, 253, 256, 449, 471, 475, 476, 486
- Гагры 505
 Гарвард 667
 ГДР 19, 89, 170, 213, 245, 399, 433, 445, 446, 452, 454, 470, 480, 497, 641, 657
 Германия 31, 117, 175, 176, 202, 243, 432, 433, 437, 438, 439, 442, 447, 451, 454, 463, 469, 470, 474, 477, 480, 497, 520, 549
 Германия Восточная (ГДР) 164, 433, 445, 446, 657
 Германия Западная (ФРГ) 109, 116, 117, 118, 164, 170, 213, 270, 329, 334, 335, 387, 401, 433, 446, 456, 457, 465, 470, 475, 477, 492
 Голландия 47, 109, 117, 131, 146, 303, 329, 334, 335, 348, 362, 365, 386, 387, 401, 418, 465
 Голодная степь 98, 99, 320, 321, 327, 365
- Гомельская область 129, 369, 496
 Горки 506
 Горки II, поселок, совхоз 140, 345, 422, 423, 500, 501, 518
 Греция 433, 442
 Григорьевка 55, 296
 Гринвич 180
 Грузия 158, 159, 160, 356, 357, 392, 438, 496, 499, 627
- Дальний Восток 142, 147, 164, 171, 173, 224, 345, 411, 435, 460, 496
 Дания 117, 146, 303, 334, 348, 401, 409, 465, 581, 610, 671
 Данциг 421
 Дарданеллы 178, 438
 Днепр, река 13, 14, 19, 107, 327
 Днепродзержинск 609
 Днепропетровск 115, 333, 385, 386, 608
 Днепропетровская область 496, 515, 612
 Днестр, река 107, 410
 Дон 373
 Дон, река 53, 54, 373, 503
 Донбасс 15, 17, 19, 20, 40, 53, 54, 55, 58, 60, 82, 152, 199, 296, 311, 352, 371, 372, 373, 376, 378, 379, 380, 391, 413, 431, 441
 Донецк 295

Дубовицы 72, 307
Дунай, река 107, 327, 410

Евразия 676
Европа 27, 112, 177, 182,
246, 325, 465, 470, 547, 602,
653, 659
Европа Восточная 513, 599
Европа Западная 108, 112,
328, 330, 599, 602
Европа Центральная 237
Европейская часть (СССР)
84, 404
Египет 117, 450, 452, 460,
461, 462
Егорьевский район 144, 346
Екатеринославская
губерния 55, 296
Енисей, река 107, 410
Ерментау, поселок
городского типа 488

Женева 253, 451, 452
Житомирская область 522

Заволжье 79, 360, 391
Закавказье 65, 165, 300
Замоскворечье 25
Запорожская область 595,
612
Земля, планета 187, 191,

192, 196, 197, 211, 217, 218,
219, 220, 236, 512, 589, 606,
663, 664, 682
Золотой Рог, бухта
(Владивосток) 172

Ивановская область 493
Израиль 180, 204, 242, 243,
250, 450, 460, 461, 462, 463,
475, 592
Ильинское 141, 345, 500
Индия 209, 210, 606, 659
Индонезия 186
Иордания 250
Иран 165, 210
Иркутск 317
Испания 164, 214, 465
Истринское
водохранилище 12
Италия 10, 433, 442, 464,
480, 551
Ичхон (Чемульпо) 435

Кабардино-Балкария 143,
343
Кавказ 210, 280, 438, 624
Кавказ Северный 82, 85,
107, 115, 311, 333, 404, 410,
413, 503, 525, 526
Казань 538
Казахстан 71, 73, 74, 75, 80,
81, 82, 84, 85, 87, 92, 94, 95,
96, 100, 101, 102, 305, 306,
307, 310, 311, 312, 313, 314,
317, 318, 319, 322, 323, 360,

- 387, 390, 391, 392, 393, 394,
395, 396, 399, 404, 405, 406,
407, 410, 496, 499, 511, 526
Казахстан Северный 488
Калининская область 72, 78,
359, 388
Калиновка 33, 39, 86, 117,
148, 315, 317, 335, 349, 386,
394, 395, 500, 519, 520, 521,
522, 524, 526, 530
Камбоджа 486
Канада 84, 91, 113, 317, 382,
403, 404, 551
Каракумский канал 365
Киев 13, 14, 15, 16, 17, 18,
19, 20, 24, 31, 44, 46, 57, 67,
102, 116, 265, 277, 296, 297,
323, 354, 373, 376, 384, 419,
490, 495, 502, 505, 506, 516,
520, 523, 539, 607, 608, 609,
610, 611, 617, 618, 619, 620,
621, 625, 626, 628, 647, 654
Киевская область 64, 119,
336, 373, 383, 541, 623
Киевская трасса 521
Кижи 33
Кипр 538
Киргизия 99, 321
Кировская область 513
Китай 170, 414, 435, 446, 447,
452, 460, 473, 475, 479, 481,
482, 483, 484, 485, 528, 615,
624, 653, 658
Клевень (с. Сучкино) 86,
394
Ковентри 661
Кагул, река 107, 410
Кокчетав 539
Кокчетавская область 86, 394
Колыма 440
Конго 188
Корея 164, 165, 250, 434,
435, 475, 479, 481
Корея Северная (КНДР) 164,
189, 434, 435, 436, 438
Корея Южная (Республика
Корея) 164, 434, 435, 442
Костромская область 504
Котельнический район 513
Красная Пресня 10, 26, 297
Краснодар 41, 113, 135, 341,
393, 399, 411, 538
Краснодарский край 114,
147, 349, 363, 369, 411, 505
Красноярск 201, 317
Красноярский край 71, 387
Кременная 55, 296
Кремль 14, 22, 79, 80, 199,
275, 309, 392, 541, 542, 554,
556, 557, 559, 561, 576, 577,
583, 595, 606, 607, 619, 627,
628, 656, 683, 684
Кронштадт 677
Крым 73, 116, 130, 179,
210, 232, 307, 390, 417, 418,
519, 612, 616, 617, 618, 623,
624, 685
Крымская область 612,
616
Куба, остров 284, 463, 464,
465, 466, 467, 468, 475
Кубань, река 53, 373, 509,
513
Кубинка (поселок
в Московской области) 207
Курильские острова 438
Курск 488, 530
Курская губерния 33, 54, 70,
87, 97, 142, 303, 315, 320, 345,
372, 374

- Курская область 78, 117, 137, 335, 342, 359, 505
 Кэмп-Дэвид 209, 248, 477
- Лаос 486
 Латвия 677
 Ленинград 13, 15, 16, 22, 44, 48, 58, 64, 85, 86, 137, 184, 189, 285, 314, 342, 380, 404, 440, 493, 604, 606, 627, 680
 Ленинградская область 72, 140, 388, 422, 424
 Ленинские горы 291, 609, 611, 628
 Ливадия 233
 Липецкая область 495
 Литва 518
 Лондон 492, 661
 Лос-Анджелес 551
 Лубянка 679
 Луна 191, 192, 214, 216, 217, 218, 219, 236, 455, 456, 537
 Львов 22, 24
 Люберцы, город в Московской области 26, 123, 367
- Мексика 190, 237, 551
 Мещерский край 499
 Минск 46, 611
 Молдавия 75, 100, 273, 307, 327, 541
 Москва 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 36, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 71, 81, 84, 100, 102, 104, 105, 106, 109, 116, 118, 123, 139, 142, 144, 153, 154, 157, 158, 161, 164, 168, 171, 177, 189, 223, 224, 225, 231, 232, 235, 280, 287, 292, 297, 298, 310, 313, 323, 326, 329, 334, 336, 346, 353, 354, 355, 367, 370, 373, 374, 376, 377, 379, 380, 384, 387, 389, 393, 411, 412, 413, 421, 424, 429, 440, 441, 454, 460, 468, 483, 487, 490, 491, 493, 497, 502, 503, 504, 516, 518, 527, 528, 530, 538, 539, 540, 542, 548, 560, 570, 576, 577, 580, 591, 592, 593, 595, 596, 598, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 614, 617, 618, 619, 621, 622, 623, 625, 626, 627, 628, 634, 636, 641, 654, 660, 669, 685
 Москва — Волга, канал 12, 52
 Московская область 61, 66, 70, 72, 78, 79, 118, 124, 133, 137, 139, 140, 141, 142, 148, 149, 232, 297, 303, 335, 336, 338, 342, 344, 345, 350, 354, 359, 360, 364, 368, 384,
- Максимильяновка 297, 374
 Маньчжурия 171
 Марьинка 55, 56, 296, 372
 Марьинский район 295

388, 412, 422, 423, 424,
448, 490, 501, 504, 531, 647
Мухолатка 612, 614
Мушкетово 199
Мюнхен 679

Нагасаки 483
Нальчик 527
Нежин 62, 354
Немчиновка 500
Нигерия 551
Нидерланды 117, 118
Николаевск 172, 173
Николаевская область
146, 361
Новороссийск 41
Новосибирск 223, 224, 347,
399
Новосибирская область 119,
336
Новочеркасск 554
Норвегия 442, 465, 599, 602,
606
Норильск 539
Нью-Йорк 45, 50, 491, 665,
666, 669

Одесса 114, 273, 385
Одесская область 64, 126,
383, 415, 540
Омск 496
Омская область 399
Орел 62, 377, 490
Оренбург 306, 399, 410

Оренбургская область 74
Оренбуржье 94
Орловская губерния 70, 303
Орловская область 62, 78,
137, 143, 342, 359, 369, 377,
490, 505
Осетия 143, 343
Охотское море 172

Пакистан 165
Палестина 242
Пекин 482, 484
Перл-Харбор 172, 210
Петербург (Ленинград),
совр. С.-Петербург 53, 373
Петрово-Дальнее 275
Петрово-Марьинский
район 295, 296, 297, 372, 374
Петрово-Марьинский
уезд 55
Петроград (совр. Санкт-
Петербург) 280
Пицунда 552, 609, 612, 624,
625, 626, 627
Поволжье 60, 94, 378, 426, 606
Полтава 62, 354, 442
Полтавская область 540
Польская Народная
Республика (ПНР) 89, 334, 399
Польша 18, 70, 133, 154, 353,
388, 389, 421, 422, 445, 452,
454, 469, 470, 477, 541, 551,
554, 555, 575
Порккала-Удд 246, 453
Порт-Артур 12, 170, 171,
438, 447
Потсдам 433, 659

- Прибалтика 560
 Придунайская
 низменность 107, 410
 Псковщина 273
 Пусан 434, 435
 Пхеньян 436
- Раменский район 118, 123,
 124, 336, 367, 368, 538
 Рим 618
 Рица, озеро 681
 Россия 7, 8, 34, 54, 63, 68,
 83, 138, 169, 237, 269, 286,
 298, 317, 344, 373, 375, 396,
 410, 491, 502, 616, 648, 649,
 661, 676, 677, 688
 Российская Федерация 16,
 65, 137, 297, 298, 300, 302,
 311, 319, 342, 360, 383, 392,
 397, 406, 626
 Ростов 90, 311, 400, 458, 490,
 496, 505, 528
 Ростовская область 82, 114,
 363, 496, 505
 Румыния 90, 381, 388, 401,
 452, 454, 475, 551, 575
 Русь 33
 Рязанская область 78, 359,
 495
 Рязань 62, 150, 351, 377
- Саратовская область 114,
 403
 Сахалин Южный 173, 438
- Свердловск (совр.
 Екатеринбург) 106, 326
 Светлица
 (месторождение) 201
 Севастополь 24, 178, 184
 Север 183, 187, 233, 434,
 435
 Северная Африка 442
 Северная Корея 435
 Северное море 186
 Северный Ледовитый
 океан 182, 186
 Северо-Кавказский край
 (регион) 300
 Северо-Крымский канал 107,
 410, 618, 625
 Сибирь 86, 87, 94, 95, 96,
 140, 142, 145, 201, 223, 224,
 300, 310, 315, 317, 318, 319,
 333, 345, 391, 394, 410, 422,
 440, 526
 Симферополь 618, 623
 Сирия 250, 456
 Скопле 51
 Смоленск 141
 Смоленская область 78,
 359
 Соединенные Штаты
 Америки 91, 103, 109, 115,
 116, 117, 129, 138, 166, 168,
 177, 181, 182, 184, 190, 195,
 202, 209, 214, 215, 216, 217,
 220, 222, 248, 249, 250, 251,
 252, 253, 254, 258, 259, 267,
 328, 329, 370, 404, 422, 428,
 431, 432, 434, 437, 438, 439,
 442, 443, 444, 445, 447, 449,
 450, 451, 456, 463, 464, 465,
 467, 468, 469, 470, 471, 475,
 476, 477, 478, 480, 482, 483,

- 484, 486, 502, 545, 604, 660
 София 158, 619
 Советский Союз 10, 15, 68, 91, 93, 96, 102, 110, 111, 115, 119, 120, 138, 143, 147, 154, 160, 164, 166, 168, 169, 173, 178, 206, 210, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 228, 230, 242, 243, 245, 246, 248, 251, 253, 258, 264, 268, 282, 294, 298, 300, 301, 302, 303, 315, 318, 319, 321, 323, 326, 331, 335, 337, 338, 344, 345, 348, 353, 354, 356, 358, 361, 386, 389, 402, 403, 406, 407, 411, 415, 417, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 438, 439, 442, 444, 445, 450, 451, 452, 454, 455, 456, 457, 459, 460, 461, 462, 464, 465, 468, 469, 470, 473, 474, 475, 476, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 492, 495, 496, 502, 512, 513, 524, 544, 545, 546, 547, 548, 551, 554, 556, 559, 569, 575, 587, 592, 593, 595, 596, 597, 598, 601, 604, 605, 607, 608, 670
 Средиземное море 178
 Средняя Азия 98, 366, 383
 Ставрополье 535
 Ставропольский край 505
 Сталинград (совр. Волгоград) 458, 483
 Старый Свет 663
 Сумгаит 690
 Сумская область 520
 Сумы 490
 Супой, озеро 116
 Сучкино (с. Клевень) 86, 394
 Суэцкий канал 461, 463
 Таджикистан 99, 158, 321, 356, 414
 Тамань 41
 Тбилиси 44, 45
 Тегеран 659
 Темза, река 180
 Терезино 506
 Тихий океан 165, 186, 666
 Токио 666
 Труханов остров (на Днестре) 14
 Тульская область 78, 359, 495, 505
 Туркмения 99, 101, 158, 321, 322, 356, 414
 Турция 164, 165, 437, 438, 442, 456, 464
 Удмуртия 493
 Узбекистан 98, 99, 100, 142, 158, 295, 320, 321, 343, 356, 366, 367, 414
 Украина 13, 15, 16, 17, 19, 22, 36, 53, 54, 57, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 80, 82, 85, 88, 96, 104, 112, 113, 115, 116, 118, 121, 122, 123, 137, 143, 147, 148, 173, 201, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 311, 319, 331, 332, 333, 336, 341, 342, 343, 354, 362, 364, 367, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 381, 382, 383, 384, 392, 399, 401, 403, 404, 406, 407, 410, 411, 413, 419, 424, 426, 429, 430, 432, 440, 448, 459, 489, 490, 497, 503, 507,

512, 526, 540, 541, 610, 615,
616, 617, 620, 621, 626, 627,
628, 653, 685

Украина Западная 22, 551

Украина Советская 22

Улан-Удэ 493

Умань 15

Уфа 539

Финляндия 40, 244, 246,
254, 453, 454, 455, 468, 469,
659

Франция 42, 45, 98,

131, 157, 164, 214, 237,

248, 355, 366, 401, 418,

433, 437, 442, 451, 452,

461, 462, 465, 475, 484,

551, 554, 649, 659

Фрунзе 539

Фултон 432, 444

Хабаровск 147, 411, 434,
447, 460

Харьков 57, 119, 148, 277,
296, 297, 337, 349, 373,
490, 505

Харьковская область 364,
496, 505

Хасан, озеро 277

Хельсинки 453, 454, 468,
599, 659

Херсонская область 64, 143,
343, 383, 612

Химки 15

Хиросима 483

Хомутовка 521

Хомутовский район 86,
395

Царицын 676

Целинный Край 71, 84, 86,
94, 106, 311, 315, 317, 326,
386, 387, 404

Целиноград (совр. Астана) 3,
93, 94, 97, 317, 322, 405, 511,
539

Чаир 612

Чеккерс 180, 284

Челябинская область 496

Чемульпо (Ичхон) 434

Черемушки 659

Черкасская область 623

Черкасы 623

Черниговская губерния 70,
303

Черниговская область 68,
302

Чернобыль 690

Черное море 130, 187, 198,
232, 418

Чехословакия 19, 21, 70,
164, 326, 334, 381, 389,
436, 444, 445, 452, 454,
551, 575

Чехословацкая Республика
(ЧССР) 89, 388, 399

Чикаго 669

Чита 493

Чувашия 140, 422

Чукотка 490, 512

Югославия 51, 270, 480, 580,
655

Южно-Сахалинск 173

Юзовка (совр. Донецк)
(бывш. Сталино) 53, 295, 441

Швеция 551, 606

Шортанды, райцентр 511

Яготин 116, 419

Якутия 490, 512

Ялта 24, 560, 618

Эстония (ЭССР) 140, 422

Эфиопия 551

Япония 47, 170, 176, 177,
438, 439, 442, 483, 666

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГИТПРОП — Отдел агитации и пропаганды
АНДР — Алжирская Народная Демократическая республика
АН СССР — Академия наук СССР
АЭС — атомная электростанция
ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВМФ — Военно-морской флот
ВСРП — Венгерская социалистическая рабочая партия
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧ — высокочастотная связь
ГДР — Германская Демократическая Республика
ГЕНШТАБ — Генеральный штаб
ГКО — Государственный комитет обороны
ГЛАВПУР РККА — Главное политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии
ГОРКОМ — городской комитет
ГОСБАНК — Государственный банк
ГОСКОНТРОЛЬ — Комитет Государственного Контроля
ГОСПЛАН — Комитет по государственному планированию
ГОССТРОЙ — Комитет по строительству и промышленности стройматериалов
ГЭС — гидроэлектростанция
ДТ-54, ДТ-75 — дизельный трактор мощностью 54 и 75 лошадиных сил.
ЗАВОРГОТДЕЛОМ — заведующий организационным отделом (КПСС, ВЛКСМ и др.)
КБ — конструкторское бюро
КГБ (КГБ СССР) — Комитет Государственной безопасности
КОЛХОЗ — коллективное хозяйство
КОМСОМОЛ — Коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ)
КПК — Коммунистическая партия Китая
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПУ(б) — Коммунистическая партия Украины (большевиков)
К-500, К-700 — тракторы марки «Кировец»
МГК КПСС — Московский городской комитет
МИД — Министерство иностранных дел
МК КПСС — Московский комитет
МОСГОРКОМ — Московский городской комитет
МОСОБЛИСПОЛКОМ — Московский областной исполнительный комитет (депутатов трудящихся)
МОССОВЕТ — Московский Совет (депутатов трудящихся)
МТС — машинно-тракторная станция
НАРКОМ — Народный комиссар
НАРКОМАТ — Народный комиссариат
НАТО — Организация Североатлантического договора
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НЭП — Новая экономическая политика
ОАР — Объединенная Арабская Республика
ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
ОБКОМ — Областной комитет (КПСС, ВЛКСМ и др.)
ОГПУ — Объединенное государ-

ственное политическое управление	(сельское)
ООН — Организация Объединенных Наций	«SOS» — «Спасите наши души!» (Save Our Spirits)
ОРГОТДЕЛ — Организационный отдел (КПСС, ВЛКСМ и др.)	ССП — Союз советских писателей
ОУН — Организация украинских националистов	СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ПВО — Войска противовоздушной обороны (СССР)	США — Соединенные Штаты Америки (Соединенные Штаты, Штаты)
ПОЛИТБЮРО — Политическое бюро (ЦК КПСС)	СЭВ — Совет Экономической Взаимопомощи
ПРОДНАЛОГ — продовольственный налог	ТАСС — Телеграфное Агентство Советского Союза
РАБФАК — рабочий факультет (вуза)	ТВ — телевидение
РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевики)	УКОМ — уездный комитет (ВКП(б), ВЛКСМ)
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия	УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика	ФРГ — Федеративная Республика Германии (Западная Германия)
РФ — Российская Федерация	ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт
СЕЛЬХОЗОТДЕЛ — Отдел ЦК КПСС по проблемам сельского хозяйства	ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет
СОВМИН — Совет Министров (СССР, РСФСР и др.)	ЦК — Центральный Комитет (ВКП(б), КПСС, ВЛКСМ и др.)
СОВНАРКОМ — Совет Народных Комиссаров (СНК)	ЦКД -
СОВХОЗ — советское хозяйство	ЦРУ — Центральное разведывательное управление (CIA)
	ЦСУ — Центральное статистическое управление
	ЦХСД — Центр хранения современной документации

О П Е Ч А Т К И

(Книги: первая — третья)

Издатели приносят извинения читателям за некоторые опечатки допущенные неточности в тексте, в основном в примечаниях. Ниже следует исправленный текст с указанием страниц и номеров примечаний.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Стр. 107. Примечание под №7 после слова «Мурманске» следует читать: «Репрессирован, осужден на 25 лет, отсидел 18 лет. В 1953 году выступал свидетелем на судебном процессе по делу Л.П.Берии. Затем провел еще какое-то время в тюрьме и по освобождении был направлен на работу в МВД СССР, где был «мотором» реабилитации. При первой возможности Снегова отправили на пенсию. Оставшиеся годы он посвятил разоблачению сталинизма, писал статьи (их не печатали), докладные в ЦК, встречался с А.И.Микояном и Н.С.Хрущевым. Умер в конце восьмидесятых».

2. Стр. 145. Примечание под №40 после фразы «в 1919 году» следует читать: «Ромбы — бронзовые, покрытые красной эмалью, знаки различия командного состава Красной Армии. Их крепили на петлицах. Знаки различия были трех градаций: кубики (бронзовые квадраты, покрытые красной эмалью) — лейтенанты; шпалы (бронзовые прямоугольники, покрытые красной эмалью) — от

капитана до полковника; ромбы — генералы. Звание определялось количеством знаков в петлицах: один, два, три, до четырех. Три или четыре ромба соответствовали званиям командира корпуса и командарма».

КНИГА ВТОРАЯ

1. Стр. 3. Девятую и десятую строки сверху следует читать в следующей редакции: «борясь за установление советского строя в Западной Украине, присоединенной в 1939 году к СССР».

2. Стр. 442. Примечание под №1 после фразы «9 апреля 1960 г...» следует читать: «разведывательный самолет США У-2, взлетев с аэродрома в Пакистане, пролетел по маршруту Байконур — Семипалатинский атомный полигон — озеро Балхаш (полигон ПВО в Сары-Шаган) и вернулся на свою базу через Мары в Туркмении».

3. Стр. 443. Продолжение примечания №2 после слова «Прибалтику» следует читать: «главной целью этих полетов были аэродромы стратегической авиации и стартовые площадки межконтинентальных баллистических ракет. (В 1958–60 годах Р-7, по классификации НАТО СС-6). Сбить самолеты на высоте свыше 20 км могли противосамолетные стационарные ракеты С-25 (классификация НАТО СА-1), располагавшиеся на Московском кольце ПВО. А с конца 1959 года поступавшие на вооружение ПВО истребители-перехватчики конструкции П.О. Т-3 (СУ-9) и противосамолетные ракеты С-75 (СА-2) П.Д.Грушина и А.А.Расплетина».

4. Стр. 443. Примечание под №12 считать ошибочным по ряду фактов и смыслу. Примечание под №12 перенесено на стр. 441 после слов «территориальных вод»¹², и его следует читать: «Самолеты радиоразведки РБ-47, регулярно летали вдоль советских границ, с целью записи радиочастот, на которых работали системы ПВО».

5. Стр. 443. Примечание под №7 соответствует следующему тексту: «В 1960 году в СССР имелось 6 боевых позиций межконтинентальных ракет Р-7 (SS-6) с дальностью поражения 8000 км и несколько десятков стартов ракет средней дальности Р-12 с дальностью поражения 2000–2500 км в зависимости от типа боевой части».

6. Стр. 443. Примечание под №11 соответствует следующему тексту: «С начала 1959 года в США начали запуск спутников фоторазведки по проекту «Корона». С целью дезинформации они были объявлены исследовательскими спутниками «Дискавери». После более чем 10 неудачных попыток в августе 1960 года первый спутник «Дискавери» вышел на орбиту. С небольшим сдвигом по срокам аналогичные запуски производились по програм-

ме «SAMOS». После уничтожения У-2 1 мая 1960 года разведывательные самолеты США для фоторазведки глубинных районов СССР не использовались».

7. На третьей от конца фотографии «Схема американской морской блокады Кубы в дни Карибского кризиса» на карте вверху, в тексте «Эсминец «д.п.Кеннеди», направленный к острову «Марукла» сообщаются неточные данные. «Марукла» — название судна, плававшего под панамским флагом.

Объявив о перехвате советских судов, Кеннеди долго выбирал, какое судно остановить, чтобы не усугубить обстановку, такое, чтобы на борту не было ничего подозрительного. Сначала хотели остановить советский танкер «Бухарест», но передумали, потом пассажирский лайнер под флагом ГДР и, наконец, выбор пал на судно под Панамским флагом «Марукла». Оно точно не могло везти военных грузов. Его и остановили.

Эсминец «Д.П.Кеннеди» назван в честь брата президента, погибшего на войне. Он был летчиком.

8. Стр. 538. В примечании под №26 опустить слово «оперативно», а слово «снаряд» заменить на слово «ракеты».

9. Стр. 538. В примечании под №27 вместо «ВВС США» читать «ЦРУ США».

10. Стр. 617. В именном указателе фамилия «Дубов» оказалась случайно.

11. Стр. 718. «Жокс — чиновник французского посольства». Точный послужной список Л.Жокса опубликован на стр.422 в примечании под №24.

12. Стр. 720. К опубликованному тексту добавить: «Челомей В.Н. — генеральный конструктор крылатых и межконтинентальных баллистических ракет».

13. Стр. 720. Четвертую строчку снизу следует читать: «Журавлев Е.Л. — заместитель генерального конструктора ОКБ-52 по кадрам и режиму, сотрудник КГБ».

14. Стр. 722. Двенадцатую строчку сверху следует читать: «Казинс Н. — политолог, издатель журнала».

15. Стр. 722. Шестнадцатую строчку снизу следует читать: «Темпест Р.Б. (род. 1935 г.) — английский поэт, был связан с Кимом Финби, советским разведчиком, и поэтому эмигрировал в СССР. Работал в одном из московских издательств».

16. Стр. 722. Восьмую строчку снизу следует читать: «Маллер — главный редактор журнала «Тайм»».

17. Стр. 722. В шестой строчке снизу допущена ошибка. Строуб Тэлботт не работал заведующим бюро журнала «Тайм» в Москве.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Стр. 81. В примечании под №8 следует читать: «...и дальностью полета 1,8 километра».

2. Стр. 112. В примечании под №13 перед словом «занимавший» следует читать: «министр среднего машиностроения».

3. Стр. 432. В примечании под №17 фамилия короля Йемена М.Эль-БАРД.

4. Стр. 632. В произнесенной речи Г.К.Жукова первую строчку после слова «Товарищи» следует читать: «В своем выступлении я хочу доложить пленуму о состоянии...» и далее по тексту.

5. Стр. 681. Третий абзац сверху. Первый индекс под №3 — случайный. Начало следующего за ним предложения следует читать: «После октябрьского пленума 1957 года широким фронтом началось охаивание моей военной...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
-----------------------	----------

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть VII

Как сделать жизнь лучше

Строить больше и качественно	7
Дела сельскохозяйственные	53
О целине	71
Желаемого изобилия мы не достигли... ..	101
Земля и наша наука	113
Несколько слов о травополюсной теории Вильямса	120
Поле — как шахматная доска	123
Немного об МТС и специализации	125
Мы страдаем из-за несовершенства организационной системы	129
Большое внимание я уделял кукурузе	138
Наши магазины пусты... ..	150

Часть VIII

Послевоенная оборона страны

Строительство армии	163
Сталинское наследие	163
Военно-Морские силы	170
Самолеты и ракеты	189
Противоракетная оборона	205
О банках и пушках	206
Проблемы транспорта: колеса или гусеницы	209
Ученые и оборонная техника	211
А. Сахаров и ядерное оружие	211
Сотрудничество в космосе	214
О Курчатове, Келдыше, Сахарове, Туполеве, Лаврентьеве, Капице и других	220
Несколько слов о власти, о Жукове, Малиновском и других	238
Об Израиле, Египте, шестидневной войне и наших военных	242
Сокращение армии	243
О мире и войне	246
Ядерные и неядерные войны	250
Гонка вооружений или мирное сосуществование	251
Государственные расходы	263
Я не судья... ..	271

ПРИЛОЖЕНИЯ

Варианты магнитофонных записей

(часть VII. Как сделать жизнь лучше)

(часть VIII. Послевоенная оборона страны) 291

Последний романтик 487

Документы 543

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Перечень публикуемых документов

(Книги: первая — четвертая) 693

Именной указатель 701

Географический указатель 710

Список сокращений 720

Опечатки (книги: первая — третья) 722

Хрущев Никита Сергеевич

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ

(Воспоминания)

ИЗДАТЕЛЬ

**Информационно-издательская компания
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»**

**Председатель издательского совета
А.Л.ВАЙНШТЕЙН**

**Главный редактор издания
Г.И.РЕЗНИЧЕНКО**

**Координатор издания
Г.Ф. РАБИН**

**Составление, выявление и обработка документов,
примечания, комментариев, именной и географический указатели
Ю.А. Абрамова, А.В.Новиков, Г.И.Резниченко,
Н.С.Хрущев-младший.**

Редакторы В.С. Воробьева, Е.В. Кузина

Художник Г.И. Максименков

Фоторедактор П.М. Кримерман

Технический редактор А.Г. Бухаров

Корректоры: Л.В. Прудникова, Н.Ю. Железкова, М.В. Поляева, В.И. Машнова, В.И. Ужегова

Компьютерный набор: Е.В. Кирова, О.Н. Бессонова, Е.В. Савкина,

Е.Е. Орехова, Е.Ю. Мышонкова, Т.В. Серегина

Макет: Е.Н. Киселева, М.Л. Аринушкин

ИИК «Московские новости», Москва

ЛР 100032 от 03.06.97 г.

Сдано в печать 10.05.1999 г. Формат 60 x 90^{1/16}. Объем 46,5 п.л. Гарнитура Юниверс.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 3000. Зак № 498

Типография №2 РАН

Москва, Шубинский пер., 6